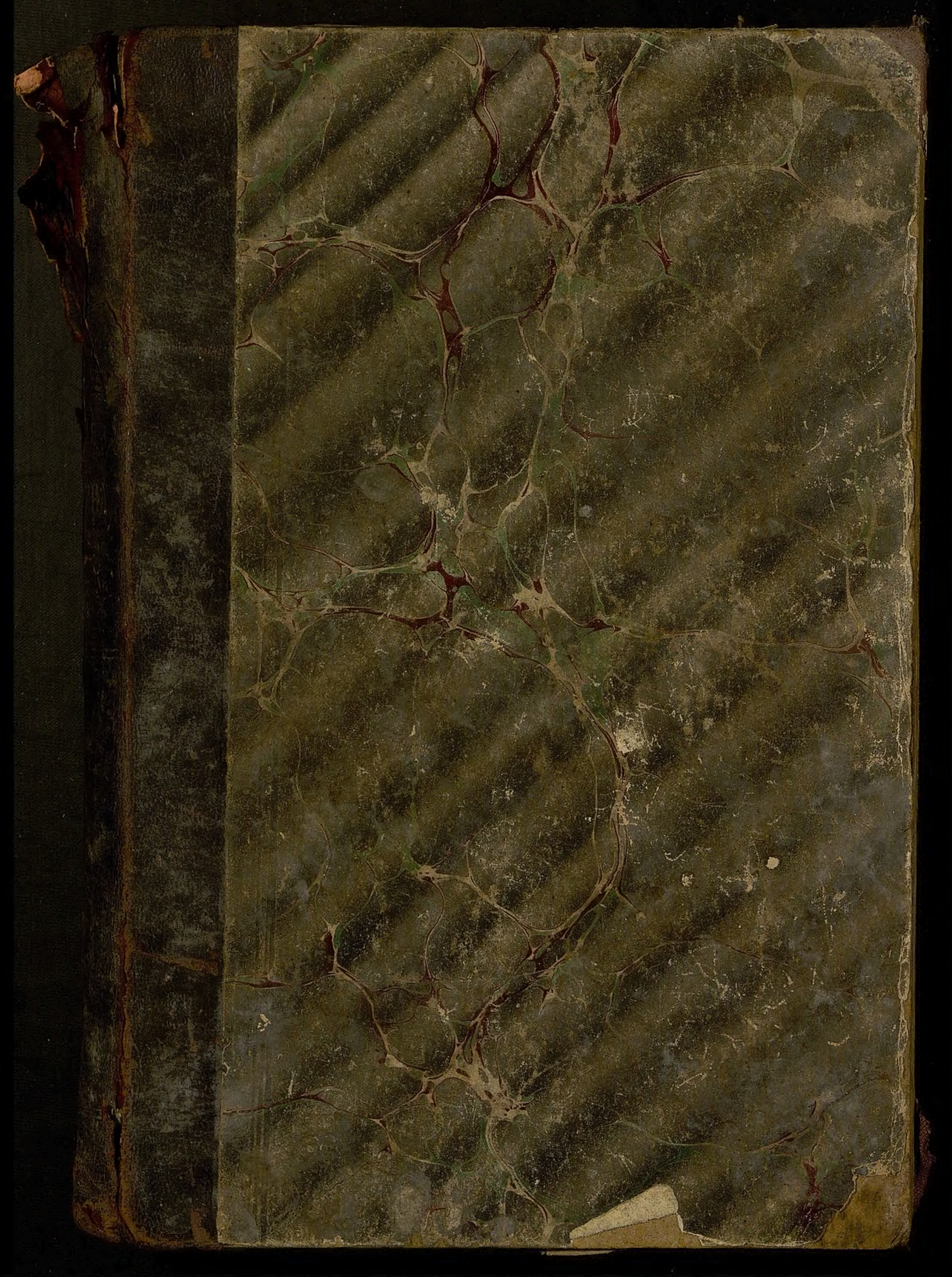
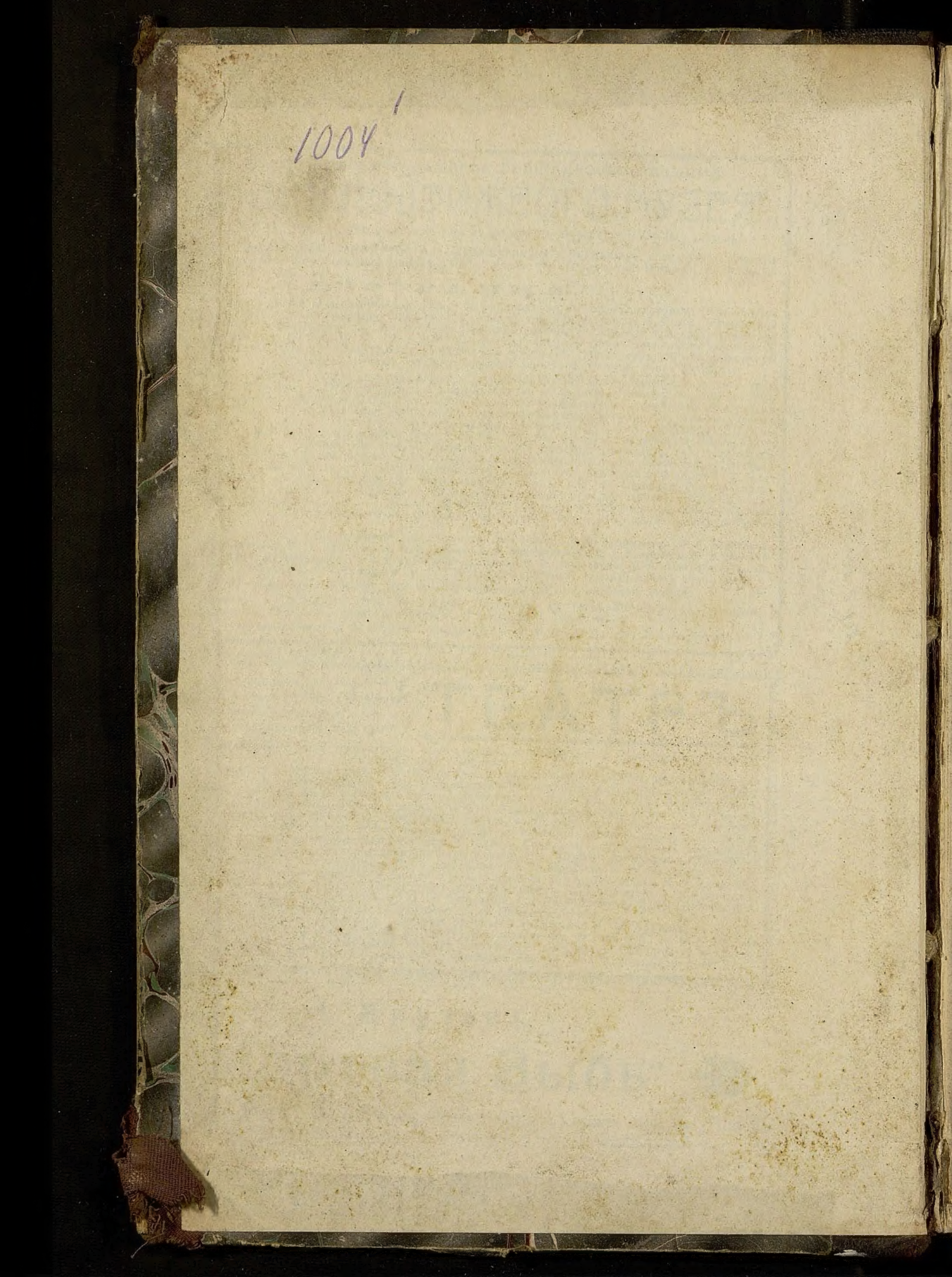

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

1913.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЪ.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

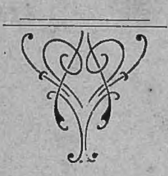
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1913.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

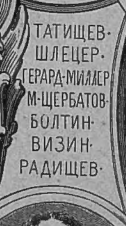
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1913.

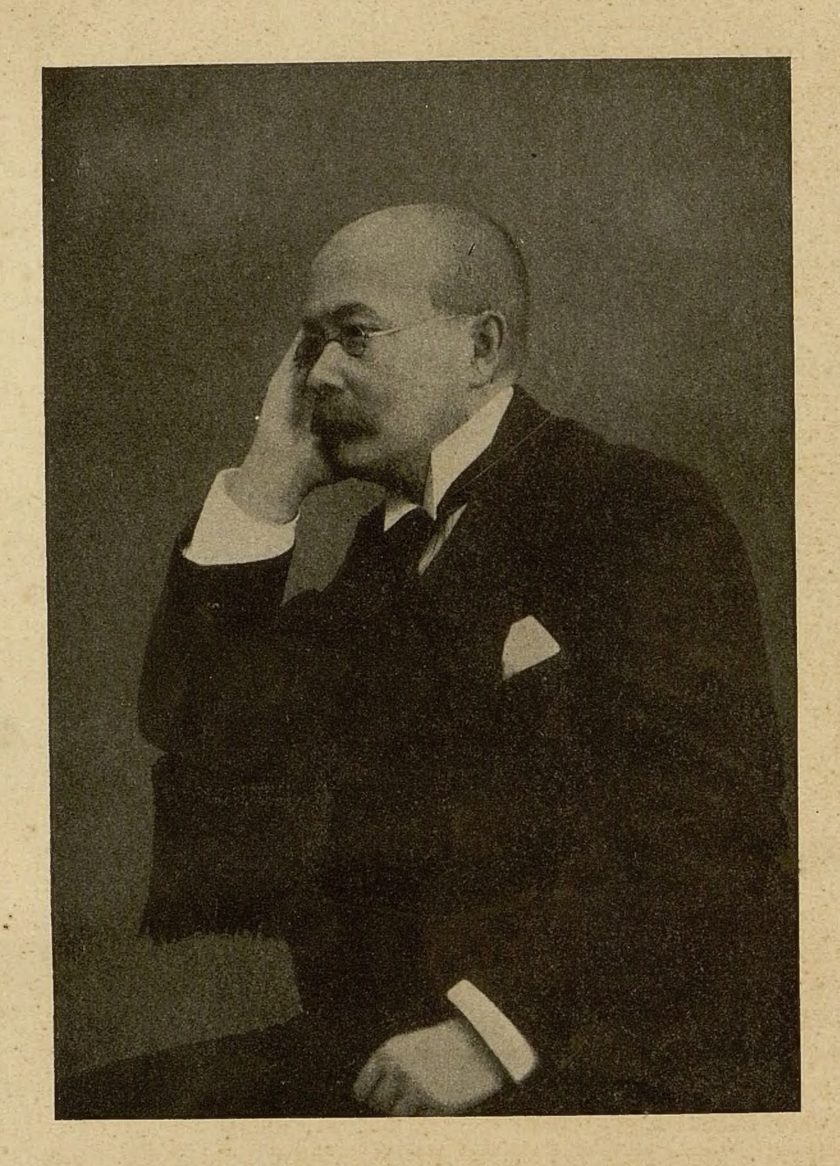

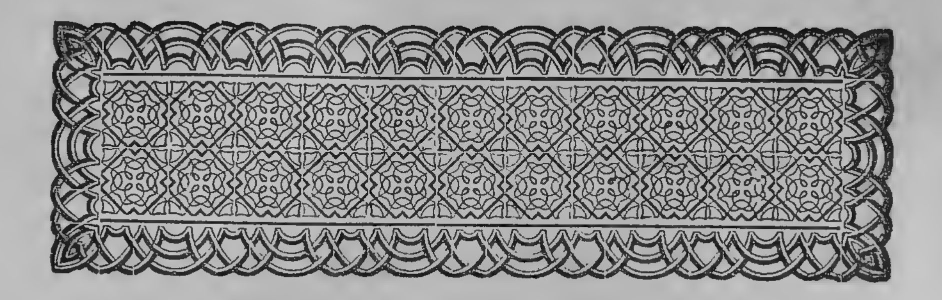

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Рис. А. Брожъ.

Петръ Дмитріевичъ
Боборыкинъ.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.

XIX.

Гражданскія дѣла.—Ревизіи.

Въ теченіе моего пребыванія въ судебной палатѣ мнѣ дважды пришлось быть, въ качествѣ предсѣдателя гражданскаго департамента, отвлеченнымъ отъ заурядной работы особыми порученіями, очень интересными по задачамъ и оставившими во мнѣ много оригинальныхъ воспоминаній. Это были ревизіи дѣлопроизводства провинціальныхъ судовъ.

26 октября 1882 года меня пригласилъ къ себѣ министръ юстиціи Набоковъ и предложилъ отправиться въ одинъ изъ губернскихъ городовъ петербургскаго судебнаго округа для немедленнаго производства ревизіи окружнаго суда. Главная цѣль ревизіи состояла въ открытіи растраты предсѣдателемъ окружнаго суда нѣкотораго числа партикулярныхъ суммъ, поступившихъ въ судъ. О существованіи этой растраты, которая для большинства должностныхъ лицъ губерніи была, ввиду замашекъ и образа жизни предсѣдателя, несомнѣнна, сообщилъ исправляющій должность прокурора окружнаго суда. Каждый день растрата могла быть обнаружена Контролемъ или раскрыться вслѣдствіе какихъ-либо внезапно случившихся обстоятельствъ. Надо было пойти навстрѣчу этой опасности и предупредить злорѣчивые толки о томъ, что судебное вѣдомство, призванное карать преступленія, смотритъ сквозь пальцы на то, что совершается въ его собственной средѣ. Однимъ словомъ предстояло самимъ—торжественно и, такъ сказать, всенародно—раскрыть рас-

трату, какъ бы это ни было тяжело для достоинства судебнаго вѣдомства. Министръ настаивалъ, чтобы я выѣхалъ въ тотъ же день, но это оказалось совершенно невозможнымъ: на другой день въ гражданскомъ департаментѣ судебной палаты, гдѣ я предсѣдательствовалъ, было назначено засѣданіе съ моими докладами. Отложить засѣданіе безъ требованія сторонъ я не имѣлъ права. Кромѣ того, такъ какъ нельзя было производить одной ревизіи кассы Суда, а слѣдовало обревизовать всю его дѣятельность, мнѣ необходимо было пригласить опытныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ. Поэтому я выѣхалъ лишь черезъ день въ сопровожденіи секретаря петербургскаго окружнаго суда А. А. Макарова (нынѣ министра внутреннихъ дѣлъ) и помощника секретаря судебной палаты Н. А. Лебедева (нынѣ члена консультаціи Министерства Юстиціи и юрисконсульта Кабинета Его Величества). Къ вечеру мы были на мѣстѣ, и я немедленно отправился къ предсѣдателю и прокурору, но засталъ лишь второго, котораго нашелъ въ сильномъ огорченіи. „Все пропало!“ воскликнулъ представитель обвинительной власти, которому затѣмъ предстояла блестящая служебная карьера и дѣятельная роль въ нѣкоторыхъ законодательныхъ работахъ. „*Ему* еще вчера дали знать изъ Петербурга, что вы ѣдете для ревизіи, и онъ въ эти два дня успѣлъ нахватать займовъ и все пополнить. Вы ничего не откроете! —Ну, что же, отвѣчалъ я—и прекрасно: я не найду растратъ.—Но вы будете лишены возможности наступить ему на хвостъ! волновался мой собесѣдникъ: а когда уѣдете, онъ возвратитъ занятыя деньги, и будетъ, какъ ни въ чемъ не бывало! — „Противъ этого я приму свои мѣры,—сказалъ я—но если можно избѣжать скандала на все вѣдомство, которому порадуются всѣ враги послѣдняго, и не подводить несчастнаго запутавшагося старика подъ уголовный судъ, то я лично буду очень радъ“.—На этомъ мы разстались, а на другой день я и мои спутники, по заранѣе составленному плану и распредѣленію работъ, энергически принялись за ревизію, начавши съ уголовнаго и гражданскаго отдѣленій Суда. Предсѣдатель—типическій провинціальный bon-vivant—человѣкъ уже старый и нравственно, въ денежномъ отношеніи, опустившійся, встрѣтилъ меня со спокойствіемъ человѣка, увѣреннаго въ своей неуязвимости, а когда увидѣлъ, что ревизія спачала направилась на производства, а не на счетоводство, сталъ ходить гоголемъ и относиться ко всему, что происходило въ судѣ, съ точки зрѣнія безпечальнаго наблюдателя. Но на третій или на четвертый день ревизіи картина измѣнилась. Провѣрка состоянія кассы суда показала, что партикулярныя, т. е. относящіяся къ частнымъ дѣламъ, суммы находятся на лицо, при чемъ эта наличность даже превышаетъ на сто съ чѣмъ-то

рублей ту, которая въ дѣйствительности должна была находиться. Когда на это обстоятельство было указано предсѣдателю, онъ снисходительно улыбнулся и, обращаясь къ казначею, скромному чиновнику робкаго и запуганнаго вида, сказалъ, строго нахмуривъ брови: „обсчитали кого-нибудь!“ О найденныхъ въ порядкѣ суммахъ былъ составленъ протоколъ, и предсѣдатель окончательно просіялъ. Но его ждалъ, очевидно неожиданный имъ, ударъ. Напомнивъ ему кассовыя правила, въ силу которыхъ спеціальные сборщики не имѣютъ права держать въ кассѣ болѣе весьма ограниченныхъ въ размѣрѣ суммъ и обязаны весь излишекъ противъ нихъ вносить въ казначейство, я обратилъ его вниманіе на неправильность храненія въ кассѣ суда большой суммы, превышающей двадцать тысячъ съ лишкомъ и пригласилъ его передать эти деньги въ казначейство. Онъ любезно согласился сдѣлать это „на дняхъ“.—Отчего не немедленно? спросилъ я.—Надо будетъ составить подробную опись съ отмѣткой дѣлъ—сказалъ онъ. Это потребуетъ нѣсколькихъ дней.—„Опись и всѣ отмѣтки нами уже сдѣланы—сказалъ я, показывая эти бумаги, уже составленныя моими сотрудниками,—и потому я просилъ бы васъ немедленно командировать вашего казначея въ губернское казначейство для сдачи по этимъ описямъ въ присутствіи г. Лебедева всѣхъ денегъ, оставивъ лишь небольшую сумму, могущую быть хранимою въ кассѣ и деньги, подлежащія возвращенію тому, отъ кого они излишне получены. Лишь послѣ этого я могу считать законченной ревизію кассы и сообщить о благопріятномъ результатѣ этой части ревизіи министру юстиціи“. Предсѣдатель смутился, а я тутъ же поручилъ Н. А. Лебедеву присутствовать при сдачѣ денегъ и доставить мнѣ росписку казначейства въ ихъ пріемѣ, что и было исполнено.

Въ послѣдовавшей затѣмъ бесѣдѣ, я обратилъ вниманіе предсѣдателя на то, что вообще ревизія казначейской части суда обнаружила цѣлый рядъ безпорядковъ, упущеній и нарушеній Наказа, частые случаи его личнаго вмѣшательства въ такія распоряженія относительно денежныхъ суммъ, которыя могли бы дѣлаться лишь по постановленіямъ суда и, наконецъ, хаотическое состояніе депозитовъ, переданныхъ въ судъ еще семнадцать лѣтъ назадъ изъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ стараго устройства. На другой день послѣ этого разговора онъ принесъ мнѣ письмо на имя Д. Н. Набокова, въ которомъ просилъ министра юстиціи исходатайствовать ему увольненіе отъ должности предсѣдателя и назначеніе на другую должность по судебному вѣдомству для предоставленія ему возможности выслужить пенсію. Желаніе его было исполнено и, имѣя по мѣсту своего воспитанія усердныхъ покровителей, онъ былъ назначенъ

членомъ одной изъ судебныхъ палатъ даже съ сохраненіемъ предсѣдательскаго содержанія. Освобожденные отъ его присутствія, порождавшаго слухи, вызвавшіе ревизію, члены суда—люди трудолюбивые и знающіе и превосходный товарищъ предсѣдателя по уголовному отдѣленію—воспрянули духомъ, и спокойная жизнь суда вошла въ свою нормальную колею.

Я и мои спутники жили тѣсной, дружной семьей въ единственной старомодной, но чистенькой гостиницѣ и работали усиленно, нигдѣ не бывая, и разрѣшая себѣ лишь передъ сномъ пройтись по заснувшимъ улицамъ стараго, полнаго воспоминаній о прошломъ города, озареннымъ луною, и полюбоваться снаружи какою-либо старинной церковью въ таинственномъ ночномъ освѣщеніи.

Въ одинъ изъ такихъ рабочихъ вечеровъ ко мнѣ зашелъ губернаторъ, маленькій добродушный старичекъ, и пригласилъ меня и моихъ спутниковъ къ себѣ на обѣдъ на другой день въ обществѣ мѣстныхъ „командующихъ на заставахъ". На обѣдѣ присутствовали между прочимъ предсѣдатель и прокуроръ. Губернаторъ спросилъ меня полушопотомъ: „Я слышалъ, что въ судѣ растрата, и что нашъ почтенный NN n'y est pas pour rien?"—Я нашелъ всѣ подлежавшія моей ревизіи суммы въ цѣлости,—отвѣтилъ я.—„Тс!—сказалъ губернаторъ, высоко поднявъ брови—скажите! а вѣдь какъ болтаютъ люди! Очень радъ за почтеннаго старика!" Вслѣдъ за симъ онъ провозгласилъ тостъ за мое здоровье, а прокуроръ поднялъ бокалъ за здоровье „нашего уважаемаго предсѣдателя". Послѣ обѣда мы перешли въ кабинетъ, закурили, и за кофе и ликеромъ нашъ милый хозяинъ отдался воспоминаніямъ о трудностяхъ административной службы и о тѣхъ сложныхъ задачахъ, которыя она представляетъ. Надо сказать, что оба мои молодые спутника, уроженцы столицы и люди университетскаго образованія, въ первый разъ встрѣтились лицомъ къ лицу съ представителями оффиціальнаго міра въ провинціи. При этомъ одинъ изъ нихъ—Н. А. Лебедевъ, состоявшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ, преподавателемъ въ Парижѣ у дѣтей въ семьяхъ Бибиковыхъ и русскаго посла во Франціи князя Орлова — инціатора вопроса объ упраздненіи тѣлесныхъ наказаній—привыкъ видѣть за обѣдами у князя избранный кругъ представителей искусства, науки и политики современной ему Франціи. Онъ слышалъ Гюго, Гамбетту и Ренана, Греви и Тэна и могъ имѣть случай видѣть Тьера.—„Да-съ,—говорилъ намъ губернаторъ—я здѣсь же былъ вице-губернаторомъ, и вдругъ въ 1863 году меня назначаютъ губернаторомъ въ одну изъ близкихъ къ Москвѣ губерній. Я ѣду, представляюсь министру Валуеву, а онъ меня спрашиваетъ:

„когда вы выѣзжаете къ мѣсту вашего служенія?—Думаю чрезъ мѣсяцъ, устроивъ свои домашнія дѣла.—Какъ черезъ мѣсяцъ? воскликнулъ Валуевъ—вы должны ѣхать немедленно! какъ можно скорѣе!—Но, позвольте, говорю я: у меня даже мундиръ не заказанъ.—Вы можете заказать проѣздомъ въ Москвѣ—вамъ вышлютъ. Но я настойчиво желаю, чтобы вы выѣзжали немедленно. Enfin je vous somme de partir!—„Ну, тогда я поклонился,—продолжалъ губернаторъ, дѣлая поклонъ въ пространство и почтительно разводя руками,—и пошелъ къ директору департамента общихъ дѣлъ спросить, что все это значитъ".—Да развѣ вы не знаете, сказалъ мнѣ тотъ,—что тамъ предстоитъ на-дняхъ дворянское собраніе, а дворянство въ губерніи крайне возбуждено и раздражено дѣйствіями губернатора А...? — Вы знаете, — прервалъ свою рѣчь губернаторъ, обращаясь ко мнѣ, другу и почитателю благороднаго старца А...—этого извѣстнаго *краснаго*. „Тамъ—продолжалъ онъ передачу словъ директора,—и вице-губернаторъ въ такомъ же родѣ, почему и необходимо во избѣжаніе разныхъ осложненій, чтобы дворянское собраніе открылъ новый губернаторъ. Вамъ надо торопиться!"—„Ну и дѣйствительно, пріѣхавъ на мѣсто моего новаго назначенія, нашелъ я положеніе! Дворяне фрондируютъ, мировые посредники, которыхъ насажалъ А..., сплошные радикалы, а въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи—хоть святыхъ вонъ выноси! Столъ былъ такой длинный, четырехугольный, такъ по партіямъ, бывало, и садятся: одни направо отъ меня, другіе—налѣво. И если правые говорятъ „да", лѣвые непремѣнно „нѣтъ", правые скажутъ—бѣлое, лѣвые—черное, и все это съ азартомъ и злостью, такъ что засѣданіе бывало вести очень трудно: такъ другъ на друга и наскакиваютъ, этакъ, знаете, дзыгъ, дзыгъ, дзыгъ!..—и онъ быстрыми движеніями рукъ сталъ скрещивать и разнимать пальцы, изображая, какъ происходило это дзыгъ-дзыгъ.—Просто не зналъ, что дѣлать! Но потомъ нашелся и принялъ самую обыкновенную мѣру. Какъ вы думаете, что я сдѣлалъ? Догадайтесь!—Я неопытенъ по части административныхъ мѣръ и затрудняюсь отвѣтить на вашъ вопросъ.—Ну, такъ я вамъ скажу-съ. Я уже вамъ докладывалъ, что они какъ по заведенному порядку садятся—одни направо, другіе налѣво и сейчасъ видно, кто съ какой стороны сидитъ, а середина противъ меня свободна, такъ что крайніе между собою не сливаются. Я позвалъ столяра и велѣлъ ему сдѣлать... *круглый* столъ, такъ что ни правой, ни лѣвой стороны нѣтъ!—торжествующе глядя, закончилъ губернаторъ и съ удовольствіемъ допилъ свой кофе. Наступило молчаніе... „Что же—помогло?"—спросилъ я.—Помогло!—спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ онъ и,

помолчавъ немного, задумчиво прибавилъ: „слились!“—„Что онъ смѣялся надъ нами?—спросилъ меня по выходѣ на улицу Лебедевъ.—Нѣтъ, отвѣчалъ я: онъ говорилъ серьезно.—„Это точно изъ Щедрина“,—замѣтилъ Лебедевъ, быть можетъ припомнивъ въ это время тѣ бесѣды, которыя онъ слыхивалъ въ домѣ русскаго посла въ Парижѣ...

Впрочемъ, не только послѣ губернаторскаго обѣда ждало удивленіе моего молодого спутника, еще смотрѣвшаго на многое сквозь очки французской культуры и кое-что позабывшаго изъ русской дѣйствительности. Ревизуя гражданское отдѣленіе окружнаго суда, я убѣдился въ необходимости обревизовать и нѣкоторыхъ нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ и для этого выѣзжалъ, между прочимъ, и въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ. Воды только-что стали, и отъ бѣлаго пушистаго покрова, легшаго густымъ слоемъ на землю, еще вѣяло бодрящей свѣжестью перваго снѣга. Мы полулежали съ Н. А. Лебедевымъ въ кибиткѣ и наслаждались ѣздой по первопутку. На каждой изъ почтовыхъ станцій мой спутникъ на-скоро писалъ письма своей юной женѣ, съ которой не такъ давно былъ обвѣнчанъ. Уже подъ вечеръ мы проѣхали мимо большого монастыря, названіе котораго возничій намъ сказать не могъ, утверждая, что это „намастырь (мѣстное произношеніе), намастырь, какъ есть“, и вскорѣ вокругъ насъ разостлалась на огромное пространство ровная снѣжная пелена безъ всякихъ признаковъ жилья, съ едва замѣтными слѣдами полозьевъ въ одномъ направленіи.—„Гдѣ это мы ѣдемъ?—спросилъ одинъ изъ насъ.—А по озеру,—отвѣчалъ ямщикъ:—тутъ цѣликомъ дюже ближе. Но вотъ подъ санями что-то стало мягко потрескивать и хрустѣть.—„Что это трещитъ и хруститъ?“ спросилъ тревожно мой спутникъ Лебедевъ. Ямщикъ повернулъ къ намъ круглое молодое лицо и сказалъ, улыбаясь:—А ледъ трещитъ.—Какъ ледъ? почему ледъ?—Да тонокъ,—продолжалъ совершенно спокойно ямщикъ—вотъ и трещитъ. Онамнясь и такъ становой наказывалъ, чтобы озеромъ подождать ѣздить, потому какъ землемѣръ провалился и съ лошадьми, чуть не утопъ.—Такъ зачѣмъ же ты тутъ ѣдешь?—Да какъ же, помилуйте,—оживленно заговорилъ ямщикъ—дорога-то вонъ гдѣ, надо въ объѣздъ ѣхать, а тутъ не въ примѣръ ближе, прямикомъ.—Мой молодоженъ, мечтавшій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стать отцомъ, заволновался чрезвычайно и сталъ меня настойчиво убѣждать приказать ямщику вернуться назадъ и ѣхать по сухому пути. А сколько озеромъ надо всего ѣхать?—спросилъ я послѣдняго.—Да верстъ шесть.—А много ли мы отъѣхали отъ берега?—Да версты три будетъ.—Вы видите,—сказалъ я тогда Лебедеву,—что если

намъ суждено провалиться и окончить наши дни на днѣ этого озера, то этого никакъ не удастся избѣжать. Да, другъ мой, это вамъ не Парижъ!—Ужъ дѣйствительно не Парижъ,—безнадежно махнулъ рукой Лебедевъ и погрузился въ мрачное молчаніе...

Въ февралѣ 1883 года въ „Отечественныхъ Запискахъ" появилась статья В. Кроткова „Частный повѣренный (эпизодъ изъ моей практики)". Въ ней съ живостью и въ талантливой беллетристической формѣ описывались внутренніе порядки одного изъ большихъ окружныхъ судовъ въ старомъ, богатомъ историческими воспоминаніями губернскомъ городѣ Московскаго судебнаго округа. Эти порядки, по описанію автора, шли не только въ разрѣзъ съ элементарными требованіями правильной внутренней организаціи судебнаго учрежденія, но на-ряду съ ними укоренились преступныя сдѣлки между тяжущимися и членами-докладчиками въ гражданскомъ отдѣленіи. Прозрачность псевдонимовъ, употребленныхъ авторомъ, описаніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей и указаніе на перемѣны въ личномъ составѣ административнаго и судебнаго персонала въ описываемомъ городѣ не оставляли сомнѣнія, о какомъ именно судѣ идетъ у автора рѣчь, и за какое именно время онъ рисуетъ дѣятельность послѣдняго. Простота и безискусственность разсказа, въ связи съ обнаруженнымъ авторомъ основательнымъ знаніемъ техники веденія гражданскихъ дѣлъ, придавала даннымъ, приведеннымъ въ этомъ разсказѣ, значительную степень вѣроятія. Общій выводъ изъ этихъ данныхъ былъ тотъ, что, со времени учрежденія, въ 1874 г., частныхъ повѣренныхъ, трое изъ нихъ, наиболѣе выдающіеся, образовали при описываемомъ окружномъ судѣ тѣсно сплоченный кружокъ, при чемъ черезъ посредство регистратора суда установили особый порядокъ поступленія дѣлъ, поручаемыхъ каждому изъ нихъ, въ опредѣленный столъ гражданскаго отдѣленія. Завѣдующіе столомъ состояли у „приписаннаго" къ нему повѣреннаго на откупу, начиная съ писцовъ и кончая членомъ суда, съ которымъ заключалась „аренда—пожизненная, *несмѣняемая*, прекращаемая лишь по обоюдному согласію или за *перемѣщеніемъ* одной изъ сторонъ". Во главѣ этихъ повѣренныхъ стоялъ, до послѣдняго времени, уволенный отъ службы за лихоимство бывшій секретарь суда „Жыпинъ", который, пользуясь старыми связями въ канцеляріи суда и имѣя въ своемъ „распоряженіи" члена суда „де-Пижона", состоящаго ему должнымъ по векселямъ на сумму болѣе десяти тысячъ рублей, „хозяйничалъ" въ столѣ, порученномъ этому члену суда, откуда для него выходили лишь „выигрышныя рѣшенія". Вполнѣ увѣренный въ покровительствѣ суда, противъ членовъ котораго онъ имѣлъ въ рукахъ такіе факты, что если его „тронутъ",

то у него затанцуютъ „лѣсъ и горы“, Жыпинъ велъ себя съ крайнимъ нахальствомъ въ канцеляріи и позволялъ себѣ даже въ присутствіи суда, поощряемый одобрительными улыбками судей, недостойныя и шутовскія выходки. Не ограничиваясь веденіемъ „выигрышныхъ дѣлъ“, онъ предъявлялъ иски, совершенно невозможные по своимъ основаніямъ, запугавъ предварительно неразвитыхъ или несвѣдущихъ въ законахъ отвѣтчиковъ письменными извѣщеніями съ угрозами уголовною отвѣтственностью и требовалъ при предъявленіи такихъ исковъ немедленнаго обезпеченія, которое ему всегда и давалось судомъ, при чемъ приказъ объ арестѣ имущества, осуществляемый имъ съ особымъ шумомъ и оглаской, такъ пугалъ отвѣтчиковъ-торговцевъ, что для спасенія своей коммерческой репутаціи они немедленно уплачивали ему требуемыя, безъ всякаго основанія, деньги. Увѣренность Жыпина въ томъ, что состоящій у него на откупу членъ суда обязанъ рѣшить дѣло въ его пользу, дала ему даже смѣлость однажды публично оскорбить послѣдняго дерзкими громогласными упреками въ томъ, что ему не *устроено* обезпеченіе *по дутому иску*. Огласка этого оскорбленія побудила привлечь Жыпина къ обвиненію, но дѣло окончилось слабымъ штрафомъ, при чемъ снисходительность суда была вынуждена угрозою подсудимаго протестовать векселя оскорбленнаго.

Статья Кроткова встрѣчена была съ ликованіемъ во вліятельной въ то время части прессы, которая поспѣшила воспользоваться указаніями автора для того, чтобы съ торжествомъ и „покиваніемъ главъ“ заявить, что вотъ какимъ является „нашъ дорогой новый судъ“, и „одно изъ лучшихъ наслѣдій періода реформъ“ по свидѣтельству журнала, редактируемаго такимъ „столпомъ протеста“, какъ Салтыковъ.

Судебное вѣдомство въ это время подвергалось усиленнымъ нападкамъ, отъ рѣзкости и клеветническихъ пріемовъ авторовъ которыхъ оно *одно* не было ограждаемо. „Судебная республика“ въ лицѣ судебныхъ учрежденій и „судъ улицы“ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей были постоянною мишенью, въ которую швыряли грязью своеобразные и многочисленные добровольцы правосудія. Вокругъ новаго суда все болѣе и болѣе сгущался мракъ отчужденія и недовѣрія. Можно было себѣ ясно представить, какъ могла еще болѣе сгустить этотъ мракъ подобная статья! Нужно было выяснить какъ можно скорѣй, на сколько то злорадство, которое она вызываетъ въ услужливыхъ и поддакивающихъ сердцахъ, покоится на фактическихъ основаніяхъ. Поэтому министръ юстиціи Набоковъ предложилъ мнѣ отправиться въ Московскій округъ и произвести подробную ревизію дѣлопроизводства „взятаго подъ

сомнѣніе“ окружнаго суда. Онъ объяснилъ мнѣ, что не можетъ возложить этой ревизіи на старшаго предсѣдателя Московской судебной палаты, такъ какъ послѣдній—человѣкъ чрезвычайно мягкій и снисходительный—всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ произвелъ тамъ же свою обычную періодическую ревизію и ни на какія изъ вопіющихъ злоупотребленій въ отчетѣ о ней не указалъ. Порученіе ему новой ревизіи по поводу разоблаченій „Отечественныхъ Записокъ“ ставило бы его, стараго и заслуженнаго судебнаго дѣятеля, въ крайне неловкое положеніе на мѣстѣ; неудобно было поручить провѣрять отзывы старшаго предсѣдателя и кому-либо изъ предсѣдателей гражданскихъ департаментовъ той же палаты, тѣмъ болѣе, что дѣла суда восходили по апелляціи въ эти самые департаменты. Нуженъ былъ свѣжій человѣкъ изъ другого округа, способный по своему положенію совершенно объективно отнестись къ предстоящему изслѣдованію. Задача, предстоявшая мнѣ, была очень трудна и сложна. Было очевидно, что для правильнаго заключенія о нравственномъ уровнѣ значительной части личнаго состава судебнаго учрежденія необходимо пересмотрѣть всѣ дѣла, бывшія въ производствѣ гражданскаго отдѣленія суда въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ (а такихъ оказалось свыше 8500 и въ томъ числѣ исковыхъ 2600), затѣмъ ознакомиться съ дѣлами общаго собранія суда и канцеляріи предсѣдателя и изъ существа всѣхъ этихъ дѣлъ вывести характеръ отношеній членовъ суда къ частнымъ ходатаямъ. Выводъ этотъ, однако, явился бы не полнымъ безъ выясненія нравственнаго облика тѣхъ изъ этихъ ходатаевъ, на которыхъ спеціально указывалъ авторъ статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ подъ именами Жыпина, Грома и Твердоблоцкаго.

Предъ началомъ этой работы пришлось испытать довольно тяжелыя впечатлѣнія. Я посѣтилъ въ Москвѣ старшаго предсѣдателя палаты для предварительнаго ознакомленія съ его взглядомъ на личный составъ ревизуемаго суда. Почтенный старикъ былъ до крайности взволнованъ статьею Кроткова и, въ особенности, появившимися къ ней комментаріями во вліятельной московской печати. Онъ, помнившій медовый мѣсяцъ судебной реформы въ Московскомъ округѣ, съ негодованіемъ отвергалъ возможность тѣхъ порядковъ, на которые указывалось въ печати, и съ горечью называлъ „поспѣшную довѣрчивость министра юстиціи къ журнальной выдумкѣ“ личной для себя обидой, тяжесть которой для него смягчалась лишь его довѣріемъ ко мнѣ, своему старому сотруднику въ совѣщаніи по выработкѣ въ 1876 г. общаго наказа судебнымъ учрежденіямъ. На мѣстѣ мнѣ было еще болѣе тяжело видѣть предсѣдателя окружнаго суда при неизбѣжномъ первомъ

оффиціальномъ къ нему визитѣ. Высокій, полный человѣкъ съ умнымъ лицомъ и живыми темными глазами, всегда внушавшій къ себѣ симпатію и уваженіе и тоже помнившій „медовый мѣсяцъ“,— онъ, конечно, зналъ о дѣйствительномъ поводѣ моей ревизіи. Сознаніе, что изслѣдованіе должно коснуться оцѣнки такой стороны дѣятельности его и его ближайшихъ сослуживцевъ, которая тѣсно связана съ вопросамы чести и служебнаго долга, очевидно, не могло не дѣйствовать на него тревожнымъ образомъ, и я видѣлъ, какая душевная боль прикрывалась съ большими усиліями его, спокойной по внѣшности, выдержанностью. Старый лицеистъ и человѣкъ высокой порядочности, онъ стоялъ внѣ сомнѣній относительно своей личной непричастности къ тому, что описывалъ Кротковъ— но онъ былъ предсѣдателемъ суда, и у него не могла не возникать мысль о допущенной имъ, быть можетъ, недостаточности надзора или объ излишнемъ довѣріи, которымъ сумѣли воспользоваться опутавшіе его паутиной своего союза недобросовѣстные люди. Мысль о томъ, что въ глазахъ общественнаго мнѣнія трудно провести границу между судомъ и его предсѣдателемъ и избѣжать слуховъ о томъ, что „у него тамъ въ судѣ Богъ знаетъ что дѣлается“, очевидно грызла его сердце и невольно отражалась въ болѣзненномъ выраженіи его красиваго лица. Въ свою очередь, въ виду обширности матеріала, который предстояло разсмотрѣть, я сознавалъ, что рѣшительный выводъ изъ него можетъ быть сдѣланъ лишь чрезъ двѣ три недѣли и что, слѣдовательно, все это время предсѣдателю придется быть жертвою подавляемыхъ волненій и тягостныхъ сомнѣній...

Пришлось работать „не покладая рукъ“. Передо мною постепенно раскрывалась картина того, какъ отсутствіе послѣдовательности и необходимой твердости въ поддержаніи извѣстнаго порядка, вызывая сначала недоумѣніе, обращаетъ его потомъ въ подозрѣніе и, наконецъ, облекаетъ его въ форму обвинительныхъ слуховъ, въ достовѣрности которыхъ, въ значительной степени, убѣждены и самые ихъ распространители. Мнѣ не разъ приходилось говорить объ излюбленной у насъ *жестокой чувствительности*, въ силу которой изъ-за желанія помягче отнестись къ виновному въ томъ или другомъ вредномъ проявленіи своей дѣятельности, въ особенности, если онъ умѣетъ во-время и въ надлежащей позѣ сказать „помилуйте!“, забываются законные интересы страждущихъ отъ его дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, а иногда и цѣлыхъ группъ населенія или учрежденій. Требовать отъ человѣка строгаго исполненія его обязанностей бываетъ не всегда пріятно, и у насъ очень часто подъ внѣшней снисходительностью и слезливой добротою скрывается эгоистическое желаніе освобо-

дить себя отъ этой непріятности и переложить ее на плечи когонибудь въ будущемъ, кто будетъ вынужденъ исполнить ее уже въ болѣе крутомъ, чѣмъ это можно было бы сдѣлать своевременно, видѣ. Это явленіе оказалось существующимъ и въ ревизуемомъ мною судѣ. Предсѣдателемъ его до 1878 г. былъ человѣкъ, прославившійся въ свое время сдѣланной въ судебномъ засѣданіи Московскаго окружнаго суда угрозой высѣчь малолѣтнюю свидѣтельницу, не говорившую, по его мнѣнію, правду. Я узналъ его уже носящимъ званіе сенатора, какъ человѣка, умѣвшаго даже въ краткихъ резолюціяхъ по дѣламъ, проявлять грубое незнакомство съ уголовными законами и правилами процесса, излагаемое, при томъ, совершенно неудобопонятно, такъ что ближайшіе сослуживцы по очереди передокладывали его дѣла, а знаменитый Ровинскій прямо, не читая, перечеркивалъ его работу и лично писалъ резолюцію, въ качествѣ предсѣдателя отдѣленія департамета, вновь. Это, впрочемъ, не мѣшало „рабу лѣнивому и лукавому“ при случаѣ ораторствовать о возбужденіи дисциплинарныхъ производствъ противъ предсѣдателей, кассаціонныя упущенія которыхъ были ничто въ сравненіи съ его самодовольнымъ невѣжествомъ и небрежностью. Во время своего предсѣдательства онъ завелъ въ судѣ какіе-то отеческіе способы осуществленія своей власти: не передавалъ въ общее собраніе суда случаевъ явныхъ нарушеній со стороны своихъ подчиненныхъ,—судебныхъ приставовъ, чиновъ канцеляріи и нотаріусовъ—ограничиваясь отмѣткой на прошеніи потерпѣвшихъ лаконическихъ словъ „просилъ простить“, или „оставить безъ движенія, вслѣдствіе обѣщанія не повторять“; не оглашалъ въ общемъ собраніи свѣдѣній, рисующихъ въ крайне предосудительномъ видѣ личность и дѣйствія ищущихъ права быть частными повѣренными, собирая, въ то же время, тщательно справки о ихъ политической благонадежности. Подъ его разслабляющимъ вліяніемъ и въ постановленіяхъ общаго собранія стала проявляться чрезмѣрно-мягкая оцѣнка поведенія вспомогательныхъ органовъ суда, требовавшаго тщательной дезинфекціи. Это выразилось, между прочимъ, и въ укоренившемся въ судѣ взглядѣ, что для оцѣнки нравственныхъ свойствъ домогающихся званія частнаго ходатая нельзя принимать въ соображеніе состоявшихся о нихъ приговоровъ судебныхъ мѣстъ, на основаніи, будто бы, правила non bis in idem, вслѣдствіе чего въ составѣ частныхъ повѣренныхъ при судѣ были люди, репутація которыхъ была безусловно запятнана производившимся о нихъ уголовнымъ дѣломъ.

Новому предсѣдателю, котораго мнѣ приходилось ревизовать, пришлось получить, благодаря всему этому, крайне тяжелое и нечистоплотное наслѣдство, отъ котораго онъ, вѣроятно, отка-

зался бы, существуй у насъ возможность принимать наслѣдство sous bénefice d'inventaire. Въ этомъ наслѣдствѣ одну изъ главныхъ ролей игралъ частный повѣренный, выведенный Кротковымъ подъ именемъ Жыпина, бывшій помощникомъ секретаря суда въ 1870 году и затѣмъ секретаремъ съ 1873 по 1875 годъ. Ловкій и беззастѣнчивый вымогатель, наглый въ частныхъ и дерзкій въ оффиціальныхъ отношеніяхъ, умѣло ходившій „по опушкѣ (выраженіе Спасовича въ одной изъ защитительныхъ рѣчей) между гражданскимъ полемъ и уголовнымъ лѣсомъ"—Жыпинъ заставилъ, наконецъ, лопнуть постыдное долготерпѣніе предсѣдателя. Произведенное по распоряженію суда дознаніе вполнѣ подтвердило слухи о лихоимствѣ Жыпина и обрисовало дѣятельность его въ самомъ возмутительномъ свѣтѣ, но и тутъ прежній предсѣдатель счелъ возможнымъ ограничиться совѣтомъ подать прошеніе объ отставкѣ, которому Жыпинъ послѣдовалъ послѣ ряда угрозъ по адресу свидѣтелей, дававшихъ свои показанія при дознаніи, погребенномъ въ архивѣ суда безъ всякаго дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ принятъ въ число частныхъ повѣренныхъ и дебютировалъ полнѣйшимъ разореніемъ довѣрившейся ему вдовы, совершеннымъ на „законномъ основаніи", послѣ чего на скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію въ кражѣ, вызванной крайней нищетой, оказался ея сынъ.

Пріемы адвокатской практики Жыпина, съ которыми я ознакомился по дѣламъ и личнымъ объясненіямъ съ его „кліентами", при всемъ своемъ разнообразіи сводились къ пользованію слабыми сторонами нашего тогдашняго гражданскаго процесса, впослѣдствіи во многомъ улучшеннымъ. Нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства, въ сущности, въ общемъ болѣе благопріятствуетъ отвѣтчику, чѣмъ истцу, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ вооружаетъ истца такими правами, опираясь на которыя и дѣйствуя формально законно, онъ можетъ ставить отвѣтчика въ почти безвыходное положеніе, особливо если послѣдній не достаточно свѣдущъ или освѣдомленъ. Наиболѣе часто практиковавшійся Жыпинымъ пріемъ состоялъ въ предъявленіи завѣдомо неосновательныхъ исковъ, обставленныхъ однако съ внѣшней стороны надлежащимъ образомъ, при чемъ онъ требовалъ отъ суда немедленнаго обезпеченія иска наложеніемъ ареста на имущество отвѣтчика. Затѣмъ постановленіе суда объ обезпеченіи приводилось имъ въ исполненіе черезъ судебнаго пристава съ лихорадочной поспѣшностью. Въ глазахъ многихъ такое обезпеченіе представлялось аналогичнымъ съ присужденіемъ иска, а въ глазахъ купцовъ самая процедура обезпеченія и связанная съ нею огласка грозила такимъ подрывомъ

кредита, что у отвѣтчика естественно могло являться желаніе помириться, заплативъ Жыпину, безъ всякихъ основаній, требуемую сумму. Поэтому, пріемъ запугиванія одною угрозой обезпеченія легко удавался Жыпину. Я нашелъ цѣлый рядъ дѣлъ, въ которыхъ послѣ полученія опредѣленія объ обезпеченіи иска этотъ господинъ входилъ въ судъ съ прошеніемъ о прекращеніи дѣла, ибо онъ „удовлетвореніе получилъ". Другой пріемъ состоялъ во вчинаніи исковъ безъ предварительнаго требованія удовлетворенія, но съ ходатайствомъ объ обезпеченіи. Такимъ путемъ онъ получалъ вознагражденіе за веденіе дѣла, для котораго не было однако никакого основанія, такъ какъ отвѣтчикъ никогда отъ платежа и не уклонялся. Обыкновенно, предъявивъ такое неосновательное ходатайство для осуществленія своего вымогательства, онъ прямо не являлся къ докладу, или, добившись заочнаго рѣшенія, сознательно отсутствовалъ при разсмотрѣніи дѣла по отзыву противной стороны, дѣлая это въ разсчетѣ, что состоявшееся заочное рѣшеніе можетъ смутить отвѣтчика или что по незнанію судопроизводственныхъ правилъ онъ пропуститъ сроки обжалованія и т. п. Кромѣ этихъ двухъ мошенническихъ пріемовъ, онъ съ явною и исключительною цѣлью полученія гонорара продолжалъ вести тяжбы вопреки желанію истцовъ, занимался скупкою векселей и путемъ безсовѣстныхъ увѣреній добивался отъ безграмотныхъ опекуншъ надъ малолѣтними крестьянами признанія болѣе чѣмъ сомнительныхъ документовъ. Звѣзда Жыпина стала закатываться съ назначеніемъ новаго предсѣдателя. Послѣдній началъ зорко присматриваться къ его дѣятельности и при первомъ подходящемъ случаѣ возбудилъ противъ него дисциплинарное производство, настоявъ въ общемъ собраніи на исключеніи Жыпина изъ числа повѣренныхъ. Неуязвимая формально, изворотливая по пріемамъ и безнравственная по существу дѣятельность Жыпина, въ связи со взглядомъ бывшаго предсѣдателя суда на свою власть по надзору, объясняла сложившійся у мѣстнова населенія взглядъ на характеръ отношеній его къ суду и вытекающія изъ этого взгляда предположенія. Зрѣлище явнаго лихоимца, принесшаго въ только-что открытое учрежденіе всѣ зловредные пріемы отжившаго крючкотворства и покинувшаго безнаказанно окружный судъ, чтобы затѣмъ съ разрѣшенія того же суда быть посредникомъ между нимъ и тяжущимися, не могло не возбуждать горестнаго недоумѣнія въ окружающихъ, которое, назрѣвая и укореняясь, нашло себѣ, наконецъ, выраженіе въ статьѣ Кроткаго. Основанная на слухахъ и разсказахъ отдѣльныхъ лицъ, не вольно вносившихъ въ свои повѣствованія понятное раздраженіе, эта статья страдала излишней довѣрчивостью ко всему слышан-

ному, и авторъ, повидимому, не всегда приводилъ себѣ на память слова Гоголя: „со словомъ нужно обращаться честно". Поэтому все, что касалось стачки частныхъ повѣренныхъ съ членами суда, оказалось сплошною клеветою. Такъ—я не нашелъ никакой неравномѣрности въ распредѣленіи дѣлъ по столамъ и никакихъ признаковъ преимущественнаго поступленія дѣлъ того или другого повѣреннаго въ опредѣленный столъ, предпочтительно предъ другими. Такъ, напримѣръ, за четыре года мною обревизованныхъ, Жыпинъ велъ въ *каждомъ* изъ трехъ столовъ отъ сорока двухъ до сорока шести дѣлъ. Точно такъ же не нашелъ я и доказательствъ того, что дѣла извѣстныхъ повѣренныхъ всегда рѣшались въ ихъ пользу: два наичаще упоминаемые въ статьѣ, какъ „любимцы", повѣренные—Жыпинъ и Громъ—выиграли за разсмотрѣнный мною періодъ первый 60%, а второй 54% предъявленныхъ ими исковъ. Еще менѣе согласны съ правдой были печатные навѣты на члена суда де-Пижона, дѣятельность котораго въ судебномъ отношеніи представлялась безусловно безукоризненной. За разсмотрѣнный мною періодъ по дѣламъ, въ которыхъ участвовалъ Жыпинъ, принесено было судебной палатѣ одиннадцать жалобъ, и она утвердила восемь рѣшеній, по четыремъ изъ которыхъ въ искѣ Жыпину было отказано, и отмѣнила три рѣшенія, изъ которыхъ два состоялись противъ Жыпина. За это время, согласно оцѣнкѣ исковъ, Жыпину присуждено на сумму тридцати четырехъ съ половиной тысячъ, что вполнѣ нормально, такъ какъ, имѣя обширную практику, Жыпинъ естественно не могъ заниматься предъявленіемъ однихъ неосновательныхъ исковъ. Окончивъ обозрѣніе гражданскихъ дѣлъ и перейдя къ уголовному отдѣленію, гдѣ все оказалось въ образцовомъ порядкѣ, я вздохнулъ свободно отъ сознанія, что ни въ личности де-Пижона, представлявшей всѣ условія нравственной порядочности и развитія, ни въ дѣятельности его трудолюбивыхъ и знающихъ сотоварищей, при самой строгой провѣркѣ, нельзя было найти ни малѣйшихъ признаковъ недобросовѣстнаго отношенія къ святому дѣлу правосудія, такъ же какъ въ личности и въ отношеніи къ своему дѣлу предсѣдателя я не нашелъ ни малѣйшихъ основаній къ предположенію, что онъ можетъ быть игралищемъ своихъ подчиненныхъ, творящихъ и у него подъ рукою беззаконія.

Сообщивъ о моихъ выводахъ министру юстиціи и не скрывъ ихъ въ откровенномъ разговорѣ и отъ предсѣдателя, я почувствовалъ, что у насъ обоихъ съ души свалился камень. Сказавъ свое послѣднее и рѣшительное слово о томъ, что было приблизительно вѣрнаго въ статьѣ, такъ встревожившей Д. Н. Набокова, и что явилось въ ней плодомъ поспѣшныхъ обобщеній, основанныхъ на

непровѣренныхъ провинціальныхъ сплетняхъ, я считалъ свою миссію оконченною и вскорѣ вернулся въ Петербургъ.

Вспоминая мое пребываніе въ гражданскомъ департаментѣ палаты, я обращаюсь съ благодарнымъ чувствомъ къ судьбѣ, пославшей мнѣ эту дѣятельность. Я не только душевно отдохнулъ въ ней, но и многому научился. Это особенно сильно ощутилъ я, когда пришлось, черезъ три съ половиной года, занять постъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената и принять на себя предъявленіе заключеній по большей части дѣлъ, въ которыхъ возбуждались серьезные вопросы, требовавшіе руководящаго разъясненія. Между послѣдними было много почти всецѣло относившихся къ области гражданскаго права и процесса. Практическое знакомство съ послѣдними, вынесенное изъ пребыванія и дѣятельности въ палатѣ, очень помогало мнѣ, облегчая мнѣ трудъ и освобождая меня отъ напраснаго блужданія среди мало знакомыхъ понятій.

А. Θ. Кони.

Л. Н. Толстой и преосвященный Никандръ.

Передаю со словъ покойнаго князя Вл. П. Долгорукаго, сына извѣстнаго эмигранта П. В. Долгорукаго.

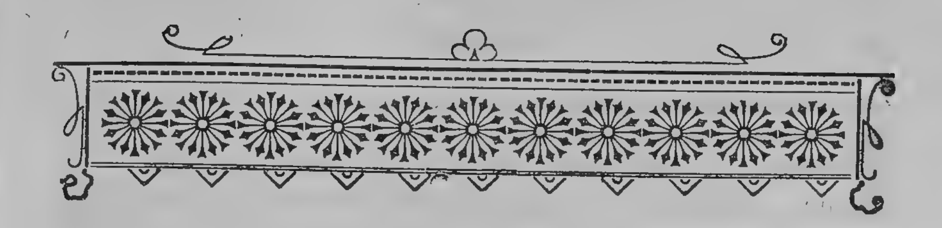
Л. Н. Толстой, еще до перевода своего имѣнія на жену, однажды обратился къ мѣстному преосвященному, архіепископу Никандру, за совѣтомъ.

— Ваше преосвященство, сказалъ Левъ Николаевичъ, я хотѣлъ бы свое имѣніе раздать нищимъ.

Преосвященный отвѣчалъ:

— Никогда еще въ своей жизни я не встрѣчалъ такого гордеца, какъ Вы, графъ.

Сообщилъ Д. У.

За полвѣка [1]).

Лекціи въ Думѣ.—Исторія съ Костомаровымъ.—Театръ.—Сухово-Кобылинъ, авторъ „Свадьбы Кречинскаго".—Островскій и его сверстники.—Заѣзжія знаменитости.—Музыка.—Балакиревъ и начало „кучкизма".—Два поколѣнія.—„Отцы и Дѣти".—Замыселъ романа „Въ путь-дорогу".—Издательство.

Петербургъ жилъ (въ сезонъ 1861—62 г.г.), на тогдашнюю мѣру, очень бойко.

То, что еще не называлось тогда „интеллигенціей" (слово это пущено было въ печать только съ 1866-го года), т. е. и люди 40-хъ и 50-хъ годовъ, испытанные либералы, чаявшіе такъ долго паденія крѣпостного права, и молодежь—мои сверстники и моложе меня—придавали столичному сезону очень замѣтный подъемъ. Это сказывалось, кромѣ издательской дѣятельности, въ публичныхъ литературныхъ вечерахъ и въ посѣщеніи временныхъ университетскихъ курсовъ въ залахъ Думы.

Газетное дѣло было еще мало развито. На весь Петербургъ была, въ сущности, одна либеральная газета, „С.-Петербургскія Вѣдомости". „Очерки" не пошли. „Голосъ" Краевскаго явился уже позднѣе и сталъ чѣмъ-то среднимъ между либеральнымъ и охранительнымъ органомъ.

Розничная продажа на улицахъ еще не показывалась. И вообще, газетная пресса еще не волновала публику, какъ это было десять и болѣе лѣтъ спустя.

Тогда первымъ теноромъ въ газетѣ былъ воскресный фельето-

---

[1]) Предыдущія главы моихъ воспоминаній появлялись (съ конца перваго десятилѣтія XX вѣка) въ „Русской Мысли" и въ двухъ петербургскихъ журналахъ. Пр. Автора.

нистъ. Это считалось самымъ привлекательнымъ отдѣломъ газеты. Вся „злободневность“ входила въ содержаніе фельетона, а передовицы читались только тѣми, кто интересовался серьезными внутренними вопросами. Цензура только-что немного „оттаяла“, но по внутренней политикѣ поневолѣ нужно было держаться формулы, сдѣлавшейся прибауткой: „нельзя не признаться, но нужно сознаться“.

„Свистокъ“ и „Искра“ привили уже вкусъ къ высмѣиванію, зубоскальству, памфлету, каррикатурѣ, вообще къ нападкамъ на всѣмъ извѣстныя личности. И Коршъ, въ своихъ корректныхъ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, завелъ себѣ также воскреснаго забавника, который тогда могъ сказать про себя, какъ Загорѣцкій, что онъ былъ: „ужасный либералъ“. Его обличительные очерки были тогда исключительно направлены на дореформенную Россію, и никто не проявлялъ большей бойкости и литературнаго таланта среди его газетныхъ конкуррентовъ. Всѣ, кто жадно читалъ втихомолку „Колоколъ“,—довольствовались въявь и тѣмъ, что удавалось фельетонисту „Петербургскихъ Вѣдомостей“ размѣнивать на ходячую, подцензурную монету.

Коршъ же далъ ходъ (но уже позднѣе) и другому забавнику и памфлетисту, въ стихахъ и прозѣ, которымъ не пренебрегали и „Отечественныя Записки“, даже къ 70-мъ годамъ. Попалъ онъ и ко мнѣ, когда я началъ издавать „Библіотеку“ и, разумѣется, въ качествѣ очень либеральнаго юмориста.

Что изъ этихъ „Сіамскихъ братьевъ“ русскаго остроcловія сдѣлала впослѣдствіи жизнь—всѣмъ извѣстно; но тогда честный и корректный Коршъ искренно считалъ ихъ за самыхъ завзятыхъ радикаловъ.

Молодая публика, принимавшая участіе въ судьбѣ петербургскаго студенчества,—до и послѣ „сентябрьской“ исторіи—была обрадована открытіемъ курсовъ самыхъ извѣстныхъ профессоровъ, въ залахъ Думы.

Главный контингентъ аудиторій Думы были, конечно, студенты и курсистки, хотя тогда такого званія для женщинъ еще не существовало.

Хозяевами явились исключительно студенты. Они составляли особый комитетъ, сносились съ лекторами, назначали часы лекцій, устанавливали плату. Ихъ распорядители постоянно находились тутъ, при кассѣ, и въ разныхъ залахъ.

Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ распорядителей былъ студентъ Печаткинъ, братъ издателя „Библіотеки“, женатый на одной изъ самыхъ энергичныхъ тогда дѣвицъ. Впослѣдствіи онъ зани-

мался издательствомъ, держалъ, если не ошибаюсь, и свою типографію.

Все шло хорошо. Курсы имѣли и не мало стороннихъ слушателей. Изъ лекцій, кромѣ юридическихъ, много ходило къ Костомарову.

Николай Ивановичъ никогда не былъ блестящимъ лекторомъ, и злоупотреблялъ даже цитатами изъ лѣтописей, и вообще болѣе читалъ, чѣмъ говорилъ. Но его очень любили. Съ его именемъ соединенъ былъ нѣкоторый ореолъ его прошлаго, тѣхъ мытарствъ, чрезъ какія онъ прошелъ со студенческихъ своихъ годовъ.

И недавняя его „пря" (диспутъ) съ Погодинымъ въ залѣ Пассажа поднимала его популярность.

Я ходилъ аккуратно на нѣсколько курсовъ, въ томъ числѣ и къ Костомарову. И мнѣ привелось, какъ разъ, присутствовать при его столкновеніи со студенчествомъ.

Боюсь приводить здѣсь точные мотивы этой коллизіи между любимымъ и уважаемымъ наставникомъ и представительствомъ курсовъ. Но Костомаровъ, какъ своеобычный „хохолъ", не считалъ нужнымъ сдѣлать что-то, какъ они требовали, и когда раздалось шиканье, по его адресу, онъ, очень взволнованный, бросилъ имъ фразу, смыслъ которой былъ такой: что если молодежь будетъ такъ вести себя, то она превратится, пожалуй, въ „Расплюевыхъ".

Слова эти были подхвачены. Имя „Расплюевы" я слышалъ; но всю фразу я тогда не успѣлъ отчетливо схватить.

Это имя „Расплюевы", употребленное Костомаровымъ, показывало, что комическое лицо, созданное Сухово-Кобылинымъ, сдѣлалось, къ тому времени уже нарицательнымъ.

А „Свадьбѣ Кречинскаго" было всего какихъ-нибуть пять лѣтъ отъ роду: она появилась въ „Современникѣ" во второй половинѣ 50-хъ годовъ. Но комедія эта сразу выдвинула автора въ первый рядъ тогдашнихъ писателей и, спеціально, драматурговъ.

Она сдѣлалась репертуарной, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, гдѣ Садовскій создалъ великолѣпный образъ Расплюева.

На Александринскомъ театрѣ Самойловъ игралъ Кречинскаго блестяще, но почему-то съ польскимъ акцентомъ; а послѣ Мартынова, Расплюева сталъ играть П. Васильевъ, и дѣлалъ изъ него другой типъ, чѣмъ Садовскій; но очень живой, забавный, а въ сценѣ второго акта—и жалкій.

Авторъ „Свадьбы Кречинскаго", только съ начала 60-хъ годовъ, сталъ показываться въ петербургскомъ свѣтѣ.

Я впервые увидалъ его въ итальянской оперѣ, когда онъ, въ антрактахъ, входилъ въ ложи тогдашнихъ „львицъ". Онъ смотрѣлъ

тогда еще молодымъ мужчиной: сильный брюнетъ, съ большими бакенбардами, по тогдашней модѣ, очень барственный и эффектный.

На немъ остался налетъ подозрѣнія не больше, не меньше, какъ въ совершенiи убiйства.

Это крупное дѣло сильно волновало барскую и чиновную публику обѣихъ столицъ. Оно, по своему содержанiю, носило на себѣ яркiй отпечатокъ крѣпостной эпохи.

О немъ мнѣ много разсказывали еще до водворенiя моего въ Петербургѣ; а въ тѣ зимы, когда Сухово-Кобылинъ сталъ появляться въ петербургскомъ свѣтѣ, А. И. Бутовскiй (тогда директоръ департамента мануфактуръ и торговли) разсказалъ мнѣ разъ, какъ онъ былъ прикосновенъ, въ Москвѣ, къ этому дѣлу,

Онъ служилъ тогда предсѣдателемъ Коммерческаго Совѣта въ Москвѣ, и попалъ какъ разъ на тотъ вечеръ у г-жи Н., когда въ квартирѣ Сухово-Кобылина была убита француженка, его любовница.

Отъ Бутовскаго обвиненный хотѣлъ имѣть, на слѣдствiи, показанiе, что онъ видѣлъ его еще на вечерѣ, когда самъ уѣзжалъ домой.

Такого показанiя Бутовскiй не могъ дать, потому что не хотѣлъ утверждать этого положительно, а для обвиненнаго это нужно было, чтобы доказать свое alibi.

Француженку, яко бы, убили поваръ и лакей—оба крѣпостные Сухово-Кобылина, и ночью свезли ее на кладбище, при чемъ она, кажется, не была ими даже достаточно ограблена.

Вся Москва, а за ней и Петербургъ, повторяли разсказъ, которому всѣ легко вѣрили, а именно, что оба крѣпостные взяли убiйство на себя и пошли на каторгу. Но и баринъ былъ, кажется, „оставленъ въ подозрѣнiи“, по суду.

Разсказывали въ подробностяхъ сцену, какъ Сухово-Кобылинъ прiѣхалъ къ себѣ вмѣстѣ съ г-жей Н. Француженка ворвалась къ нему (или уже ждала его) и сдѣлала скандальную сцену. Онъ схватилъ канделябръ и ударилъ ее въ високъ, отчего она тутъ же и умерла [1]).

Мнѣ лично всегда такъ ярко представлялась эта, быть можетъ, и выдуманная, сцена, что я воспользовался ею, впослѣдствiи, въ моемъ романѣ „На судъ“, гдѣ фабула и психическiй анализъ мужа и жены не имѣютъ, однако, ничего общаго съ этой московской исторiей.

Съ авторомъ Кречинскаго я тогда нигдѣ не встрѣчался въ литературныхъ кружкахъ, а познакомился съ нимъ уже спустя слишкомъ тридцать лѣтъ, когда онъ былъ еще бодрымъ старцемъ и

---

[1]) См. объ этомъ—„Русскую Старину“. май 1910 г. „Еще о драмѣ въ жизни писателя“. А. Рембелинскаго. *Ред.*

пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать въ дирекціи Императорскихъ театровъ по дѣлу, которое прямо касалось „Свадьбы Кречинскаго“ и его матеріальной судьбы въ Александринскомъ театрѣ. Дирекція, по оплошности ли автора, когда комедія его шла на столичныхъ сценахъ, или по чему другому—ничего не платила ему за пьесу, которая, въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, дала ей не одинъ десятокъ тысячъ рублей сбору.

Состоялось запоздалое соглашеніе, и сумма, полученная авторомъ „Свадьбы Кречинскаго“, далеко не представляла собою гонорара, какой онъ имѣлъ бы право получить, особенно по новымъ правиламъ 80-хъ годовъ.

Сухово-Кобылинъ оставался для меня, да и вообще для писателей и того времени, и позднѣйшихъ десятилѣтій—какъ бы невидимкой, нѣкоторымъ иксомъ. Онъ поселился за границей, жилъ съ иностранкой, занимался во Франціи хозяйствомъ и разными видами скопидомства, а подъ конецъ жизни купилъ виллу въ Больё-на Ривьерѣ, по сосѣдству съ М. М. Ковалевскимъ, послѣ того, какъ онъ въ своей русской усадьбѣ совсѣмъ погорѣлъ.

Петербургской встрѣчей и ограничилось наше знакомство. Меня пригласилъ „на него“ одинъ чиновникъ Кабинета, которому онъ и былъ обязанъ успѣхомъ сдѣлки съ дирекціей. Я у этого чиновника обѣдалъ съ нимъ, а потомъ навѣстилъ его въ Hôtel de France.

Хотя онъ, кажется, немного красилъ себѣ волосы, но, все-таки, поражалъ своимъ бодрымъ видомъ, тономъ, движеніями. А ему тогда было уже чуть не подъ восемьдесятъ лѣтъ.

Для меня было интересно поближе приглядѣться къ такому типу московскаго барина-писателя, когда-то свѣтскаго льва, да еще повитаго трагической легендой.

Фешенебля въ немъ уже не осталось ничего. Одѣвался онъ прилично—и только. И никакихъ старомодныхъ претензій и замашекъ также не выказывалъ. Можетъ быть, долгая жизнь во Франціи стряхнула съ него прежнія повадки. Говорилъ онъ хорошимъ русскимъ языкомъ съ нѣкоторыми старинными удареніями и звуками, напр., произносилъ: не „филóсофъ“, а „филозóфъ“.

И вотъ, когда мы съ нимъ разговорились у него въ номерѣ Hôtel de France, то это и былъ всего больше „философическій разговоръ“. Впервые узналъ я, что Александръ Васильевичъ уже до 30-хъ годовъ прошлаго вѣка кончилъ курсъ по математическому факультету (тогда учились не четыре, а три года), поѣхалъ въ Берлинъ и сдѣлался тамъ правовѣрнымъ гегельянцемъ. И что замѣчательно: его свѣтская жизнь, быстрая слава, какъ автора „Кре-

чинскаго“, всѣ его дальнѣйшія житейскія передряги и долгая полоса хозяйничанья во Франціи и у себя, въ русскомъ имѣніи, не остудили въ немъ страсти къ „философіи“. Онъ перевелъ всего подлиннаго Гегеля (кромѣ его лекцій, изданныхъ учениками, а не имъ самимъ написанныхъ) и часть этого многолѣтняго труда сгорѣла у него въ усадьбѣ. Но онъ возстановилъ ее и все еще надѣялся, что кто нибудь издастъ ему „всего подлиннаго Гегеля“. Онъ написалъ и философскій трактатъ въ гегельянскомъ духѣ, и сталъ мнѣ читать изъ него отрывки.

Тогдашнимъ нашимъ литературнымъ и общественнымъ движеніемъ онъ мало интересовался, хотя говорилъ обо всемъ безъ старческаго брюзжанья. И театръ уже ушелъ отъ него; но чувствовалось, что онъ себя ставилъ въ ряду первыхъ корифеевъ русскаго театра: Грибоѣдовъ, Гоголь, онъ, а потомъ уже Островскій.

Судъ надъ нимъ, по дѣлу объ убитой француженкѣ—далъ ему матеріалъ для его пьесы „Дѣло“, которая такъ долго лежала подъ спудомъ, въ цензурѣ. Не могъ онъ и до конца дней своихъ отрѣшиться отъ желанія обѣлять себя, при всякомъ удобномъ случаѣ. Сколько помню, и тогда, въ номерѣ Hôtel de France, онъ сдѣлалъ на это легкій намекъ. Но у себя, въ Больё (гдѣ онъ умеръ), М. М. Ковалевскій, его ближайшій сосѣдъ, слыхалъ отъ него, не разъ, протесты противъ такой „клеветы“.

Это черта—во всякомъ случаѣ—характерная для тѣхъ, кто имѣлъ дѣло съ обвиненными, которые въ глазахъ общественнаго мнѣнія (а тутъ, кажется, и по суду) оставлены „въ подозрѣніи“.

Въ Больё я попадалъ въ ту зиму, когда онъ уже былъ очень боленъ. Онъ жилъ одиноко съ своей дочерью и оставилъ по себѣ у мѣстнаго населенія репутацію: „d'un russe très parcimonieux“. Случилось и то, что я клалъ за него шаръ, когда его баллотировали въ почетные академики.

Возвращаясь къ театральнымъ сезонамъ, которые я проводилъ въ Петербургѣ—до моего редакторства—нельзя было не остановиться на авторѣ „Свадьбы Кречинскаго“ и не напомнить, что онъ, послѣ такого крупнаго успѣха, долженъ былъ—не по своей винѣ—отойти отъ театра. Его „Дѣло“ могло быть тогда и напечатано только за границей въ полномъ видѣ.

Цензура также сурово обходилась и съ Островскимъ.

„Свои люди сочтемся“ попала на столичныя сцены только къ 61-му году. И въ тѣ зимы, когда театръ былъ мнѣ такъ близокъ, я не могу сказать, чтобы какая-нибудь пьеса Островскаго, кромѣ „Грозы“ и отчасти „Грѣхъ да бѣда“, сдѣлалась въ Петербургѣ

репертуарной, чтобы о ней кричали, чтобы она увлекала массу публики или даже избранныхъ зрителей.

Культомъ Островскаго отличался только Ап. Григорьевъ—въ театральной критикѣ. На сценѣ о пьесахъ Островскаго хлопоталъ всегда актеръ Бурдинъ; но дирекція ихъ скорѣе не долюбливала.

У меня въ памяти осталась фраза начальника репертуара Ѳедорова. Выпячивая свои большія губы, онъ говорилъ съ брезгливой миной:

— Вотъ насъ упрекаютъ все, что мы мало играемъ Островскаго (онъ произносилъ: Островсково), но онъ не даетъ сборовъ.

И правда: даже лучшая его вещь—„Свои люди сочтемся" не удержалась съ полными сборами.

Мало того, позднѣе, литературно-театральный комитетъ возвратилъ ему даже „Женитьбу Бальзаминова", найдя, что это—фарсъ, недостойный его.

Но это случилось уже позднѣе; а пока Островскій, для Петербурга, былъ еще новинкой, и очень немногіе, и въ литературномъ кругу, лично знали его.

А тогда онъ уже сошелся съ Некрасовымъ и сдѣлался однимъ изъ исключительныхъ сотрудниковъ „Современника". Этотъ рѣзкій переходъ изъ руссофильскихъ и славянофильскихъ журналовъ, какъ „Москвитянинъ" и „Русская Бесѣда", въ органъ Чернышевскаго облегченъ былъ тѣмъ, что Добролюбовъ такъ высоко поставилъ общественное значеніе театра Островскаго, въ своихъ двухъ знаменитыхъ статьяхъ. Островскій сдѣлался въ глазахъ молодой публики писателемъ-обличителемъ всѣхъ темныхъ сторонъ русской жизни.

Въ какой степени онъ дѣйствительно раздѣлялъ, напр., тогдашнее credo Чернышевскаго въ политическомъ и философскомъ смыслѣ—это большой вопросъ. Но ему пріятно было видѣть, что послѣ статей Добролюбова, къ нему уже не относятся съ вѣчнымъ вопросомъ: „славянофилъ онъ или западникъ"?

Ап. Григорьевъ, по-прежнему, восторгался народной „почвенностью" его произведеній и ставилъ творца Любима Торцова чуть не выше Шекспира. Но все-таки, въ Петербургѣ, Островскій былъ для молодой публики сотрудникъ „Современника". Это одно не вызывало однако никакихъ особенныхъ восторговъ театральной публики. Пьесы его, всего чаще, имѣли средній успѣхъ. Не помню, чтобы за двѣ зимы—отъ 1861 по 1863 г.—я видѣлъ, какъ Островскій появлялся въ директорской ложѣ на вызовы публики.

Но раньше всего я увидалъ его все-таки въ театрѣ; но не въ ложѣ, а на самыхъ подмосткахъ, въ качествѣ любителя.

Тогда театральное „аматерство“ было уже въ большомъ ходу и пріютилось въ Пассажѣ, въ его залѣ со сценой, не тамъ, гдѣ теперь театръ, а на противоположномъ концѣ, ближе къ Невскому.

Къ этому любительству и я былъ привлеченъ. Тогда среди любительницъ блистала г-жа Спорова, младшая дочь генеральши Бибиковой—курьезнаго типа тогдашней madame Sans-Gène. Спорова особой талантливостью не выдавалась, но брала красотой. Ея сестра, г-жа Квадри—была талантливѣе. Она и ея мужъ, офицеръ Квадри (недавно умершій), страстно любили театръ и готовы были играть всегда, вездѣ и какія угодно роли. Къ этому кружку принадлежала и даровитая Сандунова когда-то артистка Императорскихъ театровъ и писательница—въ тѣ годы, когда ея мужъ издавалъ „Репертуаръ“ и „Пантеонъ“. Она была прекрасной исполнительницей бытового репертуара.

И меня втянули въ эти спектакли Пассажа. Поклонникомъ красоты Споровой былъ и Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ, съ которымъ я уже водилъ знакомство по дому Писемскихъ. Онъ много игралъ въ тѣ зимы—и Дикого, и Городничаго. Мнѣ предложили роль Кудряша въ „Грозѣ“, а когда мы ставили „Скупого рыцаря“, для такого-же страстнаго чтеца и любителя А. А. Стаховича (отца теперешнихъ общественныхъ дѣятелей), то я изображалъ и герцога.

Въ память моихъ успѣховъ въ Дерптѣ, когда я былъ „первымъ сюжетомъ“ и режиссеромъ нашихъ студенческихъ спектаклей (игралъ Расплюева, Бородкина, Городничаго, Фамусова), я могъ бы претендовать и въ Пассажѣ на болѣе крупныя роли. Но я уже не имѣлъ достаточно времени и молодого задора, чтобы уходить съ головой въ театральное любительство. Въ этомъ воздухѣ интереса къ сценѣ мнѣ все-таки дышалось легко и пріятно. Это только удвоивало мою связь съ театромъ.

Квадри, въ труппѣ Пассажа, выдѣлялся большой опытностью и способностью браться за всякія роли. Онъ могъ бы быть очень недурнымъ легкимъ комикомъ; но ему хотѣлось всегда играть сильныя роли. Изъ репертуара Потѣхина онъ выступилъ въ роли ямщика „Михайлы“ (въ „Чужое добро въ прокъ не пойдетъ“), прославленной въ Петербургѣ и Москвѣ игрой Мартынова и Сергѣя Васильева, а въ тѣ годы и Павла Васильева,—на Александринскомъ театрѣ.

Пассажъ оставался вѣренъ бытовому театру. И участіе не только Потѣхина, но и самого Островскаго было неожиданной приманкой для той публики, которая состояла изъ самыхъ испытанныхъ театраловъ.

Островскаго я еще не слыхалъ, какъ чтеца сценъ изъ его комедій. Читалъ онъ не такъ, какъ Писемскій, т. е. не по-актерски въ лицахъ, а писательски, безъ постоянной перемѣны тона и акцента, но очень своеобразно и умѣло.

Появленіе его въ роли Подхалюзина—это и былъ „гвоздь“ и для тогдашнихъ любителей театра. Ему сдѣлали пріемъ съ подношеніемъ вѣнка, но въ городѣ это прошло почти-что незамѣченнымъ большой публикой.

Какъ актеръ, Островскій не бралъ ни комизмомъ, ни созданіемъ типичнаго лица. Онъ былъ слишкомъ крупенъ и тяжеловатъ фигурой. Сравненіе съ Павломъ Васильевымъ было для него невыгодно. Но всю роль провелъ онъ умно и съ вѣрностью московскому бытовому тону.

И тогда уже, и за кулисами, и въ залѣ поговаривали, что ему не слѣдовало бы, съ его именемъ, рисковать такой любительской забавой. Красота госпожи Споровой и на него подѣйствовала, послѣ того, какъ онъ ее видѣлъ, на той же сценѣ, въ Катеринѣ.

Мое личное знакомство съ Александромъ Николаевичемъ продолжалось много лѣтъ; но больше къ нему я присматривался въ первое время, и въ Петербургѣ, гдѣ онъ обыкновенно жилъ у брата своего (тогда еще контрольнаго чиновника, а впослѣдствіи министра), и въ Москвѣ, куда я попалъ къ нему, зимой, въ маленькій домикъ, у „Серебряныхъ“ бань, гдѣ-то на Яузѣ, и нашелъ его въ обстановкѣ, которая, какъ нельзя больше, подходила къ лицу и жизни автора „Банкрута“ и „Бѣдность—не порокъ“.

Онъ работалъ тогда надъ своимъ „Мининымъ“, отдѣлывалъ его начисто; но первая половина пьесы была уже совсѣмъ готова.

Домикъ его въ пять оконъ—самой обывательской внѣшности—окунулъ и меня въ дореформенный московскій міръ купеческаго и приказнаго люда.

Въ передней меня встрѣтила еще не старая, полная женщина, которую я бы затруднился признать сразу тогдашей подругой писателя. Это была та „Ѳедосья Ивановна“, про которую я столько слыхалъ отъ москвичей, пріятелей Островскаго—особенно въ года его молодости, его первыхъ успѣховъ.

Ей онъ—по увѣренію этихъ пріятелей—былъ многимъ обязанъ по части знанія быта и, главное, языка, разговоровъ, безчисленныхъ оттѣнковъ юмора и краснобайства обитателей тѣхъ московскихъ урочищъ.

Ѳедосья Ивановна сейчасъ же стушевалась, и больше я ее никогда не видалъ.

Въ первой же комнатѣ, служившей кабинетомъ автору „Минина“,

у дальней стѣны, стоялъ письменный столъ и за нимъ сидѣлъ—лицомъ ко входу—Александръ Николаевичъ въ халатѣ на бѣличьемъ мѣху. Такіе его портреты многимъ памятны.

Онъ сейчасъ же началъ говорить мнѣ о своемъ героѣ, какъ онъ его понимаетъ, что онъ хотѣлъ въ немъ воспроизвести.

Замыселъ его нельзя было не найти вѣрнымъ и глубоко реальнымъ. Мининъ—по его толкованію—простой человѣкъ безъ всякаго героическаго налёта, безъ всякой рисовки, тогдашній городской обыватель, съ душой и практической смѣткой.

Въ его хроникѣ, нижегородскій „говядарь“ сбивается съ этой бытовой почвы, и авторъ заставляетъ его произносить монологи, въ духѣ народническаго либерализма.

Но судя по тѣмъ сценамъ, какія Островскій мнѣ прочелъ—а читалъ онъ, особенно свои вещи, превосходно—я былъ увѣренъ, что лицо Минина будетъ выдержано въ простомъ, реальномъ тонѣ.

И тогда уже, и позднѣе, на протяженіи болѣе двадцати лѣтъ, я находилъ въ Островскомъ такую вѣру въ себя, такое довольство всѣмъ, что бы онъ ни написалъ, какого я рѣшительно не видалъ ни въ комъ изъ нашихъ корифеевъ: ни у Тургенева, ни у Достоевскаго, ни у Гончарова, ни у Салтыкова, ни у Толстого и, всего менѣе—у Некрасова.

По этой части онъ, съ молодыхъ годовъ—по свидѣтельству своихъ ближайшихъ пріятелей—„побилъ рекордъ“, какъ говорятъ нынче.

Его пріятель—будущій критикъ моего журнала „Библіотека для чтенія“ Е. Н. Эдельсонъ, человѣкъ деликатный и сдержанный, когда заходила рѣчь объ этомъ свойствѣ Островскаго, любилъ повторять два эпизода изъ временъ ихъ совмѣстнаго „прожиганія“ жизни, очень типичныхъ, въ этомъ смыслѣ.

Когда мнѣ лично привелось разъ замѣтить А. Н—чу, какъ хорошо такое-то лицо въ его пьесѣ; онъ, съ добродушной улыбкой, поглаживая бороду и поводя головой на особый ладъ (жестъ, памятный всѣмъ, особенно тѣмъ, кто умѣлъ его копировать) выговорилъ невозмутимо:

— Вѣдь у меня всегда всѣ роли—превосходныя!

Поэтому, когда онъ ставилъ пьесу—и на Александринскомъ театрѣ—онъ всегда былъ отмѣнно доволенъ всѣми исполнителями, даже и актера Нильскаго похваливалъ. Разъ они играютъ въ его пьесѣ—они должны быть безукоризненно хороши.

Можетъ быть, это повышенное самосознаніе и давало ему нравственную поддержку въ тѣ годы (а они продолжались не одинъ де-

сятокъ лѣтъ), когда онъ постоянно бился изъ-за постановки своихъ вещей, и дирекція держала его, въ сущности, въ черномъ тѣлѣ.

Переписка А. Н., появившаяся послѣ смерти актера Бурдина, бывшаго его постояннымъ ходатаемъ, показала достаточно, какъ создатель нашего бытового репертуара нуждался въ заработкѣ; а ставилъ онъ обыкновенно по одной пьесѣ въ сезонъ, на обоихъ Императорскихъ театрахъ.

И позднѣе, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, его новыя вещи въ Петербургѣ не давали большихъ сборовъ, и критика дѣлалась къ нему все строже и строже.

Но все это не могло поколебать той самооцѣнки, какой онъ неизмѣнно держался, и въ самые тяжелые для него годы. Реваншъ свой онъ получилъ только передъ смертью, когда реформа Императорскихъ театровъ, при директорѣ И. А. Всеволожскомъ, выдвинула на первый планъ самыхъ заслуженныхъ драматурговъ—его и Потѣхина, а при возстановленіи самостоятельной дирекціи въ Москвѣ, Островскій взялъ на себя художественное завѣдываніе Московскимъ Малымъ театромъ.

Ему предложили и директорство, но онъ отказался отъ главнаго административнаго поста.

И поразительно скоро—какъ всѣ говорили тогда за кулисами—онъ пріобрѣлъ тонъ и обхожденіе скорѣе чиновника, облекся въ вицмундиръ и усилилъ еще свой обычный важный видъ, которымъ онъ отличался и какъ предсѣдатель „Общества драматическихъ писателей“, гдѣ мы встрѣчались съ нимъ на засѣданіяхъ, многіе годы.

Такая писательская психика объясняется его очень быстрыми успѣхами, въ концѣ 40-хъ годовъ, и восторгами того пріятельскаго кружка изъ литераторовъ и актеровъ, гдѣ главнымъ запѣвалой былъ Аполлонъ Григорьевъ, произведшій его въ русскаго Шекспира. Въ Москвѣ, около него, тогда состояла группа преданныхъ хвалителей, больше изъ мелкихъ актеровъ. И привычка къ такому антуражу развила въ немъ его самооцѣнку.

Но вся его жизнь прошла въ служеніи идеѣ реальнаго театра, и кромѣ сценической литературы, которую онъ такъ слилъ съ собственной судьбой, у него ничего не было такого же дорогого. Отъ интересовъ общественнаго характера онъ стоялъ въ сторонѣ, если они не касались театра или корпораціи сценическихъ писателей. Остальное брала большая семья, а также и заботы о покачнувшемся здоровьѣ.

Врядъ-ли онъ когда-либо пробовалъ себя въ другихъ родахъ литературы, несмотря на свой несомнѣнный поэтическій даръ, что онъ доказалъ достаточно „Снѣгурочкой“.

Художественность его писательской работы являлась естественнымъ продуктомъ его объективнаго реализма, знанія русскаго быта, души русскаго бытового человѣка и любви къ характернымъ чертамъ русскаго ума, юмора, комизма и трагизма.

Едва-ли не въ одной комедіи „Доходное мѣсто“ онъ поддался тогдашней либеральной тенденціи. Моралистомъ онъ былъ несомнѣнно, но широкимъ, иногда очень широкимъ. Но главной его заботой оставалось жизненное творчество—языкъ, нравы, типичность и своеобразность лицъ.

Родился ли онъ драматургомъ—по преимуществу? Такой вопросъ можетъ показаться страннымъ, но я его ставилъ еще въ 70-хъ годахъ, въ моемъ циклѣ лекцій: „Островскій и его сверстники“, гдѣ я указывалъ, впервые, на то, что создатель нашего бытового театра обладаетъ скорѣе эпическимъ талантомъ. Къ сильному (какъ нѣмцы говорятъ „драстическому“) дѣйствію онъ былъ мало склоненъ. Поэтому большинство его пьесъ такъ полны разговоровъ, гдѣ много таланта, въ смыслѣ яркой психики дѣйствующихъ лицъ, но мало движенія.

Островскій, подъ вліяніемъ критическихъ статей Добролюбова, сталъ смотрѣть на себя, какъ на изобличителя купеческаго „темнаго царства“. Въ первыхъ своихъ вещахъ онъ былъ болѣе объективнымъ художникомъ, склоняясь и къ народническимъ симпатіямъ. („Не въ свои сани не садись“, „Бѣдность не порокъ“ и, въ особенности, драма: „Не такъ живи, какъ хочется“). А позднѣе—въ цѣломъ рядѣ комедій, онъ только смѣялся надъ своими купцами и купчихами и рѣдко забиралъ глубже. Вотъ почему онъ совсѣмъ не захватилъ новѣйшаго развитія нашего буржуазнаго міра, когда, именно въ Москвѣ, купеческій классъ сталъ играть и болѣе видную общественную роль.

Если бъ онъ,—къ 80-мъ годамъ,—захотѣлъ давать намъ картины этой самой буржуазіи, онъ могъ бы это дѣлать.

То, что явилось въ моемъ романѣ „Китай-городъ“ (къ 80-мъ годамъ), было какъ разъ результатомъ наблюденій надъ новымъ купеческимъ міромъ. Центральный типъ смѣхотворнаго „Кита Китыча“ уже сошелъ со сцены. Надо было совсѣмъ иначе относиться къ московской буржуазіи. А авторъ „Свои люди—сочтемся“ не желалъ измѣнять своему основному типу обличительнаго комика, трактовавшаго все еще, по-старому, своихъ купцовъ.

Такое добровольное пребываніе въ старыхъ комическихъ тенетахъ объясняется отчасти жизнью, которую Островскій велъ въ послѣднія двадцать лѣтъ. Наблюдательность должна питаться все новыми „развѣдками“ и „съёмками“. А онъ стоялъ въ сторонѣ не

только отъ того, что тогда всего сильнѣе волновало передовую долю общества, но и отъ писательскаго міра. Ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ онъ не былъ центромъ какого-нибудь кружка, кромѣ своихъ коллегъ по обществу драматурговъ.

Кажется, всего одинъ разъ въ моей жизни я видѣлъ его на банкетѣ, который мы устроили Тургеневу въ зиму 1878—79 г.г. въ залѣ ресторана Эрмитажъ. А передъ всей литературной Россіей онъ едва-ли не одинъ всего разъ явился на праздникѣ Пушкина.

И я не знавалъ писателей ни крупныхъ, ни мелкихъ, кто бы былъ къ нему лично привязанъ или говорилъ о немъ иначе, какъ въ юмористическомъ тонѣ, на тему его самооцѣнки. Изъ сверстниковъ ближе всѣхъ, по годамъ и театру, стоялъ къ нему Писемскій. Но онъ не любилъ его, хотя они и считались пріятелями. Съ Тургеневымъ, Некрасовымъ, Салтыковымъ, Майковымъ, Григоровичемъ, Полонскимъ—не случилось мнѣ лично говорить о немъ, не только, какъ о писателѣ, но и какъ о человѣкѣ.

Критикъ Анненковъ ставилъ его очень высоко, даже „Минина" его находилъ замѣчательнымъ. Но они были люди совсѣмъ разнаго склада, образованія и литературнаго прошлаго.

Быть можетъ, изъ нашихъ первоклассныхъ писателей, Островскій оставался самымъ яркимъ, исключительнымъ бытовикомъ по своему душевному складу, хотя онъ и былъ университетскаго образованія, начитанъ по русской исторіи и выучился даже, на старости лѣтъ, настолько по-испански, что переводилъ пьески Сервантеса.

Сезонъ петербургской зимы 1862 — 1863 годовъ (когда началась моя редакторская жизнь) былъ, какъ читатель видитъ, очень наполненъ. Врядъ-ли, до наступленія событій 1905—1906 годовъ, Петербургъ жилъ такъ полно и разнообразно.

Не надо однако же вдаваться въ преувеличенные восторги. Выраженіемъ „шестидесятые года" у насъ ужасно стали злоупотреблять. Если прикинуть теперешній аршинъ къ тогдашнему общественному „самосознанію", то окажется, что тогда не нашлось бы и одной десятой того количества людей и старыхъ и молодыхъ, участвующихъ въ движеніи, какое бросилось въ борьбу къ осени 1905 года. Не нужно забывать, что огромный классъ дворянства, на двѣ трети, былъ противъ паденія крѣпостничества; чиновничество, въ массѣ, держалось еще прежняго духа и тѣхъ же нравовъ. Только незначительное меньшинство въ столицахъ—и всего больше въ Петербургѣ—жило идеями, упованіями, протестами и запросами шестидесятыхъ годовъ.

Но въ предѣлахъ тогдашнихъ „возможностей" все: и художественная литература, и публицистика, и критика, и театръ, и другія области искусства—все это шло усиленнымъ ходомъ.

Мы видѣли сейчасъ, что даже такая подробность, какъ театральное любительство—и то привлекало тогдашнихъ корифеевъ сценической литературы.

Театръ, по творческой производительности, переживалъ свой героическій періодъ. Никогда, позднѣе, не дѣйствовало одновременно столько крупныхъ писателей, изъ которыхъ два—Островскій и Писемскій—создавали нашъ новый реальный, бытовой репертуаръ.

Пьесы Алексѣя Потѣхина отвѣчали тогда прямо на потребность въ „гражданскихъ" мотивахъ. И онъ выбиралъ все болѣе сильные мотивы, до тѣхъ поръ, пока цензура не заставила его надолго отказаться отъ сцены, послѣ его комедіи „Отрѣзанный ломоть".

Публика привыкла тогда къ тому, чтобы ей каждую недѣлю давали новую пьесу. И нѣсколько молодыхъ писателей, вродѣ Дьяченко, Николая Потѣхина, Владыкина и др., отвѣчали—какъ могли и умѣли—этимъ бенефиснымъ аппетитамъ.

Дьяченко сдѣлался очень быстро самымъ популярнымъ поставщикомъ Александринскаго театра, и его пьесы имѣли больше внѣшняго успѣха, чѣмъ новыя вещи Островскаго, потому что ихъ находили болѣе сценичными.

Уровень игры стоялъ, если не по ансамблю и постановкѣ, то по отдѣльнымъ талантамъ—очень высоко. Никогда еще, въ одну эпоху, не значились рядомъ такія имена, какъ Сосницкій, Самойловъ, Павелъ Васильевъ, Ф. Снѣткова, Линская.

Если привилегія Императорскихъ театровъ не дозволяла въ столицахъ никакой частной антрепризы, то это же сосредоточивало художественный интересъ на одной сценѣ; а система бенефисовъ, хотя и не позволяла ставить пьесы такъ, какъ бы желали друзья театра и драматурги, но этимъ самымъ драматургамъ бенефисная система давала гораздо болѣе легкій ходъ на сцену, что испыталъ и я—на первыхъ же моихъ дебютахъ.

Итальянская опера, стоявшая тогда во всемъ блескѣ, балетъ, французскій и нѣмецкій театръ—отвѣчали всѣмъ вкусамъ любителей драмы, музыки и хореографіи. И мы—молодые писатели—посѣщали французовъ и нѣмцевъ вовсе не изъ одной моды, а потому, что тогда и труппы, особенно французская, были прекрасныя, и парижскія новинки дѣлались все интереснѣе. Тогда въ самомъ расцвѣтѣ своихъ талантовъ стояли Дюма-сынъ, В. Сарду, Т. Барьеръ. А нѣмцы своимъ классическимъ репертуаромъ поддерживали вкусъ къ Шиллеру, Гёте и Шекспиру.

Тогда и Шекспиръ сталъ проникать въ Александринскій театръ въ новыхъ переводахъ и въ новомъ, болѣе правдивомъ исполненіи. Самойловъ выступалъ въ Шейлокѣ и Лирѣ, и постановка „Лира", въ талантливомъ переводѣ Дружинина, была настоящимъ сценическимъ событіемъ.

Тогда и западное сценическое искусство явилось къ намъ въ лицѣ нѣсколькихъ знаменитостей, чтобы поднять интересъ нашей публики къ классическому репертуару, и Шекспиру отведено было первое мѣсто, хотя называть его театръ классическимъ (какъ это до сихъ поръ у насъ водится), врядъ ли правильно.

Американскій негръ — изъ бывшихъ невольниковъ — Айра Ольдриджъ, пріѣхалъ въ Петербургъ съ громкой рекламой—послѣ tournée въ Америкѣ и Англіи.

Онъ былъ какъ бы прирожденный „мавръ", и Отелло сдѣлался его коронною ролью. Игралъ онъ съ нѣмцами, которые тогда дѣйствовали еще на Маріинскомъ, въ перемежку съ русской оперой, иногда съ русской драмой.

Кажется, до того, петербургская публика не бывала еще на такихъ разноязычныхъ спектакляхъ, даже и въ операхъ. Айра Ольдриджъ могъ говорить только по-англійски. Остальная труппа играла по-нѣмецки. Выходило странно, но менѣе странно, чѣмъ съ русскими актерами, что началось уже въ Москвѣ, гдѣ юная Познякова-Ѳедотова играла съ нимъ Дездемону. Потомъ негритянская знаменитость долго ѣздила по провинціи, играла на Нижегородской ярмаркѣ и въ другихъ городахъ. Айра сдѣлался популярнымъ, и даже немного пріѣлся. Въ провинціи на него сбѣгались смотрѣть, какъ на диковинку... Спектакли производили полукомическое впечатлѣніе. Обыкновенно, послѣ „реплики", актеръ или актриса щелкали пальцами или дѣлали другой условный знакъ. То же продѣлывалъ и самъ Айра. Уже было нѣсколько исторій. Сначала онъ ужасно пугалъ актрисъ, и одна изъ нѣмокъ, игравшихъ съ нимъ въ Петербургѣ, чуть не выскочила изъ кровати, когда онъ началъ душить ее. Онъ и въ жизни проявлялъ темпераментъ Отелло; но былъ, кажется, довольно добродушное дитя природы.

Для болѣе развитой доли столичной публики, Айра явился самымъ страстнымъ и реально-страшнымъ Отелло, какого она когда-либо видала. Въ двухъ другихъ его роляхъ—въ Шейлокѣ и въ Лирѣ, онъ бралъ тоже, почти исключительно, темпераментомъ. Въ этихъ роляхъ онъ принужденъ былъ усиленно мазать себѣ лицо. Шейлокъ выходилъ у него болѣе злобнымъ евреемъ, чѣмъ художественно созданнымъ шекспировскимъ лицомъ. Лиру также недоставало глубокаго трагизма. Все это стояло гораздо ниже того,

что, много лѣтъ спустя, Петербургъ и Москва видѣли у Росси и Сальвини, особенно въ сальвиніевскомъ Отелло.

Но все-таки это была не только курьезная, но и просвѣтительная новинка. Прививая вкусъ къ шекспировскому театру, она давала поводъ къ сравнительному изученію ролей. Самойловъ какъ разъ выступалъ въ Шейлокѣ и Лирѣ. У Айры Ольдриджа было, конечно, вчетверо больше темперамента, чѣмъ у русскаго „премьера“, но въ общемъ онъ не стоялъ на высотѣ талантливости Самойлова.

Другой толкователь Шекспира и нѣмецкихъ героическихъ лицъ, пріѣзжавшій въ Россію, въ тѣ же сезоны—тогда уже нѣмецкая знаменитость, актеръ Дависонъ, считался одной изъ первыхъ силъ въ Германіи, на-ряду съ Девріеномъ.

Я его встрѣтилъ разъ въ кабинетѣ начальника репертуара, тотчасъ по его пріѣздѣ. Онъ былъ уже не молодой, съ рѣзко-еврейскимъ профилемъ и даже легкимъ акцентомъ, или, во всякомъ случаѣ, съ особеннымъ какимъ-то нѣмецкимъ выговоромъ.

На этой героической знаменитости, мы — тогдашніе „люди театра“—могли изучать всѣ достоинства и дефекты нѣмецкой игры: необыкновенную старательность, выработку дикціи, гримировку, умѣнье носить костюмъ и даже создавать типъ, характеръ, и при этомъ, все-таки непріятную для насъ, русскихъ, искусственность, декламаторскій тонъ, неспособность глубоко захватить насъ: все это доказательства головного, а не эмоціональнаго темперамента.

По выработкѣ внѣшнихъ пріемовъ, Дависонъ стоялъ очень высоко. Его принимали, какъ знаменитость. Нѣмцы бѣгали смотрѣть на него; охотно ходили и русскіе, но никто въ тогдашнемъ писательскомъ кругу и среди страстныхъ любителей сцены—не восторгался имъ, особенно въ такихъ роляхъ, какъ Гамлетъ или Маркизъ Поза или Макбетъ. Типичнѣе и блестящѣе былъ онъ все въ томъ же Шейлокѣ, гдѣ ему очень помогало и его еврейское происхожденіе.

Гораздо больше волновала Петербургъ—во всѣхъ классахъ общества, начиная съ свѣтски-чиновнаго,—Ристори, особенно въ первый ея пріѣздъ.

Послѣ Рашели (бывшей въ Россіи передъ самой Крымской кампаніей и оставившей глубокую память у всѣхъ, кому удалось ее видѣть), Ристори являлась первой актрисой съ такой же всемірной репутаціей.

Тѣ, кто видалъ Рашель, находили, что она была, по таланту, выше итальянской трагической актрисы. Но Рашель играла, почти исключительно, въ классической трагедіи, а Ристори, по репертуару, принадлежала уже къ романтической литературѣ, и едва-ли

не въ одной Медеѣ изображала древнюю героиню; но и эта „Медея", какъ пьеса, была новѣйшаго итальянскаго производства.

И я, до ея появленія у насъ, не видалъ такой живописной и внушительной наружности, такого тѣлеснаго склада и поступи, такихъ пластическихъ движеній, всего, что требуется для созданія сильно драматическихъ и трагическихъ ролей.

Прибавьте къ этому музыкальный органъ, съ низковатымъ бархатнымъ звукомъ, чудесную дикцію, самую красоту итальянскаго языка. Ристори плѣняла, а въ сильныхъ мѣстахъ проявляла натискъ, какого ни въ комъ изъ русскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ актрисъ мы не видали.

И все-таки, она больше поражала, восхищала, дѣйствовала на нервы, чѣмъ захватывала васъ порывомъ чувства, или задушевностью, или слезами—т. е. тѣми сторонами женственности, въ какихъ проявляется очарованіе женской души. Все это, напр., она могла бы показать въ одной изъ своихъ любимыхъ ролей—въ шиллеровской Маріи Стюартъ. Но она не трогала васъ глубоко; и въ предсмертной сценѣ не одного меня непріятно кольнуло то, какъ она, отправлясь на эшафотъ, посылала поцѣлуи распятію.

Въ другихъ своихъ коронныхъ роляхъ—Медеѣ и Юдиѳи—она могла пускать въ ходъ интонаціи ревности и ярости, силу характера, притворство. Все это продѣлывалось превосходно; но и тутъ пластика игры, декламація и условность жестикуляціи были романтическими, только по тону пьесы, а отзывались еще своего рода классической традиціей.

О ея игрѣ я имѣлъ разговоръ тогда съ Писемскимъ. Онъ ходилъ смотрѣть Ристори и очень мѣтко оцѣнивалъ ея игру. Онъ былъ еще строже и находилъ, что у ней нѣтъ настоящаго темперамента тамъ, гдѣ нужно проявлять страсть, хотя бы и бурную.

Ристори пріѣхала и въ другой разъ въ Петербургъ, привлеченная сборами перваго пріѣзда. Но къ ней какъ-то быстро стали охладѣвать. Чтобы сдѣлать свою игру доступнѣе, она выступала даже съ французской труппой, въ пьесѣ, спеціально написанной для нея въ Парижѣ Легуве, изъ современной жизни, но это не подняло ея обаянія, а напротивъ повредило. Пьеса была слащавая, ординарная, а она говорила по-французски все-таки съ итальянскимъ акцентномъ.

Какъ первая трагическая итальянская актриса, она оставила очень опредѣленный, выработанный образецъ игры, помимо своихъ эффектныхъ внѣшнихъ средствъ.

Всего сильнѣе дѣйствовала она на нашу публику, въ пьесѣ, изображающей жизнь англійской королевы Елизаветы. Она и уми-

раетъ на сценѣ. По созданію лица, по реализму отдѣльныхъ положеній, это было самое оригинальное изъ того, что она тогда исполняла.

Пьеса эта, какъ и трагедія „Юдиѳь“, была написана тогдашнимъ поставщикомъ итальянскихъ сценъ (кажется, по фамиліи Джакометти) въ грубовато-романтическомъ тонѣ, но съ обиліемъ разныхъ болѣе реальныхъ подробностей. Въ Елизаветѣ онъ далъ ей еще больше выгоднаго матеріала, чѣмъ въ Юдиѳи. И она показала большое мастерство въ постепенныхъ измѣненіяхъ посадки тѣла, голоса, лица, движеній, вплоть до момента смерти.

Съ тѣхъ поръ я болѣе уже не видалъ Ристори ни въ Россіи, ни за границей, вплоть до зимы 1870 года, когда я впервые попалъ во Флоренцію, во время Франко-Прусской войны. Туда пріѣхала депутація изъ Испаніи звать на престолъ принца Амедея. Въ честь испанцевъ шелъ спектакль въ театрѣ „Николини“, и Ристори, уже покинувшая театръ, проиграла сцену изъ „Орлеанской Дѣвы“ по-испански, чтобы почтить гостей.

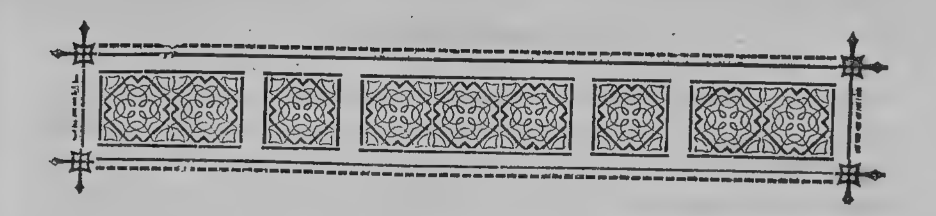
Жутко было смотрѣть на эту почти шестидесятилѣтнюю женщину, въ костюмѣ театральной пастушки.

Выйдя замужъ за титулованнаго итальянскаго барина, она долго еще жила, какъ говорится, „окруженная всеобщимъ уваженіемъ“. Ея палаццо на Арно извѣстно многимъ русскимъ, кто живалъ во Флоренціи.

П. Боборыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тысяча восьмисотый годъ.

I.

Придворныя интриги.—Вліяніе ихъ на развитіе гнета управленія.—Развитіе недовольствъ въ связи съ перемѣной внѣшней политики Императора.—Лица, окружавшія Императора Павла: Обольяниновъ, Кутайсовъ, кн. Анна Петровна Гагарина, гр. П. А. Паленъ.—Кружокъ О. А. Жеребцовой: англійскій посланникъ Витвортъ, гр. Н. П. Панинъ, адмиралъ Рибасъ.

Деспотизмъ и раздражительность Императора Павла въ началѣ его царствованія умѣрялись вліяніемъ кружка его приближенныхъ, во главѣ которыхъ находилась его супруга, Императрица Марія Θеодоровна, и камеръ-фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова. Опасныя стороны характера Императора Павла извѣстны были имъ въ совершенствѣ, и онѣ употребляли всѣ усилія, чтобы оберегать его отъ крайностей, хотя и не всегда съ успѣхомъ, но уже въ 1798 году, послѣ рожденія Великаго Князя Михаила Павловича, между супругами послѣдовало охлажденіе: основываясь на заключеніи врачей, подкупленныхъ врагами Императрицы, что новые роды грозятъ ея жизни, Павелъ началъ относиться къ ней, какъ къ больной. Это вполнѣ отвѣчало планамъ Кутайсова, Растопчина и Безбородко, стремившихся къ утвержденію собственнаго вліянія на Императора; и во время поѣздки Императора въ Москву весною 1798 г. они обратили его вниманіе на 16-лѣтнюю Анну Петровну Лопухину, дочь сенатора Петра Васильевича Лопухина. Лопухина, по отзыву современницы, имѣла красивую голову, но была невысокаго роста, дурно сложена и безъ граціи въ манерахъ. Красивые глаза, черныя брови и волосы того же цвѣта, прекрасные зубы и пріятный ротъ были единственными ея прелестями; небольшой вздернутый носъ не придавалъ изящества ея фигурѣ. Выраженіе лица было мягкое и доброе, и

дѣйствительно Лопухина была добра и не способна ни желать, ни дѣлать какого-либо зла, но въ то же время она была недалекаго ума и не получила должнаго воспитанія. Ея вліяніе проявлялось только въ раздачѣ милостей; у нея не было данныхъ, чтобы распространить его на дѣла, хотя любовь Государя и низость людей давали ей возможность вмѣшиваться во все. Часто она испрашивала прощеніе невиннымъ, съ которыми Императоръ поступалъ очень строго въ минуты гнѣва; тогда она плакала или дулась и такимъ образомъ достигала желаемаго. Понятно, что не Лопухина могла руководить Павломъ и, отстранивъ разъ навсегда всякое вліяніе Императрицы Маріи и Нелидовой, Павелъ уже не сдерживался въ своихъ поступкахъ; напротивъ того, подчинившись вліянію Кутайсова и др. враговъ Императрицы Маріи, онъ сразу измѣнилъ весь составъ высшаго управленія и придворныхъ, заподозривая честолюбивые планы Императрицы, клонящіеся къ его низверженію. Съ этого момента Императоръ потерялъ точку опоры, лишившись своихъ друзей, и сдѣлался орудіемъ въ рукахъ интригановъ, возбуждавшихъ его подозрительность для достиженія личныхъ своихъ цѣлей. Они увѣряли его въ существованіи заговоровъ противъ его жизни, указывали на опасности, угрожавшія трону со стороны дворянства, говорили, что Императрица желаетъ сама царствовать, на подобіе Екатерины. Многіе изъ старыхъ друзей Императрицы и самого Императора: Нелидовъ, Куракины, Плещеевъ, Репнинъ, удалены были отъ должностей и отъ двора, многіе посланы были въ деревни. Полицейскій гнетъ надъ частною жизнью усилился еще болѣе, чѣмъ прежде; цензурныя стѣсненія дошли до запрета отдѣльныхъ словъ, издавна употребляемыхъ въ разговорѣ и литературѣ. Чувство страха, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, царили въ душѣ каждаго отъ царскихъ чертоговъ до послѣдней хижины гдѣ-либо на Колтовской. „Ужасное время!—писалъ современникъ.—Я былъ тогда ребенкомъ, въ томъ возрастѣ, когда все кажется намъ въ розовомъ цвѣтѣ, когда живешь годы, о которыхъ потомъ вспоминаешь съ удовольствіемъ, съ сожалѣніемъ, что они прошли; я не могу и теперь, въ старости, вспоминать безъ страха и злобы о тогдашнемъ времени, когда самый честный и благородный человѣкъ подвергался ежедневно, безъ всякой вины, лишенію чести, жизни, даже тѣлесному наказанію, когда владычествовали злодѣи и мерзавцы, и всякій квартальный былъ тираномъ своего округа. Хорошо теперь заочно хвалить времена Императора Павла! Пожили бы при немъ, такъ вспомнили бы!“ [1]). Самые умѣренные въ своихъ отзывахъ со-

---

[1]) „Записки о моей жизни“, Греча, 65.

временники конца Павловскаго царствованія, доказывая, что народъ въ это время на всемъ пространствѣ Россіи менѣе чѣмъ когда-либо страдалъ отъ злоупотребленій власти, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ о гнетѣ, которому подвергались жители столицъ и вся мыслящая, культурная Россія въ лицѣ передового тогда дворянскаго класса, возвеличеннаго Екатериной II и столь униженнаго Павломъ. Въ три, четыре года Императоръ возбудилъ противъ себя сословіе, бывшее дотолѣ опорой трона, не успѣвъ еще создать прочныхъ элементовъ для возведенія задуманнаго имъ междусословнаго бюрократическаго зданія въ военной и гражданской администраціи. Даже кружокъ приближенныхъ къ Государю лицъ постоянно мѣнялся вслѣдствіе его подозрительности: въ концѣ концовъ онъ довѣрялъ лишь бывшему своему камердинеру, ставшему теперь графомъ и оберъ-егермейстеромъ, Ивану Павловичу Кутайсову, но онъ былъ годенъ для домашнихъ услугъ, но не для Государственныхъ дѣлъ. Какъ ни стремился Павелъ воплотить принципъ „l'état c'est moi" въ себѣ самомъ, но и его несокрушимой энергіи, его вѣчному стремленію къ борьбѣ, положенъ былъ неожиданный предѣлъ: онъ почувствовалъ, что кругомъ него образовалось пустое мѣсто...

Для потомства легко опредѣлять необходимость и относительную важность историческихъ этаповъ въ народной жизни, но современникамъ ихъ приходится переживать и сознавать однѣ лишь тяжелыя ихъ стороны, считаясь часто не только съ фактами, но и съ *ожиданіемъ* возможныхъ событій, напрягая тѣмъ нервы до крайности. Вообще въ царствованіе Павла въ Петербургѣ никто не могъ жить спокойно, но въ 1800 г. нервное напряженіе общества достигло своего апогея: привыкшее уже къ униженіямъ, дворянство почуяло приближеніе новой для себя опасности. Это былъ моментъ перелома во внѣшней политикѣ Павла: разочаровавшись въ Бурбонахъ и въ своихъ союзникахъ, Императоръ Павелъ со свойственной ему прямотой протянулъ руку недавнему своему врагу—французской республикѣ, въ лицѣ перваго ея консула, Наполеона Бонапарте, и готовился къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ бывшихъ своихъ друзей: Австріи и Англіи, измѣняя такимъ образомъ общему дѣлу de la bonne cause, налагая опалу на аристократическія вожделѣнія эмигрантовъ, пользовавшихся дотолѣ особымъ его покровительствомъ и заручившихся симпатіями высшаго петербургскаго общества. Эта перемѣна во внѣшней политикѣ Императора уничтожила послѣднюю связь его, соединявшую его еще съ обществомъ, была послѣдней каплей, переполнившей чашу. Возникалъ естественный вопросъ, насколько измѣна Императора „общему дѣлу" можетъ отразиться на его внутренней политикѣ? И вотъ начали

носиться слухи, что французское правительство совѣтовало Государю конфисковать всѣ дворянскія имѣнія, и что онъ склоненъ послѣдовать тому совѣту [1]).

Отдаленная опасность эмансипаціи крестьянъ связывалась въ мысляхъ дворянства съ наступавшимъ уже въ дѣйствительности финансовымъ своимъ разореніемъ: вслѣдствіе разрыва съ Англіей прекращался вывозъ нашего сырья и сельскохозяйственныхъ продуктовъ, и цѣны на нихъ пали. „Царство страха“ становилось въ грозномъ будущемъ еще страшнѣй—до такой степени, что даже забыли о „страхѣ“.

„Въ сіе царство ужаса... говорили смѣло,—писалъ о послѣднемъ годѣ царствованія Павла Карамзинъ,—умолкали единственно отъ скуки и частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ истиннаго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности“ [2]). Похороны народнаго героя, Суворова, впавшаго въ опалу послѣ славной войны съ Франціей, для высшихъ классовъ получили характеръ демонстраціи.

Отрицательныя свойства характера Императора Павла: подозрительность и крайняя невоздержность во гнѣвѣ, между тѣмъ не ослаблялись, а усиливались, такъ какъ окружавшіе его люди могли достигать личныхъ своихъ цѣлей, лишь питая подозрительность Государя и умѣло направляя его гнѣвъ. Коцебу, панегиристъ Императора Павла, въ своихъ запискахъ о немъ, сообщаетъ много случаевъ за это время, свидѣтельствующихъ и о бурныхъ выходкахъ Императора, и о злоупотребленіяхъ его любимцевъ, игравшихъ довѣріемъ къ себѣ Государя. „Довольно,—по замѣчанію кн. Вяземскаго,—и того, что было, такъ какъ позорящія наказанія, иногда вовсе не отвѣчавшія степени вины, безпричинныя опалы, массовыя увольненія отъ службы продолжались по-прежнему“ [3]). „Но,—замѣчаетъ Коцебу,—что Павелъ приказывалъ со строгостью, то исполнялось его недостойными слугами съ жестокостью. Страшно сказать, но это несомнѣнно: жестокость обращена была въ средство лести... Они поддерживали его подозрительность и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы подливать масло въ огонь. Постоянное поддакиваніе вошло въ обычай, окончательно извратило характеръ

---

[1]) Письмо къ гр. С. Р. Воронцову отъ 8 апрѣля 1801 (Д. П. Бутурлина?).

[2]) Пыпинъ: „Общественное движеніе при Александрѣ I“, приложенія, 496—497.

[3]) Кн. П. Вяземскій: „Полное собраніе сочиненій“. IX, 197.

Государя и съ каждымъ днемъ дѣлалось ему необходимѣе. Не по недостатку разсудка Павелъ подпалъ подъ вліяніе льстецовъ, а вслѣдствіе ихъ адскаго искусства не давать уснуть его подозрительности и представлять какъ преступленіе всякое правдивое противорѣчіе. Послѣдствіемъ этого было то, что всѣ честные люди замолкли даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по долгу совѣсти имъ надлежало говорить". Клевета производила на впечатлительнаго Государя свое дѣйствіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она была ясно обнаруживаема. Однажды на отца фаворитки Павла, князя Лопухина, взвели столь нелѣпую клевету, что ему ничего не стоило изобличить ее предъ Государемъ. Павелъ ясно увидѣлъ это; однако спустя нѣсколько дней, сказалъ ему: „Я очень увѣренъ въ неправдѣ, на тебя взведенной, но со всѣмъ этимъ тутъ (онъ указалъ при этомъ на свою голову) нѣчто остается".

Изъ „гатчинцевъ", оставшихся при Павлѣ, лишь одинъ Растопчинъ обнаруживалъ признаки государственнаго ума и, при всѣхъ извѣстныхъ намъ недостаткахъ своего характера, могъ быть дѣйствительно полезенъ Государю; всѣ прочіе, по выраженію Саблукова, „исполняли, подобно маріонеткамъ, всѣ внѣшнія формальности службы, не отдавая себѣ, повидимому, никакого отчета, для чего онѣ установлены" [1]). Конечно, такіе люди не въ состояніи были даже понять тотъ вредъ, который они причиняли, занимая высокіе посты. Изъ нихъ по значенію своему выдѣлялся особенно новый генералъ-прокуроръ Обольяниновъ [2]), невѣжественный, но честный и прямолинейный гатчинскій служака, который „съ величайшимъ хладнокровіемъ приказывалъ исполнять, даже усугублять то, что Государь повелѣвалъ, когда съ умысломъ возбуждали его гнѣвъ" [3]). Мертваго, служившій при Обольяниновѣ, такъ вспоминалъ о его дѣятельности: „Время это было самое ужасное. Государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни... Словомъ, ежедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ, все шло чрезъ него. Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того, что разсказываютъ" [4]). Между тѣмъ, исполнительность Обольянинова, отсутствіе противорѣчій съ его стороны вызывало особое довѣріе къ

---

[1]) Саблуковъ: „Записки", 57.

[2]) Генералъ-прокуроромъ Обольяниновъ назначенъ былъ 8-го февраля 1800 г.

[3]) Коцебу: „Записки" (ркп.).

[4]) „Записки Мертваго" („Р. Арх.", 1867 г., 118).

нему Павла. „Съ каждымъ днемъ становясь все сильнѣе,—говоритъ Мертваго,—онъ вскорѣ уподобился великому визирю. Всѣ, лично имѣвшіе докладъ у Государя, получили приказаніе присылать свои представленія чрезъ генералъ-прокурора и были принуждены объясняться по всѣмъ дѣламъ съ Обольяниновымъ, соображаться съ его мнѣніемъ или, лучше сказать, съ его приказаніемъ, которое казалось всѣмъ волею царя. Множество дѣлъ, быстрота, которую Государь требовалъ въ ихъ исполненіи, непривычка заниматься важными дѣлами, а болѣе всего дурное воспитаніе и грубость его обхожденія вооружили противъ него всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло" [1]). „Онъ вошелъ въ такую силу и уваженіе, что не только военный губернаторъ, графъ Паленъ, но и всѣ высшіе военные, статскіе и дворцовые чиновники къ нему пріѣзжали, наполняли цѣлую залу и выхода его ожидали. Даже великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи бывали, ибо ему поручена была, сверхъ статской, и военная часть подъ нѣкоторый, хотя не формальный, но сильный надзоръ [2]). Въ порывахъ необузданной вспыльчивости Обольяниновъ не только безпрестанно бранился, но и щедро расточалъ угрозы кандалами, крѣпостью, каторгою, хотя все это при его доброй натурѣ ограничивалось болѣе только словами". Однажды въ Гатчинѣ одинъ изъ товарищей Сперанскаго, служившаго въ то время при Обольяниновѣ, засталъ его въ горькихъ слезахъ. „Что такое?"—„Помилуйте, хоть бы сейчасъ броситься въ прудъ. Работаю день и ночь, а отъ Петра Хрисанѳовича (Обольянинова) слышу одни только ругательства. Сейчасъ еще, Богъ знаетъ за что, разбранилъ меня въ пухъ и обѣщалъ запрятать въ казематы на семь саженъ подъ землю. Этого вынести нельзя" [3]). Между тѣмъ этотъ „великій визирь" и сохранялъ свой постъ отчасти лишь потому, что по своей ограниченности не могъ мѣшать другимъ болѣе ловкимъ и опаснымъ любимцамъ Императора: графу Ивану Павловичу Кутайсову и графу Петру Алексѣевичу Палену: въ ихъ глазахъ Обольяниновъ былъ маріонеткой, которую они могли столкнуть при первой необходимости. Обольяниновъ былъ до такой степени ограниченъ и довѣрчивъ, что, незадолго до кончины Государя, домъ его сдѣлался сборнымъ пунктомъ всѣхъ недовольныхъ [4]): гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, было другое болѣе безопас-

---

[1]) Тамъ же, 113.

[2]) Корфъ: „Жизнь Сперанскаго", I, 52.

[3]) Тамъ же, 54—55.

[4]) Саблуковъ, 27.

ное для нихъ мѣсто, какъ не домъ „великаго визиря" и начальника тайной канцеляріи?

Другой любимецъ Императора, графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, оберъ-шталмейстеръ Высочайшаго двора [1]), и въ новомъ званіи своемъ продолжалъ умѣло управлять настроеніемъ Императора, какъ прежде дѣлалъ онъ, будучи „Иваномъ" [2]), простымъ камердинеромъ. Какъ и прежде, Кутайсовъ вовсе не задавался никакими государственными соображеніями, а имѣлъ въ виду одни лишь низменные личные интересы; какъ и прежде, если вѣрить современникамъ, онъ продолжалъ исполнять обязанности брадобрея при особѣ Павла: Императоръ привыкъ къ нему, а минуты одѣванія Императора были всегда минутами, когда Кутайсовъ могъ наединѣ дѣлать ему внушенія. Сдѣлавшись вельможей, Кутайсовъ расширилъ только кругъ личныхъ своихъ интересовъ, и виды его сдѣлались шире. Онъ пожелалъ войти въ кругъ высшей русской аристократіи—и она открыла ему настежь свои двери; онъ пожелалъ вступить съ ней въ родственныя связи—и самая знатная фамилія удостоилась этой чести: за старшаго сына Кутайсова, Павла, вышла въ маѣ 1800 г. красавица княжна Прасковья Петровна Лопухина, сестра фаворитки Павла, княгини Анны Петровны Гагариной [3]). Мелочные разсчеты Кутайсова заставили его содѣйствовать удаленію отъ дѣлъ Лопухина, Беклешова, Кутлубицкаго, всѣхъ тѣхъ, которые могли, по его мнѣнію, вредить его вліянію; самъ Растопчинъ оставался при дворѣ до тѣхъ только поръ, пока оставался въ дружбѣ съ Кутайсовымъ. Въ то же время комнатный любимецъ Императора возбуждалъ его подозрѣнія противъ Императрицы и двухъ старшихъ его сыновей. Увѣренный въ силѣ своего вліянія и не руководимый болѣе совѣтами Безбородко, Кутайсовъ не зналъ границъ своему высокомѣрію, тѣмъ болѣе, что простая и добрая фаворитка Госу-

---

[1]) Въ это званіе онъ пожалованъ былъ 9 января 1800 г.

[2]) Такъ называла его Императрица Марія Θеодоровна, въ письмахъ своихъ къ Нелидовой, еще въ 1798 г., а уже въ 1799 г., 22 февраля, онъ пожалованъ былъ въ бароны, а 5 мая того же года въ графы Россійской имперіи. Кн. П. А. Вяземскій пустилъ остроту, что „Кутайсовъ вышелъ въ люди *съ легкой руки своей*". (Полное собраніе сочиненій, IX, 48).

[3]) Этотъ графъ Павелъ Кутайсовъ только-что возвратился изъ-за границы, гдѣ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ надзоромъ А. С. Шишкова, взявшаго на себя эту обязанность по просьбѣ Кутайсова-отца. По отзыву Шишкова, онъ обнаруживалъ склонность къ неблагодарности и лѣни. („Записки", 57). По возвращеніи въ Россію онъ пожалованъ былъ 7 января 1800 г. въ камергеры. За недѣлю до брака Павла Кутайсова съ Лопухиной, 19 мая, послѣдовалъ собственноручный указъ Павла Сенату: „Камеръ-геру г. Кутайсову быть при Мнѣ штацъ-секретаремъ. Павелъ".

даря, княгиня Анна Петровна, щадила новаго своего родственника. Коцебу, близко стоявшій ко двору, разсказываетъ о поведеніи Кутайсова за это время поразительные факты. „Великій князь Александръ Павловичъ, юноша благороднѣйшій и достойнѣйшій любви, не избѣгалъ подозрѣній, которыя глубоко оскорбляли его прямодушіе. Незадолго до кончины Императора сидѣлъ онъ за столомъ великой княжны Маріи Павловны и, будучи погруженъ въ задумчивость, машинально игралъ ножомъ. „Qu'avez-vous, mon frère?"— спросила она его,—vous êtes aujourd'hui si rêveur". Онъ ничего не отвѣчалъ, нѣжно пожалъ ея руку подъ столомъ, и глаза его наполнились слезами. Ничтожное происшествіе навлекло на него взрывъ отцовскаго гнѣва. Нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ не оказали должнаго вниманія при салютованіи и были за то отправлены въ крѣпость на нѣсколько дней или часовъ. Вскорѣ выпущенные на свободу, они громко смѣялись надъ этимъ наказаніемъ. Это дошло до Государя. Нельзя было нанести ему болѣе чувствительнаго оскорбленія, какъ давъ ему поводъ полагать, что смѣются надъ его достоинствомъ; поэтому онъ приказалъ этихъ офицеровъ снова посадить въ крѣпость и угрожалъ имъ наказаніемъ кнутомъ. Оба великіе князя желали спасти виновныхъ и снизошли до того, что просили заступничества у Кутайсова, любимца Государя: „Laissez-moi faire,—отвѣчалъ надменный фаворитъ,—je lui laverai la tête". Возмущенный этими непочтительными выраженіями, великій князь Константинъ Павловичъ возразилъ ему: „monsieur le comte, n'oubliez pas ce que vous devez à mon père". Кутайсовъ, точно, говорилъ Императору въ пользу этихъ офицеровъ, но, вѣроятно, не довольно горячо или не въ надлежащую минуту, потому что потомъ совѣтовалъ великимъ князьямъ болѣе въ это дѣло не вмѣшиваться, замѣтивъ при этомъ, что Императоръ правъ, „car enfin,—прибавилъ онъ,—n'est-il pas le maître de faire chez soi tout ce qu'il veut?". Благородный Александръ, который самъ сообщилъ все это своей сестрѣ, не удовольствовался такимъ жестокосердымъ отвѣтомъ и рѣшился лично обратиться къ своему отцу съ серьезными, но почтительными представленіями. Государь, кипя гнѣвомъ, закричалъ: „я знаю, ты давно уже злоумышляешь противъ меня!"—и поднялъ на него трость. Великій князь отступилъ назадъ, а супруга его бросилась, чтобы заслонить его, и громко сказала: „пусть онъ сперва ударитъ меня". Павелъ смутился, повернулся и ушелъ". Коцебу разсказываетъ другой случай, показывавшій наглость любимца. „Однажды Императоръ нуждался въ деньгахъ. Императрица, будучи отличной хозяйкой и имѣя при томъ постоянное желаніе угождать своему супругу, послала своего личнаго секретаря Поле-

тику къ гр. Кутайсову, съ предложеніемъ выдать ему заимообразно изъ ломбарда 100.000 р. Графъ принялъ чиновника Императрицы, лежа на диванѣ и обернувшись лицомъ къ стѣнѣ; напротивъ его сидѣлъ оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ. Кутайсовъ выслушалъ Политику, не удостоивъ его ни однимъ взглядомъ; затѣмъ, обратясь къ Нарышкину, сказалъ: „Jugez, monsieur, nous avons besoin de 600.000 roubles, et elle nous offre cent". Другого отвѣта не было".

Императоръ Павелъ осыпалъ Кутайсова огромными богатствами, которыя любимецъ старался увеличить всякими средствами, пользуясь своимъ громаднымъ значеніемъ, не останавливаясь даже предъ обманомъ Императора [1]). По кончинѣ Императора Павла Кутайсовъ получалъ съ своихъ имѣній до 300.000 рублей (цѣнности того времени) ежегоднаго дохода. Любовница Кутайсова, актриса Шевалье, и мужъ ея, балетмейстеръ, пользуясь своимъ положеніемъ, брали огромныя взятки; лица, искавшія благосклонности Кутайсова, платили за ложи на ея бенефисъ, по разсказу Жоржеля и Коцебу, огромныя суммы. Если вѣрить гр. Головкину, то гр. Шереметевъ заплатилъ ей 20.000 р., чтобы спокойно оставить должность директора театровъ [2]). Растопчинъ, стремившійся подорвать вліяніе Кутайсова, пробовалъ однажды довести до свѣдѣнія Павла о взяточничествѣ Шевалье, но Кутайсовъ успѣлъ представить Императору дѣло въ другомъ видѣ, и Шевалье осталась въ Россіи на прежнемъ амплуа. По кончинѣ Императора Павла она выѣхала изъ Россіи вмѣстѣ съ Кутайсовымъ, отправившимся за границу для лѣченія.

Императоръ вѣрилъ въ преданность себѣ Кутайсова и считалъ его необходимымъ для себя человѣкомъ, такъ какъ онъ, зная слабости Императора, готовъ былъ на всякія услуги. Жертва его

---

[1]) Письмо гр. Н. И. Салтыкова кн. Александру Борисовичу Куракину 1801 г. „...Слышу, любезный другъ, что маіо дело съ Кутаісовымъ у васъ въ савѣте; я нічиво отъ васъ не прашу, надеяся что оно въ харошіхъ рукахъ, и неужели вы утвердіте обманъ Кутаісова? Онъ пакоінаго государя обманулъ поднеся ему указъ къ подпісанію пазвавъ поімянно мне принадлежащіе; і государь ему іхъ пожаловалъ, щітая канечно, что онъ жалуетъ казне принадлежащіе. Естлибъ онъ зналъ, что оное мне принадлежитъ, я уверенъ чтобъ онъ іхъ не пожаловалъ или же по крайности мне заменилъ бы другіми. Естлибъ въ указе было сказано, что жалуінтъ Кутаісова бывшее въ моемъ владеніи, хотябъ оно не оченъ справедливо было, но іхъ і іскать не сталъ, повінуяся воли его. Но щітаю верно что государь былъ обманутъ"... О попыткахъ Кутайсова захватить богатый Шкловъ принадлежавшій Зоричу, разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ" Державинъ.

[2]) Comte Fedor Golovkin: „La Cour et le règne de Paul I-er", 187.

интриги, княжна Анна Петровна Лопухина, оставаясь предметомъ рыцарскаго поклоненія Государя, вышла, наконецъ, по своему желанію, за князя Павла Гагарина 8 февраля 1800 г. Какъ и слѣдовало ожидать, замужество Анны Петровны не измѣнило положенія дѣлъ: ея мужъ очень дорожилъ своимъ положеніемъ при дворѣ, и Анна Петровна, по кроткой своей натурѣ, подчинилась его желанію, всегда находясь при дворѣ и по-прежнему пользуясь платоническимъ вниманіемъ Павла. Въ честь княгини Гагариной заложенъ былъ 130-пушечный корабль „Благодать" (по-еврейски Анна), но спускъ его, 3 мая 1800 г., былъ неудаченъ: корабль почему-то остановился на фундаментѣ [1]). Въ іюнѣ Анна Петровна должна была слѣдовать за дворомъ въ Царское Село. Здѣсь Павелъ показалъ себя столь настойчивымъ, что княгиня рѣшилась тайкомъ бѣжать въ Петербургъ. Когда Павелъ узналъ объ этомъ, то пришелъ въ сильное волненіе. „Tout cela, ce sont des exagerations"—сказалъ онъ молодому брату Анны Петровны, кн. П. П. Лопухину, извѣстившему его объ отъѣздѣ сестры, и началъ искать случая примириться съ предметомъ своего поклоненія. Это произошло 1 августа, когда совершился вторичный спускъ „Благодати", въ присутствіи всей императорской фамиліи и самой Анны Петровны". На этотъ разъ, разсказывалъ братъ ея, кн. П. П. Лопухинъ, все удалось Императору: „Благодать" сошла въ воду, а онъ примирился съ княгиней Гагариной. Государь пробылъ въ городѣ до слѣдующаго дня, 2 августа. Съ тѣхъ поръ ссоры его съ Анной Петровной прекратились" [2]). За то Императрица Марія утратила навсегда надежду возстановить свое вліяніе. Новая фаворитка не вмѣшивалась въ дѣла: по своей натурѣ она могла только ходатайствовать за несчастныхъ и опальныхъ. Насколько можно судить изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ данныхъ, она не хотѣла и не умѣла управлять своимъ царственнымъ поклонникомъ; напротивъ, она сама, наравнѣ съ другими, боялась его крутого нрава, дрожала отъ его гнѣва и чувствовала себя несчастной въ своемъ невольномъ „случаѣ".

---

[1]) По возвращеніи съ церемоніи Павелъ нашелъ у себя въ ботфортѣ записку карандашемъ:

„Все противится уроду,
И „Благодать" не лѣзетъ въ воду".

[2]) Князь Лопухинъ, помолчавъ немного, прибавилъ, „что въ то время понятія и нравы были совсѣмъ иные, чѣмъ теперь. Ни докучливыя преслѣдованія Императора, ни возвращеніе княгини Гагариной ко двору не представляли ничего особеннаго, ничего, что не могло бы случиться съ каждымъ". Разсказы кн. П. П. Лопухина, записанные кн. А. Б. Лобановымъ Ростовскимъ.

Когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, молодой 14-лѣтній племянникъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, извѣстный впослѣдствіи принцъ Евгеній Виртембергскій, явился ко двору Павла и поражалъ всѣхъ своими рѣзкими отвѣтами Государю, нашлась лишь одна придворная дама, сіявшая красотою и кротостью, которая тайкомъ рѣшилась предостеречь молодого принца и умоляла его быть сдержаннѣе. Дама эта была княгиня Анна Петровна Гагарина.

Наконецъ, особымъ довѣріемъ и вниманіемъ Императора продолжалъ пользоваться военный генералъ-губернаторъ столицы графъ фонъ-деръ-Паленъ, „notre bon et loyal comte Pahlen“, какъ называла его Императрица Марія. Никто не сомнѣвался ни въ его государственномъ умѣ, ни въ его благородномъ, прямодушно-солдатскомъ характерѣ, ни въ его преданности Государю. Мы знаемъ уже, что виновницей его возвышенія была графиня Ливенъ, подруга юности жены его, графини Юліаны Ивановны, которой она же доставила мѣсто гофмейстерины при Великой Княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Ливенъ была главою нѣмецкой партіи при дворѣ, и Паленъ, благодаря поддержкѣ Ливенъ, пользовался расположеніемъ со стороны всѣхъ противоположныхъ партій. Это необыкновенное искусство умѣть уживаться со всѣми изобличало, однако, въ Паленѣ холоднаго, разсчетливаго политика, имѣвшаго свои скрытыя цѣли. Упрекъ въ подлости характера, брошенный ему Павломъ въ началѣ своего царствованія, казалось, не оставилъ въ душѣ его никакихъ слѣдовъ, и вся его служба являлась, повидимому, оправданіемъ его „всеподданнѣйшаго увѣренія, что жизнь свою по гробъ посвящаетъ съ радостью Высочайшей службѣ и для того предъ лицомъ Его, Государя, повергаетъ себя къ освященнымъ стопамъ Его Величества“. Въ дѣйствительности, безконечно-превосходя Обольянинова и Кутайсова въ государственномъ умѣ и пониманіи обстановки, Паленъ столько же превосходилъ ихъ въ коварствѣ и умѣньи вести интригу: упрекъ въ подлости на самомъ дѣлѣ не былъ безоснователенъ. Одинъ изъ друзей Палена, лифляндецъ Гейкингъ, который, какъ и всѣ члены нѣмецкой партіи при русскомъ дворѣ, смотрѣлъ на Палена въ то время чуть-ли не съ благоговѣніемъ, пишетъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Припоминаю слово, изобрѣтенное Паленомъ, о которомъ много говорили тогда, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. Однажды съ Паленомъ говорили о человѣкѣ съ выдающимся умомъ и образованіемъ, которому, однако, не разу не удавалось достигнуть счастія. „Что касается до меня—возразилъ Паленъ,—то я изучалъ не философію, а „фифигологію“ (Pfiffigologie), и, вы видите, я добылъ порядочное состояніе и высокій чинъ. Повѣрьте мнѣ, большинство уче-

ныхъ—дураки, и безъ „фифигологіи“ никогда ничего не достигнешь“ [1]). „Ce Livonien Suedo-prussien“, какъ называлъ его гр. С. Р. Воронцовъ, былъ практическій циникъ, для котораго всѣ средства были хороши, если вели къ намѣченной цѣли, и, разъ намѣтивъ ее, онъ шелъ къ ней съ непреклоннымъ упорствомъ. „C'était un veritable chef de conjuration, destiné à donner un horrible exemple à tous les conjurés présents et futurs“, отзывался о немъ близко знавшій его гр. Ланжеронъ [2]). И дѣйствительно, изучая его дѣятельность, какъ Петербургскаго генералъ-губернатора, можно видѣть всю тонкость его тактики: безпрекословно исполняя повелѣнья Государя, быть можетъ даже глазъ на глазъ съ нимъ восхваляя ихъ, онъ умѣлъ дать понять пострадавшимъ, что они жертвы произвола, что онъ сочувствуетъ ихъ судьбѣ, что Государь не умѣетъ цѣнить достойныхъ людей [3]). Никто не задавалъ себѣ вопроса, почему же Паленъ въ теченіе двухъ лѣтъ продолжалъ пользоваться милостями Павла, почему самъ Павелъ, столь причудливый въ своемъ исканіи противорѣчій, не могъ нахвалиться Паленомъ? [4]) Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что, уже вступая въ должность Петербургскаго генералъ-губернатора, Паленъ предвкушалъ сладость мести, а дальнѣйшее ознакомленіе какъ съ характеромъ Императора, такъ и съ общимъ положеніемъ дѣлъ, только укрѣпило въ немъ это намѣреніе. Коцебу разсказываетъ, что въ 1800 г. былъ случай, когда Императоръ былъ недоволенъ Паленомъ и далъ ему почувствовать это: когда жена его графиня Юліана, статсъ-дама, пріѣхала однажды по обычаю ко двору, то ей было объявлено, что она должна вернуться домой и болѣе не являться. Коцебу думаетъ, что „самый блестящій день не представлялъ Палену ручательства въ спокойной ночи, такъ какъ завистники его всегда бодрствовали и не пропускали ни одного случая, чтобы заподозрить его въ глазахъ Государя“, что Палену „недоставало безопасности, одной безопасности, безъ которой, хотя и осыпанный милостями и всѣми дарами счастія, онъ уподоблялся Дамоклу, надъ головой котораго постоянно висѣлъ мечъ на волоскѣ“. Всѣ эти причины не могутъ, однако, объяснить поведенія Палена, тѣмъ болѣе общаго характера его дѣйствій: Коцебу, какъ нѣмецъ и человѣкъ, лично ему обязанный, же-

[1]) Heyking „Aus Polens und Kurlands letzten Tagen“, 461.

[2]) Mémoires de Langeron, 62 („Revue Britannique“, 1895, VII).

[3]) Особенно интересенъ въ этомъ смыслѣ разсказъ Саблукова по поводу опалы его отца. „Записки“, 36—39. У Палена была, между прочимъ, привычка предлагать стаканъ лафита всякому, кто попадалъ въ бѣду.

[4]) Въ апрѣлѣ 1799 г. Кочубей писалъ Воронцову: „Le gouverneur militaire Pahlen entretient les soupçons et les cruautés“.

лалъ по возможности обѣлить земляка, забывая, что для Палена легче было удалиться отъ двора, чѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ быть жертвою причудъ Государя. Паленъ, долго изучавшій „фифигологію", былъ честолюбивъ, мечталъ достигнуть бо̀льшаго: онъ надѣялся вполнѣ подчинить себѣ Великаго Князя Александра, подобно тому, какъ супруга его, Великая Княгиня Елисавета, вполнѣ подчинилась вліянію графини Юліаны [1]). Болѣе всѣхъ, конечно, обманывалась въ Паленѣ Императрица Марія, которая, подъ вліяніемъ Ливенъ, чистосердечно думала, что пока Паленъ остается въ должности, Императоръ будетъ въ безопасности: „Боже сохрани,— писала она,—чтобы онъ оставилъ Петербургъ!" [2]). Чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣйствія Палена становятся яснѣе: нѣкоторыя суровыя повелѣнія Государя онъ усиливалъ, отъ его имени, а можетъ быть и внушалъ ихъ [3]), а, приводя ихъ въ исполненіе, отъ себя смягчалъ ихъ, вызывая къ себѣ всеобщую благодарность. Коцебу разсказываетъ, между прочимъ, что, когда пасторъ Зейдеръ, по одному неосновательному доносу, долженъ былъ, по приказанію Государя, подвергнуться тѣлесному наказанію, то палачу дано было внушеніе, чтобы удары кнутомъ не попадали на тѣло несчастнаго, а это могло быть лишь съ вѣдома Палена. Коварный слуга Павла, всегда, по собственному признанію, его ненавидѣвшій, ждалъ лишь благопріятнаго случая, чтобы вполнѣ обнаружить свои планы, тщательно извѣдывая пока почву и отыскивая подходящихъ себѣ помощниковъ [4]).

---

[1]) „Записки" гр. Головиной, 154. Графиня завоевала довѣріе великой княгини, благодаря поддержкѣ Ливенъ, лишь спустя нѣкоторое время по назначеніи ея гофмейстериной: въ первое время великая княгиня не выносила ея холоднаго, строгаго вида.

[2]) Письмо къ Плещееву 20 декабря 1800 г. (ркп.). Еще ранѣе, при назначеніи гр. Палена на должность Петербургскаго генералъ-губернатора, Императрица Марія писала 9 сентября 1798 г. Плещееву: „J'etais sûre, que le bon et loyal Pahlen souffriroit des commissions dont on le charge, mais c'est bien heureux de voir un aussi honnêt homme que lui à la place, qu'il occupe" (ркп.).

[3]) Кн. Лопухинъ свидѣтельствовалъ положительно, что „хотя повелѣнія о наказаніяхъ и ссылкахъ объявлялись большей частью тайною экспедиціею, бывшей въ завѣдываніи у Обольянинова, но Обольяниновъ былъ только безпрекословнымъ исполнителемъ приказаній, которыя получалъ: онъ не былъ подстрекателемъ. Главная роль въ этомъ гнусномъ дѣлѣ принадлежала безспорно графу Палену". Кн. Лобановъ-Ростовскій прибавляетъ съ своей стороны, что то же утверждалъ и фельдмаршалъ Паскевичъ, „Разсказы кн. Лопухина" въ ркп. и частію у Шильдера: „Императоръ Павелъ Первый", приложеніе.

[4]) Въ Лифляндія, на родинѣ Палена, мѣстное дворянство, хорошо его знавшее, говорило о немъ такъ: Er hat die Pfiffologie studiert" отъ нѣмец-

Вслѣдствіе натянутыхъ отношеній съ Англіей, Императоръ Павелъ еще 1 февраля 1800 г. потребовалъ отозванія изъ Петербурга англійскаго посла, лорда Витворта. Лордъ Витвортъ, умный и энергичный дипломатъ, не спѣшилъ однако уѣзжать изъ русской столицы. „Я никогда, ни на минуту,—доносилъ онъ 18 марта своему правительству,—не терялъ изъ виду огромной важности извлечь изъ характера Императора возможныя для насъ выгоды и хранилъ замкнутыми въ своей груди тревожныя опасенія, сопровождавшія всѣ мои труды. Но, какъ бы то ни было, истина, наконецъ, должна быть открыта; мы должны знать, отъ чего зависятъ наши дѣла, но въ то же время не должны забывать, что Императоръ, каковъ онъ ни есть, Самодержавный владѣтель могущественной, связанной природой съ Великобританіей, Имперіи, изъ которой исключительно мы можемъ добывать средства для поддержанія первенства нашей морской силы“.

Лордъ Витвортъ, бывшій англійскимъ посломъ въ Петербургѣ въ теченіе 12 лѣтъ и умѣвшій пріобрѣсти здѣсь прочныя связи, дѣйствительно принималъ всѣ мѣры для пользы Великобританіи: даже въ выборѣ любовницъ онъ руководился этою цѣлью, находясь одновременно въ связи съ гр. Толстой, женой любимаго гофмаршала наслѣдника престола, и съ О. А. Жеребцовой, сестрой опальныхъ Зубовыхъ, женщиной красивой, энергичной и жадной до денегъ и, подобно братьямъ, также подвергшейся высылкѣ изъ Петербурга, хотя на короткое время. Чрезъ Жеребцову Витвортъ полагалъ вступить въ сношенія съ недовольными судьбой имперіи и ихъ собственной. Два человѣка особенно обратили на себя его вниманіе: давній его знакомецъ, вице-канцлеръ, графъ Никита Петровичъ Панинъ, и вице-адмиралъ де-Рибасъ. Лица эти имѣли уже свою репутацію, какъ люди дѣла и непреклоннаго стремленія къ достиженію своихъ цѣлей.

Панинъ, человѣкъ холодный и честолюбивый, видѣлъ въ Растопчинѣ, своемъ начальникѣ, непреоборимое препятствіе къ дальнѣйшему возвышенію: онъ не имѣлъ права даже докладывать Государю помимо Растопчина [1]). Императоръ относился къ Панину холодно. Когда коварство Австріи и Англіи заставило Павла выйти

каго слова „pfiffig“, хитрый, ловкій, пронырливый человѣкъ, который всегда обманываетъ другихъ, а самъ никогда не остается въ дуракахъ. О постоянной ненависти своей къ Императору Паленъ говоритъ Гейкину. (Aus den Tagen des Kaiser Pauls, 229.

[1]) О распрѣ Панина съ Растопчинымъ зналъ едва-ли не весь Петербургъ. О ней разсказываетъ по слухамъ въ своихъ „Запискахъ“ Жоржель, бывшій въ Петербургѣ весной 1800 г. Georgel, VI, 276—279.

изъ коалиціи противъ Франціи, Панинъ продолжалъ, оставаясь на должности, дѣйствовать исподтишка въ духѣ, противоположномъ намѣреніямъ Императора, и поддерживать тайныя сношенія съ Витвортомъ. Императоръ неоднократно долженъ былъ напоминать Панину о его обязанностяхъ. 26 декабря 1799 г. приказано было Растопчину спросить у него: „en quelles formes il a parlé à Whitworth au sujet négociation, confiée a Kouchelew“ (распоряженія о дѣйствіяхъ русскаго флота въ Средиземномъ морѣ); 18 февраля 1800 г. Растопчину же поручено было сказать (Панину), „чтобы меньше говорилъ съ министрами и что онъ не что иное, какъ инструментъ“ [1]). Наконецъ, терпѣніе Павла, и безъ того небольшое, истощилось, и въ концѣ февраля онъ прислалъ къ Панину своего адъютанта съ приказомъ сказать ему „дурака“. Выслушавъ высочайшее повелѣніе, Панинъ просилъ адъютанта представить свои объясненія Государю, но былъ вторично награжденъ тѣмъ же эпитетомъ, для выслушанія котораго онъ на этотъ разъ вызванъ былъ къ Кутайсову [2]). Тогда же Витворту былъ сообщенъ высочайшій отзывъ, что Государь „недоволенъ его поведеніемъ“ [3]). Несомнѣнно, что именно къ этому времени относится начало бесѣдъ Панина, Витворта и Жеребцовой о планѣ устраненія Павла отъ престола; тогда же изгоняемый изъ Россіи Витвортъ въ первый разъ доносилъ въ секретной депешѣ, что „Императоръ буквально не въ своемъ умѣ“, прибавляя, что „уже нѣсколько лѣтъ, какъ это извѣстно всѣмъ тѣсно приближеннымъ къ нему“, что „его умопомѣшательство постепенно усиливалось и въ настоящее время проявляется въ такомъ видѣ, что невольно приводитъ каждаго въ сильнѣйшее безпокойство“ [4]). Въ этихъ словахъ англійскаго посла слышится уже цѣлая программа, выработанная на бесѣдахъ съ Панинымъ и Жеребцовой: незадолго до того въ Даніи и въ Португаліи учреждено было регентство вслѣдствіе обнаружившейся психической болѣзни царствовавшихъ тамъ монарховъ, и казалось возможнымъ этимъ же способомъ устранить отъ дѣлъ правленія и

[1]) Дневникъ Растопчина (ркп.).

[2]) Архивъ кн. В., XXX, 117—118.

[3]) Дневникъ Растопчина, 18 февраля 1800 г.

[4]) Депеша отъ 18 марта 1800 г. Въ то же время Сардинскій посланникъ, кавалеръ Бальбо, также подъ вліяніемъ перемѣны въ политикѣ Павла, грозившей Сардинскому королю окончательной гибелью, писалъ (мартъ 1800 г.) своему правительству: „Je vous prie de faire bien attention à ceci et de bruler ensuite. L'empereur de Russie est fou; néanmoins l'on pourrait en tirer un grand parti, si l'on profite des moments favorables. Mais si l'on biaise, il n'y faut plus compter du tout. D'après cela jugez, si l'on peut hésiter“. Greppi: „Révélations diplomatiques“.

Павла, сдѣлавшагося „ненормальнымъ“ для всѣхъ сторонниковъ коалиціи лишь съ того момента, когда онъ рѣшительно отказался жертвовать русскими войсками для выгодъ Англіи и Австріи.

О нравственномъ характерѣ Панина современники были не высокаго мнѣнія. Его считали человѣкомъ непреклоннымъ, холоднымъ, какъ ледъ, эгоистомъ, руководившимися личными выгодами и искавшимъ удовлетворенія своему честолюбію. Обладая умомъ, широкимъ образованіемъ, Панинъ умѣлъ показать себя, гдѣ нужно, человѣкомъ безкорыстнымъ и прямодушнымъ. Но люди, хорошо его знавшіе, были другого мнѣнія. Русскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, вполнѣ натурализовавшійся въ Англіи и сочувствовавшій намѣреніямъ Витворта и Панина устранить Павла отъ правленія, писалъ впослѣдствіи о Панинѣ: „Je n'ai jamais vu un homme, plus hypocrite et plus obstiné à faire le mal dès qu'il a entrepris de le faire“ [1]). Императоръ Павелъ хорошо зналъ Панина, еще будучи наслѣдникомъ, и не довѣрялъ ему, хотя Императрица Марія Θеодоровна и считала его въ числѣ лицъ „bons loyals“, вполнѣ преданныхъ Государю. Нерасположеніе Императора не только преграждало Панину путь къ дальнѣйшему служебному повышенію, но и отзывалось на финансовыхъ его дѣлахъ. „Отъ моего дяди,—писалъ онъ Воронцову въ 1799 г.,—осталось долгу 320.000 руб. Великій князь зналъ это и торжественно обѣщалъ моему отцу уплатить всѣ долги моего дяди, лишь только вступитъ на престолъ. Мой отецъ, хотя уплатилъ часть долговъ дяди, оставилъ мнѣ еще 180.000 р. долгу. Погашеніе этой суммы въ банкѣ отнимаетъ у меня ежегодно 15.000 р. доходу, и это заставляетъ меня дѣлать новые долги. Среди потока щедротъ, проливаемыхъ съ трона, только одинъ забытъ—наслѣдникъ фамиліи, въ отношеніи которой приняли на себя формальное обязательство“ [2]).

Болѣе хитеръ и непроницаемъ былъ Осипъ Михайловичъ де-Рибасъ, посѣдѣлый въ предательствахъ и придворныхъ интригахъ, всѣ цѣли котораго заключались въ наживѣ. Онъ только-что уволенъ былъ отъ службы (1 марта 1800 г.) за злоупотребленія по управленію лѣснымъ департаментомъ, но старая дружба его съ Панинымъ отъ того не пострадала, а общее неудовольствіе даже еще болѣе сблизило ихъ. Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ писалъ о Рибасѣ Императрицѣ Екатеринѣ, что онъ не отрицаетъ въ немъ

---

[1]) Письмо къ Новосильцеву отъ 5 ноября 1801. Арх. кн. В., XI, 412.— Того же мнѣнія былъ Николай (Арх. кн. В., XXII, 119).

[2]) Арх. кн. В., XI, 76—77.

большихъ дарованій и способностей, но что важныхъ дѣлъ, касающихся до блага отечества, ему ввѣрять не должно [1]). Искатель приключеній, алчный до наживы, Рибасъ охотно принялъ участіе въ бесѣдахъ Панина съ Витвортомъ о положеніи дѣлъ въ Россіи, репутація интригана до такой степени упрочена была за Рибасомъ, что многіе считали его иниціаторомъ заговора противъ Павла [2]). „Независимо отъ спокойствія и блага Россіи", говоритъ кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „каждый изъ собесѣдниковъ видѣлъ въ будущемъ возможность достигнуть своей собственной цѣли: Витвортъ искалъ прежде всего охраненія англійскихъ интересовъ, а Панинъ надѣялся осуществить мечты своего честолюбія и сдѣлаться если не при Павлѣ, то при молодомъ его преемникѣ такимъ же полновластнымъ министромъ, какимъ былъ Питтъ въ Англіи. Рибасъ... не мѣтилъ такъ высоко, какъ Панинъ, но, искусный въ интригахъ всякаго рода, былъ увѣренъ, что какая бы ни произошла перемѣна, онъ сумѣетъ извлечь изъ нея пользу [3]). Впослѣдствіи говорили, не безъ основанія, что Рибасъ готовъ былъ продать своихъ собесѣдниковъ Императору за недорогую цѣну и тѣмъ оправдаться въ его глазахъ [4]). Почти въ это время Растопчинъ представилъ Императору Павлу свой планъ внѣшней русской политики. Въ немъ, между прочимъ, заключалось слѣдующее мѣсто: „Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождать и новыя отношенія, и новыя связи; но все сіе можетъ быть случайно, временно и безъ обязательства хранить ненарушимо до положеннаго срока заключенный союзъ министрами, кои часто поставляютъ подарки свыше благосостоянія отечества, славы государей своихъ и святости ихъ слова". Противъ этого мѣста рукой Императора Павла было написано: „деньги—вещь великая!" [5]).

Лордъ Витвортъ долженъ былъ наконецъ уѣхать изъ Россіи 27 мая 1800 г., пообѣщавъ гр. Толстой вновь сойтись съ ней, въ случаѣ ея пріѣзда за границу. Что обѣщалъ онъ Жеребцовой и своимъ собесѣдникамъ — можно только догадываться, но и послѣ его отъѣзда они продолжали бесѣдовать... 8-го іюня Панинъ писалъ Воронцову: „Ici rien n'a changé; l'humeur et la mélancolie du maître font les progrès les plus rapides, et c'est toujours l'humeur qui décide de tout, en administration comme en politique". Извѣщая о предстоящемъ отъѣздѣ Витворта изъ Петербурга, Панинъ

---

[1]) Шишковъ: „Записки", 6—7.
[2]) D'Allonville: „Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état", II, 388.
[3]) „Графъ Н. П. Панинъ", кн. Лобанова-Ростовскаго (ркп.).
[4]) Шишковъ: „Записки", 78.
[5]) „Памятники новой русской исторіи", Кашпирева, т. I, 108.

просилъ Воронцова передать англійскому министерству его общее съ Витвортомъ желаніе, чтобы англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ былъ назначенъ Гарлике, единственный изъ англійскихъ дипломатовъ, которому могъ бы довѣриться Панинъ. „J'ai pensé,—писалъ онъ,—que le ministère britannique trouverait *un avantage réel d'avoir à Pétersbourg un chargé d'affaires avec lequel je puisse traiter confidentiellement* comme je l'ai fait avec mylord Whitwort dans les tems les plus difficiles... M-r Garlicke est le seul qui pourrait seconder mes soins pour le maintien de la bonne harmonie. C'est le seul avec lequel je puisse traiter confidentiellement parce que je le connais et que il a toute ma confiance comme je crois posséder la sienne; d'ailleurs il est sage et prudent; un seul mot de ma part lui féra éviter tout ce qui pourrait toucher une corde sensible et susciter un orage imprévu“ [1]). Другими словами, Панинъ пріобрѣлъ уже для Англіи такое значеніе, что могъ уже располагать выборомъ посланника Англіи въ Петербургѣ...

Старанія Панина, однако, не увѣнчались на этотъ разъ желаемымъ успѣхомъ. Франція, умиренная твердой рукой перваго консула, искала дружбы Россіи, и Государь пошелъ ей навстрѣчу. Въ маѣ 1800 г. въ Петербургъ явилась г-жа Бонейль [2]), тайный агентъ Бонапарта, а вслѣдъ затѣмъ, пользуясь ничтожнымъ поводомъ, Императоръ приказалъ всему англійскому посольству выѣхать изъ Россіи, а своему послу, графу С. Р. Воронцову, оставить Лондонъ. Еще ранѣе, убѣдившись окончательно въ своекорыстныхъ разсчетахъ Австріи, въ томъ, что „отъ нея все возможно“ и что примирительныя предложенія вѣнскаго двора—„галиматья и бредни“ [3]), Павелъ Петровичъ приказалъ выѣхать изъ Россіи австрійскому послу графу Кобенцлю и порвалъ сношенія съ Австріей, пока не будутъ удовлетворены требованія Россіи. Послѣдствія перемѣны политики Императора Павла тяжело отозвались на союзникахъ: весною 1800 г., битвой при Маренго, французы отобрали у австрійцевъ Италію, а Англіи начала угрожать коалиція сѣверныхъ державъ, которая, подъ главенствомъ Россіи, желала провозгласить начала вооруженнаго нейтралитета, чтобы положить предѣлъ царствовавшему въ то время пиратству Англіи на морѣ.

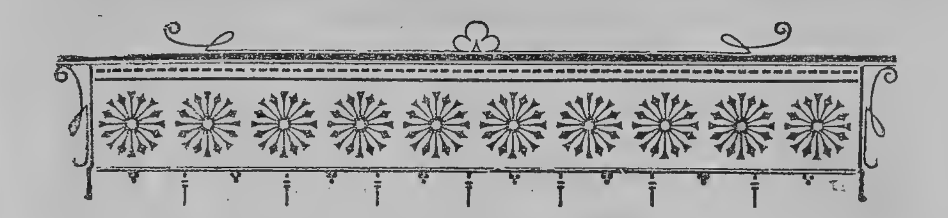
(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Арх. кн. Вор., XI, 109.

[2]) Въ „Дневникѣ“ Растопчина 1800 г. „16 мая. Ѣхать и переговорить съ г-жей дю-Бонейль“. 17 мая приказъ гр. Палену: „Смотрѣть съ кѣмъ будетъ знаться пріѣхавшая M. Bonneuil“.

[3]) „Дневникъ“ Растопчина, 15 ноября 1799 г. и 14 марта 1800 г.

Участіе Сербіи въ войнѣ 1877—78 гг.

XII.

Я уже имѣлъ случай сказать, что настоящія замѣтки пишу, отнюдь не имѣя въ виду воспроизводить эпоху. Въ отдѣльной моей книгѣ „Въ Сербіи", [1]) приведены фактическія данныя по второй сербской войнѣ. Здѣсь же мнѣ хочется обратить вниманіе на значеніе обстановки, создававшейся всѣми факторами общественной жизни. Важенъ успѣхъ въ достиженіи поставленной цѣли, а онъ достигается не всегда однороднымъ путемъ.

Правительству сербскаго княжества предстояло не только употребить всѣ свои усилія къ освобожденію сербской расы отъ турецкаго владычества, но и стремиться къ образованію такой сербской государственности, которая была бы способна осуществить завѣтъ Душана Великаго. Первая цѣль достигалась наиболѣе полнымъ содѣйствіемъ русской арміи въ достиженіи главнѣйшихъ цѣлей; вторая—тѣснымъ союзомъ съ Черногоріею.

Боями у Акъ-Паланки и подъ Пиротомъ оказано русскимъ войскамъ несомнѣнное и немаловажное содѣйствіе. Сербскія колонны, оттянувъ на себя значительную часть арміи Мегемета-паши, продолжали наступать, все болѣе и болѣе связывая дѣйствія софійскаго турецкаго резерва. Переходъ Балканъ корпусомъ генерала Гурко былъ значительно облегченъ. 16 декабря былъ занятъ Пиротъ, а 17-го числа главныя силы Гурко спустились съ горъ. Справедливость требуетъ признать заслугу сербовъ. Они не выжидали перехода горъ нашими войсками, а энергично наступали, стараясь быть полезными союзниками. Сильная крѣпость Ниша не

---

[1]) „Въ Сербіи". Изд. Березовскимъ.

остановила ихъ смѣлаго наступленія и была оставлена ими въ тылу. Все, что имъ было поставлено задачею нашею главною квартирою, все было исполнено ими въ точности и во-время. Главнокомандующій Великій Князь, поздравляя князя Милана со взятіемъ Пирота, выражалъ благодарность за точное выполненіе его предначертаній. Съ ординарцемъ поручикомъ Хвощинскимъ высылалось 150 георгіевскихъ солдатскихъ крестовъ. Князю Милану предлагалось сдѣлать представленія къ ордену Св. Георгія наиболѣе отличившихся сербскихъ офицеровъ.

Сильно задумался князь Миланъ надъ листомъ чистой бумаги и послѣ немалой борьбы, грызя перо, написалъ первымъ въ представленіи къ Георгію имя Ефрема Марковича.

Я понималъ, какого нравственнаго усилія стоила Милану эта борьба, и потому поспѣшилъ его поздравить съ побѣдой.

„Это дѣлаетъ Вашей Свѣтлости величайшую честь. Повѣрьте, этимъ великодушнымъ поступкомъ Вы совершаете великое дѣло, отдавая достойное достойному. Я не примину свидѣтельствовать предъ всѣми объ этомъ подвигѣ“.

„Вы думаете“, нашелся отвѣтить князь этими словами сомнѣнія.

Послѣ перехода границы прошло только десять дней, и уже достигнуты положительные результаты. Но далѣе увлекаться въ этомъ направленіи было рисковано, такъ какъ въ тылу оставался Нишъ и корпусъ Хафиза-паши грозилъ нападеніемъ. Хотя, разсуждая теоретически, слѣдовало бы прежде всего разбить Хафиза, а крѣпость въ такомъ случаѣ сдалась бы безъ боя; но обстановка требовала иного образа дѣйствія. Во что бы то ни стало, слѣдовало овладѣть Нишемъ до прихода Хафиза, собиравшаго себѣ въ Митровицѣ арнаутскія организаціи. Белимарковичъ пока оставленъ на дорогѣ въ Софію. Большая часть его силъ повернута назадъ для стѣсненія Ниша съ той стороны, съ которой меньше всего было вѣроятія наступленія. Части войскъ полковника Здравковича передвигались въ долину Нишавы, гдѣ должны были войти въ составъ корпуса полковника Хорватовича. Моравскій корпусъ полковника Лѣшанина, занимая бассейнъ р. Болгарской Моравы, свои части имѣлъ въ Лесковицѣ, Куршумле и Прокоплэ и облагалъ Нишъ со стороны вѣроятнѣйшаго пути наступленія Хафиза. Привлеченіе къ общему дѣлу полковника Николича для своего осуществленія встрѣчало съ его стороны тысячу препятствій, а полковникъ Здравковичъ не спѣшилъ выполнять полученныя приказанія, такъ какъ ему нравилось командовать отдѣльнымъ отрядомъ.

Всѣ эти распоряженія были сдѣланы 19-го декабря, но князь,

вѣроятно, не былъ проникнутъ основною мыслью и потому не былъ въ состояніи отказаться отъ попытокъ къ захватамъ. 21-го числа онъ телеграфируетъ Здравковичу: „оставьте, сколько нужно, въ Кулѣ для обороны края и идите къ Бѣлградчику". Точно и не было приказанія спѣшно идти къ Нишу. Здравковичъ оправдываетъ свою неподвижность страхомъ населенія остаться безъ войскъ. Князь ему отвѣчаетъ: „менѣе переписки, болѣе энергіи, въ послѣдней залогъ успѣха".

Какъ только было получено извѣстіе о занятіи Софіи войсками генерала Гурко, князь по секрету отъ меня 25/XII дѣлаетъ такого рода предложеніе: „въ предположеніи отступленія вытѣсненныхъ изъ Софіи турокъ на Скопле для соединенія съ Хафизъ-пашей, силы котораго сосредоточены на линіи Подуево-Приштина, съ цѣлью прикрытія желѣзнодорожной линіи, предлагаю Вашему Превосходительству, дѣйствуя въ связи, уничтожить турокъ. Я сосредоточиваю главную массу сербовъ въ долинахъ Топлицы и Моравы, чтобы направить ее въ тылъ Хафиза при его движеніи противъ Васъ, и прошу сдѣлать то же самое при нападеніи турокъ на мои войска. Хорватовичу приказано двигаться отъ Трна на Враню на одной высотѣ съ колонною войскъ Вашего Превосходительства, въ случаѣ направленія таковой черезъ Радоміръ и Кюстендиль на Куманово". Это предложеніе, сдѣланное въ разрѣзъ съ только-что отданными приказаніями о сосредоточеніи всѣхъ войскъ подъ Нишемъ, было сдѣлано безъ моего вѣдома и сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ только на слѣдующій день. Объ этомъ предметѣ у насъ былъ общій разговоръ, но какъ предположеніе на будущее время при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ. Не могъ же князь серьезно думать объ освобожденіи Ниша отъ обложенія. Но генералъ Гурко не далъ себя опутать.

Въ тотъ же день была получена телеграмма отъ имени Великаго Князя Главнокомандующаго: „по вступленіи въ связь съ Гурко и оставивъ по соглашеніи съ нимъ отрядъ для занятія Софіи, сербскія войска преслѣдуютъ турокъ, отступившихъ на Кюстендиль. Цѣль дальнѣйшихъ движеній сербовъ должно быть очищеніе всей занятой Болгаріи и овладѣніе желѣзной дорогой въ Ускюбѣ и Митровицѣ. Затѣмъ они перейдутъ къ исполненію своего плана въ Старой Сербіи. Одно предположеніе стоило другого. Въ особенности поражаетъ превратное представленіе о положеніи дѣлъ на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Само собою разумѣется, что слѣдовать полученнымъ указаніямъ было невозможно. Оставалось приводить въ исполненіе съ полною энергіею ранѣе составленный планъ овладѣнія Нишемъ до наступленія

Хафиза-паши. Малѣйшая остановка, задержка, промедленіе, и все было бы потеряно. Одновременно въ тотъ самый день, 25 декабря, когда происходилъ обмѣнъ предложеній между главными квартирами, сербскіе отряды надвигались на Нишъ, замыкая кольцо обложенія, а корпусъ Хафиза-паши, переваливъ черезъ горный перевалъ, обрушился на сербскій заслонъ полковника Беницкаго.

Укрѣпленія крѣпости Ниша были въ особенности сильны со стороны Сербіи, съ сѣвера и съ запада. Возвышенность Виника на сѣверѣ была увѣнчена сильнымъ фортомъ „Митхада-паши". Самый городъ находится на лѣвомъ берегу р. Нишавы; на правомъ же расположена сильная цитадель. Южнѣе фортъ „Абди-паша" на холмѣ Бабанѣ прикрывалъ дороги отъ Мрамора и Лесковца. Доступы съ юго-востока по горнымъ отрогамъ только-что начали укрѣплять земляными эполементами на высотахъ Горицы и Габровца. Связью съ фортомъ „Абди-паша" должно было служить укрѣпленіе Маркова-кале. Все это было еще въ зачаткѣ, когда появились на горахъ войска Хорватовича. Усиливая въ мирное время крѣпостные верки на вѣроятнѣйшемъ пути наступленія со стороны княжества, турки не предвидѣли такой обстановки, при которой могла явиться возможность атаки крѣпости съ юго-востока. Этимъ обстоятельствомъ слѣдовало пользоваться.

Всѣ эти дни мы ежедневно выѣзжали на ту или другую позицію, каждый разъ возвращаясь въ Алексинацъ, гдѣ пользовались сравнительнымъ комфортомъ. Кромѣ лицъ, уже упомянутыхъ, входившихъ въ составъ главной квартиры, былъ еще представитель отъ правительства, министръ народнаго просвѣщенія Васильевичъ, прекрасно говорившій по-русски, спокойный и благодушный, не мало мнѣ помогшій въ своихъ частныхъ бесѣдахъ усвоить истинные интересы славянства съ сербской точки зрѣнія. Вставали мы рано, большею частью въ шестомъ часу утра, по праздникамъ въ восемь. Около десяти часовъ князь обыкновенно заходилъ ко мнѣ. По большой картѣ австрійскаго генеральнаго штаба, всегда лежавшей у меня на столѣ открытою, князь передавалъ о вновь полученныхъ донесеніяхъ со всѣхъ позицій. Садились за столъ два раза въ день, во второмъ часу дня и въ девятомъ вечера. За столомъ велись общіе разговоры преимущественно о томъ, что дѣлается въ Бѣлградѣ, рѣдко о другомъ.

Послѣдніе дни главная квартира волновалась, но совсѣмъ не въ томъ направленіи, въ какомъ слѣдовало. Обсуждались всевозможные планы, какъ лучше использовать достигнутые результаты; говорилось съ большимъ самомнѣніемъ, чѣмъ завершить свои подвиги. Обратиться ли къ Старой Сербіи или нѣсколькими перехо-

дами захватить еще пространства, конечно, съ тѣмъ, чтобы ихъ не возвращать. По истинѣ строились воздушные замки. Между тѣмъ, въ лицѣ корпуса Хафиза-паши нависла грозная туча, но опасность мало сознавалась и мыльные пузыри различныхъ проектовъ съ прежнею развязностью выпускались на Божій свѣтъ. Наконецъ, грянулъ первый ударъ изъ грозовой тучи, но неудачу объяснили неспособностью подполковника Беницкаго и замѣнили его подполковникомъ Прапорчевичемъ.

Въ ту самую минуту, когда успѣшно заканчивается оцѣпленіе Ниша, получается извѣстіе о полномъ пораженіи Прапорчевича подъ Куршумле. Ударъ турокъ былъ такъ силенъ, что вызвалъ панику. Сербскія войска побѣжали въ безотчетномъ ужасѣ. Густыя массы наступавшаго противника представляли прекрасную цѣль для разстрѣливанія, но артиллерія бѣжала безъ выстрѣла, опережая пѣхоту. Турецкіе эскадроны безпощадно сѣкли бѣглецовъ, пока было свѣтло. Подъ вліяніемъ погрома люди бѣжали на Янкову-Плиссуру и возвращались къ своимъ частямъ на 5-й и даже 6-й день.

Трудно сказать, къ какимъ бы послѣдствіямъ привела побѣда Хафиза, если бы не одновременный успѣхъ сербовъ въ тотъ же день 26-го декабря подъ Нишемъ. Написавъ тотчасъ же по своему обычаю побѣдную реляцію въ Сераль падишаха, турки оставили успѣхъ свой безъ развитія.

Еще 25-го числа полевая артиллерія была ввезена на горные отроги, оканчивавшіеся надъ самымъ городомъ отвѣсными склонами. На 26-е число было назначено общее наступленіе. Главный ударъ предоставляли частямъ Шумадійскаго корпуса и, въ особенности, шедшей въ его главѣ Смедеровской дивизіи полковника Бучевича. Роли по диспозиціи были распредѣлены правильно, почему и выполненіе произошло безъ всякихъ замѣшательствъ. Можно было бы обойтись безъ слишкомъ усерднаго штурма сѣверныхъ укрѣпленій, обусловившаго большія потери въ людяхъ, но усердіе имѣло право на извиненіе, такъ какъ обезпечивало успѣхъ.

Турки не сдавались и предлагали перемиріе, чтобы выждать наступленіе Хафиза-паши. Пришлось возобновить атаки въ 3 часа слѣдующаго дня, т. е. 28 числа. Наконецъ, 29 декабря, въ 7 часовъ утра, была заключена капитуляція сдачи крѣпости. Все переходило въ собственность побѣдителя, только люди отпускались на свободу, какъ лишніе рты, которые иначе пришлось бы кормить.

Пока Нишъ оставался въ рукахъ турокъ, предпріимчивый и энергичный паша всегда имѣлъ возможность парализовать первоначальные успѣхи сербскаго оружія. Укрѣпленія Ниша были не только отлично примѣнены къ свойствамъ мѣстности, но и вооту-

жены большими крѣпостными орудіями современной конструкціи работы Круппа, на металлическихъ платформахъ, съ механическими приспособленіями для заряжанія и наводки. По сосредоточеннымъ въ крѣпости всякаго рода припасамъ и средствамъ, она могла легко вмѣщать въ себѣ значительный корпусъ войскъ и служить для его активныхъ предпріятій надежною базою. При такихъ условіяхъ крѣпость, имѣя гарнизонъ въ 20 или 25 тыс. человѣкъ, могла бы остановить наступленіе сербовъ на самой границѣ. Только потому и можно было позволить себѣ смѣлое наступленіе, что противникомъ были турки, не знавшіе, какъ распорядиться съ тѣми средствами, которыми располагали. Возможно ли было, имѣя другого противника, овладѣть Нишемъ передъ носомъ торжествующаго непріятеля? Развѣ не характерно, что Хафизъ, только-что вдребезги разбившій сербскій отрядъ, останавливается, какъ бы выжидая паденія крѣпости. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ восторжествовалъ бы надъ сербами во всѣхъ отношеніяхъ, если бы энергично продолжалъ свое наступленіе.

3-го января состоялся торжественный въѣздъ сербской главной квартиры въ завоеванную крѣпость. Восторгу побѣдителей не было предѣловъ. Разсчитывали въ ней найти много, но то, что досталось, превзошло ожиданія. Разсчитывали воспользоваться запасами, можетъ быть, пушками; досталось же сотни орудій и тысячи ружей. Даже погода преобразилась. Суровыя мятели сопровождали тяжелые дни; теперь наступили тихіе, солнечные дни оттепели. Боевые трофеи подняли духъ. Батареи крупповскихъ орудій, тысячи ружей Генри-Мартини, масса плѣнныхъ, взятыхъ грудью. Мѣстное населеніе, не увѣренное въ успѣхѣ сербскаго оружія вначалѣ, теперь взялось за оружіе и рвалось въ бой.

Князю не спалось. Рано поднялся онъ съ постели и все бродилъ по батареямъ, магазинамъ и складамъ.

„Какія великолѣпныя орудія, и какъ все хорошо въ нихъ соображено“, съ восхищеніемъ обращался онъ ко мнѣ.

„Да, Ваша Свѣтлость, все это послѣднее слово техники“, отвѣчаю я.

„А, вѣдь, это должно стоить страшно дорого“.

„Бѣдному княжеству это непозволительная роскошь. Сербія располагаетъ только однимъ осаднымъ орудіемъ, мѣднымъ 24 фунтовымъ, старой конструкціи, да и то оно подарокъ Россіи. Другое изготовляется въ Крагуевацѣ, гдѣ еще сверлится дуло орудія“.

„Какими громадными долженъ обладать орудійный заводъ средствами и машинами, чтобы изготовлять въ массѣ такія совершенныя орудія“.

„Если бы Ваше Высочество посѣтили Крупповскій заводъ, многое Вы нашли бы въ немъ для себя интереснаго.

„Вы думаете".

Около этого времени я получилъ письмо отъ князя Черкасскаго съ предложеніемъ или оставить сербскія войска и занять постъ филиппопольскаго губернатора, или, оставаясь при князѣ Миланѣ, соединить въ своемъ лицѣ званіе представителя императорской арміи съ обязанностями нишскаго губернатора. Вотъ это письмо.

„Боготъ. 22 декабря 1877 г. М. г., Георгій Ивановичъ. Въ нынѣшнемъ іюлѣ мѣсяцѣ, Вы были предназначены на должность филиппопольскаго губернатора. Съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились. Нынѣ имѣется въ виду двоякаго рода новое занятіе Болгарской области: съ одной стороны—занятіе Нишскаго санджака, а затѣмъ Призрѣнскаго и Приштинскаго; съ другой стороны, войска наши легко могутъ вскорѣ занять и санджакъ Филиппопольскій. Вслѣдствіе сего рождается вопросъ о Вашемъ окончательномъ назначеніи. Вы можете быть или назначены филиппопольскимъ губернаторомъ или, оставаясь при сербской арміи, соединить вмѣстѣ съ симъ и должность губернатора нишскаго. При этомъ Вашему губернаторскому вѣдѣнію могутъ подлежать и санджаки Приштинскій и Призрѣнскій, т. е. вся мѣстность, которая занята сербскими войсками. Послѣдняя комбинація была бы удобнѣе, такъ какъ она сохранила бы для сербовъ Ваши познанія и совѣты. Состоялось бы единство военнаго и гражданскаго управленія въ краѣ, требующаго особаго за собою надзора. Благоволите сообщить отвѣтъ для доклада Его Высочеству. Примите и пр. князь В. Черкасскій".

Я тотчасъ же отвѣчалъ, что въ настоящую минуту оставить сербскую главную квартиру не признаю возможнымъ, почему вопросъ о филиппопольскомъ губернаторствѣ долженъ быть рѣшенъ отрицательно, и что вся занятая сербскими войсками мѣстность уже организована по образцу княжества.

Вся эта исторія меня изумила до крайности по своей малой обоснованности. Съ какимъ легкимъ сердцемъ рѣшался капитальнѣйшій вопросъ о разграниченіи болгарской народности отъ сербской! Въ нашихъ интересахъ было подготовить ихъ союзъ, а не стравливать, ибо нѣтъ болѣе кровной обиды, какъ достояніе однихъ отдать другимъ. Такъ же не продумано и отношеніе ко мнѣ лично. Дѣятельность моя неоднократно признавалась удачною, какъ же меня отсылать въ другое мѣсто въ разгарѣ событій. Второе предложеніе болѣе соотвѣтствовало обстановкѣ, но въ такомъ случаѣ меня слѣдовало наименовать генеральнымъ комиссаромъ, а не посылать устанавливать на мѣстѣ разграниченіе.

XIII.

Въ письмѣ князя Черкасскаго вся мѣстность, занятая сербскими войсками и имѣющая быть занятою, признавалась болгарскою областью. Объ этомъ говорилось, какъ о фактѣ несомнѣнномъ; но гдѣ же данныя къ такому признанію? Ученыхъ изслѣдованій по этому предмету не было, такъ какъ цифры, приводимыя московскимъ профессоромъ, нельзя признать непреложными. Вывести положительныя заключенія изъ бѣглыхъ замѣтокъ путешественниковъ тоже нельзя. Въ дѣйствительности пограничное пространство между народностями уже давно представляетъ широкую полосу, гдѣ съ одинаковымъ успѣхомъ перемѣшались сербы съ болгарами. При однообразномъ вѣроисповѣданіи страну можно признать съ одинаковымъ удобствомъ и основаніемъ какъ сербскою, такъ и болгарскою. Существуютъ еще факторы церковной организаціи и народноучебнаго дѣла; но въ первомъ отношеніи издавна ведется борьба съ греками, а сельскія школы безусловно въ рукахъ болгаръ даже тамъ, гдѣ большинство населенія несомнѣнно сербское, какъ все пространство до Пирота.

Сербія примкнула союзомъ во имя освобожденія христіанской раіи отъ гнета турецкаго произвола, съ ближайшею цѣлью включенія въ государственные предѣлы тѣхъ сербскихъ мѣстностей, которыя подпали подъ власть султана, и никакою конвенціею не обязывалась ограничивать свои территоріальныя пріобрѣтенія опредѣленными этнографическими предѣлами. Отъ насъ высшіе политическіе интересы требовали справедливаго земельнаго разграниченія между Сербіею и Болгаріею, чтобы обезпечивалось равномѣрное развитіе ихъ союзной силы; но ни этнографическія, ни топографическія, ни стратегическія условія не указывали на необходимость сохраненія въ неприкосновенности прежней границы княжества. Напротивъ, исправленіе сербской границы было во всѣхъ отношеніяхъ необходимо. Только крайнимъ увлеченіемъ идеальною Болгаріею можно себѣ объяснить включеніе крѣпости Ниша по письму въ составъ новаго болгарскаго государства. Велико было преклоненіе въ главной квартирѣ предъ болгарскими задачами, если ими увлекался такой уравновѣшенный дѣятель, какимъ былъ князь Черкасскій.

Только-что изложенныя событія для обще-славянскаго вопроса на Балканскомъ полуостровѣ имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. Нѣтъ и не можетъ быть худшей доли, какъ междоусобица между родными племенами, а между тѣмъ злой рокъ наталкиваетъ

сербовъ и болгаръ, грековъ и румынъ на единоборство. Одно спасеніе въ нашемъ твердомъ и разумномъ словѣ. Но прежде чѣмъ приступить къ выполненію великаго назначенія быть миротворцемъ, нужно изучить вопросъ въ подробностяхъ и запастись такимъ авторитетомъ, предъ которымъ одинаково преклонились бы всѣ народности полуострова. Никакой работы въ этомъ направленіи выполнено не было. Противъ воли мы являлись всегда лицепріятною стороною и слѣдовали указаніямъ тѣхъ, кто громче говорилъ. Мы были не въ силахъ предупредить кровавой борьбы Милана съ Баттенбергомъ, и нѣтъ основанія предполагать, чтобы такія попытки къ разрѣшенію спорныхъ вопросовъ, тамъ или здѣсь, не повторились вновь. Своими палліативными соглашеніями мы подаемъ дурной примѣръ младшимъ братьямъ. Если мы стремимся сдерживать естественные порывы юныхъ государствъ уговоромъ съ вражьей силой, то почему бы и имъ въ свою очередь не предавать своихъ братьевъ частными соглашеніями.

Отдавая полную справедливость достоинствамъ болгарской народности, ея трудолюбію, терпѣнію, бережливости и настойчивости въ достиженіи поставленныхъ цѣлей, нельзя однако не замѣтить, что пятивѣковое приниженное состояніе ея, какъ мусульманской раіи, отразилось на характерѣ болгаръ отрицательными качествами скрытности и замкнутости въ себѣ. Въ этомъ отношеніи сербы составляютъ полную противоположность. Болгаринъ труденъ на подъемъ и весь въ планахъ о будущемъ; сербъ—беззаботенъ и такъ же скоро воодушевляется, какъ и падаетъ духомъ, но онъ никогда не забывалъ, въ самыя тяжелыя времена, что Черная гора свободна, и онъ воленъ туда уйти, когда захочетъ. Это обстоятельство, повліявши на возвышенность духа серба, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и свою слабую сторону, сдѣлавъ изъ каждаго серба по преимуществу воина и политика въ ущербъ работоспособности.

Интересно сравнить успѣхи общественной дѣятельности этихъ двухъ народностей за послѣднее время. Изъ разъединенныхъ двухъ частей Болгарія не только успѣла слиться въ единое государство, но и смѣло, и настойчиво заявить свои этнографическія требованія на большую часть Балканскаго полуострова. Послѣ короткаго періода внутренняго неустройства, жизнь страны укладывается въ рамки безусловнаго порядка, представляя всѣ данныя для быстраго развитія всѣхъ видовъ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Болгарскій кредитъ на европейскомъ рынкѣ—выше сербскаго.

Сербская народность разъединена до сихъ поръ, и много горя это обстоятельство сулитъ славянскимъ племенамъ сербскаго корня. Занимая болѣе гористую западную половину Балканскаго полуострова,

прилегающую къ культурно-историческимъ водамъ Адріатики, она не имѣла возможности, по примѣру болгарской, развиться въ обширное государство, за исключеніемъ короткаго періода эпохи Душана Великаго, но зато больше сохранила свободы, сильнѣе восприняла могущество мысли и пріобрѣла всѣ качества опытныхъ мореходовъ.

Нельзя сказать, чтобы та или другая народность была сильнѣе привержена греко-россійскому вѣроисповѣданію. Если прибрежнаго раіона сербы частью поддались римскому католичеству, то вѣдь и болгары безъ особаго сопротивленія обращались въ помаковъ и измѣняли вѣрѣ отцовъ изъ-за призрачныхъ политическихъ и матерьяльныхъ выгодъ.

Изъ сопоставленія этихъ свойствъ и историческихъ судебъ двухъ народностей нѣтъ основанія съ высшей точки зрѣнія рѣшенія общеславянскаго вопроса отдавать предпочтеніе одной предъ другой. Обѣ должны быть дорогими для насъ, обѣ равно и вмѣстѣ съ нами обязаны служить общему дѣлу. Изъ водоворота событій выходитъ, однако, не такъ. Болгарская народность не только сильно опережаетъ сербскую, но во многихъ отношеніяхъ стремится даже къ соперничеству съ нами. Она меньше служила общему дѣлу, а извлекаетъ для себя больше пользы и даже посягаетъ на царское достоинство сегодня, а завтра рискнетъ на самый Царьградъ.

Современная Болгарія безусловно богатая страна и, если еще не успѣла разработать своихъ богатствъ, то это только одинъ вопросъ времени. Сравнивать ее въ этомъ отношеніи съ Сербіею нѣтъ никакой возможности. Между тѣмъ, какъ широко мы отнеслись къ Болгаріи и какъ скупо къ Сербіи. Съ достаточною ясностью уже указано, что главная задача для насъ заключается въ объединеніи сербской народности, въ сближеніи ея двухъ государствъ къ общей границѣ. Ужъ если есть у насъ лишнія деньги для внѣшнихъ цѣлей, то назначеніе ихъ должно обусловливаться не другою, а этою цѣлью. Могутъ сказать, что мы оказали болгарскому правительству помощь турецкою контрибуціею, т. е. такимъ капиталомъ, на полученіе котораго мы имѣли мало надеждъ. Но, во 1-хъ, какую бы дѣйствительную цѣнность ни имѣлъ этотъ капиталъ, не было основанія ему давать ненадлежащаго назначенія, а во 2-хъ, если обстановка благопріятствовала такому рѣшенію вопроса, во всякомъ случаѣ слѣдовало извлечь изъ факта личную пользу торгово-промышленными преимуществами.

Что же сдѣлали болгары, чтобы имъ до такой степени предъ всѣми остальными покровительствовать? Во время войны Черногорія боролась всѣмъ народомъ, Сербія—цѣлою арміею, Болгарія—

горстью нами организованнаго ополченія. Прошло двадцать пять лѣтъ со времени войны и съ великою торжественностью празднуется юбилей въ Болгаріи. Свой собственный юбилей мы празднуемъ въ Болгаріи. Было солидное основаніе праздновать въ Черногоріи, въ Сербіи. Тамъ была почти народная борьба; но въ Болгаріи могъ быть только юбилей генерала Столѣтова. Казалось бы, что сама Болгарія должна была ознаменовать чѣмъ-либо чрезвычайнымъ великодушный поступокъ Россіи и послать своихъ представителей къ царскому престолу.

Я считалъ своимъ долгомъ нѣсколько обобщить свои мысли и освѣщать событія инымъ свѣтомъ, а не тѣмъ, которымъ освѣщается общественное мнѣніе подъ вліяніемъ руководящей его прессы. Царь одинъ во всемъ славянскомъ мірѣ, русскій царь, другого нѣтъ. Не понимаютъ истины тѣ, которые повторяютъ за кѣмъ-то: болгарскій царь, болгарская царская чета. Много царей—ущербъ нашему свѣтлому. Равнымъ образомъ безконечно будетъ правъ тотъ славянофилъ, который и утромъ и вечеромъ будетъ помнить о страшной опасности для сербской народности, не способной по своей разрозненности отразить ударъ враговъ славянства.

Обращаюсь ко второй половинѣ сербскаго участія въ нашей войнѣ.

Телеграмма отъ 29 декабря изъ Ловчи: „Отъ главнокомандующаго. Чтобы не ослаблять главныхъ силъ нашихъ, имѣющихъ цѣлью дѣйствія на востокъ отъ Софіи, не предполагается направлять нашихъ войскъ на Кюстендиль и вообще западнѣе Софіи. Если сербы очень боятся Хафиза и даже малой части не могутъ дать для совмѣстнаго съ нами занятія Софіи, то пусть идутъ всѣми силами въ тылъ Хафиза и вообще дѣйствуютъ по усмотрѣнію князя на нашемъ западномъ флангѣ“.

Сопоставляя всѣ полученныя изъ нашей главной квартиры указанія, не трудно вывести заключеніе, что главною ихъ цѣлью было побужденіе сербовъ въ этотъ періодъ войны идти на Софію, или вообще дѣйствовать непосредственно на западномъ нашемъ флангѣ, что общею задачею боевыхъ операцій на этомъ театрѣ войны было только воспрепятствованіе формированія резервовъ и подвоза запасовъ, что, наконецъ, ко всему остальному относились безучастно, какъ будто это остальное было только въ исключительныхъ интересахъ княжества. При этомъ, предоставлялось князю дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію, прямо въ ущербъ моему значенію, да еще указывалось идти всѣми силами въ тылъ Хафиза. Вотъ это неосторожное указаніе, очевидно написанное необдуманно, сослужило дурную службу сербамъ. Князь дѣйствительно напра-

вилъ главныя силы кружнымъ путемъ черезъ Вранью, застрявшія въ ущельяхъ, и тѣмъ парализовалъ наступленіе широкимъ фронтомъ для возможно большаго занятія территоріи Старой Сербіи. Сербы такъ и не увидѣли Приштины и ни одного изъ другихъ пунктовъ ихъ вожделѣнія.

Въ Софіи былъ оставленъ неподвижнымъ нашъ сильный отрядъ изъ 8 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 14 орудій. Если бы нашъ полевой штабъ имѣлъ болѣе вѣрное представленіе о положеніи дѣлъ на этомъ театрѣ войны, отрядъ могъ бы имѣть громадное значеніе. 25 декабря княземъ Миланомъ было сдѣлано предложеніе генералу Гурко—совмѣстное, общими силами, параллельное наступленіе на югъ страны. Въ то время такое предложеніе было вполнѣ несообразно ни съ задачею генерала Гурко, ни съ положеніемъ сербскихъ войскъ, имѣвшихъ въ оставленной въ тылу крѣпости Ниша громадную для себя опасность. Теперь положеніе измѣнилось. Сербской арміи были развязаны руки, а софійскій отрядъ наилучшимъ образомъ выполнилъ бы свою задачу, не стоя на мѣстѣ, а наступленіемъ въ общей связи съ движеніемъ сербскихъ колоннъ. То, что не удалось выполнить однимъ сербамъ, было бы несомнѣнно достигнуто при содѣйствіи нашихъ войскъ.

Много разъ мнѣ уже приходилось обращать вниманіе на первостепенную важность своевременнаго разрѣшенія сербскаго вопроса сближеніемъ княжествъ до общей границы и другого вопроса, не менѣе важнаго,—возвращенія мѣстности Старой Сербіи сербской народности. Какъ бы ни напрягали княжества свои изолированныя усилія на разрѣшеніе этихъ вопросовъ, едва-ли когда-нибудь, даже при нашемъ платоническомъ сочувствіи, имъ это удастся, если только мудрою политикою не привлекутъ къ себѣ албано-арнаутскія племена. Николай черногорскій и дипломаты австро-венгерской школы сознали это давно и соперничествуютъ между собою привлеченіемъ на свою сторону этой дикой, но серьезной силы. Сербское княжество относилось къ арнаутамъ прямолинейно, почитая ихъ насильниками на той мѣстности, которая прежде принадлежала сербской народности. Когда сербскіе отряды двинулись горными ущельями для овладѣнія прадѣдовской землею, они встрѣтили гораздо болѣе сопротивленія со стороны арнаутовъ, чѣмъ со стороны турецкихъ войскъ. Италія смутно понимала свои интересы на Балканскомъ полуостровѣ, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ Австріи, въ особенности по этому вопросу, и легко пошла по нѣмецкой указкѣ на такой захватъ, который едва-ли отвѣчаетъ ея силамъ и средствамъ. Она промѣняла вѣрное на невѣрное.

Политики доморощеннаго направленія сильно ошибаются, пред-

полагая, что, поглотивъ массу славянской земли, держава Габсбурговъ усвоитъ себѣ всѣ интересы славянства. Жизнь насъ поучаетъ, что культура и прогрессъ сильно измѣняютъ самыя коренныя свойства человѣчества, и что для поддержанія государственной спайки необходима мощная поддержка національзма. Старая Сербія— колыбель сербства. Въ ней верховная православная ихъ церковь, истинное сѣдалище патріархіи, такія же священныя мѣста, какъ католическій Римъ, мусульманская Мекка, такое же сердце сербства, какъ Москва для русской народности. Въ минуты самаго высокаго патріотизма сербскія гусли поютъ про Старую Сербію, благоговѣйно вспоминаютъ былины Печа, подвиги героевъ, жизнь свою положившихъ на Коссовомъ полѣ. Возвышенная пѣснь Николая черногорскаго витаетъ вокругъ Призрѣня; сколько поэтическихъ строфъ воспѣваютъ Приштину и т. д. Возможно ли на все это съ легкимъ сердцемъ поставить крестъ? Этотъ крестъ былъ бы надмогильнымъ надъ сербскою народностью.

Около 22 января во всѣ отряды сербскихъ войскъ достигаетъ вѣсть о подписаніи 19 января акта перемирія и предварительныхъ мирныхъ условій. Настала минута подведенія всему итоговъ не столько въ воздаяніе каждому по дѣламъ его, сколько для того, чтобы въ ошибкахъ искать исправленій минувшихъ заблужденій, указаній на истинный путь въ будущемъ. Прежде всего нужно утвердить, что сербскій главнокомандующій, князь Миланъ, далеко не былъ тѣмъ героическимъ вождемъ, который по боевымъ дарованіямъ и безукоризненной чистоты нравственности, соотвѣтствовалъ бы возвышенной цѣли возстановленія и сплоченія сербской народности. Увлечь за собою народную массу онъ не только не былъ въ состояніи, но отталкивалъ отъ себя каждаго, близко его знавшаго. Опытъ войны ничего ему не далъ, только привилъ самомнѣніе до крайности и еще сильнѣе развилъ заносчивость. Вѣря въ свой боевой талантъ, онъ опрометчиво ринулся на юную Болгарію войной, считая ее легкою добычею, и жестоко былъ наказанъ. Сербскіе военачальники были выше своего главнокомандующаго во всѣхъ отношеніяхъ. Сербы по природѣ воинственны, страстно увлекаются военнымъ дѣломъ и по свойствамъ своего характера способны въ немъ достигать значительнаго совершенства. Когда народится въ сербской народности военный геній, съ сербами онъ можетъ сдѣлать чудеса. Развѣ не чудесно удивительное существованіе Черногоріи, издавна окруженной врагами, много разъ пытавшимися ее раздавить? Это историческое сербское орлиное гнѣздо, непрестанно воздымавшее свое гордое чело среди славянскихъ горъ, наконецъ достойно его увѣнчало королевскою короною въ лицѣ полу-

легендарнаго по высокимъ дѣяніямъ князя Николая—отца народа. Высокіе завѣты почерпаются изъ дивной многовѣковой борьбы черногорцевъ съ исламомъ, во всѣ времена которой враговъ считали только тогда, когда ихъ головы надѣвали на шпицы монастырской ограды.

Много данныхъ у вооруженныхъ силъ княжества дать прекрасныя военныя части. При настоящемъ настроеніи, на глазахъ, сами собой формировались тактическія единицы надежной силы. Корпусъ офицеровъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Остается только больше заниматься войсками и не скупиться на расходы на ихъ вооруженіе и тактическую часть. Это политиканство населенія, болѣе патріархальнаго характера, чѣмъ соціальнаго, которое съ такою укоризною, иногда, ставится сербамъ въ упрекъ, въ дѣйствительности отнюдь не такъ вредно, какъ кажется. Любовь къ старинѣ, привязанность къ родному дому, такія нравственныя начала, которыя много способствуютъ развитію въ сербахъ качествъ хорошаго воина. Всѣми физическими достоинствами сербскіе новобранцы владѣютъ вполнѣ.

Интересно было наблюдать, какъ народное войско мало-по-малу закалялось войной и обращалось въ надежныя части. Подъ Акъ-Паланкой сербы очень трусили турокъ и готовы были удариться въ бѣгство, если бы не доблесть офицеровъ и не геройскій подвигъ Ефрема Марковича. Подъ Пиротомъ дрались несомнѣнно много самоувѣреннѣе, а послѣ Ниша дозрѣли до единоборства.

Я любилъ бесѣдовать съ простымъ войникомъ, всегда привѣтливымъ, словоохотливымъ, съ душой на-распашку. Разспрашивалъ я, было ли жутко, когда, спускаясь съ горъ къ Нишавѣ, попали подъ выстрѣлы турецкихъ пушекъ.

„Какіе вы молодцы, что такъ геройски атаковали турокъ. Ни ледоходъ рѣки, ни сопротивленіе турокъ васъ не остановили“.

„Бога-ми“, отвѣчали селяки, „какъ было не идти впередъ, когда вездѣ были сербы; много было нашихъ, и пушекъ много; а турчинъ хотя и былъ страшенъ, да скоро побѣжалъ“.

XIV.

Актомъ перемирія 19 января для раіона сербскаго театра войны устанавливалась демаркаціонная линія къ югу отъ Джумаи, Кюстендиля и Враньи со включеніемъ этихъ пунктовъ въ область страны, занятой нашими и сербскими войсками. Далѣе на западъ она совпадала съ государственною границею. Всѣ части войскъ воюющихъ сторонъ,

которыя оказались бы за предѣлами демаркаціонной линіи, должны были въ трехдневный срокъ отойти назадъ.

Санъ-Стефанскій, опять предварительный, мирный договоръ, 19 февраля, устанавливалъ сербскую границу въ предѣлахъ Ново-Базарскаго санджака, отъ государственной границы, истоковъ рѣки Дежевы по р. Рашнѣ до с. Терговышта, далѣе черезъ Божуръ-Планину къ р. Ситницѣ, по этой р. и Лабу на Гранигорску-Планину. Въ то же время оставлялъ внѣ сербскихъ предѣловъ, добытыя сербскимъ мечомъ, Акъ-Паланку, Пиротъ и Вранью. Начертанная изогнутая граничная линія въ окрестностяхъ Ново-Базара подходила къ тѣмъ самымъ позиціямъ на высотахъ Рагозны, которыми обороняется прямой путь изъ Босніи въ Старую Сербію, но нигдѣ ихъ не касаясь, лишь намекая на первостепенное ихъ значеніе. Не соотвѣтствовала ли эта изогнутость лишь дипломатической изворотливости, чтобы, соблюдя по наружности интересы Сербіи, ни въ чемъ не затронуть австро-венгерскихъ притязаній. Взвѣшивая всѣ данныя создаваемой для княжества обстановки, становится понятнымъ то неудовольствіе, съ которымъ былъ встрѣченъ сербами Санъ-Стефанскій договоръ.

Трудно отдать себѣ точный отчетъ въ основательности, послѣдовательности и дальновидности нашихъ дипломатическихъ намѣреній того времени относительно сербскаго княжества. Всѣ совершенные нами въ то время политическіе акты что-нибудь да вырывали отъ Сербіи изъ тѣхъ земельныхъ пріобрѣтеній, которыми она въ дѣйствительности уже владѣла по праву завоеванія, и потому смотрѣла на нихъ, какъ на свое законное состояніе. Актъ перемирія ей предписывалъ очистить всѣ земли по ту сторону южной границы; Санъ-Стефанскій договоръ отрывалъ отъ нея въ пользу болгарскаго княжества лучшую и большую часть изъ ея завоеваній, проблематически обѣщаясь вознаградить надѣлами изъ Старой Сербіи. Но могли ли сербы питать довѣріе къ послѣднему обѣщанію, когда изъ нашего же заявленія видѣли, что обязательства выполнить его мы на себя не принимаемъ. Въ это же время мы настойчиво отъ нихъ требуемъ немедленно очистить, все еще ими занимаемые, участки земли въ Ново-Базарскомъ санджакѣ.

Наконецъ мы покинули Нишъ въ экипажахъ за Смедерово, а оттуда на пароходѣ „Делиградъ“ по Дунаю до Бѣлграда. Переѣздъ былъ сдѣланъ въ два дня съ ночлегомъ въ Ягодинѣ. Почти у каждаго попутнаго населеннаго мѣста высилась тріумфальная арка, увитая гирляндами лентъ и украшенная флагами національныхъ цвѣтовъ. Выходили депутаціи, говорились привѣтственныя рѣчи, пѣлись побѣдные гимны. Подъемъ народнаго духа былъ несомнѣнно

высокъ. Но все это скоро прискучило князю, рѣдко отвѣчавшему на привѣтъ полусловомъ, чаще обрывавшему сельскихъ ораторовъ на полусловѣ. Священство, какъ будто, стушевалось. Русскому человѣку обычно начинать каждое дѣло молитвою и съ благословенія служителя церкви, почему мнѣ страннымъ казалось его отсутствіе, или слишкомъ оффиціальное его отношеніе на торжественныхъ молебствіяхъ въ Бѣлградскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Къ сожалѣнію, самъ князь не служилъ добрымъ примѣромъ своею набожностью. Помню, какъ въ Смедерево, проносясь мимо церкви, я увидѣлъ выходившій изъ нея навстрѣчу князя крестный ходъ.

„Ваша свѣтлость! крестный ходъ", обратился я къ князю, „Ямщикъ къ церкви".

„Оставьте ихъ въ покоѣ", равнодушно замѣтилъ князь, „насъ ждутъ на пароходной пристани, а они насъ только задержатъ".

Князь не мало былъ удивленъ моею настойчивостью, когда я вышелъ изъ экипажа, направляясь къ церкви. Послѣ минутнаго колебанія, онъ также повернулъ къ ней.

Припоминаю другое обстоятельство, случившееся въ это же время нашего возвращенія въ Бѣлградъ. Во время одной изъ остановокъ въ пути, разговоръ коснулся прекрасной русой бороды, которую князь успѣлъ отростить во время войны. Борода скрывала громадный подбородокъ, портившій вообще красивыя черты его лица. Я посовѣтовалъ бороду оставить.

„Я уже думалъ объ этомъ", отвѣчалъ князь,—„но что скажетъ на это княгиня".

„Княгиня согласится"—утверждалъ я,—„борода Васъ краситъ. Впрочемъ дайте мнѣ время переговорить объ этомъ съ княгиней".

„Охотно соглашаюсь съ Вашимъ предложеніемъ и буду радъ Вашему успѣху, въ которомъ сомнѣваюсь"

Все заставляло меня предполагать о сердечномъ отношеніи княгини къ своему супругу. Нѣжные проводы его на войну, заботливость объ его комфортѣ, частыя присылки всего на театръ войны. Однако Миланъ черезъ часъ послѣ пріѣзда въ Бѣлградъ уже былъ безъ бороды. Какъ кажется, сама княгиня искренно думала о силѣ чувства къ ней князя, пока факты не разбили ея иллюзій, убѣдивъ, что супругъ въ ней цѣнилъ лишь красивую внѣшность.

Встрѣча князя на нарядно убранномъ „Делиградѣ" была въ высшей степени парадна. Чудная погода много способствовала торжеству.

По мѣрѣ приближенія къ Бѣлграду, оваціи возрастали. Парадный обѣдъ на открытой палубѣ „Делиграда" сопровождался рѣчами

и тостами. Музыка гремѣла побѣдными маршами, съ берега доносились радостные клики народнаго живіо, со встрѣчныхъ частныхъ пароходовъ раздавались восторженныя привѣтствія.

Наконецъ показался Бѣлградъ. Масса трехцвѣтныхъ флаговъ, украшавшихъ городскія зданія и слабо колыхавшихся въ тишинѣ наступавшихъ сумерекъ, придавала необыкновенную торжественность развертывавшейся передъ нашими глазами волшебной картинѣ. Вотъ ударилъ соборный колоколъ, взвились надъ крѣпостью бѣлые дымки, и привѣтственный громъ пушечныхъ выстрѣловъ, подъ аккомпанементъ колокольнаго благовѣста, пронесся по поверхности многоводнаго Дуная.

Не успѣлъ пароходъ повернуть въ Саву, какъ несмѣтная толпа, покрывавшая берегъ, съ громкими криками бросилась къ пароходной пристани навстрѣчу своему князю. Первою, встрѣтившею сошедшаго на берегъ князя Милана, была княгиня Наталія.

Сердечный характеръ народныхъ встрѣчъ, при возвращеніи князя съ театра войны, несомнѣнно свидѣтельствовалъ о природныхъ свойствахъ сербскаго народа, объ его приверженности своимъ государямъ. Въ жизни народовъ такія минуты составляютъ рѣдкія историческія эпохи, отъ которыхъ ведутся лѣтосчисленія. Но князь Миланъ не былъ на высотѣ событій. Преслѣдуя личныя цѣли, онъ не былъ способенъ увлечься общественнымъ дѣломъ. Въ минуту всеобщаго воодушевленія, соединившаго всѣ политическія партіи въ одну сербскую семью, князь Миланъ уже мрачно всматривался въ толпу, выглядывая въ ней своихъ личныхъ враговъ. Болѣзненная подозрительность сковала богатыя отъ природы способности и обрекала на гнетущее духъ бездѣйствіе.

Заботы государственнаго управленія были предоставлены совѣту министровъ, разрѣшеніе вопросовъ военнаго характера и роспускъ народнаго войска были довѣрены генералу Протичу, самъ князь опочилъ на лаврахъ.

Сербскому правительству не приходилось складывать рукъ. Чтобы извлечь изъ факта войны хотя бы часть изъ намѣченныхъ ранѣе задачъ, ему пришлось удвоить свою энергію. Ристичу было хорошо извѣстно, что голосъ дипломата только тогда учитывается, когда онъ подкрѣпляется вооруженною силою. Слѣдовало, какъ можно скорѣе, изъ многочисленной нестройной толпы народнаго войска сформировать боевую часть, которая бы удовлетворяла всѣмъ требованіямъ военнаго дѣла. При подсчетѣ наличныхъ средствъ оказывалась возможность организовать лишь одинъ корпусъ силою никакъ не больше 35 т. человѣкъ. На изложенныхъ основаніяхъ военнымъ министромъ былъ разработанъ проектъ реорганизаціи, на

которую нужно было получить санкцію князя, чтобы приступить къ осуществленію ея на дѣлѣ.

„Доклады князю у меня крайне рѣдки, да и онъ всегда торопится“, говоритъ мнѣ генералъ Груичъ. „Не поможете-ли мнѣ при свиданіи съ нимъ“.

„Съ удовольствіемъ“.

На слѣдующій же день я старательно разъясняю князю суть дѣла.

„Да, да, это совершенно вѣрно, вы вполнѣ правы, конечно, такъ“,—подчеркиваетъ Миланъ мои разъясненія—„Вы говорите, что Савва представитъ докладъ. Отлично. Вопросъ тотчасъ же будетъ рѣшенъ“.

Однако черезъ три дня Груичъ заходитъ ко мнѣ.

„Доложить не успѣлъ. Князь торопился и, въ виду важности затронутаго вопроса, отложилъ объясненія до вторника“.

Во вторникъ, не выслушавъ доклада, князь кладетъ резолюцію „отправить докладъ генералу Протичу въ Нишъ на предварительное заключеніе“.

Являюсь къ князю.

„Ваша Свѣтлость желаете знать мнѣніе генерала Протича, но это затянетъ вопросъ на продолжительное время, тогда какъ главное достоинство предлагаемой мѣры заключается въ немедленномъ приведеніи ея въ исполненіе“.

„Изъ 80-ти тысячъ, Вами призванныхъ во время войны, большую ихъ часть составляетъ необученное, не снаряженное и плохо вооруженное народное войско, случайнаго состава, пользы отъ котораго весьма мало. Теперь весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы вмѣсто нихъ имѣть правильно организованный, вполнѣ обмундированный отборный корпусъ войска, изъ лучшихъ людей хорошо снаряженныхъ и однообразно вооруженныхъ. Съ корпусомъ такого состава придется считаться и не слабой арміи. Что же во всемъ этомъ можетъ вызывать сомнѣнія Вашей Свѣтлости?“.

— „Но я не сомнѣваюсь въ значеніи предлагаемой мѣры и понимаю ея спѣшный характеръ. Я не хочу обижать Протича, начальника штаба арміи, и потому не желаю его обходить“.

— „Я позволилъ бы себѣ Вамъ предложить личное соглашеніе съ генераломъ Протичемъ военнаго министра“.

Стараюсь я примирить упрямство Милана съ интересомъ дѣла.

„Почему не разрѣшить Груичу съѣздить въ Нишъ, или Протича вызвать въ Бѣлградъ на самый короткій срокъ?“.

— „Прекрасно. На этомъ и остановимся. При первой возможности я или Груича пошлю въ Нишъ, или Протича вызову сюда.

Такъ будетъ лучше. Дѣйствительно полезно сговориться этимъ двумъ лицамъ, стоящимъ во главѣ военнаго дѣла“.

Казалось, что послѣ этихъ словъ Милана не могло быть больше сомнѣнія, что дѣло разрѣшится на-дняхъ. Но это могло только казаться. Въ дѣйствительности проектъ былъ отправленъ въ Нишъ, и дѣло кануло въ Лету.

Реорганизація князю, очевидно, была не желательна. Изъ разстроенныхъ частей предполагалось создать сильный боевой корпусъ, вполнѣ способный къ активнымъ операціямъ, который стоялъ бы на стражѣ въ начинавшійся періодъ международнаго улаженія государственныхъ интересовъ. Ревниво слѣдила за возрастающею силою княжества ея западная сосѣдка, Австро-Венгрія, для промышленнаго и торговаго развитія которой было нужно хотя бы нравственное порабощеніе богатыхъ странъ Балканскаго полуострова и тѣсное соединеніе Босніи и Герцоговины съ ея адріатическимъ побережьемъ. Больше чѣмъ вѣроятно, что формированіе въ ту минуту активнаго сербскаго корпуса она приняла бы за вызовъ, направленный въ ея сторону, и не преминула бы раздуть это обстоятельство въ серьезный вопросъ. Не довѣряя нашей дипломатической политикѣ, имѣя къ тому же къ сожалѣнію фактическое основаніе, правительство князя Милана старалось предупредительною угодливостью расположить въ свою пользу Вѣнскій кабинетъ, чтобы съ его помощью выгадать при международномъ улаженіи. Вопреки логикѣ событій и поучительнымъ примѣромъ изъ сербской исторіи, княжеское правительство вступало на скользкій путь компромиссовъ, принося въ жертву блестящему миражу традиціонное единеніе сербской народности.

Такимъ образомъ, Сербія въ первую же минуту своей вполнѣ самостоятельной жизни даже боится вооружиться, чтобы не прогнѣвать своего естественнаго соперника. Кровавое прошлое ее не научило, а у насъ не достало способности разъяснить, что государственное достоинство заключается въ боевой силѣ, а эту силу ей слѣдуетъ искать только въ сплоченіи сербской народности.

Историческія обязанности наши, какъ первенствующаго члена славянской семьи, не должны были ограничиваться въ отношеніи государствъ Балканскаго полуострова однимъ содѣйствіемъ въ достиженіи ими полной политической самостоятельности. Мы были обязаны еще согласовать ихъ дѣятельность въ условіяхъ общихъ интересовъ для достиженія общаго благосостоянія, должны были съумѣть предупредить взаимную между братскими странами вражду, къ которой приводитъ соперничество по жизненнымъ вопросамъ, не устраненное своевременно обоюдными уступками.

Уклоненіе князя Милана отъ предложенной ему мною реорганизаціи арміи не только прямо нарушало гармонію общаго дѣла, но могло его привести даже въ враждебные славянству ряды въ самую критическую для послѣдняго минуту. Поведеніе князя давало мнѣ поводъ усумниться въ немъ и налагало на меня неожиданную обязанность немедленно выяснить, на сколько же мы въ будущемъ можемъ разсчитывать на его вѣрность въ военномъ отношеніи. Что могъ я сдѣлать при такой обстановкѣ, какъ только предложить проектъ письма на Высочайшее имя Государя отъ князя Милана. Долго не думая, я набросалъ черновое письмо и отправляюсь съ нимъ въ конакъ.

Вотъ это письмо:

„Государь! Отеческая попечительность, проявленная Вашимъ Императорскимъ Величествомъ Сербіи цѣлымъ рядомъ истинныхъ благодѣяній, и Ваше высокое благоволеніе лично мнѣ вызываютъ во мнѣ священную обязанность употребить всѣ старанія, чтобы мнѣ и моему народу сдѣлаться достойнымъ Вашихъ августѣйшихъ милостей. По одному знаку Вашей десницы, грозныя событія, два года тому назадъ приведенія страну къ неминуемой гибели, чудодѣйственно превратились въ общее торжество христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ. Волею Вашего Величества Сербія была допущена къ участію въ славной войнѣ, которою возстановлена ея боевая репутація и приведена нынѣ на порогъ новой исторической эры. Я на дѣлѣ позналъ безкорыстіе Вашего Императорскаго Величества и надежность связей, соединяющихъ великій народъ сѣвера съ его южными молодыми братьями. Отнынѣ основою моей государственной дѣятельности ставлю тѣсное нравственное служеніе, къ которому сербы и болгары въ ихъ новой жизни призываются Вашимъ Величествомъ. Но южнымъ славянамъ все еще будетъ трудно при тѣхъ опасностяхъ, которыми они окружены, непоколебимо удержаться на пути своего развитія безъ братскаго союза между собою, безъ охраны Россіи. Примите поэтому, Государь, подъ Вашу отеческую защиту ихъ возрождающіяся силы, и сербы грудью будутъ защищать ихъ братьевъ болгаръ, какъ болгары станутъ надежнымъ оплотомъ ихъ братьевъ сербовъ“.

Обращаюсь къ князю.

„Мое настоящее положеніе налагаетъ на меня обязанность заботиться объ интересахъ того дѣла, которому служу, о сербской народности и лично Вашихъ, князь. Разрѣшите быть вполнѣ откровеннымъ“.

„Да, пожалуйста, я Васъ прошу“.

„Не сегодня — завтра меня вызовутъ въ Петербургъ. Тамъ

мнѣ будетъ предложенъ рядъ вопросовъ. Мысленно провѣряя отвѣты, я радуюсь тому удовольствію, которое они вызовутъ. Я скажу, что на войнѣ сербы показали себя достойными сынами витязей эпохи освобожденія, что бранный кличъ соединилъ ихъ всѣхъ въ одно войско, сильное не могущественнымъ оружіемъ и воинскимъ обученіемъ, а природною боевою доблестью, вѣрою въ мощь сербской народности, упованіемъ на заступничество Россіи. Я разскажу, какъ князь Миланъ неутомимо трудился на своемъ посту главнокомандующаго, раздѣляя съ войсками невзгоды военнаго времени... Но что я отвѣчу, когда меня спросятъ, готовы ли сербы вновь идти въ бой, если опять явится необходимость совмѣстной войны. Съ горечью я буду обязанъ отвѣтить: нѣтъ, не готовы. Вамъ было угодно отклонить предложенную реорганизацію".

— „Я не отказываюсь отъ нея, я желаю только зрѣло обсудить эту важную мѣру".

— „Въ военномъ дѣлѣ лучшее часто бываетъ врагомъ хорошаго, если послѣднее не выполняется во-время. Подъ вліяніемъ всего мною высказаннаго, я позволилъ себѣ набросать проектъ письма Государю отъ Вашей Свѣтлости".

Я прочелъ. Князь внимательно выслушалъ, но просилъ времени, чтобы обдумать.

Передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, около 8 мая, по поводу письма князь Миланъ мнѣ отвѣтилъ, что такого письма онъ написать не можетъ, такъ какъ слишкомъ связалъ бы себѣ руки.

XV.

До восточной войны на Балканскомъ полуостровѣ я былъ не одинъ разъ. Еще въ 1863 году, командированный въ Европейскую Турцію, вмѣстѣ съ геодезами Картаци и Артамоновымъ, для предварительныхъ изысканій способовъ измѣренія дуги меридіана до острова Крита, я сдѣлалъ по странѣ верхомъ до двухъ тысячъ верстъ. Въ 1873 году я исколесилъ вдоль и поперекъ Дунайскую Болгарію. Въ 1874 году принималъ участіе на маневрахъ румынскихъ войскъ, о чемъ я уже имѣлъ случай упомянуть. Во время возстанія въ Босніи и Герцоговинѣ провелъ зиму въ Далмаціи и Черногоріи. Такимъ образомъ случаевъ познакомиться съ положеніемъ странъ, мною посѣщенныхъ, имѣлъ не мало. Тщательно изучая состояніе Балканскаго полуострова въ военно-ученомъ комитетѣ, я былъ прекрасно подготовленъ къ моей работѣ, почему ко

всѣмъ явленіямъ мѣстной жизни имѣлъ полную возможность отнестись вполнѣ сознательно и нелицепріятно.

Въ Сербіи, какъ въ Черногоріи, какъ въ Болгаріи и Румыніи, я имѣлъ много друзей. Мои отношенія и къ князю Милану не оставляли бы желать ничего лучшаго, если бы съ его стороны было больше чистосердечія. Хотя съ величайшимъ трудомъ, но мнѣ всетаки удалось направить событія въ Сербіи къ желательнымъ цѣлямъ, при этомъ съ неожиданнымъ успѣхомъ, почему ко всѣмъ участникамъ войны я относился съ глубокою признательностью. Но я не могъ измѣнять дѣлу изъ-за личныхъ отношеній. Проистекавшія отсюда шероховатости, однако, не отражались рѣзко выраженными неудовольствіями. Со стороны князя Милана, отъ самаго начала и до самаго конца, я видѣлъ и испытывалъ полное вниманіе. Ему видимо доставляло большое удовольствіе награждать меня орденами, что обставлялось съ значительною торжественностью. Но и въ этомъ дѣлѣ проскользнула непріятная черта.

Въ одинъ прекрасный день А. И. Персіани по секрету мнѣ передалъ разговоръ съ нимъ князя Милана. Желая меня наградить, онъ спрашивалъ Персіани, не доставило ли бы мнѣ удовольствіе почетное оружіе. Я искренно обрадовался случаю и отвѣтилъ, что чрезмѣрно радъ получить шпагу, но съ условіемъ, чтобы она была совершенно простая, т. е. безъ украшеній, но съ надписью „Георгію Бобрикову отъ благодарной Сербіи". Прошло много времени. Ни я, ни Персіани ничего не знали. Наконецъ, когда я уже былъ въ Петербургѣ, присылается оружіе, не шпага съ короткою надписью, а вычурно изукрашенный въ серебряныхъ ножнахъ и съ золотымъ эфесомъ мечъ съ многорѣчивою надписью на клинкѣ, что награждается такой-то за то-то такимъ-то княземъ такого-то рода и прочее. Графомъ Милютинымъ мечъ былъ представленъ на благовоззрѣніе Государя Императора. Мною было получено Высочайшее разрѣшеніе носить въ особыхъ случаяхъ; но могъ ли я надѣвать такое оружіе, которое могло служить украшеніемъ развѣ Готфриду Бульонскому, при его торжественномъ въѣздѣ въ Іерусалимъ. Удовольствіе испорчено. Теперь я не знаю, въ какой музей представить этотъ мечъ крестоносца?

Въ это же время былъ случай съ подполковникомъ Ефремомъ Марковичемъ, мною уже описанный въ февральскомъ номерѣ „Русской Старины".

Чтобы закончить очеркъ моихъ отношеній къ князю Милану, привожу нашу послѣднюю встрѣчу въ С.-Петербургѣ.

Королю Милану послано приглашеніе посѣтить Императорскую столицу. Я усердно старался объ этомъ приглашеніи, считая лич-

ное свиданіе всегда лучшимъ средствомъ для выясненія недоразумѣній. Какъ генералъ свиты Его Величества, я ожидалъ со дня на день сообщенія о назначеніи меня состоять при особѣ. Пора было выѣзжать навстрѣчу, а изъ Императорской главной квартиры ничего. Встрѣчаю генералъ-адъютанта Воейкова. Онъ останавливаетъ меня и говоритъ, что назначеніе мое почти состоялось, когда сербскимъ посланникомъ было выражено желаніе короля о назначеніи генерала Зурова, извѣстнаго королю Милану, какъ уже бывшему въ Бѣлградѣ съ орденомъ Св. Георгія. Признаюсь откровенно, я ничуть не былъ этимъ огорченъ, такъ какъ особой симпатіи къ новому Величеству не чувствовалъ. Такъ, думалъ я, и окончились наши отношенія. Но я ошибался. Была еще одна встрѣча и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ одно дѣйствительно прекрасное утро иду по набережной Невы по панели Зимняго дворца. Подходя къ крайнему подъѣзду, вижу поданный экипажъ. Вскорѣ выходитъ Миланъ, а за нимъ генералъ Зуровъ, я уменьшилъ шаги. Король уже былъ въ коляскѣ, когда поклонъ Зурова въ мою сторону привлекъ на меня его вниманіе. Быстро сойдя на тротуаръ, онъ подходитъ ко мнѣ, крѣпко, дружески жметъ мою руку и говоритъ: „какъ я счастливъ Васъ видѣть, надѣюсь на удовольствіе съ Вами часто видѣться“.

Въ заключеніе моего пребыванія въ Сербіи, не могу не бросить общаго взгляда назадъ, чтобы немногими штрихами очертить характеръ событій. Главная задача сербской арміи, какъ вспомогательной, была разрѣшена въ полномъ объемѣ. Мобилизовавшіеся отряды изъ редифныхъ частей и мустахфыза на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій были задержаны, и перевалъ черезъ Балканы войскъ генерала Гурко было значительно облегченъ. Но политика—стратегическая цѣль объединенія сербской народности, достигнута не была. Цѣль не только не была достигнута, но и перваго шага въ этомъ направленіи сдѣлано не было. Увлеклись добываніемъ клочковъ земли, а главное оставлено безъ вниманія. Событія складывались въ высшей степени благопріятно, но ими не сумѣли воспользоваться. Все требовало группировки всѣхъ вооруженныхъ силъ княжества въ юго-восточномъ углу государственной границы для одновременнаго дѣйствія на Софію и на Новобозаръ; но князя Сербіи сдержало столько же ложное пониманіе военнаго дѣла, какъ и боязнь соперничества князя Николая. Князь былъ наказанъ именно въ томъ, въ чемъ наиболѣе грѣшилъ. Если въ сербскомъ мірѣ существовали причины, хотя и низменнаго свойства, воспрепятствовавшія осуществленію велико-сербской идеи, то чѣмъ можетъ быть объяснена и оправдана наша сдѣлка съ Вѣной, по которой

мы приняли на себя обязательство неприкосновенности Босніи съ Ново-Базарскимъ санджакомъ?

Международные интересы имѣютъ самую близкую связь съ военнымъ дѣломъ. Своимъ ультиматумомъ мы остановили разгромъ Сербіи. Какъ же потомъ мы являемся проникнутыми одними болгарскими интересами? Если мы оказались вынужденными поднять свой мечъ на защиту намъ единовѣрныхъ и родственныхъ странъ Балканскаго полуострова, то очевидно, намъ слѣдовало ставить цѣль общеславянскую, одинаково сербскую, какъ болгарскую, и отнюдь не подпадать тому или другому вліянію. Подъ Плевной мы сомнѣвались въ возможности потребовать одну автономную Придунайскую Болгарію. Къ концу войны включаемъ въ предѣлы Болгаріи всѣ сербскія земли вплоть до государственной границы княжества. А по Санъ-Стефанскому мирному договору въ составъ Великой Болгаріи зачисляемъ безразлично всѣ страны и народности до самаго Эгейскаго моря. Какою же государственною мыслью мы руководствовались въ такомъ крайнемъ увлеченіи? Поневолѣ приходится думать, что мы дѣйствовали безъ всякаго разсчета, увлекаясь желаніемъ только пустить всей Европѣ пыль въ глаза, въ сущности же слѣдуя злонамѣреннымъ указаніямъ, шедшимъ изъ Вѣны. Суровый приговоръ надъ нашими дипломатами еще можно было бы смягчить, если бы они проявили упорную борьбу за наши общеславянскіе интересы, если бы, не успѣвъ сомкнуть два сербскихъ государства общею границею, они съузили бы пространство, ихъ раздѣляющее, до размѣра узкаго коридора. На дѣлѣ ничего подобнаго не видимъ. Санъ-Стефанскій договоръ былъ объявленъ, какъ величайшая наша дипломатическая побѣда!

За что мы отдали подъ гегемонію намъ соперничающей Австро-Венгріи двѣ богатыя сербскія страны, Боснію и Герцеговину? Развѣ только за дарованіе намъ права воевать, воевать академически, за проблематическія постановленія константинопольской международной конференціи? Отдавая въ составъ Австро-Венгріи эти провинціи, принося эту величайшую съ общеславянской точки зрѣнія жертву, не могли же мы убаюкивать себя временнымъ характеромъ этой оккупаціи. А если понимали, что дѣлаемъ, то какъ же не развязали себѣ руки на окончательное устроеніе балканскихъ народностей! Все вышло шиворотъ-на-выворотъ. Во имя вѣнскаго соглашенія мы самымъ добросовѣстнымъ образомъ вязали всѣмъ руки; а когда армія доблестно завершила свое великое дѣло, мы, какъ шаловливыя дѣти, обрадовались возможности писать громкіе акты и начертали Санъ-Стефанскій предварительный мирный договоръ. Этимъ актомъ мы вооружили противъ себя всѣхъ, не только западныя

великія державы, но и всѣ народности, во имя интереса которыхъ подняли свое оружіе. Радовалась только Австро-Венгрія, въ руки которой играли этимъ договоромъ, такъ какъ давали ей лучшее доказательство въ своей неспособности творить мировымъ путемъ великія дѣла. Санъ-Стефанскимъ договоромъ мы положили начало розни между народностями полуострова и предрѣшили свое Берлинское посрамленіе.

Отсюда директивы, данныя государственною политикою боевыми задачамъ дѣйствующей арміи. Громадное военно-политическое значеніе имѣло занятіе войсками Константинополя, для подъема духа арміи и государственнаго престижа, и берега Босфора для упроченія своего базиса воднымъ путемъ. Если бы энергія и таланты дипломатовъ съумѣли поставить эту задачу въ благопріятную обстановку, ихъ заслуга была бы несомнѣнною. Не перечить слѣдовало очереднымъ мѣропріятіямъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, а содѣйствовать имъ такъ, чтобы общая работа оказалась наиболѣе плодотворною.

Какъ выше было сказано, сербская армія сдѣлала все, что отъ нея требовалось, но изъ нея не извлекли всей той пользы, которую можно было и слѣдовало извлечь. Странно, что отъ эпохи добровольцевъ осталось нареканіе на сербовъ, раненія которыхъ въ большинствѣ случаевъ будто-бы были сзади. Впрочемъ и болгаръ-братушекъ поносили всячески, ставя имъ въ примѣръ отвагу турокъ. *Свидѣтельствую о высокихъ военныхъ качествахъ сербовъ.* Тѣ же пруссаки, которые жестоко били французовъ при Россбахѣ, не менѣе жестоко были биты послѣдними подъ Іеной и Ауерштетомъ, и вновь колотили своихъ противниковъ въ послѣднюю войну. Только австрійцы имѣли мало реваншевъ. Чрезвычайно опасны поэтому скороспѣлыя заключенія о боевыхъ качествахъ армій. Слѣдуетъ признать, что славяне вообще къ военной службѣ весьма способны, отличаясь необыкновенною стойкостью, какъ болгары, или боевымъ пыломъ, какъ сербы. Послѣдніе имѣютъ пока то преимущество, что еще проникнуты геройскимъ эпосомъ предковъ. Часто приходится слышать и читать упреки сербамъ княжества въ политиканствѣ, будто-бы отравляющемъ ихъ нравственный складъ. Не надо различаютъ критики и осужденія во что бы то ни стало существующихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій отъ страстнаго увлеченія стариной. Послѣднее не подтачиваетъ воинскаго духа, а напротивъ его укрѣпляетъ. Можетъ быть сербская интеллигенція, даже въ рядахъ арміи, нѣсколько переступаетъ допускаемые благоразуміемъ предѣлы; но сплошное сельское населеніе сохраняетъ патріархальный строй и этою отравою еще не заражено.

Вотъ мысли, впечатлѣнія и убѣжденія, которыя я вынесъ изъ моего продолжительнаго пребыванія въ Сербіи и съ сербскими войсками. Многія изъ притязаній княжескаго правительства я отвергалъ, но я не могъ по совѣсти не признать ихъ правъ на прилегающую къ границѣ полосу земли съ Пиротомъ, и Акъ-Паланкою, добытыми цѣною крови. Странно было видѣть нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ Сербіи не австрійскихъ или иностранныхъ дипломатовъ, а нашихъ собственныхъ. Въ этомъ отношеніи къ княжеству, какъ къ puissance negligeable на языкѣ дипломатовъ, во всякомъ случаѣ было несправедливое преувеличеніе. Если бы дѣйствительно сербское государство было такъ слабо, то не по винѣ ли тѣхъ же дипломатовъ, не желающихъ знать ни исторіи, ни настоящаго положенія вещей. Между тѣмъ въ дѣйствительности въ благоденствіи и силѣ сербской народности мы сами заинтересованы въ громадной степени. Отъ равновѣсія силъ на Балканскомъ полуостровѣ зависитъ наше значеніе въ славянскомъ мірѣ, а отъ послѣдняго развитіе нашего морского могущества.

Въ первой половинѣ мая мѣсяца я простился съ Бѣлградомъ, чтобы принять участіе въ Берлинскомъ конгрессѣ. Я вызывался въ Петербургъ для сопровожденія графа Шувалова, какъ военный экспертъ по странамъ Балканскаго полуострова. Генералъ Анучинъ назначался, какъ экспертъ по административному устроенію зарождавшейся Болгаріи. Генеральнаго штаба полковникъ Боголюбовъ спеціально по Черногоріи. Здѣсь я узналъ, что достигнуть какого-либо соглашенія съ западными державами на основаніи Санъ-Стефанскаго договора оказалось совершенно невозможнымъ. Чтобы какъ-нибудь выйти изъ затруднительнаго положенія, намъ пришлось съ перваго же слова дать согласіе на раздѣленіе Болгаріи на двѣ части, при томъ въ границахъ, далеко меньшихъ нами предположенныхъ. Ясно, что было бы лучше не писать вовсе Санъ-Стефанскаго договора, чѣмъ, заключивъ, тотчасъ же отъ него отказаться. Государственное достоинство требовало отъ нашихъ дипломатовъ большей мудрости. Предъ тѣмъ, чтобы начертать международный актъ исторической важности, слѣдовало его предварительно всесторонне обдумать, а не писать наобумъ. Такіе акты поддерживаются силою оружія и ни въ какомъ случаѣ не могутъ заключать въ себѣ преувеличенные запросы въ разсчетѣ на торгъ. Это—кривой путь, ведущій къ ущербу нашего престижа.

Уполномоченными на конгрессъ Высочайшимъ соизволеніемъ были назначены: канцлеръ князь Горчаковъ, посолъ въ Лондонѣ графъ Шуваловъ и посолъ въ Берлинѣ Убри. Когда-то блестящій и тонкій дипломатъ, князь Горчаковъ въ эпоху войну уже успѣлъ

потерять много изъ своихъ способностей. Все еще безукоризненный по внѣшности, онъ утратилъ въ значительной степени память и быстроту соображенія, но сохранилъ все еще талантливое краснорѣчіе. Была минута сомнѣнія въ его назначеніи, но нежеланіе обижать государственнаго дѣятеля въ его страстномъ желаніи превозмогло. Дипломаты въ старости, въ особенности если дѣятельность ихъ достигла славы, опасны тѣмъ, что слишкомъ боятся себя компрометтировать и становятся нерѣшительными и податливыми. Опасность назначенія именно князя Горчакова еще заключалась въ непримиримомъ соперничествѣ его съ княземъ Бисмаркомъ, дѣйствительнымъ распорядителемъ въ то время международныхъ отношеній. Вторымъ уполномоченнымъ былъ графъ Шуваловъ, по своему положенію Императорскаго посла въ Лондонѣ имѣвшій возможность положить первое основаніе мирнаго соглашенія. Графъ имѣлъ представительную внѣшность, чарующее обращеніе и обладалъ природнымъ умомъ, но въ своемъ воспитаніи былъ зараженъ космополитизмомъ и потому не былъ въ состояніи глубоко понимать умомъ и сердцемъ интересы отечества. Избалованный свѣтомъ, самоувѣренный и крайне подвижного характера, онъ съ одинаковою легкостью принималъ на себя задачи не по силамъ, какъ и шелъ на уступки, не сознавая ихъ важности. Третьимъ уполномоченнымъ былъ нашъ посолъ въ Берлинѣ, г. Убри, безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ, но мало активный, неспособный къ проявленію самостоятельности, въ особенности въ томъ положеніи, въ какомъ былъ поставленъ.

Задача, возложенная на нашихъ уполномоченныхъ, была одна изъ труднѣйшихъ. Только для непосвященной въ суть дѣла толпы она представлялась легкимъ закрѣпленіемъ пожатыхъ на полѣ брани успѣховъ. Въ дѣйствительности же работа, имъ порученная, была настолько затруднительною, что превосходила и обстановку, и силы работниковъ. Предварительной работы или не было вовсе, или она была выполнена отрицательно.

Ближе всего дѣло согласованія статей Санъ-Стефанскаго договора съ интересами государствъ было поручить его автору этого историческаго акта. Графу Игнатьеву были предоставлены всѣ способы къ успѣшному выполненію его высокой задачи, онъ посѣтилъ всѣ кабинеты великихъ державъ, но успѣха нигдѣ не имѣлъ. Положеніе его въ международномъ отношеніи настолько оказалось двусмысленнымъ, что устраняло даже возможность включенія его въ составъ уполномоченныхъ на Берлинскій конгрессъ.

Г. И. Бобриковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Всеподданнѣйшій рапортъ Державина.

Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему Великому Императору и Самодержцу Всероссійскому Государю Всемилостивѣйшему тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Державина всеподданнѣйшій рапортъ.

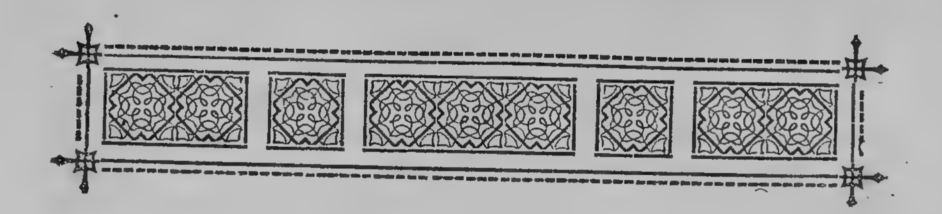
По прибытіи моемъ въ мѣстечко Шкловъ на другой день ключъ-войтъ и сотникъ донесли, что собираются подданные генералъ-лейтенанта Зорича толпою и хотятъ подать мнѣ на него въ неумѣренныхъ поборахъ и работахъ жалобу, а какъ принятіе таковыхъ гласнымъ образомъ жалобъ могло бы произвесть во всемъ его Зорича владѣніи, простирающемся до тринадцати тысячъ душъ, волненіе да иногда могло бы распространиться по глупости черни и далѣе, то я имъ того и не дозволилъ, для того, что законы воспрещаютъ, кромѣ въ самоважнѣйшихъ дѣлахъ по первымъ пунктамъ, принимать отъ крѣпостныхъ людей на господъ ихъ доносы, а паче и въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества указѣ, сего года іюня отъ 15 числа Правительствующему Сенату данномъ, повелѣть соизволили: принимать мнѣ жалобы на него Зорича только отъ евреевъ и прочихъ (сколько я понимаю) свободныхъ людей, въ бѣлорусской губерніи находящихся, потому и отозвался я тогда ключъ-войту и сотнику, да и нынѣ приходящимъ ко мнѣ по временамъ тайно его, Зорича, крестьянамъ отзываюся, что я, не имѣя особаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія на пріемъ отъ нихъ на господина ихъ жалобъ, въ противность законовъ принять оныхъ не могу тѣмъ паче, что буде извѣщаемое ими справедливо, то губернское начальство по доносу земской полиціи и фискала не можетъ того не вѣдать и безъ просьбъ ихъ не оставитъ взять пристойныхъ мѣръ по силѣ, данной ему законами къ обузданію неумѣренностей, ихъ отягощающихъ; отзывомъ таковымъ, хотя они убѣждаются, но остаются недовольными. Я почелъ о томъ за долгъ Вашему Императорскому Величеству донести. Гавріилъ Державинъ.

Д. У.

Іюля 16 дня 1799 года. Шкловъ [1]).

[1]) Москов. Отд. Дворцоваго Архива оп. 353 д. 68.

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній, посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

I.

Мнѣ хочется написать мои воспоминанія о Миліи Алексѣевичѣ Балакиревѣ, такъ какъ я познакомилась съ нимъ осенью 1871 года и съ того времени, до конца его жизни, была съ нимъ дружна, глубоко уважая его, какъ великаго композитора, патріота и славянофила, духовнаго ученика А. С. Хомякова и И. С. и К. С. Аксаковыхъ. Но я боюсь одного: 1869 г. и послѣдующіе за нимъ 3—4 года въ жизни Милія Алексѣевича представляютъ изъ себя значительный интересъ, такъ какъ въ эти годы начался и завершился въ немъ тотъ духовный переломъ, о которомъ всегда говорятъ упоминающіе имя Балакирева, т. е. разсказывающіе о немъ.

И вотъ я боюсь, чтобы мои воспоминанія не обманули ожиданій читателей. Предупреждаю, что въ предлагаемомъ очеркѣ не будетъ никакихъ разоблаченій, ничего особеннаго.

Я была ребенкомъ, маленькой дѣвочкой, когда познакомилась съ Миліемъ Алексѣевичемъ, и въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ въ домотканной пряжѣ, часто будутъ встрѣчаться нити и узелки, говорящіе больше обо мнѣ, о моемъ *я*, чѣмъ о моемъ великомъ учителѣ и другѣ и объ его *я*.

Поздней осенью 1871 года, какъ-то за обѣдомъ, отецъ мой ударилъ меня, какъ обухомъ по головѣ,—словами:

— Ну-съ, я тебѣ взялъ другого учителя музыки. Шуберту слѣдующій разъ я скажу, что онъ больше можетъ не приходить.

Я покраснѣла до слезъ и чуть не заплакала.

Василія Антоновича Шуберта, гобоиста Императорскихъ театровъ и профессора консерваторіи,—я искренно любила. Онъ давалъ мнѣ уроки музыки, т. е. фортепіанной игры уже года (сезона) четыре съ перерывами, и къ нему я успѣла дѣйствительно привязаться.

До него у меня было нѣсколько учителей. Mr. Brasseur'a ко мнѣ взяли, когда мнѣ было всего пять лѣтъ, послѣ того, что я по слуху подобрала арію изъ „Аскольдовой Могилы“ которую меня повезъ слушать отецъ.

Mr. Brasseur'a рекомендовалъ отцу хозяинъ нотнаго магазина Бернарда. Брассеръ былъ старый, худой, жалкій, очень бѣдный французъ. У него былъ беззубый ротъ, отчего онъ постоянно плевался, и отчего, когда онъ ѣлъ, страшно двигалась не только его нижняя челюсть, но двигался и носъ, и подбородокъ съ длиннымъ и жидкимъ клочкомъ желто-сѣдой бороды.

Онъ, вѣроятно, постоянно былъ голоденъ, потому что, глядя на меня, когда я входила въ залъ на урокъ, часто говорилъ:

— Oh! Mariette, je vous aurais mangée sous la sauce blanche!...

И онъ потиралъ длинныя, жалкія, костлявыя, тяжелыя руки.

Училась я у него хорошо, т. е. дѣлала очень большіе успѣхи, чѣмъ онъ сильно гордился, но любить его я не могла.

Отчасти изъ-за его внѣшности, отчасти изъ-за неряшливости въ манерахъ и костюмѣ,—хотя онъ не иначе приходилъ, какъ во фракѣ,—отчасти отъ того, что надо было избѣгать дышать, когда онъ дышалъ,—но главное изъ-за разсказовъ отца, который выдумывалъ про него разные анекдоты (какъ онъ завертываетъ ноги свои въ тряпки и пр.), къ Mr. Brasseur'y у меня было смѣшанное чувство жалости и отвращенія.

Послѣ Брассера, которому отказали не знаю за что, какъ и когда, у меня была учительница, M-lle Frackmann.

Это была совсѣмъ молоденькая и хорошенькая француженка.

Помню, ее привелъ ко мнѣ въ классную мой отецъ. Съ нею вмѣстѣ вошелъ ея отецъ—полный, изящный, пожилой господинъ: Mr. Wladimir Frackmann.

Кто ихъ рекомендовалъ—я не знаю, но думаю, не было ли у нихъ чего общаго съ фортепіаннымъ магазиномъ Негри.

Рѣшено было, что M-lle Fanny Frackmann будетъ давать мнѣ уроки, а инспектировать и руководить мною будетъ Mr. Wladimir Frackmann.

Насколько помнится, въ день этого рѣшенія, въ первый и въ послѣдній разъ я видѣла мосье Владиміра.

Отъ его дочери, какъ воспоминаніе, у меня до сихъ поръ хранится тетрадка, въ которой она ставила мнѣ баллы и записывала заданное, и пьеса Бетховена „Молинара", которую я разучила съ ней.

Въ тетрадкѣ крупнымъ, размашистымъ почеркомъ написаны разныя числа и подъ ними: bien... très bien... passable... Donnez-vous donc la peine d'étudier le passage en ré mineur... и прочія подобныя педагогическія замѣтки.

На поляхъ „Молинары", исчирканной карандашомъ, написано со страшными по величинѣ, восклицательными знаками и нотабэнами: A étudier ce passage 36 fois!!!

Или: à étudier ce passage 52 fois!!! NB! NB!..

Или: 25 fois. NB! NB! NB!

Моя гувернантка-нѣмка, Александра Ѳедоровна Цвернеръ, приготовляла со мной уроки музыки и съ точностью машины, при изученіи пассажей, неумолимо отсчитывала: разъ, два, три и т. д. и т. д. Нѣтъ, 47, 48!.. Нѣтъ 48, еще (скороговоркой и повелительно) 49, 50...52. Вотъ теперь такъ!

Еще отъ M-elle Frackmann у меня остался въ памяти слѣдующій „анекдотъ".

Входя ко мнѣ въ классную, которая помѣщалась со всѣми жилыми комнатами наверху (въ то время я уже не играла въ залѣ, у меня былъ мой собственный небольшой рояль Lichtental'я)—она оставляла на полу за собой слѣды ногъ.

Какъ ни приказывала Александра Ѳедоровна демонстративно вытирать при ней эти слѣды, какъ ни говорила: de nouveau!.. Le plancher est sali!.. ничто не помогало, и на слѣдующій урокъ M-elle Frackmann опять пачкала полъ.

Тогда, однажды, моя гувернантка рѣшилась сдѣлать моей учительницѣ словесное замѣчаніе: M-elle Frackmann, otez donc vos galoches, s. v. p!

Фракманъ, показывая мнѣ нюансировку, играла въ эту минуту отрывокъ изъ „Молинары".

На слова Александры Ѳедоровны она вытянула большую ногу въ грязномъ, толстомъ, неуклюжемъ сапогѣ и, не переставая играть съ досадой, полу-сказала, полу-пропѣла:

— Dois-je oter celles-la, celles-la, quand je n'en ai pas d' autres!

Лица моихъ наставницъ и весь эпизодъ были такъ комичны, что я не удержалась и покатилась со смѣха, а послѣ урока, призвавъ мою мать, пародируя, показала ей, играя отрывокъ изъ Бетховенской пьесы, какъ все произошло.

Моя мать очень смѣялась и, вечеромъ, я опять показывала, но теперь уже отцу, какъ все произошло, снова возбуждая смѣхъ.

Съ тѣхъ поръ строчки изъ „Молинары“:

до сего дня въ музыкальной памяти моей неразрывно соединены со словами:

Frackmann, Frackmann, otez vos galoches!
Frackmann, Frackmann, otez vos galoches!
Dois-je oter celles-là, celles-là,
Qnand je n'en ai pas d' autres!

Послѣ зимы съ Фанни Фракманъ у меня былъ еще лѣтомъ учитель музыки полякъ. Фамиліи его не припомню. Гостили мы тогда въ Радомѣ у моего дяди, Дмитрія Гавриловича Анучина (онъ былъ женатъ на родной сестрѣ моей матери), губернатора радомскаго.

Учитель-полякъ былъ страшно вѣжливый, цѣловалъ мнѣ руку, когда я, присѣдая, здоровалась съ нимъ и, къ неудовольствію Александры Ѳедоровны, открыто при мнѣ говорилъ ей о моихъ музыкальныхъ способностяхъ.

Съ нимъ я играла, между прочимъ, Etudes Ravina, а когда мы вернулись къ отцу въ Петербургъ, ко мнѣ взяли моего милаго Шуберта.

Онъ былъ чехъ по происхожденію и любилъ объ этомъ заявлять:— нэтъ, я не нэмэцъ, я чэхъ;—но дальше этого заявленія дѣло не шло. Роднымъ языкомъ, на которомъ онъ говорилъ (и, вѣрно, думалъ), когда у него не хватало русскихъ словъ, былъ языкъ нѣмецкій. Всѣмъ обликомъ своимъ онъ тоже походилъ на нѣмца и былъ лютеранинъ.

У него была жена, которую онъ обожалъ и называлъ „Юли Ѳэдоровна“, и о которой такъ часто говорилъ, что я съ первыхъ дней знала о существованіи „Юли Ѳэдоровны“ и питала къ ней особенное чувство уваженія.

Съ Шубертомъ я стала играть гаммы по мэтодѣ „консэрвадоріи“ и этюды Черни.

Кромѣ того, много и часто играла переложенія разныхъ оперъ и пьесъ въ четыре руки. Нѣкоторыя изъ этихъ оперъ мы покупали, другія онъ привозилъ изъ дома (отъ Юліи Ѳедоровны!—думала я) въ толстыхъ, прекрасно переплетенныхъ тетрадкахъ.

Со мной Василій Антоновичъ обращался вродѣ поляка-учителя: цѣловалъ мою руку и открыто говорилъ о моихъ способностяхъ. Но полякъ былъ какъ-то черезчуръ вѣжливъ. Шубертъ же называлъ меня: „Марусэя" и обходился, какъ и съ другими дѣтьми, которыхъ вообще онъ очень любилъ, только дѣлая замѣтную мнѣ разницу, когда мы играли на роялѣ.

Такъ въ одной изъ привозимыхъ имъ изъ дома тетрадей, въ одной пьесѣ былъ отрывокъ, тема въ которомъ была расположена въ басахъ, въ secondo.

Играли мы эти пьесы въ четыре руки, но не à livre ouvert, а добросовѣстно разучивая ихъ, при чемъ одна дѣвочка, гостившая у насъ и также какъ и я бравшая уроки музыки у Шуберта, играла secondo, а я primo. Но когда доходило дѣло до „кусочка" съ темной въ басахъ, Василій Антоновичъ неизмѣнно пересаживалъ насъ,—хотя дѣвочка выучила этотъ кусочекъ, какъ и всю пьесу, и съ умиленной улыбкой слушалъ насъ, полушепотомъ повторяя:— хорошо, очень хорошо,—и тайкомъ отъ меня, переглядываясь съ Александрой Өедоровной.

Разъ даже, открывая улыбкой свои прекрасные, изсиня-бѣлые, ровные зубы, онъ проговорилъ на своемъ мягкомъ русскомъ языкѣ, вѣрнѣе нарѣчіи, еле-еле нѣжно притронувшись къ моему лбу пальцемъ.

— Хотэлъ бы я знать, что думаетъ эта „golowka" и это сэрдэчко, когда Марусэя играетъ вотъ эти ноты!...

А я ничего не думала, только чувствовала, что ихъ надо именно такъ играть, а не иначе, что именно такъ онѣ звучатъ, какъ слѣдуетъ.

Съ Василіемъ Антоновичемъ мы стали также приготовлять, дѣлать для отца разные музыкальные сюрпризы или Ueberaschungen'ы, чего до него у насъ не практиковалось. Помню, какъ даже разъ меня утромъ зимой повезла Александра Өедоровна въ нашей каретѣ къ нему на квартиру для генеральной репетиціи какого-то trio, которое я готовила въ „подарокъ" отцу.

Помню его скромныя чистенькія комнаты, столовую и ту, гдѣ стоялъ рояль, но столовую больше, потому что мы въ ней завтракали,—до или послѣ репетиціи не знаю,—но помню, что и завтракъ, и кофе были необыкновенно вкусны. Помню и то, что дальше этихъ двухъ комнатокъ, мнѣ сказали, идти нельзя, и мнѣ показалось, что въ настоящіе покои „Юли Өэдоровны" я недостойна, по мнѣнію Шуберта, проникнуть, а тутъ это комнаты, гдѣ принимаютъ неважныхъ гостей. Помню и самую Юлію Өедоровну съ коричневыми гладко и на проборъ причесанными волосами, подъ

сѣткой съ бантикомъ, въ темномъ, аккуратно вычищенномъ скромномъ платьѣ и въ сѣрой вязаной душегрѣйкѣ.

Она очень плохо въ то время говорила по-русски (впослѣдствіи гораздо лучше), но ни ея ломаный языкъ, ни ея внѣшность не заставили меня критически отнестись къ ней. Для меня она была Юли Ѳэдоровна, имя которой произносилось съ благоговѣніемъ моимъ учителемъ...

Позднѣе, когда мы ѣхали въ каретѣ съ репетиціи домой, я спросила Александру Ѳедоровну: отчего Шубертъ не былъ сегодня, какъ всегда, во фракѣ? И получивъ негодующій отвѣтъ моей гувернантки:—станетъ онъ для маленькой дѣвочки надѣвать фракъ!..— еще больше увѣрилась въ томъ, что скромныя комнаты были лишь преддверіемъ того помѣщенія, гдѣ жилъ Шубертъ съ женой, и куда онъ тщательно запиралъ дверь, когда ходилъ взадъ и впередъ, отыскивая для меня подушку.

Шубертъ тоже ставилъ мнѣ баллы, но не въ большой тетрадкѣ съ картинками на переплетѣ, какъ Фракманъ, а въ маленькой черной книжечкѣ, которую онъ вынималъ послѣ урока изъ внутренняго кармана своего фрака и которую клалъ туда же, написавъ въ ней, прячась отъ меня, цифру 5 или 5+.

Четыре, я, кажется, почти никогда не получала.

Кромѣ того, для поощренія, когда онъ былъ особенно доволенъ мною, Василій Антоновичъ продѣлывалъ еще слѣдующее. Улыбаясь своей милой улыбкой, онъ слабымъ голосомъ говорилъ:

— Сегодня Марусэя получить (онъ произносилъ „л" мягко, какъ произносятъ французы или нѣмцы свое l) награтъ...

Онъ останавливался и добрыми сѣро-голубыми глазами въ золотыхъ очкахъ, стараясь дѣлать серьезное лицо, смотрѣлъ на меня.

— „Табакерку?"...—спрашивала я.

— Ужъ „снаэтъ!" смѣялся онъ, грозя пальцемъ и смотря на мою желчную гувернантку, неодобрявшую его дружескаго отношенія ко мнѣ и дѣлавшую видъ, что она ничего не слышитъ, конфузился.

— Ну, совите брата!—обращался онъ опять ко мнѣ черезъ минуту, чувствуя отпоръ со стороны Александры Ѳедоровны.

Я бѣжала за братомъ, и мы оба возвращались въ залъ, (мы жили уже на другой квартирѣ, и въ моей классной не было мѣста для моего Lichtental'я).

Шубертъ на самыхъ верхнихъ нотахъ клавіатуры, продѣлывая пассажи щеточкой, игралъ миніатюрную пьеску, въ совершенствѣ подражая крошечнымъ музыкальнымъ ящикамъ или табакеркамъ, щелкая ногтемъ по деревянной крышкѣ рояля, при началѣ и по

окончаніи, что означало и дѣйствительно походило на то, когда валикъ въ ящичкѣ начинаетъ вертѣться, до звуковъ музыки, и когда онъ совсѣмъ перестаетъ вертѣться, по окончаніи пьески.

Семи лѣтъ я заболѣла, у меня стали дѣлаться во время сна, ночью, обмороки и весною 1868 г. меня повезли лѣчить за границу.

За границей мы пробыли до осени 1869 года и, когда вернулись, съ начала учебнаго школьнаго сезона ко мнѣ снова взяли Шуберта.

Полтора года я отдыхала. Полтора года не смѣла и боялась подойти къ роялю и притронуться къ клавіатурѣ, помня запрещеніе докторовъ и очень боясь болѣзни, обмороковъ и смерти.

Наконецъ въ ноябрѣ 69-го стала снова „потихоньку", какъ выражался Василій Антоновичъ, т. е. по-немногу, заниматься игрой на роялѣ, а потомъ и заниматься по-прежнему, и снова мы стали съ Василіемъ Антоновичемъ дѣлать моему отцу музыкальные сюрпризы.

Кажется, одинъ изъ такихъ сюрпризовъ и сгубилъ Шуберта, т. е. рѣшилъ нашу съ нимъ участь.

Дѣло происходило такъ: разучили мы съ Шубертомъ отцу въ подарокъ какой-то Kinder-Concert. Самъ Василій Антоновичъ исполнялъ фортепіанную партію, а мы съ братомъ и моей кузиной играли на всевозможныхъ инструментахъ: трехугольникѣ, бубнѣ, „кукушкѣ", „соловьѣ", „вальдтейфелѣ" и пр. и пр.

Отецъ былъ боленъ, играли мы у него въ кабинетѣ, при чемъ Шубертъ игралъ не на роялѣ, а на стоявшей въ кабинетѣ фисгармоникѣ, увѣряя, что такъ будетъ еще „лютче" и вытаскивая то одинъ, то другой колокъ съ надписями на бѣломъ фарфорѣ: flûte, haut-bois, cor и т. д.

А отецъ съ задеревенѣлымъ лицомъ слушалъ насъ.

Самъ онъ прекрасно игралъ на роялѣ, гордился тѣмъ, что онъ ученикъ Леопольда Майера, принималъ близкое участіе въ дѣлахъ музыкальнаго общества и позднѣе Консерваторіи. Былъ другомъ и Кологривова, и Ломакина, и др.

Послѣ нашего „собачьяго" концерта (какъ мы послѣ называли его), онъ ничего не сказалъ самому Шуберту, но черезъ нѣкоторое время произнесъ приведенныя мною выше слова, ударившія меня, какъ обухомъ по головѣ:

— Ну-съ, я тебѣ взялъ другого учителя...

Другой учитель этотъ и былъ Милій Алексѣевичъ Балакиревъ.

II.

Онъ пришелъ къ намъ неожиданно, какъ-то утромъ, т. е. для меня неожиданно.

Меня вызвали въ залъ, и я услышала, какъ черезъ нѣкоторое время дверь изъ кабинета быстро отворилась, обернулась и увидѣла Балакирева въ просвѣтѣ, въ которомъ клубами двигался голубовато-опаловый дымъ отъ сигаръ и папиросъ.

Изъ кабинета несся смѣхъ отца, тотъ смѣхъ, которымъ смѣются мужчины, желающіе показать кому-нибудь свою любезность, благорасположеніе, дружескую ласковость, преданность и пр. подобныя чувства.

Балакиревъ тоже очевидно смѣялся (я слышала дуэтъ голосовъ). Улыбка была у него еще въ глазахъ и во лбу, когда онъ появился въ двери, но она тотчасъ будто улетѣла съ его лица, и онъ, откашливаясь, стремительными шагами подошелъ къ роялю, возлѣ котораго я стояла, дожидаясь его прихода. Не помню, какъ онъ поздоровался со мной, да и поздоровался ли. Но помню его слова, такія же стремительныя, какъ его шаги:

— Ну-съ, покажите мнѣ, что вы играли.

Тонъ его голоса былъ рѣзкій, авторитетный, такой, къ какому я не привыкла съ моими прежними учителями.

Мы отошли къ хвосту рояли, на которомъ я уже разложила ноты игранныхъ мною пьесъ, этюдовъ и пр., и онъ сталъ проглядывать мой репертуаръ, откидывая одну тетрадь за другой и издавая звукъ, похожій на короткое „рычаніе". Иначе я не могу назвать звукъ, который онъ издавалъ.

Мнѣ становилось совѣстно. Я чувствовала, что онъ чѣмъ-то недоволенъ, что-то не одобряетъ. Щеки мои стали краснѣть, руки и ноги холодѣть. Не поднимая къ его лицу глазъ, я разглядывала его и изучала его.

Онъ мнѣ не нравился. Средняго роста, широкоплечій, съ густыми, зачесанными кверху темно-русыми, длинными волосами, густой темно-русой бородой и усами, въ сѣренькомъ клѣтчатомъ пиджакѣ и въ такомъ же нижнемъ платьѣ,—онъ не походилъ ни на одного изъ тѣхъ людей, которыхъ я знала, хотя знала я, т. е. видала, всякихъ людей и между ними много артистовъ.

Все, что я сейчасъ разсказываю, произошло въ теченіе двухъ-трехъ минутъ, можетъ быть, нѣсколькихъ секундъ: мой музыкальный багажъ былъ очень легковѣсный, хотя я тогда не сознавала этого, и все надѣялась, что, увидя двѣ послѣднія пьесы, которыя я играла,—

онъ почувствуетъ ко мнѣ хоть нѣкоторую долю уваженія. Но дойдя именно до этихъ двухъ пьесъ, требовавшихъ „jeu perlé", т. е. отдѣлки и чистоты пассажей пьесъ, моимъ исполненіемъ которыхъ такъ гордился и любовался мой милый Шубертъ (это были „Cascade de Rubis" и „Cascade de Roses"),—Балакиреву стало, должно быть, довольно. Онъ „рявкнувъ" длинное: г-мъ-гмъ-гмъ, въ послѣдній разъ,—обратился ко мнѣ съ словесными вопросами:

— Какія вы гаммы играли? По чьей методѣ?... Сыграйте... Гм! А расходящіяся вотъ такъ... (онъ показалъ). Нѣтъ?... Какіе этюды?... Черни?... Сыграйте, вотъ этотъ (Онъ открылъ тетрадку и отыскалъ какой-то).

— Это ничего!.. Это мило!.. (обратился онъ къ отцу, пришедшему на звуки этюда въ залъ).—Ну-съ, а вы не играли ли какой-нибудь классической вещи, Бетховена?..

Подбодренная его словами, я встала, достала „Sonate pathétique" и протянула ему.

Онъ удивленно произнесъ: вы это тоже играли!.. Будто о чемъ-то недоумѣвая, поднялъ плечи, переглянулся съ отцомъ и, коротко приказавъ мнѣ:—Сядьте,—поставилъ на пюпитръ сонату.

Я стала играть.

Сонату, какъ и все, что я играла, я знала наизусть, и послѣ вступительныхъ аккордовъ, дойдя до темы, ни разу не подняла глаза къ пюпитру.

— Довольно!..—услышала я вдругъ голосъ Милія Алексѣевича. Это довольно, по моимъ разсчетамъ (я мысленно видѣла страницы и читала по нимъ), было произнесено, когда я не вполнѣ дошла еще до конца второй страницы.

Я удивленно остановилась.

— Довольно!—рѣзко повторилъ Балакиревъ.—Пустите меня. (Онъ лѣвой рукой просто и вмѣстѣ властно отстранилъ меня).

Я встала, понимая, что онъ хочетъ показать, какъ надо играть, и, приготовляясь слушать, прижалась къ стѣнѣ, у которой стоялъ рояль.

— Вотъ, что написано... Могучими и вмѣстѣ мягкими ударами онъ взялъ начальные аккорды и послѣ блестящаго пассажа, оканчивающаго ихъ, сталъ играть то, что я только-что играла, потомъ вдругъ оборвалъ и со словами: а вотъ, какъ вы играете!. снова началъ пьесу.

Онъ игралъ отвратительно, выдѣлывая какія-то необычайныя движенія кистями рукъ, ударяя тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, понижая и повышая звукъ безъ смысла, и хотя я видѣла, что это жестокая

и злая пародія на мою игру, мгновеніями я чувствовала, что что-то есть похожее на то, какъ я играю.

Это было особенно больно и стыдно.

Мы были одни въ залѣ. Отецъ при первыхъ звукахъ подражанія,—съ лукавой усмѣшкой (какъ мнѣ казалось) подмигнувъ мнѣ, точно сказавъ: ну, что говорилъ я тебѣ?.. Это не твой Шубертъ! Этотъ не станетъ тобой все восхищаться!.. исчезъ въ своемъ кабинетѣ и заперъ за собою дверь.

А я, отвѣтивъ ему горькой улыбкой на его улыбку, заложивъ руки за спину, стала все сильнѣе прижиматься ладонями рукъ и плечами къ стѣнѣ.

Это я-то, я!..—вихремъ проносилось у меня въ мысляхъ,—которая играла съ шести лѣтъ съ знаменитыми артистами и дуэты со (скрипачемъ) Montigny, и съ (флейтистомъ) Чіарди, которая постоянно играла тріо (съ Фишеромъ и Гильдебрандтомъ). Это я, которая, если и не была „вундеркиндомъ“, то все же играла, какъ говорили, замѣчательно для моихъ лѣтъ, которая испытала не разъ сладость артистическаго одобренія, когда мои партнеры въ камерныхъ ансамбляхъ, по окончаніи и частей и всей пьесы, стучали смычками по своимъ пюпитрамъ, заглядывая мнѣ въ лицо... И вдругъ... мнѣ... онъ... показываетъ... что я... играю такъ!..

Милій Алексѣевичъ поднялъ на меня свои большіе, темные, въ тотъ мигъ серьезные и равнодушные, въ слѣдующій—испуганные глаза и вскочилъ, какъ ужаленный.

У меня былъ полуоткрытъ и кривился ротъ отъ сдерживаемыхъ рыданій, и слезы градомъ катились изъ глазъ по щекамъ.

Онъ что-то сказалъ,—не помню что, что-то вродѣ: что такое, что случилось?..

Но я не слышала и не слушала его и бросилась вонъ изъ залы.

За мною, почти тотчасъ, въ мою комнату вошла быстрыми шагами моя мать и сначала испуганная, потомъ успокоенная, стала спрашивать: что съ тобою? Что такое?

А я, силясь улыбнуться и давясь слезами, отвѣчала ей:

— Да ничего... Да, право же ничего!..—И снова и снова заливалась слезами.

Когда она наконецъ узнала, въ чемъ дѣло, посмѣиваясь, какъ только матери умѣютъ посмѣиваться, не задѣвая самолюбія, она погладила меня по головѣ и мокрому лицу и, выговоривъ: ну, это все пустяки!.. А я-то ужъ испугалась!.. вышла изъ комнаты

Черезъ нѣкоторое время, смѣющаяся, розовая она вернулась и, видя, что я все еще плачу, велѣла мнѣ выпить воды и сказала:—Онъ хочетъ придти къ тебѣ извиниться.

Кровь бросилась мнѣ въ голову.

— Нѣтъ!.. Ни за что!.. Зачѣмъ?... Ради Бога, мамочка, скажи, что это не надо!..

Это „наказаніе“ (выслушивать его извиненія) казалось мнѣ еще хуже перваго (каррикатуры на мою игру).

— Ну, хорошо, я пойду скажу ему, что ты не хочешь...—сказала моя мать, видя мое волненіе, но не успѣла она дойти до двери, какъ дверь отворилъ отецъ, и вслѣдъ за нимъ все тѣми же, стремительными шагами, откашливаясь, вошелъ Балакиревъ.

— Я пришелъ извиниться,—одновременно со словами беря мою руку и пристально глядя на меня, проговорилъ онъ громко. Онъ потрясъ мою руку и продолжалъ, не выпуская съ перерывами трясти ее:—И сказать вамъ... (онъ потрясъ мою руку), что я буду давать вамъ уроки, если вы не возненавидѣли меня...

— Боже мой, за что же!.. съ новыми слезами вырвалось у меня.

— Потому что, если возненавидѣли... то лучше...

Тутъ мои родители заговорили оба, заступаясь за меня, и я не помню, что именно было сказано съ обѣихъ сторонъ, какъ это ни странно сказать; помню, что съ этой минуты, я своимъ дѣтскимъ, полу-развитымъ, но врожденнымъ музыкальнымъ чутьемъ и еще какимъ-то инстинктомъ поняла, что передо мною стоитъ, дѣйствительно, не Брассеръ, не Шубертъ и прочія знаменитости, а maître, maestro, Учитель съ большой буквы, и не только музыки, но и чего-то другого, высшаго, чѣмъ онъ былъ, я знаю, для многихъ другихъ, и чѣмъ сталъ впослѣдствіи и для меня.

III.

Я начала брать у него уроки и стала играть гаммы по методѣ Дрейшока (Діатоническія гаммы), 1000 Exercices pour l' emploi du dactylion par Henri Herz, этюды Köhler'a zur gleichen Ausbildung beider Hände, этюды Крамера въ аранжировкѣ Бюлова: 50 ausgewählte Klavieretüden, а затѣмъ—30 Clavier Etüden in allen Tonarten—Louis Köhler, при чемъ Милій Алексѣевичъ нумеровалъ ихъ по-своему, слѣдующимъ образомъ: 1) десятый этюдъ, 2) девятнадцатый, 3) двадцать первый, 4) двадцатый, 5) девятый, 6) двадцать третій, 7) двадцать четвертый, 8) двадцать второй, 9) тридцатый, 10) четырнадцатый, 11) одиннадцатый, 12) третій, 13) пятнадцатый, 14) семнадцатый, 15) восемнадцатый, 16) двадцать пятый, 17) двадцать шестой, 18) четвертый, 19) седьмой, 20) восьмой, 21) двѣнадцатый, 22) второй, 23) двадцать девятый,

24) пятый, 25) двадцать восьмой, 26) первый, 27) двадцать седьмой, 28) шестнадцатый.

Не знаю, всегда ли онъ такъ перенумеровывалъ эти этюды или только для меня, сообразуясь съ моей индивидуальностью, но всѣ ноты, которыя я играла съ нимъ, цѣлы, а на нихъ цѣлы и его замѣтки. Привожу я ихъ исключительно для интересующихся педагогической дѣятельностью русскаго великаго композитора, геніальность котораго, нынѣ еще оспариваемая, со временемъ несомнѣнно будетъ признана.

Пьесы и пьески, которыя я играла съ нимъ въ первые два-три года, т. е. сезона, такъ какъ лѣтомъ мы всегда уѣзжали за границу,—принадлежали перу C. Bernecke, Henselt'a, Шульгофа, Стефана Хеллера, Hiller'a: „Zur Guitar", Дрейшока, но Stephen Heller'a онъ, должно быть, больше всего любилъ и признавалъ до классическаго репертуара, по крайней мѣрѣ я играла очень большое количество всякихъ Scherzo, Tarantelles, Valses (не вальсовъ для танцевъ, разумѣется), Sattorello и пр. именно этого композитора.

Первая большая вещь, которую я въ тѣ же годы играла съ нимъ, была: Variations brillantes sur „Ludovik" de Herold—Шопена, и надо отдать должное,—ненавидѣла же я эти варіаціи!..

Какъ особенный инцидентъ, происшедшій за учебный сезонъ 72—73 годовъ, запомнился мнѣ слѣдующій случай.

Приходилъ ко мнѣ на уроки Милій Алексѣевичъ днемъ, а не утромъ, какъ онъ желалъ, потому что утромъ у меня были уроки по разнымъ предметамъ гимназическаго курса. (Я только-что тогда разсталась съ первой частной женской гимназіей Маріи Петровны Спѣшневой, въ которой пробыла всего одну зиму и то съ перерывами, такъ какъ постоянно сильно простужалась. Но зима эта имѣла для меня огромное значеніе, превративъ меня изъ лѣнтяйки въ дѣвочку, жаждавшую научныхъ знаній).

Балакиревъ былъ этими усиленными занятіями не очень доволенъ. Я могла удѣлять музыкѣ не болѣе двухъ часовъ въ день, а этого было, разумѣется, мало, и онъ, оставаясь недовольнымъ моимъ приготовленіемъ, спрашивалъ:

— Вы сколько часовъ играли въ день за эту недѣлю?—И слыша мой отвѣтъ, нетерпѣливо пожималъ плечами:—Гм-гмъ, да вѣдь вамъ на много лѣтъ еще такихъ занятій?!

Въ одинъ изъ уроковъ, когда я ждала его въ залѣ, у рояля, (это было въ самомъ началѣ нашего знакомства), я, по обыкновенію, слыша его звонокъ въ передней (онъ былъ замѣчательно пунктуаленъ), стала приготовлять тетради.

Въ залѣ же была и Надежда Дмитріевна Яковлева [1]), другъ моей матери (хотя она была старше ея на 25 лѣтъ), бывшая начальница Витебскаго и потомъ Пипенбергскаго институтовъ. Она жила тогда уже у насъ, занималась нашимъ образованіемъ, выбирала учителей, такъ какъ имѣла огромное знакомство въ педагогическомъ мірѣ, и всегда присутствовала при урокахъ, особенно при началѣ ихъ. Ея присутствіе посему нисколько не удивило меня и въ этотъ день и такъ бы и прошло для меня незамѣченнымъ, если бы не слѣдующее обстоятельство.

Послѣ звонка въ передней, дверь, черезъ нѣкоторое время, отворилась и въ залу, и Милій Алексѣевичъ показался въ ней.

Я довѣрчиво пошла ему навстрѣчу, видя, но по-дѣтски не замѣчая его костюма (послѣ перваго раза, когда я должна была пойти на компромиссъ насчетъ фрака, я ужъ ничему не удивлялась).

Онъ былъ въ лѣтнемъ бѣломъ, холстинковомъ пиджачкѣ и въ такихъ же широкихъ брюкахъ. Должно быть, видъ его былъ страненъ (на дворѣ стояли лютые морозы), потому что Надежда Дмитріевна, при его появленіи, такъ и застыла на мѣстѣ, и послѣ ни на минуту не покинула залы, до окончанія урока.

На урокъ, должно быть, вопреки ожиданіямъ Надежды Дмитріевны, прошелъ вполнѣ просто и благополучно.

Мало-по-малу она стала успокаиваться, какъ она сама послѣ разсказывала. Къ концу урока всѣ страхи ея разсѣялись и, мало того, впервые, во время этого урока, она, видавшая не мало горя и нужды, чутьемъ поняла, что Балакиревъ находится въ тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, что онъ человѣкъ изъ ряда выходящій и достойный глубочайшаго уваженія.

Милію Алексѣевичу, какъ всегда учителямъ зимою, предложили чаю, и онъ съ удовольствіемъ пилъ его, громко высасывая лимонъ.

По окончаніи занятій, онъ простился со мной, съ Надеждой Дмитріевной и ушелъ.

Я лично такъ и осталась бы равнодушной къ его не по сезону легкому костюму и вѣрно вскорѣ и забыла бы о немъ, но вечеромъ я услышала разговоръ Надежды Дмитріевны съ моими родителями и... изумилась.

Надежда Дмитріевна, свѣтясь улыбкой, полу-шепотомъ, разсказывала моему отцу и матери, тоже улыбающимся, приблизительно такъ:

---

[1]) Моя мать, Елизавета Николаевна Кондрашова, впослѣдствіи описала ее въ повѣстяхъ: „Отчего?“, въ лицѣ Анны Ивановны и въ „Дѣтяхъ Солнцевыхъ“, въ лицѣ Кати. Обѣ повѣсти первоначально напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Мих. Никиф. Каткова, при чемъ „Отчего?“ въ 1885 году.

— Вошелъ онъ въ дверь... А ужъ сумерки... Я взглянула и обомлѣла... Со-слѣпу мнѣ показалось, онъ въ одномъ бѣльѣ!.. Думаю: васъ дома нѣтъ, что дѣлать?.. А Маруся ужъ къ нему навстрѣчу идетъ... да такъ безстрашно... Ну, думаю... если онъ укуситъ или ударитъ еще ее...

Но тутъ я вѣско и обиженно прервала Надежду Дмитріевну:

— Какъ?.. Онъ не былъ въ бѣльѣ... На немъ былъ костюмъ, какъ ты, папочка, тоже носишь, только лѣтомъ... Желтенькій...

Старшіе переглянулись.

Надежда Дмитріевна качнула головой.

— Я сказала: мнѣ со-слѣпу показалось...—объяснила мнѣ она.

А моя мать, ласково улыбнувшись, добавила:

— Надежда Дмитріевна вѣдь разсказываетъ не то, что было, а то, какъ ей показалось... Ну, ступай, ступай къ себѣ. Тебѣ уроки надо еще готовить.

... Я ушла, но въ душѣ у меня осталось недоумѣніе: чего и отчего боялась Наденька?.. И какъ это она, т. е. Наденька (мы, дѣти, называли такъ изъ любви Надежду Дмитріевну), такая храбрая и правдивая, могла думать, что онъ меня побьетъ, и еще говорить, что онъ былъ въ бѣльѣ, когда ясно были видны темныя пуговицы на его свѣтломъ балахонѣ!!..

Съ этого дня, должно быть, пропали всѣ страхи моихъ родителей, навѣянные разсказами о помѣшательствѣ Милія Алексѣевича. Они поняли, должно быть, со словъ Надежды Дмитріевны, что не сумасшествіе, а крайняя нужда нарядили на время Балакирева зимою въ холстинку, и что какая-то внутренняя, неуловимая постороннему трагедія также нарядила его, полнаго духовныхъ и умственныхъ блестящихъ силъ, благодаря чьему-то злому языку, въ убогое тряпье умопомѣшаннаго.

Какъ бы то ни было, съ этого дня никто ужъ больше не сидѣлъ въ залѣ на его урокахъ, а если и входилъ, то только, какъ на уроки другихъ моихъ учителей: входилъ и, немного послушавъ, уходилъ.

Потомъ и это перестали дѣлать.

Я же оставалась въ полномъ невѣдѣніи о приписываемомъ Балакиреву сумасшествіи, еще нѣсколько лѣтъ, до 1875 года, и только отъ дѣвочки-подруги узнала о ходящихъ про него розсказняхъ.

— Ты у кого берешь уроки?—спросила меня эта дѣвочка (Соня К.-Р—ская). У Балакирева?.. Да онъ сумасшедшій!.. Какъ ты не боишься!.. Да онъ правда сумасшедшій, — стала горячо убѣждать она меня на мой протестъ и разсказала мнѣ ходящіе про него анекдоты.

Анектоты эти были слѣдующіе: что онъ постоянно молится, отбиваетъ лбомъ поклоны. Что, какъ-то, въ церкви, онъ увидѣлъ горячо молившуюся и плакавшую даму, подошелъ къ ней и на смерть перепугалъ ее, помазавъ ей лобъ свѣчкой, которую онъ опустилъ тутъ же, въ лампаду, и, проговоривъ: „молитва ваша будетъ услышана...“ (И еще что-то: Идите съ миромъ). И третье: что онъ, когда къ нему подходятъ, говоритъ: отыди отъ меня, сатана.

Тутъ ужъ я не вытерпѣла и стала, волнуясь, убѣждать мою подругу, что онъ у меня бываетъ каждую недѣлю, и что все это ложь.

— Ну, не знаю, можетъ быть, онъ теперь выздоровѣлъ, а прежде былъ сумасшедшій, — согласилась, видя мое негодованіе, милая, добрая, въ дѣтствѣ всегда баловавшая меня, Соня.

— Да когда же прежде?

— Ну, не знаю! Въ прошломъ году, можетъ быть.

— Да я и въ прошломъ году брала у него уроки...

— Ну, не знаю, въ позапрошломъ, что-ли...

— И въ позапрошломъ я брала!

— Ну, ужъ не знаю, когда, но всѣ говорятъ, что онъ сумасшедшій,—защищалась, тоже начиная сердиться, Соня.

— Всѣ лгутъ,—возмутилась я и, по пріѣздѣ домой, разсказала моей матери о слышанномъ мною, и отъ нея узнала про распущенную про него злую сплетню.

Съ того же достопамятнаго урока (когда Милій Алексѣевичъ пришелъ въ холщевомъ костюмѣ), мечтой моихъ родителей стало подарить ему шубу, т. к. оказалось, что онъ ходитъ въ осеннемъ пальто, но такъ подарить, чтобы онъ не могъ обидѣться, оскорбиться. Разговоровъ, по этому поводу, было много. Просить ли его принять эту шубу просто отъ нихъ, моихъ родителей, или сказать, что группа почитателей хочетъ и не смѣетъ поднести ему сибирскій мѣхъ... и т. д. и т. д.

Наконецъ, рѣшено было, что отецъ попроситъ его принять отъ себя, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ и соображеній, теплое пальто.

Выбрали мѣхъ, сукно, оставалось только снять мѣрку и заручиться согласіемъ Милія Алексѣевича сшить на него шубу. Но какъ было достигнуть послѣдняго, — никто не зналъ... И опасались худшаго!..

Наконецъ, мой отецъ рѣшился и послѣ одного изъ моихъ уроковъ позвалъ Балакирева къ себѣ въ кабинетъ, но какъ только онъ заговорилъ, всѣ хитрыя махинаціи моихъ родителей рухнули: худшее случилось.

Балакиревъ наотрѣзъ отказался отъ чего-нибудь болѣе теплаго, чѣмъ его старое холодное пальто.

Хорошо помню этотъ фактъ, помню позы, лица моихъ родителей, когда Милій Алексѣевичъ уже ушелъ, а отецъ, придя къ матери, разсказывалъ ей, какъ все произошло.

— Но онъ не обидѣлся?—взволнованно спрашивала моя мать.

— Да нѣтъ!..—смущенно успокаивалъ ее мой отецъ.

— А какъ же онъ тебѣ сказалъ?—опять спрашивала мать.

— Да такъ и сказалъ: что онъ привыкъ къ своему легкому пальто, что въ тепломъ онъ боится простужаться, что онъ не любитъ мѣхъ, да не этотъ нашъ, нами выбранный ильковый, а вообще мѣхъ... Ну, словомъ, наотрѣзъ отказался отъ шубы...

— Какой странный и вмѣстѣ удивительный человѣкъ!—выговорила моя мать, въ то время еще не знавшая, какъ не зналъ никто, что Балакиревъ тогда уже молчаливо, но безповоротно, по принципу, рѣшилъ не принимать участія, т. е. не поощрять никакого убійства чего-нибудь живущаго безъ крайней необходимости. (Этого рѣшенія онъ держался во всю свою жизнь).

Не знаю, случай ли съ шубой или что другое, но съ этой же зимы началось сближеніе моихъ родителей съ Миліемъ Алексѣевичемъ. Отказываясь отъ обѣдовъ запросто, не говоря уже о парадныхъ, онъ сталъ часто приходить къ нимъ къ вечернему чаю и подолгу засиживался у нихъ.

Я тогда всегда уже спала, такъ что ни разу не видѣла его и не знаю, о чемъ шли бесѣды, но помню слѣдующее:

Какъ-то разъ моя мать за завтракомъ, на слѣдующій день послѣ вечерняго визита Балакирева, по поводу чего-то, сказала Надеждѣ Дмитріевнѣ:

— Да, это то, о чемъ говорилъ вчера Балакиревъ!—и, получивъ грустно утвердительный отвѣтъ нашей Наденьки, замѣтила:

— Да, а какой это удивительный человѣкъ! Какой глубокій умъ и какая вѣра!..

Впослѣдствіи я узнала, въ чемъ заключался такъ поразившій мою мать разговоръ.

Говорили о Богѣ и злой силѣ, и Милій Алексѣевичъ яркими штрихами, образами и сравненіями очерчивалъ свою мысль.

Онъ былъ убѣжденъ въ существованіи злой силы, Діавола, какъ личности, какъ врага Бога, и между прочимъ говорилъ:

— Какъ же можно отвергать его существованіе? Посмотрите, не только въ каждомъ дѣяніи человѣка есть грѣхъ, дурная сторона, несовершенство, но и въ каждомъ дѣяніи Божіемъ, видимо для человѣка есть несовершенство, примѣшана чья-то злая воля,

какая-то помѣха. Смотрите: земля вращается вокругъ солнца не просто въ 365 дней, а остаются за днями какія-то минуты, секунды, словомъ, что-то, что даетъ несовершенство, дисгармонію... Смотрите солнце: лишь слабая часть его лучей живитъ, благотворитъ; остальная, громадная, бо̀льшая сила лучей пропадаетъ въ пространствѣ даромъ. Зачѣмъ?.. Почему?.. Какое найдете вы этому объясненіе?

(Впослѣдствіи, т. е. гораздо-гораздо позднѣе, ту же мысль о солнцѣ и о даровой тратѣ солнечной энергіи я прочла у Эмерсона).

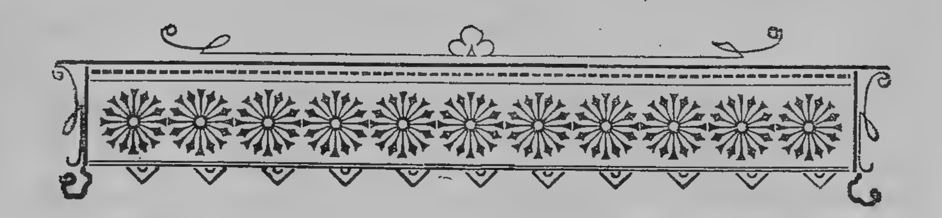
Этими вышеприведенными инцидентами и исчерпываются у меня фактическія воспоминанія о томъ времени, когда Балакирева заподозрѣвали его благопріятели въ „сошествіи съ ума".

Перехожу теперь къ его педагогической дѣятельности, т. е. собственно къ моимъ съ нимъ урокамъ.

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ старыхъ дѣлъ.

Занимаясь въ архивахъ Правительствующаго Сената и Святѣйшаго Правительствующаго Синода, я натолкнулся на нѣсколько старыхъ дѣлъ, которыя показались мнѣ настолько интересными, что я задумалъ напечатать ихъ содержаніе. Такимъ образомъ въ помѣщаемыхъ мною разсказахъ фантазія отсутствуетъ, и излагаются лишь дѣйствительные факты, взятые изъ подлинныхъ дѣлъ.

Чулицкій.

Сонное видѣніе и рѣшеніе Петра Великаго.

(Архивъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Дѣло 1724 г. № 401).

15 марта 1724 года, въ Тихвинѣ, на постояломъ дворѣ остановились два молодыхъ человѣка. И хозяинъ и прислуга тотчасъ же рѣшили, что одинъ изъ нихъ очень важная особа. Въ теченіе всего времени, пока младшій нанималъ комнату, заказывалъ обѣдъ и вообще распоряжался, старшій не проронилъ ни одного слова. Если къ нему обращались съ вопросами, онъ кивалъ лишь головой и жестами указывалъ на младшаго, какъ бы желая сказать: „меня не тревожьте. Обращайтесь къ нему“.

Послѣ обѣда, во время котораго говорилъ только младшій, оба они пошли въ Тихвинскій монастырь и заказали іеромонаху Сисою отслужить всенощную. Выйдя изъ церкви, они пошли гулять по Тихвину и, возвратившись на постоялый дворъ, закусили и улеглись спать.

Пріѣзжіе были великолуцкіе помѣщики Ѳедоръ и Петръ Тулубьевы. Старшій, Ѳедоръ Тулубьевъ раньше служилъ капраломъ въ Преображенскомъ полку. Въ маѣ мѣсяцѣ 1721 года онъ забо-

лѣлъ. Болѣзнь была тяжкая, и Тулубьевъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени находился въ безпамятствѣ. Наконецъ, крѣпкая натура его взяла верхъ, и Тулубьевъ сталъ выздоравливать. Къ несчастью вмѣстѣ съ возвращеніемъ къ нему памяти у него обнаружилась потеря дара слова. Лѣчившіе его врачи объяснили, что у него была болѣзнь „огневая и въ той болѣзни убила его эпилепсія, отъ которой отнялся у него языкъ".

Императоръ Петръ Великій принялъ участіе въ положеніи Тулубьева и послалъ къ нему своего „архіатера" (лейбъ-медика) Блументроста. Освидѣтельствовавъ Тулубьева, Блументростъ пришелъ къ заключенію, что у Тулубьева параличъ глотки, и что на исцѣленіе его очень мало надежды. Тулубьева уволили въ отставку, и онъ уѣхалъ въ свое имѣніе.

Прошло три года. Тулубьевъ оставался нѣмымъ. Теперь онъ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Петромъ Тулубьевымъ пріѣхалъ въ Тихвинъ помолиться.

Оба Тулубьевы спали въ одной комнатѣ на лавкахъ. Утромъ Петръ Тулубьевъ проснулся отъ какого-то крика и стука. Онъ вскочилъ и увидѣлъ, что Ѳедоръ Тулубьевъ свалился съ лавки и лежитъ на полу.

— Ой, какъ страшно!—громко сказалъ Ѳедоръ Тулубьевъ, приподнимаясь.

— Что съ тобой?

— Очень испугался.

— Да, ты, вѣдь, заговорилъ, дорогой!—вскрикнулъ радостно Петръ Тулубьевъ и бросился обнимать своего родственника.—Говори еще! пожалуйста, говори!

Ѳедоръ Тулубьевъ усѣлся на скамьѣ и сталъ разсказывать.

— Видѣлъ я, говорилъ онъ, дивный сонъ. Является ко мнѣ какой-то старецъ, беретъ за руку и говоритъ: пойдемъ. Вышли мы съ нимъ и направились къ монастырю. Вошли въ церковь. Старикъ подвелъ меня къ иконѣ Божіей Матери и велѣлъ приложиться. Я помолился и приложился. Тогда онъ опять взялъ меня за руку и повелъ куда-то на гору. Долго мы поднимались. Когда мы вобрались на страшную высоту, онъ вдругъ неожиданно толкнулъ меня внизъ. Я полетѣлъ въ пропасть. Отъ испуга я закричалъ, ударился о землю... и проснулся на полу.

Услышавъ звонъ колоколовъ въ монастырѣ, счастливые Тулубьевы отправились къ литургіи, послѣ которой отыскали іеромонаха Сисоя и разсказали ему о снѣ и о совершенномъ выздоровленіи Ѳедора Тулубьева. Въ тотъ же день они уѣхали изъ Тихвина домой.

Разсказъ Тулубьевыхъ произвелъ большое впечатлѣніе на іеромонаха Сисоя. Какъ только сѣли за трапезу, онъ разсказалъ о случившемся. Архимандритъ Павелъ, выслушавъ іеромонаха Сисоя, мудро замѣтилъ: „не надобно такихъ словъ произносить нынѣ“. Сисой послушалъ совѣта и больше объ этомъ случаѣ никому не говорилъ.

Между тѣмъ, бывшій также за трапезой, іеромонахъ Іоакимъ сообщилъ о разсказѣ іеромонаха Сисоя іеродіакону Венедикту, который тотчасъ же донесъ объ этомъ Новгородскому архіерейскому разряду.

Началось слѣдствіе. Послѣ допроса іеромонаха Сисоя и всѣхъ, слышавшихъ его разсказъ, во время трапезы, въ Великолуцкую провинціальную канцелярію были вызваны и Тулубьевы, которые подтвердили все описанное. Тогда архіепископъ новгородскій препроводилъ все слѣдственное производство въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Разсмотрѣвъ дѣло, Синодъ постановилъ: „взять Тулубьева, доставить его вмѣстѣ съ сродникомъ въ Синодъ и допросить ихъ предъ всѣмъ Синодальнымъ собраніемъ“.

Доставленныхъ въ Петербургъ Тулубьевыхъ долго и подробно разспрашивали. Когда Синодальное собраніе убѣдилось, что Тулубьевы ни въ чемъ не измѣняютъ своихъ показаній, было постановлено вызвать ихъ еще разъ для допроса подъ присягою.

Чѣмъ бы окончилось это дѣло для Тулубьевыхъ, неизвѣстно, если бы имъ не помогъ случай.

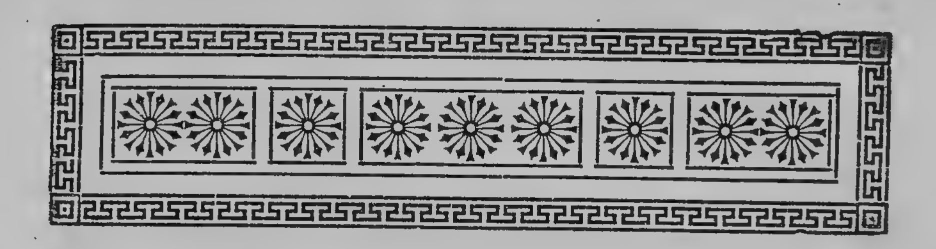
Въ тотъ самый день, когда состоялось второе постановленіе Синода, у дѣйствительнаго тайнаго статскаго совѣтника графа Толстого была ассамблея, на которой присутствовалъ и Петръ Великій. Подходя и вступая въ разговоръ то съ однимъ, то съ другимъ, Петръ Великій заговорилъ и, съ бывшимъ также на ассамблеѣ, архіепископомъ Өеодосіемъ. Отвѣчая на вопросы и докладывая о разныхъ дѣлахъ, Өеодосій между прочимъ разсказалъ и о дѣлѣ Тулубьева. Выслушавъ Өеодосія, Петръ Великій приказалъ дѣло это прекратить немедленно.

На слѣдующій же день архіепископъ Өеодосій объявилъ Высочайшую волю Синоду, который тотчасъ же постановилъ: „дѣло о разглашеніи про разрѣшеніе нѣмоты уничтожить“.

Тулубьевы благополучно возвратились домой.

М. Ф. Чулицкій.

Изъ дневника внучки.

Глава I.

Мнѣ было около четырехъ лѣтъ, когда скончался Императоръ Александръ I въ 1825 г. Это мое самое раннее воспоминаніе,—съ тѣхъ поръ я все помню.

Курьеръ пріѣхалъ объявить отцу о смерти Государя; въ домѣ поднялась суматоха, начались толки, догадки, говорили, что Великій Князь Константинъ наслѣдуетъ престолъ. Шестилѣтній братъ мой Александръ прибѣжалъ въ дѣтскую объявить, что приказчикъ нашъ Константинъ Васильевичъ будетъ императоромъ; мы нашли совершенно естественнымъ, что такой великій господинъ, какъ Константинъ Васильевичъ (въ которомъ была безъ малаго сажень), сдѣлается царемъ, и когда онъ вошелъ къ намъ, мы всѣ стали кричать: „ура“! Константинъ Васильевичъ, поздравляемъ васъ, „ура!“. Онъ принялъ наши крики съ хладнокровіемъ хохла, но кто-то унялъ насъ, и крики и нашъ восторгъ утихъ.

О 14-мъ декабря я мало слышала, при насъ остерегались говорить: помню, что превозносили вѣрность Шервуда, но вмѣстѣ и слышала про него слѣдующій анекдотъ: кто-то спросилъ, отчего ему въ гербъ дали собаку. „Да оттого, что онъ с..... с...“, былъ отвѣтъ.

Этотъ Шервудъ, несмотря на свою вѣрность, нигдѣ не смѣлъ показываться, и о немъ скоро перестали говорить. Разсказывали, что Цесаревичъ (нынѣшній Императоръ Александръ II) скоро послѣ этихъ грустныхъ происшествій сталъ играть съ сестрами въ

14-е декабря и взялъ на себя роль одного изъ декабристовъ.... Николай Павловичъ взошелъ въ это время и строго наказалъ Цесаревича.

Когда объявили отцу о смерти Государя, мы были въ деревнѣ въ Рязанской губерніи; нѣсколько дней послѣ мы уѣхали въ Москву, гдѣ всегда проводили зиму. Съ ужасомъ вспоминаю эти зимнія путешествія. На насъ надѣвали заячьи шубы, покрытыя желтою нанкою (мы только въ дорогу въ нихъ облекались), укутывали немилосердно и сажали, кого въ возокъ, кого въ кибитку; счастливъ былъ тотъ, кто попадалъ въ кибитку; разъ усѣвшись, никто не могъ тронуться, почти поднять руки не могъ. На долгихъ, т. е. на тѣхъ же лошадяхъ, ѣхали мы 140 верстъ до Зарайска, а тамъ брали почтовыхъ, которыя не скорѣе собственныхъ лошадей доставляли насъ на третьи сутки до Москвы. На каждой станціи объявляли матушкѣ, что нѣтъ лошадей, и мы должны были сидѣть по нѣсколько часовъ въ комнатѣ станціоннаго смотрителя или нанимать лошадей вольныхъ ямщиковъ за двойные или тройные прогоны. Передъ отъѣздомъ изъ деревни отправляли въ Москву обозъ съ сундуками, чемоданами, кухнею, всякою рухлядью и часть прислуги. Люди, служившіе намъ, перевозили съ собою женъ, дѣтей и чуть-ли не все имущество свое. Кромѣ того, изъ подмосковной привозили въ Москву на ста подводахъ мебель, провизію и проч.

Отецъ никогда съ нами не ѣздилъ; онъ пріѣзжалъ, когда все было устроено въ наемномъ домѣ. Вообще, онъ жилъ особенной жизнью, хозяйствомъ и дѣтьми не занимался, а все предоставлялъ матушкѣ; она управляла имѣніями и насъ воспитывала. Насъ было четверо, два брата и двѣ сестры. Въ домѣ у насъ было принято обожать дочерей, а сыновей считать ни во что; матушка громко говорила: „Mes filles sont des anges, et mes fils de la chair au canon“. Отецъ былъ ласковъ къ сестрѣ и ко мнѣ, но мы, все-таки, его страшно боялись, потому что онъ былъ ужасно строгъ съ братьями, которыхъ мы очень любили. Это одно изъ тяжелыхъ воспоминаній прошедшаго... мнѣ больно останавливаться на немъ. Къ матери мы были очень привязаны и долго не понимали, что она братьевъ напрасно любитъ меньше насъ; они же понемногу охладѣли къ ней и привыкли думать, что ихъ любовь и довѣріе ей не нужны. Не могу понять до сихъ поръ этого неестественнаго чувства въ женщинѣ, до такой степени умной, высоко одаренной и способной такъ горячо любить дочерей, она посвятила намъ всю жизнь, безпрестанно нами занималась, но сестрою и мною—съ нѣжнымъ увлеченіемъ, а сыновьями, какъ будто, только по чувству обязанности и долга.

Отецъ, какъ я сказала, жилъ особенною жизнью, и мы рѣдко его видѣли. Весною и лѣтомъ онъ часто ѣздилъ на ружейную охоту, а осенью уѣзжалъ мѣсяца на два въ отъѣзжее поле охотиться на волковъ и на лисицъ; зайцевъ онъ не удостоивалъ травить и оставлялъ эту мелочную забаву своимъ псарямъ, которые сотнями ихъ брали и продавали мѣхъ въ свою пользу. У отца была богатая охота и безчисленное число собакъ, которыя помѣщались въ особомъ зданіи, гдѣ были конуры для каждой породы и общій дворъ для всѣхъ. Тутъ же были избы для псарей, стремянныхъ, ловчихъ и т. д. Они составляли какъ бы особенную касту людей и почти всѣ были сущіе разбойники. У нихъ былъ красный мундиръ, синія шапки и сѣрыя лошади для парадной охоты, а синіе кафтаны и разношерстныя лошади для вседневной. Когда отецъ уѣзжалъ осенью, то съ нимъ отправлялся огромный обозъ со всѣми припасами для людей, собакъ и лошадей, бричка для отца, его лошадь съ черкесскимъ сѣдломъ и серебряною уздечкою (стремена были изъ литого серебра), кибитки для охотниковъ, качалка для больныхъ собакъ и множество телѣгъ, навьюченныхъ сѣномъ, овсомъ и всякою провизіею. Конюшня и домъ нашъ пустѣли, оставалась одна лошадь, чтобы посылать на почту, а намъ для прислуги старый буфетчикъ и мальчикъ, не годящіеся для охоты. Матушка страдала отъ этихъ порядковъ, но ничего не говорила, никогда упрековъ отцу не дѣлала, такъ что мы не подозрѣвали, что можетъ быть другая семейная жизнь.

Глава II.

Въ годъ коронаціи Николая Павловича мы рано осенью переѣхали въ Москву, потому что отецъ служилъ, но гдѣ, не помню. Войска, приведенныя со всѣхъ концовъ Россіи для празднествъ, проходили мимо нашего дома; запыленные и усталые солдаты останавливались у оконъ кухни въ нижнемъ этажѣ, и люди наши, подавали имъ квасу. Но праздники коронаціи не нашли отголоска въ нашемъ домѣ, потому что матушка въ это время была при смерти больна. Помню только, какъ разсказывали, что при народномъ пиршествѣ народъ бросился хватать не только кушанья, для него приготовленныя, но и столы, скамейки и красное сукно съ мѣстъ, приготовленныхъ для дворянства; много было раненыхъ и нѣсколько убитыхъ въ толпѣ.

Мы не понимали опасности болѣзни матушки, но насъ поразило то, что мы ее нѣсколько недѣль не видали, тогда какъ обыкновенно

неотлучно бывали при ней. Какъ только ей стало лучше, насъ позвали къ ней, но, несмотря на взаимное счастье при свиданіи, черезъ пять минутъ насъ вывели изъ ея комнаты, боясь слишкомъ сильнаго волненія для больной. Спустя нѣсколько времени мнѣ позволено было сидѣть въ уборной матушки, отдѣленной отъ спальни перегородкой. Понемногу стали къ ней пускать близкихъ родственниковъ; часто пріѣзжалъ братъ ея Гавріилъ Гавріиловичъ Бибиковъ; онъ иначе не могъ говорить, какъ очень громко, спорилъ, кричалъ, и все время его посѣщеній я разливалась горячими слезами. Гувернантка, которая всегда со мною сидѣла въ уборной, никакъ не могла понять, отчего я всегда плачу, когда дядя у матушки, и, наконецъ, я ей призналась, что я не могу слышать, какъ дядя бранитъ матушку. Мнѣ послѣ растолковали, что онъ не думаетъ бранить, а только горячо разговариваетъ. Дядя имѣлъ еще странную привычку или, лучше сказать, предразсудокъ: онъ никогда не уходилъ сразу, но всегда возвращался три раза въ комнату. Насъ забавляло, какіе предлоги онъ находилъ, чтобы воротиться извѣстное число разъ.

Матушка не успѣла оправиться, какъ я занемогла горячкой; я долго лежала въ постели и помню только, какъ мнѣ хорошо было, когда я начала выздоравливать. При мнѣ была моя любимая гувернантка, нѣмка Марія Андреевна Гейнцъ; я ее такъ страшно любила, что находила прелестнымъ ея лицо, покрытое прыщами. Она какъ-то разъ сказала, что будетъ лѣчиться отъ этого непріятнаго украшенія; я бросилась къ ней на шею, увѣряя ее, что безъ прыщей не будетъ вовсе такъ красива. Марью Андреевну я ни на минуту не отпускала отъ себя и была въ отчаяньи, когда она въ воскресенье ѣздила къ своей матери. За то воскресенье сестра моя, старше меня четырьмя годами, проводила день у меня и обѣдала со мною. Теперь живо вижу предъ собою мою комнатку въ верхнемъ этажѣ, два окна съ бѣлыми занавѣсками, между окнами столъ, на немъ книги и тетради сестры,—она готовитъ уроки къ другому дню. На ней красный сарафанъ и бѣлая кисейная рубашка; четыре длинныя черныя косы спускаются по плечамъ, свѣжее личико ея наклоняется надъ книгою. Сестра была развита не по годамъ; ей было тогда около десяти лѣтъ, она училась русскому, французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ, математикѣ, латыни, музыкѣ; учителя ее очень любили и превозносили восторженными похвалами. Она была очень серьезнаго характера, въ куклы никогда не играла и только изъ снисхожденія къ моей болѣзни по воскресеньямъ иногда играла со мною и забавляла меня. Я особенно любила, когда она мнѣ разсказывала какія-нибудь

сказки или повѣсти; она могла по цѣлымъ часамъ разсказывать читанное ею.

Въ семь часовъ сестра уходила, и я должна была засыпать. Одно злополучное воскресенье я съ вечера заснула, но проснулась прежде, чѣмъ моя милая Марья Андреевна возвратилась; много горькихъ слезъ я пролила, ожидая ее и воображая себѣ, что я никогда больше ея не увижу. Горничныя окружили меня, утѣшали, увѣряли, что Марья Андреевна сидитъ внизу у матушки и читаетъ ей книгу, но это было дотого неправдоподобно, что мнѣ просто сдѣлалось страшно. Матушка намъ всегда читала вслухъ, но кто же когда ей читаетъ, и я рыдала, пока отъ усталости не заснула.

Я оправилась отъ горячки только къ веснѣ; настала Пасха,— я проснулась довольно поздно въ Свѣтлое Христово Воскресенье; солнце играло сквозь опущенныя бѣлыя занавѣски, колокола звонили,—какое-то неуловимое сладостное чувство наполняло все мое существо; мнѣ было такъ хорошо, глядя на лучи солнца, что я боялась тронуться, чтобы не утратить этого радостнаго чувства безсознательнаго блаженства.

Какъ часто, позднѣе въ жизни, я старалась припомнить это ощущеніе, и какъ легко становилось на душѣ, когда удавалось уловить его на мгновенье...

Глава III.

Михайловское.

Какъ хороша была весна въ подмосковной, гдѣ мы нѣсколько разъ провели лѣто. Большой барскій домъ стоялъ на горѣ; у подошвы ея разстилался большой лугъ, на лугу текла Москва-рѣка; на той сторонѣ рѣки, направо на отлогомъ берегу высокій березнякъ, налѣво—крутой берегъ съ сосновою рощею. На лугу трава высокая, душистая и сколько цвѣтовъ, Боже мой, воздухъ былъ пропитанъ ихъ упоительнымъ запахомъ. Въ степныхъ деревняхъ Рязанской и Тульской губерній понятія не имѣютъ о такомъ ароматѣ.

За домомъ, на пригоркѣ, стояла церковь, окруженная березами; за нѣсколько саженъ отъ церкви была чаща изъ кленовъ; я всегда была порядочная трусиха и воображала себѣ, что эта чаща пристанище дикихъ звѣрей; братья на смѣхъ меня поддерживали въ этомъ глупомъ заблужденіи,—я никогда не смѣла входить въ эту чащу. Ниже церкви, налѣво, шла деревня; избы были хорошія, крытыя тесомъ; крестьянъ почти не видно было, они жили на

фабрикахъ, а женщины пахали, сѣяли, убирали хлѣбъ, даже дѣвушки ѣздили въ ночную верхомъ на лошадяхъ по-мужски. У священника былъ прехорошенькій домъ, съ фруктовымъ садомъ.

Около нашего дома цвѣтникъ былъ самый крошечный, сада не было, да его и не нужно было; около дома была огромная развѣсистая береза, подъ тѣнью которой вся наша семья сидѣла послѣ обѣда, и со всѣхъ сторонъ, за нѣсколько шаговъ были очаровательныя рощицы. Сейчасъ за церковью, направо начинался оврагъ, наполненный шиповникомъ, черемухою, ландышами, ночными фіалками; въ глубинѣ оврага текъ свѣтлый ручей по красивымъ камешкамъ, а на берегу его росли незабудки большія синія, какихъ я послѣ нигдѣ не видала. По другую сторону оврага была березовая роща, которую сестра называла своею; тамъ была природная бесѣдка, гдѣ она любила мечтать. Грибовъ и ягодъ было такое изобиліе въ этихъ мѣстахъ, словно въ сказкахъ.

Все это не прикрашено было дѣтскимъ воображеніемъ, я двадцати лѣтъ посѣтила эти милыя мѣста и нашла ихъ такими же очаровательными.

Кладбище тамъ было самое поэтичное на горѣ, осѣненное густыми елями и соснами, на могилахъ росъ можжевельникъ, видъ оттуда на Москву-рѣку и на десять верстъ кругомъ.

Домъ нашъ былъ прелестный, отецъ его выстроилъ въ порывѣ барской прихоти, и въ одномъ изъ этихъ порывовъ—бросилъ, уѣхалъ и не заботился больше о немъ. Онъ даже его не совершенно отстроилъ; нижній этажъ, каменный и верхній (третій) остались не докончеными. Подъѣзжали къ широкому крыльцу саженъ въ шесть изъ бѣлаго камня, съ двумя сфинксами по сторонамъ.—Изъ большой передней входили въ высокую, просторную гостиную, съ дверью на балконъ съ восьмью огромными колоннами. Изъ гостиной направо была дверь въ матушкины комнаты: маленькій розовый будуаръ съ бѣлыми кисейными занавѣсками и кабинетъ свѣтло-голубой съ бордюромъ изъ васильковъ; это была матушкина любимая комната,—видъ изъ оконъ былъ прекрасный. Дальше шли наши дѣтскія комнаты, дѣвичья, чайная, буфетъ. Четыре лѣстницы вели къ двумъ антресолямъ и верхнему этажу. Отецъ, когда бывалъ съ нами, спалъ на антресоляхъ,—братья, гувернеръ ихъ, одна изъ нашихъ гувернантокъ жили въ верхнемъ этажѣ, обширномъ и удобномъ. Налѣво изъ гостиной былъ кабинетъ отца съ прекрасною тяжелою мебелью изъ цѣльнаго краснаго дерева, каминомъ изъ желтаго мрамора, уставленнымъ старинным саксонскимъ фарфоромъ. Изъ этого кабинета большая стеклянная дверь вела въ картинную галлерею, длиною въ 24 аршина, вышиною $7^1/_2$ арш. Кар-

тины большею частью Шнейдера представляли охоты; но были и другихъ мастеровъ и другіе сюжеты, взятые изъ исторіи; одна картина Казанова, другая Удри (старый охотникъ сидитъ въ лѣсу, у ногъ его двѣ прелестныя собаки Lise и Fine Lise, ихъ имена написаны внизу на полотнѣ); были картины Симонъ Шарденъ и другихъ. Сколько разъ ходила я по этой залѣ, глядя на картины. Одна, тогда мнѣ вовсе не понятная, особенно привлекала мое вниманіе; сынъ какого-то короля умираетъ отъ любви къ мачехѣ, отецъ, узнавъ о причинѣ болѣзни сына, вводитъ къ нему молодую жену свою. Меня поражало выраженіе больного при видѣ входящей королевы, я ничего не могла понять, что бы это могло значить, и долго стояла задумавшись передъ этой картиной, забывая, что я одна въ пустой залѣ... вдругъ оглянусь, испугаюсь чего-то и бѣгу вонъ безъ оглядки. Но опять меня привлекаютъ волшебныя картины, и я возвращаюсь къ нимъ и стараюсь разгадать ихъ таинственный смыслъ.—Гдѣ вы, дорогія изображенія... васъ даже нѣтъ въ краю родномъ, васъ купили англичане и увезли за море. Гдѣ ты, прелестный домъ, гдѣ я провела свѣтлые дни моего дѣтства? Тебя сорвали, свезли, уничтожили; только во снѣ иногда вижу тебя, хожу по твоимъ милымъ покоямъ, тревожно ищу, гдѣ бы пріютиться, и вдругъ полъ проваливается подъ моими ногами, все рушится вокругъ меня, и я просыпаюсь съ тяжелымъ чувствомъ, что ничего уже этого нѣтъ...

Въ этомъ же домѣ, когда мнѣ было лѣтъ шесть, я видѣла сонъ, который дотого поразилъ меня, что я его никогда не забыла. Вижу, что стою ночью у открытаго окна нашей дѣтской и гляжу на небо; вдругъ между мерцающими звѣздами показался черный крестъ; ужасъ и трепетъ охватилъ мое дѣтское сердце, я задрожала всѣмъ тѣломъ и стала молиться... Сонъ не имѣлъ ничего страшнаго,—отчего же этотъ внезапный ужасъ, отчего эта безсознательная молитва на дѣтскихъ устахъ? Не было ли это предчувствіе того горя, другого горя, которое ожидало меня въ жизни...

Послѣднее лѣто, что мы провели въ Михайловскомъ, мнѣ минуло семь лѣтъ. Старшій братъ и сестра тихонько отъ меня наканунѣ дня моего рожденія убрали зеленью и цвѣтами розовый будуаръ матушки, уставили столъ подарками и заперли дверь на ключъ. Я видѣла, что что-то торжественное, необычайное готовится; воображеніе мое, всегда пылкое, сильно работало; начитавшись дѣтскихъ повѣстей M-me de Genlis, я была увѣрена, что мнѣ подарятъ бѣлаго барашка съ розовою ленточкою на шеѣ, и стала мечтать, какъ я этого барашка пріучу за собою бѣгать.

Когда на другой день меня ввели въ будуаръ, и я увидѣла

массу подарковъ въ прелестной обстановкѣ, я была въ восторгѣ и совершенно забыла про бѣлаго барашка.—Тринадцать лѣтъ спустя я пріѣхала съ матушкою въ Михайловское и еще нашла засохшій вѣнокъ изъ васильковъ, привѣшенный братомъ къ бѣлой занавѣскѣ розоваго будуара.

Эта прелестная деревня была покинута нами, потому что отецъ, страстно любившій охоту, предпочиталъ жить лѣтомъ и осенью въ степной деревнѣ, гдѣ было много дичи и лучшія мѣста для травли волковъ. Когда мы переѣхали въ имѣніе Данковскаго уѣзда, на черноземъ, на плоскую мѣстность безъ овраговъ, безъ рѣки, безъ ручейковъ, мы съ тоски не знали, куда дѣться. Домъ одноэтажный, склеенный изъ нѣсколькихъ срубовъ, неуклюжій, некрасивый, казался намъ огромнымъ и непривѣтливымъ. Моя милая Марія Андреевна должно быть раздѣляла наше неудовольствіе, потому что я послѣ узнала, что у нея въ домѣ безпрестанно были самыя страшныя видѣнія, вѣроятно отъ сильнаго разстройства нервовъ.

Отецъ самъ убѣдился, что жить такъ невозможно, и на слѣдующее лѣто сталъ перестраивать домъ, а насъ перевезъ за пять верстъ въ имѣніе княгини Нат. Ив. Голицыной, двоюродной сестры моей матери, въ село Хаванщино, гдѣ мы оставались до осени.

Глава IV.

Это было въ 1829 году. Княгиня Голицына предоставила матушкѣ старый деревянный домъ, примкнутый къ большому, мрачному саду съ темными аллеями изъ вѣковыхъ липъ. Мы помѣстились въ немъ кое-какъ и провели тамъ лѣто.

Однажды вечеромъ, послѣ жаркаго іюньскаго дня, мы сидѣли на деревянномъ балконѣ этого дома; было душно, воздухъ казался неподвижнымъ. Матушка обратила наше вниманіе на грозовыя тучи, которыя собирались на горизонтѣ и медленно подвигались впередъ. Одно бѣлесоватое облачко отдѣлилось отъ другихъ и шло прямо на насъ, опускаясь все ниже, ниже, такъ низко, что казалось, вотъ-вотъ сейчасъ задѣнетъ и унесетъ насъ. Матушка встала, говоря: „войдите, будетъ буря". Не успѣла она сказать этихъ словъ, какъ облако быстро понеслось впередъ, пыль взвилась столбомъ, все потемнѣло, страшный вихрь съ оглушающимъ шумомъ ворвался въ старый домъ, всѣ рамы оконъ стараго фасада полетѣли во внутрь комнатъ, стекла съ трескомъ разбились, двери со скрипомъ растворялись, сильный дождикъ, гонимый вѣтромъ, мгновенно залилъ полы, градъ какъ изъ совка сыпалъ въ отверстіе оконъ. Матушка

схватила меня за руку, и мы вбѣжали въ домъ, ступая по разбитымъ стекламъ, шлепая по водѣ, перебрались на другую сторону нашего жилища, боясь, чтобы все ветхое строеніе не обрушилось на насъ.

Матушка, старшій братъ и старый нѣмецъ (Филиппъ Антоновичъ), наша единственная мужская прислуга, держали двери со всѣхъ силъ, чтобы не дать вѣтру и дождю ворваться на другую сторону дома, гдѣ мы укрылись. Удары грома были оглушительные, а когда раскаты умолкали, мы слышали страшный вой вѣтра и трескъ валившихся вѣковыхъ деревьевъ. Мы забились въ дѣвичью; горничныя крестились и охали, я, вся въ слезахъ, сидѣла на колѣняхъ нашей англичанки, обезумѣвшей отъ страха. Вдругъ я вспомнила, что любимая кукла моя осталась въ гостиной, и стала громко о ней плакать. Сестра, не говоря ни слова, пошла въ комнаты, залитыя дождемъ, гдѣ вѣтеръ и градъ бушевали, и принесла мнѣ куклу; я съ радостью и изумленіемъ схватила ее въ свои объятья, перестала плакать, а на сестру съ тѣхъ поръ смотрѣла какъ на героя.

Часа черезъ два буря утихла, всѣ успокоились, я выползла изъ дѣвичьей и какъ теперь вижу картину передъ собой: грозовыя тучи быстро разбѣгались, красная полоса потухающей зари освѣщала землю, ручьи текли со всѣхъ сторонъ, вездѣ бѣлѣли груды града, слышалось мычанье перепуганнаго стада, бѣгущаго съ разныхъ направленій домой; крестьяне въ нѣмомъ отчаяньи искали коровъ и овецъ и многихъ не досчитывались; соломенныя крыши были сорваны, всѣ поля дочиста выбиты. Вдали на берегу вздувшейся рѣчки толпа собиралась около чего-то неподвижнаго... двухъ дѣтей убило градомъ... Градъ былъ величиною въ грецкій орѣхъ и недѣлю спустя еще лежалъ въ темныхъ аллеяхъ сада.

Управляющаго кн. Голицыной, Як. Фел. Сущевскаго гроза застала въ полѣ; онъ спасся только тѣмъ, что отпрягъ лошадь, привязалъ ее къ дрожкамъ, покрывъ ее ковромъ, а самъ сѣлъ подъ дрожки и такъ оставался, пока буря свирѣпствовала.

На другой день утромъ матушка послала старшаго брата верхомъ въ наше имѣніе узнать, что тамъ случилось,—наша земля была смежная съ землею кн. Голицыной, мы узнали съ удивленіемъ, что у насъ даже дождя не было,—у нашей межи остановилось страшное опустошеніе.

Глава V.

Когда мы жили въ Москвѣ, матушка, совершенно преданная нашему воспитанію, почти совсѣмъ не выѣзжала, ѣздила только къ бабушкѣ или вечеромъ, когда мы ложились спать, къ Елиз. Евг. Кашкиной, съ которой была очень дружна. Къ намъ тоже рѣдко кто ѣздилъ. Изъ дѣтей мы иногда по воскресеніямъ видѣлись съ двоюродными братьями и сестрами Муромцевыми и Панкратьевыми. Я была дружна съ Линой Панкратьевой и страшно ее любила; намъ было шесть лѣтъ, когда мы разстались, и я не переставала о ней думать съ какимъ-то особенно нѣжнымъ чувствомъ. Мы свидѣлись много лѣтъ послѣ, когда уже обѣимъ было за тридцать, и что же, сердце мое сильно забилось, когда я увидѣла подъѣзжающую ея карету: я побѣжала навстрѣчу Линѣ и бросилась къ ней на шею, какъ къ старому другу.

Матушкины сестры не долго жили въ Москвѣ, уѣхали въ Саратовъ, и мы никакихъ больше дѣтей не видали въ продолженіе четырехъ лѣтъ, наше воспитаніе было вполнѣ замкнутое, но мы вовсе не скучали и не желали ѣздить въ гости. Матушка въ рѣдкіе свои выѣзды брала иногда съ собою моего старшаго брата, чтобы не оставлять его дома безъ присмотра. Онъ былъ чрезвычайно добрый мальчикъ, свѣжій, румяный и такой исполинской силы, что гувернантки наши не могли съ нимъ сладить. Ему было лѣтъ семь, когда Марья Андреевна вздумала въ наказаніе посадить его въ шкапъ,—вмѣсто того, онъ ее туда втолкнулъ и заперъ. Обоимъ братьямъ давали суровое воспитаніе, чтобы укрѣпить ихъ здоровье; ходили они до десяти лѣтъ босикомъ, лѣтомъ ихъ заставляли бѣгать безъ шапокъ въ проливной дождикъ или ставили подъ водосточныя трубы, а зимою обували ихъ только, когда ходили гулять. Это воспитаніе вполнѣ удалось, они были здоровые, плотные, краснощекіе мальчики.

Бартеньева—замѣчательная личность; чѣмъ она жила, никто не зналъ, и она сама не знала; имѣла четырехмѣстную карету, четверню лошадей, крѣпостного кучера, форейтора и лакея; съ утра карета закладывалась, и Бартеньева, какъ только вставала съ постели, забирала съ собой всѣхъ дѣтей и отправлялась къ знакомымъ, у кого чай пить, у кого обѣдать и ужинать. Старшая дочь была музыкантша, имѣла чудесный голосъ, который привлекъ вниманіе Императрицы Александры Θеодоровны. Она ее пожаловала въ фрейлины, взяла ко двору, а послѣ, по ея просьбѣ, взяла и вторую сестру ея, а послѣ смерти матери Бартеньевой мень-

шихъ велѣла принять въ Екатерининскій институтъ. Въ то время, о которомъ я пишу, Pauline Бартеньева была еще при матери, которая ее возила на всѣ московскіе балы. Передъ баломъ мать заставляла ее, уже совсѣмъ одѣтую, класть земные поклоны передъ кіотомъ и прикладываться ко всѣмъ образамъ. Напрасно дочь умоляла ее избавить отъ этого обряда, обѣщая исполнить его по возвращеніи съ бала, мать была неумолима. Когда она съ старшею дочерью выѣзжала, то меньшихъ дѣтей (счетомъ до пяти) забирала съ собою и оставляла въ каретѣ, огромномъ четырехмѣстномъ рыдванѣ, гдѣ они ночевали. Они брали съ собою съѣстные припасы, такъ что у нихъ въ каретѣ завелись крысы. Когда балъ давался у коротко-знакомыхъ, дѣтей посылали во внутреннія комнаты. Разъ при разъѣздѣ одной дѣвочки не досчитались, ищутъ, ищутъ,—не находятъ. Бартеньева приходила въ отчаяніе: она была очень нѣжная мать. Когда гости поразъѣхались, и шубы разобрали, дѣвочку подъ ними нашли, она въ каретѣ озябла, вошла погрѣться и заснула подъ теплыми мѣхами. Въ одномъ знакомомъ домѣ были еженедѣльные танцовальные вечера, куда Бартеньева всегда ѣздила, а напротивъ этого дома жили другіе знакомые, куда она завозила дѣтей, отправляясь на вечеръ. Эти знакомые съѣхали; Бартеньева, не зная этого, завезла въ тотъ же домъ дѣтей, а сама уѣхала. Представьте удивленіе новыхъ жильцовъ при видѣ толпы незнакомыхъ дѣтей, вбѣгающихъ къ нимъ вечеромъ. Дѣти учтиво раскланялись, назвались, имя ихъ было всѣмъ извѣстно; ихъ напоили чаемъ, накормили и уложили спать по диванамъ до пріѣзда матери. Надо сказать, что это были необыкновенно скромныя и тихія дѣти, несмотря на то, что не получали никакого воспитанія, и у всѣхъ были замѣчательныя музыкальныя способности.

Первый разъ, какъ я видѣла Бартеньеву, она меня поразила своею странною внѣшностью. Мы обѣдали у Елисаветы Евгеньевны Кашкиной, — посреди обѣда дверь отворилась, и вошла Бартеньева съ многочисленными своими дѣтьми; на ней было старое, полинялое платье, полуоткрытое, безъ корсета, безъ воротничка и мантильи; волосы были въ безпорядкѣ, глаза какъ-то мутно и тускло смотрѣли; она имѣла видъ слегка помѣшанной. Дѣтей сейчасъ посадили за столъ и накормили; меня съ ними познакомили, и я ихъ полюбила и всегда весело съ ними проводила время. Бартеньеву вообще любили и, должно быть, ей помогали, потому что имѣніе ея было давно промотано и средствъ никакихъ у нея не было. Старшая дочь очень, кажется, страдала своимъ неловкимъ положеніемъ и кочевою жизнью; она была очень довольна, когда ее взяли ко Двору. Сыновья умерли въ 1883 г. Дочери были всѣ воспитаны впослѣдствіи

въ институтѣ на казенный счетъ и взяты послѣ ко Двору. Pauline умерла старой дѣвой, вторая, Марія, была замужемъ за Нарышкинымъ; двѣ меньшія и теперь при дворѣ Вел. Княгини. Мужъ Бартеньевой также проводилъ всѣ дни въ гостяхъ, но онъ являлся всегда одинъ и старался не встрѣчаться съ женою. Онъ былъ чопорный аккуратный старичекъ, тщательно одѣтый и со взбитымъ хохломъ; его главное удовольствіе было развозить всякія сплетни, и онъ былъ счастливъ, когда могъ первый сообщить какую-нибудь новость.

Глава VI.

Зарайскъ.

Весною того же года отецъ заболѣлъ нервною болѣзнью, которая на нѣсколько мѣсяцевъ измѣнила обыкновенный порядокъ нашей жизни. Ѣхавши въ деревню, отецъ занемогъ въ Зарайскѣ; матушка тотчасъ поѣхала къ нему съ меньшимъ моимъ братомъ, семилѣтнимъ мальчикомъ, котораго какъ большого шалуна, боялась оставить безъ себя, а меня, сестру и старшаго брата оставила въ Москвѣ съ гувернанткой, пока она устраивалась, чтобы провести лѣто въ Зарайскѣ.

Мы, какъ дѣти, были рады неожиданной перемѣнѣ. Черезъ двѣ недѣли матушка выписала насъ къ себѣ; мы поѣхали на своихъ лошадяхъ въ огромной каретѣ. Кашкины надавали намъ фруктовъ, конфектъ и всякой провизіи на дорогу, мы запаслись книгами и весело пустились въ путь. Братъ Александръ сидѣлъ около кучера, а старый лакей сзади на тюфякѣ, привязанномъ на запяткахъ кареты.

Графъ Левъ Толстой правъ, описывая такъ поэтично путешествіе на долгихъ. Лѣтомъ (только не зимою), въ хорошую погоду, да надо прибавить въ первой молодости, это очень весело. Мы останавливались ночевать на постоялмъ дворѣ, выкладывали чашки, чайники, провизію, дѣлали чай, иногда варили сами яичницу и спали на свѣжемъ сѣнѣ. Сестра и я забавлялись, читая стихи и разный вздоръ, написанный проѣзжими на стѣнахъ, но впослѣдствіи это намъ запретили, потому что часто попадались стихи и проза нецензурные. Эти постоялые дворы были чисты, но бѣдно меблированы; столъ, зеркальце, два—три стула, иногда жесткій диванъ, часы съ гирями, иногда съ кукушкой, къ вящшему нашему удовольствію. Утромъ мы выѣзжали съ восходомъ солнца и, проѣхавъ 35 верстъ, опять давали отдыхать лошадямъ, сами обѣдали, и если по

близости была рѣка, ходили купаться, а остальное время болтали между собою, играли въ jeux d'esprit или читали. Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю эту поѣздку.

Мы пріѣхали въ Зарайскъ на третьи сутки. Домъ, нанятый матушкою, былъ на другомъ концѣ города на выѣздѣ, за нимъ уже начиналось поле. Матушка выбѣжала къ намъ навстрѣчу и, обнявъ насъ, приказала какъ можно тише войти, потому что отецъ не терпѣлъ ни малѣйшаго шума и былъ очень боленъ; онъ занималъ гостиную и залу, насъ размѣстили довольно тѣсно по другимъ комнатамъ; обѣдали мы въ дѣвичьей и весь день проводили въ саду, гдѣ брали уроки, чтобы отца не безпокоить. Насъ изрѣдка къ нему вводили на минутку, но мы старались скорѣе уйти, потому что онъ былъ ужасно раздражителенъ, и мы его боялись. Нервы его были страшно потрясены, глаза мутные, голосъ слабъ. На его счастье въ Зарайскѣ былъ отличный военный медикъ, славившійся во всемъ уѣздѣ. Василій Васильевичъ Георгіевскій былъ замѣчателенъ своими медицинскими знаніями, честностью, безкорыстіемъ и лаконическими отвѣтами. Лѣкарствъ онъ давалъ очень мало, но предписывалъ строгую діэту, и если больной не повиновался, онъ уходилъ и не возвращался болѣе. Отецъ его спрашивалъ, что ему пить. Ключевой воды, воды ключевой, отвѣчалъ медикъ. „Да это что за питье“, возражалъ раздражительный отецъ,—позвольте что-нибудь другое.—Ключевой воды, воды ключевой, повторилъ Георгіевскій, поклонился и вышелъ.

Про него разсказывали много правдивыхъ анекдотовъ: онъ вылѣчилъ сумасшедшаго, единственнаго сына богатой помѣщицы; она въ знакъ благодарности принесла ему тридцать тысячъ рублей. Онъ отсчиталъ пять тысячъ, а остальныя возвратилъ и ничего болѣе принять не хотѣлъ, какъ ни просила его благодарная мать.

Другого больного онъ вылѣчилъ самымъ страннымъ способомъ. „Прикажите, говоритъ ему, чтобы ваши слуги меня слушались больше васъ“. Удивленный больной позвалъ людей и отдалъ требуемое приказаніе. „Бейте барина кулаками“, приказалъ Георгіевскій. Тѣ можетъ быть не безъ удовольствія намяли барину бока; эта операція повторялась нѣсколько дней сряду, и баринъ выздоровѣлъ.

Георгіевскій составилъ себѣ такую славу, что издалека толпами пріѣзжали лѣчиться у него. Городъ разбогатѣлъ, обстроился, аптекарь разжился, но, несмотря на свое занятіе, Георгіевскій остался всю жизнь городскимъ врачемъ уѣзднаго города. Онъ пилъ запоемъ, недѣли по три сряду. На него находила тоска, и онъ тогда запирался къ себѣ въ комнату и пилъ мертвую. Когда его призывали къ больному, онъ прежде всего обнажалъ его руку отъ

локтя къ плечу и по верхней части руки судилъ объ организмѣ человѣка.

Отецъ и матушка сохранили къ нему величайшее довѣріе, и въ продолженіе многихъ лѣтъ, до самой смерти Георгіевскаго, какъ только кто занемогалъ въ семьѣ, его сейчасъ везли къ Георгіевскому. Онъ былъ средняго роста, очень плотный, лицо круглое, полное, красное, глаза свѣтлые на выкатѣ, безъ блеска.

Глава VII.

Съ одиннадцати лѣтъ мы должны были вставать круглый годъ въ пять часовъ утра и готовить уроки. Я спала въ одной комнатѣ съ сестрою и, какъ младшая, должна была вставать въ половинѣ пятаго, идти въ дѣвичью, будить горничную, которая приносила огня изъ кухни. Съ какимъ наслажденіемъ я, дрожа отъ холода, опять ложилась въ теплую постель и спала до прихода дѣвушки со свѣчкою. Тогда не было благодѣтельныхъ сѣрныхъ спичекъ. У отца въ кабинетѣ на столѣ была какая-то довольно красивая машинка со склянкою фосфора и спичками, которыя загорались, когда ихъ обмакивали въ склянку. Я всегда съ завистью на нее смотрѣла и думала, сколько лишнихъ минутъ я бы могла проспать, если бы эти спички были въ моей власти. Мы рѣшились съ сестрой овладѣть этою драгоцѣнностью и послѣ долгихъ колебаній выпросили ее у отца. На другое утро я просыпаюсь въ урочный часъ и, нѣжась въ постели, зову сестру,—спички стояли около нея, она раскупорила склянку, обмакнула въ нее спичку, комната мгновенно освѣтилась, но, ахъ, капля горючаго фосфора упала на прочія спички, онѣ ярко вспыхнули, мигомъ сгорѣли... Мы вскрикнули отъ ужаса и остались въ глубокой темнотѣ. Прощай, мой покой, опять пришлось вставать въ половинѣ пятаго и ощупью ходить въ дѣвичью за огнемъ.

Въ семь часовъ приходилъ нѣмецкій учитель, мы его ненавидѣли за его аккуратность, онъ никогда не манкировалъ ни одного урока и являлся при первомъ ударѣ семи часовъ. Въ восемь мы завтракали, чаю намъ не давали до четырнадцати лѣтъ, ѣли мы неизмѣнно за завтракомъ размазню изъ гречневой крупы и жареный на сковородѣ картофель, лѣтомъ давали намъ въ придачу масло. Отъ девяти до двѣнадцати я училась съ нашей гувернанткой Алекс. Васил. Сахаровой, она давала мнѣ уроки французскаго и итальянскаго языка, исторіи и чистописанія. Она отпирала свою дверь въ 9 часовъ, а до того времени ея комната была недоступна

для насъ. Алекс. Вас. была не глупая, бойкая, вертлявая, маленькая женщина, лѣтъ 35, она воспитывалась частью у Маріи Антоновны Нарышкиной, частью въ Екатерининскомъ институтѣ, а по выходѣ жила компаньонкой въ богатомъ домѣ Анненковой, о которой вела безконечные разсказы. Она часто говорила, какъ красивъ, уменъ и милъ былъ Анненковъ, сосланный за 14 декабря. Алекс. Васильевна учила меня очень плохо по-французски, заставляла твердить много стиховъ наизусть и декламировать съ жестами отрывки изъ трагедій Расина и комедій Мольера. Когда я читала вслухъ всеобщую исторію Сегюра (въ 30 томахъ), она никогда не слушала, занималась работою, и послѣ по книгѣ спрашивала прочитанное. Въ этой пространной исторіи были подробности очень непристойныя, приходилось читать сцены разврата Эліогобала, безпорядки Мессалины, и хотя я всего вполнѣ не могла понять, но сознавала, что все это неприлично, и мнѣ просто совѣстно было читать. Я останавливалась, кашляла, поглядывала на гувернантку, но она ничего не замѣчала, и я или продолжала читать или пропускала нѣсколько страницъ. Разъ въ наказаніе за плохо выученный урокъ, она мнѣ не позволила переодѣться къ обѣду, какъ обыкновенно, и велѣла придти къ столу въ утренней блузѣ; это было въ деревнѣ, у насъ были гости, и она думала страшно уязвить мое тщеславіе. Во время обѣда, одна изъ пріѣзжихъ сосѣдокъ долго на меня глядѣла, и я уже думала, что ее поражаетъ мой туалетъ, когда она, обратившись къ матушкѣ, громко сказала: „какъ ваша меньшая дочь хороша собой“. Я улыбнулась, бросила съ боку взглядъ на Сахарову и подумала: „какъ твое наказаніе удалось, голубушка“. Съ тѣхъ поръ оно не повторялось.

Александра Васильевна то кокетничала съ гувернерами братьевъ, то подтрунивала надъ ними. Гувернера-нѣмца она называла „l'âne mort“, а студента, жившаго у насъ—„l'âne vivant“. Этотъ послѣдній давалъ мнѣ уроки русскаго языка и географіи. Студенты, которые у насъ перебывали въ домѣ, были пустые люди; я не помню, чтобы они когда-либо говорили объ университетѣ или старались внушить братьямъ любовь къ наукѣ. Одинъ изъ нихъ (именно l'âne vivant) писалъ очень плохіе стихи и считалъ себя великимъ поэтомъ, другой ничѣмъ не занимался, кромѣ ухаживанія за нашей гувернанткой. Разъ въ Москвѣ онъ уговорилъ моего старшаго брата, которому было 16 лѣтъ, войти съ нимъ въ трактиръ напиться чаю;—это дошло до матушки, ему сейчасъ отказали, и вся Москва заговорила объ этомъ происшествіи, которое долго отъ меня скрывали, какъ нѣчто ужасное.

Кромѣ жившихъ у насъ, къ намъ ходили учителя музыки и ри-

сованія для сестры и для меня, учитель математики для брата и сестры и учительница танцевъ для насъ всѣхъ; прежде была m-me Hulin, послѣ Воронина-Иванова; онѣ обѣ очень любили и хвалили старшаго брата, который прекрасно танцовалъ. Мы учились танцовать вчетверомъ, т. е. совершенно одни; насъ учили les danses de caractère, le châle, le menuet, la gavotte, la catchoutche и русскую. Это было очень скучно, и мы этихъ уроковъ не терпѣли.

Всѣ прочіе учителя предпочитали мою сестру; она всему училась прекрасно, очень хорошо играла на фортепьяно, но главный ея талантъ былъ къ рисованію; она впослѣдствіи посылала свои акварели въ Петербургъ на выставку и получила дипломъ художника. Учитель рисованія предсказывалъ, что она будетъ вторая Анжелика Кауфманъ, но, вышедши замужъ 17 лѣтъ за Ивана Артемьевича Раевскаго, она не могла при многочисленной семьѣ заниматься серьезною живописью; она бросила масляныя краски и рисовала только акварелью.

Несмотря на явное предпочтеніе родителей къ сестрѣ и ко мнѣ, братья насъ очень любили, потому что мы часто выручали ихъ изъ бѣдъ, да и сами ихъ очень любили, особенно старшаго; это былъ добрѣйшій мальчикъ, всегда готовый услужить или сдѣлать удовольствіе, кому только могъ. Онъ разъ отдалъ послѣднія свои деньги, чтобы къ рожденію сдѣлать мнѣ подарокъ, и заказалъ для меня зеленый граденаплевый фартукъ съ лифомъ, какъ тогда носили и котораго мнѣ ужасно хотѣлось. Помню мое удивленіе и восторгъ, когда портной Драмидонъ принесъ этотъ фартукъ и сказалъ: „Александръ Ивановичъ изволили для васъ заказывать“. Этотъ портной былъ крѣпостной человѣкъ г-жи Горяйновой; портнихъ тогда еще ни у кого не было, только нѣсколько лѣтъ спустя стали, къ несчастію, отдавать дѣвушекъ въ ученіе, и рѣдкая изъ нихъ не погибала. Я побѣжала къ брату и бросилась къ нему на шею.

Старшій братъ часто готовилъ вмѣстѣ съ нами уроки по утрамъ; у насъ невсегда были часы, случалось, что мы поднимались такъ рано, что кончали приготовительные уроки до разсвѣта,—тогда я ложилась на диванъ въ классной и съ наслажденіемъ спала до семи часовъ. Сестрѣ предстоялъ бо́льшій подвигъ, чѣмъ мнѣ, она должна была съ пяти часовъ до семи играть на фортепьяно, это было ужасно непріятно, и она часто засыпала, склоня голову на ноты. Не слыша звуковъ музыки, я бѣжала внизъ будить ее. Такъ мы тихо и дружно начинали утро каждаго дня, и я не помню, чтобы мы когда-нибудь поссорились или нашалили, или проспали время уроковъ. Матушка насъ пріучила къ повиновенію старшей

сестрѣ, и такъ какъ она была очень степеннаго характера, то между нами никакихъ шалостей и быть не могло. Второй братъ былъ большой шалунъ, но моложе меня почти тремя годами, онъ не учился съ нами.

Когда мы осенью поздно оставались въ деревнѣ, Александра Васильевна, съ позволенія матушки, устраивала живыя картины, шарады, сцены изъ русскихъ и французскихъ комедій. Эти увеселенія готовились, обыкновенно, къ рожденію сестры 3-го октября и ея именинамъ 24 ноября. Тогда въ началѣ ноября всегда былъ санный путь, обозы отправлялись въ Москву съ ржаною мукою и привозили къ именинамъ сестры разныя угощенія для гостей и для нашихъ представленій. Мы ждали этихъ чиселъ съ нетерпѣніемъ, и приготовленія были веселѣе самого праздника; мы учили роли, готовили декораціи, клеили короны, шлемы и щиты изъ картона съ золотой бумагой, вытаскивали всякое тряпье изъ сундуковъ для костюмовъ, выписывали стихи для поднесенія гостямъ; учитель русскаго языка, домашній поэтъ, самъ сочинялъ стихи по заданной темѣ; бѣготни, суетни и смѣху было на двѣ недѣли. Отецъ иногда принималъ участіе въ шарадахъ, а матушка была только зрительницей и наслаждалась подвигами дѣтей своихъ. Сосѣди съѣзжались въ эти торжественные дни и послѣ представленій танцовали, во сколько паръ приходилось, а за недостаткомъ кавалеровъ иногда и дама съ дамой. Разъ посреди бала вызвали старшаго брата, чтобы сказать, что одинъ изъ крестьянъ сильно ушибъ ногу; онъ, не думая ни минуты, надѣлъ шубу, пошелъ на деревню, довольно далеко отъ дома, перевязалъ ногу мужику и воротился, не говоря никому ни слова, какъ будто исполнилъ простую обязанность. Матушка, замѣтивъ его отсутствіе, узнала отъ прислуги, куда онъ уходилъ. Милый, добрый братъ.

Глава VIII.

Сосѣди.

Изъ сосѣднихъ помѣщиковъ къ намъ ѣзжалъ часто Алексѣй Александровичъ Писаревъ, котораго помню только старикомъ; ему было 54 года въ 1831 году, онъ былъ мичманомъ въ отставкѣ, но слылъ все еще завиднымъ женихомъ, потому что былъ богатъ. Онъ ухаживалъ за Софіею Ивановною Шнейдеръ, очень хорошенькой 17-лѣтней дѣвушкой и пѣвалъ ей дребезжащимъ голосомъ:

Привычка видѣть ежедневно
Тебя, о, другъ души моей, и т. д.

Она его не терпѣла, но, все-таки, вышла за него замужъ по приказанію отца. Сестра и я были на ихъ свадьбѣ, которая болѣе походила на похороны; за то, когда старикъ умеръ спустя 23 года, его похороны походили на свадьбу и, вдова его, такъ долго ждавшая освобожденія, сейчасъ же вышла замужъ за Владиміра Артемьевича Раевскаго, деверя моей сестры.

Старшая сестра Софьи Ивановны Писаревой была замужемъ за Дмитріемъ Михайловичемъ Колпинскимъ (побочный сынъ кн. Шаховского), онъ былъ храбрый воинъ, раненый въ 12-мъ году, полковникъ въ отставкѣ и ходилъ на костыляхъ. Во время похода онъ влюбился въ хорошенькую польку, умную и кроткую, она перешла въ православіе, чтобы выйти замужъ за Колпинскаго, и они жили въ пяти верстахъ отъ насъ. У нихъ было восемь человѣкъ дѣтей, и хотя состояніе было небольшое (кн. Шаховской далъ сыну деревеньку въ 60 душъ), но благодаря порядку и бережливости хозяйки, они жили въ довольствѣ и счастливо, пока не вмѣшалось въ ихъ дѣла семейство Шнейдеръ. Отецъ Шнейдеръ былъ дурной человѣкъ, у него ничего не было святого, и всѣ средства хороши для достиженія цѣли. Онъ ловилъ жениховъ для дочерей своихъ и обиралъ, кого могъ. Старшая дочь его, Катерина Ивановна, была дурна собою, но высокая, стройная, умная и нравственно походила на отца. Она такъ ловко обошла Дмитрія Михайловича, что онъ влюбился въ нее по уши. Несчастная жена все видѣла, но ничему препятствовать не могла. Она вскорѣ умерла съ горя послѣ родовъ. Говорятъ—ее отравили... Все было возможно... Шесть недѣль послѣ ея смерти, мужъ женился на Катеринѣ Ивановнѣ. Все въ домѣ пошло иначе; чтобы прослыть доброй мачехой, Катерина Ивановна потребовала, чтобы Дмитрій Михайловичъ взялъ домой трехъ старшихъ дочерей, которыя воспитывались у кн. Шаховской, но тѣмъ и кончились ея заботы о дѣтяхъ мужа. Сыновья были въ кадетскомъ корпусѣ въ Москвѣ и воспитывались на казенный счетъ. Падчерицы дрожали передъ грозной мачехою, которая сурово и круто съ ними обращалась, носила платья ихъ покойной матери, тратила нажитое ею добро и накопленное приданое для дочерей. Мачеха видѣла падчерицъ только за обѣдомъ, не подпускала ихъ къ своимъ дѣтямъ, ругала и била, когда одна изъ этихъ несчастныхъ попадалась ей; въ одну изъ меньшихъ она бросила графиномъ, попала ей въ голову, дѣвочка начала чахнуть и черезъ нѣсколько времени умерла. Дмитрій Михайловичъ былъ крайне несчастливъ, добрый и безхарактерный, онъ не умѣлъ обуздывать жены.

Десять лѣтъ онъ жилъ съ нею, и они все бѣднѣли, бѣднѣли отъ

безпорядка и расточительности Катерины Ивановны. У нея своихъ дѣтей было шестеро. Дмитрій Михайловичъ былъ долго боленъ передъ смертью, раны его открылись, онъ очень страдалъ. Во время его болѣзни Катерина Ивановна часто ночью выбѣгала изъ спальни мужа и уходила къ своимъ дѣтямъ. Когда няня ее спрашивала, чего она испугалась, она отвѣчала: „Проклятая полька мнѣ спать не даетъ". Ей казалось, что покойная жена ея мужа сидитъ у нея на кровати и укоризненно на нее глядитъ...

Старшая дочь Дмитрія Михайловича еще при жизни отца вышла замужъ за сосѣда Алексѣя Александровича Ильина. Когда ее одѣвали къ вѣнцу, она залилась слезами и сказала: „Боже мой. Ну что, я изъ одного ада въ другой попаду". Такъ и случилось.

Двѣ изъ меньшихъ, Анетъ и Варенька, жили то у насъ, то у родственницы нашей, Татьяны Васильевны Бибиковой, замѣчательной въ своемъ родѣ женщины. Она росла сиротою въ чужой семьѣ, никѣмъ не обласканная, что оставило на ея правильныхъ чертахъ ледяное выраженіе и холодную сдержанность въ обхожденіи. Она очень молодою вышла замужъ за старика Василія Ивановича Бибикова, дальняго родственника моего отца, и сейчасъ посвятила себя въ старухи. Какой-то французскій авторъ сказалъ: „les femmes mettent souvent de la vertu dans la manière de porter leur bonnet". Татьяна Васильевна вполнѣ оправдывала это изреченіе; она полагала, что всѣ пороки женщинъ происходятъ отъ корсета, и вышедши замужъ, первою обязанностью сочла бросить „ce vêtement vicieux". Она была хороша собою, но уродовала себя холоднымъ и принужденнымъ выраженіемъ лица,—волосы ея были прекрасны,—она ихъ прятала подъ старомодный чепчикъ; она была музыкантша и никогда не занималась музыкой. Съ мужемъ она обращалась холодно, съ дочерью сурово, а сына баловала донельзя. Она по цѣлымъ часамъ молилась Богу, и я увѣрена, что эта женщина очень страдала, была несчастна и, не желая, дѣлала другихъ несчастными. Мужъ и дочь ея боялись, никогда ей не возражали, были покорны и кротки. Василій Ивановичъ получалъ „Московскія вѣдомости" съ незапамятныхъ временъ; это была единственная газета того времени,—она получалась разъ въ недѣлю отдѣльными большими листами изъ сѣрой бумаги, съ множествомъ сенатскихъ объявленій; эти листы сшивались, и они составляли толстую тетрадь. Кто-то разъ пріѣзжаетъ и видитъ, что Василій Ивановичъ стоитъ сконфуженный у печки, прижавшись къ ней животомъ. (Онъ былъ не высокаго роста, толстый старичекъ, бѣлый, какъ лунь). Онъ здоровается съ пріѣзжимъ, не мѣняя положенія. „Что это вы, Василій Ивановичъ, или нездоровы".—Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ старикъ, добро-

душно улыбаясь, я здоровъ,—но вотъ случилась бѣда... я пролилъ стаканъ воды на „Московскія вѣдомости“,—хочу посушить ихъ, а то Татьяна Васильевна... не довольна будетъ...

Дочь рѣдко ѣздила къ намъ съ матерью, а чаще съ теткою, сестрою матери, которая также боялась сестры; онѣ никогда не смѣли оставаться долѣе назначеннаго Татьяною Васильевною часа. Когда урочное время подходило, Елена Васильевна начинала сильно волноваться, приказывала подавать лошадей и торопливо уѣзжала домой.

Въ то время въ Тульской губерніи стояли полки по деревнямъ на зимовкѣ. Офицерамъ и юнкерамъ обыкновенно помѣщики отводили комнаты во флигеляхъ, когда таковые были, или въ своемъ домѣ, когда были лишнія комнаты, и эти молодые люди приглашались къ барскому столу. У Бибиковыхъ въ Себинѣ стоялъ юнкеръ; ему дали комнату во флигелѣ, обѣдать онъ приходилъ въ домъ. Очень скромный и застѣнчивый, довольно красивый, онъ никогда ни съ кѣмъ не начиналъ разговора. Татьяна Васильевна иногда холодно къ нему обращалась съ вопросами. Узнавъ, что онъ сынъ очень бѣдныхъ родителей, она велѣла ему сшить все необходимое бѣлье. Прошла зима. Несмотря на молчаливость юнкера, онъ очень понравился молодой дѣвушкѣ, но конечно она это чувство тайно хранила въ глубинѣ сердца и только изрѣдка обмѣнивалась скромнымъ взглядомъ съ молодымъ юнкеромъ. Передъ уходомъ войска, весною Татьяна Васильевна позвала дочь къ себѣ въ комнату: „Ты выйдешь замужъ за Р., сказала она ей коротко и холодно,—но прошу ни слова съ нимъ не говорить,—онъ имѣетъ мое согласіе и завтра уѣзжаетъ“.

Дочь затаила радостный трепетъ своего сердца, наклонила покорно голову, такъ какъ мать ничего болѣе не сказала, молча ушла въ свою комнату и въ сильномъ волненіи то ходила, то садилась, обдумывая свое счастье и странныя слова матери. Темнѣло. Она услыхала шаги въ саду, подошла къ окну; юнкеръ проходилъ мимо,—онъ поднялъ голову, бросилъ длинный, нѣжный взглядъ на молодую дѣвушку, и, не останавливаясь, прошелъ. Она долго стояла, какъ вкопанная, глядя ему въ слѣдъ; ей и въ голову не пришло сдѣлать ему знакъ, или сойти въ садъ, или написать ему два слова,—она вполнѣ и безропотно покорялась волѣ матери...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ;—Р. писалъ изрѣдка Татьянѣ Васильевнѣ, она его писемъ не показывала. Письма прекратились. Второй разъ Татьяна Васильевна позвала дочь къ себѣ въ комнату; что-то въ родѣ чувства жалости было на ея ледяномъ лицѣ: „женихъ твой умеръ, сказала она твердымъ голосомъ,—умеръ отъ

тифа". Дочь не выдержала, упала въ обморокъ. Мать больше никогда о немъ не говорила съ ней.

Глава IX.

Бабушка.

Въ свѣтло-Христово Воскресенье насъ возили христосоваться съ бабушкою Екатериною Алексѣевною Бибиковой. Она всегда принимала насъ ласково и дарила намъ прекрасныя яица, но мы все-таки не любили къ ней ѣздить; надо было сидѣть чинно, не шумѣть, и когда послѣ обѣда посылали насъ играть въ другія комнаты, приходилось придумывать особенныя игры, чтобы никакой звукъ не долеталъ изъ великолѣпныхъ гостиныхъ до спальни, гдѣ бабушка всегда сидѣла. Разъ мы, забывшись, расшумѣлись съ двоюродными братьями и сестрами; вдругъ двери отворились, бабушка показалась на порогѣ; мы всѣ онѣмѣли, каждый остался въ своей позѣ, кто съ поднятой рукой, кто съ разинутымъ ртомъ. Бабушка холодно обвела насъ взглядомъ, ничего не сказала и ушла, но мы болѣе уже не шумѣли.

Бабушка родилась въ 1768-мъ году; она была смолоду одна изъ первыхъ Московскихъ красавицъ, но не принадлежала къ такъ называемому высшему кругу общества. Она была Чебышева. За нее сваталось много жениховъ, она всѣмъ отказывала, и наконецъ отецъ ея, разсерженный разборчивостью балованной дочки, гнѣвно сказалъ: „Ужъ не ждешь ли ты Бибикова"?

Дѣдъ мой Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ, братъ извѣстнаго полководца Екатерининскихъ временъ (Александра Ильича Бибикова), красавецъ собой, богатый, слылъ первымъ женихомъ въ городѣ. Екатерина Алексѣевна Чебышева, небогатая дѣвушка, не могла надѣяться на такую блестящую партію; но красота своего рода приданое, Бибиковъ влюбился въ молодую красавицу и взялъ ее безъ приданаго, какъ говорится, въ одной рубашкѣ. Дѣдъ мой былъ уже разъ женатъ на единственной дочери богатаго Твердышева, овдовѣлъ послѣ года; сынъ, оставшійся послѣ нея, также вскорѣ умеръ. Старикъ Твердышевъ хотѣлъ все имѣніе передать зятю, но дѣдушка отказался отъ него и только по убѣдительнымъ просьбамъ тестя согласился принять седьмую законную часть; несмѣтныя богатства Твердышевыхъ перешли князьямъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ и другимъ.

Все приданое первой жены дѣдъ мой подарилъ невѣстѣ; по понятіямъ того времени, тутъ ничего не было оскорбительнаго для

самолюбія второй жены; она приняла всѣ эти наряды съ благодарностью и носила ихъ съ удовольствіемъ. Бабушка была внѣ себя отъ радости выйти замужъ за великосвѣтскаго и знатнаго человѣка и легко вошла въ роль знатной барыни. Одна изъ сестеръ дѣдушки была замужемъ за княземъ Кутузовымъ Смоленскимъ, другая за графомъ Остерманомъ-Толстымъ, третья за Кутузовымъ, кажется адмираломъ. Бабушка гордилась новымъ родствомъ, богатствомъ, именемъ и впослѣдствіи, когда дѣлала выговоры старшему сыну, всегда приговаривала: „Не забудь, что ты Бибиковъ".

Она и въ старости сохранила тонкія черты, прекрасный профиль и величественный видъ; она держала себя очень прямо и голову слегка закинутою назадъ; носила высокіе каблуки, какъ въ первой молодости, но вовсе не занималась своимъ туалетомъ. Но все же при первомъ взглядѣ можно было признать въ ней „la grande dame". Я ее помню все въ томъ же темномъ шелковомъ капотѣ, волосы ея были небрежно зачесаны назадъ и безъ чепца. Въ молодости она любила наряжаться, считая это вѣроятно обязанностью своего высокаго положенія въ свѣтѣ. Матушка намъ разсказывала, что она, старшая сестра ея и братъ, Екатерина Гавриловна и Павелъ Гавриловичъ, всегда присутствовали при ея утреннемъ туалетѣ, когда она причесывалась и пудрилась, сидя передъ зеркаломъ, въ розовой атлассной кофтѣ, обшитой богатыми кружевами. Бабушка слыла примѣрной матерью потому только, что не разъѣзжала безпрестанно по гостямъ, какъ другія женщины, и что старшія дѣти часто были при ней въ гостиной; но младшіе жили на антресоляхъ съ нянькми и гувернантками и рѣдко видѣли мать. Въ сущности бабушка никѣмъ изъ дѣтей не занималась, и была типъ старинной русской барыни со всею гордостью и всѣми предразсудками своего вѣка. Она ничего не читала, иногда рисовала или вышивала въ пяльцахъ, но не кончала своей работы и отдавала начатыя картины и шитье крѣпостнымъ дѣвушкамъ, которыя обязаны были кончать работы своей госпожи. У дѣдушки была огромная дворня, дочерей и сыновей лакеевъ, дворецкихъ, поваровъ отдавали на воспитаніе въ пансіоны, гдѣ ихъ учили иностраннымъ языкамъ, рисованію, музыкѣ и танцамъ. Изъ нихъ составляли труппу актеровъ и танцовщицъ для домашняго театра и балета. Старикъ Іогель, котораго вся Москва знала, былъ выписанъ дѣдушкой изъ Франціи, чтобы устроить у него въ Подмосковной балетъ.—Дѣдъ мой былъ истый вельможа; онъ нѣсколько лѣтъ былъ за границей, много читалъ, былъ уменъ, образованъ. Онъ занимался воспитаніемъ трехъ старшихъ дѣтей, особенно моею матерью, Софіей Гавриловной, и на ней, какъ на самой даровитой, бо-

лѣе отразилось вліяніе отца. Къ несчастью, онъ умеръ въ 1803 г., когда ей было только 15 лѣтъ, но при ней осталась умная француженка, эмигрантка, которая съ успѣхомъ продолжала начатое дѣло. Матушка много читала, что не нравилось бабушкѣ. Она ее не любила, называла вольтеріанкой, но уважала, никогда не наказывала, тогда какъ любимыхъ дочерей больно сѣкла. Часто совѣтывалась съ матушкой и поручила ей воспитаніе младшихъ дѣтей.

Бабушка овдовѣла 35-ти лѣтъ, еще въ полномъ блескѣ красоты, но никогда не помышляла о другомъ бракѣ, вела себя безукоризненно и деспотически управляла своей большой семьей; у нея было 17 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двѣнадцать достигли совершеннаго возраста и почти всѣ были хороши собою, болѣе всѣхъ дѣтей бабушка любила старшаго сына Павла; онъ былъ замѣчательно хорошъ по словамъ современниковъ и судя по портретамъ. Семи лѣтъ онъ былъ произведенъ въ офицеры Императрицею Екатериною II, и носилъ эполеты и мундиръ своего полка. Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, велѣлъ всѣхъ малолѣтнихъ офицеровъ вычеркнуть изъ списковъ и, къ великому огорченію бабушки, съ маленькаго сына ея сняли мундиръ. Императоръ Павелъ, бывши еще Великимъ Княземъ, очень любилъ дѣдушку, который въ честь его назвалъ старшаго сына Павломъ, но несмотря на приглашеніе Государя дѣдушка не рѣшился поступить вторично на службу, покинутую имъ еще при Екатеринѣ II, и предпочелъ мирное житье въ Москвѣ, небезопасной службѣ при дворѣ. Страхъ, внушаемый Государемъ, былъ такъ великъ, что одна изъ родственницъ бабушки не выпускала шестнадцатилѣтняго сына изъ дому, боясь, чтобы онъ не попался Государю на глаза, и не зная, какъ занять мальчика, заставляла его по цѣлымъ часамъ вышивать въ пяльцахъ по канвѣ, при спущенныхъ шторахъ.

Бабушка намъ разсказывала, что Императоръ Павелъ издалъ указъ, по которому всѣ дамы, ѣхавшія въ каретѣ, должны были, когда встрѣчали Государя на улицѣ, выходить изъ кареты, и, стоя на послѣдней ступени, глубоко присѣдать, что нелегко было при тогдашнихъ высокихъ экипажахъ. Не исполнившая это приказаніе была сейчасъ же схвачена и посажена подъ арестъ. Близкая родственница бабушки ѣхала разъ по улицѣ и видитъ издали Государя, прогуливающагося безъ свиты; кучеръ и лакей не замѣтили Государя. Барыня бросилась къ окну, стала кричать: „стой". Люди, зазѣвавшись, не слышатъ. Несчастная женщина съ громкимъ воплемъ кричитъ: „стой, стой: Государь!". Кучеръ наконецъ останавливается— но поздно,—карета проѣхала мимо Государя. Павелъ Петровичъ, вѣроятно, былъ тронутъ блѣдностью и отчаяннымъ видомъ бѣдной

женщины, которая чуть живая стояла на подножкѣ. Онъ поднялъ руку и глухо, но явственно сказалъ: „Tranquillisez vous, madame, ce n'est rien“.

Но Павелъ Петровичъ не всегда былъ такъ милостивъ: во время одной изъ его прогулокъ, останавливается противъ него карета, изъ нея выходитъ горбатая карлица и дѣлаетъ ему требуемый реверансъ. Государь вообразилъ себѣ, что она ему на смѣхъ сѣла на ступеньки кареты и закричалъ: „На три мѣсяца на гауптъ-вахту“. Карлицу тотчасъ же схватили и отвезли на гауптъ-вахту. Вечеромъ одинъ изъ придворныхъ рѣшился объяснить Государю, что это несчастная—карлица и изувѣчена отъ того, что ее въ дѣтствѣ уронили.—„А кто ее воспитывалъ?“—спросилъ грозно Государь.—Она сирота и воспитывалась у тетки.—„Такъ тетку подъ арестъ, сказалъ Государь, зачѣмъ уронила ее“.

Дѣдушка, умирая оставилъ пожизненно все имѣніе женѣ, съ условіемъ его не закладывать и не продавать; но добрые люди шепнули бабушкѣ, что если бы она могла располагать по-своему имѣніемъ, дѣти были бы гораздо почтительнѣе и покорнѣе. Написали ей на имя Императрицы Маріи Ѳеодоровны прошеніе, гдѣ она съ двѣнадцатью сиротами повергается къ стопамъ Ея Величества, умоляетъ уничтожить духовную покойнаго мужа, который будто бы оставилъ столько долговъ, что ихъ изъ доходовъ уплатить нельзя, а необходимо продать часть имѣнія. А дѣдушка оставилъ пять тысячъ душъ незаложенныхъ, богатѣйшую подмосковную съ великолѣпными садами, оранжереями, озерами и полный домъ въ Москвѣ. Императрица, ничего не подозрѣвая, ходатайствовала у Государя Александра Павловича за бабушку; духовную уничтожили, часть имѣнія продали, а другую часть бабушка раздѣлила какъ и кому хотѣла: кого больше любила, того болѣе наградила. Болѣе всѣхъ одѣлила она любимицу, дочь старшаго сына Павла Гавриловича, убитаго подъ Вильною въ 12-мъ году. О несправедливости и строгости бабушки всѣ толковали, не очень стѣсняясь, никто изъ ея дѣтей не любилъ ее и сохраняли къ ней только наружное почтеніе. Дѣти ее всѣ боялись; особенно дочерей она строго держала. Матушка, бывши еще въ дѣвушкахъ, поѣхала по приказанію бабушки въ магазины; возвращаясь домой, она встрѣтила свою пріятельницу Елизавету Евгеньевну К—у. Елизавета Евгеньевна ее остановила и говоритъ: „Я сейчасъ была у maman, она позволила тебѣ ѣхать со мною въ театръ, садись скорѣе со мной, а то опоздаемъ“. Обрадованная неожиданнымъ удовольствіемъ, матушка пересѣла въ карету подруги и поѣхала съ ней... Но, Боже мой, какая гроза ожидала ее при возвращеніи домой.

— „Кто позволилъ вамъ ѣхать въ театръ?“ спросила разгнѣванная бабушка.—Вы Лизѣ сказали, что позволяете мнѣ ѣхать. „Да, я Лизѣ сказала, а не вамъ; могли бы потрудиться мать спросить, но вы Вольтера начитались, мать ни во что не ставите, своимъ умомъ живете“... И оскорбительныя слова полились обильнымъ потокомъ. Когда бабушка сердилась на дочерей, всегда говорила имъ „вы“.

Дочери безъ ея позволенія не смѣли, даже въ деревнѣ, идти въ садъ, а когда получали это позволеніе, которое рѣдко рѣшались просить, должны были не иначе ходить по дорожкамъ, какъ въ сопровожденіи двухъ лакеевъ въ ливреяхъ. Понятно, что такая прогулка не привлекала молодыхъ дѣвушекъ, и что такое воспитаніе оставило свои слѣды. Матушка, вышедшая замужъ, жила всегда лѣтомъ въ деревнѣ, но никогда гулять не ходила и говорила: „je ne sais marcher que sur un parquet“. Ѣздили онѣ не иначе, какъ цугомъ, т. е. въ шесть лошадей и съ двумя лакеями на запяткахъ. Съ тремя лакеями ѣздила только Императрица Марія Ѳеодоровна.

Въ 12-мъ году, когда Москва опустѣла въ ожиданіи французовъ, бабушка бѣжала въ Нижній Новгородъ; старшіе сыновья ея были всѣ четверо въ дѣйствующей арміи; младшаго 15 лѣтъ, несмотря на его убѣдительныя просьбы, она не отпустила на войну и взяла съ собою. Кромѣ его съ ней ѣхали шесть дочерей, невѣстка, внучка и многочисленная прислуга; они помѣщались въ нѣсколькихъ каретахъ и бричкахъ. На одной изъ станцій недалеко отъ Москвы толпа крестьянъ окружила карету бабушки. „Не дадимъ лошадей, кричали они, это господа со всѣми своими богатствами бѣгутъ отъ французовъ, а насъ посылаютъ драться съ ними. Пусть остаются здѣсь, посмотримъ, какъ раздѣлаются сами“. Бабушка помертвѣла, всѣ перепугались не на шутку, матушка одна не потеряла присутствія духа: она наклонилась въ опущенное окно. „Что вы шумите, сказала она громко и спокойно крестьянамъ, развѣ вы не видите, что мы однѣ женщины. Отецъ нашъ умеръ, четверо братьевъ на войнѣ, пятый тутъ, взгляните на него, онъ еще ребенокъ, а рвется тоже на войну, матушка насильно его съ собою везетъ; уже очень ей горько со всѣми сыновьями разстаться; если старшихъ убьютъ, хоть одинъ ей на старости останется. А мы развѣ можемъ воевать? чего вамъ надо, оставьте насъ въ покоѣ, не будьте хуже французовъ и не обижайте земляковъ“.

Крестьяне переглянулись, сняли шапки. „Вѣстимо, одинъ женскій полъ, переговорили они межъ собою,—что ихъ тревожить, пускай себѣ съ Богомъ ѣдутъ“ и стали помогать закладывать лошадей.

Пріѣхавши въ Нижній Новгородъ, бабушка скоро получила из-

вѣстіе, что любимый сынъ ея убитъ, а второй тяжело раненъ; она занемогла съ горя. Дочери день и ночь ходили за ней, и она вскорѣ поправилась, но долго тосковала по своемъ любимцѣ.

Въ маленькомъ губернскомъ городѣ матушкѣ и теткамъ жилось привольнѣе, чѣмъ въ Москвѣ; онѣ даже ѣздили иногда гулять за городъ.

Въ Нижній стали прибывать плѣнные французы; однажды матушка, въ одной изъ своихъ загородныхъ прогулокъ, увидала нѣсколькихъ изъ нихъ; они сидѣли около рва и хлебали какую-то жиденькую кашицу съ черствымъ хлѣбомъ. Матушка подошла къ нимъ и сказала: „Vous avez un bien maigre repas“.—„Hélas, oui, mademoiselle,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, mais pour l'assaisoner, je m'en vais chercher une plante, qui s'appelle la patience“ .

. . . .

Мои отношенія къ бабушкѣ.

Пока я была маленькимъ ребенкомъ, я очень любила бабушку, забавляла ее своею болтовнею, танцами и разными представленіями, въ которыхъ иногда участвовали старшій мой братъ и сестра. Бабушку особенно забавляло представленіе Андромеды; братъ привязывалъ меня къ стулу, самъ въ роли дракона надѣвалъ шубу на-выворотъ и бросался на меня, а сестра, въ мужской шляпѣ и шали, перекинутой черезъ плечо, избавляла меня. Должна признаться, что эту маленькую комедію я не любила, потому что серьезно боялась вывороченной шубы, а бабушка этому-то и смѣялась отъ души.

Но, выростая, я стала прислушиваться къ неосторожнымъ разсказамъ окружающихъ меня; гувернантки наши боялись бабушки, говорили про нее не стѣсняясь, а матушка говорила, что бабушка никого не любитъ, кромѣ внучки Биби, уменьшительное имя б—ссы Екатерины Павловны Офенбергъ, рожденной Бибиковой. Я половину слышаннаго не понимала, и какое-то странное и таинственное понятіе о бабушкѣ стало складываться въ умѣ моемъ. Я отъ природы была застѣнчива; съ годами это свойство усилилось, и въ присутствіи бабушки мною сталъ овладѣвать неопреодолимый страхъ; что-то тѣснило мое горло, я не могла слова выговорить. Все, что окружало бабушку, меня пугало: я боялась большихъ пустыхъ комнатъ, особенно одной, гдѣ висѣло много гравюръ въ золотыхъ рамкахъ, и одна, представляющая видѣніе Гамлета, наводила на меня паническій страхъ. Изъ прислуги я имѣла какое-то отвращеніе къ экономкѣ Аксиньѣ Яковлевнѣ, чопорной старухѣ со стро-

гимъ лицомъ, всегда опрятно одѣтой въ темное шелковое платье, въ крахмаленномъ чепцѣ и старинной бѣлой шали съ пестрой каймой. Я такъ боялась этой женщины, что, увидѣвъ ее, когда мнѣ было уже лѣтъ пятнадцать, и бабушки давно не было на свѣтѣ, мнѣ стало страшно, и легкая дрожь пробѣжала по мнѣ. Мнѣ тяжело въ этомъ признаться... но когда бабушка скончалась, мнѣ стало легче на сердцѣ; она мѣшала мнѣ жить, — когда я думала о ней, меня давило какое-то тягостное чувство. Надо прибавить, что бабушка сама рѣшительно не была виновата въ странномъ чувствѣ, внушаемомъ ею; она всегда была очень добра ко мнѣ и даже нѣсколько отличала отъ другихъ внучекъ. Разъ прислала она сестрѣ и мнѣ штофныя розовыя шубы, обшитыя сѣренькимъ мѣхомъ. Мы очень обрадовались богатому подарку, надѣли красивыя шубы и отправились пѣшкомъ по Московскимъ улицамъ, которыя тогда еще менѣе отличались чистотой, чѣмъ теперь. Начинало таять, мы съ сестрой поскользнулись, обѣ упали въ лужу и съ перваго раза покончили существованіе нарядныхъ шубокъ къ великому отчаянію нашей гувернантки.

Мнѣ было около десяти лѣтъ, когда Елизавета Михайловна Мартынова дала дѣтскій балъ и пригласила насъ; матушка положительно никуда насъ не возила кромѣ своей матери, и слышать не хотѣла объ этомъ балѣ; но Елизавета Михайловна объявила, что безъ насъ не начнутъ танцовать; и бабушкѣ хотѣлось, чтобы насъ хоть разъ показали въ свѣтъ, и она уговорила матушку ѣхать съ нами къ Мартыновымъ. „Пожалуйста, сказала бабушка матушкѣ, принаряди хорошенько дѣвочекъ; а вы, прибавила она, обратясь къ нашей гувернанткѣ, смотрите, Александра Васильевна, чтобы Лизѣ завили хорошенько волосы; пошлите за Глазовымъ, лучше его никто не причешетъ“.

Глазовъ былъ первымъ куаферомъ въ Москвѣ до 12-го года, а когда его призвали причесать сестру и меня, ему было чуть ли не болѣе семидесяти лѣтъ. Мы съ восторгомъ и нетерпѣніемъ ждали бала; великій день наступилъ, Глазовъ явился, причесалъ сестру и взялся за мою голову. „Велите ему прежде подстричь немного волосы Лизѣ, а потомъ завить, сказала матушка Александрѣ Васильевнѣ, а я пойду посмотрѣть, какъ Катя одѣвается“.

Александра Васильевна небрежно передала приказаніе парикмахеру и углубилась въ чтеніе французскаго романа. Черезъ полчаса матушка входитъ, вскрикиваетъ и, всплеснувъ руками, опускается на стулъ... Александра Васильевна подняла глаза и—сильно сконфузилась; мои длинные, густые волосы лежали кругомъ меня на полу и клочками покрывали простыню, въ которую меня укутали;

парикмахеръ оставилъ мнѣ волосъ длиною въ вершокъ. „Что вы сдѣлали! — воскликнула матушка, обратясь къ гувернанткѣ, „mais c'est un mal irréparable!"—Она была въ отчаяніи; Глазовъ прежде всѣхъ пришелъ въ себя. — „Не безпокойтесь, сказалъ онъ, я дѣло поправлю, все будетъ хорошо". Онъ мои коротенькіе волосы завилъ въ 150 папильотокъ, прижегъ ихъ щипцами, далъ остыть, снялъ бумажки, расчесалъ и сдѣлалъ мнѣ прическу въ видѣ курчаваго барашка. Все это мученье я съ геройствомъ перенесла, боясь, что вслѣдствіе моего изуродованія меня не возьмутъ на балъ. Когда мы вошли, музыка загремѣла; насъ ждали, чтобы начать танцовать. На балѣ моя прическа произвела фуроръ, какъ мнѣ нѣсколько лѣтъ спустя разсказывали;—я же такъ поражена была нарядною толпою, освѣщенною залою и музыкою, что не слыхала, что про меня говорили, и не заботилась, хороша ли я, или дурна.

Оставалось узнать, что бабушка скажетъ о моей новой прическѣ; на другой день повезли меня къ ней; она разсмѣялась и потрепала меня по щекѣ. Всѣ успокоились.

Бабушка рѣдко выѣзжала, кажется, что въ продолженіе десяти лѣтъ, что я ее помню, она не болѣе двухъ разъ была у насъ. Ея посѣщеніе было такое замѣчательное происшествіе, что все въ домѣ приходило въ волненіе, бросали уроки, какіе бы ни были, и мы всѣ четверо стояли за матушкинымъ кресломъ, все время визита бабушки. А какъ она была хороша, принарядившись немножко; чепчикъ изъ бѣлой блонды такъ шелъ къ ея тонкимъ, правильнымъ чертамъ, улыбка ея была такъ привѣтлива, и видъ такъ величавъ.

Несмотря на свою большую семью, бабушка жила совершенно одна въ собственномъ большомъ домѣ на Пречистенкѣ. Всѣ дочери были замужемъ, всѣ сыновья женаты и разбрелись по Россіи, одна матушка постоянно проводила зиму въ Москвѣ. Но все-таки родственниковъ было такъ много, что по большимъ праздникамъ садилось за столъ у бабушки человѣкъ двадцать и болѣе. Кушанья подавались на тяжелыхъ серебряныхъ блюдахъ, и первое блюдо непремѣнно телячьи рубленныя котлеты съ ломтикомъ лимона на каждой котлетѣ. Къ дессерту подавались вызолоченные приборы съ фарфоровыми ручками, которые казались мнѣ верхомъ роскоши.

Я иногда видѣла у нея, въ 30-хъ годахъ, ея дядю Петра Александровича Чебышева, дряхлаго старика, замѣчательнаго тѣмъ, что занимался своею наружностью не менѣе Гастона Орлеанскаго; онъ каждый день завивалъ свои сѣдые волосы, и такъ какъ тогда не были изобрѣтены круглые щипцы, его можно было видѣть каждое утро въ папильоткахъ. Вмѣсто шлафрока онъ надѣвалъ бѣлый женскій пеньюаръ съ розовыми бантами.

Кромѣ этого старика—дяди, къ бабушкѣ являлись разныя старухи—приживалки, которыхъ тогда въ каждомъ домѣ было много. Она любила ихъ разсказы и прибаутки; у нея часто бывала простая торговка, прозванная Петровна, которая играла роль шутихи, имѣла право садиться при бабушкѣ, гадала на псалтырѣ, раскрывая его на своей головѣ, толковала сны, врала всякій вздоръ и позволяла себѣ шутки не всегда приличныя. Ей все прощалось. Петровна послѣ смерти бабушки приносила къ намъ въ домъ свой товаръ, и матушка много у нея покупала; разъ Петровна, не имѣя сдачи, осталась должна матушкѣ гривенникъ. Съ тѣхъ поръ она къ намъ болѣе не показывалась. Кромѣ псалтыря, я никакой книги у бабушки не видала. Оставшуюся библіотеку послѣ дѣдушки она подарила моей матери. Послѣ обѣда она всегда раскладывала пасьянсы.

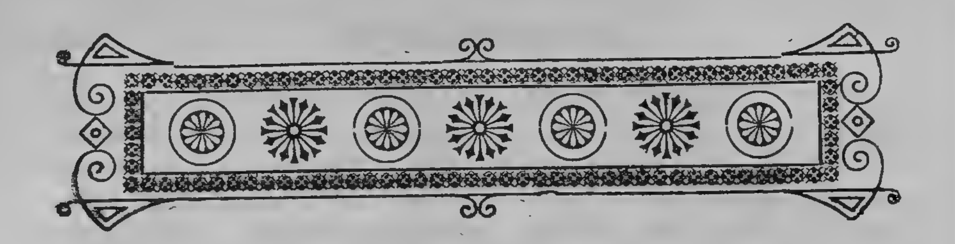
Съ такой обстановкой, не мудрено, что бабушкѣ передавались на счетъ дѣтей и внуковъ всякія нелѣпыя сплетни, которыя, доходя до матушки, ее сильно огорчали. Не стану о нихъ говорить; онѣ могли на мгновенье огорчить сердце матери, но время отымаетъ у нихъ всякое значеніе.

Бабушка умерла холерою въ 1834 году. Несмотря на многочисленную семью, никто изъ родныхъ не былъ при ней, она скончалась на рукахъ крѣпостныхъ горничныхъ. Никто изъ сыновей не пожелалъ оставить за собою ея домъ, — его продали почти задаромъ баронессѣ Розенъ. Лѣтъ пятнадцать послѣ ея смерти я была въ немъ на балу у б—ссы Розенъ и не безъ волненія вошла въ эти комнаты, гдѣ такъ часто бывала въ дѣтствѣ. Нѣсколько гостиныхъ остались, какъ были при бабушкѣ; я забыла про картину Гамлета, про страшную экономку, — я вспомнила только, какъ бабушка меня ласкала, какъ она была величественно хороша, какъ я глупо боялась ее, и что-то вродѣ угрызенія совѣсти шевельнулось въ душѣ моей...

На этомъ балу я въ первый разъ видѣла моего мужа, барона В. М. Менгденъ.

Баронесса Елизавета Менгденъ.

Могила отца Суворова.

Изданные Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ „Московскій и Петербургскій Некрополи“, заключая въ себѣ цѣлую массу цѣннаго матеріала для изученія русской генеалогіи, внесли много совершенно новыхъ датъ и біографическихъ свѣдѣній, раньше неизвѣстныхъ, а также дали возможность сдѣлать много поправокъ въ тѣхъ данныхъ, которыя были извѣстны и раньше. Въ настоящее время подготовляется къ печати „Русскій Провинціальный Некрополь“, т. е. перечень надгробныхъ надписей на могилахъ лицъ, погребенныхъ внѣ столицъ. Конечно, среди этихъ могилъ окажется немало болѣе или менѣе извѣстныхъ на разныхъ поприщахъ русскихъ людей. При всей возможной неполнотѣ въ такомъ большомъ дѣлѣ, несомнѣнно окажутся неожиданныя открытія, приведу слѣдующій примѣръ.

Въ дневникѣ извѣстнаго московскаго археолога, профессора И. М. Снѣгирева (1864 г., ч. II, стр. 231), подъ 13 іюля, находимъ слѣдующую запись: „Священнику церкви Өеодора Студита Преображенскому указалъ *могилу* у алтаря *родителей* Суворова и совѣтовалъ *возобновить* надгробіе“. Казалось бы, что, можетъ быть, положительнѣе такого категорическаго указанія этого знатока московской церковной старины. Такъ оно и вышло: всѣ біографы нашего знаменитаго полководца утверждаютъ, что родители Суворова похоронены въ Москвѣ около церкви Өеодора Студита, въ приходѣ которой, кстати сказать, находился въ то время и домъ Василія Ивановича Суворова. Изъ словъ Снѣгирева однако видно, что уже въ то время, когда онъ писалъ свой дневникъ, никакого надгробія или могилы около алтаря церкви не было. Откуда взято Снѣгире-

вымъ его показаніе о мѣстѣ погребенія „родителей Суворова“, узнаемъ, однако, изъ другого сочиненія того же Снѣгирева, а именно, изъ его описанія церкви св. Ѳеодора Студита, помѣщеннаго въ изданіи Мартынова „Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества“ (М. 1860, годъ шестой, стр. 113). Здѣсь (на стр. 123) читаемъ слѣдующее: „По свидѣтельству старожиловъ и восьмидесятилѣтняго старца, священника Ефима Васильева Нечаева, служившаго при этомъ храмѣ около 55 лѣтъ, стояла, даже послѣ 1812 года, между алтаремъ и оградою церкви, *каменная палатка*, величиною съ жертвенникъ, покрытая на два ската, деревянною кровелькой; въ стѣну ея *вставлена была* каменная плита съ вырѣзанною надписью, которая означала годы кончины родителей великаго Суворова. Отецъ его Василій Ивановичъ, крестникъ Петра I, жилъ при приходѣ этой церкви, гдѣ крещенъ сынъ его, князь Италійскій Александръ, родившійся 1729 года, ноября 13. Отсюда, гласитъ преданіе, онъ ходилъ въ Кремль учиться къ дѣду своему, придворному протопопу, а по сказанію кн. П. Вл. Долгорукова, жилъ въ домѣ своего дѣда и учился у одного учителя съ основателемъ московскаго университета Шуваловымъ. Этотъ знаменитый Москвичъ, герой Рымникскій, пріѣзжая въ Москву, всякій разъ посѣщалъ прежнюю приходскую свою церковь и, какъ почтительный сынъ, служилъ панихиду *на могилѣ* своихъ родителей, а въ церкви, какъ бывшій прихожанинъ, за обѣдней читывалъ часы и Апостолъ и съ дьячками пѣвалъ на клиросѣ. Донынѣ еще родственники Суворова пріѣзжаютъ туда поминать князя Александра Васильевича и его родителей. Кто изъ русскихъ не пожелаетъ, чтобы на прежнемъ мѣстѣ не возстановленъ былъ памятникъ родителямъ Суворова, котораго имя на Руси будетъ въ память вѣчную!“ Такимъ образомъ, мы видимъ, что источникомъ для категорическаго утвержденія Снѣгирева, относительно могилъ родителей Суворова, являются разсказы старожила-священника о томъ, что когда-то существовала каменная палатка (можетъ быть, мѣсто прежняго алтаря), и что въ храмѣ служились панихиды по самомъ Суворовѣ и его родителяхъ. Послѣднее, однако, ничего не значитъ. Возможно, что на кладбищѣ церкви св. Ѳеодора Студита была погребена мать Суворова, Евдокія Ѳеодосіевна (рожденная Манукова), умершая, когда сыну ея было 14 лѣтъ, т. е. около 1745 года; что же касается до отца генералиссимуса, то извѣстно, что онъ умеръ въ 1775 году (въ родословной Долгорукова показанъ ошибочно 1776 годъ), т. е. послѣ московской чумы, когда, по словамъ того же Снѣгирева, въ томъ же описаніи „воспрещено было погребать усопшихъ при церквахъ“. Исключеній почти не было: даже графиню Е. И. Головкину,

въ 1791 г., похоронили въ московскомъ Андроніевѣ монастырѣ, а не въ Георгіевскомъ (внутри города, на Б. Дмитровкѣ), съ мужемъ рядомъ, какъ она ни сокрушалась объ этомъ.

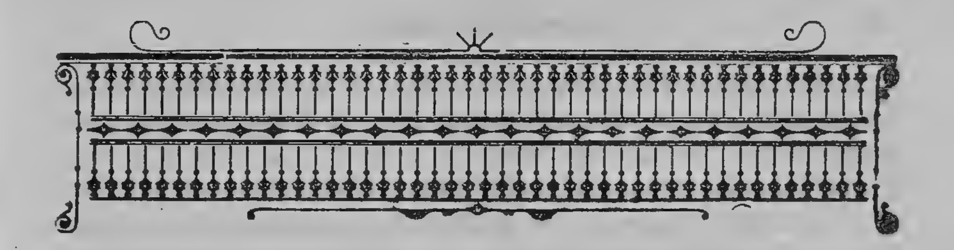
Въ настоящее время вполнѣ документально подтверждается, что отецъ Суворова погребенъ внѣ Москвы. Въ Московскомъ уѣздѣ, въ 35 верстахъ отъ Москвы на сѣверъ, находится недалеко отъ знаменитаго Панинскаго Марѳина, село Рождествено-Суворово. Когда-то, въ XVII и первой половинѣ XVIII в., это была вотчина сначала знаменитаго думнаго дьяка Гавренева, а затѣмъ князей Барятинскихъ; въ 1773 г. село Рождественское купилъ у князя Ив. Серг. Барятинскаго генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ Суворовъ, послѣ котораго оно перешло къ его потомкамъ. (Холмогоровы, Историческіе матеріалы о церквахъ; Селецкая десятина, стр. 117—120). Самъ В. И. Суворовъ владѣлъ своей покупкой менѣе 2-хъ лѣтъ: *онъ скончался 15 іюля 1775 г.* и погребенъ былъ около южной стѣны церкви Рождества Богородицы въ селѣ Рождественѣ-Суворовѣ. На могилѣ его стоитъ памятникъ изъ камня, въ видѣ гробницы, въ 2½ аршина длины. Памятникъ обветшалъ отъ времени, краска на немъ мѣстами стерлась; виденъ только гербъ *дворянъ* Суворовыхъ, надписей никакихъ нѣтъ, но зато на самой стѣнѣ храма, на южной сторонѣ, снаружи, укрѣплена мраморная доска, на которой высѣчена надпись: „Здѣсь покоится прахъ генералъ-аншефа Василія Ивановича Суворова, умершаго 15 іюля 1775 года".

Удивительно то равнодушіе, съ которымъ относятся у насъ обычно къ старинѣ—будь то письменные акты или вещественные памятники, безразлично. Старина изчезаетъ ежедневно, и не столько время, сколько именно людское равнодушіе и невѣжество стираютъ ее съ лица земли. Изданіе Некрополей закрѣпитъ тѣ свѣдѣнія, которыя еще можно было собрать въ настоящее время.

Упомяну еще объ одномъ интересномъ фактѣ, можетъ быть кто-нибудь знаетъ и дастъ указанія. Въ Московскомъ и Петербургскомъ Некрополяхъ не указана могила знаменитаго канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина (1692—1767), равно и его брата Михаила. Въ настоящее время обнаружилось, что и въ матеріалахъ, собранныхъ для Провинціальнаго Некрополя, этихъ лицъ нѣтъ. Извѣстно, между тѣмъ, что графъ Михаилъ Петровичъ, умершій въ Парижѣ, завѣщалъ перевезти его тѣло въ Россію и похоронить „рядомъ съ отцомъ". А гдѣ погребенъ отецъ ихъ? Также неизвѣстно.

А. Голомбіевскій.

Басурманская неволя.

I.

Русь и Степь.

Русь и Степь всегда враждовали между собою. Трудолюбивая и скопидомная Русь работала, сѣяла, жала и собирала въ житницы. Удалая и жадная Степь завистливо смотрѣла на богатство своей сосѣдки, вихремъ налетала на мирныя селенія, жгла, грабила, убивала, уводила въ полонъ.

Печенѣги и Половцы „несли розно" Русскую землю. „Станетъ поселянинъ, говорилъ Владиміръ Мономахъ, весною пахать на лошади, и пріѣдетъ половчинъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь и жену и дѣтей, да и гумно зажжетъ". Такова была сущность отношеній между Русью и Степью и въ послѣдующіе вѣка. Татарская волна поднялась особенно высоко, обрушилась на Русь, раздавила ея силу и счастье, но потомъ схлынула въ ту же Степь. По-прежнему Степь осталась источникомъ всевозможныхъ страховъ и опасностей для мирныхъ жителей Руси. Они шли въ Степь не иначе, какъ „тужаще и скорбяще", и жутко имъ становилось, когда они переступали границу владѣній свирѣпыхъ кочевниковъ. „Оттолѣ нача ны страхѣ одержати, писалъ одинъ путешественникъ XIV вѣка о своемъ вступленіи въ Степь, яко внидохомъ въ землю языка Исмаильтянаго, т. е. Татарскаго, ихже множество оба полъ Дона рѣки, аки песокъ".

Много большихъ и малыхъ ордъ Татарскихъ основалось на югѣ нынѣшней Россіи, и не удивительно, что татары казались русскимъ многочисленными „аки песокъ". Главныя силы татаръ со-

средоточивались на Крымскомъ полуостровѣ, гдѣ они имѣли города и вели полуосѣдлую жизнь. Въ степяхъ за Перекопью кочевали четыре орды Нагайскихъ татаръ, имѣвшія въ 1625 году уже 50.000 всадниковъ; ихъ кочевья доходили до Кубани и граничили съ владѣніями черкесовъ, по старинному кумаковъ. Въ степяхъ Новороссіи и Бессарабіи кочевали орды Едисанская вокругъ Очакова и Бѣлгородская или Буджацкая вокругъ Аккермана, по-русски Бѣлгорода. Кочевники опирались на могущество Турецкаго султана, считавшаго ихъ своими вассалами, и по морскому побережью были разбросаны турецкія крѣпости, между ними главное „поганское гнѣздо"—Азовъ. Татары всѣхъ наименованій смотрѣли на Русь исключительно, какъ на источникъ „разбойной добычи". „Сколько твоей землѣ убытку будетъ, столько моей землѣ прибытку", беззастѣнчиво говорилъ татаринъ русскому. „Ино чѣмъ мнѣ быти сыту и одѣту?" спрашивалъ вполнѣ логично наивный степной разбойникъ, когда его упрекали за набѣги на сосѣдей.

Крымскіе ханы доходили до самой Москвы и подъ видомъ „любительныхъ поминковъ" брали дань съ „самодержцевъ Всея Руси". Всѣ враги Россіи натравливали и накупали татаръ на русскія области, и во время борьбы съ Польшей за Малую Россію бои подъ Конотопомъ и Чудновымъ были страшными, хотя и послѣдними, побѣдили Степи надъ Русью. Сильный во всѣхъ искусствахъ Китай отгородился отъ своихъ степей каменною стѣною.

Московской Руси было не по плечу такое сооруженіе. Для защиты отъ кочевниковъ она пользовалась тѣмъ, что было всегда подъ руками, лѣсомъ да землею. По всей границѣ со Степью шелъ рядъ городовъ и острожковъ, обыкновенно построенныхъ изъ дубоваго лѣса; отъ городка до городка насыпался земляной валъ со рвомъ и надолобами (частоколомъ). Въ лѣсахъ валили деревья и устраивали изъ нихъ засѣки, мѣшавшія проѣзжать татарамъ. Такая линія укрѣпленій называлась „чертою". Особенно охранялись „броды и перелазы" черезъ рѣки; въ водѣ „били частикъ (мелкіе колья) и сваи и рогатки", чтобъ лошади не могли ступать по дну. Особая легкая пограничная стража—станичники зорко слѣдили за безпокойною степью и ѣздили далеко за „черту" въ „отъѣзжія станицы" или пиколы. Такія крѣпости не были неприступны, но ихъ легко было продвигать далѣе въ Степь по мѣрѣ того, какъ Русь шагъ за шагомъ завоевывала страшныя степныя пустыни. Въ концѣ XVII столѣтія русская оборонительная база была перенесена съ береговъ Оки, гдѣ она находилась въ началѣ столѣтія, въ бассейнъ Донца, въ города Слободной Украины. Несмотря на всѣ мѣры предосторожности, татары то и дѣло прорывались черезъ крѣпости. Никакое

время года не охраняло отъ ихъ набѣговъ. Любили они нападать во время „жнитва", когда поглощенные страдой люди думали лишь о томъ, какъ бы убраться съ хлѣбомъ; еще чаще и съ бо̀льшими силами приходили они зимою на своихъ выносливыхъ, некованныхъ лошадяхъ, бойко бѣгавшихъ по „засеренѣлому" (покрывшемуся настомъ) снѣгу степей. Только самый конецъ зимы съ его буранами и гололедицей и начало весны съ его половодьемъ давали мѣсяца на три вздохнуть жителямъ русскихъ окраинъ [1]). Татары старались прійти „безвѣстно", обмануть бдительность, и при случаѣ и „скрасть" съ вала сонныхъ караульныхъ; они проламывали валъ, прорубали топорами надолобъ, вступали въ бой съ поздно спохватившейся „заставной, т. е. караульной сотней"; переранивъ и перебивъ „сотенныхъ людей", они нападали на жителей, уводили ихъ въ полонъ и отгоняли „конскія и животинныя" стада.

Впрочемъ, воеводы украинныхъ городовъ подлежали строгому наказанію за такія „небереженье и оплошку" и старались получать самыя точныя—„прямыя вѣсти" о движеніяхъ кочевниковъ. По этимъ вѣстямъ воевода принималъ мѣры къ оборонѣ города, жилъ „съ великимъ береженьемъ", бирючи „прокликивали" по уѣзду про воинскія вѣсти и приказывали по деревнямъ жить „легкимъ дѣломъ", т. е. наготовѣ къ бѣгству въ городъ. Когда же татары подходили близко, воевода билъ въ „сполохъ", т. е. въ набатъ, и „сбивалъ" жителей изъ уѣзда въ городъ въ осаду. Всякая мирная дѣятельность замирала, и по направленію къ городу по всѣмъ дорогамъ „бѣжала бѣжь", т. е. спасавшіеся бѣгствомъ уѣздные люди. Но не всѣмъ имъ удавалось скрыться за городскими стѣнами; иныхъ татары перехватывали, „не допустя до города", и одинъ поселянинъ разсказывалъ, какъ отецъ его ѣхалъ въ осаду въ городъ, а его „везъ за бедры", т. е. у сѣдла сзади, какъ наѣхали на нихъ татары, какъ отецъ его съ ними „бился изъ луку, а они отца срубили", маленькаго же сына увезли въ Крымъ, гдѣ онъ пробылъ 40 лѣтъ [2]).

Теперь трудно себѣ представить то нервное напряженіе, въ которомъ находились жители украинныхъ уѣздовъ, постоянно ожидавшіе тяжкаго плѣна или полнаго разоренья. Трудно представить себѣ, какъ можно было работать, когда опасность татарскаго набѣга требовала, чтобъ „на полѣ, на сѣнокосѣ и въ лѣсу безъ ору-

---

[1]) Эварницкій, Исторія Запорож. казаковъ, I, 394, 400.

[2]) Хранящіеся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи столбцы Бѣлгородскаго стола. Разряды обозначаются—Б., столбцы же Приказнаго стола—Пр. См. Пр. 412, 79.

жія нигдѣ никакой человѣкъ не былъ", чтобы во время сѣнокоса одна половина работниковъ убирала сѣно, а другая караулила. Ни за какимъ мирнымъ занятіемъ человѣкъ не могъ быть покоенъ. На Торскихъ (въ Славянскѣ) соляныхъ промыслахъ солевары работали въ чертѣ построенныхъ ими укрѣпленій и выѣзжали за дровами или сѣномъ не иначе, какъ цѣлымъ вооруженнымъ караваномъ, „дровянымъ" или „сѣннымъ таборомъ".

„Мелкая постоянная кража людей на границахъ", по мнѣнію одного изслѣдователя [1]), стоила русскимъ не дешевле большихъ татарскихъ набѣговъ. Служилые люди пограничныхъ отрядовъ каждую минуту рисковали попасться въ руки татаръ. Въ разъѣздахъ по степи не трудно было „погрѣхомъ найти на большихъ людей", т. е. на сильнѣйшаго непріятеля: лѣтомъ 1645 года казачій атаманъ гр. Чернышевъ поѣхалъ изъ Демшинска съ казаками за укрѣпленія, и, „будутъ они отъ Демшинскаго лѣсу въ полверстѣ, разсказывали потомъ казаки, и изъ Демшинскаго лѣсу вылѣзли на нихъ татаровя, человѣкъ 30 и больше, и учали за ними гонять и на гоньбѣ ихъ поимали"[2]). Достаточно было немного отдалиться отъ „сотни" (отряда), выйти „за обозъ по воду или по траву", чтобъ сдѣлаться добычей зоркихъ хищниковъ.

Совершенно беззащитны были жители украинныхъ городовъ въ томъ случаѣ, если богатства степной природы выманивали ихъ за крѣпости. Ихъ татары то и дѣло ловили то на „рыбномъ" или „звѣриномъ промыслу", то на гонкѣ дегтя и т. п.; счастливъ былъ тотъ изъ этихъ промышленниковъ, которому какимъ-то чудомъ удавалось „отсидѣться" отъ татаръ гдѣ-нибудь въ тростникахъ степного озера.

Нервное напряженіе украинныхъ жителей было такъ велико, что достаточно было ничтожнаго повода, чтобы въ городѣ поднялась суматоха. Прибѣжитъ, бывало, въ городъ какой-нибудь потерявшій голову обыватель съ вѣстями про приходъ татаръ или пришлетъ отписку о томъ же какой-нибудь напуганный сосѣдній воевода, и изнервничавшійся не менѣе жителей воевода начинаетъ бить „сполохъ" и „сбивать" уѣздныхъ людей въ осаду, и потомъ окажется, что „тѣ вѣсти пролгались, и приходу воинскихъ людей никакого не бывало". Такіе „ложные татарскіе сполохи" не одинъ разъ случались въ украинныхъ городахъ и иногда нарочно устраи-

---

[1]) Н. М. Бережковъ. Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму. (Труды VI Археолог. Съѣзда, т. II), стр. 348.

[2]) Пр. 158, 4—5.

вались „воровскими людьми", надѣявшимися поживиться чужимъ добромъ во время поднявшейся сумятицы [1]).

Современные документы рисуютъ полную картину татарскаго разоренія. Жутко читать эти нескладные и наивные при всей ихъ старинной дѣловитости документы; такъ безысходно горе, съ которымъ въ нихъ встрѣчаешься, такъ глубоко драматично положеніе тѣхъ безхитростныхъ украинцевъ, о которыхъ они говорятъ.

Печальную картину представляло украинное поселеніе послѣ посѣщенія его татарами. „Церковь разорили, говорятъ обыкновенно документы, и осквернили, церковное строенье, ризы и стихари и пелены и сосуды церковные всѣ пограбили, оклады съ образовъ поободрали, свѣчи поставныя поимали"; иногда со странной на нашу мѣрку наивностью прибавляется: „а колокола и книги Богъ сохранилъ въ цѣлѣ".

Зачастую въ полонъ попадалъ и „попъ" съ „попадьей, съ дѣтишками и съ домочадцы". Рѣдкій изъ жителей могъ показать, что „милостью Божіею дворъ его цѣлъ и гумно въ цѣлѣ", большинству приходилось слезно жаловаться на то, что татары „гумнишко и дворишко сожгли безъ остатку", „хлѣбъ потолочили", „животину отогнали", „пчелы выдрали", тотъ уже долженъ былъ считаться не вполнѣ обиженнымъ судьбой, у кого были „въ остаткѣ на дворѣ клѣть да погребица да ворота переднія". Татары иногда забирали цѣлыя семьи: у ливенца, напримѣръ, Романа Чернаго въ 1660 году татары забрали „съ маткою и бабку и братей и сестеръ и людишекъ 23 человѣка". Семьянинъ, у котораго сегодня была жена и полный домъ взрослыхъ и подростающихъ дѣтей, завтра въ одно мгновеніе становился безроднымъ бобылемъ. „Взяли въ полонъ, показывалъ въ 1660 году чернавецъ—сынъ боярскій, Прохоръ Свиридовъ, матерь мою Авдотью, жену Афимью, невѣстку Степаниду, сына Захарья трехъ лѣтъ, племянника Савелья 17 лѣтъ, дочь Ѳедору, дочь Марѳу, внука Пелага (?), а въ остаткѣ со мною сынъ Иванъ 20 лѣтъ, дочь Марья 17 лѣтъ". Другой его односельчанинъ Евлахъ Алехинъ былъ еще несчастливѣе... „Взяли въ полонъ, показывалъ онъ, матерь мою Акулину, жену Алену, сына Данилу, 8 лѣтъ, дочерей Настасью, Пелагею, Устинью, а въ остаткѣ со мною нѣтъ никого". У другого подобнаго же несчастливца ефремовца Ѳетиса Семенихина татары въ 1659 году „взяли въ полонъ дѣтей его шесть душъ". „Разоренъ и обѣднялъ до конца, остался одинъ душею да тѣломъ, брожу межъ дворъ, кормлюся Христовымъ

---

[1]) Пр. 855, 385—489; Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, V, 188.

именемъ, въ конецъ погибъ", такъ горько жаловались эти несчастливцы, избѣгнувшіе татарской неволи, но лишившіеся семей и имущества [1]).

II.

Полонное терпѣнье.

Для взятаго въ плѣнъ татарами русскаго человѣка не было конца лишеніямъ и мукамъ, „полонному нужному терпѣнью", какъ говорили въ старину. Татары гнали „ясырь", т. е. плѣнныхъ, какъ скотину черезъ степи въ Крымъ, били нагайками, кормили впроголодь да и то какой-нибудь дохлятиной; слабыхъ и малолѣтнихъ иногда „знобили стюденою смертью". Для предупрежденія побѣговъ татары иногда заставляли полонянниковъ крестъ цѣловать въ томъ, что „имъ не бѣжати"; иногда, какъ говорятъ, прибѣгали къ волхвованіямъ [2]). Но не надѣясь вполнѣ на сверхъ-естественныя средства, они рѣзали полонянникамъ уши и ноздри и клеймили ихъ. Въ „Запискахъ" Болотова разсказывается, что одному изъ предковъ автора татары „для отвращенія побѣга по варварскому своему обыкновенію взрѣзали пяты и, насыпавъ рубленыхъ лошадиныхъ волосъ, заростили оныя въ нихъ, дабы неспособенъ былъ къ долговременной ходьбѣ". Точно также козловецъ Леонтій Галкинъ въ 1669 году жаловался на то, что взявшіе его въ плѣнъ татары „порѣзали ему у ногъ пяты", и при осмотрѣ его въ Москвѣ оказалось, что у него „у правыя ноги пята рѣзана, и нынѣ знать" (т. е. замѣтно) [3]). Татары иногда уводили съ собою тяжело раненыхъ полонянниковъ и даже раненыхъ въ ноги, неспособныхъ къ ходьбѣ. Въ 1637 году, напримѣръ, они уволокли воронежскаго казака Исаева, „раненнаго многими стрѣлинными раны и сабельными замертво"; другого плѣнника они взяли съ собою, хотя онъ былъ раненъ „въ четырехъ мѣстѣхъ по головѣ чеканомъ да по лѣвой ногѣ въ стегло да въ берцо да въ лѣвую руку застрѣленъ изъ лука [4]).

Татары иногда подвергали полонянниковъ пыткамъ, обыкновенно съ цѣлью добиться свѣдѣній о сборѣ на Украинѣ войскъ и мѣрахъ къ оборонѣ отъ ихъ набѣговъ. Воронежскаго крещенаго татарина Никиту Татаринова, напримѣръ, въ 1644 году они „били и мучили,

---

[1]) Б. 419, 699 сл.; Б. 1200, 304; Пр. 187. 52; Пр. 981, 93. 123.
[2]) Пр. 972, 282; Эварницкій, I, 415.
[3]) Пр. 392, 35.
[4]) Б. 264, 34; Пр. 399, 324.

а разспрашивали, гдѣ на рѣкѣ на Воронежѣ броды и перелазы". У захваченнаго въ 1660 году козловца Коломина татары добивались еще болѣе важныхъ вѣстей, били и мучили и устращивали накрѣпко съ большимъ пристрастіемъ, а спрашивали, „гдѣ нынѣ Великій Государь... и гдѣ бояре... и сколько на Тулѣ рати и сколько въ Козловѣ служилыхъ людей". Встрѣчаются случаи и безцѣльнаго „надругательства" надъ полонянниками. Впрочемъ, въ этомъ болѣе татаръ были виновны „измѣнники-черкасы", приверженцы Дорошенка, Брюховецкаго и другихъ вѣроломно боровшихся съ Москвой малороссійскихъ авантюристовъ. На нихъ постоянно слышались жалобы, что они плѣнныхъ русскихъ „били и мучили разнымъ изругансомъ", „ноги ломали, огнемъ жгли [1]".

Разсказывали, что плѣнники иногда служили мишенями при обученіи стрѣльбѣ молодыхъ татаръ, и жена ливенца Стренкова въ 1670 году заявила, что „наругаясь, татаровя по ней стрѣляли и пострѣлили изъ лука въ груди да по правой рукѣ выше локтя". Рылярикъ Рагулинъ жаловался на то, что „татаровя, наругаючись надъ нимъ, обрубили ноги и оставили на таборищахъ подъ Нѣжиномъ замертво", а ярославецъ Малышкинъ отъ татаръ, которымъ помогали искусные въ этомъ дѣлѣ „черкасы" (малороссіяне), былъ „мученъ и изувѣченъ и отъ того полоннаго терпѣнья и поруганья сталъ дряхлъ и увѣченъ и очми мало видѣлъ [2]".

Но вообще „ясырь" для татаръ былъ слишкомъ дорогой товаръ, чтобъ увѣчить его ради потѣхи. „Ясарь" былъ даръ Божій, который „Господь Богъ милостью своею подаровалъ въ добычѣ", былъ пріобрѣтенъ буквально „за кровь и за смерть". „Кто что возьметъ въ войнѣ, тѣмъ и живетъ", говорили благоразумные хищники. Подъ Конотопомъ въ 1659 году по уговору съ Выговскимъ было перерѣзано до 5.000 плѣнныхъ; но такія непроизводительныя траты цѣннаго „ясыря" были не во вкусахъ крымцевъ, и въ слѣдующемъ году, когда татары „Государевыхъ ратныхъ людей межъ Чуднова и Пятокъ разобрали", они старались только о томъ, чтобы наловить побольше живого „ясыря" для продажи.

Знатныхъ плѣнниковъ они берегли, какъ драгоцѣнное государственное достояніе, и, когда султанъ требовалъ выдачи В. Б. Шереметева, крымцы не побоялись солгать, что Шереметевъ умеръ.

Убійство подъ Конотопомъ такого важнаго плѣнника, какъ кн. Семенъ Романовичъ Пожарскій, объясняется тѣмъ, что кн. Пожарскій „по Московскому обычаю" изругалъ хана и впрямь, какъ настоя-

---

[1]) Б. 188, 371; Акты Моск. Госуд., III, 107; Пр. 401, 28; Пр. 412, 535.
[2]) Пр. 412, 398; Пр. 392, 166; Пр. 187, 124.

щую „деревенскую шишимору“, по выраженію пѣсни о Конотопскомъ боѣ.

Лучшій товаръ, красивыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ, татары напротивъ холили, подкармливали и выводили на рынокъ для продажи, вырядивъ въ шелкъ и даже подрумянивъ.

Крымъ былъ для значительной части плѣнниковъ лишь временнымъ этапомъ. „Здѣсь на невольничьихъ биржахъ въ Карасовѣ (Карасубазаръ), Козловѣ (Евпаторіи), Бахчисараѣ и особенно Кафѣ (Ѳеодосіи) полонянники распродавались и отсюда развозились во всѣ страны свѣта. Въ средніе вѣка много русскихъ рабовъ вывозилось въ Западную Европу. Венеція и Генуя не стыдились наживать барыши на торговлѣ христіанами, и поэтическій мостъ Ріальто, у котораго была главная невольничья биржа, облитъ слезами несчастныхъ рабовъ „русской и черкасской [1]) породы“ (de natione Russorum, de genere Circassiorum). На какомъ-нибудь далекомъ островѣ Майоркѣ не рѣдкость было встрѣтить русскую бѣлобрысую (alba) Аксютку (Axia) въ компаніи другихъ многочисленныхъ Ульянъ и Настасій. Торговля рабами-христіанами въ Европѣ постепенно прекратилась. Общая для всего христіанства опасность отъ могущества Турецкой имперіи сблизила восточныхъ и западныхъ христіанъ. Въ XVII вѣкѣ русскихъ рабовъ почти не было въ христіанской Европѣ [2]). Но мусульманскія земли и въ концѣ XVII вѣка были переполнены русскими рабами. Многіе полонянники попадали въ Египетъ, всегда бывшій однимъ изъ главныхъ мѣстъ для сбыта невольниковъ, и къ „арапамъ“, подъ которыми разумѣлись и египтяне и жители Туниса, Алжира и Марокко. Турки были одними изъ главныхъ покупщиковъ живого товара. Русскіе полонянники томились и въ Кизыльбашской землѣ, т. е. Персіи, и въ Хивѣ и въ Бухарѣ; встрѣчались они и въ далекой Индіи. Нѣкоторые полонянники переходили отъ одного хозяина къ другому, изъ одной земли въ другую: напримѣръ, взятый въ 1660 году въ плѣнъ крымцами священникъ Московской церкви Ипатія Чудотворца Илья Григорьевъ былъ „изъ Крыму проданъ въ турки, а изъ турокъ проданъ въ Грузію, а изъ Грузіи въ кумыки (черкесы), а изъ кумыкъ приведенъ въ Кизильбашскую землю [3])“.

---

[1]) Малороссійской.

[2]) Впрочемъ, въ 1623 году алексинецъ Архипъ Дементьевъ былъ проданъ изъ Царя-града „въ нѣмцы въ Галанскую землю“ (Рус. Ист. Библіотека. II, 610).

[3]) Лучицкій. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи (Кіев. Унив. Изв. 1885—1886), 373, 377; Ковалевскій М. О русскихъ и другихъ православныхъ ра-

Нѣкоторымъ полонянникамъ удавалось скоро получить свободу иногда черезъ годъ или два; но нерѣдко случалось, что полонянникъ томился въ плѣну двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ, а венивитинъ Титъ Ѳедоровъ, освободившiйся въ 1669 году, „былъ въ полону въ Турской землѣ“ цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ.

У татаръ и турокъ полонянники исполняли всякiя общественныя работы, „работали черную работу“, „всякую нужную работу“; въ Крыму, напримѣръ, они „всякiя воловыя перекопи работали“, т. е. укрѣпляли перешеекъ для защиты ханства отъ ихъ соотечественниковъ. Въ Константинополѣ вся домашняя прислуга состояла изъ рабовъ и рабынь. Полонянники занимались ремеслами и сельскими работами: одинъ „былъ у татарина въ деревнѣ“, другой „въ деревнѣ пасъ овцы“, третiй былъ взятъ „къ виноградному строенью“, четвертый „жилъ въ Кафѣ у кожевника“. Въ Анатолiи земля воздѣлывалась почти исключительно „подданными Польши и Московiи“. Нѣкоторые устраивались у басурманъ довольно выгодно: одинъ служилъ у мурзы „въ хлопцахъ“, другой „былъ у Крымскаго хана Мегметя Кирея во дворѣ семь лѣтъ“, а костромитинъ Василiй Полозовъ „у Турскаго салтана передъ самимъ ходилъ въ шатрѣ 12 лѣтъ“. Изнѣжившiеся османы не прочь были свалить и священную обязанность служить подъ знаменемъ пророка на „прахоподобныхъ“ гяуровъ, и ельчанина Дорохина „хозяинъ турчинъ отдалъ вмѣсто себя въ солдаты“ [1]).

Но громадному большинству полонянниковъ приходилось терпѣть „всякую полонную нужу и муку и наготу и голодъ и холодъ и побои“. „Кайдалъ на мнѣ больше полупуда четыре года безпрестанно, жаловался В. Б. Шереметевъ, въ избѣ оставлено только одно окно, и свѣтъ вижу, и вѣтръ проходитъ только въ то окно. На дворѣ изъ избы пяди не бывалъ я шесть лѣтъ и нужу всякую исполняю въ избѣ и отъ духу и отъ нужи и отъ тѣсноты большiя оцынжалъ, и зубы отъ цынги повыпадали, и отъ кайдаловъ обезножилъ... мало вижу однимъ глазомъ отъ тѣсноты и отъ слезъ“. Если „Шереметъ-князь“, какъ его звали татары, терпѣлъ такую тѣсноту, то еще хуже приходилось рядовымъ „нужетерпцамъ“-полонянникамъ. На тяжелой работѣ полонянники были всегда впроголодь и завидовали бывшимъ въ плѣну въ Россiи татарамъ, которые „сыты сидѣли въ тюрьмѣ, никакой работы не работали“.

бахъ въ Испанiи (Юрид. В. 1886 г., № 2), 238, 240—251; Бережковъ, 356; Пр. 857, 4.

[1]) Пр. 412, 93—95; Пр. 972, 64; Бережковъ, 157. Палест. Сборникъ X, вып. III, X.; Симбир. Сб., Дѣла Малорос., 189.

Послѣ дневныхъ тяжелыхъ трудовъ на ночь ихъ ждала „злодѣйка-земляна тюрьма". Тюрьмы Константинополя были тѣсны, смрадны и наполнены насѣкомыми. Невольники сковывались попарно, нога объ ногу, общей тяжелой цѣпью.

Но особенно тяжелой, „горькой до смерти" была участь полонянниковъ, работавшихъ въ качествѣ гребцовъ на турецкихъ каторгахъ. Эти военныя суда сохранили устройство древне-греческихъ тріэръ. На каждой каторгѣ помѣщалось до 300 гребцовъ-невольниковъ, по 25—30 человѣкъ на скамьѣ; каждые 5 или 6 человѣкъ приводили въ движеніе одно весло, опиравшееся на подставку, такъ называемую „лопату". На каторгахъ были гребцы изъ „всякаго племени, какое есть подъ небомъ"; были тутъ и дворяне и духовные; Ливенскій попъ Григорій на каторгѣ „животъ свой мучилъ 6 лѣтъ"; Австрійскій дипломатъ Вратиславъ былъ скованъ съ католическимъ капелланомъ.

„Повѣрить нельзя, разсказываетъ этотъ Вратиславъ, какая это великая тягота тянуть веслами на галерахъ; не можетъ быть на свѣтѣ работы тяжелѣе этой. Приковываютъ каждаго за одну ногу на цѣпь подъ лавку, настолько отпуская цѣпь, чтобы онъ могъ взойти на лавку и тянуть весломъ; во время тяги ради превеликаго жару иначе нельзя быть, какъ совсѣмъ нагому въ одной холщевой исподницѣ... По выходѣ изъ Дарданеллъ на гребцовъ надѣваютъ наручники желѣзные, наплечники или круги, чтобы они не могли напасть на турокъ. Солнце, мало сказать, печетъ, а просто жаритъ; кожа на тѣлѣ совсѣмъ сгараетъ, жаръ бьетъ въ голову, потъ заливаетъ очи, руки всѣ покрываются пузырями отъ веселъ, и все тѣло должно изгибаться передъ весломъ". Надсмотрщики подхлестывали лѣнивыхъ ремнями или мокрыми канатами. Въ сырыхъ палубахъ гнѣздились отвратительные паразиты. Каторжники ѣли по два ломтика сухарей въ день и спали на тѣхъ же мокрыхъ лавкахъ. Во время стоянокъ ихъ высылали на работы скованныхъ, „въ день они дѣлали, а на ночь ихъ метали въ тюрьму" [1]).

И эта каторжная „нужная" работа часто продолжалась не годъ, не два, а цѣлые десятки лѣтъ. „Былъ на каторгѣ 30 лѣтъ", „былъ на каторгѣ у турченина 40 лѣтъ", зачастую читаешь въ челобитныхъ вышедшихъ изъ неволи полонянниковъ.

---

[1]) Барсуковъ, VI, 40—41, 495; Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополѣ, рус. переводъ Побѣдоносцева, 141—154.

III.

Скверна басурманская.

Полонянникъ у басурманъ не только „животъ свой мучилъ“, но и „тѣло и душу сквернилъ“. Басурманская скверна со всѣхъ сторонъ окружала его, угрожая лишить его и вѣчнаго блаженства. Татары любили бѣлолицыхъ русскихъ женщинъ и не щадили ихъ цѣломудрія. Разнузданныхъ дикарей сдерживало только желаніе выгодно продать нетронутый товаръ въ турецкіе гаремы. Султаны, въ числѣ ихъ и Сулейманъ Великолѣпный, имѣли русскихъ женъ.

Татары не имѣли ничего противъ того, чтобы русскіе полонянники въ полону плодились и множились, увеличивая число рабовъ своимъ приплодомъ. Хозяинъ татаринъ иногда „женилъ по неволѣ по своей вѣрѣ“ полонянника на татаркѣ или чаще давалъ ему сожительницу русской, черкасской или польской породы; случалось, что хозяинъ отдавалъ полоняннину надоѣвшую ему христіанскую наложницу съ прижитымъ отъ нея ребенкомъ; нѣкоторые русскіе полонянники „женились“ сами, т. е., конечно, сходились безъ вѣнчанія. Орляникъ Степ. Шатовъ, обасурманенный въ Крыму, „жилъ съ татаркою года съ три украдомъ, а не за жены мѣсто держалъ“. Прижитыя въ этихъ случаяхъ дѣти, такъ называемые тумы, оставались некрещенными [1]).

Скверна подстерегала полонянника въ пищѣ и питьѣ. Непростительнымъ грѣхомъ считалось уже то, что ему приходилось „ѣсть и пить съ невѣрными“. Въ земляной тюрьмѣ или на каторгѣ нельзя было разбирать дозволенныя и недозволенныя закономъ яства. Хозяева кормили полонянниковъ „мясомъ дохлыхъ животныхъ... отвратительнымъ даже для собакъ“, и переднее плечо жирнаго кота было деликатессомъ, передъ соблазномъ котораго не могъ устоять даже капелланъ, томившійся въ тюрьмѣ съ Вратиславомъ. Почти всѣ полонянники признавались, что они ѣли мясо въ постъ, „всякую скверность“, „кобылятину“, а романовскій солдатъ Кобызевъ каялся въ томъ, что онъ „душу свою осквернилъ неволею, человѣчину ѣлъ и собачину и всякую скверную ядь“ [2]).

О многихъ полонянникахъ извѣстно, что ихъ „бусурманили“ „сильно“, „неволею“, „мучили и на силу обасурманили“, но не указывается, въ чемъ состояло это насиліе. Взятыхъ въ плѣнъ священниковъ обривали и „снимали съ нихъ скуфьи“. Но встрѣ-

[1]) Пр. 412, 397; Пр. 377, 165; Пр. 791, 65; Рус. Ист. Библ., II, 600, 619.
[2]) Барсуковъ, VI, 205; Вратиславъ, 147; Пр. 187, 355.

чающіяся въ документахъ свѣдѣнія объ истязаніяхъ полонянниковъ для обращенія ихъ въ магометанство не всегда заслуживаютъ довѣрія.

Явившійся въ 1645 году въ Москву нижегородецъ торговый челвѣкъ Ларіонъ Молчановъ нарисовалъ картину своихъ страданій за вѣру, какъ бы взявъ ее цѣликомъ изъ житій мучениковъ. „Везиревъ дворецкій, по словамъ Молчанова, за вѣру мучилъ его всякими многими разными нестерпимыми муками, приводя въ свою бусурманскую поганую вѣру... на ноги желѣза клали и за ноги вверхъ вѣшали и ладони и мышки у рукъ и щеку, продернувъ ременьемъ, привязывали, не допущая головы до земли... били и мучили нагого терновымъ прутьемъ и жилами говяжьими (обычное орудіе страданій мучениковъ)... свѣчами спину поджигали и мучили не одинъ годъ въ четыре пойма, какъ тѣ раны у него подживутъ". Но Молчановъ вообще не заслуживалъ довѣрія: въ полону онъ для чего-то назывался попомъ, и документъ у него былъ не въ порядкѣ, едва ли не поддѣланъ [1]).

Напротивъ, костромитинъ В. Полозовъ цѣлыхъ 12 лѣтъ „ходилъ въ шатрѣ передъ самимъ султаномъ", и только черезъ 12 лѣтъ султанъ, „увидя, что Полозовъ еще вѣруетъ въ свою крестьянскую вѣру, а не ихъ бусурманскую", вдругъ будто бы „разгнѣвался на него и велѣлъ его казнить смертью", отъ которой его „упросилъ большой мурза Ахметъ". Но этотъ случай скорѣе подтверждаетъ признаваемую нѣкоторыми учеными „религіозную легкомысленность османовъ", а не ихъ нетерпимость. Крымскіе же татары, смотрѣвшіе на полонянниковъ, какъ на доходную статью, тѣмъ болѣе не имѣли особой ревности къ обращенію ихъ въ магометанство. Боязнь „полонной нужи", особенно нестерпимой каторжной работы безъ всякихъ насилій заставляла слабыхъ людей „отлучаться отъ христіанской вѣры". Новообращенные получали улучшеніе участи, иногда почетъ и богатство, „турчились и басурманились ради роскоши турецкой, ради несытаго лакомства".

„Я, вѣдь, буду тебя жаловать златомъ и серебромъ",
„Да и женки прелестными и души красными дѣвицы",

говоритъ въ народной пѣснѣ ханъ къ Семену Романовичу Пожарскому. Отступникъ отъ вѣры, „недовирокъ христіанскій", въ южно-русской поэзіи обычно выводится въ качествѣ жестокаго надсмотрщика надъ своими бывшими собратьями—бѣдными невольниками. Переходъ въ магометанство сразу измѣнялъ положеніе невольника. „Топчи подъ ноги вѣру христіанскую, изломай крестъ

[1]) Дѣйствія Нижегор. Архивн. Комиссіи, вып. II, 532—536.

на себѣ, и будешь словно братъ родной у нашего молодого господина, говоритъ отступникъ Бутурлокъ „отцу казацкому"—гетману Запорожскому Самойлѣ Кушкѣ.

„Оттого имъ стало сытно", простодушно объясняли крымцы переходъ въ магометанство русскихъ полонянниковъ. „Какъ меня обасурманили, показывалъ въ 1669 году мещлянинъ Черемисиновъ, вышедшій изъ Турціи, и учали мнѣ вѣрить и посылать меня съ совѣтными грамотами по городомъ". Какой-нибудь рязанскій крестьянинъ, считавшійся годнымъ развѣ для каторжной работы, обасурманившись, „на волѣ служилъ Турскому салтану въ спагѣхъ" [1]). Вообще изъ сбивчивыхъ показаній полонянниковъ трудно понять, въ какой степени они терпѣли преслѣдованіе за вѣру въ басурманской неволѣ. Многіе полонянники утверждали, что они „не босурманены", но прибавляли какъ бы противоположное этому, говоря, что „не басурманенъ, а вѣру татарскую держали по неволѣ", и не басурманенъ, а отъ христіанскія вѣры отступалъ"; „по татарски маливались", а одинъ показалъ даже, что онъ „не басурманенъ, а крестъ бросалъ". Жена болховитина Юшкова наивно разсказывала и о ритулѣ ея принятія въ магометанство, „турчинъ де велѣлъ ей палецъ поднимать, и она по неволѣ палецъ поднимала", вѣроятно, при произнесеніи туркомъ вѣроисповѣдной формулы: нѣтъ Бога, кромѣ Бога и т. д. Кромѣ „агарянской прелести" полонянникамъ угрожали разныя „еретическія" вѣры. Обычно они исповѣдывали религію своихъ хозяевъ. Орляникъ Лавровъ попалъ, напримѣръ, къ „арменскому шиху", т. е. попу, и ему пришлось „исповѣдываться у арменскаго попа и причастіе принимать". Крестьянскій сынъ Корнѣй Ивановъ, „живучи у жидовина, вѣру держалъ жидовскую и во храмы жидовскіе ходилъ"; перейдя къ турку, онъ „вѣру держалъ татарскую и по-татарски маливался"; поступивъ же въ концѣ концовъ къ гречанину онъ „вѣру держалъ съ гречениномъ вмѣстѣ русскую". Простецы-полонянники и разобраться не могли въ тѣхъ вѣрахъ, съ которыми встрѣчались: ливенецъ Своетиновъ могъ только сказать, что его „пригощалъ попъ, а ксенжли или русской попъ, про то онъ не вѣдалъ" [2]).

Цѣлыя русскія православныя семьи постепенно забывали свое происхожденіе и вѣру и становились татарскими. „Нынѣ тому лѣтъ съ 50, показывалъ одинъ русскій полонянникъ, взятый въ плѣнъ русскими при овладѣніи въ 1695 году городомъ Казыкерменемъ, взяли его крымскіе татаровя въ полонъ 10 лѣтъ... и, какъ взросъ, служилъ въ пѣхотномъ чину въ стрѣльцахъ... и въ Крыму его оба-

[1]) Бережковъ, 360; Пр. 401, 252; Пр. 35, 198.

[2]) Рус. Ист. Библ., II, 609—654.

сурманили и дали ему имя Котуваемъ, а женатъ онъ былъ на полонянкѣ жъ польской породы и прижилъ съ нею дву сыновъ да 3 дочерей, и та де его жена и дочери и меньшой сынъ померли, и остался большой его сынъ Мостапа... и нынѣ тому лѣтъ съ 15, жилъ въ турецкомъ городѣ Кизкнерменѣ и былъ въ пушкаряхъ, а въ прошломъ 203 году онъ изъ Перекопи пришелъ въ тотъ городъ Кизкнерменъ для провѣдыванія того сына своего, въ томъ же году Государевы ратные люди въ томъ Кизинерменѣ его, Тонку, и сына его Мостапу съ иными полонянники взяли въ полонъ“ [1]).

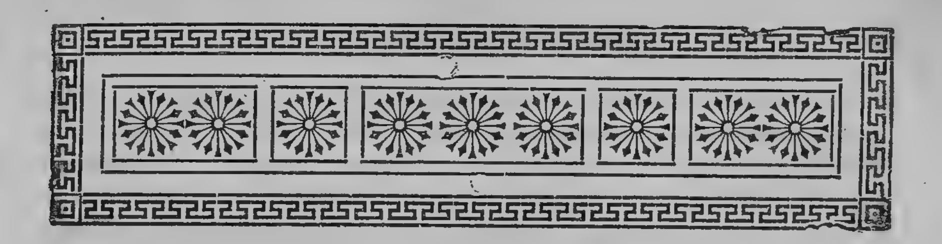
Но большинство полонянниковъ страстно стремились и въ „нечестивой сторонѣ“ на Святую Русь, были, какъ они говорили, „тѣломъ у Крымскаго царя, а душею у Бога да у Великаго Государя“, помнили „Великаго Государя милость“ и самый выходъ свой изъ неволи съ наивною трогательностью приписывали „его Государскому счастью“. Полонянники бѣжали, брося въ плѣну женъ и дѣтей: одинъ сѣвскій священникъ убѣжалъ черезъ три года, оставивъ „попадьишко съ дѣтишками въ Крыму животъ свой мучить“; одна женщина убѣжала изъ Азова, бросивъ у басурмана своего шестилѣтняго сына. Стремились на Русь и дряхлые старики, которымъ, казалось, все равно было, гдѣ умирать. Одинъ изъ такихъ привыкшихъ къ неволѣ полонянниковъ веневитинъ Титъ Ѳедоровъ, позабывшій, „чьимъ прозвищемъ слыли его родичи“, 70 лѣтъ пробылъ въ Турціи и все-таки „выбрелъ и приволокся“ на родину. Бѣжали и русскіе, взятые въ плѣнъ „въ малыхъ лѣтѣхъ“, даже иногда „не знавшіе русскому языку“. Достаточно было такому обасурманенному полонянику узнать, что онъ „русской народъ“, и имъ овладѣвало непреодолимое желаніе выйти на Русь. Одинъ такой полонянникъ такъ объяснялъ свой побѣгъ: „сказывали де ему въ началѣ русскіе люди, которые въ полону, что онъ, Ивашка, русской человѣкъ, и слыша онъ отъ русскихъ людей православную крестьянскую вѣру, изъ полону ушелъ“. Татары ловили такихъ бѣглецовъ, „мучили всякими муками, уши пороли и прочь отрѣзывали“, но они снова бѣжали на Русь [2]).

Во всѣхъ басурманскихъ странахъ, въ земляныхъ тюрьмахъ и на каторгахъ у русскихъ людей была одна молитва къ Всевышнему: „О, Боже! освободи насъ всѣхъ, бѣдныхъ невольниковъ, изъ тяжкой неволи, изъ земли басурманскія. Возврати насъ къ яснымъ зорямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселый, межъ народъ крещеный! Выслушай, Боже, наши горячія просьбы, наши несчастныя невольницкія мольбы!“. В. Шереметевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Пр. 1833, 164—169.

[2]) Пр. 972, 35; Пр. 35, 111; Б. 1200, 298; Пр. 412, 93, 192; Пр. 239, 283

Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура.

Гибель „Страшнаго“ и „Петропавловска“.

I.

Укутавшись въ длинный тулупъ, я сидѣлъ на песчаной отмели и наблюдалъ за скользящимъ лучемъ прожектора. Яркій снопъ свѣта медленно и методично передвигался по волнистой поверхности моря, описывая широкую сверкающую дугу.

Два матроса стояли около зеркала и медленно его поворачивали. Насъ окутывала густая непроглядная темень. Настоящая черная тихоокеанская ночь нависла надъ берегами и моремъ, и только пять огненныхъ лучей прорѣзывали темную мглу.

Сзади насъ отрывистымъ обрывомъ подымался берегъ, уставленный орудіями. Двадцать двѣ батареи, заряженныя и готовыя ежеминутно къ выстрѣлу, смотрѣли съ высокихъ скалъ въ море. Несмотря на то, что въ этой жуткой тишинѣ отчетливо слышался каждый звукъ, у пушекъ было все тихо. Лишь изрѣдка рѣзкій телефонный звонокъ нервными звуками разражался въ воздухѣ, слышался негромкій, короткій разговоръ, и снова наступало молчаніе, странная, неподвижная, тишина.

Еще съ вечера, заступая на дежурство по прожектору, я былъ освѣдомленъ, что 8 нашихъ миноносцевъ выйдутъ съ наступленіемъ темноты въ море, имѣя цѣлью атаковать японскую эскадру. Это сообщеніе передавалось на батареи обычнымъ шумнымъ говоромъ по телефону, съ обычными крикливыми переспросами: „а?... что?.. восемь?... въ которомъ часу?... Вы говорите, не стрѣлять?... а если будутъ японскіе?... хорошо, хорошо“...

Телефонные звонки отчаянно и безпокойно трещали, телефонисты кричали неистовыми голосами, и казалось, всему свѣту сообщалось объ этой секретной экспедиціи. Китаецъ, продававшій мнѣ въ городѣ фунтъ табаку, смотрѣлъ на меня таинственно своими раскосыми глазами; неизвѣстной національности прикащики въ магазинѣ Кунста и Альберса загадочно перешептывались другъ съ другомъ; грекъ-лакей въ ресторанѣ сообщалъ эту новость моему сосѣду, чиновнику какого-то вѣдомства. И въ городѣ, и въ крѣпости всѣ знали, всѣ говорили объ этомъ по секрету и даже застрявшая въ крѣпости шансонетка сообщала шепотомъ: „Вы знаете, мы сегодня атакуемъ японскую эскадру“ и при этомъ принимала сосредоточенно-задумчивый видъ, какъ будто она именно и шла на это опасное предпріятіе.

И, когда, дѣйствительно, съ наступленіемъ темноты изъ узкаго прохода вышли восемь длинныхъ тѣней и неслышнымъ движеніемъ скользнули въ темную мглу, неясное тяжелое ощущеніе сдавило сердце, точно предсказывая неудачу и страданія.

Первая половина ночи прошла спокойно и въ лучѣ прожектора не было замѣтно ничего подозрительнаго. Утомленные нервы начали понемногу успокаиваться, и появилась надежда, что затѣянное дѣло кончится благополучно. Раза два по телефону подтверждали приказаніе не стрѣлять по появляющимся миноноскамъ, чтобы не потопить своихъ.

Въ первомъ часу ночи наше тихое благополучіе было нарушено. Въ ясной полосѣ свѣта мелькнуло постороннее пятно въ видѣ треугольника и послѣ рѣзкаго поворота исчезло. Передвигавшіеся дотолѣ методично лучи безпокойно заерзали и поскакали въ различныхъ направленіяхъ моря, разыскивая неизвѣстнаго пришельца. Спустя нѣсколько мгновеній всѣ пять лучей уже освѣщали 4 миноносца, идущіе въ кильватерѣ быстрымъ ходомъ безъ огней. Потомъ лучи соскочили съ кораблей, но продолжали имъ сопутствовать, изрѣдка накрывая ихъ, точно безпокойно освѣдомляясь, свои ли это или чужіе.

Дѣйствительно такой тревожный вопросъ возникалъ у каждаго наблюдателя на берегу. Если свои, ихъ нельзя освѣщать, чтобы не увидалъ непріятель, несомнѣнно плавающій по близости. Весь секретъ, на которомъ основано предпріятіе высланныхъ миноносцевъ, будетъ раскрытъ и въ неудачѣ даже нечего сомнѣваться. Если же чужіе, то наоборотъ необходимо ихъ и освѣтить, и разстрѣлять.

Такъ что жъ это наконецъ? свои или чужіе? почему они не сигналятъ огнями, если они свои?... значитъ, чужіе... надо стрѣлять?...

Но строгій приказъ „не стрѣлять“ сдерживаетъ привычныхъ дисциплинированныхъ людей, несмотря на окрѣпшее убѣжденіе, что это японцы.

Вскорѣ миноносцы вышли изъ освѣщеннаго раіона и исчезли. Свѣтовыя полосы снова равномѣрно задвигались по морю, и тревожный шепотъ на батареяхъ затихъ. Но спокойствіе было нарушено. Мучительный вопросъ, чьи эти суда, настойчиво лѣзъ въ голову и, казалось, подсказывалъ какую-то бѣду.

Вся вторая половина прошла въ тревожномъ ожиданіи и, пока не наступилъ разсвѣтъ, какъ-то невольно не хотѣлось прекращать освѣщенія. Точно по какому-то соглашенію матросы продолжали пускать лучи въ освѣщенное уже косымъ свѣтомъ солнца море, и ни откуда не шло приказаніе прекратить освѣщеніе.

Наконецъ безполезность этого освѣщенія стала очевидна. Дневной свѣтъ дѣлался ярче, и электрическіе лучи таяли и пропадали въ свѣтломъ воздухѣ. Прислуга у фонаря рѣшительно прикрыла зеркало темнымъ кускомъ сукна и потушила огонь.

Вдругъ тяжелые гулкіе выстрѣлы донеслись раскатами издалека. Они дѣлались все чаще и чаще и понемногу слились въ непрерывный гулъ, характерный для быстрой орудійной пальбы. Матросы, тушившіе фонарь, безпокойно пріостановились.

Однако ни въ мой цейссовскій бинокль, ни въ мою прекрасную трубу я ничего не различалъ. Обычный утренній туманъ застилалъ море и стоялъ непроницаемой пеленой, обрѣзывая поле зрѣнія въ 2—3 верстахъ.

Я оглянулся на батареи. Десятки людей такъ же напрягали свое зрѣніе, смотрѣли въ бинокли и трубы и, повидимому, съ такимъ же успѣхомъ, какъ я, а тяжелый грохотъ все продолжался;— гдѣ-то шелъ жестокій бой.

Около получасу продолжалась эта тревожная неизвѣстность, Кое-гдѣ зажгли прожектора, но лишь для того, чтобы убѣдиться еще разъ въ безполезности такого освѣщенія днемъ.

Наконецъ, медленно приподымающійся туманъ сталъ обнаруживать вдалекѣ какія-то неясныя очертанія. Мелькнулъ разъ, другой огонекъ выстрѣла и съ большимъ трудомъ можно было различить облако пара надъ водой. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этого облака иногда показывались черныя точки и затѣмъ пропадали.

Еще небольшой промежутокъ времени, и болѣе или менѣе отчетливо на далекомъ горизонтѣ обрисовалась жестокая картина. Облако пара стояло неподвижно, а на черныхъ точкахъ сверкали огни. Очевидно какой-то корабль разстрѣливался, уже получилъ

смертельныя поврежденія и со взорванной машиной, окутанный горячимъ паромъ, доживаетъ послѣднія предсмертныя минуты.

Но, кто онъ, этотъ растерзываемый корабль?

Нашъ или непріятельскій?

Къ сожалѣнію, какъ ни грустно, но новая скверная привычка ожидать пораженія давала мало надежды на то, что гибнетъ японецъ.—Нашъ, нашъ,—предсказывало болѣзненное чувство, подсказывала недовѣрчивая мысль, подсказывали еще свѣжія, недавнія неудачи.

И, когда изъ гавани быстрымъ ходомъ выскочилъ крейсеръ „Діана“ и пошелъ на сверкающіе огни, тревожное предположеніе стало фактомъ. Сомнѣній не было,—гибнетъ нашъ корабль. Я не могъ этого еще различить въ трубу, но было ясно, что это обнаружили съ „Золотой Горы“, и „Діана“ шла на помощь.

Выпуская клубками дымокъ, „Діана“ шла какъ стрѣла, прямолинейно и стремительно, на продолжавшее еще висѣть на морѣ облако. На палубахъ видны были копошащіеся матросы, наблюдающіе офицеры. Съ бортовъ и съ носа глядѣли большія орудія и своимъ внушительнымъ видомъ, какъ бы успокаивали тревожащихся зрителей на берегу.

Блестящимъ, проворнымъ ходомъ прошелъ крейсеръ около 5—6 верстъ и вдругъ неожиданно остановился. Клубки дыма продолжали идти изъ трубъ, но корабль стоялъ неподвижно, какъ-то безпомощно покачиваясь на волнахъ.

Вотъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ... А вотъ опять впередъ... А сейчасъ назадъ...

„Діана“ какъ-то пугливо ерзала на мѣстѣ. Отъ готовности летѣть на выручку, отъ прежняго щегольскаго проворнаго хода не осталось и слѣда.

Нерѣшительно и безпокойно вертѣлся корабликъ на одномъ мѣстѣ, толкаясь носомъ и кормой въ волны. Очевидно съ крейсера узрѣли сильнаго непріятеля и не хватило смѣлости вступить въ неравный бой.

Опять томительныя минуты. Что же будетъ дальше?... Не одно рѣзкое слово раздалось въ этотъ часъ по адресу оторопѣвшей „Діаны“.

Но вотъ изъ узкаго прохода вылетѣлъ „Баянъ“, красивый, изящный бронированный крейсеръ, легкій и верткій, какъ живое существо. Какъ и „Діана“ онъ понесся быстрымъ ходомъ, вспѣнивая море и далеко распространяя отъ себя широкія волны. Нѣсколько минутъ, и онъ обогналъ застывшую „Діану“. Но „Баянъ“ не остановился. Не уменьшая хода, онъ продолжалъ нестись впе-

редъ все такъ же смѣло и рѣшительно и, казалось, его командиромъ овладѣла лишь одна мысль:—скорѣй, скорѣй дойти!

Дневной свѣтъ сталъ уже достаточно сильнымъ. Туманъ разсѣялся и картина боя, вѣрнѣе добиванія, была видна отчетливо. Облаки пара расплылись, обнаруживая силуэтъ склоненнаго, гибнущаго миноносца. Въ трубы видны 4 японскіе „истребителя", окружившіе нашъ миноносецъ. Въ трубу было замѣтно, какъ падали на искалѣченный корабль снаряды, непрерывно взрываясь во всѣхъ его концахъ. Японскіе „истребители" безъ конца поблескивали огоньками выстрѣловъ, нанося послѣдніе удары. И по молчанію нашего миноносца, по его сбитымъ трубамъ и осунувшемуся, накрененному виду ясно было, что спасенія нѣтъ.

За японскими истребителями въ нѣкоторомъ разстояніи стояли силуэты большихъ судовъ. То были, такъ называемыя „собачки", слабые крейсера 3-го класса, хотя у насъ такіе же имѣлись во второмъ, а иногда и въ первомъ классѣ.

Это былъ конвой миноносцевъ, ихъ стража, охранявшая маленькіе кораблики отъ большихъ судовъ. Они стояли неподвижно, точно равнодушно созерцая свою побѣду.

„Баянъ" уже довольно близко подошелъ къ мѣсту боя. Издалека было трудно опредѣлить разстояніе, но, повидимому, съ минуты на минуту можно было ожидать вступленія крейсера въ бой. Но было поздно: миноносецъ погружался въ воду.

Какъ бы горя нетерпѣніемъ, „Баянъ" заторопился. На обоихъ бортахъ его вспыхнули огни, но снарядъ за снарядомъ ложились, не долетая до непріятеля. А „истребители", сохраняя свои мѣста, продолжали осыпать миноносцевъ непрерывнымъ огнемъ.

Но вотъ они перестали. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ миноносцу и, казалось, хотѣлъ его взять на буксиръ. Истребитель обходилъ миноносцы съ разныхъ сторонъ, подходили вплотную, а миноносецъ точно не давался. И вдругъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, онъ быстрымъ движеніемъ погрузился въ воду, какъ бы предпочитая смерть позору. И, несмотря на далекое разстояніе, видны были большіе круги, расходившіеся по поверхности моря.

Безполезны оказались смѣлыя усилія „Баяна". Его снаряды уже ближе ложились къ истребителямъ, но тѣ, вильнувъ кормами, быстрымъ ходомъ отходили къ „собачкамъ".

„Баянъ" на мгновеніе остановился, но сейчасъ снова пошелъ впередъ, повидимому, надѣясь спасти нѣсколькихъ искалѣченныхъ людей, плававшихъ на поверхности. Продолжая безпрерывно стрѣлять съ обоихъ бортовъ, крейсеръ подошелъ къ мѣсту гибели миноносца. Японскіе крейсера отвѣчали на огонь „Баяна", но вскорѣ

эта безполезная перестрѣлка прекратилась, и „Баянъ“ тихимъ ходомъ пошелъ назадъ къ крѣпости.

Наши миноносцы нѣсколькими группами возвращались изъ экспедиціи. Молчаливо входили они одинъ за другимъ въ проходъ, но одного не было: вернулось семь...

Подъ впечатлѣніемъ усталости отъ безсонной тревожной ночи я всходилъ на батарею. У пушекъ было пусто; лишь нѣсколько человѣкъ дежурной прислуги сидѣли около очередного орудія, ежась отъ утренняго холода.

Въ бетонномъ казематѣ при свѣтѣ коптящей лампочки группа офицеровъ пила чай. Въ пальто и папахахъ они сидѣли за деревянными столами и ихъ шумный говоръ гулко раздавался въ казематѣ. Было много впечатлѣній, было о чемъ говорить, было чѣмъ возмущаться, было на что негодовать.

— Всему виною плохое знакомство съ берегами, — говорилъ артиллерійскій капитанъ въ очкахъ, съ круглой бородкой,—нуженъ большой опытъ и уменье, чтобы ходить по морю въ такія темныя ночи.

— Должно быть оторвался ночью и заблудился, а утромъ оказался одинъ по близости японцевъ,—прибавилъ другой офицеръ.

— А вотъ подождемъ П., онъ намъ разскажетъ.

— „Діана“-то какова.

Вскорѣ дѣйствительно пришелъ лейтенантъ П., прикомандированный къ батареѣ для наблюденія за непріятельскимъ флотомъ. Онъ былъ въ штабѣ и принялъ свѣжія новости, грустныя и тяжелыя.

По его словамъ командиромъ погибшаго миноносца „Страшный“ былъ офицеръ, недавно пріѣхавшій изъ Европейской Россіи. Ночью всѣ восемь миноносцевъ шли вмѣстѣ, въ кильватерной колоннѣ (миноносецъ за миноносцемъ). Какъ оторвался „Страшный“, неизвѣстно. Извѣстно лишь, что „Страшный“ послѣ ничтожнаго блужданія нашелъ группу миноносцевъ и, принявъ ихъ за своихъ, пошелъ за ними въ кильватерѣ.

На разсвѣтѣ оказалось, что онъ идетъ въ хвостѣ за японскими миноносцами. При первой его попыткѣ уйти начался разстрѣлъ.

Чѣмъ-то безнадежнымъ повѣяло отъ этого разсказа. Снова неопытность, снова незнаніе. Къ чему тогда всѣ эти распри, вычисленія, какой корабль сильнѣе, чьи пушки разрушительнѣе, чей ходъ лучше. Вся эта ариѳметика съ трескомъ рушится, когда въ эти распри вводится такой коэффиціентъ, какъ „незнаніе“ и „неумѣніе“. И привычная, внѣдренная годами вѣра въ русскую силу начинаетъ изчезать подъ впечатлѣніемъ безпощадной критики этого молодого лейтенанта...

II.

Докладъ вбѣжавшаго солдата прервалъ шумную и рѣзкую бесѣду.

— Ваше Высокоблагородіе, такъ что эскадра выходитъ въ море.—Всѣ стремительно выскочили наверхъ.

Изъ прохода медленно выходилъ броненосецъ, выпуская облака чернаго дыма. По тому осторожному, аккуратному движенію, съ которымъ онъ шелъ между стѣнъ прохода, видно было, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ ведется корабль. Невѣрный поворотъ руля, и громадное массивное чудовище сомнетъ свои бока объ острыя скалы прохода.

Это выходилъ „Петропавловскъ". Острые глаза артиллерійскихъ наводчиковъ различали на мостикѣ адмирала Макарова, Великаго Князя Кирилла Владиміровича и живописную группу штабныхъ, стоявшую въ привычномъ почтительномъ отдаленіи.

Еще нѣсколько размѣренныхъ движеній, и свободными немногими толчками броненосецъ выходитъ на внѣшній рейдъ. За нимъ съ тою же опасливой осторожностью ползетъ слѣдующій корабль.

Черезъ часъ съ небольшимъ вся эскадра заканчиваетъ движеніе въ проходѣ и выстраивается на внѣшнемъ рейдѣ. „Знакомыя все лица". Вотъ „Полтава", тамъ „Пересвѣтъ", „Побѣда", „Діана", „Баянъ". Веселый, жизнерадостный „Новикъ" со своимъ горячимъ, пылкимъ командиромъ Эссеномъ идетъ стремительнымъ проворнымъ ходомъ въ догонку эскадрѣ. Къ большимъ кораблямъ пристроились маленькіе миноносцы, идущіе кучками по нѣсколько штукъ.

Солнце бѣлымъ ослѣпительнымъ свѣтомъ покрываетъ ровную поверхность моря, сверкаетъ на блестящихъ частяхъ кораблей, на голыхъ прибрежныхъ утесахъ. Въ этомъ яркомъ освѣщеніи простымъ глазомъ видна далекая эскадра японцевъ, стоящая неподвижнымъ фронтомъ верстахъ въ 25 параллельно нашему берегу. И тамъ знакомые уже „Миноза", „Хотцуза", „Шикишима" и другіе желтые молчаливые корабли, въ какомъ-то напряженномъ молчаніи что-то поджидающіе, что-то таящіе.

Но пока, однако, все тихо. Наша эскадра также выстраиваетъ фронтъ къ сторонѣ японцевъ и также неподвижно и молчаливо ждетъ.

Уже извѣстный портъ-артурцамъ маневръ. То адмиралъ Макаровъ вызываетъ адмирала Того на бой. „Адмиралъ Того!" Еще страннымъ неблагозвучнымъ словомъ звучитъ эта фамилія японскаго адмирала, ставшая лишь два-три мѣсяца извѣстной міру.

„Того!“.. Воображеніе рисуетъ маленькаго человѣчка съ раскосыми глазами, съ неровной сѣденькой бороденкой, съ тѣмъ страннымъ, загадочнымъ взглядомъ, который такъ одинаковъ на всѣхъ этихъ портретахъ японскихъ полководцевъ. Говорятъ, онъ жестокъ. Говорятъ, онъ безжалостно потопилъ нѣсколько безоружныхъ китайскихъ транспортовъ, имѣя полную возможность взять ихъ въ плѣнъ. Онъ жестокъ, этотъ желтый крошечный адмиралъ... Ну, ничего! здѣсь ему не удастся проявить свою злобность.

Говорятъ, есть еще адмиралъ Уріу. Тотъ злоупотребляетъ спиртными напитками... Странно. Кто далъ эти короткія полусмѣшныя, полузагадочныя характеристики? Пьетъ,—это ничего... значитъ, не такъ страшно, не такъ таинственно, такой же, какъ и наши, какъ и всѣ.

Эскадры продолжаютъ стоять другъ противъ друга. Японскій адмиралъ упорно приглашаетъ наши корабли впередъ, подальше отъ береговыхъ батарей. Онъ не хочетъ драться подъ огнемъ нашихъ крѣпостныхъ орудій.

Японцы стоятъ неподвижно, наши дѣлаютъ короткія, неровныя движенія. И по этой нервности видно, что нашему адмиралу не терпится, что его волнуетъ и сердитъ это неподвижное разсматриваніе другъ друга внѣ орудійнаго выстрѣла.

Но хочетъ боя, славнаго и смѣлаго поединка на морскомъ просторѣ, короткаго и рѣшительнаго удара. Что думать, что выжидать! Пусть боги сразу положатъ судьбы смѣлыхъ на чашу вѣсовъ...

И отрывистымъ, короткимъ движеніемъ „Петропавловскъ“ кладетъ руль и поворачивается налѣво. За нимъ медленно ворочаются остальные, выстраивая кильватерную колонну.

Ага! началось!..

Я вижу, какъ волненіе овладѣваетъ моими сосѣдями, офицерами и солдатами. Все видно простыми глазами, но вздрагивающія отъ волненія руки направляютъ на эскадру и бинокли и трубы, чтобы, казалось, ничего не пропустить изъ того страшнаго столкновенія, на которое идетъ нашъ смѣлый русскій богатырь...

И въ этотъ начальный, рѣшительный безповоротный моментъ, когда всѣ желанія слились въ одну мольбу, въ одно униженное и настойчивое прошеніе, въ эту напряженную минуту произошло то ужасное по простотѣ, непреклонное до жестокости, безнадежное, какъ паденіе въ бездну, событіе. Гигантъ, стальная громада, „Петропавловскъ“ исчезъ въ облакѣ чернаго дыма.

И мысль, только-что длительно работавшая, неподвижно остановилась, лишь пассивно запечатлѣвая картину. Одна секунда, двѣ секунды, три секунды, четыре, пять... Моментальная фотографія

запечатлѣваетъ въ мозгу новую сцену, новый ужасъ, объять весь смыслъ котораго нѣтъ еще силъ. Въ гигантскихъ клочкахъ разсѣяннаго дыма сверкаютъ контуры объятаго огнемъ броненосца. Громадные пламенные языки выскакиваютъ изъ разныхъ уголковъ горящаго корабля. Въ этой смѣси огня и чернаго дыма не видно людей, тѣхъ живыхъ людей, которые только-что наполняли броненосецъ. И мелькаетъ первая мысль: гдѣ они?..

Какъ бы для откровеннаго, безпощаднаго отвѣта корабль въ предсмертномъ движеніи наклоняется кормой къ низу. Въ этомъ страшномъ наклонномъ положеніи онъ даетъ новый снимокъ, все также запечатлѣваемый остановившейся мыслью: черныя фигуры людей бѣгутъ въ стремительномъ порывѣ къ приподнятому носу.

Есть еще живые люди! „А...а...а“—раздается сзади меня чей то стонъ.

И какъ послѣднее слово ужаса, четвертый моментъ заканчиваетъ эту короткую драму. Стремительнымъ движеніемъ, невиднымъ, но сильнымъ, какъ летящая пуля, броненосецъ скрывается подъ водой...

Да правда ли это?.. Большіе, медленно расходящіеся круги подтверждаютъ случившееся.

Черезъ минуту на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ „Петропавловскъ“, изчезли и эти слѣды, разсѣялось и это послѣднее дыханіе умершаго корабля. А остальные корабли все также стояли, застывшіе въ своемъ послѣднемъ поворотѣ. И одинаково неподвижно съ ними стояли дымчатые силуэты непріятельскихъ кораблей...

Первыми нарушили эту всеобщую неподвижность два маленькіе минные крейсера. Они выбѣжали изъ разрозненнаго строя эскадры и направились къ мѣсту гибели „Петропавловска“. Потомъ тихимъ движеніемъ повернулся большой броненосецъ, сосѣдъ погибшаго корабля, и сдѣлалъ нѣсколько робкихъ, неувѣренныхъ шаговъ.

Зашевелились и остальныя суда эскадры. Но въ ихъ движеніяхъ, медленныхъ и нерѣшительныхъ, чувствовалось, что люди на эскадрѣ еще находятся всецѣло подъ впечатлѣніемъ потрясающаго событія. Видно было, что уже нѣтъ единой воли вождя, смѣлой и непреклонной.

Корабли шевелились вяло, разрозненно, спотыкаясь, точно потерявшіе равновѣсіе. Этотъ невидимый врагъ, откуда-то взявшійся неожиданно, такой разрушительный и молніеносный, загипнотизировалъ волю командировъ и офицеровъ на эскадрѣ.

И черезъ нѣсколько минутъ только-что стройная, блестящая эскадра разбрелась въ разныхъ направленіяхъ, точно лопнула та крѣпкая связь, та плотная, твердая спайка, которая соединяла ихъ въ одно живое цѣлое.

Раньше другихъ пошли къ проходу маленькіе крейсера, повертѣвшіеся у мѣста гибели „Петропавловска". Съ ихъ появленіемъ стала извѣстной первая подробность катастрофы: спасеніе Великаго Князя, нѣсколькихъ офицеровъ и нѣсколькихъ десятковъ матросовъ. За крейсерами повернули къ проходу большіе корабли, и скоро вся эскадра вытянулась носами къ проходу, открывая медленное печальное отступленіе во внутренній защищенный рейдъ.

Но судьба посылала еще послѣдній ударъ потрясенному русскому флоту. Съ тяжелымъ грохотомъ, съ тягучимъ, рокочущимъ трескомъ взрыва зашаталась „Побѣда". Одно мгновеніе,—и огромный броненосецъ наклонился на бокъ и застылъ въ этомъ странномъ, непривычномъ для глаза наклонномъ положеніи.

Неужели и этотъ?.. Нѣсколько фигуръ мелькнуло въ воздухѣ и упало въ воду: робкіе не выдержали. Еще не закаленные въ ужасахъ войны молодые матросики бросились въ море.

Всего лишь нѣсколько человѣкъ изъ нѣсколькихъ сотенъ населявшихъ „Побѣду". А остальные безропотно и мужественно продолжали стоять на своемъ посту, ни на минуту не желая покидать корабля, несмотря на взрывъ, предсказывающій участь „Петропавловска".

Опять этотъ невидимый врагъ! Да гдѣ же онъ? Откуда онъ несетъ этотъ ужасъ, это стремительное разрушеніе?

Подводная лодка?!..

Ну да!.. она, она!.. Подводная лодка... Только это новое, страшное оружіе могло убивать такъ исподтишка, такъ незамѣтно и такъ губительно.

Отдѣльными, загремѣвшими звуками послышались пушечные выстрѣлы. Ихъ сверкающіе огни замелькали на бортахъ „Баяна" и „Новика".

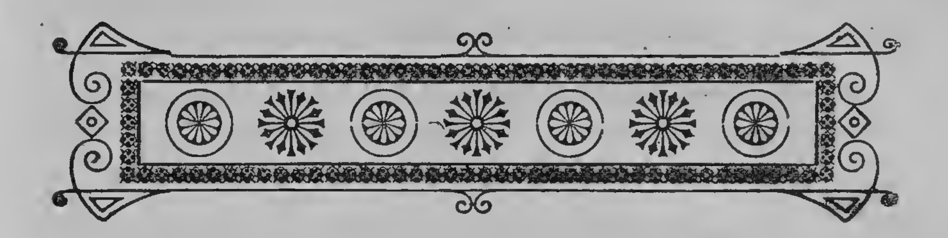
Оба крейсера стояли рядомъ и непрерывно палили въ воду изъ небольшихъ и среднихъ орудій. Снаряды падали, рикошетировали о гладкую поверхность моря и съ свистящимъ звукомъ перелетали поверхъ кораблей.

„Баянъ" стрѣлялъ въ воду въ направленіи на „Новика", а послѣдній въ направленіи на „Баяна". Снаряды съ „Баяна", рикошетируя, перескакивали черезъ „Новика", а съ „Новика" черезъ „Баяна".

Вотъ одинъ, а за нимъ другой снарядъ съ рикошета прилетѣли къ намъ и разорвались съ лопающимся трескомъ на скатѣ батареи.

Часа черезъ три кончилась эта сумятица. Эскадра медленно стала входить въ гавань.

К. Шумскій.

Мое знакомство съ семьей Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

Лѣтомъ 1862 года мнѣ пришлось поѣхать изъ Петербурга на морское купанье въ Гапсаль.

Этотъ симпатичный городокъ расположенъ на вдающейся въ море косѣ на берегу Балтійскаго моря, и его небольшіе эстонскіе домики стоятъ среди зелени каштановъ, сирени, жасминовъ, жимолости и простыхъ цвѣтовъ, вродѣ Иванъ-да-Марьи, розовыхъ сердечекъ, гвоздикъ и пр.

Прямо съ пароходика, привезшаго насъ изъ Балтійскаго порта, я отправился по предложенію какого-то эстонскаго мальчика, который подхватилъ мой небольшой багажъ, отыскивать квартиру. Черезъ нѣсколько минутъ мой вожатый привелъ меня къ домику, окруженному цвѣтущими кустами; вышла добродушная эстляндка, и послѣ нѣсколькихъ словъ я водворилась за 30 руб. въ сезонъ въ моемъ жилищѣ, состоящемъ изъ 2 комнатокъ и балкона, осѣненнаго двумя каштанами.

По сосѣдству, отдѣленному отъ меня живой изгородью, стоялъ домикъ немного больше нашего. Одно окно его выходило къ моему балкону; синяя шторка на немъ была всегда спущена, но за этимъ окномъ слышались слабые звуки разбитаго фортепіано. Сначала играли гаммы, а потомъ разучивалась Бетховенская соната. Я сама любила музыку и была молода, почему меня и мучило любопытство узнать, кто мои сосѣдки. Хозяйка моя довольно плохо знала русскій языкъ, да и вообще эстонцы не болтливы.

Но вотъ кто удовлетворилъ мое любопытство. Явился по моему приглашенію курортный докторъ, старый нѣмецъ, жившій въ Гап-

салѣ со времени окончанія курса въ Дерптскомъ университетѣ и знакомый, по крайней мѣрѣ, съ половиной курортной публики (другая половина была отвоевана у него болѣе молодымъ элегантнымъ докторомъ).

Послѣ первыхъ докторскихъ разспросовъ о здоровьѣ, о ваннахъ, онъ спросилъ меня, знакома ли я съ моими сосѣдками, и на мой отрицательный отвѣтъ, воскликнулъ:

— Какъ же можно! Вѣдь, это супруга и дочь вашего извѣстнаго писателя—господина Бѣлинскаго!

На другой же день я отправилась съ визитомъ.

Мнѣ отворила дверь юная барышня съ золотистыми волосами, поразительно похожая на тотъ портретъ Виссаріона Григорьевича, который помѣщался тогда при его сочиненіяхъ. На возгласъ ея: „Maman!“ изъ другой комнаты вышла полная, сѣдая дама и очень привѣтливо протянула мнѣ руку. Это была жена Виссаріона Григорьевича, Марія Васильевна Бѣлинская.

Несмотря на то, что видъ у нея казался здоровымъ, ея голова и руки постоянно тряслись; это началось у нея, какъ я узнала впослѣдствіи, послѣ смерти мужа.

Я стала посѣщать семейство Бѣлинскаго, состоявшее изъ его вдовы и единственной дочери Ольги, шестнадцати-лѣтней, тоненькой, миловидной дѣвушки съ очень нѣжнымъ цвѣтомъ лица, сѣровато-голубыми глазками и золотистыми косами. Жизнь онѣ вели очень скромную, и мы скоро дружески сошлись, совершая вмѣстѣ частыя прогулки по окружающимъ Гапсаль лѣсамъ.

На эти прогулки брались Маріей Васильевной узелки съ провизіей, очень часто приготовленной ея собственными руками.

Марья Васильевна, жившая до замужества гувернанткой въ частныхъ домахъ, была вообще очень добродушна и гостепріимна, но въ характерѣ ея было много педантичности. Такъ, напримѣръ, каждый день въ одно и то же время читались вслухъ ею или Ольгой сочиненія Виссаріона Григорьевича, при чемъ мнѣ часто приходилось присутствовать. Для этого въ садикѣ при дачѣ, гдѣ было мало тѣни, устроили надъ скамейками навѣсъ изъ нѣсколькихъ простынь. И въ часы, назначенные для чтенія или для упражненій Ольги на фортепьяно, прогулки никакъ не допускались.

На дачныя развлеченія, напримѣръ, на музыку на берегу моря или концерты въ Салонѣ, Бѣлинскіе ходили очень рѣдко; да и вообще М. В. не любила отпускать дочь куда-нибудь въ гости. Ольга одѣвалась очень скромно и только по торжественнымъ днямъ надѣвала бѣлое кисейное платье съ голубымъ кушакомъ и большую соломенную шляпу съ голубой лентой, а Марья Васильевна постоянно носила черное, но не любила разсказывать о мужѣ и о прошломъ.

Однажды, во время чтенія въ палаткѣ, простыни внезапно распахнулись и со словами: „Миръ вамъ и я къ вамъ“ вошла небольшого роста особа среднихъ лѣтъ, въ дорожномъ платьѣ. Она нѣсколько сконфузилась, увидавъ постороннюю. Марья Васильевна насъ тотчасъ познакомила; это была ея сестра, Аграѳена Васильевна Орлова, классная дама Московскаго института, пріѣхавшая въ Гапсаль на каникулы.

Съ пріѣздомъ Аграѳены Васильевны наши прогулки по окрестностямъ стали чаще и оживленнѣе. Въ вечеръ на Ивана Купала мы отправились въ сосѣдній лѣсокъ Параленъ, гдѣ была корчма и эстонцы жгли на деревьяхъ смоленыя бочки, плясали и пѣли хоровыя пѣсни. Аграѳена Васильевна была очень живая особа и, видимо, радовалась, что могла отдохнуть въ родной семьѣ отъ своего труда. Она очень любила Ольгу, которая отвѣчала ей тѣмъ же и какъ-то оживилась при ней.

Лѣто прошло незамѣтно, и мы съ сожалѣніемъ разстались другъ съ другомъ. Я обѣщала Бѣлинскимъ навѣстить ихъ на будущее лѣто въ Москвѣ, гдѣ Марья Васильевна была кастеляншей въ Александровскомъ институтѣ. Ея матеріальное положеніе тогда было еще далеко не обезпечено и ей приходилось нести довольно тяжелую обязанность, на которую она иногда жаловалась. Ольга находилась при ней, получая хорошее образованіе, такъ какъ ей преподавали всѣ предметы учителя института, разумѣется, безплатно.

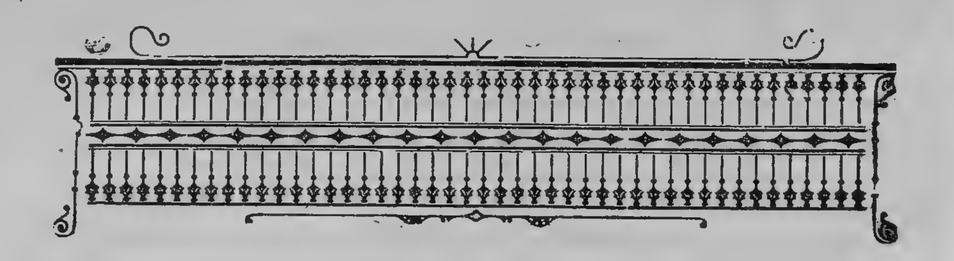
На слѣдующее лѣто я исполнила данное Бѣлинскимъ обѣщаніе и посѣтила ихъ въ ихъ большой, но неприглядной казенной комнатѣ рядомъ съ кладовой для бѣлья, гдѣ Марьѣ Васильевнѣ приходилось воевать съ прачками. Я осталась у нихъ пить вечерній чай, къ которому пришла и Аграѳена Васильевна, и мы вспомнили наше лѣто въ Гапсалѣ.

Въ слѣдующемъ году денежныя дѣла Бѣлинскихъ, вслѣдствіе изданія сочиненій Виссаріона Григорьевича, были приведены въ ясность и онѣ уѣхали на годъ за границу. Возвратясь оттуда, онѣ заѣхали ко мнѣ въ Петербургъ и, не заставъ меня дома, оставили мнѣ на память двѣ прекрасныя фотографическія карточки, снятыя въ Венеціи, гдѣ Марья Васильевна изображена полной, величавой дамой, съ сѣдыми волосами, подъ чепчикомъ, а Ольга молодой дѣвушкой въ бархатной шубкѣ и круглой шапочкѣ.

Больше мнѣ не пришлось ихъ видѣть.

Е. Фридрихсъ.

Въ началѣ жизни и на порогѣ вѣчности.

(Посвящено памяти И. С. Тургенева. 1883 г.).

Сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ въ одинъ изъ „хорошихъ“ весеннихъ дней къ дому на Екатерингофскомъ проспектѣ у Калинкина моста подъѣхала наемная коляска, изъ которой вышелъ очень высокаго роста еще молодой человѣкъ, стройный, красивый съ густыми свѣтло-русыми волосами, густо окружавшими его большую голову съ крупными, характерными чертами. На большихъ, продолговатыхъ голубыхъ глазахъ были надѣты въ золотой оправѣ синія очки, отчего цвѣтъ глазъ его казался еще голубѣе. Въ старину, въ весьма немногихъ домахъ имѣли швейцаровъ, почему не вдругъ новопріѣзжій могъ отыскать въ домѣ квартиру по адресу. Онъ позвонилъ прежде во 2-ой этажъ (занимаемый хозяевами дома); вышедшая горничная ему указала на верхній этажъ и услужливо вызвалась предупредить о немъ тѣхъ, кого онъ спрашивалъ, обѣжавъ впередъ по заднему ходу. Когда пріѣзжій поднялся по лѣстницѣ, дверь въ квартиру 3-го этажа была уже отворена.

— Какъ о васъ доложить?—спросила его опрятно, но просто одѣтая служанка, пропустивъ его въ чистую переднюю, но не снимая съ него плаща.—Ваши господа должны были знать о моемъ пріѣздѣ, изъ письма нашей общей родственницы тульской помѣщицы Скуратовой,—отвѣчалъ вошедшій, не называя своей фамиліи. Тогда служанка сказала:—пожалуйте, сейчасъ доложу барынѣ,—и отворила дверь въ гостиную. Но пріѣзжій остановился и просилъ дѣвушку вызвать младшую барышню, Елисавету Никитичну—писа-

тельницу.—Знаемъ, что барышню часто спрашиваютъ,—отвѣчала служанка, но она не ко всѣмъ выходитъ, а принимаетъ барыня, ихъ маменка. Служанка попросила его войти и обождать въ гостиной. Молодой человѣкъ вошелъ въ просторную комнату, съ тремя окнами на улицу, въ которой было еще двѣ двери,—обѣ запертыя, съ старинною мебелью изъ краснаго дерева; надъ диваномъ висѣли въ золотыхъ рамахъ два большихъ, поясныхъ масляными красками портрета: молодого мужчины, въ статскомъ платьѣ, съ георгіевской ленточкой въ петлицѣ, и молодой женщины, въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ накинутой на плечи бѣлой турецкой шалью, на овально кругломъ столѣ передъ диваномъ лежала послѣдняя книжка журнала „Библіотеки для Чтенія“ два, три №№ „Сѣверной Пчелы“, французскій томикъ Бальзака въ переплетѣ и еще объемистый томъ германскаго ученаго Лафатера. Напротивъ дивана у стѣны стояло открытое фортепіано, надъ нимъ висѣло нѣсколько картинъ, также въ золотыхъ рамахъ, старинной школы фламандской живописи. Но пріѣзжій не успѣлъ осмотрѣться, какъ изъ боковой двери показалась маленькаго росту, пожилыхъ лѣтъ, дама въ черномъ платьѣ, въ бѣломъ тюлевомъ чепцѣ, съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ, блѣднолицая, но съ выразительными чертами, въ которой нетрудно было узнать устарѣлый подлинникъ портрета, болѣзненнаго вида.—Очень рада познакомиться съ вами, Иванъ Сергѣевичъ,—привѣтливо обратилась она къ гостю, съ осторожностью помѣстилась на диванѣ и предложила ему сѣсть поближе. Пріѣзжій не могъ вдругъ замѣтить, что она слѣпа. Послѣ перваго обмѣна привѣтствій и передачи поклоновъ отъ родственницъ, молодой человѣкъ поспѣшилъ выразить желаніе „лично познакомиться съ новоявляющимся русскимъ поэтомъ“.—„Лизанька!“—позвала старая дама, обернувшись въ сторону двери, изъ которой сама вышла. Вошла дѣвочка, по виду едва 14 лѣтъ, съ темнорусыми раскиданными по плечамъ крупными локонами, въ голубомъ шерстяномъ платьѣ и черномъ шелковомъ передникѣ.—Неужели,—выразилъ искренно свое удивленіе пріѣзжій,—я вижу предъ собой поэта, уже почтеннаго золотой медалью Россійской Академіи?—Дѣвочка слегка улыбнулась и, взглянувъ на него своими большими глубокими темно-сѣрыми глазами, сказала прямо:—это обыкновенный вопросъ, при первомъ знакомствѣ,—впрочемъ, я и сама не считаю себя взрослою и понимаю, что медалью наградили меня только для поощренія другихъ: пора учиться русскимъ дѣвушкамъ правильно писать на своемъ языкѣ...—Но, однако же,—возразилъ юноша-Тургеневъ (конечно, читатель догадался, что это былъ онъ),—не за правописаніе же вы получили медаль, неужели вы сами этого не

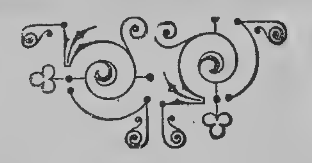
сознаете? О васъ говорятъ вездѣ, гдѣ только читаютъ журналы, и всѣ наши авторитеты признаютъ за вами право со временемъ занять не послѣднее мѣсто въ ряду русскихъ литераторовъ; женщина-поэтъ еще рѣдкое у насъ явленіе. Мы можемъ разсчитывать на дальнѣйшее ваше развитіе, судя по первымъ вашимъ опытамъ въ печати, и пророчить вамъ славную будущность... Но слѣпая дама вдругъ остановила его восторженную рѣчь, неожиданнымъ выраженіемъ своего предубѣжденія противъ поступленія дочери на литературное поприще, и такъ безповоротно-рѣшительно заявила о своемъ намѣреніи дѣйствовать вопреки требованію членовъ Россійской Академіи (доживавшей тогда уже послѣдній свой годъ (1837 г.) воспитать книжницу изъ ея дочери,—что разговоръ угрожалъ перейти въ настоящее преніе, и Тургеневъ готовъ былъ увлечься до нѣсколько щекотливаго противорѣчія. Дѣвица-поэтъ вынуждена была вмѣшаться и перевести разговоръ на своихъ общихъ родственниковъ въ Тульской и Орловской губ. и перейти къ воспоминаніямъ о селѣ Спасскомъ, гдѣ проводило ихъ семейство годъ траура по отцѣ своемъ, чтобы успокоить возбужденность своей матери. Тургеневъ пояснилъ свое посѣщеніе не только желаніемъ исполнить данное ему порученіе своей тетки отъ семейства Скуратовыхъ, бывшихъ въ свойствѣ съ его матерью, по ея роднымъ Сомовымъ, но и собственнымъ горячимъ желаніемъ послужить, чѣмъ может, успѣхамъ новаго таланта, и просилъ юную поэтессу смотрѣть на него, какъ на своего кузена, къ которому она всегда можетъ обратиться за всякой услугой. Когда Тургеневъ всталъ прощаться, онъ не удержался, чтобъ еще разъ не попытаться поколебать предубѣжденія строгой матери-защитницы замкнутаго положенія русской женщины:—Талантъ не можетъ быть связанъ и подчиненъ однимъ узкимъ условіямъ семейныхъ отношеній, и вы погрѣшите, если его самовольно отнимете отъ общества,—заключилъ онъ. Госпожа Шахова возразила, что она не столько дорожитъ способностью дочери къ литературѣ, сколько ея религіозными убѣжденіями, которыя она можетъ растерять въ погонѣ за славою поэта.—Не въ монастырь же вы готовите Елисавету Никитичну,—пошутилъ Тургеневъ и, обратясь къ дѣвушкѣ, присовокупилъ:—Сохраните вашу умственную свободу и оставайтесь вѣрной призванію поэта. Онъ еще помедлилъ уходить, и нѣсколько минутъ позволилъ себѣ художническое наблюденіе надъ безотвѣтно стоящею передъ нимъ молоденькой дѣвушкой, невольно опустившей глаза подъ его глубоко-устремленнымъ на нее взглядомъ, но, вѣроятно, понявъ, что она или лишена всякой возможности побѣдить предубѣжденія матери или сама душевно раздѣляетъ ихъ,

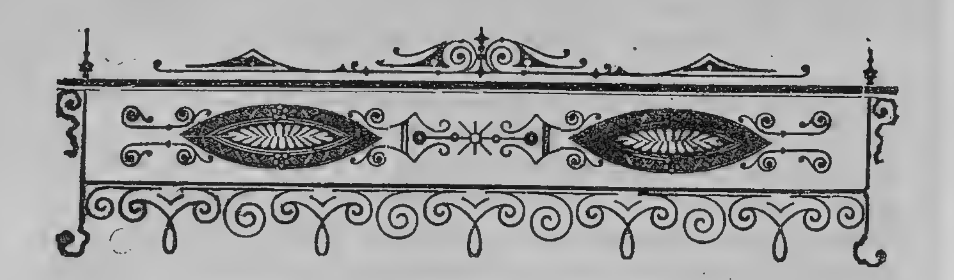
откланялся и вышелъ, не получивъ приглашенія на дальнѣйшее сближеніе съ нею. Они никогда уже болѣе не встрѣтились. Неизвѣстно—осталась, сохранилась ли эта первая встрѣча въ памяти великаго впослѣдствіи художника—наблюдателя современныхъ ему людей. Въ 50-хъ годахъ вышло изъ печати „Дворянское гнѣздо"; многіе, знавшіе Лизу Ш., уже давно смѣнившую свое чуть начатое литературное поприще на заключеніе монастырское, подозрѣвали въ „Лизѣ" Тургеневой ея перевоплощеніе, и говорили и писали отшельницѣ свои вопросы по этому предмету такъ убѣдительно, что она пожелала, наконецъ, сама прочитать романъ Тургенева, который ей услужливо прислала одна барышня, гостившая въ одной келіи съ дѣвицей Ш. и находившая въ ней во многихъ чертахъ и пріемахъ замѣчательное сходство съ героиней „Дворянскаго гнѣзда". Это было первое литературное произведеніе, которое прочитала молодая отшельница послѣ болѣе 5-ти лѣтняго оставленія всякой связи съ обществомъ и литературой. Дѣвица Ш. не могла не поддаться жадному увлеченію красотами слога и творчества даровитаго бытописателя: она прочла въ однѣ сутки обѣ части романа и возвратила ихъ немедленно, по почтѣ, той, отъ кого получила, написавъ ей сердечный отзывъ о достоинствѣ новаго романиста, но просила ее разубѣдить всѣхъ, невѣрно подозрѣвающихъ въ ней его героиню, съ которой она не имѣетъ по судьбѣ ничего общаго, и никогда не мечтала, что могла служить автору за идеалъ, имъ живо изображенный въ „Дворянскомъ гнѣздѣ". Еще черезъ нѣсколько лѣтъ, отшельница Ш. была пострижена въ мантію, и была переведена изъ Т—скаго монастыря, гдѣ завѣдывала пріютомъ дѣвицъ духовнаго званія, по вызову начальника С.-З. края въ Виленскій Маріинскій монастырь, на ту же должность при училищѣ въ пріютѣ. Настоятельница Виленскаго монастыря игуменія Флавіана одобрила предложеніе новой наставницы нѣсколько распространить программу училища, чтобъ доставить дочерямъ священниковъ и русскихъ чиновниковъ, служащихъ въ С.-З. краѣ, большее развитіе, для предстоящаго имъ поприща сельскихъ учительницъ по русскимъ окраинамъ. Въ составъ учебнаго курса введена была и русская словесность, съ отдѣломъ исторіи отечественной литературы. Юныя, воспріимчивыя литвинки, по большей части даже полекъ-матерей, дотолѣ не имѣвшія никакого понятія ни о русской исторіи, ни тѣмъ менѣе о богатствѣ русскаго слова, сильно заинтересовались новымъ и любопытнымъ для нихъ предметомъ изученія. Наставницѣ понадобилось завести, въ вечерніе часы, свободные отъ уроковъ, нѣчто въ родѣ литературнаго чтенія, и она обратилась къ одному изъ посѣтителей Ма-

ріинскаго пріюта, искренно преданному успѣху русскаго дѣла и ревнителю православія съ просьбою доставлять ей необходимыя книги и изданія новѣйшей литературы. Изъ первыхъ присланныхъ наставницѣ пріюта—было „Записки охотника". Обаятельная сила живописи въ словѣ Тургенева вызвала въ развивающихся сердцахъ не одинъ восторгъ къ изяществу описанія, но чувство симпатіи къ странѣ и ея народу, дотолѣ скрывавшемуся подъ мрачными тѣнями, въ политическомъ туманѣ, отъ трезваго взгляда впечатлительныхъ, нетронутыхъ наукой подростковъ. Пѣвучая проза автора „Записокъ охотника" воспринималась ими живо, какъ музыка, воодушевляющая, и заучивающаяся по страницамъ: особенно „Бѣжинъ лугъ" повторялся наперерывъ восхищенными воспитанницами. Чернокудрявыя и златокудрявыя головки картинно склонялись надъ книгой Тургеневскихъ описаній лѣсовъ и полей простора земли русской, въ порывахъ нетерпѣнія слѣдятъ за чтеніемъ одной изъ чтицъ, избранныхъ наставницей. Уже отъ Тургенева постепенно могла она перевести своихъ ученицъ къ знакомству съ другими русскими классиками въ литературѣ, почему за нимъ остается первая честь возбужденія любви къ своей странѣ и даже въ душахъ предубѣжденныхъ противъ нея непріязненно. Къ какому заключенію ведутъ эти летучіе отрывки воспоминаній о нынѣ, такъ всемірно чествуемомъ, новоотошедшемъ въ вѣчность русскомъ служителѣ слова? въ правѣ спросить, въ недоумѣніи, неудовлетворенный читатель. Шутя брошенъ былъ юношей Тургеневымъ вышеприведенный вопросъ матери дѣвицы-поэта:—не въ монастырь же вы готовите вашу дочь? однакоже въ немъ заключалось что-то вѣщее, какъ присущее человѣку, одаренному лучшимъ изъ даровъ—Божественнымъ словомъ. Надежды и желанія генія, по-истинѣ наслѣдовавшаго потомъ славную будущность, которую онъ пророчилъ дѣвушкѣ-подростку,—не совершились, а вскользь сорвавшееся съ устъ его слово, съ опредѣленіемъ иного для нея призванія—совершились на дѣлѣ. Елисавета Ш. сошла съ поприща, доставляющаго лавры земного величія и безсмертія въ переходящихъ вѣкахъ, и увѣнчалась терновымъ вѣнцомъ земныхъ страданій, въ упованіи наслѣдія вѣчнаго. Иванъ Тургеневъ прославленъ на землѣ, какъ геній, царящій чуть не надъ вселенной, и скончался внѣ своего любезнаго отечества на рукахъ чужеземцевъ, не озаботившихся призвать во-время къ страдальческому одру его всеутѣшительной помощи въ божественномъ напутствіи святыми таинствами родной, истинной церкви,—скончался „безсмертный", съ ужасомъ оцѣпенѣвая въ ледяныхъ обятіяхъ смерти, безъ обращенія къ чему-либо высшему, небесному, вѣчному... Если завидна была его жизнь зем-

ная, въ изобиліи всѣхъ возможныхъ въ конечномъ мірѣ благъ, красоты, могущества, независимаго, широкаго блестящаго положенія въ обществѣ, со вкушеніемъ всемірной славы и безсмертія въ будущихъ поколѣніяхъ—то увы! не завидна его болѣзненная и безотрадная кончина. Братья православные! не пойдемъ участвовать въ торжествѣ его великолѣпныхъ гражданскихъ похоронъ, не пошлемъ лишнихъ нашихъ вѣнковъ на его гробъ подъ парчевымъ балдахиномъ, но подвигнемся дружно на молитву о новопреставленномъ, и да помилуетъ его Единъ имущій власть надъ живыми и мертвыми.

Елисавета Шахова.

Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтлова.

Предисловіе.

Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ... Сколько свѣтлыхъ воспоминаній о лучшихъ дняхъ расцвѣта русской журналистики вызываетъ эта личность!

Благосвѣтловъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ бойцовъ за лучшее будущее Россіи. Его смѣлое, живое и горячее слово навсегда останется памятнымъ въ исторіи русской литературы. Дѣятельность Г. Е. тѣсно связана съ дѣятельностью другого крупнаго работника въ области русской критической мысли,—Д. И. Писарева. Отсюда вполнѣ понятенъ тотъ интересъ, который должна возбуждать въ историкѣ русской литературы личность Благосвѣтлова.

Но до нашихъ дней жизнь и дѣятельность Г. Е. очень мало изучены. У насъ болѣе знаютъ Благосвѣтлова-журналиста, но совсѣмъ почти не знаютъ Благосвѣтлова-человѣка. А человѣкъ онъ былъ интересный. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ обученія въ Саратовской семинаріи, Благосвѣтловъ обращалъ на себя вниманіе какъ товарищей, такъ и преподавателей. Его живая, правдивая и свободолюбивая натура ярко выдѣлялась на тускломъ фонѣ семинарской жизни того времени. Онъ заставилъ говоритъ о себѣ. Онъ заставилъ окружающихъ смотрѣть на него, какъ на явленіе замѣчательное. Объ этихъ-то первыхъ годахъ жизни Благосвѣтлова, его первыхъ шагахъ къ извѣстности, мы какъ разъ менѣе всего и знаемъ.

Въ настоящее время мы можемъ лучше познакомиться съ Благосвѣтловымъ-семинаристомъ. Еще въ 1890-ыхъ годахъ саратовскій старожилъ, Ф. В. Духовниковъ, нынѣ уже покойный, собралъ много свѣдѣній о саратовской жизни Благосвѣтлова, при чемъ оказалась возможность сказать нѣчто новое и о петербургскомъ періодѣ дѣятельности Благосвѣтлова.

Источники, которыми пользовался Духовниковъ для своей статьи о Благосвѣтловѣ,—самые разнообразные: воспоминанія очевидцевъ, архивы Саратовскихъ духовнаго училища и семинаріи и пр. А что всего важнѣе, въ рукахъ Духовникова были устные разсказы о Благосвѣтловѣ его товарищей по духовному училищу и семинаріи: односельчанина Благосвѣтлова, священника А. Н. Полидорова, протоіерея И. В. Любомудрова, священника П. И. Беллярминова и протоіерея А. Флегматова. Кромѣ нихъ, сообщили свои воспоминанія и замѣтки: свящ. Быстряковъ, И. Н. Виноградовъ, А. В. Духовникова, свящ. П. Н. и П. Е. Павильоновы, прот. Я. У. Палимпсестовъ, Веселовскіе, Н. М. и А. П. Бѣляевы, прот. М. М. Розановъ и С. И. Кедровъ.

Нѣкоторые изъ лицъ, о которыхъ говоритъ Духовниковъ, были живы во время писанія имъ своей статьи: Архаровъ, инспекторъ Камышинскаго духовнаго училища, И. Н. Виноградовъ и др. Я не считалъ нужнымъ измѣнять текстъ статьи Духовникова; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь объ умершихъ идетъ, какъ о живыхъ, я не считалъ себя въ правѣ измѣнять выраженія оригинала. Всякія выноски, сдѣланныя Духовниковымъ на поляхъ, внесены въ текстъ. Вообще, измѣненій въ рукописи я не дѣлалъ, за исключеніемъ только случаевъ (очень немногихъ, впрочемъ) lapsus linguae, напр., у Ф. В. Духовникова вмѣсто экскременты стоитъ эксперименты. Это—о редакціонной сторонѣ статьи.

Что же касается самаго содержанія статьи, то здѣсь находимъ совершенно новыя и неизвѣстныя данныя о Благосвѣтловѣ, какъ ученикѣ духовнаго училища и семинаристѣ, съ прекрасной характеристикой духовной школы того времени. Неприглядна была эта картина, отвращеніе вызываютъ къ себѣ многіе факты и лица, но Григорій Евлампіевичъ и здѣсь, въ этой сплошной почти гадости, сумѣлъ заявить о себѣ, какъ личности свѣтлой и выдающейся. Его отношенія къ товарищамъ особенно хорошо изображены этими же товарищами.

Попутно авторъ даетъ новыя данныя и о другомъ видномъ литературномъ дѣятелѣ—И. И. Введенскомъ. До сихъ поръ о Введенскомъ существовала почти лишь одна болѣе или менѣе обстоятельная статья—самого Г. Е. Благосвѣтлова; но здѣсь многое

опущено, особенно темныя стороны характера Иринарха Ивановича, и нельзя сказать, чтобы читатель получалъ здѣсь вполнѣ вѣрное представленіе о Введенскомъ.

Воспоминанія же, собранныя Ф. В. Духовниковымъ, такъ сказать, дорисовываютъ картину жизни Введенскаго-семинариста.

Затѣмъ, свѣдѣнія Духовникова даютъ нѣсколько новыхъ штриховъ и къ тому, что извѣстно о Г. С. Саблуковѣ, знаменитомъ оріенталистѣ, бывшемъ при Введенскомъ и Благосвѣтловѣ преподавателемъ Саратовской семинаріи (впослѣдствіи профессоръ Казанской духовной академіи). Саблуковъ изображается здѣсь (однимъ саратовскимъ семинаристомъ—его ученикомъ) эгоистомъ,—совершенно новая черта въ характерѣ Гордія Семеновича. Надо, впрочемъ, сказать, что этотъ отзывъ—не справедливъ, такъ какъ противорѣчитъ всѣмъ извѣстіямъ о покойномъ оріенталистѣ. Но, во всякомъ случаѣ, воспоминанія эти важны, какъ сообщающія неизвѣстныя до сихъ поръ подробности о методѣ преподаванія Саблукова.

Не безынтересна также замѣтка о протоіереѣ І. Шиловскомъ, сообщающая, что вещи, собранныя имъ при археологическихъ раскопкахъ, хранятся въ Саратовской семинаріи; это противорѣчитъ словамъ Ф. В. Духовникова (въ статьѣ „Н. Г. Чернышевскій“ „Русская Старина“, 1890, IX) о потерѣ всего, собраннаго о. Шиловскимъ.

Смерть помѣшала издать въ свое время эту интересную статью ея автору. Вдова Ф. В. Духовникова, М. В. Шмелева, разрѣшила издать мнѣ этотъ въ высшей степени цѣнный матеріалъ, за что я и считаю своимъ долгомъ выразить г-жѣ Шмелевой свою искреннюю благодарность.

Александръ Лебедевъ.

Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ родился 1 августа 1824 г. въ г. Ставрополѣ Кавказскомъ, гдѣ отецъ его, родомъ изъ Саратовской губерніи, былъ полковымъ священникомъ. Все свое дѣтство, начиная съ двухъ лѣтъ, Г. Е. провелъ въ слободѣ Владиміровкѣ Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи (Царевскій уѣздъ, или, какъ тогда писали, Царевская округа, принадлежалъ къ Саратовской губерніи), куда отецъ его перешелъ [1]) въ 1826 г. по прошенію приходскимъ священникомъ. Приходъ этотъ, считавшійся золо-

[1]) Разсказываютъ, Благосвѣтловъ пріѣхалъ во Владиміровку осенью съ двумя своими крестьянками.

тымъ дномъ, данъ ему, какъ полковому священнику, за его службу въ военномъ вѣдомствѣ. Отецъ его, по разсказамъ, былъ человѣкъ прямой, справедливый и умный; память имѣлъ необыкновенную и обладалъ хорошимъ даромъ слова, но любилъ выпить. Съ годами эта привычка все сильнѣе и сильнѣе развивалась, особенно этому способствовали зажиточные прихожане-хохлы, занимавшіеся возкою соли, рыболовствомъ, скотоводствомъ и земледѣліемъ. Дѣдушка Г. Е., отставной пономарь Иванъ Гавриловъ, жившій у сына, тоже любилъ выпивать. Нетрезвая жизнь мужа и свекра очень огорчала мать Г. Е., Варвару Андреевну, хотя не получившую образованія, но очень умную. Она, насколько возможно, сдерживала наклонность къ пьянству и смягчала раздражительность своего мужа, который жилъ съ нею дружно; но съ его упорнымъ характеромъ было трудно бороться. Горе любимой матери принималъ близко къ сердцу подроставшій ея любимый сынъ, Г. Е., который въ дѣтствѣ чаще всего видѣлъ грустныя сцены въ домѣ. Это-то и сообщило его характеру оттѣнокъ меланхоліи. По разсказамъ очевидцевъ, даже во время дѣтскихъ игръ Г. Е. не смѣялся. Впослѣдствіи, будучи ученикомъ семинаріи и вспоминая объ отцѣ, Г. Е., никогда не любившій разсказывать о себѣ и своихъ родителяхъ, или же отдѣлывавшійся на вопросы другихъ объ этомъ общими фразами, не относился къ нему съ обычнымъ сыновнимъ почтеніемъ, тогда какъ о матери отзывался съ большою любовію. Она была, какъ выражался самъ Г. Е., рѣдкая, примѣрная женщина. Ласковая, добрая и кроткая, она имѣла на Г. Е. сильное вліяніе, и Г. Е. вполнѣ слушался ея.

Разсказываютъ, что мать его не любила хохловъ, жителей слободы Владиміровки, и всячески оберегала своихъ дѣтей отъ сообщенія съ ними. Г. Е., вполнѣ слѣдовавшій совѣтамъ своей матери, не только самъ не игралъ съ хохлами-сверстниками, но предостерегалъ отъ этого другихъ дѣтей церковно-служителей. Такъ, будучи 11 лѣтъ, онъ часто говорилъ своему любимцу, мальчику 8 лѣтъ, сыну причетника, игравшему съ хохлами: „Съ хохлами играешь, самъ хохолъ будешь: не играй съ ними!“. Такъ какъ, кромѣ дѣтей хохловъ, сверстниковъ у Г. Е. не было; братъ же Григорій былъ старше его на 6 лѣтъ и уже учился въ училищѣ, а Серапіонъ на 2 года моложе его, то онъ росъ совершенно одинокимъ, и если игралъ и гулялъ, то съ дѣтьми моложе себя, и то большею частію держался отъ нихъ уединенно, наблюдая только за ихъ игрою.

Хотя отецъ, кончившій курсъ въ Пензенской семинаріи, и не занимался съ дѣтьми, но онъ имѣлъ на нихъ сильное вліяніе, и лучшее, чѣмъ книги, которыхъ у него не было: разсказывая увле-

кательно, особенно изъ жизни военныхъ, которая нравилась ему, онъ незамѣтнымъ образомъ развилъ своихъ дѣтей; кромѣ того, онъ доставлялъ большое удовольствіе дѣтямъ и тогда, когда занимался столярнымъ мастерствомъ или когда игралъ на гусляхъ.

Имѣя много свободнаго времени и будучи предоставлены сами себѣ, дѣти его вполнѣ жили жизнью природы, которая въ слободѣ Владиміровкѣ, находящейся на лѣвомъ возвышенномъ берегу Владиміровки, рукава Волги, очень разнообразна: къ западу отъ слободы виднѣется раздробленная на нѣсколько рукавовъ со множествомъ острововъ Волга, такъ что правый берегъ ея находится отъ Владиміровки на разстояніи почти десяти верстъ; къ востоку отъ слободы разстилается покрытая ковылемъ и солончаковыми травами степь, по которой пасся скотъ, и возили соль изъ Баскунчакскаго озера; въ глубокихъ оврагахъ разсажены сады съ плодовыми деревьями—единственная растительность, не высыхающая до глубокой осени, около самаго села было до сотни вѣтряныхъ мельницъ, а еще больше калмыцкихъ кибитокъ, за которыми по степи сидѣли, какъ копны, беркуты; недалеко отъ села протекаетъ Ахтуба, рукавъ Волги, образуя вмѣстѣ съ рукавомъ, Владиміровкою, нѣсколько острововъ, на которыхъ выдѣляются, какъ зеркала, озера съ чистою прозрачною водою. Когда въ домѣ шли какія-либо непріятности, при которыхъ Г. Е. не любилъ присутствовать, то онъ уходилъ съ мальчикомъ, сыномъ вдовы причетника, своимъ любимцемъ, къ вѣтрянымъ мельницамъ и задумчиво гулялъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не успокаивался. Но обычныя и любимыя мѣста для прогулокъ были займища и острова, гдѣ въ озерахъ съ прохладною водою Г. Е. любилъ купаться предпочтительно предъ Волгою. Вотъ почему онъ имѣлъ сильную и здоровую натуру.

Выучивши читать и писать, отецъ включилъ Г. Е. 2 сентября 1834 г. въ Камышинское духовное училище, которое было тогда на хорошемъ счету у семинарскаго начальства, благодаря ректору протоіерею Петру Казаринову. Полозовъ, чиновникъ, ревизующій учебныя заведенія, тоже нашелъ Камышинское духовное училище въ очень хорошемъ состояніи, такъ что онъ перевелъ Казаринова и учителя русскаго языка, Алексѣя Хованскаго [1]), вышедшаго изъ философскаго класса, въ Орловскій кадетскій корпусъ, какъ хорошихъ преподавателей. Но какіе учителя были у Благосвѣтлова и каково было ученіе въ Камышинѣ [2]),—неизвѣстно; только отецъ

---

1) Алексѣй Хованскій теперь редакторъ-издатель „Филологическихъ записокъ".

2) Архивъ Камышинскаго духовнаго училища до 1861 г. нарочно былъ брошенъ въ огонь во время пожара училища инспекторомъ училища Арха-

Г. Е., недовольный успѣхами и поведеніемъ своихъ дѣтей и винившій въ этомъ учителей, перевелъ 8 сентября 1836 г. въ Саратовское духовное училище, какъ находящееся подъ ближайшимъ надзоромъ начальства, всѣхъ дѣтей: ученика высшаго отдѣленія, Александра, низшаго отдѣленія, Григорія, и третьяго, Серапіона, имѣющаго включить въ училище по той причинѣ, что онъ въ г. Саратовѣ имѣетъ ближайшихъ родственниковъ, имѣющихъ свои дома, которые „берутся дѣтей его содержать у себя въ квартирѣ безденежно и имѣть за ними надзоръ, что составитъ для него какъ облегченіе въ содержаніи, такъ и не менѣе въ соблюденіи оныхъ [1])“. Но родственниковъ у Благосвѣтловыхъ въ Саратовѣ не было: нужно было выставить ихъ только, какъ причину перевода дѣтей изъ Камышина въ Саратовъ, и они встали на квартиру вмѣстѣ съ другими учениками у мѣщанки Анны Сергіевой подъ вѣдѣніе старшаго ученика А. Виноградова, въ Покровскомъ приходѣ; главнѣйшая же причина перевода была вторая: соблюденіе оныхъ. Александръ, проучившійся въ Камышинскомъ духовномъ училищѣ 8 лѣтъ, и Григорій приняты въ тотъ же классъ, изъ котораго перешли, съ такими отмѣтками за подписью ректора Камышинскаго духовнаго училища Петра Казаринова: поведенія хорошаго, способностей хорошихъ, прилежанія и успѣховъ не худыхъ [2]).

Очевидно, они и учились тамъ плохо и вели себя нехорошо, особенно Александръ, очень бойкій, избалованный и испорченный юноша.

Въ то время въ Саратовѣ было два духовныхъ училища: одно первое, помѣщавшееся на Большой Сергіевской улицѣ (противъ дома купца Смирнова) и представляющее въ настоящее время развалины, а другое второе—на Старособорной площади, существующее и теперь. Г. Е. учился въ послѣднемъ училищѣ.

Въ неблагопріятное для занятій время поступилъ Благосвѣтловъ въ Саратовское духовное училище.

Священникъ Амальевъ, ректоръ Саратовскихъ духовныхъ училищъ, лишившійся на 35 году своей жены, хотѣлъ сложить съ себя санъ священника и все-таки остаться въ этой должности, о чемъ и подалъ прошеніе; но преосвященный Іаковъ, человѣкъ строгой жизни и постникъ, разумѣется, не согласился на это: „изъ рясы одѣться во фракъ“, по его мнѣнію, „было бы соблазнительно для

ровымъ (который живъ и теперь), какъ вещь не нужная и только обременяющая.

[1]) Архивъ Саратовскаго духовнаго училища.

[2]) Изъ архива Саратовскаго духовнаго училища.

учениковъ", и Амальевъ остался священникомъ, но чрезъ нѣсколько времени, чтобы уничтожить свои грѣховныя вины, онъ послѣ долгихъ мучительныхъ колебаній, принялъ противъ своего желанія монашество [1]), о которомъ онъ всегда нехорошо отзывался, къ общему изумленію знавшихъ его, но къ великой радости преосвященнаго Іакова, который на прошеніи Амальева о посвященіи его въ монахи далъ слѣдующую характерную резолюцію: „Побѣда надъ самимъ собою есть славнѣйшая побѣда!" Для руководства въ монашескомъ дѣлѣ архіерей велѣлъ Амальеву, принявшему имя Гавріила, жить вмѣстѣ съ ректоромъ семинаріи. Очевидно, отцу Гавріилу въ то время было не до училища, которое, между тѣмъ, очень нуждалось въ хорошемъ начальникѣ и въ которомъ возгорѣлись страсти по поводу назначенія новаго инспектора.

На мѣсто вышедшаго въ священники инспектора духовнаго училища архіерей Іаковъ назначилъ, по своему выбору, изъ трехъ учителей—товарищей, одновременно кончившихъ курсъ Саратовской семинаріи, учителя Гавріила Архангельскаго. Жалованіе учителю тогда полагалось 150 р., а инспектору 200 рублей. Такое весьма большое жалованіе по ихъ посту дано наставникамъ духовныхъ училищъ, по мнѣнію преосвященнаго Іакова, съ тѣмъ, чтобы они не марали священнаго званія наставниковъ взятками, но они были заражены мерзкимъ корыстолюбіемъ [2]); должность же инспектора, а равно и ректора давала возможность еще больше имѣть средствъ къ жизни: онъ могъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вытянуть что-либо изъ кошелька лицъ, имѣющихъ къ нему соприкосновеніе. Очень горько и обидно было учителю Целебровскому, товарищу Архангельскаго, что не онъ былъ назначенъ инспекторомъ: онъ и кончилъ курсъ выше по списку своего товарища, и прилагалъ, находясь при должности учителя латинскаго языка, наивозможнѣйшія усилія къ образованію умовъ ввѣренныхъ ему учениковъ, и ко внушенію имъ сообразно ихъ возрасту истинъ христіанскаго благочестія, всячески стараясь показывать имъ собою примѣръ онаго; вслѣдствіе этого Целебровскій обнаруживалъ свою злобу къ Архангельскому въ укорительныхъ и ругательныхъ выраженіяхъ къ соблазну учениковъ и безчестію того и другого, за что Целебровскій и былъ уволенъ отъ должности.

Инспекторъ, Архангельскій, былъ очень дѣятельный: онъ самъ не опускалъ уроковъ и строго слѣдилъ за поведеніемъ учениковъ и исполненіемъ ими своихъ обязанностей. Многіе ученики, не учась

[1]) 7 августа, 1839 г. 37 лѣтъ.

[2]) Изъ архива Саратовскаго духовнаго училища.

по врослости, упорной лѣности и малоспособности, отъ нечего дѣлать привыкали къ худой нравственности и развращали другихъ, поэтому инспектору въ то время было много дѣла.

Необыкновенно требовательный, онъ истязывалъ, билъ учениковъ по щекамъ, трепалъ за волосы, сѣкъ розгами; кромѣ того онъ „по различнымъ притязаніямъ, соединеннымъ съ угрозами жестокихъ наказаній и подъ тѣмъ предлогомъ, что ему дана власть надъ поведеніемъ каждаго изъ учениковъ и потому, что онъ же будто имѣетъ полное право переводить въ семинарію кого ему угодно, а также кого угодно оставить“,—бралъ съ учениковъ деньги, кромѣ тѣхъ явокъ изъ домовыхъ отпусковъ, послѣ которыхъ каждый изъ нихъ отъ опасеній жестокихъ наказаній по возможности, а иногда также и по насильственному со стороны Архангельскаго требованію всегда дарили его. Какъ велики были доходы Архангельскаго, можно судить потому, что онъ въ 1838 г. взялъ съ 13 учениковъ за переводъ ихъ въ семинарію 261 р. 50 к., изъ которыхъ 17 руб. 35 коп. далъ ему братъ Г. Е., Александръ, вѣроятно, за сокрытіе худой нравственности, потому что обычныя приношенія учениковъ въ то время были отъ 10 к. до 1 р. Такіе поступки Архангельскаго возбуждаютъ на него много жалобъ, изъ которыхъ приведены вышеозначенныя выписки, и которыя возникли, благодаря учителю Петру Лебедеву, который подговаривалъ потерпѣвшихъ подавать на Архангельскаго прошенія и даже самъ составлялъ ихъ, за что и уволенъ, и затѣмъ самъ Архангельскій въ 1839 г. былъ удаленъ отъ должности по доносу ученика низшаго отдѣленія семинаріи, Николая Левицкаго.

Учителя, которыхъ въ то время назначали на должности безъ ихъ согласія, не давая имъ, по окончаніи курса семинаріи аттестатовъ, и назначая ихъ нерѣдко преподавать такіе предметы, которыхъ они совершенно не знали, постоянно смѣнялись: или сами уходили въ священники и свѣтское званіе, или увольнялись за дурное поведеніе, или же принимали монашество, чтобы прикрыть свои грѣховныя вины; но и въ то время „встрѣчались иногда учителя съ доброй, любящей душой; они обыкновенно служили противовѣсомъ той грубой силѣ, которая господствовала надъ юношествомъ. Снисходительность и участіе къ положенію ученика, человѣческое ласковое слово съ учащимся считались по тому времени потерею учительскаго авторитета. Чѣмъ ни дальше стоялъ отъ учениковъ учитель и чѣмъ ни суровѣе онъ былъ, тѣмъ пользовался лучшею репутаціею у начальства [1]). И вотъ, среди этого безпросвѣтнаго

---

[1]) Я не согласенъ съ этимъ. Духовниковъ, Ф. В.

мрака и жестокости отыскивается человѣкъ съ добрымъ сердцемъ и отзывчивой любящей душой. Онъ проливаетъ человѣческія гуманныя чувства на отношенія къ учащимся и парализуетъ ту холодную жестокость, которая безпричинно тяготѣетъ надъ цѣлымъ учебнымъ заведеніемъ [1]). Несомнѣнно, такимъ добрымъ человѣкомъ для Саратовскаго духовнаго училища былъ Иванъ Николаевичъ Виноградовъ, занимавшій тридцать лѣтъ должность учителя, а потомъ инспектора училища [2]), такими же были учителя Д. О. Львовъ, И. Ѳ. Золотаревъ и Семихатовъ.

Вотъ что происходило въ училищѣ на глазахъ учениковъ!

Тотъ классъ, въ которомъ учился Г. Е., состоялъ, какъ на подборъ, изъ учениковъ очень даровитыхъ и съ хорошими способностями; такіе курсы рѣдки: они вѣками бываютъ. Изъ этого курса много вышло выдающихся лицъ, которыя заняли видныя должности въ Саратовской губерніи (П. Н. Павильоновъ, А. Я. Леопольдовъ, И. В. Любомудровъ, П. И. Беллярминовъ, В. Разсудовъ, Флегматовъ, Хованскій и друг.). Хотя Г. Е. былъ въ училищѣ не изъ самыхъ лучшихъ учениковъ (онъ записанъ въ спискахъ 5, 6, 10, 20 и даже 30), но онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды учениковъ, какъ сынъ полкового [3]) священника, видавшаго много на своемъ вѣку и знавшагося съ господами офицерами: онъ былъ и умнѣе, и раз-

---

[1]) Заимствовано изъ замѣтки: „Забытый дореформенный учитель“, помѣщенной въ 5 № „Саратовскаго Дневника“, отъ 6 января 1889 г.

[2]) Иванъ Николаевичъ Виноградовъ живетъ въ Саратовѣ, на горахъ, въ хибаркѣ, имѣющей три маленькія комнатки, изъ которыхъ одна кухня. Будучи съ дѣтства боленъ ногою, онъ не можетъ теперь ходить и проводитъ время, или сидя, или лежа на постели, вдали отъ людей, не слыша даже шума городского (хибарка его построена его сыномъ на чужомъ дворѣ, посреди сада). Почтенный старецъ, очень умный и образованный человѣкъ, сохранивъ хорошую память, живо и картинно разсказываетъ о прошлой жизни Саратова. Какъ обидѣла судьба этого почти 80-лѣтняго добраго учителя, воспитавшаго многихъ священниковъ Саратовской губерніи! Въ то время, когда онъ съ женою и сыномъ едва влачитъ жалкое существованіе, получая мизерную пенсію (13 руб. съ коп.), товарищъ его, тоже инспекторъ духовнаго училища въ захолустномъ городѣ, нажилъ себѣ отъ трудовъ, только неправедныхъ, большой капиталъ (около 80 тысячъ), и теперь благодушно почиваетъ на лаврахъ. Отчего бы духовенству Саратовской губерніи, имѣющему полную возможность помочь Виноградову, не улучшить жизнь его за его несомнѣнныя заслуги по училищной службѣ? Но старое добро не помнится! (На поляхъ: Мнѣ неловко самому дѣлать характеристику И. Н. Виноградова, потому что я обязанъ ему тѣмъ, что онъ многое сообщилъ мнѣ).

[3]) Онъ въ то время былъ простымъ священникомъ, но до смерти слылъ за полкового священника, такъ какъ сохранилъ многія привычки военныхъ священниковъ.

витѣе своихъ товарищей. Одѣваясь самъ очень франтовато и щеголевато (носилъ шелковыя и суконныя рясы, надѣвалъ на себя двое карманныхъ часовъ съ двумя цѣпочками и имѣлъ много цѣнныхъ вещей, въ числѣ ихъ табакерку изъ слоновой кости), отецъ Благосвѣтловыхъ одѣвалъ и дѣтей своихъ лучше другихъ: обыкновенною верхнею одеждою учениковъ былъ лѣтомъ пестрядиный или канифасовый халатъ. Григорій Евлампіевичъ носилъ фризовую шинель.

Я [1]) былъ товарищемъ Г. Е. въ низшемъ отдѣленіи второго духовнаго училища и одинъ годъ (1837—38) стоялъ съ нимъ вмѣстѣ на квартирѣ, на Бабушкиномъ взвозѣ, у вдовы дьячихи Ѳеклы Ивановны, которая держала нахлѣбниковъ, учениковъ духовнаго училища. Ученики платили за квартиру по одному рублю въ мѣсяцъ, а содержаніе имѣли свое; для чего каждый мальчикъ вносилъ хозяйкѣ на одинъ пудъ муки и на провизію: мясо, картофель и проч. опредѣленную сумму. Почему-то отецъ долго не присылалъ мнѣ денегъ; между тѣмъ хозяйка стала роптать на меня и даже грозить мнѣ, что кормить меня не будетъ. Горько мнѣ было выслушивать это, и я заплакалъ. Гриша, съ которымъ я былъ въ дружбѣ, говоритъ мнѣ: „Зачѣмъ ты плачешь? Я отдамъ за тебя хозяйкѣ“. Онъ исполнилъ свое обѣщаніе: вносилъ за меня хозяйкѣ два мѣсяца деньги. Я очень былъ радъ этому, и съ тѣхъ поръ сердечно полюбилъ Гришу.

Онъ былъ очень добръ, щедръ и жалостливъ къ своимъ товарищамъ. Бурсаки, обыкновенно, всегда голодные (ихъ кормили всегда въ проголодь), ждутъ, не дождутся прихода квартирныхъ (т. е. учениковъ, живущихъ на квартирѣ), отъ которыхъ они могли получить что-нибудь изъ съѣстного. Бывало, какъ начнетъ кто-нибудь изъ квартирныхъ завтракать, бурсаки посматриваютъ на нихъ, какъ собаченки, прямо въ глаза, не дадутъ ли чего-нибудь имъ поѣсть. Хотя Гриша не былъ богатъ, но имѣлъ всегда въ запасѣ деньги на письменныя принадлежности и дешевый завтракъ—калачъ и воблу (сухая соленая рыба). Во время завтрака его обступаютъ бурсаки и начинаютъ клянчить: „Гриша, дай воболки!“ и онъ отщипывалъ и раздавалъ имъ, такъ что на его долю оставалась едва двадцатая часть воблы. Но когда тѣ, которымъ ничего не доставалось воблы, поднимали для ѣды брошенныя между уче-

---

[1]) Разсказъ товарища Г. Е., священника Петра Никифоровича Павильонова. Въ дальнѣйшемъ изложеніи подробностей жизни Г. Е. мы будемъ разсказывать отъ имени его товарищей, хотя и будемъ соединять, во избѣжаніе повтореній, разсказы нѣсколькихъ лицъ въ одинъ.

ническими экскрементами на землѣ обглоданныя ребра воблы, между которыми оставались еще пленки ея, или горькую икру, то Г. Е. вынималъ изъ кармана грошъ и, отдавая бурсакамъ, говорилъ: „Бросьте! Какую гадость вы хотите ѣсть! Сбѣгайте и купите воблы". Обрадованные бурсаки стремглавъ бѣжали за воблою и затѣмъ съ жадностью пожирали ее. Вотъ за такія-то отношенія Г. Е. къ товарищамъ они любили его.

Но къ братьямъ сердечнаго отношенія у Г. Е. не было замѣтно: онъ относился къ нимъ всегда холодно и не по-родственному, такъ что съ теченіемъ времени ихъ холодныя отношенія не только не измѣнились, но даже обострились. Особенно Г. Е. возмущался поведеніемъ старшаго брата Александра [1]), очень бойкаго, рѣзваго и испорченнаго юноши. Онъ велъ себя дурно, постоянно шалилъ и никогда не занимался, и тѣмъ безпокоилъ другихъ и надоѣдалъ имъ, между тѣмъ ему, обладающему баснословною памятью и имѣющему необыкновенныя способности, учиться было бы легко; но его воспріимчивая натура приняла отъ школьной жизни только дурныя ея стороны: онъ пьянствовалъ, развратничалъ и проч. Часто, бывало, слышишь взволнованный голосъ Г. Е.: „Что ты кривляешься и представляешься шутомъ? Хоть бы чѣмъ-нибудь занялся! Душу мою возмущаешь!.. Вонъ отсюда, паяцъ!" Но когда Александръ обращался во время занятій за помощью и совѣтомъ къ Г. Е., то онъ всегда съ удовольствіемъ объяснялъ ему. Мы, товарищи, невольно подчинялись вліянію Г. Е. За нашими домашними занятіями никто не наблюдалъ, такъ что мы были предоставлены сами себѣ: кто хотѣлъ, тотъ и училъ уроки, а кто игралъ. Была зима. Изъ нашихъ оконъ было видно, какъ катаются мальчики на лыжахъ съ горы, которая была сдѣлана изъ снѣгу на дворѣ. Глядя на нихъ, мнѣ очень хотѣлось покататься. „Гриша, говорю я ему, пойдемъ покатаемся на лыжахъ". „Нѣтъ, сказалъ онъ мнѣ, прежде давай выучимъ уроки, и тогда уже покатаемся вдоволь". Я послушался совѣта Гриши и принялся вмѣстѣ съ нимъ учить уроки. Какъ нарочно, на слѣдующій день насъ обоихъ спросилъ урокъ учитель, и мы отвѣтили урокъ свой такъ хорошо, что онъ посадилъ насъ въ первый рядъ учениковъ: меня—третьимъ, а его—вторымъ на первомъ столѣ (тогда разсаживали учениковъ сообразно ихъ успѣхамъ: лучшіе помѣщались на первыхъ столахъ, а худшіе—на послѣднихъ) и назначены были авдиторами, т. е. слушателями уроковъ учениковъ.

---

[1]) Александръ былъ исключенъ изъ семинаріи за дурное поведеніе Умеръ фельдшеромъ въ г. Сердобскѣ, Саратовской губерніи.

Въ то время классъ раздѣлялся на нѣсколько группъ. Учитель назначалъ изъ лучшихъ учениковъ авдиторовъ, обязанность которыхъ состояла въ томъ, что бы до прихода въ классъ учителя спросить всю порученную группу, и о познаніяхъ каждаго ученика авдиторъ отмѣчалъ въ нотатахъ (тетрадкахъ).

Отмѣтки ставились слѣдующія: sc (sciens—знающій), nt (non totum—не все) и ns (nesciens—не знающій). Хотя мы оба были въ большомъ восторгѣ отъ такого назначенія, сознавая, что стали выше своихъ товарищей, но новая наша обязанность надѣлала намъ много хлопотъ, безпокойства и иногда огорченій. Мы знали, что плохая отмѣтка не пройдетъ безнаказанно ученикамъ, получившимъ ее: ихъ высѣкутъ; поэтому приходилось, по ихъ просьбѣ, иногда соединенной со слезами на глазахъ, нѣсколько разъ переспрашивать уроки, давать время доучивать ихъ и даже объяснять; съ другой стороны мы боялись и за свою шкуру: въ случаѣ, если мы неправильно поставимъ ученику отмѣтку, то учитель не только лишитъ насъ почетной обязанности, но и очень сильно накажетъ.

Особенно намъ бывало жаль товарищей съ плохими способностями, но прилежныхъ, для которыхъ ученіе было въ полномъ смыслѣ мученіемъ. Ихъ терзали и ученики, и учителя. Подражая своимъ воспитателямъ, и ученики брали взятки съ своихъ товарищей. Авдиторы, желающіе получить взятку, строго спрашивали учениковъ, за что ихъ называли калилами, и ученики давали взятки, чтобы только они поснисходительнѣе были къ нимъ въ отмѣткахъ; сѣкуторы (ученики, занимавшіеся сѣченіемъ своихъ товарищей), зная, кому поставлена плохая отмѣтка, тоже старались заполучить что-нибудь или деньгами (грошъ), или воблой, за что сѣкли, или не очень больно, или не касаясь тѣла ученика. Такое омерзительное вымогательство взятокъ дѣлалось, къ чести учениковъ, только немногими, такъ что такіе взяточники были презираемы нами; особенно ненавидѣлъ ихъ Г. Е., который, будучи, вообще, разборчивымъ на знакомства, никогда даже не вступалъ въ разговоръ съ ними. Когда учитель входилъ въ классъ, то бралъ со стола нотатки и приказывалъ сѣчь учениковъ, имѣющихъ отмѣтку ns. Сѣченіе производили, обыкновенно, дежурные ученики, сильные, рослые, которые ничему уже не учились и не подавали никакой надежды на успѣхи, но которые наводили на всѣхъ страхъ своимъ сѣченіемъ. Весь интересъ ихъ школьной жизни заключался въ розгахъ: внѣ класса, вмѣсто уроковъ, они приготовляли розги, предъ уроками они показывали ученикамъ, какъ они будутъ сѣчь тѣхъ, кто дастъ имъ взятку, и кто не дастъ, во время уроковъ сѣкли. Когда дежурный сѣкуторъ получитъ взятку, то говоритъ

кліенту: „во время сѣченія кричи сильнѣе“, и когда ученика сѣкли, то онъ оралъ во всю глотку, хотя сѣкуторъ и билъ розгой только по воздуху.

Но случалось, что продѣлки сѣкутора открывалъ учитель, особенно когда онъ былъ въ дурномъ расположеніи. Когда сѣкуторъ дастъ ударовъ 10—15 по воздуху, то учитель, подойдя къ кричавшему ученику и не видя на его сѣдалищѣ никакихъ слѣдовъ розги, велитъ высѣчь другому сѣкутору и самого сѣкутора, и того ученика, котораго онъ сѣкъ. Сѣкуторъ, разсерженный за то, что не ему досталась взятка, сѣкъ ихъ обоихъ изъ всѣхъ силъ. Хотя розги и страшили насъ и производили всегда непріятное впечатлѣніе, но къ нимъ въ обыкновенное классное время мы присмотрѣлись; нѣкоторыхъ же изъ насъ и дома пороли. Но это сѣченіе было ничто сравнительно съ тѣмъ сѣченіемъ, которое случалось на экзаменахъ, бывшихъ три раза въ годъ: предъ Рождествомъ, Пасхою и лѣтними каникулами. На нихъ обыкновенно сѣкли учениковъ рослыхъ, лѣтъ 18—20, уже бреющихъ бороды, за лѣность въ теченіе трети года; ихъ, вѣроятно, считали нужнымъ хотя разъ поучить за ихъ лѣность, такъ какъ обыкновенно во время учебныхъ занятій на нихъ не обращалъ никакого вниманія ни одинъ изъ учителей и никогда не спрашивалъ ихъ, и они, пользуясь полною свободою, ничему не учились и ничего не знали. Каждый экзаменъ производился самимъ ректоромъ, священникомъ Григоріемъ Николаевичемъ Амальевымъ. До обѣда экзаменъ шелъ обычнымъ порядкомъ. Въ 12 часовъ ученики распускались домой до 2 часовъ обѣдать, а самъ ректоръ идетъ на обѣдъ къ тому учителю, у котораго былъ экзаменъ, и который, какъ было тогда въ обычаѣ, обязательно долженъ давать обѣдъ ректору. За обѣдомъ бывало угощенье и водкою, такъ что учитель и ректоръ послѣ обѣда являлись на экзаменъ уже очень навеселѣ, ни тому, ни другому не хотѣлось экзаменовать, и вотъ тогда-то начиналось сѣченіе лѣнтяевъ. „Захаровъ“! вызываетъ ректоръ ученика. Выходитъ рослый дѣтина съ черными щетинами на бородѣ.

— А ну-ка, просклоняй „розга!“—Именительный падежъ—розга, род.—розгой, дат. розгами.

— „А ну-ка его розгами“!,—кричитъ ректоръ: „дневальные, выходите“! Исполняя приказаніе, дневальные сѣкли ученика съ двухъ сторонъ подобно тому, какъ кузнецы куютъ молотами желѣзо на наковальнѣ въ кузницѣ. Жидкіе пучки розогъ такъ и взвивались въ воздухѣ, кровь лилась.

Несчастный Захаровъ сначала кричалъ, но потомъ, выбившись изъ силъ, лежалъ молча. До ста ударовъ было дано ему. Мы всѣ

сидѣли въ большомъ страхѣ, мертвенно блѣдные, слышно было, какъ пролетитъ муха. Пришедши домой послѣ этого экзамена, Гриша былъ печаленъ, нахмурился; ничего ни съ кѣмъ не говорилъ, и, несмотря на то, что хотѣлъ ѣсть, легъ спать, не ѣвши; только на другой день онъ сказалъ: „И что это за звѣрство сѣчь до полусмерти? За что? За то, что Захарова ничему не учили учителя?". Подобныя сѣченія были не рѣдкость на экзаменахъ. Случалось, что ректоръ во время сѣченія вспоминалъ какую-нибудь шалость ученика, и тогда сѣченіе сопровождалось звономъ въ колоколъ, висѣвшій на крыльцѣ для звона при началѣ и послѣ окончанія уроковъ. Какое значеніе придавалъ ректоръ звону въ колоколъ, мы не понимали, но только помню, что онъ наводилъ на насъ большой страхъ. Мы сознавали, что наказанный ученикъ сдѣлалъ большой проступокъ, который не долженъ, по нашему мнѣнію, пройти безнаказанно; но подобныя сѣченія вызывали въ насъ сочувствіе и жалость къ наказанному (хотя обыкновенно выказывали ему, можетъ быть, и презрѣніе за его поступки), и злость къ начальству и учителямъ за жестокость. Мы такъ и звали ихъ живодерами, понятіе—въ нашихъ глазахъ самое постыдное и безчестное.

Изобрѣтательность училищнаго начальства въ дѣлѣ сѣченія была поразительна. Ученикъ высшаго отдѣленія Саратовскаго духовнаго уѣзднаго, а нынѣ Петровскаго училища, Петръ Соколовъ, въ прошеніи, къ его преосвященству 14 іюля сего (1839) года поданномъ, между прочимъ прописалъ, „что онъ терпѣлъ притѣсненія отъ Васъ (ректора Амальева) и инспектора Архангельскаго, и что во время экзамена предъ Пасхою сего года, Вы (Амальевъ), приказавъ въ классѣ распарить три пары лозъ въ молокѣ съ перцемъ и виномъ, жестоко наказали его, такъ что онъ, Соколовъ, за полмертва вытащенъ былъ изъ класса и лежалъ съ часъ безъ чувствъ" [1]).

(Признаюсь, я не повѣрилъ, чтобы такъ жестоко наказывали, какъ написалъ Петръ Никифоровичъ Павильоновъ, товарищъ Г. Е., почему, съ цѣлью провѣрки факта сѣченія, нарочно перебралъ дѣла Сар. духовнаго училища за два года и убѣдился, что сѣкли еще хуже, почему и выписываю интересный фактъ. Ф. Духовниковъ).

Необыкновенно тяжелое и грустное впечатлѣніе мы выносили послѣ экзаменовъ! Но за то съ какою радостію мы отправлялись домой! Мнѣ привелось совершить поѣздку домой съ Г. Е. Поѣздка на каникулы обыкновенно совершалась цѣлою гурьбою. Всѣ уче-

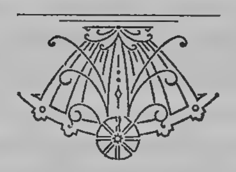
---

[1]) Архивъ 1839 г. Изъ сообщенія ректора Саратовской духовной семинаріи Спиридона 10 сентября 1839 г. ректору іеромонаху Гавріилу о производствѣ надъ нимъ дознанія по прошенію ученика Петра Соколова.

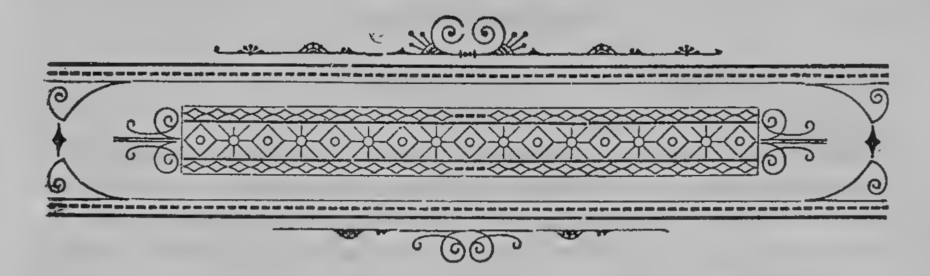
ники, ѣдущіе внизъ по Волгѣ, собирались на одинъ дощаникъ, который приплывалъ сверху съ бурлаками, ѣдущими внизъ на заработки до Астрахани. Набиралось учениковъ 20—30 съ платою по 20 к. до Царицына, а кому ближе—по 10—15 коп. Гриша плылъ до слободы Владиміровки, а я до Царицына, потому что мой отецъ служилъ въ одномъ изъ ахтубинскихъ [1]) селъ Царевскаго уѣзда. Дощаникъ нашъ у села Антиповки, ниже Камышина, въ 25 верстахъ, разбился о подводный камень. Чинили его цѣлый день, и у многихъ учениковъ не хватило хлѣба, а купить было не на что. Хотя Гриша имѣлъ въ запасѣ около рубля, и ему приходилось ѣхать до дома еще далеко, болѣе двухъ сутокъ, но онъ употребилъ половину своихъ денегъ на пищу для своихъ товарищей, состоящую изъ хлѣба и огурцовъ, и кормилъ ихъ до самыхъ мѣстъ жительства: кого до Балыклей, кого до Дубовки, а кого и до Царицына.

А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Села, лежащія на рѣкѣ Ахтубѣ.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ.

1.

С.-Петербургъ. Генваря 3. 1813. Пятница.

Мы встрѣтили здѣсь Новый годъ благодарственнымъ молебствіемъ за успѣхи нашего оружія въ прошломъ году и за взятіе прусской столицы. Обѣ Императрицы изволили быть на семъ молебствіи въ Казанскомъ соборѣ съ Вел. Князьями и Вел. Княжною при полномъ собраніи знатнѣйшихъ особъ обоего пола и всѣхъ иностранныхъ министровъ. Читалъ оберъ-прокуроръ Хитровъ два Высочайшіе манифеста. Одинъ, возвѣщающій Россіи очищеніе ея предѣловъ отъ вражескихъ ополченій, а другой—свидѣтельствующій благочестіе августѣйшаго Монарха нашего. Онъ учинилъ обѣтъ соорудить храмъ въ Москвѣ во имя Спасителя Христа въ память избавленія царства его. Многолѣтіе Императорскому дому и побѣдоносному воинству россійскому сопроводилось 101 выстрѣломъ изъ пушекъ, ввечеру же весь городъ былъ освѣщенъ.

Наши передовыя войска подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Васильчикова дѣйствовали въ Варшавѣ. Онъ имѣлъ до занятія сего города двѣ значащія сшибки съ конфедераціонными войсками, кои побиты были на голову. Магдональдъ по послѣднему донесенію гр. Витгенштейна отъ 25 декабря по сдачѣ Кенигсберга, кажется

съ 7-ю тысячами французовъ и поляковъ уплетется, хотя его и преслѣдуютъ діагональными линіими.

Послѣдній англійскій курьеръ привезъ сюда разныя каррикатуры; лучшая изъ нихъ на Бонапартевы винтерквартиры въ Россіи. Несмѣтное число французскихъ головъ торчитъ изъ-подъ снѣгу, а внизу написано: можно ли для зимы отвести покойнѣе квартиры въ непріятельской землѣ!

Французы плѣнные въ Литвѣ и Бѣлоруссіи валятся, какъ мухи отъ гнилой горячки. Опечалены извѣстіемъ, что и Цесаревичъ отъ заботливости своей о лазаретахъ захворалъ. Свѣтлѣйшій пишетъ къ супругѣ своей, чтобъ она на колѣняхъ просила Императрицъ, дабы онѣ умоляли Государя отъ посѣщенія больныхъ, коихъ онъ всюду присутствіемъ своимъ желаетъ утѣшать. Сюда пріѣхалъ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, но не знаю, съ какими извѣстіями или по какимъ надобностямъ.

Екатерину Павловну ожидаютъ завтра или послѣзавтра, а тѣло супруга ея привезутъ не прежде 7-го числа ввечеру. Приготовленія въ лютеранской Петровской церкви дѣлаютъ самыя великолѣпнѣйшія.

Несправедливо, будто бы Каткартъ въ арміи. Его въ Новый годъ видѣли въ Казанскомъ соборѣ, также и шведскаго министра.

Смоленскій князь прислалъ въ Казанскій соборъ 40 пудъ отбитаго у непріятеля серебра для отлитія изъ него 4-хъ Евангелистовъ.

2.

Генваря 7. 1813 г.

Только могу сказать любезнѣйшему Александру Яковлевичу, что получилъ 11 его № съ приложеніями, которыя немедленно доставлены.

Здѣсь слѣдуетъ Бабичева „Сѣверная Почта“.

3.

Генваря 10.

Точно такъ говорятъ и здѣсь, какъ вы, дальновидные люди о извѣстной деклараціи.

„Хотятъ мести“, сказалъ одинъ знакомый мой, „а много оставляютъ сору. Эдакъ никогда отъ нечистоты не избавишься“. Да кого же въ самомъ дѣлѣ силятся ставить на ноги, который на нихъ держаться не можетъ. Но знаете ли вы секретъ, что ему заго-

товляютъ подпорку въ новомъ бракѣ. Est ce bien? Est ce sage? Est ce politique?—C'est à vous à decider.

Не думаю, чтобъ морская буря заступила мѣсто сухопутнаго ненастья. Здѣсь что-то куртизируютъ московскому пріѣзжему. Не онъ ли, помилуй Боже! доберется насъ со всѣми ссорить. C'est un homme absolument haineux. Такъ отзывался о немъ покойный Безбородко.

Вы спрашиваете меня, читалъ ли я brouillon, найденный будто бы въ оставленныхъ бумагахъ? Я этотъ № представилъ къ удержанію. Неужели начальникъ мой его выпустилъ? Знаю, дорогой мой, достоинства чтимаго нами мужа, знаю и адскую душу другого, у котораго однако жъ нельзя отнять великихъ способностей.

Покойный Государь, получивши однажды депешу отъ послѣдняго, когда онъ находился репрезентантомъ его лица въ Бранденбургской столицѣ, съ такими предложеніями, что отъ ужаса схватилъ себя за волосы, воскликнулъ: „Каковъ?“ Послѣ того однако жъ онъ его употребилъ. Патріотъ сломилъ ему шею. Il a très bien fait; puisque c'est un homme terrible. Это второй томъ Бертье.

О! попечительный Ростопчинъ! Долгія лѣта тебѣ жить за то, что ты охраняешь здоровье, жизнь и счастье соотечественниковъ твоихъ.

Куревами плохо изворачиваться въ постигшихъ заразахъ: ихъ должно отвращать, когда можно. Попробуйте негашеную известь для истребленія труповъ. Это средство обойдется дешевле, да едва-ли оно и не надежнѣе самаго огня.

Эта нація становится мнѣ часъ отъ часу гаже. Въ ней не нашлось при возвращеніи тиранна въ Парижъ ни одного человѣка, который бы его убилъ. Онъ, правду сказать, пріѣхалъ потихоньку и ночью, но ежели бы хотѣли его подкараулить, то никакія бы предосторожности не спасли его. 18-го декабря пріѣхалъ онъ поздно ввечеру въ развратную столицу галловъ, 19-го палили изъ пушекъ, возвѣщая его пріѣздъ, а 20-го сѣлъ ужъ онъ на похищенный престолъ въ Тюльери, чтобъ ломаться предъ креатурами своими, изъ коихъ двѣ говорили ему подлыя рѣчи. Совѣтуютъ ему поскорѣй заставить присягнуть французовъ королю Римскому, чтобъ чѣмъ-нибудь развлечь ихъ среди печальныхъ извѣстій о истребленіи въ Россіи французскихъ армій. 29-й бюллетень не могъ того скрыть.

Злодѣй возвѣстилъ теперь въ безтолковыхъ отвѣтахъ своихъ на рѣчи Сената и Государственнаго Совѣта не побѣды и покоренія новыхъ земель, но великодушіе свое (о извергъ!), которое будто бы спасло Россію.

Безъ возмущенія и омерзенія не можно читать толь наглыхъ притворствъ. Ежели вы не получите сихъ рѣчей и отвѣтовъ, то дайте мнѣ знать, я вамъ ихъ спишу.

Сегодня хоронятъ Его Имп. Высоч. Принца Ольденбургскаго съ большою церемоніею. Сказываютъ, что лютер. церковь убрана богато и съ отличнымъ вкусомъ, а освѣщеніе таково, что ничего не можно вообразить себѣ великолѣпнѣе.

Вчерась пришла изъ Вильны первая почта отъ 3-го января. Въ томъ краю множество непогребенныхъ и несожженныхъ еще тѣлъ. Успѣли токмо очистить отъ нихъ на первый случай всѣ дома.

Гнилыя горячки свирѣпствуютъ. Разныя предохранительныя средства предписаны здоровымъ медицинскимъ факультетомъ. Цесаревичъ, благодаря Бога, оправился и поѣхалъ въ большую армію. Варшава взята точно безъ малѣйшаго сопротивленія, хотя за нее отступило довольно австрійскихъ войскъ вмѣстѣ съ малыми остатками польскихъ. Сарматамъ нечего довѣрять. Настоящее ихъ покорство принужденное. Этого они при всемъ притворствѣ своемъ скрыть не могутъ. Мнѣ пишутъ, что братецъ вашъ сдѣланъ Гродненскимъ гражд. губернаторомъ. Поздравляю васъ съ симъ новымъ его званіемъ. Идите оба по слѣдамъ достойнаго родителя вашего.

Данцигъ и Маріенбургъ объявлены Нейшательскимъ въ осадномъ положеніи, также и головы мостовъ въ Маріенвердерѣ и Торунѣ. Грауденца пруссаки не выдали однако жъ французамъ. Тутъ стоитъ до 30 тысячъ прусскихъ войскъ, которыя, вѣроятно, заключатъ съ нами капитуляцію.

Англійскій принцъ-регентъ предложилъ нижн. парламенту доставить ему средства сдѣлать вспоможеніе храброй и великодушной россійской націи по случаю претерпѣнныхъ ею разореній. Сумма должна быть не менѣе 200 тыс. ф. стерл. Многіе члены нашли таковое вспоможеніе весьма маловажнымъ по тѣмъ выгодамъ, которыя доставлены Великобританіи безпримѣрными побѣдами русскаго народа и отъ которыхъ зависитъ даже будущая ея безопасность. Спасибо за сію справедливую признательность.

4.

Генваря 14. 1813 г.

За вѣрное доставленіе моего письма и за стихи покорнѣйше благодарю. Только безхарактернымъ французамъ съ равнымъ удовольствіемъ можно ругать того, котораго за день хвалили. Вольтеръ прекрасные преподалъ имъ уроки приведенныхъ въ систему правилъ своихъ. Son Roi philosophe, son Marc-Aurèle du Nord

devenoit tout à coup un maître dans l'art d'égorger son prochain. Il se soucioit fort peu qu'il plaçoit le bourreau à côté du bienfaiteur de ses peuples. И здѣсь сдѣлали эти флюгера разные стихи по погодѣ. Недавно слышалъ я еще каламбуръ на шифру злодѣя и возлюбленнаго нашего отца.

Napoléon à partout d'N mis (d'ennemis), tandis qu'Alexandre partout des A mis (des amis).

Во всѣхъ фран. магазинахъ регалируютъ покупающихъ акростихами и эпиграммами на Бонапарта собственной фабрики. Мнѣ всѣ они не показались, и я не посылалъ ихъ потому и къ вамъ. Мнѣ, можетъ быть, самому пустяки сказали о курильщикѣ, но я и того не хотѣлъ отъ васъ скрыть, дабы вы лучше могли дѣлать свои наблюденія. Впрочемъ, признайтесь, что онъ не стоитъ того, чтобъ около него и руки марать, особливо толь чистыя, каковы вашего достойнаго начальника. Я, кажется, писалъ вамъ, что амнистія сочинена въ канцеляріи гр. Аракчеева и, вѣроятно, Марченкомъ. Слогъ контрастируетъ съ изяществомъ предмета столько же, какъ и неблагодарность прощаемыхъ съ милосердіемъ, которое въ настоящее время дѣйствительно представляется феноменомъ.

Гр. Ал. Николаевичъ былъ столько разъ употребляемъ, никогда ничего не получалъ, и въ послѣдній разъ за свои труды не сказали ему и спасибо.

Vous savez, qu'il n'est pas bien avec le C. R., qui lui a joué tous ces tours.

Варшава не взята. Въ прагскія укрѣпленія вступили австрійскія войска, которыя отъ насъ отступили. По всему видно, что непріятель намѣренъ удерживать позицію по Вислѣ, которая, сказываютъ, хорошо во многихъ мѣстахъ укрѣплена и уже осаждена довольнымъ числомъ войскъ. Главная наша армія идетъ въ направленіи къ Торуню, а разные корпусы по флангамъ, которые займутъ пространство отъ Варшавы до Балтійскаго моря.

5.

Генваря 17. 1813 г.

Эльбингъ, Маріенбургъ и Маріенвердеръ заняты нашими войсками не по слухамъ, а по вышедшимъ вчерашняго числа изъ печати донесеніямъ и журналамъ. Изъ нихъ видно также, что гр. Витгенштейнъ состоитъ въ командѣ адмирала Чичагова. Васильчиковъ, надѣявшійся взять Варшаву, въ надеждѣ своей обманулся. Тутъ нужны бо̀льшія силы, нежели каковыя онъ имѣлъ. Бонапарте поручилъ чрезъ message сенату своему придумать въ настоящихъ

обстоятельствахъ мѣры для поддержанія могущества и достоинства имперіи своей.

27-го декабря у Тюльерійскаго дворца на парадѣ обнаружилъ онъ неудовольствіе свое 1-му полку за какой-то поступокъ во время открытія заговора противъ правительства. Журналистъ пишетъ, что весь полкъ до слезъ былъ тронутъ таковымъ высочайшимъ негодованіемъ.

Въ послѣднихъ французскихъ газетахъ помѣщены допросы замѣшаннымъ въ заговорѣ Мале, Лагори и проч. Министръ полиціи Савари, какъ изъ нихъ оказывается, былъ благополучно посаженъ противною партіей въ тюрьму. Когда бъ не опоздали захватить и военнаго министра, то вѣрно бы благое дѣло было совершено.

Кажется, я вамъ не писалъ, что Беннигсенъ изъ Порхова, а Барклай-де-Толли отсюда вытребованы въ армію.

Возвращенія Государя скоро не ожидаютъ. Меня увѣряли, что къ нему потребованы на сихъ дняхъ придв. пѣвчіе.

6.

Генваря 21. 1813 г.

Будь только теплая зима, такъ увидѣли бы ужасныя ея послѣдствія. Гдѣ много зараженныхъ французовъ, тамъ и при жестокихъ морозахъ прилипчивость валитъ пропасть людей. Изъ Вильны отъ 14-го имѣю самое плачевное письмо на этотъ счетъ. Ужъ не поспѣваютъ съ должными обрядами хоронить умирающихъ. Литва и герцог. Варшавское болѣе прочихъ областей потерпятъ отъ занесенныхъ къ нимъ горячекъ, ибо тамъ достигли онѣ послѣдней степени гнилости своей. Въ Вильнѣ умеръ генер.-лейтенантъ князь Борисъ Владиміровичъ Голицинъ. Онъ былъ совершенно вылѣченъ отъ полученной подъ Борисовымъ контузіи, но послѣ простудился на вахтъ-парадѣ.

Изъ Кенигсберга получилъ также письмо чрезъ курьера отъ адъютанта гр. Витгенштейна. Дѣла въ той сторонѣ шли до 5-го генваря очень хорошо; только герой нашъ отъ дѣлаемыхъ ему шиканствъ того числа сказался уже больнымъ и писалъ къ Государю, что не можетъ продолжать службы съ связанными руками. Я плакалъ, читая клеветы, коими хотятъ помрачить завистники заслуги его. Гр. Штейнгель принялъ уже команду надъ корпусомъ его. Въ арміи три противныхъ партіи, и это между подданными кротчайшаго Монарха!!! Да спустится съ неба ангелъ-примиритель для успѣха общаго дѣла!

29-й бюллетень такъ плохъ, что не требуетъ почти ничего кромѣ вѣрнаго перевода; но какъ вы изо всего умѣете дѣлать розги для злодѣя, то съ нетерпѣніемъ буду ожидать сообщенія вашихъ замѣчаній. Отвѣты его сенату и госуд. совѣту такъ перепутаны и такъ нелѣпы, что Вамъ представятъ обширный раскатъ повеселиться надъ шарлатанствомъ, каковаго еще не видывалъ свѣтъ.

7.

Генваря 24. 1813 г.

Христосъ вѣдаетъ, какою системою руководствуется имп. Францъ, и какой корысти ожидаетъ онъ для пользы и достоинства престола своего отъ продолженія союза съ злодѣемъ? Плохо однако же дѣйствуетъ и дипломатика торжествующей державы. Горестно будетъ видѣть худыя послѣдствія отъ толь чрезвычайныхъ успѣховъ! Теперь утѣшаются здѣсь слухомъ, что съ 1-го генваря опасно занемогъ лютый корсиканецъ. Да правда ли это? Да околѣетъ ли онъ? Все хотятъ обязаны быть случаю, а не тѣмъ средствамъ, которыя Богъ, толико насъ милующій, даровалъ намъ. Они ввѣрены такимъ людямъ, о которыхъ вы лучше меня судить можете. И я слышалъ на сихъ дняхъ, что избавитель бѣглеца едва-ли не будетъ первымъ лицомъ по дипломатикѣ. Чего же послѣ такихъ назначеній прикажете ожидать?

Возрадуйтесь вмѣстѣ съ нами, со всею Россіею! Витгенштейнъ одолѣлъ крамолу. Онъ опять на поприщѣ славы. Ему дали даже болѣе прежняго войскъ подъ начальство. Вчерась пріѣхалъ отъ него курьеръ. Говорятъ, что онъ разсказывалъ о подорваніи всѣхъ отдѣльныхъ укрѣпленій вокругъ Данцига самимъ непріятелемъ, который въ маломъ числѣ залегъ въ главномъ токмо замкѣ. Аванпосты гр. Витгенштейна уже подъ Гданскомъ.

Какое новое разореніе разореннымъ, когда по снурку разсудятъ вести у васъ улицы! Куда ни оглянешься, всюду видишь не у мѣста затѣи. Отстроили бы ее матушку, какъ она стояла! Зачѣмъ отнимать у нея послѣдніе признаки ея древности? Регулярность принадлежитъ новымъ городамъ. Улицы ея были не прямы, но довольно широки. Недоставало площадей. Ну, этому теперь пособить можно: только не на счетъ обывателей. Гласъ съ неба вопіетъ: „сперва пособите бѣдствующимъ, а послѣ помышляйте объ украшеніяхъ жилищъ ихъ“.

Какъ люди теряютъ себя въ общемъ мнѣніи тщеславными приношеніями! Прошу покорно!—Скажите, богоугодный даятель, чьимъ добромъ вы вздумали распоряжаться? Божусь вамъ, что я не по-

нимаю этого поступка. Сравните его съ тѣмъ, который явилъ намъ истинный герой, когда возвратилъ похищенное въ тѣ же мѣста, гдѣ оно нѣсколько вѣковъ уже находилось.

Прощайте. Вѣрьте, что я утѣшеніемъ себѣ поставляю быть, въ чемъ только могу, вашимъ угодникомъ.

8.

Генваря 28. 1813.

Журналъ о воен. дѣйствіяхъ отъ 8 по 16-е генв. появился. Въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ увѣренія, что жители варшавскіе ожидаютъ насъ съ распростертыми объятіями. Мнѣ показывали вчерась выписку изъ одного письма изъ-подъ Гданска, по которому нѣсколько бомбъ уже кинуто въ городъ, и что при отправленіи письма открыты были съ гарнизономъ переговоры. Гр. Витгенштейнъ далъ сроку на 38 часовъ. Надѣялись, что крѣпость сія сдатся безъ сопротивленія. Гр. Платовъ между тѣмъ тянется къ Берлину съ генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ.

По послѣднимъ кенигсбергскимъ газетамъ прусскій король переѣхалъ изъ Потсдама въ Бреслау. Тамъ помѣщены и замѣчанія на 29-й бюллетень. Они очень пространны; не имѣлъ еще времени пробѣжать ихъ за множествомъ другой работы и отходомъ нынѣшней почты.

Здѣсь прилагаю стихи [1]) княгини Волконской, урожденной Бѣлосельской. Это пародія разговора Агриппины съ Нерономъ изъ Британника. Можетъ быть, вы ихъ еще не имѣете, а они стоятъ того, чтобы вы ихъ прочли. Смотрите, какъ наши дамы французскаго воспитанія пишутъ!—только не на своемъ языкѣ.

9.

Генваря 31. 1813.

Пробѣжавъ изъ любопытства Кенигсбергскія вѣдомости по отправленіи прошедшей почты, нашелъ я ремарки на 29-й бюллетень заслуживающими быть сообщенными Ал. Яковлевичу; для того ихъ и списалъ и при семъ препровождаю.

Извѣстія же въ нихъ слѣдующія:

Прус. король переѣхалъ резидировать въ Бреслау, а управленіе королевствомъ поручилъ назначенному отъ него комитету въ Берлинѣ.

---

[1]) Стиховъ кн. Волконской при письмѣ не оказалось.

Наполеонъ боленъ дѣйствительно. Велѣлъ опредѣленіемъ сената для укомплектованія армій собрать 350 т., 100 т. когортъ обращены въ линейныя войска, а 250 т. должно взять изъ конскриптовъ. Въ сей наборъ входитъ и 1814 годъ. Извиняется предъ французами, что къ такой мѣрѣ заставилъ его приступить сенатъ по донесенію министра иностранныхъ дѣлъ.

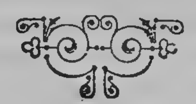
Помѣщена выписка изъ фран. исторіи о регентшахъ-королевахъ, которую подносили Бонапарту. Видно, Луизу хочетъ сдѣлать регентшею.

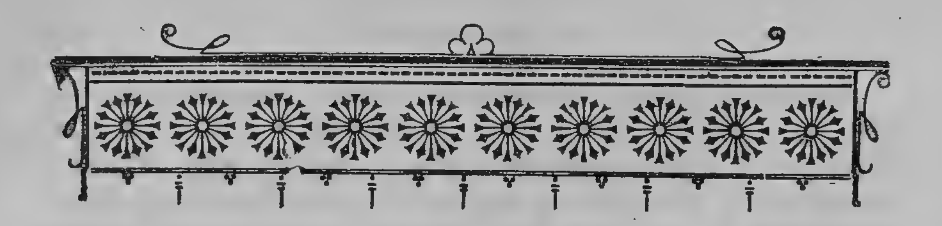
Пишутъ, что въ содѣйствіи Россіи и Швеціи открыла Англія переговоры съ Даніею къ сближенію. Купцы обѣщаютъ заплатить за разореніе Копенгагена и возвратить захваченный флотъ, ежели токмо датчане согласятся тотчасъ выставить 50 т. противъ французовъ.

Все это читалъ въ Кенигсбергскихъ вѣдомостяхъ. Меня увѣряютъ, что лордъ Каткартъ отправляется сегодня въ Пруссію къ Государю.

О военныхъ дѣйствіяхъ никакихъ слуховъ нѣтъ. Ожидаютъ съ нетерпѣніемъ подтвержденія о занятіи Данцига.

С. О. Долговъ.

Донесенія французскихъ посланниковъ при дворѣ Екатерины II. 1762—1765 гг.

Послѣдній—сто сороковой томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, изданный подъ наблюденіемъ члена общества К. А. Губастова, заключаетъ донесенія представителей французскаго правительства въ Россіи съ 1762—1765 гг., а именно барона де-Бретёля, бывшаго посланникомъ въ Петербургѣ въ первые годы царствованія Екатерины II,—секретаря французской миссіи Беранже, послѣ отъѣзда де-Бретёля, бывшаго продолжительное время повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи, преемника барона Бретёля маркиза Боссе, который прибылъ въ Петербургъ въ маѣ 1765 г. и, наконецъ, консула Россиньоля, исполнявшаго, послѣ смерти маркиза Боссе, обязанности дипломатическаго агента.

Обстоятельное предисловіе подготовляетъ читателя къ содержанію тома; изъ него мы узнаемъ, что напечатанные въ Сборникѣ документы доставлены изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ къ сожалѣнію не полностью, а съ болѣе или менѣе значительными пропусками, такъ какъ архиваріусы, за которыми никто не наблюдалъ, переписывали какъ и что имъ вздумалось, но пропуски эти, повидимому, не существенны.

Донесенія, напечатанныя въ этомъ томѣ, не содержатъ какихъ-либо безусловно новыхъ данныхъ; многія изъ нихъ извѣстны уже изъ трудовъ Бильбасова и Рамбо; нѣкоторыя депеши барона де Бретёля были помѣщены въ сочиненіи „La cour de Russie il y a cent ans“ и въ переводѣ и извлеченіи были напечатаны на страницахъ

„Русской Старины“ за 1896 г. [1]); но, будучи сгруппированы нынѣ въ одномъ томѣ и расположены въ хронологическомъ порядкѣ, онѣ даютъ безусловно цѣльную и яркую картину событій и настроеній при дворѣ Екатерины II; конечно, огромное удобство, что ихъ не приходится болѣе разыскивать въ томъ или другомъ сочиненіи, не всегда доступномъ читателю.

Въ своихъ пространныхъ депешахъ, французскіе дипломаты сообщали своему правительству о событіяхъ, совершавшихся въ Россіи, передавали ходившіе въ Петербургѣ слухи, которыми были такъ богаты первые, тревожные годы царствованія Екатерины II; описывали интриги и происки придворныхъ партій, излагали планы и намѣренія Императрицы, давали характеристики ея приближенныхъ и т. п. Для характеристики самой Императрицы особенно интересны депеши барона де-Бретёля, къ которому Екатерина благоволила и котораго удостоивала бесѣдою предпочтительно передъ другими членами дипломатическаго корпуса.

Во время переворота—моментъ чрезвычайно интересный—представителемъ французскаго правительства въ Петербургѣ былъ повѣренный въ дѣлахъ Беранже; посланникъ, баронъ де-Бретёль въ эти знаменательные дни отсутствовалъ, а между тѣмъ недѣли за двѣ до этого событія Екатерина посвятила его въ свои замыслы и обратилась къ нему даже за денежной помощью, прося ссудить ей 100 тысячъ талеровъ; но легкомысленный и недальновидный молодой посланникъ отнесся къ ея планамъ съ полнымъ недовѣріемъ и, не устроивъ денежнаго дѣла, уѣхалъ изъ Петербурга; узнавъ же объ успѣшномъ исходѣ переворота въ Варшавѣ, онъ не только не поспѣшилъ вернуться, но проѣхалъ въ Вѣну, откуда возвратился только по настоянію короля и графа Шуазеля, опасавшихся, что столь необдуманное поведеніе посланника будетъ имѣть въ дальнѣйшемъ самыя неблагопріятныя послѣдствія для Франціи. Однако, этого не случилось; Императрица не измѣнила даже своего отношенія къ де Бретёлю, которому довѣряла на столько, что вела черезъ его посредство переписку съ Понятовскимъ. Бретёль все-таки упустилъ благопріятный моментъ сыграть видную роль въ событіи и тѣмъ пріобрѣсти вліяніе на Екатерину; въ этомъ смыслѣ онъ не вполнѣ отвѣчалъ намѣреніямъ короля, который считалъ нужнымъ поддерживать дружественныя отношенія съ Россіей, а де-Бретёль, какъ онъ неоднократно высказывалъ это въ своихъ донесеніяхъ, не питалъ ни малѣйшаго расположенія къ Екатеринѣ; онъ совершенно не понялъ ее и высказывалъ мнѣніе, что ея царствованіе будетъ самымъ

[1]) „Изъ дипломатической переписки о Россіи въ XVIII вѣкѣ“.

зауряднымъ (médiocre) и примѣняя къ ней пословицу: „tel brille au second rang qui s'eclipse au premier, писалъ, что онъ убѣждается ежедневно въ томъ, что это вполнѣ къ ней подходитъ. Онъ не вѣрилъ въ прочность ея положенія, тяготился своимъ пребываніемъ въ Россіи и то и дѣло просилъ короля о своемъ отозваніи. О Россіи онъ отзывался, какъ о странѣ варварской, отмѣчалъ всеобщее безденежье и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе къ роскоши; старался озлобить своихъ русскихъ знакомыхъ противъ правительства, внушалъ имъ республиканскія идеи, превозносилъ въ бесѣдѣ съ ними республиканскія свободы, надѣялся быть свидѣтелемъ революціи въ Россіи и признавался, что „сочтетъ тотъ день, когда она вспыхнетъ, счастливѣйшимъ въ своей жизни“.

Таковъ былъ посланникъ; что касается французскаго правительства, то оно было, какъ сказано, не прочь поддерживать дружескія отношенія съ Россіей—и только. Оно не предвидѣло, чтобы Россія когда-либо могла заключить союзъ съ Франціей, и не считало дружбу Россіи особенно нужной Франціи: „l'amitié de la Russie n'est pas une nécessité de notre politique“ писалъ графъ Шуазель. „Россія представляла въ то время для Франціи интересъ лишь съ точки зрѣнія торговли, которую было бы выгодно вырвать изъ рукъ англичанъ. Въ этомъ смыслѣ и давались инструкціи французскимъ дипломатическимъ агентамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалось желеніе изолировать Россію и повелѣвалось „давать прочность всѣмъ партіямъ, которыя образуются при русскомъДворѣ, ибо благодаря смутѣ, которая будетъ царить въ ней, Россія менѣе будетъ въ состояніи отдаться планамъ, которые другіе дворы могли бы внушить ей“; „система же правленія Россіи и военное состояніе ея таковы, что все это должно заставить бояться увеличенія этой державы всѣхъ государей, которые любятъ общественный покой“.

Такого характера были всѣ инструкціи, полученныя дипломатическими представителями Франціи въ разсматриваемое время.

Въ первомъ же донесеніи, помѣщенномъ въ Сборникѣ, говорится о переворотѣ, совершившемся въ Петербургѣ 28 іюня 1762 года.

Какое участіе принимала Екатерина въ смерти мужа? Требовала ли она этого отъ своихъ приближенныхъ, или только допустила? Вотъ вопросъ, который смущалъ въ то время умы весьма многихъ.

Недѣлю спустя послѣ кончины Петра III Беранже передалъ гр. Шуазелю со всѣми подробностями, ходившую въ Петербургѣ и оказавшуюся впослѣдствіи ложною, версію объ отравленіи Императора, присовокупивъ: „я не подозрѣваю въ этой принцессѣ такой ужасной души, чтобы подумать, что она участвовала въ смерти

царя. Но такъ какъ тайна самая глубокая будетъ вѣроятно всегда скрывать отъ общаго свѣдѣнія настоящаго участника этого ужаснаго убійства, подозрѣніе и вся гнусность его останутся на Императрицѣ, которая пожинаетъ отъ него плоды".

Разсказъ французскаго посланника о томъ, какъ Императрица вела себя въ самый день кончины Петра III, свидѣтельствуетъ объ ея удивительномъ самообладаніи и умѣньи скрыть свои чувства.

„Въ день, въ который рѣшено было сократить дни Петра III, пишетъ де-Бретёль, Императрица получила извѣстіе объ этомъ ужасномъ исполненіи въ полдень, это было время появленія при Дворѣ; она появилась съ самымъ спокойнымъ лицомъ; собрала потомъ совѣтъ изъ самыхъ приближенныхъ къ ней лицъ, которыя могли знать о кончинѣ ея мужа, и тутъ былъ обсужденъ вопросъ, сообщить ли сенату въ тотъ же день о кончинѣ Петра III. Большинствомъ голосовъ было рѣшено скрыть это отъ сената и народа въ теченіе сутокъ. Принявъ это рѣшеніе, Государыня вышла къ придворнымъ въ тотъ же вечеръ, какъ всегда, но на другой день, когда было рѣшено объявить о кончинѣ, Екатерина, дѣлая видъ, что только-что узнала о томъ, плакала, не выходила и высказывала горе".

Первыя донесенія де-Бретёля даютъ матеріалъ для сужденія о другой выдающейся чертѣ характера Екатерины: объ ея твердости и настойчивости въ отстаиваніи своихъ рѣшеній. Тотчасъ по пріѣздѣ посланника въ Петербургъ возникъ вопросъ объ императорскомъ титулѣ, о такъ называемыхъ реверсальныхъ обязательствахъ, т. е. объ удостовѣреніи русскимъ дворомъ, что церемоніалъ отношеній между правительствами и ихъ представителями при чужихъ дворахъ ни въ чемъ не будетъ нарушенъ, вслѣдствіе признанія за русскими государями императорскаго титула.

Де-Бретёль до аудіенціи у Императрицы потребовалъ подтвержденія реверсалій; Екатерина проявила въ этомъ случаѣ большую твердость и стойкость характера: она отказала въ этомъ требованіи посланнику и, несмотря на то, что ей очень хотѣлось, чтобы онъ присутствовалъ на коронаціи, она не уступила, хотя Бестужевъ и Воронцовъ склоняли ее къ тому. Бретёлю, послѣдовавшему за дворомъ въ Москву, на коронацію, пришлось прожить болѣе двухъ мѣсяцевъ частнымъ лицомъ, пока декларація Екатерины II объ императорскомъ титулѣ, отъ 11 ноября 1762 г., не положила на нѣкоторое время конецъ пререканіямъ по этому вопросу.

Императрица не перенесла на личность посланника неудоволь-

ствія, вызваннаго этимъ столкновеніемъ, по поводу котораго долго велась переписка, которая была ей крайне непріятна.

Первое время по восшествіи на престолъ, положеніе Екатерины II было очень трудное; она не находила среди окружающихъ совѣтниковъ, которые помогли бы ей въ проведеніи ея правительственныхъ видовъ; умственно она стояла несравненно выше окружающихъ, но первое время она боялась дѣйствовать открыто по своей собственной инціативѣ. „За исключеніемъ Панина, говоритъ де-Бретёль, обладающаго скорѣе привычкою къ извѣстному труду, нежели умомъ и знаніемъ, у государыни нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы содѣйствовать ея правительственнымъ видамъ"; Императрица сама не разъ высказывала это де-Бретёлю.

„Моя жизнь не особенно пріятна, говорила она, я знаю, что окружающіе меня люди не достаточно образованы, но"—(намекая очевидно на Орловыхъ), „я обязана имъ тѣмъ, что я есть, они высоко честны и храбры, и я увѣрена, что они меня не продадутъ".

„Послѣ всего, чѣмъ я обязана Орловымъ, сказала она однажды, и зная хорошо качества ихъ ума и сердца, мнѣ трудно было бы лишить ихъ моего довѣрія и дружбы".

Ея положеніе было еще непріятно тѣмъ, что она находилась въ рукахъ Орловыхъ, которымъ она была обязана своимъ возвышеніемъ; положеніе, которое занялъ при дворѣ Григорій Орловъ, вызывало всеобщее неудовольствіе, въ особенности когда прошелъ слухъ о ея желаніи вступить съ нимъ въ бракъ.

Хотя вопросъ объ этомъ бракѣ уже освѣщенъ документально, тѣмъ не менѣе донесенія Бретёля и Беранже имѣютъ значеніе и теперь, такъ какъ они сообщаютъ много подробностей объ этомъ эпизодѣ и объ участіи, принятомъ въ дѣлѣ Бестужевымъ, въ корыстныхъ видахъ.

„Страсть Императрицы къ гр. Орлову растетъ, и по всему можно судить, что онъ вскорѣ будетъ имѣть исключительное вліяніе", писалъ де-Бретёль въ началѣ 1763 года; три мѣсяца спустя онъ пишетъ, что „Императрица хочетъ связать себя съ Орловымъ узами брака и открылась въ этомъ Бестужеву, который составилъ извѣстный планъ для осуществленія этой мысли, но противъ этого рѣшительно возстали гетманъ, канцлеръ Панинъ и нѣкоторые другіе сановники". Де-Бретёль свидѣтельствуетъ о вполнѣ достойномъ поведеніи этихъ сановниковъ. „Канцлеръ говорилъ съ Императрицей, какъ римлянинъ, также какъ и Панинъ".

„Слухи (о предполагаемомъ бракѣ) вызвали огромное волненіе умовъ. Народу это пока неизвѣстно; волнуются только стоящіе на верху, изъ коихъ нѣкоторые говорили со мною вполнѣ откровенно.

Все это можетъ зайти очень далеко, ежели Императрица предастся своему увлеченію... Какъ бы то ни было, эта необдуманная легкомысленная затѣя можетъ сильно подорвать въ народѣ уваженіе къ Государынѣ. А къ какимъ разсужденіямъ это могло бы подать поводъ, если бы въ это время скончался Великій Князь?"

Павелъ Петровичъ въ это время недомогалъ; боялись, что у него будетъ оспа.

Другой разъ де-Бретёль пишетъ: „какова бы ни была судьба этого проекта, его послѣдствія несомнѣнно будутъ имѣть огромное вліяніе на положеніе теперешняго правительства", и еще: „Орловъ является предметомъ зависти и ненависти народа. Одинъ изъ нихъ—маіоръ гвардіи, подвергался въ теченіе нѣсколькихъ дней большой опасности: солдаты рѣшили стрѣлять по немъ; главныхъ зачинщиковъ арестовали. Положеніе Императрицы напоминаетъ положеніе корабля, гонимаго бурей на подводные камни, о которые онъ по всей вѣроятности разобьется рано или поздно, если искусный кормчій не сумѣетъ ихъ обойти".

„Я знаю изъ вѣрнаго источника, что у Орловыхъ на жалованьи 250 шпіоновъ, которые проникаютъ въ дома и въ различные кварталы города; поэтому надобно быть весьма осторожнымъ".

Какъ извѣстно, брачный проектъ Екатерины вызвалъ волненіе среди гвардіи. Доказательствомъ крайняго недовольства и возбужденія, вызваннаго имъ, было поведеніе толпы при проѣздѣ Императрицы: „замѣчательно, какъ различенъ пріемъ, который дѣлаетъ толпа Императрицѣ и Великому Князю, писалъ де-Бретёль. При ея проѣздѣ всѣ безмолвствуютъ, а за Великимъ Княземъ всегда бѣжитъ толпа, громкими криками выражая свое удовольствіе".

Положеніе Императрицы было очень шатко, въ его прочность не вѣрили самыя приближенныя къ ней лица, да и какъ было имъ вѣрить этому, когда такой хорошо освѣдомленный человѣкъ, какъ канцлеръ Воронцовъ, предвидя возможность новаго переворота, исходатайствовалъ себѣ продолжительный отпускъ, чтобы не быть замѣшаннымъ въ событіяхъ, и, уѣзжая за границу, въ откровенной бесѣдѣ со шведскимъ посланникомъ, высказалъ, что „царствованіе Екатерины не можетъ быть счастливымъ, что можно съ полнымъ основаніемъ предполагать, что оно не будетъ продолжительнымъ", присовокупивъ, что „во время его двухлѣтняго отпуска дѣла по крайней мѣрѣ выяснятся, и Императрица либо упрочится на престолѣ, либо будетъ ниспровергнута, такъ что если ему придется вернуться, то это уже не будетъ сопряжено съ опасностью".

Первое время сама Императрица была на этотъ счетъ въ постоянной тревогѣ и опасеніи; она не разъ высказывала де-Бретёлю,

что хотя ея желаніе „царствовать одной“, которое она „лелѣяла съ самаго вступленія на престолъ“, осуществилось, „тѣмъ не менѣе она не вполнѣ счастлива“, такъ какъ „ей приходится управлять людьми, удовлетворить которыхъ нѣтъ возможности; хотя она всячески заботится о благѣ своихъ подданныхъ, но вѣроятно пройдетъ нѣсколько лѣтъ, пока они къ ней привыкнутъ“, „жизнь ея полна тревогъ и у нея нѣтъ спокойствія духа“.

„Боязнь утратить все то, что ей удалось захватить съ такою смѣлостью, до такой степени проглядываетъ во всѣхъ поступкахъ Императрицы, писалъ еще де-Бретёль, что всякій мало-мальски вліятельный человѣкъ чувствуетъ передъ нею свою силу. Эта боязнь была въ ней такъ сильна, что, по свидѣтельству посланника, Екатерина обнаруживала въ этомъ отношеніи „совершенно несвойственную ей слабость и нерѣшительность“ и это обнаруживалось „всякій разъ, когда дѣло заходило о рѣшеніи самаго пустяшнаго вопроса внутренняго управленія, вызывавшаго разногласіе среди ея приближенныхъ. Ея высокомѣріе и надменность чувствовались теперь только въ дѣлахъ внѣшней политики, потому что опасность представлялась тутъ не столь личною и потому, что она надѣялась понравиться этимъ своимъ подданнымъ“.

Понравиться своимъ подданнымъ, снискать ихъ любовь,—такова была цѣль, избранная Императрицею; въ ней она видѣла вѣрное средство упрочить свое положеніе, и она проводила свое намѣреніе настойчиво и выдержанно.

„Я поставила себѣ за правило, сказала однажды Государыня, заботиться лишь о дѣлахъ внутренняго управленія, придавая внѣшнимъ дѣламъ второстепенное значеніе; русскіе никогда не придерживались этого правила“. „Обо мнѣ можно будетъ произнести сужденіе не прежде, какъ лѣтъ черезъ пять; этотъ срокъ необходимъ, чтобы водворить порядокъ, и чтобы мои заботы принесли плоды“... Говоря о томъ, что она всѣми силами постарается сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, Императрица присовокупила: „но я чувствую, что имъ нужны годы, чтобы привыкнуть ко мнѣ“.

Преслѣдуя свою цѣль, Екатерина была со всѣми привѣтлива и внимательна, терпѣливо „выслушивала мнѣнія и даже принимала совѣты тѣхъ старинныхъ русскихъ дворянъ, которые, чувствуя преимущество своего положенія, постоянно надоѣдали ей, добиваясь подтвержденія своихъ правъ и привилегій то въ видахъ государственной пользы, то въ виду своихъ личныхъ интересовъ“. Любопытно наблюдать, пишетъ де-Бретёль, „какъ, въ дни пріемовъ при дворѣ, Императрица дѣлаетъ все возможное, чтобы понравиться своимъ подданнымъ, какъ свободно держится большинство изъ нихъ, и

съ какою настойчивостью они обращаются къ ней, говоря о своихъ дѣлахъ и излагая ей свои проекты. Что касается меня, то, зная характеръ этой Государыни и видя, что она принимаетъ все это съ удивительной кротостью и любезностью, я могу себѣ представить, чего это стоитъ ей, и до какой степени она должна считать подобный образъ дѣйствій для себя обязательнымъ, чтобы ему подчиняться.

„На одномъ изъ пріемовъ, утомясь болѣе обыкновеннаго бесѣдою съ нѣкоторыми личностями, въ особенности съ Бестужевымъ, который былъ пьянѣе вина, и съ коимъ она имѣла продолжительный и жаркій разговоръ, хотя она всячески старалась его избѣжать, Императрица, прекративъ этотъ разговоръ, подошла ко мнѣ и спросила, видѣлъ ли я когда-нибудь травлю зайца? На мой утвердительный отвѣтъ она замѣтила: „Вы должны признать, что нѣчто подобное происходитъ со мною, такъ какъ меня преслѣдуютъ и загоняютъ, несмотря на все мое стараніе избѣжать разговоровъ, которые не всегда имѣютъ въ основѣ здравый смыслъ и честность убѣжденій. Однако, я стараюсь всѣмъ отвѣчать какъ можно удовлетворительнѣе, а когда я этого не могу сдѣлать, то стараюсь объяснить причину".

Чтобы отвлечь окружающихъ отъ политики, Екатерина II развлекала ихъ балами, маскарадами, блестящими празднествами.

Рядомъ съ этимъ настойчивымъ желаніемъ привлечь къ себѣ сердца окружающихъ французскій посланникъ отмѣчаетъ тщеславную хвастливость Екатерины, ея преувеличенное мнѣніе о своемъ величіи и могуществѣ, „une grandeur théâtrale" и страсть похвастать своими способностями. Она не разъ говорила съ особымъ самодовольствомъ, что ей удалось осуществить свои честолюбивые виды, что удача сдѣлала ее фаталисткой. „Такая большая, такая могущественная Имперія, какъ моя",—любила она повторять.

„Императрица, обыкновенно весьма скрытная, въ пылу разговора и изъ желанія блеснуть, высказывала иной разъ гораздо болѣе, нежели она хотѣла. Но чѣмъ бы ни были вызваны эти рискованные разговоры, они всегда заслуживаютъ вниманія, говоритъ Бретёль, такъ какъ она никогда не говоритъ необдуманно".

Относительно будущаго де-Бретёль такъ же, какъ многіе, выражалъ сомнѣніе въ томъ, что Екатеринѣ удастся удержать власть, и предполагалъ, что Великій Князь Павелъ Петровичъ, по достиженіи совершеннолѣтія, предъявитъ свои права на престолъ, на что у послѣдняго не хватило рѣшимости.

Что касается Павла Петровича, то французскіе представители, признавая за нимъ умъ и независимость сужденія, отзываются о

немъ вообще несочувственно и неблагопріятно: говорятъ, что онъ былъ гордъ, мстителенъ, склоненъ къ притворству, малодушенъ и мало развитъ для своихъ лѣтъ.

Беранже писалъ, между прочимъ, что онъ проявляетъ злобныя, внушающія опасенія наклонности, что онъ горячъ, вспыльчивъ, ненавидитъ своего воспитателя, насмѣхается надъ нимъ, скрытенъ съ русскими и откровененъ съ иностранцами; говоря съ окружающими со свойственнымъ его лѣтамъ легкомысліемъ и болтливостью, онъ часто задаетъ вопросъ: почему убили его отца и отдали его матери престолъ, принадлежащій ему по праву, прибавляя, что „когда онъ будетъ взрослымъ, то сумѣетъ потребовать во всемъ отчетъ".

Основываясь на этомъ, французскіе дипломаты высказывали увѣренность, что по достиженіи цесаревичемъ совершеннолѣтія смуты въ Россіи неизбѣжны.

Безумная попытка Мировича возвратить престолъ Ивану Антоновичу также нашла откликъ во французскихъ донесеніяхъ и разсказана подробно съ оттѣнками, которые набрасываютъ на Екатерину тѣнь въ дѣлѣ, въ которомъ она не могла принять ни малѣйшаго участія. Беранже констатируетъ, что по поводу этого дѣла въ Петербургѣ ходило столько разнорѣчивыхъ слуховъ, что въ нихъ, при всемъ желаніи, трудно было разобраться.

Необходимо отмѣтить, что рѣшительно всѣ эти слухи были неблагопріятны Екатеринѣ. „Все заставляетъ думать, писалъ французскій повѣренный въ дѣлахъ, что Мировичъ дѣйствовалъ по наущенію государыни, которой хотѣлось отдѣлаться отъ человѣка, внушавшаго ей опасенія. Въ столицѣ ожидали волненій". „Панинъ дрожитъ за себя изъ-за своего воспитанника въ Царскомъ Селѣ. Мнѣ извѣстно, что Императрица отдала приказаніе держать день и ночь на почтовыхъ станціяхъ на-готовѣ экипажи, чтобы увезти великаго князя въ Ригу, при первомъ извѣстіи о волненіи въ Петербургѣ.

„Никто не питаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Екатерина была душою этого таинственнаго дѣла. Для проформы слѣдствіе было поручено генералу Веймарну— но онъ всецѣло преданъ Екатеринѣ и Орловымъ. „Выборъ этого лица только усугубляетъ подозрѣнія".

Моментъ казался многимъ благопріятнымъ, чтобы свергнуть Екатерину съ престола, но не нашлось человѣка, который сталъ бы во главѣ одного изъ гвардейскихъ полковъ, „а этого было бы достаточно, чтобы совершить переворотъ".

„Говорятъ, писалъ еще Беранже, что Мировичъ будетъ помилованъ,—это окончательно убѣдитъ всѣхъ въ томъ, что Мировичъ

былъ лишь орудіемъ въ рукахъ Императрицы. Но и казнь Мировича по словамъ Беранже не обѣлила бы Екатерину отъ преступленія, которое всѣ приписывали ей". Французскій повѣренный остался при этомъ мнѣніи; сопоставляя разнообразныя версіи о дѣлѣ Мировича, ему не удалось добраться до истины; изъ этого можно заключить, что современникамъ были неизвѣстны многія подробности этого дѣла.

Въ первые годы царствованія Екатерину II болѣе всего тревожили и занимали польскія дѣла; переписка бар. Бретёля и Беранже съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, герц. Шуазель-Праленъ, относительно избранія новаго польскаго короля, занимаетъ большую часть сто сорокового тома Сборника.

Въ этомъ случаѣ Екатерина дѣйствовала великолѣпно, она провела всю Европу и своихъ приближенныхъ; въ то время, какъ для нея лично вопросъ о будущемъ королѣ польскомъ былъ вопросомъ вполнѣ рѣшеннымъ съ самаго начала, она заставила долго всѣхъ теряться въ догадкахъ относительно избраннаго ею кандидата, заявивъ только, что это будетъ Пястъ и изъ семейства Чарторижскихъ.

Правда, французскіе дипломаты, основываясь на этомъ заявленіи и зная о перепискѣ Екатерины съ Понятовскимъ и о тайнѣ, которой она была облечена, предугадали еще до смерти Августа III намѣреніе Императрицы возвести на престолъ Станислава Понятовскаго; но для нихъ весьма важно было знать, насколько она въ этомъ заинтересована, какія она думала употребить для этого средства, существовало ли по этому поводу соглашеніе между ею и королемъ прусскимъ, поддержитъ ли эту кандидатуру Фридрихъ II и какую цѣну онъ потребуетъ за свое содѣйствіе. Во всякомъ случаѣ, пока имя кандидата не было произнесено, оставалось обширное поле для всевозможныхъ догадокъ.

Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1762 г., слѣдовательно, когда Августъ III былъ живъ, Бретёль писалъ герцогу Пралену, что „Императрица очень поддерживаетъ планы стольника и его родныхъ въ Польшѣ" столько же изъ расположенія къ Станиславу Понятовскому, сколько изъ видовъ честолюбія, разсчитывая на компенсацію въ Украйнѣ, и что Россія не будетъ поддерживать кандидатуру саксонскаго принца.

Французскій король допускалъ возможность брака Екатерины съ Понятовскимъ, когда онъ будетъ возведенъ на престолъ, что, по его мнѣнію, какъ нельзя болѣе было бы противно интересамъ Франціи, Польши, Россіи и сосѣднихъ державъ, такъ какъ Понятовскій былъ извѣстенъ какъ ревностный сторонникъ Англіи, и эта

держава, пользуясь симпатіей Императрицы, пріобрѣла бы въ случаѣ его избранія еще болѣе вліянія въ Россіи, а Польша сдѣлалась бы русской провинціей и утратила бы свои вольности.

Какъ только Августъ III скончался, взоры всѣхъ обратились на Екатерину.

„Въ Петербургѣ, писалъ Беранже, ежедневно происходили засѣданія совѣта, на которыхъ высказывались самыя противорѣчивыя мнѣнія: Бестужевъ былъ рѣшительнымъ противникомъ кандидатуры какого бы то ни было Пяста, полагая, что ни одинъ членъ этого дома не былъ настолько богатъ, чтобы съ достоинствомъ и съ честью поддерживать королевское достоинство". „Другіе члены совѣта настаивали на предоставленіи полякамъ полной свободы выбора и указывали на возможность навлечь необдуманными мѣрами войну съ Портой и съ крымскимъ ханомъ, который заявилъ, что „онъ не допуститъ со стороны Россіи какого-нибудь давленія на Польшу". Словомъ, Императрица встрѣтила сильную оппозицію своимъ проектамъ относительно Польши; говорятъ, что она терпѣливо выслушиваетъ своихъ совѣтчиковъ, но говорятъ также, что она обманываетъ ихъ всѣхъ, и что ея рѣшенія приняты. Бестужевъ внѣ себя и не хочетъ слышать о какихъ-либо мѣрахъ, угрожающихъ неприкосновенности Польши".

„Государыня полагаетъ, что у нея хватитъ ума провести всѣхъ и, въ числѣ первыхъ, своихъ министровъ, но они не даются въ обманъ и жалуются всѣмъ и каждому, даже иностранцамъ, и говорятъ, что ихъ не ставятъ ни во что".

„Бестужевъ, видя, что всѣ его старанія въ пользу саксонскаго принца безплодны, сказалъ Императрицѣ, что его послѣдній совѣтъ, чтобы она сдѣлала то, что хочетъ, одна, и не ставила бы себя въ зависимость отъ короля прусскаго.

„Но его и въ этомъ, конечно, также точно не послушаютъ".

„Канцлеръ подтвердилъ, что императрица хочетъ Пяста, но кто именно это будетъ, ей безразлично. Я слышалъ изъ достовѣрнаго источника, что она рѣшила вопросъ окончательно въ пользу Понятовскаго. Русскіе говорятъ, что онъ не будетъ пріятенъ полякамъ, и что его царствованіе не будетъ спокойнымъ. Они предпочли бы князя Адама или даже графа Огинскаго. Императрица не противорѣчитъ и не высказываетъ опредѣленно, кто ею намѣченъ въ кандидаты; но, если, какъ говорятъ, она взяла въ голову, что царствовать долженъ графъ Понятовскій, то ничто не помѣшаетъ ей довершить свой романъ.

„Такъ какъ она давно предвидѣла это событіе, то ея войска стянуты на границу Польши... Говорятъ, что и король прусскій

дѣлаетъ военныя приготовленія, но что выборы закончатся менѣе, нежели въ полгода такъ, какъ хочетъ Россія. Императрица послала, говорятъ, 60 тыс. рублей Кейзерлингу, чтобы подготовить умы въ Польшѣ".

Недѣли двѣ спустя Беранже писалъ, что „хотя Императрица и дѣлаетъ видъ, будто она хочетъ условиться съ великими державами относительно избранія короля польскаго, но что это дѣлается неискренно, а только ради приличія; всѣ такъ хорошо знаютъ теперь лживость Екатерины, что ей никого не удастся провести. Доброе согласіе можетъ установиться только въ томъ случаѣ, если версальскій и вѣнскій дворы признаютъ кандидата, желательнаго Петербургу, а таковымъ будетъ, конечно, Пястъ".

Беранже полагалъ, что ни одна держава не могла бы повліять на рѣшеніе Екатерины, а тѣмъ менѣе Франція, которую „Россія ненавидитъ и боится".

„Мнѣ передавали, писалъ Беранже, будто Императрица сказала: „Въ Вѣнѣ хорошіе люди, съ ними не трудно будетъ столковаться, но французы—опасные интриганы".

„Руководители французской политики очень хорошо сознавали, что деклараціями, субсидіями и даже посылкою въ Польшу офицеровъ-добровольцевъ они будутъ безсильны помѣшать избранію Понятовскаго на престолъ. Чтобы повредить русскому правительству, они прибѣгли къ единственному, доступному для нихъ средству—возбужденію турокъ къ войнѣ съ Россіей". Такимъ образомъ, на почвѣ польскаго вопроса „между петербургскимъ и версальскимъ дворами, интересы которыхъ были прямо противоположны въ Швеціи, Польшѣ и Турціи, возникла политическая борьба, продолжавшаяся много лѣтъ, и не по винѣ французскихъ дипломатовъ, война съ Турціей началась не въ 1764 году, а четыре года спустя, въ 1768 г., и не повредила Россіи, а дала только возможность выказаться во всемъ блескѣ силѣ русскаго оружія" [1]).

Беранже въ своихъ донесеніяхъ также развиваетъ мысль о необходимости привлечь къ содѣйствію Турцію и видитъ въ этомъ единственное средство заставить Россію отказаться отъ своихъ плановъ относительно Польши и сбавить повелительный тонъ, который она приняла по отношенію къ другимъ европейскимъ державамъ; при этомъ онъ высказываетъ предположеніе, что Екатерина не рискнетъ, вѣроятно, воевать съ Турціей, не считая себя достаточно прочной на престолѣ, чтобы вести войну, которая могла бы ускорить ея паденіе.

[1]) Стр. XIX.

Екатерина очень быстро поняла, какъ опасно было для нея вліяніе Франціи на Порту, и не жалѣла денегъ, чтобы парализовать его; а когда турецкое правительство вручило русскому резиденту Обрѣзкову записку, въ видѣ деклараціи, въ которой оно изъявляло согласіе на избраніе Пяста, съ оговоркой, чтобы это былъ только не Понятовскій, который „слишкомъ молодъ, неопытенъ, а, главное, не женатъ", — то Екатерина, увидавъ въ этомъ происки Франціи, была до того озлоблена, что прошелъ слухъ объ отозваніи изъ Парижа кн. Голицына.

Между тѣмъ, когда министры указывали Императрицѣ на опасность, угрожавшую ей со стороны Турціи, она отвѣчала высокомѣрно, что сумѣетъ предупредить зловредныя намѣренія Франціи, и что въ союзѣ съ Пруссіей и Польшей Россіи нечего бояться.

Высокомѣріе Императрицы возмущало французскаго представителя; онъ говоритъ о властности, съ какою она дѣйствовала въ польскомъ вопросѣ, считая его какъ бы „своимъ личнымъ дѣломъ".

„Трудно передать, до чего доходитъ ея высокомѣріе и властолюбіе, писалъ Беранже. Она полагаетъ, что всѣ должны подчиняться ея волѣ.

„Репнинъ, назначенный посланникомъ въ Варшаву, говоритъ, что Императрица дастъ Польшѣ такого короля, какой ей заблагоразсудится, хотя бы самаго простого шляхтича, Пяста или какого-нибудь иного, и что ни одна держава не въ силахъ помѣшать этому".

Въ то же время Императрица „заявляетъ громко о своемъ безпристрастіи и нежеланіи вмѣшиваться въ избраніе короля польскаго" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „категорически заявляетъ саксонскому принцу, что о его кандидатурѣ нечего и думать".

Послѣдовавшая въ январѣ 1764 г. кончина курфирста саксонскаго была очень кстати для русскаго двора: съ его смертью изчезъ самый серьезный соперникъ Понятовскаго. Передавали, будто Императрица, говоря о вдовѣ курфирста, выразилась со злорадствомъ:

„У нея было тщеславное желаніе быть королевой, но она ею не будетъ".

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1764 г. король прусскій прислалъ Понятовскому орденъ Чернаго Орла. Беранже говоритъ по этому поводу: „Если этотъ полякъ появится въ этой лентѣ на сеймѣ, то робость его соотечественниковъ еще увеличится; они убѣдятся въ томъ, что Петербургскій и Берлинскій дворы готовы возложить корону на его главу и сочтутъ долгомъ этому покориться".

Присылка ордена была доказательствомъ, что прусскій король согласился наконецъ поддержать проектъ Екатерины.

„То, что дѣлалось Екатериной изъ тщеславія и страсти, было для короля прусскаго дѣломъ холоднаго разсчета“, справедливо замѣчаетъ Беранже.

На мѣсто уѣхавшаго изъ Петербурга въ 1763 г. Бретёля былъ назначенъ маркизъ Боссе, но онъ прибылъ въ Россію только въ маѣ 1765 года, задержанный сперва болѣзнью жены, а потомъ политическими соображеніями, главнымъ образомъ ходомъ польскихъ дѣлъ и обостренными отношеніями между двумя дворами. Екатерина была очень недовольна этимъ, такъ какъ Беранже возбудилъ ея неудовольствіе своими донесеніями, и она желала, чтобы онъ скорѣе оставилъ Россію: онъ писалъ слишкомъ часто и много; имѣя большія связи въ петербургскомъ обществѣ, онъ былъ слишкомъ хорошо освѣдомленъ о многомъ, что Императрицѣ было нежелательно, чтобы онъ не зналъ. Екатеринѣ удалось достать шифръ, которымъ пользовался Беранже, и такимъ образомъ она узнала содержаніе его депешъ; нѣтъ сомнѣнія, что многое въ нихъ могло разгнѣвать Императрицу: мы знаемъ, какъ онъ подчеркивалъ въ нихъ свое недоброжелательство къ Екатеринѣ, какъ онъ критиковалъ многіе ея шаги, набрасывалъ тѣнь на ея поступки и указывалъ на необходимость противодѣйствовать ея планамъ.

По порученію Императрицы, Панинъ высказалъ маркизу Боссе рѣзкое осужденіе поведенія Беранже; и Беранже писалъ герцогу Праленъ, что ежели маркизъ Боссе хочетъ заслужить благоволеніе Екатерины, то онъ долженъ „поменьше писать донесеній и главное не употреблять шифра“.

Это ли соображеніе,—или скорѣе личныя качества маркиза де-Боссе, котораго аттестуютъ какъ человѣка мало способнаго (peu capable) и котораго Людовикъ XV не счелъ нужнымъ посвятить въ тайну своей личной дипломатіи,—были причиною, что его донесенія не представляютъ такого интереса, какъ депеши его предшественниковъ; они написаны менѣе живымъ и страстнымъ тономъ, нежели депеши Беранже; маркизъ былъ хуже освѣдомленъ, сообщалъ немало вымышленныхъ свѣдѣній, интересовался болѣе всего проектомъ торговаго договора съ Франціей и вообще экономическими и торговыми вопросами.

Надобно отмѣтить, что и въ этой области французскіе представители старались противодѣйствовать намѣреніямъ Екатерины II; она хотѣла привлечь въ Россію возможно большее число французскихъ ремесленниковъ и мастеровъ, которымъ обѣщались всевозможныя льготы и привилегіи; соблазненные этими обѣщаніями,

французскіе ремесленники бросали свои насиженныя мѣста и цѣлыми партіями устремлялись въ Россію, гдѣ, надобно сознаться, они подъ часъ жестоко разочаровывались въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ. На этомъ основаніи, питая вообще къ русскому правительству величайшее недовѣріе, Беранже, де-Боссе и Россиньоль старались удержать своихъ соотечественниковъ отъ переселенія въ Россію; Боссе, въ особенности, настаивалъ передъ своимъ правительствомъ на необходимости препятствовать переселенію французовъ въ „эту далекую, варварскую страну, гдѣ они будутъ обмануты и натерпятся всякихъ бѣдъ", и указывалъ на необходимость принимать для этого самыя энергичныя мѣры до воспрещенія имъ выѣзда изъ Франціи включительно.

Что касается собственно заключенія съ Франціей торговаго договора, то „Императрица не только не торопилась окончить начатые еще при Елисаветѣ Петровнѣ переговоры, но на донесеніи кн. Голицына изъ Парижа отъ 13 апрѣля 1766 г., который доказывалъ, что договоръ съ Франціей „не можетъ не авантаженъ быть для Имперіи, поелику Россія безпрестанно нужду имѣетъ во французскихъ товарахъ, которые генерально почти дешевле другихъ европейскихъ"—сдѣлала отмѣтку: „хотя бы всѣхъ ихъ не было" [1]).

Съ пріѣздомъ маркиза Боссе возгорѣлись снова пререканія объ императорскомъ титулѣ.

„Въ вѣрительной грамотѣ, данной маркизу, было сдѣлано умышленно сокращеніе въ титулѣ: вмѣсто Votre Majesté Impériale было употреблено только Votre Majesté. Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ на это тотчасъ было обращено вниманіе, версальскій дворъ оправдывалъ редакцію свою правилами французскаго языка, не допускающими, будто бы приложенія какого бы то ни было эпитета къ словамъ Votre Majesté".

„Такъ какъ герцогъ Праленъ, настаивая на правильности даваемаго имъ объясненія, повторилъ то же выраженіе въ извѣстительныхъ грамотахъ о смерти дофина и о смерти тестя Людовика XV, Станислава Лещинскаго (1766 г.), то русское правительство не приняло этихъ грамотъ, а на вопросъ министра о томъ, будутъ ли приняты личныя письма короля съ титуломъ Votre Majesté, Екатерина отвѣтила: „кажется, съ перваго дня имъ сказано, что безъ полной титулатуры письма не пріемлются".

„Маркизъ Боссе умеръ въ Петербургѣ 17 апрѣля 1767 г. Въ виду продолжавшагося разногласія изъ-за титулованія, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Шуазель-Стенвиль, замѣ-

[1]) Стр. XVI. и С. Р. И. О., т. 57, стр. 521.

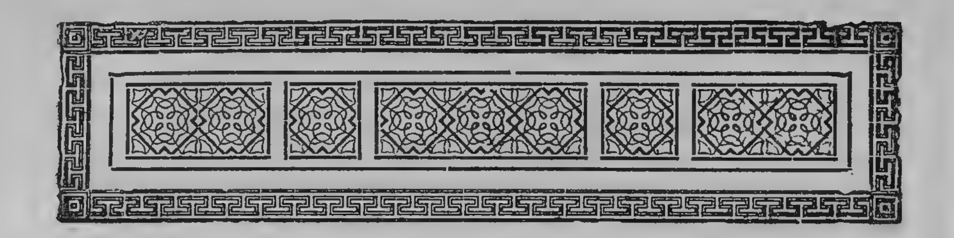
нившій въ апрѣлѣ 1766 г. своего двоюроднаго брата, герцога Шуазель-Пралена, намекнулъ, что назначеніе новаго посланника въ Петербургѣ становится неудобно. Панинъ охотно съ этимъ согласился, изъявивъ готовность признать консула Россиньоля повѣреннымъ въ дѣлахъ".

„Инструкція, данная Россиньолю, наполнена общими мѣстами: онъ долженъ былъ зорко слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ Россіи и подробно обо всемъ доносить; ему поручалось также провѣрить, справедливо ли извѣстіе о желаніи Екатерины II сдѣлать графа Григорія Орлова герцогомъ Курляндскимъ и тѣмъ приблизить его къ своему трону и т. п.".

Россиньоль пробылъ въ Россіи до мая мѣсяца 1771 года.

В. В. Тимощукъ.

Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ.

Прежде всего считаю долгомъ оговориться: настоящія воспоминанія касаются не столько личныхъ впечатлѣній о бѣломъ генералѣ, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться лишь раза два въ жизни, въ своей ранней юности, сколько одного эпизода, связаннаго съ внезапной кончиной Михаила Дмитріевича, вдохновившей меня, тогда еще лицеиста, написать на его смерть патріотическое стихотвореніе, которое я и отвезъ къ М. Е. Салтыкову-Щедрину, издававшему тогда „Отечественныя Записки“.

Мой разговоръ съ покойнымъ сатирикомъ и высказанные имъ тогда взгляды на Скобелева и по поводу Скобелева вообще на современное положеніе Россіи рѣзко врѣзались въ моей памяти, поразили меня своей неожиданностью, возмутили мое тогда еще юношеское, но пламенное патріотическое чувство и могутъ доставить читателямъ, мнѣ кажется, извѣстный историческій интересъ, какъ характеристика русскаго общества конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ лицѣ его либеральныхъ представителей и „генераловъ отъ либерализма“, замкнувшихся въ узкія партійныя рамки идей и взглядовъ, и ни видѣвшихъ изъ-за нихъ настоящей Россіи, не чувствовавшихъ ея національныхъ стремленій и идеаловъ...

I.

Наше Тамбовское имѣніе „Мосоловка".—Приволье степей и псовая охота.— Сосѣди: Можаровъ и Полтавцева; страсть Полтавцевой къ охотѣ и московскіе кутежи.

Проводя свое дѣтство и юность (лѣто и осень) въ нашемъ Тамбовскомъ имѣніи „Мосоловка", я съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ псовой охотѣ, которая процвѣтала въ нашей губерніи благодаря массѣ пустопорожнихъ земель, частью ковыльныхъ степей, перерѣзанныхъ оврагами, поросшими дубнякомъ, въ которыхъ водилась масса волковъ, лисицъ и зайцевъ.

Тамбовская губернія издавна славилась своими псовыми охотниками и собаками, борзыми и гончими; достаточно упомянуть фамиліи такихъ нашихъ помѣщиковъ, охотниковъ, какъ Жихаревы и Можаровы, съ которыми связана и выведенная ими порода борзыхъ, извѣстныхъ въ охотничьемъ мірѣ подъ именемъ „Жихаревскихъ" и „Можарскихъ".

Послѣдній былъ нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ, и благодаря ему у меня, главнымъ образомъ, и развилась страсть къ охотѣ. Будучи еще юношей, я пріобрѣлъ у него пару густопсовыхъ борзыхъ: премированнаго на выставкѣ кобеля „Лебедя", бѣлаго безъ помѣтинъ и такого могучаго, что онъ, несмотря на немолодые годы, безъ труда „бралъ" въ одиночку матераго волка, и сѣропѣгую суку „Завидку". Обѣ эти собаки и положили главнымъ образомъ основаніе моей собственной „настоящей" борзой охотѣ, которую я долгое время содержалъ въ Мосоловкѣ, наѣзжая туда неизмѣнно каждую осень для охоты, и лишь въ концѣ 80-хъ годовъ, когда служба занесла меня на далекій Кавказъ, а условія помѣщичьей жизни круто измѣнились (цѣлины были распаханы, звѣрь уменьшился, вывелись люди, завзятые охотники стараго закала, помнившіе еще крѣпостное право, изчезли косяки степныхъ лошадей, изъ которыхъ вербовались быстрые и выносливые кони подъ охоту, вздорожала страшно жизнь, а съ нею и содержаніе самой псовой забавы), я разстался съ своей любимой охотой, которую и уступилъ (собакъ, лошадей и всѣ принадлежности) разнымъ лицамъ, при чемъ лучшія собаки перешли къ нашимъ же тамбовскимъ помѣщикамъ Салтыковымъ, сидѣвшимъ еще на землѣ въ своемъ имѣніи почти безвыѣздно, что становилось и въ то время уже рѣдкостью.

Прелести псовой охоты и отъѣзжаго поля вдохновили меня на рядъ разсказовъ изъ охотничьей жизни, которые и были напечатаны въ разное время въ различныхъ журналахъ и органахъ повременной печати подъ общимъ заглавіемъ „Изъ записокъ борзятника".

Другимъ нашимъ сосѣдомъ по имѣнію, или, вѣрнѣе, сосѣдкой, помимо Можарова была г-жа Полтавцева, старая дѣва, державшая также небольшую псовую охоту, но большая поклонница ея, къ которой каждую осень съѣзжались на охоту и сосѣди и дальніе охотники—родственники и знакомые, даже изъ другихъ губерній. Полтавцева была очень оригинальной и типичной особой, болѣе похожей на мужчину, чѣмъ на даму и по образу жизни, и по своимъ вкусамъ. Несмотря на свои далеко не молодые годы (когда я ее зналъ), она отлично ѣздила верхомъ, травила звѣря съ борзыми, на привалахъ была хорошей собутыльницей, мало уступавшей въ этомъ отношеніи сотоварищамъ мужского пола, и неизмѣнно веселой собесѣдницей. Мы, молодежь, съ удовольствіемъ съѣзжались къ ней для совмѣстной охоты, „сваливая“ свои стаи вмѣстѣ съ ея и другихъ пріѣзжихъ охотниковъ.

Зимы г-жа Полтавцева проводила въ Москвѣ, но и тамъ не оставляла свои мужскія замашки, ведя шумную жизнь совершенно мужского пошиба. Принадлежа къ старому дворянскому роду и имѣя въ Москвѣ массу родни среди Московскаго общества, она нерѣдко шокировала послѣднее своими выходками. Такъ, лучшимъ для нея развлеченіемъ было набрать компанію молодежи обоего пола и вести ихъ къ Яру къ цыганамъ, гдѣ въ отдѣльномъ залѣ шелъ дымъ коромысломъ подъ звонъ стакановъ, гитаръ и пѣнія залихватскихъ цыганскихъ пѣсенъ!.. Московскія маменьки косились на нее, дулись, сплетничали, но... такъ какъ въ концѣ концевъ ничего дурного въ смыслѣ нравственности изъ этихъ ея кутежей для молодежи не происходило, и извѣстныя границы благоприличія всегда соблюдались, московское общество въ концѣ концевъ примирилось съ своимъ оригинальнымъ сочленомъ, махнуло на ея выходки и „эскапады“, какъ тогда выражались, рукой и отпускали въ ея всегда широко открытый домъ свою молодежь, которая любила бывать у этой веселой и, „совсѣмъ не похожей“ на старую дѣву, богатой барыни...

II.

Встрѣча съ М. Д. Скобелевымъ у Полтавцевой.—Совмѣстная охота съ нимъ.—Обаятельное впечатлѣніе, производимое Скобелевымъ на насъ, молодежь.—Своеобразный Milchkur.—Эпизодъ изъ взятія Хивы.

Вотъ у этой-то сосѣдки Полтавцевой, приходившейся теткой М. Д. Скобелеву и, если память мнѣ не измѣняетъ, управлявшей землею своего племянника, примыкавшей къ ея имѣнью, мнѣ пришлось въ одинъ прекрасный день встрѣтиться съ бѣлымъ генера-

ломъ. Пріѣхавъ съ своей охотой къ П. подъ вечеръ, я былъ встрѣченъ радостнымъ извѣстіемъ, что Скобелевъ здѣсь, пріѣхалъ наканунѣ, пробудетъ 2, 3 дня и будетъ съ нами охотиться. Пообчистившись съ дороги во флигелѣ, отводимомъ обыкновенно для насъ, молодежи, я съ замираніемъ сердца пошелъ въ главный домъ, гдѣ уже всѣ, во главѣ съ хозяйкой, собрались въ большой столовой къ ужину. П. представила меня Михаилу Дмитріевичу, который сидѣлъ рядомъ съ ней въ бѣлоснѣжномъ кителѣ, хотя шелъ конецъ сентября, и было довольно холодно.

Съ ранней юности я зналъ по имени нашего народнаго героя и съ жадностью и гордостью прочитывалъ въ газетахъ все относившееся до него; радовался его успѣхамъ и печалился за него при всякихъ невзгодахъ и несправедливыхъ гоненіяхъ, которымъ онъ не рѣдко подвергался по проискамъ своихъ многочисленныхъ недоброжелателей—завистниковъ. И вотъ этотъ герой моихъ юношескихъ мечтаній, который представлялся моему воображенію не иначе какъ стоявшимъ на недосягаемомъ пьедесталѣ, теперь воочію сидѣлъ передо мной, за однимъ столомъ, и какъ простой смертный, пьетъ, ѣстъ, смѣется, шутитъ, а не несется на конѣ съ обнаженной саблей впереди своихъ солдатъ!

Но эта будничная обстановка нисколько не уронила въ моихъ глазахъ „недосягаемость“ моего героя; напротивъ, близкая совмѣстная жизнь съ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ одномъ домѣ и на охотѣ еще сильнѣе укрѣпила во мнѣ чувство восторженнаго преклоненія передъ нимъ... М. Д. положительно умѣлъ очаровывать своихъ слушателей во время бесѣды, а на охотѣ онъ поражалъ насъ, молодежь, своей красивой посадкой на лошади и лихостью. Всѣ мы чувствовали себя верхомъ какъ дома, съ дѣтства сроднившись съ конемъ, а въ разгарѣ охоты, во время бѣшеной травли, мало обращали вниманія на встрѣчавшіяся препятствія въ видѣ крутыхъ обрывовъ, топей, канавъ и проч., но Скобелевъ поражалъ нашу опытную въ этомъ дѣлѣ молодежь той простотой и изяществомъ, съ которыми онъ преодолѣвалъ самыя трудныя препятствія...

Не будучи завзятымъ борзятникомъ, М. Д. не увлекался, какъ мы, травлей и, послѣ 2-хъ, 3-хъ удачныхъ „полей“, ранѣе другихъ забирался на полянку у опушки „острова“, гдѣ было все приготовлено для привала, и здѣсь, полулежа на коврѣ, курилъ и потягивалъ винцо, лѣниво перебрасываясь словами съ какимъ-нибудь случайнымъ собесѣдникомъ, послѣдовавшимъ за нимъ и тоже оставившимъ охоту.

Какъ я ни увлекался травлей, но, замѣтивъ въ первый же разъ,

что мой герой ранѣе другихъ забирается на „привалъ“, я безъ всякаго на этотъ разъ сожалѣнія тоже бросалъ охоту и присоединялся къ нему. Сначала робко приступая къ разговору, вращавшемуся сперва вокругъ охоты и моей своры борзыхъ, которыми я по праву гордился, я становился все смѣлѣе и подъ конецъ старался навести разговоръ на войну, чтобы услышать отъ Скобелева различные эпизоды сраженій. Иногда это мнѣ и удавалось, при чемъ воспоминанія Михаила Дмитріевича по преимуществу вращались на эпизодахъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи. Но когда собиралось все общество, и чарочки усиленно ходили по рукамъ, М. Д. круто мѣнялъ разговоръ, шутилъ, начиналъ разсказывать анекдоты, иногда не совсѣмъ цензурнаго свойства, при чемъ, если другихъ дамъ не было, а онѣ рѣдко бывали у Полтавцевой, такъ какъ та ихъ не жаловала и предпочитала дамскому обществу—мужское, Скобелевъ обращался къ своей теткѣ со словами:

— Отвернись, заткни ухо: конецъ анекдота не для дамъ!

На что та со смѣхомъ возражала:

— Не стѣсняйся, пожалуйста! Какая я дама? Я такой же сотоварищъ борзятникъ, какъ и вы всѣ!

Одинъ разъ Скобелевъ послѣ ужина зашелъ къ намъ, молодежи, во флигель, сидѣлъ довольно долго, пилъ вино, болталъ, при чемъ разговоръ все больше вертѣлся вокругъ прекраснаго пола, къ которому М. Д. питалъ, какъ видно было, особую слабость. Онъ много смѣялся, узнавъ отъ насъ о слѣдующемъ порядкѣ, заведенномъ молодежью въ домѣ его тетки: каждое утро около 4-хъ часовъ утра, сейчасъ послѣ дойки, къ намъ во флигель молодыя коровницы приносили въ кувшинахъ парное, еще теплое молоко, которое мы и принимали отъ нихъ, лежа въ постели... Конечно, суть дѣла была совсѣмъ не въ парномъ молокѣ, котораго многіе изъ насъ даже и въ ротъ не брали...

Полтавцева знала объ этомъ, но не препятствовала; декорумъ былъ соблюдаемъ, а она далеко не была ригористкой и нерѣдко подшучивала надъ нами за утреннимъ чаемъ:

— Ну, что, кто изъ васъ, щенковъ, пилъ сегодня парное молоко? Признавайся, понравилось?

Узнавъ отъ насъ про заведенный утренній Milchkur, Скобелевъ пришелъ въ восторгъ и долго смѣялся.

— Ну, и молодцы! жаль, что я этого раньше не зналъ, а то бы непремѣнно потребовалъ отъ тетки, чтобы она меня устроила не въ домѣ, а во флигелѣ!...

— Но вѣдь и въ домѣ можно завести тотъ же режимъ, Михаилъ Дмитріевичъ.

— Вы думаете? Надо будетъ узнать... а тетка не прогонитъ?

Продѣлалъ ли М. Д. въ этотъ день Milchkur, я не знаю, но на другой день онъ уѣхалъ. Мы всѣ многолюдной, шумной компаніей провожали его до небольшой ж.-д. станціи Ломовисъ, въ буфетѣ которой выпили на прощанье все имѣвшееся въ наличности вино, при чемъ М. Д. комично упрекалъ толстую (пудовъ въ 10—12) буфетчицу, что у ней мало вина и много жиру, и что вышло бы гораздо лучше, если бъ это было наоборотъ.

Въ другой годъ я встрѣтился съ М. Д. у Полтавцевой, но встрѣча наша вышла совсѣмъ короткая: онъ пробылъ у тетки только одинъ день и уѣзжалъ къ герцогу Лейхтенбергскому и графу Строганову, имѣнія которыхъ были тоже въ Тамбовской губерніи, но довольно далеко отъ насъ. И герцогъ Лейхтенбергскій и графъ Строгановъ тоже славились своими псовыми охотами...

Въ моей памяти сохранились (тогда же кратко занесенные въ дневникъ) слѣдующіе эпизоды, разсказанные Скобелевымъ. Первый относится до взятія Хивы. Кауфманъ, недолюбливавшій бѣлаго генерала и ревновавшій его къ его народной славѣ, при осадѣ Хивы поручилъ ему произвести съ казачьимъ отрядомъ рекогносцировку у самыхъ стѣнъ города и немедленно вернуться съ донесеніемъ. Прибывъ до разсвѣта къ Хивѣ, Скобелевъ, объѣзжая вдоль стѣнъ, замѣтилъ небольшую брешь, продѣланную наканунѣ нашими снарядами. Приказавъ разобрать ее, онъ во главѣ своего отряда пробрался благополучно черезъ первую стѣну незамѣченнымъ, разсыпалъ казаковъ и съ выстрѣлами и гиканьемъ ворвался въ городъ, а затѣмъ и въ самую цитадель, защитники которой въ безпорядкѣ еле успѣли скрыться. Въ цитадели онъ укрѣпился, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Халатники, никакъ не ожидая, чтобы горсть русскихъ имѣла дерзость ворваться въ городъ, растерялись, ожидая, что имѣютъ дѣло со всѣмъ войскомъ Кауфмана. Когда же они опомнились, было уже поздно, и ихъ попытки овладѣть обратноцитаделью не увѣнчались успѣхомъ...

Между тѣмъ Кауфманъ, не получая извѣстій отъ Скобелева, двинулся со всѣмъ отрядомъ къ Хивѣ и безъ особаго сопротивленія взялъ ее приступомъ. Каково же было его удивленіе, когда, подойдя къ цитадели, онъ увидѣлъ, что на ней развѣвается русскій флагъ!... Скобелевъ до прихода Кауфмана продержался съ горстью русскихъ, окруженный тысячами халатниковъ, цѣлыхъ 6 часовъ!

— Жутко вамъ было, М. Д., до прихода выручки?

— Совсѣмъ не жутко, и мы очень пріятно провели эти часы. Часть изъ насъ несли службу, а остальные расположились въ хан-

скомъ дворцѣ, гдѣ къ нашимъ услугамъ оказалась масса провіанта, лакомствъ и... ханскій гаремъ!

— Какую рожу скорчилъ Кауфманъ! готовъ былъ съѣсть меня живымъ! чего только не наплелъ онъ на меня въ Петербургъ въ своей реляціи, да дѣло не скроешь... Только и всего, что обошли наградой по службѣ: за взятіе Хивы ничего не дали!.. разсмѣялся Скобелевъ.

Впослѣдствіи я слышалъ подтвержденіе этого разсказа отъ артиллерійскаго полковника Лафицкаго, участника Хивинскаго похода, съ которымъ я встрѣтился на Аренсбургскихъ водахъ, гдѣ онъ лѣчился отъ полученныхъ ранъ.

Вл. Марковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ характеристикѣ Якова Петровича Кульнева.

Работая надъ матеріалами, относящимися къ Финляндской войнѣ 1808—09 г.г., въ одномъ изъ дѣлъ Военно-Историческаго Архива Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба (Отд. II, № 1647) мы натолкнулись на нижеприведенный собственноручный рапортъ Я. П. Кульнева, весьма характеристичный для этого своеобразнаго русскаго „рыцаря безъ страха и упрека"...

Гродненскаго Гусарскаго полка господину полковнику Бибикову.

Подполковника Кульнева

Рапортъ.

Отданной вашимъ высокоблагородіемъ отъ 13 сего мѣсяца приказъ, я насвой щотъ непринимаю, ибо ослушникомъ приказу коего никогда несуществовало не былъ, а въ субординаціи о коей вы напоминаитѣ болѣе относится къ вамъ въ упущеніи оной; во первыхъ при собраніи вами предъ полкомъ, всѣхъ господъ ескадронныхъ командировъ вы неблагопристойно кричали и въ упреки намъ угрожали прогнать всѣхъ ундеръ-офицеровъ сквозь строй, не имѣя къ тому ни малѣйшаго поводу, а потомъ въ присудствіи-жъ нашемъ отдали о томъ приказъ чрезъ адютанта вахмистрамъ что противно было всякой службы, и чести нашей. Во вторыхъ вы неудовольствуясь сею обидою возратясь въ городъ въ комнатѣ шефской и въ при лице его отдали выше упомянутой приказъ 13 числа, а потому вышли изъ предѣловъ своей власти въ коей всякой почину своему ограниченъ—честь имѣю донести

Подполковникъ Кульневъ.

16 Сентября 1807 года.

Достойно вниманія, что рапортъ этотъ писался Кульневымъ еще до начала Финляндской войны, съ которой, собственно говоря, и начинаются его выдающіеся боевые подвиги.

Такимъ образомъ, его репутація въ арміи и извѣстность по всей Россіи еще не имѣли повода распространиться.

Сообщилъ П. А. Нивé.

Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну 1904—1905 г.г. А. Н. А. Изданіе князя Абамелекъ-Лазарева.

Въ этой интересной и высокопоучительной, при настоящихъ событіяхъ, книгѣ, авторъ, по порученію князя Абамелекъ-Лазарева, съ замѣчательнымъ искусствомъ разобралъ 34 сочиненія иностранцевъ о русско-японской войнѣ. Книга состоитъ изъ 8 главъ: начало войны, бой у Тюренчена, дѣйствія Восточнаго отряда, Ляоянъ, Шахейская операція, Мугденъ, борьба за Портъ-Артуръ. О русской арміи. Ея организація, управленіе, система подготовки. Качества и боевая работа родовъ войскъ.

Въ началѣ чтенія книги у читателя невольно возникаетъ вопросъ: какова была русская армія, которая все отступала и отступала во всю японскую кампанію, и каковъ ея духъ. Та ли это армія, которая сокрушила шведовъ подъ Полтавой, свершала румянцевскіе и суворовскіе походы, брала Измаилъ, дѣлала швейцарскій походъ, ниспровергла геній Наполеона въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, покорила Кавказъ, брала Хиву и Ахалъ-Теке, штурмовала Карсъ и т. д. На эти вопросы всѣ иностранцы отвѣчаютъ такъ:

„Было бы ошибкой предположить, что боевыя качества русскаго солдата въ эту несчастную войну ухудшились, и военное могущество Россіи потерпѣло пораженіе“.

„Потери, достигавшія 70% для нѣкоторыхъ корпусовъ, не покинувшихъ при этомъ поля борьбы, огромная пропорція офицеровъ, убитыхъ передъ своими войсками, вотъ блестящія доказательства той душевной силы, которой обладаютъ русскія войска. Они ничего не потеряли изъ своего упорства, дѣлавшаго ихъ всегда страшными врагу“.

„Русскіе представляютъ отличный матеріалъ для войны. *Какъ они умѣютъ умирать*! Одинъ изъ резервныхъ полковъ потерялъ 73% своего состава, а одна изъ резервныхъ дивизій 56%. *Число*

выбывавшихъ изъ строя офицеровъ всегда пропорціонально превосходило число убывшихъ нижнихъ чиновъ. До конца войны баталіоны и полки шли на врага подъ огнемъ какъ на парадѣ. Японцамъ, удивленнымъ упрямствомъ сопротивленія русскихъ, казалось, что достоинства русскаго солдата возрастаютъ въ продолженіе борьбы, а храбрость и упорство неисчерпаемы и увеличиваются вмѣстѣ съ опасностью. *Является большимъ вопросомъ: виноваты ли начальники частей и штабы* въ несчастіяхъ, преслѣдовавшихъ русскую армію"...

„Русскій солдатъ человѣкъ вѣрный и самоотверженный, относящійся къ начальнику съ полнымъ довѣріемъ—поэтому онъ въ рукахъ хорошихъ руководителей представляетъ такой матеріалъ, какой едва-ли можетъ дать другая армія въ мірѣ,—вотъ что я утверждалъ, утверждаю и понынѣ".

„*Русскія войска совершали истинныя чудеса храбрости*".

„Русскіе съ своей стороны выказываютъ *неслыханное геройство*; и не боясь смерти, они бросаются на врага, предшествуемые барабанщиками и горнистами, которые безостановочно бьютъ въ атаку.

На многихъ мѣстахъ дороги загромождены трупами, черезъ которые приходится перелѣзать, чтобы пройти дальше; и изъ этихъ ужасныхъ баррикадъ течетъ дымящаяся на холоду и замирающая кровь".

„*Войска сдѣлали все, чтобы выполнить долгъ арміи; четвертая ея часть пролила для этого свою кровь.* А все же ничего не было достигнуто".

„Вѣдь для каждаго, кто безпристрастно будетъ обсуждать ходъ сраженія, станетъ ясно, что побѣда могла быть достигнута. Войска знали, что они выполнили свой долгъ до конца, не щадя живота, если, не взирая на все это, не достигли успѣха, то причины нужно искать въ иномъ мѣстѣ. Онѣ повидимому неизмѣнны".

„Уже не сомнѣвались болѣе и свыклись съ тѣмъ, что *всѣ жертвы напрасны, и послѣ каждаго боя приходится отступать*".

Баронъ Теттау, повѣствуя объ окончаніи ляоянскаго сраженія, приводитъ случай проявленія самостоятельности рѣшеній генерала Васильева и о томъ, какъ этотъ починъ не былъ одобренъ свыше. „И въ послѣнія минуты, еще не все было потеряно, если бы весь командный составъ былъ пріученъ къ проявленію почина и не былъ постоянно угнетаемъ чувствомъ отвѣтственности, страхомъ за каждый шагъ, „сдѣланный безъ разрѣшенія начальства".

„Пока принимались мѣры къ точному выполненію операцій отступленія, казалось, что и стоящіе противъ 10 корпуса японцы тоже отходятъ: пѣхота японская прекратила совершенно атаки и

артиллерійскій огонь былъ значительно слабѣй, чѣмъ наканунѣ. Было очевидно, что они отступаютъ, хотя бы съ частью своихъ силъ".

„Вслѣдствіе этого начальникъ лѣваго участка, генералъ-маіоръ Васильевъ, еще въ ранніе утренніе часы принялъ похвальное рѣшеніе наступать и атаковать отступающаго противника. Онъ донесъ объ этомъ командиру корпуса и просилъ предоставить въ его распоряженіе для этой цѣли два баталіона Тамбовскаго полка, стоящіе у Еленцвана. Командиръ корпуса не пожелалъ брать на себя отвѣтственность и по телефону донесъ объ этомъ планѣ генерала Васильева командующему арміей, который и не далъ разрѣшенія къ наступленію".

Генералъ Васильевъ проситъ вторично и вторично не получаетъ разрѣшенія перейти въ наступленіе.

Невольно припоминается, какъ подготовлялись наши начальники передъ японской войной къ самостоятельности дѣйствій; это было послѣ китайской войны, когда подвергли осужденію одного начальника за то, что онъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ, не испросивъ разрѣшенія свыше.

Это осужденіе принесло несомнѣнные обильные плоды въ средѣ нашихъ начальниковъ на поляхъ Маньчжуріи.

Во всѣхъ сказаніяхъ иностранцевъ красной нитью проходятъ безвольность, полное отсутствіе иниціативы, вмѣшательства въ распоряженіе подчиненныхъ самаго высшаго начальства арміи, подавившаго духъ войскъ своими приказаніями за все время войны отступать, отступать и отступать.

Это—главная причина неудачъ Русско-Японской войны.

Грандіозная борьба за Портъ-Артуръ невольно вызвала удивленіе и восхищеніе всего цивилизованнаго міра. Никто въ Европѣ не предполагалъ, что недостроенная крѣпость могла дать такой неслыханный отпоръ осаждающему. Всѣ предполагали, что борьба на Квантунскомъ полуостровѣ недолго протянется, что это театръ войны совсѣмъ второстепенный и неинтересный. Естественнымъ послѣдствіемъ такого мнѣнія было малое количество иностранныхъ военныхъ агентовъ и корреспондентовъ при арміи Ноги и полное отсутствіе ихъ въ осажденной крѣпости. Такимъ образомъ и оцѣнка происходящихъ событій иностранцами естественно склоняется болѣе благопріятно на сторону японцевъ, но и въ такомъ видѣ сказанія иностранцевъ слагаются такъ: „Солдаты Россіи и Японіи исполняли доблестно свое назначеніе въ теченіе всей осады Портъ-Артура; они выказали прекрасныя качества при самой тяжелой обстановкѣ. Вниманіе міра болѣе привлекаетъ побѣдитель, чѣмъ побѣжденный,

но было бы гнусно не уравнять вызывающія величайшее восхищеніе достоинства этихъ двухъ народовъ". За все время борьбы за Портъ-Артуръ, повѣствуетъ другой: „бомбардировки и штурмы производились непрерывно и *отбивались съ полнымъ презрѣніемъ къ жизни и ожесточеніемъ, на которыя, быть можетъ, неспособна ни одна европейская армія*".

Эта эпическая борьба началась 13 мая боемъ у Цзиньчжоу, „однимъ изъ самыхъ ужасныхъ сраженій этой войны"; на этомъ перешейкѣ русскія войска доблестно сражались противъ превосходныхъ силъ японцевъ. Прибавимъ мы, что эти войска были подъ начальствомъ генерала Фока, при чемъ было „отбито" девять штурмовъ, пока не сошлись грудь съ грудью, и побѣда была одержана лишь при содѣйствіи усиленнаго огня трехъ японскихъ миноносцевъ. При чемъ русскіе потеряли около 1.200 человѣкъ, что составляло около „40% наличнаго состава защитниковъ позиціи", а японцы 5.000 человѣкъ.

Одинъ изъ иностранцевъ, восхваляя японцевъ, сообщаетъ, что „*сопротивленіе русскихъ, принимая во вниманіе ихъ численную слабость, не менѣе замѣчательно*".

Затѣмъ съ 13 мая до полнаго обложенія крѣпости, т. е. до 2 августа, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и трехъ недѣль доблестный гарнизонъ велъ упорные бои за позиціи внѣ крѣпостного раіона, при чемъ особенно настойчива была атака японцевъ въ ночь на 21 іюня, „*когда русскіе выполнили почти невѣроятную задачу*".

„*Активный энергичный образъ дѣйствій русскихъ въ указанный періодъ времени, особенно на южномъ флангѣ, которымъ командовалъ г.-м. Кондратенко, служилъ доказательствомъ того, что способность сопротивленія квантунскаго отряда не поколебалась отъ неудачъ у Цзиньчжоу*".

Относительно боя 14 іюля, сказанія повѣствуютъ о Портъ-артурскомъ гарнизонѣ такъ: „*тысячи мелкихъ фактовъ частной иниціативы и храбрости, которые никому, кромѣ участниковъ, извѣстны не будутъ, дѣлаютъ этотъ день однимъ изъ наиболѣе своеобразныхъ и замѣчательныхъ въ современной военной исторіи*".

2 августа, какъ мы сказали, японцы закончили полное обложеніе крѣпости. Они рѣшились на штурмъ крѣпости. Утромъ 6 августа генералъ Ноги обратился въ своей главной квартирѣ къ иностраннымъ корреспондентамъ съ слѣдующими словами: „Вы пришли издалека, милостивые государи, чтобы видѣть эту войну, и должны были долго ждать моего разрѣшенія придти сюда; но я могу васъ только поздравить съ тѣмъ, что вы какъ разъ явились въ настоящую минуту, чтобы присутствовать при окончаніи побѣдоноснаго похода".

Въ началѣ штурма японцы захватили водопроводный редутъ. Однако недолго японцы владѣли позиціей; русскіе, получивъ подкрѣпленіе, бросились въ рѣшительную контръ-атаку и быстро отбросили японцевъ. „Нѣсколько русскихъ солдатъ, не довольствуясь этимъ, продолжали преслѣдовать японцевъ—четыре человѣка, подъ вліяніемъ возбужденія, пробѣжали довольно далеко, останавливаясь черезъ каждые 3—4 шага, чтобы опуститься на колѣно и выстрѣлить“.

„*Японцы, нѣсколько опомнившись послѣ бѣгства*, обернулись назадъ и скоро пристрѣлили троихъ изъ этихъ храбрыхъ преслѣдователей. Затѣмъ японцы, стали штурмовать редуты № 1 и № 2, направивъ на нихъ усиленный огонь“.

„Огонь этотъ былъ настолько сильный и сосредоточенный, что редуты, совершенно окутанные клубами бѣлаго дыма шрапнелей, скоро стали невидимы, а ниже стояла черная туча отъ земли и песку, взлетавшихъ вверхъ послѣ каждаго разрыва снаряда“.

Послѣ отчаянныхъ усилій изъ всей громадной линіи укрѣпленій японцы взяли редуты №№ 1 и 2.

„Русскіе сдѣлали цѣлый рядъ отчаянныхъ попытокъ отобрать оба редута. *Обѣ стороны бились съ величайшимъ мужествомъ*; нѣсколько разъ русскіе были на волосокъ отъ осуществленія своихъ намѣреній“.

Отчаянныя усилія японцевъ овладѣть Орлинымъ гнѣздомъ не имѣли никакого успѣха, при чемъ сказанія иностранцевъ передаютъ въ такихъ выраженіяхъ доблесть японскихъ войскъ, которымъ было приказано наступать изъ занятыхъ ими редутовъ № 1 и № 2.

„Приказали наступать, но ничто не могло заставить 8 полкъ покинуть закрытія въ траншеяхъ редута № 2 и въ мертвомъ пространствѣ за этимъ укрѣпленіемъ. Напрасно ветераны 7-го и 35-го полковъ жертвовали своею жизнью, чтобы своимъ примѣромъ подѣйствовать на 8-й полкъ“.

„Пріѣзжали штабные офицеры и упрашивали колеблющійся полкъ двинуться впередъ, но все было напрасно: ничто не могло заставить солдатъ, скорчившихся за своими транщеями, стать лицомъ къ лицу съ свинцовымъ дождемъ и раздѣлить участь своихъ товарищей. Тогда нѣкоторые офицеры, видя, что дальнѣйшія убѣжденія безполезны, начали рубить своихъ собственныхъ людей шашками, но гдѣ не принесло пользы убѣжденіе, тамъ и сила не помогла“.

Одинъ изъ иностранцевъ Бартлетъ изображаетъ упадокъ духа у японцевъ такъ: „Адъютантъ генерала Ошима, начальника 9 ди-

визіи, далъ мнѣ живое описаніе той *растерянности и неувѣренности*, которыя царили у японцевъ въ этотъ день.

„Хотя русскіе и потерпѣли неудачу въ томъ смыслѣ, что не взяли обратно потерянныхъ ими редутовъ № 1 и № 2, все же *честь успѣха въ этомъ ужасномъ бою, несомнѣнно, на ихъ сторонѣ*. Они съ успѣхомъ отразили атаку, которую японцы намѣревались обратить въ рѣшительную атаку на крѣпость. Своему упорному врагу они нанесли потери около 15.000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, и очень удачно затянули осадныя операціи японцевъ, такъ что болѣе мѣсяца японцы не дѣлали никакихъ попытокъ противъ какой-либо изъ русскихъ позицій".

„*Требовалась храбрость и упорство русскихъ, чтобы сломить ярость японцевъ*".

„Такимъ образомъ, атака эта, въ сущности, была основана на заблужденіи, не только относительно силы русскихъ позицій и количества войскъ въ Портъ-Артурѣ, но также и *относительно духа гарнизона, который въ это время, да еще и много мѣсяцевъ позже не выказывалъ никакихъ признаковъ деморализаціи*".

„Русскіе много разъ пытались взять обратно редуты, но, *несмотря на чудеса храбрости*, они никакъ не могли овладѣть ими".

Приступивъ къ постепенной атакѣ, японцы повели подступы миля за милей, рыли зигзагами траншеи, начавъ ихъ отъ прикрывающаго гребня черезъ открытую долину, пока переднія линіи не достигли подножія фортовъ. Въ теченіе дня, въ особенности, когда сапы подошли къ подножію русскихъ позицій, работать было невозможно, вслѣдствіе огня артиллеріи и точной стрѣльбы отборныхъ стрѣлковъ, попадавшихъ въ каждаго, кто хоть на дюймъ показывалъ свою голову изъ-за земляныхъ мѣшковъ.

„Русская артиллерія дѣйствовала въ этотъ періодъ очень энергично и очень удачно, обстрѣливая японскія артиллерійскія позиціи".

Время отъ времени, по ночамъ „слѣдовали многочисленныя вылазки, отрядами величиною отъ 30 до 200 человѣкъ, цѣлью которыхъ, главнымъ образомъ, было препятствовать траншейнымъ работамъ съ помощью метанія разрывныхъ снарядовъ. Подобныя предпріятія, повторяемыя часто (даже днемъ) *съ удивительной неустрашимостью*, причиняли японцамъ значительныя потери офицерами и солдатами и довольно значительно задерживали ходъ траншейныхъ работъ.

Въ началѣ сентября подступы подошли настолько близко (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 60 шаговъ), что Ноги рѣшилъ попытаться произвести новый штурмъ, который былъ назначенъ на 6 (19) сентября.

„Результатъ штурмовъ 6 сентября и въ послѣдующіе дни сводился такимъ образомъ къ слѣдующему. Была взята Длинная гора. Атака на Высокую гору успѣха не имѣла, вслѣдствіе чего, передъ сѣверо-восточнымъ фронтомъ, по-прежнему находилась передовая позиція“.

„Были взяты всѣ временныя укрѣпленія у Шуйшінна. Послѣдствіемъ этого было то, что путь для веденія дальнѣйшей атаки на всѣ долговременныя укрѣпленія сѣверо-восточнаго фронта былъ открытъ. Потери японцевъ, на всѣхъ пунктахъ атаки, выразились общею суммою въ 3000—4000 человѣкъ“.

„Между тѣмъ, японскія сапы усиленно подвигались впередъ. Почти каждую ночь русскіе производили вылазки, съ цѣлью разрушенія японскихъ работъ и избіенія рабочихъ. Много разъ они въ нѣсколько минутъ разрушали опасную работу нѣсколькихъ дней“.

„10 (23) сентября, передъ восходомъ солнца, одному лейтенанту русскаго флота, (лейтенанту Подгурскому) съ нѣсколькими матросами, удалось скатить въ блиндажъ, гдѣ сидѣли японцы, два заряда пироксилина. Отъ этого взорвались ручныя гранаты, которыя держали японскіе солдаты, и произошла страшная паника; русскіе воспользовались моментомъ и отбросили японцевъ въ ихъ собственныя траншеи. Большая часть отступавшихъ японцевъ погибла на проволочныхъ загражденіяхъ“ [1]).

„Между тѣмъ, японскія сапы усиленно подвигались впередъ. Почти каждую ночь русскіе производили вылазки, съ цѣлью разрушенія японскихъ работъ и избіенія рабочихъ. Много разъ они въ нѣсколько минутъ разрушали опасную работу нѣсколькихъ дней“.

„Общественное мнѣніе Японіи удивлялось сопротивленію Портъ-Артура. Болѣе рѣзкіе органы печати обвиняли Ноги въ неспособности и трусости“.

Ноги рѣшилъ произвести третій общій штурмъ и: онъ хотѣлъ преподнести Портъ-Артуръ своему императору, какъ подарокъ къ дню его рожденія 21 октября (3 ноября).

Результатъ третьяго штурма былъ захватъ японцами капонира № 2 (укрѣпленія Р.).

„Этотъ день въ часъ заката солнца Портъ-Артуръ представлялъ оригинальную картину: форты были окутаны красноватымъ блескомъ

---

[1]) Иностранецъ въ своихъ сказаніяхъ объ этомъ днѣ не передаетъ, что масса японцевъ, одежда коихъ была пропитана пироксилиномъ, сгорѣла.
II.

вызваннымъ огромнымъ количествомъ порохового дыма, все еще висѣвшаго надъ нимъ, неразсѣяннаго вѣтромъ; въ этомъ туманѣ слабо блестѣли прожектора, усиливая сказочный тонъ картины и странное освѣщеніе. *Русскіе, празднуя свой успѣхъ, начали сыпать надъ линіями японцевъ свои прелестныя звѣздныя ракеты, которыя еще такъ недавно почти не были видны.* Въ японскихъ лагеряхъ не было замѣтно и слѣда того оживленія, которое царило тамъ въ дни, предшествовавшіе штурму. *Офицеры и нижніе чины были подавлены исходомъ боя и замѣчалось какое-то малодушіе, нависшее надъ арміей*".

Съ разсвѣтомъ 18 октября, когда японцы увидѣли скаты укрѣпленій, покрытые трупами убитыхъ и ранеными, они были охвачены порывомъ бѣшенства. Бомбардировка производилась съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ наканунѣ.

„Потери японцевъ, съ 13 по 20 октября (2 ноября), достигли 13.000 человѣкъ".

Неудача штурма побудила японцевъ довести атаку противъ долговременныхъ укрѣпленій до самыхъ послѣднихъ стадій; для этого оставалось только одно средство: подземная минная война. Въ періодъ времени до новаго штурма, 13 (26) ноября, японскіе саперы и были заняты подготовкой мѣстности для слѣдующей атаки пѣхоты.

13 ноября генералъ Ноги штурмуетъ Портъ-Артуръ четвертый разъ, теряетъ 9 тысячъ убитыми и ранеными и не достигаетъ никакого результата, *„благодаря безпримѣрному упорству и храбрости обороняющихся"*.

„У японцевъ замѣтна была сильная угнетенность".

„Если когда-либо армія и ея генералы теряли голову, то это именно и случилось съ японской арміей въ данномъ случаѣ".

„Борьба, кипѣвшая на склонахъ Высокой горы въ теченіе слѣдующихъ десяти дней, всегда будетъ считаться однимъ изъ наиболѣе выдающихся военныхъ событій. Борьба носила такой эпическій характеръ, что если бы произошла она на 2000 лѣтъ раньше, традиціи и легенды, связанныя съ мѣстностью и участниками ея, навѣрное дошли бы до насъ въ стихахъ и пѣсняхъ".

„Японцы и русскіе дрались съ такой храбростью и отчаяніемъ, которыя превосходили все, что можно было наблюдать до сихъ поръ во время осады. Борцы буквально бросались другъ на друга, оставаясь совершенно равнодушными къ смерти; каждый стремился достичь гребня высоты или же умереть на ея склонахъ.

„19-го, 20-го и 21-го ноября (2-го, 3-го и 4-го декабря) японцы не атаковали ни одной позиціи. Въ теченіе этихъ трехъ дней, ар-

тиллерія не прекращала бомбардировки, осыпая снарядами гребень Высокой горы и все на ней разбивая въ щепы. Какъ русскіе могли держаться—необъяснимо; *храбрость ихъ, какъ оборонительной пѣхоты, никогда не подвергалась болѣе суровому испытанію, и никогда они не отвѣчали на вызовъ врага болѣе доблестно и самоотверженно.* Когда не угрожала атака, большая часть войскъ отводилась внизъ, на восточный склонъ, гдѣ они выжидали новаго нападенія своего грознаго врага, но и здѣсь ихъ находили японскіе снаряды; нѣсколько орудій, съ этой цѣлью, обстрѣливали задній склонъ горы, чтобы препятствовать подходу подкрѣпленій на гребень горы".

„Борьба за Высокую гору была битвой гигантовъ; ни одна страна въ самую славную эпоху своей исторіи никогда не выставляла въ поле солдатъ, которые дрались бы съ такимъ упорствомъ, храбростью и безусловнымъ презрѣніемъ къ жизни, какъ русская и японская пѣхоты въ теченіе этихъ дней".

Послѣ кровопролитной рукопашной схватки, продолжавшейся четыре часа, японцы овладѣли Высокой горой.

Взятіемъ этой высоты былъ открытъ русскій флотъ для огня японскихъ орудій.

При чемъ потери японцевъ съ 13-го по 14-е ноября достигли 14 тыс.

2-го декабря былъ убитъ на фортѣ II генералъ Кондратенко.

Минныя работы къ фортамъ и штурмы отдѣльныхъ, геройски обороняемыхъ укрѣпленій, слѣдовали послѣдовательно. Дни Портъ-Артура, послѣ паденія Высокой горы, были сочтены, и 19 декабря генералъ Стессель послалъ письмо съ предложеніемъ сдать крѣпость.

По сказаніямъ иностранцевъ „Портъ-Артуръ сослужилъ не малую службу, ибо гарнизонъ его, не превышавшій 50.000 человѣкъ, приковывалъ японскую армію въ 150.000".

Борьба за Портъ-Артуръ стоила арміи генерала Ноги 89.000 убитыхъ, раненыхъ и больныхъ, а если включить бой у Цзинчжоу, то 94.000 человѣкъ [1]).

Потери въ офицерскомъ составѣ у японцевъ были огромныя и доходили до 10.000 чел. Что касается гарнизона, то, по имѣющимся даннымъ среднимъ круглымъ числомъ, 10.000 были убитыми или умерли отъ ранъ; 13.000 раненыхъ и больныхъ японцевъ нашли въ госпиталяхъ, когда приняли ихъ; кромѣ того многіе русскіе были ранены болѣе одного раза, почему точнаго подсчета сдѣлать нельзя.

---

[1]) По болѣе точнымъ подсчетамъ въ послѣднее время потеря японцевъ подъ Портъ-Артуромъ доходила до 168.000. *П.*

Что касается нашихъ саперныхъ работъ, то онѣ мѣтко характеризуются слѣдующими словами генерала Ноги, сказанными норвежскому артиллерійскому капитану Норреганду. Указывая на старую русскую кирку, которая съ обѣихъ сторонъ была стерта почти до рукоятки, генералъ сказалъ: „Я долженъ былъ показать ее моимъ людямъ, чтобы они видѣли, *какими средствами русскіе насъ разбили* и чтобы имъ сдѣлать понятнымъ, что для насъ существуетъ только одно средство пойти къ непріятелю: копать и опять копать“.

Наши враги, послѣ сдачи крѣпости, стали распространять слухи, что въ крѣпости осталась масса здоровыхъ, годныхъ для боя, солдатъ и изобиліе огнестрѣльныхъ и продовольственныхъ припасовъ, А вотъ что говоритъ австріецъ Штреффлеръ: „Вопреки японскимъ представленіямъ, положеніе дѣлъ у обороняющагося успѣло, однако, придти — насколько теперь извѣстно — уже къ концу ноября въ критическое состояніе“.

Такъ представляется въ сказаніяхъ иностранцевъ эта семимѣсячная, эпическая оборона Портъ-Артурскаго гарнизона, который, при отчаянной, активной, полной выходящей изъ ряда вонъ, инициативы, за время осады вывелъ изъ строя противника почти 2/3 состава его войска, а по новѣйшимъ свѣдѣніямъ слишкомъ весь составъ.

Въ предисловіи автора этого изданія указано на то обстоятельство, что крайнія партіи въ печати стали обливать потоками грязи не только лицо, доблестно стоявшее много мѣсяцевъ во главѣ обороны, нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, а также и самый доблестный портъ-артурскій гарнизонъ.

Пропущено только то, что это произошло во время портъ-артурскаго процесса.

Что же касается до той роли, которую играли наши крайнія партіи въ Маньчжурскую войну, то въ отзывахъ иностранцевъ она представляется такъ:

„Въ то время, когда въ Японіи съ начала войны прекратилась всякая партійная рознь, русскіе либералы и радикалы пытались воспользоваться труднымъ положеніемъ правительства для борьбы съ нимъ и, такимъ образомъ, *стали союзниками враговъ государства*“.

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на ту параллель, которая невольно напрашивается при сравненіи дѣйствій Маньчжурскихъ армій съ дѣйствіями портъ-артурскаго гарнизона.

Ослѣпленные неслыханными успѣхами новоявленныхъ военныхъ дѣятелей Азіи при столкновеніи съ русскими въ Маньчжуріи, они совершенно упустили изъ виду, что неслыханныя побѣды объясня-

лись главнымъ образомъ не талантами японцевъ, а полнымъ отсутствіемъ инціативы предержащихъ властей Маньчжурскихъ армій, подчинившихся волѣ японцевъ и обращавшихъ русскія войска, при необычайномъ проявленіи воинской доблести, въ обозначеннаго, по отсутствію инціативы, для японцевъ противника.

Но и при такомъ условіи всѣ побѣды японцевъ въ стратегическомъ смыслѣ сводились къ нулю, т. к. они не могли использовать свои успѣхи, и послѣ побѣды ихъ арміи совершенно разваливались и дѣлались никуда не способными.

Съ другой стороны является крѣпость, недостроенная, недостаточно снабженная припасами, не предводимая геніальными военачальниками, но вдохновенная необычайнымъ духомъ инціативы, которая ведетъ 7 мѣсяцевъ оборону противъ превосходныхъ силъ противника и ведетъ такую оборону, которую никогда не проявляла, при подобныхъ условіяхъ, ни одна армія въ свѣтѣ.

Выводъ, который мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ этихъ сказаній, тотъ, что настоящая русская армія совершенно такая же, какою она была при Петрѣ Великомъ, при Суворовѣ, Румянцевѣ, Кутузовѣ и Скобелевѣ, но ей необходимы вожди съ полнымъ проявленіемъ инціативы. Этой доблестной арміи не страшенъ ни какой врагъ.

Великую заслугу имѣютъ за собою князь Абамелекъ-Лазаревъ и г. А. Н. А. тѣмъ, что они сказали это всему русскому обществу.

П.

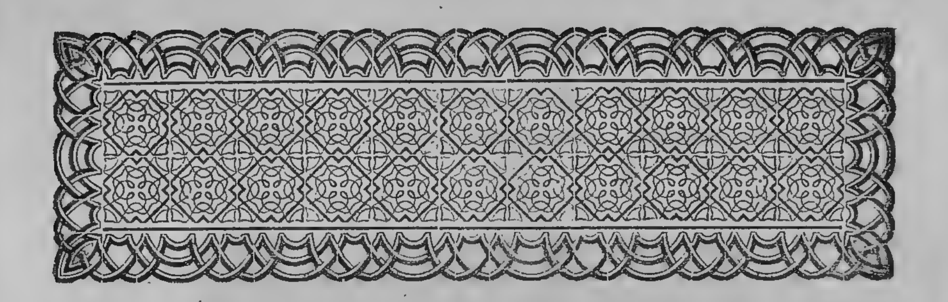

Его Императорское Величество

Государь Императоръ

Николай Александровичъ.

Къ трехсотлѣтію царствованія Дома Романовыхъ.

———

Въ лѣто 7121 паки сынове Русстіи пріемлютъ входъ отечества древняго градъ Москву, паки наста весна благодатнаго бытіа и простирается струа свѣтлотекущаго житія, еже нами чаемаго упованія великаго Бога свѣтъ возсія, и Того благоволеніемъ отъ конецъ ея народы православіа малии и велицыи, богатіи и нищіи, старыя же и юныя богатно разумѣніемъ отъ Иже всѣмъ дающаго жизнь обогатившеся и свѣтомъ добромыслимаго совѣта купно озарившеся. Аще бо убо и разнородными мѣстъ людми, но едиными рекоша усты, и въ дальномъ несогласіи житіа разстоятельствѣ бысть аки согласенъ совѣтъ во единоравенствѣ. Изволиша бо смысломъ, избраша же словомъ и учиниша дѣломъ, еже добръ совѣтъ сотвориша. Бѣ бо убо не человѣческимъ составленіемъ, но Божіимъ строеніемъ, Его же молиша и просиша государя себѣ на престолъ царствіа Московскаго государства царя Михаила Феодоровича, иже бысть по сродству племянникъ царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Русіи по матери его, царице и великой княгине Анастасіи Романовнѣ, яже бысть супруга царя Иванна Васильевича“ [1]).

Такими словами повѣствуетъ одинъ изъ наиболѣе раннихъ современныхъ памятниковъ, Хронографъ 1617 г., о событіи, совершившемся въ Москвѣ въ 1613 году, о вступленіи на престолъ

[1]) Русск. Истор. Библ., т. XIII, 2-е изд.

Русскаго царства новой, нынѣ благополучно царствующей, династіи Романовыхъ, на смѣну угаснувшей династіи Московскихъ Рюриковичей.

21-го февраля, въ воскресенье первой недѣли Великаго поста, въ недѣлю православія, состоялось послѣднее засѣданіе Земскаго собора, созваннаго ноябрьскими грамотами властей Нижегородскаго ополченія, для „царскаго обиранья". Земское ополченіе 1612 г., совершивъ великій національный подвигъ, очистивъ Москву отъ иноземнаго засилья, завершило свою задачу призывомъ къ скорѣйшему возстановленію государственнаго порядка. „Какъ безъ Государя намъ о великихъ и государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государями ссылаться, какъ государству нашему впредь стоять крѣпко и неподвижно, какъ противъ общихъ враговъ безъ Государя быть?" На выраженную въ этихъ словахъ мысль, въ чемъ основаніе и крѣпость государства, отвѣтомъ было рѣшеніе Земскаго собора 21-го февраля 1613: „на всѣ государства Россійскаго Царствія обрали его Государя Михаила Ѳедоровича Романова".

14 марта въ Кострому, на берега великой русской рѣки, прибыло отъ Земскаго собора посольство къ новоизбранному царю для умоленія его принять престолъ, и послѣ долгихъ колебаній со стороны юнаго Михаила Ѳедоровича, послѣ упорнаго моленія пословъ—послѣдовало, наконецъ, согласіе Царя на прошеніе Земли.

Государь Царь всея Руси Михаилъ Ѳедоровичъ выѣхалъ изъ Костромы и 2-го мая прибылъ въ Москву, гдѣ первымъ долгомъ помолился у Кремлевскихъ святынь и поклонился гробамъ „своихъ прародителей", тѣхъ великихъ государей, дѣло которыхъ собирался продолжать.

11-го іюля совершилось таинство миропомазанія на царство надъ первымъ царемъ новой династіи. Торжество царскаго вѣнчанія происходило, какъ всегда, въ Успенскомъ соборѣ, въ томъ храмѣ, который сто лѣтъ передъ тѣмъ инокъ Филофей провозгласилъ церковью, воспріявшей значеніе поруганной турками Св. Софіи Цареградской.

Такъ совершилось триста лѣтъ назадъ вступленіе на Россійскій престолъ династіи Романовыхъ, которой, по выраженію митрополита, вѣнчавшаго Михаила Ѳедоровича, предстояло хранить вѣру православную, блюсти царство Россійское и судить людей въ правду.

Прежде всего спросимъ, какое же историческое наслѣдіе получила новая династія? и что представляла собою Русская земля въ 1613 году? Съ перваго взгляда бросятся, конечно, въ глаза по-

Царь Михаилъ Θеодоровичъ.

слѣдствія ближайшей, только-что пережитой эпохи Разрухи. „Московскаго государства всякихъ чиновъ люди измалодушествовались, прежнимъ государямъ, давъ свои души, не прямо служили... Московское государство разорилось, чѣмъ служилыхъ людей жаловати и свои государевы обиходы полнити“, такъ характеризовала состояніе Руси инокиня Марѳа и вѣрность характеристики не отрицали ни чины посольства, ни земскій соборъ, который, за отсутствіемъ людей и денегъ, затруднялся приготовить царскіе хоромы къ пріѣзду царя. Памятники того времени заключаютъ въ себѣ яркія картины переживаемыхъ бѣдствій. „Не бысть ни града, ни веси, ни села, ни поля, ни лѣса, ни дебри, ни пропасти, ни пещеры, еже бы безъ мученія гдѣ христіаномъ укрытися можно было... по разореніи Царствующаго града и многихъ градовъ всѣми путьми быша бѣглецы къ дому Живоначальныя Троицы, и не бѣ числа слезъ кровныхъ“ [1]), такъ пишетъ въ житіи преп. Діонисія писатель Иванъ Насѣдка и отсылаетъ къ пространной исторіи о разореніи Московскомъ, т. е. къ сказанію Авраамія Палицына. И сказаніе келаря и другія еще болѣе замѣчательныя произведенія того времени даютъ достаточно матеріала для исторической картины. Еще сильнѣе изображеніе равнодушнаго зрителя, голландскаго посла Массы: „Москва теперь уже не та, что была до разоренія. Я не знаю государства, которое было бы въ большей опасности... поляки, шведы, крымскіе татары со стороны Астрахани, но всего болѣе туземная, необузданная, дикая и вооруженная толпа, называемая казаками, дѣлаютъ безпрестанные набѣги, все жгутъ, грабятъ, рѣжутъ“. Опасность отъ натиска шведовъ съ сѣвера и поляковъ съ запада общеизвѣстна. Дѣйствія воровскихъ шаекъ, преслѣдующихъ не однѣ разбойничьи выгоды, но и интересы анархическіе со стороны казаковъ Заруцкаго и политическіе со стороны польско-литовскихъ людей, захватывали даже далекій сѣверъ (Донесеніе Каргопольскаго воеводы Ивана Дашкова). Иноземные государи, не заинтересованные въ смутѣ въ такой степени, какъ Швеція и Польша, тѣмъ не менѣе выжидательно относились къ событіямъ и не скоро согласились на признаніе Михаила Ѳеодоровича Царемъ всея Руси. А въ далекой Франціи придворный исторіографъ [2]) неувѣренно, съ вопросительнымъ знакомъ, заносилъ имя „Michel Fedorowitz“ на страницы своей генеалогіи московскихъ государей, прерванной именемъ Ѳеодора Іоанновича и Бориса Году-

[1]) Канонъ преп. отцу нашему Діонисію... съ присовокупленіемъ житія его. М. 1824.

[2]) „С. Ѳ. Платонову ученики, друзья и почитатели“. СПБ. 1911, стр. 81.

нова. Наконецъ, послѣдствія смутнаго времени сказались и глубже и всестороннѣе въ жизни русскаго народа, не въ одномъ только что слегка очерченномъ положеніи государства, но мы не останавливаемся на этомъ вопросѣ.

Итакъ, положеніе было тяжелое, но не даромъ изслѣдователи подъ всѣми этими явленіями ясно различаютъ нѣчто знаменательное. Смута была сломлена къ 1613 году, кризисъ миновалъ и корабль „русскаго царствіа" медленно выплывалъ на свое прежнее историческое русло. Народъ выдержалъ испытаніе; интересы политическіе, интересы отдѣльныхъ слоевъ и группъ уступили мѣсто національно-религіознымъ и государственнымъ. Народная масса научилась организоваться для общей работы. Общественная среда выдвинула рядъ выдающихся личностей. И сильные не только умомъ, волею, но и чистотою нравственнаго облика, подобно патр. Гермогену, преп. Діонисію, безсмертнымъ вождямъ Нижегородскаго ополченія, кн. Скопину, и мятущіеся умы, подобно Ляпунову, Хворостинину, и слабовольные эгоисты, подобно кн. Трубецкому—всѣ пытались и въ большей или меньшей степени работали во имя народнаго спасенія. Сознавалась всѣми необходимость самопожертвованія, необходимость на первое мѣсто выдвигать государственное и народное дѣло. Это сказалось и позднѣе въ рѣшеніи Земскаго собора 1648 г. по поводу Азова, въ рѣшеніи, которое получило такую оцѣнку современнаго изслѣдователя: „голосованіе можетъ сдѣлать честь патріотизму любого собранія представителей... значительное большинство членовъ собора высказалось въ духѣ истинныхъ нуждъ Россіи (за принятіе Азова и за возможную войну съ Турціей) и въ этомъ смыслѣ навсегда рѣшило Азовскій вопросъ" [1]).—Не неумѣстно будетъ поэтому привести здѣсь слова нашего великаго поэта: „такъ въ искушеньяхъ долгой кары, перетерпѣвъ судебъ удары, окрѣпла Русь".

Мы поставили вопросъ, какое историческое наслѣдіе получила новая династія, но отвѣтъ дали неполный. Историческое наслѣдіе въ прошломъ народа сложилось не только подъ вліяніемъ того, что было пережито въ эпоху Смуты, не только подъ вліяніемъ тѣхъ жизненныхъ условій, которыя послужили причиной для этой самой Смуты, но еще болѣе подъ вліяніемъ цѣлаго ряда историческихъ явленій и теоретическихъ построеній, которыя явились результатомъ дѣятельности великихъ государей XV и XVI в.в. и результатомъ переживаній русскихъ людей тѣхъ предыдущихъ поколѣній.

---

[1]) Сергѣевичъ, Лекціи по исторіи р. права. 1890 г., стр. 297.

За время объединительнаго государственнаго процесса, за время упорной борьбы за независимое существованіе государства выработалось національное самосознаніе и сильный внутренней дисциплиной государственный порядокъ. Въ этой суровой школѣ окрѣпла великорусская народность и развила ту выносливость, которую заложила въ ней сама сѣверо-восточная природа. Русскимъ общественнымъ дѣятелямъ звучали завѣтомъ слова Іоанна III, что передъ государственнымъ интересомъ должны смолкнуть всѣ личные интересы самолюбія: „ты говоришь: тебѣ не пригоже стеречь князя Данила? *Меня* и *мое дѣло!*“ (слова боярину Юрію Захарьевичу). И привычка служить государямъ „не по вашему“, какъ выразился одинъ бояринъ Герберштейну, дѣлалась традиціей службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ предпріимчивый духъ русскаго народа, перенося тяготы, налагаемыя правительствомъ и вызываемыя потребностями внѣшняго роста государства, стремился облегчить свое соціальное и экономическое положеніе между прочимъ поисками „землицы“. Эти стремленія къ землѣ и вольному труду намѣчали незамѣтнымъ, но широкимъ размахомъ пути колонизаціи на сѣверъ, востокъ и югъ.—Мысль же и чувства русскихъ людей XV и XVI в.в. уносились еще дальше, дальше, чѣмъ шли мечъ и соха. Создалась знаменитая формула Москвы III-го Рима, выработались взгляды на міровое значеніе Московскаго Государя, какъ защитника и представителя православія. И то, что писали на эту тему книжники, вошло въ сознаніе народныхъ массъ и было, наконецъ, оффиціально воспринято правительствомъ.

Таково было сложное историческое наслѣдіе, полученное вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ новой династіей; таково состояніе земли при вступленіи Михаила Ѳедоровича Романова на Россійскій престолъ.

Въ прошлой исторической жизни, въ крѣпости народнаго духа, въ твердой вѣрѣ, что „Новый Израиль“ погибнуть не можетъ, въ готовности къ труду и къ самопожертвованію былъ уже залогъ къ возможной плодотворной работѣ государственнаго строительства въ будущемъ.

Въ домѣ Романовыхъ, со своей стороны, русскіе люди получили династію, которая и по нравственному облику и по горячей вѣрѣ въ великія судьбы родной земли и по неустанной работѣ для ея блага и славы отвѣчала нуждамъ и чаяніямъ народа.—Родъ бояръ Романовыхъ-Захарьиныхъ-Кошкиныхъ, изъ которыхъ происходилъ родоначальникъ нынѣ царствующей династіи, долго и много трудился на службѣ Московскому государству. Народную любовь и популярность создали этому роду не столько почетное положеніе на верху іерархической лѣстницы Московскаго боярства, не столько

колоссальныя богатства и обиліе вотчинъ во всѣхъ углахъ русской земли, сколько нравственный и умственный обликъ бояръ Романовыхъ-Захарьиныхъ въ XIV, XV и XVI вв., дѣятельная и плодотворная работа на всѣхъ служебныхъ поприщахъ. Будучи вблизи московскихъ государей, начиная съ Іоанна Калиты, пользуясь вліяніемъ на дѣла, участвуя и въ думѣ и на войнѣ, въ посольствахъ и въ управленіи областями, Захарьины были изъ числа тѣхъ, кого умирающій герой Куликова поля назвалъ: „вы не нарекостеся боляре, но князи земли моей". На протяженіи трехъ вѣковъ бояре Романовы работали надъ созданіемъ и усиленіемъ московскаго княжества, проявили умѣнье отстаивать русскіе интересы, какъ то видимъ у братьевъ Якова и Юрія Захарьевичей въ княженіе Іоанна III и Василія III во время дипломатической и военной борьбы съ Литвою. Таковы побѣды перваго подъ Брянскомъ и Путивлемъ, второго— подъ Дорогобужемъ. Таково участіе, напр., Юрія Захарьевича въ переговорахъ Литовскаго князя съ Іоанномъ III по поводу сватовства къ дочери его Еленѣ Іоанновнѣ въ 1492 г. Проявили они умѣнье заслужить любовь народную, будучи то намѣстниками Новгорода (Яковъ Захарьевичъ) въ моментъ его присоединенія къ Москвѣ, то руководителями государственной обороны на южной окраинѣ (Никита Романовичъ) при царѣ Грозномъ. Никита Романовичъ, братъ царицы Анастасіи Романовны, въ служебной дѣятельности, въ придворной обстановкѣ, въ общественныхъ и личныхъ отношеніяхъ проявлялъ помимо способностей, пониманія государственныхъ интересовъ необыкновенное благородство и мягкое любовное отношеніе къ людямъ. Достаточно вспомнить эпизодъ съ побѣжденными жителями города Пернова, о чемъ сохранили извѣстіе Ливонскія лѣтописи [1]). Соединеніе силы съ благородствомъ всегда привлекаетъ людей, и народная память хранитъ въ поэтическихъ образахъ воспоминанія о такихъ людяхъ: у насъ о Никитѣ Романовичѣ сохранились пѣсни. Наконецъ, родъ Романовыхъ проявилъ духовныя силы, когда Анастасія Романовна съумѣла быть нравственной поддержкой для Грознаго Царя, когда Никита Романовичъ сохранилъ свой чистый нравственный обликъ, несмотря на близость къ Іоанну IV въ послѣдніе темные годы его царствованія, когда Ѳедоръ Никитичъ, будучи въ санѣ митрополита, отстаивалъ религіозно-національные интересы своей родины въ тяжкомъ подневольномъ посольствѣ. Такъ въ теченіе трехъ вѣковъ бояре Романовы вносили свою долю труда въ укрѣпленіе Московскаго княжества, въ созиданіе мощи Московскаго государства; они

---

[1]) Онъ разрѣшилъ жителямъ удалиться изъ города, захвативъ съ собою имущество.

прошли со всѣмъ русскимъ народомъ суровую историческую школу, они вдохновлялись общенародными идеалами и раздѣляли со всѣмъ русскимъ народомъ его преклоненіе не столько передъ силой внѣшней, сколько передъ силой простого скромнаго подвига.

Съ 1613 года въ теченіе трехъ вѣковъ династія Романовыхъ несетъ уже съ высоты престола великую службу государственнаго строительства, заботы о преуспѣяніи и вящшей славѣ народа. За три вѣка много событій было пережито, многое измѣнилось въ народной жизни. Завѣты предковъ, сложившіеся вѣками, историческія задачи и условія жизненной обстановки нужно было сочетать съ осложняющимися обстоятельствами, съ намѣчающимися новыми вопросами и задачами. Въ комбинаціи стараго съ новымъ, въ умѣньи сохранить національно-историческіе завѣты и понять новыя нужды и заключалась трудность и сложность государственной работы за истекшее трехсотлѣтіе.

Объ этой государственной работѣ, о всемъ пережитомъ за этотъ періодъ русскимъ народомъ краснорѣчиво говорятъ и многочисленныя изданія памятниковъ XVII—XVIII и XIX вв. и многочисленные историческіе труды. И когда приводишь на память эти смѣняющіяся картины прошлаго, когда остановишь вниманіе на многообразныхъ проявленіяхъ жизни—три вѣка кажутся краткимъ временемъ. Было бы и смѣло и невозможно пытаться на этихъ страницахъ дать очеркъ, либо характеристику протекшаго трехсотлѣтія, но въ дни воспоминаній о событіяхъ 1613 года не неумѣстно будетъ остановить вниманіе на нѣкоторыхъ вопросахъ.

Вотъ передъ нами современная карта Россійской Имперіи. „Упираясь тыломъ въ льды Сѣвернаго океана, правымъ флангомъ въ полузакрытое Балтійское море и во владѣнія Германіи и Австріи, а лѣвымъ въ мало пригодныя для плаванія части Тихаго океана, Великая Сѣверная Держава имѣетъ... фронтъ, обращенный къ югу и простирающійся отъ устьевъ Дуная до Камчатки". Такой картиной современный военный писатель начинаетъ свою книгу о политическихъ задачахъ Россіи на театрѣ той борьбы за жизнь, которая искони ведется государствами міра.—Но чтобы мы могли въ 1913 г. видѣть подобную карту обширной Русской державы и могли бы говорить о выходѣ нашемъ на міровые пути—Средиземное море, Персидскій заливъ и Тихій океанъ, — надо было создать таковое положеніе государства. Карта Россіи 1613 г. (Гесселя Герритса, раньше считавшаяся картой царевича Ѳедора Борисовича) рисуетъ иное положеніе, иныя территоріальныя границы, и бѣглаго взгляда

достаточно, чтобы понять громадную во всѣхъ отношеніяхъ разницу. Въ 1613 г. была скована, но только великорусская народность, былъ въ рукахъ великій водный путь на востокъ, перейдены Уральскія горы, но то, что теперь въ тылу — Бѣлое море — было тогда единственнымъ выходомъ въ замерзающій Ледовитый океанъ, но то, что теперь составляетъ нашъ фронтъ—южная граница—было ареной борьбы съ полукочующими народами Азіи.

Упорная борьба въ теченіе XVII и XVIII вв. объединила почти всю русскую народность, и важность этой задачи хорошо понимали государи Дома Романовыхъ: въ XVII в. молодой царь Алексѣй Михайловичъ личнымъ пребываніемъ въ войскѣ во время начавшейся за Малороссію Польской войны подчеркнулъ свое отношеніе къ данному вопросу, а въ XIX в. императоръ Николай I ясно сознавалъ насущную потребность дополнить дѣло великой бабки — послѣдней собирательницы русской земли, какъ справедливо называетъ ее историкъ за то, что она „отторженная возвратила". Но дополнить это дѣло — получить Галицію — и тѣмъ исправить историческую ошибку императору Николаю не удалось, и голосъ поэта „Галичъ, гдѣ твои сыны?" остается въ силѣ до нашихъ дней, равно какъ и дикое по исторической нелѣпости выраженіе „зарубежная", „подъяремная" Русь, какъ будто можетъ быть таковая при существованіи единой Державной Руси.

Гигантская борьба Великаго Петра за море, значеніе, которое придавалъ онъ морскому могуществу государства, являются связующимъ звеномъ между политикой Іоанна III и между политикой преемниковъ Петра, доведшихъ наши владѣнія до нынѣ существующихъ границъ. Про эту преемственность политики говоритъ самъ царь Петръ въ предисловіи къ морскому регламенту: „какое (отецъ) тщаніе прилагалъ, особливо въ воинскихъ дѣлѣхъ, о томъ всѣмъ извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался".

Но если на берегахъ Балтійскаго и Чернаго моря шла кровопролитная борьба, то на Дальній Востокъ тихой незамѣтной волной шло переселенческое движеніе подъ водительствомъ и защитой казачества, и эта народная волна докатилась къ концу XVII в. до Камчатки, когда на русскихъ картахъ того времени появилось впервые „Никанское царство", т. е. Японія. За колонизаціей Сибири зорко слѣдило правительство и обиліе чертежныхъ плановъ XVII в. [1]) доказываетъ намъ, что Сибирь была хорошо извѣстна

---

[1]) Хранятся въ Моск. Архивѣ Мин. Юст. и въ Военно-Учен. Архивѣ Главнаго Штаба; въ послѣдній вошло обширное собраніе картъ изъ учрежденнаго Имп. Павломъ I Депо-Картъ.

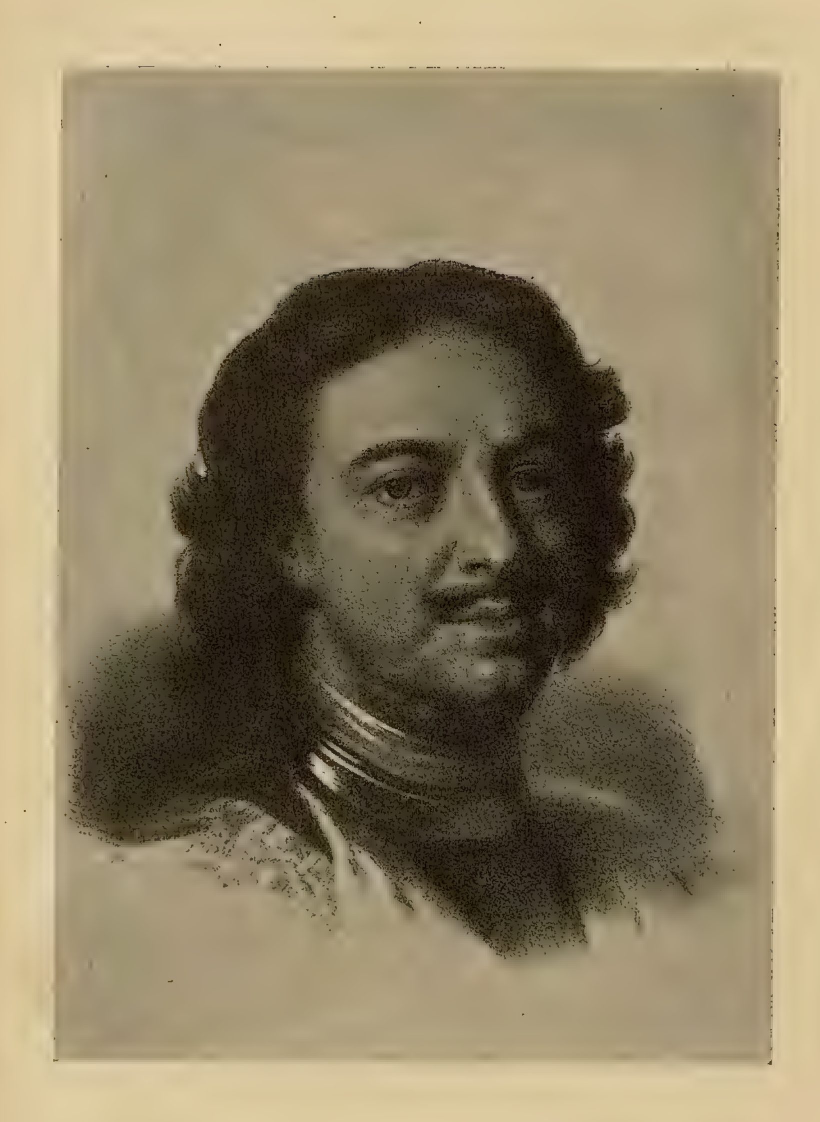
Москвѣ. Мысль Петра Великаго остановилась на далекомъ океанѣ, и экспедиція Беринга была осуществленіемъ этой мысли, а черезъ сто лѣтъ удивительные русскіе самородки, Шелеховъ и Барановъ, перекинули русскія владѣнія на берега Америки и создали въ началѣ XIX в. Русско-Американскую компанію, руководительство дѣлами которой было всецѣло въ русскихъ рукахъ. Между тѣмъ движеніе на Востокѣ не ограничилось переходомъ Уральскихъ горъ. Тѣмъ же путемъ, какимъ въ теченіе ряда вѣковъ высылала Азія свои полчища на Восточную равнину, тѣмъ же путемъ расширила Россія свои владѣнія—на Кавказѣ и въ Средней Азіи. Это движеніе явилось продолженіемъ мысли Петра Великаго—намѣчало выходъ къ Индѣйскому океану, было слѣдствіемъ давнихъ сношеній съ православной Грузіей и необходимостью обезопасить мирное населеніе окраины отъ нападеній безпокойныхъ сосѣднихъ племенъ.—Колоссальный территоріальный ростъ государства связанъ съ превращеніемъ Московскаго царства въ Россійскую имперію. Политика послѣдней дѣлается общеевропейской и міровой, пріобрѣтается особенное положеніе среди другихъ государствъ, и это покупается цѣною взаимнаго вмѣшательства въ политическія дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ Имперіи вошли чужія народности и единство національности, единство вѣры, наблюдаемое въ древней Руси, теперь нарушается. Государственная работа осложняется, и появляются новыя трудныя задачи согласовать разнообразные интересы съ величіемъ и пользой русскаго народа.

Внѣшняя политика за истекшее трехсотлѣтіе преслѣдовала не однѣ, упомянутыя нами, насущныя потребности государства. Великая заслуга Государей дома Романовыхъ заключается не въ одномъ этомъ направленіи политики, но и въ томъ, что они воодушевлялись идеальными порывами. Завѣтъ предковъ XV—XVI в. в. палъ на добрую почву. Уже патріархъ Филаретъ проявляетъ интересъ къ общенію съ православнымъ востокомъ, является грекофиломъ и переписывается съ знаменитымъ патріархомъ Кирилломъ Лукарисомъ Константинопольскимъ. Царь Алексѣй Михайловичъ пошелъ дальше дѣда. Для него было вполнѣ ясно назначеніе русскаго царя: „расточенная во благочестивое царство возвратить и быть на вселенной царю и самодержцу христіанскому“. У насъ нѣтъ недостатка въ знаменательныхъ обращеніяхъ къ царю дѣятелей православнаго востока; въ нихъ проводится настойчивое пожеланіе воспріять престолъ великаго царя Константина, уподобиться Моисею, выводящему изъ плѣненія единовѣрные народы. А въ изложеніи Павла Алеппскаго приводятся слова самого царя, его вздохи и слезы при разговорѣ о св. Софіи Цареградской, о пора-

бощеніи бѣдныхъ людей, которые находятся во власти враговъ вѣры. „Богъ взыщетъ съ меня въ день суда, ибо, имѣя возможность освободить ихъ, я пренебрегаю этимъ“, прибавилъ Тишайшій. И эти слова его вспомнилъ русскій писатель (Достоевскій), когда черезъ 200 лѣтъ преемникъ царя Алексѣя—Царь-Освободитель привелъ слова прапрадѣда въ исполненіе. Во время коронаціи Государя Александра II произошелъ эпизодъ, чрезвычайно характерный и подтверждающій намъ, какъ хранились чаянія XVII в. За Высочайшимъ обѣденнымъ столомъ среди духовныхъ лицъ былъ архіепископъ Кесарійскій Василій. Онъ обратилъ на себя вниманіе Государя, потому что все время плакалъ, и на вопросъ, обращенный къ нему, почему онъ плачетъ, отвѣтилъ: „Плачу отъ радости, видя торжество русскаго царя; плачу отъ горести, потому что мы, православные жители Малой Азіи, страдаемъ подъ игомъ Агарянъ“.

Столь не похожій на отца въ другихъ отношеніяхъ, Великій Петръ перенесъ его пламенное желаніе въ смѣлое начинаніе. Прутскій походъ, сношенія съ Черногоріей, забота о сербскомъ народѣ дѣлаютъ изъ царствованія Петра I важный моментъ въ исторіи Восточнаго вопроса. Съ этого момента начинается уже активное участіе Россіи въ судьбахъ славянства. И хотя XVIII в. и начало XIX по своему настроенію стояли дальше предшествующихъ въ данномъ вопросѣ, но все же и въ проектѣ Потемкина и въ мечтахъ Императрицы Екатерины II относительно Греціи брезжитъ мысль, что есть нѣчто особенно важное для Россіи на Ближнемъ Востокѣ. Императоръ Александръ I въ 1814 году, во время пребыванія своего въ Венгріи, могъ видѣть впечатлѣніе, произведенное побѣдами русскихъ войскъ на славянскія народности. Хотя Императору приходилось скрытно давать аудіенцію греческимъ духовнымъ лицамъ изъ Иллиріи, Далмаціи, такъ какъ австрійскій дворъ грозилъ послѣднимъ репрессіями, но славяне радовались, „что Бонопарте нашелъ преграду завоеваніямъ посреди славянскаго народа (слова Палковича—профессора Пресбургскаго университета); мы льстили себя сладостною надеждой, что Государь объявитъ войну Австріи и освободитъ народы ему соплеменные“. Понятенъ поэтому благоговѣйный восторгъ русскихъ людей, раздѣлявшихъ чаянія предковъ, и восторгъ славянства, когда Императоръ Александръ II двинулъ войска за Дунай и своимъ личнымъ пребываніемъ, пребываніемъ цесаревича Александра Александровича въ арміи подчеркнулъ, подобно нѣкогда царю Алексѣю, свое отношеніе къ святому народному дѣлу.

Колоссальный ростъ территоріальныхъ предѣловъ Московской

Петръ Великій

Императоръ Всероссійскій.

Руси до границъ современной Россійской Имперіи, ростъ ея политическаго значенія и историческихъ задачъ долженъ былъ сопровождаться такимъ же ростомъ внутреннихъ силъ государства. Этотъ внутренній ростъ долженъ былъ обращать на себя вниманіе правительства и вызывать заботливое попеченіе династіи. Длинный рядъ мѣропріятій, измѣненіе соціальныхъ и экономическихъ условій жизни, длинный списокъ возникавшихъ учрежденій въ одномъ своемъ перечнѣ занялъ бы немало мѣста. Давно ли вспоминали мы такую крупную реформу, какъ 19-е февраля 1861 года, завершившую собой долгую исторію крестьянскихъ отношеній къ государству, какъ они слагались въ теченіе вѣковъ! Мало ли за эти послѣдніе годы прошло всевозможныхъ юбилеевъ правительственныхъ учрежденій! А давно ли передъ нами вставалъ Елизаветинскій вѣкъ, поминалось имя великаго Ломоносова, про котораго поэтъ сказалъ: „ты лучшихъ дѣлъ Елизаветы былъ животворною душой“. Эти лучшія дѣла Елизаветинскаго времени—забота о просвѣщеніи, основаніе Московскаго университета. Ученая дѣятельность Ломоносова, меценатство Шувалова, художественныя произведенія Растрелли и скромныя замѣтки Данилова и Болотова, рисующія рядового дворянина, сообщаютъ царствованію Елизаветы Петровны особый колоритъ.—Въ настоящее время русскій человѣкъ съ гордостью можетъ сказать, что русская наука, русская литература и русское искусство занимаютъ видное, почетное мѣсто. Успѣхи, достигнутые въ разныхъ отрасляхъ научныхъ дисциплинъ, идеи и образы, созданные творчествомъ писателей и художниковъ, завоевали міровое вниманіе и внесли немало цѣннаго въ сокровищницу знанія и духовнаго развитія человѣчества. Много еще надо любви и пониманія научныхъ интересовъ, много надо работниковъ, но почва подготовлена и достигнутые результаты на виду. Къ этому надо прибавить, что сама русская земля заключаетъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для научной разработки во всевозможныхъ областяхъ. Въ какомъ другомъ государствѣ, не говоря уже объ естественныхъ богатствахъ, начиная съ полярныхъ странъ и кончая югомъ, найдемъ такой богатѣйшій историческій матеріалъ? Въ предѣлахъ Россіи находятся памятники разнообразной культуры; отъ древне-восточной — въ клинообразныхъ надписяхъ Кавказа—и классической—на берегахъ Чернаго моря—мы переходимъ къ западно-европейской въ Балтикѣ и Польшѣ; отъ древнихъ христіанскихъ памятниковъ Херсонеса, Арменіи и Грузіи—къ произведеніямъ исламскаго и буддійскаго искусства въ Средней Азіи и Сибири. О памятникахъ нашего родного прошлаго и говорить, конечно, не приходится. Уже одно такое богатство научнаго мате-

ріала налагаетъ обязанность на государство и на народъ, обязанность культурную.

И вотъ, чтобы развилась наука, чтобы появились умственные и духовные интересы—нужно было создать культурную обстановку. Древняя Русь выработала религіозное и политическое міросозерцаніе, покоившееся на той умственной и духовной пищѣ, какую давала ея письменность и ея изумительное искусство, имѣвшее вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе богословія и философіи въ образахъ. Пытливые умы путемъ самостоятельнаго труда, начитанности и наблюдательности поднимались на высоту выдающихся дѣятелей въ писательствѣ и въ жизни, но всѣ они могли сказать вмѣстѣ со старцемъ Филофеемъ: „еллинскихъ борзостей не текохъ, а риторскихъ астрономъ не читахъ... ни у мудрыхъ философовъ учился"...

Внесеніе вопроса о народномъ просвѣщеніи въ кругъ государственныхъ заботъ, появленіе правительственныхъ школъ относится уже ко времени государей Дома Романовыхъ. Пожеланіе пламеннаго панслависта Крижанича, чтобы могущественное славянское государство стало и разсадникомъ просвѣщенія, начинало мало-помалу осуществляться. Открытіе школъ то въ Москвѣ, то въ другихъ городахъ, то Ртищевымъ, то митрополитомъ Іоной Сысоевичемъ, призывъ братьевъ Лихудовъ, вызовъ ученыхъ изъ Кіева, основаніе, наконецъ, Славяно-Греко-Латинской Академіи, все это говоритъ уже о просвѣтительныхъ заботахъ въ царствованія Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича. Хотя изслѣдователь отмѣчаетъ, что при основаніи Славяно-Греко-Латинской Академіи, „широко задуманный планъ государственной всесословной школы, съ полнымъ кругомъ высшаго духовнаго и свѣтскаго образованія, какъ извѣстно, не удался", но чрезвычайно важно, что въ это время уже „широко ставился вопросъ о школѣ съ точки зрѣнія государственнаго интереса". И весьма цѣнно потому изреченіе изъ „привиліи" 1682 г., что „мудрость—наука есть царскихъ должностей родительница и всякихъ благъ изобрѣтательница и совершительница. Тою жде вся царствія благочинное расположеніе, правосудства управленіе и твердое защищеніе и великое распространеніе пріобрѣтаютъ" [1]). Эпоха Петра Великаго по общепризнанному мнѣнію „провела глубокую грань въ исторіи школьнаго образованія". Появились задачи свѣтскаго профессіональнаго образованія, котораго была чужда древне-русская школа. На первыхъ порахъ въ эпоху преобразованій стремленіе къ наукѣ не могло не подчиниться

---

[1]) Очеркъ по исторіи системъ народнаго просвѣщенія... С. В. Рождественскій. СПБ. 1912 г., стр. 2.

требованіямъ государственной пользы и этимъ объясняется профессіонально-сословный характеръ и утилитарный взглядъ на науку, который господствуетъ въ первое время исторіи нашего образованія.

Съ тѣхъ поръ каждое царствованіе вноситъ нѣчто свое въ это важное народное дѣло, и мы наблюдаемъ смѣну идей, какъ, напр., въ Екатерининскую эпоху и въ началѣ XIX столѣтія, наблюдаемъ развитіе системъ народнаго просвѣщенія, различное отношеніе къ задачамъ и къ направленію его. Вмѣстѣ съ тѣмъ ширилась потребность распространенія образованности въ возможно болѣе широкихъ кругахъ, но въ данномъ вопросѣ, по мнѣнію компетентнаго изслѣдователя, Московская Русь опережала XVIII в., грамотность ея народной массы была сильнѣе. Задачу поднять народную грамотность, создать народную школу пытался разрѣшить, гл. обр., XIX в. въ царствованія императоровъ Александра II и Александра III.

Заботами же императрицъ, начиная съ Екатерины Великой, развивалось и крѣпло женское образованіе въ Россіи, создавая для русской женщины возможность плодотворно работать на пользу своей родины.

За три вѣка роста и развитія государства было, конечно, не мало трудностей и неудачъ. Не мало скорбнаго перенесъ русскій народъ. На-ряду съ блестящими страницами прошлаго раскрываются передъ нами и темныя: мелькаютъ неудачи военныя, останавливаютъ наше вниманіе особенно обидныя дипломатическія ошибки, вспоминаются тяготы и страданія крестьянства, безправіе и злоупотребленіе, развитіе эгоистическихъ интересовъ, наконецъ— печальное явленіе раскола и не менѣе печальное—униженіе Церкви. Послѣднее тѣмъ тяжелѣе, что государи новой династіи были вполнѣ русскими людьми по своей религіозности; не говоря о такихъ чисто православныхъ людяхъ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ, даже въ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, воспитавшемся въ условіяхъ другой среды и чуждаго вліянія, сказывается тяготѣніе русскаго человѣка къ духовнымъ запросамъ, къ исканію Правды Божіей.

Всѣ эти тяжелыя стороны прошлаго объясняются, какъ неизбѣжной судьбой въ исторической жизни каждаго народа, такъ еще въ большей степени сложившимися условіями русской жизни: неопредѣленность престолонаслѣдія въ XVIII в., вліяніе и дѣйствіе чуждыхъ элементовъ и среды, потерявшей національное чутье, пробужденіе и проведеніе въ дѣло эгоистическихъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и сословныхъ группъ, господство ложныхъ идеологій, безпокойное и завистливое отношеніе Западной Европы, про которое справедливо сказалъ поэтъ: „вамъ (славянамъ) не прощается

Россія, Россіи не прощаютъ васъ". Всѣ эти бѣды и недочеты русской жизни вызывали благородное негодованіе и безпокойство лучшихъ людей, призывали на работу выдающіеся русскіе умы, будили общественное и національное самосознаніе; они вызывали цѣлый рядъ вопросовъ во внутренней и внѣшней жизни государства, и для разрѣшенія ихъ требовали народныхъ силъ, доказательствъ любви къ родинѣ на дѣлѣ, требовали неустанныхъ трудовъ съ высоты Престола.

Радость и горе народа находили горячій отзвукъ въ русскихъ государяхъ. Династія Романовыхъ отъ первыхъ своихъ представителей унаслѣдовала и проводила неуклонно традицію—вѣрить въ свой народъ, ставить выше всего его благо и видѣть въ царственномъ служеніи великій отвѣтственный долгъ. Эта традиція проводилась въ жизни, въ заботахъ и трудѣ, выражалась она при случаѣ и лично самими государями. Весьма интересно взять переписку царя Алексѣя Михайловича [1]), гдѣ Тишайшій высказываетъ свои взгляды и свое настроеніе. „Ей, не избраша лутче того, что веселитися и радоватися во истинѣ и правдѣ, а за нее пострадати, и люди Божьи разсуждати въ правдѣ. А мы, великій государь, ежедневно просимъ у Создателя... чтобы Господь Богъ.. даровалъ намъ, великому государю, и вамъ бояромъ съ нами единодушно люди Его Свѣтовы разсудити въ правду всѣмъ равно.... И о всѣхъ христіанскихъ душахъ поболѣніе мы имѣемъ....", пишетъ царь въ письмѣ Одоевскому по случаю перенесенія мощей святителя Филиппа. „Богъ благословилъ и передалъ намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ вправду", пишетъ онъ въ другомъ письмѣ (Ромодановскому). Это стремленіе „разсудить всѣхъ вправду", стремленіе „безпомощнымъ помогать" заставляло царя напоминать боярамъ, что должно „не на свое высокоуміе и вышеславіе полагаться, а печаловаться объ общемъ народѣ, о странахъ и селахъ.... о меньшей братіи.." Заботливость царя выражалась въ наказахъ къ воеводамъ умѣть беречь людей, въ негодованіи, если по оплошности на войнѣ бывали потери; съ теплымъ чувствомъ любви радуется царь, когда узнаетъ, что въ дѣлѣ при г. Валкѣ 1857 г. „люди цѣлы", хотя эти люди и „издрогали", но бѣгство войска искупалось храбростью Шереметева. Мягкость и любовное отношеніе къ людямъ не мѣшало Алексѣю Михайловичу сознавать долгъ „въ той строгой чистотѣ, въ той

[1]) Собраніе писемъ Царя А. М. М. 1856. Изд, Бартенева. См. Забѣлинъ, Опыты изуч. русск. древн. т. I, и Платоновъ, Царь Алексѣй Мих. (опытъ характеристики).

святости, которая высоко ставитъ царя надъ его современниками". Строгій и чуткій къ своимъ личнымъ поступкамъ, царь требовалъ, чтобы и другіе радѣли о государственныхъ дѣлахъ мужественно и храбро, до ратныхъ людей были ласковы, а ворамъ не спускали. Много любилъ и жаловалъ Алексѣй Михайловичъ тѣхъ, кто, подобно Ордыну-Нащокину, умѣлъ противъ иноземныхъ государей стоять „смѣлымъ сердцемъ" за русскіе интересы.—Великій Петръ горѣлъ жаждой пользы для своего государства и на себѣ хотѣлъ показать примѣръ неустанной работы, не знающей ни отдыха, ни конца. „Въ работѣ пребывающій" (какъ подписывался еще въ юные годы въ письмахъ къ матери Натальѣ Кирилловнѣ), царь считалъ, что призванъ „по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой". Тотъ, кто постоянно говорилъ, что упущеннаго времени ничѣмъ поправить нельзя, не давалъ отдыха себѣ, но зато не любилъ и не понималъ, чтобы въ немъ нуждались другіе. 70-лѣтній Виніусъ въ отвѣтъ на торопливые попреки царя писалъ (21-го февраля): „не прогнѣвись... воистинно сталъ быть дряхлъ... рукою правою въ письмѣ мнѣ зѣло тяжко... но поелико смогу, буду работать", и спѣшилъ по артиллерійскимъ дѣламъ въ Псковъ, а въ іюлѣ, несмотря ни на что, уже былъ въ Сибири. Съ неудовольствіемъ отнесся царь Петръ къ просьбѣ фельдмаршала Шереметева съѣздить послѣ Ерестферской побѣды въ Москву къ женѣ и холодно написалъ: „на страстной пріѣхать, а къ святой паки назадъ". Но за то и царь тоскуетъ, когда болѣзнь мѣшаетъ ему самому быть въ дѣлѣ: „сколько отъ болѣзни, а паче отъ печали, что время пропадаетъ". Царь словно извиняется, когда во время серьезной болѣзни, въ 1708 г., писалъ Меншикову, чтобы вершили дѣла безъ него: „самъ вѣдаешь, что николи такъ не писывалъ, но Богъ видитъ, когда мочи нѣтъ... служить невозможно". Громадная переписка царя [1]) вся состоитъ изъ дѣловыхъ приказаній, изъ поспѣшно составленныхъ записочекъ къ окружающимъ, и тѣмъ цѣннѣе тѣ краткія лирическія, такъ сказать, строки, въ которыхъ прорываются чувства, одушевлявшія этого желѣзнаго царственнаго работника. Эти чувства были острая боль, если дѣла шли не къ выгодѣ Россіи, и пламенный восторгъ при успѣхѣ. „И того ради, какъ не своею рукою пишу, нужда турокъ удовлетворить...", пишетъ онъ Апраксину послѣ 1711 г. въ отвѣтъ на письмо послѣдняго, въ которомъ, по словамъ царя, то „со слезами видѣлъ, о чемъ прежде вашего плакалъ". Сколько тоски и

---

[1]) Устряловъ, Исторія царств. Петра Великаго. т. II и IV. См. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 16, М. 1881.

сколько надежды въ словахъ задолго до Полтавской побѣды при тяжелыхъ политическихъ обстоятельствахъ: „мы съ приближающимся Лазаремъ... въ адской горести живы... Души наши по мытарствамъ задерживаются... Дай Богъ воскреснуть съ нимъ! Обрадуй воскресеніемъ!“ Чрезвычайно цѣнны тѣ рѣдкія строки, гдѣ царь Петръ, напоминая въ такомъ случаѣ своего отца, старается ободрить окружающихъ или смягчить свой выговоръ: „Пожалуй, не осердись, воистину отъ болѣзни сердца писалъ“, заканчиваетъ онъ выговоръ Ромодановскому. „Не извольте о несчастьи бывшемъ печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу), а паче людей ободрять и паче трудовъ приложить“, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. И съ такимъ настроеніемъ царь смѣло смотрѣлъ впередъ и вѣрилъ, что съ помощью Божіей и преданіе объ отнятіи Царьграда сбудется. „Въ чемъ да будетъ воля Господня... волею Его высятся и ни во что премѣняются“.— Черезъ много лѣтъ, въ покояхъ маленькаго цесаревича Павла Петровича, воспитатель послѣдняго Порошинъ „весьма сильно выговаривалъ, что ему (Его Высочеству) о имени блаженныя памяти Государя Петра Великаго всегда съ почтеніемъ вспоминать надобно, потому что сіе имя... любезно, славно и почтенно и что, вспоминая о немъ съ почтеніемъ, можетъ Его Высочество къ себѣ возбудить почтеніе и любовь... и Государь Великій князь былъ тронутъ“. Въ такой обстановкѣ семейной традиціи воспитывались будущіе государи, и въ Дневникѣ [1]) того же Порошина немало указаній на то, какъ Павелъ Петровичъ, будучи еще совсѣмъ ребенкомъ, но ребенкомъ увлекающимся, высказывалъ мысли и стремленія работать надъ собой для будущаго блага государства, высказывалъ любовь и уваженіе къ русскому народу. „Что же, сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ“? въ гнѣвѣ сказалъ онъ Строганову во время разговора въ его присутствіи, довольно безтактнаго на эту тему. Живой обликъ цесаревича Павла Петровича, какъ обрисовывается онъ подъ перомъ горячо любившаго его воспитателя, приводитъ на память другую сцену изъ записокъ другого воспитателя, Жуковскаго, который разсказываетъ намъ, что, когда пришло извѣстіе о побѣдѣ 1828 г.—взятіи Анапы, десятилѣтній наслѣдникъ Александръ Николаевичъ „вбѣгаетъ и кричитъ: „Анапу взяли“. Въ эту же минуту внесли и Константина Николаевича, котораго старшій братъ началъ цѣловать, поздравляя и его съ побѣдой“. Наставленіе Жуковскаго своему царственному воспитаннику въ письмѣ отъ 1832 г. характерно рисуетъ ту

[1]) Записки Семена Порошина. СПБ. 1844.

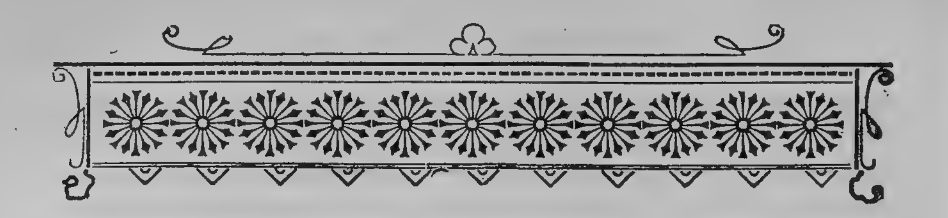
нравственную обстановку, въ которой росъ будущій Царь-Освободитель. „Знайте только одно: что въ наше бурное время необходимѣе, нежели когда-нибудь, чтобы государи своею жизнью, своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своею чистою любовью общаго блага были образцами на землѣ и стояли выше остальныхъ міра. Нравственная сила необходима; она—въ душѣ Государей, хранитъ народы въ мирное время, спасаетъ ихъ во времена опасныя"... Вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскій и Мердеръ съ радостью отмѣчаютъ успѣхи въ поведеніи цесаревича: „нашъ общій ненавистный врагъ... называемый лѣнью, почти побѣжденъ... нашъ бодрый союзникъ, называемый чувствомъ должности, болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ силы... и мы завоюемъ чудотворный талисманъ, называемый нравственное достоинство" [1]). Эти штрихи изъ воспоминаній о дѣтскихъ годахъ государей объясняютъ намъ ту преемственную духовную связь, которая объединяла въ заботѣ о государствѣ царей XIX в., подобно ихъ предкамъ XVII в. Слова Александра Павловича въ 1812 г., время, когда императоръ былъ въ расцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ, напоминаютъ знаменательное изреченіе Петра I передъ Полтавской битвой. Исполняя завѣтъ отца, императоръ Александръ II принялъ на себя разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, и его рѣчь въ Государственномъ Совѣтѣ создала ему безсмертіе, по выраженію одного современника.

Постоянно являя примѣръ благороднаго служенія родинѣ, Государи раздѣляли съ народомъ его радости и печали. По выраженію нынѣ царствующаго Государя Императора: печаль народа—Его печаль. Желаніе блага и славы Россіи Русскіе Цари соединяли съ горячей вѣрой въ свой народъ и съ чувствомъ гордости. Подобно тому, какъ Императоръ Александръ I въ манифестѣ послѣ Отечественной войны высказалъ, что „толикому народу" воздать можетъ „токмо Богъ единый", и Императоръ Александръ II, горячо благодаря ратниковъ послѣ Севастопольской обороны, сказалъ имъ: „Вы показали свѣту, какое могущество духа живетъ въ народѣ русскомъ".

Е. Тураева-Церетели.

[1]) Имп. Александръ II, С. Татищевъ. (Русск. біограф. словарь).

За полвѣка [1]).

узыка, въ тѣ зимы, входила уже значительно въ сезонный обиходъ столицы. Но Петербургъ (какъ и Москва), не имѣлъ еще средствъ высшаго музыкальнаго образованія. Даже о какой-нибудь извѣстной частной школѣ или курсахъ что-то совсѣмъ не было слышно. Общая музыкальная грамотность находилась еще въ зачаткѣ. Музыкѣ учили въ барскихъ домахъ и закрытыхъ заведеніяхъ, и вкусъ къ ней былъ довольно распространенъ, но только „въ свѣтѣ“, между „господъ“; а гораздо меньше въ среднемъ кругу и среди того, что называютъ „разночинцами“.

Мальчиковъ, воспитывавшихся въ достаточныхъ и богатыхъ домахъ—часто пріохочивали къ фортепіано, а дѣвочекъ учили уже непремѣнно, и въ институтахъ онѣ проходили довольно строгую „муштру“.

Я лично, послѣ не совсѣмъ пріятныхъ мнѣ уроковъ фортепіано,—пожелалъ самъ учиться на скрипкѣ, и первымъ моимъ учителемъ былъ крѣпостной „Сашка“, выѣздной лакей и псовый охотникъ. Въ провинціи симфонической и отчасти оперной музыкой и занимались только при богатыхъ барскихъ домахъ и въ усадьбахъ. И у насъ въ городѣ, долго держали свой бальный оркестръ, который, въ нѣкоторые дни, игралъ, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, „концерты“, т. е. симфоніи и квартеты.

Скрипку я оставилъ, когда, къ переходу въ Дерптъ, мною овладѣла точная наука, но вкусъ къ музыкѣ остался, и я въ Дерптѣ,

---

1) См. „Русская Старина“, январь 1913 г.

въ домѣ кн. Д—выхъ, постоянно слушалъ хорошую фортепіанную игру и пѣніе, въ которомъ и самъ участвовалъ.

Въ Петербургѣ я не оставался равнодушнымъ ко всему тому, что тамъ исполнялось въ теченіе сезона. Но—повторяю—тогдашніе любители не шли дальше виртуозности игры и пѣнія арій и романсовъ. Число тѣхъ, кто изучалъ теорію музыки, должно было сводиться къ ничтожной кучкѣ. Да я и не помню имени ни одного извѣстнаго профессора „генералъ-баса", какъ тогда называли теорію музыки.

Учрежденій, кромѣ Пѣвческой Капеллы—тоже не было. Процвѣтала только виртуозность, и не было недостатка въ хорошихъ учителяхъ. Изъ нихъ Гензельтъ (фортепіано), Шубертъ (віолончель) и нѣсколько другихъ были самыми популярными. Концертную симфоническую музыку давали на университетскихъ утрахъ, подъ управленіемъ Шуберта, и на вечерахъ филармоническаго общества. И вся виртуозная часть держалась почти исключительно нѣмцами. Что-нибудь свое, русское, создавалось по частной иниціативѣ, только-что нарождавшейся.

Но и тотъ музыкантъ, которому Россія обязана созданіемъ музыкальной высшей грамотности—Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ—въ тѣ годы для большой публики, былъ, прежде всего, удивительный піанистъ. Композиторскій его талантъ мало признавался; а онъ уже, къ тому времени, кромѣ множества фортепіанныхъ и концертныхъ вещей, выступалъ и какъ оперный композиторъ.

Никто изъ заѣзжихъ иностранныхъ виртуозовъ не могъ помрачить его славы, какъ піаниста; а въ Петербургъ и тогда уже пріѣзжали на сезонъ всѣ западные виртуозы. Великопостный сезонъ держался тогда исключительно концертами (съ живыми картинами) и никакихъ спектаклей не полагалось.

Рубинштейна я, въ первый разъ, увидалъ на эстрадѣ, но издали, и вскорѣ, въ одинъ свѣтлый зимній день, столкнулся съ нимъ на Невскомъ, когда онъ выходилъ изъ музыкальнаго магазина, запахиваясь въ шубу, въ мѣховой шапкѣ, какія тогда только-что входили въ великую моду.

Онъ уже не смотрѣлъ очень молодымъ; но также брилъ все лицо и отличался уже сходствомъ своихъ чертъ и всей головы съ маской Бетховена.

У меня не было случая съ нимъ познакомиться, въ тѣ зимы, хотя я посѣщалъ одинъ музыкальный салонъ, который держала учительница пѣнія, сожигаемая также страстью къ сценѣ, и какъ актриса, и какъ писательница. Она состояла въ большой дружбѣ

съ семействомъ Рубинштейна (по происхожденію она была еврейка); у нея часто бывалъ его братъ, въ формѣ военнаго врача; но Антонъ не заѣзжалъ.

Наше знакомство завязалось гораздо позднѣе, уже за границей, въ половинѣ 70-хъ годовъ, и продолжалось до его смерти—о чемъ я еще буду имѣть поводъ и мѣсто поговорить.

А тогда я попалъ въ кружокъ, гдѣ Рубинштейна цѣнили только какъ виртуоза, но на композитора смотрѣли свысока и вообще сильно недолюбливали, какъ музыканта старой нѣмецкой школы.

Тогда, мой товарищъ Милій Балакиревъ—уже устроился въ Петербургѣ, переѣхалъ туда изъ Казани во второй половинѣ 50-хъ годовъ. Его покровитель Улыбашевъ привезъ его туда, представилъ Глинкѣ и ввелъ въ тогдашній музыкальный кружокъ.

Его сейчасъ же оцѣнили и какъ піаниста, и какъ будущаго композитора. Онъ сошелся, черезъ братьевъ Стасовыхъ, съ нарождавшейся тогда „Кучкой" музыкантовъ, которые ратовали за русскую музыку, преклонялись передъ Глинкой, высоко ставили Даргомыжскаго; а въ иностранной музыкѣ ихъ „отцами церкви" были Шуманъ, Листъ и Берліозъ.

По направленію, это были первые—послѣ Глинки и отчасти Даргомыжскаго—наши народники-реалисты, стоявшіе за освобожденіе отъ традицій классическихъ музыкантовъ нѣмецкой школы, застывшихъ на Моцартѣ, Бетховенѣ, Мендельсонѣ и Шубертѣ.

Шопенъ былъ имъ ближе, и Балакиревъ всегда любилъ его играть. Но въ Казани, гдѣ мы съ нимъ разстались—онъ еще не выяснилъ себѣ своей музыкальной „платформы". Это сдѣлалось въ кружкѣ его друзей и, на первыхъ порахъ—руководителей, въ кружкѣ Стасовыхъ.

Теоріи музыки ему не у кого было учиться въ провинціи, и онъ сталъ композиторомъ безъ строгой теоретической выучки. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что многимъ обязанъ былъ Владиміру Стасову. Тотъ знакомилъ его со всѣмъ, что появлялось тогда замѣчательнаго въ музыкальныхъ сферахъ у нѣмцевъ и французовъ. Черезъ этотъ кружокъ онъ сдѣлался и такимъ почитателемъ Листа и, въ особенности, Берліоза.

Мы видались съ Балакиревымъ, въ мое дерптское время, каждый годъ. Проѣзжая Петербургомъ, туда и обратно, я всегда бывалъ у него, кажется, разъ даже останавливался въ его квартирѣ. Жилъ онъ холостякомъ (имъ и остался до большой старости и смерти), скромно, аккуратно, безъ всякаго артистическаго кутежа, все, съ тѣми же своими маленькими привычками. Онъ уже имѣлъ много уроковъ и этого заработка ему хватало. Виртуознымъ тще-

славіемъ онъ не страдалъ и не бился изъ-за великосвѣтскихъ успѣховъ.

Въ эти четыре года (до моего водворенія въ Петербургѣ) онъ очень развился не только какъ музыкантъ, но и вообще сталъ гораздо литературнѣе, много читалъ, интересовался театромъ и сталъ знакомиться съ писателями; мечталъ о томъ, кто бы ему написалъ либретто.

О своихъ замыслахъ онъ много бесѣдовалъ со мною и охотно игралъ свои новыя вещи. Онъ уже заявилъ себя, какъ серьезный композиторъ и двумя-тремя оркестровыми сочиненіями, и цѣлымъ цикломъ романсовъ.

Безъ систематической школы, по части теоріи музыки, онъ быстро овладѣлъ этой премудростью; а своими вкусами, оцѣнками, идеями въ духѣ народническаго реализма—также быстро поднялся до роли центральнаго руководителя нашей новой музыкальной школы. Тогда прозвище „могучая кучка“ не было еще пущено въ ходъ. Оно взято было изъ фельетона Кюи;—но уже позднѣе.

Какъ преподаватель, Балакиревъ привыкъ съ особымъ интересомъ обращаться ко всякому дарованію. И уже съ первыхъ его годовъ жизни въ Петербургѣ—подъ его крыло стали собираться его молодые сверстники, еще никому почти неизвѣстные—въ другихъ, болѣе замкнутыхъ кружкахъ любителей музыки.

У Балакирева я, въ первый разъ, увидалъ и Мусоргскаго. Ихъ тогда было два брата: одинъ носилъ еще форму гвардейскаго офицера; а другой — авторъ „Бориса Годунова“ — только-что надѣлъ штатское платье, не оставшись долѣе въ полку, куда вышелъ, если не ошибаюсь—изъ училища гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Тогда это былъ еще свѣтскій „jeune homme'чикъ“, франтоватый, пріятнаго вида, очень воспитанный, безъ военныхъ ухватокъ. Онъ держался съ Балакиревымъ, какъ ученикъ съ наставникомъ; но безъ всякой лести или подслуживанья. Они при мнѣ часто играли въ четыре руки и вели разговоры на тѣ темы, которыми весь ихъ кружокъ такъ горячо жилъ. Мусоргскій пробовалъ себя уже какъ композиторъ, но къ крупнымъ своимъ вещамъ онъ приступилъ позднѣе. Его новаторскія идеи уже владѣли имъ, и Балакиревъ очень имъ сочувствовалъ. Даргомыжскій задумалъ тогда своего „Каменнаго гостя“. Идея полнаго сліянія поэтическаго слова съ музыкальнымъ звукомъ была всѣмъ имъ дорога. Но ратуя за нее, кружокъ будущихъ „кучкистовъ“ совсѣмъ не увлекался Вагнеромъ, написавшимъ тогда все, чѣмъ онъ прославился отъ „Тангейзера“ вплоть до его цикла Нибелунговъ и „Тристана и Изольды“.

Я никогда не слыхалъ у Балакирева разговоровъ о создателѣ „музыки будущаго“.

И когда самъ Вагнеръ къ зимѣ 1862—63 годовъ явился въ Петербургъ, гдѣ далъ нѣсколько концертовъ подъ своимъ дирижерствомъ, при чемъ имѣлъ очень шумный успѣхъ, наши народники-реалисты, найдя его прекраснымъ капельмейстеромъ, вовсе не преклонялись передъ нимъ, какъ передъ композиторомъ, не искали его знакомства, не приглашали его къ себѣ.

Въ тогдашнемъ Петербургѣ вагнеризмъ еще не входилъ въ моду; но его пріѣздъ все-таки былъ событіемъ. И Рубинштейнъ относился къ нему съ большой критикой; но идеи Вагнера, какъ создателя новой оперы, слишкомъ далеко стояли отъ его вкусовъ и традицій. А „кучка“, въ сущности, вѣдь боролась также за два главныхъ принципа вагнеровской оперы: народный элементъ и, главное, полное сліяніе поэтическаго слова съ музыкальной передачей его.

И все-таки, соглашенія не состоялось. Вагнерьянцемъ явился, изъ тогдашнихъ даровитыхъ музыкантовъ, одинъ только Сѣровъ. Съ Сѣровымъ у кружка Стасовыхъ (съ которыми онъ вначалѣ считался пріятелемъ) завелись какіе-то интимные счеты, гдѣ замѣшался и женскій полъ (о чемъ мнѣ Балакиревъ что-то разсказывалъ); а потомъ явились и профессіональные счеты, и Сѣровъ разорвалъ совершенно со стасовскимъ кружкомъ.

Для него пріѣздъ Вагнера и личное сближеніе явились рѣшающимъ моментомъ въ его композиторствѣ. Но и такого восторженнаго своего поклонника Вагнеръ считалъ чѣмъ-то настолько незначительнымъ, что въ своей перепискѣ, изъ этой эпохи, не упоминаетъ ни о немъ, ни о какомъ другомъ композиторѣ, ни о Даргомыжскомъ, ни о Балакиревѣ; а о Рубинштейнѣ—въ его новѣйшей біографіи,—говорится только по поводу интриги, которую яко-бы Рубинштейнъ собирался повести противъ него въ Петербургѣ (?).

Будущіе „кучкисты“, конечно, были на его концертахъ; но встрѣчи тамъ съ Балакиревымъ или съ Вл. Стасовымъ (котораго я уже лично зналъ) я что-то не помню.

Вагнеръ—тогда человѣкъ лѣтъ около шестидесяти—смотрѣлъ совсѣмъ не геніальнымъ нѣмцемъ, довольно филистерскаго типа. Но его женская нервность и крутой нравъ сказывались въ томъ, какъ онъ велъ оркестръ. Музыканты, хотя и сдѣлали ему овацію; но у нихъ доходило съ нимъ до весьма крупнаго столкновенія.

Тогда онъ уже достигъ высшаго предѣла своей маніи величія и считалъ себя не только великимъ музыкантомъ, но и величайшимъ трагическимъ поэтомъ. Его творчество дошло до своего зенита—

своего зенита—за исключеніемъ „Парсиваля"—именно въ началѣ 60-хъ годовъ, хотя онъ тогда еще нуждался и даже долженъ былъ бѣжать отъ долговъ съ своей виллы близъ Вѣны; но его ждала волшебная перемѣна судьбы: влюбленность баварскаго короля и все то, чего онъ достигъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни.

Какой разительный контрастъ, если сравнить судьбу автора „Тристана" и „Парсиваля" съ жалкимъ концомъ музыкальнаго создателя „Бориса Годунова" и „Хованьщины". Умереть на солдатской койкѣ военнаго госпиталя, да и то благодаря добротѣ доктора, который положилъ его, выдавъ за денщика.

И только въ 1908 году, Парижъ услыхалъ его „Бориса" въ русскомъ исполненіи, съ Шаляпинымъ, и французская критика, восхищаясь его оперой, признала его создателемъ небывалаго рода реально-народной музыки.

Мусоргскаго я и позднѣе встрѣчалъ, когда онъ входилъ въ извѣстность, но я не видалъ той полосы, когда онъ такъ нуждался, и предаваясь русской роковой страсти, и разрушая свою личность, дошелъ до того Мусорскаго, котораго такъ высокодаровито воспроизвелъ Рѣпинъ въ знаменитомъ портретѣ.

А тѣмъ временемъ, мой землякъ и товарищъ Балакиревъ, пріобрѣтая все больше вѣсу, какъ музыкальный дѣятель, продолжалъ вести скромную жизнь преподавателя музыки, создалъ безплатную воскресную школу, сдѣлался дирижоромъ самыхъ передовыхъ тогдашнихъ концертовъ.

Оперы онъ не написалъ, а долго мечталъ объ этомъ, искалъ либретистовъ, совсѣмъ было сладился съ поэтомъ Меемъ; но тотъ только забиралъ съ него „авансы", а такъ ничего ему и не написалъ.

Въ психической жизни создателя русской школы произошла (это было въ тѣ годы, когда я жилъ за границей) рѣзкая перемѣна, совпадающая съ его поѣздкой къ славянамъ. Въ юности онъ былъ далекъ отъ всякой мистики, отличался даже, бывало, въ Казани, охотой къ вышучиванію всего церковнаго, но тутъ всплыло въ немъ мистическое настроеніе и на почвѣ личной огорченности (какъ объясняли нѣкоторые его пріятели) онъ совсѣмъ скрылся, разорвалъ на долго сношенія съ своимъ кружкомъ, бросилъ музыку и очутился мелкимъ служащимъ на станціи желѣзной дороги.

Это продолжалось довольно долго, и такого Балакирева я не встрѣчалъ. Я жилъ въ тѣ годы или за границей, или по долгу въ Москвѣ. Потомъ онъ пришелъ въ норму, принялъ завѣдываніе Пѣвческой Капеллой, сталъ опять давать уроки, но прежняго положенія занимать не желалъ.

Такимъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ въ домѣ Дм. Вас. Стасова, куда онъ пріѣхалъ играть Шопена въ день посмертнаго юбилея его любимаго славянскаго композитора.

Славянофильство и націонализмъ наложили на него свою окраску; а по музыкальному своему credo онъ не могъ уже относиться съ тѣми же симпатіями и къ кучкистамъ. Нѣкоторые ушли далеко; и Бородинъ, и Римскій-Корсаковъ, и Кюи, и всѣ новые въ той генераціи, гдѣ такъ выдѣлился Глазуновъ.

О Чайковскомъ мнѣ не привелось съ нимъ бесѣдовать. На композитора „Евгенія Онѣгина"—кучкисты долго смотрѣли какъ на „выученика" консерваторіи, созданной братьями Рубинштейнъ. Но позднѣе они къ нему относились безъ предвзятости, оставаясь все-таки съ другими музыкальными идеалами.

Сѣровъ—ихъ антагонистъ и непріятная имъ личность—въ сущности дѣлалъ ихъ же дѣло. И онъ вдохновлялся народными сюжетами, какъ „Рогнѣда" и „Вражья сила", и стремился къ сліянію слова съ мелодіей, да и вагнерьянство не мѣшало ему идти своимъ путемъ.

Въ тѣ зимы, о которыхъ я заговорилъ здѣсь, его „Юдиѳь" явилась послѣ „Русалки" Даргомыжскаго—первой большой оперой, написанной музыкантомъ новой формаціи.

Тогдашній Петербургъ работалъ надъ созданіемъ—съ одной стороны—музыкальной школы и добился учрежденія консерваторіи, а съ другой—далъ ходъ творческой работѣ и по симфонической музыкѣ, и по оперной. Кружокъ реалистовъ-народниковъ, образовавшій „могучую кучку", отстаивая русскую своеобразность, считалъ своими западными руководителями такихъ музыкантовъ, какъ: Шуманъ, Листъ и Берліозъ. Стало быть, и кучкисты были западники; но въ высшемъ смыслѣ. Они недостаточно цѣнили то, что принесъ съ собою Вагнеръ, но это помогло имъ остаться болѣе самими собою, а это—немаловажная заслуга.

Они привлекали публику къ серьезнымъ музыкальнымъ наслажденіямъ и въ критикѣ дружно ратовали за свое credo.

Когда я, въ 1871 году, вернулся въ Петербургъ, послѣ почти пятилѣтняго житья за границей, музыкальность нашей столицы шагнула впередъ чрезвычайно. По общей подготовкѣ, по грамотности и высшему обученію сдѣлалъ это Антонъ Рубинштейнъ; а по развитію своего оригинальнаго стиля въ музыкальной драмѣ тѣ, кто вышелъ изъ „кучки", и тѣ, кто былъ воспитанъ на ихъ идеалахъ, что не помѣшало однако таланту, какъ Чайковскій, занять—рядомъ съ ними—такое видное и симпатичное мѣсто. И онъ вѣдь не остался узкимъ западникомъ, а, вызывая въ иностранной публикѣ, до смерти

своей, всего больше сочувствія и пониманія, выработалъ свой стиль, свое настроеніе и какъ оперный композиторъ, и какъ симфонистъ.

Въ эти же зимы и наши пластическія искусства получили другое направленіе.

„Академія" царила еще въ половинѣ 50-хъ годовъ. Пріѣздъ Ал. Иванова съ его картиной „Явленіе Христа народу" вызвалъ, быть можетъ, впервые, горячій споръ двухъ поколѣній. Молодежь стояла за картину, особенно студенчество. Я тогда проѣзжалъ Петербургомъ и присутствовалъ при такихъ схваткахъ. Но тогдашніе академическіе эстеты не восхищались картиной, въ томъ числѣ и такіе знатоки, какимъ уже считался тогда Григоровичъ.

Какъ „кучкисты", такъ и новые народники реалистическаго направленія въ живописи и скульптурѣ—нашли себѣ рьянаго защитника и пропагандиста въ Вл. Стасовѣ.

Съ нимъ—какъ я уже разсказывалъ раньше—Балакиревъ познакомилъ меня еще въ концѣ 50-хъ годовъ, когда я, студентомъ, привезъ въ Петербургъ свою первую комедію „Фразеры". На квартирѣ Стасова я ее и читалъ. Тамъ же, помню, были и какіе-то художники.

Въ 60-хъ годахъ я у Стасовыхъ не бывалъ и съ Владиміромъ въ литературныхъ кружкахъ не встрѣчался, но видался часто въ концертахъ и на оперныхъ представленіяхъ.

И тогда—онъ уже былъ такой же, только не сѣдой: высокій, бородатый, съ зычнымъ голосомъ, съ обрывистой и грубоватой рѣчью, великій спорщикъ и „разноситель", для многихъ трудно выносимый, не только въ личныхъ сношеніяхъ, но и въ статьяхъ своихъ.

Всего рѣзче отзывался о немъ Сѣровъ, къ которымъ я сталъ чаще видаться, уже позднѣе, къ 1862-мъ году.

Разъ онъ при мнѣ—у Писемскаго—съ особеннымъ „смакомъ", повторялъ такую прибаутку, вѣроятно имъ же самимъ и сочиненную:

„Одинъ знакомый спрашиваетъ другого:

— Знаете вы Стасова?

— Котораго?

— Вотъ такой долговязый?

— Да они всѣ—съ коломенскую версту!.

— Такой глупый?

— Да они такіе!..

Не мудрено, что и такой тонкій и убѣжденный западникъ, какъ Тургеневъ, не могъ также выносить Стасова. Онъ видѣлъ въ его проповѣди русскаго искусства замаскированное славянофильство, а

славянофильское credo было всегда ему противно, что онъ и выразилъ такъ блестяще и зло въ разсужденіяхъ своего Потугина, въ „Дымѣ“.

Но Стасовъ былъ поклонникъ не Уваровской формулы—онъ и вовсе не дружилъ съ тогдашними „почвенниками“, вродѣ Ап. Григорьева, а преклонялся скорѣе передъ Добролюбовымъ и—главное передъ Чернышевскимъ, воспиталъ свое художественное пониманіе на его диссертаціи: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, и держался весьма либеральныхъ взглядовъ. Его руссофильство было скорѣе средствомъ проповѣди своего, самобытнаго искусства, протестъ противъ подражанія иностранной „казенщинѣ“—во всемъ: въ музыкѣ и въ изобразительныхъ искусствахъ.

Какъ онъ ругалъ „итальянщину“ въ оперѣ, такъ точно онъ разносилъ и академію, и посылку ея пенсіонеровъ въ Италію, и увлеченіе старыми итальянскими мастерами.

Это былъ своего рода нигилизмъ на національной подкладкѣ. Нѣчто въ томъ же родѣ происходило въ литературной критикѣ, гдѣ, нѣсколько позднѣе, раздались чисто иконоборческіе протесты противъ изящныхъ искусствъ и поэзіи, лишенной гражданскихъ мотивовъ.

Стасовъ не проповѣдывалъ отрицанія искусства, но его эстетика была узко-реалистическая. Онъ признавалъ безусловную вѣрность одного изъ положеній диссертаціи Чернышевскаго: что настоящее яблоко выше нарисованнаго. Поэтому, ратуя за русское искусство, онъ ставилъ высоко идейную живопись и скульптуру, восхвалялъ литературные сюжеты на „злобы дня“ и презиралъ чистое искусство не менѣе самыхъ заядлыхъ тогдашнихъ нигилистовъ.

Но никто, до него, такъ не распинался за молодые русскіе таланты. Никто такъ не радовался появленію чего-либо своеобразнаго, не казеннаго, не „академическаго“. Только бы все это отзывалось правдой и было свое, а не заморское.

И какъ проповѣдь театральнаго нутра, къ половинѣ 50-хъ годовъ, нашла уже цѣлую плеяду московскихъ актеровъ, такъ и суть „стасовщины“ упала на благодарную почву. Петербургская академія и Московское училище стали выпускать художниковъ-реалистовъ, въ разныхъ родахъ. Русская жизнь впервые нашла себѣ такихъ талантливыхъ изобразителей, какъ братья Маковскіе, Прянишниковъ, Мясоѣдовъ, потомъ Рѣпинъ и всѣ его сверстники. И русская природа, подъ кистью Шишкина, Волкова, Куинджи, стала привлекать правдой и простотой настроеній и пріемовъ.

Столичная публика только къ началу 60-хъ годовъ стала такъ

посѣщать выставки, а любители съ денежными средствами такъ охотно покупать картины и заказывать портреты.

Общество „передвижниковъ"—прямое созданіе этого народно-реалистическаго направленія.

Это былъ вызовъ, брошенный впервые казенной академіи, не въ видѣ только разговоровъ, споровъ или задорныхъ статеекъ, а въ видѣ дѣла, общей работы, проникнутой, хотя и одностороннимъ, но искреннимъ и, въ основѣ своей, здоровымъ направленіемъ.

Стало быть, и міръ искусства въ разныхъ его областяхъ обновился, на русской почвѣ, именно въ эти годы. Тогда и заложено было все дальнѣйшее развитіе русскаго художественнаго творчества, менѣе отрѣшеннаго отъ жизни, болѣе смѣлаго по своимъ мотивамъ, болѣе преданнаго завѣтамъ правды и простоты.

То же случилось и со скульптурой. У Антокольскаго были уже предшественники, къ 60-мъ годамъ, хотя и безъ его таланта. И опять все тотъ же „долговязый" и „глупый" Стасовъ (по формулѣ Сѣрова), все тотъ же несносный крикунъ и болтунъ (какимъ считалъ его Тургеневъ) открылъ безвѣстнаго виленскаго еврейчика, влюбился въ его талантъ и ломалъ потомъ столько копій за его „эпоху дѣлающее" произведеніе: Іоаннъ Грозный.

Все это было очень искренно, горячо, жизненно—и, въ то же время, однако, слишкомъ прямолинейно и преисполнено узко-идейнаго реализма. Такимъ неистовымъ поборникомъ русскаго искусства оставался Стасовъ до самой своей смерти. И мы съ нимъ—въ послѣдніе годы его жизни—имѣли нескончаемые споры по поводу книги Толстого объ искусствѣ.

Стасовъ оказывался толстовцемъ, если не въ отрицаніи искусства, то въ отстаиваніи моральнаго его значенія и въ нападкахъ на все, что ему было не по душѣ въ западномъ искусствѣ, въ томъ числѣ и на оперы Вагнера.

Такимъ полутолстовцемъ онъ и долженъ былъ кончить... и старцемъ восьмидесяти лѣтъ отъ роду, такимъ же неистовымъ, какъ и сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ.

Тогда только и проявился во всѣхъ сферахъ мысли, творчества и общественнаго движенія антагонизмъ двухъ поколѣній, какого русская жизнь, до того, еще не видывала. Въ литературной критикѣ и публицистикѣ самую яркую ноту взялъ Писаревъ, тотчасъ послѣ Добролюбова, но онъ и сравнительно съ авторомъ статьи „Темное царство" былъ уже разрушитель и упразднитель болѣе новаго типа. Онъ попалъ въ крѣпость за политическія идеи. Но его „нигилизмъ" заявлялъ себя гораздо сильнѣе въ вопросахъ общественной и частной морали, въ освобожденіи ума отъ всякихъ

путъ мистики и метафизики, въ проповѣди самаго безпощаднаго реализма, вплоть до отрицанія Пушкина и Шекспира.

Все возрастающая распря между „отцами“ и „дѣтьми“ ждала момента, когда художникъ такого таланта, какъ Тургеневъ, скажетъ свое слово на эту первенствующую тему.

Создателя „Отцовъ и дѣтей“ я, въ ту зиму, не видалъ, да, кажется, онъ и не былъ въ Петербургѣ при появленіи романа въ январѣ 1862 года.

И даже въ томъ, какъ оцѣненъ былъ Базаровъ двумя тогдашними критиками радикальныхъ журналовъ, сказались опять двѣ ступени развитія въ молодомъ поколѣніи.

„Нигилисты“ постарше зачитывались статьей Антоновича, гдѣ произведеніе Тургенева сравнивалось съ „Асмодеемъ“ тогдашняго обскуранта-ханжи Аскоченскаго; а болѣе молодые упразднители, въ лицѣ Писарева, посмотрѣли на тургеневскаго героя совсѣмъ другими глазами, и признали въ немъ своего человѣка.

„Современникъ“ и его главный штабъ съ особенной рѣзкостью отнеслись къ роману Тургенева, и Герценъ (на первыхъ порахъ) отрицательно отзывался о Базаровѣ, увидавъ въ своемъ тогдашнемъ пріятелѣ Тургеневѣ „зубъ“ противъ молодежи.

Все крѣпостническое, чиновничье, дворянско-сословное и благонамѣренное такъ и взглянуло на романъ, и самъ Иванъ Сергѣевичъ писалъ, какъ ему противны были похвалы и объятія разныхъ господъ, когда онъ пріѣхалъ въ Россію.

Онъ не могъ заранѣе предвидѣть, что его романъ подольетъ масла къ тому, что разгорѣлось, по поводу петербургскихъ пожаровъ. До сихъ поръ, легенда о томъ, что подожгли Апраксинъ дворъ студенты вмѣстѣ съ поляками, еще жива. Тогда революціонное броженіе уже начиналось. Михайловъ—за прокламаціи—пошелъ на каторгу. Чернышевскій пошелъ туда же черезъ полтора года. Разсылались въ тотъ сезонъ 1861—1862 г. и подпольные листки; но все-таки о „комплотахъ“ и революціонныхъ приготовленіяхъ не ходило еще никакихъ слуховъ.

Пожары дали матеріалъ, предлогъ—и этого было достаточно. И молодежь—та, которая не додумалась до писаревской оцѣнки Базарова, и та часть „отцовъ“, которая ждала отъ Тургенева чего-нибудь менѣе сильнаго по адресу „нигилизма“, не могли оцѣнить того, что представляютъ собою „Отцы и дѣти“.

Уже одно то, что романъ печатался у Каткова, журналъ котораго уже вступалъ въ полемику съ „Современникомъ“ и вообще поворачивалъ вправо, вредило автору.

Въ настоящій моментъ мнѣ трудно отвѣтить и самому себѣ на

вопросъ: отнесся ли я тогда къ „Отцамъ и дѣтямъ“ вполнѣ объективно, распозналъ ли сразу огромное мѣсто, какое эта вещь заняла въ исторіи русскаго романа въ XIX вѣкѣ?

За одно могу отвѣтить и теперь—по прошествіи цѣлыхъ сорока шести лѣтъ—что мнѣ рецензія Антоновича не только не понравилась, но я находилъ ее мелочной, придирчивой, очень дурного тона, и безъ всякаго пониманія самыхъ даровитыхъ мѣстъ романа, безъ признанія того, что я самъ чувствовалъ и тогда: до какой степени въ Базаровѣ уловлены были коренныя черты русскаго протестанта противъ всякой фразы, мистики и романтики. Этотъ складъ ума и это направленіе мысли и анализа уже назрѣвали въ студенческомъ мірѣ и въ тѣ годы, когда я учился, т. е. какъ разъ во вторую половину 50-хъ годовъ.

Много было разговоровъ и споровъ о романѣ: но я не помню, чтобы о немъ читались рефераты и происходили пренія на публичныхъ вечерахъ, или въ частныхъ домахъ. Бѣдность газетной прессы дѣлала также то, что вокругъ такого произведенія раздавалось гораздо меньше шуму, чѣмъ это было бы въ началѣ XX-го вѣка.

Но вотъ что тогда наполняло молодежь всякую:—и ту, изъ которой вышли первые революціонеры, и ту, кто не предавался подпольной пропагандѣ, а только учился, устраивалъ себѣ жизнь, воевалъ со старыми порядками и дореформенными нравами—это страстная потребность вырабатывать себѣ свою мораль, жить по своимъ новымъ нравственнымъ и общественнымъ правиламъ и запросамъ.

Этимъ было рѣшительно все проникнуто среди тѣхъ, кого звали и „нигилистами“. Движеніе стало на столько же разрушительно, какъ и созидательно. Созидательнаго, въ смыслѣ новаго этическаго credo, оказывалось больше. То, что потомъ Чернышевскій, въ своемъ романѣ „Что дѣлать?“ ввелъ, какъ самыя характерныя черты своихъ героевъ, не выдуманное, а только развѣ слишкомъ тенденціонное изображеніе, съ разными, большею частію, не нужными разводами.

Контрастъ съ нынѣшними протестами нашихъ крайнихъ индивидуалистовъ—разительный. Эти чуть не обоготворяютъ свое „я“, отрицаютъ всякую мораль, жаждутъ только „оргіастическихъ“ ощущеній и наитій. А тѣ свое „я“ приносили въ жертву идеѣ, даже и тогда, когда ратовали за полную свободу своей личности и не хотѣли ничего признавать, что считали не подходящимъ для себя. Въ ихъ нигилизмѣ сидѣлъ даже аскетическій элементъ, и всѣ ихъ „эксцессы“, въ смыслѣ чувственныхъ наслажденій, сводились къ

такимъ вольностямъ, которыя теперешнимъ оргіастамъ мистическаго толка, и всякихъ другихъ толковъ—показались бы дѣтскими забавами.

Затѣвались, правда, разныя коммунистическія общежитія, на бракъ и сожительство стали смотрѣть по-своему, стояли за всѣ виды свободы, но и въ этой сферѣ чувствъ, понятій и правилъ тогда и слыхомъ не слыхать было объ умышленномъ цинизмѣ, о порнографіи, о желаніи вводить въ литературу разнузданность воинствующаго эротизма.

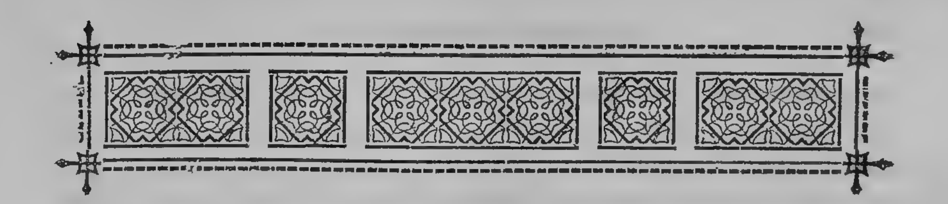
Правда, въ печать тогдашняя цензура ничего такого и не пустила бы, но вѣдь цензура въ 40-хъ годахъ и въ началѣ 50-хъ годовъ была еще строже; а это не мѣшало „отцамъ" любить скоромное въ непечатной литературѣ стишковъ, анекдотовъ, цѣлыхъ поэмъ.

Такая цѣломудренность, и при нигилистическихъ протестахъ противъ закрѣпощенія мужчинъ и женщинъ въ прежнемъ бракѣ,—прямое доказательство того, что все тогда было проникнуто серьезнымъ служеніемъ „дѣлу" и высшими задачами прогресса, и нашъ теперешняго эготизма былъ бы немыслимъ.

П. Боборыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тысяча восьмисотый годъ.

II [1]).

Послѣдствія перемѣны во внѣшней политикѣ Императора Павла въ отношеніи къ нему общества.—Иностранные представители при дворѣ Павла Петровича и русскіе посланники въ Лондонѣ и Вѣнѣ.—Попытки цареубійства.—Связь заговорщиковъ съ гр. Паленомъ.—Опала гр. Палена.—Борьба гр. Палена съ гр. Растопчинымъ по вопросу о направленіи внѣшней русской политики.

Разрывъ Императора Павла съ коалиціей и сторонниками „de la bonne cause" и сближеніе его съ Франціей произвели удручающее впечатлѣніе на высшее русское общество: даже недавніе его сторонники, видѣвшіе въ немъ „защитиика алтарей и троновъ" и врага „якобинскихъ" принциповъ, сдѣлались ярыми его порицателями. Еще болѣе: въ крутой перемѣнѣ политики Павла, имѣвшей цѣлью соблюденіе интересовъ Россіи, начали прозрѣвать признаки психической его ненормальности, такъ какъ защитникъ легитимныхъ началъ не могъ повидимому протягивать руку первому консулу, правившему „именемъ народа"; а интересы Россіи въ умѣ многихъ представителей русской аристократіи смѣшивались съ интересами господствующаго сословія. Западныя державы, успѣвшія разъ втянуть Павла въ коалицію противъ Франціи, руководствовались въ борьбѣ съ ней только достиженіемъ національныхъ своихъ интересовъ, но на пробужденіе національнаго чувства у Павла цинически смотрѣли только какъ на досадную для себя помѣху. Витвортъ не стѣсняясь писалъ графу С. Р. Воронцову предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга 20 апрѣля 1800 г. „Дѣйствительно,

---

[1]) См. „Русск. Старину" январь 1913 г.

для Императора ужасно проливать кровь своихъ подданныхъ для возвеличенія Австріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, трудно, даже невозможно замѣнить ее и найти державу, которая могла бы выставить въ поле двухсоттысячную армію противъ общаго врага" [1]). Изъ участниковъ коалиціи одинъ лишь Павелъ дѣйствовалъ безкорыстно, какъ рыцарь, но его политика чувствъ рано или поздно должна была столкнуться съ реальными интересами Россіи, а „общій врагъ" оказывался врагомъ лишь коварныхъ союзниковъ Павла.

Ужасно было пробужденіе Павла отъ „легитимныхъ" грезъ, но тѣмъ сильнѣе было его негодованіе, тѣмъ рѣзче были его дѣйствія. Нелегко было даже для него разрывать съ прошлымъ, трудно, почти невозможно было бороться съ обстановкой, которую самъ онъ такъ долго созидалъ: его министры, послы при иностранныхъ дворахъ, придворные, сама Императрица,—всѣ были сторонниками de la bonne cause: одни по убѣжденію, другіе изъ личныхъ видовъ; наконецъ заложницею у Австріи была родная, любимая дочь Павла Великая Княгиня Александра Павловна, просватанная за австрійскаго эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, въ медовый мѣсяцъ легитимныхъ увлеченій ея отца: недаромъ Павелъ, разставаясь съ нею, въ октябрѣ 1799 г., безпрестанно повторялъ, что „ее приносятъ въ жертву". „Мысль эту приписывали тому, говоритъ графиня Головина, что, будучи съ тѣхъ поръ справедливо недоволенъ политикой Австріи относительно себя, Государь полагалъ, что вручаетъ дочь своимъ врагамъ" [2]). Императоръ внезапно оттолкнулъ отъ себя всѣхъ, кто еще могъ сочувствовать ему ради союза его съ Австріей и Англіей и, чувствуя это, сдѣлался еще подозрительнѣе, чѣмъ прежде: враговъ своихъ видѣлъ теперь даже въ людяхъ, окружавшихъ его тронъ, составлявшихъ его семью, его стала преслѣдовать боязнь заговоровъ.

Воспитанный при дворѣ Екатерины, Павелъ хорошо зналъ силу дипломатическихъ интригъ даже среди императорской фамиліи, зналъ продажность министровъ и придворныхъ, зналъ, что они не гнушались никакими средствами. Вотъ почему иностранные послы и посланники, при малѣйшемъ подозрѣніи въ интригахъ, должны были, по требованію Императора, оставлять Петербургъ, часто даже безъ отпускной аудіенціи, и въ случаѣ замедленія въ исполненіи Императорской воли, подвергались своеобразнымъ взысканіямъ: имъ запрещали отправлять курьеровъ, запрещали пріѣздъ ко двору и даже, какъ это съ австрійскимъ посланникомъ Кобен-

---

[1]) Арх. кн. Вор., XXIX, 392—393.

[2]) Записки гр. Головиной, 147.

целемъ, запрещали сноситься съ прочими членами дипломатическаго корпуса. Стоявшій во главѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ графъ Растопчинъ, хорошо знавшій всѣ происки представителей иностранныхъ державъ, называлъ ихъ выразительно „les animals diplomatiques" [1]).

Положеніе осложнялось еще тѣмъ, что большинство представителей иностранныхъ державъ при Петербургскомъ дворѣ во времена Павла породнилось съ русской аристократіей: такъ, австріецъ—графъ Дидрихштейнъ женатъ былъ на графинѣ Шуваловой, неаполитанецъ герцогъ Серра-Капріола—на одной княжнѣ Вяземской, датчанинъ Розенкранцъ—на другой, голландецъ баронъ Роггеръ—на фрейлинѣ Полянской, мальтійскій посланецъ, братъ папскаго нунція, графъ Литта,—на графинѣ Скавронской. И болѣе важные посты русскихъ посланниковъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ заняты были издавна графомъ Андреемъ Разумовскимъ и графомъ Семеномъ Воронцовымъ, вполнѣ натурализовавшимися въ странахъ, гдѣ они были аккредитованы, и дѣйствовавшими въ ихъ пользу. Еще въ концѣ 1798 года, при образованіи коалиціи, другъ Воронцова, графъ Завадовскій, писалъ ему: „Я опять дѣлаю тебѣ дружеское напоминаніе, чтобы поменьше говорить въ одинъ голосъ. Съ нѣкоторой поры изъясненія твои припахиваютъ воздухомъ Темзы. Въ отдаленіи отъ горизонта можешь-ли видѣть ясно? Внушая подвиги, должно тутъ же предназначить соразмѣрную онымъ выгоду. Ну, ежели мы для всѣхъ одни даромъ?.. (точки въ подлинникѣ). Довольно сказано для проницающаго". Но Воронцовъ оказался настолько „непроницающимъ", что и затѣмъ направлялъ дѣйствія голландской экспедиціи исключительно въ пользу Англіи, для захвата ею голландскаго флота, и совершенно равнодушно относился къ участи русскихъ войскъ, присланныхъ на помощь Англіи и терпѣвшихъ на островѣ Джерсеѣ отъ голода и холода. Такимъ же „непроницающимъ" былъ и Разумовскій въ Вѣнѣ, который съ преступнымъ пристрастіемъ защищалъ интересы Австріи въ спорахъ съ Суворовымъ, оберегавшимъ достоинство Россіи и самое существованіе ввѣренныхъ ему войскъ, доносилъ Императору въ пользу вѣнскаго гофкригсрата и былъ едва-ли не главнымъ виновникомъ несчастнаго швейцарскаго похода, въ которомъ спасъ русскія войска отъ уготованной имъ гибели одинъ лишь геній Суворова [2]). Между

[1]) А. Брикнеръ: „Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина", V, 597.

[2]) „Вспомните вашу присягу Великому Нашему Монарху", писалъ Разумовскому Суворовъ 9 октября 1799 г. Арх. кн. Вор., XXIV, 349.

тѣмъ, за спинами этихъ недостойныхъ представителей Россіи за границей стояла многочисленная родня, на ступеняхъ трона всегда дѣйствовавшая въ ихъ пользу; къ числу новыхъ враговъ Императора Павла присоединились еще и взысканные дотолѣ его милостями эмигранты, которые, съ помощью католическаго духовенства, овладѣли настроеніемъ высшаго общества и въ перемѣнѣ политическихъ взглядовъ Павла видѣли крушеніе всѣхъ своихъ надеждъ. Лишь немногіе русскіе люди понимали точно, чьи вожделѣнія прикрывала своимъ знаменемъ борьба съ Франціей. „Отъ настоящей войны, писалъ гр. Завадовскій „непроницающему" С. Р. Воронцову 20 мая 1800 г., не можетъ система Европы остаться прежнею. Недаромъ воюетъ Австрія и не воюетъ Пруссія. Но главный плодъ войны, мнѣ кажется, собираетъ и утвердитъ за собою Англія. Силы ея распространяются на виды всего міра; подымается новая эпоха, равно и господствованія повсюду торговлею. Часто не для себя работаютъ люди!.. Смѣйся, дозволяю, что я дичь порю, и полагай, что инвалидъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь распространить свою бесѣду съ тобою, въ заглажденіе долгаго молчанія" [1]. Даже искренніе друзья Павла: Императрица Марія Ѳеодоровна и Нелидова смотрѣли на новое направленіе русской политики какъ на печальное заблужденіе его увлекающагося ума. „Наша политическая система, писала Императрица Нелидовой въ концѣ 1799 г., мнѣ очень нравится, потому что вполнѣ отвѣчаетъ моимъ мыслямъ и моему сердцу (est tout-à-fait d'après ma tête et mon coeur), но, чтобы осуществить ее, требуется много доброй воли и такія сердца, какъ ваше, а на это нельзя разсчитывать въ нашъ вѣкъ. Въ дѣйствительности вполнѣ безукоризненно держитъ себя лишь одно наше правительство (devant Dieu il n'y a que notre cabinet qui a une politique loyale); всѣ прочіе руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ честолюбіемъ и самыми низкими разсчетами (le plus vil interêt") [2]. Притомъ Императрица не могла остаться нечувствительна къ положенію братьевъ своихъ, принцевъ Людвига и Фердинанда виртембергскихъ, находившихся на австрійской службѣ и старавшихся оправдать Австрію въ глазахъ Императора. Разгнѣванный ихъ неоднократными представленіями, Императоръ Павелъ сначала не отвѣчалъ на ихъ письма, а затѣмъ поручилъ Растопчину передать имъ его приказаніе, чтобы они болѣе ему не писали [3]. „Мой дво-

[1]) Арх. кн. Вор., XII, 247.—„Въ разный телескопъ смотримъ на будущее", писалъ онъ ему затѣмъ, въ отвѣтъ на его возраженіе. Тамъ же, 249.

[2]) Письмо отъ 22 сентября 1799 г. (ркп).

[3]) Дневникъ Растопчина, passim.

рецъ теперь зараженъ политикой!“ восклицалъ съ горечью Императоръ Павелъ [1]).

Выходъ Россіи изъ коалиціи и начинавшееся сближеніе Императора Павла съ Франціей было, вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно сопоставлено во вліятельныхъ кружкахъ высшаго русскаго общества съ стремленіемъ Императора уничтожить политическое значеніе дворянства: стали сравнивать Императора съ якобинцами и пророчить будущую русскую революцію. Тотъ же „непроницающій“ графъ С. Р. Воронцовъ писалъ по этому поводу: „Дворянство есть непосредственный посредникъ между Государемъ и народомъ... оно есть естественная опора трона, и нужно внушать народу самое глубокое уваженіе къ дворянству... Только униженіемъ и уничтоженіемъ дворянства жирондисты и якобинцы успѣли ниспровергнуть монархію во Франціи“ [2]). „Если бы это бѣдственное время (царствованіе Павла) продолжилось, говорилъ тотъ же Воронцовъ, то должно было бы ожидать народнаго возстанія, а народное возстаніе у насъ было бы ужаснымъ дѣломъ. Оно вывело бы на сцену милліоны Стенекъ Разиныхъ и Пугачевыхъ, оно превзошло бы по своей жестокости всѣ насилія, совершенныя черныо предмѣстій С. Марсана и С. Антуана въ Парижѣ во первые годы французской революціи. Преданы были бы смерти не только дворяне, но и вся императорская фамилія. Вотъ печальная картина того, что должна была ожидать Россія и которой жаждали наши добрые и постоянные друзья-французы и шведы. Поэтому они разсыпались въ похвалахъ покойному Императору (Павлу), котораго я однако ни въ чемъ не обвиняю, потому что я глубоко убѣжденъ, что онъ былъ психически ненормаленъ (il avait l'esprit aliéné)“ [3]). Картины крестьянскаго мятежа при Пугачевѣ, крестьянскихъ волненій въ началѣ царствованія Павла, были въ памяти современниковъ, и опасеніе за будущее не могло не закрадываться въ сердце самыхъ безпечныхъ: чего нельзя было ожидать отъ Самодержца, уже доказавшаго свою способность быстро переходить отъ одного рѣшенія къ другому, совершенно противоположному? Даже среди французовъ находились люди, восхищавшіеся дѣятельностью Павла въ дѣлѣ уничтоженія дворянскихъ привилегій и называвшіе его якобинцемъ на тронѣ.

Настроеніе общества во всякомъ случаѣ опредѣлилось—и не въ пользу Императора: чувствовали себя небезопасными и въ настоящемъ, и въ будущемъ, самомъ ближайшемъ. Надъ всѣми тяготѣла

---

[1]) Записки баварца о Россіи. („Р. Стар.“, 1899, VIII, 3).

[2]) Арх. кн. Вор., XI, 391.

[3]) А. Брикнеръ: Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина, VI, 423.

одна несокрушимая сила, одна власть, не знавшая себѣ предѣловъ, въ рукахъ человѣка, который, казалось, сегодня не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, что онъ будетъ дѣлать завтра. Это общественное настроеніе подготовляло почву для мысли о необходимости какой-либо перемѣны и въ сущности было гораздо важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ злоба и негодованіе отдѣльныхъ лицъ за испытанныя несправедливости. „Давно уже ядъ началъ распространяться въ обществѣ,—говоритъ Коцебу. — Сперва испытывали другъ друга намеками, потомъ обмѣнивались желаніями, наконецъ открывались въ преступныхъ надеждахъ. Были предпринимаемы нѣсколько способовъ извести Императора. Самымъ вѣрнымъ казалось фанатазировать нѣсколько отчаянныхъ сорванцевъ. Было до тридцати людей, коимъ поочередно предлагали пресѣчь жизнь Государя ядомъ или кинжаломъ. Большая часть изъ нихъ содрогалась предъ мыслью совершить такое преступленіе; однако они обѣщали молчать. Другіе же, въ небольшомъ числѣ, принимали на себя выполненіе этого замысла, но въ рѣшительную минуту теряли мужество. Подозрѣвалъ ли самъ Императоръ, что злоумышляли противъ него, не дошло ли до него какое-нибудь предостереженіе? Достовѣрно только то, что за нѣсколько дней до своей кончины онъ приказалъ, чтобы кушанья его готовились не иначе, какъ шведской кухаркой, которая помѣщена была въ небольшой комнатѣ возлѣ собственныхъ его покоевъ [1]). Но отравленіе не было единственной опасностью, которая ему угрожала. На каждомъ вахтъ-парадѣ, на каждомъ пожарѣ (напримѣръ, въ домѣ Кутузова), на каждомъ маскарадѣ за нимъ слѣдили убійцы. Однажды на маскарадѣ въ Эрмитажѣ одинъ изъ нихъ, вооруженный кинжаломъ, стоялъ у дверей, черезъ которыя нѣсколько ступенекъ вели въ залу, и ждалъ Государя съ твердой рѣшимостью его убить. Государь появился. Убійца пробрался къ нему, вдругъ потерялъ присутствіе духа, скрылся среди всеобщаго смятенія и бѣжалъ домой, какъ будто преслѣдуемый фуріями“ [2]). Это извѣстіе Коцебу не подтверждается вполнѣ другими источниками, хотя отвергать его нѣтъ основаній [3]). Но

[1]) По другимъ извѣстіямъ и самого Коцебу въ его „Достопамятномъ годѣ моей жизни“ кухаркой этой была нѣмка. Мысль объ отравленіи естественно скорѣе всего должна была придти въ голову Павлу потому, что онъ увѣренъ былъ, что въ молодости его пытались отравить.

[2]) Нѣсколькими годами ранѣе убитъ былъ въ маскарадѣ шведскій король Густавъ III.

[3]) Къ маю 1800 относится слѣдующее извѣстіе, справедливость котораго мы не имѣли еще возможности провѣрить: „Tous les iswostchiks sont bannis de Pétersbourg à cause d'un individu de cette classe qui a été saisi à la parade sur ce qu'il portait la main sous son habit. La police, attentive

едва-ли возможно въ то же связывать отдѣльныя попытки къ цареубійству съ заговоромъ Витворта, Жеребцовой, Панина и Рибаса. Панинъ дѣлалъ видъ, что желаетъ безкровнаго устраненія Императора отъ дѣлъ правленія съ установленіемъ регентства въ лицѣ наслѣдника престола, Великаго Князя Александра Павловича. Но для этого надобно было прежде всего заручиться содѣйствіемъ всемогущаго любимца, петербургскаго генералъ-губернатора фонъ-деръ Палена и согласіемъ Великаго Князя. Когда именно открылся Панинъ въ своихъ намѣреніяхъ Палену—установить довольно трудно. По отъѣздѣ Витворта изъ Россіи, Панинъ писалъ Воронцову: „Если мнѣ удастся избѣгнуть личныхъ, непосредственныхъ оскорбленій, я потерплю до конца текущаго года. Если къ тому времени обстоятельства измѣнятся къ лучшему, я не положу предѣла своей общественной дѣятельности; но если они ухудшатся или останутся въ томъ же положеніи, я буду думать, что сдѣлалъ довольно, и въ началѣ будущаго года попробую освободиться отъ своихъ обязанностей“ [1]). Изъ этихъ словъ Панина можно заключить, что ему уже нельзя было терять времени и что отъ словъ къ дѣлу онъ перешелъ тотчасъ послѣ отъѣзда Витворта, если не раньше. Это подтверждается разсказомъ графа Палена, съ которымъ прежде всего онъ долженъ былъ завязать сношенія. По его словамъ, онъ принялъ участіе въ заговорѣ за полгода до того, какъ о немъ сдѣлалось извѣстно Великому Князю Александру [2]), слѣдовательно, въ маѣ 1800 г.

Откровенія Панина нашли въ Паленѣ благодарную почву, тѣмъ болѣе, что незадолго до этого времени Императоръ нанесъ ему чувствительное оскорбленіе. „Одинъ гвардейскій офицеръ, Рибопьеръ [3]), — разсказываетъ Коцебу, — неизвѣстно почему подвергся

---

aux moindre mouvement a presumé qu'il voulait présenter une requête en main propre (ce qui est sévèrement défendu) et la fouillé. On lui a trouvé une paire de pistolets et un poignard, et sur cela interrogé en justice criminelle il a dit en fait des aveux dans le genre de Ravailhac, que c'etait une vocation du Ciel et que plus de mille de ses confrères étaient dans la même voie, auxquelles on n'echapperait pas. Enfin il doit avoir étonné par ses réponses. Il été énouté et mort quelques heures après. On varie encore sur les détails; mais ceux ci sont les plus généraux et semblent être les plus vrais“. Арх. кн. Вор., XXXII, 275.

[1]) Арх. кн. В., XI, 120.

[2]) „Depuis plus de six mois mes projets étaient arrêtés sur la nécessité de renverser l'Empereur Paul du trône“. Записки Ланжерона (ркп.).

[3]) Флигель-адъютантъ, переименованный затѣмъ въ камергеры, Александръ Ивановичъ, впослѣдствіи графъ. „Записки“ его напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 г.

неудовольствію Императора. То обстоятельство, что онъ хорошо вальсировалъ и княгиня Гагарина охотно съ нимъ танцовала, нисколько не было причиною этой немилости и придумано было злобою противъ Государя. Чтобы удалить его изъ Петербурга безъ вреда для его службы, его отправили въ Вѣну. Тамъ, если не ошибаюсь, дрался онъ на дуэли съ нѣкоторымъ Четвертинскимъ. Такъ какъ оба Великія Князья не желали, чтобы этотъ случай дошелъ до Государя, то гр. Паленъ скрылъ полученное имъ донесеніе [1]. Но тогдашній генералъ-прокуроръ Обольяниновъ узналъ о немъ, съ злорадствомъ отправился къ Императору, доложилъ о случившемся и коварно прибавилъ: „Ваше Величество, изъ этого видите, какъ дерзаютъ съ Вами поступать. Если о такихъ вещахъ не докладываютъ, то могутъ умолчать и о важнѣйшихъ". Павелъ разсердился и не только далъ почувствовать графу Палену свое неудовольствіе, но даже оскорбилъ его въ томъ, что̀ ему было всего дороже: когда супруга графа пріѣхала ко двору, ей только тутъ объявлено было, что она должна вернуться домой и больше не являться". Есть извѣстіе, что посредницей въ переговорахъ Палена съ Витвортомъ явилась Жеребцова, такъ какъ осторожный и скрытный Панинъ не желалъ свиданіями своими съ Паленомъ возбуждать подозрѣній. Да и сама Жеребцова сношенія свои съ Паленомъ обставляла таинственностью. Ее видѣли въ послѣднее время царствованія Павла выходящей поздно изъ дома фонъ-деръ-Палена переодѣтой въ крестьянскую рубаху, съ подвязанной бородой, или въ женскомъ нищенскомъ платьѣ, съ закутаннымъ, подъ видомъ болѣзни, лицомъ [2]. Паленъ былъ съ Витвортомъ всегда въ хорошихъ отношеніяхъ [3], зналъ его связь съ Жеребцовой и по-

[1] Князь Борисъ Антоновичъ Четвертинскій былъ братомъ извѣстной фаворитки Великаго Князя Александра Павловича, Маріи Антоновны Нарышкиной и Жанеты Антоновны, съ которой хотѣлъ вступить въ супружество Великій Князь Константинъ Павловичъ. Коцебу ошибается, что дуэль эта была въ Вѣнѣ. Въ дѣйствительности она происходила въ Петербургѣ, по возвращеніи Рибопьера изъ Вѣны, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ" („Р. Арх.", 1877, I, 493—494). Этимъ объясняется отвѣтственность фонъ-деръ-Палена по званію его петербургскаго генералъ-губернатора.

[2] Записка Злобина (ркп.).

[3] Послѣ смерти Павла, на вопросъ Рожерсона, кого бы онъ желалъ видѣть англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, Паленъ отвѣчалъ „Nous serons charmé de voir ici mon ami Whitworth; il est bien avec nous tous, même avec l'Empereur; il nous connaît et nous le connaissons". Effectivemant,—прибавляетъ Рожерсонъ,—W. est bien avec l'Empereur (т. е. съ Императоромъ Александромъ) et avec tous, particulièrement, comme vous le savez, avec le comte Panine". Арх. кн. Вор., XXX, 137.

тому относился къ ней съ полнымъ довѣріемъ, тѣмъ болѣе, что она была сестрой его давняго покровителя, въ то время находившагося въ ссылкѣ, кн. Платона Зубова. Несомнѣнно, что, независимо отъ Панина, и Витвортъ снабдилъ ее инструкціями, а также, вѣроятно, и средствами для выполненія задуманныхъ плановъ [1]).

Панинъ думалъ сначала побудить Императора Павла къ отреченію отъ престола какимъ-либо дѣйствіемъ Сената, но Паленъ, человѣкъ практическій, хорошо изучившій „пфифигологію", отвергъ этотъ способъ: „большинство сенаторовъ,—говорилъ онъ,—болваны, безъ души, безъ воодушевленія: они никогда не имѣли бы мужества и самоотверженія для совершенія добраго дѣла" [2]). Въ сущности, если бы даже сенаторы дѣйствовали единодушно, то никакое бы ихъ постановленіе или дѣйствіе не могло бы имѣть значенія для Императора; мало того, при малѣйшей попыткѣ приступить къ дѣйствію, она сдѣлалась бы извѣстной Императору. Практическій умъ Палена подсказывалъ ему, что какъ ни много враговъ создалъ себѣ Павелъ, но требуется время, чтобы привлечь къ заговору всѣхъ

---

[1]) Послѣ смерти Императора Павла, Жеребцова, къ ужасу гр. С. Р Воронцова, разсказывала въ Берлинѣ всѣмъ, кто хотѣлъ ее слушать, о своихъ отношеніяхъ къ Витворту. „C'est madame Жеребцова,—писалъ С. Р. Воронцовъ брату, qui parle à tout le monde de ses amours avec lord Whitworth, qui l'a impudence de se plaindre de ce que son amant s'est marié et qui prétend qu'il lui doit de l'argent et qu'elle viendra au mois de Janvier prochain à Londre pour se faire payer. Elle est actuellement à Berlin ou elle vexe tous les Anglais par ses plaintes indécentes: ministres, voyageurs, négociants, courriers, en un mot tous Anglais qu'elle rencontre, tous sont excedés de ses jérémiades; il lui est indifférent, si elle connaît ou non ces gens-là". Non seulement elle leur en parle sans cesse, mais dès qu'elle apprend qu'il y a un Anglais d'arrivé à Berlin, elle l'invite à venir ches elle et commence à lui parler de ses griefs. Si l'homme arrive d'ici, elle lui demande ce que fait son perfide amant et commence à raconter son histoire; si au contraire, il part pour l'Angleterre, alors elle le charge de porter ses plaintes et raconte toutes ses doléances. Toutes les lettres qui arrivent de Berlin, de même que les voyageurs, ont rempli Londres des extravagances indécents de cette folle. On ne conçait pas ici qu'une femme de conditions, mariée et ayant des enfants, puisse s'oublier à ce point que d'avouer qu'elle a vécu dans le même train de vie avec son amant parce qu'il s'est marié". „Si elle a des dettes à répeter,—прибавляетъ не безъ дѣланной наивности гр. Воронцовъ, въ письмахъ своихъ говорившій о продажѣ Россіи чуть ли не всѣмъ державамъ Европы, кромѣ Англіи, — „elle n'a qu'à envoyer sa procuration (!) à quelque négociant qui recevra l'argent et qui au défaut de payement ira aux tribunaux compétents pour le payement de la dette. Mais si elle vient ici, elle sera dans l'opprobre et l'exécration publique". Арх. кн. В., X, 113—114.

[2]) Heyking: „Aus den Gagen des Kaiser Pauls", 230.

необходимыхъ для его успѣха людей, что, безъ согласія Великаго Князя Александра Павловича, никакой планъ регентства осуществленъ быть не можетъ и что, наконецъ, важно еще болѣе обострить дурныя отношенія, существовавшія между Императоромъ Павломъ съ одной стороны и высшимъ обществомъ и гвардейскими офицерами съ другой. Планъ этотъ тѣмъ легче было осуществить, что Паленъ, какъ петербургскій генералъ-губернаторъ, имѣлъ ежедневные утренніе доклады у Государя раньше всѣхъ другихъ докладчиковъ. Докладамъ Палена адмиралъ Шишковъ, бывшій въ 1800 г. въ числѣ докладчиковъ, придавалъ большую важность для настроенія Императора. „Онъ, говоритъ Шишковъ, вставалъ рано и въ шесть часовъ утра садился уже выслушивать доклады, въ которыхъ помѣщаемы были подробныя донесенія о болѣзняхъ, смертяхъ, убійствахъ, злонамѣреніяхъ и всякихъ несчастіяхъ или преступленіяхъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ толь обширнаго царства случившихся. Ежедневныя или, по крайней мѣрѣ, частыя, тотчасъ по пробужденіи отъ сна, выслушиванія сихъ обстоятельствъ безъ сомнѣнія возбуждали въ немъ духъ и располагали его къ угрюмости и гнѣву. Послѣ докладовъ, съ сими мрачными мыслями, обыкновенно спѣшилъ онъ на вахтъ-парадъ обучать офицеровъ и солдатъ, гдѣ, какъ въ это время, такъ и въ остальные часы дня, всѣ приказы и дѣйствія его отзывались сими утренними впечатлѣніями. Вездѣ казались ему измѣны, непослушанія, неуваженія къ царскому сану и тому подобныя мечты, предававшія его въ руки тѣхъ, которые были для него опаснѣе, но хитрѣе другихъ“ [1]).

Незначительное обстоятельство, если вѣрить единичному свидѣтельству современника, едва было не разрушило плановъ Палена, показавъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько шатко было даже его положеніе при такомъ Государѣ, какъ Павелъ. Сподвижникъ Суворова въ Итальянскомъ походѣ, покрытый военной славой, кн. Петръ Ивановичъ Багратіонъ, прибывъ въ Петербургъ, заручился расположеніемъ Кутайсова и Растопчина, обратилъ на себя благосклонное вниманіе Государя и вслѣдъ за тѣмъ назначенъ былъ 15 іюня шефомъ гвардейскаго егерскаго батальона. Въ новомъ своемъ положеніи Багратіонъ началъ искать руки графини Маріи Павловны Скавронской, дочери отъ перваго брака графини Екатерины Васильевны Литта. Но графиня Марія Павловна была уже сговорена съ графомъ генералъ-маіоромъ Павломъ Петровичемъ Паленомъ, сыномъ всемогущаго генералъ-губернатора. Императоръ, желая доставить успѣхъ Багратіону, самъ выступилъ его сватомъ. На этотъ

---

[1]) Шишковъ: „Записки“, 72—73.

разъ Высочайшая воля встрѣтила сопротивленіе. Послѣдствія были ужасны: графъ и графиня Литта были высланы изъ Петербурга, дочь ихъ Марія Павловна оставлена, въ качествѣ фрейлины, при Дворѣ, женихъ ея, графъ Паленъ, уволенъ отъ службы, а отецъ его, генералъ-губернаторъ, не сумѣвшій, очевидно, примѣнить къ данному случаю свою „пфифигологію“, посланъ былъ 17 августа командовать арміей, собранной въ Литовскихъ губерніяхъ на случай возможныхъ осложненій съ Австріей и Пруссіей [1]). На мѣсто Палена петербургскимъ военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ генералъ-отъ-инфантеріи Свѣчинъ.

Лишившись такимъ образомъ внезапно главнаго своего союзника, графъ Никита Панинъ рѣшился еще разъ сдѣлать попытку повліять на волю Императора и побудить его къ сохраненію союзныхъ отношеній къ Англіи и Австріи. Своекорыстные разсчеты этихъ державъ оттолкнули отъ нихъ Императора Павла, но онъ еще не вступалъ въ переговоры съ Франціей, хотя агенты перваго консула въ Берлинѣ и Петербургѣ пытались завязать сношенія съ русскимъ правительствомъ и находили опору въ Растопчинѣ, который былъ единственнымъ докладчикомъ Государя по иностраннымъ дѣламъ. Панинъ зналъ положеніе дѣлъ и, давая отъ себя лично русскому посланнику въ Берлинѣ, барону Крюднеру, конфиденціальныя порученія избѣгать сношеній съ французскимъ посланникомъ Бернонвилемъ, въ то же время старался, хотя и напрасно, проникнуть тайну появленія въ Россіи г-жи Бонейль: Растопчинъ одинъ имѣлъ съ нею свиданія и увѣрялъ Панина въ легитимизмѣ г-жи Бонейль и ея ревности „pour la cause des rois“ [2]). Трудно понять, что могло руководить Панинымъ въ его желаніи видѣть Россію участницей коалиціи противъ Франціи, когда даже враги Императора должны были признать перемѣну политикѣ Россіи вполнѣ отвѣчающей ея національнымъ интересамъ. „Умная Англія, писалъ впослѣдствіи Карамзинъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ, испытавъ невыгоду мира, старалась снова поднять всю Европу на Францію и дѣлала свое дѣло... Россія привела въ движеніе всѣ силы свои, чтобы помогать Англіи и Вѣнѣ, т. е. служить имъ орудіемъ въ ихъ злобѣ на Францію, безъ особенной для себя выгоды... Какіе замыслы имѣли мы въ случаѣ успѣха? Возвратить Австріи великія утраты ея, освободить Голландію, Швейцарію?.. Что оказалось бы въ новомъ по-

---

[1]) Письмо П. В. Чичагова отъ 31 августа 1800 г. (Арх. кн. Воронц., XIX, 30). Неизвѣстно, какъ закончился этотъ инцидентъ, но графиня Марія Павловна Скавронская была впослѣдствіи супругой графа П. П. Палена, а кн. Багратіонъ женатъ былъ на сестрѣ ея, графинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

[2]) А. Брикнеръ, „Матеріалы“ V, 574.

рядкѣ вещей? Величіе, первенство Австріи, которая изъ благодарности указала бы Россіи вторую степень, и то до времени, пока не смирила бы Пруссію, а тамъ объявила бы насъ державой азіатской!.. Вотъ счастливая сторона: несчастная уже извѣстна!" [1]). Но Панинъ, извѣстный своей „непоколебимостію", думалъ только о томъ, чтобы снова пристегнуть Россію къ коалиціи, такъ какъ битва при Маренго и успѣхи французскихъ войскъ на Рейнѣ заставляли уже Австрію искать мира. Не имѣя права сдѣлать личный докладъ Государю, Панинъ написалъ два меморіала отъ 9 и 11 сентября, гдѣ развивалъ свои мысли о необходимости помочь Австріи, и представилъ ихъ Растопчину для поднесенія Государю. Въ меморіалахъ этихъ Панинъ льстилъ Государю, восхвалялъ его великодушіе „въ такихъ фразахъ, говоритъ кн. Лобановъ-Ростовскій, что невольно удивляешься, встрѣтивъ ихъ въ политической запискѣ государственнаго человѣка; такъ, напр., „тронъ Россіи, занятый Государемъ, который является образцомъ всѣхъ доблестей", „этотъ Великій Государь", „Провидѣніе послало его для счастія его подданныхъ" и т. п. [2]). Après avoir sondé les plaies de l'humanité, писалъ Панинъ, lorsqu' on fixe son attention sur la Russie et qu' on élève sa pensée au Monarque dans la personne duquelle Providence a réuni le plus grand pouvoir aux vertus les plus éminentes, on bénit ses décrets impénétrables, car alors on est pénétré de la conviction *qu' une seule volonté suffit pour le salut public* (курсивъ подлинника). Celui, qui ferme son coeur à l' espérance, ne connaît pas Paul I. Il n' a pas su reconnaître dans le libérateur de l' Italie, dans le protecteur des Bourbons, dans le restaurateur de la chavallerie, dans le bienfaiteur des ses ennemis, le puissant allié des mahométans; non, il n' a pas su reconnaître le sauveur de l' Europe [3]). Если въ этихъ пышныхъ фразахъ заключается скрытый упрекъ непослѣдовательности политики Павла, то въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей графъ Панинъ обнаруживалъ сознательное пренебреженіе къ интересамъ Россіи. Россія, по его мнѣнію, въ случаѣ пораженія Австріи, очутилась лицомъ бы къ лицу съ французами, и поэтому въ данный моментъ она должна поддержать австрійцевъ. Правда,

---

[1]) А. Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I". 499, 500.

[2]) Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій: „Графъ Н. П. Панинъ" (ркп). Рукопись, напечатанная подъ этимъ же заглавіемъ у Schieman-n'а „Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I", есть лишь извлеченіе изъ подлинной рукописи кн. Лобанова.

[3]) А. Брикнеръ: „Матеріалы". V, 608.

коварный образъ дѣйствій Вѣнскаго кабинета лишилъ его дружбы Россіи, но лучшій способъ отомстить ему—это спасти Австрію отъ погибели, заставивъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять слѣдующія требованія Россіи:

1. Австрія обязывалась не кончать войны и не входить ни въ какіе мирные переговоры безъ предварительнаго согласія Россіи.

2. Планъ военныхъ дѣйствій былъ бы опредѣленъ по соглашенію съ нашимъ главнокомандующимъ.

3. Начальство надъ австрійскимъ войскомъ должно быть ввѣрено эрцъ-герцогу Карлу.

4. Баронъ Тугутъ не будетъ оставленъ въ министерствѣ.

5. Вопросъ объ Анконѣ (гдѣ оскорбленъ былъ австрійцами русскій флагъ) будетъ представленъ на разрѣшеніе Россіи.

6. Цѣлость владѣній Баваріи, Піемонта, королевства обѣихъ Сицилій и великаго герцогства Мекленбургскаго будетъ поддержана.

7. Составленіе условій для заключенія мира будетъ во всякомъ случаѣ предложено усмотрѣнію Россіи.

8. Австрія должна продовольствовать русскія войска за исключеніемъ 12.000 корпуса, обусловленнаго договоромъ.

9. Россія, въ свою очередь, обязалась бы помогать своими силами Австріи до заключенія мирнаго трактата.

10. По заключеніи мира Австрія получила бы вознагражденіе за свои потери итальянскими владѣніями.

Для приведенія всего этого въ исполненіе всего полезнѣе, по мнѣнію Панина, было бы избрать министра или посланника, который пользуется довѣріемъ монарха и обладаетъ всѣми достоинствами, коихъ требуетъ важность порученнаго ему дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ онъ считалъ самого себя.

„Quel plan, вопрошалъ Панинъ въ концѣ своей записки, pourrait avoir une base plus solide que celui, qui se fonde sur la grandeur d' âme et la générosité de Paul I?“ [1]).

Панинъ не хотѣлъ видѣть самаго главнаго, что, не имѣя никакой выгоды вступать въ борьбу съ Франціей, Россія въ то же время ничѣмъ не была гарантирована отъ новаго нарушенія принятыхъ на себя Австріею обязательствъ: Россія вытягивала бы для Австріи каштаны изъ огня до тѣхъ поръ, пока Австрія не сочла бы возможнымъ обойтись безъ ея содѣйствія и поступить съ русскими войсками такъ же, какъ ранѣе поступила она съ войсками Суворова. Война выгодна была, во всякомъ случаѣ, для одной Англіи, которая, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Франціи, имѣла полную возможность подъ

[1]) А. Брикнеръ: „Матеріалы“, V, 602—610.

шумъ сухопутныхъ баталій распространять и утверждать свое морское владычество [1]). Растопчинъ, знавшій образъ мыслей Государя, отказался представить ему меморіалы Панина; болѣе того, вмѣсто чаемыхъ успѣховъ, Панинъ получилъ 17 сентября повелѣніе Императора приступить совмѣстно со шведскимъ посломъ Стединкомъ къ составленію правилъ о вооруженномъ нейтралитетѣ, направленномъ къ ограниченію пиратства Англіи на моряхъ. Панинъ былъ пораженъ въ самое сердце, но остался „непоколебимъ.“ Тотчасъ послѣ этого, 22 сентября, онъ писалъ русскому послу въ Берлинѣ барону Крюднеру письмо „très secrète et confidentielle“, умоляя его всячески противодѣйствовать сближенію Россіи съ Франціей. „Votre sagesse, заключилъ онъ, vous suggérera des expédientes pour faire échouer une négociation désastreuse et avilssante. *Il suffit de le voir pour y réussir et il suffit d'être bon russe pour le vouloir* (курсивъ подлинника). Si vous portez vos regards sur l' avenir et si votre pensée s' arrête sur le sort de ce que vous avez de plus cher, votre intérêt personnel (?) s' unira à l' intérêt public“ [2]). Эта интрига Панина однако не могла имѣть успѣха, потому что Павелъ уже 2 октября одобрилъ записку Растопчина о новомъ направленіи русской политики въ смыслѣ, совершенно противоположномъ меморіаламъ Панина. „Ваше Императорское Величество, писалъ Растопчинъ, давно уже со мной согласны, что Россіи съ прочими державами не должно имѣть иныхъ связей, кромѣ торговыхъ. Перемѣняющіяся столь часто обстоятельства могутъ рождать и новыя сношенія, и новыя связи [3]), но все сіе можетъ быть случайно, временно, безъ обязательства хранить ненарушимо до положеннаго срока заключенный союзъ... Истинныя выгоды Россіи почти предавались забвенію“. Обращаясь къ обозрѣнію недавняго прошлаго русской политики, Растопчинъ доказывалъ, что коалиція противъ Франціи была главнымъ образомъ дѣломъ Англіи и Австріи. Всегдашняя цѣль англійскаго министерства, такъ какъ и душевное желаніе всякаго англичанина, будетъ паденіе Франціи. Сіе общественное желаніе англійскаго народа съ самаго начала вѣка обращено въ систему политическую, для чего всѣ виды Англіи устремлены на присвоеніе себѣ единой всѣхъ выгодъ морской торговли, отъ чего она и стала постепенно портовой державой; подъ видомъ соблюденія пользы общей, обращала единственно въ свою

---

[1]) „Il est vrai que rien ne gagne plus que l'Angleterre en prolongeant la guere“, писалъ Суворовъ по возвращеніи въ Россію 7 марта 1800 г. Милютинъ: „Исторія войны 1799 года“, III, 649.

[2]) А. Брикнеръ: „Матеріалы“, V, 466.

[3]) „Святая истина“, замѣтилъ на поляхъ записки Императоръ Павелъ.

пользу всѣ тѣ случаи, гдѣ находила возможность насильственно присвоить себѣ какое-нибудь право. Такъ она поступила во время французскаго вторженія, проповѣдуя всѣмъ державамъ ревность свою на низверженіе Парижскаго угрожающаго правленія, для возвращенія паки Бурбонскаго разбѣжавшагося (sic) дома на престолъ, вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами всѣ державы противъ Франціи [1]) и выпускала ихъ на театръ войны единственно для достиженія собственной цѣли; завладѣла тѣмъ временемъ торговлею цѣлаго свѣта и, не довольствуясь и симъ, присвоила себѣ право осматривать корабли всѣхъ земель, и наконецъ дерзнула завладѣть Египтомъ и Мальтой: первымъ будто бы въ угожденіе Портѣ, а другимъ въ угодность, безъ возврата, Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена..., Австрія..., вооружась на скорую руку, восемь уже лѣтъ какъ ведетъ безъ отдыха постыдную и раззорительную войну и столь упорно слѣдуетъ новому своему предпріятію, что потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики. Наблюденіи (sic) двора Берлинскаго и подвизаемая корыстью, ослѣпленная гордостью, подкрѣпляемая Питтовыми субсидіями и предводимая искоренительнымъ Тугутомъ, подавъ столь справедливыя причины къ негодованію Вашего Императорскаго Величества, предавъ своихъ ближнихъ [2]), отказавшись отъ всего, кромѣ химерическихъ завладѣній, изобличенная своими дѣлами ждетъ, яко преступница, съ трепетомъ въ Вѣнѣ рѣшенія своей судьбы отъ Бонапарте и, дошедъ до края пропасти, оставленная всѣми, остается одна". Указавъ, что побѣдоносная Франція дошла, однако, до изнеможенія, Растопчинъ продолжалъ: „Нынѣшній повелитель сей державы слишкомъ самолюбивъ, счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ и неограниченъ въ славѣ, дабы не желать мира. Такъ онъ утвердитъ себя въ начальствѣ, пріобрѣтетъ признательность утомленнаго французскаго народа и всей Европы и употребитъ покой внутренній на пріуготовленія военныя противъ Англіи, которая своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи. Бонапарте не можетъ опасаться покушеній ея на твердой землѣ; миръ же возстановитъ свободное мореплаваніе. Силы Австріи онъ

---

[1]) Противъ этого мѣста Императоръ Павелъ отмѣтилъ: „и насъ грѣшныхъ".

[2]) Между прочимъ, сама королева, Марія Антуанетта, несчастная жертва революціи, взошла на эшафотъ, не подозрѣвая ужаснаго факта, что казнь ея рѣшена была революціоннымъ трибуналомъ лишь послѣ того, какъ австрійскій дворъ отклонилъ сдѣланныя Франціей Австріи предложенія о ея обмѣнѣ.

истощилъ. Пруссія въ его зависимости; итакъ, остается ему страхъ единственно отъ Россіи. Истина сего доказываетъ всѣмъ его поведеніемъ противъ Вашего Императорскаго Величества: сколько покушеній его было чрезъ прусское и датское министерство, чрезъ вашихъ у разныхъ Дворовъ аккредитованныхъ министровъ и чрезъ другихъ особъ, доступъ имѣющихъ, дабы вступить въ переговоры и, произведя сближеніе, перемѣнить непріятное положеніе Россіи съ Франціею на дружелюбное, дли чего Бонапарте отмѣнно противъ прочихъ содержалъ россійскихъ военноплѣнныхъ и предлагалъ Мальту возвратить Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена!..“ „Бонапарте,—заключаетъ Растопчинъ,—старается всячески снискать благорасположеніе ваше для лучшаго успѣха въ заключеніи имъ мира съ Англіей [1]). Пруссія ласкаетъ васъ для склоненія на предлагаемыя ею себѣ удовлетворенія при общемъ мирѣ; Австрія ползаетъ предъ вами, дабы возстать предъ Франціей. Англія, полагая принятыя противъ ея мѣры въ число тѣхъ, кои происходятъ отъ минутныхъ неудовольствій Вашего Императорскаго Величества и вмѣстѣ съ сердцемъ проходятъ, а при томъ не поставляя возможнымъ сближеніе ваше съ Франціей, захочетъ, можетъ быть, начальнымъ образомъ удержать свои права и въ состояніи развѣсить въ Балтійскомъ море флагъ свой [2]). Тогда-то надо быть отличному счастію, чтобы флотъ, не имѣющій ни единой гавани для пристанища во всемъ Балтійскомъ морѣ, могъ выйти изъ него цѣлый. Погибнуть можетъ онъ легко, а вреда нанести много не въ состояніи, какъ бросить нѣсколько бомбъ въ портовые города и лишить покоя жителей; но при общемъ замиреніи одинъ лишь сѣверъ, потерпѣвшій меньше другихъ, остается въ первобытномъ его до войны положеніи. Франція же расширитъ свои владѣнія, сохраняя великія свои завоеванія, и при томъ подкрѣпитъ себя союзами и страхомъ, наносимымъ громовою своею силою. Австрія, разслабленная и обезоруженная, займется письмомъ и происками, Пруссія усилится новыми пріобрѣтеніями и тѣсной связью съ французскимъ правленіемъ, Англія удержитъ въ насильномъ завладѣніи поселенія свои въ Индіяхъ и останется надолго (дай Богъ, чтобы не навсегда!) первою морскою державою. Слѣдственно, за исключеніемъ Австріи, всѣ сіи три державы кончатъ войну съ значительными выгодами; Россія же останется ни при чемъ, потерявъ 23.000 человѣкъ, единственно для

---

[1]) „И можетъ успѣть“ отозвался Императоръ.

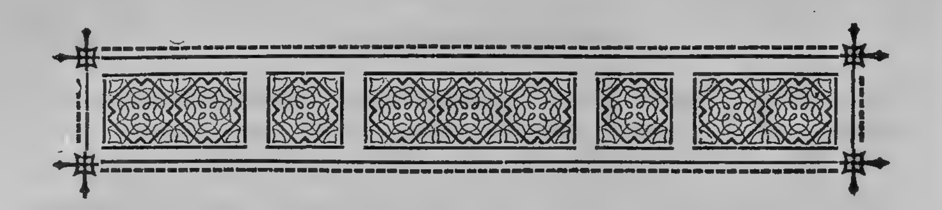
[2]) „Какъ сушатъ бѣлье“, замѣтилъ Павелъ.

того, чтобы увѣрить себя въ вѣроломствѣ Питта и Тугута, а Европу—въ безсмертіи князя Суворова. Одна лишь выгода изъ сего произошла—та, что отъ сей войны разорвались всѣ союзы Россіи съ другими землями". Эту отрицательную выгоду Растопчинъ предложилъ соединить съ положительной—войдя въ соглашеніе съ Франціей, приступить къ раздѣлу безнадежнаго больного, т. е. Турціи, съ участіемъ континентальныхъ державъ.

Е. С. Шумигорскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Въ Берлинѣ на Конгрессѣ.

XVI [1]).

Наше посрамленіе на печальной памяти Берлинскомъ Конгрессѣ, обыкновенно, приписывается общему къ намъ недоброжелательству изъ зависти къ нашему могуществу. Ничего не можетъ быть болѣе неосновательнымъ и для насъ вреднымъ, какъ это утвержденіе. Если мы дѣйствительно были такъ могущественны, что вызывали страхъ великихъ державъ, то почему одновременно вызвали неудовольствіе въ балканскихъ государствахъ, намъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ, которыя силѣ нашей должны были только радоваться. Если бы мы были въ дѣйствительности могущественны, то что же заставило насъ идти въ Берлинъ, какъ второстепенная держава, на повѣрочное испытаніе нами самостоятельно заключеннаго мирнаго договора?

Немного ранѣе Германія раздавила Францію, уничтожила ея арміи и стремилась довести ее до матерьяльнаго банкротства, обложивъ неслыханною суммою въ пять милліардовъ франковъ. И однако она не обращалась къ посредничеству великихъ державъ для закрѣпленія своего мирнаго договора. Да и ни одному изъ европейскихъ государствъ и въ голову не пришло громко протестовать противъ дѣйствительнаго рѣзкаго нарушенія политическаго равновѣсія. Каждый понималъ, что изъ-за такого протеста могла послѣдовать война, къ которой во всякомъ случаѣ была больше готова Германія, несмотря на только-что закончившуюся кампанію, чѣмъ любая изъ великихъ державъ. Въ нашемъ же случаѣ вышло

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1913 г.

обратное. Побѣдительница Турціи спасовала даже предъ Австро-Венгріею и, подавивъ въ себѣ чувство собственнаго достоинства, смиренно приняла надъ собою судъ чужеземнаго ареопага. Почему же такая разница въ судьбѣ нашей и Германіи?

Было бы въ высшей степени трудно доказать превосходство германской матерьяльной силы. Въ отношеніи источниковъ послѣдней мы несомнѣнно превосходимъ Германію. Но наша сила остается неорганизованною, тогда какъ организація германскихъ силъ представляетъ примѣръ высокаго совершенства. Франція оставалась богатѣйшею страною, но, сокрушенная первыми ударами, не имѣла возможности быстро реорганизоваться и потому потеряла силу сопротивленія. Представляется чрезвычайно страннымъ и мало понятнымъ, почему германская организація, совершеннѣйшая по своей простотѣ, остается не примѣненною въ другихъ странахъ.

Но мы теряемъ не отъ одного только нестроенія военнаго дѣла, но еще и отъ ложныхъ путей, на которые направила нашихъ представителей международнаго вѣдомства сложная система меттерниховскаго наслѣдства. Съ тѣхъ поръ, что дипломаты потеряли простоту языка и приняли за свое высшее искусство въ многорѣчивомъ изложеніи не сказать ровно ничего, наши международныя отношенія запутались и понимать ихъ не всегда представляется возможнымъ. Казалось бы, что, признавъ разъ навсегда нашъ путь на Балканскій полуостровъ черезъ Вѣну, какъ же на дѣлѣ выходитъ, что всѣ соглашенія мы дѣлаемъ именно черезъ Вѣну, при томъ, оплачивая фиктивныя выгоды дорогою цѣною отторженія подъ ея корону искони славянскихъ земель. Можно было думать, что отдачею во временную оккупацію Босніи и Герцеговины мы обезпечивали себѣ свободу распоряженія на остальномъ пространствѣ Балканскаго полуострова. На дѣлѣ же оказывается, что этою дорогою цѣною мы купили себѣ только голое право войны.

Не въ первый разъ намъ приходилось воевать за братьевъ славянъ, за вѣру православную. Опытъ прежнихъ войнъ долженъ былъ научить, какіе интересы и какихъ державъ затрагиваются нашимъ вмѣшательствомъ. Мы должны были знать хорошо, что на первомъ планѣ у великихъ державъ матерьяльная выгода, дешевое полученіе сырья и дорогой сбытъ продуктовъ собственнаго производства. Разъ мы поставили себѣ цѣлью благоденствіе балканскихъ странъ, т. е. устраненіе гегемоніи османовъ, столь покладистой предъ Западною Европою, мы должны были знать, что отъ теряемыхъ преимуществъ послѣдняя легко не откажется. Поэтому нужно было реализировать не только вооруженную силу для по-

бѣды надъ Турціею и поддержанія нашего государственнаго авторитета, но и матеріальныя средства, съ которыми освобожденныя народности могли бы отстоять собственную свободу.

Въ Берлинѣ мы были представителями не могущественной державы Россійской, а только-что зародившагося болгарскаго государства, на зарѣ своей политической жизни уже проявившаго стремленіе къ широкому захвату территорій сосѣднихъ народностей и тѣмъ вызвавшаго ихъ справедливое негодованіе. Вотъ почему задача, возложенная на нашихъ уполномоченныхъ, отстоять Санъ-Стефанскій договоръ, была чрезвычайно трудна, а, въ виду общей обстановки и малой ихъ подготовленности, имъ не по силамъ.

Мы разсчитывали опереться на соглашеніе съ Лондономъ, но первое слово этого соглашенія заключало въ себѣ расчлененіе Болгаріи, т. е. уничтоженіе именно того, что мы поставили въ основаніе Санъ-Стефанскаго договора. Если при этомъ мы примемъ во вниманіе, что изъ всѣхъ компромиссовъ, съ которыми мы обращались ко всѣмъ державамъ Европы, мы остановились на лондонскомъ соглашеніи, то станетъ яснымъ, на сколько дѣло было испорчено, на сколько наше международное положеніе было шаткимъ.

Самое соглашеніе съ Лондономъ было въ высшей степени неопредѣленно, почему послужило съ начала засѣданій комиссіи военныхъ экспертовъ поводомъ къ цѣлому ряду недоразумѣній. Разъ послѣдовало соглашеніе на отдѣленіе Восточной Румеліи отъ Болгаріи по раздѣльной линіи Балканъ, естественно было принять за границу водораздѣлъ; но англійскіе делегаты ввели дополнительное соображеніе огражденія агрессивнаго начала для Турціи, почему требовали включенія въ составъ Восточной Румеліи и плацдармовъ на вершинахъ горъ, и верховья долинъ, обращенныхъ къ сѣверу. Пришлось терпѣливо выслушать ихъ заявленія до конца, нанести на планъ и представить графу Шувалову.

„Вы видите, графъ, что при такомъ положеніи ничего хорошаго ожидать нельзя. При полномъ незнаніи дѣла и мѣстности, англичане позволяютъ себѣ Богъ знаетъ что, при сочувственномъ молчаніи представителей армій великихъ державъ и подъ безукоризненнымъ предсѣдательствомъ германскаго“.

„Но англичане не имѣютъ ни малѣйшаго основанія простирать свои притязанія до такихъ размѣровъ“, замѣчаетъ графъ.

„Тѣмъ болѣе необходимо теперь же остановить ихъ рвеніе. Если такъ пойдетъ дальше, то даже слушать ихъ считаю для себя позорнымъ“.

„Самое лучшее, пойдемте къ д'Израели. Сейчасъ спрошу по телефону. Отлично. Онъ дома, слегка нездоровъ. Пойдемте“.

Черезъ пять минутъ мы уже были въ великобританскомъ посольствѣ. Я остался въ залѣ, графа попросили въ спальню.

„Ну вотъ, дѣло улажено", говоритъ вернувшійся графъ Шуваловъ. „Д'Израели проситъ не обращать никакого вниманія на генерала Симонса и обозвалъ его every boy, а тотъ генеральный инспекторъ всѣхъ великобританскихъ фортификацій".

Д'Израели, первый уполномоченный отъ Великобританіи, былъ талантливымъ евреемъ отъ рожденія и пронырливымъ евреемъ по природѣ. Соглашеніе съ нами, очевидно, было для него дѣломъ случайнымъ и неожиданнымъ, до того крайними были предложенные имъ основные пункты. Одновременно съ переговорами съ графомъ Шуваловымъ, онъ сблизился съ Бисмаркомъ, вмѣстѣ съ которымъ условились о характерѣ и направленіи предстоявшаго конгресса. Въ то время Англія увлекалась средне-азіатскимъ желѣзно-дорожнымъ путемъ, долженствовавшимъ соединить европейскій материкъ съ великобританскими владѣніями въ Индіи. Изъ владѣній Азіатской Турціи предполагалась къ отчужденію широкая полоса земли съ чрезвычайно своеобразною организацею. Все было предусмотрѣно, организовано и капитализировано. Оставалось сдѣлать первый шагъ къ осуществленію широкаго предпріятія и для этого слѣдовало встать твердою ногою на побережьѣ Архипелага. Д'Израели сумѣлъ воспользоваться благопріятною обстановкою и удобною минутою, среди глубокаго мира, закрѣпивъ о. Кипръ во владѣнія Англіи. Благодарная страна дала ему титулъ лорда Биконсфильда.

Такимъ образомъ, первый уполномоченный Англіи впередъ обезпечилъ свое главное дѣло, въ остальномъ онъ интересовался на столько, на сколько это касалось торговыхъ интересовъ Англіи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ не терялъ связи съ представителями Австро-Венгріи, на которыхъ вліялъ черезъ Бисмарка. Крайне заносчивый, онъ позволялъ себѣ на засѣданіяхъ конгресса рѣзкія выходки, весьма часто направленныя противъ насъ; и нужно отдать справедливость князю Горчакову, какъ онъ мѣтко и съ большимъ достоинствомъ ихъ парировалъ. Впрочемъ Д'Израели не давалъ себѣ большого труда, предоставляя разрабатывать детали второму уполномоченному отъ Англіи, маркизу Салисбюри, всегдашнему антагонисту графа Игнатьева на Константинопольской конференціи.

Первымъ уполномоченнымъ отъ Австро-Венгріи былъ графъ Андраши, венгерскій магнатъ, наводившій такую панику на нашего посла въ Вѣнѣ, Е. П. Новикова, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ весьма достойнаго государственнаго дѣятеля. При ближайшемъ знакомствѣ графъ Андраши оказался вовсе не страшнымъ. Онъ

принадлежалъ къ тому типу элегантныхъ дипломатовъ Меттерниховской школы, которые съ большимъ искусствомъ умѣютъ представлять великою державою Австро-Венгрію, въ сущности слабую по механической спайкѣ разнорѣчивыхъ и разноплеменныхъ народностей.

Чтобы яснѣе обрисовать, при какихъ обстоятельствахъ завязались наши первыя отношенія къ графу Андраши, я долженъ нѣсколько возвратиться назадъ къ тому времени, когда, сопровождая графа Шувалова, мы выѣхали изъ Петербурга въ Берлинъ.

На Сиверской станціи, увидавъ меня въ окнѣ вагона, графъ пригласилъ меня съ картами къ себѣ.

„Вы знаете, что я по призванію военный и преобразился дипломатомъ только по волѣ Государя. Теперь являюсь уполномоченнымъ среди высшихъ авторитетовъ по международному искусству всей Европы, а къ дипломатической дѣятельности совсѣмъ не подготовленъ, въ чемъ откровенно сознаюсь. Такъ вотъ, чтобы наскоро запастись всякими свѣдѣніями, убѣдительно Васъ прошу посвятить меня въ обстановку Балканскаго полуострова. Пожалуйста разскажите мнѣ все подробно, какъ начинающему ученику“.

Такой приступъ къ дѣлу по своей необычайности мнѣ чрезвычайно понравился.

„Прежде всего имѣйте въ виду, графъ, что обозначеніе направленія Балканскаго горнаго хребта на всѣхъ картахъ невѣрно. Горнымъ узломъ служитъ Рило-Дагъ и гора Витошъ, изъ ущелій которыхъ выходитъ рѣка Искра, прорѣзывающая поперекъ сѣверный гребень Стара-Планины. Отсюда городъ Софія долженъ принадлежать Болгаріи, а не Восточной Румеліи. Обращаетъ на себя вниманіе историческая судьба Софіи, которая подъ именемъ Средецъ была средоточіемъ великаго болгарскаго царства. Тырновъ имѣлъ второстепенное значеніе“...

Ограничиваюсь теперь только этими строками, глубоко запавшими у графа Шувалова и послужившими прологомъ къ начертанію въ Берлинѣ государственныхъ границъ.

Одновременно шли переговоры въ Константинополѣ между англичанами и турками, какъ выгоднѣе использовать лондонское съ нами соглашеніе. Узнавъ, что Россія такъ легко пошла на уступки и согласилась расчленить болгарскія земли на двѣ части, изъ которыхъ одна должна была оставаться подъ сюзеренитетомъ султана, а другая—сохранить характеръ турецкой провинціи только съ нѣкоторыми привилегіями, турки настаивали на причисленіи крѣпостного плацдарма Шумла-Варна къ Восточной Румеліи.

Въ такомъ положеніи находились взаимныя отношенія дого-

варивавшихся сторонъ, когда графъ Шуваловъ, по прибытіи въ Берлинъ, обратился къ графу Андраши съ предложеніемъ оставленія Софіи въ предѣлахъ княжества. Въ австрійскомъ представителѣ графъ нашелъ внимательнаго слушателя, такъ какъ послѣднему не нравилось включеніе казъ Кюстендиля и Джумаи въ границы Восточной Румеліи. Твердо помня завѣтъ традиціонной австрійской политики беречь для себя въ будущемъ доступы къ Егейскому морю, графъ Андраши съ удовольствіемъ принялъ наше предложеніе конечно съ тѣмъ, чтобы обѣ поименованныя казы оставались въ непосредственномъ владѣніи Турціи. Отъ послѣдней впослѣдствіи было, разумѣется, для Австріи легче получить эти казы, чѣмъ отъ молодого государства, развитіе котораго не было въ интересахъ монархіи Габсбурговъ. Въ то время нельзя было предвидѣть, до какой степени измѣнится эластичная политика вѣнскихъ дипломатовъ, превратившихъ Болгарію, ранѣе заподозрѣнную чуть не русскою провинціею, въ одно изъ союзныхъ государствъ.

Вотъ почему, когда появилось предложеніе маркиза Салисбюри съ Мегеметъ-пашой объ оставленіи Шумло-Варненскаго плацдарма за Турціею, если не прямо, то въ обмѣнъ на софійскій раіонъ, предложеніе это потерпѣло полную неудачу. Расходиться же съ Австро-Венгріею изъ-за этого вопроса Великобританія не считала въ своихъ интересахъ, сознавая ея преимущества въ торгово-промышленномъ отношеніи на Балканскомъ полуостровѣ. Великобританскіе представители считали, что въ соглашеніи съ Вѣной они могли много выиграть безъ особыхъ усилій, безъ этого соглашенія затруднили бы достиженіе своихъ цѣлей и во всякомъ случаѣ рисковали бы слишкомъ самостоятельною политикою. Русская пословица *чужими руками жаръ загребать* всегда была девизомъ высшей политики, какъ въ то время, такъ и теперь.

Такимъ образомъ состоялось образованіе Болгарскаго княжества съ софійскимъ округомъ. Обстоятельство первостепенной важности, обезпечившее Болгаріи серьезный шагъ къ преобладающему положенію на полуостровѣ.

Состоялось и отдѣленіе Восточной Румеліи, но значеніе этой мѣры скорѣе заключалось въ противодѣйствіи будто бы завоевательнымъ планамъ Россіи и не могло быть надолго сохранено уже разлагавшеюся державою Османовъ. Напрасно турецкое правительство надѣялось самыми широкими правами, которыми, по мнѣнію западныхъ дипломатовъ, сковывалась болгарская жизнь. И право утвержденія правителя, и право жандармеріи, и право блокгаузовъ въ Балканахъ, и право доступовъ въ Придунайскую Болгарію и пр., все это могло имѣть значеніе въ крѣпкихъ рукахъ здороваго орга-

низма, а не мусульманскаго государства, отживавшаго свой вѣкъ. Въ самое короткое время болгарская народность успѣла оправиться, выпрямиться, и вся хитрая система подпорокъ разлетѣлась, обнаруживъ жизненность Болгаріи и дряблость Турціи.

Санъ-Стефанскія болгарскія границы были осажены до болѣе естественныхъ этнографическихъ предѣловъ. Въ Европейскія владѣнія Турція получила вновь сплошную территорію по побережью Егейскаго моря. Защищать договоръ не было никакой возможности, до такой степени были шатки его основанія. Въ Санъ-Стефано мы увлеклись болгарскими иллюзіями и не оказались стойкими въ той политикѣ, которой вѣками придерживались, сохраняя за собою почетное положеніе нелицепріятнаго покровителя одинаково всѣхъ народностей Балканскаго полуострова. Свое посрамленіе мы подготовили собственными руками, подписавшими Санъ-Стефанскій мирный договоръ. Мы выдвинули на первый планъ исключительно болгарскіе интересы и тѣмъ не только подорвали довѣріе къ себѣ остальныхъ народностей, но и причинили не малый вредъ самимъ болгарамъ, подавъ имъ поводъ себя считать выдающимся народомъ.

Обстоятельства сложились такъ, что мнѣ же пришлось оказать Болгаріи первостепенную услугу черезъ присоединеніе къ ней софійскаго округа съ городомъ Софіею. Послѣдующая исторія княжества оправдала значеніе и правильную оцѣнку этого событія. Тырновъ оставался столицей расчлененной Болгаріи; но какъ только двѣ части соединились въ одно, первенство перешло къ Софіи. Тѣмъ болѣе я себя считалъ обязаннымъ употребить все свое вліяніе, чтобы въ предѣлы сербскаго княжества были включены тѣ земли съ городами Акъ-Паланкой и Пиротомъ, которыя были добыты сербскимъ мечомъ. То, что мною было положено добыть для Сербіи и дѣйствительно добыто во имя справедливости, было оплачено Ристичемъ особою конвенціею съ Вѣной. Когда я выяснилъ ему въ Берлинѣ положеніе дѣла, онъ не сознался въ своемъ промахѣ, а ссылался на графа Шувалова, будто бы отославшаго его къ гр. Андраши.

Въ свое время я помѣстилъ подробную статью о Берлинскомъ конгрессѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", въ то время издаваемомъ Ѳ. Н. Бергомъ. Тамъ событія изложены въ большой послѣдовательности, и потому здѣсь не считаю нужнымъ останавливаться на подробностяхъ, къ тому же, съ удаленіемъ отъ событій, детали теряютъ свою выпуклость и сливаются въ общую историческую картину въ генетической связи съ прошлымъ и послѣдующимъ. Берлинскій конгрессъ былъ повѣрочнымъ испытаніемъ нашей государственности и ложится отвѣтственностью на его дѣятелей не столько

по проявленнымъ ими при переговорахъ знанію дѣла, стойкости и находчивости, сколько по ихъ предшествовавшей государственной дѣятельности, подготовившей неудачный эпилогъ событій нашей собственной инициативы. Имѣли ли мы право разсчитывать на болѣе сочувственное къ намъ отношеніе даже менѣе заинтересованныхъ въ событіяхъ державъ, какъ Франція и Италія, если во многомъ ихъ отъ себя отшатнули и не сдѣлали ничего, чтобы ихъ привлечь на свою сторону.

Почти тридцать пять лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ тѣхъ событій. Прошло достаточно времени, чтобы смягчить болѣзненность анализа дѣятельности лицъ, стоявшихъ въ центрѣ событій. Къ самымъ блестящимъ государственнымъ дѣятелямъ того времени принадлежатъ графъ Н. П. Игнатьевъ и графъ П. А. Шуваловъ. Послѣдній долженъ былъ завершить дѣло перваго; но результатъ совокупной ихъ работы постигла полная неудача. Почему? Не потому ли, что высокіе ихъ таланты не были обработаны государственностью и изъ ихъ алмазовъ не вышли брилліанты. Первый изъ нихъ, обладая прекрасною подготовкою, работалъ слишкомъ самостоятельно, безъ необходимой связи съ лицами и событіями; а второй при самыхъ высокихъ дарованіяхъ отъ природы не имѣлъ достаточной подготовки къ тому дѣлу, вершителемъ котораго былъ поставленъ.

XVII.

На Берлинскій конгрессъ не слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія всеобщей къ намъ враждебности. Пока сохраняется это убѣжденіе, мы будемъ мало чувствительны къ собственнымъ ошибкамъ и промахамъ. Берлинскій конгрессъ былъ дѣйствительно умаленіемъ нашего международнаго значенія, но не потому, что образовалась намъ противная коалиція, а потому, что мы слишкомъ мало работали. Повторилось разочарованіе Парижскаго договора, примѣръ котораго оказался для насъ такимъ образомъ недостаточнымъ. Во всякомъ случаѣ на такой печальный исходъ мы не разсчитывали.

По личному моему убѣжденію война 1877—78 гг. не была дѣломъ необходимости. На этомъ я настаивалъ, представляя еще зимой изъ Бухареста подробную записку, хотя и былъ въ это время представителемъ такъ сказать боевого начала. Если же по какимъ-либо особымъ соображеніямъ война была рѣшена, то очевидно, что политическою цѣлью ея должно было быть образованіе сильныхъ, намъ союзныхъ, государственныхъ организмовъ, которые могли бы сами постоять за себя и во всякомъ случаѣ быть для

насъ опорными народностями. Но мы не только не разработали своевременно для нихъ органическихъ статутовъ, но и не заготовили никакой матеріальной части. Мы не только не припасли для нихъ современнаго оружія; но и большую часть своихъ собственныхъ войскъ оставили съ старыми ружьями, много уступавшими оружію противника. Развѣ такимъ путемъ можно было дойти въ Берлинѣ до блестящаго результата? Представители балканскихъ народностей явились на Берлинскій конгрессъ не сильною единодушіемъ намъ союзною группою, а съ нескончаемыми на насъ жалобами, неудовольствіями и требованіями. Мы не сумѣли примирить интересы въ родственномъ кругу, какъ же могли разсчитывать на податливость тѣхъ, которые ревниво слѣдятъ за малѣйшимъ усиленіемъ того или другого государства.

Въ Берлинѣ представители русской государственности работали много и добросовѣстно; но исправить коренныя ошибки, накопившіяся годами, были не въ состояніи. Напрасно существуетъ нареканіе на самыхъ выдающихся дѣятелей современнаго дипломатическаго міра. Можетъ быть нашъ государственный канцлеръ уязвимъ въ правильности пониманія политическихъ событій, предшествовавшихъ Берлинскому конгрессу, но въ высокихъ совѣщаніяхъ онъ все-таки являлъ собою, хотя и на склонѣ дней своихъ, величественный примѣръ, предъ которымъ невольно преклонялись оппоненты. По глубоко преклонному возрасту онъ многое позабылъ и часто путалъ событія; но вѣдь фактическая часть лежала на обязанности его помощниковъ. Обобщеніе же и изложеніе всегда отличались высокимъ искусствомъ концепсіи и краснорѣчія.

Много преувеличено и осужденіе канцлера Германской имперіи. Въ томъ положеніи, въ которомъ онъ тогда находился, трудно было отъ него требовать большаго проникновенія къ русскимъ интересамъ. Отъ графа Шувалова я неоднократно слышалъ хорошіе отзывы о внимательномъ и сочувственномъ отношеніи князя Бисмарка къ его заявленіямъ. Казалось, что при своемъ значеніи посредника онъ ближе стоялъ къ грани нашихъ интересовъ, чѣмъ противоположной. Онъ громко заявлялъ себя честнымъ маклеромъ, но это выраженіе, конечно, должно было примѣняться только къ взаимнымъ отношеніямъ безразличныхъ державъ и никоимъ образомъ не относиться къ Германіи и ея союзникамъ. Съ горькою проніею произнося названіе честнаго маклера, мы имѣемъ въ виду вообще его государственную дѣятельность, направленную къ развитію германскаго могущества во многомъ на нашъ счетъ; но, безпристрастно вникая въ сущность дѣла, должны сознаться, что въ такомъ положеніи мы сами виноваты неправильнымъ пониманіемъ

собственныхъ интересовъ, недостаткомъ характера и рѣшительности въ историческія минуты.

Положеніе дѣлъ на конгрессѣ, какъ въ зеркалѣ, отражалось на нашей комиссіи военныхъ экспертовъ. Рѣшительно ничего не могу сказать противъ нашего предсѣдателя германской службы полковника фонъ-Блуме. Во всѣхъ случаяхъ онъ не только не былъ лицепріятнымъ, но всегда строго справедливымъ, сдержаннымъ и внимательнымъ. Для поясненія приведу примѣръ моего разногласія съ австрійскимъ капитаномъ Теммелемъ [1]), личностью въ высшей степени антипатичною. На каждомъ шагу онъ старался оспаривать всякое мое слово и предложеніе не столько для разъясненія сути дѣла, сколько принципіально, чтобы не давать мнѣ ходу. Замѣтивъ такое обостренное ко мнѣ отношеніе, я рѣшился его наказать. При обсужденіи одного изъ участковъ границы, напередъ сговорившись съ французскимъ экспертомъ, я сдѣлалъ предложеніе въ такомъ смыслѣ, въ какомъ долженъ былъ сдѣлать Теммель. Послѣдній сейчасъ же сталъ противорѣчить. Давъ время высказаться остальнымъ членамъ комиссіи, я заявилъ предсѣдателю, что отказываюсь отъ своего предложенія и присоединяюсь къ тому, которое собрало больше голосовъ, т. е. графа Семезона. Предсѣдатель объявляетъ, что послѣднее предложеніе принято.

Теммель оспариваетъ, утверждая, что мое мнѣніе первое, а не послѣднее; но тутъ фонъ-Блуме рѣшительно объявилъ неосновательность такого утвержденія. Мнѣ не пришлось слова сказать.

На сколько Теммель былъ рѣзокъ до грубости, на столько же другой членъ комиссіи отъ Австро-Венгріи, баронъ Швегель, былъ изысканно вѣжливъ и любезенъ. Вообще я долженъ сказать, что Теммель былъ исключеніемъ изъ общаго правила, и что австрійскіе офицеры, когда только мнѣ приходилось съ ними сходиться, всегда были элегантны и съ большою выдержкою.

Представитель британской арміи, генералъ Симонсъ, на первый взглядъ могъ показаться нѣсколько грубоватымъ, но въ дѣйствительности онъ принадлежалъ къ хорошему типу, только усвоившему дурную манеру выражаться и себя держать. Къ нему скоро привыкли и не стѣснялись возражать на его часто рискованныя выходки. Между нами онъ былъ старѣйшимъ по возрасту, по чину и по положенію.

Не говорю о другихъ лицахъ и событіяхъ, чтобы подробностями не затѣнять главнѣйшаго. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ свое время мною приведено много данныхъ, о которыхъ теперь не упоминаю.

---

[1]) Впослѣдствіи баронъ и посланникъ въ Бѣлградѣ.

Веселаго и радостнаго въ канцлерскомъ дворцѣ, гдѣ мы собирались, было мало. Все приходилось брать съ боя, хотя нельзя сказать, чтобы измѣненій въ нашу пользу въ концѣ концовъ было достаточно. Много было всякаго рода неудовольствій и огорченій, переносить которыя было тѣмъ труднѣе, что впереди совсѣмъ не было видно просвѣта. Стояла къ тому же іюльская жара, въ Берлинѣ особенно чувствительная по накалявшимся окрестнымъ пескамъ. Не даромъ прусская столица носила названіе Бранденбургской песочницы.

По настоящему Берлину даже нельзя имѣть понятія, какимъ онъ былъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Одно въ немъ было всегда хорошо, это Тиргартенъ, куда я уходилъ отъ зноя и гдѣ я набирался по утрамъ свѣжаго воздуха. Когда я какъ-то сказалъ о своихъ прогулкахъ, мнѣ посовѣтовали туда забираться не слишкомъ рано, чтобы не быть ограбленнымъ или не наткнуться на самоубійцу. Этотъ въ настоящее время чудный садъ, расчищенный и выхоленный до педантизма, рѣдкій по своему богатству древесныхъ породъ, обширнѣйшій резервуаръ здороваго воздуха въ центрѣ міровового города, въ то время былъ запущеннымъ старымъ лѣсомъ, хотя и перерѣзаннымъ шоссейными дорогами въ главнѣйшихъ направленіяхъ, но еще имѣвшимъ много трущобныхъ зарослей, соблазнявшихъ столичную голытьбу. Правда, приведеніе въ порядокъ Тиргартена обошлось дорого, въ милліоны марокъ, но за то и добыты такіе результаты, съ которыми не можетъ сравниться ни одна изъ столицъ великихъ державъ.

На сколько теперь общественная жизнь Берлина бьетъ ключемъ, на столько же тогда она была мизерна. Недостатокъ публичнаго комфорта въ особенности былъ чувствителенъ при сравненіи лукулловскихъ пиршествъ, не прекращавшихся во весь конгрессный періодъ, съ почти единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было сносно обѣдать, ресторанomъ Гиллера подъ липками, съ жирною кухнею, тяжелою атмосферою табачнаго дыма и низкими потолками.

Природныя качества Берлина не завидны. Гладкая унылая мѣстность, несчастная Шпрее съ болотистыми ручьями и притоками, окрестные пески, казалось, отрицали самую возможность сдѣлать здѣсь что-нибудь порядочное. Въ самое короткое время все это преобразилось, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, въ великолѣпную столицу съ тѣнистыми садами и аллеями, идеальною мостовою, величественными зданіями, пески превращаются сосновыми насажденіями въ лѣчебные курорты, болотистые ручьи въ каналы со сплошными каменными ложами, Шпрее дѣлается торговою судоходною рѣкою. Была эпоха преобразованія и Парижа,

когда при Гаусманѣ буравили цѣлые кварталы для проложенія улицъ и устройства новыхъ площадей со скверами, но то была работа совершенно другого характера. Какъ Семирамидины сады, осуществлялись фееричныя затѣи, не всегда имѣвшія по существу общественную пользу. Здѣсь въ Берлинѣ все совершается по гигантскому плану въ органической связи съ государственнымъ развитіемъ. На первомъ планѣ стоятъ желѣзныя дороги, крестящія городъ, но искусно проложенныя безъ малѣйшаго затрудненія для городского движенія по улицамъ. Сѣть германскихъ желѣзныхъ дорогъ представляетъ собою полную гармонію и поднята на такую высоту совершенства, до которой нигдѣ еще дороги не достигали. Стоимость ихъ неимовѣрна; но она—не излишняя роскошь. Основныя данныя для ихъ сооруженія всегда составляли государственныя потребности, вѣрно и предусмотрительно взвѣшенныя и оцѣненныя. Изумительна по своимъ размѣрамъ германская торговля, покоющаяся на все еще расширяющейся промышленной производительности страны. Въ Берлинѣ она осуществляется десятками торговыхъ домовъ и кварталовъ, очевидно разсчитанныхъ не столько для удовлетворенія нуждъ города, сколько по міровому торговому обращенію. Нѣтъ надобности говорить о законченности организаціи вооруженныхъ силъ, она извѣстна всему міру, просящему прусскихъ инструкторовъ. Съ удивительною настойчивостью вездѣ устраиваются музеи естественныхъ богатствъ земли, произведеній почвы, заводскихъ и фабричныхъ продуктовъ такъ, что познакомиться со всѣми свойствами данной мѣстности не представляетъ большихъ затрудненій. Но государственный смыслъ не останавливается на этихъ усовершенствованіяхъ, а стремится еще улучшить нравственную сторону человѣческой природы путемъ распространенія въ народныхъ массахъ музыкальныхъ и изящныхъ произведеній. Берлинъ какъ бы раздѣленъ на музыкальные округа, въ центрахъ которыхъ расположены обширныя помѣщенія капеллъ, созданныя городскими управленіями въ честь извѣстнѣйшихъ композиторовъ.

Въ чемъ нельзя упрекнуть германцевъ, это въ излишкѣ зодческаго вкуса. Несмотря на чрезвычайныя усилія именно въ этомъ направленіи, всѣ монументальныя сооруженія Берлина, государственныя, общественныя и частныя богатыхъ людей страдаютъ безвкусицей. Злой рокъ заставляетъ насъ равнодушно проходить мимо многихъ предметовъ, заслуживающихъ если не подражанія, то по крайней мѣрѣ вниманія, и усваивать древне-германскій стиль, дѣлающійся въ Петербургѣ любимымъ архитектурнымъ мотивомъ.

Чѣмъ больше вдумываешься въ глубокій смыслъ всѣхъ этихъ

явленій, чѣмъ больше ихъ обобщаешь, тѣмъ болѣе приходится сознавать необыкновенную способность германской народности къ организаціи. Другія народности, между ними и наша славянская, во многомъ ее превосходятъ, быть можетъ даже много ея геніальнѣе, но въ способности организоваться несомнѣнно ей сильно уступаютъ. Признавая жизненное значеніе всякаго рода организаціи, нельзя не остановиться предъ вопросомъ, въ чемъ здѣсь дѣло и какъ намъ быть, чтобы наши высокія способности осуществлялись въ жизни съ такимъ же успѣхомъ, какъ германскія? Вотъ капитальный вопросъ Шекспировской глубины. Государственность Германской имперіи высокая по своей простотѣ. Съ тѣхъ поръ какъ главенство нѣмецкой народности перешло отъ юга на сѣверъ, болѣе нѣтъ искусственныхъ увлеченій. Ясность и прямолинейность служатъ отличительными признаками ново-германской политики для тѣхъ, которые умѣютъ правильно разбираться въ историческихъ явленіяхъ. Патріархальный по природѣ, германскій народъ, крѣпкій въ семьѣ и школѣ, даетъ сильное перепроизводство народонаселенія, которому стремится дать естественный исходъ. Въ эпоху тевтонскаго варварства послѣдній осуществлялся насиліемъ надъ франкскою страною, теперь осуществляется широкимъ развитіемъ колоніальной системы. Здѣсь нѣтъ увлеченій въ сторону сентиментальности, не имѣющей силы вліять на измѣненія главнаго направленія. Кто не остерегся, тотъ будетъ поглощенъ. Слабый долженъ отстраняться, могущественный—противоставлять стихійной силѣ силу разума.

Въ Европѣ неустроеннымъ краемъ еще остается Балканскій полуостровъ, служащій поэтому вожделѣніемъ для сильныхъ. Какъ въ сторону наименьшаго сопротивленія, сюда направляются способы улаженія международныхъ отношеній великихъ державъ, сюда же Германія отодвигаетъ Австро-Венгрію въ объединительномъ стремленіи съ ея нѣмецкими провинціями. Если политику Берлина можно назвать точною, то сказать того же о вѣнской изворотливости никакъ нельзя. Мудрость Вѣны заключается въ искусствѣ противопоставлять интересы. Предъ суровою для державы Габсбурговъ будущностью—неминуемымъ распаденіемъ на составныя части Вѣна лишь изыскиваетъ способы продолжить свою агонію по возможности на болѣе продолжительный періодъ времени. Ея попытка вкорениться въ итальянскія земли не удалась и окончилась соглашеніемъ по балканскому вопросу, въ которомъ первенство католическаго вмѣшательства черезъ албанцевъ сохранено за нею. Вѣна ублажаетъ себя надеждою оживить одряхлѣвшій организмъ свой притокомъ свѣжихъ силъ славянства. Она разсчитываетъ превра-

титься въ великую славянскую державу католичества въ противовѣсъ православной Россіи; но на этомъ тернистомъ пути она встрѣтитъ неодолимыя препятствія со стороны не одной Россіи. Но, пока она обезличиваетъ свои славянскія провинціи Адріатическаго побережья, пока усиливается превратить православную Галицію въ католическую, изящная Вѣна служитъ послушною игрушкою въ рукахъ дѣловитаго и суроваго Берлина. Если хотя бы часть того, что здѣсь изложено, было вѣрно, то возникаетъ сомнѣніе о цѣлесообразности переговоровъ и соглашеній съ Австро-Венгріею. Съ нею можно серьезно говорить, но разсчитывать на выполненіе какихъ-либо обязательствъ, въ сущности зависящихъ больше отъ Берлина, чѣмъ отъ Вѣны, было бы непростительною иллюзіею.

Во многихъ мѣстахъ настоящихъ записокъ я уже имѣлъ случай коснуться тѣхъ условій, при которыхъ сложились наши отношенія къ балканскимъ государствамъ. Несмотря на полное желаніе слиться съ нами одною государственною задачею, какъ-то такъ случилось, что мы собственными же руками ихъ отъ себя оттолкнули и заставили искать другую силу, на которую могли бы опереться. Исключеніе составила одна Болгарія. Для нея мы были готовы на все и не скупились ее надѣлять возможными и невозможными благами. Говорю это не въ ея обвиненіе, а въ собственное осужденіе. Излишнее баловство впрокъ никогда не идетъ. Я былъ близокъ къ правительственному кабинету Ивана Братіано, вся картина отчужденія Румыніи отъ насъ прошла предъ моими глазами. Еще ближе я былъ къ сербскому министерству Іована Ристича, поддержкою котораго сильно пользовался при направленіи военныхъ операцій арміи княжества, и долженъ сознаться, что сдѣлали мы для Сербіи много, но совершенно не сумѣли организовать общаго дѣла и извлечь изъ силъ этого государства послѣ войны какую-либо пользу. Наконецъ, Черногорія, орлиное гнѣздо сербства. Неужели и ее мы когда-нибудь бросимъ въ объятія Вѣны!

На значеніи Черногоріи слѣдуетъ остановиться. Связь ея съ нами держится крѣпко съ самой эпохи Петра Великаго. Если бы она была только горою свободолюбивыхъ славянскихъ соколовъ, она бы не существовала. Но могущество ея недосягаемо велико, такъ какъ черпается изъ всѣхъ сербскихъ православныхъ странъ, а слава вождя ея легендарна, вмѣщая въ себѣ фабулу сербской мощи. Не даромъ они именовались Владыками, совмѣщая въ себѣ гражданскую власть съ духовною. Достойно вниманія то обстоятельство, что во всѣ времена Черногорія почиталась всѣми международными вѣдомствами, въ томъ числѣ и нашимъ, самымъ безпокойнымъ мѣстомъ на всемъ земномъ шарѣ. Оно и понятно, такъ

какъ военное положенiе на черногорской границѣ было нормальнымъ, а мирное составляло рѣдкое исключенiе. Только русскiе монархи, а за ними общественное мнѣнiе симпатизировали Черной Горѣ настолько, что не отличали ея интересовъ отъ собственныхъ, и были въ высшей степени въ этомъ правы. О королѣ Николаѣ не можетъ быть двухъ мнѣнiй. Это—талантливый вождь сербства, стоящiй на высотѣ событiй. Владѣть клочкомъ земли и изъ этой государственной фикцiи создать силу, съ которою считаются даже великiя державы, можетъ быть только удѣломъ особыхъ дарованiй; королевскимъ достоинствомъ Николай завершаетъ свою международную дѣятельность и подготавливаетъ объединенiе силъ сербства.

XVIII.

Такiя событiя, какъ Берлинскiй конгрессъ, должны имѣть для жизни народовъ большое исправительное значенiе. Въ такiя минуты одностороннее самовосхваленiе сталкивается съ интересами великихъ державъ и безпощадно разрушается. Горе тѣмъ, которые въ своемъ смиренiи не изыскиваютъ твердыхъ государственныхъ началъ, очищая ихъ отъ льстивыхъ извращенiй. Они не изцѣляются отъ своихъ пороковъ, а заростаютъ въ нихъ.

Хотя изъ всѣхъ вопросовъ военнаго характера только одни по Черногорiи не входили въ кругъ моихъ обязанностей; тѣмъ не менѣе они меня чрезвычайно интересовали, и я имъ всегда придавалъ первостепенное значенiе.

Съ Черногорiею я познакомился еще во время герцеговинскаго возстанiя, когда былъ посланъ вмѣстѣ съ санитарнымъ отрядомъ отъ Георгiевской общины Краснаго Креста. Въ странѣ я оставался всю зиму и имѣлъ много случаевъ изучить ея особенности. Еще приближаясь къ Черной Горѣ, она поражаетъ величественною красотою своей суровой природы. Среди яркаго солнечнаго дня пароходъ входитъ въ полосу тѣни горныхъ глыбъ, возвышающихся, казалось, до самаго неба, и, скользнувъ по зеркальной поверхности Бокки-ди-катарской, упирается въ исходной точкѣ залива миніатюрнаго городка Катаро, отъ котораго идетъ крутой подъемъ въ облачныя выси. Неприступна и дика мѣстность наверху. Чтобы обезпечить для себя возможность существованiя, человѣку приходится отвоевывать здѣсь отъ сѣрыхъ скалъ площадки, наносить туда чуть не горстями земли, и только тогда добывать себѣ средства къ жизни. Воспитанный въ такихъ условiяхъ, вскормленный скудною пищею и вѣчно свѣжимъ горнымъ воздухомъ, черногорецъ

сухъ, гибокъ, ловокъ, и представляетъ собою идеально подготовленнаго воина для горной войны. Призваніе всей его жизни—борьба съ невѣрными, борьба безпощадная, которой нѣтъ ни начала, ни конца. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда затишье на границахъ позволяетъ ему быть дома, онъ поетъ про славное прошлое сербства, про доблестныхъ его сыновъ. Герой тотъ, кто привозитъ съ собою съ поля битвы мѣшокъ съ отсѣченными имъ головами враговъ. Когда ужасъ такихъ трофеевъ проникъ въ темныя ущелья Черныхъ горъ, юнаки вмѣсто головъ стали отсѣкать носы съ частью верхней губы. Въ Рагузѣ-Дубровникѣ мнѣ приходилось встрѣчать такихъ несчастныхъ, у которыхъ носы были приставлены, а вмѣсто губы былъ кусокъ кожи съ торчащими на нихъ волосами вмѣсто усовъ.

Полнаго замиренія Черногоріи быть не можетъ. Историческое и политическое значеніе ея или увѣнчается образованіемъ сербскаго государства, или она пропадетъ, растаетъ подъ вліяніемъ гуманныхъ условій цивилизаціи, способной оказать ей коварную услугу. На территоріальномъ клочкѣ Черногоріи введено государственное устройство по образцу западныхъ державъ, но главная сила, которою она держится, это патріархальное начало. По существу и полномочію власти современный король тотъ же владыко прежнихъ временъ, тотъ же полновластный властитель и вершитель всѣхъ дѣлъ. Маститый король Николай достигъ вершины государственной и политической власти столько же во имя славнаго прошлаго страны, сколько благодаря собственной доблести; но и онъ не удержался бы у власти, если бы не становился во главѣ войскъ во время войны. Даже слава его семьи, давшей великимъ державамъ рядъ доблестныхъ дщерей высокихъ достоинствъ, не была бы въ состояніи его спасти, если бы когда-либо онъ преступилъ народные завѣты сербства.

Сербству принадлежитъ вся западная часть Балканскаго полуострова. Только въ Македоніи этнографическое преобладаніе переходитъ болгарской народности, и въ Эпирѣ—Ѳессаліи—греческой. Вкрапленными здѣсь оказываются дзинзары-румыны и, разбросанные племенными группами, горскія племена, не выдержавшія съ одной стороны натиска османовъ, а съ другой латинской пропаганды, потурчавшіяся или принявшія католичество. Но первенствующимъ этнографическимъ элементомъ на всѣхъ обширнѣйшихъ равнинахъ и главнѣйшихъ долинахъ искони была сербская народность, централизировавшаяся на такъ называемомъ Коссовомъ полѣ, воспѣтомъ народнымъ эпосомъ и получившемъ историческое наименованіе Старой Сербіи. Это то, что теперь входитъ въ составъ Новобазарскаго санджака,

на языкѣ дипломатовъ знаменитая Enclave. Сюда, въ это сербское сердце, пять вѣковъ тому назадъ былъ нанесенъ страшный ударъ поклонниками Магомета. Послѣдствіемъ было порабощеніе, но не въ немъ заключалась главнѣйшая бѣда сербства. Не выдержали гнета полумѣсяца свободолюбивые сыны его. Какъ одинъ человѣкъ поднялась страна по мановенію своего патріарха, покинула родину и перешла за предѣлы на ласковый зовъ Шваба. Прошли вѣка, все туже и туже затягивается мадьярская петля, а тамъ, въ отечествѣ, на православный крестъ Старой Сербіи уже давно старается взгромоздиться мусульманскій полумѣсяцъ Арнаутлука.

Выселеніемъ ядра сербскаго населенія былъ нанесенъ жестокій ударъ будущности сербства. Арнауты, т. е. слившіяся вмѣстѣ албанскія племена подъ этимъ оффиціальнымъ именемъ, мало по малу овладѣли прекрасною страною и засѣли мусульманскимъ клиномъ между двумя сербскими княжествами—осколками отъ Великой Сербіи. Но какъ горскія племена, арнауты являются не всегда послушнымъ орудіемъ Стамбула, тѣмъ болѣе, что значительный процентъ мѣстнаго населенія все-таки составляютъ не переселившіеся сербы. Интересы албанцевъ въ отношеніи правительственной власти во многомъ однородны съ Черногоріею, куда бѣгутъ, когда турецкій нажимъ становится чувствительнымъ. Какъ только государственная власть стремится къ осуществленію своихъ правъ, она встрѣчаетъ немедленно упорное сопротивленіе. Явленіе крайне сложнаго характера. Княжества не могутъ допустить полнаго обезличиванія сербскаго въ странѣ населенія, иначе они обрекаютъ себя на вѣчное политическое ничтожество. Для державы Османа Албанія не всегда служитъ источникомъ силы, но гораздо чаще, сознавая свое значеніе, ослабляетъ ея государственный организмъ. Броженіе въ самой Албаніи еще не получило опредѣленнаго направленія и не сложилось въ извѣстную форму. Пока всѣхъ соединяетъ одинъ лозунгъ: не платить денегъ, не давать рекрутъ.

Все это ясно и на каждомъ шагу пробивается наружу. Но существуютъ скрытые пути и тайныя нити, сходящіеся въ столицѣ Габсбурговъ. Вытѣсняемая изъ Германіи, держава послѣднихъ имѣетъ два исхода: или стремиться къ Адріатикѣ и здѣсь столкнуться съ юнымъ, но уже мощнымъ итальянскимъ государствомъ; или обратиться на Балканскій полуостровъ, чтобы неуклонно добиваться Егейскаго моря. Опытъ перваго пути уже былъ испробованъ. Онъ показался труднымъ, и потому здѣсь было отдано предпочтеніе миролюбивому соглашенію. Но на славянскомъ полуостровѣ все складывается для Австро-Венгріи въ высшей степени благопріятно и какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ ея политическому характеру.

Безъ всякихъ хлопотъ и по дешевой цѣнѣ достались ей здѣсь богатѣйшія страны Босніи и Герцеговины, сначала для сохраненія въ нихъ мира и порядка, а потомъ путемъ включенія въ составъ державы mixte для одаренія ихъ всѣми благами цивилизаціи. Ни славянская народность, ни инославныя вѣроисповѣданія, православіе и магометанство, прямо враждебныя господствующему католичеству, не остановили присоединенія, даже не дали повода для протеста. Почему же Европа съ разными мѣрами относится къ однородному факту территоріальнаго захвата Австро-Венгріею, или иною державою. Не потому ли, что у насъ только размахъ широкъ и страшенъ, а тамъ все облекается въ мягкія формы вкрадчивой рѣчи и ласковаго обращенія. Не примѣнима ли для насъ французская поговорка: „qui trop embrasse mal éteind", а для державы Габсбурговъ нашей русской: „мягко стелетъ, да жестко спать".

Прозорливость Австро-Венгріи въ свое время не ограничилась громаднымъ земельнымъ захватомъ. Вѣна предусмотрительно наложила свою тяжелую, но въ бархатной перчаткѣ руку, на Ново-базарскій санджакъ, и никакія усилія нашихъ самыхъ выдающихся дипломатовъ не могли ее ни сдвинуть, ни снять. Не желая себя ослаблять людьми и деньгами на оккупацію, она закрѣпила за собою, съ одобренія Европы, только юридическія права расположенія и движенія по странѣ своихъ войскъ. Цѣль намѣчена, средства приготовляются, ожидается лишь благопріятная обстановка. Но не таковъ историческій характеръ монархіи Габсбурговъ, чтобы идти къ намѣченной цѣли прямымъ путемъ и рѣшать вопросъ однимъ ударомъ. На продолженіи вѣковъ монархія испытана слишкомъ рѣзкими боевыми невзгодами, чтобы довѣріе къ своему оружію не было подорвано въ корень. Военное искусство не имѣло почвы для своего развитія. Наоборотъ, пышнымъ цвѣтомъ развернулись дипломатическія способности. Австро-Венгрія въ ближайшее время едва-ли пріобрѣтетъ рѣшимость активно пойти въ бой безъ самой тщательной и всесторонней подготовки къ войнѣ. И нужно удивляться, съ какимъ искусствомъ создается обстановка, благопріятная для наступленія.

Но, какъ ни слабы двѣ части разрозненнаго сербскаго государства, онѣ все-таки страшны исконному непріятелю. Еще носятся предъ глазами австрійцевъ кошмарныя тѣни кровавыхъ побоищъ въ Кривошеяхъ, гдѣ регулярные баталіоны погибали подъ острыми ятаганами одиночныхъ юнаковъ. Поразительны потери турецкихъ войскъ въ послѣднюю войну при каждомъ столкновеніи съ черногорцами. Лучшія страницы австрійской военной исторіи свидѣ-

тельствуютъ, что австрійскія войска побѣждали на Балканскомъ полуостровѣ только тогда, когда сражались вмѣстѣ съ русскими. Кто можетъ поручиться, задумываются въ военныхъ совѣтахъ австрійской арміи, что, выдвинутыя впередъ по Новобазарскому санджаку, боевыя части не будутъ стиснуты съ обѣихъ сторонъ и не будутъ искать спасенія только въ бѣгствѣ. Вѣдь характеръ мѣстности почти тотъ же, что и въ Кривошеяхъ. Сразу перейти границы княжествъ, смять ихъ силу и наступать грознымъ побѣдителемъ было бы во всѣхъ отношеніяхъ много лучше, но за то и много страшнѣе, рискованнѣе. На такое рѣшеніе государственная политика едва-ли когда-нибудь согласится. Наученная горькимъ опытомъ, она стремится достичь цѣли болѣе осторожнымъ и вѣрнымъ путемъ. Предоставляя своей арміи, время отъ времени, бряцать оружіемъ, она нанизываетъ въ своей искусстной дѣятельности фактъ за фактомъ ловкими соглашеніями съ нами, заступничества которыхъ боится больше всего, дискредитируя нашъ авторитетъ въ глазахъ славянскаго міра и наталкивая на сомнительныя рѣшенія. Но плодъ еще не созрѣлъ и она сосредоточиваетъ все свое искусство, чтобы не пропустись воспользоваться событіями.

Еще задолго до вмѣшательства Европы въ наши дѣла на Берлинскомъ конгрессѣ, мы принесли добровольно тяжелую славянскую жертву рѣшеніемъ судьбы Босніи и Герцеговины. За что мы обрекли ихъ тяжелой участи? Вѣдь не за то же, что они легко поддались грозному побѣдителю и приняли исламъ. Быть можетъ, такъ было лучше, во-первыхъ потому, что магометанство сохранило въ части народонаселенія православіе, а во-вторыхъ—вѣроисповѣданіе Магомета во всякомъ случаѣ только временнаго характера. Дорогою цѣною мы купили свободу воевать на Балканскомъ полуостровѣ, австрійскія войска не тронутъ нашего тыла. Но такимъ языкомъ можетъ говорить только слабый. Мы дѣйствительно были слабы: и въ отношеніи организаціи, и въ отношеніи вооруженія, боевого снаряженія, и въ отношеніи всякаго рода матерьяльной части. Мы въ нерѣшительности стояли наканунѣ войны предъ рядомъ сомнительныхъ вопросовъ, но задоръ превозмогъ.

Хорошо помню то время, когда, около сорока пяти лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ своей первой командировки на Балканскій полуостровъ по вопросу о продолженіи измѣренія дуги меридіана до острова Кандіи, я былъ свидѣтелемъ двухъ правительственныхъ теченій: пассивнаго во имя знаменитаго „la Russie se recueille“ и юношески-военнаго задорнаго изъ желанія испытать на дѣлѣ молодыя войска новой организаціи.

„Государственный канцлеръ слишкомъ осторожно предостерегаетъ Государя отъ всякаго активнаго дѣйствія“, говорилъ мнѣ военный министръ, генералъ-адъютантъ Д. А. Милютинъ. „Если мы во всемъ будемъ сомнѣваться и предъ всякимъ препятствіемъ останавливаться, то какое же будемъ имѣть значеніе въ международныхъ дѣлахъ и вліяніе на судьбу славянскихъ народностей; когда же наконецъ испробуемъ наши силы“...

„Постарайтесь изложить всѣ впечатлѣнія Вашего путешествія, нисколько не смягчая характера событій, и передайте Зыкову для номѣщенія въ „Русскомъ Инвалидѣ“ [1]).

Такъ началась вновь подготовка общественнаго мнѣнія и опредѣлялось направленіе государственной политики, вполнѣ совпадавшее съ нашимъ традиціоннымъ заступничествомъ за братьевъ-славянъ Балканскаго полуострова. Эпоха бурныхъ внутреннихъ реформъ задержала развитіе этого направленія до появленія на дипломатическомъ поприщѣ въ Константинополѣ даровитаго и дѣятельнаго графа Н. П. Игнатьева. При немъ дѣло закипѣло. Но какъ бы ни была высока руководящая государственною политикою власть, многое зависитъ отъ достоинствъ ея заграничныхъ представителей. Правильное соотношеніе между ними вполнѣ необходимо, первой по талантливой иниціативѣ, второй по искусному осуществленію полученныхъ директивъ. Избытокъ или недостатокъ качествъ, тамъ или тутъ, одинаково вредны для дѣла. При всѣхъ высокихъ достоинствахъ молодого посла, онъ грѣшилъ служебною запальчивостью, происходившею отъ обилія силъ, и весьма часто не только не вслушивался въ даваемыя ему указанія, но порывистою дѣятельностью старался увлекать высшую власть за собою. Цѣлый рядъ случаевъ наполнялъ дипломатическую дѣятельность посла, такихъ, на которые другіе не обратили бы большого вниманія. Такъ возникъ и вопросъ объ измѣреніи дуги меридіана до о. Кандіи. Военное вѣдомство поспѣшило имъ воспользоваться, чтобы послать партію военныхъ спеціалистовъ для ознакомленія съ мѣстными условіями намѣченной работы.

Конгрессъ въ Берлинѣ, какъ бы то ни было, подвелъ итогъ нашей международной дѣятельности какъ дипломатической, такъ и военной. Въ первомъ отношеніи слабость ея выясняется съ достаточною очевидностью. Остается сказать, что и въ направленіи военнаго дѣла вкралось много недочетовъ въ организаціонныхъ началахъ. Все хорошее и дурное, обнаружившееся на театрѣ войны Балканскаго полуострова, принадлежитъ двадцатилѣтней работѣ

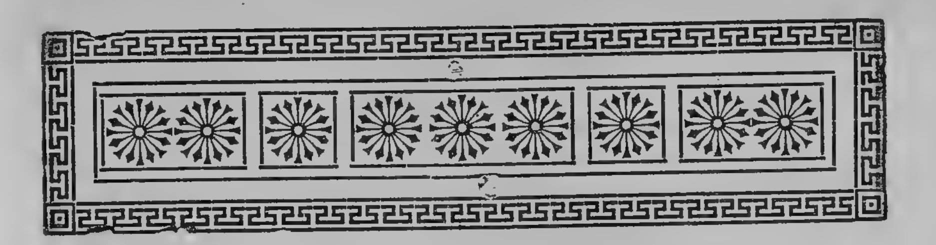
[1]) Тогда еще большая политическая газета.

полновластнаго военнаго министра, графа Д. А. Милютина, одного изъ самыхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей и по своему высокому разуму, и по прекраснымъ душевнымъ качествамъ, и по своему безконечному трудолюбію. Къ величайшему сожалѣнію, отличныя дарованія этой высокой личности были болѣе кабинетнаго свойства. Продолжительное пребываніе у власти и высокій профессорскій авторитетъ развили самоувѣренность, не преклонявшуюся предъ боевымъ опытомъ. Незамѣтно уклонившись отъ основъ родного ратнаго искусства, смѣлый организаторъ пошелъ на пути заимствованій изъ организацій иностранныхъ вооруженныхъ силъ и здѣсь впалъ въ такія отвлеченныя крайности, къ намъ не примѣнимыя, которыя надолго затормозили развитіе нашихъ боевыхъ средствъ. Какъ человѣкъ сильнаго ума, въ своихъ увлеченіяхъ онъ былъ остороженъ, но самымъ фактомъ усвоенія чуждыхъ началъ онъ проложилъ дорогу ложному направленію. На театрѣ войны наши войска явились неподготовленными къ его свойствамъ ни въ отношеніи организаціи, ни въ отношеніи снаряженія и вооруженія, ни въ отношеніи матерьяльныхъ средствъ. Даже генеральный штабъ, на образованіе котораго генералъ-адъютантъ Милютинъ положилъ такъ много средствъ и заботъ, не оказался на высотѣ положенія, не былъ нервною сѣтью войскового управленія. Ограничиваюсь настоящими строками, такъ какъ приступать къ подробному анализу дѣятельности такихъ выдающихся лицъ, какъ графъ Милютинъ, необходимо съ величайшею осторожностью. Заканчиваю въ высшей степени характернымъ обстоятельствомъ. Графъ Д. А. Милютинъ, никогда ничѣмъ самостоятельно не командовавшій, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, а боевой генералъ Радецкій остался безъ фельдмаршальскаго жезла.

Г. И. Бобриковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній, посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

IV [1]).

уже говорила, что онъ отмѣнилъ, вычеркнулъ, выбросилъ весь мой прежній репертуаръ и замѣнилъ его новымъ.

Гаммы и экзерсиціи по методѣ Дрейшока очень быстро меня просто увлекли.

Мнѣ нравилось, что изъ-подъ моихъ пальцевъ, бѣгающихъ по всей клавіатурѣ, а не по части ея, текутъ такія мощныя струи звуковъ.

Милій Алексѣевичъ показывалъ мнѣ, задавая новое, какъ надо ихъ играть, съ какимъ ритмомъ, удареніями и различной скоростью, увеличивая эту скорость по мѣрѣ того, какъ я выучивала ихъ, безъ ошибокъ и смазыванія.

— Теперь они у васъ въ „пальцахъ", или: онѣ еще не въ „пальцахъ",—говорилъ онъ и, въ зависимости отъ того, были ли онѣ у меня въ пальцахъ или нѣтъ, мы, по метроному, прибавляли скорость или оставались на прежней. При этомъ надо сказать: всѣ экзерсиціи и даже этюды я учила и играла вначалѣ по метроному, и лишь впослѣдствіи, когда опять-таки вещь была въ пальцахъ, онъ, во время урока, останавливалъ, отставлялъ на всегда метрономъ.

---

[1]) См. „Русская Старина" январь 1913 г.

(Это было, разумѣется, въ первые годы; потомъ при немъ я играла уже всегда безъ метронома).

Этюды Крамера, изданные для Мюнхенской музыкальной школы Гансомъ Бюловымъ, которые для меня замѣнили собой этюды Черни, (игранные мною съ Шубертомъ), я тоже очень полюбила.

Милій Алексѣевичъ заставлялъ отдѣлывать ихъ, такъ сказать, филигранно, съ тончайшей нюансировкой, и они, въ такомъ исполненіи, становились похожими на очень хорошенькія пьесы. Кромѣ того, самъ онъ, во время моей игры, подъигрывалъ на томъ же роялѣ, въ дискантахъ, какія-то очевидно тутъ же приходившія ему въ голову музыкальныя мысли, темы и варіаціи, и это выходило такъ красиво, неожиданно и ново, такъ мѣняло усвоенную мною, мысленно, гармонизацію этюда, что я заслушивалась и... путала, ошибалась. Тогда онъ нетерпѣливо издавалъ свои: г-м... г-мъ... и переставалъ играть.

Эти этюды привлекали вниманіе и нашихъ свѣтскихъ знакомыхъ.

Не разъ, когда я экзерсировалась, выходя изъ кабинета отца и проходя по залѣ, они останавливались и спрашивали меня:

— Что это вы играете? Какая прелесть!

А два раза за эти этюды судьба послала мнѣ и другую награду, два большихъ удовольствія.

Первое, меньшее удовольствіе, было полное собраніе этюдовъ Крамера для двухъ фортепіанъ, аранжированное Гензельтомъ.

Подарокъ этотъ мнѣ сдѣлалъ другъ отца, старикъ Шванвичъ. (Къ сожалѣнію, я не помню его имени и отчества. Знаю только, что это былъ пожилой, изящный господинъ, прекрасно говорившій по-французски, жившій не всегда въ Петербургѣ, а гдѣ-то или у себя въ имѣніи или въ какомъ-то провинціальномъ городѣ, гдѣ онъ, какъ у меня осталось въ памяти, былъ важнымъ лицомъ (губернаторомъ, что ли?).

Онъ очень хвалилъ мою игру, цѣловалъ кончики своихъ пальцевъ, чтобы показать, какое у меня тушэ, и восторгался этюдами Крамера, въ аранжировкѣ Гензельта.

Но, когда я, съ внутренней, тщательно скрываемой гордостью, показала Милію Алексѣевичу его подарокъ, не заикаясь о полученной похвалѣ, Балакиревъ болѣе, чѣмъ равнодушно, отнесся къ моему пріобрѣтенію и тѣмъ сразу и окончательно вырвалъ у меня уваженіе къ музыкальному пониманію Шванвича.

Второй подарокъ доставилъ мнѣ неизгладимое удовольствіе и впечатлѣніе, живое до сего дня, но о немъ я ужъ никогда не проговорилась Милію Алексѣевичу, т. е. что это былъ именно мнѣ подарокъ.

Сдѣлалъ его мнѣ тоже хорошій пріятель отца, гусаръ Ивашевъ. (Онъ, кажется, былъ извѣстный игрокъ). И раньше онъ привозилъ мнѣ конфекты въ прелестныхъ бонбоньеркахъ и всякія бездѣлушки. Но на этотъ разъ подарокъ его превысилъ все, что я до сихъ поръ получала отъ чужихъ за мою музыку. Подарокъ этотъ былъ—ложа на оперу „Ромео и Джульльетта“ съ Патти и Николини!...

Представленіе это было верхомъ романтическо-оперной поэзіи и одновременно верхомъ романическо-жизненной лжи, но, какъ дѣвочка или точнѣе подростокъ, я ничего этого не понимала и видѣла только одно: опьяняющую поэзію красоты и любви.

Впрочемъ, здѣсь не мѣсто говорить о прошедшемъ передъ моими дѣтскими глазами романѣ Патти съ Николини, ея вторымъ мужемъ, тогда какъ первый, маркизъ де Ко (de Caux), сидя въ партерѣ, въ первомъ ряду креселъ, испытывалъ позоръ и мученія пытки иной, но, въ нравственномъ смыслѣ, не менѣе жестокій и безмилосердный, чѣмъ испытывалъ въ средніе вѣка человѣкъ, захлопнутый въ такъ называемую „желѣзную бабу“, die eiserne Jungfrau.

Эпизодъ этотъ ничего общаго съ воспоминаніями о Миліи Алексѣевичѣ не имѣетъ, и потому описаніе его я отложу до другого раза.

...Изъ пьесокъ, игранныхъ мною съ Балакиревымъ въ первый или въ первые два учебные сезона, нѣкоторыя мнѣ не нравились.

„Душой“, чутьемъ я не понимала ихъ.

Я понимала оперы, которыя играла съ прежними учителями въ 4 руки. Если не понимала, останавливалась на непонятныхъ мнѣ мѣстахъ и спрашивала: что это значитъ? [Такъ никогда не могу забыть объясненіе милаго Шуберта на увертюру Донъ-Жуана. На мой вопросъ: почему послѣ грустной темы, (я представляла себѣ какое-нибудь несчастіе, чьи-нибудь слезы), слѣдуютъ гаммы, повышающіяся хроматически, изображающія вѣтеръ что ли или что?—Шубертъ знавшій мою привычку спрашивать о сюжетѣ, стоя сзади моего стула, съ доброй улыбкой хрипло-тихо, какъ всегда, пояснилъ мнѣ:

— Марусея!... Ну, это, снаете, папашъ сердится на своего „нэпослюшного“ сына... А сынъ плачетъ, а слюшаться всежъ не хочетъ!..]

Съ 7 лѣтъ требовала даже, чтобы музыка въ нихъ сходилась, такъ сказать, съ дѣйствіемъ, ненавидѣла посему, т. е. не любила, находила глупой оперу Лучію, такъ какъ не могла понять: радуется ли Лучія въ своей знаменитой аріи, кончится ли все благополучно,—чего я страстно желала,—или, наоборотъ, она только дѣлаетъ видъ, что радуется... А эесама умретъ, убьютъ. Тогда зачѣмъ же она радуется?...

Приставала шепотомъ къ моей матери съ этими разспросами во время самаго дѣйствія, ужасно волнуясь за исходъ, что заставило отца глазами и жестами велѣть мнѣ молчать или выйти изъ ложи.

Понимала я также мои пьески съ Шубертомъ: „Moment musical“ и разные „Air de Venise“ и „Cascade de roses“, но первая пьеска, которую далъ мнѣ играть Балакиревъ... Она разочаровала меня...

Это было „Scherzino“ Карла Рейнеке. Теперь я назвала бы ее граціозной виньеткой (Tempo di Menuetto. Poco vivace) на историческое воспоминаніе бала XVIII вѣка, но тогда она была выше моего пониманія, и какъ Милій Алексѣевичъ ни нюансировалъ ее, какъ ни игралъ ее самъ, добиваясь, чтобы я поняла ее,—я оставалась къ ней равнодушна и холодна.

Нѣсколько уроковъ онъ не задавалъ мнѣ ничего новаго, желая усвоенія Scherzino, но какъ я ни старалась, какъ ни терзалась Балакиревскими: гмъ-гмъ!—ничего у меня не выходило, и должно быть, сжалившись надо мной, понявъ, что мнѣ пока нужно что-нибудь болѣе романтическое, онъ, черезъ нѣкоторое время, задалъ мнѣ: la Gondole Гензельта, а потомъ его же „Air Russe de Noroff“.

Эти вещицы, особенно Гондолу, я играла съ огромнымъ удовольствіемъ и часто играла ихъ моимъ родителямъ и ихъ знакомымъ, по вечерамъ.

Но настоящимъ образомъ я стала заниматься съ Миліемъ Алексѣевичемъ лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ нашего знакомства, а именно послѣ окончанія мною курса общихъ наукъ и такъ называвшагося тогда университетскаго экзамена.

Милій Алексѣевичъ былъ доволенъ этимъ окончаніемъ, а мнѣ было какъ-то больно, жалко кончить курсъ наукъ, т. е. знать, что у меня уже не будетъ больше уроковъ, что ко мнѣ уже не будутъ приходить мои любимые учителя: Александръ Петровичъ Милюковъ, (учитель словесности и русской литературы), В. В. Сычевскій и В. А. Верещагинъ (составитель учебниковъ и задачниковъ), учителя математики.

(Сычевскій заболѣлъ въ годъ моего экзамена, и послѣдніе мѣсяцы я занималась съ Верещагинымъ). Священникъ о. Павелъ Лебедевъ, Mr. Lafosse и др.

Мнѣ было больно это знать, потому что съ самаго ранняго дѣтства, не слыша ихъ никогда, не зная ихъ, я понимала стихи: Partir c'est mourir un peu!.. и, отчаливая отъ береговъ дѣтства и ранней юности, съ ихъ интересами и занятіями, подъ дѣйствіемъ которыхъ я, провѣряя себя, сознавала, что росту духомъ, покидая эти милые

берега, я, инстинктивно, безъ словъ чувствовала смерть, неизбѣжную, земную смерть многаго того, что любила!

Но Милій Алексѣевичъ, повторяю, былъ доволенъ, что я кончила съ другими учителями.

Они мѣшали ему, его урокамъ и заданіямъ своими уроками, и я невольно улыбалась, слушая его:

— „И прекрасно-съ!... Значитъ, теперь вы можете отдаться музыкѣ!"...

И я отдалась ей, удѣляя лишь короткое время на изученіе итальянскаго языка.

Я стала играть, т. е. экзерцироваться по 4 часа, а иногда и по 5 ч. въ день.

Милій Алексѣевичъ приходилъ на урокъ разъ въ недѣлю, и разъ, по его настоянію, ко мнѣ приходила для игры въ 4 руки его ученица, кажется, и хорошая знакомая, Александра Александровна Бражникова—составительница лучшаго англо-русскаго словаря, называемаго „Словарь Александрова".

Она въ то время, бѣдняжка, переживала, должно быть, самыя тяжелыя минуты въ своей жизни, страдая и нравственно, и матеріально, такъ какъ разсталась, должна была (послѣ многихъ лѣтъ супружеской жизни) разстаться съ мужемъ, человѣкомъ въ большихъ чинахъ, директоромъ какого-то департамента или чего-то въ этомъ родѣ. У нея были дѣти старше меня (хотя были и моложе) и, уйдя отъ мужа съ ними, она стала крайне нуждаться, такъ какъ перестала получать отъ него какое бы то ни было содержаніе. Предоставляя ей уроки у меня и вѣрно у другихъ, Балакиревъ убивалъ, такъ сказать, однимъ ударомъ двухъ зайцевъ: помогалъ ей въ ея страшной бѣдѣ и нуждѣ и заставлялъ меня учиться хорошо разбирать ноты, читать ихъ съ листа, въ чемъ я сильно хромала.

Не помню, какъ долго занималась я съ m-me Бражниковой. Кажется, всего одинъ сезонъ. На слѣдующій я категорично отказалась отъ этой нашей съ ней игры. Бѣдная Александра Александровна, женщина уже въ годахъ (я думаю, ей было больше 50-ти) была неутомима; вмѣсто часа и двухъ, она могла играть и три и четыре часа. Домой тоже ей, вѣрно, не хотѣлось возвращаться, и мы играли съ ней симфоніи и сонаты, сонаты и симфоніи до одуренія, т. е. я, такъ какъ она изумлялась: неужели вы уже устали?...

А у меня отъ переутомленія дѣлалась тоска въ ногахъ, и нервныя слезы давили горло.

Послѣ лѣтняго отдыха, вернувшись на зиму въ Петербургъ изъ-за границы, я, конфузясь, съ холодѣющими руками, сказала

Милію Алексѣевичу, что я больше не хочу занятій съ А. А. Бражниковой.

Я ожидала его репрессій, но онъ, удивленно разспросивъ: въ чемъ дѣло? и узнавъ, не сталъ настаивать. Мнѣ же было и совѣстно, и жалко Александру Александровну, но все же, я радостно вздохнула, освободившись отъ нашей съ нею игры.

А ей... ей, вскорѣ не нужно стало ничьей помощи и никакихъ уроковъ. Она умерла неожиданно отъ аневризма, готовясь какъ-то утромъ, зимой, идти на урокъ или на рынокъ. Сѣла одѣтая уже въ шляпкѣ на стулъ и со словами, обращенными, кажется, къ прислугѣ:—Мнѣ что-то нехорошо!... скончалась.

Послѣ Александры Александровны, Милій Алексѣевичъ пожелалъ и настоялъ, чтобы я брала уроки у Н. А. Римскаго-Корсакова. У меня не было абсолютнаго слуха и, какъ ни странно сказать я, довольно, подвинутая въ игрѣ на фортепіано, имѣла лишь весьма слабое понятіе о теоріи музыки, даже объ интервалахъ. Кромѣ того, то, что и знала, знала, помнила со временъ M-lle Франкманъ и Брассера и первые годы уроковъ съ Балакиревымъ называла потому все по-французски. Такимъ образомъ, осьмыя, шест надцатыя, о которыхъ онъ говорилъ въ 70—72 годахъ, для меня были незнакомками. Я мысленно считала ихъ croches, double-croches, а Милій Алексѣевичъ всякій разъ издавалъ на это свои „гмъ-гмъ“. Такъ же трудно мнѣ было пріучиться къ его: цис'амъ, ха'-молямъ (cis, h moll) и пр., которыя, если я ошибалась, онъ выкрикивалъ, ходя по залѣ, слушая мою игру. Для меня это были do dièse, si mineur, и я робѣла и путала, не сразу переводя на „свой“ языкъ приказанія и поправки Милія Алексѣевича. Тогда онъ самъ нетерпѣливо переводилъ ихъ на „мой“ языкъ (т. е. французскій). Въ одной же или двухъ тетрадкахъ у меня сохранились и вещественныя доказательства его нетерпѣнія: двѣ-три „саркастическія“, какъ я чувствовала тогда, замѣтки. Нота, обведенная карандашемъ съ крупной надписью: si! и восклицательнымъ знакомъ, а разъ даже: ut!, тоже съ восклицательнымъ знакомъ.

Съ Николаемъ Андреевичемъ Р.-Корсаковымъ я очень быстро привыкла къ нѣмецкимъ названіямъ, стала по слуху отличать всѣ терціи, кварты, септимы и пр., а потомъ и септаккорды, квартсекстаккорды и т. д., но у меня съ нимъ, на первомъ же урокѣ, произошелъ случай, въ которомъ принялъ горячее участіе Милій Алексѣевичъ.

Объясняя мнѣ интервалы, Римскій-Корсаковъ сказалъ, что кварта и квинта называются чистыми (а не большими, какъ остальныя).

Я спросила:—Почему?

Онъ сразу не съумѣлъ, не могъ мнѣ объяснить:

— Называются! Просто такъ называются...—удивленный моимъ вопросомъ, на высокихъ нотахъ сталъ повторять онъ, заставляя меня краснѣть за мою глупую пытливость.—Не знаю: отчего. Разумѣется, не оттого, что другія... грязныя...

...А...

И онъ, жестикулируя съ папиросой въ рукѣ, не зналъ сразу, что сказать. Я внутренно страшно сожалѣла, что предложила ему этотъ вопросъ, рада была бы, если бы онъ забылъ о немъ. Но... онъ не забывалъ и должно, быть, задѣтый за самолюбіе, передалъ Балакиреву о „происшествіи“ за первымъ урокомъ.

Милій Алексѣевичъ, помня Бражникову, тотчасъ же написалъ мнѣ цѣлое письмо о „первомъ блинѣ комомъ“ и о томъ, чтобы я „не разочаровывалась“, а подождала, что Николай Андреевичъ навѣрное найдетъ объясненіе къ смущающему меня вопросу и пр.

Мнѣ было страшно совѣстно, но дѣло было сдѣлано. Прошлаго нельзя было вернуть, и оставалось только ждать, что найдетъ для объясненія „интересующаго“ меня вопроса Николай Андреевичъ. На слѣдующій же урокъ онъ, дѣйствительно, нашелъ.

— Квинта и кварта называются чистыми потому, что перенесенныя онѣ даютъ тоже чистый интервалъ: кварта—квинту, квинта-кварту, а другіе интервалы даютъ большіе-малые, малые-большіе, увеличенные-уменьшенные и наоборотъ интервалы.

Послѣ этого объясненія мы всѣ трое вздохнули свободно.

Я почувствовала, что ужъ не такъ глупъ былъ мой вопросъ.

Николай Андреевичъ былъ доволенъ, что нашелъ объясненіе. Милій же Алексѣевичъ, первымъ дѣломъ, придя на свой урокъ, не то весело, не то насмѣшливо блеснувъ глазами, спросилъ меня:

— Ну-съ, вы удовлетворены-съ?..

Съ Р.-Корсаковымъ я занималась долго, два или даже три сезона и прошла всю теорію, гармонію музыки, включая контрапунктъ и фугу. Сочиненій, т. е. музыкальныхъ задачъ, я написала множество, принимая за образецъ и Палестрину и особенно Генделя Matheus Passion, и Бетховена, и др.

Уроки его принесли мнѣ громадную пользу, и этому очень радовался Милій Алексѣевичъ.

— Теперь вы знаете грамоту музыки, да!.. да!..—говорилъ онъ мнѣ.—А это очень важно-съ!

Я, довольная, слушала его и невольно улыбалась, потому что онъ, считая такой важной *музыкальную* грамотность, не соблюдалъ обыкновенную и писалъ по-русски съ страшнѣйшими ошибками: „мѣжду, потѣрпите, пожѣлтелъ“, сознавался въ этомъ и говорилъ

стремительно и рѣзко: что прикажете-съ—я никогда не могъ превзойти „ихъ ять“.

Музыкальная грамотность или безграмотность доставила мнѣ также удовольствіе быстраго, хотя и мимолетнаго, сближенія съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Боткинымъ.

Это было въ декабрѣ 1879 или началѣ 1880 года. Мы встрѣтились на балу. Я не знала, что это—Боткинъ, но видѣла, какъ хозяинъ дома, сынъ хозяйки, подводилъ молодого, кудлатаго блондина къ разнымъ барышнямъ. Никогда не нуждаясь въ кавалерахъ, я наблюдала за другими, но во время вальса дошла очередь и до меня, и упиравшагося блондина, въ безукоризненномъ фракѣ и манишкѣ, подвели ко мнѣ.

— Это будущая знаменитость,—сказалъ мнѣ хозяинъ дома, шутливо рекомендуя Сергѣя Сергѣевича.—Это сынъ Сергѣя Петровича Боткина, Сергѣй Сергѣевичъ. Но есть всѣ данныя, что онъ превзойдетъ своего великаго отца.

— Ну-да! Говори!—смущенно выгибаясь, засмѣялся Боткинъ.

Вся моя досада, что ко мнѣ „тащатъ“ кавалера, мигомъ прошла. Я припомнила разсказъ о немъ Н. А. Римскаго-Корсакова и весело пошла съ нимъ вальсировать.

— Вы... Биша?—во время вальса спросила я его. (Бишей называли Сергѣя Сергѣевича домашніе съ дѣтства).

Онъ чуть не потерялъ темпъ и чуть не остановился, но мы продолжали вальсировать.

— Да... я Биша!—довольно серьезно отвѣчалъ онъ.—Какъ вы знаете?

— Ахъ, Биша. Такъ это вы любите послѣдованіе квинтъ или октавъ?...

Боткинъ покраснѣлъ, я засмѣялась.

— Какъ, вы и это знаете?.. Нѣтъ, какъ вы это знаете?..—проговорилъ онъ. Смѣясь, я объяснила, и съ этой минуты вся неловкость и чопорность между мною и Боткинымъ изчезли. Онъ весело, съ комичнымъ жестомъ, объявилъ мнѣ, что не интересуется нисколько технической стороной музыки, а просто любитъ хорошее пѣніе, игру; разсказалъ о сдѣланныхъ имъ ошибкахъ въ задачахъ, потомъ мы стали говорить съ нимъ о Балакиревѣ, и я провела одинъ изъ самыхъ пріятныхъ вечеровъ. Мы танцовали съ нимъ всякіе танцы и мазурку и даже ужинали вмѣстѣ, а, впослѣдствіи, встрѣчаясь крайне рѣдко, Боткинъ всегда съ веселой улыбкой подходилъ ко мнѣ.

Онъ помнилъ, что онъ для меня былъ Биша съ послѣдованіемъ октавъ и квинтъ.

Октавы же и квинты означали слѣдующее:

Разъ какъ-то, задавъ мнѣ задачу, Николай Андреевичъ вдругъ остановился, уходя, и сказалъ: Да вы поняли, что квинта не можетъ чередоваться съ параллельной квинтой. По крайней мѣрѣ, не можетъ быть параллельнаго послѣдованія, хода квинтъ или октавъ? То-то же! Не напишите мнѣ, какъ Биша Боткинъ.

— Кто это, Биша Боткинъ?—спросила я.

— Какъ? Вы не знаете? Это вѣдь тоже ученикъ Милія Алексѣевича.

— Нѣтъ не знаю,—сказала я.

Балакиревъ никогда ничего не разсказывалъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, о своихъ ученикахъ. Вообще у него была привычка, которой онъ рѣдко измѣнялъ, не знакомить между собой знакомыхъ ему людей, простыхъ смертныхъ, не музыкантовъ, разумѣется.

Какъ у дѣтей игрушки, они у него были разсованы по разнымъ уголкамъ его жизни и перемѣстить одного человѣка въ другой уголокъ было для него, мнѣ думается, такой же непріятностью, какъ для ребенка переложить, перепутать его игрушки.

— Биша Боткинъ—это старшій сынъ профессора Боткина,—объяснилъ мнѣ Николай Андреевичъ.—Вы знаете, Сергѣй Петровичъ давно и близко знакомъ съ Миліемъ Алексѣевичемъ? Не слыхали? Какъ же! Очень давно. И Балакиревъ всѣмъ тамъ тоже давалъ или даетъ еще уроки музыки. И меня рекомендовалъ къ сыну, къ этому самому Бишѣ. Я задалъ ему какъ-то, какъ вамъ сегодня—задачи на октавы и квинты, объяснивъ то, что и вамъ объяснилъ сегодня. Прихожу на слѣдующій урокъ, а Биша подаетъ мнѣ нѣсколько задачъ и во всѣхъ, какъ нарочно, квинта и рядомъ квинта, и опять квинта и квинта. Ч...ъ знаетъ что̀ такое!..—на верхнихъ нотахъ закончилъ Николай Андреевичъ.

На слѣдующій урокъ съ Балакиревымъ я разсказала ему, что познакомилась съ его ученикомъ.

Онъ удивленно поднялъ брови:—Кто такой?

Я сказала.

— Ахъ, съ Боткинымъ,—равнодушно протянулъ онъ и даже не спросилъ, гдѣ и когда.

Такъ и кончались обыкновенно мои попытки съ нимъ простыхъ, обыкновенныхъ разговоровъ.

Онъ былъ недоступенъ для нихъ, и мнѣ стоило большихъ усилій воли, чтобы краснѣя и блѣднѣя сказать или разсказать ему что-нибудь житейское, простое, или спросить его о чемъ-нибудь неважномъ, невысокомъ.

Зато объ этомъ важномъ и высокомъ мы съ годами стали съ нимъ говорить все больше и чаще.

Какъ-то, придя вечеромъ къ чаю, онъ спросилъ меня, читала ли я что-нибудь Жоржъ-Сандъ и люблю ли я ее?

Мнѣ было тогда лѣтъ 17 или 18, и я отвѣчала, что читала „La mare au diable“ и видѣла на сценѣ „Сверчокъ“, т. е. „La petite Fadette“ въ передѣлкѣ, съ Ермоловой въ роли Фадетты.

— Вамъ понравилось?—спросилъ онъ.

Краснѣя, но съ энтузіазмомъ я отвѣчала: очень.

— Гмъ!..—не спуская съ меня глазъ, сказалъ Балакиревъ. А вы знаете ея біографію?.. Она была очень *дурная* женщина... (онъ, какъ всегда, когда хотѣлъ усилить свою мысль, дѣлалъ сильное удареніе на какомъ-нибудь словѣ).—Вы не читали ея „Лелію“ или „Лукрецію Флоріани“?

— Нѣтъ еще! Гдѣ ей! Зачѣмъ?—вступила въ разговоръ моя мать.

— Ну, и хорошо, что не читала. Я вамъ принесу книгу,—обратился онъ ко мнѣ, отвѣтивъ и поговоривъ съ моими родителями,— А. С. Хомякова; вы тамъ прочтите его письмо къ Тертію Ивановичу Филиппову о Жоржъ-Зандъ. Это будетъ ей полезно,—опять, глядя на мою мать, сказалъ онъ.—Вы не знаете, кто такой Хомяковъ? (это ко мнѣ).—Не учили съ вашими учителями? Ну, вотъ видите-съ. О Жоржъ Зандъ учили, а о Хомяковѣ не учили!..

Я снова, какъ всегда съ нимъ, сильно покраснѣла, чувствуя его сарказмъ, его правоту и вину другихъ, въ этомъ случаѣ, еще годъ назадъ, мнѣ страшно дорогого учителя, А. П. Милюкова, но я вся была уже подъ обаяніемъ его личности и стала ожидать обѣщанную книгу.

На слѣдующій день, онъ, съ записочкой, прислалъ мнѣ ее и, кромѣ письма къ Филиппову, отмѣтилъ еще нѣсколько статей, чтобы я прочла ихъ.

Это былъ первый его вкладъ въ мою душу, въ мою совѣсть.

Читая страницы этого письма, гдѣ почти безъ словъ, не доказывается даже, а само собой утверждается, становится ясной истина, что Ж. Сандъ явленіе исторической жизни Европы, что она тѣсно связана съ Wahlverwandschaften Гёте, съ Манонoю и Нинонoю (дурными женщинами), которыхъ прославляла словесность, связана и съ Бокачіо, и съ Аріостомъ, и съ Розамундой, и пр. и пр., связана и съ церковнымъ разводомъ во всѣхъ реформатскихъ странахъ, который самъ Бунзенъ называетъ „ein legalisirter Ehebruch. Читая про противоположную этой украшенной развращенности норму русскихъ понятій, выраженныхъ въ бытовой пѣснѣ объ обязанностяхъ жены, читая, что истинная любовь отказывается отъ своихъ собственныхъ правъ на счастье всякій разъ,

когда это счастье должно быть куплено постыднымъ торгомъ съ совѣстью; что самоотреченіе любви есть естественное послѣдствіе ея уваженія къ своей собственной святынѣ, что любовь, ставящая средствомъ лицо любимое, а цѣль въ лицѣ любящемъ есть еще неотрѣшившійся эгоизмъ; что истинная любовь имѣетъ высшее значеніе, что въ ней любимый человѣкъ дѣлается цѣлью, что на него другой человѣкъ переноситъ свои права, часть своей жизни, не ради себя самого, а ради него; что человѣкъ, стремящійся къ исполненію высшаго закона, ищетъ его въ земномъ счастіи, т. е. въ бракѣ, который есть не что иное, какъ пособіе для человѣка грубаго въ своемъ эгоизмѣ, пособіе для осуществленія высшаго закона любви, принимающей чужую человѣческую личность цѣлью для жизни. Наконецъ, читая, что Жоржъ Сандъ и ея школа имѣютъ нравственное оправданіе, какъ имѣютъ и энциклопедисты; что снисходительное, анти-христіанское отношеніе къ мужской безнравственности и такое же анти-христіанское осужденіе, безъ снисхожденія, женской безнравственности породило эту школу; что Вольтеръ, Руссо и др., какъ и Ж. Зандъ, брали и берутъ противъ лжехристіанства оружіе изъ христіанской истины; что многія христіанскія начала осуществились въ обществѣ потому только, что они уяснились въ упорной борьбѣ, и что учители зла сдѣлались безсознательно орудіемъ добра... Читая про великое значеніе и назначеніе брака, про то, кто долженъ и кто не долженъ, кому нѣтъ надобности въ него вступать... — я чувствовала, что все это широко, возвышенно и прекрасно, что будто кто-то великій и мощный взялъ меня за руку и, отдернувъ гигантскій занавѣсъ, скрывавшій отъ меня дѣйствительность, сказалъ: „гляди"!.. Иными словами отвелъ меня съ береговъ красивой, полноводной рѣки съ зелеными, нарядно-душистыми берегами, залитыми солнцемъ, и почтавилъ на берегъ безбрежнаго, волнующагося океана...

Передо мною, куда бы я ни взглянула, плыли, на первый взглядъ, однообразные, на самомъ дѣлѣ, вѣчно мѣняющіеся, непохожіе другъ на друга, темные, жизненные валы съ бѣлыми, будто кружевно-красивыми, въ дѣйствительности несущими холодъ и смерть гребнями. Рѣзкій вѣтеръ билъ мнѣ въ лицо. Было трудно дышать... Но я чувствовала, что здѣсь была земная правда, потому что здѣсь была земная жизнь...

А сзади меня, когда я оборачивалась, вдалекѣ я видѣла, блестящей лентой вилась рѣка—литература, залитая солнцемъ, и по ней, въ красивыхъ и изящныхъ лодочкахъ, плавали взадъ и впередъ Милюковъ, Lafosse, Брандтъ и др. плавали, подъѣзжали къ берегамъ, срывали цвѣты, знакомили съ по-оперному разодѣтыми

рыцарями, витязями, придворными дамами и кавалерами, „украшенными, фальшивыми Нинонами и Манонами"...

Я отвертывалась отъ нихъ, глядѣла передъ собой и глазъ не могла оторвать отъ океана. Онъ былъ страшенъ, онъ грозилъ разрушеніемъ, смертью... Но я!.. Я стояла на берегу. Кто-то великій и сильный крѣпко держалъ меня за руку, и говорилъ: гляди и понимай.,. Ищи не только анализа, но и синтеза. И вотъ тебѣ готовый, вѣрный. Думай, такъ ли?..

И я стояла и глядѣла... т. е. на самомъ дѣлѣ, сидѣла въ моей маленькой гостиной, на диванчикѣ, противъ моего большого, съ полками для библіотеки письменнаго стола, съ книгой, присланной мнѣ Миліемъ Алексѣевичемъ, которую держала на колѣняхъ и думала, чувствовала, что не останавливаюсь въ ростѣ, какъ боялась, покидая моихъ школьныхъ (такъ сказать) учителей, а росту, росту, и съ нимъ, съ Балакиревымъ, если онъ не откажется отъ меня, буду еще рости, что онъ именно тотъ учитель, который мнѣ теперь нуженъ, который бываетъ нуженъ каждой юной душѣ, и учитель не разрушающій, а созидающій, дающій лучшее, новое ученіе взамѣнъ стараго.

Придя на слѣдующій урокъ, Милій Алексѣевичъ встрѣтилъ меня съ молчаливымъ вопросомъ въ серіозныхъ глазахъ, а потомъ и спросилъ словами:

— Вы прочли письмо Хомякова? Вамъ понравилось?

— О, да, очень.

Онъ опять посмотрѣлъ на меня серіозно и испытующе, вѣрно ожидая дальнѣйшаго разсказа о моемъ впечатлѣніи, но у меня тогда еще не было „своихъ словъ" для него.

— Очень, ужасно понравилось! — добавила я и, въ смущеніи, замолкла.

— Ну-съ, я очень радъ, очень радъ! — весело сказалъ онъ.— А вы то-то и то-то читали? Нравится? Прекрасно-съ!... Вы прочтите еще,—онъ назвалъ нѣсколько статей изъ того же тома. — Напр. письмо изъ Англіи. Хомяковъ тоже любилъ англичанъ, какъ и вы, а какъ-нибудь вечеркомъ мы поговоримъ съ вами, а пока...—И мы стали заниматься музыкой.

Съ этого дня положено было начало нашего духовнаго сближенія.

Послѣ чтенія статей А. С. Хомякова, онъ просилъ мою мать и настоялъ, чтобы она купила и позволила мнѣ прочесть Lélia и Флоріани, а когда книги эти купили, сталъ слѣдить за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое романы эти производятъ на меня.

А на меня они производили крайне тягостное впечатлѣніе... Особенно Флоріани и особенно въ сценѣ съ нѣсколькими отцами,

приходящими къ своимъ дѣтямъ отъ одной матери Люкреціи!.. Я подставила себя на мѣсто одного изъ этихъ дѣтей и содрогнулась: Развѣ это мать?.. Что жъ, что она спала въ одной комнатѣ съ дѣтьми, о чемъ такъ много говоритъ Ж. Сандъ? Эта сцена на лодкѣ, когда ее причесываютъ одинъ неудачно, какъ мадонну, другой, прежній „знакомый“ удачно, какъ вакханку... Я опять подставила своихъ дорогихъ и почувствовала такой душевный гнетъ, что пошла къ моей матери и съ нею, въ ея свѣтлыхъ разговорахъ и критикѣ и романовъ, и моихъ переживаній только и нашла успокоеніе и заживленіе моихъ ранъ.

....Черезъ нѣкоторое время снова вечеромъ Балакиревъ принесъ мнѣ Хомякова, и теперь уже второй томъ съ сочиненіями по богословію.

— Вотъ, что я предложу вамъ теперь прочесть, — откашливаясь, обратился онъ ко мнѣ, передавая книгу съ рѣзкимъ жестомъ. — Вы, православная, навѣрно мало знаете или ничего не знаете-съ о разницѣ между Восточной Церковью и Католической или лютеранствомъ и т. д. Такъ вѣдь?

— Нѣтъ, я знаю,—робко рѣшилась я сказать.

Онъ остался недоволенъ и нетерпѣливо продолжалъ:

— Ну-съ! Что жъ вы знаете-съ? Что у католиковъ есть „паапа“, а у насъ нѣтъ?

Онъ обвелъ глазами всѣхъ сидящихъ за столомъ.

Моя мать и Надежда Дмитріевна обѣ улыбнулись.

— Нѣтъ, не только это, но и разницу вообще,—повторила я, подбодренная ихъ присутствіемъ и сочувствіемъ.

— Откуда же вы знаете?

— Мнѣ мой законоучитель объяснилъ.

— Ну-съ,—такъ же нетерпѣливо, какъ прежде, произнесъ Милій Алексѣевичъ.—Скажите, что вы знаете?... Въ чемъ напр. разница православія съ католичествомъ? Ну-съ?...

Я сказала.

— А съ лютеранствомъ?

Я опять отвѣтила.

— Гмъ!..—точно смягчившись, произнесъ Балакиревъ.—Кто у васъ былъ законоучителемъ?.. А знаете, вы счастливо напали, — медленно произнося слова, обратился онъ къ моей матери. — Это рѣдко выдается такой священникъ. Онъ изъ Николаевскаго Института, вы говорите?

— Да,—раскраснѣвшаяся и довольная, гордая моимъ батюшкой-подтвердила я и стала слушать, какъ Балакиревъ началъ говорить со старшими. А онъ, послѣ серіозныхъ замѣчаній, сталъ пересы,

пать свой разговоръ сарказмами на счетъ невѣжества нашего общества вообще въ религіозныхъ вопросахъ и анекдотами о свѣтскихъ женщинахъ въ частности.

— Что наши великосвѣтскія дамы... Развѣ онѣ знаютъ ученіе нашей церкви? Что онѣ понимаютъ? А переходятъ въ католичество по убѣжденію. Выйдетъ къ нимъ красивый доминиканецъ въ бѣлой одеждѣ, подпоясанной веревкой. Онѣ: ахъ! charmant! Взмахнетъ рукой въ широкомъ рукавѣ, скажетъ по-французски, на прекрасномъ французскомъ языкѣ, рѣчь, и опять: ахъ, ахъ! charmant! Sublime! Вотъ ужъ она и католичка! По такому-то убѣжденію, перешла (онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ убѣжденіе) одна княгиня Голицына. У нея были маленькіе сыновья, и она говорила, что въ Римѣ они научились служить Богу, а въ Россіи они служить Богу не могли! Она ихъ сдѣлала enfants du coeur. Ей, по-просту, нравилось нарядить ихъ въ красныя сутаны и бѣлые кружевные передничкн-съ. Это ужъ окончательно было: charmant. Да-съ... А одновременно, эта самая княгиня спросила у меня: скажите, откуда берутъ у насъ Причастіе? Мvро я знаю. Я видѣла, какъ его варятъ въ Москвѣ, но гдѣ дѣлаютъ Причастіе?...

— Ну, такъ видите, по какому убѣжденію она перешла въ католичество?!. добавилъ онъ, переводя на меня глаза.

— А книгу я все-таки вамъ оставлю,—когда мы встали изъ-за чайнаго стола, обратился онъ ко мнѣ. Вы въ ней найдете (онъ смягчилъ голосъ) много интереснаго.

И онъ, дѣйствительно, не только оставилъ мнѣ книгу, объяснивъ, что одно время она была даже запрещена въ Россіи, но черезъ нѣкоторое время, и подарилъ мнѣ ее, видя, какъ я увлеклась ею.

Это былъ его первый мнѣ подарокъ, и книга эта стала моей настольной.

Впослѣдствіи, т. е. по прочтеніи мною ея, онъ сдѣлалъ надо мною вторую, еще болѣе заставившую меня страдать, вивисекцію, т. е. тотъ же опытъ, какъ послѣ первой данной мнѣ имъ книги, вѣрнѣе тома Хомякова.

Тогда онъ далъ мнѣ прочесть романы Ж. Сандъ. Теперь онъ пожелалъ, чтобы я прочла Ренана и Штрауса.

— Вамъ нечего ихъ бояться,—говорилъ онъ. — Если они васъ теперь могутъ поколебать—какая же вы вѣрующая? Какъ же усвоили прочитанное?... А вамъ надо знать, что говорятъ противники. Надо быть во всеоружіи.

И я стала читать все, что онъ желалъ, иногда неизмѣримо страдая.

Въ это же время онъ началъ говорить и писать мнѣ:

„Я забылъ вамъ сказать: пойдите къ обѣднѣ или ко всенощной тогда-то. Это канунъ или день большого праздника, или такого-то святого".

Иногда онъ писалъ: „когда я назначилъ урокъ въ понедѣльникъ, то совсѣмъ забылъ, что въ этотъ день большой праздникъ (22-го октября), а потому отложимте нашъ урокъ до среды, а сегодня лучше отправляйтесь къ обѣднѣ и помолитесь о здоровьи Вашей мамы".—И въ P. S.: „Боткинъ пріѣхалъ. Если бы Ваша Мама согласилась у него разъ консультироваться, могла бы быть для нея огромная польза".

Или:

„Такъ какъ во вторникъ праздникъ Богоявленія, и Вы вѣрно пожелаете быть у обѣдни, то на урокъ я приду къ Вамъ завтра", и т. д.

И я ѣхала въ домовую, посѣщаемую нами церковь, или шла въ ближайшую приходскую, иногда, втайнѣ надѣясь встрѣтить, т. е. увидѣть его тамъ, но за всѣ 6 лѣтъ, т. е. съ 76 по 82 годъ я всего раза два и то издали, на одинъ мигъ, въ морѣ головъ, вѣрнѣе лицъ (я стояла на клиросѣ, онъ въ толпѣ) увидѣла его лицо.

Онъ стоялъ серьезный, съ поднятыми кверху глазами, похожій на апостола Марка, какъ онъ написанъ на Царскихъ вратахъ въ Конногвардейской Церкви Благовѣщенія, въ которую въ дѣтствѣ мы ходили....

Когда я обернулась вторично,—его уже не было.

.... Послѣ Хомякова онъ принесъ мнѣ сочиненія Кирѣевскихъ, которыя мнѣ не понравились, а затѣмъ далъ читать Самарина: „Окраины", „Іезуиты въ Литвѣ", и Гильфердинга: „І. Гусъ". Всѣмъ этимъ я серьезно увлекалась. А онъ объяснялъ непонятное.

Память у него была колоссальная (какъ музыкальная, такъ и обыкновенная), и онъ указывалъ то то, то другое сочиненіе, съ которымъ можно было сравнить прочитанное, при чемъ нѣкоторымъ авторамъ, напр. Бильбасову, тоже разрабатывавшему вопросъ о Гусѣ, сильно доставалось за „либеральную, но безсодержательную трескотню".

Въ то же приблизительно время стала выходить „Русь" И. С. Аксакова, и я, прочтя нѣсколько №№, принесенныхъ мнѣ Балакиревымъ, выписала ее себѣ на свои деньги.

„Это его порадовало",—какъ онъ выражался.

.... Занятія музыкой и уроками въ широкомъ смыслѣ тѣмъ временемъ шли у меня своимъ чередомъ.

По окончаніи наукъ и экзаменовъ, въ мартѣ 76 года, я стала посѣщать состязательные вечера въ консерваторіи, помѣщавшейся

тогда еще въ Театральномъ переулкѣ (у Александринскаго театра) и симфоническіе концерты, а потомъ и концерты знаменитостей: братьевъ Рубинштейновъ, Есиповой и др.

Тогда, въ Петербургѣ, не было такого множества концертовъ, какъ теперь, и посѣщать лучшіе концерты потому не было затруднительно. Не было особенно затруднительно и готовиться къ нимъ, какъ, по совѣту Милія Алексѣевича, я готовилась, т. е. проглядывала въ 4 руки оркестровыя вещи (симфоніи) и въ двѣ руки фортепіанныя, проглядывала и съ нимъ, а иногда и съ моимъ отцомъ.

Тогда у насъ было уже два дивныхъ концертныхъ рояля Стенвей и Блютнера, и на нихъ, съ годами все чаще и чаще, я стала играть, испытывая огромное наслажденіе, разные концерты Мендельсона, Шумана, и пьесы Листа, Сенъ-Санса и др. написанныя для двухъ фортепіанъ, при чемъ Балакиревъ игралъ вторую или оркестровую партіи.

Отецъ мой тоже любилъ эту игру, т. е. играть на двухъ фортепіанахъ, и мы играли съ нимъ разныя „Bilder aus Osten", и памятную мнѣ „Патетическую Сонату" и др. вещи; но тотъ, кто знаетъ, какъ аккомпанировалъ Милій Алексѣевичъ, сколько вносилъ онъ, т. е. прямо таки прибавлялъ отъ себя, увеличивая силу красочной оркестровки, недостаточно колоритной въ фортепіанномъ переложеніи,—тотъ знаетъ, что за музыкальное наслажденіе испытывалъ играющій съ нимъ.

Съ ноября же 1876 г., т. е. на слѣдующій сезонъ, послѣ окончанія мною курса наукъ,—онъ сталъ лично посвящать меня, т. е. готовить самъ къ концертамъ Безплатной Музыкальной Школы. Это были труднѣйшіе и величественнѣйшіе концерты, но слышать разъ вещи, которыя тамъ игрались, не было никакого смысла. Вещи эти были слишкомъ серьезны, чтобы оцѣнить, сколько-нибудь понять ихъ, въ особенности такой юной дѣвочкѣ (16 лѣтней дѣвушкѣ), какъ я.

И онъ сталъ самъ готовить меня къ концертамъ, т. е. приходилъ мнѣ играть исполняемыя тамъ вещи. Тогда я понятія не имѣла, что такое Безплатная Музыкальная Школа; не знала, какъ близка и дорога она была ему; не знала, что онъ 26 лѣтнимъ юношей создалъ ее вмѣстѣ со старымъ Ламакинымъ, управляющимъ хоромъ графа Шереметева. Не знала, сколько душевныхъ силъ и энергіи взяла она у него. Сколько огорченій доставила... Не знала, что въ ней даромъ давалось полное музыкальное образованіе всѣмъ приходящимъ... ...И просто, какъ полу-ребенокъ, не разспрашивая ни о чемъ, восторженно слушала его игру.

А онъ игралъ мнѣ и Манфреда Шумана, и Леліо Берліоза, останавливаясь на красотѣ и глубинѣ Реквіема (въ Манфредѣ), указывая на нихъ, и нѣсколько разъ, играя по моему желанію, Фонтанъ съ феей и пр. и пр.

Особенно памятны мнѣ отрывки изъ ораторіи „Christus" Листа. Впечатлѣніе отъ его передачи: бури на Генисаретскомъ озерѣ и наступившей послѣ словъ: Modicei fidae, quare dubitasti... тишинѣ, а затѣмъ „Входа въ Іерусалимъ",—когда народъ сначала въ одиночку, потомъ все больше, группами, наконецъ, толпами, бѣжитъ навстрѣчу Спасителю, этотъ топотъ ногъ людскихъ по древнимъ каменнымъ улицамъ... Эти прерывистые возгласы, сливающіеся потомъ: въ „благословенъ грядый"!..—все это было сыграно такъ удивительно, такъ геніально, что холодокъ не разъ пробѣгалъ у меня по спинѣ, а послѣ, когда я услышала на концертѣ, въ оркестровомъ исполненіи, эти же отрывки, я ужь осталась ими, ихъ исполненіемъ неудовлетворенной, недовольной.

Это было не то!... Не слышалось топота, не чувствовалось тишины, не было иллюзіи ея!...

Но для него у меня не было словъ!

Зато, когда онъ уходилъ отъ меня, я подходила къ окну и смотрѣла, ждала, чтобы онъ появился на лѣвой сторонѣ Владимірской площади (мы жили въ домѣ Ремесленной управы, выходящемъ на площадь, Б. Московскую и Загородный пр.) у булочной Вебера, а когда онъ появлялся въ своемъ старенькомъ поношенномъ пальто, въ круглой суконной шапочкѣ и въ ярко-малиновыхъ вязаныхъ перчаткахъ, въ которыхъ онъ изрѣдка шевелилъ пальцами опущенныхъ и широко отставленныхъ отъ туловища рукъ,—я долго съ жалостью, нѣжностью, умиленіемъ и благоговѣніемъ смотрѣла ему вслѣдъ съ мыслями, которыя теперь могу перевести словами:

Благословенъ, благословенъ стократъ
Твой въ свѣтлый міръ насъ уносящій геній!

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо ген.-адъют. Ливена Палицыну о не доставленіи калмыцкихъ дѣтей.

М. О. А. Г. Ш. оп. 153 6, кн. 64 „Сообщенія генер.-адъют. Ливена", 1806 г., ч. 2. 1,20 іюня, № 1845. Палицыну.

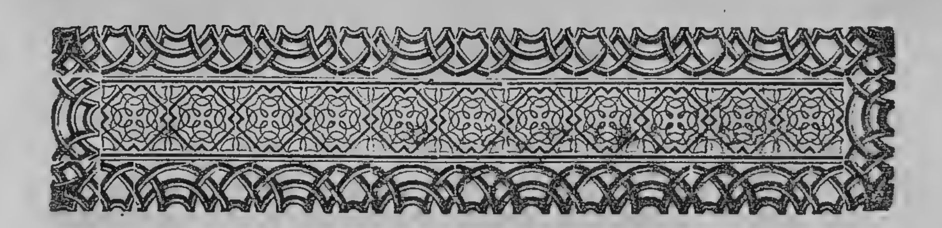
Милостивый Государь мой Николай Лукичъ!

Въ отвѣтъ на почтенное письмо Вашего Превосходительства отъ 12 минувшаго Маія, коимъ поручаете мнѣ исходатайствовать Вамъ перемѣщеніе изъ Тобольска въ столицу, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что если я въ семъ случаѣ что въ пользу Вашу могу сдѣлать, то конечно съ удовольствіемъ учиню.

Благодарю Ваше Превосходительство за предложеніе Ваше доставить ко мнѣ калмыцкихъ дѣтей, но какъ сіе противно правиламъ моимъ, я покорнѣйше Васъ прошу ихъ не присылать.

Сообщ. М. П. Федоровъ.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава III.

Россія и Англія.

Приближались общіе выборы 1880 года, когда политика Биконсфильда должна была предстать на судъ націи. Гладстонъ открылъ кампанію въ Мидлотіанѣ. Большинство его обвиненій направлено было на анти-русскую политику министерства.—Очевидно было, что выборы будутъ зависѣть отъ рѣшенія восточнаго и Афганскаго вопросовъ. Гладстонъ безпощадно обвинялъ въ джингоизмѣ политику Биконсфильда. Многіе находили, что лучшимъ средствомъ для сближенія Россіи и Англіи было бы перепечатаніе, до выборовъ, собранія статей и писемъ г-жи Новиковой, написанныхъ съ осени 1877 года. Нѣкоторыя изъ нихъ появились въ книгѣ „Is Russia wrong" „Виновна ли Россія",—другія въ „Friends or Foes", „Друзья и Враги",—и на страницахъ „Сѣвернаго Эхо". Такой сборникъ статей былъ весьма цѣненъ для либераловъ, какъ документъ кампаніи. И онъ появился въ формѣ цѣлой книги подъ заглавіемъ: „Россія и Англія",какъ серьезное и краснорѣчивое обращеніе ко всему англійскому народу въ защиту соглашенія съ Россіей.

Въ 1880 году мы стояли на распутьи. Если бы нація простила преступное нападеніе на Афганистанъ и анти-русскую политику лорда Биконсфильда, то единственный шансъ Гладстона былъ бы потерянъ.

Никто изъ русскихъ, кромѣ г-жи Новиковой, не былъ въ состояніи и не желалъ обратиться съ воззваніемъ къ англійскому на-

роду. Ея заключительныя слова въ „Россія и Англія“ выражаютъ настроеніе, съ которымъ она подошла къ дѣлу.. Вотъ они!

„Исходъ теперь въ рукахъ народовъ, а не кабинета.

„Искреннее соглашеніе между Англіей и Россіей необходимо для просвѣщенія востока и есть единственное основаніе, на которомъ могутъ развиться великія задачи Европы и Азіи.

„Почему бы намъ не быть друзьями?

„Пылкая вражда, такъ усердно поддерживаемая заинтересованными сторонами—упрекъ разуму и сознанію долга. Отъ нея страдаемъ не мы одни, а всѣ, соприкасающіеся съ нами народы.

„Русскій народъ былъ противъ воли вовлеченъ въ антагонизмъ съ Англіей. Съ радостью мы привѣтствовали бы выходъ изъ этого нежелательнаго положенія и сердечно приняли бы Ваше содѣйствіе въ дѣлѣ развитія свободы Христіанскаго востока, провозглашенной лишь теперь политикой либеральной Англіи, но бывшей всегда исторической задачей моей родины“.

Содержаніе книги было нѣсколько смѣшанное. Это дало поводъ Кинглеку пошутить надъ нею—„Ваша Россія и Англія“ то же, что Библія. Никто не знаетъ, почему эти главы соединены, и все же люди должны имъ поклоняться“.

Не трудно было однако догадаться, почему онѣ были соединены.

Разнородныя по формѣ, по содержанію и по духу, всѣ онѣ клонились къ одной цѣли: удалить недоразумѣніе между Россіей и Англіей, объяснить англійской публикѣ русскіе идеалы и побороть злыя измышленія руссофобовъ.

Единственное возраженіе противъ способа, которымъ г-жа Новикова исполняла свою задачу, состояло въ томъ, что ее находили слишкомъ безпощадной къ политикѣ Биконсфильда. „Было бы лучше если бы нападенія были мягче и сдержаннѣе, говорили даже ея друзья. Форстеръ, въ то время еще молодой человѣкъ, много обѣщавшій и увѣренный, что въ концѣ 1874 г. будетъ война между Англіей и Россіей, возставалъ противъ метода г-жи Новиковой. Съ другой стороны Гладстонъ всячески поощрялъ ее продолжать и не щадить. Отвѣчая своимъ оппонентамъ г-жа Новикова писала:

„Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что моей откровенностью я приношу больше вреда, чѣмъ пользы дѣлу, близкому моему сердцу. Но иначе я писать не умѣю.

„Понять, почему мы другъ другомъ недовольны, было бы первымъ шагомъ къ устраненію недоразумѣній. Будь я слишкомъ мягка въ словахъ и уклонись я отъ откровеннаго изложенія фактовъ, я не была бы вѣрной и правдивой представительницей русскихъ взглядовъ“.

Карлейль настаивалъ на изданіи ея писемъ. Она спросила его въ отвѣтъ, не напишете ли Вы предисловіе? „Онъ съ грустью посмотрѣлъ на свои дрожащія руки и сказалъ: „Нѣтъ, я не могу; но вотъ Фрудъ, онъ человѣкъ молодой—онъ напишетъ. (Молодому—было тогда за 65 лѣтъ).

Итакъ, Фрудъ написалъ блестящее предисловіе. „Россія и Англія“ появились какъ бы подъ указаніемъ самого Карлейля.

Позднѣе Фрудъ писалъ ей по этому поводу:

20 января 1880.

„Я получилъ всѣ листы и завтра займусь предисловіемъ. Удивленъ Вашей превосходной работой. Какъ Вы нашли время читать столько книгъ и прочитать ихъ такъ хорошо и обдуманно.

„Такъ какъ вы упоминаете о вашихъ братьяхъ, то я имѣю право говорить и о нихъ, какъ о Васъ самихъ.

„Благодарю за Nouvelle Revue. Вы такъ же превосходно пишете по-французски, какъ и по-англійски: я зналъ единственнаго иностранца, который такъ же, какъ и Вы, могъ говорить на нашемъ языкѣ, онъ тоже былъ русскій и большой мой другъ; онъ первый познакомилъ меня съ Россіей и заставилъ ее цѣнить. Онъ позднѣе сошелъ съ ума и былъ увезенъ въ Одессу. За нѣсколько часовъ до смерти, сознаніе къ нему возвратилось. Онъ спрашивалъ о своемъ другѣ-англичанинѣ. Въ отвѣтъ на его вопросъ раздавался громъ англійскихъ пушекъ, бомбардировавшихъ внѣшнюю гавань Это было въ 1854 году“.

На другой день Фрудъ почему-то писалъ, что ей „лучше было бы поручить Кинглеку написать предисловіе“.

„Ваша книга очень выиграетъ, если самъ Кинглекъ напишетъ предисловіе. Во-первыхъ, онъ знаетъ восточный вопросъ гораздо лучше меня, а главное имя его болѣе извѣстно. Въ вашихъ интересахъ поручить это ему. Я пришлю или привезу Вамъ самъ мою скудную лепту послѣ завтра. Пусть онъ ее просмотритъ, измѣнитъ, исправитъ, или напишетъ лучшую. Мое самолюбіе нисколько не будетъ оскорблено, я желаю только того, что можетъ быть лучше для Васъ.

Фрудъ“.

Г-жа Новикова слышать не хотѣла объ этомъ предложеніи, и предисловіе, написанное г. Фрудомъ, заслужило большое одобреніе ея друзей.

Его предисловіе,—хорошо обдуманный призывъ къ дружбѣ съ Россіей, соединенный съ горячей оцѣнкой дѣятельности г-жи Новиковой.

„Подъ вліяніемъ страстнаго патріотизма, побудившаго брата идти на смерть, сестра трудилась годъ за годомъ въ Англіи, думая, что какъ бы мы ни были введены въ заблужденіе, мы, народъ великодушный, и если бы мы дѣйствительно знали, въ чемъ состоитъ цѣль Россіи, мы прекратили бы вражду и подозрѣнія. Принятая г-жею Новиковой задача была такъ тяжела, что нуженъ былъ весь ея энтузіазмъ къ дѣлу, чтобъ ее продолжать. Въ теперешнемъ настроеніи, когда мы думаемъ, что міромъ управляютъ корыстныя, себялюбивыя цѣли, мы забываемъ времена нашей собственной исторіи, а эти времена достойны лучшихъ воспоминаній, когда корысть была ничто для насъ, а дѣло, которое мы почитали святымъ, было все.

Сказавъ, что семья Кирѣевыхъ—исключеніе, составляющее надежду человѣчества, воспоминанія о которыхъ освящены исторіей, Фрудъ такъ объясняетъ, почему написана книга:

„Цѣль книги представить намъ наши дѣйствія въ теченіе прошедшихъ четырехъ лѣтъ такими, какими они кажутся въ глазахъ Россіи.

Если Россія ошибается въ сужденіи объ Англіи, почему не можемъ мы ошибаться въ нашихъ сужденіяхъ о Россіи? Что касается изложенія, то ни одинъ иностранецъ, пытавшійся писать на англійскомъ языкѣ, насколько мнѣ извѣстно, не владѣлъ имъ въ такомъ совершенствѣ. „О. К.“ играетъ самыми сложными нашими выраженіями, высказываетъ свой сарказмъ съ такимъ умѣніемъ, котораго трудно достичь самой даровитой англійской писательницѣ. Она, кажется, прочитала каждую напечатанную книгу и каждую замѣчательную произнесенную рѣчь о Восточномъ вопросѣ, за послѣднее полстолѣтіе. Далекая отъ недоброжелательства къ намъ, она ничего такъ не желаетъ, какъ сердечнаго союза между своей родиной и нами. Она справедливо протестуетъ противъ пылкаго довѣрія нашего ко всякой клеветѣ о Россіи и противъ ухудшенія отношеній, которыя должны бы быть дружественны и сердечны“.

Если Фрудъ былъ радъ оказать содѣйствіе, хотя въ ничтожной степени, смѣлой женщинѣ, защищающей славянъ передъ англійской публикой, то у нея было много другихъ друзей, не менѣе готовыхъ рекомендовать публикѣ ея книгу. Гладстонъ въ „Девятнадцатомъ вѣкѣ“, Лавелей въ Fortnightly Review и въ Revue des deux mondes, Кинглекъ въ Quarterly Renien, Gerard, знаменитый („Cariolis“) французскій дипломатъ въ Nouvelle Revue указывалъ на особое значеніе книги.

Карлейль написалъ бы, если бы могъ, но онъ мнѣ жаловался, что диктовать онъ не можетъ, и какъ только онъ возьметъ перо и напишетъ нѣсколько словъ, пальцы ослабѣваютъ, и перо цара-

паетъ по бумагѣ. Гладстонъ не только писалъ о книгѣ, онъ восторженно упомянулъ о ней въ своей рѣчи Мидлотіанѣ, при 10-ти тысячной толпѣ.

„Меня поражаютъ двѣ характерныя черты въ Вашемъ сочиненіи: Вашъ ясный, сильный, красивый стиль и Ваше искусство въ представленіи фактовъ и доводовъ. Я увѣренъ, что книга будетъ очень полезна",—писалъ историкъ Фрудъ.

Но и враждебныхъ критиковъ было не мало: „Pale Mall gazette" ограничилась такимъ ироническимъ замѣчаніемъ:

„Г-нъ Гладстонъ восхваляетъ искусство г-жи Новиковой управлять политической борьбой; но было бы правильнѣе воздать похвалы ея умѣнію управлять политическими людьми".

Послѣ рѣчей въ Мидлотіанѣ, наканунѣ выборовъ не было ни одной книги, которая бы такъ прямо дѣйствовала на общественное мнѣніе, какъ „Россія и Англія".

Когда Фрудъ прочиталъ главу „О двухъ Россіяхъ"—онъ написалъ:

20 февраля 1880.

„Я давно сказалъ, что было бы великое дѣло разрушить Лондонъ, Парижъ, Берлинъ и Нью-Іоркъ для общечеловѣчнаго блага и для исключительнаго блага четырехъ заинтересованныхъ странъ. Не прибавить ли мнѣ къ списку С.-Петербургъ? Я на-дняхъ перестраивалъ его съ Петромъ Великимъ, въ моей географической исторіи".

Въ началѣ новаго года г-жа Новикова послала Гладстону нѣсколько интересныхъ писемъ отъ д-ра Павла Турнера, славянина изъ Богеміи и отъ епископа Штросмейера. Гладстонъ отвѣчалъ:

Харденъ. 6 января 1880.

Дорогая г-жа Новикова. Въ моемъ обращеніи съ Вами мое единственное оправданіе въ томъ, что съ другими корреспондентами я обращаюсь еще гораздо хуже. Переписка моя по истинѣ выше человѣческихъ силъ, или по крайней мѣрѣ тѣхъ силъ, какими я обладаю.

„Возвращаю Вамъ Турнера и Штросмейера: у нихъ благородныя чувства по отношенію къ Россіи и Англіи.

„Въ Азіи и въ Средней Азіи, само собой разумѣется, мы должны бы быть въ полномъ согласіи. Я не увѣренъ даже, есть ли средина

между этимъ и полнымъ несогласіемъ. Я только боюсь, что, отвѣчая мнѣ, Вы будете слишкомъ учтивы. Каждое Ваше любезное слово будетъ истолковано еще существующимъ джингоизмомъ какъ доказательство сатанинскаго между нами договора. Поэтому я былъ бы радъ, если бы Вы были сухи, рѣзки, даже грубы, если Вы на это способны.

„Пріѣздъ мой въ городъ еще не рѣшенъ. Если поѣду—надѣюсь быть у Васъ. Я радъ, что Вы пишете, т. к. я думаю, что откровенное и смѣлое выраженіе русскихъ мнѣній здѣсь полезно.

Вѣрьте искренней моей преданности.

Гладстонъ".

Когда „Россія и Англія" печаталась, г-жа Новикова извѣщала объ этомъ Гладсона и предлагала ему экземпляръ книги. Онъ отвѣчалъ:

24 января 1880.

„Ваша любезная записка застала меня спѣшно проѣзжающимъ черезъ Лондонъ, на пути между смертнымъ одромъ сестры и ея погребеніемъ. Выѣзжаю между девятью и десятью. Книгу Вашу приму съ благодарностью. Знаю по опыту, что она будетъ откровенна, изящна и талантлива, значитъ, хороша.

Вашъ преданный Гладстонъ".

Когда Гладстонъ получилъ книгу, онъ писалъ:

Февраль 1880.

„Очень благодарю. Въ концѣ мѣсяца Вы услышите мое мнѣніе относительно книги. Написать съ большимъ талантомъ и легкостью Вы бы не могли, даже если бъ занимались этимъ съ малолѣтства.

Послѣ, касаясь ея объясненія ошибки въ пониманіи фразы „Nous sommes dedans, чуть было не произведшей кризиса въ 1878 г., онъ продолжаетъ:

„Какъ русская, Вы съ увѣренностью можете быть правы въ томъ, что касается знанія языка и Littré близко подходитъ къ Вамъ, но не совсѣмъ. Онъ говоритъ: Figurativement: se dit familièrement donner dedans, se laiser soltement tromper. Familièrement mettre quelqu' un dedans l'impressioner et le tromper. Вы разсмѣетесь надъ тѣмъ, что я позирую на француза. Bon voyage

Преданный Вамъ Гладстонъ".

Я долженъ поздравить Васъ съ способностью писать. Но жалуюсь на излишнюю вѣжливость.

16 февраля 1880.

„Тысячу разъ благодарю за книгу. Она ясна, сильна, откровенна. Слишкомъ учтива ко мнѣ, насколько я прочиталъ.

Продолжаю читать и обдумываю.

Гладстонъ“.

Дней черезъ шесть она получила это письмо.

Ховарденъ 22 февраля 1880.

„Дорогая г-жа Новикова. Я такъ былъ занятъ Вами, среди приготовленій къ пріѣзду въ Лондонъ, что у меня достаетъ времени только сказать Вамъ, что статья моя о Вашей книгѣ появится въ Nineteenth Century, за мартъ. Я думаю, что полезно для публики привлечь ея вниманіе къ книгѣ, и нахожу, что рано Вы дѣлаете заключеніе, что ее не замѣтятъ. Для этого еще нѣтъ времени. Тѣмъ не менѣе я не сомнѣваюсь, что джингоистскія газеты отнесутся къ ней съ пренебреженіемъ.

„Возвращаюсь однако къ моей цѣли. Меня огорчаютъ Ваши лестные отзывы обо мнѣ, и я надѣюсь, что во второмъ изданіи Вы помѣстите какую-нибудь колкость.

„Трудно выразить мое огорченіе и ужасъ, съ которымъ я смотрю на преступленіе, совершенное въ Петербургѣ [1]), и глупость этого кроваваго поступка, т. к., повидимому, столовая почти не повреждена.

„Рекомендую Вамъ маленькое сочиненіе Il. Nihilissimo, появившееся въ Туринѣ въ 1879 г. Если возможно, пришлю Вамъ 16 Rue Dupont въ среду почтой изъ Лондона оттискъ моей статьи. Надѣюсь быть завтра въ Лондонѣ.

„Благодарю за Ваше предложеніе и благодарю Васъ за то, что своей талантливой работой, я думаю, Вы оказали услугу миру и справедливости.

„Съ лучшими желаніями Вамъ счастливаго пути остаюсь преданный Вамъ

Гладстонъ“.

Такъ какъ г-жа Новикова осталась еще нѣсколько дней въ Лондонѣ, онъ прислалъ ей оттискъ своей статьи съ этимъ письмомъ:

24 февраля 1880 года.

„Дорогая г-жа Новикова. Спѣшу послать мою корректуру, чтобъ Вы могли протестовать. Помните, что въ случаѣ какой-нибудь

[1]) Взрывъ въ столовой Зимняго дворца 17 февраля 1880.

ошибки, долженъ сказать, что черновикъ пошелъ въ печать, не бывъ прочитанъ... И помните: Вы слишкомъ были учтивы къ преданному Вамъ Гладстону".

Статья Гладстона, въ Мартовскомъ № „Nineteenth Century" 880 г. была самая замѣчательная дань, воздаваемая государственнымъ дѣятелемъ иностранному критику англійской политики.

Гладтсонъ началъ такъ:

„Эта книга написана женщиной съ очевиднымъ большимъ талантомъ къ политикѣ, или къ умѣнію направлять политическую борьбу. Это трудъ адвоката-партизана, и этотъ фактъ дѣлаетъ его очень цѣннымъ для каждаго здравомыслящаго англичанина. Отношенія О. К. къ своему правительству насъ не касаются, и мы этого не знаемъ. Она свободно обсуждаетъ его поступки и партизанство и защита ея болѣе служитъ правительству, чѣмъ странѣ. Она имѣетъ право на особенное уваженіе англійскихъ торіевъ своимъ горячимъ патріотизмомъ. Имя О. К. хорошо извѣстно; но прозрачная дымка, которой она находитъ нужнымъ не скрывать, а защитить свою личность, не должна быть удаляема неосторожной рукой критика. Нѣкоторое время, во время нашихъ самыхъ страстныхъ споровъ о восточномъ вопросѣ, она смѣло объясняла положеніе своей страны на страницахъ провинціальной газеты „Сѣверное Эхо"... Газета эта издается въ Дарлингтонѣ, и въ ней О. К. сражалась за подвластныя Оттоманской имперіи племена, послѣдніе четыре года съ острой непоколебимой смѣлостью британца. Ссора ея съ нами—любовная ссора, ведя ее, она отличается чистосердечіемъ. Будь она осторожна, дипломатична, книга ея была бы стрѣлой безъ острія. Главный интересъ и значеніе ея книги въ строгости ея критическихъ замѣчаній. Прочесть эту книги англичанамъ полезно и даже необходимо во многихъ отношеніяхъ.

Помимо политической и нравственной цѣли, книга имѣетъ литературное значеніе, читается легко, стиль свѣжій и ясный. Англійскій языкъ О. К. лучше большинства отечественныхъ писателей, и рѣдки случаи, когда чувствуется иностранная рука: она имѣетъ то преимущество, что свидѣтельствуетъ о самостоятельной работѣ, безъ указки англійскаго учителя. Есть еще одно трогательное право этой книги на вниманіе человѣка съ чувствомъ: она посвящена памяти брата героя Николая Кирѣева, павшаго со славой въ началѣ Сербской войны 1876 г., чья кровь, подѣйствовавъ электрическимъ токомъ на умы русскихъ, дала начало славянской свободѣ подобно тому, какъ кровь мучиниковъ дала, какъ говорятъ, начало церкви.

„О. К. напоминаетъ намъ, что кнутъ запрещенъ въ Россіи съ 1863 г., но литературнымъ кнутомъ она сама съ успѣхомъ хлещетъ по плечамъ своихъ противниковъ въ борьбѣ. Она, не стѣсняясь, ясно указываетъ на гнѣвъ своихъ соотечественниковъ. Она думаетъ, что они желаютъ нашей дружбы, но послѣ частыхъ отказовъ, предложеніе вновь должно быть сдѣлано нами, и конечно она не желаетъ купить наше доброжелательство недостойнымъ или слишкомъ смиреннымъ молчаніемъ".

Гладстонъ продолжаетъ описывать содержаніе книги, которой онъ удивляется. Онъ положительно подписывается подъ всѣми заключеніями г-жи Новиковой, за исключеніемъ того, что касается конституціонализма для Россіи. Во всѣхъ другихъ тезисахъ онъ съ нею вполнѣ соглашался. Онъ объявлялъ:

Неопровержимый пунктъ, установленный О. К., была серія уступокъ, которыми русское правительство желало избѣжать войны съ Турціей, поддержать Европейскій концертъ, примѣняясь ко взглядамъ Англіи...

Въ отвѣтъ появилось полное бездѣйствіе Европы послѣ болгарской рѣзни или, хуже того, возобновленіе ничтожныхъ дипломатическихъ воззваній, на которыя отвѣчалось ложью.

Этого Россія долѣе терпѣть не могла, она вынуждена была взяться за мечъ одна, безъ малѣйшей поддержки. Русскій народъ увлекся несдержаннымъ энтузіазмомъ: русскому правительству, хотя неохотно, пришлось дать согласіе на неизбѣжную войну за угнетенныхъ братьевъ.

Англійскіе торіи старались закрыть глаза на фактъ, что Россія этой войной пріобрѣтала себѣ большую славу. Благодаря исключительно жертвамъ Россіи, десять милліоновъ людей, способные къ цивилизованной жизни, сдѣлали большой шагъ впередъ: одни къ полному освобожденію, другіе къ выходу изъ унизительнаго порабощенія; остальные, по обнародованному Европейскому соглашенію, пріобрѣли право надѣяться на такой же шагъ въ близкомъ будущемъ.

Никогда политика иностраннаго государства не получала болѣе восторженной похвалы, какъ выступленіе Гладстона на блестящую убѣдительную защиту г-жи Новиковой.

Гладстонъ не ограничился своимъ согласіемъ съ позднѣйшей русской политикой; по вызову г-жи Новиковой, онъ долженъ былъ высказать ей вполнѣ свое довѣріе на счетъ будущности восточнаго вопроса. Онъ былъ вполнѣ согласенъ съ г-жею Новиковой! Вотъ его слова:

„Совершенно правильно объявленіе общаго принципа, по которому Балканскій полуостровъ вмѣсто того, чтобы быть несчастнымъ

и опаснымъ, какъ было до нынѣшняго времени, сдѣлался бы счастливымъ внутренно и безвреденъ для другихъ.

„Оставался Константинополь, вопросъ первостепенной важности для всѣхъ прибрежныхъ странъ Чернаго моря и для Австро-Венгріи черезъ Дунай не въ смыслѣ безопасности, а какъ путь для ея міровой торговли. Объ этомъ послѣднемъ словѣ восточнаго вопроса, по справедливому замѣчанію лорда Дерби, О. К. писала большей частью откровеннымъ, прозрачнымъ языкомъ.

„Эта талантливая писательница", продолжалъ Гладсонъ, ссылается на невѣроятный слухъ, что англійское правительство имѣло намѣреніе подстрекать Австрію, въ минуту изнеможенія Турціи, занять Константинополь.

Черный день насталъ бы для Европы, если бы Австрія соблазнилась этой дикой попыткой. Можно даже сказать, что эта попытка, а не что иное, отдала бы Константинополь въ руки Россіи.

Единственное государство, интересы котораго замѣшаны въ восточномъ вопросѣ въ соотвѣтствующей степени съ Россіей, Австрія. Но Австрія, домъ, раздѣлившійся въ самомъ себѣ. Она не могла ни дѣйствовать, ни думать даже безъ того, чтобъ не возбудить венгровъ противъ своихъ славянъ. Но Россія знала, чего хотѣла, всегда была опредѣленнаго понятія о Турціи, вмѣстѣ съ единомышленнымъ своимъ народомъ дѣйствовала и снова могла дѣйствовать одна. Несомнѣнно, что тѣ, кто считали Константинополь ключемъ Лондона, должны бы съ разумной послѣдовательностью достигнуть какого-нибудь соглашенія по этому вопросу жизни и смерти съ государствомъ, имѣющимъ такое громадное значеніе въ этомъ вопросѣ. Они не были увѣрены въ успѣхѣ, потому что не пытались этого сдѣлать.

Сдѣлавъ обширныя выдержки изъ писемъ г-жи Новиковой, Гладстонъ говоритъ:

„Эти цитаты достаточны, чтобъ дать понятіе о слогѣ, талантѣ и цѣли автора, а вмѣстѣ съ тѣмъ это полезные уроки намъ самимъ. Мало кто не признаетъ въ ихъ строгости и остротѣ основу здравой мысли и даже доброжелательности вмѣстѣ съ большой силой убѣжденія.

„Желающіе имѣть болѣе широкія указанія на вѣроятную будущность Русско-Славянской политики въ восточномъ вопросѣ найдутъ отвѣтъ въ этой книгѣ.

„Политика будущаго въ этихъ статьяхъ представляется такъ:— славянскія земли для славянъ, греческія для грековъ, раздѣленіе обѣихъ въ областяхъ со смѣшанной расой для того, чтобы, пріобрѣтя политическую жизнь, онѣ могли найти себѣ выходъ. Никакихъ притязаній на землю со стороны Россіи, ни съ какой-либо другой стороны. Теперь посмотримъ спокойно на будущее и спросимъ

себя, не было ли бы это разумнымъ и желательнымъ устройствомъ для Восточной Европы? Если это такъ, то много значитъ, что мы въ Англіи слышимъ это отъ русской женщины, горячо сочувствующей своимъ славянскимъ соотечественникамъ. Если она и не въ силахъ требовать отъ своего правительства подтвержденія своихъ мнѣній, все же едва-ли она допустила бы обнародованіе того, что оно нашло бы непріятнымъ.

„Какъ при появленіи этихъ замѣтокъ, такъ при ихъ окончаніи воздадимъ русскому автору должную дань справедливой благодарности. Мы не слыхали ея имени ни при какой борьбѣ, до великой распри послѣднихъ четырехъ лѣтъ, но перо ея могло бы сдѣлать честь опытному писателю; дѣйствительно она пишетъ съ примѣсью чистосердечія, остроты и такта, какими рѣдко владѣютъ опытные и неопытные. Атмосфера вокругъ насъ очистилась откровеннымъ обмѣномъ мнѣній, постепенное улучшеніе положенія подготовляется, оно готовится соединенными усиліями друзей и ихъ противниковъ, лишь бы они говорили открыто и дѣльно. Этимъ условіямъ соотвѣтствуетъ эта книга. Едва-ли она нуждалась въ предисловіи извѣстнаго историка, чтобы обезпечить себѣ вниманіе нашей читающей публики.

„Независимо отъ согласія съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, мы должны привѣтствовать съ благодарностью ея появленіе, какъ содѣйствіе миру и укрѣпленію порядка и довѣрія въ Европѣ“.

Статьи Кинглека, Лавеле и другихъ были блестящей оцѣнкой книги, компетентными критиками. Статья Гладстона была больше, чѣмъ критика, это была публичная демонстрація. Мѣсяца черезъ два, возвратясь къ власти, какъ глава партіи, Гладстонъ объявилъ во всемірное услышаніе свое сердечное принятіе самыхъ значительныхъ предложеній, изложенныхъ г-жею Новиковой, какъ долженствующихъ руководить политикой Европы въ восточномъ вопросѣ.

Г-жа Новикова одержала, дѣйствительно, безпримѣрную побѣду. Подобно Лютеру она написала свои тезисы на восточный вопросъ самымъ непосредственнымъ способомъ и пригвоздила ихъ на видъ всему міру къ ближайшей церковной двери въ Виттенбергѣ, и Гладстонъ, лидеръ партіи наканунѣ побѣды, готовящійся быть призваннымъ своей Монархиней на постъ премьера, прочитываетъ новиковскіе тезисы и во всеуслышаніе заявляетъ: „Я соглашаюсь съ г-жею Новиковой“.

Это былъ самый смѣлый и вызывающій поступокъ въ жизни Гладстона, повтореніе, но въ гораздо большемъ размѣрѣ, того случая, когда онъ подалъ руку г-жѣ Новиковой въ Сентъ-Джемсъ-Холъ и проводилъ ее въ ея гостиницу.

Г-жа Новикова быстро поняла и оцѣнила значеніе и опасность поступка Гладстона. Прочитала оттискъ его критической статьи съ глубокой благодарностью, но при встрѣчѣ съ нимъ, благодаря его за нее, сказала:

— „Но она не должна никогда быть отпечатана".

Удивленный Гладстонъ спрашиваетъ: „Почему?".

— „Потому, отвѣчала она—что она повредитъ Вамъ".

— „У Васъ на дняхъ общіе выборы. Если статья Ваша появится теперь, всѣ враги воспользуются ею противъ Васъ".

Гладстонъ вспыхнулъ и, опустивъ тяжело руки, какъ онъ это дѣлалъ въ Нижней палатѣ, ударилъ по столу:

— „Я ихъ заставлю прочитать"!

Конечно, Ольга Алексѣевна въ душѣ была очень рада, что Гладстонъ отказался отъ ея безкорыстнаго совѣта.

Она мнѣ писала:

„Статья Гладстона великолѣпна. Я такъ счастлива. Трогательно его упоминаніе о братѣ. Не прекрасный ли памятникъ эта книга. Скажите, обезпечено ли теперь дѣло славянъ? Я въ самомъ дѣлѣ чувствую себя счастливой. Въ будущій вторникъ въ 8 ч. я покидаю Англію, мою милую Англію—гдѣ есть люди, какъ Гладстонъ".

Фрудъ, которому содержаніе книги было послано въ оттискѣ прежде, чѣмъ онъ писалъ предисловіе, писалъ г-жѣ Новиковой на Новый годъ:

„Я нахожу Ваше заключеніе очень правильнымъ. Англичане—тщеславные, предубѣжденные глупцы, но они не скоты и нѣкоторые изъ нихъ во всякомъ случаѣ будутъ тронуты выраженіемъ искренняго чувства".

Карлейль былъ въ восторгѣ отъ книги. Мнѣ г-жа Новикова писала:

Вторникъ 7 февраля 1880.

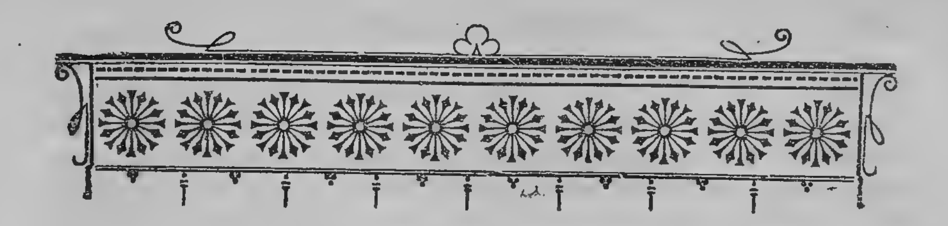
„Карлейль и Фрудъ пришли, какъ обѣщали. Карлейль имѣлъ здоровый видъ и въ восторгѣ отъ книги.

„Она будетъ очень полезна, сказалъ онъ, и всѣ подробности о людяхъ, съ которыми Вы встрѣчались, такъ интересны.—„Я такъ рада слышать это отъ Васъ, сказала я, г-нъ Фрудъ не пожалѣетъ о томъ, что написалъ предисловіе". „Вамъ никакого предисловія не нужно было,—отвѣчалъ милый старикъ.—„Говорю Вамъ—книга превосходна. Мнѣ нравится этотъ человѣкъ Аксаковъ. Какъ мы мало знаемъ о Россіи!"

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Встрѣчи и столкновенія.

(В. А. Полетика и мои критики).

В. А. Полетика.

Съ Полетикой я встрѣчался очень часто въ 80-хъ годахъ, когда онъ, бросивъ промышленную и газетную дѣятельность, жилъ, такъ-сказать, на покоѣ.

Полетика принадлежалъ къ семьѣ горныхъ инженеровъ, давшей Россіи не мало крупныхъ дѣятелей.

Литературные вкусы были у него развиты. Онъ слылъ прекраснымъ ораторомъ, особенно застольнымъ. Я слышалъ его много разъ и долженъ признать, что онъ своими рѣчами производилъ впечатлѣніе. Въ нихъ чувствовался умный человѣкъ и человѣкъ очень начитанный. Но содержаніе его рѣчей было ниже ихъ формы. Говорилъ онъ и свободно, и легко, и красиво, дѣлалъ иногда мѣткія сопоставленія или удачныя экскурсіи въ область литературы, преимущественно отечественной, которою онъ видимо много занимался. Нашего величайшаго писателя, Пушкина, онъ, казалось, зналъ наизусть. Но эта свобода, какъ я случайно убѣдился, была, какъ у многихъ ораторовъ, только кажущаяся. На какомъ-то юбилейномъ обѣдѣ я состоялъ распорядителемъ, а обѣдъ былъ разрѣшенъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы распорядители приняли на себя отвѣтственность за цензурность застольныхъ спичей. Долженъ былъ говорить между прочимъ и Полетика. Примѣрно за двѣ недѣли до обѣда я имѣлъ съ нимъ бесѣду и просилъ его быть осторожнымъ, въ виду его склонности пройтись насчетъ властей. Онъ

обѣщалъ мнѣ быть вполнѣ корректнымъ и, чтобы окончательно меня успокоить, предложилъ мнѣ тотчасъ же меня познакомить съ рѣчью. Онъ передалъ мнѣ ея содержаніе, а на обѣдѣ я убѣдился, что у него рѣчь уже за двѣ недѣли была подготовлена слово въ слово.

Какъ промышленный дѣятель, Полетика въ концѣ концовъ потерпѣлъ неудачу: онъ вынужденъ былъ покинуть заводъ, давшій ему состояніе. Какъ теперь, такъ и тогда, судостроительное дѣло, особенно находившееся въ связи съ потребностями военнаго флота, не обходилось безъ постоянныхъ казенныхъ субсидій. Дѣятель, въ родѣ Полетики, но болѣе крупный и начавшій раньше его, Н. И. Путиловъ, съ которымъ меня также свела судьба, говорилъ мнѣ, что, если бы не казна, то онъ со своими милліонными долгами не могъ бы продержаться и двухъ дней. И дѣйствительно, каждый разъ передъ тѣмъ, какъ должно было выйти рѣшеніе, получитъ ли онъ или не получитъ субсидію, онъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, и требовалась вся его выдержанность заматерѣлаго дѣльца, чтобы не выдать того, что онъ переживалъ, не уподобиться по своему настроенію нервной женщинѣ. Удача или неудача Полетики въ дѣлахъ также зависѣла отъ казны, и такъ какъ онъ вынужденъ былъ оставить заводъ, то сильно озлобился противъ правительства. Его озлобленіе принимало размѣры ненависти, такъ что онъ, вообще очень сдержанный человѣкъ, становился болѣе чѣмъ рѣзкимъ, когда говорилъ о властяхъ. До какого ослѣпленія доводила его эта ненависть, свидѣтельствовали его застольныя рѣчи. По его словамъ отъ нашего правительства можно было ожидать всего. Оно-де приведетъ Россію на край гибели, и поэтому всякій другъ родины долженъ стремиться къ тому, чтобы его ослабить.

Подобныя мысли встрѣчали большое сочувствіе въ радикальныхъ кружкахъ. Полетика былъ желаннымъ застольнымъ ораторомъ на всѣхъ либеральныхъ или радикальныхъ пиршествахъ, и какіе онъ срывалъ аплодисменты. При этомъ, конечно, никто не задавался вопросомъ объ истинной подкладкѣ его рѣчей. Чѣмъ болѣе онъ сѣдѣлъ, тѣмъ краснѣе становился. Даже сотрудники Коршевскихъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ казались ему овечками, и онъ скоро разстался съ литераторами, въ родѣ А. С. Суворина, писавшаго у него воскресные фельетоны, и замѣнилъ ихъ такими журналистами, какъ Минаевъ, Станюковичъ, Скабичевскій и т. д. Конечно, эти сотрудники никогда себя не спрашивали, почему свободолюбивый Полетика, вопреки либеральному катехизису, является ярымъ сторонникомъ протекціонизма во всѣхъ его видахъ, т. е. не довѣряетъ свободѣ въ вопросахъ, наиболѣе ему близкихъ. Поле-

тика издавалъ „прогрессивную“ газету, платилъ сотрудникамъ хорошо—вотъ все, что надо было знать. Но читатель отнесся болѣе серьезно къ газетѣ Полетики, чувствовалъ внутреннее ея противорѣчіе, отшатнулся отъ нея, и она, переименованная изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ въ „Молву“, скоро зачахла, не оставивъ послѣ себя замѣтнаго слѣда въ русской журналистикѣ.

Мои критики.

Какъ многіе русскіе публицисты, я чувствовалъ себя часто стѣсненнымъ въ своихъ писаніяхъ, и стѣсненіе это вызывалось для меня не только цензурою, но и издателями, и товарищами по журналистикѣ. Послѣдніе никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что я не принадлежалъ ни къ одному изъ существовавшихъ тогда лагерей, а цензура меня преслѣдовала за проповѣдь въ пользу франко-русскаго союза. Особенно это стѣсненіе чувствовалось мною въ концѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ.

Между тѣмъ у меня накопилось много вопросовъ, о которыхъ мнѣ хотѣлось высказаться, но я предвидѣлъ, что въ публицистической формѣ это мнѣ не удастся или удастся только по отношенію къ вопросамъ внѣшней политики. Этимъ вопросамъ я и посвятилъ свою книгу: „Въ ожиданіи войны“. Но какъ быть съ вопросами внутренней политики? И цензуры-то я опасался, и товарищей по перу побаивался. Не попытать ли счастья на беллетристической почвѣ? Такимъ образомъ сложилась первая моя повѣсть („Дѣвичьи сны“). Я надѣялся, что въ беллетристической формѣ сойдетъ то, что въ публицистической врядъ-ли увидѣло бы свѣтъ.

Сотрудничалъ я тогда между прочимъ въ „Недѣлѣ“ П. А. Гайдебурова. Я ему послалъ рукопись, не называя себя ея авторомъ. Такъ какъ я никогда беллетристики не писалъ, то Гайдебуровъ предположилъ, что повѣсть принадлежитъ кому-нибудь изъ моихъ друзей. Она ему понравилась, была принята и напечатана. Какъ же отнеслись къ ней критики, удѣлившіе ей большое вниманіе (въ руководящихъ тогдашнихъ газетахъ ей посвящены были цѣлые фельетоны)?

При оцѣнкѣ беллетристическаго произведенія обыкновенно стараются опредѣлить,—интересно ли оно, даровитъ ли авторъ, какова его основная идея? На эти вопросы тогдашніе извѣстные критики, нынѣ уже покойные (А. М. Скабичевскій, М. А. Загуляевъ, П. А. Гайдебуровъ, Ю. Н. Говоруха-Отрокъ и др.) отвѣтили слѣдующимъ образомъ:

Интересна ли повѣсть?

„Не правда ли, это очень любопытная повѣсть?... Въ ней описывается современная Россія, гражданскіе взгляды современныхъ русскихъ людей и современная русская женщина“. — „Повѣсть — нѣчто тяжеловѣсное, туманное, написанное pra doma sua и совсѣмъ мало интересное“.—„Въ повѣсти есть живой интересъ и колоритъ правды“.—„Авторъ очевидно сознательно провелъ въ своей повѣсти фабулу, подобную фабулѣ „Наканунѣ“ Тургенева съ тою разницею, что у Тургенева дѣйствіе совершается наканунѣ, а у автора на другой день, и очень интересно посмотрѣть, насколько этотъ другой день отличается отъ „кануна“.—„Все изложенное авторомъ очень интересно и въ особенности ново у насъ. Авторъ смѣло взялся за жанръ, которому давно слѣдовало вступить въ борьбу съ избитыми, банальными сюжетами нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Повѣсть его является примѣромъ того, что можетъ быть высказано у насъ въ беллетристической формѣ о вопросахъ, которыхъ обыкновенно не рѣшаются затрогивать въ печати. На всякой страницѣ встрѣчаются сужденія, поражающія своею смѣлою искренностью“.—„Повѣсть эта составляетъ не только документъ общественнаго значенія, но и произведеніе, занимающее въ русской беллетристикѣ очень почетное мѣсто“.

Даровитъ ли авторъ?

„Беллетристическаго таланта у автора нѣтъ ни на мѣдный грошъ“. — „Собственно говоря, повѣсть не представляетъ ничего особеннаго, отличающаго ее отъ заурядныхъ“. — „Нельзя сказать, чтобы новыхъ талантовъ совсѣмъ уже не было. Попытки затрогивать новыя стороны жизни являются. Въ повѣсти не мало того, чего вы не найдете въ произведеніяхъ нашихъ исправляющихъ должность беллетристовъ,—оригинальныхъ персонажей, новыхъ положеній и художественныхъ достоинствъ“.—„Авторъ украсилъ свою повѣсть художественнымъ изображеніемъ швейцарской природы и оживилъ ее глубокимъ чувствомъ“.—„Авторъ владѣетъ перомъ съ изяществомъ и легкостью опытнаго писателя. Его дѣйствующія лица очень выпуклы, описанія природы сдѣланы мастерскою рукой, и вопросы текущей политики обсуждаются съ несомнѣнною оригинальностью“...

Какова основная мысль автора?

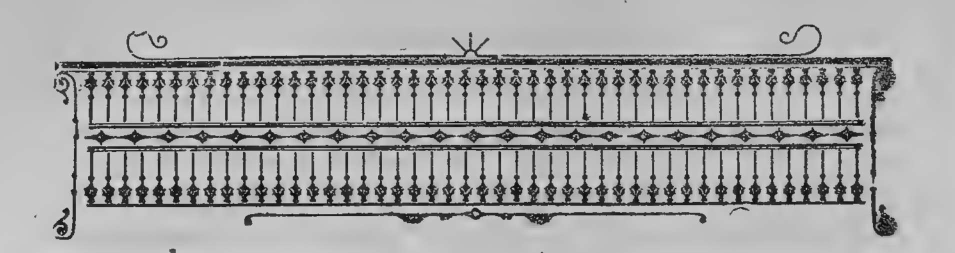
Изъ всѣхъ критиковъ ея отчасти коснулся только одинъ, замѣтивъ, что повѣсть содержитъ характеристику главныхъ теченій нашей общественной мысли, зато о направленіи автора критики высказались чрезвычайно обстоятельно.

„Автору почему-то угодно было заявить, что всѣмъ русскимъ людямъ подобаетъ мыслить и разсуждать совершенно отрѣшенно, такъ-сказать обще-человѣчески. Онъ—западничествующій интеллигентъ“.—„Можно даже сказать, что всѣ дѣйствующія лица въ повѣсти раздѣляются на двѣ категоріи: на патріотовъ, являющихся людьми болѣе или менѣе порядочными, и на непатріотовъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго уваженія,—таково уже міровоззрѣніе автора“.—„Авторъ повѣсти старается установить широкое міросозерцаніе, приведя его въ тѣсную связь съ сознательною любовью къ отечеству“. — „Чрезвычайно любопытно и ново, что авторъ не принадлежитъ ни къ одной изъ существующихъ у насъ партій“.— „Я даже сомнѣваюсь, русскій ли онъ человѣкъ“.—Авторъ, если не ошибаемся,—болгаринъ и вводитъ болгарскую контрабанду въ область беллетристики“.—„Авторъ—женщина“.

Признаюсь, мнѣ раньше никогда не приходилось сопоставить такимъ образомъ критическіе отзывы о томъ или другомъ произведеніи. Но когда я это сдѣлалъ по отношенію къ моей повѣсти, я сперва отъ души расхохотался, а потомъ мнѣ стало жаль и начинающихъ писателей, и читателей. Я-то цѣну нашей критики зналъ, но начинающихъ писателей, равно какъ и читателей она легко могла сбить съ толку. Хорошо еще, — думалось мнѣ:—если они вздумаютъ сдѣлать то, что я сдѣлалъ, т. е. собрать всѣ отзывы (хотя это для читателей по большей части невозможно). Тогда они просто отвернутся отъ критики, признавъ ее негодной и ненужной. Но если они этого не сдѣлаютъ, если они довѣрятся одному, двумъ отзывамъ, тогда критика можетъ безъ достаточнаго основанія ихъ обезкуражить или наоборотъ поощрить начинающихъ писателей, а читателей совершенно сбить съ толку при выборѣ книгъ. Впрочемъ, это большой вопросъ, котораго я здѣсь касаться не могу. Мнѣ хотѣлось только вспомнить моихъ критиковъ и показать, какъ осторожно надо относиться къ ихъ сужденіямъ.

Р. Сементковскій.

Басурманская неволя.

IV [1]).

Православная вѣра христіанская.

Въ южно-русской поэзіи слѣдующимъ образомъ описывается нравственное состояніе русскихъ полонянниковъ:

На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ стояла каменная темница, и въ той темницѣ сидѣло семьсотъ казаковъ, бѣдныхъ невольниковъ. Тридцать лѣтъ сидятъ они въ неволѣ, свѣта Божьяго праведнаго не видятъ. И приходитъ къ нимъ дѣвушка-бранка (полонянка) Маруся, поповна Богуславна, а говоритъ имъ:—„Эй, казаки, бѣдные невольники! угадайте, какой теперь день въ нашей землѣ христіанской".

Говорятъ ей казаки, бѣдные невольники: „Почемъ намъ знать, какой теперь день въ нашей землѣ христіанской? Мы тридцать лѣтъ сидимъ въ неволѣ и Божьяго свѣта, праведнаго солнца не видимъ. Не знаемъ мы, какой теперь день въ нашей землѣ христіанской".

Тогда дѣвушка-бранка Маруся, поповна Богуславна, говоритъ казакамъ: „Ой, казаки, бѣдные невольники! Сегодня въ нашей землѣ христіанской страстная суббота, а завтра святой праздникъ, годовой день—великъ день". Услыхавъ это, казаки пали бѣлыми лицами на землю и прокляли дѣвушку-бранку Марусю, поповну Богуславну: „О, чтобы у тебя, дѣвушка-бранка Маруся, поповна Богу-

[1]) См. „Русская Старина" январь 1913 г.

славна, не было ни счастья, ни доли! Зачѣмъ ты намъ объявила, что сегодня святой праздникъ, годовой день—великъ день".

Здѣсь правдиво изображается то состояніе тупого отчаянія, когда напоминаніе о чемъ-либо дорогомъ и невозвратно утраченномъ нестерпимо мучительно для наболѣвшаго сердца, но все это не болѣе, какъ поэтическое преувеличеніе. Такое отчужденіе невольниковъ отъ людей или могло быть временнымъ въ дальнихъ плаваніяхъ, на каторгахъ или примѣнялось къ особо важнымъ плѣнникамъ, въ родѣ В. Б. Шереметева, который по цѣлымъ годамъ „не только своихъ, ни басурмановъ не видалъ".

Не знать, „когда постъ, когда Свѣтлое Воскресенье", было возможно гдѣ-нибудь въ Средней Азіи или Индіи, за тѣми „тремя морями", за которыя въ XV вѣкѣ заѣхалъ Аѳанасій Никитинъ, но было немыслимо въ Крыму или Турціи. Полонянники въ неволѣ не только знали, когда былъ „великъ день", но и весьма точно обозначали по православному календарю время своего побѣга: „въ великій постъ на третьей недѣлѣ", „за три недѣли до Филиппова поста", „передъ Дмитріевскою субботою", „на завтра Оспожила дни" (т. е. праздника Успенія Богородицы). Не говоря уже о Константинополѣ, во всѣхъ городахъ Турціи полонянники встрѣчались съ православными греками. И въ Крыму было много православныхъ. Въ центрѣ торговли невольниками—Кафѣ было 12 греческихъ церквей. Кіевлянинъ старецъ Макарій, жившій у турчанина въ Константинополѣ въ артели изъ 12 русскихъ полонянниковъ, не только „по средамъ и пятницамъ мяса не ѣдалъ", но со своими товарищами „и къ церквамъ хаживалъ русскимъ". Даже въ каторжныхъ тюрьмахъ Константинополя за бакшишъ можно было добиться значительныхъ послабленій. Въ тюрьмѣ, въ которой жилъ Вратиславъ, былъ даже огороженный рѣшеткою алтарь, освященный епископомъ, и у невольниковъ имѣлась чаша серебряная съ другими вещами, потребными для миссы, и въ дни христіанскихъ праздниковъ и передъ отправленіемъ на работу, бывшій въ тюрьмѣ капелланъ служилъ миссу, и на тотъ часъ снимались съ него желѣза.., а Вратиславъ въ своей цѣпи прислуживалъ ему, послѣ обѣдни опять турецкіе кузнецы приковывали къ нему капеллана"[1]).

Но, конечно, немногіе полонянники могли исполнять христіанскіе обряды. Часто они бывали „обасурманены" и „вѣру христіанскую держали втайнѣ", не всѣ тюремщики были такъ снисходительны, какъ тюремщики Вратислава, и не вездѣ можно

---

[1]) Барсуковъ, VI, 494; Пр. 35, 205, 325; Пр. 807, 33.

было найти священника. Неудивительно поэтому, что полонянникъ больше всего боялся, чтобъ ему „въ нечестивой сторонѣ и въ поганой басурманской вѣрѣ безъ покаянія не умереть и вѣчно бы душею не погинуть, и чтобъ по смерти костей его убогихъ собаки не таскали“.

Тоска по вѣрѣ христіанской мучила и полонянниковъ, обасурманившихся добровольно. „Господи, говоритъ отступникъ Бутурлакъ, есть у меня, что пить, есть въ чемъ ходить, только не съ кѣмъ поговорить о вѣрѣ христіанской“. Невыносимо больно было сердцамъ православныхъ родителей полонянниковъ видѣть своихъ прижитыхъ въ Крыму дѣтей настоящими татарчатами, обреченными „на вѣчную погибель безъ крещенія“. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь замѣнить крещеніе своимъ татарчатамъ, родители называли ихъ и безъ крещенія христіанскими именеми. Каширянина Андрея Писарева его господинъ-татаринъ „женилъ неволею“ на своей наложницѣ—русской полонянкѣ и въ приданое далъ прижитаго имъ съ этой полонянкой мальчика. Приживъ сына и дочь, Писаревы не только этихъ дѣтей называли безъ крещенія милыми сердцу, родными именами Ивашки и Анютки, но и татаренка, названнаго въ честь отца Байтуванкой, придумали звать по-русски Анискомъ („Онисимомъ“)[1]. Особенно вѣрующія русскія женщины заботились о томъ, чтобы не заглохло сѣмя христіанства въ душахъ ихъ малолѣтнихъ, крещенныхъ еще на Руси дѣтей, и чтобы ихъ некрещенныя дѣти получили святое крещеніе. Въ 1667 году вышли изъ Крыма три полонянника тамбовца; они не помнили, какъ были „взяты въ полонъ“, но рѣшили бѣжать „слыша отъ матерей своихъ, что они православной христіанской вѣры“. Въ этомъ случаѣ матери предпочли вѣчную разлуку съ сыновьями ихъ вѣчной гибели, „послали ихъ къ Руси“, а сами остались въ Крыму. Если матери удавалось бѣжать и вынести изъ басурманской неволи своего некрещеннаго ребенка, она часто крестила его, добравшись до первой христіанской, напримѣръ, Волосской, страны. Даже па смертномъ одрѣ мать-полонянка заботилась болѣе о душевномъ спасеніи дѣтей, чѣмъ о своемъ собственномъ, и вышедшій въ 1681 году въ Россію турчанинъ Агметка, назвавшійся „Халиль-аги сыномъ, а Каплану-пашѣ племянникомъ роднымъ“, вполнѣ правдоподобно разсказывалъ, что изъ „Царя-города пошелъ онъ съ братомъ своимъ роднымъ Брегимомъ, желѣя христіанскія вѣры, для того, что мать ихъ при смерти закляла быть въ христіанской вѣрѣ, а она была христіанка“[2].

---

[1]) Пр. 377, 165—170.

[2]) Пр. 384, 561—568. Пр. 412, 397; Пр. 2102, 1; Пр. 788, 136—148.

Полонянникъ надѣялся на выходъ изъ плѣна „милостью Божіею“ и горячо молился, чтобы „надъ нимъ Богъ умилосердился, отъ нечестивыхъ, невѣрныхъ изъ полону освободилъ“.

Надѣясь на небесную помощь, полонянникъ „обрекался“ или „обѣщался“ разными благочестивыми обѣтами. Прежде всего ему приходило въ голову обѣщаться „вымѣнять“, а иногда и „обложить“ икону. Такими обѣтными иконами часто были иконы Всемилостиваго Спаса, Живоначальной Троицы, Покрова Богородицы и другія богородичныя; иногда полонянникъ обѣщался вымѣнять икону своего ангела.

Часто прибѣгали полонянники къ „Нареченной Пятницѣ Парасковѣѣ“ (Мученицѣ Параскевѣ-Пятницѣ), этой особенно любимой нашими предками подательницѣ всякаго благополучія, покровительницѣ путниковъ[1]), „отрѣвающей“ отъ вѣрныхъ „лютыя обстоянія“ и „демонскія лукавствія“.

Полонянники могли уповать и на помощь святыхъ, которые сами испытали плѣнъ агарянскій, Варсонофія Казанскаго, бывшаго въ плѣну въ Крыму, и Макарія Желтоводскаго, котораго добродѣтели „устыдѣся“ Казанскій царь Улу-Махметъ. Но особенно усердствовали они къ „Великому Чудотворцу Николѣ“, этому прославляемому церковью, „избавителю готовѣйшему, хранителю спасительному, пастырю и путевождю всѣхъ блудящихъ“. Изъ житія этого святого полонянники знали, что Мирликійскій святитель нѣкогда внезапно восхитилъ плѣннаго христіанскаго юношу „Василія, сына Агрикова“, предстоявшаго „на вечери Срацынскому князю Амирѣ“, и перенесъ его въ домъ родителей, какъ онъ былъ, „въ срацынской одеждѣ“ и, сткляницу полну вина въ руцѣ держаща“. Иногда полонянники давали обѣтъ не просто Николѣ Чудотворцу, но то „Николѣ Явленскому“, то „Николѣ Можайскому“, предполагая, очевидно, что на каждой иконѣ святитель—„Никола Можайскій“—этотъ грозный святитель съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ казался полонянникамъ наиболѣе надежнымъ поборникомъ на безбожныхъ агарянъ[2]). Нерѣдко полонянникъ „обрекался“ идти на богомолье, напримѣръ, ко Гробу Господню, какъ это сдѣлалъ костромитинъ Василій Полозовъ. Иной полонянникъ приходилъ къ убѣжденію, что монастырскій затворъ лучше басурманской неволи, и онъ давалъ обѣтъ постричься.

Богатые полонянники недовольствовались вымѣномъ иконъ, но въ благодарность за избавленіе изъ плѣна строили церкви. Когда

[1]) На дорогахъ ставились ея иконы (Калинскій, Народный Мѣсяцесловъ, 44—45).

[2]) Объ обѣтныхъ иконахъ полонянниковъ, см. Приказного стола столбцы 535 и 791.

возвратился изъ плѣна Филаретъ Никитичъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ построилъ въ Москвѣ на Успенскомъ Врагѣ (въ Брюсовскомъ переулкѣ) церковь пророка Елисея, которому празднуютъ 14 іюня, въ день „всерадостнаго свиданія царя съ отцемъ"; при церкви были придѣлы Меѳодія, патріарха Константинопольскаго (память такъ же 14 іюня), и Іустина Философа, котораго память празднуется 1 іюня, „коего дни царь его государя—отца вымѣнялъ" у поляковъ на р. Поляковкѣ.

Кромѣ этой церкви тогда же была построена въ Китаѣ-городѣ, въ Зарядьѣ церковь Макарія Желтоводскаго, покровителя всѣхъ полонянниковъ. Забывшему свой обѣтъ выходцу изъ плѣна, по убѣжденію нашихъ предковъ, грозило „Божіе посѣщеніе".

Въ одномъ старинномъ сказаніи повѣствуется о чудѣ, случившемся 25 декабря 1640 года въ Азовѣ, занятомъ въ то время донскими казаками. Въ соборной церкви Іоанна Предчети вдругъ потекли слезы на храмовой иконѣ изъ очей Крестителя, и тутъ же Богъ „просвѣтилъ очи" слѣпому казаку Еунтропію. Оказалось, что Еунтропій въ турецкой неволѣ обѣщался постричься въ Шацкомъ Чернѣевѣ монастырѣ, но, освободившись, увлекся радостями свободной жизни и „замотчалъ" (замедлилъ) на Дону. Тогда „отнялъ очи его, и близко года былъ безъ очей". Исцѣленный Еунтропій „опамятовался" и поспѣшилъ съ Дона въ монастырь [1]).

Вообще около выхода изъ плѣна полонянниковъ создавались легенды, напоминающія сказаніе объ освобожденіи Василія, сына Агрикова.

Въ Галицкомъ уѣздѣ Костромской губерніи въ погостѣ Верховьѣ изъ рода въ родъ передается сказаніе о спасеніи изъ плѣна одного мѣстнаго жителя. Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія этотъ полонянникъ печально шелъ по берегу рѣки и вдругъ увидѣлъ, что по рѣкѣ плывутъ двѣ половинки иконы Богородицы; онъ бросился въ воду, досталъ и сложилъ обѣ половинки, которыя чудеснымъ образомъ соединились; полонянникъ, горячо помолившись, заснулъ, а, проснувшись. услыхалъ звонъ пасхальнаго колокола и увидалъ себя въ полуверстѣ отъ родного села подъ деревомъ, на которомъ находилась найденная имъ въ Крыму икона.

Православный народъ, вѣруя, что у Бога все возможно, съ усердіемъ понынѣ несетъ свои трудовыя свѣчки и простыя молитвы къ этой „Полоняничной" иконѣ Небесной Путеводительницѣ—Одигитріи [2]).

---

[1]) Ум. О. Ист. Др. Рос. 1907 г., IV, Повѣсть объ Азовѣ, 30—31.

[2]) І. Бѣляевъ, Описаніе Костромской епархіи, 79—80.

V.

Розмѣна и окупъ.

Полоняннику не было надобности ожидать непремѣнно чуда для своего освобожденія. Татары вовсе не находили для себя пріятнымъ гноить полонянниковъ въ тюрьмахъ, мучить на каторгахъ и завозить на край свѣта. Полонянники были для нихъ ходовымъ товаромъ, который они всегда были готовы продавать и мѣнять, лишь бы это было выгодно. Во время татарскихъ набѣговъ государевымъ людямъ удавалось наловить не мало татарскихъ „языковъ“[1]). На московскомъ тюремномъ дворѣ и въ тюрьмахъ далекихъ отъ границъ со Степью, главнымъ образомъ Заволжскихъ, городовъ всегда сидѣло значительное число плѣнныхъ татарскихъ „вляней“.

Сношенія между Москвою и татарами всегда отличались крайней недовѣрчивостью. Посланники съ обѣихъ сторонъ явились какъ бы заложниками. Когда крымскій посланникъ исполнялъ свое дипломатическое порученіе въ Москвѣ, онъ отправлялся въ Крымъ съ назначеннымъ туда русскимъ посланникомъ; въ какомъ-нибудь пограничномъ городѣ ихъ встрѣчалъ возвращавшійся изъ Крыма русскій посланникъ съ назначеннымъ въ Москву крымскимъ посланникомъ, и здѣсь обѣ пары посланниковъ „розмѣнивались“, т. е. разъѣзжались, одни въ Крымъ, другіе въ Москву. Съ этой „посольской розмѣной“ совпадала и розмѣна полонянниковъ, которые привозились съ обѣихъ сторонъ на „розмѣнное мѣсто“.

Долгое время обычнымъ мѣстомъ розмѣны была Валуйка, стоявшая на самой границѣ со Степью. Но съ заселеніемъ Слободской Украины Валуйка „стала за городомъ“.

Татары неохотно ѣхали туда, опасаясь, чтобы „въ жилыхъ мѣстахъ полонянника у нихъ не разбѣжались“, и не надѣясь „удержаться отъ войны деревни разорять“. Татары старались перенести „розмѣнное мѣсто“ поближе къ Крыму въ Азовъ, на Торъ (Славянскъ) или въ крайнемъ случаѣ въ Переволочну на границѣ Степи съ Полтавщиной.

Кромѣ этой „общей розмѣны“ бывала и „розная розмѣна“ въ Москвѣ или въ пограничныхъ городахъ, куда татары привозили отдѣльныхъ полонянниковъ.

Въ „розмѣнномъ мѣстѣ“ происходилъ выкупъ, или, какъ гово-

[1]) Такъ называли плѣнныхъ потому, что отъ нихъ старались получить свѣдѣнія о силахъ и маршрутѣ непріятеля.

рили тогда „окупъ“ полонянниковъ, оставшихся „за розмѣною въ остаткѣ“. На этомъ торгу, какъ и на всякомъ торгу, шли „переговоры упорные и запросные“. Трудно было розмѣнять плѣнныхъ ариѳметически, чтобы шелъ „человѣкъ за человѣка“. Не всѣ полонянники были одной цѣны въ зависимости отъ ихъ возраста, знатности и достатка.

Обѣ стороны хитрили, старались сбыть повыгоднѣе товаръ похуже. Московское правительство посылало воеводамъ приказанія „давать на розмѣнку татаръ, выбравъ въ тюрьмѣ самыхъ худыхъ и не знатныхъ и старыхъ и дряхлыхъ“ и удержать до времени „знатныхъ поганцевъ“, которые „обѣщали за себя на розмѣну дать русскихъ полонянниковъ не малое число“. Точно также хитрили и татары: въ 1680 году одинъ полонянникъ, по имени Григорій, изъ обасурманившихся русскихъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ съ татарами, заявилъ, что въ числѣ вляней есть Махмудъ-бей, „Крымскому хану шуринъ родной“; „крымскіе взятые татаровя, по словамъ Григорія, говорили ему, чтобы про него на Москвѣ не сказывали, что онъ великой породы и честной человѣкъ, а, если де скажешь, и они въ ноги хотѣли его задавить“ [1]).

Полонянники, желая вырваться изъ неволи, сулили за себя золотыя горы. Родственники ихъ вступали съ татарами въ частныя сдѣлки и набивали цѣны. Обыкновенно родственники пріискивали татарина, равноцѣннаго ихъ полонянику, и прямо просили дать имъ для розмѣны такого-то татарина. Въ 1678 году татары взяли въ плѣнъ двоихъ сыновей валуйскаго толмача Петра Ломакина. Огорченный отецъ отправился въ Азовъ и „тѣхъ дѣтей своихъ сыскалъ въ Азовѣ“.

Тогда онъ обратился къ Царю съ челобитьемъ „пожаловать бы за его службы изъ Азова дѣтей его велѣть окупить (вмѣсто „розмѣнять“) на азовскаго взятаго татарина на Усеинко Мустафина“. Въ Разрядномъ приказѣ, гдѣ билъ челомъ Ломакинъ, допросили Гуссейна, и онъ „сказался яныченинъ (янычаръ), въ Крыму де у него братья есть и валуйскаго новокрещена Петровыхъ дѣтей сыщутъ и на розмѣну за него дадутъ“. Гуссейнъ былъ отосланъ въ Посольскій приказъ, вѣдавшій розмѣну; но татаринъ оказался дешевле сыновей Ломакина, и толмачу пришлось для выкупа дѣтей, „къ тому татарину прибавя“, уплатить еще 40 рублей [2]).

Татарамъ также хотѣлось поскорѣе и повыгоднѣе выручить изъ Московскихъ тюремъ своихъ „вляней“. Въ Крыму и въ нагай-

---

[1]) Барсуковъ, VIII, 12, VII, 301; Акты Моск. Гос., III, 113; Пр. 947, 214.

[2]) Пр. 782, 25—28.

скихъ степяхъ матери и жены „денно и ночно отъ слезъ очи слѣпили“, оплакивая своихъ удалыхъ наѣздниковъ, томившихся въ плѣну вдали отъ вольныхъ степей.

Не вѣрится, что хищные дикари могли писать такія наивно трогательныя грамотки, какія посылали татары „отъ далекія земли ближнимъ сердцомъ“—своимъ взятымъ въ плѣнъ роднымъ. „Мы за тебя здѣ невольника на обмѣну сыщемъ“, успокаивали родные плѣнника, „а на тебя на обмѣну у меня московская полонянка, имя ей Марья, есть готова, и тебѣ бы печали не имѣть“. Степнымъ разбойникамъ не были чужды ни родственная любовь, ни супружеская вѣрность.

„Честному, праведливому, законному мужу моему, Утему, писала жена одного плѣннаго татарина, я здѣсь денно и ночно за тебя Бога молю, а, что твоя грамотка посыльная до меня дошла, слава тебѣ, Богу, что про здоровье твое вѣсти слышали и обрадовались со всѣми сродичи своими, а про насъ изволь вѣдать, и мы всѣ съ братьями твоими, далъ Богъ, здоровы, а же Богъ дастъ, какъ намъ Богъ помочи подастъ, о вашемъ дѣлѣ радѣемъ.. Ты, мужъ мой, въ печали не буди, въ неволѣ вовсе не останешься“. Подыскавъ подходящаго русскаго полонянника, татары старались найти въ Россіи его родныхъ и завести съ ними переговоры.

„Чтобъ тебѣ, Карпушкѣ, было вѣдомо, писалъ одинъ татаринъ отцу найденнаго имъ для обмѣны полонянника, сынъ твой Мишка у насъ въ рукахъ; будетъ Тукашкѣева Сулеймана, сыскавъ, пришлешь, и мы сына твоего тебѣ отдадимъ“. Это письмо было прислано въ Москву плѣннымъ татарамъ, которые должны были какъ-нибудь отыскать адресата.

Для этого въ письмѣ были указаны нѣкоторыя примѣты. „Отецъ Карпушка, говорилось въ концѣ письма, а мать Матрена, большой братъ Васька, другой братъ Корнюшка, сестра Дарья, сосѣдъ Ивашко, а самому имя Мишка, въ деревнѣ Верхососенску“ [1]).

Недовѣріе къ хищникамъ ни на минуту не оставляло русскихъ. На самой розмѣнѣ они сомнѣвались, „не чаять ли отъ татаръ какой хитрости“. Поэтому во время розмѣнъ „розмѣнное мѣсто“ имѣло видъ укрѣпленнаго лагеря; служилые люди были „устроены, какъ ратное ополченіе бываетъ съ готовностью наряду (т. е. артиллеріи)“. На розмѣну въ Переволочной въ 1681 году была привезена большая окупная казна за бояриня В. Б. Шереметева. Казну нагрузили на суда, но „отпихнули“ ихъ отъ берега Днѣпра не прежде, чѣмъ увидѣли, что съ татарской стороны отчалила лодка съ Шереметевымъ.

[1]) Пр. 1028, 91—96.

И съ розмѣны русскіе шли въ боевомъ порядкѣ, „ополчась обозомъ", эта предосторожность была не лишней. Разбойники не зѣвали у самаго „розмѣннаго мѣста". Въ 1629 году валуйскіе стрѣльцы „послѣ розмѣны, проводя съ Валуйки окольничаго Ѳеодора Ларіоновича Бутурлина до Оскола, ѣхали назадъ на Валуйку, и „отъ Оскола верстъ съ 70 на нихъ пришли татары и ихъ разгромили, а взяли на томъ погромѣ стрѣльцовъ и казаковъ человѣкъ съ десять"[1]). Не мало было примѣровъ, что родственники полонянники, узнавъ, гдѣ онъ находится, отправлялись въ далекую басурманскую страну, чтобы вызволить его изъ плѣна. Въ 1632 году былъ взятъ въ плѣнъ козловецъ Прокофій Давыдовъ со старшимъ сыномъ Антипомъ, и „въ Царь-городѣ животъ свой мучили 13 лѣтъ на каторгахъ"; къ довершенію несчастья они съ сыномъ „были разведены по разнымъ каторгамъ". Но младшій сынъ Давыдова Иванъ не забылъ про нихъ; черезъ 13 лѣтъ ему удалось добраться до Константинополя „съ Государевыми послами" и окупить отца; брата ему „откупить было нечѣмъ", но „Божіею милостью" Антипъ Давыдовъ самъ „съ каторги ушелъ и въ желѣзѣ".

Случилось, что полоняннику удавалось накопить денегъ, и онъ „окупался собою", внеся хозяину деньги и получивъ отъ него „вольный листъ". Иногда полонянникъ дѣйствовалъ черезъ подставное лицо: драгунъ Семенъ Савельевъ былъ выкупленъ какимъ-то армяниномъ „на его Семеновы тарели (талеры)".

Не имѣя денегъ, полонняникъ обращался къ другимъ полонянникамъ: чугуевскій казакъ Растегаевъ, которому угрожало обасурманеніе, „билъ челомъ полонянкѣ Улитѣ Ефоньевой дочери, чтобы она его окупила, и божился ей всякими страшными клятвами, хотя ей тѣ деньги отдать на Москвѣ". Не всегда можно было добыть деньги „страшными клятвами"; тогда полонняннику приходилось занимать деньги „изъ великихъ ростовъ" [2]).

Окупали иногда полонянниковъ и „Государевы послы". Помощь приходила иногда къ полоняннику отъ иноплеменныхъ или даже инославныхъ христіанъ. Козловецъ Филиппъ Кидинъ, взятый подъ Чигириномъ, 8 лѣтъ былъ на каторгѣ и былъ выкупленъ „венецыянцемъ", царегородскимъ жителемъ Тумазомъ Таршинымъ. Черезъ 6 лѣтъ Таршинъ отпустилъ его на волю, но на пути въ Венецію корабль, на которомъ ѣхалъ Кидинъ, „разбили арапы" и отвезли Кидина въ Александрію. На счастье Кидина „пріѣхавъ изъ Синайскаго монастыря въ Александрію архимандритъ Кириллъ, и его

---

[1]) Барсуковъ, VIII, 457—481; пр. 35, 453.

[2]) Б. 264, 24, 41; пр. 807, 92—100.

(Кидина) тѣ арапы продавали на торгу, и въ то время, идучи тѣмъ торгомъ, архимандритъ Кириллъ его, Фильку, узналъ потому что въ Царь-городѣ у венецыянина у Тумаза Таршина его, Фильку, онъ, архимандритъ, видѣлъ, и у тѣхъ араповъ по его, Филькину, челобитью окупилъ и окупу далъ за него 240 ефимковъ [1]), а занялъ тѣ ефимки у французскаго резидента, который живетъ во Александріи, и, окупя, везъ его до Москвы онъ, архимандритъ, своими харчами". Этотъ архимандритъ и другіе „милостыне-собиратели", привозившіе въ Москву выкупленныхъ ими полонянниковъ, съ избыткомъ выручали благодаря царской щедрости деньги, затраченныя на богоугодное дѣло. Самой угодной Богу жертвой было выкупить полонянника, „вмѣсто смерти дать ему животъ". Богатые люди отказывали въ завѣщаніяхъ деньги „на искупленіе плѣненныхъ", какой-нибудь богатый паломникъ, замаливавшій въ Іерусалимѣ свое прежнее „блудное и скверное житіе", не находилъ ничего лучшаго, какъ освободить изъ рабства хотя бы одного полонянника, несмотря на то, что это было сопряжено „со многими издержками и хлопотами" [2]).

Уже въ XVI вѣкѣ въ Россіи былъ организованъ сборъ полоняничныхъ денегъ, который Уложеніе обратило въ обязательный для всѣхъ классовъ общества. „Таковое искупленіе общая милостыня нарицается, и Благочестивому Царю и всѣмъ православнымъ христіаномъ за то великая мзда отъ Бога будетъ", говоритъ Уложеніе. Владѣльцы иногда отпускали полонянниковъ безъ уплаты окупа за поруками на денежныхъ лицъ, напримѣръ, русскихъ посланниковъ. В. Б. Шереметевъ въ 1662 году ручался въ окупѣ за многихъ полонянниковъ, видя „погибающихъ людей Великаго Государя, а свою братью, православныхъ христіанъ", продаваемыхъ „жидами" на каторги. Вратиславъ разсказываетъ, что турки отпускали невольниковъ за поруками ихъ товарищей, но въ случаѣ обмана отрѣзали у поручителей уши и пальцы, выбивали зубы и каждую пятницу жестоко били ихъ палками.

Были особые промышленники, которые скупали плѣнныхъ на Востокѣ и привозили ихъ въ Москву, гдѣ получали за нихъ окупъ. Въ числѣ этихъ скупщиковъ живого товара первое мѣсто занимали греки-царегородцы. Было принято за правило привезеннаго для окупа полонянника назадъ „въ невѣріе не отпущати".

Въ 1645 году гречанинъ Исай Остафьевъ привезъ выкупленнаго имъ нижегородца Ларіона Молчанова и просилъ дать за него

---

[1]) Ефимокъ около 50 копѣекъ.

[2]) Пр. 1445, 3—6; хожденіе В. Гагары, 88.

окупу 125 рублей „да харчей и провозу“ 25 рублей. Полонянникъ слезно молилъ дать греку эти деньги. „А, будетъ твоего царскаго жалованья, ко мнѣ бѣдному не будетъ, говорилъ онъ, и въ тѣхъ деньгахъ ему, Исаю, опять меня везть въ бусурманскую землю“. Послѣ неоднократныхъ просьбъ Молчанова греку былъ выданъ окупъ, но съ убавкою, всего 100 рублей.

Уложеніе, увѣщевая всѣхъ „не щадить сребра человѣка ради“, въ то же время не хотѣло тратить денегъ даромъ. Высшая норма окупа за служилыхъ людей была по 20 рублей со 100 четвертей ихъ помѣстнаго оклада; за пашенныхъ крестьянъ и за боярскихъ людей выплачивалось всего по 15 рублей. „Откупленнику“ предоставлялось „платить собою, что за тѣмъ окупу не достанетъ“ [1]). Впрочемъ, все зависѣло отъ милости Государя. Полонянникъ такъ и просилъ „денегъ на милостыню, чѣмъ ему тотъ окупъ заплатить, какъ тебѣ, Великому Государю, Богъ извѣститъ“. Для „необышныхъ“ полонянниковъ, знатныхъ или близкихъ ко Двору, была особая оцѣнка

„И мы того не запираемся, писалъ Иванъ Грозный своему попавшему къ татарамъ любимцу Василію Грязному, что ты у насъ въ приближеньѣ былъ, и мы для приближенья твоего тысячи двѣ рублевъ дадимъ, а доселѣва таліе по 50 рублевъ бывали“. Когда къ крымцамъ попалъ въ плѣнъ бояринъ В. Б. Шереметевъ, они совсѣмъ обезумѣли отъ жадности, воображая, что „такой человѣкъ дать можетъ татаръ безъ счету и денегъ безъ смѣты“, „украинныхъ три города со всѣми жители“. Даже благоразумный ханъ Аадиль-Гирей просилъ за него 70.000 ефимковъ и 50 татаръ. За князя Андрея Григорьевича Ромодановскаго, попавшаго въ плѣнъ въ 1668 году, татары просили ни болѣе, ни менѣе какъ 80.000 ефимковъ и 60 татаръ. „Болѣе 10.000 рублей за меня не дадутъ“, утверждалъ кн. Ромодановскій. „Какъ не дадутъ?—возражали татары,—отецъ твой (извѣстный бояринъ князь Григорій Григорьевичъ) бояринъ и владѣетъ всею Украйною; хотя съ шапкою пойдетъ, то соберетъ съ Украйны 100.000“. „Хотя бы ханъ велѣлъ меня замучить, то больше 10.000 не будетъ“, стоялъ на своемъ Ромодановскій.

Московское правительство торговалось до упаду, предлагало тысячъ 10 или 20 и въ крайнемъ случаѣ 50.000 серебряными деньгами, старалось подмаслить ханскихъ ближнихъ людей, обѣщало „додать“ за Шереметева бывшаго въ плѣну въ Москвѣ польскаго гетмана Гонсѣвскаго, замышляло даже „вывезть тайнымъ

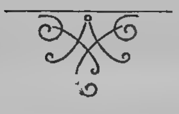
[1]) Лохвицкій. О плѣнныхъ по древнему русскому праву, гл. III, 13.

обычаемъ" столь дорогого полоняника. Въ концѣ концовъ сошлись на 40.000 рублей... Татары старались нажить сколь можно больше и на рядовыхъ полонянникахъ. Въ 1643 году, напримѣръ, были взяты въ плѣнъ воронежцы Петръ Толмаговъ, Плакида Темирязевъ и Иванъ Шишкинъ; татары въ Азовѣ „посадили ихъ на большихъ окупахъ" по особенной для каждаго расцѣнкѣ; съ Темирязева просили 525 рублей, съ Толмагова—340, съ Шишкина—270 рублей; изъ казны же было дано на окупъ—Темирязеву 200 рублей, Шишкину—100, а Толмагову всего 80. Веневитинъ Титъ Өедоровъ пробылъ въ плѣну 70 лѣтъ и при всей своей дряхлости и неспособности къ работѣ долженъ былъ заплатить за себя 70 рублей.

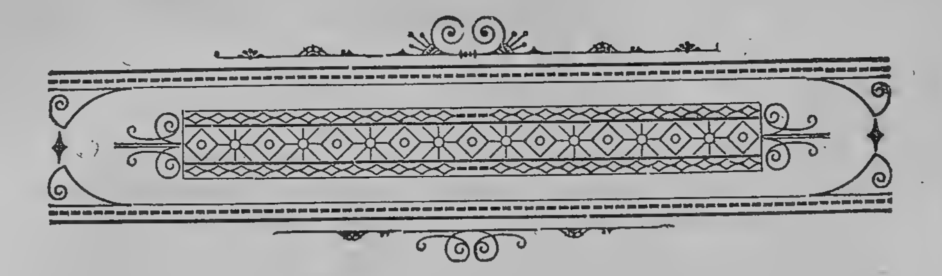
Правительство, какъ всегда при такихъ торгахъ, хитрило, торговало полонянника, „гораздо искрѣпка", называло его „худымъ обычнымъ человѣкомъ". Бывали и явные обманы. Полонянники давали на себя кабалъ, что „платить имъ на Москвѣ", и по кабаламъ за себя не платили. Въ 1670 году на Терки была привезена окупная казна, и „въ окупныхъ серебряныхъ деньгахъ въ мѣшкахъ на исподи положено было мѣдныхъ денегъ 2.100 рублевъ". Татары съ наивной искренностью возмущались такимъ обманомъ со стороны тѣхъ, кого они захватили вопреки всякому праву. „Напередъ сего такой неправды въ окупахъ не бывало, негодовали они, чтобъ такой неправды и обману нынѣ и впредь отъ полонянниковъ не было и къ ссорѣ бы за то не привело" [1]).

В. Шереметевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Пр. 225, 34; Барсуковъ, VI, 19, 268, VII, 295, 366, VIII, 469; Пр. 158, 353.

Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура.

Штурмъ.

I [1]).

Шесть дней шла бомбардировка. Небольшое бетонное укрѣпленіе шаговъ 150 въ ширину и столько же въ длину долбилось безконечно и жестоко нѣсколькими десятками тяжелыхъ орудій. Четыре японскія 11-дюймовыя батареи непрерывно швыряли свои бомбы на фортъ. Громадные пятнадцатипудовые снаряды съ тяжелымъ зловѣщимъ гудѣніемъ неслись съ разныхъ сторонъ, падали и разрывались съ невѣроятной силой.

Отъ этихъ разрывовъ дрожала земля, и у людей наступало нѣсколько мгновеній оцѣпенѣнія. Въ придачу къ этимъ изумительнымъ бомбамъ посылали снаряды меньшія орудія. Ихъ было 24 тяжелыхъ осадныхъ пушки съ пудовыми бомбами, рвавшимися съ чернымъ удушливымъ дымомъ. Полевыя орудія рвали надъ головами шрапнель, а деревянными мортирами кидали десятками фунтовъ пироксилина.

Съ сосѣднихъ укрѣпленій эти шесть дней не видѣли форта. Вмѣсто него стояло густое, черное облако дыма, какъ на громадномъ пожарѣ, и лишь языки пламени прорѣзывали эту клубящуюся массу.

На форту сидѣли обреченные люди. Они забились во всѣ самые

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1913 г.

затаенные уголки, въ блиндажи, казематы, сидѣли, съежившись и сгорбившись, въ каждой ямкѣ. Но ночамъ выносили мертвыхъ и умирающихъ, а на смѣну имъ приходили новыя партіи. Съ тревожными безпокойными глазами, нервно оглядываясь и вздрагивая отъ грохота, входили эти новички на страшный фортъ.

Черезъ шесть дней японцы рѣшили, что довольно. Имъ, какъ и всякому постороннему наблюдателю, казалось несомнѣннымъ, что въ этомъ облакѣ чернаго дыма, на этомъ страшномъ пожарѣ живыхъ людей быть не можетъ. Десятки тысячъ снарядовъ должны были уничтожить этотъ кусокъ, несчастныя 50 × 50 саженъ за шесть дней непрерывнаго долбленія. Оставалось лишь занять пустое мѣсто такъ же спокойно и равнодушно, какъ они разстрѣливали до сихъ поръ этого беззащитнаго врага.

Въ длинныхъ параллельныхъ траншеяхъ скопились готовыя для исполненія этой задачи японскія роты. Передовыя находились передъ рвомъ форта, имѣя въ рукахъ лѣстницы, ручныя бомбочки и запасы патроновъ. Ихъ штабы дѣятельно работали, разсылая приказанія, подготовляя послѣдній рѣшительный и вѣрный ударъ.

А на небольшомъ форту сидѣли, забившись, отупѣлые голодные люди, и лишь нѣсколько рѣшительныхъ офицеровъ сохраняли, хотя и взволнованные, наружное спокойствіе. Телефонъ давно уже былъ оборванъ и этотъ искалѣченный фортъ былъ предоставленъ самому себѣ, въ надеждѣ на нѣсколькихъ удальцовъ, которые удержатъ эту измученную, оцѣпенѣвшую массу.

II.

Маленькій коренастый матросъ въ сбитой на затылокъ фуражкѣ, весь сгорбившись, сидѣлъ верхомъ на пулеметномъ сидѣніи и непрерывно палилъ. Холщевая лента съ патронами, грязная и засоренная, съ трудомъ проходила и отъ времени до времени застрѣвала. Его помощникъ, бородатый солдатъ изъ запасныхъ, расправлялъ тогда ленту, возился съ механизмомъ, и трескотня шла дальше.

Вправо и влѣво отъ пулемета лежали кучками солдаты и тоже палили. Они хватали цѣлые цинковые ящики съ патронами, неловкими суетливыми движеніями раскрывали ихъ и сыпали патроны въ полы шинели, въ сумки, либо просто на землю. Стрѣльба шла по люнету, сосѣднему нашему укрѣпленію, на которомъ развѣвались флаги съ ненавистнымъ изображеніемъ восходящаго солнца. Шагахъ въ 150 можно было различить невысокій валикъ укрѣп-

ленія, накиданныя кучи мѣшковъ съ землей и кое-гдѣ высовывающіеся желтые околыши японскихъ фуражекъ.

Все неровное поле безпрерывно покрывалось дымками рвущихся снарядовъ, а за укрѣпленіями къ сторонѣ нашихъ резервовъ лопались со свистомъ шрапнели.

Лѣвѣе пулемета подымалось одноэтажное бетонное зданіе, за которымъ находился главный дворикъ форта. Чтобы попасть туда, надо было пройти сквозь бетонное зданіе, для чего тамъ имѣлись сквозныя ворота.

Стрѣлявшимъ не было видно, что дѣлается на главномъ дворикѣ форта, но имъ было извѣстно, что тамъ идетъ штурмъ.

Всего нѣсколько минутъ тому назадъ по форту пронесся тревожный говоръ:

— Японцы на люнетѣ!

И молчаливый, пустынный фортъ закипѣлъ той страшной, взволнованной, суетливой жизнью, которая овладѣваетъ въ опасныя минуты встревоженными людскими массами. Изъ всѣхъ потаенныхъ уголковъ, изъ блиндажей, казематовъ, изъ каждой норки выскакивали люди, хватавшіе дрожащими руками винтовки, патроны и неровными, спотыкающимися шагами бѣжали къ валамъ на свои мѣста.

Изъ офицерскаго каземата кучей вылетѣли комендантъ и кучка офицеровъ и вѣеромъ разбѣжались въ разныя стороны. Я направился по заранѣе сдѣланному расписанію на задній дворикъ форта для обстрѣливанія люнета.

Уже минутъ пять шло обстрѣливаніе люнета, но японскіе флаги продолжали упорно развѣваться на укрѣпленіи. Волненіе среди солдатъ нѣсколько улеглось, суетливая бѣготня прекратилась. Методически стрѣляли люди, опустошая цѣлые ящики патроновъ вмѣстѣ съ неустаннымъ пулеметомъ.

Вдругъ какая-то волна людей едва не сшибла меня съ ногъ. Цѣлыя толпы солдатъ появились изъ воротъ, ведущихъ съ главнаго дворика форта, и, опрокидывая всѣхъ встрѣчающихся на пути, стремглавъ летѣли на мостикъ. Толкая другъ друга на мостикѣ, они съ трудомъ протискивались и уходили съ форта.

Эта страшная картина бѣгущихъ людей, бородатыхъ, полуразстегнутыхъ, безъ ружей, съ полоумными глазами сразу нагнала ужасъ на моихъ стрѣлявшихъ солдатъ. Вотъ одинъ бросилъ винтовку, вскочилъ и мигомъ исчезъ въ толпѣ бѣгущихъ. За нимъ другой... третій... И черезъ нѣсколько секундъ лишь одинъ матросъ-пулеметчикъ да десятокъ солдатъ продолжали поддерживать стрѣльбу.

Тщетно я и два унтеръ-офицера, растопыривъ руки, не пускали людей на мостикъ. Солдаты проскальзывали подъ руками, отталкивали унтеръ-офицеровъ, съ угрожающимъ видомъ замахивались штыками и прикладами, и людской потокъ безудержно перекатывался черезъ мостикъ.

Еще моментъ, и гибель форта казалось неизбѣжной. Но гдѣ же комендантъ? Гдѣ другіе офицеры?..

Я еще не зналъ, что комендантъ съ перебитыми пулеметомъ ногами доживаетъ послѣднія минуты на солдатской койкѣ въ подвальномъ казематѣ. Не зналъ такъ же я, что всѣ офицеры перебиты. И я бросился ихъ искать на главномъ дворикѣ форта, откуда бѣжали люди.

Едва я вскочилъ въ сводчатыя ворота форта, какъ ко мнѣ подбѣжалъ артиллерійскій фейерверкеръ съ окровавленной головой:

— Ваше благородіе, фортъ заняли японцы...

— А гдѣ же комендантъ? Гдѣ офицеры?..

— Всѣ перебиты... дочиста всѣ...

При этомъ онъ пытался, какъ остальные, юркнуть съ форта. Но я его держалъ крѣпко за руку и продолжалъ допрашивать:

— Ты видѣлъ?.. Самъ видѣлъ?..

Фейерверкеръ клялся и божился, но я по опыту зналъ, что значатъ эти разсказы въ устахъ солдатъ, объятыхъ паникой.

Хотя я былъ уже въ воротахъ, но главный дворикъ форта мнѣ не былъ виденъ: выходъ на него закрывался заслономъ изъ мѣшковъ, чтобы снаряды не попадали въ ворота. Налѣво отъ меня была дверь въ офицерскій казематъ, направо—дверь въ кухню и далѣе въ капониръ.

Положеніе было критическое. Фортъ погибалъ, а людей не было. Въ воротахъ было пусто, и потокъ людей прекратился.

Не отдавая себѣ яснаго отчета, я вбѣжалъ въ кухню. Длинный, темный казематъ-кухня казался пустымъ. Но еще десятокъ, другой шаговъ, и я увидѣлъ знакомыя сидячія фигуры забившихся солдатъ.

Я понялъ, что здѣсь есть люди. Я понялъ, что сюда забилась въ паникѣ часть людского потока. Эти потерявшіе сознаніе бѣглецы въ своемъ страшномъ психологическомъ нетерпѣніи спрятаться, уйти отъ ужаса бомбъ, разрывовъ, пуль, штыковъ забѣжали въ первое укрытое мѣсто, не отдавая себѣ отчета, что это ловушка. Въ ихъ оцѣпенѣвшемъ мозгу не шевельнулась простая мысль, что изъ каземата одинъ выходъ,—это въ ворота и, если японцы займутъ фортъ, то этого выхода не будетъ.

И не зная, какъ поднять этихъ ошалѣвшихъ людей, я въ эту крайнюю минуту, въ страшномъ напряженіи, употребилъ рѣшительный пріемъ:

— Японцы на форту... сейчасъ будутъ въ воротахъ!..

Секунда молчанія, и вдругъ люди, какъ подтолкнутые какой-то внезапной силой, вскочили и побѣжали. Бѣжалъ и я впереди всѣхъ, прислушиваясь съ надеждой къ гулкому топоту, раздававшемуся сзади меня.

По кухнѣ надо было пробѣжать шаговъ тридцать—сорокъ. Тогда мы выскакивали въ ворота, и налѣво дорога вела на мостикъ, вонъ съ форта, а направо былъ выходъ на фортъ.

Мы бѣжали по кухнѣ, вѣроятно, секундъ пятнадцать—двадцать. Но вотъ и ворота... Куда?.. Направо или налѣво?..

Эта мысль мелькнула, какъ лучъ, какъ зигзагъ молніи... Я бросился направо и всѣ люди, какъ одинъ, за мной. Мы бѣжали на фортъ. Не съ форта, а на фортъ, на японцевъ, на то самое страшное мѣсто, откуда эти люди убѣжали съ ужасомъ, въ невѣроятной паникѣ, не будучи въ состояніи сдержать себя...

Впослѣдствіи, отдавая себѣ отчетъ во всемъ происшедшемъ, я долго не могъ понять, въ чемъ было дѣло, почему объятые страхомъ люди бросились не съ форта, а на фортъ. И, только спустя нѣкоторое время, мнѣ стало понятно это странное движеніе массы.

У нашихъ солдатъ есть привычка въ минуту растерянности ждать указанія. Ждать толчка, куда идти, что дѣлать. Этотъ первый толчекъ рѣшаетъ все и потомъ ихъ ужъ не удержать.

Люди несомнѣнно бѣжали, имѣя одну мысль—уйти отъ японцевъ, уйти со страшнаго форта. Но, когда я повернулъ направо, ихъ оцѣпенѣвшее сознаніе не разобрало смысла этого движенія. Офицеръ прибѣжалъ ихъ спасать, первый крикнулъ:—„японцы“. Они естественно пошли за нимъ. Предварительно было шаговъ тридцать разбѣга. Люди бѣжали толпой, топоча, какъ стадо, офицеръ впереди. Офицеръ повернулъ, и они, съ разгону, ничего не соображая, дернулись за нимъ. Быть можетъ, кому-либо и показалось это страннымъ, но думать было некогда. А повернулъ одинъ, другой, и за нимъ всѣ.

Итакъ мы выскочили на фортъ.

Десятка три-четыре японцевъ торчали около нашихъ пушекъ. Смуглыя лица, желтыя фуражки... Главная масса ихъ на валу. Лежатъ, держа ружья наготовѣ.

Наши солдаты, увидѣвъ неожиданно врага, остолбенѣли. Нѣсколько секундъ остановки. Впередъ или назадъ?.. Неужели назадъ...

Низенькій японскій офицеръ вскочилъ въ лежавшей толпѣ и, потрясая саблей, соскочилъ съ вала на дворикъ форта.

Этого движенія было достаточно.

Какъ одинъ человѣкъ, наши солдаты бросились впередъ, едва не сбивъ меня съ ногъ. Точно озвѣрѣли... Съ гикомъ и крикомъ пролетѣли они безудержно шаговъ тридцать, отдѣлявшіе ихъ отъ японцевъ, и точно вонзились въ врага.

Какъ калейдоскопъ, замелькала передо мной картина рукопашной схватки. Штыки, приклады, фигуры обхватившихъ другъ друга людей... Какъ ужасный сонъ, проносилась эта картина передъ глазами.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и перевелъ глаза на валъ: тамъ было пусто. Очевидно, неожиданнаго появленія нашихъ солдатъ, ихъ бѣшенаго порыва было достаточно, чтобы врагъ не выдержалъ. Остались лишь самые упорные, и съ ними шла ожесточенная бойня.

Я продолжалъ стоять, озираясь кругомъ. Жестокій эпизодъ привлекъ мое вниманіе.

Японскій офицеръ, маленькій, разъяренный, весь подпрыгивая, какъ мячикъ, налетѣлъ на нашего артиллериста. Я зналъ этого солдата. Высокій, бѣлобрысый съ робкимъ, молодымъ лицомъ... Неуклюже ткнулъ онъ мимо японца непривычную винтовку, и сильный ударъ саблей по рукѣ заставилъ его присѣсть. Я бросился къ нему, но новый ударъ саблей по головѣ, и солдатъ повалился съ расколотымъ черепомъ. И въ это время появившійся откуда-то матросикъ ткнулъ штыкомъ въ спину офицера. Японецъ упалъ, а матросъ вмѣсто того, чтобы вынуть штыкъ, продолжалъ ковырять имъ въ извивающемся тѣлѣ врага.

— Брось, брось,—крикнулъ я, и вдругъ неожиданный толчекъ ошеломилъ меня. Я оглянулся. Коренастый японскій солдатъ, безъ фуражки, съ кровянымъ пятномъ на лицѣ отскочилъ отъ меня и припалъ на одно колѣно.

Я былъ въ лѣтнемъ пальто съ шашкой черезъ плечо. Когда крикнули „штурмъ“, я схватилъ со стола свой ногановскій револьверъ и второпяхъ сунулъ его въ лѣвый карманъ пальто.

И вотъ теперь, столкнувшись съ японцемъ, я торопливымъ движеніемъ полѣзъ въ карманъ и сталъ вытаскивать этотъ неуклюжій, большой револьверъ. Конечно, онъ въ такую минуту за что-то зацѣпился и не вылѣзалъ. А японецъ, стоя на одномъ колѣнѣ, быстро заряжалъ винтовку. Еще одно усиліе и, оборвавъ что-то около кармана, я вытащилъ свое громоздное оружіе. Японецъ, приложивъ голову къ прикладу, цѣлился въ меня въ трехъ шагахъ.

Я выстрѣлилъ, и вдругъ рѣзкій толчекъ, точно кто-то ткнулъ въ меня съ размаху чѣмъ-то широкимъ и тяжелымъ. Ударъ былъ сильный, и я не могъ устоять на ногахъ. Взмахнувъ руками, я грохнулся на спину. Въ глазахъ потемнѣло, и лишь маленькій кусочекъ неба смотрѣлъ на меня.

Два солдата осторожно подняли меня и понесли на рукахъ. Спотыкаясь о раскиданные трупы, обломки бетона, съ трудомъ волокли они меня по двору. До офицерскаго каземата было далеко и меня понесли въ подвальный этажъ каземата.

Въ темномъ сводчатомъ помѣщеніи было биткомъ набито ранеными. Въ воздухѣ стоялъ шумный бурливый говоръ и разносились тяжелые протяжные стоны. Фельдшеръ быстро и неаккуратно перевязывалъ раненыхъ, тратя на каждаго едва минуту. Нѣкоторые перевязывали себя сами марлей изъ индивидуальныхъ пакетовъ. Осторожно, съ нѣкоторымъ даже уваженіемъ разматывали они длинные свернутые бинты, обворачивая себѣ ноги и руки. На нарахъ лежали тяжелые и умирающіе.

Мои носильщики положили меня на нару около печки. Рядомъ со мной лежалъ какой-то закрытый шинелью раненый. Почувствовавъ прикосновеніе моего тѣла, онъ спросилъ глухимъ сердитымъ голосомъ:

— Ну, кого еще тамъ принесли?

По голосу я узналъ коменданта.

— Это я, Николай Семеновичъ...

— А, Вы... И Васъ хватило...

Онъ помолчалъ и тяжелымъ тоскливымъ шопотомъ произнесъ:

— А я умираю...

Мнѣ было трудно говорить, и я лишь съ трудомъ спросилъ:

— Куда Васъ?..

Онъ прошепталъ еще тише:

— Умираю...

Ко мнѣ подошелъ фельдшеръ. Наклонившись надо мной и обдавая меня крѣпкимъ виннымъ запахомъ, онъ разстегивалъ меня и приговаривалъ:

— Ничего, живы будете... до свадьбы заживетъ...

И наконецъ сердито спросилъ:

— Куда же вы ранены?..

Я показалъ на животъ.

— Ага, вижу,—сказалъ онъ, наткнувшись наконецъ на рану.

Съ лѣвой стороны живота подъ окровавленной рубашкой оказалось небольшое пулевое отверстіе.

— До свадьбы заживетъ,—бормоталъ полупьяный фельдшеръ, обматывая меня бинтомъ,—заживетъ, попируемъ еще...

Я посмотрѣлъ на свою повязку: сквозь нее медленно просачивалась кровь.

Фельдшеръ тоже смотрѣлъ на покраснѣвшій бинтъ и съ недоумѣніемъ спрашивалъ:

— Что за притча?...

— Дай свой пакетъ,—обратился онъ къ проходившему солдату. Солдатъ вытащилъ изъ кармана грязный пакетикъ и сталъ зубами его надрывать.

— Да давай же скорѣй,—сердито крикнулъ фельдшеръ и принялся снова меня обматывать.

Но и эта повязка покрылась кровью. Впослѣдствіи оказалось, что пьяный фельдшеръ нашелъ только одно входное отверстіе на животѣ и не подумалъ искать выходное отверстіе, бывшее на поясницѣ. Оттуда и просачивалась кровь.

Сорвавъ съ нары грязную простыню, фельдшеръ нервнымъ движеніемъ обвернулъ ее вокругъ меня. И, какъ на зло, черезъ нѣсколько секундъ на простыни стали выступать пятна крови.

Фельдшеръ пожалъ плечами:

— Противорѣчитъ медицинской наукѣ... сверхъ-естественно-магическое явленіе...

И пошелъ перевязывать другихъ раненыхъ. Ихъ было много, терпѣливо ждавшихъ милостиваго вниманія пьянаго эскулапа. Среди нихъ тоже попадались веселенькія физіономіи. За рѣдкими исключеніями и уцѣлѣвшіе солдаты были „въ градусѣ“.

Воспользовавшись тѣмъ, что всѣ офицеры перебиты, они опустошили наши запасы водки, коньяку и вина, и теперь нетрезвые, шатающіеся, безъ офицеровъ они представляли легкую добычу для непріятеля. Но жестоко побитые японцы не рискнули сунуться во второй разъ, хотя нѣсколько часовъ до прибытія резерва фортъ былъ совершенно беззащитенъ.

Мой сосѣдъ по койкѣ, комендантъ, лежалъ мрачно и неподвижно. Значительно обезсилѣвъ, лежалъ безпамятно и я, чувствуя, какъ кровь течетъ по ногамъ, набирается въ рейтузы и сапоги. Но сознаніе не покидало меня ни на минуту.

Въ казематѣ было темно, душно и грязно. Какой-то пьяненькій раненый съ перевязанной рукой сѣлъ прямо на меня, придавивъ простыню къ ранѣ.

— А?— съ удивленіемъ промычалъ онъ, когда я кое-какъ зашевелился,—баринъ, его благородіе...

Неловко передвигаясь, онъ сползъ съ меня.

Вся эта обстановка крайне тяжело дѣйствовала. Страшно хотѣлось воздуха, свѣта. Нервы ослабли, и я едва удерживался, чтобы не заплакать.

Нѣсколько разъ я пытался остановить проходившихъ солдатъ и приказать себя понести на верхъ. Но они не слышали моего негромкаго голоса...

Часа черезъ два меня отыскалъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ артиллеристовъ. Изъ его разсказа я узналъ, что изъ гарнизона въ 400 человѣкъ осталось едва 80—90, да и тѣ пьяны. Пошли за резервомъ. Начальниковъ нѣтъ, у орудій ни одного солдата.

Я ему приказалъ понести себя наверхъ. Взваливъ меня на плечи, онъ съ трудомъ пошелъ среди валяющихся на землѣ раненыхъ. Я его обхватилъ руками за шею, а онъ поддерживалъ меня попеременно то правой, то лѣвой рукой.

Рана при этомъ путешествіи причиняла большія страданія. Внутри живота прямо точно что-то горѣло. А солдатъ спотыкался на каждомъ шагу, тащилъ меня съ усиліемъ по лѣсенкѣ, по двору форта, наталкивались на раскиданные трупы, обломки бетона, осколки снарядовъ.

Это мучительное путешествіе длилось необыкновенно долго, но все же я былъ радъ, что я наконецъ наверху, что я вышелъ изъ-подъ земли.

Въ офицерскомъ казематѣ обѣ кровати были заняты: на каждой лежало по офицеру. Мой носильщикъ, измученный тяжелой ношей, не зная, куда меня дѣвать, положилъ меня на полъ между кроватями, съ чѣмъ я вполнѣ примирился. Эта полугрязная комната съ тусклой керосиновой лампочкой показалась мнѣ въ эту минуту послѣ душнаго подвала симпатичнымъ, уютнымъ уголкомъ.

Но скоро я убѣдился, что мое ложе не такъ удобно. Офицерская комната была проходная между канцеляріей и кухней. Въ обычное время солдаты обходили кругомъ, а сейчасъ шмыгали прямо черезъ комнату, спотыкаясь объ меня.

Я всмотрѣлся въ лежащихъ на кроватяхъ офицеровъ и назвалъ ихъ по имени. Ни одинъ не отвѣчалъ.

— Эге,—подумалъ я,—да живы ли они...

Я схватилъ за ногу переступавшаго черезъ меня бородача, и тотъ нагнулся надо мной:

— Баринъ?... Чего Вы здѣсь лежите, ваше благородіе?...

Онъ схватилъ за ногу лежащаго на кровати офицера и потянулъ его. Медленно сползло тѣло съ кровати и грохнулось о полъ. Голова офицера нѣсколько разъ подпрыгнула, и снова все тѣло неподвижно застыло. Офицеръ былъ мертвъ.

Бородачъ поднялъ меня и уложилъ на его мѣсто. Стало покойнѣе, только рана болѣла, да сапоги и штаны, полные крови, давали непріятное ощущеніе.

Я вспомнилъ, какъ ранили этого офицера. Онъ прибѣжалъ въ офицерскую комнату и сказалъ, что ему плохо, что вблизи его разорвалась ручная японская бомбочка. Мы его раздѣли и начали осматривать. Никакихъ слѣдовъ крови, только большой синякъ на боку. Неужели онъ отъ него умеръ?

Лишь потомъ я узналъ, что газами его контузило въ бокъ и разбило печень.

Другой офицеръ, прапорщикъ З., былъ тоже мертвъ. Струйка крови на лбу показала мнѣ, гдѣ его смертельная рана.

III.

Я лежалъ до вечера. Выносить нельзя было, ибо мостикъ черезъ ровъ обстрѣливался пулеметами съ 80 шаговъ. Пронести можно только съ наступленіемъ темноты, когда, наконецъ, и начали выноску раненыхъ.

Мое раненіе меня волновало. Раны въ животъ считались очень тяжелыми, а между тѣмъ я весь день лежалъ почти безъ перевязки, такъ какъ, конечно, нельзя было считать повязкой бинтъ, наложенный лишь на одно отверстіе раны.

Съ наступленіемъ ночи понесли коменданта. Для него нашлись цѣлыя носилки, неразбитыя еще снарядомъ. Для остальныхъ носилки нужно было импровизировать.

Четыре солдатика положили меня на шинель и понесли. Положеніе было неудобное и мучительное. Я не лежалъ въ носилкахъ, а сидѣлъ, при чемъ колѣни упирались въ носъ. Солдаты неровно держали за концы, поминутно оступались и шли не въ ногу.

Когда меня проносили къ мостику, я увидѣлъ влѣво отъ себя общую могилу. Въ небольшую довольно глубокую яму было свалено около десятка труповъ въ различныхъ положеніяхъ: кверху ногами, бокомъ, стоймя. Эти искаженныя лица, эти накиданные, какъ куча дровъ, трупы давали тяжелую картину, передъ которой блѣднѣютъ патентованные „ужасы войны", выставляемые въ собраніяхъ картинъ на страхъ мирному обывателю.

До города было версты полторы. Дорога шла вначалѣ по длинной канавѣ съ валиками по бокамъ, предохранявшими проходящихъ отъ непріятельскихъ пуль. Утомительное путешествіе длилось необыкновенно долго. Встрѣчные люди заграждали путь, заставляли

носильщиковъ прижиматься къ стѣнамъ канавы, и все это отражалось на положеніи моего тѣла, принимавшаго самыя неудобныя позы.

По выходѣ изъ канавы носильщики положили на землю и усѣлись покурить. Надъ нами разстилалось темное небо, а по сторонамъ стояла совершенно непроглядная темень. Снаряды отъ времени до времени прорѣзывали огненной кривой горизонтъ. Въ разныхъ мѣстахъ поля, на пригоркахъ и сопкахъ ярко зажигались упавшія бомбы, разлетаясь красными огненными брызгами. Стучалъ пулеметъ, и тоненькимъ звукомъ визжали пули, но на душѣ было покойно послѣ пережитыхъ тревогъ. Незамѣтно для себя я заснулъ, и только толчки принявшихся за меня носильщиковъ вывели меня изъ этого безмятежнаго состоянія.

Послѣ продолжительнаго и нелегкаго передвиженія съ десятками приваловъ съ раскуриваемыми цыгарками и болтовней, носильщики меня донесли, наконецъ, до перваго госпиталя. Стражъ, въ тулупѣ прохаживающійся у воротъ, рѣшительно заградилъ входъ.

— Сюда нельзя, — категорически заявилъ онъ,—не велѣно пущать, полно.

— Куда жъ намъ его дѣвать?—недоумѣвающе спросили носильщики,—нешто бросить здѣсь...

— Насъ не касается... тащи въ другой госпиталь.

Очевидно, предстояло весьма непріятное путешествіе по госпиталямъ.

Въ госпиталѣ Краснаго Креста другой стражъ встрѣтилъ насъ столь же недружелюбно, но мои солдатики извелись.

— Что жъ, положимъ его здѣсь... передъ воротами... можетъ, смилостивлются и возьмутъ, а намъ тащить больше некуда.

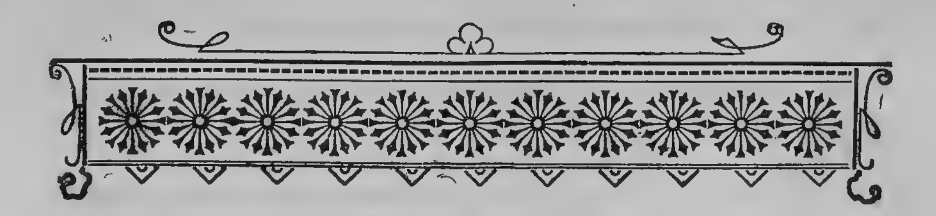
Эта перспектива встревожила сердитаго сторожа. Онъ сталъ уговаривать нести дальше, но мои носильщики были непреклонны.

— Некуда намъ его тащить... и такъ цѣльный день пролежалъ на форту... тамъ сколько хошь лежитъ покалѣченныхъ... его перваго принесли... извѣстно, баринъ... офицеръ... ну, а дальше тащить не станемъ.

И меня снова положили на холодную, сырую землю.

Новое сосѣдство, однако, весьма смутило моего стража, и онъ съ тяжелымъ вздохомъ пріоткрылъ ворота. Черезъ нѣсколько минутъ я лежалъ въ длинномъ ряду раненыхъ на полу пріемнаго покоя, ожидая очереди.

К. Шумскій.

Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтлова [1]).

21 февраля, 1835 г., когда Г. Е. еще учился въ Камышинскомъ духовномъ училищѣ, умерла отъ трудныхъ родовъ его нѣжно любимая мать Варвара Андреевна 37 лѣтъ, о которой онъ всегда вспоминалъ съ благоговѣніемъ и любовію. По смерти жены, отецъ Г. Е., уже никѣмъ ни сдерживаемый, еще сильнѣе сталъ пить, такъ что и умеръ 44 лѣтъ, 29 ноября 1838 г., говорятъ послѣ большого перепоя (въ метрикахъ отъ водянки). Теперь у Г. Е. изъ близкихъ людей остались вдова-тетка дьячиха съ двумя дочерьми и его дѣдушка. Хотя отецъ Г. Е., жившій въ богатомъ приходѣ, могъ бы нажить большой капиталъ, но послѣ него, по словамъ Г. Е., вообще мало осталось; деньги были положены въ приказъ общественнаго призрѣнія. Первое время Г. Е. могъ еще существовать на деньги, вырученныя отъ продажи имущества, оставшагося по смерти отца и затѣмъ дѣда, отставного пономаря Ивана Гаврилова, умершаго 91 года 21 октября 1839 г. [2]), но потомъ средства къ жизни стали изсякать, и онъ сталъ проситься на полуказенное содержаніе, на которое онъ былъ принятъ съ братомъ Серапіономъ только послѣ вторичнаго прошенія. Я привожу его дословно, чтобы показать, съ какими познаніями выходили изъ духовнаго училища въ семинарію лучшіе ученики, проучившіеся $5^1/_2$ лѣтъ.

---

[1]) См. „Русская Старина" январь 1913 г.

[2]) Изъ метрическихъ книгъ Владимірской церкви, села Владиміровка, Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи; между тѣмъ въ некрологѣ Благосвѣтлова („Дѣло", № 11, 1880 г.) и въ статьѣ Н. Шелгунова: Переходные характеры („Русская Мысль", книга 3. 1888 г.) разсказывается, со словъ Г. Е., будто бы дѣдъ его, дьячекъ одного изъ селъ Саратовской губерніи, завидя пугачевцевъ, подступающихъ къ селу, взобрался на колокольню и

Его Высокопреподобію Ректору и Магистру Саратовскихъ духовныхъ училищъ Отцу Гавріилу.

Учениковъ Саратовскаго духовнаго училища высшаго отдѣленія Григорія Благосвѣтлова и низшаго отдѣленія Серапіона Благосвѣтлова.

Покорнѣйшее прошеніе.

Мы нижайше осмѣливаемся утруждать вторично Васъ своимъ прошеніемъ.—Мы уже лишившіеся отца своего въ 1838 годѣ, бывшаго въ слободѣ Владиміровкѣ священникомъ, а матери мы не имѣемъ 6 [1]) лѣтъ. Итакъ къ кому прибѣгнуть, у кого просить помощи къ содержанію себя; между тѣмъ какъ насъ сиродствующихъ осталось четыре человѣка [2]). Итакъ просимъ Васъ всепокорнѣйше неблагоугодно ли Вамъ будетъ принять насъ въ число учениковъ пользующихся казеннымъ полукоштнымъ содержаніемъ. На что и будемъ ожидать Милостивѣйшаго Вашего рѣшенія. Къ сему прошенію означенный ученикъ руку приложилъ [3]). 1840 года, генваря 8 дня.

Я жилъ съ Г. Е. въ бурсѣ,—разсказывалъ мнѣ почтенный протоіерей г. Саратова, Иванъ Викентьевичъ Любомудровъ. Такъ какъ бурса нѣсколько разъ описывалась, то я не считаю нужнымъ говорить о ней [4]). Какъ имѣющій отца, который, находясь съ большою семьею безъ должности, самъ очень нуждался, я былъ на полуказенномъ содержаніи и терпѣлъ большую нужду во всемъ, въ особенности въ одеждѣ, которою снабжали меня товарищи, давая мнѣ лѣтомъ свое зимнее платье, а зимою лѣтнее; начальство же или не видѣло моей бѣдности, или не хотѣло безпокоиться обо мнѣ; только помню, что насъ, очень бѣдныхъ, было много. Ночью, въ сильный холодъ, я покрывался полосатою лошадиною попоною, ко-

---

сталъ бить въ набатъ, и несмотря на требованіе перестать, упрямый старикъ продолжалъ звонить, за что пугачевцы сволокли его съ колокольни и убили.

[1]) Невѣрно: пять лѣтъ.

[2]) Александръ, Григорій, Серапіонъ и сестра Раиса, бывшая впослѣдствіи замужемъ за священникомъ Предтеченскимъ.

[3]) Послѣ словъ: „руку приложилъ“ не поставлено ни имени, ни фамиліи, но писалъ прошеніе Г. Е.

[4]) Скажу только, что наша бурса была несравненно хуже Помяловской бурсы.

торую дали мнѣ добрые люди изъ жалости ко мнѣ. Увидя, что попона плохо согрѣваетъ меня, Г. Е., только-что поступившій въ бурсу, накрылъ меня своею фризовою шинелью и съ тѣхъ поръ сталъ ложиться спать на койкѣ, рядомъ со мною, и накрывалъ меня шинелью. Чрезъ нѣсколько времени онъ подарилъ мнѣ свой натольный тулупъ, который покрылъ на свои деньги нанкою. Но этимъ не ограничились попеченія обо мнѣ Г. Е. На страстной недѣлѣ, въ пятницу 1840 г., онъ купилъ мнѣ нанковый сюртукъ и полосатыя брюки. Одѣвшись въ первый разъ въ жизни въ такой роскошный для меня тогда костюмъ, я сердечно благодарилъ его и теперь, когда я почти касаюсь одной ногой могилы, вспоминаю объ этомъ съ глубокою благодарностію. Съ тѣхъ поръ я привязался къ Г. Е., который сталъ даже руководить меня въ моихъ занятіяхъ, и я сдружился съ нимъ такъ, что долго поддерживалъ эту дружбу перепискою.

Въ іюнѣ 1840 г. Г. Е. кончилъ курсъ Саратовскаго духовнаго училища, имѣя отъ роду 16 лѣтъ. Въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему училищнымъ начальствомъ, онъ аттестованъ такъ: способностей и прилежанія превосходныхъ, поведенія примѣрнаго, въ грамматикахъ латинской, греческой, россійской и славянской оказалъ успѣхи превосходные, въ пространномъ катихизисѣ, церковномъ уставѣ, священной исторіи, ариѳметикѣ, географіи, нотномъ пѣніи и чистописаніи весьма хорошіе.

Наконецъ мы приняты въ семинарію, которая составляла мечты многихъ лѣтъ, гдѣ уже, какъ мы знали, не сѣкутъ и обращаются болѣе благородно и гдѣ учиться, какъ мы предполагали, совсѣмъ нетрудно, потому что мы часто слышали, какъ семинаристы горланили пѣсню, изъ которой только одинъ припѣвъ остался у меня въ памяти:

Эти книжки—мнѣ игрушки!
Финтифлюшки—финтифлю!

и въ простотѣ сердечной вѣрили въ правдивость этихъ словъ.

Дѣйствительно, многіе учителя или, какъ тогда ихъ называли, профессора, составляли гордость семинаристовъ и о достоинствахъ ихъ разсуждали ученики и спорили, кто изъ нихъ лучше. Нѣкоторые учителя говорили въ классѣ лекціи (учитель Г. С. Воскресенскій), и такимъ образомъ мы могли слышать живое слово; другіе, какъ учитель Сокольскій, заставляли насъ писать въ классѣ послѣ объясненія сочиненія, чѣмъ пріучили насъ излагать свои мысли. Переведенный впослѣдствіи въ Казанскую духовную академію профессоромъ, Гордѣй Семеновичъ Саблуковъ, былъ хорошій

пумизматъ и знатокъ восточныхъ языковъ, особенно арабскаго и татарскаго, на которомъ онъ свободно объяснялся и даже перевелъ алькоранъ на русскій языкъ и на татарскій евангеліе и служебникъ. Саблуковъ былъ эгоистъ, человѣкъ самоувѣренный; слово его—законъ, но очень умный. Онъ иногда смѣшилъ насъ своими остротами. „Садись, дерево, на дерево“, скажетъ онъ бывало ученику, который или неудачно отвѣтитъ, или плохо. Педагогическіе его пріемы тоже поражали насъ. Желая наглядно показать ученикамъ направленіе теченія Волги, Г. С. говорилъ: *ходи Волгу*, и ученикъ долженъ ходить по классу съ сѣвера на югъ такъ, чтобы представить всѣ главные повороты Волги. Синайскій, составитель греческихъ словарей, былъ очень умный и преданный своему дѣлу учитель. Вообще составъ учителей въ семинаріи былъ незаурядный.

И несмотря на это, съ первыхъ же уроковъ въ семинаріи мы были разочарованы въ своемъ мнѣніи относительно ея. Книжки вовсе не были игрушкаму: насъ, какъ и въ училищѣ, заставляли зубрить уроки и постоянно подтрунивали надъ нами, если кто-нибудь изъ учениковъ скажетъ что-нибудь изъ урока своими словами: „Э! да ты свои слова вставляешь! Нѣтъ, братъ, умнѣе и лучше книги не скажешь. Не выучилъ урока—и болтаешь?“ Хотя сѣчь перестали, но ставили насъ на колѣни и въ уголъ, заставляли въ наказаніе въ столовой во время обѣда молиться и класть извѣстное число земныхъ поклоновъ, смотря по винѣ и проч. Мнѣніе нѣкоторыхъ лучшихъ учениковъ шло въ разрѣзъ съ общимъ господствующимъ отзывомъ о нашихъ учителяхъ: ученики говорили, что отъ нашихъ учителей нельзя научиться и что кто имѣетъ хорошія способности и дарованія, тотъ долженъ самъ заниматься, иначе нельзя пріобрѣсть отъ нихъ никакихъ знаній. Въ наше время въ семинаріи былъ небольшой кружокъ выдающихся лучшихъ учениковъ, который, кромѣ обязательныхъ занятій—приготовленій уроковъ къ классамъ, занимался самостоятельно, кто чѣмъ хотѣлъ. Родственники семинаристовъ, бывшіе въ академіяхъ и университетахъ, давали совѣты, что читать и чѣмъ вообще заниматься. Я помню, какъ одному моему товарищу его братъ-университантъ прислалъ много книгъ изъ Петербурга для приготовленія въ университетъ, а равно и для самообразованія. Благосвѣтловъ примкнулъ къ такому кружку. Помимо уроковъ онъ много самъ занимался. Будучи въ семинаріи, онъ изучилъ французскій и нѣмецкій языки и читалъ много книгъ. Такъ какъ семинарская библіотека была недоступна для учениковъ и въ ней, кромѣ учебниковъ и книгъ духовнаго содержанія, не было другихъ книгъ для чтенія, то Г. Е. бралъ книги на прокатъ у торговцевъ пѣшаго базара, продающихъ на столикахъ всякій

хламъ и книги; знакомые также снабжали его книгами. Начальство запрещало намъ читать свѣтскія книги, считая ихъ или ненужными для нашей будущей дѣятельности, или развращающими насъ, и если, бывало, инспекторъ семинаріи, архимандритъ Тихонъ, увидитъ у какого-нибудь ученика свѣтскую книжку, то возьметъ ее и никогда уже не отдастъ; поэтому мы читали свѣтскія книжки украдкой и льнули къ нимъ, какъ къ запрещенному плоду. Сначала Г. Е. читалъ безъ разбора, что ни попало; но затѣмъ онъ уже оцѣниваетъ книги по достоинству. Въ низшемъ отдѣленіи семинаріи онъ прочелъ Исторію Карамзина, при чемъ дѣлалъ изъ нея много выписокъ; кромѣ того, онъ постоянно читалъ любимый тогда журналъ „Библіотеку для чтенія" и восхищался сочиненіями Жуковскаго и Пушкина. Имѣя постоянно много книгъ, Г. Е., по просьбѣ своихъ товарищей, давалъ имъ читать ихъ; при этомъ онъ высказывалъ свои сужденія. „Капитанскую дочку не читай", говорилъ мнѣ Г. Е., давая, по моей просьбѣ, сочиненія Пушкина: „проза у Пушкина слаба; стихи—другое дѣло!" Но я прочелъ и ее.

Живо, какъ теперь, представляется мнѣ Г. Е., какъ идетъ онъ съ пѣшаго базара, переваливаясь изъ стороны въ сторону и помахивая руками. Одѣтъ онъ неряшливо: сѣрый казинетовый сюртукъ съ костяными пуговицами сидѣлъ на немъ бокомъ; черный галстукъ, который обязательно должны были носить семинаристы, былъ у него узломъ на сторонѣ; старая фуражка прикрывала его всклоченные волосы. „Нашъ разгильдяй-то идетъ съ базара безъ книгъ:—вѣрно, ничего не отыскалъ у торговокъ", любовно посмѣиваются надъ нимъ между собою семинаристы, увидя его хмураго, идущимъ съ пѣшаго базара. А онъ молча проходитъ мимо ихъ, почти не обращая вниманія. Это было въ то время, когда Г. Е., „кромѣ пищи и жилища, во всемъ прочемъ очень нуждался". Хотя деньги, оставшіяся по смерти отца, и лежали въ приказѣ общественнаго призрѣнія, но ему, какъ и другому его брату, Серапіону, который ходилъ даже безъ сапогъ, босикомъ, и его одѣвала изъ жалости вдова священника, Веселовская, живущая и теперь въ Покровской слободѣ, что противъ Саратова, правленіе семинаріи, несмотря на просьбы, не дозволяло брать изъ приказа даже и процентовъ; между тѣмъ, Г. Е., какъ состоящій только на полуказенномъ содержаніи, долженъ покупать на свой счетъ не только бѣлье, одежду и обувь, но даже и мыть бѣлье, и у него не было денегъ даже на гребенку; вотъ, почему онъ, какъ и многіе другіе ученики, не былъ причесанъ. Начальство же не обращало вниманія на внѣшность; поэтому одѣвались, во что только могли, и не чесали волосъ, такъ какъ нечѣмъ было чесать. Преосвящен-

ный Іаковъ смотрѣлъ даже косо на лицъ, любящихъ хорошо одѣться. Такъ онъ недолюбливалъ и даже не представлялъ къ наградѣ очень хорошаго и трезвой жизни учителя за то только, что онъ одѣвался очень прилично и носилъ бакенбарды. Такимъ образомъ, семинарія положила на Г. Е. свой особый отпечатокъ, сообщивъ ему безпорядочность и неряшливость въ одеждѣ и вообще въ наружности.

Хотя Г. Е. былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ немногими товарищами, особенно съ тѣми, съ которыми жилъ въ одной комнатѣ, но уважали его всѣ и искали случая поговорить съ нимъ. Какъ только онъ, бывало, появится на семинарскомъ дворѣ, то его окружали ученики, и онъ, поворачиваясь на своихъ кривыхъ ногахъ то къ одному, то къ другому, велъ съ ними оживленный разговоръ. Вообще онъ былъ очень хорошій товарищъ: онъ не обижалъ и не оскорблялъ никого, никому не отказывалъ въ помощи и даже руководилъ многихъ въ занятіяхъ: когда, бывало, онъ замѣтитъ, что не такъ дѣлаютъ, то непремѣнно обратитъ на это вниманіе. Читалъ я разъ своимъ товарищамъ, собравшимся вокругъ меня „Овсяный кисель", Жуковскаго. Проходя случайно мимо меня и услышавъ мое плохое чтеніе, Г. Е. остановился и замѣтилъ, что я не такъ читаю; взялъ книгу и прочелъ выразительно все стихотвореніе. Онъ всегда былъ серьезенъ; мы рѣдко видѣли его смѣющимся. Когда онъ бывалъ веселъ, то любилъ поговорить. Рѣчь его, серьезная, оригинальная и обдуманная, лилась потокомъ. Краснорѣчіе его становилось увлекательнѣе и убѣдительнѣе по мѣрѣ увеличенія толпы, которая всегда собиралась вокругъ него, когда онъ говорилъ, такъ какъ краснорѣчіемъ семинаристы вообще не отличались, послушать же они очень любили; но когда онъ видѣлъ, что слушатели его уменьшаются, онъ изъ самолюбія переставалъ говорить и уходилъ. Рѣчь его поражала всѣхъ. „Изъ какой книги говорите вы?" спрашивали его. „Говоритъ какъ по-печатному", разсказывали про него его слушатели. Онъ говорилъ самоувѣренно. „Скажетъ слово—молоткомъ приколотитъ", отзывались о немъ.

Начальство и учителя относились къ нему благосклонно и даже съ уваженіемъ: онъ никогда не только не принималъ участія въ кутежахъ своихъ товарищей, которые частенько тогда бывали, но и не слушалъ даже сальныхъ и пустыхъ разговоровъ и всегда уходилъ, когда при немъ начинались подобные разговоры; вообще, онъ велъ себя безукоризненно и безупречно. Учился онъ тоже очень хорошо, за что учителя очень часто хвалили и ставили его намъ въ примѣръ. Сознавая его превосходство предъ нами, мы не только не завидовали ему, но даже гордились имъ, какъ свѣтлою

звѣздою въ нашемъ курсѣ, думая, что изъ него выйдетъ или монахъ-аскетъ, или высокоученый человѣкъ.

Онъ удивлялъ насъ своими способностями и неутомимымъ прилежаніемъ. Въ то время, какъ въ комнатѣ вокругъ него происходили бѣготня, шумъ, крики, пѣніе, какъ всегда бываетъ, когда ученики въ свободное время отъ классныхъ занятій остаются безъ надзора, Г. Е. сядетъ за столъ, зажметъ уши и читаетъ, не обращая вниманія на то, что дѣлается вокругъ него. А то отправится заниматься въ семинарскую баню, чтобы никто не развлекалъ его. Въ 10 часовъ вечера всѣ ученики должны идти въ спальни спать, Г. Е. оставался въ комнатѣ, назначенной для занятій, и просиживалъ тамъ цѣлыя ночи за работой. Узнавши объ этомъ, инспекторъ Тихонъ запретилъ ему оставаться послѣ 10 часовъ для занятій, но ему не спалось: когда всѣ спятъ, онъ ходитъ, бывало, ночью безъ огня по спальнѣ и о чемъ-то думаетъ.

Сначала обратила вниманіе начальства на Г. Е. его необыкновенная память. Однажды преосвященный Іаковъ выразилъ инспектору свое желаніе, чтобы ученики знали наизусть нагорную проповѣдь, которая, какъ извѣстно, заключается въ трехъ главахъ (5, 6 и 7 главы евангелія отъ Матвѣя). Разумѣется, его желаніе безпрекословно было исполнено. Прошло нѣсколько времени послѣ того, и многіе изъ насъ даже позабыли ее. Но, вотъ, является въ классъ архіерей и спрашиваетъ инспектора, выучена ли нагорная проповѣдь. Получивъ утвердительный отвѣтъ и желая убѣдиться въ дѣйствительности этого, онъ обратился къ Благосвѣтлову, тогда еще ничѣмъ невыдававшемуся, и велѣлъ ему прочесть. Удивленіе всѣхъ было полное, когда Г. Е. проговорилъ всю нагорную проповѣдь, ясно, громко, безъ запинки и съ чувствомъ! Преосвященный похвалилъ Г. Е. и поблагодарилъ инспектора. Особенно заговорили о Г. Е., какъ о выдающейся личности, въ философскомъ классѣ, гдѣ задавались ученикамъ сочиненія, или, какъ тогда называли, задачки, на отвлеченныя и философскія темы. Обыкновенно сочиненіе каждаго ученика было написано на поллистѣ или на листѣ бумаги; Г. Е. же, какъ много читавшій и знавшій, представлялъ учителю сочиненіе на нѣсколькихъ листахъ, которое часто прочитывалось преподавателемъ всему классу, какъ образцовое. Одно изъ его сочиненій было настолько хорошо и замѣчательно, что многіе были увѣрены, что писалъ его кончившій курсъ Саратовской семинаріи въ 1834 г. Иринархъ Ивановичъ Введенскій, извѣстный переводчикъ Диккенса. Какъ бы то ни было, но вліяніе И. И. Введенскаго на Г. Е. Благосвѣтлова еще въ семинаріи было несомнѣнно. Но такъ какъ единственный біографъ его, Г. Е. Благо-

свѣтловъ, невѣрно передалъ многія біографическія подробности Введенскаго, то мы исправимъ невѣрныя свѣдѣнія объ этой интересной личности, насколько они касаются Г. Е. Благосвѣтлова.

Сынъ священника села Жуковки, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи, И. И. Введенскій, а равно и его сестры, живя еще въ домѣ родителей, выучились французскому языку у помѣщиковъ того села, Жукова и Эшмана, въ домахъ которыхъ они часто бывали, а сестры даже и жили у Эшмана. У Жукова было много французскихъ книгъ, состоящихъ изъ сочиненій Вольтера и энциклопедическаго содержанія и вывезенныхъ имъ изъ Франціи, которую онъ посѣщалъ. Большая часть этихъ книгъ перешла впослѣдствіи къ Введенскому. Воспитанный на чтеніи такой литературы, Введенскій поступилъ въ Саратовскую семинарію [1]), прекрасно зная французскій языкъ, такъ что онъ поражалъ своими познаніями въ немъ не только семинарскую корпорацію, но и саратовскую интеллигенцію, присутствовавшую на публичныхъ семинарскихъ экзаменахъ, которые были для Введенскаго полнѣйшимъ тріумфомъ. Благодаря своему знанію французскаго языка, онъ бывалъ у архіерея Іакова и даже жилъ, по приглашенію его, въ рождественскія каникулы въ архіерейскомъ домѣ вмѣстѣ съ пѣвчими, читая иногда архіерею по вечерамъ французскія книги; кромѣ того, онъ былъ принятъ у губернатора Переверзева [2]) и вице-губернатора Муромцева и въ другихъ аристократическихъ домахъ, гдѣ встрѣчалъ иногда французовъ, изъ плѣнныхъ, оставшихся у насъ послѣ 1812 г. Французы эти, поступая къ русскимъ въ качествѣ учителей и гувернеровъ, отличались полнѣйшимъ невѣжествомъ и имѣли простонародный выговоръ, такъ какъ почти всѣ были изъ провинціальныхъ крестьянъ, за исключеніемъ одного Савена. Введенскій, хорошо владѣя французскимъ литературнымъ языкомъ, часто уличалъ французовъ въ незнаніи ими литературнаго языка, такъ что они не только избѣгали его, но въ буквальномъ смыслѣ убѣгали отъ него изъ опасенія быть осмѣянными.

А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Онъ перешелъ въ Саратовскую семинарію изъ Пензенской, въ среднее отдѣленіе (философскій классъ).

[2]) Благосвѣтловъ въ біографіи Введенскаго говоритъ, что Введенскій, „перебравшись изъ Московскаго университета въ Петербургскій, надѣялся застать въ Петербургѣ П. и воспользоваться его покровительствомъ“. Подъ иниціаломъ П. скрыта фамилія бывшаго саратовскаго губернатора Переверзева.

Воспоминанія стараго педагога.

XI [1]).

Польская рухавка въ Кіевѣ и ея комическій характеръ.—Неудачная защита и исключеніе изъ гимназіи бѣжавшихъ въ повстанье учениковъ.

Въ концѣ апрѣля 1863 г. въ темную ночь, подъ предводительствомъ бывшаго берейтора университетскаго Ольшанскаго вышло изъ Кіева сотни двѣ повстанцевъ. Изчезновеніе изъ пансіона нѣскольких старшихъ воспитанниковъ я впрочемъ замѣтилъ еще съ вечера и напрасно велѣлъ ихъ въ разыскивать городѣ. На другой день скоро все объяснилось. Бибиковскій бульваръ уже съ утра оживился. Шли войска, ѣхали пушки, двигались массы народа любопытныхъ поглазѣть какъ ведутъ плѣнныхъ. Около 12 час. привезли въ городъ умирающаго солдатика, раненаго инсургентами. Остановились возлѣ клиники, со всѣхъ сторонъ сбѣжались тысячи народа. Раненый, почти умирающій, лежалъ неподвижно, а возлѣ него ветеранъ 12-го года Зуевичъ держалъ патріотическую рѣчь зажигательнаго свойства. Тысячи народа были страшно возбуждены и возмущены въ особенности тѣмъ, что инсургенты застрѣлили нашего солдата въ то время, когда войскамъ еще не разрѣшено было начинать стрѣльбу. Попечитель приказалъ немедленно привести въ извѣстность всѣхъ бѣжавшихъ въ повстанье и исключить ихъ изъ списковъ учени-

---

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1912 г.

ковъ гимназій. Въ тотъ же день собранъ педагогическій совѣтъ и на немъ-то оказалась вся сила ловкихъ польскихъ дѣятелей, руководившихся приготовленіями къ возстанію исподтишка, но притворявшихся огорченными, что молодые люди вышли въ повстанцы. Во время засѣданія совѣта моя оппозиція и во главѣ ея русскій учитель исторіи, весьма добродушный, но недалекій господинъ, разумѣется, подъ вліяніемъ учителей-поляковъ, сидѣвшихъ въ совѣтѣ молча, выступилъ съ эффектною рѣчью въ защиту бѣжавшихъ воспитанниковъ, оправдывая ихъ тѣмъ, что они увлечены благородною любовью къ своему отечеству. Я далъ оратору окончить рѣчь и затѣмъ, вставши, съ своей стороны держалъ рѣчь, что въ Кіевѣ я знаю одно только отечество Россію и что не время говорить о любви къ польскому отечеству ополяченныхъ русскихъ, когда за стѣнами они проливаютъ кровь русскихъ. Мой оппонентъ не имѣлъ однако столько благоразумія, чтобы замолчать, и началъ снова поддерживать свое мнѣніе о снисхожденіи; тогда я прямо замѣтилъ, что я не могу допустить въ совѣтѣ его разглагольствій въ такомъ направленіи и, если онъ не замолчитъ, закрою засѣданіе совѣта. Только такимъ образомъ мнѣ удалось остановить потокъ краснорѣчія и благополучно завершить засѣданіе совѣта. Совѣтъ единогласно рѣшилъ исключить бѣжавшихъ въ повстанье учениковъ. Только три голоса: оратора русскаго и двухъ поляковъ отказались отъ подачи голоса.

Однако не скоро еще окончилась моя борьба съ польскою партіею. Въ 1863 г. по распоряженію генералъ-губернатора и попечителя я командированъ былъ въ м. Немировъ для участія въ производствѣ политическаго слѣдствія о жандармахъ-отравителяхъ. Возмутительное это дѣло началось въ Немировской гимназіи съ того, что ученикъ VII класса полякъ Мисѣвичъ передалъ товарищу своему ополяченному русскому православному Баковецкому ядъ для отравленія учителя гимназіи Воронаго (яраго) весьма вліятельнаго, но яраго противника поляковъ. Ученикъ, получившій ядъ или потому, что очень любилъ учителя, или просто вслѣдствіе того, что въ немъ проснулась совѣсть, сознался во всемъ учителю. Дано знать директору, попечителю и генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ Анненковъ назначилъ подъ предсѣдательствомъ помощника командующаго войсками генерала Семякина комиссію изъ старшаго чиновника особыхъ порученій Андреевскаго и, по указанію попечителя, меня. Въ началѣ ноября мы въ одинъ день двинулись въ путь и всѣ трое встрѣтились на станціи въ Бѣлой церкви, а за тѣмъ вмѣстѣ же отправились въ Немировъ и расположились въ палацѣ Потоцкаго, въ которомъ была отведена квар-

тира для слѣдовательной комиссіи. Скоро разъяснилось все дѣло. Гимназистъ Мисѣвичъ оказался только орудіемъ другого лица, которое именовало себя капитаномъ жандармовъ. Это былъ молодой человѣкъ, недавно окончившій университетъ, нѣкто Левецкій. Мы успѣли его разыскать и арестовать. Оказался очень ловкій и, повидимому, скромный молодой человѣкъ съ бѣлокурою небольшою бородкою, со всѣми признаками хорошаго тона. Мы съ Андреевскимъ согласились обойтись съ нимъ какъ можно вѣжливѣе и дѣйствительно своимъ спокойствіемъ довели его до раскаянія. Предъ нами раскрылась не столько со словъ Левецкаго, сколько изъ разныхъ бумагъ, захваченныхъ при арестахъ (которымъ признано необходимымъ до 40 арестовъ), вся, такъ сказать, подноготная польской интриги. Пришлось производить изслѣдованіе о такъ называемой пантофлевой почтѣ преимущественно посредствомъ евреевъ, а также разбирать всѣвозможные шифры и всякія переписки. Я заинтересовался дѣломъ и незамѣтно, помимо производства слѣдствія, перешелъ на почву изслѣдованія причинъ польскаго возстанія. Почти цѣлый мѣсяцъ[1]) я провелъ въ Немировѣ и успѣлъ изучить всѣ тайныя пружины польской интриги среди милліоновъ русскаго православнаго населенія. Оказалось, что это въ высшей степени курьезное явленіе обусловливалось въ значительной степени тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находился Юго-Западный край со времени возсоединенія его съ Россіею.

По присоединеніи Кіевской, Волынской и Подольской губерній во второй половинѣ 18-го вѣка русское правительство, повидимому, мало обращало вниманія на особенности края и на предупрежденіе ополяченія края. Между тѣмъ, польское дворянство, захватившее въ свои руки обширныя помѣстья, приняло съ своей стороны самыя рѣшительныя мѣры для этой цѣли. Средствомъ къ этому служили школы, на учрежденіе которыхъ, съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ, не скупились паны. Послѣ возстанія 1830 г.

---

[1]) Странно, однако, распоряжалось правительство подъ конецъ производства дѣла. Сначала былъ отозванъ помощникъ командующаго войсками Семякинъ, потомъ уѣхалъ Андреевскій, и я съ огромнымъ дѣломъ и массою арестованныхъ остался одинъ въ громадномъ палацѣ Потоцкаго, имѣя помѣщенія возлѣ балкона, выходившаго въ тѣнистый садъ. Мнѣ предлагали солдатика для охраны, но я разсудилъ, что такая мѣра не защититъ меня и скорѣе вызоветъ катастрофу, а потому отказался отъ охраны и въ теченіе одной недѣли былъ одинъ, пока не пріѣхалъ новый слѣдователь. Полякамъ ничего не стоило изъ саду, черезъ балконъ, пробраться въ мою квартиру и уничтожить меня, вмѣстѣ съ дѣломъ. Но подъ вліяніемъ страха, или по другимъ причинамъ они меня оставили въ покоѣ.

польскія школы закрыты, но взамѣнъ ихъ не дано достаточнаго числа школъ русскихъ. Мало того, крестьянскому, т. е. русскому православному населенію вовсе воспрещено было поступленіе въ высшія дворянскія школы. Вся интеллигенція края, за исключеніемъ Кіева, сосредоточивалась въ средѣ польскаго дворянства, Во всемъ краѣ былъ единственный магазинъ съ русскими книгами. Въ домахъ употреблялся календарь Бердичевскій на польскомъ и русскомъ языкѣ. Независимо отъ того, въ началѣ царствованія Императора Александра II, благодаря новымъ либеральнымъ вѣяніямъ, поляки принялись просвѣщать народъ на польскихъ букваряхъ и даже устроили тайныя общества для распространенія въ краѣ польскихъ книгъ. Польскіе буквари раздавались даромъ или даже навязывались. Даже православное духовенство непрочь было пощеголять знаніемъ польскаго языка, чему я лично былъ свидѣтелемъ во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи. Неудивительно, что, благодаря такимъ благопріятнымъ условіямъ, значительная часть населенія быстро ополячилась.

Даже въ Кіевѣ, гдѣ въ началѣ XIX столѣтія не было ни одного учащагося въ Главномъ народномъ училищѣ поляка, даже въ Кіевѣ на каждомъ шагу слышался польскій языкъ и состояло два книжныхъ магазина съ польскими книгами.

XII.

Изданіе „Кіевскаго народнаго календаря".—Замѣна имъ Бердичевскаго польскаго календаря. — Нападеніе на изданіе кіевскихъ украинофиловъ.— Сочувствіе изданію календаря и быстрое увеличеніе числа подписчиковъ.

Возвратившись въ Кіевъ послѣ командировки, я подробно изложилъ попечителю округа всѣ мои соображенія о мѣрахъ противодѣйствія польской интригѣ и вмѣстѣ представилъ и свое предположеніе объ изданіи въ Кіевѣ „Народнаго календаря", который бы могъ замѣнить мало-по-малу „Бердичевскій календарь". Попечитель принялъ очень сочувственно мои предложенія, и я немедленно взялся за дѣло, посовѣтовавшись съ помощникомъ попечителя Михневичемъ, который нѣсколько лѣтъ издавалъ „Одесскій календарь". Я горячо взялся за изученіе календарнаго дѣла и за тѣмъ за составленіе календаря. Къ лѣту 1864 г. я уже приготовилъ Кіевскій народный календарь на 1865 годъ. Оставалось приступить къ печатанію его; но вдругъ встрѣтилось затрудненіе. Польскій календарь издавали безпрепятственно; но изданіе русскаго календаря признано подрывомъ монополіи академіи, а потому составленную мною

рукопись попечитель представилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и просилъ разрѣшенія мнѣ приступить къ печатанію моего труда. По разсмотрѣніи въ министерствѣ, я, наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ получилъ разрѣшеніе приступить къ изданію моей книги. Я обратился въ типографію Кіево-Печерской лавры и просилъ о скорѣйшемъ напечатаніи календаря. Въ теченіе мѣсяца типографія, снабженная въ это время новыми скоропечатными машинами, успѣла выпустить книгу въ десяти тысячахъ экземпляровъ. Первое изданіе быстро разошлось, можно сказать не болѣе, какъ въ двѣ недѣли. Я немедленно напечаталъ еще 5 тыс.; но и этихъ оказалось недостаточно. Въ концѣ декабря я еще прислалъ напечатать три съ половиною тысячи экземпляровъ. Такъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ разошлось 18.500 экз. календаря. Такое быстрое распространеніе книги (въ особенности, если принять во вниманіе, что я по неопытности не сдѣлалъ объявленія о книгѣ въ газетахъ, и въ распространеніи ея пользовался только услугами единственнаго тогда кіевскаго книгопродавца Литова), несомнѣнно доказываетъ, что мною была угадана потребность въ краѣ въ русской настольной книгѣ и что слѣдовало всѣми мѣрами поддержать изданіе.

Въ этихъ видахъ бывшій кіевскій генералъ-губернаторъ Александръ Павловичъ Безакъ, находя Кіевскій народный календарь удовлетворяющимъ своему назначенію, призналъ необходимымъ оказать русскому изданію свое дѣйствіе воспрещеніемъ Бердичевскаго польскаго календаря на томъ основаніи, что онъ издается на польскомъ языкѣ и не можетъ удовлетворять потребностямъ большинства населенія Юго-Западнаго края.

Тѣмъ не менѣе по усмиреніи польскаго возстанія, когда поляки совершенно затихли, выступилъ моимъ оппонентомъ и съ яростью набросился на мою скромную книжку или лучше на мой первый опытъ календарной дѣятельности кружокъ украинофиловъ, который въ то время трудился надъ изданіемъ народныхъ книжекъ на малороссійскомъ нарѣчіи и хлопоталъ о признаніи этого послѣдняго нарѣчія школьнымъ языкомъ. Появленіе моего календаря, на общерусскомъ литературномъ языкѣ, понятно разсматривалось негласно моими оппонентами, какъ подрывъ ихъ дѣятельности; и такъ какъ я по происхожденію—малороссъ, то они стали смотрѣть на меня какъ на ренегата, измѣнившаго интересамъ своей родины. Такой взглядъ высказывался, разумѣется, не печатно; но тѣмъ не менѣе меня, признаюсь, крайне огорчалъ и побудилъ меня выступить на защиту своего изданія. Началась полемика, которая, какъ я ни старался держаться на почвѣ литературнаго спора, скоро однако

перешла въ область національныхъ пререканій. Двадцать слишкомъ лѣтъ продолжался этотъ горячій споръ, который постоянно поддерживалъ меня въ напряженномъ состояніи и заставлялъ развивать въ ущербъ своимъ матеріальнымъ средствамъ мою издательскую дѣятельность. Въ пылу своей горячности и увлеченія я кромѣ календаря, изданія котораго расходились съ начала въ 40 тыс., потомъ въ 50, въ 60 и даже въ 67-ми тысячахъ экземпляровъ, началъ десятками тысячъ экземпляровъ издавать букварь, книгу для чтенія и друг. книги, назначая продажную цѣну не дороже 2 к. за печатный листъ. Календарь вмѣсто четырехъ обѣщанныхъ листовъ сталъ издавать въ 12-ти. И все дальше и дальше увлекался подъ вліяніемъ патріотическихъ стремленій, которыя мои оппоненты прозвали почему-то квасными. Но это и естественно: съ ихъ точки зрѣнія, мой патріотизмъ могъ показаться даже и горькимъ для нихъ, какъ бы я ни старался подсластить его пользою дѣла. Весьма интересно припомнить всѣ перипетіи моей полемики съ крайними украинофилами, полемики, которая, нужно правду сказать, не убѣдила спорящихъ, но лично мнѣ принесла пользу въ томъ отношеніи, что я могъ выработать ясное сознаніе своей роли и окончательно утвердиться въ своихъ убѣжденіяхъ.

XIII.

Мои отношенія къ малороссійскому сепаратизму.—Кулишъ и его „Основа“.—Пребываніе Кулиша въ Черниговѣ.—Кіевскій кружокъ украинофиловъ и его дѣятельность.

Еще на университетской скамьѣ, когда арестовали Костомарова и Шевченка, я при всемъ сочувствіи къ Костомарову, какъ къ профессору, и къ Шевченку, какъ народному поэту; при всемъ несочувствіи къ неумѣстной строгости правительства, не могъ не сознавать всей нелѣпости малороссійскаго сепаратизма и въ особенности не сочувствовалъ обнаруженному корифеями украинофильства стремленію обособленія языка, литературы и школы малороссійской. Мнѣ всегда казался страннымъ взглядъ на выработавшійся исторически обще-русскій литературный языкъ, какъ на иностранный, и еще страннѣе было стремленіе нѣкоторыхъ господъ помимо существующаго языка школы, для мужиковъ выдумать мужичій языкъ и учить на немъ въ такъ называемой народной школѣ, на югѣ Россіи. Вотъ почему еще въ пятидесятыхъ годахъ, по вступленіи на престолъ Александра II, когда малороссійскій сепаратизмъ высказался и началъ упорно проводиться въ нѣкото-

рыхъ органахъ печати и когда, въ бытность мою учителемъ Черниговской гимназіи, мы, учители гимназіи, и въ числѣ ихъ нѣсколько ярыхъ приверженцевъ украинофильства (такъ, напримѣръ, И. П. Дорошенко, докторъ Носъ, или какъ его мы называли по-малороссійски, Нисъ, переводчикъ басенъ Крылова на малороссійское нарѣчіе Л. И. Глѣбовъ и друг.), начали собираться другъ у друга и обсуживать текущія дѣла, я выступилъ постояннымъ антагонистомъ обособленія или сепаратизма. Но это были дружескіе споры, чисто теоретическаго характера, которые не вносили ни капли горечи въ мои товарищескія отношенія. Въ интимныхъ бесѣдахъ я не стѣснялся высказывать свои искреннія убѣжденія на свой взглядъ на отношеніи Сѣвера и Юга или великороссовъ и малороссовъ, доказывалъ, что спасеніе для Малороссіи одно и главное средство развитіе гражданственности и политической свободы ея заключается въ полномъ единеніи языка и школы. Проводя такой взглядъ, я не руководствовался политикою, ни такъ названнымъ моими оппонентами кваснымъ патріотизмомъ, а просто стоялъ за историческую правду и потому что въ увлеченіи моихъ дорогихъ земляковъ, которыхъ очень любилъ, видѣлъ грубую ошибку, которая при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ быть обращена врагами русской народности во вредъ Россіи и въ ущербъ народныхъ интересовъ моей родины. Мнѣ толковали, что малороссы особый народъ, такъ же чуждый великороссамъ, какъ и поляки, и что какъ особый народъ или особая нація они должны имѣть свой особый литературный языкъ, свою особую школу. Но всѣ эти доводы для меня были тѣмъ менѣе убѣдительны, что мои друзья проводили ихъ не столько по собственному убѣжденію, сколько по внушенію литературныхъ органовъ, которые съ расцвѣтомъ свободы слова, совпадавшей съ возвращеніемъ изъ ссылки Костомарова и Шевченки, начали свободно защищать такія ошибочныя тенденціи. Скоро кружокъ украинофильскій въ Петербургѣ, въ главѣ съ такъ называемыми на тогдашнемъ языкѣ „мучениками за свободу“ Костомаровымъ, Шевченкомъ, Бѣлоозерскимъ и Кулишемъ, открылъ свою публицистическую дѣятельность изданіемъ органа своей партіи, подъ названіемъ „Основы“. Издатель и главный поставщикъ статей для этого журнала, П. К. Кулишъ, основательно готовился къ изданію его, разъѣзжая по всей Малороссіи для собранія матеріаловъ и на мѣстѣ приглашая сотрудниковъ, что впрочемъ не предупредило рановременной смерти „Основы“, а также того, что сами же украинофилы прозвали свою „Основу“ горшкомъ съ Кулишемъ, иронически указывая, что въ послѣдній годъ существованія „Основы“ Кулишъ всецѣло дѣлаетъ ее своимъ

личнымъ журналомъ, который по недостатку сотрудниковъ преимущественно наполнялъ своими трудами.

Въ 1859 г. лѣтомъ Кулишъ прибылъ въ Черниговъ и началъ играть роль великаго литератора и вмѣстѣ малороссійскаго патріота. Я въ это время много трудился надъ исторіей учебныхъ заведеній. Объ этомъ знали мои друзья украинофилы; такъ какъ я прочитывалъ имъ нѣкоторые интересные эпизоды изъ прошлаго. Вѣроятно, они сообщили о моей дѣятельности и Кулишу. По всей вѣроятности, Кулишъ, желая пріобрѣсть сотрудника, явился ко мнѣ, сколько помнится, съ докторомъ Нисомъ и учителемъ Дорошенкомъ и началъ уговаривать меня писать по-малорусски. Я, ничтоже сумняся, прямо высказалъ свои убѣжденія. Изъ этого возникъ оживленный споръ у меня съ Кулишемъ, который кончился, какъ всякіе тенденціонные споры, ничѣмъ. Финаломъ этого спора была выходка Кулиша, которая совершенно отняла у меня всякую охоту спорить. Онъ началъ съ апломбомъ доказывать, что подъ Польшею Малороссіи лучше жилось, чѣмъ по возсоединеніи съ Россіею. Доводы Кулиша такъ грѣшили противъ исторической истины, что просто казались нелѣпыми софизмами, не заслуживавшими серьезнаго вниманія. Напрасно я старался доказать всю неосновательность выводовъ Кулиша и убѣдить его, что наше обособленіе будетъ вмѣстѣ и нашимъ ослабленіемъ. Онъ стоялъ на своемъ и зло нападалъ на мое руссофильство.

Интересно при этомъ вспомнить, какъ встрѣтило великаго патріота малороссійскаго черниговское общество или, лучше сказать, служащіе въ Черниговской гимназіи. Въ первое время они имъ восторгались, а подъ конецъ его пребыванія какъ-то охладѣли. Причиною этого было нелѣпое поведеніе Кулиша съ возлюбленною имъ украинофилкою Параскою, женою одного изъ учителей. Его игра въ чувства, возложеніе на себя публично сплетеннаго Параскою вѣнка и масса разныхъ мелочей въ такомъ родѣ охладили сочувствіе къ нему. Не лучше его приняли и черниговскіе мальчишки, уличники. Иллюстраціей ихъ отношенія къ его персонѣ можетъ служить слѣдующій случай:

Кулишъ явился ко мнѣ въ костюмѣ необыкновенномъ: въ широчайшихъ шелковыхъ красныхъ шароварахъ, въ архалукѣ, имѣвшемъ изображать крестьянскую свиту, и чуть ли не въ смушевой шапкѣ. Посидѣвши у меня часа два, онъ предложилъ прогуляться въ такъ называемый Константиновскій садъ, или, лучше, простой валъ на берегу р. Стрыжня, охраняемый двумя старыми заржавленными пушками. Едва мы вышли на площадь предъ соборомъ, какъ собралась куча мальчишекъ съ крикомъ: Турокъ! Турокъ!

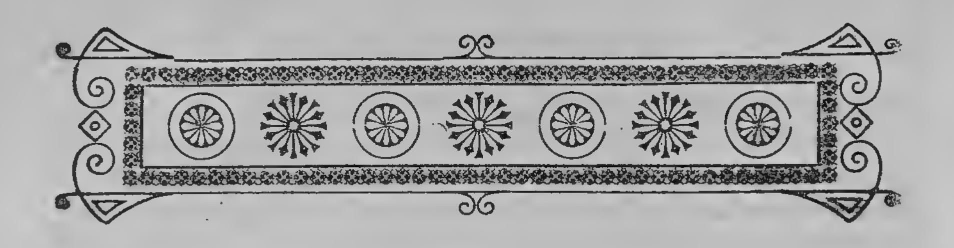
Шалуны продолжали кричать, указывая на Кулиша. Такой пріемъ повидимому, смутилъ будущаго издателя „Основы“, и онъ круто повернулъ съ площади въ проулокъ по дорогѣ къ квартирѣ доктора Носа, гдѣ онъ остановился. Мы пришли къ Носу; но разговоръ не клеился, и я поспѣшилъ удалиться домой. Случай этотъ самъ по себѣ не важенъ, но онъ навелъ меня на многія размышленія, а главнымъ образомъ служилъ блистательнымъ доказательствомъ, насколько мечты о старой козачинѣ и о самобытности Малороссіи гармонировали съ дѣйствительностію.

Такъ Кулишъ съ своими шароварами потерпѣлъ фіаско въ лицѣ юныхъ отпрысковъ черниговскаго мѣщанства. Не успѣлъ онъ убѣдить и меня писать для „Основы“ по-малороссійски. Къ сожалѣнію, моя встрѣча съ украинофильствомъ не была послѣднею. Переѣхавши въ Кіевъ, я уже засталъ окрѣпшій кружокъ крайнихъ украинофиловъ при университетѣ. Кружокъ этотъ скоро, однако, изъ стѣнъ университета перешелъ на поприще общественной дѣятельности. Во главѣ этого кружка становятся люди даровитые, энергическіе, которые захватываютъ въ свои руки воскресныя школы, а по закрытіи ихъ, благодаря попустительству тогдашняго инспектора казенныхъ училищъ, а впослѣдствіи помощника попечителя М. А. Тулова, хотя отчасти пріобрѣтаютъ вліяніе на правительственныя школы, основанныя въ Юго-Западномъ краѣ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1862 г. Смѣлость и самоувѣренность украинофиловъ доходитъ до того, что въ либеральное министерство народнаго просвѣщенія Головнина оффиціально ходатайствуютъ объ изданіи книгъ для народнаго чтенія на малорусскомъ нарѣчіи и успѣли даже выхлопотать казенную субсидію на изданіе такихъ книгъ.

„Напечатано прежде всего собраніе басенъ Крылова на малорусскомъ нарѣчіи, и мнѣ, за отсутствіемъ Тулова и передачею во временное завѣдываніе школъ, пришлось платить за напечатаніе этого изданія съ громкимъ заглавіемъ „отъ громады“, но изъ казеннаго кармана. Богъ вѣсть куда бы мы дальше пошли, если бы вдругъ не грянулъ каракозовскій выстрѣлъ, который далъ совершенно другое направленіе внутренней политикѣ правительства. Въ это время министерство Головнина сходитъ со сцены, и начинается эпоха преобразованій графа Толстого. Въ Кіевѣ попечительствуютъ одинъ за другимъ князь Ширинскій-Шихматовъ до 1867 г. и за тѣмъ генералъ Платонъ Александровичъ Антоновичъ съ 1867 по 1880 годъ.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа[1]).

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній).

Изъ безконечной массы устныхъ разсказовъ объ Мих. Ив. Драгомировѣ такъ же, какъ и изъ набравшагося большого числа сборниковъ руководящихъ приказовъ его, ясно видно, что онъ былъ начальникъ крайне требовательный и, если не суровый, не жестокій, то, во всякомъ случаѣ, очень строгій.

Чѣмъ же объяснить то, что иногда онъ къ различнымъ упущеніямъ относился благодушно, а иногда отъ найденныхъ въ частяхъ войскъ недочетовъ, такого же, повидимому, характера и одинаковаго калибра, выходилъ изъ себя, волновался и даже доходилъ до того, что сердился;—командующій куда какъ осерчалъ,—говорили въ такихъ случаяхъ солдаты, вообще, державшіе за нимъ наблюденіе и на него равнявшіеся.

Нѣкоторые на это смотрѣли такъ, что вообще Мих. Ив. былъ человѣкомъ крайне неровнымъ; при этомъ они естественно приходили къ тому несложному, въ подобномъ случаѣ самому простому заключенію,—что сегодня онъ не въ духѣ, его безпокоитъ болѣзненное состояніе, расходились у него нервы и онъ изъ-за пустяковъ поднялъ бурю.

— Посмотрите, на прошлой недѣлѣ въ N полку, случайно обгоняя два эскадрона, командующій не нашелъ при нихъ ни одного офицера, передъ каждымъ ѣхалъ эскадронный командиръ и только.

— Что это у васъ офицеры заблагоразсудили сразу же, съ поля ученья разъѣхаться по домамъ; надо до конца держать порядокъ, господинъ ротмистръ,—сказалъ командующій старшему изъ коман-

---

[1]) См. „Русская Старина“, декабрь 1912 г.

дировъ мягко;—часть должна быть съ ученья всегда доводима до дому въ цѣломъ видѣ, въ полномъ составѣ; „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“,—прибавилъ онъ какъ бы въ шутку, приказавъ по обыкновенію занести этотъ фактъ въ сборникъ замѣчаній.

Ѣдетъ командующій дальше и видитъ эскадронъ, въ которомъ всѣ офицеры находятся налицо, но ѣдутъ шеренгой впереди пѣсельниковъ вмѣсто того, чтобы каждому ѣхать при своемъ взводѣ. Когда ему черезъ день принесли на просмотръ текстъ сборника, онъ, относительно двухъ эскадроновъ собственноручно приписалъ: пора оставить эту старую помѣщичью привычку; а относительно третьяго вставилъ:—ѣхать на мѣстахъ было бы гораздо лучше, хотя бы уже потому, что правильнѣе.

Но вотъ сегодня, черезъ недѣлю послѣ случая съ тѣми тремя эскадронами, встрѣчаетъ генералъ Драгомировъ опять два эскадрона уже другого полка и совершенно въ другой мѣстности; командиры на мѣстахъ, а офицеры обоихъ эскадроновъ, собравшись общей группой, ѣдутъ впереди пѣсельниковъ передняго эскадрона, разговаривая между собой. Что тутъ было! Послѣ того что командующій распекъ всѣхъ крайне рѣзко, обоимъ командирамъ былъ объявленъ строгій выговоръ, командиру полка замѣчаніе съ приказаніемъ ему примѣрно взыскать съ офицеровъ, внушить имъ правила, которыхъ обязательно каждая часть должна держаться, двигаясь походнымъ порядкомъ въ мирное время, хотя бы въ раіонѣ своего домашняго расположенія.

— Какой примѣръ показываете вы нижнимъ чинамъ; такой распущенности я не допущу и требую, чтобы вы, господа эскадронные командиры, относились къ службѣ серьезнѣе, не позволяя себѣ служить спустя рукава и не давая г.г. офицерамъ права надѣяться, что въ службѣ даже такіе бросающіеся въ глаза непорядки могутъ проходить не только безъ замѣчаній, но и безъ взысканій; вотъ откуда нижніе чины и научаются смотрѣть на плохой строй и на нарушенія въ немъ порядка, какъ на нѣчто обыденное, привычное.

* * *

Я помню этотъ день и этотъ случай такъ твердо и ясно, какъ будто бы онъ произошелъ лишь вчера, а между тѣмъ минуло съ тѣхъ поръ уже около четверти вѣка. Прекрасно помню, какъ офицеры собрались, понуря головы послѣ этого эпизода къ своему позднему обѣду у себя въ уѣздномъ городкѣ въ артели и какъ видно было, что имъ не по себѣ и не до ѣды. Случайно отдѣлившись отъ свиты, сопровождавшей командующаго войсками, находился въ тотъ день вечеромъ при провинившемся полку курскій

уѣздный воинскій начальникъ полковникъ Влад. Алекс. Воиновъ, котораго Мих. Ив. причислилъ къ себѣ на лѣто для несенія штабной службы.

Это былъ совершенно особый случай; я о немъ уже занесъ въ одинъ изъ очерковъ „Русской Старины“ [1]) за тотъ же годъ; Мих. Ив., высмотрѣвъ этого штабъ-офицера, хотѣлъ его вообще всесторонне изучить на предметъ назначенія въ свое распоряженіе, что впослѣдствіи и состоялось, какъ не разъ говаривалъ Мих. Ив., „по достаточномъ и зрѣломъ испытаніи“.

Веселый, жизнерадостный, живой, энергичный, онъ всегда и вездѣ былъ душой общества, въ которомъ случалось ему бывать; самъ Драгомировъ любилъ проводить съ нимъ время, цѣнилъ его компанію и совершенно привыкъ къ нему, а дорожилъ имъ тѣмъ болѣе, что, при всемъ этомъ, онъ прекрасно и всесторонне зналъ военную службу вообще. Зная, что на другой день не предстояло никакихъ занятій по случаю дня тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, В. А. Воиновъ, заручившись разрѣшеніемъ командующаго, присосѣдился на тотъ вечеръ къ полку, задумавъ провести въ немъ время до вечера слѣдующаго дня у молодого ротмистра R., сына своего друга—близкаго товарища по службѣ въ пѣхотномъ Лейбъ-Бородинскомъ полку, въ которомъ В. А. встрѣтился съ нимъ по производствѣ въ офицеры, изъ сибирскаго кадетскаго корпуса. Изъ-за добрыхъ отношеній къ этому офицеру у Вл. Ал. Воинова, какъ у человѣка крайне общительнаго, сложились отношенія съ другими офицерами полка; пока они изъ корнетовъ успѣли пройдти въ дальнѣйшіе чины, Вл. Алекс., бывая отъ времени до времени въ ихъ средѣ, создалъ хорошія отношенія съ той средой; офицеры его хорошо узнали, были съ нимъ откровенны, обращались къ нему за совѣтами, съ нимъ дѣлились своими горестями и радостями и вообще, усвоивъ привычку считать его своимъ, вполнѣ ему во всемъ довѣрялись.

Не мало времени прошло, пока офицеры разговорились; имъ особенно тяжело было чувствовать, что ихъ полковой командиръ, совершенно корректный, всегда ихъ охранявшій, пользовавшійся ихъ любовью и уваженіемъ, старый, смотрѣвшій въ генералы, полковникъ такъ сильно пострадалъ изъ-за ихъ оплошности, въ которой командующій, безъ всякаго сомнѣнія правильно, усмотрѣлъ большую распущенность.

По своей привычкѣ всегда все скучное разсѣять, грустное развеселить, туманное разогнать, необъясненное выяснить, В. А. про-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1912 г. мартъ.

бовалъ въ тотъ день тутъ же шутить, балагурить; ему уже почти удалось захватить позицію въ бесѣдѣ и расшевелить компанію, какъ вдругъ овладѣлъ разговоромъ очень разбитной молодой человѣкъ—лѣкарь, лишь передъ тѣмъ переведенный въ полкъ младшимъ врачемъ изъ стоявшей въ Кіевѣ артиллерійской бригады и только-что вернувшійся изъ той бригады съ побывки.

— Что это нашъ командующій сегодня вдругъ такъ разсвирѣпѣлъ, вѣдь съ какой суровостью набросился, даже не похоже на Мих. Ивановича, и отпустилъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

Нѣкоторые изъ офицеровъ приложили было стараніе къ тому, чтобы замять этотъ, начатый полуштатскимъ человѣкомъ, разговоръ, но это не имѣло успѣха.

— Вотъ съ недѣлю тому назадъ, тамъ въ нашихъ краяхъ, два три эскадрона, шедшіе почти также свободно, попались генералу Драгомирову,—продолжалъ врачъ,—ну, онъ увидѣлъ, зоркимъ окомъ разглядѣлъ все, слегка пожурилъ ихъ, но совершенно отечески, на томъ и кончилъ; а нынѣ смотрите какъ расходился, какъ обозлился, что еще изъ этого дальше будетъ...

— Я думаю, ровно ничего не будетъ,—возразилъ спокойно В. А. Воиновъ;—надо знать Мих. Ивановича; сегодня же, уѣзжая на сутки въ деревню, онъ отдалъ распоряженіе въ сборникъ замѣчаній занести лишь указаніе полковому командиру о томъ, что командующій желалъ бы встрѣчать въ его отношеніяхъ къ ввѣренной ему части больше требовательности относительно наружнаго порядка. Лучше отъ этого будетъ и для него и для части.

Офицеры усиленно заговорили; какъ В. А. Воиновъ ни старался смягчить эту формулу, большинство приняло ее съ большой щепетильностью и оказалось очень огорченнымъ... именно такимъ оборотомъ...

* * *

— Какъ! сдѣлать строгій выговоръ по службѣ, да еще выставить напоказъ такое замѣчаніе—раздались голоса.

— Въ этомъ замѣчаніи и окажется выговоръ, тѣмъ все и кончится,—высказался полковникъ Воиновъ.

— Не воздержался командующій,—отозвался R.—очень тяжело это покажется нашему командиру, когда онъ узнаетъ о такомъ результатѣ этого въ сущности пустяковаго дѣла. Не позицію передъ врагомъ прозѣвали, не обходъ фланга просмотрѣли...

— И что же это въ самомъ дѣлѣ Мих. Ив. такъ не сдержался... Съ лѣвой ноги что ли всталъ въ тотъ день..

— Ну, можетъ быть и съ правой, а вѣдь все же онъ человѣкъ,—заговорилъ мягко и видимо волнуясь гость;—день-то, ужъ, правда, выдался тяжкій, боевой; вѣдь извѣстно, чего вообще командующій не можетъ переносить въ частяхъ войскъ; есть вещи, на которыя, если натолкнется, пропалъ весь день. Въ этотъ злосчастный для вашего чуднаго командира день, собственно непріятное началось съ артиллеріи. Посмотрѣлъ М. И. очень рано утромъ двусторонній маневръ двухъ пѣхотныхъ полковъ съ артиллеріей, сдѣлалъ мелкія замѣчанія,—все хорошо, чинно...

— Да; а у насъ вышло безчинно, перебилъ съ большой безтактностью неугомонный врачъ.

— Прошло все мирно, — продолжалъ, не обративъ вниманія, Воиновъ,—только какой-то несуразный отвѣтъ одного изъ батальонныхъ командировъ заставилъ командующаго сверкнуть глазами: на его замѣчаніе о томъ, что стрѣльба залпами для наступающаго въ бою не представляется необходимою ужъ такъ часто,—значитъ, и на ученьи можно и должно воздерживаться отъ забавы этимъ дѣломъ, — штабъ-офицеръ тотъ негромко и неясно пробурчалъ: все жъ таки необходимость встрѣчается, иногда миновать нельзя...

Услыхалъ Мих. Ив.:

— Пользуйтесь тѣмъ, господа, что я вообще разъ навсегда далъ вамъ разрѣшеніе представлять свои возраженія, пользуйтесь и дѣльные отвѣты во-время вставляйте громко, смѣло, открыто; но отстаньте отъ привычки цѣдить ваши нелѣпыя замѣчанія сквозь зубы, воздерживайтесь отъ нихъ тѣмъ болѣе, если хотите сыпать ихъ, не подкрѣпивъ здравымъ смысломъ и необходимою въ такомъ дѣлѣ ясностью, сказалъ Мих. Ив. скорѣй добродушно.

— Не дурное добродушіе, не поздоровится отъ такого добродушія, ввернулъ тотъ же врачъ.

— Думаю, вообще врядъ-ли когда здоровится тому, кто о здравомъ смыслѣ тщится забывать, мимоходомъ повернулся въ сторону доктора Вл. Алекс., а затѣмъ продолжалъ: Далѣе увидѣлъ М. И., что четырехъ-орудійная девятифунтовая батарея стоитъ на позиціи и разстрѣливаетъ въ тылъ расположившуюся не болѣе какъ въ ста пятидесяти шагахъ впереди ея другую такую же, но четырехфунтовую батарею; сдержался командующій, послалъ сказать, чтобы убрали переднюю батарею, а командиръ и начни ее свозить съ позиціи, подвернувъ флангомъ къ непріятелю; потребовалъ М. Ив. несчастнаго подполковника къ себѣ и ужъ расписалъ ему всю „азбучную вздорность“ его продѣлки; послѣ этого, конечно, печень заговорила; далъ отбой и успокоиться бы, а тутъ, какъ на зло, гдѣ-то въ тылу двигается шагомъ батарея, направляясь домой.

* * *

Номера при орудіяхъ идутъ измученные, изможженые пѣшкомъ; остановилъ командующій, обращается къ командиру:

— Что же это вы не видите, какъ люди у васъ измучены? побе-регаете больше лошадей, чѣмъ людей. Скотолюбіе ставите высоко; оно недурно, а не подумали о томъ, что человѣколюбіе иногда и выше его и нужнѣе? Тутъ командующій всмотрѣлся въ лицо командира и узналъ, что это тотъ самый, который за часъ передъ тѣмъ подвернулся подъ замѣчанія за вздоръ, продѣланный на позиціи; опять расходился, досыпалъ ему и тутъ, опять же на бѣду, сталъ, какъ на объѣздѣ, заниматься учебнымъ разспросомъ усталыхъ людей.

— Вотъ ты слышалъ когда-нибудь, обратился онъ къ одному за-битому канониру: блаженъ, иже и скоты милуетъ?—Молчитъ. Ну, говори, слышалъ?—Кажись, слышалъ.—Гдѣ же?—Молчитъ. Что же это означаетъ? отвѣчай! Упорно молчитъ. Спросилъ другого, третьяго; молчитъ. „Никогда слухомъ не слыхалъ, ваше высокопревосходи-тельство"—вдругъ громко, отрывисто и ясно выпалилъ четвертый изъ спрошенныхъ, — бомбардиръ. Ухъ, какой шустрый, замѣтилъ командующій; думаешь, что такъ-то лучше; если не знаешь, такъ лучше сказать слухомъ не слыхалъ; а какъ Суворовъ-то училъ, знаешь, слыхалъ?—Такъ точно, слыхалъ, строжающе не приказывалъ сказываться незнайкой.

— Знаешь ты, кто такое караульный начальникъ?

— Знаю, бываетъ начальникъ, значитъ, караула или тамъ все единственно, караульный начальникъ.

— Ну, вотъ, знаешь ли ты, когда караульный начальникъ дол-женъ употреблять оружіе. Слыхалъ?

— Слыхать-то слыхалъ, а твердо выговорить не смогу,—такъ же бойко и громко отвѣтилъ бомбардиръ.

— Тогда М. И. обратился къ находившемуся при взводѣ штабсъ-капитану съ предложеніемъ:

— Потрудитесь объяснить ему отвѣтъ на мой вопросъ! Но ка-ково было удивленіе командующаго, когда, изъ всесторонне вы-ясненнаго вопроса, выказалось, что офицеръ тотъ прямо-таки не зналъ, въ какихъ случаяхъ караульному начальнику надлежитъ употреблять оружіе?

— Признаюсь, пораженъ безпечностью этого господина офицера, сказалъ онъ батарейному командиру; какъ это не дать себѣ труда передумать, изучить такія страшныя вещи; для чего и оружіе на него навѣшено, коли онъ не знаетъ, когда приходится дѣйствовать имъ противъ подобныхъ себѣ; потрудитесь вообще сдѣлать про-

вѣрку знаній этого офицера, а также провѣрьте подробно, чему онъ учитъ подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ; обо всемъ этомъ доложите бригадному командиру для доклада мнѣ по командѣ...

— Можно легко понять, продолжалъ В. А. Воиновъ свой разсказъ, въ какое состояніе былъ приведенъ командующій къ той минутѣ, когда натолкнулся въ тотъ день на ваши эскадроны послѣ всего того, что въ теченіе столь неудачнаго дня его мелко и крупно, а главное непрестанно, травило.

— Да, но зачѣмъ же понадобилось сразу все отравить командиру и еще такому исправному, корректному, щепетильному?—прибавилъ свое слово одинъ изъ штабъ-офицеровъ.

— У командира этимъ ничего не отнято, возразилъ В. А. Воиновъ; не далѣе, какъ двѣ, три недѣли тому назадъ, командующій восторгался вашимъ командиромъ, видя его передъ полкомъ на походѣ подъ Чугуевомъ.

— То, чѣмъ онъ нашелъ нужнымъ восторгаться, не занесено въ сборникъ замѣчаній; никто этого драгомировскаго восторга не услышитъ, а въ сборникѣ замѣчаніе пройдетъ во всеобщее свѣдѣніе и сойдетъ за настоящее высокопробное драгомировское...

— Ну и дались же вамъ эти замѣчанія въ сборникѣ, насѣли вы на этотъ сборникъ замѣчаній; никому они попусту не только не испортили и не испортятъ карьеры, но и не оставятъ малѣйшаго слѣда въ ней, а вы наладились давать тѣмъ замѣчаніямъ такое значеніе... Впрочемъ, скажу правду: въ этомъ скорѣй можно видѣть хорошее, чѣмъ не идущее къ дѣлу; не только здѣсь, у насъ, въ славномъ полку вашемъ, я вижу, какъ вы цѣните эти замѣчанія; въ Курскѣ, среди артиллерійскихъ и пѣхотныхъ войскъ тамошняго гарнизона, я достаточно присмотрѣлся къ тому, на сколько части войскъ разглядываютъ содержаніе тѣхъ сборниковъ;—не разъ усматривалъ я, что вообще изъ-за нихъ много подтягиваются въ служебномъ соревнованіи.

— Полагаю, что командующій твердо знаетъ, какое значеніе пріобрѣли тѣ сборники его и, безъ всякаго сомнѣнія, скорѣй радуется этому, чѣмъ додумывается до сѣтованія по поводу такихъ результатовъ.

Не очень удовлетворило офицеровъ утѣшеніе, приведенное В. А. Воиновымъ: не могли они забыть обиду, нанесенную ихъ уважаемому командиру полка.

Самъ онъ смотрѣлъ на это разумно, спокойно, разговоры объ этомъ старался скорѣй заминать, чѣмъ поддерживать и, хотя видно было, что нелегкое впечатлѣніе переживалъ по поводу афронта, красовавшагося въ сборникѣ замѣчаній, приказовъ и распоряженій, но всѣ силы прилагалъ къ тому, чтобы не проронить слова по

поводу всей этой исторіи,—сложившейся нежелательно для него и для полка, но въ основѣ не создававшей возможности сѣтованія и въ душѣ не вызывавшей жалобъ на генерала Драгомирова.

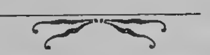
* * *

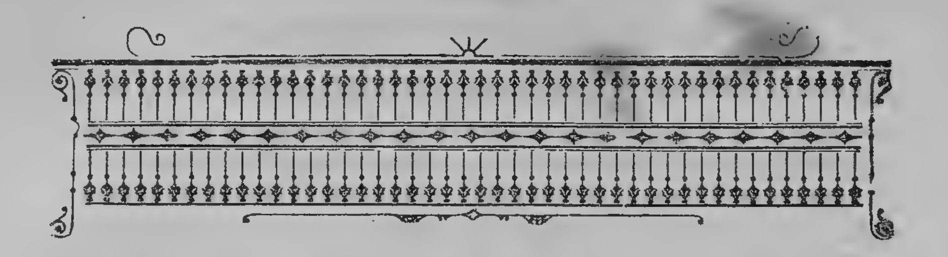
Недѣли черезъ три окончился лагерный сборъ, оказавшійся несомнѣнно злополучнымъ; все клонилось къ тому, что такимъ его должно было зачислить навсегда въ ряду прежнихъ и будущихъ; рана, нанесенная и части и ея начальству, медленно заживала.

Командиру полка понадобилось раннею осенью съѣздить въ Петербургъ по своимъ дѣламъ. Въ день Покрова, когда офицеры съѣхались въ свою артель праздновать свой праздникъ, погрустили о томъ, что въ первый разъ случилось имъ праздновать безъ наличности любимаго и уважаемаго полковника, и, когда каждому особенно чувствительно пришлось подчеркнуть именно это обстоятельство, — старшимъ штабъ-офицеромъ полка было получено изъ Петербурга отъ командира письмо, въ которомъ онъ подробно описалъ, какой пріемъ ему былъ оказанъ, и добавлено, что, при представленіи военному министру, довелось выслушать отъ Петра Семеновича Ванновскаго: 22 іюля Государь Императоръ, выслушавъ мой подробный докладъ о тѣхъ лестныхъ и изъ ряду выходящихъ отзывахъ, которые генералъ Драгомировъ неоднократно давалъ и продолжаетъ давать о васъ, Всемилостивѣйше приказалъ мнѣ представить васъ къ назначенію на должность командира ** гвардейскаго полка; на-дняхъ это назначеніе состоится, и такимъ образомъ желаніе М. И.; прощайтесь съ полкомъ, который вы, по словамъ, вообще скупого на похвалы, командующаго войсками съумѣли такъ высоко поставить. Государь Императоръ не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и новый свой полкъ вы доведете до такого же во всѣхъ отношеніяхъ отличнаго состоянія...

Командиръ полка въ ожиданіи свиданія съ офицерами закончилъ свое письмо принесеніемъ глубокой благодарности дорогимъ сослуживцамъ по полку—всѣмъ отъ мала до велика...

А. Е. К.

Развитіе легенды о смерти царевича Дмитрія.

Введеніе.

При изученіи смутнаго періода — этой больной, уродливой, но весьма важной въ общемъ ходѣ Русской исторіи эпохи — необходимо такъ или иначе рѣшить вопросъ о кончинѣ царевича Дмитрія. Обойти этотъ вопросъ молчаніемъ, оставить его безъ отвѣта значило бы закрыть глаза на весьма характерный, весьма существенный эпизодъ Смутной эпохи. И вотъ передъ умомъ историка неизбѣжно всплываетъ старая и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда новая, серьезная дилемма: самъ ли закололся царевичъ или же онъ убитъ злодѣями? Къ величайшему, конечно, сожалѣнію безпристрастная, строго-научная исторія не дала намъ опредѣленнаго, положительнаго, безапелляціоннаго рѣшенія этой дилеммы. Правда, большинство историковъ старалось доказать фактъ убіенія царевича Дмитрія и данное ими научное обоснованіе такого мнѣнія долго господствовало въ исторической литературѣ. За послѣднее же время такой взглядъ на кончину царевича сталъ постепенно терять свою прежнюю силу, свою вѣскость и свое авторитетное значеніе въ исторіи. На смѣну ему нарождается и крѣпнетъ новый взглядъ, новое представленіе объ Углицкой кровавой трагедіи. Историки начинаютъ доказывать фактъ самоубійства царевича, и надо отдать имъ справедливость, что къ разрѣшенію намѣченной цѣли они идутъ довольно успѣшно. Хотя это новаторство въ исторіи, какъ и вообще-то всякая новая идея, новая мысль, прививается съ большимъ трудомъ, съ напряженнымъ усиліемъ завоевываетъ себѣ мѣсто въ наукѣ, но все-таки

оно уже значительно пошатнуло старый, дотолѣ существовавшій, взглядъ на дѣло. Новое научное мнѣніе, подобно пилѣ, правда пока еще не особенно острой, начинаетъ подпиливать долголѣтній, прочный стволъ старой теоріи. Чтобы окончательно рухнуло это устарѣлое дерево, надо стараться заострить пилу, насколько возможно усовершенствовать это орудіе, а для этой цѣли необходимо какъ можно подробнѣе, внимательнѣе и серьезнѣе остановиться на изслѣдованіи, на изученіи тѣхъ путей, которые ведутъ къ утвержденію новаго мнѣнія — къ факту самоубійства царевича Дмитрія.

На основаніи имѣющихся историческихъ данныхъ изслѣдователю въ этой области представляется два косвенныхъ пути, именно: изученіе слѣдственнаго дѣла съ одной стороны и критическій анализъ легенды о смерти царевича—съ другой. Первый путь—установленіе подлинности слѣдственнаго дѣла и надлежащіе отсюда выводы сдѣланы Е. Бѣловымъ [1]).

Онъ настойчиво утверждаетъ фактъ самоубійства царевича Дмитрія, и надо замѣтить, что это его теорія, защищаемая также Погодинымъ, начинаетъ завоевывать себѣ видное мѣсто въ наукѣ. Она не только не пошатнулась, но, мнѣ кажется, даже еще болѣе окрѣпла послѣ недавняго появленія въ печати работы И. С. Бѣляева [2]), который не совсѣмъ удачно, не совсѣмъ основательно пытается доказать подлогъ слѣдственнаго дѣла. Не вдаваясь въ подробную критику этой работы и оставляя такимъ образомъ въ сторонѣ слѣдственное дѣло, я постараюсь использовать второй путь, т. е. изученіе легенды. Моей задачей будетъ развернуть эволюцію легенды о царевичѣ Дмитріи, прослѣдить самый ходъ, самый процессъ ея развитія, наложить на все это критическій штемпель и на основаніи этого сдѣлать соотвѣтствующіе выводы и заключенія. Если мнѣ удастся справиться съ этой задачей, то въ рукахъ исторіи будетъ новый, сильный аргументъ въ пользу новаго разрѣшенія вопроса о кончинѣ царевича Дмитрія. Фактъ самоубійства царевича станетъ для насъ болѣе очевиднымъ, и такимъ образомъ молодая историческая теорія получитъ новое подкрѣпленіе, хотя и отрицательнымъ путемъ — путемъ разрушенія того краеугольнаго камня, на которомъ основывается старый взглядъ о убіеніи царевича Дмитрія.

Указавъ важность изслѣдованія легенды о смерти царевича,

---

[1]) Журн. Министр. Народн. Просв. 1873 г. іюль и августъ, 7 и 8 кн.

[2]) Слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Дмитрія въ Угличѣ 15 мая 1591 г. И. С. Бѣляевъ.

познакомимся сначала съ ея содержаніемъ, тщательно прослѣдимъ всѣ фазисы ея развитія, остановимъ свое вниманіе на всѣхъ, пройденныхъ ею, этапахъ, а потомъ уже сдѣлаемъ критическую оцѣнку легенды въ ея цѣломъ. Необходимо заранѣе замѣтить, что въ своемъ поступательномъ развитіи легенда имѣетъ четыре главныхъ фазиса, характернымъ выраженіемъ которыхъ можно считать слѣдующіе историческіе памятники:

1) Такъ называмое „Иное сказаніе", которое является первымъ фазисомъ въ эволюціи легенды [1]).

2) „Житіе царевича Дмитрія", внесенное въ минеи Германа Тулупова, и „Житіе царевича", внесенное въ минеи Іоанна Милютина—это второй фазисъ [2]).

3) „Новый лѣтописецъ" или „Лѣтопись о мятежахъ"—третій [3]) и

4) наконецъ—„Сказаніе о царствѣ царя Ѳедора Іоанновича"—четвертый и послѣдній фазисъ, въ которомъ легенда получила свое завершеніе, свой законченный, вполнѣ сформировавшійся и, если можно такъ выразиться, вполнѣ отшлифованный видъ [4]).

Придерживаясь въ своемъ изложеніи порядка, соотвѣтствующаго самому ходу развитія легенды [5]), начнемъ съ знакомства и разбора свидѣтельства „Иного сказанія" о кончинѣ царевича.

Глава I.

Такъ называемое „Иное сказаніе" 1606 года является первымъ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ историческихъ памятниковъ, въ которыхъ содержится разсказъ объ убіеніи царевича Дмитрія. Это сказаніе, конечно, лишь въ относительномъ смыслѣ можно считать первоначальнымъ ядромъ, исходнымъ моментомъ въ развитіи легенды о смерти царевича. Всѣ остальные памятники оперируютъ уже съ готовой фабулой, съ готовымъ сюжетомъ, мѣняя лишь

---

[1]) Оно относится къ 1606 г. Древнерусс. сказанія и повѣсти о см. вр. Платоновъ, стр. 40.

[2]) Первое относится къ 1607 г. Древнерусск. ск. и пов. о см. вр. Платоновъ, стр. 40, а второе къ половинѣ XVII вѣка, ibid. стр. 252.

[3]) Написано въ 1630 г., ibid. стр. 252.

[4]) Относится къ концу XVII вѣка, ibid. стр. 332, пр. I.

[5]) „Житіе царевича", внесенное въ минеи I, Милютина, я отношу ко второму фазису, несмотря на то, что оно появилось позже „Новаго лѣтописца". Достаточнымъ основаніемъ для этого служитъ установившійся въ наукѣ взглядъ на жит., вн. въ мин. Милют., какъ на третью редакцію житія, вн. въ мин. Г. Тулупова (1607 г.), а потому ихъ необходимо разбирать вмѣстѣ. Древн. Рус. сказ. Платоновъ, стр. 283.

краски, тоны и штрихи въ изображеніи этой основной идеи, этого основного сюжета. Разсказъ „Иного сказанія" въ краткой формѣ можно передать такъ: „Властолюбивый Борисъ, пользуясь своимъ родствомъ съ Государемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ, забралъ въ свои руки широкую власть и сначала злоупотреблялъ ею по отношенію къ господіи, князьямъ и боярамъ, которыхъ онъ притѣснялъ, ссылалъ на заточеніе въ дальніе города, имущества ихъ отдавалъ на расхищеніе, а многихъ даже приказывалъ лишать жизни. Проявленіе его врожденной страсти къ властолюбію на этомъ не остановилось. Борисъ, уподобляясь Іудѣ Искаріотскому, предавшему Іисуса Христа, сына Божія, возстаетъ на Государя своего, царевича Дмитрія, который былъ отогнанъ въ градъ Угличъ. Желая достигнуть царской власти, онъ всячески старается устранить главную преграду на этомъ пути—богоизбраннаго наслѣдника престола. Осуществляя заранѣе намѣченную цѣль, Борисъ на первыхъ порахъ прибѣгаетъ къ смертоносному яду, который долженъ былъ нанести царевичу смерть. Послѣдній принималъ это зеліе съ радостію, такъ какъ хорошо зналъ, что сила вражія ничего не можетъ сдѣлать противъ силы Божіей. Такимъ образомъ это средство не приводитъ къ желательнымъ результатамъ. Самъ Богъ хранитъ царственнаго отрока. Но Борисъ не смущается этимъ и прибѣгаетъ къ болѣе надежному средству,—къ убіенію царевича. Для выполненія этой цѣли онъ посылаетъ въ Угличъ своихъ злосовѣтниковъ и рачителей—Михаила Битяговскаго и Никиту Качалова, которые должны „младенца незлобива смерти предати и, яко агнца, заклати". И вотъ, однажды, когда „царевичъ по обычаю вышелъ на играніе, нечестивые юноши, какъ волки немилостивые, напали на него, а одинъ изъ нихъ извлекъ ножъ, ударилъ имъ по выи и прерѣза ему гортань. Совершивъ это злодѣяніе, убійцы въ тотъ же день получили должное отмщеніе — они были убиты угличанами. А страдальческое тѣло царевича погребено было во градѣ Угличѣ, въ церкви Преображенія Господа Нашего Іисуса Христа. И воля Господня буди во всемъ" [1]). Такъ заканчиваетъ свой разсказъ авторъ „Иного сказанія".

Переходя къ разбору перваго фазиса въ развитіи легенды о смерти царевича Дмитрія, надо напередъ оговориться, что въ данномъ случаѣ не придется пользоваться главнымъ орудіемъ — сравнительно критическимъ методомъ. У насъ пока имѣется одинъ только разсказъ о смерти царевича, а потому съ чѣмъ же мы будемъ его сравнивать, съ чѣмъ будемъ сопоставлять, какъ будемъ

---

[1]) Русск. Истор. Библіот. XIII т. Иное сказаніе, стр. 3—10.

прикладывать свой сравнительно-критическій масштабъ. Отсюда ясно, что по отношенію къ первому фазису приходится ограничиться однѣми лишь критическими замѣтками на основаніи здраваго смысла. Разсказъ „Иного сказанія" производитъ впечатлѣніе искусственнаго, заказного произведенія. Авторъ, какъ видно изъ самаго повѣствованія, не былъ очевидцемъ Углицкой трагедіи, а передавалъ это въ высшей степени важное событіе со словъ другихъ. Узнавъ сущность дѣла, получивъ такимъ образомъ необходимый сюжетъ, онъ не заботится о передачѣ этого событія съ подробностями, со всѣми деталями... Его, повидимому, это мало интересуетъ. Онъ больше обращаетъ вниманія на форму, на ту оболочку, въ которую надо облечь полученный имъ со стороны сюжетъ. И въ этомъ отношеніи, становясь на точку зрѣнія того времени, онъ достигаетъ цѣли. Паѳосъ, которымъ проникнутъ весь разсказъ, божественная, если можно такъ выразиться, подкладка его повѣсти затушевываетъ отсутствіе деталей въ описываемомъ событіи. Эта искусственность, эта работа какъ бы по заказу, естественно, наводитъ на мысль о легендарности, о недостовѣрности разбираемаго нами разсказа. Подкрѣпленіемъ такого соображенія служитъ также и не совсѣмъ правдоподобное изображеніе самаго факта злодѣянія, совершеннаго Борисомъ. Въ немъ тоже есть слабые швы, есть мѣста, скрѣпленныя на живую нитку. Борисъ, говоритъ авторъ разсказа, прибѣгаетъ сначала къ смертоносному яду, а царевичъ, хотя и зналъ объ этомъ, но съ радостію кушалъ, надѣясь на Бога. Мнѣ кажется, что здѣсь очевидна баснословность, вымышленность разсказа. Не могло же на самомъ дѣлѣ все это обстоять такъ просто, такъ обыденно-буднично, какъ представляетъ намъ авторъ „Иного сказанія". Мнѣ подносятъ ядъ, и я, зная это отлично, съ радостью пью его. Всякій скажетъ, что это, по меньшей мѣрѣ, странно и далеко неправдоподобно.

Неправдоподобность разсказа сквозитъ также и въ томъ, что авторъ его о козняхъ Бориса говоритъ какъ о чемъ-то общеизвѣстномъ, несомнѣнномъ, не требующемъ доказательствъ. Онъ не старается обставить передаваемый имъ, полный глубокой важности, фактъ необходимыми подробностями, считая это какъ бы лишнимъ, ненужнымъ для вѣскости своего произведенія. Да неужели Борисъ, если ужъ отнести на его счетъ это злодѣяніе, дѣйствовалъ такъ открыто, не прибѣгалъ ни къ какой конспираціи и чуть ли не публично приводилъ въ исполненіе свой коварный замыселъ. Средства, которыя онъ пускаетъ въ ходъ, извѣстны чуть ли не всѣмъ. Но вѣдь противъ такого образа дѣйствій говорятъ недюжинный умъ и скрытый характеръ Бориса. Неужели же отъ такого произ-

веденія не вѣетъ сказочнымъ элементомъ, неужели все это можно считать правдоподобнымъ? Очевидно, что разсказъ „Иного сказанія“ со стороны передачи самаго событія возбуждаетъ большія сомнѣнія въ своей достовѣрности. Если ко всему сказанному прибавимъ, что разбираемый нами разсказъ написанъ спустя 15 лѣтъ послѣ Углицкой трагедіи, то наше представленіе объ искусственности, о заказности этого произведенія получаетъ большую силу. Создается такое представленіе—будто бы въ теченіе 15 лѣтъ или некому было написать объ этомъ событіи или же въ этомъ не было особенной нужды. Допустить первое можно съ весьма большой натяжкой. По всей вѣроятности, памятники были, но до насъ не дошли. Утверждать второе, т. е. что не было нужды въ разсказѣ о кровавомъ Углицкомъ дѣлѣ, тоже было бы, по меньшей мѣрѣ, страннымъ, если оставить въ сторонѣ тогдашніе споры и раздоры изъ-за царскаго престола. Послѣдніе даютъ намъ возможность допускать мысль, что произдеденія могли фабриковаться по заказу, въ силу возникавшей необходимости поддержать ту или другую партію. Изъ сличенія грамотъ, написанныхъ при Шуйскомъ съ „Инымъ сказаніемъ“, можно утверждать, что послѣднее есть одно изъ тѣхъ произведеній, которыя написаны въ угоду извѣстной политической партіи, въ пользу ея политическихъ плановъ и стремленій. Вѣдь въ это время началъ царствовать Василій Ивановичъ Шуйскій, который прочную основу, прочный фундаментъ для своей царской власти видѣлъ въ мощахъ царевича Дмитрія. На этомъ можно закончить критическія замѣтки о первомъ фазисѣ въ развитіи легенды о смерти царевича. Необходимо замѣтить, что при разборѣ „Иного сказанія“ пришлось витать въ области догадокъ и предположеній, такъ какъ главной точкой отправленія былъ исключительно здравый смыслъ. Переходя теперь къ послѣдующимъ фазисамъ эволюціи легенды, мы постепенно будемъ становиться на болѣе и болѣе твердый путь, потому что, сравнивая послѣдующіе разсказы съ первымъ и между собою, мы будемъ имѣть возможность пользоваться сравнительно-критическимъ методомъ, на основаніи котораго можно дѣлать уже болѣе или менѣе опредѣленные выводы.

Глава II.

Вторымъ этапомъ въ развитіи легенды, какъ я уже выше сказалъ, можно считать „Житіе царевича Дмитрія“, внесенное въ Минеи Германа Тулупова, и „Житіе царевича“, внесенное въ Минеи Іоанна Милютина.

Что касается перваго произведенія, то оно представляетъ не что иное, какъ сколокъ съ разсказа „Иного сказанія". Разница состоитъ лишь въ томъ, что въ числѣ убійцъ царевича здѣсь фигурируетъ не Михайло, а Данила Битяговскій. Во всемъ остальномъ, если не принимать во вниманіе нѣкоторой перетасовки тѣхъ же данныхъ, „Житіе царевича" въ Минеяхъ Тулупова не даетъ намъ ничего новаго. Поэтому я не буду останавливаться на немъ, а прямо перейду къ изслѣдованію другого источника, относящагося ко второму фазису развитія легенды, т. е. къ изслѣдованію „Житія царевича Дмитрія", внесеннаго въ Минеи Іоанна Милютина.

Содержаніе этого памятника вкратцѣ можно передать слѣдующимъ образомъ: „Намѣреваясь погубить царевича Дмитрія, Борисъ устраиваетъ совѣтъ, въ которомъ принимаютъ участіе Михайло Битяговскій, сынъ его Данилка, Никита Качаловъ и болярыня Василиса Волохова. Сначала было рѣшено отравить царевича, но это средство не приводитъ къ намѣченной цѣли. Тогда Борисъ прибѣгаетъ къ самой крайней и радикальной мѣрѣ—къ убійству царевича. Чтобы дать возможность удобнѣе выполнить это рѣшеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ скрыть всѣ слѣды злодѣянія, онъ отрѣзываетъ всякое сообщеніе между Углнчемъ и Москвой, для чего была поставлена стража, которая никого не должна была пропускать ни въ ту, ни въ другую сторону. А въ Угличѣ тѣмъ временемъ злодѣи совершаютъ кровавое дѣло. Василиса Волохова заставляетъ кормилицу вывести царевича на играніе, а тамъ посреди двора на него нападаютъ злодѣи и одинъ изъ нихъ перерѣзываетъ ему гортань. На мѣсто происшествія является мать царевича, Царица Марія Ѳеодоровна, которая начинаетъ плакать, бить себя въ перси и испускать горестные глаголы. Въ то время стали звонить въ колокола, благодаря чему собралось множество гражданъ, которые долго горевали и плакали. „И бысть во градѣ Угличѣ вопль и плачъ и рыданіе велико зело". Убійцы, совершивъ злодѣяніе, разбѣжались, но были схвачены и убиты. Извѣщенный обо всемъ этомъ, Борисъ приказалъ донести царю Ѳеодору Іоанновичу, что царевичъ самъ заклался въ играніи дѣтскомъ. Узнавъ о такомъ несчастіи, Ѳеодоръ Іоанновичъ былъ весьма опечаленъ, долго плакалъ и хотѣлъ самъ пойти ко граду Угличу. Какъ разъ въ то время, по обычаю торжества дня Пятидесятнаго, ему случилось быть въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Чтобы отклонить Царя Ѳеодора отъ поѣздки въ Угличъ, Борисъ дѣлаетъ большой пожаръ въ Москвѣ, чѣмъ и отвлекаетъ его вниманіе отъ Углича. Всѣмъ же пострадавшимъ отъ пожара Борисъ выдаетъ большія пособія и вознагражденія. Обманутый Царь посылаетъ въ Угличъ своего вѣр-

наго боярина Василія Ивановича Шуйскаго и приказываетъ Борису избрать нѣсколько другихъ бояръ, а также священниковъ, которые должны совершить по чину погребеніе царевича. Годуновъ избираетъ Андрея Клешнина и другихъ сочувствовавшихъ ему бояръ, которымъ обѣщаетъ и почести и славу. Когда эти лица прибыли въ Угличъ, то увидѣли закланнаго царевича. На допросы Клешнина о томъ, какимъ образомъ зарѣзанъ царевичъ, граждане говорили истину, т. е. что царевичъ убитъ. Василій Ивановичъ Шуйскій, боясь Годунова, ничего не говорилъ, а токмо горько плакалъ. Послѣ такого, почти единоличнаго дознанія Андрея Клешнина, царевичъ былъ погребенъ въ церкви Преображенія Господня [1]).

Не надо особеннаго напряженія мысли, чтобы замѣтить значительную разницу въ изображеніи одного и того же событія только-что приведеннаго произведенія и разсказа „Иного сказанія". Зерно легенды о смерти царевича Дмитрія пустило уже значительное количество ростковъ. Набросанный въ сказаніи 1606 года эскизъ Углицкой трагедіи, въ минеяхъ Милютина, получаетъ много новыхъ штриховъ и картина становится болѣе близкой къ своему законченному виду. Чрезвычайно интересно прослѣдить это разростаніе первоначально сжатаго разсказа. Любопытно развернуть самый процессъ этихъ наслоеній, въ возникновеніи которыхъ можно замѣтить силу закона послѣдовательности. Вотъ здѣсь-то можно во всей широтѣ примѣнить сравнительно-критическій методъ.

Прежде всего намъ бросаются въ глаза новыя дѣйствующія лица въ числѣ злодѣевъ: Данило Битяговскій и Василиса Волохова. Не даромъ выведены новые участники—по крайней мѣрѣ, послѣдняя. Въ разсказѣ „Иного сказанія" былъ сдѣланъ большой пробѣлъ, когда не было упомянуто ни объ одной женщинѣ, которыя находились при царевичѣ и безъ содѣйствія которыхъ трудно было совершить преступленіе. И вотъ этотъ пробѣлъ перваго фазиса развитія легенды восполняется во второмъ. Въ появленіи на сценѣ кровавой Углицкой трагедіи Василисы Волоховой можно видѣть возникшій съ естественною послѣдовательностью ростокъ отъ кореннаго зерна, необходимый штрихъ для пополненія картины.

Пойдемъ дальше. Въ высшей степени страннымъ кажется въ первоначальномъ разсказѣ о кончинѣ царевича то обстоятельство, что путь отъ Углича къ Москвѣ остается открытымъ. Вѣдь при такомъ условіи кто-либо изъ гражданъ Углича могъ донести царю всю правду о несчастномъ происшествіи, могъ раскрыть весь заго-

---

[1]) Русск. Истор. Библ. XIII т. Житіе цар. Дмитрія, внесенное въ минеи I, Милютина, стр. 900—909.

воръ Бориса, такъ что послѣдній не могъ оставить этого безъ надлежащаго вниманія или же въ противномъ случаѣ это не его рукъ дѣло. Авторъ „Житія царевича Дмитрія", внесеннаго въ минеи Милютина, взвѣшиваетъ это соображеніе, заполняетъ недомолвку, вводя въ разсказъ стражу, которая никого не должна пропускать въ Москву. Нѣтъ сомнѣнія, что эта прибавка внесена съ цѣлью сдѣлать разсказъ болѣе правдоподобнымъ, болѣе близкимъ къ реальности.

Свою восполняющую роль разбираемое нами „Житіе царевича" продолжаетъ и въ томъ случаѣ, когда на сценѣ показывается его мать, царица Марія Ѳеодоровна. Могло ли на самомъ дѣлѣ такое важное событіе пройти мимо матери, совершенно не коснувшись, не затронувъ ея материнскаго чувства. Конечно, нѣтъ. А разсказъ „Иного сказанія" и словомъ не обмолвился о ней. Зато авторъ разсматриваемаго нами „Житія" указываетъ на ея плачъ, страданія и горестные глаголы. Но не одну мать должно было затронуть это кровавое дѣло. Не могъ вѣдь равнодушно, безразлично отнестись къ такому печальному факту самъ Царь Ѳеодоръ, о которомъ умалчиваетъ „Иное сказаніе". Разбираемое нами „Житіе царевича", стремясь къ реальности изображаемой картины, выводитъ на сцену Ѳеодора Іоанновича. Онъ опечаленъ, долго плачетъ и хочетъ самъ поѣхать въ Угличъ, чтобы разслѣдовать дѣло. Здѣсь такимъ образомъ тоже видна восполняющая подробность сравнительно съ „Инымъ сказаніемъ". Не могли, наконецъ, быть безучастными къ убіенію царевича и жители города Углича. Съ роковою необходимостью долженъ былъ этотъ фактъ такъ или иначе отразиться на душевномъ настроеніи и на внѣшнемъ поведеніи угличанъ. Хотя въ разсказѣ „Иного сказанія" они убиваютъ злодѣевъ—въ „Житіи царевича" ихъ активная роль значительно расширяется: они звонятъ въ колокола, бѣжавшихъ убійцъ они схватываютъ и потомъ уже лишаютъ ихъ жизни. Такимъ образомъ здѣсь введена почти необходимая для натуральной, естественной картины деталь объ энергичномъ участіи угличанъ въ дѣлѣ отмщенія злодѣямъ.

Наиболѣе же нагляднымъ примѣромъ того, что „Житіе царевича", внесенное въ минеи Милютина, является лишь вторымъ фазисомъ въ развитіи легенды, естественнымъ продолженіемъ и восполненіемъ разсказа „Иного сказанія", можетъ служить подробное описаніе мѣръ, которыя приняты были Борисомъ къ прикрытію злодѣянія. Не сказать ни слова объ этихъ мѣрахъ, какъ это дѣлаетъ „Сказаніе" 1606 года, это значитъ недостаточно раскрыть замыселъ Бориса, недостаточно ярко нарисовать картину всей организаціи преступнаго дѣла, отчего могла страдать правдоподобность

разсказа. Въ „Житіи царевича“ этотъ существенный промахъ заполняется сообщеніемъ о томъ, что Борисъ ухищряется обмануть Царя Өеодора—будто бы царевичъ закололся самъ; жестокимъ способомъ—громаднымъ пожаромъ отвлекаетъ Царя отъ поѣздки въ Угличъ. Благодаря такому прибавленію все кровавое дѣло получаетъ болѣе жизненный характеръ.

Было бы, наконецъ, прямо таки необъяснимымъ со стороны Царя Өеодора оставлять это неожиданное, несчастное событіе безъ всякаго дознанія, безъ всякаго слѣдствія, какъ это представляется въ разсказѣ „Иного сказанія“. Такой крупный недочетъ заглаживается въ „Житіи царевича Дмитрія“, внесенномъ въ минеи Милютина. Здѣсь слѣдователями выводятся съ одной стороны—Василій Ивановичъ Шуйскій, посланный Царемъ, а съ другой—Андрей Клешнинъ и еще нѣсколько бояръ, посланныхъ Борисомъ. Эти послѣдніе были подкуплены Годуновымъ и вершили дѣла въ его пользу. Одинъ же Шуйскій, конечно, не могъ сдѣлать въ интересахъ раскрытія истины. Итакъ, здѣсь тоже проглядываетъ стремленіе автора разбираемаго нами „Житія“ представить разсказъ о убіеніи царевича Дмитрія наиболѣе полнымъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительности.

На основаніи только-что произведеннаго сравнительнаго анализа двухъ историческихъ памятниковъ о смерти царевича Дмитрія и на основаніи почти одинаковой передачи ими центральнаго сюжета, мы приходимъ къ заключенію, что они находятся между собою въ тѣснѣйшей, генетической связи. А это даетъ намъ возможность заключать, что въ „Житіи царевича Дмитрія“ разсказъ объ убіеніи царственнаго отрока не есть новый, самостоятельно составленный, а есть лишь второй фазисъ того разсказа, который находится въ „Иномъ сказаніи“.

Самъ собою возникаетъ вопросъ: остановился ли на этомъ въ своемъ развитіи разсказъ о смерти царевича или же продолжалъ проходить новыя стадіи въ своей эволюціи? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы можемъ только въ томъ случаѣ, когда внимательно проанализируемъ другіе дошедшіе до насъ источники этого рода, а потому перейдемъ къ разбору новаго историческаго памятника по этому вопросу, а именно къ „Лѣтописи о мятежахъ“.

Глава III.

Приступая къ разбору „Лѣтописи о мятежахъ“, познакомимся сначала въ самой краткой формѣ съ содержаніемъ этого памятника, который такъ намъ рисуетъ кровавую Углицкую драму: „Діаволъ

вложилъ Борису мысль о восхищеніи самодержавства Россійскаго, а для этого ему необходимо было погубить царевича Дмитрія. И онъ, какъ Святополкъ Окаянный, приводитъ эту діавольскую мысль въ исполненіе. Первымъ средствомъ, къ которому прибѣгаетъ Борисъ, является окормленіе зеліемъ. Но когда это не удается, когда узнали, что ядъ не причиняетъ вреда царевичу—Борисъ созываетъ свою братью, своихъ совѣтниковъ—Андрея Клешнина съ товарищами и начинаютъ обсуждать свой коварный замыселъ. Одинъ изъ нихъ, а именно—Григорій Васильевичъ Годуновъ не присталъ къ совѣту и долго и горько плакалъ. На совѣтѣ было рѣшено убить царевича и для этого избраны были: Владимиръ Загрязскій и Никифоръ Чепчуговъ. Но они, будучи людьми богобоязненными, отказались отъ этого кроваваго порученія и за это подверглись многимъ бѣдамъ и напастямъ. Андрей Клешнинъ скоро находитъ палача въ лицѣ Михаила Битяговскаго. Послѣдній, по приказанію Бориса, вмѣстѣ съ мамкинымъ сыномъ Данилкой и съ Никитой Качаловымъ отправляется въ Угличъ вѣдать все. Царица Марія Θеодоровна, видя ихъ злоумышленія, стала особенно тщательно оберегать царевича. Несмотря на это, окаянные злодѣи, условившись съ мамкой Марьей Волоховой и съ ея сыномъ Данилкой, 15 мая совершаютъ преступленіе. Когда кормилица, принужденная мамкой, выводила царевича гулять, злодѣи встрѣтили ихъ на крыльцѣ. Данилко Волоховъ спросилъ царевича: „у тебя, Государь, новое ожерелье". И вотъ въ тотъ моментъ, когда царевичъ поднялъ голову, чтобы показать свое старое ожерелье, Данилка кольнулъ его ножомъ, но не захватилъ гортани, кормилица упала на царевича и стала кричать. Но злодѣи избили ее, отняли царевича и закололи его. Въ то время на дворѣ никого не было. Соборный пономарь сталъ бить въ колокола. Сбѣжались горожане и увидѣли царевича мертва и мать его, лежащу около него, какъ будто бы тоже мертвую. Убійцъ Михаила Битяговскаго съ женою и съ совѣтниками угличане побиша каменіемъ. А Данилка и Никита отбѣжали было 12 верстъ, но вернулись и смерть достойную пріяша. Всѣхъ участниковъ было убито 12 человѣкъ. Къ Царю Θеодору послали гонца съ извѣстіемъ о убіеніи царевича. Гонецъ былъ приведенъ сначала къ Борису и здѣсь грамота была переписана: вмѣсто убіенія царевича сообщался фактъ о его несчастной гибели, которая случилась во время падучей болѣзни и главной причиной сего горестнаго событія указывалось небреженіе Нагихъ. Для разслѣдованія дѣла Царь Θеодоръ послалъ въ Угличъ Василія Ивановича Шуйскаго, Андрея Клешнина и властей. По пріѣздѣ въ Угличъ, Шуйскій долго плакалъ, а потомъ сталъ спрашивать гражданъ о

томъ, какъ закололся царевичъ. На это всѣ единогласно заявили, что онъ погибъ отъ рукъ убійцы Михаила Битяговскаго по повелѣнію Бориса. Вернувшись въ Москву, Шуйскій скрылъ отъ Царя истину. Борисъ приказалъ Нагихъ подвергнуть пыткѣ, чтобы они не говорили правды. Когда же Нагіе не согласились на это, то были разосланы въ дальніе города по темницамъ, а царица Марія Ѳеодоровна была пострижена въ монахини и отослана въ монастырь. Чтобы совершенно затушить злое дѣло, Борисъ разорилъ весь Угличъ: иныхъ казнилъ, инымъ отрѣзалъ языки, другихъ посадилъ въ темницу, а нѣкоторыхъ сослалъ въ Сибирь. Тѣла же окаянныхъ злодѣевъ онъ приказалъ предать погребенію, а мамкѣ Волоховой и женамъ убійцъ далъ жалованье со вотчинами. Таково содержаніе „Лѣтописи о мятежахъ“.

Сравнивая его съ двумя предшествующими историческими памятниками „Иного сказанія“ и „Житіемъ царевича Дмитрія“, внесеннымъ въ минеи Милютина—мы замѣчаемъ, что закваска во всѣхъ этихъ трехъ произведеніяхъ одна и та же, хотя они существенно различаются другъ отъ друга своеобразнымъ изложеніемъ подробностей кроваваго углицкаго дѣла. Пользуясь сравнительно-критическимъ методомъ, прослѣдимъ тѣ наслоенія, тѣ новые этажи въ разсказѣ о убіеніи царевича Дмитрія, которые содержитъ въ себѣ „Лѣтопись о мятежахъ“.

Прежде всего мы наталкиваемся на новыхъ, дотолѣ намъ неизвѣстныхъ еще, участниковъ коварнаго замысла Бориса. Такъ мы видимъ, что исполненіе кроваваго злодѣянія сначала предлагается Володимиру Загрязскому и Никифору Чепчугову. Откуда взялись эти новыя дѣйствующія лица? Почему о нихъ ни слова не сказано въ уже разобранныхъ нами источникахъ? Нельзя ли въ данномъ случаѣ видѣть пополненіе прежнихъ сказаній, новый ростокъ стараго зернышка? Мнѣ кажется, можно и вотъ почему. Весь коварный замыселъ Бориса, судя по прежнимъ сказаніямъ, выполняется почти безъ препятствій, совершенно гладко, какъ бы по нотамъ, если не считать неудачу съ отравой. Но вѣдь такое выполненіе, въ которомъ что называется—нѣтъ ни сучка, ни задоринки, въ чистомъ видѣ можно встрѣтить только въ сказкѣ. Роковая же дѣйствительность полна неожиданностей, полна случайныхъ пертурбацій, что и даетъ твердую почву для существованія извѣстнаго закона „гетерогоніи цѣлей“ [1]), который защищаетъ Вундтъ. Конечно, такихъ тонкихъ соображеній не могло быть въ умѣ тогдашняго писателя, но навѣрняка можно утверждать, что и онъ при-

[1]) Вундтъ. Очерки психологіи, стр. 378.

выкъ видѣть шероховатость и случайность въ дѣйствительности Безъ этихъ элементовъ въ его головѣ не укладывалась реальность. И вотъ онъ осложняетъ задуманное Борисомъ злодѣяніе тѣмъ, что избранные для этой цѣли палачи отказываются, приводятъ этимъ Бориса въ большое смущеніе, въ великое прискорбіе, пока онъ не находитъ новаго убійцу въ лицѣ Михаила Битяговскаго. Такимъ образомъ въ увеличеніи числа дѣйствующихъ лицъ въ „Лѣтописи о мятежахъ“ я склоненъ видѣть наслоеніе, надстройку, вызванную необходимостью, стремленіемъ автора къ большей правдоподобности разсказа о убіеніи царевича Дмитрія.

Этотъ элементъ неожиданныхъ препятствій вводится имъ и въ описаніе дальнѣйшаго выполненія коварнаго замысла Бориса. Убійцамъ не удается сразу покончить съ царевичемъ. Данилка кольнулъ его ножемъ, но не перерѣзалъ гортани. На мгновеніе царевичъ оказывается въ рукахъ кормилицы, которая не хочетъ дать его и начинаетъ кричать. И уже, отстранивъ насильно кормилицу, злодѣи доканчиваютъ начатое преступленіе. Эта новая подробность тоже вѣроятно введена авторомъ для большей реальности для сообщенія описываемому кровавому событію необходимыхъ чертъ дѣйствительности. Поэтому и здѣсь можно видѣть новый штрихъ автора на старомъ эскизѣ.

Осложняется въ „Лѣтописи о мятежахъ“ и самый характеръ дѣйствія преступниковъ. Было бы страннымъ, если бы убійцы напередъ не намѣтили себѣ пути къ укрывательству и не воспользовались бы имъ по совершеніи злодѣянія. Хотя въ „Житіи царевича“, внесенномъ въ минеи Милютина, и сказано, что преступники разбѣжались и были пойманы, но этого для болѣе правдоподобной картины мало. И вотъ „Лѣтопись о мятежахъ“ восполняетъ этотъ пробѣлъ: по ея разсказу Данилка Битяговскій и Никита Качаловъ убѣгаютъ за 12 верстъ и уже, терзаемые угрызеніями совѣсти, возвращаются назадъ съ цѣлью принять должную месть. Здѣсь прежде всего звучитъ обычный всѣмъ хорошо извѣстный, сказочный мотивъ, гдѣ убійцы почти всегда сознаются въ преступленіи и несутъ должное наказаніе [1]. Кромѣ того здѣсь видна уже совершенно новая, хотя и невыдержанная до конца, мысль объ организаціи злодѣевъ. У нихъ, вѣроятно, напередъ былъ обдуманъ планъ бѣгства, напередъ былъ намѣченъ путь къ укрывательству, по которому и хотѣли должно быть спасти свою жизнь. Что у автора лѣтописи въ зачаточномъ, конечно, состояніи проводится мысль объ организованной шайкѣ преступниковъ, можно заключить также изъ

[1] Русскія сказки Роговой. Бѣлая уточка, Машенька и др.

того, что число участниковъ въ кровавомъ дѣлѣ у него возрастаетъ сравнительно съ прежними источниками. По „Лѣтописи“ убито было 12 человѣкъ—а такое порядочное количество даетъ намъ возможность предполагать организацію, такъ какъ въ противномъ случаѣ и нельзя бы было приступать къ такому въ высшей степени рискованному предпріятію.

Детальное, строго послѣдовательное расширеніе прежнихъ сказаній о смерти царевича Дмитрія въ „Лѣтописи о мятежахъ“ идетъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи Углицкой трагедіи. Любопытно отмѣтить, что угличане здѣсь гораздо активнѣе реагируютъ на несчастную кончину царевича. Они посылаютъ къ царю Өеодору гонца съ грамотой, въ которой заключается извѣстіе о случившемся. Они поступаютъ такъ, какъ должны были поступить по духу того времени вѣрноподданные слуги своего Государя. Хотя подобный образъ дѣйствія не достигаетъ желаемыхъ результатовъ—гонца приводятъ къ Борису и грамота переписывается въ другомъ духѣ, но для насъ важно отмѣтить только самое поведеніе угличанъ. Они дѣйствуютъ въ разсказѣ „Лѣтописи“ гораздо естественнѣе, гораздо натуральнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ историческихъ памятникахъ. Здѣсь они скорѣе походятъ на реальныхъ горожанъ, чѣмъ тамъ, гдѣ они остаются молчаливыми, не даютъ знать Государю о такомъ большомъ, крупномъ событіи. Не оставилъ безъ вниманія авторъ „Лѣтописи о мятежахъ“ и роли Василія Ивановича Шуйскаго. Крайне нелѣпымъ кажется сообщеніе „Житія царевича“, внесеннаго въ минеи Милютина, о томъ, что Шуйскій—этотъ главный слѣдователь—только плакалъ на слѣдствіи. Эту нелѣпость или, чтобы не быть рѣзкимъ, удивительную странность сглаживаетъ „Лѣтопись“, въ которой Василій Ивановичъ уже размыкаетъ уста и разспрашиваетъ гражданъ о причинахъ несчастной кончины царевича и узнаетъ, что онъ погибъ отъ рукъ убійцъ. Хотя онъ и скрываетъ отъ царя Өеодора правду, но для насъ важно въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что онъ фигурируетъ на дознаніи, какъ настоящій слѣдователь, а не какъ слезоточивая старушка, какимъ онъ выводится въ „Житіи царевича“, внесенномъ въ минеи Милютина.

Шагъ впередъ дѣлаетъ „Лѣтопись о мятежахъ“ также и въ вопросѣ объ отношеніи Бориса къ Нагимъ, къ угличанамъ и къ своимъ сообщникамъ послѣ злодѣянія. Оставить такой серьезный вопросъ въ сторонѣ, что наблюдалось въ ранѣе разобранныхъ памятникахъ, никоимъ образомъ не можетъ произведеніе, въ которомъ повсюду скользитъ стремленіе подшить прежнія сказанія прочными нитками правдоподобности. И надо согласиться съ тѣмъ,

что вопросъ этотъ разрѣшается авторомъ „Лѣтописи“ довольно умѣло и достаточно подробно. Нагихъ Борисъ подвергаетъ пыткѣ и, когда этимъ средствомъ не достигаетъ цѣли, разсылаетъ по тюрьмамъ; царицу Марію Θеодоровну насильно постригаетъ въ монастырь и такимъ жестокимъ образомъ раздѣлывается съ Нагими, которые могли разоблачить истину. Еще болѣе безчеловѣчія и жестокости проявляетъ Борисъ по отношенію къ угличанамъ: нѣкоторымъ отрѣзаетъ языки, другихъ казнитъ, иныхъ ссылаетъ и т. д. Наоборотъ, своихъ сообщинковъ Борисъ награждаетъ и жалованьемъ и вотчинами. Благодаря этой картинѣ у читателя получается болѣе полное, болѣе законченное представленіе о злодѣяніи Бориса. И такъ, вводя въ прежній разсказъ о смерти царевича много новыхъ подробностей, авторъ „Лѣтописи“ такъ искусно придѣлываетъ ему соотвѣтствующій конецъ, безъ котораго самый фактъ кроваваго углицкаго дѣла могъ вызывать гораздо большія сомнѣнія.

Заканчивая критическій разборъ „Лѣтописи о мятежахъ“, можно сдѣлать слѣдующее соображеніе: неизмѣнность основного сюжета, возникновеніе, въ силу необходимости, новыхъ деталей въ этомъ произведеніи, представленіе, въ силу послѣдовательности, описываемаго событія въ болѣе законченномъ видѣ, даютъ намъ возможность заключить, что „Лѣтопись о мятежахъ“ есть не что иное, какъ только особый, поступательный этапъ въ развитіи легенды о царевичѣ Дмитріи. Всѣ черты самостоятельности, которыя носитъ „Лѣтопись“, представляются ни чѣмъ инымъ, какъ только пополненіемъ тѣхъ пробѣловъ, тѣхъ недочетовъ, которые были въ раннихъ историческихъ памятникахъ. Такимъ образомъ всѣ детали этого произведенія носятъ характеръ лишь относительной самостоятельности, а это даетъ намъ право считать все это произведеніе дальнѣйшей разработкой стараго сюжета, третьимъ фазисомъ въ развитіи легенды о смерти царевича. Но на этомъ не останавливается эволюція легенды. Свой новый фазисъ она переживаетъ въ „Сказаніи о царствѣ царя Θеодора Іоанновича“, къ знакомству съ которымъ мы и перейдемъ.

Глава IV.

Пространное „Сказаніе о царствѣ царя Θеодора Іоанновича“ я постараюсь изложить по возможности въ сжатомъ видѣ, поскольку, конечно, это не будетъ вредить ясности и рельефности рисуемой имъ картины Углицкой кровавой трагедіи. Подробному описанію несчастной кончины царевича Дмитрія въ „Сказаніи“ предше-

ствуетъ довольно искусное введеніе, которое, я думаю, для полноты впечатлѣнія необходимо ввести въ обзоръ „Сказанія". Вотъ что сообщаетъ намъ этотъ новый историческій памятникъ: „Отпуская царевича Дмитрія съ матерью его во градъ Угличъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ устраиваетъ имъ почетные и въ высшей степени трогательные проводы. „И простился съ ними и лобызалъ ихъ и вельми прослезился и рече брату своему: иди, свѣтъ мой, здравъ въ путь свой, чтобы мнѣ радостно впредь видѣть тебя"... Проводивъ своего меньшого брата, Ѳеодоръ Іоанновичъ самъ остается царствовать въ славномъ городѣ въ Москвѣ. Присущая ему склонность къ божественному, кротость, слабохарактерность естественно не давали ему возможности самому управлять государствомъ. Онъ нуждался въ такомъ лицѣ, которое бы за него вершило дѣла, выполняло бы всѣ существенныя функціи царя. Такимъ довѣреннымъ лицомъ онъ назначаетъ Бориса Годунова и ему вручаетъ всю полноту власти. Фактически Борисъ правилъ всѣми дѣлами въ государствѣ, а Ѳеодоръ Іоанновичъ былъ царемъ только номинально. Властолюбивый Борисъ не удовлетворяется такимъ широкимъ могуществомъ, полною царской властью, онъ хочетъ получить еще царское имя. Эта мысль такъ овладѣваетъ имъ, что онъ стремится разрѣшить ее какъ только можно скорѣе. Призываетъ Борисъ къ себѣ гадателей и спрашиваетъ ихъ: быть или не быть ему царемъ? Отвѣтъ получается въ его пользу, хотя время царствованія ограничивается только семью годами. Послѣ этого Борисъ еще интенсивнѣе начинаетъ думать о царскомъ престолѣ. Но на пути къ престолу стояла весьма крупная преграда—царевичъ Дмитрій. Борисъ не останавливается и передъ этимъ—онъ рѣшаетъ покончить съ царственнымъ отрокомъ. Когда же первое средство—отрава не приводитъ къ желательному концу, Борисъ посылаетъ въ Угличъ палачей ножемъ заколоть царевича. Эти злодѣи—Михаилъ Битяговскій, сынъ его Данилка и Никита Качаловъ привлекаютъ на свою сторону кормилицу Дарью Митякову и съ ея помощью совершаютъ кровавое преступленіе. Въ то время, когда она выводила царевича на прогулку и была съ нимъ посреди лѣстницы, Мишка Битяговскій схватилъ его за ноги сквозь лѣстницу, сынъ его Данилка взялъ за голову, а Никита Качаловъ вынулъ ножъ и закололъ его. Какая-то женщина извѣстила объ этомъ несчастіи царицу Марію Ѳеодоровну, которая приходитъ на мѣсто происшествія, плачетъ и произноситъ много горькихъ словъ, изливаетъ свою материнскую скорбь: „О, горе мнѣ бѣдной и горькой вдовѣ. Возстани, милое мое чадо, и призови убойцевъ своихъ, да и меня съ тобою погубятъ. Не могу на тебя, свѣта моего, мертва зрѣти и безъ тебя жива

быти не хощу... О, злые душегубцы, чего ради мене прежде не погубили. Что онъ Вамъ, Государь, зло сотворилъ, какую неправду учинилъ сей незлобивый младенецъ и т. д.". Вскорѣ на дворъ сбѣгаются граждане, убиваютъ сознавшихся злодѣевъ и тѣла ихъ выбрасываютъ на съѣденіе псамъ... Царица Марія Ѳеодоровна отправляетъ въ Москву пословъ съ извѣстіемъ о убіеніи своего сына, но Борисъ не допускаетъ ихъ къ царю, отсылаетъ назадъ, а самъ докладываетъ Ѳеодору Іоанновичу о несчастномъ событіи, говоря, что царевичъ закололся самъ. Потомъ авторъ „Сказанія" повторяетъ разсказъ прежнихъ памятниковъ о желаніи Царя пойти лично на Угличъ, объ отклоненіи сего намѣренія Борисомъ посредствомъ пожара въ Москвѣ, о снаряженіи слѣдствія. Стоитъ только замѣтить, что по этому „Сказанію" Василій Ивановичъ Шуйскій, скрывъ сначала истину, послѣ сказывалъ ее Ѳеодору Іоанновичу, но тотъ на Господа возложи печаль свою и Борису ничто не учинилъ. Изложеніе интересной для насъ части „Сказанія о царствѣ Царя Ѳеодора Іоанновича" можно закончить указаніемъ на разсказъ автора о томъ, что Борисъ предпринялъ отравленіе самого Царя Ѳеодора. Хотя послѣдній и зналъ будто бы о замыслѣ Бориса и даже сказалъ ему объ этомъ, Борисъ все-таки кладетъ ядъ, Царь выпиваетъ чашу, начинаетъ изнемогать и чрезъ 12 дней умираетъ.[1]).

Познакомившись съ содержаніемъ „Сказанія о Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ", перейдемъ къ его критическому разбору, сравнимъ его съ предшествующими исторически памятниками.

Надо замѣтить, что суть дѣла, т. е. фактъ убіенія царевича— здѣсь остается та же, что и въ уже разобранныхъ нами источникахъ. Но самая картина, самая обстановка несчастной кончины церевича получаетъ здѣсь уже вполнѣ законченную, округленную форму, которая однако создается въ связи съ недочетами прежнихъ памятниковъ. Если мы повнимательнѣе присмотримся къ этому произведенію, весьма детальному по изображенію фактовъ, а главное хорошо отшлифованному по способу изложенія, то найдемъ, что оно является ни чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшей, довольно остроумной, переработкой прежнихъ „Сказаній" о смерти царевича. За это прежде всего говоритъ передаваемая почти безъ измѣненія закваска несчастнаго событія, главная сущность печальнаго факта. Что же касается новыхъ подробностей, съ которыми мы здѣсь встрѣчаемся, то онѣ явились какъ бы необходимостью для болѣе

---

[1]) Русск. Ист. Библ. XIII т. „Сказаніе о царствѣ Ц. Ѳеод. Іоаннов." стр. 755—789.

подходящаго по духу времени описанія событія. Народъ шагнулъ немного впередъ, и произведеніе переработалось, не измѣняя существа дѣла, приняло другую форму.

Прослѣдимъ тѣ наслоенія, которыя мы замѣчаемъ въ „Сказаніи" о царствѣ Царя Ѳеодора Іоанновича по сравненію съ предшествовавшими ему источниками. Каждому, я думаю, бросилось въ глаза какой искусный, остроумный подходъ дѣлаетъ авторъ, чтобы приступить къ передачѣ самаго факта. Онъ говоритъ о трогательныхъ проводахъ царевича, настолько трогательныхъ, что Царь Ѳеодоръ какъ бы напередъ зналъ горькую кровавую будущность, которая ждала его меньшого брата. Авторъ далѣе говоритъ о Борисѣ правителѣ-самодержцѣ и о его гаданіяхъ. Такимъ образомъ онъ подготовляетъ, такъ сказать, весьма благопріятную почву для сообщенія самаго факта убіенія царевича. Въ прежнихъ памятникахъ это совершенно упущено изъ виду, оставлено безъ надлежащаго вниманія. А вѣдь безъ этого и самый разсказъ о несчастной кончинѣ царевича остается какъ бы безъ головы. Итакъ, „Лѣтопись о мятежахъ" поставила его на ноги, т. е. сообщила ему необходимый конецъ, а „Сказаніе о царствѣ Царя Ѳеодора Іоанновича" снабдило его головой. Такимъ образомъ указанная крупная подробность, которую я назвалъ искуснымъ подходомъ къ самому дѣлу, вызвана была недочетомъ предшествующаго памятника. Далѣе, мы замѣчаемъ нѣкоторую новость въ описаніи самаго факта убійства. Въ „Сказаніи о царствѣ Царя Ѳеодора Іоанновича" оно происходитъ посреди лѣстницы, по которой спускался царевичъ на прогулку и подъ которой укрывались злодѣи въ ожиданіи своей жертвы. Эта подробность тоже не даромъ введена авторомъ „Сказанія". Въ прежнихъ памятникахъ остается открытымъ, неразъясненнымъ вопросъ о томъ, гдѣ могли находиться преступники предъ совершеніемъ злодѣянія? Вѣдь не могли же на самомъ дѣлѣ они стоять среди двора и дожидаться желательнаго момента. И вотъ разсматриваемое нами „Сказаніе" обходитъ этотъ вопросъ, перенося сцену убійства со двора на лѣстницу. Здѣсь, поэтому, мнѣ думается, мы имѣемъ тоже вызванную необходимостью переработку неточности раннихъ памятниковъ.

Желая представить картину убіенія царевича во всей ея полнотѣ, авторъ „Сказанія" выводитъ царицу Марію Ѳеодоровну говорящей горькія, трогательныя рѣчи. Мать, видя убитаго сына, не могла, конечно, оставаться молчаливой и уже въ „Житіи царевича", внесенномъ въ минеи Милютина, упоминается о томъ, что она испускала многіе глаголы. И вотъ авторъ разбираемаго „Сказанія", восполняя это неопредѣленное сообщеніе предшествовавшаго источ-

ника, приводитъ глаголы царицы, влагаетъ въ ея уста вдохновенныя слова. Правда, здѣсь стремясь такой подробностью къ естественности, къ правдоподобности, онъ увлекается и хватаетъ черезъ край. У него царица произноситъ полныя глубокаго смысла, сильныя по содержанію и изящныя по формѣ рѣчи, которыя какъ бы заранѣе были обдуманы, прочувствованы и приготовлены. На самомъ дѣлѣ—въ такомъ положеніи отъ матери скорѣе всего можно ожидать безсвязныхъ, недоговоренныхъ фразъ. Но для насъ важно обратить вниманіе не на эту несообразность, а на самое намѣреніе автора переработать прежній разсказъ о смерти царевича, сообщить ему болѣе реальную физіономію. Онъ хотѣлъ сдѣлать разсказъ болѣе опредѣленнымъ, болѣе жизненнымъ, но это ему не совсѣмъ удалось.

Съ новою подробностью встрѣчаемся мы въ „Сказаніи о царствѣ Царя Ѳеодора Іоанновича", когда читаемъ, что извѣстіе о несчастной кончинѣ царевича Дмитрія принесено было въ Москву послами царицы Маріи Ѳеодоровны, которыхъ Борисъ отсылаетъ назадъ, а о смерти царевича передаетъ Царю Ѳеодору самъ—лично. Здѣсь важно отмѣтить то обстоятельство, что пословъ посылаетъ сама царица, о чемъ не говорится въ болѣе раннихъ памятникахъ. Мнѣ кажется, что, вводя эту деталь, авторъ „Сказанія" хотѣлъ стать ближе къ жизни, изобразить роль царицы по возможности ближе къ дѣйствительности. Мать, конечно, прежде всѣхъ должна была распорядиться относительно разъясненія несчастнаго факта, должна была принять соотвѣтствующія къ тому мѣры. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи видно намѣреніе автора пополнить сообщенія прежнихъ историческихъ памятниковъ.

Необходимо еще остановиться на небезинтересной детали въ роли главнаго слѣдователя—Василія Ивановича Шуйскаго. Мы уже знаемъ, что послѣдній, по разбираемому сказанію, открываетъ впослѣдствіи Царю Ѳеодору истину о кровавомъ событіи, но тотъ не выводитъ преступленія на чистую воду. Нетрудно уловить и здѣсь стремленіе автора довести до конца роль Шуйскаго, сдѣлать ее болѣе правдоподобной. Съ жизненной, реальной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія тогдашнихъ раздоровъ, несогласій въ боярствѣ, почти невозможно согласиться съ тѣмъ, что Шуйскій, человѣкъ враждебной Борису партіи, скрылъ истину. Авторъ „Сказанія" замѣтилъ эту ненатуральность въ ранѣе существовавшемъ разсказѣ и счелъ нужнымъ внести необходимую поправку.

Если ко всему сказанному прибавимъ еще изображаемую авторомъ „Сказанія" преступность Бориса въ отравленіи Царя Ѳеодора, то будетъ исчерпано все новое въ этомъ памятникѣ. Откуда по-

является этотъ разсказъ объ отравленіи царя Θеодора и что хотѣлъ имъ сказать авторъ? Очевидно задавшись цѣлью представить въ законченномъ и правдоподобномъ видѣ всю картину кровавой трагедіи, онъ хочетъ закрѣпить преступность Бориса, заклеймить его дальнѣйшимъ ея развитіемъ, покончивъ съ Дмитріемъ, онъ отравляетъ Царя Θеодора. Что же можетъ быть убѣдительнѣе для читателя относительно злодѣянія Бориса по отношенію къ царевичу, какъ не новое проявленіе его преступной воли? Вотъ съ какою цѣлью, по моему мнѣнію, приводится разсказъ объ отравленіи Царя Θеодора.

Изъ всего сказаннаго ясно, что „Сказаніе о царствѣ Царя Θеодора Іоанновича“ есть новая стадія въ разработкѣ сюжета о убіепіи царевича Дмитрія, новый—четвертый и послѣдній фазисъ въ развитіи легенды.

Заключеніе.

Прослѣдивъ процессъ развитія разсказа о смерти царевича Дмитрія, отмѣтивъ четыре опредѣленныхъ фазиса въ эволюціи сказаній по этому вопросу, установивъ такимъ образомъ между ними прочную генетическую связь, мы можемъ сдѣлать весьма важное, ретроспективное заключеніе. Если въ развитіи разсказа о кончинѣ царевича, начиная съ 1606 года наблюдаются постепенные наросты, постепенныя наслоенія въ изображеніи описываемаго событія, если они возникаютъ какъ пополненіе предшествующихъ редакцій, то почему не предположить, что и само „Сказаніе“ 1606 года, которое является первоначальнымъ ядромъ для всѣхъ послѣдующихъ—почему не предположить, что и оно явилось на свѣтъ тоже въ результатѣ переработки существующихъ ранѣе, но не дошедшихъ до насъ, памятниковъ. Быть можетъ и „Иное сказаніе“ представляетъ лишь одинъ изъ фазисовъ ранѣе существовавшаго разсказа.

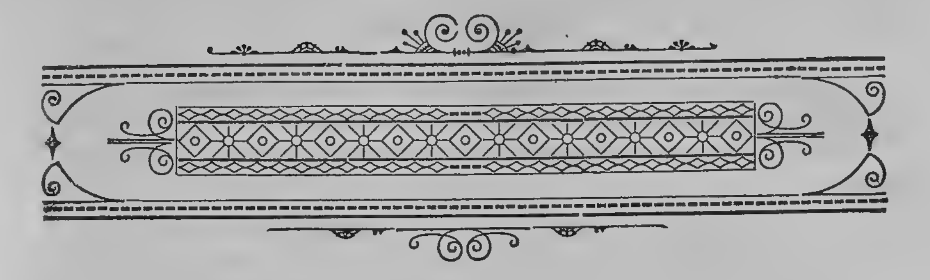
Вѣдь со смерти царевича до его появленія прошло цѣлыхъ 15 лѣтъ. Трудно допустить, чтобы за этотъ періодъ времени ни слова не было сказано о такомъ важномъ, крупномъ событіи, какъ убійство царевича Дмитрія. Если и не было въ то время письменныхъ памятниковъ по этому вопросу, то безъ всякаго сомнѣнія былъ устный разсказъ, устная передача печальнаго факта. Итакъ, судя по характерному процессу развитія разсказа о кровавомъ дѣлѣ, съ нѣкоторой, довольно значительной, долей увѣренности можно говорить о существованіи письменныхъ или устныхъ сказаній о смерти

царевича и до 1606 года, результатомъ переработки которыхъ явилось „Иное сказаніе“. Распространяя и на нихъ установленный нами принципъ эволюціи, принципъ постепеннаго разростанія разсказа, мы въ концѣ концовъ, отрубая всѣ новые ростки и побѣги, можемъ такимъ путемъ дойти до самой обычной формы народной молвы.

Итакъ, самый процессъ развитія сказаній о царевичѣ Дмитріи ведетъ насъ къ наличности легендарности, сказочности и сомнительности этихъ памятниковъ и тѣмъ самымъ служитъ новымъ аргументомъ къ тому, чтобы констатировать некомпетенцію лѣтописныхъ сказаній въ рѣшеніи вопроса о кровавой Углицкой трагедіи.

В. Н. Свѣтозаровъ.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Одентали къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

10.

С.-Петербургъ. Февраля 5. 1813.

Данцигъ не взятъ. Въ немъ 19 тысячъ гарнизону. Говорятъ токмо, что между ними 8.000 больныхъ. О занятіи Варшавы новѣйшій слухъ также не подтвердился, а былъ разглашенъ управляющимъ военнымъ министерствомъ кн. Горчаковымъ. Это въ другой разъ онъ насъ по пустякамъ радуетъ. Талейрана хватилъ параличъ. О злодѣѣ говорятъ теперь, что онъ уже выздоровѣлъ и будто бы находится въ Страсбургѣ. Во французскихъ газетахъ помѣщено великолѣпное описаніе о алмазной шпагѣ, которая кончена первымъ парижскимъ ювелиромъ для Корсиканца. Славный алмазъ Régent составляетъ головку ефеса. Послѣ одержанныхъ надъ нами побѣдъ надѣнетъ ее побѣжденный.

Я страшную кучу на мою долю имѣю французскихъ газетъ, которыя вдругъ присланы чрезъ Швецію. Другой день вожусь съ ними и не могу докончить. Отъ нихъ мало остается времени для посвященія моимъ почтеннымъ и любезнымъ корреспондентамъ. Довольны ли Вы Conservateur'омъ по моей рекомендаціи?

---

[1]) См. „Русская Старина", январь 1913 г.

Распечатываю, чтобъ возвѣстить вамъ занятіе Варшавы и Праги 27 генваря генер.-адъютантомъ Васильчиковымъ.

Уже вдовствующая Императрица поздравляла съ симъ Вязмитинова.

11.

С.-Петербургъ. Февраля 7. 1813.

Какъ ни увѣрены были въ разсужденіи занятія Варшавы, но опять должно сомнѣваться въ подлинности сего слуха. Послѣдній курьеръ изъ главной арміи не привезъ о томъ подтвержденія. Изъ Вильны, чрезъ которую проѣзжаютъ всѣ курьеры отъ Императора, получилъ сейчасъ письмо отъ 31 генваря. И въ немъ ни слова о семъ, хотя тотъ бы вѣрно зналъ, кто ко мнѣ пишетъ, ежели бы Варшава, какъ здѣсь говорили, занята нами 27 генваря.

До пресыщенія и утомленія начитался новостей въ французскихъ, англійскихъ и прусскихъ газетахъ. Изверги грозятъ опрокинуть на насъ весною армію вдвое многочисленнѣе той, которая приведена была въ Отечество наше въ прошломъ году. Пишутъ, что 180 тысячъ переходятъ уже Рейнъ въ трехъ мѣстахъ, что кромѣ когортъ и конскриптовъ добровольно каждый департаментъ выставляетъ по нѣсколько сотъ всадниковъ своимъ иждивеніемъ на конѣ и во всемъ вооруженіи, что Корсиканецъ ежедневно присутствуетъ въ различныхъ совѣтахъ, успѣваетъ при томъ быть на разводахъ, прогуливаться, являться въ театрѣ и ѣздить на охоту. Пусть Conservateur съ прочими нашими журналистами дѣлаетъ на сіи пышныя возвѣщенія свои замѣчанія, а я скажу только, что, читая эту мерзость, сдѣлалось мнѣ отъ нея тошно.

Прилагаю переведенную для Дм. Прокофьевича послѣднюю прокламацію буйныхъ сарматовъ [1]). Такъ-то все выворочено креатурами злодѣя на изнанку. Ноты Монитера на лондонскія статьи превышаютъ всякую нелѣпость. Причины министра иностранныхъ дѣлъ, по которымъ заставилъ Бонапарта укомплектовать многочисленныя его ополченія, удивительно убѣдительны. Не сдайся намъ Іоркъ съ 14 тысячами пруссаковъ, такъ онъ бы не предложилъ собрать во Франціи 350 тысячъ свѣжихъ войскъ. Это по крайней мѣрѣ доказываетъ, какъ покровитель Рейнской конфедераціи надѣется на ея пособія.

Ну, что вы прикажете! Сію минуту является ко мнѣ одинъ знакомецъ и божится, что Варшава взята и самого Васильчикова

---

[1]) Прокламаціи при письмѣ не оказалось.

ожидаютъ съ ключами. Ему я долженъ больше другихъ вѣрить, онъ человѣкъ не лживый и вхожъ въ лучшіе дома, гдѣ слышалъ о семъ отъ министровъ.

Да вотъ шлетъ другой знакомый для прочтенія и реляцію печатную. Поздравляю милаго Александра Яковлевича. Милорадовичъ занялъ Варшаву, и 27 генваря, какъ здѣсь говорили. Жаль, что не имѣю собственнаго экземпляра печатнаго.

12.

С.-Петербургъ. Февраля 9. 1813.

Купленную брошюрку нарочно для васъ найдете у сего. Мнѣ жаль, что я прельстился заглавіемъ. Прочтя, нашелъ, что содержаніе ему не отвѣтствуетъ. Она вышла только въ пятницу, и говорятъ, что какой-то Саблуковъ дѣлалъ предисловіе и отвѣтъ. Ежели я не ошибаюсь, то тутъ мѣчено только на Маркова, а ошибка Бонапарта потеряна вовсе изъ виду. Ничего новаго послѣ пятницы не слыхалъ. Спѣшатъ только на подводахъ отправлять сформированныя здѣсь войска въ армію. Ихъ болѣе 20 тысячъ. Впередъ буду покупать брошюры, относящіяся къ настоящимъ обстоятельствамъ, не иначе, какъ по прочтеніи оныхъ. Ихъ пропасть, но путныхъ не много.

13.

С.-Петербургъ. Февраля 11. 1813. Вторникъ.

Ключи Варшавскіе привезъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ. Вчерась повѣсили ихъ въ Казанскомъ соборѣ послѣ благодарственнаго тамъ молебствія въ присутствіи обѣихъ Императрицъ. Мы не знаемъ, взята ли вмѣстѣ съ Варшавою и Прага. Заподлинно знаю, что канцлеръ о англійскомъ пособіи разореннымъ москвитянамъ и слышать не хочетъ. Низко дѣйствительно принять Россіи такое подаяніе. Барышники сіи, набравъ подписками около 300 тыс. фунт. стерлинговъ, хотятъ сумму сію послать къ намъ мануфактурными лежалыми нѣсколько лѣтъ издѣліями.

На сихъ дняхъ трое изъ моихъ короткихъ знакомыхъ пріѣхали изъ Могилева и Витебска искать помощи послѣ совершеннаго разоренія отъ французовъ. Два дня ходилъ къ нимъ слушать разсказовъ и нынче еще потащусь слушать продолженія, которое не кончится и въ мѣсяцъ. Ужасъ, состраданіе и смѣхъ поперемѣнно смѣняются. Вольнодумство, революція и продолжительная война сдѣлали французовъ такими чудовищами, уродами и арлекинами,

что они совсѣмъ не походятъ на людей. Убиваютъ, истязаютъ другихъ шутя; сами такъ же умираютъ, такъ же переносятъ всѣ нужды, всѣ мученія и великими почитаютъ только тѣхъ, которые еще при послѣднемъ издыханіи спускаютъ съ языка острое словцо. Въ нихъ истреблены, искоренены Бонапартомъ чувства общественной связи, пріятность мирной жизни, они дышатъ только убійствомъ, грабежемъ, кощунствомъ. Не будь войны съ другими народами, такъ они то же бы начали дѣлать въ своей землѣ.

14.

С.-Петербургъ. Февраля 14. 1813. Пятница.

Консерваторъ будетъ вамъ отвѣчать на другія статьи. Журналъ сей издается подъ ауспиціями канцлера, главный редакторъ—служащій при иностранной коллегіи надв. совѣт. Фаберъ, а подъ его руководствомъ работаютъ многіе молодые люди изъ коллегіи, которые прежде употреблялись для составленія „Journal du Nord“.

Цирлейнъ читалъ уже сегодня письменное объявленіе въ придворной канцеляріи о побѣдѣ, одержанной Винценгеродомъ у Шлика надъ корпусомъ Ренье. Множество положено на мѣстѣ, отбито 2 знамя, 7 пушекъ, взяты въ плѣнъ: 1 генералъ, 38 штабъ и оберъофицеровъ и болѣе 2 тыс. рядовыхъ. Въ воскресенье назначено по сему случаю въ придворной церкви молебствіе.

Государь изволитъ съ симъ же курьеромъ увѣдомлять вдовствующую Императрицу, что и Познань занята нашими войсками.

15.

С.-Петербургъ. Февр. 19. 1813 г.

Слухъ распространенъ и третій день уже поддерживается, что казаки вступили уже въ Берлинъ и ни души французской сволочи тамъ не нашли. Крѣпко также говорятъ, что Барклай, снявшій команду надъ Чичаговымъ корпусомъ, разбилъ близъ Торуня Виктора. Ежели не врутъ, то Чичаговъ съ большими уполномочіями посланъ въ Вѣну по возвращеніи оттуда Анштета, которому за успѣшное исполненіе порученій назначенъ пенсіонъ 1.200 червонныхъ и пожалованъ орденъ Анны 1-го класса. Изъ Вильны съ послѣднею почтою мнѣ пишутъ, что генералъ Сакенъ опять отданъ подъ судъ, но за что, не упоминаютъ.

Въ Берлинской послѣдней газетѣ читалъ сегодня, что регентшею объявлена Луиза и что короля Римскаго назначено короновать.

Нѣкоей дѣвицѣ Буниной [1]), слагающей per fas et nefas стихи, къ 1.000 р. с. прибавлено еще 2.000 пенсіона. По сему масштабу великія бы выдачи надлежало казнѣ дѣлать и другимъ лучшимъ піитамъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Хорошо, что не всѣ они имѣютъ чрезвычайную протекцію: такъ не столько нанесутъ безполезнаго убытка.

Въ Лондонъ къ Пельтье покатилъ вчерась съ англ. курьеромъ и Appel aux Souverains de l'Europe. Смирновъ у меня такихъ сочиненій добивается, и я прошу васъ меня не забывать надѣлять подобными изящностями на предбудущее время.

16.

С.-Петербургъ. Февр. 21. 1813 г.

Журнала о военныхъ дѣйствіяхъ давно уже нѣтъ. О занятіи казаками Берлина ежели нѣтъ подтвержденія, то нѣтъ и опроверженій, напротивъ того, первоначальный слухъ еще поддерживается; о побѣдѣ же Барклая надъ Викторомъ перестали совсѣмъ говорить.

Англійское посольство получило извѣстіе, что половина франц. войскъ выводится изъ Испаніи. Они, навѣрно, пошлются въ Сѣверную Германію. Тамъ злодѣй ожидаетъ страшныхъ для себя ударовъ. Доказываетъ сіе его опасеніе и мѣра съ Гамбургскимъ банкомъ, который уже переведенъ во Францію. Штейнъ пишетъ для германцевъ сильныя прокламаціи. Въ Кенигсбергъ явился также и Коцебу. Онъ будетъ издавать газету. То-то посыплются замѣчанія на франц. газетчиковъ!

Здѣсь на прошедшей недѣлѣ было забавное происшествіе въ Гостиномъ дворѣ. Извѣстнаго Шешковскаго сынъ былъ давно уже въ ссорѣ съ какимъ-то Дьяковымъ. Когда Шешковскій торговалъ въ Гостиномъ дворѣ вышедшія по настоящимъ обстоятельствамъ каррикатуры, нечаянно набрелъ на него Дьяковъ. Заставши живую каррикатуру у печатныхъ, онъ началъ также торговать послѣднія и наддавать цѣну противъ Шешковскаго, и такъ его взбѣсилъ, что онъ кинулся къ стоявшимъ передъ лавкою санямъ своимъ, схватилъ бывшій въ нихъ арапникъ и хотѣлъ бить Дьякова; но сей, будучи сильнѣе или проворнѣе, вырвалъ у него изъ рукъ арапникъ, принялся не на шутку имъ потчивать, сшибъ съ Шешковскаго шапку, который, боясь ударовъ на голову, закрылъ ее обѣими руками и пустился по линіи бѣжать. Дьяковъ гналъ его въ такомъ

---

[1]) Бунина, Анна Петровна, р. 1774 г. † 1825 г., извѣстная въ свое время писательница, пользовавшаяся покровительствомъ А. С. Шишкова.

тріумфѣ почти чрезъ половину Гостинаго двора, и не прежде согласился прекратить бичевое преслѣдованіе, пока въ задорѣ съ него самого не свалилась шляпа. Какъ тѣшились этою погонею гостинодворцы и прочіе зрители, легко себѣ представить можно.— Шешковскій жаловался сперва на словахъ оберъ-полицеймейстеру, но сей заставилъ его подать просьбу на бумагѣ, которая представлена Сер. Куз. Вязмитинову, а отъ него послано уже донесеніе къ Государю о семъ поганомъ дѣлѣ.

Никто болѣе не принимаетъ ни Шешковскаго, ни Дьякова.

17.

С.-Петербургъ, февр. 22.

Со вчерашнею Мемельскою почтою нѣкоторые купцы получили извѣстіе, будто бы Теттенборнъ съ наѣздническимъ отрядомъ своимъ занялъ Гамбургъ.

18.

Петербургъ, февр. 25. 1813.

Съ тѣхъ поръ, какъ купеческія извѣстія ввели Теттенборна въ Гамбургъ, никакой послѣдующій слухъ не вывелъ его оттуда; напротивъ того и въ „Рижскомъ зрителѣ“ отъ 18 февраля помѣщено слѣдующее: Privatbriefe behaupten, dasz schon vor zehn Tagen Russische Truppen in Lenzen, zwölf Meilen von Hamburg, gewesen sind.—Berliner Briefe und Zeitungen hat die letzte Post nicht mitgebracht. Ein Beweis, dasz man in Berlin viel zu thun hatte.

Мы по милости избавителя нашего графа Витгенштейна провели масленицу въ обыкновенныхъ веселостяхъ, невзирая на мокрую погоду. Хотя я въ нихъ ни мало не участвовалъ, однакожъ радовался, что другіе могли веселиться въ уцѣлѣвшемъ Петербургѣ.

Екатерина Павловна изволитъ непремѣнно 7 марта отправляться въ Карлсбадъ.

Скажите мнѣ, есть ли у васъ рукописное разсужденіе о прошедшей кампаніи и возраженіе на оное Барклая-де-Толли? Обѣ пьесы очень любопытны. Такъ какъ онѣ пространны, то мнѣ не хочется прежде вашего отзыва приняться за переписываніе. Il y a encore une pièce très curieuse sur la prise de Moscou, mais elle se proméne en grand secret, et je n'espère pas l'avoir.

Она совершенно согласуется съ первымъ вашимъ посланіемъ изъ деревни кн. Куракиной. Прилагаю у сего объявленіе [1]) Бернадотта, которое нарочно выписалъ вчерась для васъ изъ Кенигсбергской газеты.

19.

С.-Петербургъ, 26 февраля 1813.

Ждутъ у канцлера изъ главной квартиры ратификаціи трактата съ Австріею.

Прусскій король видѣлся съ Государемъ въ Калишѣ. Въ Берлинѣ встрѣтятъ Государя 35 тыс. Landwehr'а. Французы оттуда ушли стремглавъ. О мятежахъ въ Сѣверной Германіи подтверждается.

20.

С.-Петербургъ, февраля 28. 1813.

Вашъ 18-й № меня успокоилъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ.

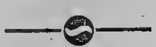
Радовался сердечно масленичнымъ у васъ веселостямъ. Ай да Москва! Ай да народецъ православный! Стало быть, живетъ въ надеждѣ, оправляется и забываетъ едва миновавшее разореніе. Кто не унываетъ, тотъ и горевать не знаетъ. Подумаешь, что Россію нарочно посѣтили толикія бѣдствія, чтобъ народъ ея во всемъ сіяніи явилъ великость своего духа. Утѣшайся, россійскій Самодержецъ, подданными твоими!

Наши должны далеко быть за Берлиномъ.

О Торунѣ говорятъ, что онъ сдался Барклаю.

Въ нѣмецкомъ маскерадѣ были прекрасныя характерныя маски, и по большей части на счетъ Наполеоновой ретирады. Сказывали мнѣ, что кромѣ множества казаковъ и завернутыхъ въ солому и тряпицы французскихъ солдатъ, которые не знали, куда дѣваться при видѣ первыхъ, 4 человѣка съ однимъ предводителемъ представляли большую Наполеонову армію. Предводитель безпрестанно кричалъ: „place à la grande armée!" Всѣ хохотали, шутя предлагали замерзлымъ французамъ милостыню и нѣкоторые даже ужинали на счетъ милосердныхъ людей, не бывъ имъ совсѣмъ знакомы.

С. О. Долговъ.

---

[1]) Объявленія при письмѣ не оказалось.

Свидѣтельство о прапорщикѣ Гусевѣ.

М. О. О. А. Г. Ш. оп. 229-а (Фельдъегер. корп.), св. 5, д. 80/71.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

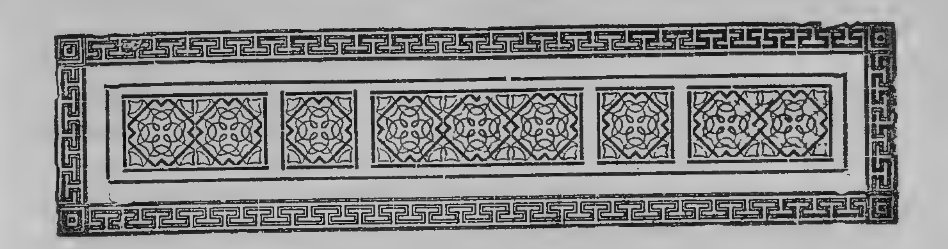
Въ исполненіе приказа отданнаго по Фельдъегерскому корпусу въ 1-й день марта за № 26, мы, нижеподписавшіеся, представляемъ сіе сего корпуса о г. прапорщикѣ Гусевѣ 1-мъ въ томъ, что онъ по службѣ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполнителенъ, въ другихъ же тупъ, въ особенности въ словесныхъ отвѣтахъ и сіи послѣднія редко ему доверялись. Скоростію ѣзды былъ изъ числа лучшихъ. Поведенія же его г. Гусева мы не одобряемъ, по тому 1-е что онъ будучи на дѣйствительной службѣ, вопреки чести офицера, дозволилъ себѣ заниматься торговлею дровъ какъ въ столицѣ, такъ и внѣ оной; въ которой будучи самъ хозяиномъ и прикащикомъ обращался съ людьми низкими по образу его занятія, какъ неприличнаго мундиру, чѣмъ совершенно стыдилъ все Общество наше. 2-е, ежегодныя домовыя отпуски его служатъ доказательствомъ, что г. Гусевъ совершенно уклонялся отъ службы и за сіи частыя отлучки несшимъ за него службу товарищамъ не только не былъ благодарнымъ, какъ должно быть честному офицеру, но онъ напротивъ, сходно грубому его характеру, былъ всегда не уважая лица и мѣста въ обращеніи невѣжливъ до грубостей и нерѣдко сварливъ до дерзости и 3-е, поступокъ его г. Гусева съ законною своею женою, какъ уже извѣстно, увѣряетъ въ испорченной его нравственности.

Неприличныя качества сіи г. Гусева истребили изъ Общества то благородное мнѣніе, которымъ пользуется каждый съ честію служившій офицеръ. Мы едва имѣли терпимость служить съ нимъ, но удерживались въ просьбѣ нашей. О семъ по тому, что случаи сіи сами по себѣ непріятны Высшему начальству и несколько по тому, что онъ г. Гусевъ обращалъ вниманіе на себя скоростію ѣзды.

Что есть справедливаго немъ въ чувствахъ нашихъ, то мы по долгу службы и присяги свидѣтельствуемъ симъ подписомъ нашимъ. Марта 6 дня 1828 г.

Подписали: 8 фельдъегерей, 10 прапорщиковъ, 3 подпоручтика, 1 поручтикъ, 1 капитанъ и 1 маіоръ.

Сообщ. В. П. Федоровъ.

Женатыя роты [1]).

Сто лѣтъ тому назадъ трудна была служба россійскаго солдата, а кавказскаго—въ особенности. Воочію убѣдился въ этомъ, назначенный главноначальствующимъ въ Грузіи, генералъ Ермоловъ при объѣздѣ въ 1816 и 1817 г.г. Высочайше ввѣреннаго ему края. Непрестанныя заботы о возможномъ облегченіи участи кавказскаго солдата и вполнѣ понятное стремленіе заселить этотъ безпокойный край русскимъ элементомъ навели генерала Ермолова на мысль о необходимости комплектованія отдѣльнаго Кавказскаго корпуса женатыми рекрутами и о доставленіи на Кавказъ женъ какъ ихъ, такъ и уже находящихся на службѣ солдатъ. Въ 1820 году въ этомъ духѣ и было возбуждено имъ ходатайство [2]), при чемъ въ уваженіе его онъ приводилъ такіе доводы:

„1. Отдаленіе края, лишающее солдата возможности пользоваться домовыми отпусками.

2. Болѣзненный климатъ, допускающій рѣдкому изъ нихъ, по выслугѣ лѣтъ, возвратиться на родину.

3. Понятіе солдата, что вступленіе въ службу есть вѣчное отлученіе отъ семейства, и нерѣдко одна мысль о вѣчной разлукѣ съ нею бываетъ причиною побѣговъ.

4. Неистовства (половыя) внѣ естественнаго порядка, наиболѣе замѣчаемыя въ земляхъ мусульманскихъ, гдѣ женщины или со-

---

[1]) Составлено на основаніи документовъ, имѣющихся въ Московскомъ отдѣленіи Общаго архива Главнаго Штаба.

[2]) Отношеніе ген. Ермолова дежурному генералу Главнаго Штаба ген.-адъютанту Дибичу отъ 2-го ноября 1820 г. за № 170-мъ.

всѣмъ скрыты, или строжайше на каждомъ шагу наблюдаемы; вслѣдствіе чего молодые солдаты, преступивъ мѣру воздержанія, предаются величайшему разврату, подвергающему ихъ строгому законовъ наказанію. Служба лишается нерѣдко отличнаго солдата; начальникъ съ прискорбіемъ утверждаетъ наказаніе, видя, что оно не можетъ послужить другимъ примѣромъ.

Доставленіе же женъ вмѣстѣ съ рекрутами и, буде возможно, хотя нѣсколько тѣхъ, коихъ мужья уже на службѣ, сдѣлаетъ весьма полезное вліяніе; въ послѣдствіи же времени отъ нихъ размножатся дѣти и большое число будетъ женатыхъ".

Для достиженія вѣрнѣйшаго успѣха своего ходатайства, генералъ Ермоловъ, очевидно, въ угоду всесильному Аракчееву, начавшему съ 1817 г. учреждать военныя поселенія въ Новгородской и другихъ губерніяхъ, добавляетъ: „не въ здѣшнемъ краю, или по крайней мѣрѣ долго еще невозможно будетъ помышлять о устроеніи военныхъ поселеній, но, всеконечно, предлагаемый мною способъ есть нѣкоторое къ тому сближеніе. Учрежденіе крѣпостей представитъ удобность помѣстить солдатъ женатыхъ и сдѣлать для нихъ нѣкоторыя прочныя заведенія".

Инспекторскій Департаментъ, найдя съ своей стороны мнѣніе генерала Ермолова уважительнымъ", составилъ для доклада Государю особую записку, каковая и была 3-го января 1821 года Высочайше одобрена.

По сношеніи военнаго министра съ министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, были выработаны слѣдующія основанія для высылки солдатскихъ женъ:

„1. Высылать женъ не старѣе 30-ти лѣтъ; старѣе же 30-ти лѣтъ равно и одержимыхъ болѣзнями, оставлять въ ихъ жилищахъ впредь до востребованія оныхъ, смотря по обстоятельствамъ.

2. Ежели рекрутская жена, имѣя такое дитя, которое требуетъ попеченія матери, пожелаетъ взять его съ собой, а помѣщикъ или общество, коему то дитя принадлежитъ, отпустятъ его съ матерью безпрепятственно, въ такомъ случаѣ помѣщики и общества за отпущенное дитя не должны требовать отъ казны никакого вознагражденія. Дѣтей сихъ мужескаго пола, по прибытіи къ полкамъ, зачислить въ военные кантонисты.

3. Высылаемымъ женамъ дозволить взять съ собою до трехъ перемѣнъ верхняго и нижняго одѣянія, а кто имѣетъ и болѣе изъ собственныхъ вещей, удобныхъ къ помѣщенію, тѣмъ не воспрещать брать оныя, наблюдая при этомъ, чтобы каждая изъ нихъ непремѣнно имѣла овчинную шубу.

4. Всѣхъ вообще рекрутскихъ женъ, во избѣжаніе изнуренія

въ пути при слѣдованіи въ зимнее время, вмѣстѣ съ ихъ мужьями отправить въ послѣднихъ партіяхъ изъ каждой губерній, не позже однако исхода апрѣля мѣсяца.

5. Сихъ женъ, съ мѣстъ ихъ жительства до сборныхъ пунктовъ и далѣе, въ пути довольствовать улучшенною пищею, съ платою обывателямъ кормовыхъ денегъ по табели 1821 года. При слѣдованіи же партій отпускать имъ, наравнѣ съ рекрутами, и винную порцію; а кто изъ нихъ вина не употребляетъ, тѣмъ выдавать по разсчету деньги на покупку другихъ съѣстныхъ припасовъ. Сверхъ того, женамъ, при коихъ будутъ малолѣтнія дѣти, производить на каждаго ребенка по десяти копеекъ, въ сутки для прокормленія приличною дѣтямъ пищею, что не составитъ большого счета, а можетъ быть полезно для сохраненія существованія малолѣтнихъ при перенесеніи дальняго пути.

6. На отправленіе рекрутскихъ женъ отпускать прогонныя деньги— для каждыхъ двухъ на одну подводу. Сумму на сію надобность, равно и на путевое довольствіе, требовать отъ казенныхъ палатъ на счетъ Государственнаго казначейства.

7. Со времени прибытія къ полкамъ рекрутскихъ женъ давать имъ солдатскій паекъ на полгода изъ доходовъ Ширванской провинціи.

Въ августѣ 1821 года, въ ожиданіи прибытія первой партіи рекрутскихъ женъ, генералъ Ермоловъ поручаетъ [1]) генералъ-лейтенанту Вельяминову І-му „распредѣлить женатыхъ рекрутовъ предпочтительно въ полки и команды менѣе подвижные или тѣ, кои получили уже прочное назначеніе штабъ-квартиры. Нужно по извѣстнымъ причинамъ [2]) назначить женатыхъ рекрутовъ въ полки, въ Дагестанѣ расположенные“.

Заботливость генерала Ермолова о солдатскихъ женахъ видна и въ дальнѣйшихъ указаніяхъ тому же ген. Вельяминову І-му: „Полезно назначить таковыхъ (женатыхъ рекрутъ) въ полки, квартирующіе на линіи, гдѣ жены ихъ, способствуя въ работахъ поселеннымъ тамъ казакамъ, могутъ имѣть средства къ пропитанію себя на первый случай. Впрочемъ, повсюду должны онѣ заниматься разведеніемъ огородовъ, посѣвомъ льна и вообще издѣліями, кои бы могли доставить имъ содержаніе, не отягощая онымъ му-

---

[1]) Резолюція ген. Ермолова на отношеніи Начальника Главнаго Штаба отъ 22 августа 1821 года за № 9638.

[2]) „Именно въ земли мусульманскія, гдѣ женщины или совсѣмъ скрыты или строжайше на каждомъ шагу наблюдаемы“ (п. 4-й ходатайства ген. Ермолова).

жей ихъ.—Въ полной надеждѣ на распорядительность и благое попеченіе г. генерала Вельяминова, ввѣряю ему участь оныхъ.

Думаю, что можно будетъ ловкимъ образомъ склонить владѣтелей и знатнѣйшихъ чиновниковъ мусульманскихъ, подобно тому, какъ подарили они мнѣ овецъ [1]), пожертвовать нѣкоторымъ количествомъ рогатаго скота въ пользу солдатъ и оныя раздѣлить женамъ".

Въ 1822 году съ рекрутами 89-го набора, изъ Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерній, прибыло 1.380 женъ, а съ слѣдующимъ, 90-мъ, наборомъ изъ губерній: Херсонской — 30, Таврической — 80, Пензенской—100, Тамбовской—100 и Полтавской—79, всего только 389 женъ.

Вся первая партія рекрутъ (89-го набора), прибывшихъ съ женами, пошла на укомплектованіе Куринскаго и Апшеронскаго полковъ, расположенныхъ въ Дагестанѣ (свѣдѣнія о нихъ ниже); въ каждомъ полку было по двѣ роты, которыя съ этого года комплектовались почти исключительно женатыми рекрутами и поэтому получили названіе „женатыхъ ротъ",—терминъ, употреблявшійся не только въ войсковомъ обиходѣ, но и въ оффиціальныхъ бумагахъ, напримѣръ, архивное дѣло за № 73 озаглавлено: „О сбереженіи нижнихъ чиновъ во вновь завоеванныхъ крѣпостяхъ, также о „женатыхъ ротахъ" и объ употребленіи жителей края на постоянную службу въ мирное и военное время".

„Женатыя роты" были поселены при полковыхъ штабахъ, стоянки для которыхъ были выбраны, по возможности, наиболѣе здоровыя и удобныя. Особенныхъ укрѣпленій для огражденія сихъ поселеній не сдѣлано, но противъ небольшихъ непріятельскихъ отрядовъ эти роты могли защищаться своими силами, особенно когда имъ были въ 1826 году приданы орудія гарнизонной артиллеріи. При выступленіи полковъ въ походъ, „женатыя роты" оставались въ штабъ-квартирахъ для защиты поселеній отъ нападеній горцевъ.

Въ октябрѣ 1825 года ген. Ермоловъ пишетъ ген.-маіору Краббе: „Употребивъ довольно значительныя суммы на обзаведеніе хозяй-

---

[1]) Въ 1816 и 1817 годахъ при объѣздѣ Ермоловымъ Кавказа, нѣкоторые ханы и владѣтели, по восточному обычаю, дарили ему лошадей, сбрую, шали и другія вещи. „Не хотѣлъ я,—объясняетъ онъ въ приказѣ по корпусу,—обидѣть ихъ отказомъ принять подарки; неприличнымъ почиталъ воспользоваться ими; потому, вмѣсто дорогихъ вещей, согласился принять овецъ (отъ разныхъ хановъ 7.000). Сихъ дарю я полкамъ; хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службѣ, видѣли, сколько мнѣ пріятно стараться о пользѣ ихъ". Записки Ермолова, II, приложеніе 377.

ства женатыхъ солдатъ, желаю я знать, въ какомъ оно нынѣ находится состоянiи, дабы опредѣлить возможность пополненiя хотя части казенныхъ издержекъ. В. пр. изволитъ доставить мнѣ подробно свѣдѣнiя, какое количество женатыхъ солдатъ имѣетъ въ запасѣ хлѣбъ? Какой посѣвъ и урожай хлѣба? Въ какомъ положенiи рабочiй скотъ?.. Довольно ли попечительны о хозяйствѣ и какъ ведутъ себя командиры женатыхъ ротъ. Не упустить безъ вниманiя и самую нравственность ихъ, которая при подобныхъ порученiяхъ должна быть извѣстною и прежде испытанною. По причинѣ большой смертности въ прошломъ году въ Куринскомъ полку между женатыми и переселенiя оныхъ на другое мѣсто, въ хозяйствѣ ихъ я не ожидаю успѣха, но совсѣмъ другое положенiе Апшеронскаго полка и часть сiя должна быть несравненно въ лучшемъ устройствѣ; и такъ, думаю я, что можно уже было бы о нѣкоторомъ возвратѣ въ казну денегъ".

Интересуются участью „женатыхъ ротъ" и въ Петербургѣ: въ августѣ 1826 года начальникъ главнаго штаба, генералъ Дибичъ, справляется о нихъ у Ермолова для доклада Государю.

Несмотря на большую заботливость о солдатскихъ женахъ какъ самого Ермолова, такъ и всѣхъ ближайшихъ начальниковъ, женатыя роты, однако, далеки отъ процвѣтанiя: непривычный климатъ, нездоровыя стоянки и безпокойная въ то время жизнь на Кавказѣ безпощадно уносятъ въ могилу тѣхъ, на которыхъ возлагалось такъ много надеждъ: „Доставленiе женъ сдѣлаетъ полезное весьма влiянiе, впослѣдствiи же времени отъ нихъ размножатся дѣти и большое число будетъ женатыхъ".

Генералъ-маiоръ Краббе въ докладной запискѣ графу Паскевичу отъ 24 декабря 1829 года за № 11 сообщаетъ свѣдѣнiе о численности и состоянiи „женатыхъ ротъ":

Въ составъ двухъ женатыхъ ротъ Куринскаго полка въ 1822 г. поступило: солдатскихъ женъ 882, дѣтей ихъ мужскаго пола—57, женскаго—54.

Нынѣ въ нихъ состоитъ:

Нижнихъ чиновъ	214
Женъ со вдовами	292
Дѣтей мужскаго пола	54
„ женскаго „	65

Въ составъ одной роты Апшеронскаго полка въ 1822 году поступило: солдатскихъ женъ—498, дѣтей ихъ мужскаго пола—85, женскаго—93.

Нынѣ въ нихъ состоитъ:

Нижнихъ чиновъ	211
Женъ ихъ со вдовами	216
Дѣтей ихъ мужскаго пола	130
„ „ женскаго „	127

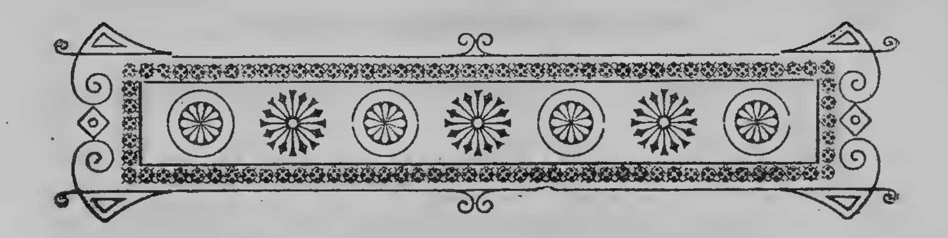
Эта чрезвычайная разница въ числѣ людей и особенно въ Куринскомъ полку произошла отъ непомѣрной смертности, коей вообще подвержены были роты сіи въ первые два года отъ непривычки къ климату, перемѣщеній изъ одного мѣста въ другое и неимѣнія удобныхъ зданій для ихъ жительства; нынѣ же люди сіи привыкли болѣе къ здѣшнему климату, и число умершихъ далеко уменьшилось противъ прежнихъ лѣтъ. При составленіи упомянутыхъ женатыхъ ротъ отведены были для нихъ достаточныя хлѣбопахотныя мѣста и на обзаведеніе ихъ по хозяйственной части отпущено было заимообразно изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи главноуправляющаго: въ Апшеронскій полкъ—2.200 и въ Куринскій—4.500 р. сер.

Поселеніе и устройство женатыхъ ротъ не достигло надлежащей степени совершенства по случаю бывшихъ военныхъ обстоятельствъ и нашествія персіанъ, въ каковое время роты сіи, особенно Апшеронскаго полка, потерпѣли значительную утрату и разстройство въ собственномъ хозяйствѣ. Нынѣ, при возможномъ доставленіи онымъ всѣхъ удобствъ къ жизни, роты сіи хотя и успѣли нѣсколько поправиться и имѣютъ уже нѣкоторый запасъ въ хлѣбѣ изъ своего урожая, но весьма удалены еще отъ того, чтобы быть въ состояніи уплатить скоро выданныя на обзаведеніе имъ суммы, простирающіяся до 7 тыс. руб., ибо наличнаго экономическаго капитала въ сихъ ротахъ состоитъ теперь: въ Апшеронскомъ п.—1.294 р. 2 коп. и въ Куринскомъ—998 р. 91 коп.

Въ 1830 году, на основаніи Высочайшаго повелѣнія изъ всѣхъ женатыхъ нижнихъ чиновъ 21-й и 22-й пѣх. дивизій формируются гарнизонные линейные батальоны, подъ названіемъ Грузинскихъ, и такимъ образомъ „женатыя роты“ получаютъ большее „сближеніе къ военнымъ поселеніямъ“.

О дальнѣйшей судьбѣ „женатыхъ ротъ“ въ архивѣ, къ сожалѣнію, не удалось добыть какихъ-либо свѣдѣній, но можетъ быть у старыхъ „кавказскихъ служакъ“ сохранились еще какія-либо воспоминанія объ этихъ любопытныхъ учрежденіяхъ.

Вл. Лаймингъ.

Письма графа Ѳ. В. Растопчина къ А. Ѳ. Лабзину.

Въ находящемся у насъ архивѣ извѣстнаго мистика Александра Ѳедоровича Лабзина [1]) сохранилось, между прочимъ, восемь писемъ къ нему графа Ѳедора Васильевича Растопчина; ихъ, несомнѣнно, было больше, но и тѣ немногія, что сохранились, представляютъ историческій интересъ, даютъ нѣсколько новыхъ чертъ къ біографіи знаменитаго своей трагической судьбою Московскаго главнокомандующаго,—увы, еще не дождавшагося обстоятельнаго жизнеописанія, а потому заслуживаютъ быть опубликованными. Благодаря этимъ письмамъ устанавливается наличность близкаго знакомства и даже дружескихъ отношеній Растопчина съ Лабзинымъ,—крупнѣйшею и даровитѣйшею фигурою среди мистиковъ Александровскаго царствованія [2]), а также знакомства его, хотя и не личнаго, съ Н. И. Новиковымъ. Доброе отношеніе Растопчина къ этимъ двумъ лицамъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ, если сопоставить его съ тѣмъ, что онъ писалъ о мартинистахъ въ запискѣ, представленной въ 1811 г. Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ [3]): въ запискѣ этой Растопчинъ называетъ общество мартинистовъ „столь же достойнымъ презрѣнія, сколько опаснымъ", о Новиковѣ же отзывается довольно спокойно, хотя и нѣсколько презрительно; въ 1812 г., въ письмѣ 6-го августа къ Имп. Александру,

---

¹) Объ этомъ архивѣ см. мою статью „Изъ архива И. Е. Великопольскаго" въ „Русск. Стар." 1901 г., №№ 6, 7, 8, въ „Воспоминаніяхъ А. Е. Лабзиной" въ „Русск. Стар." 1903 г., прилож., стр. 3—4.

²) О немъ см. мою брошюру: „А. Ѳ. Лабзинъ", СПБ. 1904, 44 стр. и „Воспоминанія А. Е. Лабзиной", СПБ. 1903.

³) „Русск. Арх." 1875 г., кн. III, стр. 75—81.

Растопчинъ настаивалъ на насильственномъ удаленіи мартинистовъ изъ Москвы.

Далѣе въ письмахъ Ростопчина слѣдуетъ отмѣтить его хлопоты о пополненіи своей картинной галлереи при посредствѣ Лабзина, бывшаго конференцъ-секретаремъ Имп. Академіи Художествъ,—его отзывы о художникахъ Шебуевѣ, Егоровѣ и Кипренскомъ, о Наполеонѣ и французахъ, о русскомъ народѣ, наконецъ—самозащиту (въ письмѣ 29-го мая 1813 г.) отъ обвиненій, которыя начали сыпаться на него со всѣхъ сторонъ вскорѣ же послѣ выхода французовъ изъ Россіи,—обвиненій въ корыстолюбіи, чуть-ли не грабежѣ, самоуправствѣ и, наконецъ, въ смерти Верещагина. Печатаемъ письма съ сохраненіемъ орѳографіи Растопчина, характерной и для эпохи, и для него самого.

Б. Модзалевскій.

1.

Милостивый Государь мой Александръ Ѳедоровичь!

Его Императорское Величество, зная чрезъ опыты дарованія ваши, желаетъ оныя еще болѣе на пользу службы, препоручая вамъ составленіе цыфирнаго ключа [1]). Государь Императоръ увѣренъ заранѣе, что знанія и усердіе ваше произведутъ что-нибудь весьма отличное и совсѣмъ неизвѣстное.

Пребываю навсегда съ истиннымъ почтеніемъ вашего высокородія покорнѣйшій слуга графъ Федоръ Растопчинъ.

Въ Гатчинѣ.
Октября 8-го дня
1800 года.

Его Высокородію Лабзину.

---

[1]) Въ это время Лабзинъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, служилъ (съ 17-го апрѣля 1799 г.) въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, занимая, одновременно, должность конференцъ-секретаря Имп. Академіи Художествъ. Цыфирный ключъ, очевидно, былъ нуженъ для шифрованной дипломатической переписки коллегіи, въ которой графъ Растопчинъ, съ 25-го сентября 1799 г., былъ первымъ присутствующимъ членомъ. Дарованія Лабзина были извѣстны Имп. Павлу по составленной имъ и Александромъ Вахрушевымъ „Исторіи ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго“, которая была заказана имъ Имп. Павломъ послѣ того, какъ онъ избранъ былъ гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена, и которая была издана въ 5 частяхъ въ 1799—1801 г.г. Хотя книга эта, большею частью, была лишь переводомъ стариннаго сочиненія аббата Vertot („Histoire des chevaliers de Saint-Jean de Jérusalem, ou Histoire de l'ordre de Malte“, 4 v., Paris, 1726), однако, Имп. Павелъ далъ Лабзину (1-го января 1801 г.) пышное званіе исторіографа ордена; вообще

2.

27-го марта [1802 г.] Вороново.

Я болѣнъ. Я васъ знаю, и для сего стану писать безъ заглавія. Николай Ивановичъ [1]) препроводилъ ваше письмо при своемъ, гдѣ я, знавъ его давно умъ и свѣдѣнія, не дивился ни слогу, ни чувствамъ. Я радъ былъ начать съ нимъ знакомство и отвѣчалъ ему не головою, а сердцемъ, кое много разъ о немъ соболѣзновало, и одинъ разъ удачно былъ его ходатаемъ у престола. Я весьма бы желалъ знать его лично, и естли вы можетѣ сіе въ теченіи лѣта здѣлать, то меня обяжите [2]). Умныхъ людей и хорошихъ для самихъ себя я видалъ много, а честныхъ и любящихъ паче всего Отечество какъ-то мало, и я боюсь иногда, чтобъ этотъ родъ воспитаніемъ и вообще не истребился. Дружбу вашу я почи-

---

онъ относился къ нему съ большимъ благоволеніемъ и за время своего царствованія пожаловалъ ему 2.000 рублей и два брилліантовыхъ перстня. Въ связи съ изданіемъ „Исторія ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго", въ бумагахъ А. Ѳ. Лабзина сохранилась копія со слѣдующаго письма графа Ѳ. В. Растопчина къ главнокомандующему Кабинетомъ Его Величества графу Ивану Андреевичу Тизенгаузену:

Милостивый Государь мой Графъ Иванъ Андреевичь! Препровождая у сего къ Вашему Сіятельству третію честь Исторіи Державнаго Ордена на россійскомъ языкѣ, имѣю часть вамъ, Милостивый Государь мой, сообщить, что Государю Императору угодно, чтобы и сія третія часть и всѣ послѣдующія, подобно первымъ двумъ, печатаемы были на иждивеніи Кабинета Его Императорскаго Величества.

Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ Вашего Сіятельства, Милостиваго Государя моего, покорнѣйшій слуга графъ Федоръ Растопчинъ.

С.-Петербургъ,
мая 13-го дня.

Его Сіятельству Графу И. А. Тизенгаузену.

А по справкѣ въ Кабинетѣ:

Въ поднесенномъ Его Императорскому Величеству отъ Главноуправляющаго Кабинетомъ господина оберъ-гофмейстера и кавалера графа Тизенгаузена сего года, марта дня всеподданнѣйшемъ докладѣ, между прочимъ, въ 4 пунктѣ написано: „Какъ доселѣ Кабинетъ, принимая отъ многихъ особъ объявляемыя изустныя Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, отпускалъ великія суммы, то нынѣ за необходимость почитаю всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго повелѣнія, кому именно и съ какой суммы по изустнымъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніямъ Кабинетъ отпускать долженъ, на которой послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества собственноручная конфирмація: „Никому".

[1]) Новиковъ.

[2]) Личное знакомство графа Растопчина и Новикова тогда не состоялось.

таю и неудивляюсь ей. Для чего, когда у Ореста былъ Пилатъ, не можетъ быть у Николая [1]) Александръ [2]), а у Александры [3])— Федоръ [4])? Прощайте.

Я потерялъ достойнаго своего друга и доктора Крафта [5]) и, страдая за себя и за жену, рѣшился чрезъ годъ ѣхать въ чужія краи хорошенько полечится. Оттуда могу въ качествѣ почетнаго любителя вашей Академіи [6]) доставлять нѣкоторыя рѣдкости, изъ коихъ самая—будетъ та, что припишутъ сіе просто желанію быть всегда на что-нибудь да полѣзнымъ [7]).

На оборотѣ адресъ: Его Превосходительству! Милостивому государю моему Александръ Федоровичу Лабзину. Въ С.-Петербургѣ.

3.

От 21-го іюня (1804 г.). С. Вороново.

Милостивый государь мой Александръ Ѳедоровичъ!

Три дни уже тому, какъ я возвратился сюда изъ дальняго путешествія по деревнямъ. Труды, терпѣніе и усталость забыты посреди семьи, кою я нашелъ въ добромъ здоровьи. Дивился вездѣ на изобиліе нынѣшняго года. Пожелелъ въ самое то же время о предстоящихъ трудахъ хлѣбопашцамъ и дурной заплатѣ отъ дешевизны произведеній, отъ чего на потребныя вещи цѣны отнюдь не уменшатся.

Здесь же все засохло отъ жаровъ и Гласъ народа о дождѣ не внимается Всевышнимъ.—Прошу васъ дать мнѣ знать, на какомъ положеніи принимаются посторонніе ученики въ Академію Художествъ и можно-ли туда послать одного, обѣщающаго великія способности?—Увидя изъ газетъ, что утвержденъ новый мундиръ для Академіи, какъ я имѣю честь быть почетный любитель,—желаю оной носить, и вы мнѣ сдѣлаетѣ одолженіе, сообща рисунокъ

---

[1]) Новиковъ.

[2]) Лабзинъ.

[3]) Лабзинъ.

[4]) Графъ Растопчинъ.

[5]) Онъ былъ при Растопчинѣ со времени его паденія (см. Арх. Воронцова, т. VIII, стр. 45).

[6]) Т. е., Имп. Академіи Художествъ, въ которой Лабзинъ состоялъ конференцъ-секретаремъ.

[7]) Письмо это писано Растопчинымъ въ то время, какъ онъ, незадолго до смерти Павла вынужденный выйти въ отставку, жилъ не у дѣлъ—то въ Москвѣ, то въ своемъ имѣніи Вороновѣ—вплоть до назначенія своего въ 1812 г. московскимъ главнокомандующимъ.

шитья, покроя, и естли пуговицы съ гербомъ, то присылкою потребнаго числа на кафтанѣ и камзолѣ [1]). Я намѣренъ въ ономъ щеголять зимою въ Москвѣ въ качествѣ профессора хлѣбопашества, кое я поставляю въ число первѣйшихъ художествъ, доставляющихъ продовольствіе и заплату за труды упражняющихся въ протчихъ. Ученикъ вашего друга Ник[олая] Иван[овича] Новикова успѣваетъ лутче другихъ въ наукѣ [2]) и я готовлю ему цѣлое собраніе орудій, съ коими онъ принесетъ вмѣсте и пользу, и занятіе почтенному страдальцу отъ невѣжества и зависти. Писалъ бы къ вамъ больше, но на термометрѣ Реомюра въ 9 часовъ пополудни 20 градусовъ, и я не понимаю, какъ Виргилій могъ умно писать, а Цицеронъ говорить въ Римѣ. Оканчивая мое письмо, увѣряю васъ, что жаръ разслабляетъ тѣло, но не дѣйствуетъ ни мало надъ чувствами почитанія и любви, съ коими имѣю честь пребыть Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя моего, покорнѣйшій слуга

Графъ Өедоръ Растопчинъ.

На оборотѣ адресъ: Его Превосходительству Милостивому Государю моему Александру Өедоровичу Лабзину, въ С. Петербургѣ.

4.

22-го декабря [1810 г.] Москва.

Недѣлю уже, какъ я получилъ прекрасный рисунокъ, съ коимъ вы по дружбѣ ко мнѣ разстались; онъ дошелъ безъ поврежденія, такъ какъ і стекло. Теперь къ нему делается прекрасная рама і чрезъ несколько дней онъ представится во всей славе настоящимъ, истиннымъ любителямъ живописи. Я ждалъ отъ васъ отвѣту на длинное мое письмо, въ коемъ помѣщены были отвѣтные пункты. Не знаю, довольны-ли вы ими будете, но въ нихъ заключены все мои притчины, обдуманныя и непременныя. — Кипренской [3]) выработалъ

---

[1]) Новая форма мундировъ для Академіи Художествъ дана была въ 1804 г. (См. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ, подъ редакціей П. Н. Петрова, т. I, СПБ. 1864, стр. 462).

[2]) О желаніи своемъ отдать ученика къ графу Растопчину, объявившему въ газетахъ, что онъ принимаетъ учениковъ для обученія англискому земледѣлію,—писалъ Новиковъ Лабзину 12-го февраля 1804 г.

[3]) Орестъ Адамовичъ Кипренскій, опредѣленіемъ Совѣта Имп. Академіи Художествъ отъ 22-го августа 1808 г., былъ назначенъ къ посылкѣ за границу, но туда не поѣхалъ и 27-го февраля 1809 г. былъ прикомандированъ къ академику Мартосу, въ Мосаву, за границу же поѣхалъ лишь 1816 году.

весьма для себя полезное і Великій Князь изволитъ определять ему ежегодно по 2.000 рублей для ѣзды въ Парижъ. Куда нашъ безразсудной Орестъ стремится. По его—для пріобрѣтенія совершенства, а по моему — для обрѣтенія погибели. Но судьба должна і имъ руководствовать. Какъ другу позвольте попенять о скромности вашей нащетъ почтенной сестры вашей [1]). Я случайно узналъ о ея пребываніи і положеніи. Осипъ Ивановичъ [2]), знавъ мою съ вами связь, обо всемъ меня извѣстилъ і я ему очень благодаренъ. Теперь я вамъ скажу смѣшное. Я завожу табачную фабрику не въ пользу себѣ, а на зло французамъ. Я открылъ, что у насъ въ Малороссіи сѣютъ настоящій виргинской табакъ и обдѣланной фунтъ онаго станетъ 40 копѣекъ и того сорта, которой продаютъ по 5 рублей и гораздо больше. Одинъ Фламандецъ, притесненной и бѣдной, заводитъ у меня въ Вороновѣ большую фабрику. Вотъ мое извѣстіе. Напишите ко мнѣ, что съ вами будетъ дѣлаться послѣ новаго года. Здѣсь говорятъ о перемѣнахъ въ министерствахъ, и какъ духъ экономіи обовладѣлъ первыми, то могутъ зацѣпить васъ. Прощайте. Справьтесь, что стоитъ стекло для рисунка. Богъ съ вами.

Приписка: Хотя печатать, закапалъ воскомъ письмо и прошу милосердо извинить.

На оборотѣ: Его Превосходительству, Милостивому Государю моему Александру Өедоровичу Лабзину. Въ Академію Художествъ въ С.-Петербургѣ.

5.

От 12-го генваря 1811. Москва.

Письмо ваше, Почтенный Александръ Өедоровичь, получилъ и при немъ щетъ съ стеклянной фабрики, по коему деньги къ Ник[олаю] Игн[атьевичу] посылаю, переславъ къ нему вместе и тысячу рублей Егорову [3]) за картину. Съ большимъ нетѣрпеніемъ буду ея ожидать и благодарю заранѣ васъ за расположеніе. Растолковано ясно, теперь остается знать, какъ живописецъ, понявъ ваши

[1]) У Лабзина было три сестры: Анна Өеодоровна и Елизавета Өедоровна—дѣвицы и Надежда Өедоровна, бывшая за инженеръ-генералъ-маіоромъ Степаномъ Даниловичемъ Микулинымъ.

[2]) Новицкій (ср. ниже), генералъ-маіоръ, р. 16 мая 1764, ум. на 20-е марта 1839 г. („Московскій Некрополь", т. II, стр. 345); въ 1804 г., онъ былъ управляющимъ Иркутскою казенною суконною фабрикою.

[3]) Алексѣй Егоровичъ Егоровъ, профессоръ Имп. Академіи Художествъ (р. 1776, ум. 1851).

намѣренія, изобразилъ ихъ. Скажите, пожалуста, г-ну Шебуеву [1]), чтобы онъ по крайней мере окончилъ рисунокъ Иголкина [2]), которой мой, и я буду иметь за 500 рублей три рисунка, вмѣсто 6—за 1.000 рублей. Я не люблю портить никого, но любя все руское, я, прельстясь работой двухъ вашихъ или нашихъ живописцевъ, далъ имъ, можетъ-быть, і лишнѣе. Естли картина Егорова такова, какъ вы пишите, то я буду ее иметь дешево. Стѣкло привезено съ рисункомъ въ самомъ лутчемъ состояніи і оба ни мало не испорчено. Марфа изъ исторической бабы стала Галлерейной і въ рамѣ на пристойномъ свѣту занимаетъ охотниковъ живописи. Письмо, о коемъ я къ вамъ писалъ, названное длиннымъ, отправлено было въ октябрѣ или ноябрѣ по вашей надписи и содержало отвѣтъ на замѣчанія ваши и желаніе, чтобы я зимою побывалъ въ Петербургѣ, чего мнѣ здѣлать не можно, потому что жена [3]) должна родить въ концѣ нынешняго мѣсяца [4]) и что я, не имѣя особливой надобности, не хочу тащится 1.500 верстъ, чтобъ возвратится назадъ съ непріятными воспоминовеніями, хотя я большой части и дѣлъ и людей ныне не понимаю.—У насъ новаго ничего нетъ, да и у васъ, кажется, кромѣ пеплу театральнаго, также бѣдно новостьми. Я воображаю отчаяніе товарища моего Нарышкина, когда горѣлъ его департаментъ [5]). Слава Богу, что Архивъ спасенъ и можно будетъ узнать за 50 лѣтъ назадъ. Для чего вмѣсто „Жоржа Дандина“ [6]) играли „Трехъ братьевъ соперниковъ?..“ Кипренской [7]) почти помѣшался отъ работы, воображенія и нетерпѣнія быть въ

---

[1]) Василій Кузьмичъ Шебуевъ, академикъ и адъюнктъ-профессоръ Имп. Академіи Художествъ (р. 1777, ум. 1855).

[2]) Изображеніе того, какъ купецъ Павелъ Иголкинъ, заключенный въ тюрьму въ Швеціи при началѣ Сѣверной войны, убилъ двухъ стражей тюрьмы за то, что они отзывались дерзко о Петрѣ Великомъ. Снимокъ съ картины Шебуева, изображающей этотъ подвигъ Иголкина, помѣщенъ въ приложеніи къ „Сыну Отечества“ 1840 г., кн. 3.

[3]) Графиня Екатерина Петровна, рожд. Протасова (ум. 16-го сентября 1859 г.).

[4]) Графъ Павелъ Өедоровичъ Растопчинъ, род. 27-го января 1811 г., умеръ 12-го августа того же года („Московскій Некрополь“, т. III, стр. 42).

[5]) 31-го декабря 1810 г. былъ французскій спектакль на Большомъ театрѣ. Послѣ полуночи, во время продолжавшагося бала, по случаю новаго года, у директора Александра Львовича Нарышкина вдругъ вспыхнулъ пожаръ внутри Большого театра, который и сгорѣлъ (П. Н. Араповъ. Лѣтопись Русскаго Театра, СПБ. 186 г., стр. 207—208). Описаніе пожара было напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1811 г., № 4.—А. Л. Нарышкинъ и графъ Ө. В. Растопчинъ были оба оберъ-камергерами.

[6]) Комедія Мольера.

[7]) См. предыдущее письмо.

Вавилонѣ французскомъ. Прощайте, почтенный Александръ Ѳедоровичь! Будьте здоровы.

P.S. Прошу у Шебуева развѣдать, что онъ возметъ за картину, писанную имъ въ Римѣ, на коей его портретъ въ видѣ молодаго человѣка съ двумя цыганками. Но я не намѣренъ дорого ему дать, потому что онъ со мной не совсемъ деликатно поступилъ въ рисункахъ.

Сбоку приписка.

Дунцельмана никакого не знаю; сѣраго сертука не имѣю, слѣдственно—сонъ несправедливъ.

6.

От 14-го апрѣля [1811 г.] Москва.

Уже мѣсяцъ, какъ я съ вами разстался, и пріѣхавъ сюда благополучно, живу покойно съ своими душевными, хотя посреди тысячи новыхъ новостей, но я малому имамъ вѣру, а предоставляю времяни истреблять и подтверждать все слухи и переговоры тунеядства. Покорнѣйше благодарю васъ за все дружескія вниманія ваши ко мнѣ. Погостили весело и уѣхали, не видавъ Сперанскаго [1]), не обѣдавъ у Колинкура [2]) и не бывъ у княгини Вяземской. У насъ здѣсь новаго ничего нетъ и наружность у всехъ веселая. Мы все люди бездельныя, но плутовъ меньше, чемъ у васъ.

Прилагаю при семъ къ вамъ программы для Академіи; отпишите ко мнѣ: деньги на медали прислать теперь или послѣ, дабы я по сему здѣлалъ. Также потрудитесь сказать и попросить Егорова [3]), что естли онъ не началъ Святой Фамиліи для меня, то чтобъ вмѣсто ея написалъ Разпятіе такой же величины, и мнѣ очень полюбился рисунокъ, въ коемъ тѣло Спасителя освящено свѣтомъ, а принадлежащія фигуры въ темнотѣ. Впротчемъ я предаю образъ сего его искуству, увѣренъ бывъ, что онъ его пожелѣетъ для одного изъ удивленныхъ его превосходными дарованіями. Осипа Ивановича Новицкаго я два раза виделъ и одно утро съ нимъ занимался всеми бумагами, къ дѣлу его принадлежащими: трудно исправить

---

[1]) Михаила Михайловича; въ это время государственный секретарь, директоръ коммиссіи составленія законовъ.

[2]) Armand-Louis de Caulaincourt, duc de Vicence (р. 1772, ум. 1827), съ 1807 г. бывшій французскимъ посломъ въ Петербургѣ. Его донесенія см. въ т. I—VI изданія Великаго Князя Николая Михаиловича: „Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ Императоровъ Александра и Наполеона 1808—1812“. СПБ. 1905—1908.

[3]) Художникъ А. Е. Егоровъ (см. предыдущее письмо).

здѣланное. Графъ Иванъ Васильевичъ [1]) основываетъ мнѣніе свое на справедливости. Но Валуевъ [2]) поддерживаетъ свою ошибку, наложа штрафъ неоплатной за то, что былъ пожаръ. И вотъ какъ судьбами человѣческими катаютъ человѣки! Жаль очень, что пріятель вашъ не объяснился прямо Государю о притчинахъ своего гонѣнія, основаннаго на томъ, что онъ, здѣлавъ знатную прибыль казнѣ, можетъ-быть человѣкъ у десяти значущихъ отнялъ по десятку тысячь, а мы нынче живемъ въ такомъ вѣкѣ, что больше сердимся на техъ, кои мешаютъ красть, чемъ на техъ, кои крадутъ сами. Онъ мнѣ утвердительно опровергнулъ разпущенные годъ назадъ на его щетъ слухи, будто онъ хотѣлъ купить за 750 тысячъ деревню у Архарова, объявя, что онъ у Архарова не былъ и его не видалъ. Жаль, что много есть таки людей замаранныхъ, которыя и языкомъ другихъ мараютъ. Прощайте. Чрезъ несколько времени пришлю къ вамъ программы для рисунковъ Шебуева [3]), а теперь, обнявъ васъ отъ души, которая чиста, остаюсь вамъ преданный Г. Ф. Растопчинъ.

7.

От 12-го іюня (1811 г.) Москва.

Много и много разъ спасибо за дружеское письмо Ваше. Я узналъ отъ Осипа Ивановича [4]), что Вы были нездоровы, вѣрно не отъ вины Вашей, а по обыкновенной перемене состоянія нашего. Хорошо, если одно тѣло страдаетъ, а когда примѣшается душа и возметъ верьхъ надъ разсудкомъ, то весьма тяжело страждущему.— Несмотря на все предосторожности и спокойную жизнь, у жены моей лихорадка и было уже пять параксизмовъ, хотя послѣдніе и не такъ сильны, но болѣзнь приводитъ въ разслабленіе, и темъ для ея огорчительнѣй, что она принуждена перестать кормить сама ребіонка, которому $4^1/_2$ мѣсяца [5]). Вѣра ея столь сильна, что она, принимая и вынося все съ благодарностію къ Богу, сноситъ съ свыше человѣческаго терпѣніемъ. Мы все здѣсь изсохли отъ жару и всемѣстно засуха страшная. Отъ Тулы къ Москвѣ теперь уже про-

---

[1]) Гудовичъ, генералъ-фельдмаршалъ, членъ Государственнаго Совѣта, главнокомандующій въ Москвѣ.

[2]) Петръ Степановичъ Валуевъ, д. т. с., д. камергеръ, главноначальствующій Экспедиціи Кремлевскаго Строенія и Мастерской Оружейной Палаты (р. 1744, ум. 1814).

[3]) Василій Кузьмичъ Шебуевъ, художникъ (см. предыдущее письмо).

[4]) Новицкій.

[5]) Сына Павла, вскорѣ умершаго (см. предыдущее письмо).

даютъ сено по 1 рублю 20 к. за пудъ... Переобразованіе Сената меня не удивляетъ, но желею о заблужденіи мастеровыхъ, которыя переимѣновывая и переодѣвая и переводя людей, помышляютъ о ихъ превращеніи. Мѣста президентовъ въ Департаментахъ конечно важны, но наука мешать полѣзному доведена до совершенства. Я желею очень, что утвердился и увѣрился въ томъ, что ни на что не гожусь. Во-перьвыхъ по-нынешнему—старъ, а притомъ честенъ, усерденъ и не якобинецъ. Кажется великой нашъ Союзникъ [1]) сталъ нескромничать і объясняется свободно на нашъ щетъ. Лѣто пропадетъ, а осенью онъ явится на Сѣверъ бичемъ Господнимъ и станетъ хлѣстать нещадно. Россія ему важнѣй Гишпаніи и нужно, чтобъ примѣръ сей Геройской страны не подѣйствовалъ и въ другихъ земляхъ. Его политика—разорять и покорять, и война есть его престолъ.

Прощайте. Здѣсь принцъ Августъ Голштинскій съ большими познаніями и рѣдкими качествами [2]). Онъ пріехалъ на десять дней не веселится, а смотреть,—і видитъ очень хорошо. Обнявъ васъ отъ души, остаюсь вамъ преданный

графъ Федоръ Растопчинъ.

На оборотѣ: Его Превосходительству Милостивому Государю моему Александру Федоровичу Лабзину, въ Академіи Художествъ, въ С.-Петербургѣ.

8.

Отъ 29-го Маія (1813 г.). Москва.

Получа письмо ваше, я для того тотчасъ на оное не отвѣчалъ, что шесть дней страдалъ головою. Начну съ совѣстной очистки на пункты уголовныхъ дѣлъ. 1-е Глупо упрекать меня, что я возмущалъ народъ противъ иностранныхъ, говоря: тащите ко мнѣ. Симъ я принудилъ чернь водить къ себѣ все то, что имъ заказалось подозрительно. Когда говорятъ: „есть, дискать, законъ“—я его и не нарушалъ, но я былъ главной начальникъ Москвы съ полной властію и изъ 100 человѣкъ, кои у меня были въ приводѣ, ни

---

[1]) Наполеонъ.

[2]) Наслѣдный принцъ Гольштейнъ-Ольденбургскій Августъ (род. 1783, ум.); его братъ, принцъ Георгъ, генералъ-губернаторъ Тверской, Новгородскій и Ярославскій, былъ женатъ на Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ (см. изд. Великаго Князя Николая Михаиловича: „Переписка Имп. Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной“ СПБ. 1910).

одинъ не былъ битъ і по разтолкованіи все отпущены. Те два нѣмца, о коихъ вы говорите, навлекли на себя злость, говоря дурно о Рускихъ, браня ихъ и заспоривъ съ менялами. Но оба выздоровѣли [1]). 2-е. Верещагинъ остался у меня на дворѣ лежащей отъ удара сабли, которой я велелъ ему дать, а что съ нимъ дѣлалъ народъ,—о томъ я узналъ уже на другой день по выходѣ изъ Москвы.

Верещагина же и Сенатъ осудилъ къ кнуту, чего онъ былъ достоенъ [2]). 3-е Что я грабилъ магазейнъ Шальме [3]). Онъ уже былъ разграбленъ и козаками и мужиками. Остался фарфоръ и бронза. Я себѣ взялъ незначущій сервизъ и 4 дюжины чашекъ, часы отослалъ одни къ Архіерею, а 13 описаны и продаются. Магазейнъ и домъ по Высочайшей волѣ описаны и перьвой назначенъ въ пользу бѣдныхъ, для чего і открылись аукціоны. Фарфоръ же и чашки я взялъ какъ Начальникъ города, коему ни пить, ни есть нельзя было, не имѣя ничего своего въ домѣ. И когда другой пріедитъ на мое мѣсто,—то я ему отдамъ эту мѣрзость. Сіе обвиненіе вамъ докажетъ, что у насъ ничего святаго нѣтъ, и въ воровствѣ, кажется, можно бы было не подозрѣвать человѣка, которой не хотѣлъ вывести на 50 тысячъ руб. имущества (а могъ-бы), и для того, чтобъ не ночевали французы въ его домѣ (въ Вороновѣ)—сжегъ его со всѣми строеніями также на 500 тысячъ и болѣ [4]). 4-е. Что не выставилъ молодцовъ 100 тысячъ въ армію, то это отъ того, что Его Свѣтлость [5]) рѣшился скоропостижно оставить Москву Бонапарте. А городъ былъ уже пустъ и симъ Россія и Армія были спасены.

---

[1]) Ихъ приняли за шпіоновъ и учинили надъ ними самосудъ.

[2]) По поводу смерти Верещагина Имп. Александръ писалъ Растопчину 6-го ноября 1812 г.: „Я былъ бы вполнѣ доволенъ вашимъ образомъ дѣйствій при этихъ, столь затруднительныхъ, обстоятельствахъ, если бы не дѣло Верещагина, или, лучше сказать, не окончаніе этого дѣла. Я слишкомъ правдивъ, чтобы говорить съ вами иначе, какъ съ полной откровенностью. Его казнь была не нужна, въ особенности ее не слѣдовало производить подобнымъ образомъ: повѣсить или разстрѣлять было бы лучше“ („Русск. Стар.“ 1893 г., янв., стр. 183–184).

[3]) Владѣтельница извѣстнаго моднаго магазина Роза Оберъ-Шальме, по выходѣ французовъ изъ Москвы послѣдовавшая за арміей Наполеона, но умершая въ Вильнѣ.

[4]) Выѣзжая изъ Воронова, Растопчинъ прибилъ къ дому французскую надпись: „Восемь лѣтъ украшалъ я сіе село, восемь лѣтъ въ нѣдрахъ семейства моего жилъ я счастливо подъ покровительствомъ отеческаго правленія Императора Александра. Поселяне сей деревни удаляются отъ васъ, а я зажигаю мой домъ, чтобы онъ не осквернился вашимъ присутствіемъ. Въ Москвѣ оставилъ я вамъ въ добычу два дома съ имуществомъ въ оныхъ на полмилліона,—здѣсь найдете вы одинъ пепелъ“.

[5]) Князь Кутузовъ.

Но право мѣрзко о семъ говорить. Я вамъ скажу, что я ни шагу не здѣлаю, чтобъ меня хвалили, любили, и превозносили. Предоставляю сіе темъ, кои достойны сего подлостью, воровствомъ і обманомъ. Нѣтъ народа умнѣе рускаго, но нѣтъ и безразсуднѣе и легковѣрнея! Площадь, бѣседа—все эхо.

Я нахожу, что въ 20 лѣтъ перестать должно учится, въ 30—нравится женщинамъ, въ 40—искать общаго мнѣнія, а въ 50—жить для другихъ [1]. Вотъ мое исповѣданіе, при немъ останусь непоколебимъ и преображаюсь изъ Гаера въ зрителя. Прощайте. Я боюсь одного, чтобы Цесарцы не пристали вмѣсто насъ къ французамъ: тогда опять много сумотохи будетъ и безпокойства, а я хочу быть покоенъ. Россія лишилась холоднаго своего спасителя князя Смоленскаго [2], но обрящетъ его паки въ лицѣ Валуева [3], жида Перца [4] и Архимандрита Мельхиседека [5]. Вотъ наши: Пожарской, Мининъ и Палицынъ, а я вашъ преданный

Графъ Ф. Растопчинъ.

Б. Л. Модзалевскій.

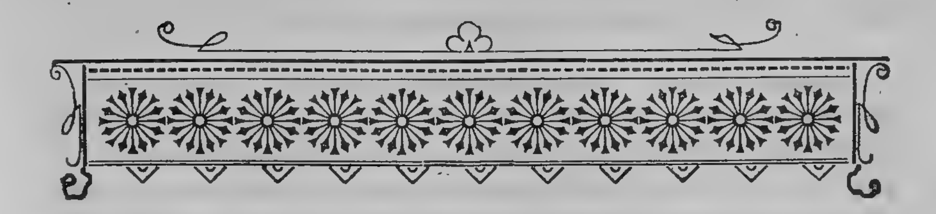
[1] Эту же мысль позже Ростопчинъ высказалъ и въ своей автохарактеристикѣ: „Въ 30 лѣтъ я отказался отъ танцевъ, въ 40—отъ страсти правиться прекрасному полу; въ 50—отъ приговоровъ общественнаго мнѣнія; въ 60—отъ мышленія, и отъ того сдѣлался совершеннымъ мудрецомъ, или, что одно и то же,—совершеннымъ эгоистомъ“ (Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, ч. III, 1847 г., стр. 169—170).

[2] Князь Кутузовъ-Смоленскій умеръ 16-го апрѣля 1813 г.

[3] Главнокомандующій Экспедиціи Кремлевскаго строенія въ Москвѣ; ср. выше.

[4] Абрамъ Израилевичъ Перетцъ, откупщикъ.

[5] Настоятель Воскресенскаго (Новый Іерусалимъ) монастыря около Москвы.

Спартанское воспитаніе кадетъ стараго времени.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Я уже говорилъ ранѣе въ моихъ запискахъ, что послѣ смерти моего отца въ 1830 г. я зачисленъ былъ въ Царскосельскій Александровскій малолѣтній корпусъ, куда и отвезенъ былъ изъ Саратова до Петербурга на почтовыхъ, такъ какъ желѣзная дорога была въ то время еще только между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ.

Изъ Александровскаго корпуса я переведенъ былъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Павловскій кадетскій корпусъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ на Обуховскомъ проспектѣ.

Директоръ корпуса былъ старѣйшій изъ директоровъ того времени генералъ-лейтенантъ Карлъ Ѳедоровичъ Клиненбергъ, батальонымъ командиромъ полковникъ Рындинъ, инспекторомъ классовъ д. с. с. Шейнинъ и его помощникомъ штабсъ-капитанъ Викторъ Андреевичъ Половцевъ, и всѣ они, кромѣ Шейнина, были люди симпатичные и чрезвычайной доброты. Шейнинъ же, очень маленькаго роста и на кривыхъ ногахъ, такъ что пятки расходились чуть не на поларшина, былъ человѣкъ положительно противный и какъ теперь смотрю на него во время классовъ, куда онъ заходилъ въ форменномъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами и Станиславской звѣздой. Всегда онъ былъ разозленный и, замѣтивъ улыбавшагося кадета, тотчасъ же вытаскивалъ его изъ класса за ухо и поручалъ своему помощнику Половцеву выдрать розгами. И этотъ чудный человѣкъ Половцевъ, однажды произведя такую экзекуцію маленькому новичку кадету, который еще не привыкъ закусивъ руку молчать подъ розгами, какъ дѣлали другіе, а горько плакалъ, ложась на скамью, утѣшалъ его и самъ, прослезившись, говорилъ: „ложись и терпи, Іисусъ Христосъ терпѣлъ и ты терпи“!

Шейнинъ—этотъ старый холостякъ, особенно любилъ маленькихъ хорошенькихъ кадетъ, которымъ и мирволилъ, беря ихъ по праздникамъ къ себѣ въ отпускъ и впослѣдствіи оказалось, что Шейнинъ былъ бугръ и послѣ произведеннаго увѣчья кадетику К..., долго страдавшему въ лазаретѣ, онъ, Шейнинъ, былъ признанъ сумасшедшимъ и посаженъ въ сумасшедшій домъ.

Во корпусахъ тогда было совершенно другое распредѣленіе какъ ротъ, такъ и классовъ: роты начинались неранжированной, потому шли страннымъ порядкомъ: вторая, третья, затѣмъ первая и гренадерская, у которой былъ особый взводъ для малорослыхъ, стрѣлковый.

Классы же начинались приготовительнымъ, затѣмъ первый, второй, третій и четвертый общіе и потомъ армейскіе и артиллерійскіе классы, изъ которыхъ выпускали уже офицеровъ: изъ армейскихъ въ армію, а изъ артиллерійскихъ—почти во всѣ роды оружія, какъ-то: артиллерію, саперы, конно-піонеры и даже военные инженеры, несмотря на то, что для послѣднихъ былъ отдѣльный корпусъ противъ Лѣтняго Сада.

Кадеты, получившіе въ артиллерійскихъ классахъ 12 балловъ изъ всѣхъ предметовъ, выпускались въ гвардію. Изъ этихъ выпускныхъ классовъ назначались фельдфебеля, въ каждой ротѣ по одному, а также по нѣсколько въ ротѣ унтеръ-офицеровъ, ефрейтора же были изъ простыхъ кадетъ въ своей ротѣ.

Кормили насъ хорошо, но безъ всякихъ затѣй: утромъ вмѣсто чая, къ сбитню, или кипяченому молоку пополамъ съ водой давали по булкѣ каждому, обѣдъ изъ двухъ блюдъ самыхъ простыхъ и очень скромный ужинъ.

Я, какъ теперь смотрю, какъ маленькіе кадеты въ сортирахъ вытаскивали изъ печей вьюшки и, положивъ на нихъ припрятанные въ карманы отъ обѣда ломтики чернаго хлѣба, обливали его коноплянымъ масломъ изъ лампъ и поджаривали въ печи. Въ то время все освѣщалось коноплянымъ масломъ и о керосинѣ еще не было помина. При этомъ не могу не разсказать одинъ интересный случай того времени: во второй ротѣ, гдѣ, какъ и въ прочихъ ротахъ, кромѣ ротнаго командира было по два субалтернъ-офицера, дежурившихъ по очереди для наблюденія за порядкомъ. Въ этой ротѣ былъ дежурнымъ неуспѣвшій еще облечься въ корпусную форму и носившій армейскій мундиръ поручикъ Поповъ, и утромъ передъ завтракомъ, какъ и всегда, рота выстроилась въ двѣ шеренги лицомъ къ лицу и между кадетами проносили двуручную съ булками корзину, изъ которой бралъ каждый по одной булкѣ, но одинъ изъ кадетъ вздумалъ выбирать себѣ получше

булку и черезъ это нѣсколько булокъ выронилъ изъ корзины, тогда поручикъ Поповъ, слѣдившій за этой процедурой, схватилъ этого кадета за ухо и, вытащивъ изъ строя, поставилъ на колѣни, надорвавъ при этомъ ему ухо до крови, тогда одинъ изъ кадетъ Б... закричалъ: солдатъ!—такъ кадеты прозвали Попова, потому что онъ держалъ себя по-солдатски и ходилъ съ носка на весь слѣдъ, какъ учили тогда маршировать. Поповъ обернулся на крикъ, но въ это время сзади вторично кто-то крикнулъ: „солдатъ! солдатъ!“. Тогда поручикъ Поповъ обратился къ ротному командиру капитану Павловскому. Павловскій этотъ, хотя былъ очень хорошій человѣкъ, но счелъ нужнымъ потребовать у роты выдачи того, кто кричалъ, но такъ какъ рота молчала, то Павловскій, желая вынудить выдачу крикуна, объявилъ, что будетъ сѣчь черезъ пятаго. Принесли скамью и розги за печатью и флангового уже начали раздѣвать, но одинъ изъ кадетъ N.... вышелъ впередъ и принялъ вину на себя, его разложили и жестоко драли, такъ какъ на требованіе просить прощенія онъ, закусивъ руку, молчалъ. Тогда рота въ одинъ голосъ закричала: „это не онъ крикнулъ,—это Б“. Наказаніе пріостановили и спросили, зачѣмъ N. принялъ на себя. Тотъ отвѣтилъ, что сдѣлалъ, это желая спасти всю роту отъ незаслуженнаго наказанія. Послѣ этого, конечно, дѣйствительный виновникъ былъ сильно высѣченъ, и оба они были отправлены въ лазаретъ. Обстоятельство это не прошло безслѣдно, о поступкѣ кадета N довели до свѣдѣнія Великаго Князя Михаила Павловича, который былъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и онъ о томъ передалъ Государю. N былъ взятъ во дворецъ, обласканъ Государемъ и игралъ съ маленькими Великими Князьями Михаиломъ и Николаемъ Николаевичами. Этотъ N... былъ хорошій фронтовикъ и даже во время разводовъ подходилъ на ординарца и хотя по ученію не былъ изъ первыхъ, но, благодаря своему поступку, пользовался расположеніемъ не только кадетъ, но и своего начальства.

Розга въ то время въ корпусахъ настолько была обыкновеннымъ дѣломъ, что врядъ ли кто-либо ея избѣгнулъ; почему она и не считалась позорной или обидной, но четвертый общій классъ и, конечно, два выпускныхъ уже были избавлены отъ розги.

Во время лагеря въ Петергофѣ корпусъ нашъ былъ расположенъ рядомъ со 2-мъ кадетскимъ корпусомъ, директоромъ котораго былъ генералъ Бибиковъ, а баталіоннымъ командиромъ полковникъ Кур—ль.

Этотъ Кур—ль отличался своей жестокостью и однажды во время лагеря, наказывая розгами троихъ кадетъ 1-й роты, которые были

уже въ возрастѣ 17—18 лѣтъ, назначилъ для троихъ 200 ударовъ, предложивъ имъ самимъ подѣлить эти удары. Такъ какъ кадеты того времени увлекались геройствомъ во всѣхъ видахъ, то и въ этомъ случаѣ, каждый старался взять себѣ побольше, но Кур—лю послѣ этого не поздоровилось: его палатка, къ которой онъ въ это время пилъ чай, была разнесена кадетами, забросавшими ее камнями.

Этотъ инцидентъ надѣлалъ много шуму, но, къ сожалѣнію кадетъ, Кур—ль остался невредимъ.

Насколько въ корпусѣ въ то время обращалось вниманіе на нравственность кадетъ, которымъ не дозволялось даже въ ихъ играхъ имѣть карты и, Боже упаси, курить табакъ, я припоминаю случай съ фельдфебелемъ 2-й роты Н—ъ. Этотъ Н—ъ послѣ еженедѣльнаго отпуска вернулся въ воскресеніе въ корпусъ и встрѣтившій его ротный командиръ въ разговорѣ съ нимъ почувствовалъ запахъ табаку, тогда онъ велѣлъ дыхнуть на себя и, узнавъ, что тотъ курилъ, доложилъ объ этомъ директору корпуса, и Н—ъ былъ за это разжалованъ изъ фельдфебелей, что однако же не помѣшало ему, какъ одному изъ первыхъ учениковъ выпускного артиллерійскаго класса, быть выпущеннымъ прапорщикомъ въ гвардію и впослѣдствіи получить извѣстность по чину генерала-отъ-инфантеріи. Мнѣ и теперь пришлось встрѣтить немногихъ моихъ бывшихъ корпусныхъ товарищей, бравыхъ уже полныхъ генераловъ, которые и доселѣ не пьютъ водки и не курятъ табакъ, а мнѣ, пережившему девятый десятокъ старику, вѣроятно, благодаря тому же помогаетъ Богъ читать и писать безъ очковъ.

Мнѣ къ сожалѣнію не суждено было окончить корпусъ и, перейдя уже въ четвертый общій классъ во время Петергофскихъ лагерей на маневрахъ въ Ропшѣ, я получилъ воспаленіе легкихъ и былъ отправленъ въ Петербургъ въ лазаретъ, гдѣ съ трудомъ, поставивъ меня на ноги, доктора запретили мнѣ дальнѣйшее ученіе, и въ 1845 г. я возвратился на родину, гдѣ послѣ кумыснаго лѣченія, мнѣ пришлось хотя не на долго превратиться въ чиновника канцеляріи саратовскаго губернатора по уголовному столу, но въ силу дворянскихъ традицій того времени, когда каждый дворянинъ считалъ своимъ долгомъ имѣть военный чинъ, я, совсѣмъ оправившись здоровьемъ, вскорѣ отправился понюхать кавказскаго пороха. О моихъ кавказскихъ воспоминаніяхъ я уже писалъ ранѣе.

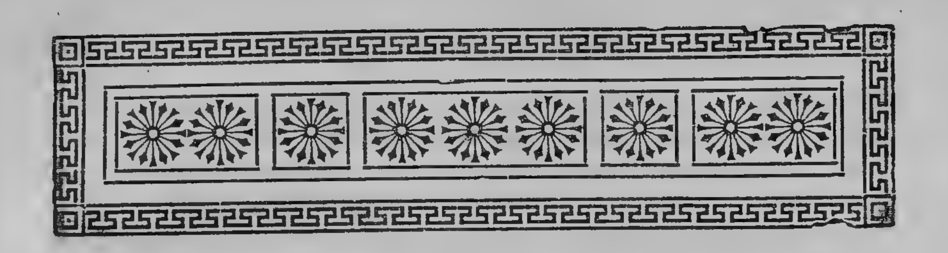
Въ боевой части Кавказа въ сороковыхъ годахъ жизнь ежедневно подвергалась опасности, такъ какъ помимо лѣтнихъ и зимнихъ экспедицій передовыя крѣпости, какъ напримѣръ Воздвиженская, не только часто обстрѣливались непріятелемъ, но даже фуражировка

рубка лѣса для отопленія и пр. и проч., не говоря уже объ оккaзіи, почти всегда оканчивались перестрѣлкой, но, несмотря на такую жизнь, полную опасностей, она настолько сродняла людей, что оставляли Кавказъ только тѣ, которые вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ не могли продолжать службу, и въ мое время были генералы, начавшіе тамъ службу свою съ юнкера, какъ напр. генералъ Козловскій, котораго судьба хранила, мнѣ же, какъ тяжело раненному во время экспедиціи, пришлось выйти въ отставку съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ въ февралѣ 1852 года.

И затѣмъ всю мою остальную жизнь я посвятилъ общественной службѣ, занимая всѣ высшія должности и прослуживъ такимъ образомъ въ продолженіе четырехъ царствованій, вотъ уже восемь лѣтъ живу на покоѣ, награжденный необычайной царской милостью.

В. А. Шомпулевъ.

Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ [1]).

III.

Извѣстіе о смерти Скобелева.—Печаль и негодованіе на нѣмцевъ, которымъ молва въ то время приписывала отравленіе народнаго героя.—Вдохновляюсь и пишу патріотическое стихотвореніе па его смерть.—Литературныя занятія въ лицеѣ въ началѣ 80-хъ годовъ.—Лицейскіе рукописные журналы и литературные вечера.

Каникулы (я учился тогда въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ) 1882 г. я проводилъ по обыкновенію въ нашемъ Тамбовскомъ имѣньи. Въ один печальный день газеты принесли извѣстіе о скоропостижной смерти Скобелева въ Москвѣ. Насъ всѣхъ это извѣстіе поразило какъ громомъ, до того никто не ожидалъ такого печальнаго конца для сравнительно молодого, здороваго, никогда не болѣвшаго серьезно генерала. Газеты, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, скрывали обстоятельства смерти, но стоустая молва дѣлала свое дѣло, и въ обществѣ быстро стали распространяться слухи, что смерть Скобелева не естественная, а насильственная, что онъ убитъ, а именно отравленъ, при чемъ приписывали это злодѣяніе нѣмцамъ, которые якобы ненавидѣли и опасались его, въ особенности послѣ произнесенія имъ незадолго передъ тѣмъ его знаменитой рѣчи въ Парижѣ, столь нашумѣвшей по всей Европѣ и за которую нашъ бѣлый генералъ подвергся опалѣ у себя на родинѣ...

Присутствіе одной нѣмки при внезапной кончинѣ М. Д. еще болѣе укрѣпило въ обществѣ увѣренность въ справедливости этихъ слуховъ, оказавшихся впослѣдствіи, конечно, вздорными, хотя я знаю скептиковъ изъ доброжелателей и поклонниковъ Скобелева,

---

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1913 г.

близко стоявшихъ къ покойному, которые много лѣтъ спустя утверждали справедливость первой версіи народной молвы.

Какъ большинство лицъ моего возраста и я въ свое время отдавалъ дань юности, балуясь стихами и мня себя поэтомъ, и лишь потомъ бросилъ стихотворство, перейдя къ прозѣ, которой, увы, продолжаю „баловаться" и по сейчасъ, несмотря на пожилые годы... Конечно, смерть моего любимаго героя вмѣстѣ съ молвой о насильственномъ характерѣ ея по проискамъ нѣмцевъ не могли не вдохновить меня, и я разразился патріотическимъ стихотвореніемъ, которое и привожу здѣсь, разумѣется, не ради его самаго, а чтобы было понятнѣе мое послѣдующее посѣщеніе Щедрина съ этимъ стихотвореніемъ.

На смерть Скобелева.

Вѣсть разнеслася о горькой кончинѣ...
Какъ, умеръ?.. не правда, не вѣримъ, не онъ!
Узнали, повѣрили, скорбный единый
Пронесся надъ всею Россіею стонъ!
Какъ Божьей десницею воинъ хранимый,
Въ столь битвахъ кровавыхъ всегда невредимый,
Стяжавшій великую славу герой,
Любимый монархомъ, солдатомъ, толпой,
Народомъ, Россіей, внезапно угасъ?..
„Невѣдомъ бо смерти ни день, еже часъ"...
Но что же я слышу? Средь скорбнаго стона,
Насмѣшки, улыбки и грязи комки,
Изъ вражьяго Руси, Славянства, притона?..
То наши давнишніе, злые враги!
Ну—что же, ликуйте, постыдное племя!
Вѣдь славу героя не вамъ омрачить,
Но знайте: наступитъ желанное время,
Когда вамъ пощады придется просить.
Когда не одинъ, но всей русской землею
Поднимется мощная русская рать,
Славянство съ Германствомъ покончитъ войною,
Научитъ, заставитъ себя уважать!
Пока же ликуйте надъ нашей утратой,
Надъ горемъ, надъ скорбью всѣхъ русскихъ сыновъ!
Мы молча поплачемъ надъ жизнею, сжатой
Не тлѣнной, но вѣчной рукою боговъ!

Мосоловка.
I/VII 1882 г.

Когда я вернулся осенью въ лицей, я, разумѣется, поспѣшилъ подѣлиться съ товарищами впечатлѣніями о смерти нашего любимаго героя и прочелъ имъ свое стихотвореніе. Въ то время въ нашемъ классѣ процвѣтали занятія литературой; мы издавали два рукописныхъ журнала, въ которыхъ помѣщали свои стихи и прозу. Среди нашихъ поэтовъ выдѣлялся мой однокашникъ К., писавшій и печатавшій также въ настоящихъ журналахъ свои стихи подъ псевдонимомъ Ушакова (дѣвичьей фамиліи его матери, если не ошибаюсь); писалъ романы Миллеръ, рано умершій; помѣщалъ серьезныя статьи мой одноклассникъ Ш., бывшій впослѣдствіи министромъ финансовъ.

Нашъ инспекторъ классовъ, нынѣ покойный, Никольскій, читавшій у насъ Исторію Русской словесности, поощрялъ наши литературныя занятія. Помню при подачѣ ему курсового сочиненія на тему о Фонъ-Визинѣ, къ которому я приложилъ собственное стихотвореніе, посвященное этому писателю, я получилъ отъ него одобреніе и просьбу приносить ему всѣ стихотворенія, которыя я буду писать... Но, увы, показывать что-либо приходилось очень мало и рѣдко, такъ какъ я вдохновлялся большею частью темами на лицейскія злобы дня, писалъ шутливыя эпиграммы на товарищей и даже, horribile dictu, на такіе сюжеты, которые никоимъ образомъ не могли и не должны были попадаться на глаза суровому инспектору.

У насъ въ лицеѣ въ мое время издавались 2 журнала: одинъ „Лицейскій звонокъ", и другой, не припомню теперь названія, къ которому примыкалъ и я. Мы полемизировали другъ съ другомъ, какъ водится, и осыпали другъ друга незлобливыми эпиграммами. У меня случайно сохранились въ бумагахъ 2 стихотворенія, направленныя противъ „вновь народившагося" журнала „Звонокъ", какъ это у меня озаглавлено, и изъ чего я заключаю, что нашъ журналъ выходилъ ранѣе. Вотъ эти стихи; сообщаю ихъ какъ матеріалъ для будущихъ историковъ Лицейской жизни.

За тяжкіе грѣхи Господь насъ наказалъ:
Лицею онъ „Звонокъ" сегодня ниспослалъ,
И онъ звонитъ, терзая умъ и уши!
Очистимъ же скорѣй свои, друзья, мы души,
Умилостивимъ Бога, чтобъ Онъ насъ простилъ
И звонъ „Звонка" на вѣкъ въ лицеѣ прекратилъ.

Редактору лицейскаго журнала „Звонокъ“ Ш—ву.

Нѣтъ розы безъ шиповъ,
Мой дорогой издатель,
Но я открылъ, Создатель,
Что есть безъ розъ Шиповъ.

Помимо изданія журналовъ, въ лицеѣ въ мое время устраивались по пятницамъ домашніе литературно-музыкальные вечера, на которыхъ лицеисты также читали зачастую собственныя стихотворенія. Стрѣлы эпиграммъ коснулись и этихъ вечеровъ; вотъ одна изъ нихъ, принадлежащая моему перу и случайно уцѣлѣвшая среди бумагъ...

По пятницамъ лицей (такъ свыше повелѣли)
Съ искусствомъ въ связь преступную вступилъ,
Смущенный Аполлонъ судьбу благодарилъ,
Что пятницъ лишь одна, не семь въ одной недѣлѣ.

IV.

Совѣщаніе о томъ, гдѣ напечатать мое стихотвореніе.—Малая освѣдомленность наша о нетерпимости партійныхъ журналовъ къ инако мыслящимъ.—Мой визитъ къ Щедрину совмѣстно съ товарищемъ М-вымъ.—Любезный пріемъ у Щедрина и наше негодованіе на него за высказанные имъ взгляды на нашего любимаго героя Скобелева и на Россію вообще.

Извиняясь передъ читателями за то маленькое отступленіе, вызванное отчасти болтливостью, свойственной преклонному возрасту и невольнымъ увлеченіемъ воспоминаніями о давно минувшей юности въ стѣнахъ дорогого лицея, перехожу къ своей темѣ. Итакъ мое стихотвореніе на смерть Скобелева было одобрено нашимъ инспекторомъ Никольскимъ и товарищами, среди которыхъ М. Д. М—овъ, тезка Бѣлаго Генерала, одинъ изъ первыхъ положившій начало и много потрудившійся надъ созданіемъ въ лицеѣ „Пушкинской комнаты“, расцвѣтшей впослѣдствіи въ обширный цѣнный музей, убѣдилъ меня отвезти стихи въ какой-нибудь журналъ для напечатанія. Долго выбирали, наконецъ остановились на „Отечественныхъ Запискахъ“, издаваемыхъ Щедринымъ. Выборъ палъ на этотъ журналъ, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Вѣстникомъ Европы“ были самыми солидными и составляли обязательную принадлежность каждой гостиной того времени, а главнымъ образомъ потому, что редакторомъ его состоялъ Салты-

ковъ, бывшій лицеистъ, и хотя никто изъ товарищей нашихъ не былъ съ нимъ лично знакомъ, но мы были убѣждены, что Салтыковъ, какъ лицеистъ, скорѣе другихъ приметъ и напечатаетъ стихотвореніе, принадлежащее перу тоже лицеиста...

О, наивное заблужденіе! Хотя мы прекрасно знали, что Щедринъ, какъ сатирикъ, слылъ ultra-либераломъ, но никому изъ насъ и въ голову не приходила тогда даже возможность, чтобы бывшій лицеистъ, носитель старинной русской дворянской фамиліи, можетъ изъ-за партійныхъ счетовъ не раздѣлять нашего общаго восторженнаго преклоненія передъ умершимъ русскимъ героемъ...

Вообще мы были тогда очень наивны. Если бы кому-нибудь изъ насъ въ то время сказали, что въ недалекомъ сравнительно будущемъ въ Россіи могутъ образоваться русскія партіи изъ русскихъ людей, въ платформу которыхъ войдетъ между прочимъ принципъ расчлененія Россіи, какъ Государства, поддержка инородцевъ въ ущербъ русскимъ и Россіи—мы бы разсмѣялись въ лицо, такъ это показалось бы намъ невѣроятнымъ и дикимъ...

Итакъ, въ одну изъ суббогъ послѣ роспуска, въ 4 часа, прямо изъ лицея я вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ М—вымъ поѣхалъ къ Салтыкову, жившему тогда, насколько помнится, на Литейной. Приказали доложить о себѣ, и насъ сейчасъ же приняли. Обстановки кабинета теперь не припомню; знаю только, что онъ (какъ и гостиная, черезъ которую насъ провели въ кабинетъ) не поразилъ насъ тогда ни своими размѣрами, ни особеннымъ отпечаткомъ, который мы ожидали встрѣтить у Щедрина, какъ писателя; мебель—какъ мебель, убранство обыкновенное; не только обилія книгъ не было замѣтно, но мнѣ бросилось въ глаза даже ихъ отсутствіе; быть можетъ, онѣ были скрыты дверцами шкафовъ, но отлично помню, что ни столы, ни другая мебель не были загромождены ими, какъ я это представлялъ себѣ непремѣнно обязательнымъ для писателя.

Описывать наружность Щедрина я не буду: она вполнѣ соотвѣтствовала тѣмъ портретамъ его, которые я видѣлъ до этого; нѣкоторая суровость въ лицѣ и наружности не помѣшала Михаилу Евграфовичу принять насъ любезно и усадить у окна, сейчасъ же направо отъ дверей.

Краснѣя и путаясь, я изложилъ ему цѣль нашего посѣщенія и робко протянулъ ему листъ бумаги съ переписаннымъ стихотвореніемъ, сложенный вчетверо и хранившійся у меня за краснымъ обшлагомъ, который по тогдашней модѣ мы, лицеисты, носили въ увеличенномъ противъ формы размѣрѣ.

Щедринъ сталъ читать; я лихорадочно слѣдилъ за выраженіемъ его лица, по которому, по мѣрѣ, чтенія, стала скользить сарка-

стическая улыбка. Пробѣжавъ стихи и протягивая ихъ мнѣ обратно Салтыковъ заговорилъ:

— Вотъ что я долженъ вамъ сказать, молодой человѣкъ; стихи ваши не хуже и не лучше многихъ другихъ стиховъ, да и не въ нихъ дѣло; но вотъ относительно сюжета—напрасно вы выбрали такой для своего вдохновенія... Скобелевъ? Да развѣ это герой? да вѣдь вся его слава дутая и пустая... Забубенная головушка, какихъ много... Эка важность какая: лѣзть драться!.. Сорви голова, быть можетъ, но не герой... Развѣ такіе герои бываютъ? Развѣ въ дракѣ геройство? что пользы для Россіи принесъ онъ?

И пошелъ, и пошелъ... Изъ дальнѣйшей рѣчи сатирика выяснилось, что онъ, вообще, не признаетъ военнаго геройства, что героизмъ долженъ выливаться въ другихъ формахъ, въ формѣ гражданскихъ заслугъ передъ Россіей, что подвиги—не на войнѣ, а въ мирной работѣ на пользу родинѣ и т. д. и т. д.... Я не припомню въ точности всего того, что Щедринъ говорилъ, но отлично уловилъ общій смыслъ его рѣчи, отрицательное отношеніе къ патріотическимъ явленіямъ русской жизни и, не признавая Скобелева, какъ народнаго героя, Салтыковъ отрицалъ вообще идеалы Россіи, находя, что у насъ все скверно и плохо...

По мѣрѣ того, какъ Михаилъ Евграфовичъ говорилъ, первоначальное чувство робости сразу смѣнилось во мнѣ чувствомъ негодованія противъ него и обидою за своего героя Скобелева, за Россію... Мой патріотизмъ былъ оскорбленъ... и я поднялся съ мѣста.

— Такъ то, молодой человѣкъ: продолжайте свои стихотворные опыты, и если изберете для нихъ другіе „настоящіе“ сюжеты—приносите, посмотримъ, быть можетъ, что-нибудь и подойдетъ для журнала.

Я горѣлъ отъ негодованія; такъ и хотѣлось крикнуть ему въ отвѣтъ:

— Не Вѣрой же Засуличъ прикажете вдохновляться и возводить подобныхъ ей господъ на степень народныхъ героевъ России?!!

Но я удержался; мы молча откланялись и вышли...

Авторское самолюбіе тутъ было ни при чемъ, да я этимъ ни тогда, ни впослѣдствіи, когда сталъ печататься, не страдалъ. Нѣтъ, мое юношеское сердце было оскорблено за дорогую родину и ея недавно угасшаго героя.

Долго еще мы съ М-вымъ негодовали на Щедрина и, вернувшись на другой день къ вечеру въ лицей, не преминули подѣлиться съ товарищами впечатлѣніями своего посѣщенія извѣстнаго сатирика.

— И такъ мыслитъ Салтыковъ, столбовой дворянинъ, бывшій лицеистъ!

Насъ тогда поражали такія явленія; по своей наивности мы дѣлили тогда Россію на „общество порядочныхъ людей“ и на „крамольниковъ“, гдѣ-то копошившихся на низахъ и вербуемыхъ изъ разночинцевъ... Принадлежность къ нимъ, напримѣръ, графини Перовской была для насъ необъяснимой загадкой...

Стихотворные опыты свои я продолжалъ еще на скамьѣ лицея, но совѣту Щедрина вдохновляться гражданскими, либеральными мотивами не послѣдовалъ и, разумѣется, больше къ нему съ своими стихотвореніями не обращался: такъ разобидѣлъ онъ меня тогда своими неуважительными отзывами о милой для меня родинѣ.

V.

Меблированныя комнаты „Англія“ въ Москвѣ, гдѣ умеръ Скобелевъ.—Иронія судьбы: несчастіе для Россіи, смерть Бѣлаго Генерала послужила рекламой для 2-хъ жрицъ любви.—Возвышеніе ихъ на рынкѣ любви, и выступленіе одной изъ нихъ въ роли жокея на московскихъ скачкахъ.—Анекдотъ про англичанина.—Разсказъ ея о послѣднихъ минутахъ Скобелева.

Вскорѣ послѣ смерти Скобелева, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, я посѣтилъ, между прочимъ, меблированныя комнаты „Англія“ и осматривалъ ту комнату, которая послужила случайнымъ мѣстомъ кончины Михаила Дмитріевича. Въ этотъ свой послѣдній пріѣздъ въ Москву покойный генералъ остановился, какъ и всегда, въ гостиницѣ „Дрезденъ“, куда его и перевезли уже мертвымъ въ каретѣ изъ номеровъ „Англія“ съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, дабы скрыть нежелательную обстановку его смерти отъ публики.

Суровая проза жизни полна контрастовъ: несчастіе однихъ нерѣдко служитъ основаніемъ благополучія для другихъ. Такъ и тутъ: горе всей Россіи, преждевременная скоропостижная смерть народнаго героя послужила рекламой и матеріальному успѣху для 2-хъ никому до тѣхъ поръ невѣдомыхъ въ Москвѣ дѣвицъ, которыя, на короткій, правда, срокъ сдѣлались „извѣстностями“; появленіе ихъ въ общественныхъ мѣстахъ производило сенсацію, на нихъ указывали пальцами.

— Смотрите, это вотъ та (или тѣ), которая... и т. д. и т. д.

Мнѣ передавали про одного англичанина-туриста, пріѣхавшаго спеціально въ Москву съ единственною цѣлью посмотрѣть на косвен-

ную виновницу и свидѣтельницу смерти Скобелева. Легко добившись свиданія съ нею за извѣстную плату, онъ молча вошелъ въ ея будуаръ, остановился возлѣ ложа, на которомъ та возлежала, молча созерцалъ ея обнаженное тѣло нѣсколько минутъ и, не проронивъ ни слова и положивъ на столъ условленную сумму, такъ же молча удалился... Удивленная жрица стала было его удерживать.

— Не надо! отрѣзалъ англичанинъ: я пришелъ только посмотрѣть на могилу великаго полководца..... и уѣхалъ.

Съ одной изъ нихъ, нѣмкой (забылъ теперь ея имя), фигурировавшей впослѣдствіи даже какъ-то на Московскихъ скачкахъ въ роли жокея, я познакомился, ужиналъ и слышалъ отъ нея разсказъ о послѣднихъ минутахъ Михаила Дмитріевича. Передавать ея словъ я, разумѣется, не буду; въ свое время объ этомъ знали и говорили всѣ въ московскомъ обществѣ...

Внѣ боевой обстановки, среди обыденной прозы повседневной жизни безъ серьезнаго и любимаго дѣла Скобелевъ тосковалъ и искалъ забвенія въ сильныхъ ощущеніяхъ. Умѣренность, сдержанность въ порывахъ не были его удѣломъ какъ на войнѣ, такъ и въ жизни; во всемъ онъ привыкъ проявлять широкій размахъ, будь то битвы, или кутежи и.... сердце богатыря не выдержало и перестало биться къ великой скорби всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи.

Вл. Марковъ.

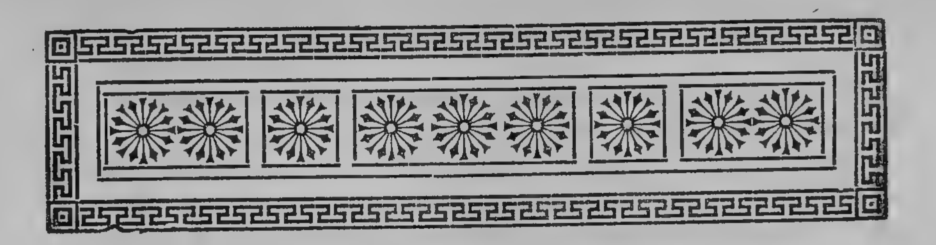
Личная неприкосновенность въ XVII вѣкѣ (1673 г.).

Царю Государю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу бьетъ челомъ и ізвещаетъ сирота твой, твоего, великого Государя, дворцоваго села Туронтаева крестьянинъ, Тимошка Семеновъ сынъ Пошехоновъ села жь Туронтьева на старосту на Тимоѳея Кондратьева да на целовальника на Сергия Евсивоева да на безпахотныхъ крестьянъ на Никиту Васильева сына Кожевина да на Никиту Лукина сына Шероха да на Иева Карпова сына Баранова. Въ нынешнемъ, Государь, во 181-мъ году выбранъ я, сирота твой, в годовую службу к твоей великого Государя казнѣ, къ денежному збору Шограшского мосту в целовальники і выборъ на меня, сироту твоего, старосты и цѣловальнику і всѣ мирские люди приказному Тарасу Шехонскому дали и отъ тое твоей, великого Государя, службы, отъ мостового денежного збору тотъ староста Тимоѳей да целовальникъ Сергій по наученью тѣхъ безпахотныхъ крестьянъ Никиты Кожевина да Никиты Шероха да Иева Баранова взяли меня сироту твоего въ подмосье и держали в подмосье многое время и непомѣрнымъ правежемъ правили и с-правежу взяли меня сироту тотъ староста Тимоѳѣй да Никита Шерохъ безъ вѣдома приказного Тараса Шехонского и отвели на Вологду въ съезжую избу къ стольнику и воеводѣ къ Якову Семеновичю Волынскому да къ дьяку к-Ивану Горяинову и били челомъ ложно, будто я, сирота твой, многимъ села Туронтьева крестьянемъ заказалъ и данныхъ денегъ давать не велѣлъ; и потому ихъ ложному челобитью стольникъ и воевода Яковъ Семеновичъ Волынской да дьякъ Иванъ Горяиновъ у съезжіе избы меня, сироту твоего, бить велѣли на привежѣ безъ милости и за рѣшеткой держали, а мнѣ, сиротѣ твоему, вскоре окупица было нечѣмъ, а на иныхъ, Государь, въ селѣ Туронтаевѣ на многихъ крестьянехъ данные денги не взяты и по се число, и онѣ имъ по дружбѣ и по свойству строчатъ, а мнѣ, сиротѣ твоему, строку не дали и твоей, великого Государя, казнѣ денежному мостовому збору тѣмъ своимъ ложнымъ челобитьемъ учинили поруху; безъ меня, сироты твоего, мостовово збирать было некому, а что, Государь, у нихъ данныхъ денегъ въ зборѣ, и онѣ по книгамъ отчету не даютъ, а подмоги себѣ изъ миру емлютъ большие, а мнѣ, сиротѣ твоему, мирсково приговору и подмоги не даютъ. Милосердый Государь, Царь и великиї князь Алексѣй Михаиловичь всеа великия и малыя и бѣлыя Росиї самодержецъ, пожалуй меня, сироту своего; вели, Государь, челобитье мое и извѣтъ записать, чтобъ мнѣ, сиротѣ твоему, отъ нихъ старостъ и целовальника съ товарищи отъ ихъ ложного челобитья в недоборе мостовые казны отъ тебя, великого Государя, въ пенѣ и опале не быть и в конецъ не погинуть. Царь Государь, смилуйся пожалуй.

На оборотѣ рукоприкладство: К сеі ізвѣтной челобитной безмѣсной дьяконъ Михаило вмѣсто Тимоѳея Семенова сына Пошехонова по его велѣнью руку приложилъ.—*Помѣта*: „181-го июля въ 7 день записать“.

Примѣчаніе. Шограшскій мостъ, здѣсь упоминаемый,—въ 3-хъ верстахъ отъ г. Вологды черезъ рѣчку Шограшъ по московской дорогѣ.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Люди и нравы за полвѣка.

„Описывай, не мудрствуя лукаво,
чему Господь тебя свидѣтелемъ поставилъ“.

„Пименъ“—Пушкина.

Нѣсколько словъ отъ автора.

Умеръ у меня товарищъ. Вдова его, исполняя завѣщаніе мужа, прислала мнѣ объемистую тетрадь и записку покойнаго такого содержанія: „Друже! Путь пройденъ, чувствую, что конецъ приближается; на память обо мнѣ посылаю тебѣ мои замѣтки „Люди и нравы“; воспользуйся ими по своему усмотрѣнію. Твой С. Г.“.

Мнѣ показалось, что безпорядочныя записки его, захватывающія почти полвѣка, представляютъ нѣкоторый интересъ. На сколько могъ, я ихъ систематизировалъ и теперь предлагаю вниманію читателей.

Н. М.

I.

Я очень маленькій человѣкъ. Моя личность не можетъ имѣть общественнаго интереса. Это правда, которую я очень хорошо сознаю.

Но, господа, время, которое я переживалъ, люди, которыхъ мнѣ приходилось наблюдать и съ которыми нужно было сталкиваться; кипучая жизнь шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ; литература

того времени; общественные запросы и стремленія — все это, по-моему, не лишено интереса.

Вотъ почему я рѣшился окунуться въ ту бездну грѣховную, въ которой я валялся почти пятьдесятъ лѣтъ; въ тѣ низины, гдѣ, какъ кроту, приходилось рыться и наблюдать корни и устои родины.

Конечно, обойтись безъ автобіографіи нельзя. Но, не бойтесь: въ этомъ случаѣ обѣщаюсь быть насколько возможно краткимъ и злоупотреблять вашею снисходительностью, нагонять на васъ скуку не намѣренъ.

И такъ, Господи! благослови!

Моя родина Москва, самый центръ ея—Кузнецкій мостъ. Владѣніе Торлецкаго, состоящее изъ пяти-шести дворовъ, съ населеніемъ очень порядочнаго уѣзднаго города, кромѣ тѣхъ корпусовъ, которые тянутся по Кузнецкому, Рождественкѣ и Софійкѣ, имѣло много флигелей въ нутрѣ своемъ. Кузнецкій корпусъ, конечно, былъ набитъ, какъ и теперь, магазинами и квартирами, Рождественскій однѣми квартирами, а корпусъ на Софійкѣ занялъ Нѣмецкій клубъ. Во внутреннихъ же флигеляхъ ютилась болѣе рабочая бѣднота: портные мужскіе и женскіе; типографщики (Готье), сапожники, серебряники, скорняки и т. д.

Бывало, въ праздничный день, лѣтомъ, высыпитъ мастеровщина на дворъ, такъ не ходи никуда гулять: и здѣсь было весело.

Вотъ посреди двора часовъ съ четырехъ дня идетъ игра въ бабки въ конъ-за-конъ. На кону стоитъ гнѣздъ двѣсти и болѣе. Играютъ и мальчишки и бородачи. Ничего, не стѣснялись своими бородами, играли...

И какіе между ними бывали ловкачи, такъ просто на рѣдкость. Иной съ такою силою и ловкостью засвѣтитъ въ конъ, что сразу 15—20 гнѣздъ вышибетъ.

А на другомъ дворѣ, смотришь, идетъ орлянка. Играютъ, а сами посматриваютъ: нейдетъ ли бутарь...

Зазѣвались, такъ не пеняй: всѣ монетки и семитки уйдутъ къ нему въ карманъ.

Просто, даже очень просто все было.

И преступленіе, и наказаніе—все на-лицо.

Къ вечеру появлялись и выпившіе; раздавались пѣсни, звуки гармоники, временами слышалась ругань, но, странная вещь, мы не боялись жить среди этой запорожской сѣчи. Воры къ намъ не заходили. Да и мудрено зайти: зайти — зайдешь, а ужъ выйти, извините, едва-ли.

Припоминается мнѣ такой случай.

Въ большомъ двухъ-этажномъ флигелѣ, направо отъ нашей квартиры, была мастерская серебряниковъ. И вотъ въ одинъ темный, глубокой осени, вечеръ раздалось на дворѣ „караулъ!“

Подходитъ къ отцу жившій у насъ мальчикъ лѣтъ 16, Николай, и говоритъ:

— Григорій Ильичъ! позвольте выйти на дворъ.

— Это еще зачѣмъ?

— Да... жулика бьютъ-съ...

— Жулика?.. Ну, ступай...

Оказывается, дѣйствительно, забрался какой-то оборванецъ въ прихожую мастерской серебряниковъ и стянулъ тамъ рваный полушубокъ; да на грѣхъ наткнулся на рабочаго; тотъ первый закричалъ: „братцы, жулика поймалъ!“

Выволокли его, бѣднягу, на дворъ и начали бить...

Вернулся Николай.

— Ну, что? спрашиваетъ отецъ.

— Бьютъ-съ. И я разъ далъ и убѣгъ.

Пришла полиція, подобрала мертвое тѣло, а кто убилъ—осталось неизвѣстнымъ, и все дѣло взвалили на волю Божію.

Не мудрено послѣ этого, что мы не боялись спать съ открытыми форточками.

Кому же придетъ охота залѣзть, украсть и на тотъ свѣтъ отправиться по билету прямого сообщенія.

Но сами мастеровые были удивительно честные люди, конечно, въ большинствѣ своемъ. Бывали, разумѣется, исключенія, но это были дѣйствительно исключенія.

А вотъ на счетъ выпивки, ужъ извините, были слабоваты. Напьются и сейчасъ драться.

Я помню ужасный бой. Бой, въ которомъ участвовало, вѣроятно, до тысячи человѣкъ.

Изъ-за чего началась битва, я не помню. Помню только, что дѣло было на Святой недѣлѣ. Смотрѣть было страшно.

Явилась сотня верховыхъ казаковъ (полиція ничего не могла подѣлать) и начали всѣхъ лупить нагайками. Но люди до такой степени озвѣрѣли, что на боль не обращали вниманія и драка продолжалась.

— Битыхъ было много, но убитыхъ ни одного. Ужъ и придумать не могу, какъ ихъ хранилъ Господь.

А на другой день все смирно и тихо.

Собрали квартальному малую толику, ночевалъ кто-то въ кутузкѣ, на томъ дѣло и кончилось.

II.

Ученье.

Когда мнѣ исполнилось семь лѣтъ, меня отецъ отдалъ въ приходское училище.

Учителемъ былъ Д. И. Ивановъ. Это очень видный мужчина, чистякъ, весь бритый, всегда прекрасно одѣтый, жившій на широкую ногу, хотя жалованья получалъ всего 200 р. въ годъ.

Откуда же онъ бралъ средства для такой жизни?

А вотъ откуда.

Когда меня привели въ школу, то онъ спрашиваетъ отца: Какъ вы желаете, чтобы онъ учился—только до обѣда, или и послѣ обѣда?

Отецъ спрашиваетъ, что будетъ стоить и та, и другая учеба?

Дмитрій Ивановичъ говоритъ: „если только до обѣда, то казенные 2 руб. въ годъ; а если и послѣ обѣда, то полтора рубля въ мѣсяцъ".

Отецъ, исходя изъ того, что я больше сапогъ истреплю, чѣмъ на полтора рубля въ мѣсяцъ, конечно, сейчасъ же согласился на эту плату.

А такихъ ребятъ было человѣкъ до 120. Я полтора, другой полтора, а кто побогаче и три, и пять руб. платили; съ міра по ниткѣ, а матрешкѣ сарафанъ; въ общемъ-то и собиралась сумма значительная, до 200 руб. въ мѣсяцъ.

А это, особенно при готовой квартирѣ и дровахъ, были громадныя деньги въ то время, когда пудъ прекраснаго печенаго хлѣба стоилъ 35—37 копеекъ.

Это было задолго до освободительнаго движенія. А вотъ какъ двинулись со свободой-то, такъ и пожалуйте рублика полтора за пудикъ.

А скоро и вовсе жевати будетъ нечего.

И такъ началось мое ученье. Уходилъ я изъ дому въ 8 часовъ утра; возвращался въ 12, обѣдалъ, а къ двумъ часамъ шелъ опять въ школу и до четырехъ.

Училище было въ верхнемъ этажѣ казеннаго дома, а въ среднемъ—квартира директора. Но близость начальства ничуть не смущала нашего энергичнаго учителя.

Вездѣ было отмѣнено тѣлесное наказаніе, но въ нашей школѣ (да, вѣроятно, и въ другихъ) оно процвѣтало, яко кринъ сельный. Чтобы прошелъ день безъ казни—я такого счастливаго дня не помню.

Правда, это не была та звѣрская порка, которая увѣчила ребятъ; двѣ—три—пять розогъ и только; но ты не былъ застрахованъ отъ того, что можетъ случиться съ тобой и завтра, и послѣ завтра, а то такъ и два раза въ день.

Но за то учились въ громадномъ большинствѣ очень хорошо. Особенно по ариѳметикѣ. Вниманіе въ классѣ было полное. Да и нельзя было ротозѣйничать. Представьте себѣ такой порядокъ: идетъ русское чтеніе. Одинъ читаетъ вслухъ—всѣ обязаны слѣдить. Сохрани Богъ, если Д. И. замѣтитъ, что ты зѣваешь.

— Дальше, Петровъ!—раздается его голосъ.

А Петровъ и не знаетъ, съ чего надо продолжать. Ну, и пожалуйте къ Тимоѳеичу (сторожу) въ переднюю. Само собой разумѣется, что слѣдить въ классѣ приходилось поневолѣ.

А Тимоѳеичъ за это деньги наживалъ: время отъ времени нѣтъ-нѣтъ, да и напомнитъ на табачишко принести двѣ коп., а то, скажетъ, смотри!

Ну, и носили.

Тимоѳеичъ этотъ, царство ему небесное, былъ такой взяточникъ, что нынѣшніе интенданты передъ нимъ просто слѣпые щенята.

Мудрый былъ старикъ и отлично помнилъ великаго Наполеона, которому собственноручно (какъ онъ выражался) отдавалъ Москву, и при этомъ даже сообщалъ, какъ Кутузовъ, будто бы, имъ самъ говорилъ: „Заманивай, ребята, его, заманивай! А разочтемся послѣ!“

Ну, и разочлись.

Помню я такой случай со мною.

Я очень аккуратно посѣщалъ всѣ церковныя службы, конечно, праздничныя. Прислуживалъ въ алтарѣ, т. е. раздувалъ и подавалъ кадило, выносилъ свѣчу, читалъ на клиросѣ и даже подпѣвалъ. Подъ какой-то большой праздникъ окончилась всенощная и безъ того довольно поздно, а тутъ еще товарищъ взманилъ меня: пойдемъ, дескать, въ Кремль, тамъ архіерей служитъ.

Вотъ и пошли мы. Народищу было пропасть; при всей нашей пронырливости не было возможности пробраться въ соборъ. Ну, мы неособенно были этимъ огорчены: отлично провели время и около соборовъ, обѣгали весь Кремль. Домой вернулись очень поздно, часовъ въ 11. Позаботиться объ урокахъ время уже прошло да и спать хотѣлось, а на утро пошли по уговору опять въ Кремль, да пораньше, чтобы мѣсто занять въ соборѣ, да такъ и прошлялись часовъ до трехъ. Пришелъ домой усталый; уроки по русскому языку и ариѳметикѣ кое-какъ приготовилъ, а по закону Божію отложилъ, авось, не спросятъ.

Однако, нѣтъ, отвертѣться не удалось. Спросилъ меня отецъ

діаконъ и оставилъ безъ обѣда, а это значило: если увидитъ учитель, то порка, а если не увидитъ, то просидишь съ Тимоѳеичемъ часъ на кухнѣ и онъ тебя отпуститъ, если пообѣщаешь ему принести узаконенную обычаемъ мзду.

Сидимъ мы съ нимъ рядышкомъ на лавкѣ и ведемъ такой разговоръ:

— Ты что же это въ два-то дня урока не приготовилъ? Все лодырничаешь!

— Нѣтъ, Тимоѳеичъ, третьяго дня у всенощной былъ въ Кремлѣ, а вчера у обѣдни. Поздно домой приходилъ.

— А знаешь, вѣдь, что вашего брата по головкѣ за это не гладятъ. Вотъ теперь и будешь у меня вьюномъ виться подъ розгой-то... А ты помнишь, что въ субботу отецъ-то діаконъ разсказывалъ: и Христосъ батюшка лѣни-то не жаловалъ: Марѳо, говоритъ, Марѳо! отъ работы-то ты не отлынивай! чего ты запрягла одну сестру въ хозяйство, а сама сидишь склавши ручки. Такъ-то-съ.

— Отпусти, Тимоѳеичъ! Я тебѣ на табакъ принесу.

— Ну, что жъ, ступай! Только смотри, двѣ копейкя на табакъ за тобою...

— Ну, что жъ, принесу!

Хорошее было время: на всемъ объинженеривали.

Но чтеніе въ классѣ это еще что; а вотъ ариѳметика, такъ дѣло было лихое.

Задаетъ Дмитрій Ивановичъ задачу и называетъ фамилію ученика.

Ученикъ долженъ повторить ее вслухъ.

Каждый изъ учениковъ повторяетъ про себя, такъ какъ легко можетъ быть, что онъ и до половины ея не дойдетъ, какъ послышится голосъ Дмитрія Ивановича:

— Дальше, Астаповъ!

И горе тебѣ, если началъ ты отвѣчать не съ того слова, на которомъ остановился первый: сейчасъ же пожалуйте къ Тимоѳеевичу.

И выходило, что всѣ ученики даннаго отдѣленія рѣшаютъ про себя эту задачу. Понятно, что при такихъ условіяхъ познанія учениковъ были довольно высокія. Удивлялись всѣ: и начальство, и родители, и другіе учителя, когда слышали устное рѣшеніе задачи, сплошь и рядомъ весьма замысловатой.

Потомъ-то, будучи самъ уже учителемъ, я позналъ, въ чемъ дѣло, и по методу Д. И. требовалъ того же при рѣшеніи задачъ извѣстнаго типа.

Но это не была безсмысленная зубрежка, ребята до такой степени навастривались въ этихъ рѣшеніяхъ, такъ прекрасно умѣли всякую задачу опредѣлить, къ какому типу она относится и какъ ее надо рѣшать, что, бывало, съ удовольствіемъ слушаешь и любуешься, какъ логично разсуждаетъ мальчуганъ, хорошимъ языкомъ излагая свои разсужденія.

Стали надъ этимъ посмѣиваться, стали называть это зубрежкой, безсмыслицей, попугаевщиной...

Но, воля ваша, господа, а я съ этимъ согласиться не могу.

Прежде всего школа должна учить.

Гдѣ ребенку взять запасъ словъ, правильное построеніе рѣчи, если его не заставить заучить извѣстныя выраженія?

Вы посмотрите въ настоящее время, многіе ли изъ молодежи могутъ правильно излагать свои мысли, письменно ли, устно ли?

Въ той школѣ и у такихъ же учителей, въ которой я началъ свою учебу, учились и Тургеневъ, и Толстой, и Достоевскій, и многіе, многіе другіе. Ихъ тоже заставляли учить наизусть образцовые отрывки прозы и стиховъ.

Зачѣмъ же?

Да, вѣроятно, затѣмъ, чтобы вырабатывался языкъ, чтобы облегчить имъ, по крайней мѣрѣ на первое время, изложеніе ихъ мыслей.

Наши извѣстные ораторы-юристы: Плевако, Урусовъ, Спасовичъ—питомцы той же школы; а попробуй-ка, пойди послушать нынѣшнихъ ораторовъ, такъ ужаснешься. Всю душу изъ тебя вымотаютъ. Вотъ ужъ по истинѣ ни складу, ни ладу.

А между тѣмъ, послушайте, какъ говорятъ актеры, особенно такъ называемые премьеры и резонеры! Ни для кого не тайна, что между актерской братіей очень мало людей съ патентомъ на образованіе, а посмотрите, какъ они говорятъ: и складно, и умно. Умомъ ихъ Богъ не обидѣлъ, а языкъ развился благодаря зубрежкѣ ролей. Вотъ они и пользуются, и пользуются съ толкомъ.

Знаменитый въ свое время артистъ Московскаго малаго театра И. В. Самаринъ, какъ извѣстно, окончилъ курсъ только театральнаго училища. Да какого училища? Театральнаго тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда главный предметъ былъ танцы; когда все вниманіе было обращено на ноги, а не на голову.

А между тѣмъ, знаніе сцены, природный талантъ, богатый запасъ выученныхъ ролей дали ему возможность написать піесу („Самозванецъ Луба“), которой далъ мѣсто въ своемъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ даже М. Н. Катковъ.

Правда, піеса незамысловатая, и на сценѣ она продержалась недолго, а все-таки...

Если мы припомнимъ романы: Писемскаго „Взбаломученное море“ (кажется), Боборыкина „Въ путь дорогу“ (или „Люди сороковыхъ годовъ“, хорошо не помню), то мы встрѣтимъ и тамъ описаніе ученическихъ спектаклей въ гимназіяхъ.

Свидѣтельствуютъ два писателя не безъ имени. Можно вѣрить, что и начальства учебныхъ заведеній поощряли къ этому учениковъ, и поощряли не безъ цѣли: уча роли, ребята вырабатывали языкъ. Станетъ понятнымъ тогда, почему судебная реформа на Руси не захватила насъ врасплохъ и выдвинула на сцену высокоталантливыхъ судебныхъ ораторовъ шестидесятыхъ—семидесятыхъ годовъ.

А затѣмъ... богатѣйшій, блестящій музыкальный русскій языкъ покрылся классическимъ налетомъ, и достойныхъ преемниковъ у Толстого, Тургенева, Достоевскаго не оказалось.

На поверхность стали выплывать разные „Чеколды“.

Нѣтъ, я бы и теперь поощрялъ въ гимназіяхъ ученическіе спектакли, но, разумѣется, при такомъ выборѣ піесъ, который бы помогалъ школѣ въ достиженіи ея цѣлей и задачъ; а у насъ, увы! если и ставятъ спектакли, то непремѣнно свирѣпствуютъ или Горькій, или Чириковъ, или Андреевъ.

Что называется смрадный цвѣтокъ современной литературы.

Но великій Максимъ уже исписался, давно повторяется, давно выдохся и умеръ; недолго ждать очереди и другихъ.

Однимъ словомъ—Пинкертоны!

Недавно мнѣ попалась новая хрестоматія. Она вся почти, или главнымъ образомъ, напичкана отрывками изъ современныхъ боевыхъ писателей.

Полезная хрестоматія, нечего сказать!

Главное—цѣлесообразная!

Учись, милый, учись, и выйдетъ изъ тебя или Чеколда, или какой-нибудь другой герой Горьковскаго „Дна“.

Я этимъ вовсе не хочу опорочить этой піесы; она имѣетъ свои безспорныя достоинства; но едва-ли эти достоинства пригодны для воспитательныхъ цѣлей...

Но вотъ пролетѣли три года, и я кончилъ курсъ приходскаго училища. Принесъ домой похвальный листъ, для котораго отецъ заказалъ рамку, и повѣсилъ на стѣнѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ. Что подѣлаешь—законная родительская гордость!..

III.

Живехонько проскочило лѣто этого года (61-го). Великая реформа, совершившаяся въ это время, меня, конечно, тогда не могла занимать. Говорили кругомъ „свобода, свобода“, а что такое это за штука, изъ какой неволи преобразилась она—я не понималъ и равнодушно проходилъ мимо этихъ восклицаній...

Наступилъ августъ, и повелъ меня отецъ въ уѣздное училище, которое помѣщалось въ томъ же домѣ, гдѣ было и приходское училище, и третья гимназія, только ходъ былъ съ Малой Лубянки.

Подвергли меня тамъ испытанію, которое, надо полагать, я выдержалъ, ибо былъ принятъ.

Росту я былъ маленькаго, изъ себя плюгавый, и представьте мое удивленіе, когда я среди своихъ новыхъ товарищей увидѣлъ весьма солидныхъ молодыхъ людей. Правда, они были въ третьемъ классѣ и черезъ годъ имъ предстояло окончить курсъ. Но изъ себя такіе-то были „дяди“, что и поглядѣть на нихъ страшно.

И вотъ, помню, двое изъ нихъ подхватили меня подъ руки, ввели въ свой классъ, и вдругъ передъ моимъ носомъ появляется громадный кулакъ, а въ ушахъ раздается басовитый гласъ:

— Ну, малецъ, отвѣчай: чѣмъ это пахнетъ?

Удивленно я смотрю на него во всѣ глаза и, заикаясь, говорю:

— Не... не... знаю.

— Повторяй: таганскимъ ситничкомъ съ икрою!

— Таганскимъ ситничкомъ съ икрою... пищу я.

— Ну, вотъ и помни, что ожидаетъ ябеду! запомнишь?

— Запомню...

— Ступай!

Я скорѣй бѣжать отъ этого урода...

Это было своеобразное посвященіе въ школьные рыцари.

И дѣйствительно, обо многомъ приходилось молчать: и о трубочкахъ, и о водочкѣ, и даже объ исторіяхъ свойства романическаго...

Не удивляйтесь: это все были молодцы лѣтъ 19—20, дѣти почтамтскихъ чиновниковъ, черезъ годъ и сами чиновники, и кромѣ того jeune premier'ы бульвара, извѣстнаго подъ названіемъ „Чистые пруды“.

Теперь о преподавателяхъ.

Во главѣ училища стоялъ штатный смотритель, мужчина лѣтъ пятидесяти, молодящійся холостякъ. Одѣтъ всегда франтовато: новенькій форменный фракъ, открытый жилетъ, всегда чистая крах-

мальная сорочка, начищенные сапоги, золотая цѣпочка — все это производило извѣстное впечатлѣніе. Но наши Халявы, угощавшіе меня таганскимъ ситничкомъ съ икрою, почему-то прозвали его „Мышинымъ жеребчикомъ“, а за ними и мы, малыши, такъ же непочтительно величали свое начальство. А почему? Богъ вѣсть! Я и до сихъ поръ этого прозвища не понимаю.

Но держалъ онъ себя величественно, и мы его побаивались. Такъ какъ эта фигура появлялась у насъ не болѣе одного раза въ день, чтобы навести порядокъ, то за этотъ періодъ времени я о немъ ничего не могу сказать: впечатлѣнія отъ него не осталось никакого.

Законоучителемъ у насъ былъ заслуженный настоятель церкви запаснаго дворца, протоіерей Платонъ Аѳинскій.

Это — маленькая, кругленькая, живая, плѣшивенькая, вѣчно двигающаяся фигурка. За три года я, по крайней мѣрѣ, не помню, чтобы онъ когда присѣлъ на мѣсто; разгуливаетъ себѣ по всему классу.

И у него была такая же манера спрашивать, какъ и у Дмитрія Ивановича: одинъ отвѣчаетъ, а всѣ остальные слѣди.

Помню со мной былъ такой случай въ I классѣ: разсказываетъ ученикъ заданную исторію. Я зазѣвался и сейчасъ же былъ пойманъ.

— Дальше, Г...!

А я не знаю, на чемъ остановился товарищъ.

— На колѣни!

Иду къ окну и становлюсь.

Ужъ на мѣстѣ не слѣдилъ, у окна будешь ли слѣдить: тутъ и прохожихъ видишь, и рѣдкихъ проѣзжихъ, и грызущихся собакъ.

И вдругъ опять слышу: дальше, Г.

Опять не знаю, съ чего начать.

И вотъ шарикомъ подкатывается ко мнѣ батя, схватилъ за вихры, трясетъ да приговариваетъ: „Сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ!“

— Дальше, Смирновъ.

Я не успѣлъ оправиться, а онъ ужъ въ другомъ углу.

Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и я этотъ эпизодикъ изъ жизни маленькаго человѣчка помню до сего времени.

Даже и текстъ запомнилъ!

Хорошее было время. Педагогическіе пріемы самые упрощенные, несмотря на Дистервеговъ, Жакото, Песталоцци и пр. и пр.

А учились и знали. А главное дѣло — злобы на учителей не

было. Откуда она взялась теперь,—Богъ ее знаетъ! Понять этого не могу: не въ характерѣ русскаго человѣка это злопамятство.

Въ духовно-учебной литературѣ въ то время была въ очень большомъ ходу Священная исторія ветхаго и новаго завѣта, прот. П. Аѳинскаго. Этотъ учебникъ отличался необыкновенно живымъ, простымъ, всѣмъ понятнымъ языкомъ. Послѣ, уже будучи учителемъ, много мнѣ приходилось просматривать учебниковъ, но уже такого общепонятнаго языка я болѣе не встрѣчалъ.

Правда, исторія Аѳинскаго предназначалась для начальныхъ и уѣздныхъ училищъ. Въ ней не было нѣкоторыхъ библейскихъ разсказовъ, которые были занесены въ слѣдующія изданія; но мнѣ думается, что ученики и среднихъ учебныхъ заведеній чувствовали бы значительныя облегченія при изученіи исторіи, если бы другіе составители учебниковъ послѣдовали бы доброму примѣру моего законоучителя.

Безусловно талантливый былъ человѣкъ, царство ему небесное! Особенно, если принять во вниманіе, что учебникъ составлялся, вѣроятно въ сороковыхъ, или пятидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія; составлялся семинаристомъ, опутаннымъ семинарскою схоластикой, то живой языкъ учебника Аѳинскаго получитъ особенную цѣнность.

Прочіе учителя въ общемъ не изгладились въ моей памяти; но, увы, мнѣ нечѣмъ вспомнить ихъ, ни дурнымъ, ни хорошимъ. Такъ какъ-то прошли они у меня безслѣдно...

Или я самъ-то былъ еще молоденекъ, и едва-ли могъ давать или ту, или другую оцѣнку.

Незамѣтно промелькнули два года, и я уже перешелъ въ третій классъ. Учился я посредственно, и даже очень, хотя зимовать нигдѣ не зимовалъ (остаться на второй годъ въ классѣ).

Я уже мечталъ кончить училище; съ матерью, потихоньку отъ отца, мечталъ попасть въ гимназію... Но, видно, не суждено мнѣ это было.

Прихожу я какъ-то изъ училища домой, и обрадовалъ меня родитель хорошенькой вѣсточкой: отыскалъ мнѣ мѣсто мальчика въ отличномъ модномъ магазинѣ.

Само собою разумѣется, что съ отцомъ вести по этому поводу какіе-либо переговоры не приходилось. Цыцъ! и кончено.

IV.

Дѣйствительно, не далъ онъ мнѣ окончить курса въ уѣздномъ училищѣ и запряталъ меня мальчикомъ въ очень шикарный магазинъ.

На счастье мое, или несчастье, не много мнѣ пришлось заниматься коммерціей: чистить сапоги, ставить самовары, подметать полъ, ходить за обѣдами, своевременно получать трепки и подзатыльники...

Года черезъ два хозяинъ мой окончательно прогорѣлъ. Куда дѣлись и пара сѣрыхъ въ яблокахъ жеребцовъ, на которыхъ онъ каждый день ѣздилъ въ магазинъ; коляска, въ которой онъ возлежалъ à la графъ Строгановъ, и собольи шубы и шапки, и красавица молодая жена его, да и, наконецъ, самъ-то онъ—Богъ вѣсть! Говорили тогда, что сидитъ онъ въ какой-то ямѣ, у Иверской...

А вотъ жена его на меня произвоцила удивительно гнетущее впечатлѣніе: красавица писаная, институтка по воспитанію, дочь какого-то генерала—и вдругъ... очутилась купчихой первой гильдіи.

Что она, бѣдная, голая генеральская дочь, только вытерпѣла и отъ мужа, и отъ вѣдьмы-свекрови, и отъ всѣхъ деверей и невѣстокъ!..

Какъ часто видѣлъ я ея заплаканные глаза, грустное лицо... Какъ замѣтно таяла она на моихъ глазахъ!..

Изстрадалось мое дѣтское сердце, глядя на нее.

А разъ даже слышалъ ея крики, несшіеся изъ спальни... Видѣлъ его выходящимъ оттуда.

Что же это такое?

Неужели этотъ сорокалѣтній интеллигентный, хотя и малограмотный красавецъ, находчивый, остроумный, одѣтый лучшимъ портнымъ по парижской картинкѣ, съ прекрасными манерами благовоспитаннаго аристократа?

Неужели онъ замаскированный ахалъ-текинецъ?

Неужели правда—поскобли немного русскаго и получится—татаринъ?

Повидимому, такъ!

А вѣдь при посторонних людяхъ какъ обращался онъ съ женой — просто прелесть! „Катринь! Катишь!" Mon-ange! Adieu! Votre santé!

Ручку цѣлуетъ съ ловкостью перваго любовника Императорскихъ театровъ.

Удивительно! Испанскій грандъ, да и только!..

Однако прогорѣлъ мой испанскій грандъ, и я опять дома... Что ожидало меня въ будущемъ, я не разсуждалъ. Ѣлъ, пилъ, ходилъ гулять и только.

А мнѣ ужъ доходилъ пятнадцатый годъ, слѣдовало бы подумать о своей судьбѣ...

Да, видно, какъ говорится другъ за друга, а Богъ за всѣхъ!

Пошелъ я какъ-то на масляницѣ гулять на Чистые пруды: послушать музыку, поглазѣть на гуляющую публику, на донъ-жуановъ почтоваго вѣдомства, посмотрѣть на катающихся конькобѣжцевъ, на ледяныя горы...

Конечно, встрѣтилъ нѣсколько товарищей. О дѣвицахъ мы еще не думали. Это теперь вѣдь съ третьяго класса начинаютъ себѣ подыскивать предметы (нельзя—образованность!), а въ то время побаивались: какъ бы за вихры какой-нибудь тятенька, дяденька, или братецъ при всѣхъ не оттаскалъ.

За то ни зелени въ лицѣ, ни синеватаго свода небеснаго подъ глазами у насъ не было...

Не то, что теперь: кончаетъ гимназистъ курсъ, а лѣтомъ женится и люльку покупаетъ. Необходимо жениться—надо прикрыть грѣхъ...

Фактъ, а не реклама!

И вотъ съ однимъ изъ товарищей разговорились по душамъ, сидя за чайкомъ въ трактирѣ „Саратовъ" Дубровина.

Это былъ нѣкто Т., изъ крестьянъ, очень умный, развитой малый, но какъ и подобаетъ русскимъ талантливымъ натурамъ, впослѣдствіи спившійся, и я совершенно потерялъ его изъ виду.

Онъ въ нашемъ уѣздномъ училищѣ былъ сторожемъ и въ то же время учился.

Учителя обратили на него вниманіе, помогали ему, и онъ выдержалъ экзаменъ прямо въ III классъ и отлично окончилъ курсъ.

Вотъ съ нимъ-то и свелъ меня Господь.

Конечно, пошелъ разговоръ: какъ ты? да какъ ты?..

Я разсказалъ ему свое положеніе, а онъ свое. Это уже былъ 1866 годъ. Оказалось, что правительство, озабочиваясь распространеніемъ народнаго образованія, пооткрыло въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ, преимущественно въ университетскихъ городахъ, педагогическіе курсы для приготовленія начальныхъ учителей. На курсы эти принимались молодые люди изъ окончившихъ курсъ уѣздныхъ училищъ, не моложе 16 лѣтъ отъ роду.

И вотъ Т. по окончаніи уѣзднаго училища поступилъ на эти курсы. Слушателей было очень мало, очевидно, потому, что не было принято надлежащихъ мѣръ къ возможно широкому ознакомленію съ ними публики.

А между тѣмъ условія учебы были довольно заманчивы, особенно для бѣдноты: обезпеченное мѣсто по окончаніи курса, а въ настоящемъ полагалась каждому слушателю стипендія, по 10 руб. въ мѣсяцъ. Это былъ не особенно жирный кусокъ, но, принявъ во вниманіе тогдашнюю дешевизну, можно было кое-какъ прожить

на нихъ даже и въ Москвѣ. Да Т. на нихъ и жилъ въ каморкѣ у какого-то сторожа въ этомъ же домѣ.

У меня сильно осложнялось дѣло тѣмъ, что я не кончилъ курса въ уѣздномъ училищѣ; слѣдовательно, предстоялъ пріемный экзаменъ, а выдержишь ли его, или нѣтъ—Богъ вѣсть!..

Все это были вопросы и при томъ для меня большіе...

Однако же надо было что-нибудь дѣлать, и я рѣшилъ попытать счастье.

Т. оказалъ мнѣ нѣкоторую протекцію. Инспекторомъ курсовъ былъ тотъ же штатный смотритель Н., который покровительствовалъ Т., когда тотъ былъ сторожемъ, а теперь Т. взялся покровительствовать мнѣ.

Да безъ покровительства и трудненько мнѣ было попасть: вопервыхъ, я не окончилъ курса; во-вторыхъ, прошло уже болѣе трехъ лѣтъ, а въ третьихъ и ученикъ я былъ изъ середненькихъ....

Но, оказалось, что не такъ страшенъ демонъ, какъ его малюютъ.

Прошла масляница, и въ чистый понедѣльникъ я пошелъ на курсы. Инспекторъ, котораго уже предупредилъ обо мнѣ Т., принялъ меня хоть и величественно, но какъ стараго знакомаго, и разрѣшилъ посѣщать курсы съ тѣмъ, чтобы я сдалъ предварительно пріемный экзаменъ. Я, конечно, съ радостью согласился и былъ принятъ на правахъ вольнослушателя и потому стипендіи не получалъ.

Когда я повѣдалъ обо всемъ этомъ отцу и матери, то они очень обрадовались: во 1-хъ—я у дѣла, и во 2-хъ имъ мерещился мой учитель Дмитрій Ивановичъ, который зарабатывалъ по двѣсти руб. въ мѣсяцъ. Они, наивные мои старики, думали, что и всѣ учителя живутъ такъ-то жирненько. Какъ же!

V.

Курсы эти были основаны при томъ же уѣздномъ училищѣ. Поэтому уроки на курсахъ начинались въ 2 часа дня и оканчивались въ шесть вечера.

При первомъ знакомствѣ моемъ съ товарищами они произвели на меня впечатлѣніе довольно пестренькое.

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ“!

Были двое изъ гимназистовъ, уволенныхъ изъ шестого класса; были два семинариста изъ философскаго отдѣленія Виѳанской семинаріи—оба здоровенные ребята; одинъ философъ—сынъ московскаго дьячка, изъ Московской семинаріи; одинъ изъ окончившихъ

курсъ уѣзднаго училища; Т.—бывшій сторожъ; С.—бывшій плотникъ, господинъ лѣтъ 37, давно женатый.

Такое было время: движеніе впередъ и ходъ младшей братіи—лозунгъ шестидесятыхъ годовъ. Остальныхъ не помню. Не помню что-то и особо стремившихся въ народъ. „Твердою рукой повсюду сѣять просвѣщенье"... Идеалисты геройствовали больше на страницахъ тогдашнихъ романовъ.

Увлеченія, конечно, были, но это уже были люди, „отмѣченные божественнымъ перстомъ", такъ называемыя исключенія.

Да и всего-то этихъ званыхъ было 10—12 человѣкъ, а на второмъ курсѣ насъ оказалось всего шестеро. Товарищи изъ семинаровъ были всѣ большіе скандалисты и пьяницы. Развязность ихъ доходила Богъ знаетъ до чего. Очевидно, что ребята попали сюда случайно, на десятирублевую приманку. Но товарищи семинары были превосходные. Во-первыхъ, замѣчательные пѣвцы и съ очень хорошими голосами: оба виѳанцы—басы, а москвичъ—теноръ, и потому хоръ курсистовъ былъ небольшой, но очень хорошій. Приходилось иногда у себя дѣлать вечеринки, на которыя сходилась моя родня, чтобы только послушать пѣніе. Пѣли и пили. Очень много даже пили, но кромѣ меня: отецъ еще тогда былъ живъ и о выпивкѣ мнѣ нельзя было и думать. Самъ-то онъ пилъ, а мнѣ бы была за это трепка здоровая, хоть я и будущій учитель.

Ну, и воздерживался, пока еще.

Учителя у насъ всѣ были съ бору, да съ сосенки: двое изъ гимназіи, двое изъ уѣзднаго училища и одинъ—тотъ же Дмитрій Ивановичъ преподавалъ у насъ ариѳметику.

Учителемъ русскаго языка былъ не безъизвѣстный въ то время составитель грамматики И. Е. Сосницкій. Кажется, онъ имѣлъ званіе только уѣзднаго учителя и служилъ младшимъ учителемъ гимназіи.

Не произвелъ онъ на меня особенно отраднаго впечатлѣнія. Смотря на его страшно грузную фигуру, грузную до того, что онъ никогда не садился на свое мѣсто, просто изъ опасенія не встать съ него, а стоялъ около первой парты, положивъ на нее свой необычайныхъ размѣровъ животъ,—думалось мнѣ, по юности моей, какъ бы не случилось какого-нибудь несчастья съ его природнымъ чемоданомъ. Слабо отпечатлѣлся онъ въ моей памяти, и я не могу судить ни о его познаніяхъ, ни о методѣ его преподаванія.

Другой гимназическій преподаватель былъ А. Ѳ. Чугаевъ. Вотъ былъ выдающійся педагогъ. Въ его рукахъ была физика и естественная исторія.

Учебникъ физики былъ принятъ Гано; учебникъ очень хорошій,

только не для насъ: въ немъ было слишкомъ много формулъ, которыя были доступны только двумъ товарищамъ гимназистамъ, знакомымъ съ алгеброю. Поэтому Чугаеву предстояла задача насколько возможно упростить изложеніе предмета, взять изъ него суть, потребную для нашей будущей дѣятельности; и онъ отлично достигалъ этой задачи. Готовя урокъ изъ физики, мы свободно могли пропускать алгебраическія вычисленія—какую-то для насъ абракадабру—и пользоваться только сутью предмета, прекрасно освѣщенною разъясненіемъ преподавателя. Для цѣлей народнаго учителя этого было совершенно достаточно. Задача-то вѣдь состояла въ томъ, чтобы умѣть объяснить своимъ будущимъ ученикамъ, что̀ такое магнитъ, электричество, громъ, молнія, насосъ, безвоздушное пространство; очки для дальнозоркихъ и близорукихъ, и т. п. И это мы отлично знали, благодаря А. Ѳ. Чугаеву.

Миръ праху твоему, симпатичнѣйшій для меня учитель! Хоть онъ меня одинъ разъ и осадилъ въ классѣ.

На первомъ курсѣ онъ читалъ намъ зоологію и ботанику. Говоря о размноженіи растеній, о пестикахъ, тычинкахъ и т. п. вещахъ, о которыхъ я давно уже и основательно забылъ, онъ что-то упомянулъ о мужскомъ и женскомъ родахъ цвѣтовъ. Я и фыркнулъ. Вотъ онъ тутъ и началъ меня пробирать... Говорилъ онъ своимъ мягкимъ, серьезнымъ баскомъ, не возвышая голоса; и такъ мнѣ стало совѣстно, что я тутъ же далъ слово никогда ничего подобнаго себѣ не дозволять.

Конечно, былъ еще мальчишка, и потому это нѣсколько извиняетъ меня.

Педагогику читалъ намъ инспекторъ курсовъ Н. Я, право, не знаю, какимъ онъ самъ обладалъ образованіемъ, но знакомилъ насъ и съ психологіей и педагогикой весьма основательно. Больше всего онъ упиралъ на знакомство съ методами разныхъ знаменитостей: Песталоцци, Дистервега, Жакото и русскихъ—Золотова, Ушинскаго, только-что тогда выступившаго съ своимъ звуковымъ методомъ, который и былъ нашею исходною точкой. Сравниваніе методовъ всѣхъ этихъ педагоговъ сыграло большую роль въ нашихъ познаніяхъ. Благодаря этому, мы сознательно могли разобраться во всякомъ новомъ учебникѣ, азбукѣ или хрестоматіи. Мы знали слабыя стороны каждаго изъ нихъ, и конечно, старались избѣгать ихъ, а пользовались только тѣмъ, что казалось намъ болѣе пригоднымъ.

Учитель исторіи былъ нѣкто О., изъ московскихъ уѣздныхъ учителей: въ золотыхъ очкахъ, всегда въ великолѣпномъ форменномъ фракѣ, въ изящномъ бѣломъ галстухѣ, онъ производилъ пріят-

ное впечатлѣніе... Но, какъ учитель, былъ лѣнивъ, да и едва-ли особенно свѣдущъ.

Я, напримѣръ, на второмъ уже курсѣ, весь годъ ему разсказывалъ одинъ урокъ про Дмитрія Самозванца, а другой — про Іоанна Грознаго; на третій—опять Самозванецъ, на четвертый—опять Грозный. И такъ весь годъ.

— Ну, что вы намъ сегодня разскажете? спрашиваетъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да что, Сергѣй Петровичъ... про Смутное время...

— Ну... пожалуйста...

А нужно сказать, что на сценѣ Малаго театра тогда чуть ли не черезъ день шли піесы Островскаго историческаго содержанія: Василиса Мелентьева, Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій, „Тушино", и трагедія гр. А. К. Толстого „Смерть Іоанна Грознаго".

Я часто посѣщалъ театръ, много разъ видѣлъ эти піесы, и вотъ къ остову историческихъ фактовъ по учебнику Иловайскаго много прибавлялъ картинъ изъ этихъ піесъ, да при томъ и говорилъ довольно складно. Вотъ я этимъ и злоупотреблялъ, да и лѣнтяй профессоръ-то нашъ тоже, а остальные слушатели только и знали, что по порядку вскакивали, да бурчали: „позвольте выйти".

Графъ О. А. Толстой только-что былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и прибылъ въ Москву. Затащили его, конечно, и къ намъ—показать новое дѣло.

Помню худощаваго брюнета, съ длинными черными, прямыми волосами, гладко причесанными; вся физіономія бритая; скромный форменный фракъ и никакого ордена. Привели его на грѣхъ и къ намъ на урокъ исторіи:

— Чѣмъ вы занимаетесь? обращается онъ къ Сергѣю Петровичу.

— Русской исторіей.

— А-а! хорошо. Познакомьте меня съ познаніями вашихъ слушателей.

Онъ оперся задомъ на подоконникъ, полуприсѣлъ на него, вытянулъ ноги и приготовился внимательно слушать.

Очки Сергѣя Петровича обращаются ко мнѣ, и я слышу гласъ:

— Ну, разскажите намъ про Смутное время.

И хоть бы глазомъ моргнулъ, каналья!

Ну, конечно, дѣло знакомое... Въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ мы собачку съѣли.

Вотъ я и пошелъ... и пошелъ... Откуда что бралось! „И съ былью небылицъ безъ счету прилыгалъ".

Фантазія размоталась, языкъ развязался... Ну, Цицеронъ да и только!

Отъ графа только и слышно было:

— „Прекрасно!... Прекрасно!.. Какое богатство знаній!.. До мелочей!.. Прекрасно!“...

А какое тамъ знаніе? Просто Островскій да А. Толстой виноваты.

Уходя, Сергѣю Петровичу даже руку протянулъ, а всѣмъ остальнымъ только общій поклонъ... Вотъ до чего угодилъ!

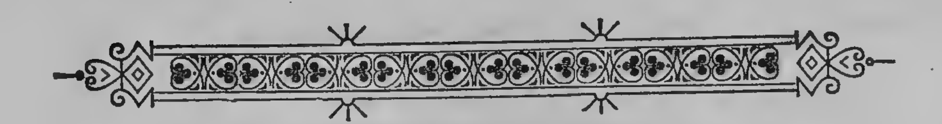
Вотъ „какъ у насъ попадаютъ въ президенты“! подумалъ я по-Шиллеровски.

Подходило дѣло къ экзаменамъ. Въ общемъ я зарекомендовалъ себя предъ учителями очень недурно. Молодъ, молодъ былъ, а придумалъ штуку: вмѣсто того, чтобы держать на первый курсъ, я рискнулъ прямо на второй. Думаю: выдержу—хорошо, а не выдержу—сочтутъ это за экзаменъ на первый курсъ, и я изъ вольнослушателей перейду въ разрядъ стипендіатовъ.

Держу и выдерживаю; да еще выдерживаю-то очень порядочно, такъ что съ августа стипендію заработалъ и слава Богу!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Неизданныя стихотворенія Некрасова [1]).

1.

Посылаю поклонъ Веньямину [2]).
На письмо твое долженъ сказать:
Не за картами гну теперь спину,
Какъ изволите вы полагать.
Отказавшись отъ милой цензуры,
Погубилъ я досуги свои,—
Самъ читаю теперь корректуры
И мараю чужія статьи!
Побѣжалъ бы, какъ школьникъ изъ класса,
Я къ тебѣ, позабывши журналъ,
Но не знаю свободнаго часа,
Съ той поры, какъ свободу узналъ!..

* * *

Пусть цензуру мы сильно ругали,
Но при ней мы спокойно такъ спали,
На охотѣ бывать успѣвали
И немало въ картишки играли!..
А теперь не такая пора:
Одолѣла пiиту забота,
Позабылъ я, что̀ значитъ игра,
Позабылъ я, что̀ значитъ охота!—

---

[1]) Стихи Некрасова списаны съ подлинниковъ, въ свое время данныхъ мнѣ Г. А. Матчетомъ. Наслѣдникъ поэта любезно разрѣшилъ мнѣ напечатать ихъ. *В. А. Алексѣевъ.*

[2]) Рѣчь идетъ о Веніаминѣ Ивановичѣ Асташовѣ, милліонерѣ, извѣстномъ спортсменѣ.

Потому что Валуевъ сердитъ;
Потому что законъ о печати
Запрещеньемъ журналу грозитъ,
Если слово обронишь не кстати!

Впрочемъ, въ пятницу буду я радъ
До Любани съ тобой прокатиться:
Глухари ужъ поютъ, говорятъ,
Да и вальдшнепу поволочиться,
Полагаю, приходитъ чередъ...
Сговоримся,—и завтра въ походъ!

Такъ и чудится: вальдшнепъ ужъ тянетъ,
Величаво крыломъ шевеля,
А, извѣстно,—какъ вальдшнепъ потянетъ,
Такъ потянетъ и насъ въ лѣсъ, въ поля!..

7 апрѣля
1866 г.

2.

Разъ десятый къ тебѣ пріѣзжаю,—
Не могу никакъ дома застать,—
Вѣдь ты знаешь, тебя уважаю,
Но, по совѣсти, долженъ сказать:

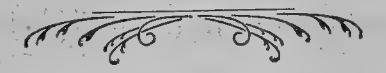
Зачѣмъ гибнешь душою и тѣломъ
За проклятымъ зеленымъ столомъ?—
Позанялся бы лучше ты дѣломъ,
Поработалъ бы лучше перомъ!

И ужъ если тебѣ развлекаться
„Споконъ вѣку“ судьбой суждено,
То поѣдемъ тогда вмѣстѣ шляться,
На охоту! Не лучше ль оно?..

Тамъ, по крайности, будешь вдыхать ты
Грудью полною свѣжесть весны,
Не исчахнешь отъ зависти, злобы,
Жизни новой узнаешь мечты.

Послѣзавтра въ Любань бы отправиться
Вальдшнеповъ, глухарей пострѣлять?..
Можно вмѣстѣ съ тобой позабавиться,
Ночки двѣ межъ собой поболтать.

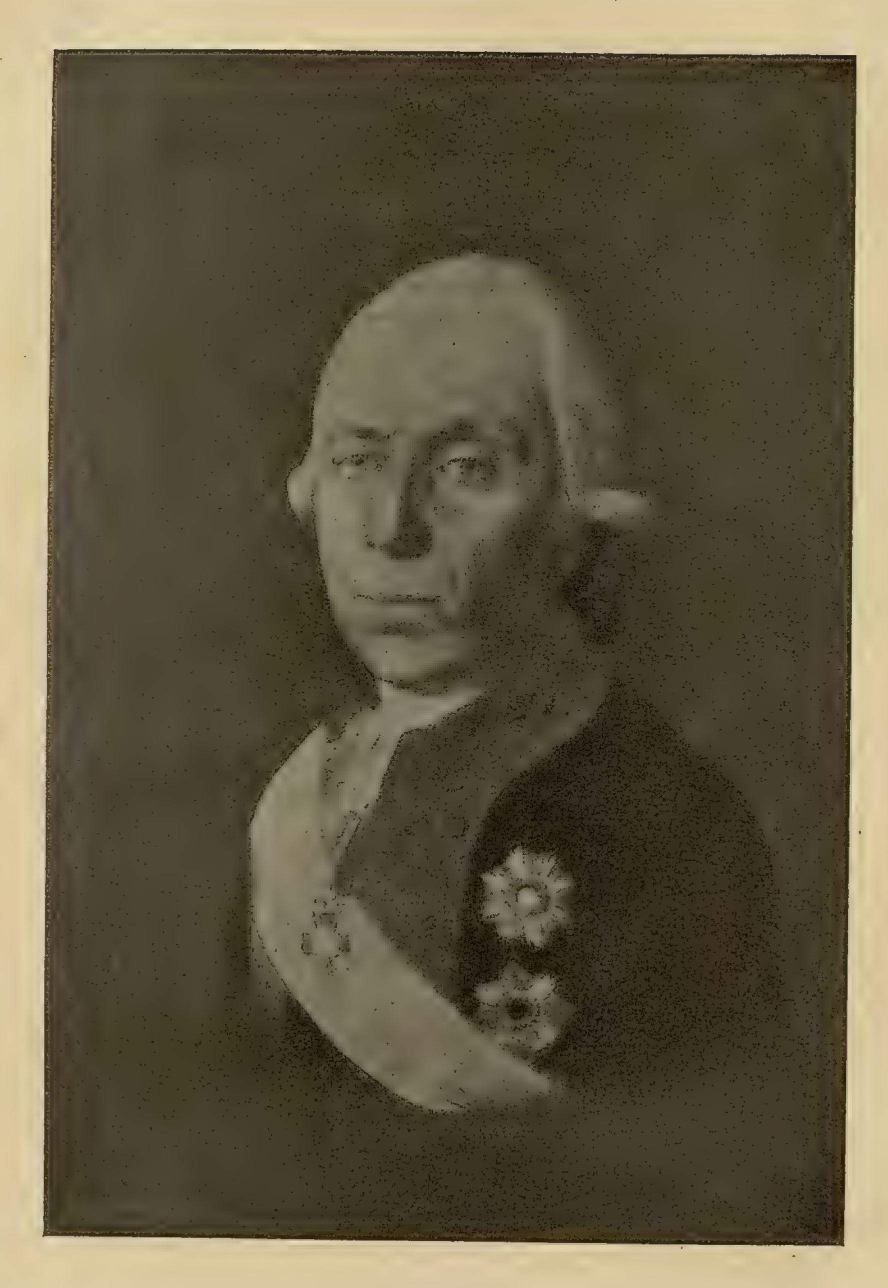
Если хочешь, черкни мнѣ съ Василіемъ [1])
Слова два стихоплетствомъ твоимъ:
Полонъ имъ ты всегда съ изобиліемъ,
Раскошелься богатствомъ своимъ!

[1]) Извѣстный камердинеръ Н. А. Некрасова.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

3—8

Князь

Платонъ Степановичъ

Мещерскій.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1913 году въ историческомъ журналѣ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

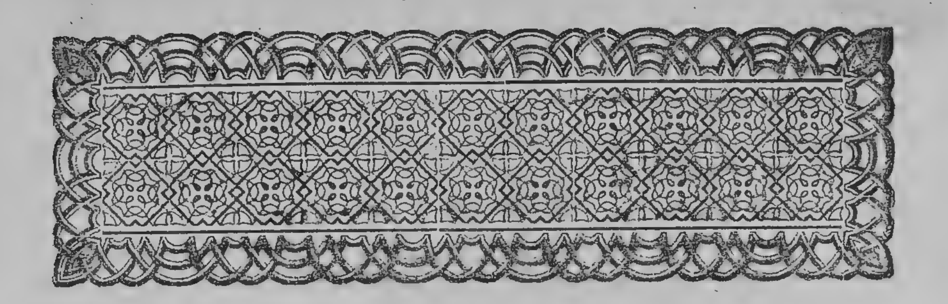
Вступая въ 1913 году въ сорокъ четвертый годъ своего существованія „Русская Старина" предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **П. Д. Боборыкина. Е. С. Шумигорскаго.**—„Родители Великаго Князя Павла Петровича". „1800 годъ". **Н. А. Вилламова.** — Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **В. К. Случевскаго.**—„Борьба съ антихристомъ у Тирасполя". **Г. И. Бобрикова.**—Воспоминанія, касающіяся дѣятельности автора въ Румыніи, въ дѣйствующей арміи, въ Сербіи, въ Берлинѣ на конгрессѣ, въ Константинополѣ послѣ войны. **Е. А. Рагозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается войны съ Черногоріей, Сербіей, Черняева, настроенія въ Константинополѣ послѣ объявленія войны Россіей Турціи, вспышки мусульманскаго фанатизма и др. **А. Александрова.**—Неизданныя письма Ѳ. М. Достоевскаго. **В. А. Алексѣева.**—Два неизданныхъ стихотворенія Некрасова. **Кн. М. В. Волконской.**—„Памяти М. А. Балакирева"—„за 38 лѣтъ". **Е. Фридерикса.**—Мое знакомство съ семьей Бѣлинскаго. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія. **А. А. Половцевой.** — Записки А. А. Половцева (касаются графа Киселева, М. И. Муравьева, Г. А. Валуева и Д. П. Блудова). **М. И. Грекова.**—„Атака лейбъ-казаковъ въ бою подъ Лейпцигомъ, по разсказу участника боя". **П. Владиславлевъ.**—Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры: „На развѣдку".—„Набѣгъ".—„На призовомъ пароходѣ".—„Въ бою".—„Послѣ боя". **В. Лайминга.**—Женатая рота. **Елисаветы Шаховой.**—„Въ началѣ жизни и на порогѣ вѣчности". **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства „Павелъ Конюкевичъ, митрополитъ сибирскій". „Дѣло по прошенію іеромонаха Іосифа". **Е. К. Андреевскаго.**—Наброски портретовъ: В. К. Плеве, Д. С. Сипягинъ, И. Н. Дурново, Б. А. Шванебахъ, М. Д. Скобелевъ, кн. А. К. Имеретинскій, Ѳ. А. Радецкій, Н. Г. Столѣтовъ, І. В. Гурко, К. В. Левицкій, А. А. Непокойчицкій, А. Р. Дрентельнъ. **Баронесса Елизавета Менгденъ.**—Изъ дневника внучки. **М. А. Сафонова.**—„За рѣшеткой". **П. А. Соколова.**—„Межевой". **Н. И. Морозова.**—Люди и нравы за полвѣка (Митрополитъ Филаретъ, гр. М. И. Муравьевъ, кн. Юр. Голицынъ, кн. Урусовъ и др.). **В. Г. Смородинова.**—Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. **В. С. Маркова.** — Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ. **Е. В. Коршъ.**—Далекое прошлое. **Н. А. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія: между прочимъ, будутъ помѣщены воспоминанія о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Вышнеградскомъ, Витте, крушеніе Императорскаго поѣзда близъ ст. Борки, Сибирская желѣзная дорога, 1805 годъ и др. **В. А. Алексѣева.**—Письма Н. П. Ломакина генералу А. А. Бакулину. **Е. К. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **Ѳ. М. Ильинскаго.**—Московскій митрополитъ Пронтій. **Изъ бумагъ А. К. Попова.** — Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. **Е. А. Альбовскаго.** — Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **Сообщ. Е. С. М.**—Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка **О. А. Новиковой. И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **Е. К. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

За полвѣка [1]).

Какую же вся эта интенсивная жизнь тогдашняго центра русскаго движенія вызвала во мнѣ—посвятившемъ себя безповоротно писательскому поприщу — дальнѣйшую „эволюцію“?

Драматическимъ писателемъ я уже пріѣхалъ въ Петербургъ и, въ первый же годъ, сдѣлался фельетонистомъ. Но я не приступалъ—до конца 1861 года—ни къ какой серьезной работѣ, въ повѣствовательномъ родѣ.

Въ Казани и Дерптѣ я попробовалъ себя, какъ авторъ разсказовъ. Въ Дерптѣ, въ нашей русской корпораціи, мой юмористическій разсказъ „Званые блины“ произвелъ даже сенсацію; но доказательствомъ, что я себя не возомнилъ тогда же беллетристомъ—является то, что я цѣлыхъ три года не написалъ ни одной строки, и первый мой, болѣе серьезный опытъ, была комедія, въ 1858 г. Тогда драматическая форма привлекала меня настолько сильно, что я, съ того времени, сталъ мечтать о литературномъ „призваніи“, и литература одолѣла чистую науку, которой я считалъ себя, до того, преданнымъ.

Какой контрастъ съ тѣмъ, что мы видимъ (въ послѣднія 20 лѣтъ, въ особенности) въ карьерѣ нашихъ беллетристовъ. Всѣ они начинаютъ съ разсказовъ, и одними разсказами создаютъ себѣ громкое имя. Такъ было съ Глѣбомъ Успенскимъ, а въ особенности съ Че-

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1913 г.

ховымъ, съ Горькимъ и съ авторами слѣдующихъ поколѣній: Андреевымъ, Купринымъ, Арцыбашевымъ.

А тутъ вотъ что вышло съ молодымъ писателемъ, послѣ одного столичнаго сезона:

Въ немъ „спонтанно" (выражаясь научно-философскимъ терминомъ) зародилась мысль написать большой романъ, гдѣ бы была разсказана исторія этическаго и умственнаго развитія русскаго юноши,—съ годовъ гимназіи, и проведя его черезъ два университета — одинъ чисто русскій, другой съ нѣмецкимъ языкомъ и культурой.

И вотъ онъ беретъ десть бумаги, и на первомъ листѣ пишетъ:

„Въ путь-дорогу"!
„Романъ въ шести книгахъ".

Почему въ шести? Потому, что на каждый періодъ: гимназія—Казань—Дерптъ—надо было дать, по крайней мѣрѣ, около двадцати печатныхъ листовъ.

Такой замыселъ смутилъ бы теперь даже и неначинающаго. Романъ въ шестьдесятъ печатныхъ листовъ! И съ надеждой, почти съ увѣренностью, что я его доведу до конца, что его непремѣнно напечатаютъ.

Тогда это не было такъ фантастично. Журналы любили печатать большіе романы, и публика ихъ всегда ждала.

Но все-таки замыселъ былъ смѣлый, до дерзости. И въ тѣ мѣсяцы (съ января 1861 года до осени) я не попробовалъ себя ни въ одномъ, хотя бы маленькомъ разсказѣ — даже въ фельетонномъ жанрѣ; ни въ „Библіотекѣ", ни у П. И. Вейнберга, въ „Вѣкѣ".

И такая большущая „махинища" была дѣйствительно „пробой пера" начинающаго романиста.

Въ разскащики я попалъ уже гораздо позднѣе (первые мои разсказы были: „Фараончики" и „Посестріе"—1866 и 1871 гг., и написалъ, за тридцать лѣтъ, до ста и болѣе разсказовъ. Но это уже было послѣ продолжительныхъ работъ, послѣ большихъ и даже очень большихъ вещей.

Въ тогдашней литературѣ романовъ не было ни одной вещи въ такомъ точно родѣ. Ея замыселъ я могъ считать совершенно самобытнымъ. Никому я не подражалъ. Теперь я бы не затруднился сознаться въ этомъ. Не помню, чтобы прототипъ такой „исторіи развитія" молодого человѣка, ищущаго высшей культуры, т. е. „Ученическіе годы Вильгельма Мейстера" — Гёте носился предо мною.

Въ Дерптѣ я больше любилъ Шиллера и романистомъ Гёте за-

интересовался уже десятки лѣтъ спустя, особенно, когда готовилъ свою книгу „Европейскій романъ въ XIX столѣтіи“.

Конечно, я и тогда имѣлъ понятіе о Вильгельмѣ Мейстерѣ, но—повторяю—этотъ прототипъ не носился передо мною.

Здѣсь будетъ кстати задать вопросъ первой важности: чье вліяніе всего больше отлиняло на мнѣ, какъ писателѣ, по содержанію, тону, настроенію, языку?

Въ нашей критикѣ вопросъ этотъ вообще, до сихъ поръ, недостаточно обработанъ, и только въ самое послѣднее время, въ этюдахъ по исторіи нашей словесности, начали появляться болѣе точныя изслѣдованія на эту тему.

Меня самого — на протяженіи цѣлыхъ сорока слишкомъ лѣтъ моей работы романиста—интересовалъ вопросъ: кто изъ иностранныхъ и русскихъ писателей всего больше повліялъ на меня, какъ на писателя въ повѣствовательной формѣ; а романистъ, съ годами, отставилъ во мнѣ драматурга на второй планъ. Для сцены я переставалъ писать по долгу, начиная съ конца 60-хъ годовъ, вплоть до 80-хъ.

Въ моихъ „Итогахъ писателя“, гдѣ находится моя авторская исповѣдь (они появятся послѣ меня), я останавливаюсь на этомъ подробнѣе, но и здѣсь не могу не подвести такихъ же итоговъ по этому вопросу, важнѣйшему въ исторіи развитія всякаго самобытнаго писателя: чистый ли онъ художникъ, или романистъ съ общественными тенденціями.

Всего лишь одинъ разъ во все мое писательство (уже къ началу XX вѣка) обратился ко мнѣ, съ вопросными пунктами изъ Парижа, извѣстный переводчикъ съ русскаго, Гальперинъ-Каминскій. Онъ тогда задумывалъ большой этюдъ (по поводу пятидесяти лѣтней годовщины по смерти Гоголя), гдѣ хотѣлъ критически обозрѣть всѣ главные этапы русской художественной прозы, языка, мастерства формы—отъ Гоголя и до Чехова—включительно.

На вопросъ: кого, изъ молодыхъ, считаю я беллетристомъ, у котораго чувствуется въ манерѣ письма мое вліяніе — я отвѣтилъ, что мнѣ самому трудно это рѣшить. На вопросъ же: „чрезъ какія вліянія я самъ прошелъ“—отвѣтить легче; но и тутъ субъективная оцѣнка не можетъ быть безусловно вѣрна, даже если писатель и совершенно спокойно и строго осносится къ своему авторскому „я“.

О моей писательской манерѣ, о томъ, что французы стали называть: „l'écriture artiste“, начали говорить, въ рецензіяхъ, только въ восьмидесятые годы, находя, что я сталъ будто бы подражать французскимъ натуралистамъ, особенно Золя.

Испытаніе самому себѣ я произвелъ тогда же, и для этого взялъ, какъ разъ, „Въ путь-дорогу“ (это было къ 1884 году, когда я просматривалъ романъ для „Собранія“ Вольфа), и могъ уже вполнѣ объективно судить, что̀ за манера была у меня въ моемъ самомъ первомъ повѣствовательномъ произведеніи.

Роману тогда минуло уже ровно двадцать лѣтъ, такъ какъ онъ писался и печатался въ 1861—1864 годахъ.

И что же?

Съ первыхъ строкъ первой главы я имѣлъ передъ собою свой языкъ, съ своимъ ритмомъ, выборомъ словъ и манерой описаній, діалоговъ, характеристикъ.

Ни Золя, ни его сверстниками тутъ и не „пахло“. Я ихъ, по появленію въ литературѣ, былъ старше на много лѣтъ, и когда Золя и Додэ (и даже братья Гонкуръ) стали извѣстны у насъ, „Въ путь-дорогу“ давно уже печатался.

Но все это относится къ тѣмъ годамъ, когда я былъ уже двадцать лѣтъ романистомъ. А рѣчь идетъ у насъ, въ настоящую минуту, о томъ: подъ какимъ вліяніемъ началъ я писать, если не какъ драматургъ, то какъ романистъ въ 1861 году?

Гимназистомъ и студентомъ я не мало читалъ беллетристики; но никогда не пристращался къ какому-нибудь одному писателю, а такъ какъ я, до 22-хъ лѣтъ, не мечталъ самъ пойти по писательской дорогѣ, то никогда и не изучалъ ни одного романиста, какъ свой образецъ. Студентомъ (особенно въ Дерптѣ, до 1857 года), я вообще мало читалъ беллетристики—я былъ слишкомъ увлеченъ точной наукой. Моя тогдашняя начитанность, по изящной литературѣ, была по другимъ отдѣламъ ея: Шиллеръ, Гёте (Фаустъ), Гейне и Шекспиръ. Романы, главнымъ образомъ, французскіе—читалъ я всегда у отца въ усадьбѣ, на лѣтнихъ вакаціяхъ. Но никто изъ французскихъ романистовъ, даже и Бальзакъ, и Жоржъ-Зандъ—не дѣлался „властителемъ моихъ думъ“, никто изъ нихъ не доставлялъ мнѣ такого духовнаго удовлетворенія и такъ не волновалъ меня, какъ, съ половины 50-хъ годовъ, наши беллетристы, а раньше, въ года отрочества и первой юности: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Кольцовъ и, позднѣе, Островскій.

Конечно, въ томъ кризисѣ, который произошелъ во мнѣ, въ Дерптѣ—наша беллетристика дала самый сильный импульсъ. Но это все-таки не то, что прямое вліяніе одного какого-нибудь писателя—своего, или иностраннаго.

Даже англійскіе романисты, какъ Диккенсъ и Тэккерей, которыми у насъ зачитывались (начиная съ 40-хъ годовъ), не оставили на мнѣ налета, когда я сдѣлался романистомъ, ни по замысламъ,

ни по тону, ни по манерѣ. Это легко прослѣдить и фактически доказать.

Думаю, что Тургеневъ за цѣлое десятилѣтіе 1852—1862 г. былъ моимъ писателемъ болѣе Гончарова, Григоровича (онъ мнѣ одно время нравился), Достоевскаго и Писемскаго, который всегда меня сильно интересовалъ. Но, опять-таки, тургеневскій складъ повѣствованія, его тонъ и пріемы—не изучались мною „нарочито", съ опредѣленнымъ намѣреніемъ: достичь того же, болѣе или менѣе.

Я еще не мечталъ о повѣствовательной беллетристикѣ даже и тогда, когда очутился опять въ Петербургѣ, по возвращеніи изъ деревни. Это случилось какъ бы неожиданно для меня самаго.

Но вліяніе можетъ быть и скрытое, Тургеневъ незадолго до смерти, писалъ (кажется П. И. Вейнбергу), что онъ никогда не любилъ Бальзака и почти совсѣмъ не читалъ его. А вѣдь это не помѣшало ему быть реальнымъ писателемъ, дѣйствовать въ области того романа, которому Бальзакъ, еще съ 30-хъ годовъ, далъ такое развитіе.

Можетъ быть въ романѣ „Въ путь-дорогу" найдутся нѣкоторыя ноты въ тургеневскомъ духѣ, и нѣкоторыя „тирады" я въ 1884 году уничтожилъ, но вся эта вещь имѣетъ свой пошибъ.

Еще менѣе отлиняли на меня и тогда и позднѣе—манера, тонъ и языкъ Гончарова или Достоевскаго. Автора „Мертваго дома" я сталъ читать, какъ слѣдуетъ, только въ Петербургѣ, и могу откровенно сказать, что весь пошибъ его писательства меня не только не захватывалъ, но и не давалъ мнѣ никакого чисто-эстетическаго удовлетворенія.

Моя писательская дорога сложилась такъ, что я, съ первыхъ же шаговъ, и впослѣдствіи, непрерывно и неизмѣнно, стоялъ одинъ, безъ всякихъ руководителей, безъ какого-либо литературнаго патрона, безъ дружескихъ или кружковыхъ вліяній, ни въ идейномъ, ни въ чисто-художественномъ смыслѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, мои обѣ пьесы были уже приняты и напечатаны. Писемскій никогда не руководилъ мною, не давалъ мнѣ никакихъ совѣтовъ и указаній. Я не попалъ ни въ какой тѣсный кружокъ сверстниковъ, гдѣ бы кто-нибудь сдѣлался моимъ не то, что уже совѣтникомъ, а даже слушателемъ и читателемъ моихъ рукописей.

Не могу сказать, чтобы меня не замѣчали и не давали мнѣ ходу. Но заниматься мною особенно было некому, и у меня въ характерѣ нашлось слишкомъ много, если не гордости или чрезмѣрнаго самолюбія, то просто чувства мѣры и такта, чтобы являться какъ бы „кліентомъ" какой-нибудь знаменитости, добиваться ея

покровительства, или читать ей свои вещи, чтобы получать отъ нея выгодные для себя совѣты и замѣчанія.

Да если бы я и хотѣлъ этого (а такого желанія у меня рѣшительно не было), то мнѣ и некогда было бы, въ такой короткій срокъ (отъ января до октября 1861 г.), при тогдашней моей бойкой и разнообразной жизни,—устроить себѣ такой патронатъ.

Можетъ показаться даже мало вѣроятнымъ, что я, написавъ нѣсколько главъ первой части, повезъ ихъ къ редактору „Библіотеки", предлагая ему романъ къ январьской книжкѣ 1862 г. и не скрывая того, что въ первый годъ могутъ быть готовы только двѣ части. Тогда редакторы были куда покладливѣе и принимали большія вещи по одной части. Такъ я печаталъ въ 1871—73 г.г. и „Дѣльцы" у Некрасова. Но съ конца 1873 г. я въ „Вѣстникѣ Европы" прошелъ, въ теченіе 30-ти лѣтъ, другую школу, и ни одна моя вещь не попадала въ редакцію иначе, какъ цѣликомъ, просмотрѣнная и приготовленная къ печати, хотя бы въ ней было до 35-ти листовъ, какъ напр. въ романѣ „Василій Теркинъ".

Замыселъ романа „Въ путь-дорогу" явился какъ бы непроизвольнымъ желаніемъ молодого писателя: произвести себѣ „самоиспытаніе", передъ тѣмъ, какъ всецѣло отдать себя своему „призванію".

За два слишкомъ года, какъ я писалъ романъ, онъ давалъ мнѣ поводъ и возможность: оцѣнить всю свою житейскую и учебную выучку; видѣть куда я самъ шелъ, и непроизвольно, и вполнѣ сознательно. И, вмѣстѣ съ этимъ, передо мною самимъ развертывалась картина русской культурной жизни, съ эпохи „николаевщины" до новой эры.

То, что я взялъ героемъ молодого человѣка, рожденнаго и воспитаннаго въ дворянской семьѣ, но прошедшаго всѣ ступени ученья въ общедоступныхъ заведеніяхъ, въ гимназіи и въ двухъ университетахъ, было, по-моему, чрезвычайно выгодно. Для культурной Россіи того десятилѣтія—это было центральное теченіе.

Въ нашей беллетристикѣ, до конца XIX вѣка—романъ „Въ путь-дорогу", по своей программѣ, бытоописательному и интеллигентному содержанію, оставался единственнымъ. Появились въ разное время вещи изъ жизни нашей молодежи, но все это отрывочно, эпизодично.

Но такихъ „Lehrjahren" не появлялось. Только Гаринъ (Михайловскій) напечаталъ романъ „Студенты"; но въ немъ дѣйствуютъ воспитанники инженернаго института, а не университетскіе студенты. Исторіи же гимназиста и картины двухъ университетовъ—не имѣется и до сихъ поръ.

Въ какой степени „Въ путь-дорогу" автобіографическій романъ? Когда я вспоминалъ свое отрочество и юность, вплоть до вступленія на писательское поприще—я уже оговаривался на этотъ счетъ.

Весь бытъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ родился, воспитывался и учился Телепневъ, а потомъ въ Казани и Дерптѣ—все это взято изъ дѣйствительности. Лица—на двѣ трети—также;—начальство и учителя гимназіи, профессора и товарищи—почти цѣликомъ.

Но Телепнева нельзя отождествлять съ авторомъ. У меня не было его романической исторіи, въ гимназіи, ни романа съ казанской барыней, и только дерптская влюбленность въ молодую дѣвушку дана жизнью. Все остальное—создано моимъ воображеніемъ, не говоря уже о томъ, что я, студентомъ, не былъ богатымъ человѣкомъ, а жилъ на весьма скромное содержаніе, и съ 1856 года сталъ уже зарабатывать научными переводами.

Умственная и этическая эволюція Телепнева похожа и на мою но не совпадаетъ съ нею. Въ немъ послѣдній кризисъ, по окончаніи курса въ Дерптѣ, потянулъ его къ земской работѣ, а во мнѣ началась борьба между научной дорогой и писательствомъ, уже за два года до отъѣзда изъ Дерпта.

Какъ я сказалъ выше, редакторъ „Библіотеки" взялъ романъ по нѣсколькимъ главамъ, и онъ началъ печататься съ января 1862 г. Первыя двѣ части тянулись весь этотъ годъ. Я писалъ его по кускамъ въ нѣсколько главъ, всю зиму и весну, до отъѣзда въ Нижній и въ деревню; продолжалъ работу и у себя на хуторѣ, продолжалъ ее опять и въ Петербургѣ и довелъ до конца вторую часть. Но къ январю 1863 г. у меня еще не было почти ничего готово изъ третьей книги—какъ я называлъ тогда, части моего романа.

Конечно, такая работа, позднѣе, меня самого бы не удовлетворяла. Такъ дѣлалось по молодости и увѣренности въ своихъ силахъ. Не было достаточнаго спокойствія и постояннаго досуга, при той бойкой жизни, какую я велъ въ городѣ. Въ деревнѣ я писалъ съ большимъ „проникновеніемъ", что, вѣроятно, и отражалось на нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ нужно было творческое настроеніе.

Объ „успѣхѣ" первыхъ двухъ частей романа я какъ-то мало заботился. Если и появлялись замѣтки въ газетахъ, то врядъ-ли особенно благопріятныя. „Однодворецъ" нашелъ въ печати лучшій пріемъ, а также и „Ребенокъ". Писемскій, повидимому, оставался доволенъ романомъ, а изъ писателей постарше меня помню разговоръ съ Алексѣемъ Потѣхинымъ, когда мы возвращались съ нимъ откуда-то вмѣстѣ. Онъ искренно поздравлялъ меня; но сдѣлалъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“, уже къ слѣдующему 1863 году, появилась очень талантливо написанная рецензія, гдѣ самаго Телепнева охарактеризовали, какъ „чувствительнаго эгоиста“, но къ автору отнеслись съ большимъ сочувствіемъ и полнымъ признаніемъ.

Эта рецензія появилась подъ какимъ-то псевдонимомъ. Я узналъ отъ одного пріятеля сыновей Краевскаго (тогда еще издателя „Отечественныхъ Записокъ“), что за псевдонимомъ этимъ скрывается Н. Д. Хвощинская (Крестовскій-псевдонимъ). Я написалъ ей письмо, и у насъ завязалась переписка, еще до личнаго знакомства въ Петербургѣ, когда я уже сдѣлался редакторомъ-издателемъ „Библіотеки“, и она стала моей сотрудницей.

Я не принадлежалъ тогда къ какому-нибудь большому кружку, и мнѣ не легко было бы видѣть, какъ молодежь принимаетъ мой романъ. Только впослѣдствіи, на протяженіи всей моей писательской дороги, вплоть до вчерашняго дня, я много разъ убѣждался въ томъ, что „Въ путь-дорогу“ дѣлалась любимой книгой учащейся молодежи. Знакомясь съ кѣмъ-нибудь изъ интеллигенціи, лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ, я зналъ впередъ, что они прошли черезъ „Въ путь-дорогу“, и кажется, до сихъ поръ, есть читатели, считающіе даже этотъ романъ моей лучшей вещью.

Я былъ удивленъ (не дальше какъ въ 1907 году, въ Москвѣ), когда одинъ изъ нынѣшнихъ беллетристовъ, самой новой формаціи, пріѣхавшій ставить свою пьесу изъ еврейскаго быта, пришелъ ко мнѣ въ номеръ „Лоскутной“ гостиницы и сталъ мнѣ изливаться:— какъ онъ любилъ мой романъ, когда учился въ гимназіи.

Теперь „Въ путь-дорогу“ въ продажѣ не найдешь. Экземпляры Вольфовскаго изданія или проданы, или сгорѣли въ складахъ. Первое отдѣльное изданіе изъ „Библіотеки“ въ 1864 году давно разошлось. Многіе мои пріятели и знакомые упрекали меня за то, что я не забочусь о новомъ изданіи... Меня смущаетъ то, что романъ такъ великъ: изъ всѣхъ моихъ вещей—самый обширный; въ немъ до 64-хъ печатныхъ листовъ.

Онъ былъ еще до 70-хъ годовъ изданъ по-нѣмецки въ Германіи, въ извлеченіи, но я никогда не держалъ въ рукахъ этого перевода; знаю только, что онъ былъ сдѣланъ петербуржцемъ, который долженъ былъ удалиться за границу.

Четыре остальныя книги писались въ 1863 и 64 годахъ—уже среди редакціонныхъ и издательскихъ хлопотъ и мытарствъ, о чемъ я разскажу въ слѣдующей главѣ.

Могло, однако, случиться такъ, что я не только не завязъ бы въ самую гущу журнальнаго дѣла, но, быть можетъ, на долго бы

промѣнялъ жизнь петербургскаго литератора на жизнь въ провинціи.

Часть лѣта 1862 года я провелъ въ имѣніи. Крестьяне мои уперлись на счетъ большого надѣла, и возня съ ними взяла много времени. Мой товарищъ З—чъ оставался у меня на хуторѣ съ приказчикомъ. Мнѣ за вычетомъ крестьянскаго надѣла приходилась слишкомъ тысяча десятинъ земли—въ томъ числѣ лѣсъ—заказникъ; все это чистое отъ банковскаго долга. Хозяйничать было бы можно, если бъ во мнѣ билась „хозяйственная жилка". А пока имѣніе приносило кое-какой доходъ, который шелъ „между пальцевъ", и жилъ я почти исключительно на свой писательскій заработокъ.

Въ деревнѣ я отдохнулъ отъ Петербурга, тамъ хорошо писалось, но не тянуло: устроиваться тамъ самому, дѣлаться „земскимъ" человѣкомъ, какъ захотѣлъ мой Телепневъ, когда уѣзжалъ изъ Дерпта.

Я испыталъ на себѣ ту особенную „тягу", которую писательство производитъ на нѣкоторыя интеллектуально-эмоціональныя натуры, къ которымъ и я себя причисляю.

„Народника", въ тогдашнемъ смыслѣ, во мнѣ не сидѣло; а служба посредникомъ или кѣмъ-нибудь по выборамъ также меня не прельщала. Моихъ сосѣдей я нашелъ все такими же. Ихъ жизнь я не прочь былъ наблюдать, но слиться съ ними въ общихъ интересахъ, вкусахъ и настроеніяхъ не могъ.

Наслѣдство мое становилось мнѣ скорѣе въ тягость. И тогда, т. е. во всю вторую половину 1862 г., я еще не разсчитывалъ на доходъ съ имѣнія или отъ продажи земли съ лѣсомъ для какого-нибудь литературнаго дѣла. Мысль о томъ, чтобы купить „Библіотеку", не приходила мнѣ серьезно; хотя Писемскій, задумавшій уже переходить въ Москву, въ „Русскій Вѣстникъ", приговаривалъ не разъ:

— Что бы вамъ, Боборыкинъ, не взять журнала!? Вы въ немъ—видный сотрудникъ, у васъ есть и состояніе, вы молоды, холосты... Право!..

Но тогда я еще на это не поддавался.

Зимой, въ 1863 году, поѣхалъ я на свиданіе съ моей матерью, и пожилъ при ней нѣкоторое время. Въ Нижнемъ жила и моя сестра съ мужемъ. Я вошелъ въ тогдашнее нижегородское общество. И тамъ театральное любительство уже процвѣтало. Меня стали просить ставить „Однодворца" и играть въ немъ. Я согласился и не только съигралъ роль помѣщика, но и выступилъ въ роли графа, въ одноактной комедіи Тургенева „Провинціалка".

Жизнь съ матушкой вызвала во мнѣ желаніе поселиться около

нея, и я сталъ—тогда же—мечтать устроиться въ Нижнемъ, гдѣ было бы такъ хорошо писать, гдѣ я былъ бы ближе къ землѣ, если не навсегда, то на продолжительный срокъ.

Мое желаніе я высказывалъ матушкѣ нѣсколько разъ, но она, хоть и была имъ тронута,—боялась за меня, за то, какъ бы провинція не „затянула меня“ и не отвлекла отъ того, что я имѣлъ уже право считать своимъ „призваніемъ“.

Я уѣхалъ въ Москву и въ Петербургъ, по журнальнымъ и театральнымъ дѣламъ; но съ опредѣленнымъ намѣреніемъ вернуться еще той же зимой.

Было это—сколько помню—въ концѣ января 1863 г., а черезъ мѣсяцъ я сдѣлался уже собственникомъ „Библіотеки для чтенія“.

Какъ могло это случиться?

Меня стали уговаривать Писемскій и нѣкоторые сотрудники, а издатель усиленно предлагалъ мнѣ журналъ на самыхъ необременительныхъ—какъ онъ увѣрялъ—условіяхъ.

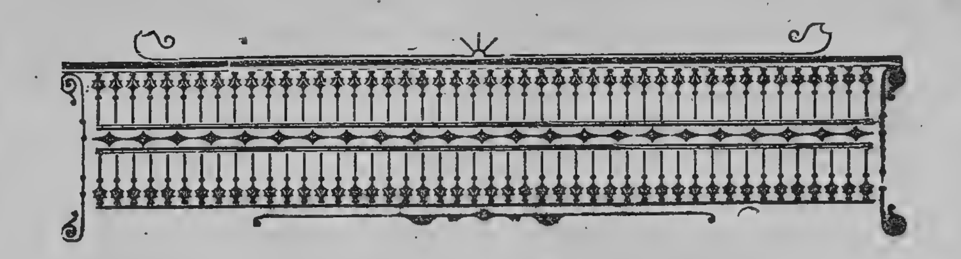
Литературная жилка задрожала. Мнѣ и раньше хотѣлось какого-нибудь болѣе прочнаго положенія. Службу я—принципіально—устранялъ изъ своей карьеры. Журналъ представился мнѣ самымъ подходящимъ дѣломъ. По выкупу я долженъ былъ получить вскорѣ нѣкоторую сумму и,—въ случаѣ надобности—могъ хоть и за плохую цѣну, освободиться отъ своей земли.

Былъ и еще—тоже не новый уже для меня,—мотивъ: моя влюбленность и мечта о женитьбѣ на дѣвушкѣ, отецъ которой вѣроятно желалъ бы видѣть своего будущаго зятя чѣмъ-нибудь болѣе солиднымъ, чѣмъ простымъ журнальнымъ сотрудникомъ.

Такъ я и сдѣлался, довольно таки экспромптомъ, 26-ти лѣтъ отъ роду, издателемъ-редакторомъ толстаго и стараго журнала.

П. Боборыкинъ.

Неизданныя письма Ѳ. М. Достоевскаго.

Предлагаемыя ниже читателямъ „Русской Старины“ письма Ѳ. М. Достоевскаго открываютъ намъ новыя данныя той нужды, той вѣчной борьбы за существованіе, которую велъ Ѳ. М. въ первый періодъ своей литературной дѣятельности, т. е. до 1849 г. Эти данныя являются тѣмъ болѣе цѣннымъ матеріаломъ, что исходятъ отъ самого Достоевскаго.

Письма адресованы Андрею Александровичу Краевскому, извѣстному журналисту того времени, издателю „Отечественныхъ Записокъ“.

Первыя четыре письма относятся ко времени до 1849, пятое же письмо къ 1865 г.

Подлинники писемъ находятся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

За содѣйствіе въ нахожденіи этихъ писемъ приношу искреннюю благодарность И. А. Бычкову и В. И. Саитову.

Ал. Александровъ.

1.

Милостивый Государь
Андрей Александровичъ!

Въ письмѣ Вашемъ, Вы упомянули, что послѣдній разъ присылаете мнѣ денегъ и что нужно все отписать, чтобы имѣть право что-нибудь получить.

Я такъ и хотѣлъ распорядиться, т. е. доставить сперва 3-ю часть, которую полагалъ кончить къ понедѣльнику. Затѣмъ сѣсть немедленно за 4-ую и 5-ую, которыя назначалъ для мая

мѣсяца. Но сверхъ всѣхъ разсчетовъ моихъ, кончилъ 3-iю часть къ средѣ. (Вышло 3 съ лишкомъ листа) [1]), въ 4-ой будетъ около 4-хъ, 3+4=7, то есть 350 р. серебромъ, а отписано уже 100, слѣд(овательно) отъ 490—500. Съ 4-ой частью, я, надѣясь на быстроту отписыванія (ибо Вы, вѣроятно, Андрей Александровичъ, признаетесь, что отдать 500 р. въ нѣсколько мѣсяцевъ при 800 долгу, да еще жить сверхъ того—успѣхъ порядочный); съ 3-ей частью я располагалъ къ Вамъ явиться въ концѣ этой недѣли и просить Васъ о помощи передъ праздникомъ, къ 10-му же числу я хотѣлъ доставить 4-ую. Теперь я сижу безостановочно надъ 4-ою частію, несмотря на то, что едва кончивъ 3-ю, не далъ себѣ ни крошки отдыху; ибо хочу (основываясь на Вашемъ обѣщаніи при Шидловскомъ) напечатать непремѣнно 2 части въ маѣ (т. е. 4-ую и 5-ую). Я и теперь рву волосы, что эпизодъ доставленъ не весь, а разбитъ на 3 части. Ничего не кончено, а только возбуждено любопытство. А любопытство, возбужденное въ началѣ мѣсяца, по-моему уже не то, что въ концѣ мѣсяца, оно охлаждается и самыя лучшія сочиненія теряютъ.

Это все равно, если бы я сцену съ Покровскимъ, лучшую въ Бѣдныхъ Людяхъ, разбилъ на двѣ части и томилъ публику мѣсяцъ. Гдѣ впечатлѣніе? Оно исчезнетъ. И такъ вотъ насчетъ двухъ частей. Я сижу надъ 4-ою частью. И 4-ую и 5-ую доставлю своевременно не далѣе какъ къ 15-му; ибо нужно еще доставить отвѣтъ Современнику. Но при этой работѣ примите въ соображеніе слѣдующее.

1) Что если бы я не бралъ денегъ теперь, то къ маю было отписано всего на 650 р. серебромъ. А если бы я въ этотъ промежутокъ получилъ отъ Васъ 100 р., то было бы всего 550 р., итого за всю зиму отписано и оставшагося долгу было бы 250 р.

2) Что я бы давно отписалъ все, не только эту сумму, если бы не работалъ на сторону.

Андрей Александровичъ, скажите пожалуйста, неужели Вы въ 4 года моей работы у Васъ не замѣтили, что я никогда не могу отдать Вамъ моего долга, если мы все время будемъ находиться въ такой системѣ забиранія и отписыванія ден(егъ), въ какой были доселѣ. Да посудите: возьмите въ соображеніе нынѣшнюю зиму! Я работалъ, какъ лошадь и чѣмъ далѣе, тѣмъ успѣшнѣе, такъ что и публикѣ нравится, и я, несмотря на всѣ мои соображенія прошлой осени, не могу къ маю отписать болѣе 650 р. сереб(ромъ). Все

[1]) Всѣ слова, напечатанныя въ скобкахъ, поставлены въ нихъ самимъ Достоевскимъ.

еще останусь долженъ. Отчего это произошло, неужели неясно отчего, Андрей Александровичъ. А между тѣмъ я у Васъ деньги бралъ. Много бралъ. Но вотъ вамъ фактъ: Взявъ у Васъ въ послѣднiй разъ 100 рублей, 2 мѣсяца тому назадъ, я просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ на изобрѣтенiи разсказа, который бы мнѣ доставилъ еще 50 р. серебр., ибо мнѣ недостаточно Вашихъ 100 рублей, чтобы быть покойнымъ. И такъ какъ я соображалъ изобрѣтенiе повѣсти съ направленiемъ и характеромъ того изданiя, куда хотѣлъ тиснуть, то цѣлый мѣсяцъ думалъ и ничего не надумалъ, кромѣ мигрени и разстройства нервовъ, да 3-хъ великолѣпныхъ сюжетовъ для трехъ большихъ романовъ. Будь у меня 50 р. сереб(ромъ), Вы бы получили въ уплату 150 р. сереб(ромъ), лишнихъ. Бравъ у Васъ 100 рублей послѣднiй разъ, я клялся, что не буду больше брать впередъ никогда. Но я разсчитывалъ безъ хозяина изъ Москвы. Пришлютъ послѣ праздника. А между тѣмъ *Праздникъ*[1])—какое слово. Мнѣ-то наплевать, а кредиторы только и ждутъ того и ужъ они осаждаютъ толпами, ибо у нихъ несчастныхъ только и есть, что 2 срока въ году, въ которые почти всѣ отдаютъ.

Послушайте, Андрей Александровичъ, неужели Вы никогда не подумали, что я жилъ, жилъ (д)а и умеръ. Что будетъ тогда съ моимъ долгомъ? У меня долговъ столько, что Московскихъ денегъ и не хватило бы уплатить Вашъ. Кончите поскорѣе эту долговую систему и (и)демъ въ мирную задѣльную плату по святымъ срокамъ 1-хъ чиселъ.

Если бы я доработался до мозолей на рукахъ, то физической возможности нѣтъ принесть Вамъ къ субботѣ 4-ую часть, а принесу къ 7-му.

А между тѣмъ мнѣ нельзя будетъ писать. Меня измучили, ибо 7 лѣтъ кредиторства сдѣлали меня раздражительнымъ, и я кинусь на постороннюю работу, т. е. принужденъ буду писать какую-нибудь сказку на сторону. Тутъ бѣда самая большая та, что энергiя къ нашему роману и охота продолжать прервутся посторонней работой опять на полмѣсяца, а можетъ и на мѣсяцъ. Андрей Александровичъ! Я явлюсь къ Вамъ въ эту субботу утромъ. Ради Бога отпустите меня съ 100 рублями, взятыми у Васъ. Я возвращу Вамъ ихъ, не скажу сторицею, а въ 5 разъ къ 15-му числу апрѣля. И больше не буду брать никогда. А свидѣтель мой братъ. Спросите его. Московскiя деньги явятся въ апрѣлѣ непремѣнно, и тогда я естественно не буду просить у Васъ, а то, что Вы теперь мнѣ въ послѣднiй разъ поможете, не забуду. Напомните мнѣ это когда-

[1]) Курсивъ Достоевскаго.

нибудь. Увидите сами. Посудите: я весь постъ ожидалъ съ трепетомъ и замираніемъ Страстной Субботы по поводу кредиторовъ. Помните прошлаго года пятницу на Страстной недѣлѣ. Она мнѣ до сихъ поръ памятна. Тогда еще пріѣзжало семейство брата. Теперь со мной будетъ холера, больше ничего. Гдѣ тутъ поэзія?

Вашъ Ѳ. Достое(вскій).

31-го марта.

2.

Милостивый Государь
Андрей Александровичъ!

У насъ есть уговоръ, по которому я получаю 50 р. сереб(ромъ) за каждый мѣсяцъ, въ который печатаюсь, или лучше за каждую часть. Въ послѣдній разъ уговоръ этотъ былъ нѣсколько измѣненъ: я взялъ 100 р. сереб(ромъ) впередъ за 2 части именно за 3-ью и 4-ую. 3-ія доставлена, а 4-ая еще нѣтъ. Если бы я доставлялъ части непрерывно, т. е. если бы онѣ были въ мартѣ и апрѣлѣ, то въ концѣ апрѣля, т. е. по отцензурованіи майской книжки, я получилъ бы эти 50 р. (серебромъ), т. е. было бы уже за 5-ую часть. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, т. е. на майскую книжку по уговору, обѣщанію Вашему идутъ 2 части: 3-ья и 4-ая (которую доставлю къ 15-му). Слѣд(овательно), уже въ концѣ мая за іюньскую книжку получу я 50 р. сереб(ромъ). Но вотъ что: 4-ая часть будетъ у Васъ къ 15-му. Андрей Александровичъ, посудите: 100 р., взятые впередъ, заработаны. Мы на прежнихъ основаніяхъ. Я у Васъ не прошу теперь впередъ, а прошу вотъ чего: дайте мнѣ 15 р. серебромъ за 5-ую часть, теперь пойдетъ непрерывно. Передъ праздникомъ я взялъ 10, и такъ выйдетъ, что я возьму за 5-ую часть съ этими 15-ю—25 р. сереб(ромъ) и въ маѣ получу слѣдственно 25, а не 50. Прошу Васъ убѣдительнѣйше, сдѣлайте мнѣ это. Нынче время экстренное. Я борюсь съ моими мелкими кредиторами, какъ Лаокоонъ со змѣями; теперь мнѣ нужно 15, только 15. Эти 15 успокоятъ меня. У меня явится больше готовности и охоты писать, будьте увѣрены. Что Вамъ 15 рублей? А мнѣ это будетъ много. Помилуйте, я всю недѣлю безъ гроша, хоть бы что-нибудь. Если бы Вы только знали до чего я доведенъ. Только стыдно писать да и не нужно. Вѣдь это просто срамъ, Андрей Александровичъ, что такіе бѣдные сотрудники въ От(ечественныхъ Запискахъ). Ну задолжали много: конечно, худо, но вѣдь и отдача есть и работа есть. Вѣдь, кажется, что есть, Андрей Александровичъ.

Пришлите мнѣ ради Бога, Андрей Александровичъ, корректурные листки 3-ей части. Ужасно, какъ нужно.

Вашъ весь

Ѳ. Достоевскій.

3.

Милостивый государь
Андрей Александровичъ!

Между нами вышло недоумѣніе, да кромѣ того и я самъ въ большомъ недоумѣніи съ другой частной стороны, болѣе до меня касающейся. Оба эти недоумѣнія нужно разъяснить немедленно и скоро, иначе никакого дѣла нельзя дѣлать. Посудите сами.

Во-первыхъ: Два года назадъ я имѣлъ несчастіе задолжать Вамъ большую сумму денегъ. Сумма эта вмѣсто того, чтобъ уменьшаться, возросла до невозможныхъ предѣловъ. Такъ какъ я прежде всего хочу расквитаться и заплатить, то нашелъ необходимымъ предложить мѣры рѣшительныя. Но прежде всего нужно сыскать причину, почему эта сумма не уменьшалась, а увеличивалась. Я уже давно сообразилъ, и вышло, что отъ слѣдующихъ причинъ:

1) Оттого, что я долженъ былъ писать и не получать ничего *регулярно*. Т. е. хотя и получалъ *по временамъ* деньги, но это было *по временамъ*, а такъ какъ платить за свою жизнь нужно помѣсячно, то нужно было получать не по временамъ, а регулярно, напримѣръ хоть половину за то, что стоило написанное, а половина шла бы въ уплату. Это конечно и было, но опять таки *не регулярно*.

2) Оттого, что я, чтобъ исполнить слово и доставить къ сроку, насиловалъ себя, писалъ между прочимъ такія дурныя вещи, или (въ единственномъ числѣ) — такую дурную вещь, какъ „Хозяйка", тѣмъ впадалъ въ недоумѣніе и въ самоумаленіе и долго потомъ не могъ собраться написать серьезнаго и порядочнаго. Каждый мой неуспѣхъ производилъ во мнѣ болѣзнь.

3) Формально помѣшавшая мнѣ болѣзнь, продолжавшаяся годъ и кончившаяся, какъ Вамъ извѣстно, воспаленіемъ въ мозгу.

4) Причина чисто нравственная, заставившая меня ненавидѣть срочную работу, не приносившую мнѣ даже насущнаго, и наконецъ рабство, въ которомъ я находился, конечно, самовольно. Эта причина важная. Отъ самоумаленія ли, или не знаю отъ какой ложной деликатности, я считалъ, что Вы, давая мнѣ деньги, дѣлали мнѣ какое-то одолженіе, тогда какъ здѣсь была чисто *услуга за услугу*. Первыя деньги, которыя я отъ Васъ получилъ, не могли быть

сочтены за одолженіе, мнѣ сдѣланное. Мы были очень мало другъ съ другомъ знакомы. Я, кажется, ничѣмъ не могъ пріобрѣсть Вашего расположенія, чтобы Вы могли, какъ Вы сами сказали въ послѣдній разъ — *рисковать* и дать мнѣ, помнится, 400 руб(лей) серебр(омъ). Наконецъ еще соображеніе: я бы и не взялъ ихъ даромъ. Слѣдов(ательно) тутъ было не одолженіе; а ужъ если Вы и говорите, что *одолженіе* (ибо Вы въ предпослѣдній разъ сказали мнѣ это)—то позвольте ужъ и мнѣ сказать: что даромъ деньги не даются, что Вы дали мнѣ въ надеждѣ услуги, т. е. работы моей, которая чего-нибудь тоже да стоитъ.

Знаю, Андрей Александровичъ, что я, между прочимъ, нѣсколько разъ посылая Вамъ записки съ просьбой о деньгахъ, самъ называлъ каждое исполненіе просьбы моей *одолженіемъ*. Но я былъ въ припадкахъ излишняго самоумаленія и смиренія отъ ложной деликатности. Я, наприм(ѣръ), понималъ Буткова, который готовъ, получа(я) 10 р. серебр(омъ), считать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Это минутное, болѣзненное состояніе и я изъ него вышелъ. Доказательство же, что я былъ въ припадкахъ излишней деликатности, слѣдующее:

1) Чтобъ отплатить Вамъ за одолженіе, я, несмотря на болѣзнь мою, написалъ другую повѣсть и рискнулъ своею подписью, которая для меня единственный капиталъ.

Что я не обрабатывалъ достаточно моихъ произведеній и писалъ къ сроку, т. е. согрѣшилъ противъ искусства.

Что я не щадилъ своего здоровья и дѣлалъ мученическія усилія, чтобы расквитаться.

Что я отвергнулъ предложеніе Некрасова, который давалъ мнѣ 75 р. серебромъ за Вашъ листъ, съ предложеніемъ немедленно уплатить Вамъ весь долгъ деньгами.

И проч(ее), проч(ее), однимъ словомъ, очень много было подвиговъ, т. е. я поступалъ очень честно.

Но, несмотря на все это, съ 1-го января прошлаго года сочиненія мои чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе хвалятся публикою. Это вѣрно и я это знаю. То что же тутъ было такого, почему они, несмотря на паденіе мое въ 47 году, несмотря *на авторитетныя нападки* Бѣлинскаго и прочее, начали читаться и выходить въ люди. Отвѣтъ: что стало быть есть во мнѣ столько таланту, что можно было преодолѣть нищету, рабство, болѣзнь, азартъ критики, торжественно хоронившей меня и предубѣжденіе публики. Слѣд(овательно), если есть во мнѣ талантъ дѣйствительно, то ужъ нужно имъ заняться серьезно, не рисковать съ нимъ отдѣлывать произведенія, а не

ожесточаться противъ себя и своей совѣсти и мучаться раскаяніемъ и, наконецъ, щадить свое имя, т. е. единственный капиталъ, который есть у меня.

Наконецъ: я очень хорошо знаю, Андрей Александровичъ, что напечатанная мною въ январѣ 1-ая часть „Неточки Незвановой" произведеніе хорошее, такое хорошее, что „Отечественыя Записки" *безъ стыда могутъ дать ему мѣсто.* Я знаю, что это произведеніе серьезное. Говорю это, наконецъ, не я, а говорятъ всѣ. Портить его я не хочу: и потому, сообразивъ недавній споръ нашъ, я рѣшаюсь предложить Вамъ слѣдующее, хотите послѣдовать моему предложенію, все будетъ очень хорошо. Нѣтъ, какъ Вамъ угодно. Но я поступаю, какъ мнѣ будетъ выгодно. Я поступаю, наконецъ, вслѣдствіе необходимости и вполнѣ сознавая, что мое предложеніе въ высшей степени умѣренное и скромное.

Вотъ въ чемъ дѣло: у насъ есть уговоръ, по которому я получаю 50 р. сереб(ромъ) каждый мѣсяцъ — хорошій уговоръ, ибо долгъ началъ вдругъ очень быстро уменьшаться съ тѣхъ поръ, какъ этотъ договоръ существуетъ. Установился онъ на тѣхъ основаніяхъ, что я твердо и рѣшительно захотѣлъ уплатить Вамъ долгъ поскорѣе.

Я взялъ *minimum* для существованія, т. е. 50 р. сереб(ромъ). На эти деньги съ нуждой можно жить—но отнюдь не возиться съ кредиторами и надобностями, отнюдь не обезпечить себя отъ *непредвидѣнныхъ неожиданностей.* Однимъ словомъ это только *minimum.* Съ другой стороны: такъ какъ я теперь пишу (и это возьмите въ соображеніе) не для того, чтобы только тянуть свое существованіе, т. е. не изъ-за однихъ денегъ.

2) Не для того, чтобы въ „Отечеств(енныхъ) Запискахъ" была каждый мѣсяцъ крупная печать въ отдѣленіи Словесности.

3) Не был(о) того однимъ словомъ, чтобы только писать что-нибудь для уплаты долга. А потому: что 1) я люблю мой романъ, 2) что я знаю, что пишу вещь хорошую, такую, которая не принесетъ *риску,* а расположеніе читающихъ (я никогда не хвалюсь, позвольте ужъ теперь сказать правду, я вызванъ сказать это). 3) Потому что, наконецъ, мнѣ грѣшно портить свое произведеніе и что оно мнѣ дороже самихъ „Отечеств(енныхъ) Записокъ", но я находясь въ слѣдующихъ обстоятельствахъ:

1) Будучи стѣсненъ непредвидѣннымъ расходомъ.

2) Поставленный нашимъ послѣднимъ разсчетомъ въ затруднительное положеніе.

3) Будучи долженъ, чтобы имѣть сейчасъ одну сумму денегъ, начать писать повѣсть ровно въ 2 листа въ „С.-Петербургскія Вѣдомости", въ „Библіоте(ку) для чтенія" или въ „Современникъ".

4) Такъ какъ по этому случаю, принужденный отвлечься отъ романа постороннею работою, я не могу отдѣлать его хорошенько, а я отдѣлываю; доказательство того, что я выбросилъ изъ 2-й части цѣлыхъ 1½ печатныхъ листа вещей очень не дурныхъ для круглоты дѣла, т. е. мараю и урѣзываю, а не пишу сплошь, чтобы сдѣлалъ человѣкъ, не дорожащій своими произведеніями.

5) Такъ какъ не могу помѣстить въ 3-й части менѣе 5 листовъ (т. е. не могу помѣстить 3 или 2, а цѣлыхъ 5 для полноты дѣла).

А принявъ въ соображеніе, что мнѣ нужно сейчасъ сѣсть за постороннюю вещь и написать два листа для полученія денегъ и что я не могу написать 7-ми листовъ до 15-го числа, то я и рѣшаюсь, т. е. *вынужденъ необходимостью*, сдѣлать Вамъ предложеніе слѣдующее:

1) Обративъ вниманіе на то, что мнѣ не нарушать нашего контракта (о 50 р.) собственно потому, что это не регулярно, а надрываться въ трудѣ, который убьетъ меня, нельзя да и неприлично.

2) Что коль писать хорошую вещь, такъ писать.

3) Что коль уплачивать деньги, такъ уплачивать.

4) Что я ни за что не соглашусь испортить моего романа и не возьму за это 1.000 р. сереб(ромъ) съ листа.

5) Ни за что не соглашусь раздробить его и не напечатать 5 листовъ (что нужно для круглоты дѣла).

6) Что я никакъ не могу печатать не каждый мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ шесть первыхъ частей.

Предлагаю нарушить контрактъ для общей пользы слѣдующимъ образомъ:

Я написалъ романа всего на 315 р. серебр(омъ), получилъ въ уплату 100 р. серебр(омъ), уплатилъ Вамъ долгу 215 р.

Но такъ какъ мнѣ нужно *немедленно* 100 руб. сереб(ромъ) (*minimum*).

То я прошу Васъ выдать мнѣ ихъ, за это къ 15-му числу Вы получите 5 листовъ, т. е. на 250 р. серебр(омъ), т. е. отсчитавъ 100, взятые теперь, уплатится долгу 150 р. серебромъ и всего слѣдственно къ 20-му февраля по выходѣ изъ цензуры будетъ уплаты на 365 рублей серебромъ.

Я же, чувствуя, что брать мнѣ у Васъ деньги 1) невыгодно, 2-ое) послѣ нашего послѣдняго разговора неприлично. 3) Что дурныя и невыгодныя сношенія между нами кончиться могутъ только съ уплатою долга. 4) Что долгъ не уплатится, если не будетъ принято съ обѣихъ сторонъ благоразумныхъ мѣръ. 5) что я прежде всего желаю уплаты, а не забора денегъ и, взявъ теперь 100 р., т. е. повидимому уменьшивъ Вашу выгоду, къ 15-му увеличиваю

ее чуть не втрое, т. е. на 250 р. сереб[ромъ], и по крайней мѣрѣ, что это благоразумная мѣра. 6) Что только подобный разсчетъ побуждаетъ меня сдѣлать Вамъ подобное предложеніе теперь, послѣ недавняго разговора. Обязуюсь серьезно:

Не брать денегъ за 3-ью и 4-ую части, т. е. въ февралѣ и мартѣ. Гарантія этому обѣщанію:

1) *Мое честное слово*

2) Желаніе кончить романъ, который былъ дороже всего и сбыть съ рукъ литературное рабство, которое для меня хуже всего.

3) Что я, имѣя передъ собою цѣлый мѣсяцъ, могу сыскать время для посторонняго разсказа и заработать 50 р. для марта мѣсяца, не обращаясь къ Вамъ. Въ заключеніе прошу Васъ: обратить вниманіе на то, что 1) я говорю и дѣйствую серьезно, 2) что я болѣе всего желаю остаться въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Отечественнымъ Запискамъ, 3) что я понимаю мое положеніе, 4) что я люблю мой романъ и не испорчу его и 5) что я могу заработать ежемѣсячно не 50 р., а 100 р. и сверхъ того приготовить къ осени Неточку, издать ее и отдать Вамъ деньгами, 6) что наконецъ я такъ бѣденъ, что необходимостью вынужденъ дѣлать то, что мнѣ выгоднѣе. За симъ честь имѣю пребыть Вашъ

Ѳ. Достоевскій.

P. S. Завтра буду имѣть честь быть у Васъ за отвѣтомъ.

1-ое февраля.

4 [1]).

Милостивый Государь
Андрей Александровичъ!

Посылаю Вамъ конецъ 1-ой главы. Всего будетъ, какъ и во 2-ой части, двѣ большихъ. 1-ую половину 2-ой главы (которая теперь переписывается у меня дома) доставлю сегодня въ типографію въ 8 ч. вечера. А остальную половину постараюсь аранжировать за ночь. Такимъ образомъ дѣло будетъ сдѣлано. Андрей Александровичъ, я, перебиваясь $2^1/_2$ мѣсяца послѣ послѣдняго полученія денегъ, истощалъ совершенно. Единственно для поддержки моей минутной необходимости, отстраняя всякую мысль требовать чего-нибудь дальнѣйшаго до извѣстнаго срока, обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою не оставить меня безъ 10 р. сереб[ромъ], которыя требовались еще вчера для уплаты моей хозяйкѣ. Ибо

---

[1]) Наверху этого письма сдѣлана помѣтка неизвѣстною рукою: послано 10 руб. 26-го марта 1849 г.

срокъ моего переѣзда на квартиру былъ вчера, а я не платилъ уже 2 мѣсяца. Эти десять рублей удовлетворятъ ее по крайней мѣрѣ на минуту и тѣмъ доставятъ мнѣ необходимое спокойствіе, свѣтъ и провизію, безъ которой нельзя написать ничего на свѣтѣ. Ради Бога не откажите, Андрей Александровичъ

Вашъ покорный слуга

Ѳ. Достоевскій.

5.

8 Іюня (18) 65 год(а).

Милостивый Государь
Андрей Александровичъ!

Сообразивъ нашъ давнишній разговоръ весьма краткій, считаю не лишнимъ изложить Вамъ письменно всю мою просьбу для точности и вообще для избѣжанія какихъ-либо недоумѣній.

Просьба моя имѣетъ два вида:

1) Я прошу 3000 руб[лей] теперь же впередъ за романъ, который обязуюсь *формально* доставить въ ред[акцію] От[ечественныхъ] Записокъ не позже первыхъ чиселъ начала октября нынѣшняго года.

2) На случай моей смерти или на случай недоставленія въ срокъ рукописи романа въ редакцію От[ечественныхъ] Записокъ представляю въ закладъ полное и всегдашнее право на изданіе *всѣхъ* моихъ сочиненій, равномѣрно право ихъ продать, заложить, однимъ словомъ поступить съ ними, какъ съ полной собственностью.

Романъ мой называется *Пьяненкіе* и будетъ въ связи съ теперешнимъ вопросомъ о пьянствѣ. Разбирается не только вопросъ, но представляются и всѣ его развѣтвленія, преимущественно картины семействъ, воспитаніе дѣтей въ этой обстановкѣ и прочее и прочее. Листовъ будетъ не менѣе 20, но можетъ быть и болѣе. За листъ 150 руб[лей]. (За Мертвый домъ я получалъ въ Русскомъ Мірѣ и во Времени по 250 рублей серебромъ).

3) Если бы моя работа не понравилась редакторамъ От[ечественныхъ] Записокъ или цѣна оказалась бы высока, то они имѣютъ право возвратить ее мнѣ обратно и удержать закладъ до тѣхъ поръ, пока я не выплачу 3000 рублей (10-ью процентами).

Срокъ внесенія денегъ въ такомъ случаѣ полагается до 1-го января 66-го года. Представляется сверхъ того по контракту право на полученіе издателю От[ечественныхъ] Записокъ гонорара за

всѣ тѣ статьи, которыя я гдѣ-либо и когда-либо напечатаю вплоть до уплаты 3000 руб[лей] съ процентами.

4) Я не имѣю права самовольно взять мою работу назадъ или не доставить ее въ редакцію От[ечественныхъ] Записокъ, если бы даже и представилъ 3000 рублей съ процентами, т. е. Редакція От[ечественныхъ] Записокъ всегда имѣетъ право потребовать съ меня работой, сама же имѣетъ полное право безъ моего согласія потребовать назадъ деньги и возвратить мнѣ рукопись.

Другой видъ просьбы:

Я прошу 1500 руб[лей]. Обязуюсь формально доставить романъ къ вышеозначенному сроку, но прошу только избавить меня отъ обязанности давать закладъ. Прочія же всѣ условія могутъ быть сохранены, какъ выше сказано.

Позвольте сдѣлать еще одно замѣчаніе:

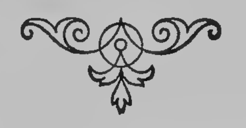
Если только возможна выдача мнѣ разомъ такой значительной суммы, какъ 3000 рублей, то убѣдительно прошу Васъ обратить вниманіе на то, что такое разрѣшеніе всего дѣла было бы для меня наиболѣе желательно и сверхъ того удовлетворительно для обѣихъ сторонъ. За право изданія всѣхъ сочиненій моихъ *на одинъ только разъ* два книгопродавца (Стелловскій и Вогановъ) давали мнѣ уже 2000 сейчасъ наличными, *зная, что я въ нуждѣ.* Слѣдовательно, мнѣ кажется, сочиненія представляютъ достаточное обезпеченіе. Взявъ же въ соображеніе, что предлагаемый мною договоръ и въ другихъ пунктахъ обезпечиваетъ почти во всемъ редакцію От[ечественныхъ] Записокъ, надѣюсь, что въ случаѣ желанія Вашего имѣть мой романъ въ От[ечественныхъ] Запискахъ Вы не откажете мнѣ, если возможно, выдать мнѣ 3000 рублей. Такой договоръ разрѣшилъ бы разомъ всѣ мои затрудненія въ настоящемъ году

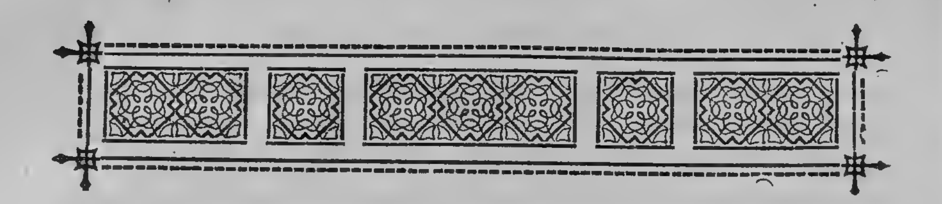
Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи.

Покорный слуга Вашъ
Ѳеодоръ Достоевскій.

8-ое іюня 1865 года.

А. Д. Александровъ.

Въ Царьградѣ въ 1878—79 г.г.

XIX [1]).

22 іюля 1878 г. послѣдовало назначеніе, для работъ разграниченія на основаніи постановленій Берлинскаго конгресса, нижеслѣдующихъ лицъ: въ Болгарскую международную комиссію Ген. штаба полковника Боголюбова, въ Восточно-Румелійскую—Ген. штаба полковника Филиппова, въ Сербскую—Ген. штаба полковника барона Каульбарса 2-го и въ Черногорскую—Ген. штаба полковника барона Каульбарса 1-го. Въ Малоазіатскую—изъ представителей заинтересованныхъ сторонъ, Ген. штаба генерала-маіора Стебницкаго и въ помощь ему Ген. штаба капитана Левашева, а въ Румынскую—Ген. штаба подполковника Бѣлявскаго. Наконецъ, для объединенія всѣхъ работъ, въ помощь нашего посла, и рѣшенія вопросовъ военнаго характера на мѣстѣ Ген. штаба генерала-маіора Бобрикова съ помощниками: Ген. штаба капитана Протопопова и Экка.

Сверхъ сего въ Восточно-Румелійскую организаціонную комиссію Ген. штаба полковника Шепелева 1-го.

На берегахъ Босфора мнѣ приходилось быть не въ первый разъ. Еще въ 1867 году была командирована партія офицеровъ—геодезистовъ Генеральнаго штаба на Балканскій полуостровъ для ознакомленія съ условіями мѣстности въ видахъ продолженія измѣренія дуги меридіана до острова Кандіи. Основная ученая мысль принадлежала Струве, главному астроному Пулковской обсерваторіи: находчивое ея примѣненіе—нашему послу въ Константино-

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1913 г.

полѣ генералъ-адъютанту Н. П. Игнатьеву. Въ число командированныхъ попалъ и я. Въ то время во главѣ министровъ Падишаха стояли выдающіеся Аали-паша и Фуадъ-паша. Когда послѣднему шептали объ опасности допускать внутрь христіанскихъ провинцій русскихъ офицеровъ Генеральнаго штаба, умница Фуадъ-паша справедливо отвѣчалъ, что въ 1829 году русская армія сама нашла дорогу къ Адріанополю, а отъ теперешней поѣздки русскихъ образованныхъ людей все-таки будетъ польза, которою они несомнѣнно подѣлятся съ турецкимъ правительствомъ. „Хотя бы и такимъ путемъ познакомиться съ настоящимъ состояніемъ страны", добавлялъ онъ благодушно.

То былъ блестящій періодъ исторіи османовъ султана Абдулъ-Ассиза, однако, не въ смыслѣ золотого вѣка по подъему мусульманскаго фанатизма и расцвѣта арабской культуры, а по широкому пользованію денежными средствами въ то время въ изобиліи народившихся во всей Европѣ банковыхъ учрежденій, наперерывъ другъ предъ другомъ открывавшихъ широкій кредитъ правительству восточнаго властелина. Свободныхъ средствъ было масса, но они направлялись не столько на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ, сколько на мимолетныя прихоти сераля. На берегахъ Босфора въ короткое время возникъ рядъ баснословно-роскошныхъ султанскихъ дворцовъ Дольма-Бахчи и Чира-Гана, предъ которыми померкли богатства резиденцій азіатскаго берега и египетскаго хедива. Въ то же время въ Золотомъ Рогѣ появились величественные броненосцы, пріобрѣтенные на вѣсъ золота, но по мнѣнію турецкаго морского вѣдомства на столько сложной и трудной конструкціи, что справиться съ ней пока не представлялось возможности. И тамъ, и здѣсь, и вездѣ въ правительственномъ обиходѣ, также быстро возникали игрушки, какъ и выходили изъ употребленія. Пѣной вскипѣла общественная дѣятельность, только для близорукаго казавшаяся прочною и устойчивою.

Англійское вліяніе со времени послѣдней войны преобладало и съ нимъ успѣшно боролся нашъ молодой, энергичный и представительный посолъ. Благодаря тому, что раннимъ возведеніемъ въ званіе посла онъ сдѣлался доэномъ иностранныхъ представителей, онъ былъ неистощимъ въ нанесеніи мелкихъ уколовъ спѣсивому представителю Великобританіи, сэру Генри Элліоту. То появленіемъ въ Блистательной Портѣ онъ прерывалъ бесѣду своего соперника съ великимъ визиремъ по званію императорскаго посла; то велъ первою къ столу, какъ доэня, особу не особенно угодную англичанину-хозяину. Кипучею своею дѣятельностью и находчивостью онъ совершенно обворожилъ султана до такой степени, что

не было международнаго дѣла, по которому Его Величество не совѣтывался бы съ русскимъ посломъ. Настоящимъ дѣломъ никто не занимался. Интрига и борьба за вліяніе были въ полномъ ходу. Если блистательному послу нашему удалось занять первенствующее положеніе у трона калифа всѣхъ правовѣрныхъ, то въ средѣ послѣднихъ, у софтъ и улемовъ, онъ давно считался страшнымъ шайтаномъ, котораго ненавидѣли и боялись, но силу безусловно признавали. Всѣ усилія генерала Игнатьева внушить туркамъ довѣріе и дружбу къ русскимъ, возобновить традицію 1833 г., когда русскій корпусъ войскъ былъ привезенъ на берега Босфора для защиты Стамбула отъ Египетскаго хедива, оказались напрасными. Мы по-прежнему нагоняли на турокъ страхъ и отнюдь не вызывали довѣрія.

Проходя разъ мимо топханэ (арсенала), я былъ привѣтствованъ стоявшимъ тамъ часовымъ: „бона инглишъ, бона инглишъ".

Приложивъ руку къ шляпѣ въ видѣ отвѣта на привѣтствіе, я спросилъ: „а московъ бона?"

Часовой сдѣлалъ свирѣпый видъ и яростно сталъ штыкомъ колоть пространство, посылая по адресу москова нелестные эпитеты.

Во время поѣздки верхомъ по болгарскимъ провинціямъ меня сопровождалъ турецкій офицеръ Генеральнаго штаба, болѣзненный, худенькій, забитый. Спѣшно высланный, чтобы меня конвоировать, онъ былъ безъ денегъ и багажа и потому находился на моемъ полномъ иждивеніи. Угодливости его не было границъ. За каждую ласку и угощеніе онъ подобострастно цѣловалъ полу моей одежды. А это былъ одинъ изъ первыхъ учениковъ высшей военной школы. Онъ мнѣ жаловался на свое скудное существованіе, полное лишеній, и умолялъ выхлопотать ему отпускъ въ родной домъ, гдѣ осталась его семья, которую не видѣлъ уже нѣсколько лѣтъ

Велико было ликованіе турецкаго люда и инородцевъ, когда Абдулъ-Ассизъ погибъ отъ англійскихъ ножницъ. У нашего посла были друзья между пашами, но его слишкомъ шумная, подчасъ походная дѣятельность оскорбляла религіозное чувство мусульманъ и задѣвала самолюбіе и интересы христіанскихъ народностей береговъ Босфора. Въ нашей политикѣ той эпохи не было опредѣленнаго направленія и выдержки, и вся она олицетворялась въ лицѣ даровитаго, но крайне самонадѣяннаго посла. Въ тихихъ водахъ ислама, требующаго медленной, созерцательной мысли, рѣзко бурлила энергія неукротимаго посла, какъ на клавишахъ игравшаго на всѣхъ сторонахъ государственной жизни Турціи, отъ дѣлъ религіозныхъ до биржевой игры. Когда событія назрѣли и наступилъ эпилогъ, въ нашихъ рукахъ оказалось одно пустое про-

странство. Блестящая импровизація несомнѣннаго таланта сильно подкупала въ свою пользу, но стоило подойти къ его дѣятельности съ холоднымъ анализомъ, чтобы разоблачилась непрочность созиданія, провозглашеніе высокихъ началъ еще не заслуга, нужно сумѣть ихъ осуществить.

Въ нашемъ посольствѣ устно передается легенда о томъ, какъ молодой нашъ посланникъ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, былъ вынужденъ уступить свое мѣсто восходившему свѣтилу на дипломатическомъ горизонтѣ, обнаружившему свои высокія дарованія въ Пекинѣ. Говорятъ, что успѣхъ опьяняетъ. Вѣроятно въ силу такого явленія юный директоръ азіатскаго департамента не счелъ возможнымъ примириться съ своею дѣятельностью и возымѣлъ страстное желаніе занять постъ въ Царьградѣ. Какимъ путемъ, опредѣлительно сказать трудно, но посланникъ былъ доведенъ до такого состоянія, что всѣ департаментскіе пакеты онъ сталъ бросать въ каминъ и корзину, не читая, на этомъ былъ дискредитированъ и вскорѣ отозванъ.

Когда въ сентябрѣ 1879 года я прибылъ въ Буюкъ-Дере на Босфорѣ, посломъ былъ князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, тотъ самый, который много лѣтъ тому назадъ былъ уже здѣсь въ званіи посланника. На этотъ разъ онъ явился сюда въ качествѣ посла и особо довѣреннаго лица, принявшаго постъ по чрезвычайному настоянію высшихъ сферъ. Онъ потребовалъ меня къ себѣ немедленно, въ томъ самомъ дорожномъ костюмѣ, въ которомъ я только-что сошелъ съ парохода, и безъ околичностей перешелъ къ существу современнаго положенія.

Общую обстановку Императорскаго посольства я нашелъ совершенно другого характера. Вмѣсто приподнятой нервности и быстро мѣнявшихся впечатлѣній всюду царило спокойствіе, простота и усидчивость работы. Князь А. Б. Лобановъ былъ скорѣе кабинетнымъ ученымъ, чѣмъ кѣмъ-либо инымъ. Одинокій, онъ рѣдко соединялъ у себя за столомъ персонала посольства, почему подчиненныхъ своихъ зналъ больше по способности ихъ къ работѣ. Случалось, что по спѣшному дѣлу я заставалъ посла за скромнымъ завтракомъ. Онъ предлагалъ мнѣ говорить, а самъ продолжалъ завтракать. Съ непривычки эта простота нѣсколько шокировала, но скоро я оцѣнилъ ея удобство. Ни по какимъ вопросамъ князь не былъ двухъ мнѣній. Высказывался онъ обдуманно, прямо по существу и всегда правдиво. Привожу два случая, прекрасно его характеризующіе.

Берлинскимъ конгрессомъ остались всѣ недовольны, но больше всѣхъ болгары, для которыхъ Санъ-Стефанскимъ мирнымъ дого-

воромъ открывалась перспектива сдѣлаться сразу сильнымъ государствомъ, несомнѣнно господствующимъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Берлинѣ Болгарія не только была сильно обрѣзана со всѣхъ сторонъ, но и разрѣзана пополамъ. Какъ ни старались мы за нее, но сдѣлать ничего не могли. Приходилось мириться съ участью. Хорошо понимая, что время не за нихъ и что всякая попытка можетъ легче имѣть успѣхъ, пока не установлены граничныя линіи и только въ періодъ оккупаціи страны русскими войсками, болгары формируютъ четы въ Македоніи, а по народившейся Восточной Румеліи подняли волну подъема народнаго духа. Слухъ о волненіяхъ дошелъ до Царьграда и очень озаботилъ кн. Лобанова. Съ другой стороны безпокойство посла усилилось неопредѣленными проектами объ албанской автономіи, исходившими, главнымъ образомъ, изъ австро-венгерскаго посольства, но нашедшими больше сочувствія даже между нашими мѣстными дипломатами.

Совѣщаясь со мной, князь подробно разспрашивалъ объ албанской народности, ея происхожденіи, исторіи и географіи и поручилъ командировать Генеральнаго штаба капитана Экка для изслѣдованія на мѣстѣ о состояніи страны. Результаты поѣздки превзошли ожиданія. Оказалось, что инсуррекціонная пропаганда раскинулась на всю центральную часть полуострова, не только не скрываясь отъ мѣстныхъ властей, но во многихъ мѣстахъ возникая и распространяясь благодаря имъ. Капитанъ Эккъ видѣлъ открыто лежавшіе подписные листы на осуществленіе македонскаго возстанія, во главѣ которыхъ стояли русскія оффиціальныя имена. Что же касается до Арнаутлука (турецкое названіе населенной албанской народностью мѣстности), то свѣдѣнія, доставленныя капитаномъ, вполнѣ подтвердили существованіе съ одной стороны интриги австрійскихъ эмиссаровъ, а съ другой—подстрекательство магометанскаго фанатизма къ истребленію христіанъ.

„Когда предъ отъѣздомъ, я имѣлъ счастіе представляться Государю Императору“, говорилъ мнѣ посолъ, „Его Императорскому Величеству благоугодно было меня удостоить особою устною инструкціею, по которой я долженъ употреблять всѣ усилія къ возможно быстрой ликвидаціи послѣдствій войны. Поэтому, долгъ службы мнѣ повелѣваетъ немедленно донести о возможныхъ въ ближайшемъ будущемъ затрудненіяхъ, способныхъ неосторожно запутать насъ въ болгарскихъ дѣлахъ“.

Послѣдствіемъ донесенія былъ вызовъ въ Ливадію Императорскаго комиссара генералъ-адъютанта князя А. М. Дондукова-Корсакова. Нужно предполагать, что внушенія были серьезнаго ха-

рактера, такъ какъ князь на обратномъ проѣздѣ даже не зашелъ къ послу.

Не много спустя, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ былъ переданъ въ посольство для руководства проектъ одного изъ видныхъ членовъ нашего дипломатическаго корпуса объ образованіи автономнаго албанскаго государства. Проектъ княземъ Лобановымъ былъ лично переданъ мнѣ для обсужденія его вмѣстѣ съ Базили и совмѣстнаго доклада. Прочитавъ обширную записку съ одобрительными помѣтками на поляхъ, мы пришли въ ужасъ. Обнаруживалось поразительное легкомысліе автора, бойкимъ проектомъ желавшаго лишь обратить на себя вниманіе начальства. Можно было только удивляться, какъ такой проектъ могъ успѣшно пройти всѣ начальственныя стадіи и даже вызвать одобреніе. Посолъ приказалъ проектъ сдать въ архивъ въ отрицательное назиданіе потомства и о своемъ распоряженіи имѣлъ мужество сообщить въ министерство.

Хаосъ понятій даже между чинами одного и того же вѣдомства былъ чрезвычайный. Никто не считалъ нужнымъ изучать дѣло и вникать въ его прошлое. Каждый стремился импровизировать. Существовали теченія, прямо противоположныя одно другому, смотря потому, исходили-ли они изъ Вѣны или изъ Константинополя. Прилагалась различная оцѣнка словамъ, были бы они сказаны графомъ Игнатьевымъ, или произнесены посломъ Новиковымъ. Ловкіе люди пользовались этимъ и мутили общественное мнѣніе. Упорное волненіе той мѣстности, которая предназначалась къ образованію Восточной Румеліи, наконецъ вызвало посылку въ Филиппополь чрезвычайнаго императорскаго посланца, генералъ-адъютанта Н. Н. Обручева, для объявленія истинной воли Императора-освободителя.

Послѣ Берлина я приводилъ свои нервы въ порядокъ въ Uriage-les-bains близъ Гренобля, а затѣмъ въ Туринѣ и во Флоренціи. Когда я покидалъ послѣднюю, направляясь въ половинѣ сентября черезъ Петербургъ въ Царьградъ, лѣта уже не было. Въ Германіи я нашелъ рѣзкое пониженіе температуры на сухую осень. Въ Петербургѣ была обычная холодная слякоть. На Босфорѣ жара спала и было лучшее время года. Розы въ полномъ цвѣту, поспѣвали фрукты и виноградъ. На первыхъ порахъ, до переѣзда въ Перу, я жилъ въ укромномъ маленькомъ отелѣ Belle vue, довольно высоко лѣпившимся на горныхъ скатахъ прибрежья пролива. Помѣщеніе было миніатюрное, ѣда слабая за исключеніемъ вкусныхъ лангустовъ и чудныхъ темно-зеленыхъ бархатныхъ персиковъ. Приходилось карабкаться въ гору, возвращаясь съ прогулки. Зато

видъ на панораму Босфора былъ очаровательнѣйшій; мягкій, теплый воздухъ былъ полонъ благоуханій.

За двѣнадцать лѣтъ моего отсутствія, составъ посольства сильно измѣнился. Совѣтникомъ былъ Ону, первымъ секретаремъ Базили, секретарями и причисленными состояли: Тепловъ, Вурцель, баронъ Будбергъ, Скрябинъ и Медвѣдевъ. Все люди въ высшей степени любезные и предупредительные, работать и бесѣдовать съ которыми было одно удовольствіе. Семейнымъ домомъ былъ одинъ Ону, гдѣ радушіе и гостепріимство хозяйки заставляли забывать, что находишься на чужбинѣ.

Мое пребываніе въ Царьградѣ распадается на двѣ части, до зимы и послѣ. Въ продолженіе первой части, т. е. осенью 1878 г. мною было написано Н. Н. Обручеву девять писемъ, содержаніе которыхъ обнимаетъ собою почти всѣ текущія дѣла.

Эти письма рисуютъ отдѣльныя картины эпохи, въ которой разобраться я еще не успѣлъ. Благодаря тому, что ранѣе я находился въ центрахъ главнѣйшихъ событій, я былъ болѣе когонибудь подготовленъ къ уразумѣнію историческихъ явленій въ сферѣ юго-славянскаго міра. Въ Царьградѣ предо мной выростали результаты событій. Интересъ росъ, ясно сознавались ошибки на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Что будетъ дальше?

XX.

До сихъ поръ мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ на частныхъ театрахъ событій въ Румыніи, въ Болгаріи, въ Сербіи и въ Берлинѣ, пережить подготовительный періодъ предъ войной, испытать превратности боевыхъ невзгодъ и успѣховъ, убѣдиться въ несостоятельности дипломатическаго ареопага. Теперь я очутился въ центрѣ событій, въ фокусѣ историческихъ явленій. Предо мной подводились итоги, сводились концы. Когда знакомишься съ жизнью народовъ по исторической литературѣ, какъ все представляется величественнымъ и законченнымъ. Въ практической жизни, наоборотъ, все является нестройнымъ, какъбы случайнымъ, на первый взглядъ даже уродливымъ. Нужно отойти отъ частностей и подробностей, чтобы вѣрнѣе отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ событій, понять ихъ значеніе, провидѣть будущее.

Заканчивалась великая эпоха нашихъ войнъ за родное славянство, за православіе, за обездоленныхъ и угнетенныхъ; наступалъ

заключительный актъ войнъ съ исламомъ за крестъ на Софійскомъ храмѣ. Хотя послѣднею войною добыты несомнѣнно большіе результаты; но съ горькою обидою сознавалось, что главнаго сдѣлано не было. А оно было такъ близко, такъ возможно. Опытъ величайшихъ нашихъ государей указывалъ на необходимость стремленія къ обезпеченному выходу въ свободное море; и главную цѣль въ этомъ отношеніи составлялъ Царьградъ съ проливами. Намъ вовсе не нуженъ вѣчный городъ Востока; но намъ необходимо преобладаніе на этомъ узлѣ международной торговли Стараго Свѣта, необходимъ ключъ отъ Босфора, для насъ важна открытая дверь Дарданеллъ. Путемъ дипломатическихъ компромиссовъ главная государственная цѣль затушевалась. Народились вопросы о свободѣ проливовъ, о международномъ характерѣ Царьграда, о возрожденіи Византійской имперіи. Крупный размѣръ этихъ вопросовъ не укладывался въ рамкѣ полюбовнаго мирнаго соглашенія. Отсюда дипломатическій компромиссъ объ оставленіи дѣла въ слабыхъ рукахъ Турціи. Но такой палліативъ даетъ слишкомъ много нашимъ соперникамъ и слишкомъ мало намъ.

Не поставленная твердо и ясно цѣль войны ввела многихъ въ заблужденіе. Если великая Россія поднялась во весь свой политическій ростъ, то конечно только для того, чтобы сломить владычество ислама на Балканскомъ полуостровѣ, обломать рога у полумѣсяца, и тѣмъ дать новую жизнь единовѣрнымъ и единоплеменнымъ братьямъ. Всероссійская мощь ея слишкомъ велика и высокое значеніе въ славянскомъ мірѣ не сокрыто предъ лицомъ всего міра, чтобы можно было предполагать и ставить другія, болѣе мелкія цѣли, и эти цѣли могли бы пріобрѣтать какую-либо вѣроятность. Ясно, какъ Божій день, что въ конечномъ успѣхѣ мы даже не имѣли права сомнѣваться, и что съ самаго начала событія должны были быть подготовлены и направлены съ такимъ разсчетомъ, чтобы вся задача была окончена въ одинъ ударъ. Откуда же эта неувѣренность, колебанія, сомнѣнія, какъ-бы неожиданность событій?!

Конечный успѣхъ нашего оружія оправдалъ самыя широкія предположенія. Увѣнчанная побѣдными лаврами, наша армія расположилась предъ беззащитнымъ Царьградомъ, въ которомъ полумѣсяцъ все еще попиралъ св. Софію. Почему же занесенный мечъ не опустился, чтобы разсѣчь гордіевъ узелъ?! Отвѣтъ одинъ: не выдержали нервы главной квартиры. Постараюсь вкратцѣ изложить событія послѣдняго періода кампаніи.

28 декабря получается въ Ловчѣ депеша Юсуфа-паши о перемиріи. 7 января въ Казанлыкъ къ главнокомандующему прибы-

ваютъ турецкіе уполномоченные Серверъ-паша и Назимъ-паша. 9 января въ телеграммѣ гравнокомандующаго Государю Императору между прочимъ значится: „Въ виду быстро совершающихся событій, неожиданно скораго наступленія нашихъ войскъ... испрашиваю: какъ мнѣ поступить въ случаѣ подхода моего къ Царьграду, что легко можетъ случиться при паникѣ, которою объято турецкое населеніе отъ Адріанополя до Стамбула включительно, а также что дѣлать въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) Если англійскій флотъ вступитъ въ Босфоръ. 2) Если въ Константинополѣ будетъ иностранный десантъ. 3) Если тамъ будутъ безпорядки, рѣзня христіанъ и просьба о помощи къ намъ. 4) Какъ отнестись къ Галиполи съ англичанами и безъ англичанъ?“ Въ двухъ телеграммахъ главнокомандующаго слѣдующаго дня находимъ: въ первой „Событія такъ быстро совершаются и опережаютъ всякія предположенія, что, если Богъ благословитъ, мы скоро можемъ быть невольно подъ стѣнами Царьграда. 15 января разсчитываю быть въ Адріанополѣ... 17-го двинуть пѣхоту на Константинополь. Если не встрѣчу особыхъ препятствій, то къ концу мѣсяца могу быть у стѣнъ Царьграда“... Въ другой телеграммѣ Великій Князь доноситъ: „Долгомъ считаю высказать мое крайнее убѣжденіе, что при настоящихъ обстоятельствахъ уже невозможно остановиться и, въ виду отхода турокъ принять условія мира, необходимо идти до центра, т. е. до Царьграда, и тамъ покончить предпринятое тобою святое дѣло. Самые уполномоченные Портою говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены и намъ не остается ничего другого, какъ занять Константинополь“...

Въ отвѣтной телеграммѣ, отъ 12 января, Государю Императору благоугодно было выразить: „Соображенія твои относительно дальнѣйшаго наступленія къ Константинополю Я одобряю. Движеніе войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до формальнаго соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При этомъ объяви турецкимъ уполномоченнымъ, что, если въ теченіе 3-хъ дней со времени отправленія ими запросной телеграммы въ Константинополь, не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты, вопросъ долженъ рѣшаться подъ стѣнами Константинополя. Въ разрѣшеніе поставленныхъ тобою на этотъ случай 4-хъ вопросовъ предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями: По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя соглашенія съ начальниками эскадръ относительно водворенія общими силами порядка въ городѣ. По 2-му. Въ случаѣ ино-

страннаго десанта въ Константинополь, избѣгать всякаго столкновенія съ нимъ, оставивъ войска наши подъ стѣнами города. По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненіи спокойствія, то констатировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска. Наконецъ, по 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англіи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галлиполи. Англія съ своей стороны обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галлипольскаго полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлога къ вмѣшательству... Въ виду Твоего приближенія къ Царьграду, Я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генералъ-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адріанополь для веденія совмѣстно съ Нелидовымъ предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при Главной квартирѣ".

19 января представителями Порты приняты нами предложенныя условія мира и заключено перемиріе, однако, безъ назначенія срока. Это послѣднее обстоятельство и позднее прибытіе нашего перваго уполномоченнаго лишь 27 числа въ Санъ-Стефано, куда Главная квартира прибыла 12 февраля, дали возможность Великобританіи сдѣлать попытку смѣшать наши карты.

Высочайшая телеграмма по этому поводу изъ С.-Петербурга отъ 30 января: „Вступленіе англійской эскадры въ Босфоръ слагаетъ съ насъ прежнія обязательства, принятыя нами относительно Галлиполи и Дарданеллъ. Въ случаѣ, если бы англичане сдѣлали гдѣ-либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь. Предоставляю Тебѣ въ такомъ случаѣ полную свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы избѣжать непосредственнаго столкновенія съ англичанами, пока они сами не будутъ дѣйствовать враждебно".

Слѣдующая депеша была отправлена днемъ раньше, но пришла днемъ позже. „Изъ Лондона получено оффиціальное извѣстіе, что Англія, на основаніи свѣдѣній отъ Леярда объ опасномъ будто бы положеніи христіанъ въ Константинополѣ, дала приказаніе части своего флота идти въ Царьградъ для защиты своихъ подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи и нашихъ войскъ въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло исполниться дружественнымъ образомъ. Если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовымъ занять Царьградъ

даже силою. О назначеніи числа войскъ предоставляю Твоему усмотрѣнію, равно какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками дунайскихъ крѣпостей".

Въ то же время государственный концлеръ доводилъ до свѣдѣнія Главнокомандующаго, что по Высочайшему повелѣнію имъ была отправлена въ наши 5 посольствъ телеграмма о томъ, что въ виду направленія англійской эскадры къ Константинополю для насъ является обязательнымъ имѣть въ виду часть войскъ направить въ Константинополь.

3 февраля Государь вновь пишетъ: „Англійское министерство утверждаетъ, что эскадра, вступившая въ Босфоръ—Дарданеллы, имѣетъ мирное назначеніе, не допускаетъ, однако же, что и съ нашей стороны вступленіе части войскъ въ Константинополь имѣло бы такой же характеръ. На это объявлено черезъ графа Шувалова, что временное вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же мирною цѣлью, сдѣлалось неизбѣжнымъ; но въ видѣ послѣдней уступки обѣщано Англіи, что мы не займемъ Галлиполи, если ни одинъ англійскій солдатъ не будетъ высаженъ на берегъ, ни европейскій, ни азіатскій... Что же касается до Босфора, то надобно зорко слѣдить, чтобы не допустить англійскія суда, и въ случаѣ какой-либо попытки ихъ въ эту сторону стараться занять, если можно съ согласія Порты, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега".

На послѣднія телеграммы изъ С.-Петербурга Главнокомандующій отвѣчалъ такою депешею отъ 4 февраля: „Съ каждымъ днемъ занятіе войсками нашими Константинополя становится затруднительнѣе, въ случаѣ, если Порта добровольно не согласится на наше вступленіе потому, что числительность турецкихъ войскъ увеличивается съ каждымъ днемъ войсками, привозимыми изъ оставляемыхъ ими крѣпостей. Предупреждаю объ этомъ для того, чтобы не считалъ занятіе Царьграда столь же легкимъ и возможнымъ, какъ то было двѣ недѣли тому назадъ. Затрудняетъ переговоры растущій въ Царьградѣ слухъ о предполагаемой будто-бы европейской конференціи, до исхода которой миръ не будетъ считаться окончательнымъ".

3-го февраля была получена отъ князя Горчакова копія съ депешъ, которыми обмѣнялись Государь Императоръ съ Султаномъ. 31 января стараго стиля Государь отвѣчалъ: „Je viens de recevoir le télégramme de V. M. d'aujourd'hui midi. Je reste dans les mêmes dispositions amicales et pacifiques, mais il m'est difficile de concilier ce qu'elle demande avec une communication, que

je reçois du gouvernement anglais. Il me fait savoir que malgré du refus du firman une partie de la flotte anglaise entrera dans le Bosphore pour assurer la vie et la propriété des sujets britanniques. Si l'escadre anglaise entrerait dans le Bosphore, il me serait impossible ne pas faire entrer à Constantinople temperairement une partie de mes troupes. V. M. possède à un Crop Laut dégré le sentiment de sa dignité personnelle pour qu'elle na le dese, que, si le cas cité ci-desous sa réalisait, je ne saurais agir differement".

Вышеприведенные документы съ достаточною ясностью обрисовываютъ ту обстановку, при которой Главнокомандующему приходилось рѣшать вопросъ о вводѣ войскъ въ Царьградъ. Императору Александру II трудно было съ большою опредѣлительностью выражать свою волю о занятіи Царьграда частью своихъ войскъ. Если въ его телеграммахъ иногда встрѣчаются условныя указанія, то въ то же время во всемъ сквозило его желаніе услышать о вступленіи нашихъ войскъ въ Царьградъ.

Самъ Главнокомандующій въ эпоху перелома кампаніи былъ преисполненъ высокаго энтузіазма и рѣшимости довести дѣло быстро до конца. Онъ признавалъ за велѣніе судьбы идти въ Царьградъ, прибить къ его стѣнамъ щитъ съ русскимъ гербомъ, и понималъ всю необходимость овладѣнія Константинополемъ и захвата Босфора, все нравственное значеніе этого факта, хотя бы для облегченія окончательнаго разсчета. Но все это было до Адріанополя, до заключенія перемирія, когда дѣлаются распоряженія объ овладѣніи укрѣпленіями на Босфорѣ передовыми войсками генерала Скобелева 2-го. Дальше Главнокомандующій не торопится, и Главная квартира переходитъ въ Санъ-Стефано только 12 февраля. Почти цѣлый мѣсяцъ въ Адріанополѣ тогда, какъ близость конца усиленно требовала присутствія Главнокомандующаго ближе къ Константинополю. Энергія, высоко развившаяся во время перехода войсками Балканскаго горнаго хребта, падаетъ. Въ скоромъ времени въ Главной квартирѣ начинаютъ говорить, что своими успѣхами мы можемъ захлебнуться. Такъ говорили тѣ же, которые послѣ плевненскихъ неудачъ предлагали для безопасности отойти за Дунай до прибытія подкрѣпленій. Позднѣе является даже уподобленіе съ басней „Фортуна и нищій". Все громче раздаются голоса, что намъ рано владѣть Царьградомъ и для Россіи выгоднѣе слабая власть Султана на Босфорѣ. Даже при побѣдномъ шествіи всѣхъ отрядовъ къ Адріанополю все тѣ же голоса находили наше положеніе опаснымъ. Простудная болѣзнь Главнокомандующаго какъ нельзя болѣе содѣйствовала къ ослабленію нервнаго напряженія.

Перемиріе должно было застать войска въ непосредственной близости къ Константинополю, съ главною квартирою на передовыхъ постахъ, въ полной готовности къ наступленію. Слишкомъ большимъ снисхожденіемъ было принятіе нейтральной полосы по острову Деркосъ. Существеннымъ упущеніемъ было неназначеніе срока перемирія. Наши уполномоченные ставили себѣ въ заслугу сдачу дунайскихъ крѣпостей; но, если справедливо утвержденіе, что гарнизоны этихъ крѣпостей, перевезенные въ Константинополь, послужили ему оплотомъ отъ нашихъ войскъ, едва-ли дѣйствительна эта заслуга. Одновременно съ перемиріемъ были утверждены основы мира. Между тѣмъ нашъ первый уполномоченный прибылъ къ Главной квартирѣ только 27 января, т. е. позднѣе заключенія перемирія на восемь дней, а со дня Высочайшаго повелѣнія—на двѣ недѣли. Путь же отъ Бухареста до Адріанополя онъ сдѣлалъ въ четыре дня. Въ числѣ другихъ причинъ, повліявшихъ на позднее заключеніе мирнаго договора, и это обстоятельно имѣло не малое значеніе, отразившись неблагопріятно и на самомъ трактатѣ. Между прочимъ представляется необъяснимымъ, какъ могли турецкіе уполномоченные отказаться отъ обязательства совмѣстно отстаивать статьи заключеннаго договора. Можно только сожалѣть, почему мирныя условія не были подготовлены заблаговременно и не были согласованы съ желаніями нашихъ союзниковъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Во всѣхъ отношеніяхъ было бы лучше, если бы въ заключеніи мира принимали участіе и ихъ уполномоченные.

Схватить за горло побѣжденнаго противника и заставить его принять волю побѣдителя имѣетъ такое же значеніе въ смыслѣ послѣдняго стратегическаго акта, какое имѣетъ энергическое преслѣдованіе разбитаго непріятеля—въ тактическомъ отношеніи. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ сильнѣе назрѣваютъ событія, которыми Главнокомандующій обязанъ пользоваться моментально, отнюдь не обращаясь ни къ кому за совѣтомъ. Эта истина выработалась вѣковымъ опытомъ и безспорна для всякаго положенія.

Если Главнокомандующій находилъ для себя затруднительнымъ овладѣть Царьградомъ, были ли его соображенія правильны или нѣтъ; то почему онъ не выполнилъ другого указанія, даннаго ему изъ Петербурга, не занявъ укрѣпленія на Босфорѣ. Иниціатива этого предпріятія принадлежала ему самому, такъ какъ еще въ Адріанополѣ по этому поводу были даны инструкціи генералу Скобелеву 2-му.

Англійской эскадры бояться не слѣдовало, такъ какъ что она могла предпринять, чтобы намъ въ чемъ-либо помѣшать? Если бы она спустила десантъ, то предварительно должна была войти съ нами въ соглашеніе, и въ такомъ случаѣ мѣста для всѣхъ въ

Царьградѣ нашлось бы довольно. Рѣшиться на явно враждебныя намъ дѣйствія эскадра, очевидно, не могла, такъ какъ не только рисковала десантомъ, но и собственнымъ существованіемъ. Если для взрыва турецкаго военнаго судна въ рядахъ русскихъ войскъ нашлись отважные люди; то какою бы славой озарились имена героевъ, взорвавшихъ англійскіе броненосцы. Англійской эскадрѣ оставалось одно изъ двухъ: или быть молчаливою свидѣтельницею нашего занятія Константинополя, или бомбардировать великій городъ, на защиту котораго прибыла.

Слава боевыхъ подвиговъ нашей арміи и ея доблестнаго военноначальника слишкомъ велика, чтобы бояться подробныхъ изслѣдованій, производимыхъ не съ цѣлью ее поколебать, а для блага отечества, въ изученіе дѣла, въ устраненіе бывшихъ недочетовъ на предбудущія времена.

XXI.

Чѣмъ ближе я узнаю нашего посла, князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго, тѣмъ большимъ проникаюсь къ нему уваженіемъ. Всегда ровный и спокойный, князь съ одинаковымъ вниманіемъ терпѣливо выслушиваетъ всякія заявленія, съ которыми къ нему обращаются оффиціальныя и частныя лица. Быстро разобраться въ нихъ ему не представляетъ большихъ затрудненій, такъ какъ при дарованіяхъ отъ природы онъ обладаетъ опытомъ и широкимъ образованіемъ, можетъ быть нѣсколько кабинетнаго характера. Принялъ мѣсто посла въ Константинополѣ онъ безпрекословно, хотя назначенія этого и предпочелъ бы избѣжать. Князь мнѣ разсказывалъ, что онъ не могъ не принять поста, разъ Государь ему лично выразилъ, что не имѣетъ выбора кромѣ него и надѣется позднѣе имѣть его своимъ непосредственнымъ сотрудникомъ.

Переживалось трудное время. Работы было много. Одновременно возникли серьезныя дѣла, отъ правильнаго рѣшенія которыхъ зависѣли интересы положенія и народностей. Раздѣломъ Болгаріи на двѣ части, по почину Великобританіи и съ утвержденія Берлинскаго конгресса, болгары были до крайности возмущены. Они рѣшительно не допускали возможности возвращенія Восточной Румеліи подъ власть султана, сильно волновались и порывисто хваталась за оружіе. Сдерживаемые на мѣстахъ, занятыхъ нашими войсками,

они старались поджечь страну со стороны Македоніи, послужившей въ этомъ случаѣ фонтанелью для болгарскаго дѣла. Нельзя было не сочувствовать, но въ то же время не было возможности допустить этого безразсуднаго дѣла. Выше уже было отмѣчено, какое принялъ въ немъ участіе нашъ посолъ и какъ быстро имъ былъ предотвращенъ пожаръ народныхъ страстей.

Когда устанавливались границы въ комиссіи разграниченія и военныхъ экспертовъ на Берлинскомъ конгрессѣ, установившемъ принципіальное право за Турціею имѣть свои гарнизоны на перевалахъ главнаго Балканскаго хребта; крайнія заявленія были настолько обезврежены, что можно было не сомнѣваться, что правомъ своимъ турки никогда не воспользуются. Такимъ образомъ отдѣленіе Восточной Румеліи отъ Болгарскаго княжества по существу оказывалось почти фиктивнымъ и временнымъ. Хотя международная организаціонная комиссія Восточной Румеліи всячески старалась объ утвержденіи въ провинціи власти султана, но сдѣлать многаго не могла, такъ какъ главный вопросъ объ организаціи мѣстной милиціи былъ въ рукахъ императорскаго комиссара и нашихъ войскъ.

Другой вопросъ, случайно возникшій изъ желанія обратить на себя вниманіе одного изъ юныхъ нашихъ талантовъ на дипломатическомъ поприщѣ, безъ знанія дѣла и опыта готовыхъ разрѣшать съ плеча какія угодно государственныя задачи, касался проекта образованія самостоятельнаго албанскаго государства. Я уже имѣлъ случай коснуться этого опаснаго случая, но здѣсь считаю необходимымъ болѣе подробно обрисовать ту обстановку, при которой онъ могъ не только возникнуть, но легко получить свое осуществленіе. Подъ словомъ Албанія слѣдуетъ разумѣть географическое наименованіе трудно-доступной горной страны на западной сторонѣ Балканскаго полуострова. На этомъ пространствѣ искони разбросаны отдѣльныя племена, не имѣющія между собой ничего общаго: ни языка, ни религіи, ни племенного родства. Никогда не составляли они ни отдѣльнаго государства, ни сплоченнаго общества, входя въ составъ Римской имперіи подъ общимъ названіемъ иллирійской области, а впослѣдствіи подчиняясь сильнѣйшему государству на полуостровѣ. Разрозненный характеръ ихъ не ограждалъ отъ внѣшней опасности, отъ всевозможныхъ вліяній, преимущественно шедшихъ съ Запада, занося въ страну католическую пропаганду и культуру швабской державы. Для султановъ-завоевателей область не оказала серьезнаго сопротивленія и съ такою же легкостью восприняла исламъ, съ какою шла за проповѣдниками римскаго вѣроисповѣданія. Османы утвердили свою власть въ странѣ обращеніемъ бли-

жайшихъ и болѣе доступныхъ племенъ въ магометанство, упорно стремясь съ ихъ помощью владѣть краемъ подъ видомъ сплоченнаго исламомъ Арнаутлука; но поставленной цѣли достичь не могли никогда. Свободолюбивые сыны горныхъ высей шли съ османами, пока это было имъ выгодно, не платя податей и осуществляя свой собственный укладъ жизни. Но, какъ только правительственный тонъ повышался, предъявляя имъ общегосударственныя требованія, племена отбивались съ оружіемъ въ рукахъ и шли на соглашеніе съ Черной горой, которой принадлежали всѣ ихъ симпатіи. Такимъ образомъ Албанія не только никогда не была источникомъ силы державы полумѣсяца, но чаще заставляла ее держать въ ней сильные гарнизоны.

Очевидно, объединеніе страны могло быть только случайнымъ, временнаго характера, что и доказывается историческими примѣрами, когда захватывалась власть надъ смежными племенами энергичными честолюбцами. Власть ихъ была не продолжительна и составляла скорѣе авантюру, чѣмъ историческое событіе.

Какъ же русскій дипломатъ могъ додуматься до необходимости образованія албанскаго государства въ нашихъ интересахъ. Еще удивительнѣе, что вѣдомство такой, по меньшей мѣрѣ, странный проектъ могло одобрить. Тѣмъ большая заслуга нашего посла, не только съумѣвшаго по достоинству оцѣнить опасную инициативу, но и имѣвшаго мужество положить ее подъ сукно, сообщивъ въ Петербургъ, что дѣлу имъ не данъ ходъ. Настоящій случай, такимъ образомъ, миновалъ безъ вредныхъ послѣдствій; но грустно думать, что всякая неразумная энергія, проявленная съ апломбомъ, можетъ быть направлена къ осуществленію, вопреки ея вреднаго характера. Приходится допускать возможность всякой затѣи.

Албанскія племена уже давно служатъ приманкой латыно-швабской пропаганды, предметомъ зависти Италіи къ Австро-Венгріи. Слабыя въ религіозномъ чувствѣ, они легко воспринимаютъ догматы Римской церкви, хотя и мѣняютъ ихъ съ одинаковою легкостью даже на коранъ, но отъ швабскихъ посягательствъ открещиваются всѣми способами. Имперія Габсбурговъ силы въ Албаніи не почерпнула, напротивъ, до сихъ поръ только тратила свои духовныя и матеріальныя средства. Если когда-нибудь въ Албаніи образуется самостоятельное государство, оно наполнится внутренними раздорами и станетъ игрушкою сосѣдей. Но систему дѣйствій Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ, какъ бы она ни была намъ непріятна, нельзя безусловно осуждать. Она достойна въ извѣстной степени подражанія, такъ какъ даетъ безъ кровопролитныхъ боевъ блестящіе успѣхи. Смыслъ ея, насколько она до-

ступна изслѣдованію, заключается въ самомъ пристальномъ изученіи всей политической жизни въ общемъ цѣломъ и въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ съ микроскопомъ и скальпелемъ въ рукахъ. Ничто не теряется даромъ подъ проницательнымъ взглядомъ австрійскихъ преемниковъ Метерниховскаго искусства. Вотъ именно этого намъ и недостаетъ. Мы простодушны, безъ грани довѣрчивы и вносимъ въ сферу государственной дѣятельности пріемы домашней жизни нараспашку.

Не разъ предметами нашихъ разговоровъ съ кн. Лобановымъ были вопросы, почему въ событіяхъ первостепенной важности мы часто являемся неразумными и неопытными дѣтьми, несмотря на свою даровитость и несомнѣнную ученость.

Къ событіямъ эпохи нашей войны, того же характера, какъ въ Албаніи, принадлежитъ объединеніе власти Абейдуллы на значительномъ пространствѣ Курдистана. Во время военныхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Малой Азіи, этотъ смѣлый шейхъ не только не исполнилъ требованія Порты о формированіи милиціонной кавалеріи, но и оказалъ прямое сопротивленіе правительственнымъ агентамъ. Въ то же время онъ предлагалъ намъ содѣйствіе за признаніе его власти, ни къ чему насъ не обязывавши. Во время войны мы еще поддерживали изрѣдка съ нимъ сношенія; но по ея окончаніи рѣзко отъ него отвернулись, наживъ себѣ безъ особой причины, хотя не большого, но мстительнаго врага. Что это? Прямодушіе, доведенное до крайности; щепетильная закономѣрность поступковъ; или просто халатность? Австрія на западной половинѣ Балканскаго полуострова дѣйствуетъ не такъ. Она учитываетъ въ свою пользу всякое движеніе и стремится обратить въ своего агента всякаго вождя, сколько-нибудь заявившаго себя энергіею. Въ ея рукахъ создается такимъ образомъ цѣлая клавіатура, съ помощью которой, нажимая по обстоятельствамъ тѣ или другія клавиши, заставляетъ чувствовать свое вліяніе.

Въ результатѣ изумительный успѣхъ, достигнутый безъ особыхъ усилій...

Однажды, при моемъ обычномъ посѣщеніи посла, князь Лобановъ конфиденціально мнѣ сообщилъ, что изъ Ливадіи ему было предложено указать на лицо для назначенія состоять при Александрѣ Баттенбергскомъ.

„На кого же Вы указали, князь?“

„На Васъ“.

„Почему же предварительно Вы не запросили меня?“

„Потому что указаніе на Васъ считалъ дѣломъ моей совѣсти“.

„Но Вы не будете противорѣчить, если я буду ходатайствовать предъ военнымъ министромъ о назначеніи Шепелева?“.

„Нисколько. Я отдаю ему полную справедливость. Во многихъ отношеніяхъ онъ прекрасная личность; но есть сторона, по которой я отдалъ предпочтеніе Вамъ. Вы не такъ легко откажетесь отъ разъ поставленной цѣли, у Васъ есть опытъ, а онъ слишкомъ мягкаго характера. Однако торопитесь писать, чтобы успѣть послать съ сегодняшнимъ курьеромъ“.

Какъ хорошо вышло, что князь меня предупредилъ. Да, дѣйствительно, я имѣю опытъ и съ княземъ Карломъ, и съ княземъ Миланомъ, и этотъ опытъ мнѣ предсказывалъ вѣрный неуспѣхъ работы съ самонадѣяннымъ и упрямымъ по репутаціи юношей-принцемъ высокаго родства. Князь Миланъ былъ очень труденъ, но у меня были рычаги воздѣйствія; съ княземъ Карломъ было гораздо легче, какъ во всѣхъ отношеніяхъ джентельменомъ, во-первыхъ, во-вторыхъ — сами отношенія были меньшаго напряженія; но сколько времени и энергіи мною было затрачено съ нимъ лишнихъ. Въ Сербіи я пользовался безусловнымъ авторитетомъ, опираясь на престижъ Главнокомандующаго, котораго былъ представителемъ, поддерживаемый стимуломъ боя, не дозволявшаго по времени много разговаривать, наконецъ, за мною была денежная субсидія. Теперь, въ мирное время, предстояла громадная работа высокаго государственнаго значенія, а чѣмъ я могъ придать вѣсъ моимъ совѣтамъ и указаніямъ моей работѣ, чтобы не сдѣлаться игрушкой капризнаго юноши.

Къ моему удовольствію чаша сія миновала меня.

Между тѣмъ выростали вопросы, съ которыми было необходимо познакомиться, чтобы ихъ использовать въ нашихъ интересахъ. Было необходимо безотлагательно закладывать основы вооруженныхъ силъ новосозданной Болгаріи и Восточной Румеліи; изслѣдовать линіи укрѣпленій Чаталджинской позиціи; ознакомиться съ положеніемъ провинцій, оставшихся въ распоряженіи Порты, и т. д.

По первому вопросу, 28 октября 1878 г., мною было представлено военному министру:

„.... Для обѣихъ частей Болгаріи обязательна милиціонная система, ни въ географическомъ, ни въ политическомъ отношеніи не соотвѣтствующая условіямъ положенія страны. Болгарія не настолько гористая страна, чтобы могла удовлетвориться слабо подготовленною для дѣйствій на открытомъ пространствѣ милиціею. Политическое состояніе ея раздвигаетъ широко рамки государственныхъ задачъ. Достиженіе послѣднихъ немыслимо съ пассивною боевою силою, присущею милиціонной системѣ. Милиція со-

ставляетъ низшую степень развитія вооруженныхъ силъ. Необходима же такая организація, которая могла бы развиваться въ стройно организованную и всесторонне обученную постоянную армію. Между этими двумя предѣлами существуетъ множество состояній, или приближающихся къ формѣ милиціи, или почти достигающихъ условій постоянныхъ войскъ. Изъ ряда этихъ видовъ милиціонной формы долженъ быть сдѣланъ выборъ въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ организуемаго государства. Избранная форма, очевидно, будетъ удовлетворять условіямъ развитія военнаго дѣла только на извѣстный періодъ времени. Чѣмъ быстрѣе будетъ крѣпнуть государственный организмъ, тѣмъ скорѣе будетъ совершенствоваться и форма милиціонной системы, улучшаясь, главнымъ образомъ, въ сильныхъ кадрахъ, сѣть которыхъ можетъ, наконецъ, приблизиться къ условіямъ постоянныхъ войскъ. Отсюда только одинъ шагъ до ядра арміи изъ готоваго кадроваго матеріала. Такимъ образомъ, въ основу всей организаціи должна быть положена самая строгая общеобязательность.

Другимъ основаніемъ является составленіе ежегоднаго рекрутскаго контингента людьми одного возраста, опредѣленіе котораго должно быть сдѣлано въ соображеніи года физической зрѣлости народонаселенія. Научное образованіе можетъ дать право вольноопредѣляющагося, но охотникъ долженъ быть безусловно отвергнутъ. Это начало, введенное въ организацію вооруженныхъ силъ большинства благоустроенныхъ государствъ, казалось бы, не должно было вызывать сомнѣнія, если бы приказомъ Императорскаго комиссара, отъ 8 іюля, не призывались на службу люди трехъ возрастовъ: 20, 21 и 22-го, и не допускались бы на службу въ неограниченномъ числѣ добровольцы въ возрастѣ отъ 20-ти до 30 лѣтъ. Допущеніе добровольцевъ въ рекрутскій контингентъ, да еще въ неограниченномъ числѣ, подрываетъ въ корень главную основу общеобязательности, на которой зиждется все зданіе военной организаціи, въ особенности, малыхъ государствъ. Въ странѣ много ратниковъ болгарскаго ополченія, на поляхъ сраженій пріобрѣвшихъ боевой опытъ. До извѣстной степени ими можно было бы воспользоваться для образованія на первое время части кадровъ, хотя опытомъ дознано, что легче изъ новобранца сдѣлать хорошаго солдата, чѣмъ дисциплинировать нѣсколько разнузданнаго добровольца. Для кадра необходимо отсортировать лучшихъ ратниковъ, почему для кадра ихъ останется небольшое число. Боевымъ матеріаломъ ратниковъ воспользоваться слѣдуетъ, но отнюдь не уменьшая обязательнаго призыва.

Для болгарскаго правительства должны быть назидательны при-

мѣры развитія вооруженныхъ силъ въ Сербіи и Румыніи. Первая пренебрегла развитіемъ своихъ вооруженныхъ силъ и ограничивалась слабыми территоріальными кадрами. Двѣ, три тысячи ея постояннаго войска вовсе не имѣли значенія ядра регулярной арміи. Въ результатѣ, когда настала минута, страна не могла выставить въ поле ни одной вполнѣ регулярной части войска. Румынія же довела свою постоянную армію до почти двадцатитысячнаго состава и имѣла вслѣдствіе этого возможность располагать 40 т. массою организованнаго войска.

Еще два слова, полезныхъ для организаторовъ военнаго дѣла въ Болгаріи. Горная зона въ ней, какъ и гористые округи Молдавіи и Прикарпатской Валахіи, располагаютъ болѣе свободолюбивымъ и физически развитымъ населеніемъ. Части горныхъ доробанцевъ часто предпочитались линейнымъ тактическимъ единицамъ. Цѣлесообразно было бы, поэтому, территоріальное дѣленіе производить такъ, чтобы въ каждое попадало и то и другое. Части сербской народной арміи, составленныя сплошь изъ жителей Крайны, никогда не выдерживали натиска противника, пока въ эти баталіоны не былъ влитъ болѣе надежный элементъ...

Общеобязательной повинности должно подлежать все населеніе безъ различія вѣроисповѣданія и народности. Если по значительному ихъ числу въ одной мѣстности было бы затруднительно ихъ вливать въ строевыя части, то слѣдуетъ назначать ихъ въ служебныя и техническія части и войсковыя учрежденія. Отнюдь не освобождать за деньги. При увѣренности въ несокрушимой устойчивости болгарскаго элемента, необходимъ широкій политическій взглядъ, и слѣдуетъ помнить, что страны будущихъ присоединеній имѣютъ сильный процентъ мусульманства, и что эти страны тѣмъ легче войдутъ въ составъ болгарскаго государства, чѣмъ большую обезпеченность въ будущемъ будутъ имѣть всѣ элементы ихъ народонаселенія. Въ особенности это слѣдуетъ имѣть въ виду въ отношеніи богатой Македоніи. Мы, русскіе, никогда не могли бы съ такимъ быстрымъ успѣхомъ подвигаться на Востокъ, если бы заставляли всѣхъ встрѣчавшихся на нашемъ пути мусульманъ бросать ихъ родину и бѣжать въ невѣдомые края...“

Чрезвычайно важное значеніе пріобрѣтала Чаталджинская позиція, спѣшно укрѣпляемая и вооружаемая турками съ помощью англійскихъ денежныхъ ссудъ и военныхъ спеціалистовъ. Вотъ, что я доносилъ по этому поводу Военному Министру въ исходѣ 1878 года.

„Вниманіе сераскеріата и англійскаго посольства обращено на успѣхъ оборонительныхъ работъ Чаталджинской позиціи. Несмотря

на всѣ мѣры, принятыя осенью къ возведенію верковъ этого оплота Стамбула отъ покушеній нашей арміи, результатъ оказался неудовлетворительнымъ. Главныя затрудненія были встрѣчены въ свойствахъ грунта позиціи и той безурядицѣ, которая сопровождаетъ каждое правительственное распоряженіе, въ настоящемъ случаѣ въ постройкѣ желѣзной дороги вдоль позиціи и бараковъ для войскъ. Съ началомъ дождей всѣ насыпи поплыли и бруствера обратились въ мѣсиво, подвозъ тяжестей прекратился, войска отъ сырыхъ землянокъ стали болѣть тифомъ и изнурительною лихорадкою. Чтобы какъ-нибудь справиться съ этими бѣдствіями, англичане потребовали отъ Порты назначенія Беккеръ-паши главнымъ распорядителемъ работъ и начальникомъ войскъ на Чаталджинской позиціи и пригласили на службу инженеровъ Пижона, Сетта и Роберта, подъ высшимъ наблюденіемъ Шефельдера, которому предоставили право расходованія денегъ для необходимыхъ работъ по чекамъ на посольскій банкирскій домъ Ганзенъ и К-о. Такимъ образомъ у англичанина Беккеръ-паши, по показанію англійскаго полковника Аликса, находится теперь 71 турецкихъ таборовъ и до 400 орудій, считая въ томъ числѣ и полевыя батареи. Желѣзная дорога и бараки работаются турецкимъ редифомъ подъ наблюденіемъ инженеровъ, находящихся на отчетѣ у великобританскаго посольства"...

„Придавая Чаталджинской позиціи особо-важное значеніе, Генеральнаго штаба капитанъ Протопоповъ снялъ кроки мѣстности съ укрѣпленіями и сдѣлалъ подробное описаніе всей позиціи. Работу эту представляю при семъ на благовоззрѣніе Вашего Сіятельства".

XXII.

О положеніи дѣлъ въ концѣ 1878 г. я писалъ Военному Министру.

„... Съ спокойною совѣстью мы можемъ сказать, что свое боевое дѣло мы сдѣлали и, надо надѣяться, навсегда, Балканскій полуостровъ не долженъ болѣе требовать русской крови. Судьба его обезпечена. Отнынѣ славянскія народности должны вырабатываться собственными силами и средствами, иначе долго не будутъ въ состояніи достигнуть полной самостоятельности.

Въ настоящее время желательна возможно быстрая реализація добытыхъ войной результатовъ. Между тѣмъ клубокъ различныхъ

положеній и обстоятельствъ не только не разматывается, а сплетается и грозитъ въ недалекомъ будущемъ опасными осложненіями. Клубокъ не разматывается столько же отъ недовѣрія къ намъ Порты, находящей поддержку у представителей иностранныхъ державъ, сколько и отъ страстнаго желанія болгаръ воспользоваться присутствіемъ нашихъ войскъ для своего національнаго объединенія; Порту стращаютъ, что мы захватимъ Ѳракію и Македонію. Ей указываютъ на усиленіе нашей забалканской арміи и на приготовленіе ея на зимовку въ окрестностяхъ Андріанополя, все для поддержки болгарскаго движенія въ Македоніи, наконецъ, на задорныя статьи болгарской газеты „Марица", отражающей, по мнѣнію турокъ, направленіе нашей политики. Наибольшія затрудненія намъ причиняетъ Великобританія, желающая осложненіемъ нашего положенія здѣсь отвести наше вниманіе отъ Средней Азіи. Завязить насъ въ Болгаріи, чтобы на свободѣ раздѣлаться съ затрудненіями въ Индіи и Афганистанѣ, вотъ цѣль, къ которой стремится великобританскій посолъ. Но истощенная Турція изъ страха новой ампутаціи едва-ли проявитъ задоръ, если только мы не будемъ увлечены болгарскимъ шовинизмомъ. Съ очищеніемъ нашими войсками Константинопольскаго полуострова сила побужденія къ выполненію турецкихъ обязательствъ умалилась. Англичане воспользовались вновь очутившеюся въ распоряженіи турецкихъ войскъ Чаталджинскою позиціею, чтобы спѣшно привести въ порядокъ ея укрѣпленія и тѣмъ создать оплотъ для Царьграда и Босфора. Хотя ничего серьезнаго сдѣлать имъ не удалось, но они все-таки до извѣстной степени успѣли внушить крайне впечатлительному восточному человѣку большую вѣру въ свою безопасность. При такихъ условіяхъ военныя демонстраціи нашей арміи у Адріанополя теряютъ значеніе. Между тѣмъ прибытіе къ ней подкрѣпленій изъ-за Балканъ, а въ особенности подходъ свѣжихъ частей отъ Одесскаго военнаго округа, вызываютъ сильное броженіе умовъ въ болгарскихъ провинціяхъ, какъ будто указывая болгарамъ на наше намѣреніе вооруженною рукою поддержать ихъ національное движеніе...

Вопросомъ чрезвычайной важности для Оттоманскаго правительства является государственная смѣта на будущій годъ. За отчисленіемъ громадныхъ суммъ на уплату текущаго процента по колоссальнымъ долговымъ обязательствамъ, остающійся доходъ, на который Порта можетъ разсчитывать, не превышаетъ 12/м. турецкихъ лиръ. Между тѣмъ одинъ расходъ по сераскеріату исчисленъ въ 15/м. При извѣстной численности людей, нынѣ находящихся въ строю, и опредѣленномъ размѣрѣ продовольственной дачи, не трудно

высчитать, что одно продовольствіе войскъ потребуетъ не менѣе 6/м. лиръ. Отсюда можно заключить, что расходъ въ 15/м. отнюдь не преувеличенъ. Въ эту критическую минуту на помощь турецкимъ финансамъ приходитъ великобританское правительство, гарантируя заемъ. Не касаясь тяжелыхъ условій послѣдняго, оказывается, что въ распоряженіи Порты остается только 7/м. лиръ. Отчисляя 3/м. на военный бюджетъ, на всѣ государственныя нужды имперіи остается лишь 4/м. лиръ. Такимъ образомъ, волею неволею, приходится по многимъ статьямъ прекратить платежи, т. е. быть банкротомъ. Впрочемъ для турецкаго правительства это не новость. Оно отбросило отъ себя всякую заботу, разъ навсегда увѣровавъ, что существованіе имперіи Ислама необходимо для благоденствія Европы".

Позднѣе мною доносилось:

„Минувшая война измѣнила положеніе вещей какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ азіатскихъ владѣніяхъ султана. Въ оставшихся европейскихъ обрѣзкахъ сохранилась лишь тѣнь его власти, поддержаніе которой отнынѣ ляжетъ на государство тяжелымъ бременемъ. Новыми распорядителями полуострова теперь являются княжества, политическая жизнь которыхъ принадлежитъ исключительно нашему почину. На азіатскія владѣнія Турціи силится наложить свою руку Великобританія въ видахъ обезпеченія своихъ матеріальныхъ выгодъ и охраненія путей, связующихъ Англію съ Индіею.

На Балканскомъ полуостровѣ мы проявляли до сихъ поръ матеріальную поддержку. Теперь обязываемся болѣе труднымъ нравственнымъ попечительствомъ. Ранѣе мы тратили нашу физическую силу и денежныя средства; теперь требуются усилія разума и проявленіе духовнаго развитія.

Мы знали, что сила Турецкой имперіи находится въ азіатскихъ владѣніяхъ султана, но наше изученіе страны ограничивалось бѣглымъ взглядомъ на ея поверхность, состояніе путей, средствъ обороны и статистическими таблицами народонаселенія. Теперь новый порядокъ вещей заставляетъ насъ глубже взглянуть внутрь самой жизни народностей, проникнуться ихъ частными интересами, завязать съ ними такую торговую и промышленную связь, которая была бы въ состояніи поднять въ глазахъ нашъ престижъ.

Чтобы закрѣпить за собой первенствующее положеніе, мы должны слѣдить шагъ за шагомъ за вновь развивающимися силами, охранять ихъ отъ увлеченій и заблужденій, противодѣйствовать вреднымъ вліяніямъ и направлять юные политическіе организмы къ образованію намъ дружественнаго союза. При нашемъ равнодушіи,

кто можетъ поручиться, что такія государства, какъ Румынія, Болгарія, Сербія и Черногорія, не возьмутъ ложнаго направленія и, переходя отъ одной конвенціи къ другой, отъ желѣзно-дорожнаго соглашенія къ экономическому, не войдутъ наконецъ отдѣльными корпусами въ составъ австро-венгерскаго конгломерата. Румынія уже объявила Европѣ, что служитъ оплотомъ Востока отъ нашего нашествія. Теперь армяне просятся быть такимъ же оплотомъ въ Азіи.

Въ Малой Азіи еще группируется мусульманское населеніе— главный источникъ силы Турціи. Но магометанская Арменія выставила значительно меньшій контингентъ защитниковъ ислама, хотя и дала правительству громадный денежный капиталъ. Сирія уже утратила свое значеніе для Порты съ эпохи шестидесятыхъ годовъ, а теперь за своимъ губернаторомъ, Митхадъ-пашой, тянется подъ непосредственный протекторатъ Великобританіи. Курдистанъ и Арабистанъ не разъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою свободу, признавая власть центральнаго правительства больше номинально и служа постоянною ареною стычекъ съ войсками.

Въ европейской Турціи единственнымъ источникомъ турецкой силы были босняки, всегда служившіе надежнѣйшимъ элементомъ оттоманской арміи. Теперь Австро-венгерскою оккупаціею они окончательно исключены изъ рядовъ войскъ Падишаха. Изъ остального мусульманскаго населенія полуострова албанцы были всегда условною силою, весьма часто даже истощавшею Турцію энергичною борьбою въ своихъ трудно-доступныхъ трущобахъ; а помаки Родопа и османы Дели-Ормана не играли роли по своей малочисленности. Растерявъ свою силу въ Европѣ, блистательная Порта стремится ее наверстать на единовѣрныхъ племенахъ своихъ азіатскихъ владѣній, но, всюду встрѣчая сопротивленіе, не только раззоряетъ ихъ въ конецъ, но и пріучаетъ къ открытой ненависти.

Послѣдовательное отпаденіе частей отъ державы Османа настолько потрясло ея государственный организмъ, что даже англичане, наиболѣе заинтересованные въ сохраненіи Турціи, потерявъ вѣру въ самостоятельную ея жизненность, теперь украдкою стремятся въ своихъ интересахъ оградить мусульманство созданіемъ автономной Малой Азіи при чисто формальной зависимости отъ Порты.

Частая смѣна за послѣднее время султановъ дискредитировала ихъ престижъ калифа правовѣрныхъ, напомнивъ прежнія времена упадка, когда престоломъ Османа распоряжался янычарскій ага. Позорное пораженіе турецкихъ войскъ на поляхъ сраженій произвело глубокое впечатлѣніе на умы, сдѣлавъ правительственную

власть отвѣтственною за испытанныя бѣдствія. Отсюда пошатнувшееся положеніе султана, заставившее его перенесеніемъ своей резиденціи въ укрѣпленный Ильдызъ обезпечить себя отъ всякой случайности. Въ новыхъ условіяхъ Абдулъ-Гамидъ призываетъ къ сотрудничеству новыхъ лицъ и пріобрѣтаетъ возможность принимать такія рѣшительныя мѣры, которыя при обыкновенной обстановкѣ могли бы вызвать волненія и даже сопротивленіе. Съ рѣдкою твердостью онъ отбрасываетъ форму парламентскаго режима, навязанную Митхадъ-пашой по рецепту англійскаго посла, и рѣшительно приступаетъ къ всеобщему умиротворенію въ Европѣ и утвержденію своей власти въ полунезависимыхъ раіонахъ мусульманскаго населенія въ Азіи. Султанъ не воспротивился заключенію мирнаго договора съ нами и конвенціи съ Австро-Венгріею, не щекотливъ въ уступкахъ на Балканскихъ перевалахъ, въ Восточной Румеліи, и вѣроятно не будетъ упорствовать на греческой границѣ; но въ то же самое время его войска въ Малой Азіи занимаютъ Зейтунскую котловину, никогда не видавшую знамени съ полумѣсяцемъ, а сильный отрядъ Дервиша-паши проникаетъ въ неприступныя скалы Дерсима.

Каковъ бы однако ни былъ успѣхъ турецкихъ войскъ въ азіатскихъ провинціяхъ, приведенныя въ покорность Стамбулу страны не примкнутъ къ политической жизни государства иначе, какъ съ проведеніемъ къ нимъ удобныхъ путей сообщенія. Отсюда, сознаваемая правительствомъ султана, настоятельная необходимость сооруженія въ азіатскихъ провинціяхъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ. Уже съ шестидесятыхъ годовъ этимъ важнымъ рычагомъ владѣнія и вліянія стремится завладѣть Великобританія, имѣющая въ виду создать для себя удобнѣйшій сухопутный путь въ Индію, при томъ съ его полнымъ обезпеченіемъ собственными средствами и силою. Но тяжелыя великобританскія условія: отчужденіе въ собственность широкой полосы земли, устройство военныхъ опорныхъ пунктовъ вдоль дороги съ правомъ содержанія собственныхъ отрядовъ подъ англійскимъ знаменемъ, участіе англичанъ въ управленіи страной, командованіи турецкими войсками, въ особыхъ судахъ и финансовыхъ учрежденіяхъ, подрываютъ слишкомъ явно и глубоко основы государственнаго права султана, чтобы онъ когда-либо рѣшился подписать отреченіе отъ своихъ лучшихъ владѣній. Султанъ Абдулъ-Гамидъ разсчитываетъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ частными предпринимателями на однихъ условіяхъ земельнаго отчужденія по примѣру Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Онъ не спѣшитъ съ заключеніемъ внѣшнихъ займовъ, пока не оправится государственный кредитъ и не разовьется соревнованіе съ

англійскими банкирами французскихъ, и пользуется страшнымъ паденіемъ бумажныхъ денегъ „каймэ“ для ихъ покупки по ничтожной цѣнѣ. Вообще принятыя Абдулъ-Гамидомъ мѣры обнаруживаютъ въ немъ умъ и энергію; насколько проявитъ онъ характера и настойчивости въ слѣдованіи по избранному пути, можетъ показать только время.

Конвенціею 4-го іюня Великобританія приняла на себя оборону отъ насъ азіатскихъ владѣній султана. Обѣщая защиту въ будущемъ, она тутъ же получила въ задатокъ островъ Кипръ и безотлагательно приступила къ утвержденію своего вліянія въ странѣ. Потерпѣвъ неудачу въ проведеніи плана во всемъ его объемѣ, великобританскій посолъ обратился къ осуществленію своей задачи путемъ болѣе практическимъ, пользуясь правомъ капитуляцій. Онъ задался цѣлью охватить всю Анатолію сѣтью своихъ консульствъ и потребовалъ отъ Порты рядъ фирмановъ для вновь открываемыхъ консульствъ, назначая консулами и секретарями въ нихъ офицеровъ, а кавасами унтеръ-офицеровъ прямо изъ рядовъ арміи. До сихъ поръ британскія консульства возникали въ силу экономическихъ и торговыхъ интересовъ Англіи, преимущественно въ приморскихъ пунктахъ и административныхъ центрахъ страны. Теперь, сѣтью англійскихъ консульствъ покрылось все внутреннее пространство Малой Азіи. Осуществленіе плана только вначалѣ, а между тѣмъ уже водворены англійскій полковникъ въ Савасѣ генеральнымъ консуломъ, а оберъ-офицеры подвѣдомственными ему консулами въ Бруссѣ, Ангорѣ, Коніи, Аданѣ, Исмидѣ, Айдинѣ, Джаникѣ и Бигѣ. Постъ самостоятельнаго консула въ Діарбекирѣ занялъ тоже англійскій офицеръ.

Не пренебрегая никакими средствами для достиженія разъ поставленной цѣли,—разсаживая въ наиболѣе важныя провинціи своихъ клевретовъ, какъ Ахметъ-Вефина-пашу въ Бруссу; на мѣсто вали Худавендигіара, облегающаго Босфоръ, Мраморное море и Дарданеллы съ Анатолійской стороны, какъ Мидата-пашу въ Сирію и, находящагося на содержаніи Англіи, вице-короля Уды въ Багдадъ; не гнушаясь даже антиправительственною пропагандою въ казармахъ и кофейняхъ, и тратя на все это значительныя суммы, представители британскихъ интересовъ въ Турціи съ каждымъ днемъ расширяютъ свою дѣятельность, все крѣпче завязывая узы живой связи англійскаго капитала со страною, все тѣснѣе захватывая народонаселеніе подъ непосредственное вліяніе своихъ консульствъ, превращенныхъ въ военные посты и опорные пункты. Отъ матерьяльной помощи деньгами и содѣйствія своими спеціалистами и техниками Англія перешла къ широкому захвату

территоріи съ стратегическими линіями желѣзныхъ дорогъ, съ развращеніемъ турецкихъ пашей, съ овладѣніемъ исподволь всѣми функціями правительственной власти.

Все указываетъ на то, что держава Османа приближается къ послѣднему періоду своей исторіи, что обширное государство, сплоченное кораномъ, стремится къ распаденію. До сихъ поръ Великобританія находила свои интересы въ поддержкѣ державы Ислама. Теперь и она оставляетъ свою традиціонную политику и переходитъ къ задачѣ непосредственнаго захвата"...

„При такомъ положеніи, быть можетъ, и намъ слѣдовало придать нашей консульской дѣятельности больше энергіи, большую активность. Нужно однако признаться, что довѣрія здѣсь мы не пріобрѣли никакого, и что настолько же мы во всемъ встрѣчаемъ противодѣйствія со стороны правительственной власти, насколько послѣдняя идетъ навстрѣчу всѣмъ начинаніямъ англичанъ. Нельзя сказать, чтобы съ нашей стороны не было сдѣлано вовсе никакихъ попытокъ на оживленіе въ выясненіи нашихъ истинныхъ интересовъ; но эти попытки были такъ слабы и такой носили на себѣ академическій характеръ, что достаточно было имъ поставить малѣйшее затрудненіе, чтобы мы отказались отъ всего безъ всякихъ возраженій.

Представляется очевиднымъ, что къ азіатскимъ пунктамъ, имѣющимъ особо важное значеніе въ военномъ отношеніи, должны быть причислены: Трапезонтъ, какъ важнѣйшій портъ на Черномъ морѣ, Ерзингіянъ, какъ штабъ-квартира IV корпуса, Алеппо, какъ ближайшій къ Средиземному морю административный пунктъ на главномъ пути во внутренность страны. Если бы штабъ былъ переведенъ въ Харпутъ, а административная власть въ Александретту, то Ерзингіянъ и Алеппо потеряли бы свое военное значеніе. Предполагается г. Люндеквиста назначить вице-консуломъ въ Александретту, но съ такимъ предположеніемъ я согласиться не могу. Его дѣятельность была бы до крайности стѣснена коммерческими дѣлами и не имѣла бы простора крупнаго административнаго центра. Ясно, что для него Алеппо должно быть предпочтено Александреттѣ. Считаю при этотъ своимъ долгомъ обратить вниманіе Вашего Сіятельства на необходимость своевременнаго сообщенія въ Императорское посольство для нашего военнаго агента всѣхъ свѣдѣній военнаго характера, собираемыхъ кавказскимъ начальствомъ черезъ свои органы наблюденія за сосѣднею страною.

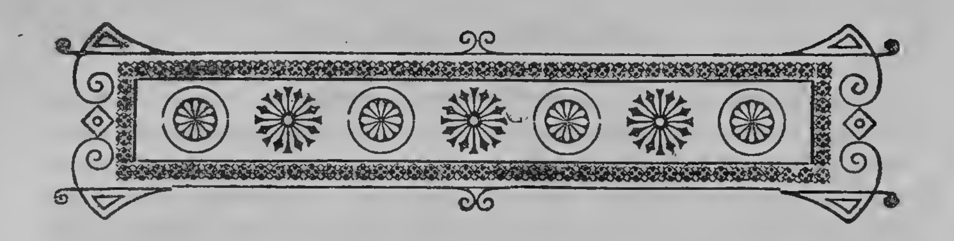
Вообще я могъ бы многое возразить противъ скудости новаго росписанія нашихъ консульствъ. Какъ напримѣръ могли обойти Адріанополь, этотъ войсковой центръ Ѳракіи, сосредоточеніе адми-

нистративной власти, первостепенной важности складъ всякаго боевого матерьяла. Тѣмъ болѣе этотъ пропускъ трудно объяснить, что здѣсь издавна существовало наше консульство. Настоятельная въ немъ необходимость уже обнаружилась и спѣшно назначенъ временнымъ консуломъ офицеръ изъ строя. Такимъ образомъ, въ самую важную минуту консульской дѣятельности на мѣстѣ, не оказалось ни опытнаго консула, ни освѣдомленнаго персонала, ни традицій, ни связей и т. д. Въ настоящее кипучее время ликвидаціи побѣдоносной войны пренебрежены продовольственные и другіе интересы войскъ; брошена на произволъ судьбы участь русскихъ подданныхъ; ничѣмъ не обезпеченъ переселенческій вопросъ, и т. д. Словомъ, если когда-нибудь существовала здѣсь потребность въ нашемъ консульствѣ, то это въ настоящее время. Примѣръ Адріанополя не составляетъ исключенія. Позволяю себѣ указать на Ново-базаръ, на Битоль и многіе другіе пункты, занятіе которыхъ нашими консульствами вызывается самою настоятельною необходимостью"...

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

V [1]).

Тутъ будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о самихъ концертахъ Безплатной Музыкальной Школы. Ими, когда я стала посѣщать ихъ, управлялъ Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ, и они (какъ и во времена Балакирева, какъ мнѣ послѣ сказали), гдѣ бы они ни давались, что бы и какъ бы великолѣпно ни исполнялось на нихъ: и оркестровыя, и хоровыя, и сольныя произведенія—они, т. е. залъ, гдѣ они давались—представляли изъ себя... безлюдную пустыню. Съ ужасомъ и содроганіемъ оглядывала я, входя, будто лысые ряды желтыхъ вѣнскихъ стульевъ съ рѣдкими то тутъ, то тамъ черными мухами—людьми, сидящими на нихъ, и недоумѣвала: отчего публика не посѣщаетъ концерты?

Я тогда не знала, сколько ядовитой злобы положено было нашими музыкальными критиками, которымъ судьба отказала въ пророческой прозорливости,—на то, чтобы погубить начинаніе Балакирева и его музыкальныхъ единомышленниковъ.

Не знала и статьи Чайковскаго, въ которой онъ, приравнивая Балакирева къ Ломоносову, говорилъ, по поводу ухода Милія Алексѣевича изъ Русско-Музыкальнаго Общества: „Музыкальное Общество можно отставить отъ Балакирева, но Балакирева отставить отъ Музыкальнаго Общества нельзя“.

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1913 г.

Не знала, не понимала, что русская публика сбита съ толку прессой, Фаминцевыми и Ларошами—не вѣдая, что творитъ, бойкотировала то, что стало впослѣдствіи ея гордостью, радостью и славой.

Я видѣла только одно: эти незанятые, голые, точно обиженные, желтые стулья и... горестно недоумѣвала, отчего это?.. и обращалась съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ, и между прочимъ и къ старику Владиміру Петровичу Опочинину, одному изъ двухъ-трехъ свѣтскихъ мужчинъ, посѣщавшихъ постоянно концерты Школы.

Онъ, улыбаясь добрыми сѣрыми большими глазами въ золотыхъ очкахъ и губами, заросшими бѣлыми пушистыми усами и подстриженной густой окладистой бѣлой бородой, умышленно-разсѣянно, будто не разслышавъ вопроса, ласково не выпускалъ моей руки изъ своей и повторялъ: что?.. что-о?..—а самъ глазами отыскивалъ знакомыхъ и, сдѣлавъ какое-нибудь незначительное замѣчаніе, уходилъ до слѣдующаго антракта, выговоривъ:—а! вотъ, Наташа!.. Или—а-а! вотъ гдѣ Катенинъ!..

„Наташа“ или Наталья Ѳедоровна Вонлярлярская, нынѣ графиня Карлова, тогда молоденькая очаровательная дѣвушка, приходилась ему родственницей (кажется, племянницей), и онъ, весь сіяя, шелъ къ ней, а она вмѣстѣ съ Катениными—мужемъ любителемъ серіозной музыки и его хорошенькой женой, была единственной, кажется, постоянной, кромѣ насъ и Опочинина, свѣтской посѣтительницей Безплатной Школы.

За то же и старались мы, эти 5—6 свѣтскихъ посѣтителей показать Школѣ наше сочувствіе!.. Мы и апплодировали во время исполненія, и уходили послѣдними, и, уходя, останавливались, и снова Катенинъ кричалъ: браво-оо!.. и, схвативъ спинку одного стула, стучалъ объ полъ ножками цѣлаго ряда стульевъ...

... Съ начала сезона 77—78 годовъ Милій Алексѣевичъ сталъ приходить ко мнѣ на урокъ не разъ, а два раза въ недѣлю. За однимъ урокомъ мы занимались съ нимъ этюдами и пьесами въ 2 руки, за другимъ концертами (игрой на 2-хъ рояляхъ) и разными тріо и квартетами.

Отецъ мой былъ большой любитель камерной музыки, при чемъ любилъ и самъ играть фортепіанныя партіи, любилъ и слушать, особенно, разумѣется, Балакирева. Вслѣдствіе этого у насъ часто стали устраиваться по вечерамъ тріо, квартеты и даже квинтеты, и я стала, должна была, по желанію отца играть въ нихъ „главную“ роль, т. е. по-просту участвовать въ нихъ. Отецъ гордился моей игрой, а для меня эти вечера были источникомъ непередаваемыхъ волненій, почти пытокъ.

Съ достопамятнаго перваго урока Милія Алексѣевича моя увѣренность въ себѣ была скошена въ самомъ корнѣ. Я робѣла (и съ годами все больше), если мнѣ приходилось играть при комъ бы то ни было. Даже, когда Балакиревъ, особенно довольный урокомъ, шелъ къ отцу и вызывалъ его изъ кабинета, откуда все было слышно, въ залъ послушать меня, даже тогда (хотя я сама всегда, не стѣсняясь, играла отцу) я робѣла и рѣдко могла второй разъ сыграть такъ же хорошо, какъ первый.

А тутъ, на эти вечера, отецъ приглашалъ „полъ-Петербурга", какъ выражался Милій Алексѣевичъ, и мнѣ при всѣхъ этихъ пожилыхъ людяхъ надо было играть!!.

Боже мой, сколько разъ при появленіи то того, то другого гостя въ залѣ,—я чуть (внутренно) не молилась, чтобы у (все тѣхъ же, какъ и въ дѣтствѣ) Фишера, Гильдебрандта или другихъ моихъ партнеровъ случилось что-нибудь, что задержало бы ихъ дома, помѣшало бы имъ пріѣхать на нашъ вечеръ!.. Но этого никогда не случалось. Они пріѣзжали, когда гости были всѣ въ сборѣ... Начиналось суетливое хожденіе. Лакеи доставали спички, зажигали свѣчи на роялѣ и у пюпитровъ артистовъ, раздавались то басовые, то скрипочные звуки настраиванья (квинта вверхъ, квинта внизъ, какъ я теперь знала, легкія скрипичныя гаммы съ переходомъ на нижнюю, какъ бы утверждающую, октаву)... Балакиревъ трогалъ на роялѣ ноту ré и la и la и mi или по „его" „d" и „a" и „a" и „e"... Руки у меня становились влажными и холодными, какъ лёдъ... Я терла ихъ одна о другую, а... затѣмъ, по приглашенію Балакирева:—ну-съ, пожалуйте!..—садилась за рояль.

Мнѣ кажется, на этихъ вечерахъ, я никогда не играла хорошо, т. е. какъ могла. Особенно памятенъ мнѣ одинъ вечеръ. Мнѣ нездоровилось. Сильно болѣло горло, но отказаться отъ „концерта" было поздно: отецъ пригласилъ уже много народа, а телефоновъ, увы, тогда еще не существовало.

Садясь за рояль, я показала Милію Алексѣевичу, какія холодныя у меня руки. Онъ велѣлъ мнѣ встать и растереть руки о-де-колономъ или спиртомъ.

Когда я вернулась, онъ спросилъ:—согрѣлись?—и сталъ торопить начинать... Мы начали.

Не помню, что̀ я играла въ этотъ разъ, т. е. какое тріо: Шопена или другое, но помню, что все сыгранное мною казалось мнѣ „хуже нельзя", т. е. ниже всякой критики.

Когда я окончила какую-то часть, и мнѣ стали апплодировать, я встала и, не отходя отъ рояля, опустила глаза, боясь заплакать. Я видѣла тѣмъ, что называется полемъ зрѣнія, моихъ партнеровъ,

выражающимъ мнѣ свое одобреніе смычками; видѣла сзади, вдали, у средняго окна зала выдѣлявшуюся красивую фигуру графа Григорія Александровича Строганова, а дальше него толстую фигуру съ длинными расчесанными бакенбардами скучающаго Дохтурова, рядомъ съ добрымъ лицомъ въ золотыхъ очкахъ и сѣдой бородѣ Опочинина...

Видѣла, т. е. угадывала въ группѣ дамъ, барышень и молодыхъ людей, мою мать, знала, что она страдаетъ за меня, и думала: и зачѣмъ, зачѣмъ они (чужіе) всѣ здѣсь?! Зачѣмъ только зоветъ ихъ отецъ!!.. Когда я всегда при чужихъ играю такъ скверно, мерзко!..

Вдругъ какая-то тѣнь встала между мною и сидѣвшими въ залѣ.

Невольно я подняла глаза и... встрѣтилась съ глазами Милія Алексѣевича. Онъ, вернувшись отъ отца, съ которымъ разговаривалъ, обошелъ сзади моихъ партнеровъ и, стоя за ихъ спиной, мгновеніе серіозно и внимательно посмотрѣлъ на меня глазами въ глаза. Затѣмъ, подойдя къ роялю, тронулъ мою руку и тихо и просто сказалъ:

— Я доволенъ вами.

... Съ этого дня, играя, участвуя въ musique d'ensemble, я ждала одного: этого его взгляда.

Послѣ меня обыкновенно игралъ онъ самъ, т. е. Милій Алексѣевичъ, и затѣмъ незамѣтно и быстро, ни съ кѣмъ не прощаясь, онъ уходилъ, исчезалъ.

Эта „подробность“ нашего музыкальнаго вечера тоже не мало меня огорчала. Впрочемъ, иногда, если присутствовалъ старикъ Опочининъ,—онъ аккомпанировалъ ему одинъ и тотъ же романсъ, который Опочининъ тогда уже не пѣлъ, но передавалъ (у него былъ басъ и октава) превосходно.

Романсъ этотъ былъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ...“ Иногда, послѣ этого, они вдвоемъ, стоя у рояля, вспоминали музыкальные вечера у какого-то Всеволожскаго... Разъ припомнили происшедшую тамъ перестрѣлку остроумія...

Пѣлъ Харитоновъ, а графъ Сологубъ, щеголявшій своими bons mots, обратился къ хозяину со словами: „какъ можете вы ждать отъ Хари-тоновъ?“ На что Харитоновъ быстро отвѣтилъ: графъ, вы Соло-губите...

И затѣмъ, все-таки Балакиревъ, не оставаясь ужинать, стремительно уходилъ.

Зато иногда, къ счастью, когда отецъ „смилостивлялся“, бывали у насъ и другіе музыкальные вечера, en petit comité, на кото-

рые никто, кромѣ домашнихъ и близкихъ, не приглашался, и игра Балакирева на этихъ вечерахъ оставляла неизгладимое впечатлѣніе.

Онъ, вообще, въ присутствіи публики, робѣлъ. Многіе его общественные концерты, гдѣ онъ выступалъ какъ піанистъ, потому не оправдывали ожиданій, хотя иногда и на нихъ онъ „превосходилъ самого себя“ (концертъ въ память Шопена въ мѣстечкѣ Желѣзова Воля, гдѣ родился Шопенъ). Но, въ общемъ, на незнакомыхъ „людяхъ“ онъ игралъ хуже, чѣмъ безъ нихъ, и когда онъ игралъ у насъ, только въ маленькомъ кружкѣ, игра его была несравнима ни съ чьей по силѣ, простотѣ и геніальному величію передачи.

Въ 78—79 году (сезонѣ) Милій Алексѣевичъ объявилъ моему отцу, послѣ лѣтняго перерыва, что онъ будетъ по-прежнему приходить ко мнѣ на уроки два раза въ недѣлю, но что второй разъ онъ будетъ давать урокъ даромъ, т. к. я играю теперь настолько хорошо, что игру на двухъ рояляхъ нельзя считать за урокъ.

Отецъ мой былъ очень доволенъ и гордъ этимъ заявленіемъ и, разсказывая намъ (мнѣ и моей матери) о немъ, очень хвалилъ и ласкалъ меня, краснѣвшую и счастливую. Но вначалѣ оба мои родители не соглашались на это предложеніе.

Милій Алексѣевичъ жилъ еще тогда почти исключительно уроками и временами сильно нуждался. Съ начала знакомства отецъ мой старался доставлять ему какъ можно больше учениковъ и ученицъ. Знаю, что около этого времени, онъ рекомендовалъ его къ дочери В. И. Сазикова, владѣльца богатѣйшей тогда серебряной фирмы. Отъ Сазикова его пригласили и къ Глазуновымъ, очень музыкальной сестрѣ M-me Сазиковой. Она оказалась матерью нынѣшняго директора консерваторіи и композитора А. К. Глазунова.

Помню, что тогда Глазуновъ былъ маленькимъ мальчикомъ, не зналъ нотъ и писалъ, записывалъ свои музыкальныя мысли какими-то, одному ему понятными знаками, и что мать его не особенно вѣрила въ его дарованіе, но такъ, почти ради шутки, разсказала о немъ за урокомъ Милію Алексѣевичу. Помню, какъ Балакиревъ просилъ показать ему мальчика, какъ разговорился съ нимъ, увидѣлъ его произведенія и... открылъ въ немъ большого музыканта...

Знаю, что отецъ мой рекомендовалъ его и въ семью еврея—банкира Малкіель... Кромѣ того и кузина моя Ел. Ник. Мейеръ (нынѣ Чирикова) перешла отъ проф. консерваторіи Кросса къ Балакиреву.

Согласиться потому на предложеніе Милія Алексѣевича, какъ

лестно оно ни было, не было возможности, и онъ сталъ ходить по-прежнему, хотя впослѣдствіи, насколько помнится, онъ все же настоялъ на своемъ.

Но тутъ не безъинтересно будетъ для характеристики его (Милія Алексѣевича) упомянуть о полномъ его равнодушіи къ денежнымъ дѣламъ и о полномъ неумѣньи вести ихъ.

Съ начала уроковъ, т. е. съ 71—72 г., Милій Алексѣевичъ всегда бралъ у отца деньги за уроки авансомъ, когда сто рублей, когда больше, иногда даже 200 р. и послѣ „заигрывалъ" ихъ, т. е. давалъ на взятую сумму уроки.

Моя мать всегда помѣчала у себя въ записной книжкѣ числа, когда онъ приходилъ на урокъ, и числа, если почему-нибудь урокъ отмѣнялся или перекладывался на другой день.

Первые годы Балакиревъ помѣчалъ уроки и у себя къ книжкѣ, но впослѣдствіи ему должно быть надоѣло аккуратно записывать уроки, и тогда стали происходить слѣдующіе курьезные инциденты:

Возьметъ, скажемъ, въ понедѣльникъ Балакиревъ у моего отца авансомъ 100 р., а въ слѣдующій четвергъ, покашливая, приходитъ опять къ нему въ кабинетъ и говоритъ:

— Василій Яковлевичъ, не можете ли вы меня ссудить деньгами... Мнѣ очень нужно...

Отецъ мой конфузится и отвѣчаетъ:

— Милій Алексѣевичъ, вы, кажется, взяли у меня въ прошлый понедѣльникъ столько-то.

Балакиревъ изумленъ.

— Развѣ!..—говоритъ онъ:—Кажется,... я не бралъ...

Посылаютъ лакея за моей матерью, а пока оба и отецъ, и Балакиревъ смѣются. Моя мать приходитъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, подтверждаетъ слова отца.

— Да! Вы взяли такого-то числа. Я сейчасъ книжку принесу. У меня записано.

— Ахъ, помню, теперь помню!.. Совершенно-съ вѣрно!..—щуря глаза и внутренно сообразивъ, на что пошли взятыя имъ деньги, говоритъ Балакиревъ. — Никакой книжки не надо-съ. Вы мнѣ вѣрите, и я вамъ вѣрю.

Но моя мать идетъ и приноситъ свои записи.

— Милій Алексѣевичъ, отчего вы не записываете?—съ легкимъ укоромъ говоритъ она:—Вѣдь я могу ошибиться, могу затерять мою книжку. Наконецъ могу умереть...

Балакиревъ что-то говоритъ въ отвѣтъ, смущенно прося извиненія, нѣсколько разъ цѣлуетъ руку мой матери; послѣ чего онъ и отецъ долго, смѣясь, обнимаютъ другъ-друга.

— Милый Алексѣевичъ!—хохочетъ отецъ и похлопываетъ Балакирева по плечамъ.—Милый Милій Алексѣевичъ.

Иной разъ объясненіе короче, но неизмѣнно приноситъ удивленіе моему учителю.

— Милій Алексѣевичъ, — говоритъ моя мать, вручая ему конвертъ:—Вы уже даете лишній второй или третій урокъ.

— Развѣ-съ? — спрашиваетъ Балакиревъ.—Ну-съ, очень радъ, очень радъ. Да вы не ошибаетесь?..

Изъ другихъ характерныхъ чертъ Балакирева за эти годы—помнится мнѣ еще его особенная любовь, жалость къ собакамъ.

Какъ-то, идя утромъ къ ранней обѣднѣ (онъ ходилъ каждый день), онъ увидѣлъ на Владимірской площади вагонъ фурманщиковъ и то, какъ они ловили веревкой съ петлей какую-то собаку.

Впечатлѣніе, произведенное на него этой ловлей, было крайне сильное.

Онъ поѣхалъ на Гутуевскій островъ посмотрѣть, какъ содержатся тамъ пойманные псы, узналъ, что послѣ извѣстнаго срока (если не ошибаюсь, трехъ дней), — невзятыхъ хозяевами собакъ вѣшаютъ, и съ тѣхъ поръ не только сталъ безпокоиться о благополучіи, цѣлости и сохранности собакъ, принадлежащихъ его знакомымъ, но сталъ оказывать пріютъ уличнымъ бездомнымъ собакамъ. Собакъ этихъ тогда въ Петербургѣ было не мало, но онъ стоически выносилъ всѣ неудобства своего гостепріимства и ихъ постоя и никогда не выгналъ отъ себя ни одну собаку, а каждой изъ нихъ, иногда недѣлями, пріискивалъ добраго хозяина, найдя котораго, и поручалъ своего четвероногаго гостя.

Здѣсь мнѣ хочется сдѣлать маленькое отступленіе, разсказать эпизодъ, имѣющій мало общаго съ Балакиревымъ, но самъ по себѣ интересный, особенно для спиритовъ.

У насъ тоже тогда былъ песъ, датскій догъ, котораго въ память другого, многимъ русскимъ, бывавшимъ въ Швейцаріи, въ Вевэ, знакомаго дога, мы назвали Бруно. Бруно, или какъ прислуга прозвала его, Брунка, — былъ замѣчательно уменъ, продѣлывалъ разные фокусы и... отличался странной чертой: онъ „обожалъ“ музыку Баха, тогда какъ къ другой, къ другимъ композиторамъ, былъ не только равнодушенъ, но даже не выносилъ ихъ, т. е. нерѣдко подвывалъ (за это онъ, разумѣется, получалъ возмездіе отъ моего брата, вслѣдствіе чего очень быстро отвыкъ отъ выраженія своей собачьей тоски).

Баха же, повторяю, онъ „обожалъ“ и неизмѣнно, когда я начинала играть фуги, являлся въ залъ, ложился подъ рояль и не уходилъ, покуда я не кончала фугъ.

Замѣтивъ это, я часто бросала играть, подзывала его къ себѣ и, захвативъ правой рукой сѣрую кожу его лѣвой щеки, трепля ее, спрашивала, дѣлая длинныя паузы:

— Тебѣ нравятся фуги?

Брунка смотрѣлъ на меня своими зелеными, блестящими, умными глазами, поднявъ трехъугольниками срѣзанныя уши.

— Да ты, можетъ быть, самъ Севастьянъ?..

Брунка начиналъ медленно шевелить опущеннымъ хвостомъ.

— Да ты, можетъ быть, самъ Бахъ?..

Брункѣ надоѣдало, что я держу его за щеку, онъ нервно зѣвалъ, пробовалъ уйти, и такъ какъ это ему не удавалось, онъ открывалъ ротъ съ черной зубчатой частью внутренней розовой губы и начиналъ ласково покусывать мою руку. Я отпускала его и снова начинала играть, и, если были опять фуги, Брунка ложился подъ рояль.

Этимъ наши „разговоры“ и кончались.

Разъ какъ-то я разсказала о нихъ Милію Алексѣевичу.

Онъ не повѣрилъ, приписалъ все это случайности, но провѣрить самого факта не захотѣлъ.

— Гмъ!—только сказалъ онъ на мое предложеніе, и, напомнивъ мнѣ этимъ звукомъ дѣтство, началъ урокъ.

Онъ боялся спиритизма, считалъ его противнымъ православію и христіанству вообще, говорилъ, что видѣлъ много происшедшихъ отъ него несчастій, не отвергалъ его, но считалъ, что черезъ него дѣйствуетъ злая сила... И взялъ съ меня слово, что я не буду никогда заниматься имъ.

.... Разъ какъ-то любовь къ собакамъ чуть было не заставила его сильно поплатиться: онъ нагнулся погладить какого-то пса, придя къ кому-то на урокъ. Песъ кинулся на него, прокусилъ ему руку, носъ и правую щеку.

Изъ-за этого онъ пропустилъ со мной одинъ урокъ, а когда явился на слѣдующій, видъ его былъ такой ужасный, что мы всѣ ахнули.

— Это ничего! Теперь ужъ пустяки! Могло бы дѣйствительно кончиться для меня плохо,—говорилъ онъ на наши разспросы и не позволялъ мнѣ бранить пса, повторяя:

— Это не онъ, это я-съ виноватъ. Не надо было трогать его. Собаки не любятъ, когда ихъ трогаютъ посторонніе...

Одновременно съ псами онъ оказывалъ гостепріимство и нищимъ старушкамъ, такъ какъ не могъ видѣть ихъ голодающими и холодающими на улицѣ. Имъ онъ давалъ у себя пищу и кровъ до тѣхъ поръ, пока не выхлопатывалъ мѣсто въ какую-нибудь богадѣльню. А случалось это иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ!..

Всѣ эти подробности изъ жизни Милія Алексѣевича мы узнавали случайно, или отъ священниковъ Владимірской церкви, или отъ самихъ старушекъ, которыхъ онъ подбиралъ къ себѣ, или отъ его прислуги. Самъ же онъ никогда ничего не разсказывалъ изъ своей жизни, а когда, отецъ мой, обнимая его, ласково и шутя разспрашивалъ его: вѣрно ли то или другое? онъ, тоже смѣясь, какъ отецъ, но рѣзко и коротко, видимо нехотя говорилъ „да" или „нѣтъ" съ небольшимъ объясненіемъ, почему это такъ, или почему не совсѣмъ точно, и переходилъ на какой-нибудь другой разговоръ или начиналъ урокъ.

А событія, между тѣмъ, шли одно за другимъ: Сербская война, Русско - Турецкая война, революціонное движеніе до событія 1-го марта.

Обо всемъ этомъ мы говорили съ Балакиревымъ. Онъ превосходно зналъ исторію славянъ, помнилъ Ранке почти наизусть. Разсказывалъ о чехахъ по исторіи Гильфердинга. Потрясающими красками передавалъ разсказъ о смерти народнаго чешскаго поэта, котораго католики, взявъ Прагу, прибили за языкъ къ столбу, у самаго православнаго Гуситскаго собора (гуситовъ онъ считалъ, какъ и другіе славянофилы, православными), а самый соборъ передѣлали въ католическій костелъ...

Комментировалъ статьи И. С. Аксакова, иногда писалъ мнѣ коротенькія записочки: обратите вниманіе на передовую статью № 26 (Руси), или „посылаю вамъ № Современныхъ Извѣстій", прочтите и т. д.

И я читала и... наблюдала за грозно волновавшимся океаномъ, волны котораго, какъ я думала, если и не съ любовью, то все же ложились къ моимъ ногамъ...

На самомъ дѣлѣ онѣ съ тылу уже обходили меня, но я не знала объ этомъ, и одинъ изъ девятыхъ валовъ, первый изъ обдавшихъ меня холодомъ, пронизавшимъ меня насквозь до костей, былъ близко, „у двери".

Въ августѣ 1879 г., когда мы были за границей, неожиданно для насъ (моей матери и меня) скончалась наша Наденька,— (Катя Солнцева). Мы получили сначала отъ отца краткое письмо объ ея болѣзни, потомъ коротенькую телеграмму: „Nadine morte aujourd'hui", а затѣмъ, нѣсколько дней спустя, длинное письмо со всѣми подробностями.

Мы были тогда въ Рагацѣ, въ Швейцаріи, и тотчасъ, по полученіи перваго свѣдѣнія объ ея болѣзни, предчувствуя, что что-то отъ насъ скрываютъ, я написала письмо Милію Алексѣевичу съ

просьбой пойти къ Надеждѣ Дмитріевнѣ, узнать всю правду и написать мнѣ.

Въ то время Надежда Дмитріевна, уступая просьбамъ моего отца, была уже года 4 начальницей Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся.

Тяжело ей тамъ было. Отецъ мой, бывшій тогда попечителемъ этого заведенія, призвалъ ее себѣ въ помощь, такъ какъ то, что творилось въ Демидовскомъ Домѣ до него, не поддается описанію [1])...

Надежда Дмитріевна вымела, вычистила всю нравственную заразу, но сдѣлать это, даже при поддержкѣ попечителя, было крайне трудно, и силы ея не выдержали... Кромѣ того, трудно ей было вообще стать „начальницей пріюта". Съ поступленіемъ туда должна была произойти страшная ломка во всей ея жизни.

Умная, развитая, начитанная, жившая высшими интересами съ институтской скамьи, когда она мечтала о прорытіи Панамскаго перешейка, о чемъ написала въ старшемъ классѣ и подала учителю сочиненіе (кончила она въ Смольномъ Институтѣ въ 1826 г., т. е. когда никто еще даже изъ ученыхъ не заикался о возможности прорытія морскихъ каналовъ), страстно интересовавшаяся политикой, не жившая безъ газетъ, безсознательная славянофилка, ненавидѣвшая „тряпки", она самымъ поступленіемъ въ Демидовскій пріютъ обрекала себя на низшіе интересы, т. е. на наблюденіе за шитьемъ кофточекъ, пенюаровъ, вышиванье двусторонней древнерусской гладью, просто гладью, на дѣланье всевозможныхъ складочекъ и пр. и пр.

Но дѣлать было нечего, поступить иначе она не могла: жизнь требовала этой послѣдней жертвы отъ нея. Съ одной стороны, поступая въ пріютъ, она доказывала свою преданность и благодарность моему отцу. Съ другой, получала возможность помогать матеріально своему слѣпому брату (литератору Вл. Дмит. Яковлеву) и его семьѣ, чего за послѣдніе годы, не выслуживъ пенсіи, дѣлать не могла.

Получивъ мое письмо, Милій Алексѣевичъ тотчасъ отправился къ нашей Наденькѣ и послѣ этого, въ тотъ же день, отвѣтилъ мнѣ письмомъ.

Какъ оно, такъ и слѣдующее его письмо такъ характеризуютъ и его, и ее, что я полностью привожу ихъ здѣсь.

Первое письмо отъ 17 авг. 1879 г.

---

[1]) Отчасти Демидовскій Домъ собственно пріютъ для дѣвочекъ описанъ мною въ повѣсти „Испорченная Натура". Напечатана въ „Нивѣ".

„Сегодня получилъ письмо Ваше и сегодня же отправился къ Надеждѣ Дмитріевнѣ, и дорогой думалъ о томъ, что если при ней никого не окажется кромѣ горничной, то буду просить Вашего папа немедленно пригласить сестру милосердія, но вышло иначе;— я нашелъ тамъ ея belle soeur, съ которой разъ я обѣдалъ у Васъ въ Петергофѣ, она только-что пріѣхала изъ Казани съ дочерью (незамужней), чтобы быть при больной послѣдніе часы ея жизни. Я уже не видѣлъ Надежды Дмитріевны, такъ какъ всякое новое впечатлѣніе приводитъ ее въ сильное волненіе, а потому только просилъ ея belle soeur передать ей, что я привезъ отъ Васъ поклонъ. Она передала, но отвѣта не получила—больная какъ будто стала ослабѣвать, и, вѣроятно, у нея начиналась послѣдняя агонія. До того у нея еще было немножко силъ, она узнала свою belle soeur, была рада и сказала, хотя съ трудомъ: „иду къ внуку“—у ея племянницы Зины родился мертвый ребенокъ, объ этомъ-то внукѣ она и поминала, какъ мнѣ объяснили. Болѣе она, кажется, ничего и не говорила. Къ кончинѣ она приготовилась по-христіански, исповѣдывалась и причащалась Св. Таинъ, еще въ понедѣльникъ, 13-го ч. для чего былъ приглашенъ священникъ изъ Тюремнаго Замка, почтенный старичекъ.

По мнѣнію доктора, она должна скончаться не позже, какъ сегодня вечеромъ.—Завтра зайду къ Вашему папа узнать объ ней.

Вотъ все, что удалось мнѣ исполнить изъ Вашего порученія, многоуважаемая Марія Васильевна. Вполнѣ понимаю Вашу горесть, такъ какъ Надежда Дмитріевна была Вамъ вторая мать. Вспоминайте ее въ ежедневныхъ молитвахъ Вашихъ, и пускай молитвы о упокоеніи ея души будутъ выраженіемъ Вашей глубокой и признательной къ ней любви.

Если мнѣ возможно будетъ быть на ея похоронахъ, то конечно я буду, и тогда напишу Вамъ подробно объ нихъ.

Совершенно преданный Вамъ
М. Балакиревъ.

Вашей maman свидѣтельствую глубочайшее почтеніе, и искренно желаю Вамъ обѣимъ поболѣе запастись добрымъ здоровьемъ“.

А вотъ второе письмо:

„Третьяго дня происходили похороны Надежды Дмитріевны. Я пріѣхалъ довольно поздно; когда взошелъ въ церковь, то пѣли уже причастный стихъ. Народу было не много, но и не мало, и маленькая церковь была наполнена, несмотря на то, что воспитанницы стояли въ боковыхъ залахъ, примыкающихъ къ церкви, туда же провелъ меня и Вашъ папа, и я былъ очень благодаренъ ему,

такъ какъ въ залахъ не только не было духоты, но было свѣжо и пріятно.

Служеніе совершали три священника и діаконъ. Первенствовалъ духовникъ покойной, старенькій протопопъ изъ Тюремной церкви, затѣмъ былъ второй отъ Николы Морского и третій молодой сынъ тюремнаго протопопа. Были пѣвчіе. При мнѣ началось отпѣваніе. При прощаньи я видѣлъ, что большинство воспитанницъ подходило ко гробу со слезами, и что меня удивило это отсутствіе мертваго запаху, который если и былъ, то въ незначительной—незамѣтной степени. Покойница мало измѣнилась. Она лежала въ своемъ бѣломъ гробу съ обыкновеннымъ серьезнымъ выраженіемъ лица, какое у нея было постоянно, только лицо ея было сильно пожелтѣвшимъ и исхудалымъ. Я простился съ ней по нашему обычаю, т. е. приложился къ вѣнчику, который былъ надѣтъ ей на лобъ. Прощанье происходило довольно продолжительно, затѣмъ повезли гробъ на кладбище Новодѣвичьяго Монастыря, при чемъ часть воспитанницъ провожала гробъ до церкви Николы Морского, а другая, небольшая часть, до самаго кладбища. Идя за гробомъ, я сообщилъ Вашему папа, что мнѣ пришла мысль: отчего бы не предоставить теперь мѣсто начальницы Демидовскаго дома—Амаліи Ивановнѣ [1]). По-моему, это опредѣленіе было бы лучшимъ вѣнкомъ, посвященнымъ памяти покойной; и представьте себѣ, что объ этомъ думалъ уже Вашъ папа, и Огареву, который подошелъ къ намъ, приходила та же мысль, которую онъ тоже сообщалъ Вашему папа. По его замѣчанію эта мысль, дѣлаясь гласомъ народа, выражаетъ какъ бы гласъ Божій. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше почтить память высокоуважаемой Надежды Дмитріевны, какъ не устройствомъ ея ближайшихъ родныхъ, которымъ она была благодѣтельницей всю жизнь. Вѣчная ей память!...

Надѣюсь, что эта мысль найдетъ и въ Васъ сочувствіе, многоуважаемая Марія Васильевна, и конечно много поможетъ ея осуществленію, если Вы вмѣстѣ съ мамой поддержите ее, и укрѣпите въ добромъ намѣреніи Вашего папа.

Искренно преданный Вамъ
М. Балакиревъ".

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Belle soeur Надежды Дмитріевны, жена ея брата, литератора В. Д. Яковлева.

Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура.

Бой подъ землей [1]).

Еще до вылазки, опредѣлившей мѣсто японскихъ минныхъ работъ, съ нашего форта повели противъ японцевъ контръ-минныя галлереи.

Сущность этихъ работъ заключается въ томъ, что, когда галлереи дойдутъ до непріятельскихъ галлерей, то послѣднія взрываются.

Если же заблаговременно не разрушить непріятельскихъ галлерей, то непріятель взорветъ фортъ.

Когда въ августѣ японцы залегли подъ фортомъ № 2, то прежде всего и явилась мысль, что они поведутъ противъ насъ мины. На этотъ случай контръ-минныя галлереи въ крѣпостяхъ существуютъ въ мирное время, чего, конечно, на нашемъ форту не было. Пришлось начать эту работу во время осады.

За рвомъ подъ землей находился капониръ, бетонный казематъ съ бойницами для обстрѣливанія рва.

Это былъ низкій, темный сводчатый коридоръ, опоясывавшій ровъ съ фронта и съ обоихъ боковыхъ фасовъ. Свѣтъ едва проникалъ въ узкія щели бойницъ.

Въ капонирѣ была вѣчная сырость, такъ присущая крѣпостнымъ казематамъ, было мрачно и холодно. Въ поворотахъ коридора стояли пушки и пулеметы.

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1913 г.

Для того, чтобы изъ капонира выйти на свѣтъ Божій, надо было дойти до задняго конца, опуститься на нѣсколько ступеней подъ дно рва. Пройдя по дну рва, опять взобраться по лѣстницѣ и попасть въ казематъ, стоящій уже на поверхности земли.

Контръ-минныя галлереи велись изъ капонира. Въ твердомъ каменистомъ грунтѣ и при тускломъ свѣтѣ огарка работало два сапера. Безпрерывно отбивая киркой и мотыгой кусочки камня, саперы за день едва проходили аршинъ. Передній саперъ шелъ впередъ, а задній уширялъ галлерею до ширины, достаточной для прохода человѣка.

Это была тяжелая, изнурительная работа въ вѣчномъ ожиданіи ежеминутно быть взорваннымъ на воздухъ непріятелемъ.

Молодой минный офицеръ, поручикъ Р., спалъ рядомъ со мной. Въ пальто, при шашкѣ и револьверѣ проводили мы тревожныя безсонныя ночи на неудобныхъ нарахъ бокъ о бокъ съ солдатами. Каждый четный часъ мы по очереди будили другъ друга и шли провѣрять нашихъ людей: онъ въ минную галлерею, я къ пушкамъ.

Въ одно утро на разсвѣтѣ поручикъ Р., возвратившись изъ галлереи, сообщилъ мнѣ, что слышитъ неясные отдаленные звуки и предполагаетъ, что это стукъ отъ работы японскихъ минеровъ. Черезъ минуту мы были оба въ галлереѣ.

Саперы работали уже недѣли четыре. За это время они успѣли пройти 5—6 саженъ. Галлерея была узкая, едва достаточная для прохода человѣка, съ неровными каменистыми стѣнами и низенькимъ потолкомъ. Передняя часть ея была освѣщена, а задняя оставалась темной.

Спотыкаясь о неровные камни, доползли мы до головы галлереи. Поручикъ приказалъ прекратить стукъ, и мы стали прислушиваться, не шевелясь и затаивъ дыханіе.

Сначала я ничего не разбиралъ, но послѣ нѣкотораго напряженія услышалъ далекіе, чуть замѣтные звуки. При каждомъ звукѣ поручикъ поднималъ палецъ, какъ бы указывая мнѣ.

— Ну что?—спросилъ онъ немного погодя.

Я признался, что звуки слышны, хотя и весьма неясно.

Выбравшись на поверхность земли, мы пошли будить коменданта. Добрѣйшій поручикъ Р. былъ сильно взволнованъ. Ему первому въ крѣпости придется вступить въ настоящій подземный минный бой съ непріятелемъ. До сихъ поръ все это продѣлывалось на маневрахъ, а теперь... теперь это настоящая минная война, какъ въ Севастополѣ. Поручикъ оживленно объяснялъ мнѣ это, нервно и горячо жестикулировалъ и клялся, что не допуститъ японскихъ минеровъ ни на шагъ къ форту.

— Какъ они подойдутъ, я и трахъ фугасомъ по головѣ... они опять подойдутъ, я опять фугасомъ,—безпрерывно вздергивалъ онъ руками, изображая эффектъ взрывающагося фугаса.

Черезъ полчаса онъ ушелъ въ галлерею и уже оттуда не выходилъ. Ему носили туда и чай, и супъ изъ конины, и „тѣло усопшаго бригадира", и коньякъ для бодрости. Ни на минуту ему не приходила мысль, что онъ можетъ быть взорваннымъ вмѣстѣ со своими землеробами.

— О, нѣтъ! Я ихъ взорву раньше,—бодро увѣрялъ онъ.

Но вскорѣ его постигло разочарованіе. Комиссія, назначенная высшимъ начальствомъ, прибыла на фортъ и, посидѣвъ въ галлереѣ, заявила, что никакихъ звуковъ нѣтъ. Комиссія состояла изъ людей опытныхъ и зрѣлыхъ, но, увы, пожилыхъ, а потому обладавшихъ слухомъ нѣсколько ослабѣвшимъ. Почтенные полковники и генералы долго и искренно прислушивались, но ничего не услыхали.

Комиссія уѣхала въ 2 часа, а уже въ 8 часовъ вечера звуки были явственно и вполнѣ отчетливо слышны. Можно было не сомнѣваться, что на этотъ разъ ихъ услышатъ и члены комиссіи. Послѣ продолжительныхъ и убѣдительныхъ приглашеній по телефону они снова пріѣхали и признали опредѣленно, что невдалекѣ идетъ работа японскаго минера.

Дальнѣйшую работу надо было вести осторожно и въ постоянномъ ожиданіи встрѣчи съ японцами. По нѣсколько разъ комендантъ форта, офицеры, наѣзжавшее начальство навѣдывались въ галлерею. Звуки становились все яснѣе и яснѣе.

— Тукъ, тукъ! Тукъ, тукъ! — непрерывно слышались удары о камень.

Черезъ два дня лишь нѣсколько аршинъ раздѣляло нашихъ и непріятельскихъ минеровъ.

Несомнѣнно, и они слышали стукъ нашихъ минеровъ, но, очевидно, считали, что еще рано насъ взрывать.

Надо было намъ торопиться взрывомъ.

Послѣ неизбѣжной комиссіи рѣшено было немедленно взрывать японцевъ. Поручикъ Р. вышелъ изъ галлереи и въ казематѣ коменданта форта совмѣстно съ инженернымъ полковникомъ вычислялъ количество пороха для фугаса.

Количество это вычисляется по формулѣ, извѣстной каждому юнкеру. Но здѣсь при практическомъ пользованіи этой формулой явился нѣкій коэффиціентъ, затруднявшій нашихъ минеровъ. Коэффиціентъ этотъ былъ грунтъ, неизвѣстнаго сопротивленія, твердый, хрящеватый, камень, который составлялъ почву Портъ-Артура.

Взрывъ нужно было сдѣлать небольшой. Надо было только раз-

рушить японскую галлерею, но отнюдь не произвести изрытія на поверхности земли, иначе это изрытіе послужило бы готовымъ окопомъ для японцевъ.

Съ другой стороны опасались взять мало,—тогда и галлереи не разрушились бы.

Долго спорили минеры и порѣшили, что все-таки лучше побольше пороху. Все вѣрнѣе будетъ.

Между тѣмъ головы нашей и японской галлерей уже совсѣмъ сошлись.

Саперовъ мѣняли черезъ часъ. Каждый изъ нихъ входилъ въ галлерею, какъ приговоренный къ смерти.

Въ такой близости естественно было ожидать, что уже японцы закладываютъ зарядъ. Наши саперы поддерживали такъ называемый ложный стукъ, т. е. стучали тупыми концами мотыги, отнюдь не ковыряя камня, а давая лишь иллюзію звука. Это было необходимо, такъ какъ, если бы не было стука, японцамъ было бы ясно, что мы закладываемъ зарядъ, и они поторопились бы насъ взорвать.

— Дайте пороху,—обратился ко мнѣ Р.

Увы, я долженъ былъ сказать, что его надежды на мой порохъ весьма неосновательны. У меня было всего лишь нѣсколько зарядовъ и снарядовъ на случай штурма. При томъ эти заряды составляли лишь десятую часть того, что мнѣ нужно было.

— А гдѣ же достать пороха? — новый недоумѣвающій вопросъ.

Я посовѣтовалъ обратиться къ артиллерійскому начальству.

— Порохъ? — кричало начальство въ телефонъ. — А зачѣмъ? А у васъ нѣтъ своего?

— Своего нѣтъ, а надо рвать минную галлерею.

— Порохъ намъ самимъ нуженъ... ну, а впрочемъ, позвоните въ арсеналъ.

— Порохъ есть,—кричали изъ арсенала,—а на чемъ доставить? Дайте двуколки.

— Ваше превосходительство,—надрывался поручикъ Р.,—прикажите подать двуколки.

— Потребуйте изъ такого-то полка,—разрѣшило большое начальство,—скажите, что я приказалъ.

— Такъ что двуколки уѣхали за кониной, — отвѣчали изъ такого-то полка,—когда вернутся, вышлемъ.

Хорошо сказать „когда вернутся!“ Въ галлереѣ уже камешки со стѣны осыпаются отъ стука непріятельскихъ минеровъ, такъ они близки. Каждую секунду нужно ждать, что насъ взорвутъ.

Поручикъ Р., растерянный, вѣшаетъ трубку. Офицеры негоду-

ютъ, комендантъ сердится. Онъ похаживаетъ по каземату и язвительно повторяетъ:

— Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ.

Наконецъ новая мысль осѣняетъ поручика Р.

— Дайте такой-то полкъ,—звонитъ онъ.

— Готово... Хорошо... Эй, вы, послушайте... приказано послать коннаго охотника, чтобы опрокинули съ двуколокъ конину, а двуколкамъ скакать во весь духъ въ арсеналъ... немедленно... кто принялъ? Писарь такой-то... На твоей отвѣтственности, чтобы сейчасъ же выслали.

— Ну, что же,—говоритъ командиръ форта,—часа черезъ два прiѣдутъ,—а до тѣхъ поръ нужно попросить японцевъ подождать.

Нѣсколько часовъ томительнаго долгаго ожиданiя. Каждую секунду ждешь взрыва и грохота. Обреченные саперы сидятъ въ галлереѣ, съ покорнымъ видомъ долбятъ предъ самымъ лицомъ смерти. А пороха нѣтъ и нѣтъ.

Волненiе овладѣваетъ гарнизономъ. Комендантъ пересталъ язвить и сердиться, ходитъ по форту, водворяя порядокъ. Его боятся, его уважаютъ, ему вѣрятъ. Солдаты понемногу успокаиваются, но всякiе писаря, фельдшера и прочiе фурштаты норовятъ юркнуть черезъ узкiй мостикъ вонъ съ форта.

Но вотъ, наконецъ, показываются двуколки. Ящики съ порохомъ торопливо и нервно скидываются. Подъ наблюденiемъ Р. ихъ волокутъ въ галлерею.

Начинается работа еще болѣе опасная, чѣмъ предыдущее ожиданiе, но зато нетомительная; это не покорное ожиданiе смерти, а опредѣленная живая дѣятельность съ надеждой на результатъ.

— Ужъ если успѣемъ, то зададимъ,—подбодряетъ себя мыслью каждый работающiй въ эту тяжелую, напряженную минуту.

Тревожную ночь провелъ гарнизонъ. Никто не спалъ. На форту былъ слышенъ тихiй шумъ, производимый неспящими солдатами, поминутно бѣгали съ приказанiями, звенѣли телефоны.

Разсвѣтъ принесъ облегченiе. Все было готово: забивка сдѣлана, провода проведены, оставалось рвать.

И вдругъ рѣзкiй звонокъ телефона:

— Коменданта къ телефону,—послышался шепотъ, передаваемый по форту.

Комендантъ, придерживая шашку, бѣгомъ побѣжалъ къ аппарату.

Черезъ минуту онъ вернулся въ офицерскiй казематъ и началъ ходить взадъ и впередъ.

— Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ... Подождите взрывать,—обратился онъ неожиданно къ поручику Р.

— Почему?—остолбенѣлъ Р., а за нимъ и мы.

— Большое начальство сказало, что само пріѣдетъ и взорветъ... само нажметъ кнопку взрывателя...

— Да вы шутите!—воскликнулъ кто-то.

— Это не моя шутка,—сердито отвѣчаетъ комендантъ и выходитъ изъ каземата.

Наступаетъ новое тяжелое ожиданіе на этотъ разъ уже по волѣ начальства. Время идетъ необыкновенно долго. Какое-то отупѣніе овладѣло всѣми. Ждешь, ждешь, а конца все нѣтъ. Иногда кто-нибудь вскакиваетъ, выбѣгаетъ изъ каземата и нетерпѣливо вглядывается въ узкую глубокую траншею, дорогу на фортъ.

Наконецъ пріѣхало и начальство, и спустя нѣсколько минутъ тяжелый грохотъ взрыва возвѣстилъ о дѣйствіи нашей мины.

Наши минеры ошиблись въ своихъ вычисленіяхъ. Громадное облако взлетѣвшей земли, дыму и какихъ-то желѣзныхъ обломковъ показало, что взрывъ, вопреки нашимъ намѣреніямъ, вышелъ на поверхность земли. Дѣйствительно, одновременно съ разрушеніемъ непріятельской галлереи пробили толщу земли, составлявшую потолокъ галлереи.

Въ большую круглую дыру въ потолкѣ виденъ былъ кусокъ облачнаго неба и хмурыя оборванныя тучки. Мы осторожно подходили къ этому отверстію, держа револьверы въ рукахъ, въ ежеминутномъ ожиданіи увидѣть японца наверху.

Дѣло усложнялось. Черезъ это отверстіе могъ влѣзть непріятель въ галлерею, вытѣснить насъ оттуда и на нашихъ плечахъ ворваться въ фортъ. Усталые, изнуренные безсонной тревожной ночью, мы долго не могли рѣшить, что намъ предпринять. Кто-то подалъ мысль поставить у отверстія часовыхъ и возможно чаще ихъ смѣнять. Мысль далеко не удачная, но въ нашемъ обезсиленномъ сознаніи она не встрѣтила никакого протеста.

Часовые были поставлены, и мы пошли отдыхать. За исключеніемъ очередныхъ дежурныхъ всѣ воспользовались возможностью основательно выспаться.

Часа черезъ три насъ подняла на ноги новая тревога: въ нашей галлереѣ оказался непріятель. Японцы весьма просто разрѣшили задачу, поставленную имъ. Пара ручныхъ бомбочекъ, брошенныхъ въ отверстіе галлереи сверху, убила нашихъ часовыхъ, и нѣсколько десятковъ японцевъ моментально вскочили въ галлерею.

Когда я прибѣжалъ въ капониръ, въ немъ было полно нашихъ солдатъ. Въ концѣ галлереи суетился взволнованный комендантъ и уговаривалъ стрѣлковъ оттащить пулеметъ, стоявшій въ поворотѣ капонира. Галлерея шла перпендикулярно къ коридору капонира.

Коридоръ капонира былъ въ нашихъ рукахъ, галлерея въ японскихъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ капонира отходитъ перпендикулярный коридоръ галлереи, и стоялъ пулеметъ. Онъ былъ такимъ образомъ въ нейтральной зонѣ.

Каждаго изъ нашихъ, кто бы сунулся къ пулемету, встрѣтилъ бы градъ японскихъ пуль, и изъ галлерей одинаково, каждаго японца, подошедшаго къ пулемету, встрѣтили бы залпы нашихъ стрѣлковъ изъ капонира.

Капитанъ въ своихъ золотыхъ очкахъ и надвинутой папахѣ плаксиво кричалъ.

— Дорогіе стрѣлочки! Милые, родные! Оттащите пулеметъ! Не посрамите!... Землячки... Неужто отдадимъ японцамъ!...

У храбраго капитана была удивительная манера: командовать въ минуту опасности плаксивымъ голосомъ. Лѣзетъ прямо на смерть съ невѣроятной смѣлостью и пищитъ при этомъ плачущимъ голосомъ, какъ страдающая женщина.

Стрѣлки совались къ пулемету, падали раненые, но никто не могъ зацѣпить веревкой съ крюкомъ за пулеметъ. А капитанъ все плакалъ, бѣгалъ и умолялъ.

— Дайте бомбочекъ,—закричалъ онъ вдругъ изступленно,—мы ихъ бомбочками выкуримъ, мерзавцевъ.

Притащили бомбочекъ. Изъ двухъ холщевыхъ мѣшковъ посыпались на землю невысокіе пироксилиновые цилиндры. Изъ середины каждой бомбочки торчала тоненькая кишка съ пороховой мякотью съ полъаршина длины.

Солдаты хватали эти цилиндры, обрѣзывали покороче кишку съ мякотью и прикладывали спички къ надрѣзу кишки.—Ш-ш-ш-ш—раздавалось рѣзкое шипѣнье... Одна секунда, и взрывъ... Но солдатъ, подбѣгая къ повороту, ловко швырялъ бомбочку въ галлерею. Раздавался рѣзкій звукъ, и за нимъ спустя пару секундъ трескъ взрыва.

Эти бомбочки, кидавшіяся вручную, давно уже были въ употребленіи въ крѣпости. Когда враги подходили другъ къ другу на нѣсколько шаговъ, то прежде чѣмъ преодолѣть это послѣднее, самое страшное разстояніе, пускались въ ходъ бомбочки. Солдаты зажигали ихъ спичками, трутомъ, а чаще всего прикладывали горящую папиросу.

Пороховая мякоть сейчасъ же загоралась, и нужно было, не теряя времени, швырять бомбочку, чтобы она не разорвалась въ рукахъ. Пущенныя въ капонирѣ въ ходъ бомбочки сразу улучшили дѣло. Подъ впечатлѣніемъ оглушительныхъ разрывовъ,

японцы не замѣтили, какъ два стрѣлка быстро зацѣпили за пулеметъ и потащили его въ нашу сторону.

Вскорѣ непріятель опомнился и воспользовался тѣмъ же оружіемъ, что и мы. Первыя прилетѣвшія его бомбочки произвели очень сильный эффектъ. Въ низкомъ, узкомъ, сводчатомъ коридорѣ онѣ рвались съ невѣроятной силой, образовавшіеся газы ударялись о стѣнки и потолокъ и, не находя себѣ выхода, съ рокотаніемъ проносились по коридору, душа отравительнымъ воздухомъ людей.

Вотъ понесли коменданта въ обожженномъ пальто, безъ очковъ, всего обсыпаннаго мелкимъ каменистымъ пескомъ.

Сильная рвота и судороги.

Бомбочка могла и убить, если разорвется близко, но чаще всего она легко ранила или отравляла газами пироксилина.

Въ такихъ случаяхъ солдатъ на нѣсколько часовъ, рѣдко на нѣсколько дней выбывалъ изъ строя. И въ этотъ день, всѣ офицеры, по очереди, становившіеся на этотъ тяжелый постъ въ капониръ, къ вечеру приходили въ себя послѣ отравленія газами.

Эта страшная, безплодная борьба продолжалась нѣсколько часовъ. Безпрерывно выносили убитыхъ, раненыхъ и отравленныхъ солдатъ, но положеніе продолжалось оставаться прежнимъ: капониръ нашъ, галлерея ихъ. Казалось, не было конца этому безполезному кровопролитію. Гарнизонъ таялъ, но обѣ стороны упорно и жестоко стояли на своихъ мѣстахъ.

Выручилъ случай, „Его Величество случай", этотъ часто неожиданный и рѣшительный факторъ на войнѣ.

Наша бомбочка попала въ ихъ мѣшокъ или складъ бомбочекъ и произвела потрясающій эффектъ: отъ необыкновенной силы взрыва попадали люди, стоящіе въ передней части капонира. И когда мы бросились въ галлерею, жалкіе исковерканные остатки людей, обгорѣлые куски мундировъ, свернувшіеся, какъ обгорѣлая бумага, оборванный пулеметъ открыли передъ нами ужасную картину разрушенія. Галлерея была снова наша, но, увы, не надолго.

На другой день японцы снова штурмовали галлерею, овладѣли ею и едва не захватили капониръ. Лишь благодаря находчивости Р., перегородившаго коридоръ капонира стѣнкой изъ мѣшковъ съ землею (траверсомъ), большая часть капонира осталась за нами.

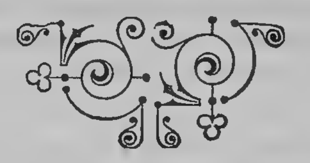
Еще полтора мѣсяца шли бои въ этомъ коридорѣ. Онъ былъ весь перегороженъ траверсами въ шахматномъ порядкѣ. Стѣнки эти перегораживали коридоръ, но не шли вплотную отъ стѣны до стѣны. Траверсъ шелъ отъ одной стѣны перпендикуляромъ и, не доходя другой стѣны, оканчивался, оставляя свободный проходъ. Слѣдующій траверсъ шелъ отъ другой стѣны.

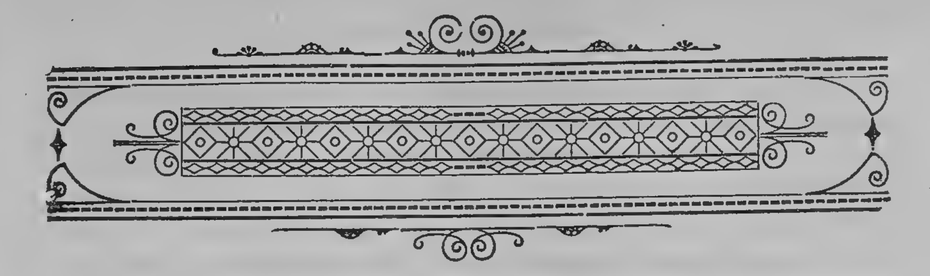
Въ траверсахъ были продѣланы бойницы для ружей. Съ жестокимъ кровопролитіемъ брали японцы траверсъ за траверсомъ въ теченіе семи недѣль. Иногда нѣсколько дней тратили они, чтобы захватить нѣсколько саженей коридора, чтобы на другой снова отдать это намъ.

Лишь 5 декабря, овладѣвъ фортомъ на поверхности земли, они заставили уступить и подъ землей защитниковъ этого коридора, и безъ боя получили послѣдній кусочекъ разрушеннаго капонира.

К. Шумскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Басурманская неволя.

VI [1]).

Выходъ безъ розмѣны и окупа „собою".

Нѣкоторые писатели XVI вѣка утверждаютъ, что татары держали своихъ плѣнниковъ въ рабствѣ не болѣе семи лѣтъ. Въ общемъ это невѣрно: многіе полонянники оставались у татаръ 30, 40 и болѣе лѣтъ. Но нѣкоторые полонянники говорятъ о „урочныхъ годахъ", по истеченіи которыхъ они были отпущены на свободу. „Отжилъ урочные годы", „отработался, откупился работою своею"—довольно обычныя выраженія полонянниковъ объ ихъ выходѣ изъ неволи. Мусульманскіе рабовладѣльцы цѣнили усердныхъ и хорошихъ работниковъ. Житіе Св. Варсонофія Казанскаго, не пристрастное къ агарянамъ, повѣствуетъ, что „невѣрніи, видѣвше" будущаго святителя „такова суща добронравна и праведна и нелицемѣрна къ трудомъ, смирена и безъ прекословія работающа имъ, удивишася о немъ и повелѣша ему въ ослабѣ жити".

Вратиславъ разсказываетъ, что турки отпускали на поруки искусныхъ мастеровъ, съ обязательствомъ прожить въ Турціи 10 лѣтъ и работать это время на своихъ хозяевъ. Эти „урочные годы" весьма разнообразны. Встрѣчается и семилѣтній срокъ. Въ 1669 году воронежецъ Степ. Татариновъ нашелъ въ Азовѣ своихъ братьевъ

[1]) См. „Русская Старина" февраль 1913 г.

Гришку да Мишку. „А посажены тѣ его братья, показывалъ Татариновъ, на окупъ на семь лѣтъ, окупъ въ тѣ годы имъ заработать, и тѣ его братья за окупъ отработываются послѣдній годъ по Семенъ денъ 178 году“. Но встрѣчаются и гораздо болѣе продолжительные сроки въ 8, 9½, 11, 12, 15, 20, 30 лѣтъ и 32 года.

Хозяева давали отпущенникамъ „отпускные листы“ или грамоты. „Язъ, Муратъ Паразовъ сынъ, гласитъ переводъ одной такой отпускной, московскую русскаго роду жонку Анну, а примѣты ей—брови желты, сѣра глаза, ростомъ середняя, лицо желто, отпустилъ по души своей на волю за то, что на томъ свѣтѣ душа моя была отъ Бога въ покоѣ, а впередъ до нея никому дѣла нѣтъ“ [1]).

Но часто татарамъ приходилось отпускать полонянниковъ противъ своего желанія. Первой обязанностью пограничныхъ воеводъ въ случаѣ набѣга татаръ было надъ ними „поискъ учинити и полонъ отполонити“. Зачастую оплошавшій было сначала воевода „промышлялъ“ надъ татарами болѣе или менѣе удачно. Иногда у татаръ отбивали десятки или сотни ясыря; иногда же какъ это было подъ Усманью въ 1661 году, послѣ жаркаго боя у татаръ удавалось „отбить двухъ бабъ“. Особенно помогали полонянникамъ непримиримые враги басурманства запорожскіе и донскіе казаки.

На своихъ легкихъ судахъ они не одинъ разъ блокировали берега Тавриды и дѣлали на нихъ смѣлыя высадки. Запорожцы, „дававшіе пороху нюхать самому Царю-граду“, держали въ страхѣ и берега Малой Азіи. Русскіе полонянники, услышавъ про высадку запорожцевъ, бѣгали къ нимъ и съ ними пріѣзжали въ Запороги. Въ 1675 году знаменитый атаманъ Сѣрко вторгнулся въ Крымъ и вывелъ 7.000 полонянниковъ [2]).

Войны европейскихъ государствъ съ надвигавшимися на христіанство турками также имѣли слѣдствіемъ освобожденіе невольниковъ, и многіе русскіе полонянники молили Бога за „шпанскихъ“ или „венецейскихъ нѣмцевъ“, „отгромившихъ“ ихъ у турокъ. Съ радостью слушали русскіе люди приходившія къ нимъ черезъ иноземныхъ торговыхъ людей изъ-за границы вѣсти о томъ, что „виницеяне на боѣхъ туркамъ бываютъ сильны и многихъ турскихъ людей побиваютъ“, что тамъ-то виницейскіе корабли „наѣхали на турскихъ людей, и съ ними былъ бой изъ пушекъ, и на томъ бою многіе турскіе корабли и каторги съ людьми пожгли и потопили, а взяли въ полонъ турскихъ лю-

---

[1]) Пр. 401, 63—68; Б. 83, 788: Б. 188, 19; Б. 197, 770; Пр. 35, 150, 198, 322; Пр. 158, 372; Пр. 782, 10; Пр. 954, 97; Б. 644, 15.

[2]) Пр. 857, 148; Пр. 35, 136, 284—287.

дей 14.000, да русскихъ полонянниковъ тысячи съ двѣ". При такихъ вѣстяхъ радостно билось не одно русское сердце, тосковавшее по далекомъ полонянникѣ-каторжанинѣ.

Не всегда полонянникъ дожидался освободителей. „Полонная нужа" и тоска по родинѣ часто побуждали его попытаться выйти изъ полона „собою", т. е. своими силами. Русскіе полонянники при этомъ обнаруживали большую хитрость и смѣлость. Не даромъ у татаръ Московское племя считалось коварнымъ, и на невольничьихъ рынкахъ покупщики цѣнили москвитянъ дешевле, чѣмъ людей „народу королевскаго", т. е. поляковъ и малороссіянъ, которые считались болѣе кроткими и спокойными.

Многіе полонянники уходили отъ татаръ еще „съ дороги", пробывъ въ плѣну нѣсколько недѣль или даже дней. Сынъ боярскій Петрищевъ, захваченный татарами въ 1644 году въ Рыльскомъ уѣздѣ, „въ полону у крымцевъ былъ сутки". Женщины и дѣти не уступали мужчинамъ.

Въ набѣгѣ крымцевъ на Ефремовскій уѣздъ въ 1659 г. у ефремовца Петра Кульнева были взяты въ полонъ жена Анница, дочь Палашка, тетка Акилиница и сестра Дарьица; но Анница и Палашка ушли еще „межъ Ливенъ и Оскола съ дороги", Акилиница „позади Валуекъ"; ушла и Дарьица, но уже изъ Крыма. Изъ шестерыхъ взятыхъ въ плѣнъ въ томъ же набѣгѣ дѣтей ефремовца Семенихина уже черезъ годъ ушли сыновья Панка и Филька; за ними увязалась и дочь Хрестинка, и молодые смѣльчаки благополучно „вышли на Торецъ". Даже раненые находили въ себѣ силы для побѣга: валуйскій стрѣлецъ Никифоръ Ветчинкинъ былъ „застрѣленъ изъ лука по лѣвой рукѣ по перстамъ и по брюху", но, пробывъ въ полону двѣ недѣли, за два дня пути до Азова онъ бѣжалъ, и „выбрелъ" по степи на Валуйку; только тамъ сказались раны, и Ветчининъ „лежалъ боленъ недѣль съ шесть"[1]).

Одни полонянники говорили просто, что они бѣжали съ татарскаго стана ночью „развязався", другіе подробно разсказывали всѣ обстоятельства побѣга. Смѣлость нѣкоторыхъ была поразительна. Сынъ боярскій Новгорода-Сѣверскаго Андрей Ивановъ Лукашевъ, взятый въ плѣнъ въ 1646 году, черезъ три года былъ привезенъ татарами на розмѣну къ Валуйкѣ, но этотъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ „у татаръ ушелъ середи бѣла дня на лошади въ Валуйку"[2]). Полонянники считали дозволенными всѣ средства для борьбы съ хищниками, уводившими ихъ въ тяжелую неволю.

---

[1]) Пр. 158, 198; Б. 1.203, 170, 171, 220; Пр. 35, 329; Пр. 239, 193.

[2]) Акты Моск. Госуд., III, 108; Пр. 782, 36, 18.

Лѣтомъ 1660 года татары взяли въ Крымъ бѣльскихъ стрѣльцовъ Антипа Коломнина съ товарищами; дорогою въ лѣсу они „заблудились и порознь разъѣхались“; у перелаза черезъ Донъ Коломнинъ „сволокся съ лошади и съ татариномъ“, съ которымъ онъ ѣхалъ, татарина „удавилъ руками, а самъ ушелъ въ лѣсъ и въ болотѣ утаился“. Рейтаръ Григорій Каратыгиаъ съ двумя товарищами былъ привезенъ туркомъ уже въ Волосскую землю, но въ городѣ Сорокахъ этотъ турокъ „поѣхалъ съ ними на поле, и онъ съ товарищемъ своимъ того турка срубили саблею, примѣтя у него саблю въ телѣгѣ, и, взявъ по лошади, побѣжали“.

Калужскій рейтаръ Елисей Мухановъ, взятый татарами подъ Чигириномъ, разсказывалъ про свой побѣгъ слѣдующее: „онъ былъ у нихъ въ таборѣхъ за карауломъ недѣли съ три у мурзы, и, какъ тотъ мурза поѣхалъ на бой, и его, Елисея, приказалъ въ стану беречь закована татарину своему, и онъ, Елисей, примѣтя ножъ, того татарина ночью соннаго зарѣзалъ и, изъ колоды свободясь, убѣжалъ въ лѣсъ и въ лѣсу былъ двои сутки и изъ лѣсу прибѣжалъ къ Тясьмѣ ночью и поплылъ было черезъ Тясьму повыше Чигирина, и его поимали пѣшіе турецкіе люди и привели къ себѣ въ таборы жъ близко Чигирина, и былъ онъ въ таборѣхъ скованъ съ недѣлю.. а какъ они изъ-подъ Чигирину пошли въ свои края, и онъ, Елисей, съ четвертаго ихъ стану ночью вывалился изъ-подъ намету скованъ и, съ одной ноги желѣза скинувъ, ушелъ отъ Черныхъ Лѣсовъ и бѣжалъ до Чигирину дня съ три или съ четыре тою жъ сакмою (дорогою), которою шли турецкіе и крымскіе люди, и пошелъ черезъ Чигиринъ, а Чигиринъ весь разрытъ, а отъ Чигирина пришелъ къ Бужину перевозу, и перевезли его черкасы, которые ходили около Чигирина по переправамъ, искали ружья и иного всякаго оброну“ [1]). Въ басурманскихъ земляхъ полонянники искали всякаго случая, чтобы бѣжать изъ неволи. Часто они получали помощь отъ своихъ восточныхъ единовѣрцевъ. Ольшанецъ, Гончаровъ, напримѣръ, пробывшій 30 лѣтъ на каторгѣ, въ 1692 году „присталъ“ къ греченину Константину Андрееву, который и „вывезъ его изъ Царя-города тайно“.

Патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, пріѣхавшіе въ 1666 году въ Москву для суда надъ патріархомъ Никономъ, привезли съ собой нѣсколькихъ такихъ бѣглецовъ. Тамбовскій казачій сынъ Василій Кореневъ, побывавшій въ плѣну и на Кавказѣ и въ Персіи и въ Турціи, въ 1666 году изъ Багдада „ушелъ въ Кизылбашскую землю въ Шемаху городъ, а въ то число

[1]) Б. 592, 85, 171, 286; Пр. 1445, 7, 17.

шли къ Москвѣ на Шемаху патріархи Палестинскіе, и онъ билъ челомъ патріархомъ, чтобы его вывезли къ Москвѣ, и патріархи съ собою его взяли, и шелъ съ ними до Царицына". Ливенецъ же Маркъ Смагинъ, который „присталъ" къ патріархамъ, „убѣжавъ изъ полону за моремъ", доѣхалъ съ ними до самой Москвы. „Приставали" полонянники и къ приходившимъ въ басурманскія земли государевымъ, а иногда и къ иностраннымъ, напримѣръ, къ „французскому", посламъ, и тѣ „вывозили ихъ съ собою".

Еще скорѣе находили полонянники помощь у своихъ сотоварищей по неволѣ: въ 1660 году, напримѣръ, изъ Крыма вышли зміевскій черкашенинъ Иванъ Зенскій „самъ пятъ, а отпустила ихъ изъ Крыму женка русская ясырка жъ Верхососенскаго города".

Иногда полонянниковъ выводили сами басурмане. По утвержденію Болотова, „добродушіе и постоянство" томившагося въ крымскомъ плѣну его предка Горяина Болотова „тронули старушку татарку", и она способствовала его побѣгу, давъ ему денегъ, провизіи и узелокъ—талисманъ съ „двумя небольшими пучками незнакомой ему травы". Воронежскій казачій сынъ Степанъ Татариновъ съ 17 товарищами при выходѣ изъ плѣна отъ калмыковъ обошелся безъ талисмановъ. Калмыцкій тайша хотѣлъ продать ихъ „за море къ тезикамъ", но какой-то случившійся тутъ татаринъ „про то имъ сказалъ и по ихъ челобитью имъ указалъ дорогу на Хонеръ и провожалъ утайкою два дня и за то съ нихъ взялъ булатную саблю" [1]).

Всего труднѣе уйти „собою" было каторжнымъ невольникамъ на ихъ пловучихъ и строго охраняемыхъ тюрьмахъ. Иногда ихъ избавляла счастливая случайность. Каторгу, на которой находился костромитинъ Василій Полозовъ, разбила буря, невольники и басурманскіе люди всѣ потонули, а Полозова съ товарищемъ на томъ самомъ бревнѣ, къ каторому они были прикованы, „прибило къ берегу". Впрочемъ, каторжане часто освобождались и хитростью, и силою, и въ одиночку, и многолюдствомъ, пользуясь всякой оплошностью своихъ тюремщиковъ. Ливенскій казакъ Губкинъ, будучи на каторгѣ подъ Аккерманомъ, ночью, „спустя съ ногъ желѣза, что были у него на ногахъ желѣза слабки, ушелъ съ каторги на берегъ и, ушедъ, на берегу лежалъ, въ травѣ схоронясь, день, а на другую ночь пошелъ полемъ въ Волоскую землю". Другой полонянникъ вяземскій крестьянинъ Рѣсницынъ лѣтомъ 1628 года ушелъ съ каторги изъ самаго Константинополя: будучи на работахъ, онъ „въ полчаса ночи, какъ повели полонянниковъ въ тюрьму, сговорясь съ товарищемъ своимъ, съ которымъ былъ объ ногу скованъ,

[1]) Пр. 187, 213; Пр. 401, 63—68.

завалился въ яму, и лежали въ ямѣ, покамѣста люди поутихли, и изъ ямы, расковався, ушли“ [1]).

Нерѣдки были и массовыя возстанія каторжныхъ невольниковъ. Возставали они, предварительно „сговорясь и расковався“. Какъ составлялись эти заговоры, разсказываетъ челобитная калужскаго стрѣльца Ивана Мошкина. „И сталъ я, писалъ въ челобитной Мошкинъ, подговаривать своихъ товарищей—всѣхъ невольниковъ (всего 280 человѣкъ), чтобъ какъ турокъ побить и въ православную въ христіанскую вѣру пойтить. И тѣ, Государь, мои товарищи слова моего не ослушались и въ православную христіанскую вѣру пошли, и въ томъ мнѣ, холопу твоему, посягались, что слова моего слушать и ни въ чемъ меня, холопа твоего, не выдать и твоего, Государскаго, счастья исповѣдать“. По словамъ Мошкина, тогда же при выгрузкѣ пороха съ каторги полонянники „украли у турскихъ людей 40 фунтовъ пороху и схоронили межъ запасу сухарей“. Поэтическій разсказъ о Самойлѣ Кушкѣ передаетъ, что Кушка укралъ ключи отъ кандаловъ у галернаго ключника, напившагося допьяна, велѣлъ товарищамъ отпереть оковы, но не скидывать ихъ до вечерняго осмотра каторги „турками-янычарами“; когда же турки уснули, невольники „сняли съ себя оковы, бросили ихъ въ Черное море“, и изрубили турокъ-янычаръ въ куски, а иныхъ живьемъ побросали въ Черное море; самъ же Кушка взялъ съ постели „каторжнаго пашу“, разсѣкъ его на три части и бросилъ въ Черное море. Съ этимъ разсказомъ во многомъ сходятся обстоятельства возстанія каторжанъ подъ предводительствомъ Мошкина. Подложивъ порохъ подъ то мѣсто, гдѣ спали каторжный Апты-паша и 40 янычаръ, Мошкинъ „запаливалъ дважды“, но порохъ не загорѣлся. Заручившись заранѣе содѣйствіемъ одного ренегата, „иноземца Шпанскія земли“, котораго онъ „наговорилъ на христіанскую вѣру“. Мошкинъ приказалъ ему принести головню, „увертѣвъ въ платъ, чтобы не видали сторожа“, и выдать 12 сабель. Отъ головни порохъ загорѣлся, и половину янычаръ побросало въ море. „И Апты-паша, разсказывалъ Мошкинъ, выбѣжалъ и держитъ въ рукахъ саблю и сталъ говорить: то есте собаки крестьяне-измѣнники, сядьте, а не вставайте, и что вы то дѣлаете? И я учалъ ему говорить спорно и сталъ его называть: то еси собака, турчанинъ невѣрный. И прокололъ я того Апты-паша саблею въ брюхо, и потомъ его ухватили ближніе мои товарищи и бросили его въ море, „и въ то время турскіе люди учали съ нами биться и пострѣляли тѣ турскіе люди товарищей моихъ, поранили 20 человѣкъ, а до

[1]) Пр. 35, 20; Пр. 33, 518.

смерти убили одного человѣка". „И потомъ мы, холопы твои, повѣствовалъ Мошкинъ, обращаясь къ Царю, Божіею милостью и твоимъ, Государскимъ, счастіемъ тѣхъ турскихъ невѣрныхъ людей побили" [1]).

Но иногда каторжане нападали на турокъ не ночью, не среди моря, а одолѣвали ихъ удалымъ натискомъ среди бѣла дня подъ самыми стѣнами турецкихъ городовъ. Въ 1629 году „на пристанищѣ подъ Меделинью городомъ (Митиленой), какъ араплене вышли на берегъ", 250 каторжниковъ, „сговорясь и расковався межъ себя, на той каторгѣ достальныхъ араповъ побили и, побивъ арапскихъ людей, на той каторгѣ пришли моремъ въ Шпанскую землю" [2]).

Въ августѣ 1643 года „подъ турскимъ городомъ Грибозомъ на Бѣломъ морѣ" [3]) 23 каторжника, которые кромѣ троихъ русскихъ всѣ были изъ Литвы, „середь бѣла дня рубили каторги на земли за приставы, за турскими людьми"; одинъ изъ нихъ—оскольскій казакъ Исай Барышниковъ „втай покралъ изъ анбара у тѣхъ приставовъ сабли и далъ невольнымъ полоннымъ людемъ, и тѣми саблями турскихъ людей порубили больши 50 человѣкъ подъ самымъ городомъ, подъ стѣною и, порубя ихъ, взяли судно—стругъ и середь бѣла дни полдень въ томъ стругу моремъ утекли". „И изъ города, писалъ Барышниковъ въ своей челобитной, по насъ въ тылъ стрѣляли изъ пушекъ и, Божьею милостью и твоимъ, Царскимъ, счастьемъ ничего намъ не учинили".

Особенно значительное возстаніе каторжанъ произошло въ 1643 году подъ Александріей на 5 каторгахъ, на которыхъ было до 2.000 турокъ и 1.200 полонянниковъ „розныхъ языковъ". „И какъ они пришли въ Олександрію, показывалъ одинъ изъ участниковъ этого бунта, и ихъ, полонянниковъ, взяли со всякой каторги по 50 человѣкъ волочь на море турскаго салтана корабль, и они де, полонянники, сговорясь межъ себя, учали съ турскими людьми биться и турскихъ людей, которые съ ними были на каторгахъ, побили всѣхъ, а иныхъ пометали въ море, а ихъ де, полонянниковъ, побито съ 700 человѣкъ, потому что турскимъ людямъ помогали изъ Олександріи, съ города стрѣляли изъ наряду (пушекъ), а осталось ихъ, полонянниковъ, 520 человѣкъ; и собрались они на одну каторгу, а достальныя каторги потопили въ морѣ для того,

---

[1]) Чт. Общ. Ист. Др. Гос. 1894, II, Смѣсь, 21—22.

[2]) Собственно въ Сицилію, принадлежавшую тогда Испаніи.

[3]) Бѣлое море—Архипелагъ.

чтобы за ними погони не было, и пришли они Бѣлымъ моремъ въ Виницейскую землю“ [1]).

Малороссійскій поэтъ такъ изображаетъ плаваніе освободившихся подъ предводительствомъ Кушки каторжанъ-казаковъ:

„Вышелъ на корму Кушко Самойло, вынулъ изъ кармана красныя крестовыя старыя знамена, распустилъ ихъ, преклонивъ къ водѣ, и самъ низко поклонился... Казаки-молодцы!—сказалъ онъ— это галера ни блуждаетъ, ни гоняется за большой добычей, а это старинный бѣдный невольникъ Самойло Кушко уходитъ изъ плѣна. Были мы 54 года въ неволѣ, а теперь не дастъ ли Богъ хоть часъ пожить на свободѣ“.

VII.

Путь на родину.

Труденъ и опасенъ былъ для полонянниковъ путь на родину. Выходили они изъ полона большею частью безо всего, по старинному выраженію, „душею да тѣломъ“ и „шли черезъ многія земли, наги, босы и голодны“.

Если полонянникъ убѣгалъ отъ крымцевъ, нагаевъ, калмыковъ или черкесовъ, ему предстоялъ путь по необозримымъ и полнымъ опасностей степямъ и опять таки „татарскими улусы“. Надобно было постоянно быть настороже, бояться погони и вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣть голодъ и жажду въ чистой, безплодной и мѣстами безводной степи.

Болѣе удачливые уводили хозяйскихъ коней; но многимъ приходилось брести пѣшкомъ. Орлянинъ Степанъ Даншинъ въ 1646 году отъ нагаевъ „ушелъ бѣгомъ пѣшъ и шелъ степью пять недѣль, а ѣлъ на степи траву—корень катранъ, а брелъ ночью, а въ день все лежалъ, боясь отъ татаръ поимки“. Другой полонянникъ прибавилъ, что онъ „день ухоронясь, лежалъ въ травѣ“.

Въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ полонянники „блудили по степи“ не одинаковое время: чернянинъ Никоновъ, напримѣръ, въ 1630 году убѣжалъ изъ Крыма „передъ крещеньемъ“, шелъ степью, „не займуя Дону“, и пришелъ въ Воронежъ „на страшной недѣлѣ“, т. е. между 21 и 27 марта, такъ что весь зимній путь черезъ степь онъ совершилъ въ три мѣсяца; ливенецъ Исаевъ въ 1686 году въ январѣ убѣжалъ изъ Крыма и добрался до Сѣчи

---

[1]) Пр. 35, 649; Б. 188, 304—305.

степью въ 8 дней. Много полонянниковъ погибло отъ „степной нужи“. Весною 1660 года, напримѣръ, зміевскій черкашенинъ Иванъ Зенскій вышелъ изъ Крыма „самъ пять“, но „товарищи его три человѣка на степи померли“; съ послѣднимъ товарищемъ—тамбовскимъ казакомъ Мишкою Сухоруковымъ Зенскій пришелъ уже къ рѣкѣ Медвѣдицѣ, но къ ужасу своему они наткнулись на опасность, грозившую имъ новымъ плѣномъ; „черезъ тое рѣку лѣзли при нихъ воинскіе люди, татаровя и черкасы, многіе люди, а шли трои сутки“; Зенскій и Сухоруковъ со страху все это время, „ухоронясь, въ тинѣ пролежали“; не удивительно, что злосчастный Мишка „умеръ, перешедъ рѣку Медвѣдицу, на степи жъ“.

Нелегко было полоняннику укрыться отъ зоркихъ глазъ рыскавшихъ по степи хищниковъ. Мецнянинъ Тимоѳей Байдакъ, напримѣръ, пробывъ пять недѣль въ неволѣ у нагайцевъ, „побѣжалъ было на Русь, и въ степи поймали его нагайскіе татаровя и отдали его опять тому же татарину“, и Байдаку пришлось протомиться въ неволѣ цѣлыхъ 16 лѣтъ, пока ему не удалось бѣжать снова [1]).

Полонянникъ чувствовалъ себя въ безопасности только тогда, когда доходилъ до казацкихъ лагерей, этихъ аванпостовъ „крещенаго міра“, далеко выдававшихся въ степь. Рѣдкій полонянникъ шелъ на Русь, „не займуя“ казацкихъ становищъ; большинство же находило отдыхъ и помощь у запорожскихъ, донскихъ, гребенскихъ (на р. Чиру), терскихъ и яицкихъ казаковъ.

Тѣмъ полонянникамъ, которые послѣ освобожденія попадали въ Западную Европу, предстоялъ менѣе опасный, но все же продолжительный и трудный путь. Весьма многіе полонянники по освобожденіи оказывались въ Венеціи, а оттуда шли „черезъ Веницейскую и черезъ Горбацкую (Кроатскую) и черезъ Венгерскую (иногда Можарскую) и черезъ Муравскую (Моравскую) и черезъ Литовскую земли“ къ Кіеву, а изъ Кіева выходили на Путивль. До 1661 года Венеціи принадлежалъ островъ Критъ, и его разумѣли полонянники, когда говорили, что они „пришли моремъ въ Виницейскую землю, въ городъ Кодню“, т. е. Кандію. Другіе выбирали окольную дорогу и „изъ Виницейской земли шли па Римскую, на Шпанскую (т. е. Испанскую Ломбардію), на Французскую, на Цысарскую, на Чешскую землю и изъ Чешскія земли въ Литву“. Полонянниковъ, отгромленныхъ „шпанскими нѣмцами“, отвозили въ „Шпанѣю“, подъ которой разумѣлась не только самая Испанія, но и Италіанскія ея владѣнія: ряжскій казакъ Семенъ Неѣловъ попалъ „въ Шпанскую землю въ городъ Срогожъ“ (Сарагоссу), курчанинъ Первой

[1]) Б. 264, 125; Пр. 35, 120, 412, 440; Б. 1.200, 298; Пр. 187, 213.

Ивановъ—„въ Шпанскую землю въ городъ въ Мисиню“ (Мессину), а болховитинъ Иванъ Осѣевъ — „Шпанскаго короля въ городъ въ Мальту“. Изъ „Шпанѣи“ рылянинъ Андрей Сибилевъ шелъ „на Римъ и Виницею“, болховитинъ Осѣевъ „на Римскую, да на Хурманскую, да на Цысарскую, да на Венгерскую землю“. Изъ немногихъ полонянниковъ, попадавшихъ во Францію, астраханскій стрѣлецъ Григорій Аѳанасьевъ шелъ „на Женову (Генуя) на Грандуцкую [1]), на Римскую, на Виницейскую и Цысарскую землю“ [2]).

Нѣкоторые полонянники доходили до Россіи безъ задержки, довольно скоро: болховитинъ Осѣевъ былъ привезенъ испанцами на Мальту передъ Рождествомъ Христовымъ, а передъ Петровымъ днемъ онъ былъ уже въ Путивлѣ. Но многіе полонянники задерживались въ Европѣ на цѣлые годы. Казачій сынъ Андрей Сибилевъ, освобожденный испанцами въ 1619 году, жилъ два года въ Венеціи, два года — „въ Цысарской земли въ городѣ Винѣ“, два года въ Прагѣ, три года — въ Слонимѣ, два года — въ Вильнѣ и только въ 1630 году пришелъ на родину, въ Рыльскъ. Сибилевъ жилъ въ заграничныхъ городахъ, повидимому, добровольно, но другіе полонянники жаловались на то, что ихъ тамъ удерживали насильно. Служкѣ Корниліева монастыря Пантелѣю Кострову, который въ 1664 году пришелъ въ Венгрію съ турецкимъ войскомъ и тамъ бѣжалъ изъ турецкаго табора, „не повѣрили, что онъ русской человѣкъ“, и задержали на цѣлый годъ. Удалые полонянники, являвшіеся большими ватагами въ средиземноморскіе порты на отбитыхъ у турокъ каторгахъ, не внушали довѣрія ни „виницейскимъ“, ни „шпанскимъ нѣмцамъ“; у нихъ отбирали турецкіе трофеи, каторги и плѣнныхъ турокъ; иногда ихъ сажали въ тюрьму, а потомъ выпроваживали небольшими партіями. „И на Каньѣ (Кандіи) насъ посадили въ тюрьму, разсказывалъ одинъ изъ участниковъ Александрійскаго бунта 1643 года, и въ тюрьмѣ сидѣли 6 недѣль, животъ свой мучали, помирали голодною смертью, и съ Каньи писали о насъ, невольницахъ, до Веницейскаго короля, и тотъ Веницейскій король велѣлъ насъ پограбить и пустилъ насъ душею да тѣломъ, и сажали насъ на корабли по 10 человѣкъ и привезли насъ въ свою землю“. „Для того, объяснялъ другой участникъ того же бунта, что Виницейскій король съ Турскимъ салтаномъ въ мирѣ, и имъ де, не пограбя, отпустить ихъ нельзѣ, чтобы за то у нихъ съ Турскимъ салтаномъ ссоры не учинилось“ [3]).

[1]) Т. е. владѣнія Тосканскаго грандукп—великаго герцога.

[2]) Б. 197, 128; Б. 188, 304; Пр. 35, 5; Б. 264, 344; Пр. 35, 48, 61, 557, 649; Р. Ист. Библ., II, 629.

[3]) Пр. 35, 48, 557; Пр. 972, 242; Б. 137, 128; Пр. 158, 356.

Полонянники часто разсказывали, что западные правители обнаруживали желаніе завербовать ихъ въ свою службу. На самомъ дѣлѣ, закаленные въ бояхъ съ басурманами и въ каторжныхъ трудахъ русскіе полонянники представляли завидный матеріалъ для наемныхъ войскъ того времени. „Цесарь крестьянскій (т. е. Римскій императоръ) былъ намъ радъ, разсказывалъ уже извѣстный полонянникъ Мошкинъ, и звалъ насъ на службу, а мнѣ, Ивашкѣ, давалъ помѣстье". „Во всѣхъ тѣхъ земляхъ, прибавлялъ его товарищъ Якимъ Быковъ, королевскіе ближніе люди насъ перезывали въ свои земли на службу и многіе гроши давали". Полоняннику Рѣсницыну, „какъ онъ шолъ многими земли изъ полону, во многихъ городѣхъ давали деньги и сукна, чтобы онъ у нихъ служилъ, а въ русскую землю не ходилъ". Но полонянники „на деньги и на сукна у нихъ не прельщалися" и „не хотѣли христіанскія вѣры покинуть". Когда „Виницейскій король" началъ „унимать" александрійскихъ бѣглыхъ каторжниковъ „служить ему солдатскую службу", эти полонянники, по словамъ одного изъ нихъ, „ему отказали, не хотимъ мы тебѣ служить, а хотимъ служить своему природному милостивому Государю, Царю и Великому Князю Михайлѣ Ѳедоровичу Всея Русіи" [1]).

Но вообще въ христіанскихъ странахъ, на вышедшаго изъ плѣна невольника смотрѣли, какъ на Божьяго человѣка. Въ городахъ, черезъ которые онъ проходилъ, власти выдавали ему „прохожіе" или „вольные" листы „для лучшія вѣры", т. е. для засвидѣтельствованія его личности, что „лиха за нимъ нѣтъ никакого, доброй человѣкъ", и для свободнаго пропуска. Для этихъ листовъ во многихъ итальянскихъ городахъ были заготовлены особые печатные бланки. Такъ много было выходцевъ изъ плѣна въ Италіи въ XVII вѣкѣ! Должно быть, много труда стоило итальянскимъ писцамъ вставлять въ эти бланки мудреныя прозвища нашихъ полонянниковъ, и у нихъ какой-нибудь казакъ Семенъ Агаловъ передѣлывался на итальянскій ладъ въ Senen Agagni. Эти листы, до сихъ поръ носящіе на себѣ слѣды пребыванія за пазухами и за голенищами полонянниковъ, прибавляютъ еще нѣсколько строкъ къ исторіи ихъ скитаній по Европѣ. Венеціанскіе листы, украшенные не слишкомъ изящно исполненнымъ, но грозно ощетинившимся львомъ Св. Марка, выражаютъ заботу о доставкѣ полонянника на родину и предписываютъ начальнику надъ судами (gastaldo delle barche) доставить полонянника, куда ему нужно, безвозмездно, „во славу Божію", подъ страхомъ штрафа въ 25 дукатовъ и другихъ

[1]) Пр. 33, 520; Б. 197, 128.

взысканій по усмотрѣнію выдавшихъ листъ карантинныхъ властей—proveditori di sanità.

Но особеннымъ краснорѣчіемъ и предупредительностью къ полонянникамъ отличались римскіе прохожіе листы.

Надо думать, что наши обожженные солнцемъ на турецкихъ каторгахъ, избитые и израненные, „нагіе, босые и голодные“ полонянники казались выходцами съ того свѣта среди мраморныхъ базиликъ и палаццо, античныхъ статуй и произведеній Микель Анджело, великолѣпныхъ прелатовъ и нарядныхъ папскихъ гвардейцевъ. Но Римъ прежде всего имѣлъ въ виду уловить души несчастныхъ схизматиковъ и обладалъ всѣмъ, что могло привести бѣдныхъ невольниковъ въ лоно истинной Церкви. Трудно было для полонянниковъ, скитавшихся цѣлыми годами по католическимъ странамъ, избѣжать всякаго соприкосновенія съ Римской Церковью; было среди ихъ много такихъ, которые „въ костелы хаживали, по католицкой вѣрѣ маливались, у ксенжовъ исповѣдывались“. Если гдѣ-нибудь въ Шпанской землѣ полоняннику еще можно было удержаться отъ самаго главнаго, отъ того, чтобы у ксенжовъ „сакрамента не имать“, то это было для него почти невозможно въ Римѣ. Чтобы сблизить русскаго человѣка съ католичествомъ, его въ Римѣ прежде всего безповоротно причисляли къ католической польской націи, и онъ выступалъ въ качествѣ какого-нибудь Ioannes Wassilievicz Polonus или Sebastianus de Moscova, „подданнаго Наияснѣйшаго короля Польши и Швеціи“. Ему покровительствовалъ польскій дипломатическій агентъ; для него былъ открытъ польскій госпиталь Св. Станислава. Протекторъ польской націи у Св. Престола великолѣпный и вельможный кардиналъ Верджиніо Орсини не гнушался какого-нибудь астраханскаго стрѣльца Гришки Аѳанасьева или рыльскаго мужика Стеньки Переверткина, но оповѣщалъ все христіанство, что ему, кардиналу, будетъ весьма благоугодно, если эти Аѳанасьевъ и Переверткинъ встрѣтятъ радушный пріемъ у вѣрныхъ католиковъ. „У прага апостольскаго“ (ad limina Apostolorum), въ базиликѣ Св. Петра благочестивый полонянникъ, зная, что тамъ „лежатъ мощи Первоверховныхъ Апостолъ Петра и Павла“, исполнялся благоговѣйною благодарностью къ Богу и сокрушеніемъ въ своихъ грѣхахъ. Въ многоязычномъ Римѣ полонянникъ не былъ глухимъ и нѣмымъ. Въ конфессіоналѣ базилики Св. Петра его уже ждалъ іезуитъ Петръ Стефановичъ, изъ католическихъ славянъ, который исповѣдывалъ его и „апостольской властью“ разрѣшалъ его отъ грѣховъ. Патеры заводили съ полонянникомъ дружелюбные разговоры, и иногда полоняннику удавалось услышать „въ костелѣ отъ ксенжей“ какую-нибудь интересную

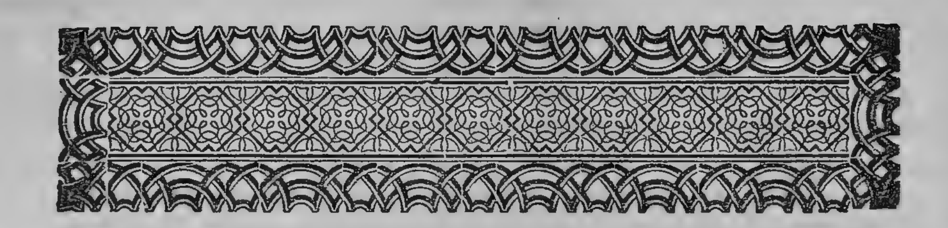
и пріятную новость въ родѣ того, что „папа хочетъ разсылать листы по всей своей державѣ, чтобы шли войною всѣ морскимъ и сухимъ путемъ на Турскаго салтана“. Дѣло кончалось тѣмъ, что полонянникъ „благословеніе и сакраментъ отъ папы принималъ“ и получалъ „отъ самого папы благословенную грамоту“. Изъ Рима полонянникъ трогался въ путь со свѣжими силами, унося въ котомкѣ широковѣщательные листы разныхъ римскихъ духовныхъ властей. Въ этихъ листахъ внушалось вѣрнымъ, что изъ всѣхъ „просящихъ о помощи и покровительствѣ“ особенно должно помогать тѣмъ, которые, „сражаясь за правую вѣру, попали въ рабство къ свирѣпымъ туркамъ“ (in saeva Turcarum servitute); листы рекомендовали вниманію католиковъ такихъ-то полонянниковъ, освободившихся „чудомъ Божія смотрѣнія“ (mira Dei providentia), и просили принять ихъ „со всею благосклонностью, помня не только объ обязательномъ для всѣхъ людей человѣколюбіи, но особливо о христіанскомъ милосердіи“ (pro communi humanitatis iure, Christianae non immemores charitatis). Заручившись покровительствомъ католическаго духовенства, полонянникъ все ближе и ближе подвигался къ русскимъ границамъ. Въ польскихъ владѣніяхъ полонянникъ встрѣчалъ уже русскихъ людей и православное духовенство, сподоблялся наконецъ „достигнути прага Святыя Великія Чудотворныя Лавры Печерскія Кіевскія и въ ней Святыя пещеры и въ нихъ Преподобныхъ Отецъ Чудотворныя и Миротворныя мощи посѣтити“. Но и здѣсь требовались отъ полонянника доказательства его благонадежности, и здѣсь онъ получалъ прохожіе листы отъ польскихъ властей, казацкихъ начальниковъ и православныхъ архіереевъ. Всѣ они увѣщевали властей и обывателей такого-то полонянника „всюду безъ всякихъ турбацій добровольно пропускать и въ домъ ласково пріимать и милостину, яко нищему, давать“. „А вамъ Господь Богъ сто кратъ воздастъ на ономъ свѣтѣ“—такъ заканчивался и листъ Кіевскаго митрополита и листъ Каменецкаго каштеляна, одинаково смотрѣвшихъ на полонянника, какъ на Божьяго человѣка, пострадавшаго за христіанство „въ рукахъ поганыхъ“ [1]).

В. Шереметевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Б. 264, 10, 74—79; Пр. 35, 64, 649; Пр. 399, 24; Пр. 782, 11; Пр. 33, 520.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава IV.

Побѣда 1880 г.

Ольга Алексѣевна говоритъ, что если есть двѣ Россіи, то есть также и двѣ Англіи. „Одна способная на великодушные порывы и увлеченія, другая поглощенная лишь заботой о своемъ карманѣ. Другими словами: Англія Гладстона и Англія Биконсфильда“.

Въ 1880 г. приходилось рѣшать, которая изъ нихъ перевѣситъ; Гладстонъ и его адепты вѣрили въ силу воззванія къ странѣ. Послѣ побѣды либераловъ г-жа Новикова писала:

„Такъ мало людей способны предвидѣть настоящій ходъ событій! Я никогда не забуду мрачнаго настроенія и унынія либераловъ при объявленіи выборовъ въ Соутваркѣ. Я была въ то время въ Лондонѣ. Всюду меня увѣряли, что общіе выборы возобновятъ власть Биконсфильда. Письма изъ Лондона были самыя мрачныя. Скажите, какъ это можетъ быть, что, имѣя всѣ данныя для выраженія общественнаго мнѣнія, народный голосъ узнается только у баллотировочнаго ящика?“

„Тонетъ ли народный голосъ въ множествѣ голосовъ? или въ политикѣ, какъ въ поэзіи, возможна темнота при сильномъ свѣтѣ?“

Въ то время, какъ англійскіе наблюдатели не знали, чего ожидать отъ выборовъ, г-жа Новикова въ своей книгѣ „Скобелевъ и

---

[1] См. „Русская Старина“ февраль 1913 г.

славянское дѣло“, вспомнила, что Михаилъ Дмитріевичъ за два года предсказалъ побѣду либераловъ.

Онъ утверждалъ, что время руссофобскаго отношенія Англіи приходитъ къ концу и что англійская нація навѣрное вскорѣ броситъ политику систематическаго недовѣрія и замѣнитъ ее болѣе разумнымъ отношеніемъ къ Россіи. Онъ зорко слѣдилъ за общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи и въ то время какъ консервативное правительство разсчитывало на устойчивость своей власти, пророчески предсказалъ, что дни его сочтены и что явится власть, съ которой Россія можетъ дѣйствовать заодно.

Слѣдующія письма историка Фруда, во время выборнаго періода, даютъ ясное представленіе о колебаніи мнѣній въ Лондонѣ:

„8-е марта 1880 г. Вы, конечно, слышали о роспускѣ. Онъ былъ объявленъ сегодня пополудни, и слѣдующіе два мѣсяца вся Англія будетъ въ смятеніи.

„20-е марта 1880 г. Я бы долженъ быть дома и голосовать за кандидата отъ Челсса, но я не намѣренъ ѣхать и давать свой голосъ“.

„21-е марта 1880 г. Мы возвратились къ началу выборовъ. Всѣхъ поразило объявленіе роспуска и новое большинство торіевъ казалось обезпеченнымъ. Но вдругъ обстоятельства измѣнились: теперь уже за Гладстона вся Шотландія. Лондонскія газеты ставятъ по вѣтру паруса и готовятся измѣнить курсъ“.

„Если дѣйствительно будетъ такъ, Вы можете приписать лично себѣ часть этого успѣха и на будущій годъ, когда Вы возвратитесь въ Англію, Вы сдѣлаетесь центромъ всемірнаго удивленія“.

„2-е апрѣля 1880 г. Вамъ слѣдовало бы написать поздравленіе Гладстону. Двѣ недѣли тому назадъ, въ Таймсѣ говорилось, что Гладстонъ причина затрудненій и опасности для либераловъ. Сегодня утромъ оказалось, что онъ былъ причиной ихъ побѣды. Онъ одержитъ верхъ въ Мидлотіанѣ. Шотландія пока не возвратила ни одного консерватора“.

„3-е апрѣля 1880 г. Вы знаете изъ газетъ о ходѣ выборовъ. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что большинство будетъ на сторонѣ либераловъ, и оно будетъ такъ велико, что лордъ Биконсфильдъ выйдетъ въ отставку до созыва новаго парламента. Если Германія дѣйствительно охладѣла къ Россіи въ надеждѣ на англійскій джингоизмъ, это будетъ ей хорошимъ урокомъ“.

„Вы, дорогой другъ, можете льстить себя мыслью, что не мало содѣйствовали этому результату. Когда возвратитесь осенью, будете торжествовать. Я думаю, что эта перемѣна будетъ къ лучшему, но лишь на время. Я не вѣрю, чтобы изъ нашей новѣйшей

парламентской системы могла образоваться государственность. Мы должны малымъ быть довольны. Гладстонъ воспрепятствовалъ войнѣ съ Россіей.

„11-е апрѣля 1880 г. Я обѣдалъ на-дняхъ у лорда Гранвиля. Тамъ былъ Гартингтонъ и говорили о конфиденціальныхъ вещахъ. Я ставлю Гранвиля выше всѣхъ политическихъ дѣятелей обѣихъ сторонъ. Но все же онъ не геніальный человѣкъ.

Новый кабинетъ не составленъ еще, но мы можемъ легко отгадать, какимъ онъ будетъ. Это будетъ кабинетъ говоруновъ.

Тотъ фактъ, что королева не любитъ Гладстона, только усиливаетъ его положеніе въ странѣ.

Джингоисты болѣе не существуютъ. Голоса ихъ, раздававшіеся за Биконсфильда, такъ же громко раздаются за его соперника. Никто не помнитъ о тѣхъ бѣдныхъ людяхъ, настаивавшихъ на своемъ мнѣніи, когда считалось великимъ грѣхомъ сказать доброе слово о Россіи".

Кинглекъ такъ говоритъ о побѣдѣ Гладстона въ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Ну, сударыня, Небо покровительствуетъ Вашимъ злоумышленіямъ въ этой странѣ; ходъ выборовъ таковъ, что шарлатанъ лишится власти. Въ Лидѣ, куда Вы ѣздили (ободрять ораторовъ), Вашъ другъ Гладстонъ получилъ почетный голосъ кандидата отъ Мидлотіана.

Могу себѣ представить, какъ Вы будете довольны результатомъ выборовъ.

Преданный Вамъ Кинглекъ".

14 апрѣля 1880 г.

„Ваша побѣда, сударыня, на англійскихъ выборахъ была такъ полна, какъ только Вы могли ея желать, и сегодня кабинетъ собирается, чтобы рѣшить, выходить ли въ отставку по пріѣздѣ Королевы (черезъ нѣсколько дней), или продлить свое номинальное существованіе еще на нѣсколько дней.

„Вашъ милый Гладстонъ достигъ замѣчательнаго величія и въ эту минуту, по крайней мѣрѣ, въ Ховарденѣ полное блаженство; оно повышенно еще внезапнымъ открытіемъ, что молодой Гербертъ Гладстонъ—природный ораторъ.

„Общее мнѣніе, что Гладстона нужно заставить быть премьеромъ, но онъ искренно этому противится. Полагаю, что Вы давно написали или телеграфировали ему Ваши поздравленія.

Вамъ преданный Кинглекъ".

Ольга Алексѣевна была, конечно, въ восторгѣ, отъ выборовъ, успѣхъ Гладстона былъ близокъ ея сердцу. Она съ грустью со знавала, что самыя сильныя нападенія на партію либераловъ были за ея дружбу къ Россіи, но она радостно объявила въ письмѣ изъ Москвы, въ Сѣверное Эхо 22-го апрѣля:

„Несмотря на всѣ Ваши опроверженія, московскіе славянофилы и англійскіе либералы вели войну за одно и то же дѣло, противъ одного и того же врага. Мы радуемся Вашей побѣдѣ, также какъ Вы радовались нашей. Лозунгъ, освободившій Болгарію, произнесенъ въ Блакхедѣ. Мы выполняли ту политику, за которую Гладстонъ стоялъ. Биконсфильдъ вмѣшался. Дѣйствовать надо было Вамъ и Вы дѣйствовали. Лордъ Биконсфильдъ палъ. Съ паденіемъ врага Восточной свободы, свалился камень съ восточной могилы и лучъ свободы оживляетъ уже національности, погребенныя Биконсфильдомъ. Какъ можемъ мы не радоваться такому счастливому исходу кампаніи противъ общаго врага, англійскаго либерализма и восточныхъ христіанъ?“.

При этомъ г-жа Новикова откровенно заявляла, что чистосердечное довѣріе московс. славянофиловъ къ Гладстону далеко не раздѣлялось всѣми русскими.

Любопытно прослѣдить по истеченіи 18 лѣтъ, какую политику защищала Ольга Алексѣевна, при которой русскіе славянофилы могли бы надѣяться на соединеніе силъ съ либеральной Англіей. Она предлагала, чтобы въ Европѣ и Азіи оба государства преслѣдовали общую цѣль: развитіе свободы и независимости племенъ, подвластныхъ Турціи, посредствомъ обоюдныхъ дѣйствій для сдерживанія султана.

Но она не мечтала о возможности активныхъ мѣръ. Она писала:

„Все зависитъ отъ рѣшимости англійскаго правительства сказать туркамъ: „Вотъ вашъ долгъ“. Безъ такого побужденія турки ничего не сдѣлаютъ“.

Въ Средней Азіи едва-ли есть, по словамъ Гладстона, среднее между дружескимъ согласіемъ и горькой злобой. Первое обезпечиваетъ миръ, вторая—предвѣстникъ войны. Новое правительство должно рѣшить, чему дать предпочтеніе. Грустное подтвержденіе тщеты человѣческихъ надеждъ представляетъ Гладстонское правительство отъ 1880 г. до ухода его въ 1885 г. тѣмъ, что оно ничего не сдѣлало ни для Македоніи, ни для Арменіи и чуть не привело Россію и Англію къ войнѣ по поводу границы въ средней Азіи.

Русскіе друзья Ольги Алексѣевны смотрѣли на ея предсказанія паденія Биконсфильда какъ на несбыточную мечту. Послѣ выборовъ тонъ „Московскихъ Вѣдомостей“ значительно смягчился. Лордъ Дѣферинъ (англ. посолъ), замѣтя это, писалъ г-жѣ Новиковой:

11-го іюня 1880 г.

„Я очень радъ, что подъ Вашимъ благосклоннымъ и справедливымъ вліяніемъ, г-нъ Катковъ начинаетъ насъ цѣнить".

На Фримана произвело дурное впечатлѣніе письмо королевы Викторіи къ султану. Онъ пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Мнѣ не нравится мысль королевы, она вѣдь во всякомъ случаѣ приличная христіанка и пишетъ жестокому дикарю въ Константинополь очень любезное письмо. Палка, какъ говоритъ Лабушеръ, вотъ единственный аргументъ для турка. У Васъ та же ошибка—обращаться съ туркомъ слишкомъ вѣжливо; это происходитъ отъ фальшиваго взгляда на турка, какъ на цивилизованнаго человѣка, а не какъ на всякаго другого дикаря".

Первое обстоятельство, нарушившее спокойствіе вѣрныхъ гладстонцевъ, было, такъ называемое, гладстоновское оправданіе. Вотъ какъ было дѣло.

Въ своей четвертой рѣчи, въ Мидлотіанѣ, 17-го марта 1880 г. Гладстонъ сильно нападалъ на Австрію. Онъ говорилъ:

„Австрія была постояннымъ и непоколебимымъ врагомъ свободы въ каждой Европейской странѣ. Россія относилась дружески къ освобожденію славянъ. Австрія давила Италію. Австрія противилась единенію Германіи. Австрія шагу не сдѣлала для возрожденія Греціи. Нѣтъ случая, нѣтъ мѣста въ цѣломъ мірѣ, о которомъ Вы могли бы сказать: „Здѣсь Австрія сдѣлала добро". На Берлинскомъ конгрессѣ Австрія противилась расширенію свободы, а не поощряла ея".

Когда Гладстонъ сталъ премьеръ-министромъ, эта рѣчь мѣшала добрымъ отношеніямъ съ Австро-Венгріей. Произошли устныя и письменныя объясненія между Гладстономъ и Кароли, австро-венгерскимъ посломъ при С-тъ-Джемскомъ дворѣ, послѣ чего 4-го мая 1880 г. Гладстонъ написалъ свое знаменитое оправданіе. Въ этомъ письмѣ онъ поясняетъ: „Большія опасенія возникли въ моемъ умѣ, какъ бы Австрія не отнеслась враждебно къ освобожденнымъ народностямъ и къ разумнымъ надеждамъ подданныхъ султана. Теперь ваше превосходительство такъ добры, что увѣряете меня въ отсутствіи у вашего правительства всякаго желанія прибавить себѣ [1]) что-нибудь къ полученному по Берлинскому трактату и что всякая такая попытка была бы предосудительна для Австріи.

Позвольте мнѣ немедленно заявить вашему превосходительству, что, будь у меня въ то время такое увѣреніе, какое я получилъ

А Боснія и Герцоговина? Кѣмъ были онѣ присоединены?

теперь, я никогда не произнесъ бы словъ, которымъ ваше превосходительство справедливо придаете значеніе оскорбительныхъ.

Было ли то мое несчастье или моя вина, что я не былъ освѣдомленъ и теперь не могу опредѣлить, но заявляю тотчасъ же мое искреннее сожалѣніе о томъ, что за недостаткомъ этихъ свѣдѣній, я увлекся, коснувшись прошедшихъ дѣлъ или употребивъ въ моей критикѣ такія слова, которыя изгоняю изъ памяти теперь. Я думаю, что мое объясненіе должно быть сдѣлано такъ же публично, какъ и вызвавшая его рѣчь. Что касается способа его опубликованія, я предоставляю его желанію вашего превосходительства".

Фриманъ писалъ 16-го мая 1880 г.:

„Желалъ бы я, чтобъ Гладстонъ не писалъ этого письма Кароли. Оно даетъ поводъ врагамъ богохульствовать. Его могъ написать только человѣкъ съ весьма чуткой совѣстью, а тѣ, у кого ея нѣтъ, насмѣхаются, конечно. Онъ сказалъ правду. Я, разумѣется, предполагаю, что Францъ-Іосифъ и Кароли врутъ, — что имъ больше дѣлать?"

24-го іюня онъ пишетъ опять:

„Не Гладстонъ, а царь людоѣдовъ и его прислужникъ проглотили униженіе. Гладстонъ зналъ вѣроятно, что Кароли и его начальникъ лгутъ и имѣютъ въ виду захватить все, что могутъ. Ихъ вранью Гладстонъ долженъ былъ дипломатически повѣрить, какъ всякой дипломатической лжи. Но онъ ихъ предостерегаетъ, чтобъ всему этому былъ конецъ. Это, какъ вердиктъ Валлійскихъ жюри: „Не виновенъ, но лучше этого не повторяй".

Фрудъ касается этого предмета въ письмѣ къ г-жѣ Новиковой отъ 14-го мая 1880 г.:

„Ничего не слышу о новомъ кабинетѣ. Я всегда вамъ говорилъ, что Гладстонъ не любитъ меня настолько, насколько такой великій человѣкъ можетъ не любить человѣка ничтожнаго. Съ своей стороны, я долженъ признаться въ антипатіи къ нему, причины которой я бы могъ найти, если бъ искалъ ихъ. Всѣ клубы шумятъ о его „гнусномъ оправданіи" передъ Австріей. Я хотя не люблю Гладстона, гнуснаго въ его письмѣ ничего не нахожу. Совершенная правда, что существовалъ проектъ, чтобы Австрія завладѣла Болгаріей и случайно Константинополемъ. Въ этомъ и заключались: „вѣсти Биконсфильда о такъ называемой великой радости".

„Австрійцы поспѣшили заявить, что это былъ вымыселъ, а Гладстонъ сказалъ, что если это такъ, то онъ беретъ назадъ свое обвиненіе. Quarterly Review приписываетъ Вамъ, какъ видите, результаты выборовъ и соглашается съ Гладстономъ, что Ваша книга (Roussia and England) не нуждалась въ предисловіи и

была бы лучше безъ него. Я Вамъ это всегда говорилъ, во всякомъ случаѣ, Вы оказали ею большую услугу. Вы помогли предотвратить общеевропейскій конфликтъ и должны бы быть счастливы. Три года тому назадъ и я содѣйствовалъ нѣсколько тѣмъ, что убѣдилъ Карлайля написать его знаменитое письмо".

Этотъ документъ, много повліявшій на умиротвореніе, появился въ книгѣ Фруда „Томасъ Карлайль: Жизнь въ Лондонѣ".

28-го апрѣля Томасъ Карлайль писалъ:

„Ходятъ печальные слухи, что Диззи намѣренъ тайно ворваться въ Русско-Турецкую войну и съ поддержкой большого сборища торіевъ, евреевъ и проч. достигнуть согласія парламента на новую войну съ Россіей за Турцію. Самая сумасшедшая мысль, какую можно вообразить. Меня очень побуждаютъ написать по этому предмету болѣе пространно, но я чувствую, что новаго сказать ничего не могу.

„Событія быстро совершаются, въ настоящее время и одинъ гвоздь выбиваетъ другой, но всѣ мы помнимъ зимнюю кампанію, приведшую русскихъ къ Константинополю и Англійскій флотъ къ Дарданелламъ. Мнѣніе въ Англіи далеко не было готово разрѣшить правительству вступить въ борьбу, но не всѣ такъ думали. Если было бы возможно побудить Россію взять на себя иниціативу войны, желающіе въ Англіи новой борьбы достигли бы своей цѣли. Былъ, говорятъ, составленъ планъ занять Галлиполи, или сдѣлать шагъ, подобный этому, подъ предлогомъ защиты англійскихъ интересовъ, что заставило бы Россію, противъ ея воли, объявить войну".

Планъ этотъ держался въ тайнѣ, но дѣлались приготовленія, избирались командиры и чуть ли не были уже даны инструкціи, могущія погубить безвозвратно страну. Карлайль узналъ объ этомъ не изъ пустыхъ слуховъ, какъ онъ говоритъ, но изъ вѣрнаго источника, а также узналъ, что нельзя терять ни минуты.

15-го мая онъ пишетъ своему брату:

„Послѣ долгихъ настаиваній и съ большимъ усиліемъ я сегодня напечаталъ въ „Таймсѣ" маленькую, необходимую замѣтку по вопросу о туркахъ и Диззи. Диззи, повидимому, рѣшилъ вести войну за турка со всѣмъ человѣчествомъ, и статья моя имѣетъ надежду вбить гвоздь въ эту сумасшедшую затѣю".

Статья въ „Таймсъ" была кратка, три-четыре строчки, но она была торжественна по тону и утверждала правильность сообщенія. Былъ ли онъ правъ или нѣтъ, но такимъ образомъ тайна обнаружилась преждевременно. Статья обратила на себя вниманіе, какъ написанная человѣкомъ авторитетнымъ. Это было послѣднее публичное дѣло Карлайля въ этомъ мірѣ и если даже онъ въ малой

степени помѣшалъ Англіи причинить себѣ неизмѣримый вредъ, то это было, можетъ быть, лучшее дѣло во всей его жизни. Фрудъ „Томасъ Карлайль“. Жизнь въ Лондонѣ. Т. II, стран. 441—42.

Въ тотъ день, когда Гладстонъ писалъ Кароли, онъ также написалъ г-жѣ Новиковой о томъ, что съ возвращеніемъ къ власти онъ не будетъ въ состояніи такъ часто писать ей, какъ прежде:

Доунингъ-Стритъ, 4 мая 1880.

„Дорогая г-жа Новикова, благодарю Васъ за милое письмо. Большая и странная перемѣна случилась со мной. Относительно рѣчей я нахожусь въ новыхъ условіяхъ. Временно и, надѣюсь, короткое время, въ которое я лично буду нести службу, мнѣ предстоитъ тяжелая работа, такъ какъ я счелъ своимъ долгомъ быть, въ одно время, министромъ финансовъ и главою правительства.

„Боюсь, что всякія личныя сообщенія будутъ мнѣ недоступны. Мнѣ стыдно признаться Вамъ, какъ рѣдко я писалъ даже до теперешняго времени моимъ собственнымъ дѣтямъ. Что касается нашей внѣшней политики, я бы сказалъ: у насъ не будетъ предубѣжденій, предпочтеній, злыхъ умысловъ и прежде всего никакого чувства мести. Черезъ нѣсколько недѣль положеніе дѣлъ потребуетъ вѣроятно новыхъ административныхъ назначеній.

„Мнѣ искренно жаль слышать о болѣзни Вашего сына, но изъ Вашего письма я заключаю, что причинъ для опасеній больше нѣтъ. Вашъ преданный

Гладстонъ“.

Фрудъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„3-го августа 1880.

„Во всемъ, что касается Россіи, мнѣ кажется, Гладстонъ дѣйствуетъ умно въ дѣйствительныхъ интересахъ обѣихъ странъ. Тѣмъ болѣе жаль, что онъ боленъ и можетъ быть близокъ конецъ его карьерѣ: Le roi est mort, vive le roi.

Есть много претендентовъ на власть, со всѣми недостатками Гладстона, но безъ его добродѣтелей, которые въ своихъ гнусныхъ сердцахъ будутъ радоваться его уходу навсегда. Мы въ странномъ положеніи. Не знаю, что можетъ выйти изъ этого. Знаю только, что нынѣшній откровенный образъ дѣйствій выдвигаетъ не лучшихъ людей, а худшихъ.

Гладстонъ и Биконсфильдъ—люди старой школы и хотя оба они стремились, каждый по-своему, играть роль съ новыми идеями, и

чуть не погубили насъ этимъ, оба они обладаютъ качествами, которыхъ не найти у ихъ преемниковъ. Англія—великое государство, и натура англичанъ, хотя склонна къ идолопоклонству, имѣетъ всѣ данныя для выздоровленія. Оба со временемъ снова утвердятся, но я жду такого иконоборства на-дняхъ, такого разоренія конституціонныхъ храмовъ, какого не было съ конца Римской республики".

Г-жа Новикова писала Гладстону, въ сентябрѣ, увѣдомляя его о томъ, что русское правительство слышало о заговорѣ нигилистовъ въ Англіи взорвать Императорскую яхту „Ливадію", на которой ѣхалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Гладстонъ отвѣчалъ:

Харденъ 25 сентября 1880.

„Дорогая г-жа Новикова. Я сочувствую Вашимъ опасеніямъ и сообщу немедленно министерству иностранныхъ дѣлъ основанія, по которымъ онѣ возникли.

„Могу Васъ увѣрить, что всѣ лучшія средства, имѣющіяся въ нашей власти, будутъ употреблены для предотвращенія этого преступленія.

„Замѣтьте, однако, что сообщенное Вами мнѣ основано только на слухахъ. Я не сомнѣваюсь, что если эти слухи вѣрны, мы получимъ данныя, по которымъ можемъ дѣйствовать.

„Великій Князь Константинъ былъ очень милостивъ, и я пораженъ живостью его ума.

„Я пишу въ знаменательный день, я только что читалъ наши депеши изъ Цетиньи и предполагаю, что сегодня неизбѣжныя, повидимому, дѣйствія могутъ начаться.

„Уловки и ложь султана въ Черногорскомъ вопросѣ превосходятъ все, когда-либо видѣнное и слышанное мною.

Да защититъ Господь правое дѣло и пошлетъ намъ скорый выходъ. Правительство не будетъ собиратьея до начала ноября. Событія могутъ вызвать меня дня на два во всякое время.

Остаюсь Вамъ искренно преданный.

Гладстонъ".

Черезъ двѣ недѣли онъ сообщалъ ей:

4-е октября 1880.

„Дорогая г-жа Новикова, посылаю, для личнаго Вашего разсмотрѣнія, свѣдѣнія, полученныя мною объ угрозѣ Ливадіи. Если найду

возможность, доставлю себѣ удовольствіе быть у Васъ, но спѣшность телеграммъ велика. Уже часъ пополудни, а донесеній изъ Турціи не поступало.

Вашъ искренній
Гладстонъ".

Г-жа Новикова выразила въ письмѣ нѣкоторыя сомнѣнія въ поступкахъ сэра Генри Эллiота, въ то время посланника въ Вѣнѣ. Гладстонъ отвѣчалъ:

16-е октября 1880.

„Дорогая г-жа Новикова, много сдѣлано хорошаго въ дѣлѣ Дульчиньо, турокъ еще бездѣйствуетъ.

„Къ несчастью, я не соглашался съ мнѣніемъ сэра Генри Эллiота въ Восточной политикѣ, но я долженъ сказать, что вполнѣ полагаюсь на его честь, и я доволенъ тѣмъ, что онъ завѣдомо не роняетъ достоинства представителя Британскаго правительства въ Вѣнѣ.

Вѣрьте моей искренней преданности
Гладстонъ"

15-го октября князь Черногорскій получилъ оффиціальное объявленіе сдачи Дульчиньо Турціей.

Гладстонъ пишетъ опять:

Хардскій заливъ. 1-е ноября 1880.

„Я врагъ безполезнаго дѣла — взвѣшивать и разсматривать все, что сказано или что говорятъ, будто было сказано, нѣсколькими таинственными лицами обо мнѣ, или о близкихъ мнѣ людяхъ въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ распространились новые слухи на континентѣ. Вы знаете, какъ часто я нахожу насъ, англичанъ, во многихъ случаяхъ глупцами, но я не думаю, что мы съ такой поспѣшностью, какъ другіе, составляемъ мнѣніе о вопросахъ чисто внутреннихъ. Смѣю сказать, что настоящее правительство какъ нельзя болѣе здраво, хотя по мнѣнію иноземныхъ судей, и даже высокихъ, оно умираетъ, если не умерло.

Мы часто не сходились въ мнѣніяхъ съ сэромъ Генри Эллiотъ въ

различныхъ фазисахъ Восточнаго вопроса, но я увѣренъ, что онъ старается вѣрно служить тѣмъ, кого онъ представляетъ.

Вѣрьте моей преданности

Гладстонъ".

Г-жа Adam, издававшая въ то время „Nouvelle Revue", передала черезъ своего друга Ольгу Алексѣевну Новикову горячую просьбу Гладстону помѣстить что-нибудь имъ написанное въ ея журналъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ отказалъ:

10 Доунингъ-Стритъ. 6-е ноября 1880 г.

„Дорогая г-жа Новикова, мнѣ жаль показаться невѣжливымъ, уклоняясь отъ лестнаго приглашенія г-жи Adam, но теперешняя моя оффиціальная отвѣтственность лишаетъ меня возможности участвовать въ какомъ бы то ни было, хотя бы самомъ извѣстномъ журналѣ. Я часто сочувствовалъ и любовался ея иностранными статьями. Нахожу много привлекательнаго въ послѣднемъ №.

Гладстонъ".

23-го ноября сэръ Артуръ Годлей, тогда бывшій личный секретарь Гладстона, писалъ:

„Г-нъ Гладстонъ поручилъ мнѣ передать, что накопленіе дѣлъ очень велико въ настоящую минуту, но если будетъ возможность, онъ заѣдетъ къ Вамъ".

Дѣлъ, однако, было такъ много, что Гладстонъ не заѣхалъ въ назначенный день, но г-жа Новикова была утѣшена въ этой потерѣ слѣдующимъ письмомъ:

28-е ноября 1880 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я былъ оченъ огорченъ невозможностью исполнить Ваше желаніе, такъ какъ я былъ бы радъ лично сообщить Вамъ о моемъ негодованіи по поводу выступленія торійской печати противъ Васъ. Худо, что допускаются такія выходки противъ Васъ. Такимъ же выпадамъ подвергался и я, но Вы по всѣмъ правамъ должны бы быть пощажены. Я всегда буду того мнѣнія, что Ваше умѣренное, необыкновенно ясное и вѣрное, а главное безстрастное изложеніе намъ русскихъ взглядовъ и славянскихъ идей въ наше возбужденное время было настоящей

услугой человѣчеству и національному доброжелательству. Мнѣ стыдно за каждаго моего соотечественника, который такъ близорукъ, что не видитъ такой очевидной истины.

„Къ 15-му соберется кабинетъ. Дай Вамъ Богъ счастливый путь. Мысль о Черногорскихъ крестьянахъ въ Дульчиньо и его провинціи заслуживаетъ благодарности. Опять я долженъ сказать, что, на сколько я вижу и знаю, Ваше правительство оказало намъ честную и существенную помощь. Я не сомнѣваюсь, что если бъ ударъ не подѣйствовалъ прежде чѣмъ былъ нанесенъ, трое изъ насъ, по крайней мѣрѣ, отправились бы въ Смирну. Вамъ преданный

Гладстонъ".

„Если увидите г-жу Ирби, скажите, что я готовъ подписаться въ пользу ея школъ въ Босніи, какъ только узнаю ея адресъ".

P.S. Жена говоритъ, что г-жа Ирби въ Вашемъ отелѣ, поэтому я беру на себя смѣлость приложить чекъ".

Намекъ на Смирну относится къ намѣренію трехъ государствъ Англіи, Россіи и Италіи завладѣть таможней въ Смирнѣ, если бы султанъ не уступилъ Дульчиню.

Ольга Алексѣевна рѣдко вмѣшивалась въ обсужденіе домашнихъ дѣлъ страны, она дѣлала рѣдкія исключенія, но не иначе, какъ въ пользу Россіи. Примѣромъ такого вмѣшательства было письмо г-жи Дунканъ, приглашавшей ее присутствовать на митингѣ о билѣ о правѣ собственности замужнихъ женщинъ.

Эдинбургъ-Мельвиль Стритъ 7. 13-го октября 1880 г.

„Милостивая государыня, я очень благодарна за Ваше любезное приглашеніе и искренно сожалѣю о невозможности быть на митингѣ, предметъ котораго меня настолько же интересуетъ, насколько и удивляетъ. Возможно ли, чтобы права собственности замужнихъ женщинъ до сихъ поръ служили предметомъ споровъ и борьбы въ конституціонной просвѣщенной Англіи? Я, русская, чистокровная москвичка, и у насъ нѣтъ конституціи.

„Въ моей неконституціонной странѣ ни одна женщина, будь она бѣдная или богатая, не лишается своихъ правъ собственности при замужествѣ. Послѣ ея смерти мужъ ея наслѣдуетъ только седьмую часть ея имущества. Бываютъ случаи, что жена завѣщаетъ все свое состояніе избранному ею другому лицу. По закону собственность ея дѣлится на равныя части между ея сыновьями, тогда какъ дочери получаютъ 14-ю часть имущества, но въ большинствѣ слу-

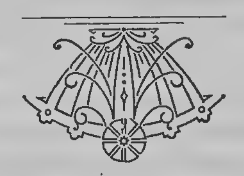
чаевъ родители уравниваютъ завѣщаніемъ части сыновей и дочерей.

Мужъ пользуется одинаковыми правами и вдова получаетъ седьмую часть послѣ смерти мужа. Общее правило, что при заключеніи браковъ никогда не касаются денежныхъ и имущественныхъ вопросовъ, что покажется невѣроятнымъ здѣсь, какъ много другихъ истинъ о Россіи. Конечно я согласна, мы люди отсталые [1]).

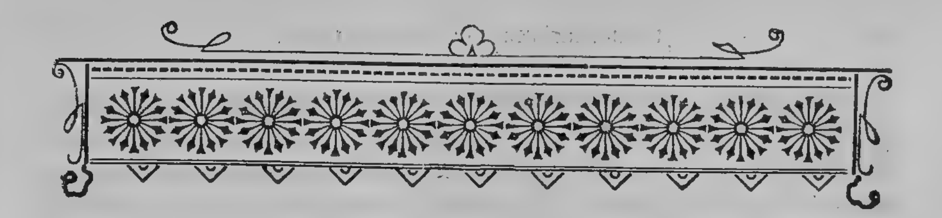
Вамъ преданная Ольга Новикова, рожденная Кирѣева"

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Билль, дарующій права собственности замужней женщинѣ, прошелъ въ Англіи лишь въ 1882 году...

Воспоминанія стараго педагога.

XIV [1]).

Народныя школы въ Юго-Западномъ краѣ.—Борьба съ духовенствомъ.—Примирительная политика князя Ширинскаго и его неудачи.—Порученіе мнѣ завѣдыванія училищами.—Народныя училища Волынской губерніи и новыя затрудненія съ духовенствомъ.—Назначеніе Тулова помощникомъ попечителя.—Мое положеніе какъ редактора-издателя Кіевскаго народнаго календаря.

Еще во время попечительства Витте одновременное предоставленіе права заводить народныя школы и Министерству Народнаго Просвѣщенія и духовному вѣдомству сдѣлалось источникомъ взаимныхъ пререканій и неудовольствій со стороны духовенства, которое, повидимому, желало все дѣло взять въ свои руки и крайне недовольно было вмѣшательствомъ министерства. Къ этому присоединились и нѣкоторыя личныя недоразумѣнія спеціально мѣстнаго характера. Витте былъ лютеранинъ, Туловъ женатъ на полькѣ; и по своему характеру, и по своимъ отношеніямъ къ молодежи воскресныхъ школъ не пользовался довѣріемъ тогдашняго митрополита Арсенія; духовенство знало это и не скупилось на разныя ложныя подозрѣнія и даже доносы, набрасывавшіе тѣнь подозрѣнія на дѣятельность округа по части народныхъ школъ. Тулова обвиняли и въ полонизмѣ, и въ хохломанствѣ. Даже его смушевая сивая шапка, вѣроятно купленная имъ для разъѣздовъ зимой, сдѣлалась предметомъ доносовъ. Но въ особенности покойнику Арсенію почему-то не нравилась учрежденная при округѣ педаго-

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1913 г.

гическая школа для приготовленія учителей народныхъ училищъ, имѣвшая полуоффиціальный и временный характеръ. Все въ ней не нравилось духовенству: и ученіе въ преподаваніи молодежи, и завѣдываніе этой школой Туловымъ, и принятіе въ школу исключенныхъ семинаристовъ, на направленіе которыхъ духовенство смотрѣло съ отрицательной точки зрѣнія. Зная объ всемъ этомъ, митрополитъ Арсеній, человѣкъ характера крутого, не любилъ молчать. Онъ прямо выражался, что министерскія школы считаетъ хуже языческихъ, заподозрѣвая самую религіозную сторону педагогической школы и учителей, изъ нея выпускаемыхъ.

Въ 1864 г. на мѣсто Витте, переведеннаго попечителемъ въ Царство Польское, былъ назначенъ князь Ширинскій-Шихматовъ, человѣкъ безъ большого образованія, но религіозный и по своему направленію вполнѣ отвѣчавшій идеалу духовенства. По всей вѣроятности онъ получилъ изъ министерства особыя инструкціи по части народныхъ школъ, съ широкими уполномочіями въ духѣ примирительной политики съ духовенствомъ. Это можно было предполагать по той лихорадочной дѣятельности князя, которую онъ прежде всего обратилъ на народныя школы. Въ угоду Арсенію князь устранилъ Тулова, закрылъ педагогическую школу и вмѣстѣ открылъ походъ для примиренія съ духовенствомъ.

Въ это время на меня возложено было завѣдываніе народными училищами Юго-Западнаго, края и мы вмѣстѣ съ княземъ не мало потрудились по части примиренія, сдѣлали не мало уступокъ желаніямъ митрополита. Но все было напрасно. Арсеній упорно держался своего взгляда на министерскія школы, отклоняя всѣ проекты соглашенія. Такъ князь прежде всего въ угоду митрополиту захотѣлъ усилить религіозный элементъ въ школахъ и отнесся къ Арсенію по этому предмету съ своими предположеніями. Но митрополитъ далъ замѣтить, что нѣтъ ничего опаснѣе для религіи, какъ вмѣшательство мірскихъ людей, хотя бы ученыхъ и благочестивыхъ, но не посвященныхъ въ дѣла церковныя. Желая устранить пререканія по адресу учителей народныхъ училищъ, князь обратился къ митрополиту съ просьбою назначать окончившихъ семинаріи въ учителя народныхъ училищъ. Митрополитъ, повидимому, согласился; но когда окончившіе семинарію обратились съ просьбами о назначеніи ихъ учителями и, по назначеніи на мѣста, отправились за благословеніемъ къ владыкѣ, то встрѣтили самый суровый пріемъ и угрозу полнаго исключенія изъ духовнаго вѣдомства. На нѣкоторыхъ эта угроза произвела свое дѣйствіе, и они поспѣшили отказаться отъ мѣстъ. Огорченный такимъ двусмысленнымъ поведеніемъ іерарха, а болѣе всего упрекомъ въ неправосло-

собности по части религіозной, Ширинскій-Шихматовъ не нашелъ возможнымъ входить дальше въ личныя сношенія съ Арсеніемъ, а поручилъ мнѣ представиться митрополиту въ качествѣ завѣдывающаго народными училищами и попросить его инструкціи относительно дальнѣйшаго открытія школъ. Митрополитъ принялъ меня очень любезно; но послѣ продолжительной бесѣды высказался, что онъ приказалъ открыть церковно-приходскія школы при всѣхъ церквахъ своей епархіи и что округу остается открывать школы только въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ церквей.

Князь предпочелъ отказаться на время отъ открытія школъ въ Кіевской епархіи и перенесъ свою дѣятельность въ Волынскую епархію, гдѣ еще не было ни одного народнаго училища. Между тѣмъ, положеніе мое, какъ завѣдывающаго народными школами, оказалось весьма затруднительнымъ.

По закрытіи педагогической школы и размѣщеніи окончившихъ курсъ въ ней въ училища Подольской губерніи, я не имѣлъ въ виду людей, подготовленныхъ къ своему дѣлу, для назначенія во вновь открываемыя училища. Въ виду этого я выхлопоталъ у князя продолженіе существованія такъ называемой нормальной школы, учрежденной при педагогической школѣ. Тогда я принялъ слѣдующій порядокъ укомплектованія училищъ преподавателями: обращался къ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ и просилъ ихъ приглашать на должности учителей окончившихъ курсъ наукъ въ уѣздныхъ училищахъ и достигшихъ 18-лѣтняго возраста. Для испытаній подавшихъ прошенія о предоставленіи имъ учительскихъ мѣстъ я частнымъ образомъ устроилъ при гимназіи комитетъ экзаменаціонный изъ преподавателей Закона Божія, русскаго языка и математики. По выдержаніи экзамена въ этомъ комитетѣ абитуріенты на должности учителей въ теченіе полгода, а иногда и менѣе практиковались въ способахъ преподаванія подъ руководствомъ моимъ и учителя нормальной школы, а затѣмъ послѣ пробной лекціи отправлялись на должности.

Еще болѣе трудностей представляло управленіе училищами. По необходимости я долженъ былъ опираться не на данныхъ, добытыхъ личнымъ наблюденіемъ, а на показаніяхъ разныхъ лицъ, которыя разновременно командировались попечителемъ для осмотра народныхъ училищъ. Изъ такихъ лицъ, преимущественно приглашавшихся изъ отставныхъ учебныхъ чиновниковъ, болѣе другихъ потрудились для народнаго образованія: бывшій смотритель Старо-Константиновскаго училища Страшневичъ, бывшій учитель исторіи Житомірской гимназіи Рафальскій, бывшій смотритель Кіевскаго уѣзднаго училища Проценко, а потомъ смотритель

того же училища Ильинскій и друг. Приглашены были временно и нѣкоторыя изъ лицъ, состоявшихъ на службѣ. Такъ привлекался къ дѣлу И. Я. Ростовцевъ, инспекторъ первой Кіевской гимназіи, въ скорости впрочемъ назначенный директоромъ Житомірской гимназіи (впослѣдствіи инспекторъ училищъ, помощникъ попечителя и наконецъ попечитель Оренбургскаго округа). Привлеченъ былъ также къ этому же дѣлу бывшій учитель первой гимназіи, потомъ директоръ Острожской семинаріи Н. Д. Богатиновъ, которому было поручено завѣдываніе книжнымъ складомъ народныхъ училищъ.

Между тѣмъ, учрежденіе народныхъ школъ въ Волынской епархіи встрѣтило такія же затрудненія, какъ и въ Кіевской епархіи. Бывшій волынскій архіерей Антоній отнесся къ этимъ школамъ такъ же враждебно, какъ и Арсеній. Дѣйствуя въ духѣ митрополита, онъ отказался отъ назначенія законоучителей въ открытыя школы. Только чрезъ годъ онъ согласился на представленіе попечителя и назначилъ законоучителей.

Потерпѣвъ неудачу въ своей примирительной дѣятельности съ духовенствомъ, князь въ то же время возбудилъ не малое озлобленіе въ мѣстномъ кружкѣ украинофиловъ. Причиной этого было удаленіе отъ народныхъ школъ Тулова, котораго въ средѣ означеннаго кружка называли „батькомъ“, а еще болѣе безтактное распоряженіе о сожженіи малороссійскихъ книгъ, находившихся въ складѣ народныхъ училищъ. Были однако толки, что означенныя книги сожжены по моему приказанію, какъ завѣдывающаго народными училищами. Враги мои рѣшили бить не по коню, но по оглоблямъ. Они съ пѣною у рта набросились на мое скромное изданіе, начали преслѣдовать его всѣми мѣрами, стараясь такъ или иначе подорвать или даже убить мое предпріятіе. Я съ своей стороны не выдержалъ и писалъ землякамъ свои отповѣди, чѣмъ еще болѣе озлоблялъ своихъ враговъ. Князь Ширинскій-Шихматовъ пошелъ однако на компромиссы и началъ съ того, что Тулова представилъ въ помощники попечителя и воспользовался замѣчательнымъ умѣньемъ этого послѣдняго вести тонкую политику или лучше балансировать, угождая и нашимъ и вашимъ. Мое положеніе, при такой перемѣнѣ фронта со стороны князя, было не изъ легкихъ; но чѣмъ упорнѣе меня преслѣдовали земляки своими нападками, тѣмъ упорнѣе я преслѣдовалъ свои цѣли. Упорство это поддерживалось сколько личнымъ моимъ характеромъ, столько же и сочувствіемъ публики къ моему изданію, что несомнѣнно доказывалось быстрымъ увеличеніемъ числа подписчиковъ какъ на календарь, такъ и на другія мои изданія.

Безпрерывныя затрудненія, встрѣчаемыя со стороны духовен-

ства при открытіи народныхъ училищъ, навели попечителя на мысль отложить открытіе школъ до утвержденія проекта общаго плана учрежденія школъ въ Юго-Западномъ краѣ, а до того онъ предположилъ ограничиться мѣрами приготовительными къ открытію этихъ школъ. Съ этою цѣлью лицамъ, избраннымъ для осмотра школъ, поручено было войти на мѣстахъ въ переговоры съ крестьянскими обществами о мѣрахъ къ устройству училищъ, съ возможнымъ содѣйствіемъ со стороны обществъ. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ крестьяне изъявятъ готовность обезпечить существованіе училища, предписано было созывать, при содѣйствіи мировыхъ посредниковъ, мірскіе сходы для составленія приговоровъ объ обезпеченіи предполагаемаго училища. Такимъ образомъ, по одной Волынской губерніи составлено до 300 мірскихъ приговоровъ, которыми крестьяне обязывались выстроить удобное для помѣщенія училища зданіе и обезпечить содержаніе его въ порядкѣ и отопленіе. Въ нѣкоторыхъ же приговорахъ кромѣ того назначалось дополнительное жалованье учителю изъ суммъ общества.

По собраніи всѣхъ данныхъ, мнѣ поручено было княземъ составить записку и проектъ преобразованія училищъ въ краѣ. Я взялся за дѣло съ большою любовію, разсмотрѣлъ архивъ канцеляріи попечителя, обративъ особенное вниманіе на фундушевыя записи объ условіяхъ пожертвованій польскихъ помѣщиковъ въ пользу училищъ и внимательно прослѣдилъ мѣры для народнаго образованія въ краѣ. Результатомъ моихъ трудовъ была обширная историческая записка, въ которой я фактически доказалъ, что ополяченіе Юго-Западнаго края послѣдовало въ значительной степени послѣ присоединенія его къ Россіи, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ польскаго дворянства, обезпечивавшаго училища средствами по фундушевымъ записямъ только подъ условіемъ обученія на польскомъ языкѣ и въ духѣ полонизаціи края. Не мало къ ополяченію края способствовало и недопущеніе крестьянъ къ среднему образованію; вслѣдствіе чего мѣстная интеллигенція края могла формироваться только изъ польскаго дворянства.

По соображеніи всѣхъ этихъ данныхъ, я представилъ въ своей запискѣ слѣдующій планъ народнаго образованія въ краѣ:

Основаніемъ я принялъ низшія школы, которыхъ я предположилъ до 300 школъ на каждую губернію. Для приготовленія начальныхъ учителей я проектировалъ центральныя училища, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ учительскихъ семинарій. Крестьянамъ тѣхъ селеній, въ которыхъ предполагалось учредить школы, предоставлялось учреждать стипендіи для воспитанія дѣтей въ центральныхъ училищахъ или въ гимназіяхъ. Для надзора за учебными заведе-

ніями проектированы три дирекціи училищъ изъ директоровъ и четырехъ инспекторовъ въ каждой губерніи. Разработку проекта школъ началъ я еще въ декабрѣ 1865 г., но могъ окончить ее только къ концу апрѣля 1866 г. Торопилъ дѣло генералъ-губернаторъ Безакъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ, и въ особенности попечитель. Я долженъ былъ работать даже въ первые три дня Пасхи и едва успѣлъ представить проектъ въ окончательномъ видѣ къ концу свѣтлой недѣли. Въ восторгѣ былъ князь, горячо интересовавшійся народными школами, и препроводилъ все дѣло въ министерство. Къ сожалѣнію этому проекту, стоившему не мало труда, не суждено было осуществиться; такъ какъ всѣ предположенія Головина оставлены, а новый министръ графъ Толстой занялся главнымъ образомъ реформой гимназій. Дѣло устройства народныхъ школъ находилось въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Князь въ началѣ 1867 года отправился въ Петербургъ и въ февралѣ мѣсяцѣ привезъ новыя предположенія о школахъ. Мнѣ опять поручена разработка проекта школъ и опять пришлось работать во всѣ дни Пасхи. Самая трудная работа было составленіе штатовъ; такъ какъ въ нихъ приходилось принимать въ зачетъ суммы, отпускавшіяся въ прежнее время на народное образованіе, и назначить количество новаго отпуска суммъ на каждое училище. Работа эта заняла цѣлый мѣсяцъ и окончена только къ концу апрѣля мѣсяца. Замѣчателенъ инцидентъ, сопровождавшій окончаніе этой египетской работы. Приступая къ дѣлу, я просилъ князя установить оклады жалованья для каждаго типа заведеній; такъ какъ цифры эти должны быть проведены чрезъ всѣ училища даннаго типа. Князь согласился и утвердилъ нормальный штатъ заведеній; но когда я окончилъ работу и принесъ ему для просмотра, онъ началъ уменьшать оклады учителей. Это меня возмутило вдвойнѣ: во-первыхъ, я считалъ невозможнымъ уменьшить окладъ учителя въ 300 руб. въ годъ до 150 р., какъ пожелалъ внезапно князь; а во-вторыхъ, всю работу приходилось передѣлывать наново. Я положилъ тетрадь со штатами на столъ князю и просилъ освободить меня отъ этого труда. Князь очень разсердился, но въ концѣ концовъ примирился съ моимъ нежеланіемъ уменьшить окладъ учителей народныхъ училищъ, этихъ горемычныхъ тружениковъ на неблагодарной нивѣ народнаго образованія, и дѣло окончилось мирно.

Проектъ, представленный въ министерство, утвержденъ лишь въ 1869 г. при попечителѣ Антоновичѣ; но утвержденъ въ нѣсколько искаженномъ видѣ, безъ дирекцій народныхъ училищъ и съ учрежденіемъ взамѣнъ того инспекціи народныхъ училищъ

Юго-Западнаго края. Къ концу 1869 г. я сдалъ всѣ дѣла по народнымъ училищамъ инспекціи, а самъ ограничился по просьбѣ попечителя снабженіемъ училищъ книгами. Дѣло это, стоившее мнѣ не малаго труда, служило только для обремененія меня, не доставляя почти никакой матеріальной пользы, такъ какъ книги высылались училищамъ по издательскимъ цѣнамъ, а обычная уступка едва покрывала расходы по содержанію книжнаго склада и жалованье людей, при немъ состоявшихъ.

XV.

Преобразованіе гимназіи въ открытое заведеніе для приходящихъ учениковъ.—Инцидентъ съ Муспицкимъ.—Удаленіе изъ гимназіи учителей поляковъ.—Состояніе гимназій.—Правила объ испытаніяхъ.—Съѣздъ директоровъ и его дѣятельность.

Между тѣмъ въ Кіевской I гимназіи съ 1862 г. началось преобразованіе изъ закрытаго заведенія исключительно для однихъ пансіонеровъ въ заведеніе открытое для приходящихъ учениковъ. Еще въ бытность мою инспекторомъ Пироговъ поручилъ мнѣ составить проектъ такого преобразованія. Составленный мною проектъ разсмотрѣнъ въ педагогическомъ Совѣтѣ гимназіи и въ 1861 г. представленъ попечителемъ въ Петербургъ. Въ слѣдующемъ году проектъ получилъ утвержденіе, и я, вступивъ въ должность директора, прежде всего долженъ былъ заняться преобразованіемъ заведенія. Послѣдствіемъ такого преобразованія было значительное уменьшеніе числа пансіонеровъ и въ то же время быстрое увеличеніе числа приходящихъ учениковъ. Число учащихся въ заведеніи вообще быстро увеличивалось, такъ что каждый почти годъ приходилось ходатайствовать объ открытіи параллельныхъ классовъ. Вслѣдствіе этого мало-по-малу гимназія изъ маленькаго заведенія съ 180 учащихся сдѣлалась мало-по-малу одной изъ многолюднѣйшихъ гимназій въ Имперіи. Несмотря на открытіе въ Кіевѣ еще трехъ гимназій, число учащихся въ ней скоро дошло до 700. Всѣ классы были раздѣлены на параллельныя отдѣленія. Персоналъ учителей почти удваивался. Мнѣ былъ предоставленъ выборъ учителей, и я принялъ за правило останавливать свой выборъ на лучшихъ педагогическихъ силахъ. Къ чему представлялась полнѣйшая возможность, такъ какъ я, постоянно присутствуя на пробныхъ лекціяхъ, имѣлъ свѣдѣніе о служащихъ во всѣхъ почти заведеніяхъ. Учители поляки послѣ усмиренія возстанія притихли, заведеніе начало приходить въ нормальное положеніе. Припоминается однако интересный

инцидентъ съ ученикомъ 5-го класса, племянникомъ бывшаго коменданта кіевской крѣпости генерала Мусницкаго, полякомъ Мусницкимъ. Въ гимназіи въ то время состоялъ надзирателемъ при пансіонѣ и временно исправляющимъ должность учителя латинскаго языка кандидатъ-педагогъ А. Я. Ивановъ, извѣстный своимъ ригоризмомъ и неукротимымъ характеромъ. Своимъ настойчивымъ преслѣдованіемъ онъ такъ ожесточилъ Мусницкаго, что тотъ въ порывѣ раздраженія поднялъ на неугомоннаго наставника палку и чуть не ударилъ его. Такой поступокъ доведенъ былъ до моего свѣдѣнія, и я въ виду серьезности вины ученика велѣлъ внести все дѣло въ Совѣтъ. Совѣтъ опредѣлилъ уволить Мусницкаго. Узнавъ о такомъ рѣшеніи, Мусницкій на другой день явился въ классъ съ ножомъ, сѣлъ возлѣ дверей и рѣшительно объявилъ, что зарѣжетъ Иванова. Бывшій инспекторъ, а нынѣ попечитель Оренбургскаго учебнаго округа Ив. Яковл. Ростовцевъ явился ко мнѣ на квартиру встревоженный и заявилъ, что Ивановъ, который долженъ былъ давать урокъ въ классѣ Мусницкаго, узнавши о намѣреніи послѣдняго, ушелъ домой и что онъ, инспекторъ, самъ боится войти въ классъ, гдѣ сидитъ Мусницкій. Я немедленно потребовалъ въ инспекторскую Иванова, а самъ вошелъ въ классъ и отвелъ Мусницкаго въ больницу, а Иванову велѣлъ немедленно занять урокъ. Вмѣстѣ съ этимъ я вытребовалъ тройку почтовыхъ лошадей и вмѣстѣ съ педелемъ отправилъ буяна при письмѣ къ родителямъ.

Вскорѣ послѣ этого печальнаго происшествія попечитель Витте пригласилъ меня и объявилъ, что по распоряженію правительства учители поляки должны быть удалены изъ гимназіи. Распоряженіе это произвело цѣлый бунтъ въ Кіевской 1 гимназіи противъ начальства, такъ что попечитель призналъ необходимымъ обратиться къ помощи войскъ. Генералъ-губернаторъ однако отнесся съ ироніею къ такому требованію и, говорятъ, предложилъ Витте рюмку краснаго вина для успокоенія и, какъ бы въ шутку, послалъ нѣсколько казаковъ съ нагайками. Тѣмъ не менѣе еще съ утра узнавъ о безпорядкахъ въ Кіевской 2 гимназіи, я принялъ свои мѣры, а именно: усилилъ надзоръ за учащимися, а швейцарамъ велѣлъ не впускать въ заведеніе учениковъ второй гимназіи. Несмотря на это на большой перемѣнѣ обнаружилось нѣкоторое движеніе и между учениками первой гимназіи. Они прислали мнѣ двухъ болѣе смѣлыхъ учениковъ съ просьбою о разрѣшеніи поднести подарокъ одному изъ уволенныхъ правительствомъ учителей. Я усмотрѣлъ въ такой просьбѣ неумѣстную демонстрацію, которая ни въ какомъ случаѣ не могла быть допущена, а потому велѣлъ одному изъ

надзирателей принести изъ класса книги депутатовъ и немедленно отправилъ ихъ домой, объяснивъ, что ученики, выступающіе съ подарками лицамъ, удаляемымъ изъ заведеній правительствомъ, не могутъ быть терпимы въ заведеніи. Мѣра эта, окончившаяся допущеніемъ учениковъ чрезъ три дня въ гимназію, была весьма благодѣтельна. Она навела спасительный страхъ на демонстрантовъ и быстро прекратила всякое броженіе между учениками старшихъ классовъ.

По удаленіи учителей-поляковъ гимназія совершенно успокоилась. Преподаваніе польскаго языка закрыто; на мѣста же прочихъ учителей-поляковъ выбраны были дѣльные русскіе люди. Въ этомъ отношеніи много помогало дѣлу, что въ то время попечители никогда не вмѣшивались въ выборъ преподавателей, а предоставляли его начальникамъ заведеній. Много помогали мнѣ въ приведеніи заведенія въ отличное состояніе и мои непосредственные помощники и сотрудники инспекторы И. Я. Ростовцевъ, Н. П. Кустовъ, С. И. Паліенко, а также преподаватели, въ особенности преподаватели древнихъ языковъ и математики, относившіеся къ своему дѣлу весьма серьезно и съумѣвшіе значительно поднять уровень познаній учащихся. Вообще преподаватели въ это время пріобрѣтаютъ гораздо большее вліяніе на учениковъ, такъ какъ стали гораздо ближе къ нимъ. Отношенія между учащими и учащимися постепенно улучшаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчается и надзоръ и установленіе дисциплины въ заведеніи. Прежнее обиліе такихъ наказаній, какъ лишеніе пищи и свободы, происходившее главнымъ образомъ отъ формальнаго отношенія къ дѣтямъ, мало-по-малу переходитъ въ область исторіи. Съ своей стороны я въ особенности заботился объ установленіи искреннихъ отношеній съ учащимися справедливымъ, благожелательнымъ и безпристрастнымъ обращеніемъ съ ними. Дѣйствуя въ такомъ направленіи, я мало-по-малу старался устранять коллективныя шалости учениковъ, которыя въ старину доставляли начальствующимъ въ заведеніяхъ не мало хлопотъ, вслѣдствіе упорства и запирательства виновныхъ, а еще болѣе вслѣдствіе духа товарищества, готоваго покрывать иногда и весьма некрасивыя выходки шалуна. Обыкновенные пріемы педагоговъ прежняго времени въ такомъ случаѣ заключались въ принятіи мѣръ противъ цѣлаго класса, въ наказаніи наобумъ безъ фактическихъ доказательствъ виновности, къ угрозамъ по адресу цѣлаго класса, и тому подобныя мѣры, которыя только озлобляли и поддерживали враждебный начальству духъ товарищества, но не приносили никакой пользы для дисциплины въ заведеніи. При коллективныхъ проступкахъ учащихся, я, прежде всего, относился спокойно и не

спѣшилъ найти виновниковъ, и признаюсь, въ большинствѣ случаевъ успѣвалъ достигнуть своей цѣли: виновный отыскивался или даже самъ являлся. Это значительно помогало къ поддержанію порядка въ заведеніи. Признаюсь, были и ошибки въ этомъ направленіи. Такъ однажды въ классѣ, въ которомъ слушали уроки ученики 7-го и 3-го класса попеременно, былъ разбитъ мраморный столъ, устроенный для физическихъ опытовъ. Надзиратель доложилъ мнѣ, что столъ разбитъ и разбитъ въ то время, когда находились въ классѣ ученики старшіе 7-го класса. Я заподозрѣлъ и даже наложилъ денежное взысканіе на нѣсколькихъ человѣкъ 7 класса, извѣстныхъ мнѣ силачей, любившихъ пустить въ ходъ свою богатырскую силу. Но, наложивъ взысканіе, я долго медлилъ съ приведеніемъ его въ исполненіе. И что же, спустя мѣсяцъ дѣйствительные виновные въ разбитіи мраморнаго стола оказались, но не въ 7-мъ, а въ третьемъ классѣ. И мнѣ только оставалось извиниться предъ учениками 7-го класса въ своемъ несправедливомъ подозрѣніи.

Болѣе всего я боялся почти общаго недостатка прежнихъ школьныхъ порядковъ—это возведенія дѣйствій, совершенно не вредныхъ для дисциплины, въ преступленіе. Таково было преслѣдованіе княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ усовъ и бородъ. Онъ терпѣть не могъ, если подъ носомъ у мальчика появлялся малѣйшій признакъ усовъ. Я съ своей стороны неприкосновенность этого пушка считалъ необходимою, единственно для того, чтобы, заставляя юношу бриться преждевременно, не пробуждать въ немъ наклонности подражать взрослымъ и усваивать ихъ привычки. Припомню одинъ случай, который до нѣкоторой степени можетъ характеризовать отношеніе попечителя къ начальникамъ заведеній и къ вопросу о бородѣ. Князь, живя въ гимназіи, имѣлъ обыкновеніе приглашать насъ къ себѣ на чай. Это случалось по субботамъ, когда онъ бывалъ въ гимназической церкви на всенощной. Однажды былъ такой случай. Къ князю явился съ просьбою ученикъ 7 класса 2-й Кіевской гимназіи какой-то сербъ съ значительными признаками усовъ. Князь, какъ оказалось, очень разсердился на такой безпорядокъ. Вечеромъ будучи въ церкви, онъ пригласилъ къ себѣ насъ, директоровъ и инспекторовъ. Пришли мы. По обыкновенію любезно усажены возлѣ кабинетнаго стола. Намъ предложено взять по папироскѣ, и вслѣдъ за тѣмъ разразился громъ и молнія начальническаго гнѣва. Досталось и мнѣ за мой пушокъ. Мы слушали потокъ гнѣвныхъ рѣчей и мяли въ рукахъ начальническія папиросы до того, что онѣ совершенно были уничтожены. Такъ продолжалась грозная рѣчь князя, пока лакей не вошелъ съ подносомъ и не предложилъ намъ чаю. Мы, разумѣется, поспѣшили отказаться

отъ чаю и убрались поскорѣе домой. Долго мы припоминали этотъ случай и смѣялись, что князь задалъ намъ „субботки". Да кажется, что и князь сохранилъ въ памяти этотъ случай. Это видно изъ того, что, встрѣтивъ меня въ Москвѣ, на выставкѣ чрезъ пять лѣтъ, онъ отрекомендовалъ меня своему помощнику князю Мещерскому: „это, говоритъ, тотъ директоръ, который называлъ ученическіе усы юношескимъ пушкомъ".

Изъ педагогическихъ вопросовъ, занимавшихъ меня въ это время, былъ вопросъ объ экзаменахъ. Интересно прослѣдить исторію этого вопроса. Я уже говорилъ, что Пироговъ замѣнилъ экзамены такъ названными имъ тентаменами. Они состояли въ томъ, что ученики должны были въ одинъ день испытываться по всѣмъ предметамъ, переходя отъ одного экзаменаціоннаго комитета къ другому. Не умѣли мы исполнить распоряженія начальства или быть можетъ вслѣдствіе непрактичности самаго плана преобразователя, тентамены признаны неудобными. Въ это время заинтересовавшись вопросомъ, я внесъ въ Совѣтъ гимназіи записку объ экзаменахъ, въ которой доказывалъ, что для поднятія успѣшности занятій учащихся необходимо придать особое значеніе годичнымъ отмѣткамъ. При чемъ для большей основательности такихъ отмѣтокъ предлагалъ при спрашиваніи учениковъ въ особенности высшихъ классовъ ввести письменные отвѣты. А затѣмъ, придавъ особое значеніе годичнымъ отмѣткамъ, экзамены назначать только для сомнительныхъ по успѣхамъ учениковъ, переводя безъ экзамена учениковъ, имѣющихъ вполнѣ удовлетворительныя годичныя отмѣтки, и оставляя въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ учениковъ, получившихъ большинство неудовлетворительныхъ отмѣтокъ. Проектъ мой принятъ Совѣтомъ и представленъ попечителю, который распорядился мою записку напечатать въ циркулярѣ по округу. Вскорѣ былъ возбужденъ вопросъ объ экзаменахъ и въ попечительскомъ Совѣтѣ, который постановилъ поручить мнѣ сосоставленіе проекта правилъ объ экзаменахъ. Я на изложенныхъ выше основаніяхъ выработалъ проектъ, который почти безъ измѣненія утвержденъ попечительскимъ Совѣтомъ. Недостатокъ этого новаго порядка выразился на практикѣ тѣмъ, что лучшіе ученики, освобождаясь отъ экзаменовъ, не имѣли случая основательно повторять предметы въ общемъ ихъ составѣ, а лѣнивые ученики удостоивались, по случаю недопущенія къ экзамену, большихъ вакацій, во время которыхъ еще болѣе тупѣли, растерявъ и то немногое, что пріобрѣтали въ теченіе года. Вслѣдствіе этого на съѣздѣ директоровъ, созванномъ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, снова поднятъ вопросъ объ экзаменахъ. Съѣздъ директоровъ въ особенности

придалъ значеніе письменнымъ отвѣтамъ и ввелъ ихъ въ составъ экзаменовъ. На такомъ основаніи составленъ особой комиссіей проектъ новыхъ правилъ объ экзаменахъ, который и утвержденъ попечительскимъ Совѣтомъ.

Вообще на съѣздѣ директоровъ сдѣлано много постановленій для упорядоченія учебнаго дѣла въ гимназіяхъ. Повидимому, съѣздъ или лучше руководитель его попечитель стремился обнять всѣ стороны школьной жизни и свое усердіе простиралъ, кажется, дальше, чѣмъ слѣдовало. Это повело ко введенію въ гимназію разныхъ формальностей, строго говоря, несущественныхъ, но тѣмъ не менѣе затруднявшихъ безполезно и начальствующихъ, и подчиненныхъ. Къ такимъ постановленіямъ можно отнести разныя частныя распоряженія о классной дисциплинѣ, о надзорѣ за учащимися и проч.

XVI.

Реформа гимназій графа Толстого.—Мѣры къ форсировачному ея введенію.—Неблагопріятныя послѣдствія такой форсировки.—Отрицательное отношеніе общества и литературы.—Озлобленіе молодежи.—Первое политическое дѣло въ стѣнахъ гимназіи.

Все это было какъ бы подготовленіемъ той широкой регламентаціи, которая начинается реформой гимназіи графа Д. А. Толстого. Уже въ 1868 г. у насъ въ Кіевѣ начали носиться слухи, что въ Министерствѣ готовится громадная реформа гимназій, въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ или лучше ихъ редактора, большого приверженца классическаго образованія Каткова. Въ періодической печати возгорѣлась страшная полемика по школьному вопросу. Одни доказывали, что классицизмъ потерялъ свое значеніе и что филологія можетъ составлять только спеціальный предметъ въ университетскихъ курсахъ, а въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ необходимо обратить вниманіе на общіе реальные предметы образованія. Противъ этого писалъ Катковъ, указывая на опасность реальнаго направленія для государства, и доказывалъ, что будущее спасеніе отечества въ основательномъ изученіи древнихъ языковъ. Мало-по-малу школьный вопросъ, требовавшій мирнаго и спокойнаго разрѣшенія гражданскимъ порядкомъ, сдѣлали вопросомъ политическимъ. Политика насильно и извнѣ навязана школѣ. Результаты такого ненормальнаго направленія скоро обнаружились, въ особенности со введеніемъ новаго устава гимназіи въ 1871 г.

Форсированное введеніе новой реформы гимназій началось еще до утвержденія устава этихъ заведеній, почти за три мѣсяца. Въ

концѣ апрѣля 1871 г. получено внезапно распоряженіе министерское, которымъ прежній семилѣтній курсъ гимназій признанъ недостаточнымъ, а потому предписано допустить къ окончательному экзамену въ 7-мъ классѣ только учениковъ, имѣющихъ по всѣмъ предметамъ отличныя годовыя отмѣтки, остальныхъ же учениковъ, уже мечтавшихъ объ университетѣ, велѣно оставить на повторительный курсъ. Такое распространеніе реформы на окончившихъ курсъ учениковъ еще до утвержденія устава въ законодательномъ порядкѣ и учащимися, и обществомъ, и печатью разсматривалось, какъ актъ министерскаго произвола, и потому заронило въ души многихъ понятное озлобленіе, которое не замедлило отозваться и въ оппозиціонныхъ газетахъ, съ злорадствомъ занимавшихся фактомъ недопущенія учениковъ къ экзамену, разукрашивая послѣдствія министерскаго распоряженія разными деталями и варіаціями, которыя только могли разжигать общественное неудовольствіе. Къ сожалѣнію и Катковъ, взявшій на себя роль защитника реформы школьной, отвѣтилъ грозными филиппиками противъ газетныхъ толковъ, филиппиками, въ которыхъ всякое возраженіе противъ реформы или, лучше, скороспѣлыхъ ея исполнителей провозгласилъ чуть не государственной измѣной. Оппозиціонная печать тоже не молчала. Начались предостереженія и запрещенія газетъ. Начался въ обществѣ и въ средѣ молодежи глухой, подпольный ропотъ. Зло было загнано внутрь государственнаго организма. Партія „Молодой Россіи“, еще зародившаяся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, воспрянула духомъ. Она увидѣла, что для нея настала жатва на полѣ недовольства и озлобленія противъ правительства. Это въ особенности ясно обнаружилось въ настроеніи университетской молодежи. Броженіе умовъ въ университетѣ начало проникать чрезъ старшихъ учениковъ и въ школу. Не мало помогали развитію враждебнаго реформѣ настроенія въ средѣ молодежи и сами родители, которые, не стѣсняясь даже при дѣтяхъ, позволяли себѣ осуждать новые школьные порядки.

При такомъ состояніи общества появился наконецъ новый уставъ, присланный для немедленнаго примѣненія въ гимназіяхъ. Неудивительно, что новый законъ не былъ встрѣченъ сочувственно. Отрицательное же отношеніе къ нему со стороны большинства интеллигенціи неблагопріятно отразилось и на учащихся. Началась пресловутая борьба изъ-за классицизма. Министерство придумывало мѣры, чтобы во что бы ни стало изучать латинскую и греческую грамматику, а родители и дѣти изъ кожи лѣзли, доказывая, что изученіе сихъ грамматикъ, на которыя по новому уставу назначена половина учебнаго времени, безполезно въ жизни. Моя роль, какъ директора заведенія, значительно осложняется. Съ одной стороны

я долженъ настаивать и требовать, чтобы правила устава и предписанія начальства исполнялись въ точности, а съ другой—принимать мѣры для убѣжденія родителей и дѣтей въ необходимости изученія древнихъ языковъ. Мало того, преподаватели древнихъ языковъ вообразили себя жрецами классицизма и, дѣйствуя въ духѣ реформы, стали форсировать свои требованія. Къ несчастію, при скудости своихъ научныхъ ресурсовъ, они больше требовали, чѣмъ сами давали. Давая мало, они тѣмъ не менѣе не скупились на дурныя отмѣтки. Дурными отмѣтками какъ бы щеголяли нѣкоторые изъ преподавателей, ставя себѣ въ заслугу строгость. Для довершенія бѣдъ присланы составленныя въ министерствѣ правила объ экзаменахъ, по которымъ значительно возвышенъ уровень требованій для перевода учениковъ въ высшіе классы и для полученія аттестата зрѣлости. Къ сожалѣнію, всѣ эти строгости не принесли тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, какихъ отъ нихъ ожидали. Напротивъ, онѣ только усиливали озлобленіе противъ реформы и поддерживали весьма нежелательное отрицателькое отношеніе къ изученію древнихъ языковъ. Дѣло педагогіи, которое по самому своему существу должно развиваться мирно, сдѣлалось боевымъ. А что хуже всего—школу втянули въ политику. Результаты такого ненормальнаго положенія не замедлили обнаружиться въ тѣхъ дикихъ выходкахъ, которыми опозорила себя „Молодая Россія".

Было бы слишкомъ смѣло утверждать, что всѣ печальныя событія конца царствованія Императора Александра II были не болѣе какъ слѣдствіе форсированной, не чуждой нѣкотораго деспотизма реформы гимназій. Однако несомнѣнно, что абстрактность школы, основавшей въ монархическомъ государствѣ всю систему обученія главнымъ образомъ на изученіи республиканскихъ формъ жизни древнихъ народовъ, со всѣми бурными проявленіями этой жизни, не могла не имѣть вліянія на настроеніе учащейся молодежи. Этому не мало помогало и недовольство школьными порядками, навязанными какъ бы насильно обществу и школѣ. Неудивительно, что при такомъ настроеніи умовъ подпольная дѣятельность входитъ въ моду среди незрѣлой и одичавшей молодежи. Формируются революціонные кружки нигилистовъ, потомъ соціалистовъ, и, наконецъ, самыхъ злыхъ анархистовъ. Начинается подпольная ажитація, а затѣмъ и динамитная революція единицъ противъ милліоновъ, съ подкопами, выстрѣлами изъ-за угла и другими безобразіями, и вообще явленія въ высшей степени уродливыя и нелѣпыя, но въ то же время весьма печальныя, такъ какъ фигурируетъ во всей этой трагикомедіи молодежь и молодежь самая зеленая, отъ 16-ти лѣтъ включительно и почти не свыше 30 лѣтъ.

Интересно прослѣдить исторію такого печальнаго явленія и, по возможности, выяснить себѣ причины и условія, благопріятствовавшія развитію этого зла. Первый фактъ подпольной революціи обозначился хожденіемъ въ народъ для распространенія книжекъ возмутительнаго содержанія и для пропаганды революціонныхъ идей. Скоро однако хожденіе въ народъ потерпѣло фіаско; народъ русскій оказался неспособнымъ воспринимать и увлекаться разными бреднями молодежи, пущенными въ свѣтъ въ видѣ запрещенныхъ революціонныхъ книжекъ, появившимися за границею и привезенными въ видѣ контрабанды въ Россію. Строго говоря, и хожденіе въ народъ, и вся революціонная литература не представляла ничего серьезнаго. Во всей затѣѣ ясно обнаруживалась несостоятельность и незрѣлость предпринимателей: но для молодыхъ людей, настроенныхъ враждебно, революціонныя книжки, какъ запретный плодъ, были заманчивы, не потому чтобы юные читатели проникались революціонною проповѣдью, но просто вслѣдствіе любопытства и желанія порисоваться ролью опасныхъ людей, похвастаться титуломъ государственныхъ преступниковъ. Среди молодежи дурно настроенной слово „государственный преступникъ" сдѣлалось моднымъ, и я съ грустью долженъ сознаться, что не одинъ шестнадцатилѣтній гимназистъ того времени мечталъ попасть въ категорію такихъ преступниковъ. И нужно сказать, что такими несчастными по большей части руководила не столько испорченность, сколько какой-то пѣтушиный задоръ, желаніе порисоваться предъ товарищами, а иногда нелѣпое желаніе разыграть роль взрослаго опаснаго человѣка.

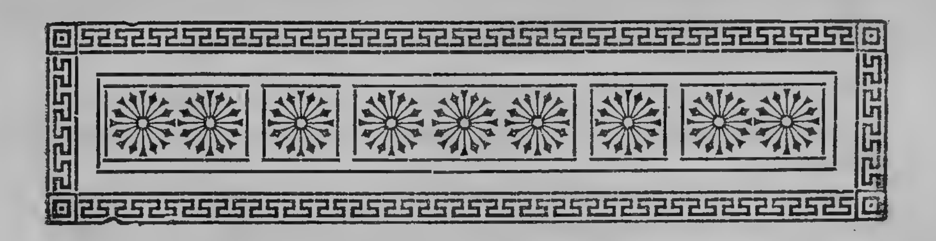
Такое впечатлѣніе я вынесъ изъ перваго политическаго дѣла, возникшаго къ несчастію въ Кіевской 1-й гимназіи въ 1876 г. Дѣло происходило такимъ образомъ: сынъ помѣщика Черниговской губерніи нѣкто Кандыба, ученикъ 5-го класса, 16-ти лѣтъ, выѣзжая въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 г. на зимнія каникулы домой, успѣлъ отъ своего старшаго 18-лѣтняго товарища ученика 7-го класса Шефера получить нѣсколько брошюрокъ революціоннаго содержанія и пріѣхавши домой роздалъ ихъ своимъ сверстникамъ грамотнымъ деревенскимъ мальчишкамъ. Родители, увидѣвши эти брошюры, отобрали отъ дѣтей и представили въ полицію. Изъ этого загорѣлось дѣло, стоившее мнѣ не мало горя, не мало безсонныхъ ночей. Началось въ стѣнахъ заведенія слѣдствіе. Какъ-то послѣ обѣда явился ко мнѣ жандармскій адъютантъ Гейкингъ и товарищъ прокурора графъ Соллогубъ и внезапно произвели обыскъ у Кандыбы въ пансіонѣ; но ничего не нашли. Тѣмъ не менѣе Кандыба съ апломбомъ сознался, что онъ революціонныя книжки дѣйствительно

передалъ крестьянскимъ мальчикамъ; но только упорно отказывался объявить, отъ кого онъ получилъ означенныя книги. Слѣдствіе однако скоро раскрыло все. Найденъ виновный, передавшій Кандыбѣ книги, найдены даже и тѣ, которые предварительно читали эти книги. Производившіе это слѣдствіе въ моемъ присутствіи жандармскій офицеръ Гейкингъ и товарищъ прокурора графъ Соллогубъ вели его въ духѣ доброжелательномъ, стараясь, по возможности, смягчать его сознаніемъ и раскаяніемъ виновныхъ. Одну только ошибку сдѣлали они, что производили слѣдствіе въ стѣнахъ заведенія. Эта ошибка, допущенная, быть можетъ, съ доброю цѣлію, имѣла однако неблагопріятное вліяніе на ходъ дѣла въ заведеніи, возбуждая умы и производя неумѣстные толки. Повидимому, она сказалась и на результатахъ самаго слѣдствія. Сначала главный виновный Шеферъ, передавшій книги Кандыбѣ, приведенъ былъ въ раскаяніе и далъ совершенно искреннее показаніе объ всѣхъ обстоятельствахъ дѣла. Слѣдователи предположили закончить дознаніе, оставивъ учениковъ подъ бдительнымъ надзоромъ начальства гимназіи. Но на другой день, когда Гейкингъ у меня въ столовой занялся допросомъ другихъ прикосновенныхъ учениковъ, Шеферъ передумалъ и рѣшился уничтожить слѣды своего сознанія. Для исполненія такого намѣренія онъ прислалъ сказать, что онъ желаетъ дать дополнительное показаніе. Гейкингъ, не подозрѣвая злого умысла, просилъ товарища прокурора допросить молодого человѣка у меня въ кабинетѣ. Не прошло и ¼ часа, какъ изъ кабинета раздался крикъ. Я съ Гейкингомъ быстро направились въ кабинетъ и застали такую картину: Шеферъ держалъ въ рукахъ куски изорванной какой-то бумаги, а товарищъ прокурора силился отнять эти куски. Оказалось, что Шеферъ, получивши изъ рукъ Сологуба свое показаніе, будто бы для внесенія дополнительнаго показанія, быстро началъ рвать переданное ему показаніе. Гейкингъ немедленно потребовалъ полицію и сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи дерзкаго мальчика въ тюрьму. Тамъ Шеферъ добился чего желалъ, такъ или иначе попалъ въ „государственные преступники“, благодаря своей глупости и какому-то пѣтушиному задору. Для другихъ учениковъ слѣдствіе окончилось благополучно, не помѣшавъ имъ окончить свое образованіе. Только Кандыба переведенъ былъ въ коллегію Павла Галагана; но и оттуда за дурное поведеніе былъ скоро удаленъ и, кажется, остался недорослемъ.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. И. Драгомировъ—генералъ-губернаторъ.

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній).

Болѣе восьми лѣтъ пробылъ М. И. Драгомировъ командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа, при такихъ условіяхъ, что, занимаясь исключительно своимъ дѣтищемъ, давалъ себѣ полный просторъ въ дѣлѣ насажденія всего признававшагося имъ необходимымъ для всесторонней подготовки частей славной арміи нашей на случай новой встрѣчи съ недремлющимъ врагомъ. Съ 1889 года по 1898-й армія, неусыпными заботами своего учителя, сдѣлала громадные успѣхи, и для тѣхъ, кто не хотѣлъ предвзято закрывать глаза, это было болѣе чѣмъ ясно по всему сказавшемуся на ней во время быстро пролетѣвшей войны боксёрской; всѣ свѣдѣнія, привозившіяся съ театра той войны авторитетными лицами, даже изъ числа недруговъ Мих. Ивановича, сходились на томъ, что войска, попавшія туда съ береговъ Днѣпра, или по-просту войска Кіевскаго военнаго округа,—войска драгомировскаго обученія, бросаются во многихъ отношеніяхъ въ глаза и отличаются особой закалкой въ отношеніи усвоенныхъ ими привычекъ и богатства духомъ, вселеннымъ въ нихъ.

— Я не говорю,—сказалъ мнѣ почтенный генералъ фонъ-Нидермиллеръ въ Наугеймѣ, куда онъ тогда только-что прибылъ прямо съ дальняго востока,—что войска, собранныя туда изъ другихъ округовъ, по качествамъ своимъ могутъ считаться болѣе слабыми сравнительно съ кіевскими,—нѣтъ, далеко нѣтъ, но общій отзывъ боевыхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей тамъ вдали таковъ, что

питомцы Мих. Ив. Драгомирова какъ-то скорѣй, опредѣленнѣе и тверже выказываютъ прекрасныя свойства, присущія нашей чудной арміи.

Этотъ отзывъ запечатлѣлся въ моей памяти; онъ ясно охарактеризовалъ особенность тѣхъ отзывовъ, которые получались отъ начальниковъ, имѣвшихъ случай разбираться на дѣлѣ въ предоставленномъ имъ матеріалѣ—превосходномъ, но невполнѣ односортномъ.

Восемь лѣтъ М. И. спокойно предавался дѣлу усовершенствованія своего вѣдомства, ничто его не отвлекало и отвлекать не могло. Вдругъ въ началѣ осени 1897 года, какъ шквалъ, налетѣлъ и пролетѣлъ мимо слухъ, что предстоитъ въ Кіевѣ соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ должностей—командующаго войсками съ генералъ-губернаторскою и что генералъ Драгомировъ изъ Кіева не выбудетъ; выслушавъ сообщеніе объ этомъ, онъ, по обыкновенію, отвѣтилъ чѣмъ-то похожимъ на загадку—„Что это новое выдумали къ вящшему обвиненію меня? Сразу не раскушу, въ чемъ тутъ суть“. Сказавши это, онъ не далъ себѣ труда долго остановиться на этомъ; и какъ къ нему съ этими слухами ни подходила, въ особенности любопытная и стихійно-нуждающаяся въ полученіи вѣрныхъ новинокъ непремѣнно сенсаціоннаго характера, извѣстная часть кіевскаго населенія, онъ не удѣлялъ толкамъ объ этомъ никакого вниманія.

Однажды, сказавши, что изъ Петербурга привозятся объ этомъ подтвержденія болѣе и болѣе достойными довѣрія лицами, онъ прибавилъ: „Пожалуй, и я начну скоро, если не вѣрить, то давать значеніе или, того хуже, безпокоиться; чистѣйшій вздоръ, только грязи изъ него не накопать бы“...

Не далѣе, какъ 7-го декабря того года привыкшее къ своему генералъ-губернатору и цѣнившее его кіевское населеніе рано утромъ узнало, что генералъ-отъ-кавалеріи генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта съ отчисленіемъ отъ должности генералъ-губернатора; все прочее осталось нетронутымъ, и только лишь послѣ того, какъ въ теченіе трехъ недѣль данъ былъ широкій просторъ безнадежному развитію и разыгрыванью любопытства тѣхъ же, относящихся болѣзненно къ дѣлу полученія новинокъ, слоевъ населенія, въ ночь на 1-е января 1898 года телеграфное агентство оповѣстило по всей Россіи о состоявшемся назначеніи генералъ-адъютанта Драгомирова кіевскимъ, волынскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ съ оставленіемъ въ должности командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа.

* * *

Съ первыхъ же дней стремленіе къ удовлетворенію любопытства по вопросу, вылившемуся въ вѣрное извѣстіе, смѣнилось для той части населенія гаданіемъ о другомъ, быть можетъ, для него болѣе существенномъ,—кто пріобщится къ М. И. Драгомирову въ дѣлѣ вершенія судебъ края, кто будетъ вліять на дѣла этого всегда заинтересованнаго, юркаго обывателя. Не менѣе того этотъ вопросъ въ тѣ дни, правда, нѣсколько въ другой формѣ, интересовалъ и самого новаго генералъ-губернатора,—кому предстоитъ дѣлить съ нимъ труды по управленію краемъ, кто явится его сотрудникомъ и непосредственнымъ помощникомъ въ новомъ обширномъ дѣлѣ, ему довѣренномъ и врученномъ по волѣ Монарха?

Можно съ полной вѣрой отнестись къ тому, что ничего подготовленнаго у М. И. на этотъ счетъ не было.

Въ разговорѣ съ однимъ близкимъ къ нему лицомъ, къ которому отношенія у него были дружескія, онъ сказалъ:

— Въ первыя минуты у меня явилась мысль искать и просить себѣ помощника, я и думаю переговорить объ этомъ наверху; не боги горшки лѣпятъ, а все же хоть на первыхъ порахъ глаже и тверже можно при этомъ окунуться въ новое дѣло и лучше освоиться съ нимъ.

— Пожалуй, это было бы и лучше, но вообще прекрасными помощниками вамъ явятся три губернатора ввѣреннаго вамъ края, да и правитель канцеляріи окажется далеко не послѣднимъ пособникомъ.

— Такъ-то такъ; правитель канцеляріи моего предмѣстника Р., со дня выбытія графа, остается на своемъ посту, лучшаго я не желалъ бы, а устраиваетъ ли это его, не знаю; врядъ-ли.

— Ну, это такой человѣкъ: если вы его прямо спросите, онъ таиться не станетъ, джентльмэнъ по-джентльмэнски прямо и отвѣтитъ; а если дастъ согласіе, то ужъ, безъ сомнѣнія, лучшаго желать не придется; нельзя думать, что онъ останется при васъ совсѣмъ, но цѣнно было бы и то, если бы онъ рѣшилъ прослужить съ вами на первыхъ порахъ хоть нѣкоторое время; человѣкъ онъ широко образованный, край прекрасно знаетъ, къ тому же, по образованію, москвичъ.

— Да,—засмѣялся М. И.,—не подведетъ, не то, что нашъ братъ хохолъ: норовитъ вилять вкривь и вкось... серьезно надо объ этомъ на чистоту переговорить.

Неизвѣстно, переговорилъ ли когда-нибудь Мих. Ивановичъ съ Р., но нѣкоторое время онъ оставался въ должности, а при

встрѣчахъ съ М. И. всегда случалось узнавать отъ него, что, какъ онъ предчувствовалъ, такъ и выходило,—лучшаго и желать не приходится; разъ М. И. сказалъ: „Отлично работаемъ, лучше и нельзя, не знаю, можетъ быть, это мое ощущеніе, а онъ какими-либо моими дѣлами недоволенъ, можетъ быть, что-нибудь мое принимаетъ за причуды и ими недоволенъ, а я, кромѣ спасиба, ничего не чувствую и сказать не въ правѣ“.

Не долго Р. оставался на своемъ посту; скоро онъ получилъ назначеніе на постъ болѣе высокій; разъѣхались они, кажется, въ полномъ благодушіи одинъ по отношенію къ другому, а если собственное Мих. Ивановича чувство, коимъ онъ выставлялъ самому себѣ такъ называемыя причуды свои, и не обманывало его, то въ сношеніяхъ съ человѣкомъ высокой души подобная частность обычно проходитъ незамѣтно и безслѣдно.

Предстоявшее выбытіе такого сотрудника, какимъ являлся Р., заставило М. И. оглянуться вокругъ для того, чтобы поискать ему замѣстителя, какого онъ скоро и нашелъ въ лицѣ сына своего товарища по службѣ въ генеральномъ штабѣ, бывшаго гвардейскаго офицера Л., окончившаго высшее юридическое образованіе. Насколько можно было, М. И., несомнѣнно, взвѣсилъ всѣ плюсы и минусы этого дѣятеля прежде, чѣмъ присосѣдилъ его возлѣ себя въ качествѣ помощника, которому должно было быть много дано по части разностороннихъ вліяній; во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ образованный, изъ хорошей, богатой благородствомъ семьи; М. И. считалъ себя въ правѣ быть вполнѣ увѣреннымъ въ его искренности, при чемъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ его честности; а что изъ всего этого, при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, вышло, въ томъ каяться могъ только самъ же Мих. Ив., призывая на помощь всю силу отталкиванья отъ себя тѣхъ же своихъ чудачествъ.

Проработавъ усердно и, по-своему, добросовѣстно, Л. долженъ былъ года черезъ полтора уйти съ этого пути и, пристроившись на службу по судебной части, продолжалъ тамъ пользоваться плодами своего особаго развитія.

М. И. Драгомировъ, вспоминая о немъ въ послѣдніе годы своей жизни, коротко и, пожалуй, мало опредѣленно говорилъ: „Зарвался, бѣдняга, способный человѣкъ, а вотъ поди жъ ты“.

— Что это, Мих. Ив.,—сказалъ ему однажды хорошій его знакомый, солидный и серьезный человѣкъ,—выходитъ вѣдь такъ, что будто обманулъ онъ васъ.

— Не обманулъ,—отвѣтилъ Драгомировъ, — а вотъ заставилъ сдѣлать небольшую промашку; да человѣкъ-то онъ очень хорошій;

дастъ Богъ, оглянется, начнетъ еще путевую работу; серьезнаго мало выказалъ пока; говорю, зарвался...

По всему видно было, что М. И., не находя рѣшительно никакого оправданія сыну своего, быть можетъ, лучшаго друга,—очень положительнаго и чистаго человѣка, прямо не желалъ наложить обвиненіе на его мало похвальное поведеніе, коимъ онъ больше всего навредилъ, конечно, самому себѣ.

* * *

Однажды въ Наугеймѣ, во время одной изъ обычныхъ прогулокъ, М. И. разговорился по поводу земскихъ дѣлъ и хода вообще работъ по части веденія нашими земствами хозяйства; самъ онъ, наѣзжая нерѣдко лѣтними мѣсяцами въ деревню, охотно велъ тамъ разговоры со своими родными изъ числа мѣстныхъ дѣятелей, съ большимъ увлеченіемъ отдававшихся разбору земской жизни и участливо относившихся къ событіямъ этой жизни, къ трудамъ земства, а нерѣдко, пожалуй, еще больше, къ продѣлкамъ земскихъ дѣятелей.

— Вотъ не могу я въ толкъ взять, сказалъ онъ, отчего это администрація не любитъ земства, не одобряетъ его и не признаетъ нужнымъ введеніе его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно еще не введено, какъ будто бы хозяйство населенія можетъ идти лучше тамъ, гдѣ предоставлено оно не выбраннымъ отъ самаго населенія людямъ, а чиновникамъ, поставленнымъ къ этому властью; почему, если мнѣ предстоитъ истратить на себя извѣстную сумму, — за меня за взрослаго разумнаго человѣка можетъ лучше истратить какой-нибудь сторонній опекунъ, а я самъ,—взрослый и разумный человѣкъ, не могу такъ хорошо ее употребить въ дѣло общаго на себя расходованія?

Получивъ отъ своего собесѣдника отвѣтъ о томъ, что администрація не любитъ земства въ смыслѣ хозяина надъ своимъ имуществомъ и надъ расходованіемъ на себя своихъ денежныхъ средствъ, а лишь не можетъ одобрить такого положенія, при которомъ выбранные населеніемъ хозяева расходованія его средствъ берутъ на себя роль непрошенныхъ дядекъ, наставниковъ и учителей этого населенія, поучаютъ его вкривь и вкось тому, что оно должно узнавать и усвоивать вовсе не отъ нихъ, а въ дѣлѣ расходованія за него денежныхъ средствъ манкируютъ и упускаютъ, нерѣдко затрачивая ихъ не по назначенію, М. И. спросилъ:

— Значитъ, растрачиваютъ?

— Да, значитъ; но не растрачиваютъ на свои нужды, а тратятъ не на то, на что тратить должны.

— Ну будемъ прямо говорить, проматываютъ деньги, по-просту мошенничаютъ?

— Въ исключительныхъ случаяхъ да, но по большей части, сплошь ведя небрежно хозяйство, пропускаютъ случаи необходимости твердаго налаживанья мелкихъ служащихъ на путь корректности въ хозяйничаньи, умышленно допускаютъ расходованіе денегъ на тѣ предметы, которые по ихъ мнѣнію кажутся болѣе требующими расхода, а не на тѣ, на которые тратить указываетъ законъ, при этомъ, занимаясь перевоспитаніемъ темныхъ массъ, по своему усмотрѣнію, умышленно игнорирутъ все указываемое закономъ, дѣлая все наперекоръ ему только ради того, чтобы велѣнія его не исполнять подъ видомъ движенія народной жизни впередъ.

— Но гдѣ имѣется такой умыселъ, тамъ легко его отстранить и, поставивъ все на законный путь, твердо стоять на томъ, чтобы хозяйствомъ населенія занималось само населеніе и чтобы поставленные населеніемъ хозяева не устранялись лишь ради того, что опекующей власти не нравятся тѣ или иные изъ избранныхъ.

— Если бы вы, Михаилъ Ивановичъ, стояли оффиціально ближе къ населенію, вамъ навѣрное стало бы вполнѣ ясно, что такъ думаютъ, или можетъ быть не думаютъ, а говорятъ только земцы; кто-нибудь разъ что-либо подобное произнесъ, а затѣмъ это повторяютъ изъ конца въ конецъ, какъ плодъ упражненія въ сопротивленіи распоряженіямъ той власти, которая поставлена на стражѣ точнаго соблюденія положеній закона, непозволяющаго изобрѣтать тѣ или иныя цѣли расходованія земскихъ средствъ; среди земцевъ находится много охотниковъ считать свои измышленія болѣе мудрыми, чѣмъ все то, что въ законѣ поставлено въ огражденіе народа отъ пустыхъ затратъ на воображаемую пользу.—Законы написаны, къ исполненію предписаны, а доморощеннымъ мудрецамъ представится, что ихъ изобрѣтеніе мудрѣе, они начинаютъ произвольное противосмѣтное расходованіе копейки, идущей отъ народа, отъ его труда...

Съ тѣхъ поръ вообще М. И. не безъ того, что иногда, хотя и мало соглашаясь съ такими доводами, нерѣдко возобновлялъ на досугѣ подобные разговоры; иногда казалось, что онъ какъ бы хочетъ больше освоиться съ сутью такихъ бесѣдъ, а иногда представлялось, не провѣряетъ ли онъ все то, что ему при разныхъ случаяхъ было въ деревнѣ, въ Конотопѣ, разсказано въ центрѣ земской жизненной сутолоки.

* * *

Зайдя разъ въ Кіевѣ вскорѣ послѣ того въ жаркій сентябрьскій день къ Михаилу Ивановичу, я засталъ его по обыкновенію въ кабинетѣ сидящимъ за письменнымъ столомъ въ роскошной бѣлой пушистой папахѣ; масса исписанныхъ клочковъ бумаги лежала въ сторонѣ на столѣ; самъ онъ писалъ, видимо, торопясь и, противъ обыкновенія, какъ будто волнуясь.

— А, вотъ кстати, братъ, забрелъ, посмотри-ка, чѣмъ я занятъ; почитай, почитай, не стѣсняйся; вспомнишь наши Наугеймскіе разговоры; помнишь, какъ меня тамъ раскатывали за мою защиту земства, за мои незрѣлыя высказыванья о земскихъ дѣлахъ; вотъ я добрался теперь до того, чтобы занести на бумагу наши тогдашнія бесѣды; думаю, не выйдетъ ли изъ этого пользы для Юго-Западнаго или, какъ надо говорить, для ввѣреннаго мнѣ края... да ты прочти, не брезгай моимъ писаньемъ, оно, правда, еще не выправлено, все равно, непонятнаго въ немъ нѣтъ.

М. И. Драгомировъ нерѣдко своимъ старымъ сослуживцамъ, а чаще своимъ бывшимъ ученикамъ, вдругъ начиналъ говорить „на ты“, въ особенности когда чѣмъ-либо увлекался.—Наугеймскіе разговоры, видимо, въ свое время задѣли его за живое, и онъ теперь, если судить по первымъ прочитаннымъ мною двумъ-тремъ исписаннымъ листкамъ, отъ этихъ разсужденій отписывался. — Надо знать, что вообще М. И. въ разговорахъ и въ спорахъ всегда былъ совершенно спокойно сдержанъ, никакими рѣзкостями онъ не задѣвался, хотя нерѣдко и видно было, что внутри его какъ будто кипитъ;—всякую рѣзкость, какую онъ найдетъ бывало нужнымъ въ спорѣ употреблять, онъ скорѣй пропишетъ на бумагѣ, чѣмъ скажетъ въ словесномъ подборѣ возраженій.

— Что же это, М. И., не на память же объ нашихъ лѣтнихъ Наугеймскихъ разговорахъ вы это все себѣ записываете? спросилъ я, вычитавъ занесенное съ фотографическою точностью многое изъ того, о чемъ приходилось вести бесѣду или слушать возраженія, дававшіяся кѣмъ-либо на его, именно, — какъ онъ называлъ, — защиту земства, земскихъ дѣлъ, земскихъ порядковъ и земскаго обихода.

Мало-по-малу онъ сообщилъ, что пишетъ отвѣтъ министерству внутреннихъ дѣлъ на оффиціальный запросъ относительно того, нужно ли и можно ли подумать теперь „о введеніи земства въ губерніяхъ Юго-Западнаго края на общихъ началахъ съ тѣми губерніями, которыя уже пользуются законами о земскихъ учрежденіяхъ“.

А я къ этому фигурному заголовку, сказалъ М. И., добавлю отъ себя „и имѣютъ счастье жить подъ покровомъ этихъ законовъ“...

Выдержками изъ нашихъ Наугеймскихъ и иныхъ бесѣдъ я немного пересыплю свое писанье, но серьезная часть содержанія моего отвѣта зиждется на массѣ возраженій, которыя я, не безъ удовольствія, посылаю имѣющимся у меня въ рукахъ двумъ оффиціальнымъ документамъ, писаннымъ тому же министерству нѣсколько лѣтъ назадъ въ защиту „удовольствія" Кіевской, Волынской и Подольской губерній отъ тяготы наводненія ихъ земскими учрежденіями и избавленія отъ счастья входить въ земское самохозяйство.

Черезъ недѣлю записка была совершенно готова и хорошимъ, писарскимъ почеркомъ перебѣлена.—Въ увлеченіи своимъ собственнымъ произведеніемъ, М. И. вслухъ прочелъ его по собственной бисерно-написанной рукописи, при чемъ, съ видимымъ удовольствіемъ, пересыпалъ свое чтеніе массой чрезвычайно практичныхъ замѣчаній въ высокой степени поучительнаго характера.

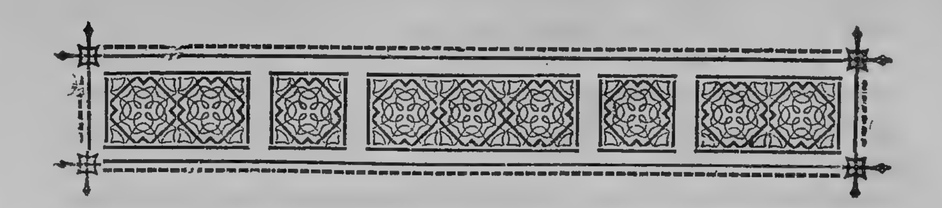
Не только по городу Кіеву, но и по губерніямъ разнеслась вѣсть о томъ, что начальникъ края посылаетъ въ Петербургъ „ходатайство о дарованіи намъ земскаго самоуправленія" и что нанняхъ послѣдуетъ введеніе земскихъ учрежденій.

Здѣсь я разскажу, когда, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ это представленіе, окрещенное населеніемъ въ ходатайство, генераломъ Драгомировымъ было отослано, кому и что изъ этого вышло, а пока отмѣчу лишь, что, безъ сомнѣнія, это драгомировское писанье явилось одной изъ тѣхъ песчинокъ, которыя черезъ десятокъ лѣтъ, на вѣсахъ П. А. Столыпина, перетянула въ сторону дарованія Юго-Западному краю земскихъ учрежденій, съ искреннимъ пожеланіемъ этимъ новымъ учрежденіямъ работы на новыхъ началахъ безъ необходимости практики пустяковаго упражненія въ безплодномъ сопротивленіи властямъ и безъ школьнаго заигрыванья въ тотъ фальшивый прогрессъ, который такъ долго замѣнялъ обратнымъ ходомъ всякій намекъ на движеніе впередъ.

Воспроизведеніе собственноручной записки М. И. Драгомирова могло бы пролить много свѣта на все то, что создавало тормозъ и для назрѣванія мысли о дарованіи земскаго самохозяйничанья въ этомъ краѣ и еще болѣе для самаго дарованія; на-ряду съ жаждой полученія самоуправленія царилъ самообманъ, — отъ него М. И. Драгомировъ въ своей запискѣ ясно предостерегалъ, а въ немъ погрѣшность замѣтна и посейчасъ; отъ свѣта правды какъ-то отходятъ въ тѣнь.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

21.

Марта 4. 1813.

Наконецъ вчерась пришло 5 Виленскихъ почтъ вдругъ. Вскрытіе рѣкъ и дурная чрезмѣрно дорога были причинами таковой медленности, по крайней мѣрѣ, такъ объявлено публикѣ.

Я получилъ съ нею 4 письма отъ Виленскаго моего корреспондента, изъ коихъ послѣднее отъ 19-го еще февраля.— Плоцкій префектъ арестованъ. Сдавшись, польская тварь, намъ, разсѣивалъ слухи, будто-бы армія наша въ худомъ состояніи и должна будетъ ретироваться, чѣмъ желалъ вооружить жителей. Неужели изверга сего не разстрѣляютъ?

Чичаговъ давно былъ въ Гроднѣ, и его 19-го числа съ часу на часъ ожидали проѣздомъ въ Вильнѣ. Тамъ думали, что онъ ѣдетъ назадъ въ Петербургъ. Беннигсенъ выжидалъ томко въ Вильнѣ его проѣзда, а то давно бы отправился въ свои деревни. Ему хочется непремѣнно видѣться съ удалымъ адмираломъ.

Здѣсь не перестаютъ увѣрять, что Берлинъ гр. Витгенштейномъ занятъ послѣ безполезнаго на него покушенія генер. адъютанта Чернышева, который 19 февраля н. ст. хотѣлъ изъ него 200 казаками выгнать, на худой конецъ, 15 тысячъ непріятеля съ полусотнею пушекъ. Все сіе происшествіе описано въ Кенигсберскихъ

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1913 г.

газетахъ, которыя вчерась получены. Теперь говорятъ, что Чернышеву таковую отвагу вмѣнили въ заслугу, и дали 3-ей степени Георгія и 30 тысячъ денегъ.

Бывшій прежде у гр. Ѳед. Вас—ча камердинеромъ, а теперь фельдъегеремъ, Ѳедоровъ, имѣлъ несчастіе въ Бѣломъ Стокѣ потерять чемоданъ съ письмами. Въ немъ находилось также одно франц. знамя безъ древка. Его привезли сюда подъ карауломъ. О немъ очень сожалѣютъ по доброму мнѣнію о его поведеніи. Разсказываютъ различно о его несчастіи; но онъ говоритъ, что чемоданъ похищенъ въ то самое время, какъ онъ ходилъ прописывать подорожную, оставя при немъ даннаго ему для провожанія драгуна, который будто-бы безъ него также ходилъ въ шипокъ.

Нѣтъ ничего печатнаго изъ армій, и слуховъ достовѣрныхъ, по моему мнѣнію, также нѣтъ, хотя впрочемъ ихъ очепь много.

22.

Марта 7. 1813.

Вчерась получили мы Берлинскія газеты, въ коихъ занятіе нашими войсками города сего возвѣщается въ нѣсколькихъ строчкахъ.

Вице-король благополучно отретировался.

На сихъ дняхъ отправляется непремѣнно Екатерина Павловна въ Карлсбадъ.

Сюда пріѣхалъ Ставицкій, но я еще съ нимъ не видался.

Собираемся праздновать освобожденіе Берлина.

Да, забылъ было сказать, что изъ Вѣны Францъ отправилъ посла въ Лондонъ съ предложеніями общаго мира. Онъ уже проѣхалъ чрезъ Лейпцигъ. Забылъ его фамилію.

23.

Марта 11. 1813 г.

Карикатура очень забавна и гораздо лучше вырѣзана, нежели которыя выходятъ здѣсь. Благодарю васъ за присылку оной и за обѣщаніе доставить и будущія; позвольте просить, чтобъ и этой выслали мнѣ еще два экземпляра, а будущихъ по три. Я оставляю у себя одинъ экземпляръ, а другіе хочется послать къ Дмитрію Прокофьевичу и Виленскому почтъ-директору. Но дабы пересылка ничего не стоила, то извольте отправить все на имя мое къ г-ну Келембету, который по обѣщанію своему съ удовольствіемъ подъ кувертомъ будетъ ко мнѣ доставлять.—Здѣсь вышла на сихъ дняхъ

еще новая карикатура. Бонапарте катится съ ледяной горы на своемъ орлѣ весь расшибленнымъ, а изъ орла летятъ токмо перья. Подпись: *не все коту масленица.*

Хорошо, что получены *разрѣшенія:* но гдѣ жъ награда тому, который больше другихъ ее заслужилъ? Откровенно вамъ скажу, что и табакерка и перстень взяли передъ очень не кстати. Знаю я и картежника, знаю и неистоваго Б... Сей послѣдній никогда ничѣмъ не будетъ доволенъ. Раскусите его, такъ увидите, что онъ ни одному начальнику не сдѣлаетъ чести. Je ne conçois pas comment il a sçu gagner les bonnes grâces bu brave Patriote? Не утерпѣлъ не сказать вамъ того, что думаю, и чему имѣю на опытахъ удостовѣреніе. Эдакій народъ отбрасываетъ только дурную тѣнь на лучшихъ начальниковъ, да не онъ ли поддѣлалъ духовную гр. П. И. Салтыкова? Онъ и къ покойному былъ вхожъ въ домъ на короткой ногѣ.

Екатерина Павловна уѣхала въ субботу чрезъ Кіевъ. Гофмаршалъ ея кн. Гагаринъ получилъ Александровскую кавалерію.

Въ воскресенье праздновали въ Казанскомъ соборѣ въ присутствіи Императрицъ освобожденіе Берлина, города однакожъ ввечеру не освѣщали.

Въ Варшавѣ учреждается наша комиссія, въ которую съ поляками посажены Вас. Серг. Ланской и Осипъ Ник. Новосильцовъ. Будутъ конфисковать имущества тѣхъ, которые не являются изъ службы Корсиканца. Въ герц. Варшавскомъ учреждается и наше правительство ad interim.

На балу у Свѣтлѣйшаго въ Калишѣ, который данъ по случаю занятія Берлина, находился и австрійскій посолъ.

Любопытнѣйшее выбралъ для васъ изъ послѣднихъ Кенигсбергскихъ вѣдомостей.—Титулъ Бонапартовъ тутъ же включилъ. Мнѣ прислалъ его изъ Вильны почтъ-директоръ. Пока самъ не соберусь порядочно писать, буду стараться хоть летучими выписками по возможности снабжать васъ.—И за пѣсню Пушкина благодарю. Все теперь нравится, относящееся къ обстоятельствамъ.

Пожалуйте пощадите меня, ежели вы не шутите, и не показывайте моихъ бредней графу.

24.

Марта 14. 1813 г.

Ужъ мудрено меня теперь чѣмъ-нибудь разсмѣшить, а операціи французскаго пророка я отъ чистаго сердца смѣялся. Вы же ее такъ приправили вашими пряностями, что и труженика бы расшевелили.

Si le 8 coups de bâton n'ont pas mis un frein à l'insolence française. Vous pourrez à chaque récidive faire augmenter les coups dans la progression du succès de nos armes, en prenant pour échelle le nombre de lieues qui se trouvera entre Petersbourg et les cardres de la grande armée.

Изъ армій нашихъ ничего достовѣрнаго не знаю; говорятъ однакожъ, будто-бы наши въ Дрезденѣ. Любопытнѣйшія извѣстія въ послѣднихъ Кенигсбергскихъ вѣдомостяхъ слѣдующія:

Прокламація Саксонскаго короля, которую вамъ выслалъ, тотчасъ по прибытіи, народомъ была сорвана въ Дрезденѣ.

Изъ Гамбурга генералъ Лористонъ съ тремя когортами отправился въ Магдебургъ, а тамъ остался токмо одинъ городовой караулъ, по-новому называемый префектурною гвардіею.

Въ городѣ семъ открылись было значущія безпокойства, почему Лористонъ велѣлъ туда идти барону Сен-Сиру и разстрѣлять такъ называемыхъ виновныхъ. Это было, къ сожалѣнію, исполнено.

Въ Познань ежедневно являются польскіе офицеры и рядовые за паспортами для возвращенія въ дома свои.

Геростратъ нашихъ временъ, пишетъ Коцебу, думалъ, что пожаръ Москвы недостаточенъ злодѣйства его предать потомству, такъ разсудилъ облечь въ достоинство *Московскаго герцога* маршала Нейя.

Меркель же по случаю сего пожалованія въ своей газетѣ радуется, что скоро увидитъ и герцоговъ Луны.

Въ Парижѣ дѣлаются, по объявленію Коцебу, приготовленія къ большому игрищу (Gaukelei), дабы имъ можно было еще болѣе ослѣпить австрійскій дворъ въ разсужденіи истинныхъ его пользъ. Князь Эстергазъ будетъ на семъ игрищѣ.

Уголовная палата въ Парижѣ производитъ слѣдствіе надъ пойманною шайкою разбойниковъ, состоящею изъ 26 человѣкъ.—Коцебу присовокупляетъ: ежели бы они догадались число свое умножить четырьмя нулями и отправились бы съ Наполеономъ въ Москву, то покрылись бы въ глазахъ его славою.

Извѣстно ли вамъ, что Хитровъ прощенъ?

25.

Марта 19. 1813 г.

Государь въ Бреслау. Наши войска, кажется, должны уже быть въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ. Больше, нежели кажется, объявлена намъ война безумнымъ Францомъ. Неизвѣстно, сколько прольется человѣческой крови; но мы не можемъ быть побѣжденными.

Здѣсь дунули въ воскресенье у Плюшара подъ крысякъ какую-то франц. брошюру. Съ будущею почтою, узнавъ, сообщу вамъ заглавіе.

26.

Марта 21. 1813 г.

Объ Австріи ничего однакоже достовѣрнаго послѣ среды не слыхалъ.

27.

Марта 26. 1813 г.

Здѣсь возвращается съ неизъяснимою благодарностію безподобный Momus. Не лишайте и впредь меня такихъ рѣдкостей.— Князь Вас. Алексѣевичъ отыскавъ. Весьма радъ буду, ежели употреблять меня станете не только для доставленія ему, но и къ половинѣ Питера писемъ вашихъ.

Все найдете любопытное въ Консерваторѣ, который вчерась поздно ввечеру мнѣ присланъ.

Дрезденъ по сю сторону Эльбы нашими войсками занятъ, а Altstadt по ту сторону осажденъ еще французскими въ числѣ 6 тысячъ подъ командою Даву, который подкопалъ прекрасный Дрезденскій мостъ, и угрожаетъ его взорвать, коль скоро наши тронутся идти на ту сторону. Посланы ему войска въ тылъ, чтобъ принудить его оставить городъ и мостъ, безъ произведенія въ дѣйство толь ужаснаго злодѣйства.

Сперанскому и Магницкому высочайше повелѣно отпускать къ получаемому ими окладу первому по 4 тысячи, а послѣднему по двѣ прибавочныхъ. Какъ вамъ это покажется? Дружинина велѣно опредѣлить къ другому мѣсту. Онъ теперь у васъ въ Москвѣ сдаетъ старую свою должность.

28.

Марта 29. 1813 г.

26-й № съ карикатурами получилъ. Весьма обязали меня ихъ доставленіемъ, коимъ доставили мнѣ средство услужить почтеннымъ людямъ. И впредь прошу меня не оставлять таковою наградою. Ожидаю Momus. Я изъ него буду дѣлать извлеченія для Дм. Пр—ча, а вмѣстѣ и отдавать ихъ для помѣщенія въ одинъ изъ здѣшнихъ журналовъ. Трагедія будетъ послана въ Лондонъ съ пер-

вымъ курьеромъ. Она уже въ рукахъ секретаря при здѣшнемъ англ. посольствѣ. Дрезденъ нашими взятъ, но едва-ли не разрушенный. Извергъ Даву подорвалъ три арки прекраснаго моста при отступленіи; много повреждено ужаснымъ потрясеніемъ и домовъ въ городѣ. Неизвѣстно заподлинно, но пишутъ даже и въ газетахъ, что онъ нападалъ на наши войска въ самомъ городѣ. Neustadt потерпѣлъ наиболѣе. Ожидаютъ дальнѣйшихъ и подробнѣйшихъ извѣстій.

Гр. Витгенштейнъ выступилъ изъ Берлина. Прусскія войска въ разныхъ мѣстахъ выступили въ Саксонію.

Около 5 тысячъ шведовъ прибыли въ Померанію и заняли Стральзундъ. Ожидаютъ изъ Карлскроны еще большаго числа.

Датчане вступили въ переговоры съ англичанами. Декларація Австріи будетъ зависѣть отъ отвѣта, отправленнаго въ Лондонъ съ какими-то предложеніями посланника ея, который туда же и прибылъ.

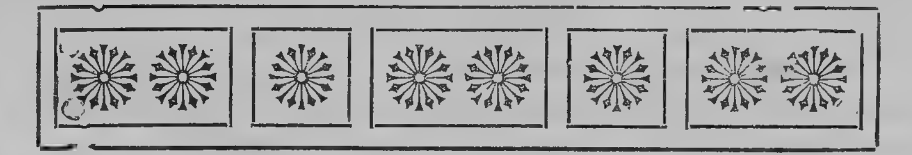
Наполеонъ съ 60-ю тысячами, какъ здѣсь говорятъ, перешелъ Рейнъ.

Муравьевъ 3-й съ важными планами, которые везъ отсюда въ армію, безъ вѣсти, пропалъ, выѣхавши изъ Ковно. Производится строгое слѣдствіе.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ старыхъ дѣлъ.

О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ.

(Архивъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Дѣло 1735 г. № 320).

Однажды, въ 1733 году, въ Вологодской губерніи, въ Прилуцкомъ монастырѣ ждали пріѣзда епископа Вологодскаго преосвященнаго Павла. Епископъ въ дорогѣ замѣшкался и въ назначенный день къ литургіи не пріѣхалъ. Послѣ литургіи прискакалъ верховой и объявилъ, что преосвященный прибудетъ, вѣроятно, черезъ часъ. Поэтому духовенство рѣшило не уходить и ждать преосвященнаго въ соборѣ.

Мѣстное духовенство чинно сидѣло и стояло, лишь изрѣдка перебрасываясь между собою отдѣльными фразами, пріѣхавшій же накануне, протодіаконъ архіерейскаго дома Малахій, какъ близкій къ архіерею человѣкъ, держалъ себя свободно, громко разговаривалъ и шутилъ. Взявъ въ руки архіерейскую митру, онъ подошелъ къ, стоявшему въ сторонѣ, іеромонаху Кириллово-Бѣлозерскаго монастыря, Алексѣю, и неожиданно одѣлъ ее ему на голову. Схвативъ затѣмъ кадильницу, онъ сталъ, какъ передъ архіереемъ, дѣлать ему поклоны и кадить. Два иподьяка тотчасъ же присоединились къ нему и тоже стали кланяться, и кадить. Посмѣялись и сняли митру. Скоро пріѣхалъ епископъ, и шутка эта забылась.

Не могъ только забыть ее іеромонахъ Алексѣй. Онъ прежде былъ простымъ дьячкомъ, и возложеніе митры на его голову произвело на него сильное впечатлѣніе. Поэтому, когда черезъ нѣсколько времени его навѣстилъ сынъ, Иванъ Андреевъ, онъ сейчасъ же разсказалъ ему объ этомъ случаѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Сынъ іеромонаха Алексѣя, Иванъ Андреевъ больше къ отцу не приходилъ и неизвѣстно куда скрылся.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1734 года новый Вологодскій епископъ преосвященный Аѳанасій получилъ отъ Ивана Андреева доношеніе. Начиналъ Иванъ Андреевъ свое посланіе разсужденіемъ о непобѣдимости оружія-креста, продолжалъ описаніемъ такихъ богомерзкихъ дѣйствій, что „ихъ же нелѣть есть человѣку глаголати, не точію писать", и заканчивалъ заявленіемъ, что отца его, іеромонаха Алексѣя, духовенство цѣлымъ соборомъ насильно ставило во архіереи.

Иванъ Андреевъ немедленно былъ розыскaнъ и допрошенъ. Разспрашивавшимъ его Андреевъ по поступкамъ и словамъ „показался не цѣлоуменъ, но сумазбродъ".

Такъ какъ имѣлся синодальный указъ о томъ, чтобы людей, подобныхъ Андрееву, присылать въ Синодъ „для учиненія имъ конечной резолюціи", епископъ Аѳанасій послалъ его въ Петербургъ. Представляя описаніе дѣла, епископъ Аѳанасій доносилъ при этомъ Синоду, что іеромонаха Алексѣя онъ послалъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь для „неисходнаго содержанія до указа" и что, по его, епископа, мнѣнію, іеромонаха Алексѣя за его ложное показаніе о надѣваніи на него архіерейской „шапки" слѣдуетъ наказать плетьми и запретить ему священнодѣйствіе.

Въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ Иванъ Андреевъ продолжалъ говорить сумазбродныя рѣчи. Поэтому, по опредѣленію Синода отъ 16 марта 1736 года, онъ былъ отосланъ въ Вологодскій архіерейскій домъ для опредѣленія его въ какой-либо монастырь „въ повсядневные труды мукосѣянія и хлѣбомѣсія подъ строгимъ надзоромъ и скованнаго, пока придетъ въ совершенное ума своего исправленіе".

Объ іеромонахѣ Алексѣѣ Синодомъ никакого опредѣленія учинено не было.

Сумазбродъ Иванъ Андреевъ былъ помѣщенъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, гдѣ и умеръ въ 1737 году.

М. Ф. Чулицкій.

Остатки художественнаго прошлаго.

(Древнее русское строительство) [1].

Мысль познакомить наше общество съ развитіемъ родного искусства въ полномъ объемѣ, съ первыхъ шаговъ до послѣднихъ дней современности—привлекательна сама по себѣ. Все значительное, что мы имѣли до сихъ поръ, относится лишь къ отдѣльнымъ, касающимся нѣкоторыхъ областей, изслѣдованіямъ, академически-почтеннымъ; но эти труды мало доступны для обыкновеннаго читателя, а общіе обзоры по своему сухому, чисто учебному пересказу матеріала, не всегда провѣреннаго, мало говорили уму и сердцу. За послѣдніе годы появились кружки сначала художниковъ, затѣмъ архитекторовъ, дѣятельныхъ искателей старой Руси, видящихъ въ нашемъ прошломъ корни своего новаго искусства; въ какихъ-нибудь десять—двѣнадцать лѣтъ живые ключи стали растекаться ручейками и рѣчками, и вотъ передъ удивленными глазами читающей публики зарисовались другія дали, намѣтилось совершенно иное пониманіе художественнаго творчества XVIII и XIX вѣковъ (журналы: „Міръ Искусства“, „Художественныя сокровища Россіи“ и „Старые Годы“), а наконецъ, теперь въ недавно вышедшемъ первомъ томѣ Исторіи искусства г. Игоря Грабаря передъ нами открылся возвышенный, прекрасный міръ древняго зодчества нашего сѣвера. Хочется вѣрить, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ настойчивыхъ поисковъ былое общественное равнодушіе смѣнится прочною любовью къ подлиннымъ источникамъ русской самобытности, къ простымъ, но вели-

---

[1]) Игорь Грабарь. Исторія русскаго искусства. Исторія Архитектуры. Томъ I. До-петровская эпоха. Изданіе I. Кнебель. Москва 1910 г.

чественнымъ образцамъ народнаго творчества. „Исторія" г. Грабаря восполняетъ какъ разъ тотъ пробѣлъ, который давно чувствуется въ жизни общества; извѣстно, что въ характерѣ нашей образованности эстетическая сторона была не только что слабѣйшей, ея можно сказать не существовало вовсе. Въ то же время не имѣлось, какъ сказано, кромѣ научныхъ, этнографическихъ и археологическихъ матеріаловъ, соотвѣтствующихъ книгъ. Теперь же вниманію нашему предлагается сводная работа многихъ, лучшихъ именъ въ данной области, за дѣло взялись не одни лишь академики, но и художники и вдохновительными, понятными живому чувству, словами разсказали намъ о тѣхъ остаткахъ нашего великолѣпнаго (пока архитектурнаго) прошлаго, о которыхъ большая часть публики и не слыхала, и которые тѣмъ не менѣе составляютъ гордость страны. Обозрѣніе памятниковъ обнимаетъ весь сложный, длинный и разнообразный путь отъ византійскихъ традицій и первоначальныхъ проявленій самостоятельности до нашего времени, затрагивая всѣ почти отрасли, кромѣ музыки, архитектуру, живопись, скульптуру, декоративное и прикладное искусство. Нужно добавить, что аккуратный выходъ выпусковъ многообѣщающаго изданія вызываетъ надежды видѣть исторію, доведенную до конца, въ противоположность тѣмъ благимъ начинаніямъ, окончанія которыхъ намъ не суждено было дождаться. До нѣкоторой степени можно судить по обширному введенію, что матеріалъ обслѣдованъ вполнѣ и только редакціонная и издательская сторона дѣла ставитъ препятствія къ единовременному выходу всѣхъ томовъ.

Вотъ какъ самъ главный авторъ и руководитель всего изданія понимаетъ свою задачу: „историкъ западно-европейскаго искусства, приступая къ составленію своего труда, имѣетъ въ своемъ распоряженіи огромный матеріалъ, дающій ему твердую почву для увѣренныхъ построеній и точныхъ выводовъ. Частью это матеріалъ сырой,—тѣ документы, письма, дневники, которые съ давнихъ поръ издаются въ подавляющемъ количествѣ, а также тѣ милліоны фотографій и рисунковъ, которые сдѣланы со всѣхъ имѣющихъ значеніе памятниковъ. Частью это матеріалъ уже превосходно обработанный: всѣ тѣ изслѣдованія и монографіи, которыя посвящены извѣстнымъ живописцамъ, скульпторамъ, архитекторамъ, иногда даже одному или нѣсколькимъ ихъ произведеніямъ, а также отдѣльнымъ группамъ мастеровъ, особымъ отдѣломъ искусства и цѣлымъ эпохамъ его. Весь этотъ гигантскій по своему объему матеріалъ значительно упрощаетъ работу историка и непосредственно ведетъ его къ главной цѣли, къ созданію изъ разорванныхъ клочьевъ цѣльной картины послѣдовательнаго развитія художествъ у того или

иного народа и къ раскрытію основъ его художественнаго міропониманія.—Въ несравненно худшія условія поставленъ историкъ русскаго искусства. Правда, и въ Россіи не мало уже издано цѣнныхъ документовъ и обнародовано много памятниковъ, но когда составителю настоящаго труда пришлось взяться за сводку всего, до сихъ поръ изданнаго, то оказалось, что матеріалъ этотъ не только не исчерпываетъ всѣхъ отраслей и эпохъ русскаго искусства, но для нѣкоторыхъ изъ нихъ отсутствуетъ совершенно, а для другихъ неточенъ и часто завѣдомо невѣренъ, несмотря на то, что въ теченіе цѣлаго столѣтія никому и въ голову не приходило подвергать какому-либо сомнѣнію всѣ тѣ фантастическія свѣдѣнія, которыя съ такимъ усердіемъ измышлялись досужими любителями старины въ теченіе всего почти 19-го вѣка. Все это печатное наслѣдство, оставленное намъ благодушно-довѣрчивой эпохой, приходилось прежде всего подвергать самой тщательной и щепетильной провѣркѣ, что приводило, въ концѣ концовъ, къ новымъ архивнымъ розыскамъ. Пріемы научнаго обслѣдованія памятниковъ искусства стали примѣняться сравнительно лишь съ недавнихъ поръ, и число дѣйствительно безупречныхъ, серьезно-научныхъ книгъ въ этой области все еще ограничивается у насъ единицами и, много, десятками. При этихъ условіяхъ работа по составленію настоящей книги вышла далеко за предѣлы обычной работы историка искусства, ибо приходилось думать не столько о синтезѣ, о выводахъ изъ добытаго ранѣе матеріала, сколько о самомъ добываніи этого матеріала.

Удалось ли добыть все, что нужно? Увы,—для этого необходимы десятки лѣтъ и тысячи изслѣдователей. И сейчасъ есть еще нѣсколько досадныхъ пробѣловъ: закрывать на нихъ глаза было бы признакомъ либо глубокаго ослѣпленія, либо отсутствія мужества. Но ждать, покуда и эти послѣдніе пробѣлы будутъ заполнены и все станетъ, по крайней мѣрѣ, такъ же свѣтло и ясно, какъ въ искусствѣ хотя бы Италіи,—значитъ отказаться отъ мысли когда-либо увидѣть выпущенной въ свѣтъ „Исторію русскаго искусства“ (изъ предисловія).

Любовно, внимательно разыскивая всѣ сколько-нибудь примѣчательныя стройки, заброшенныя по сѣвернымъ лѣсамъ и топямъ, И. Грабарь приходитъ къ выводу, что Россія „по преимуществу страна зодчихъ. Чутье пропорцій, пониманіе силуэта, декоративный инстинктъ, изобрѣтательность формъ—словомъ, всѣ архитектурныя добродѣтели встрѣчаются на протяженіи русской исторіи такъ постоянно и повсемѣстно, что наводятъ на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русскаго народа. И если бы у кого-нибудь могло возникнуть сомнѣніе насчетъ возможности при-

писывать эти свойства народу, среди котораго работало такъ много иностранцевъ, то достаточно указать на русскій сѣверъ съ его деревяннымъ зодчествомъ, созданнымъ исключительно русскими мастерами. Самобытность его формъ не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній" (стр. 4).

Художественныя впечатлѣнія изслѣдователя, его яркіе субъективные вкусы весьма убѣдительно, по нашему мнѣнію, подкрѣпляются точными описаніями, подходящими сравненіями, а еще болѣе того обильными и удачными снимками. Фотографіи сдѣланы съ рѣдкимъ умѣніемъ дать полное и наилучшее представленіе о памятникѣ. Почему одинъ только бѣглый проспектъ выпусковъ этого изданія не можетъ не принести пользы читателю мало свѣдущему, не привыкшему еще къ серьезному изученію въ данной области. „Одновременно съ каменнымъ зодчествомъ", говоритъ г. Грабарь, „процвѣтало и деревянное, особенно въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ Новгорода, главнымъ образомъ, въ сѣверныхъ лѣсныхъ областяхъ. И до сихъ поръ дерево тамъ единственный строительный матеріалъ, и поэтому на русскомъ сѣверѣ можно составить себѣ несравненно болѣе близкое представленіе о внѣшнемъ обликѣ деревянной Руси былыхъ временъ, нежели въ центральныхъ губерніяхъ, въ которыхъ дерево давно уже вытѣснено камнемъ. Человѣкъ, бывшій на сѣверѣ, ѣздившій по Сѣверной Двинѣ, Онегѣ, Мезени или по Олонецкимъ озерамъ, на всю жизнь сохраняетъ воспоминаніе объ этихъ сказочно-прекрасныхъ церковкахъ-грезахъ, поднимающихся то тутъ, то тамъ среди густого еловаго лѣса, такихъ же остроконечныхъ, какъ ели, такихъ же, какъ онѣ, сѣдыхъ. Поразительно умѣнье, съ которымъ эти строители - поэты выбирали мѣста для храмовъ: нѣтъ возможности придумать композиціи лучше той, при помощи которой они связывали встающіе изъ-за лѣса шатры или вырастающія изъ-за береговой кручи главки церквей со всѣмъ окружающимъ пейзажемъ, съ изгибомъ рѣки, съ изломомъ холмовъ, съ гладью луговъ и со щетиной лѣсовъ. Необыкновенно сильное впечатлѣніе оставляютъ цѣлыя группы такихъ церквей на великихъ сѣверныхъ рѣкахъ; издали ихъ можно принять за укрѣпленные городки со множествомъ башенъ и главъ. Особенно хороша группа церквей Юромскаго погоста на Мезени, прямо захватывающихъ безпощадною суровостью своихъ простыхъ контуровъ. Много такихъ церквей уже рухнуло, много сгорѣло, еще больше искалѣчено невѣжественными „благодѣтелями", а иныя уже сто лѣтъ и больше какъ заброшены, потому что принадлежали сторонникамъ „старой вѣры". Вокругъ нихъ выросли съ тѣхъ поръ цѣлые лѣса, и видъ этихъ безмолвныхъ и покорныхъ свидѣтельницъ насилія и гоненій

былыхъ, лихихъ временъ производитъ неотразимо грустное впечатлѣніе. Особенно много ихъ въ Олонецкой губерніи, гдѣ при Екатеринѣ II были закрыты десятки старообрядческихъ скитовъ и между ними знаменитый Даниловъ. „Благодѣтели", мѣстные уроженцы, разжившіеся въ столицахъ подрядчики, возвращаясь отъ поры до времени къ себѣ на родину, перестраиваютъ эти древнія архитектурныя сказки на столичный ладъ, со всѣми пошлыми пріемами современнаго подгороднаго и дачнаго русскаго стиля. Мѣстное духовенство въ большинствѣ въ восторгѣ отъ такого „благолѣпнаго вида", и красота прошлаго постепенно идетъ на убыль и замѣтно угасаетъ" (стр. 11—12).

Особенности деревяннаго церковнаго зодчества на русскомъ сѣверѣ историкъ-художникъ выясняетъ слѣдующимъ образомъ: „на русскомъ сѣверѣ сохранилось еще по счастью такое множество старинныхъ деревянныхъ церквей, что по нимъ мы можемъ возсоздать всѣ пріемы, бывшіе въ ходу въ деревянномъ храмоздательствѣ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Правда, наиболѣе древнія изъ нихъ не заходятъ далѣе начала 16-го вѣка, а въ безусловно сохранившемся, первоначальномъ видѣ дошла до насъ только одна церковь этого столѣтія и то самаго конца его, но формы древнѣйшихъ памятниковъ деревяннаго зодчества отличаются такимъ поразительнымъ совершенствомъ, такой ясностью, простотой и логичностью конструкцій, что нужны были вѣка для того, чтобы народное творчество ихъ выработало. Послѣднія церкви, выдержанныя еще въ древнихъ формахъ, были срублены въ концѣ 18-го вѣка. Съ этого времени зодчій-историкъ уступаетъ свое мѣсто городскому архитектору, и народъ уже не самъ и не по своему вкусу создаетъ себѣ храмы, а получаетъ ихъ изъ города.—Подраздѣляясь на разнообразные, ярко выраженные типы, храмы того трехвѣкового періода, который болѣе или менѣе доступенъ нашему обслѣдованію,—въ общихъ чертахъ совершенно одинаковы по своей конструкціи. Сравнивая храмы и избы, возникшія одновременно, нельзя не видѣть общность ихъ пріемовъ, доходящую въ деталяхъ, особенно въ украшеніяхъ, до полной тождественности. Одной изъ главныхъ особенностей народнаго творчества является его несокрушимая вѣрность преданіямъ, тяготѣніе къ своимъ формамъ выраженія, созидавшимся вѣками. Всякія новшества, вливающіяся въ сферу народнаго творчества, тотчасъ же претворяются, подчиняясь этимъ вѣковѣчнымъ, основаннымъ на устойчивости народнаго быта, формамъ. Оттѣнки народнаго стиля суть претворенныя новшества. Значеніе ихъ, главнымъ образомъ, чисто декоративное. Принимая во вниманіе чрезвычайную медленность движенія впередъ, обычную для народнаго искусства, а также вѣковыя традиціи

деревяннаго строительства, едва-ли ошибочнымъ будетъ предположеніе что еще задолго до 16-го вѣка существовали близкіе по конструктивнымъ и художественнымъ формамъ предшественники уцѣлѣвшихъ до насъ храмовъ. Эти предшественники несомнѣнно сыграли значительную роль въ сформированіи каменной архитектуры 16-го вѣка, яркими представителями которой являются храмы Вознесеніе въ селѣ Коломенскомъ подъ Москвой и московскій Василій Блаженный. Нельзя допустить и мысли объ обратномъ вліяніи этихъ храмовъ на деревянное церковное зодчество, ибо мы имѣемъ данныя, говорящія совершенно опредѣленно о существованіи шатровыхъ церквей задолго до Василія Блаженнаго и до Коломенской [1]).—При изученіи конструктивныхъ особенностей деревяннаго зодчества не перестаешь изумляться ихъ необычайной простотѣ и раціональности.

„Всѣ жилыя и нежилыя деревянныя сооруженія русскаго сѣвера возводились изъ плохо просушеннаго лѣса, преимущественно хвойнаго. Опытъ научилъ, что изъ такого лѣса можно возводить строенія рядами или „вѣнцами“ изъ бревенъ, положенныхъ горизонтально. При ссыханіи они не даютъ щелей, надавливая другъ на друга, чего не бываетъ при вертикально поставленныхъ бревнахъ. Соединеніе вѣнцовъ производилось при помощи вырубки въ концахъ ихъ соотвѣтствующихъ бревну полукруглыхъ углубленій, при чемъ неизбѣжно приходилось оставлять выпущенные „концы“. Такое соединеніе называлось „въ обло“, т. е. по округлому. Это соединеніе самое примитивное, допускающее работу наиболѣе простымъ инструментомъ—топоромъ. Другой способъ соединенія уже не по округлому, а „въ зубъ“ или „въ лапу“, по-старинному „въ шапъ“, при чемъ выпускныхъ концовъ нѣтъ, а самые концы бревенъ каждаго вѣнца должны быть такъ вырублены, чтобы схватиться другъ съ другомъ какъ бы зубами или лапами.

Такой способъ соединенія экономнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько сложнѣе, такъ какъ требуетъ аккуратности въ сцѣпленіи зубьевъ. Употребленіе этого способа вызывалось или неизбѣжной необходимостью, или роскошью. Наружныя бревна оставались круглыми, необтесанными, тогда какъ внутреннія стѣны обтесывались и „выскабливались въ ласъ“, при чемъ въ углахъ часто закруглялись. Ряды такъ или иначе соединенныхъ вѣнцовъ назывались „сто-

---

[1]) Въ Устюгѣ послѣ пожара 1490 г. заложили церковь „круглу по старинѣ“ о 20 стѣнахъ, Карамзинъ, т. VI, прим. 629. Эта круглая церковь о 20 стѣнахъ несомнѣнно была восьмигранной формы съ четырьмя прирубами по сторонамъ. Наконецъ, существующій въ деревянномъ зодчествѣ терминъ „на каменное дѣло“ вовсе не подразумѣваетъ шатровыхъ каменныхъ церквей, а напротивъ, пятиглавыя.

пами“ или „срубами“. Вполнѣ оборудованныя помѣщенія съ косяками для дверей и оконъ, съ поломъ и потолкомъ—назывались „клѣтями“. Суровость климата, при обиліи атмосферическихъ осадковъ, вызывала необходимость устраивать жилье во второмъ этажѣ, верхнемъ или „горнемъ“, откуда и названіе „горницы“. Нижній этажъ получилъ названіе „подклѣти“.—То же свойство климата вызвало высокій подъемъ кровель отъ 110 до 30⁰ въ углахъ верхняго соединенія „князька“, или по-древнему, „кнѣса“ и „кнѣська“ [1]). Къ первымъ относится обыкновенное покрытіе сѣверной избы на два ската, а къ послѣднимъ покрытіе шатровое. Середину между ними въ 40—45⁰ занимаетъ, особое покрытіе на два ската, такъ называемое, „клинчатое“, т. е. въ формѣ клина, принадлежащее главнымъ образомъ храмамъ. Все покрытіе производилось деревомъ, при чемъ двускатныя постройки крылись тесомъ, а шатры и дуговыя формы „кожушились“, т. е. покрывались въ чешую, „лемехомъ“. Конструкція и нынѣшней сѣверной кровли избы отличается необыкновенной прочностью. На срубъ ставятся прежде всего стропильныя ноги или „быки“, крѣпко связанные горизонтальными обрѣшетинами или „лотоками“ и соединенные вверху подконьковой жердью, такъ называемой, „князевой слегой“. Внизу быки врубаются въ бревна верхняго вѣнца сруба, зовущіяся „подкуретниками“. Кровельный тесъ зажатъ въ нижнихъ концахъ жолобомъ,—„застрѣхой“ или „водотечникомъ“, держащимся на загнутыхъ концахъ быковъ, на ихъ „курицахъ“, а въ верхнемъ концѣ, на князькѣ, онъ зажатъ тяжелымъ бревномъ, „охлуцнемъ“. Лотоки покоятся на сучкахъ, оставленныхъ на быкахъ. Такая кровля легко выдерживаетъ натиски жестокихъ сѣверныхъ вѣтровъ. Надо замѣтить, что всѣ ея части соединяются между собой „врубкой“, и только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ пускаются въ ходъ деревянные костыли, о желѣзныхъ же гвоздяхъ до недавняго времени не было и помина. Но удивительнѣе всего—отсутствіе въ числѣ плотничьихъ инструментовъ—пилы, столь, кажется, необходимой нынѣшнему плотнику. На сѣверѣ есть старожилы, которые помнятъ, какъ лѣтъ 50—60 тому назадъ у нихъ впервые только появился этотъ инструментъ. Отсутствіе пилы въ древнемъ строительномъ искусствѣ можно прослѣдить повсюду. Выходящіе концы вѣнцовъ не опилены, а обрублены, но обрублены такъ мастерски, что на первый взглядъ они кажутся опиленными. Между тѣмъ поперечная рубка,

[1]) Верхнее ребро двускатной крыши доселѣ зовется въ народѣ „князькомъ“, а также „конькомъ“, что указываетъ на близость и, вѣроятно, тождество въ глубокой древности обоихъ корней; конь—конязь—князь—Konung—König.

т. е. перпендикулярная слою дерева—самая трудная. Всѣ брусья и доски галлерей и крылецъ обтесаны однимъ лишь топоромъ. Всѣ косяки оконъ и двери, всѣ доски потолка, пола и крышъ обтесаны также однимъ топоромъ. Диву даешься, глядя на эту огромную и упорную работу. Сколько нужно было умѣнья и навыка, чтобы „справлять“ все дѣло однимъ топоромъ. Рубили лѣсъ и дрова, рубили храмы и избы, рубили въ прямомъ смыслѣ слова.

Приготовить изъ срубленнаго бревна простую доску составляло уже не малый трудъ, ибо, не имѣя пилы, нужно было посредствомъ клиньевъ расщепать бревно на слои и затѣмъ обтесывать каждый слой со всѣхъ сторонъ. Слово „тесъ“ нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ, да и слово „доска“ происходитъ отъ одного корня: дска, тска, цка. Послѣднее слово можно слышать мѣстами и до сихъ поръ. Трудность приготовленія досокъ заставляла древняго строителя очень бережно относиться къ декоративнымъ украшеніямъ, состоявшимъ изъ пришивныхъ висячихъ досокъ, прорѣзанныхъ узоромъ, или такъ называемыхъ „причелинъ“. Въ большинствѣ случаевъ обходились безъ нихъ, вырубая декоративныя украшенія прямо на конструктивныхъ частяхъ, напримѣръ, на косякахъ дверей и оконъ, на столбахъ или „вереяхъ“ воротъ, да на самыхъ ихъ полотнахъ, а также на столбахъ крылецъ. Если же гдѣ-либо необходимость заставляла вводить причелину, напримѣръ, на свѣсахъ кровель—прямыхъ, шатровыхъ, бочечныхъ, гдѣ надо было прикрыть концы „лотоковъ“ или же вѣнцовъ,—то причелинамъ не давали игриваго рисунка, полагая, вѣроятно, въ простотѣ души, что чисто выструганная доска причелины уже сама по себѣ, по труду, на вытеску ея положенному, представляетъ достаточное украшеніе. Отсюда такая простота и раціональность украшеній. Строго воспитывалось жизнью и художественное чутье, устремленное главнымъ образомъ не на декоративную сторону, а на выработку формъ и общихъ пропорцій массъ. Кому приходилось подолгу живать на сѣверѣ, тотъ знаетъ, какъ нелегка тамъ жизнь. Когда послѣ долгой и жестокой зимы приходитъ лѣто, и безъ того короткое, но еще больше сокращаемое необычайно затяжнымъ вешнимъ половодьемъ, то необходимо напрягать всѣ силы, чтобы справиться съ работами до новой стужи. И слово „страда“, которымъ народъ окрестилъ пору лѣтнихъ работъ, нигдѣ не пріобрѣтаетъ такого буквальнаго смысла, какъ именно на сѣверѣ, гдѣ короткое лѣто—дѣйствительно „страдная пора“. Эта суровая школа жизни отразилась на искусствѣ и привела къ созданію произведеній, прямо поражающихъ своей классической простотой и захватывающихъ выразительностью и правдой. Иныя изъ сѣверныхъ церквей настолько срослись съ окружающей

нхъ природой, что составляютъ съ нею одно неразрывное цѣлое. И кажется, будто эти произведенія—сама природа, такъ они безыскусственны и неотразимы. Сооруженіе храма въ древности было дѣломъ не простымъ, а исключительной важности. Кромѣ заботы о прочности и вмѣстимости сооруженія, требовалось еще и сохраненіе всѣхъ основныхъ частей его, присутствіе которыхъ отличало бы храмъ отъ жилого дома. Требовалось устройство центральнаго, увѣнчаннаго крестомъ помѣщенія, къ которому съ востока и запада примыкали бы невысокія клѣти для алтаря и притвора. Такой простѣйшій типъ храма видоизмѣнялся бы въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и нуждъ, а также благодаря соревнованію въ „преукрашенности“, не выходившей, однако, изъ тѣснаго круга декоративно-служебныхъ формъ народнаго искусства, выроставшаго медленно и постепенно—вѣками. Идеаломъ „преукрашенности“ и выраженія величія является многоглавіе и значительная высота храмовъ, достигавшихъ, даже съ современной точки зрѣнія, размѣровъ по истинѣ колоссальныхъ. Послѣднее обстоятельство заставляетъ особенно высоко цѣнить искусство древнихъ строителей, умѣвшихъ такъ легко справляться съ конструированьемъ огромныхъ массъ, и слѣдившихъ въ то же время неустанно за красотою формъ. Прямо поразительно то великолѣпное пониманіе раккурсовъ, которымъ они обладали, и тонкое чутье пропорцій, вылившееся въ этихъ формахъ. Такъ росло и развивалось деревянное церковное строительство, оставаясь все время въ предѣлахъ народнаго творчества и сохраняя въ себѣ церковные завѣты отдаленныхъ временъ“ (стр. 338—343).

Если деревянное строительство сѣвера во многочисленныхъ изображеніяхъ представляется намъ какъ почти вновь открытая, прекрасная область народнаго творчества, то значительно болѣе изслѣдованное каменное зодчество Новгорода, Пскова, Владиміро-Суздальской земли, въ поэтическомъ и вдумчивомъ описаніи г. Грабаря оставляетъ не менѣе глубокое эстетическое впечатлѣніе.

„Вмѣстѣ съ христіанствомъ Россія получила изъ Византіи и своихъ первыхъ зодчихъ. Что на Руси и до этого умѣли строить, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Князья и знатные люди уже строили себѣ, вѣроятно, затѣйливыя хоромы, но зодчество, какъ искусство, какъ науку, какъ стройную логическую систему они узнали впервые только благодаря прибывшимъ изъ Царьграда мастерамъ. Первоначально въ Руси Кіевской храмы созидались этими мастерами совершенно такъ же, какъ и въ самой Византіи.

Однако, и въ этой, по своему географическому положенію наиболѣе близкой къ Византіи области, уже вскорѣ появляются нѣко-

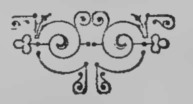
торыя уклоненія отъ чистыхъ византійскихъ образцовъ. Эти уклоненія въ далекой Новгородско-Псковской области выливаются въ формы до такой степени яркія и неожиданныя, что уже въ самыхъ раннихъ памятникахъ чувствуются тѣ мѣстныя особенности, тѣ туземные вкусы и идеалы, которые позже привели къ блестящему искусству Новгорода и Пскова. Въ торжественной глади церковныхъ стѣнъ, въ простыхъ величественныхъ формахъ этихъ храмовъ, въ могучихъ линіяхъ главъ—вылилось гордое сознаніе власти и силы: такіе именно храмы подобаютъ вольному городу, Господину Великому Новгороду. Никакой суетливости и мелочности, нѣтъ нигдѣ мелкихъ формъ и ненужной, назойливой орнаментаціи. Зодчій скупъ здѣсь на узоръ и старается достигать впечатлѣнія только строгой логичностью формъ, никогда не теряющихъ своего конструктивнаго смысла и не вырождающихся, какъ позже въ Москвѣ, въ чисто декоративные придатки и наросты. Если онъ прибѣгаетъ къ узору, то послѣднему отводитъ, очень скромное мѣсто, видя въ немъ лишь средство оживлять стѣну, а не цѣль строительства. Оттого и храмы Новгорода, при всемъ своемъ величіи, совершенно лишены всякой напыщенности и напускной важности и такъ плѣняютъ своей славной скромностью. Наиболѣе значительны изъ нихъ Святая Софія и соборъ Юрьева монастыря. Послѣдній важенъ для древнѣйшей эпохи русскаго искусства еще и потому, что лѣтопись сохранила намъ имя его зодчаго, новгородскаго мастера Петра, этимъ величественнымъ созданіемъ доказавшаго, что Русь уже въ началѣ 12-го вѣка умѣла обходиться безъ помощи византійцевъ. На-ряду съ этими большими храмами постепенно выработался типъ небольшихъ церквей, какъ городскихъ, такъ и пригородныхъ и сельскихъ, отличающихся, въ противоположность холодной Софіи и суровому Юрьеву монастырю, скорѣе нѣкоторой теплотой и уютностью. Эти качества появились благодаря тому, что къ каменному зодчеству постепенно стали примѣняться пріемы зодчества деревяннаго. Возникаетъ особый видъ церкви, покрытой по примѣру деревянныхъ избъ крутыми скатами, которыхъ обыкновенно восемь, такъ какъ вся кровля состоитъ изъ двухъ двускатныхъ крышъ, поставленныхъ перпендикулярно одна къ другой и взаимно пересѣкающихся. Таковы церкви, Ѳеодора Стратилата и Петра и Павла въ Новгородѣ. Еще дальше новгородцевъ въ сторону интимной и уютной архитектуры пошли псковичи, выработавшіе типъ прелестныхъ небольшихъ церковокъ со звонницами. Иногда и въ звонницахъ они достигаютъ впечатлѣнія суроваго величія и исполинской мощи, какъ, напр., въ Пароменской, но чаще всего это очаровательныя небольшія сооруженія, созданія немудренаго ума, но поистинѣ теплаго чувства, проникнутыя тонкой

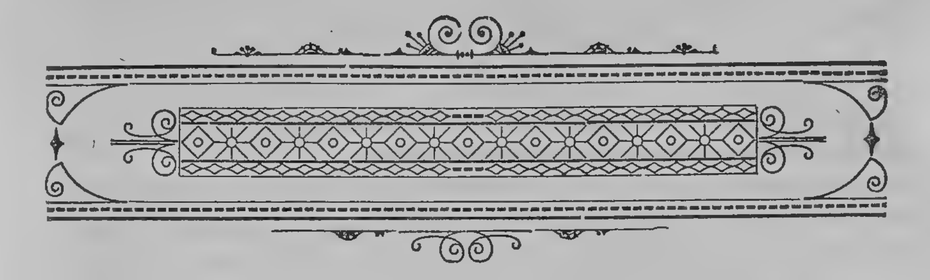
поэзіей и чутьемъ прекраснаго. Такова звонница у крѣпостной стѣны въ Изборскѣ, одиноко стоящая среди чудеснаго пейзажа и играющая на фонѣ бархатной зелени деревьевъ своими скромными и стройными формами. Но особенно хороши старинные частные дома Пскова. Ихъ сохранилось очень немного, а въ безусловно неиспорченномъ видѣ нѣтъ уже ни одного, и все же и они свидѣтельствуютъ о такомъ расцвѣтѣ въ древнемъ Псковѣ гражданской архитектуры и о такой ея самобытности, что даже эти обрывки псковской старины должны быть причислены къ самымъ драгоцѣннымъ памятникамъ русскаго искусства. Москва, покончившая нѣкогда съ вольницей Новгорода и Пскова, стерла вмѣстѣ съ нею и все ихъ искусство, сразу остановившееся для того, чтобы уже никогда не возродиться вновь.—Одна особенность придаетъ зодчеству новгородцевъ и псковичей совсѣмъ исключительное очарованіе: ихъ зданія не вычерчены по линейкамъ и угольникамъ, а какъ бы рисованы отъ руки. Какъ въ общемъ контурѣ ихъ, такъ и въ каждой линіи, въ закругленіи свода, въ изгибѣ купола, въ обработкѣ оконнаго наличника,—вездѣ чувствуется свободный, ничѣмъ, кромѣ вдохновенія, не связанный рисунокъ, благодаря которому въ цѣломъ сооруженіи нѣтъ ни одного засушеннаго мѣста, а все живетъ и радуетъ глазъ.—Тѣ самыя византійскія начала, изъ которыхъ выросло зодчество Новгородской Руси, совершенно инымъ образомъ въ эту же эпоху перерабатывались въ Руси Владиміро-Суздальской! Постепенно видоизмѣняясь, частью подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, но, главнымъ образомъ, благодаря привезеннымъ съ запада нововведеніямъ романской архитектуры, эти начала привели къ искусству, не менѣе самобытному, нежели новгородско-псковское. Одинъ за другимъ выросли храмы Переяславля Залѣсскаго, Владиміра, Юрьева Польскаго, а за ними и храмы Московскаго кремля. Первыя сооруженія были нѣсколько грузны въ пропорціяхъ, но и они производятъ внушительное впечатлѣніе своими массивными, вросшими въ землю стѣнами. Таковъ соборъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Позже появилось нѣсколько церквей, выдержанныхъ въ такихъ стройныхъ и изысканныхъ пропорціяхъ, что ихъ можно смѣло поставить наряду съ лучшими созданіями той же эпохи на западѣ. Наиболѣе изящная изъ нихъ, церковь Покрова на Нерли близъ Владиміра, является не только самымъ совершеннымъ храмомъ, созданнымъ на Руси, но и однимъ изъ величайшихъ памятниковъ мірового искусства. Какъ всѣ великіе памятники, Покровъ на Нерли непередаваемъ ни въ какихъ воспроизведеніяхъ на бумагѣ, и только тотъ, кто видѣлъ его въ дѣйствительности, кто ходилъ въ тѣни окружающихъ его деревьевъ, испытывалъ обаяніе всего его неописуемо-

стройнаго силуэта и наслаждался совершенствомъ его деталей—только тотъ въ состояніи оцѣнить это подлинное чудо русскаго искусства“ (стр. 6—10).

Большая часть приведеннаго нами взята ихъ общаго обзора, но мы воспользовались имъ съ тою цѣлью, чтобы показать, какъ живо и интересно поставлено авторомъ изученіе народной архитектуры. Какъ разъ важно появленіе подобнаго изданія въ годы замѣтнаго оживленія этой, казалось, угасавшей у насъ отрасли искусства. Блѣдный, мертвящій „тоновскій“ русскій стиль, безвкусный стиль „рѣзныхъ пѣтушковъ и полотенецъ“ при болѣе тщательныхъ поискахъ долженъ былъ наконецъ смѣниться если еще не истиннымъ возрожденіемъ древняго русскаго зодчества, то, по крайней мѣрѣ, приближеніемъ къ нему. Потому что первобытное народное творчество не можетъ быть ни бездушнымъ, ни вычурнымъ. Оно или нѣжно, или величественно.

В. Я.

Наполеонъ на островѣ св. Елены [1]).

Въ исходѣ 1816 года, послѣ того, какъ нѣкоторыя, близкія къ Наполеону лица, съ которыми онъ любилъ бесѣдовать и проводить время, уѣхали въ Европу, его самочувствіе рѣзко измѣнилось, онъ упалъ духомъ, сталъ хандрить и недомогать. Желая чѣмъ-нибудь выразить свой протестъ противъ стѣсненій и ограниченій, коимъ губернаторъ подвергалъ не только его, но и всѣхъ французовъ, Императоръ замкнулся въ четырехъ стѣнахъ, пересталъ гулять и ѣздить верхомъ.

Когда врачъ убѣждалъ его дѣлать движеніе, доказывая, что при его темпераментѣ это необходимо,—„вы правы, отвѣчалъ Наполеонъ, сколько я себя помню, движеніе всегда было для меня необходимо; я каждый день работаю головою, читаю, пишу, размышляю; я бы и гулялъ на этомъ островѣ, если бы я не находился въ рукахъ убійцы, но при теперешней системѣ это невозможно", и онъ категорически отказывался выходить, пока стѣснительныя правила не будутъ отмѣнены.

Послѣдствія перемѣны, происшедшей въ образѣ жизни Наполеона, сказались очень скоро: у него появились головныя боли, стали пухнуть ноги, онъ сдѣлался чувствителенъ къ малѣйшей перемѣнѣ температуры: малѣйшій холодъ или вѣтеръ вызывали у

---

[1]) См. „Рус. Старину", апрѣль 1912 г.
O'Meara. Napoléon en exil ou l'écho de S-te Hélène. Bruxelles, 1824.
Frédéric Masson. Autour de Sainte Hélène. Paris 1909.
Изъ бумагъ графа де Бальмена. „Русскій Архивъ" 1868—1869 г.

него ревматическія боли; появилась безсонница; онъ вставалъ ночью и по долгу расхаживалъ взадъ и впередъ по билліардному залу, предаваясь горестнымъ размышленіямъ.

— Отчего же онъ не выходитъ? Отчего онъ не ѣздитъ верхомъ?— спрашивалъ у приближенныхъ къ Наполеону генерала Гурго и Монтолона русскій комиссаръ, узнавъ о болѣзненномъ состояніи Императора.

— Всякій разъ когда мы, или Бертранъ, или другіе станутъ ему говорить объ этомъ, отвѣчалъ Гурго, онъ возражаетъ съ гнѣвомъ: „Оставьте меня въ покоѣ, меня хотятъ уморить, пускай морятъ! лишь бы все кончилось!“

На предложеніе пригласить для консультаціи другого врача, онъ отвѣчалъ: „это безполезно, хотя бы сюда съѣхались всѣ врачи Франціи и Англіи, они сказали бы то же самое; они предписали бы мнѣ ѣздить верхомъ; я знаю не хуже любого врача, что мнѣ необходимо движеніе“.

Когда врачъ угрожалъ ему печальнымъ исходомъ, Наполеонъ отвѣчалъ: „по крайней мѣрѣ у меня будетъ утѣшеніе, что моя смерть покроетъ позоромъ англійскій народъ, который послалъ меня въ этотъ климатъ, чтобы я умеръ тутъ отъ руки этого палача“.

Единственно, въ чемъ больной находилъ удовольствіе и облегченіе, были горячія ванны, въ цѣлебное дѣйствіе которыхъ онъ вѣрилъ. Но и въ этомъ ему приходилось терпѣть лишенія: въ Лонгвудѣ часто бывалъ недостатокъ воды, и больному приходилось оставаться безъ ванны. На жалобы доктора О'Меара Гудсонъ Лоу ограничивался насмѣшливымъ замѣчаніемъ, что „онъ не зналъ, что генералу Бонапарту необходимо вариться по нѣсколько часовъ въ горячей водѣ въ то время, какъ остальные не имѣютъ воды для приготовленія пищи“.

Неизвѣстно, какимъ путемъ Наполеонъ узналъ, что губернаторы и комиссары союзныхъ державъ получаютъ оффиціальные бюллетени о его здоровьѣ, и положительно запретилъ доктору О'Меара посылать ихъ, прибавивъ, что иначе отошлетъ его, если онъ впредь пошлетъ какой бы то ни было бюллетень, не представивъ ему для просмотра и провѣрки оригиналъ; а затѣмъ оригиналъ долженъ оставаться въ Лонгвудѣ. Бонапартъ въ то же время сдѣлалъ выговоръ доктору за то, что въ своихъ бюллетеняхъ онъ называлъ его генераломъ, говоря, что „это поношеніе, и очень на него разсердился“.

„Какое имѣли вы представленіе обо мнѣ до того, что стали моимъ врачемъ? спросилъ однажды Наполеонъ доктора О'Меара. Что вы думали о моемъ характерѣ и на что считали меня способнымъ? Скажите откровенно, какого вы были обо мнѣ мнѣнія?“

— Я считалъ васъ человѣкомъ талантливымъ, высоко одареннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне честолюбивымъ. Хотя я не вѣрилъ и десятой долѣ того, что говорятъ о васъ въ пасквиляхъ, которые мнѣ довелось читать, однако я считалъ васъ способнымъ совершить преступленіе, если бы этого потребовали ваши интересы.

„Я такъ и ожидалъ, что вы это скажете, возразилъ Наполеонъ, то же думаетъ вѣроятно большинство французовъ; я достигъ слишкомъ большой славы, слишкомъ большого могущества, чтобы не возбудить людской зависти. Про меня говорятъ: онъ достигъ славы, но онъ достигъ ее путемъ преступленія. Суть въ томъ, что я не только не совершилъ преступленія, но я былъ всегда фаталистъ и презиралъ людей, слѣдовательно, мнѣ не было надобности идти на преступленіе. Я не былъ бы здѣсь, если бы я не гнушался преступленій. Какъ вы думаете, остался ли бы во Франціи хотя бы одинъ Бурбонъ, если бы я далъ согласіе покончить съ нимъ?“

„Союзники внесли Бурбоновъ на своихъ плечахъ во Францію“, сказалъ однажды Наполеонъ, разговаривая о томъ, о другомъ съ адмираломъ Малькольмомъ, который иногда навѣщалъ его; „но они тамъ не удержатся, я одинъ умѣлъ управлять французами и возвращать ихъ къ порядку“.

— Вы водили ихъ къ побѣдамъ, отвѣчалъ адмиралъ, но не на томъ основано благоденствіе государства, особенно въ настоящее время.

„Всему есть конецъ, возразилъ Наполеонъ, улыбаясь. Я не хотѣлъ бы болѣе воевать. Если бы я сталъ опять царствовать, я бы не тронулся съ мѣста“.

„Я не боюсь за свою славу; когда правда станетъ извѣстна, когда будетъ взвѣшено сдѣланное мною добро и сдѣланныя мною ошибки, потомство отдастъ мнѣ должное. Если бы всѣ мои планы увѣнчались успѣхомъ, я сошелъ бы въ могилу со славою великаго человѣка. Моя жизненная карьера единственная въ своемъ родѣ, такъ какъ она не основана на преступленіи. Я участвовалъ въ пятидесяти сраженіяхъ, и почти всѣ они выиграны мною, я издалъ кодексъ законовъ, съ которыми мое имя перейдетъ къ отдаленнѣйшему потомству. Выйдя изъ ничтожества, я сталъ, благодаря своимъ собственнымъ силамъ, самымъ могущественнымъ монархомъ въ мірѣ. Европа была у моихъ ногъ. Честолюбіе у меня было огромное, это вѣрно; но оно оправдывалось событіями и любовью ко мнѣ народа. При мнѣ, императорское правительство походило на республиканское; призванный стать во главѣ народа, я всегда держался правила давать ходъ талантамъ, не обращая вниманія на происхожденіе“.

„Я думаю, сказалъ однажды Наполеонъ, что, по возвращеніи въ Англію, вы напишете обо мнѣ книгу. Вы въ правѣ будете сказать, что я много говорилъ вамъ о себѣ, что вы подолгу бесѣдовали со мной. Вамъ повѣрятъ. Ни одинъ изъ французскихъ врачей не былъ такъ близокъ ко мнѣ, какъ вы. Я видѣлъ ихъ обыкновенно только нѣсколько минутъ. Люди любопытны, ихъ интересуютъ малѣйшія подробности изъ жизни того, кто игралъ видную роль; они хотятъ знать, что человѣкъ ѣстъ, что онъ пьетъ, когда встаетъ; какія у него привычки; эти мелочи интересуютъ людей гораздо болѣе, нежели свойства и характеръ человѣка. *Что касается меня, я хочу одного—чтобы обо мнѣ сказали правду*".

Наполеонъ такъ привыкъ къ пасквилямъ, что онъ мало интересовался клеветою, которую о немъ распространяли въ печати.

„Въ Англіи едва-ли повѣрятъ, говорилъ онъ, что эти пасквили не только не возбуждаютъ во мнѣ гнѣва, но что я не могу ихъ читать безъ смѣха. Они принесли мнѣ во Франціи больше пользы, нежели вреда. Они возстановили народъ противъ этихъ писакъ и противъ Бурбоновъ, которые имъ платили. Ни одно изъ этихъ сочиненій не заслуживаетъ возраженія, они такъ нелѣпы и полны столь грубой лжи, что на каждой страницѣ можно написать: ложь! ложь! иного отвѣта они не заслуживаютъ".

Наполеонъ часто читалъ Новый Завѣтъ и на замѣчанія доктора, что многіе не повѣрятъ этому, считая его невѣрующимъ, онъ отвѣчалъ, смѣясь:

„А между тѣмъ это неправда, я вовсе не атеистъ. Въ человѣкѣ есть стремленіе къ чудесному, и гораздо лучше, чтобы этой потребности удовлетворяла религія, нежели фокусы дѣвицы Ленорманъ".

Помимо своей біографіи Наполеонъ занимался составленіемъ замѣтокъ на сочиненія Фридриха Великаго—своего любимаго героя—и говорилъ, что когда рукопись будетъ окончена, то изъ нея выйдетъ отъ пяти до шести томовъ или 8-и, и что замѣтки эти будутъ военнаго характера.

„Я видѣлъ нѣсколько страницъ этой рукописи, говоритъ О' Меара: она была написана гораздо болѣе четко, нежели онъ писалъ обыкновенно. Наполеонъ говорилъ мнѣ, что раньше онъ имѣлъ обыкновеніе выписывать только полъ или три четверти слова, но его секретари такъ привыкли къ этому способу писанья, что они читали писанное имъ почти такъ же свободно, какъ если бы все было написано цѣликомъ, но посторонніе ничего не могли разобрать".

„Англичане утверждаютъ, что я лучше знаю итальянскій языкъ, нежели французскій, говорилъ Наполеонъ, это неправда. Я говорю по-италіански бѣгло, но неправильно, non parlo toscana; я не могъ

бы написать книгу по-италіански и „не предпочитаю италіанскій языкъ французскому“.

„Если бы я жилъ теперь въ Англіи, я бы мало кого принималъ и никогда не бесѣдовалъ бы на политическія темы. Здѣсь я говорю о политикѣ именно потому, что я тутъ и что ко мнѣ относятся дурно. Жить спокойно, бесѣдовать иногда съ учеными, читать и закончить мою исторію, наконецъ воспитывать сына—вотъ что было бы моимъ повседневнымъ занятіемъ. Здѣсь отсутствіе книгъ очень затрудняетъ мою работу, и я не могу закончить начатое такъ скоро, какъ бы я хотѣлъ“.

„Знаете, что доставило бы мнѣ наибольшее удовольствіе теперь?“ спросилъ онъ однажды.

— Я хотѣлъ сказать: „уѣхать съ острова“, пишетъ О'Меара, но онъ перебилъ меня: „погулять инкогнито по Лондону и въ другихъ городахъ Англіи, пойти съ кѣмъ-нибудь изъ друзей въ ресторанъ, пообѣдать за полгинея или за гиней, послушать, что говорятъ, потолкаться въ толпѣ и услышать свободное мнѣніе людей, услышать, что говорятъ англичане обо мнѣ и о событіяхъ, совершившихся за послѣднія двадцать лѣтъ“.

На замѣчаніе доктора, что онъ услышалъ бы конечно много хорошаго и дурного: „ахъ, что касается дурного, я не обращаю на это вниманія, сказалъ Наполеонъ, я къ этому, слава Богу, привыкъ; къ тому же я увѣренъ, что мнѣніе общества измѣнится; подобное развлеченіе и воспитаніе сына были бы отрадою моей жизни. Лучшимъ временемъ былъ для меня періодъ отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ. Въ то время я также посѣщалъ ресторанчики; я жилъ скудно; помѣщеніе стоило мнѣ около трехъ луидоровъ въ мѣсяцъ. Это были самые счастливые дни моей жизни. Достигнувъ власти, я не испыталъ счастья: у меня было такое множество занятій, что не оставалось времени для досуга, въ которомъ только и есть истинное счастье“.

Можно думать однако, что спокойная частная жизнь не удовлетворила бы уже Наполеона, да онъ и самъ высказывалъ это не разъ.

„Не могу больше жить частнымъ человѣкомъ, говаривалъ онъ, лучше быть узникомъ здѣсь, чѣмъ свободнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ“. И по свидѣтельству приближенныхъ, хотя онъ былъ очень несчастенъ на св. Еленѣ, но онъ втайнѣ наслаждался той важностью, которую придавали надзору за нимъ, интересомъ, который въ этомъ принимали всѣ европейскія державы, тщаніемъ, съ которымъ подхватывалось малѣйшее его слово и т. д.

Скука и потребность въ какой-нибудь перемѣнѣ, въ развлеченіи,

заставляли Наполеона часто перемѣнять порядокъ жизни. Онъ то обѣдалъ въ шесть часовъ, не завтракая, вставалъ и ложился иногда ранѣе, иногда позднѣе противъ того, какъ дѣлалъ прежде; потомъ такая перемѣна становилась ему противна, и онъ возвращался къ своимъ старымъ привычкамъ.

Насталъ іюль мѣсяцъ 1817 года, а Наполеонъ все еще не видалъ комиссаровъ союзныхъ державъ, присланныхъ на островъ, чтобы наблюдать за нимъ; онъ чрезвычайно желалъ видѣть ихъ; что касается русскаго комиссара, то губернаторъ рѣшительно противился тому, чтобы онъ былъ представленъ Наполену, не желая, чтобы онъ видѣлъ вещи вблизи, отъ чего могло пострадать національное тщеславіе англичанъ.

Онъ зналъ, что австрійскій и французскій комиссары могли явиться къ нему, какъ частныя лица, и посылалъ своихъ французовъ одного за другимъ приглашать ихъ въ Лонгвудъ. Однажды, Бертранъ, сидя подлѣ баронесы Штюрмеръ, наклонился, какъ бы для того, чтобы поднять платокъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы его никто не слыхалъ и сказалъ ей шепотомъ:

„Баронесса! ради Бога повидайтесь съ Императоромъ, умоляю васъ. Онъ ждетъ васъ, говоритъ о васъ безпрестанно, ему нужно общество! Онъ видитъ однихъ англичанъ, а это ужасно скучно“.

Когда же русскій комиссаръ поднялъ вопросъ о неоффиціальномъ посѣщеніи Лонгвуда, по докладу Бертрана, не испрашивая каждый разъ позволенія губернатора, Гудсонъ-Лоу отвѣчалъ на это рѣшительнымъ отказомъ.

„Узнавъ о томъ, Наполеонъ былъ до такой степени раздраженъ, что никто не смѣлъ къ нему подойти. Онъ провелъ десять дней въ своей комнатѣ, обѣдалъ одинъ, не занимался ничѣмъ и обращался грубо со своей свитою. Гурго болѣе прочихъ терпѣлъ отъ гнѣвныхъ выходокъ, до того, что хотѣлъ прекратить свою жизнь.

„Императора нельзя узнать, говорилъ онъ Бальмену. Когда онъ былъ во главѣ своихъ армій, тогда мы съ радостію служили ему; въ настоящее время несчастія разстроили его духъ. Онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ“, онъ предается иногда совершенной апатіи, не занимается болѣе своей исторіей и проводитъ время въ совершенной праздности. Для него трудно даже обриться“.

Губернаторъ, встревоженный тактикой Наполеона, рѣшилъ сдѣлать французамъ нѣкоторыя льготы и согласился на то, чтобы Бонапартъ выходилъ изъ своей ограды, не будучи сопровождаемъ англійскимъ офицеромъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ему давали знать наканунѣ, въ какое мѣсто онъ намѣренъ отправиться. Дѣло какъ будто наладилось, какъ вдругъ „Бертранъ пред-

ставилъ, что во время адмирала Кокбурна приглашенія и иныя записки Императора къ путешественникамъ, къ военнымъ, къ жителямъ острова отдавались по адресу запечатанными, что никто ихъ не просматривалъ, и потребовалъ, чтобы и этотъ порядокъ былъ возстановленъ. Это снова запутало Лонгвудскія дѣла, ибо губернаторъ безусловно отвергъ это предложеніе, и такъ какъ на этотъ отказъ былъ полученъ рѣзкій отвѣтъ, то онъ потерялъ терпѣніе и погрозилъ Бертрану, что онъ его прогонитъ. Тогда Бонапартъ, раздосадованный и разгнѣванный, объявилъ положительно, что онъ не выйдетъ болѣе изъ своей комнаты, написалъ на оборотѣ послѣдняго письма сэра Гудсона-Лоу приписку, которая положила конецъ этимъ препираніямъ. Приписка гласила:

„Это письмо и письма отъ 26 іюля и 26 октября прошлаго года исполнены лжи. Я, вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ, заперся въ моихъ комнатахъ, чтобы оградить себя отъ оскорбленій этого офицера. Теперь мое здоровье ослабѣло; оно не позволяетъ мнѣ болѣе читать такія отвратительныя письма. Болѣе мнѣ ихъ не вручайте. Считаетъ ли себя этотъ офицеръ уполномоченнымъ секретными, изустными инструкціями своего министра, какъ онъ давалъ это понять, или онъ дѣйствуетъ по собственному побужденію, что можно было бы заключить изъ тщательнаго его притворства, во всякомъ случаѣ не могу обращаться съ нимъ иначе, какъ съ моимъ убійцею. Если бы послали сюда честнаго человѣка, я конечно испыталъ бы нѣсколько менѣе мученій, но за то избѣгли бы многихъ упрековъ отъ Европы и отъ исторіи, которую не обманетъ весь ворохъ нелѣпыхъ писаній этого лукаваго человѣка“.

Это произошло въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1817 года.

Послѣ этого столкновенія Бертранъ снова говорилъ русскому комиссару, что Наполеонъ хотѣлъ бы обратиться къ Императору Александру, и далъ понять ему, что ему охотно поручили бы письмо къ Государю.

„Императоръ гордъ, говорилъ Бертранъ, онъ не унизится до того, чтобы писать принцу-регенту, но если бы представился на то случай, то онъ начертилъ бы картину нашихъ бѣдствій Императору Александру, ибо этого Государя онъ любитъ. Онъ сильно довѣряетъ его заступничеству и признаетъ его высокія качества. Онъ часто повторяетъ: „я сдѣлалъ глупость, что не пошелъ въ Россію, и буду вѣчно въ томъ раскаиваться. Онъ убѣжденъ, что сидѣлъ бы еще на престолѣ, если бы женился на русской Великой Княжнѣ“.

Въ исходѣ 1817 года между губернаторомъ и докторомъ О'Меара возники несогласія. Гудсонъ-Лоу обвинялъ доктора въ томъ, что

онъ извѣщалъ Наполеона обо всемъ происходящемъ въ городѣ, что онъ разузнавалъ для него новости, что онъ передалъ одному англичанину отъ Бонапарта тайкомъ табакерку и т. п. Онъ потребовалъ у него отчета во всѣхъ его бесѣдахъ съ Наполеономъ, хотѣлъ сдѣлать его своимъ шпіономъ, въ противномъ случаѣ угрожая запретить ему всякія сношенія съ Императоромъ, не относящіяся непосредственно къ его професіи.

„Вы не можете быть судьею въ томъ, что въ вашихъ бесѣдахъ съ генераломъ Бонапартомъ имѣетъ значеніе, говорилъ губернаторъ, то, что можетъ казаться вамъ незначащимъ, можетъ имѣть для меня величайшее значеніе".

Наскучивъ этими требованіями и привязчивостью губернатора, докторъ пересталъ являться къ губернатору въ домъ, прекратилъ съ нимъ сношенія и пересталъ извѣщать его о томъ, что происходитъ въ Лонгвудѣ. Губернаторъ потребовалъ у него объясненія и, по своему обыкновенію, употребилъ угрозы. О'Меара въ короткихъ словахъ отвѣчалъ, что онъ медикъ, а не шпіонъ.

„Когда губернатору не удалось сдѣлать О'Меара шпіономъ, пишетъ въ одномъ изъ своихъ донесеній гр. Бальменъ, онъ сталъ нещадно преслѣдовать его изъ-за пустяковъ, дѣлалъ ему на всякомъ шагу сцены и непріятности и хотѣлъ, подвергая его грубымъ и унизительнымъ стѣсненіямъ, во всемъ поставить его на одну ногу съ французскими узниками, что и принудило доктора подать въ отставку. Это дѣло произвело на св. Еленѣ большой скандалъ и заставило всѣхъ осуждать губернатора. О'Меара прекратилъ посылку бюллютеней изъ Лонгвуда, заперся въ своей комнатѣ и не хотѣлъ видѣть никого изъ своихъ больныхъ.

Наполеонъ послалъ за нимъ, чтобы проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ.

„Вы покидаете насъ, докторъ, сказалъ онъ. Какая низость лишить меня врача. Коль скоро вы, какъ всякій поручикъ, обязаны подчиняться военной дисциплинѣ, лишены независимости, необходимой для вашей професіи, благодарю васъ за ваши совѣты, уѣзжайте какъ можно скорѣе изъ этого мрачнаго, преступнаго мѣста. Я умру тутъ безъ всякой помощи; это будетъ позоръ для вашей націи".

И онъ простился съ докторомъ.

Когда губернатору стало извѣстно о посѣщеніи докторомъ Наполеона, онъ приказалъ подвергнуть его домашнему аресту; тогда комиссары сочли своимъ долгомъ вмѣшаться въ это дѣло и повліять на Гудсонъ-Лоу; они доказывали ему, что такъ какъ Наполеонъ отказывается принять другого врача, то если онъ умретъ въ то

время, какъ О'Меара находится подъ арестомъ, или умреть на рукахъ врача, навязаннаго ему силой, то въ Англіи и въ Европѣ пойдутъ самыя странные толки, англичанъ обвинятъ въ томъ, что они его отравили, уморили исподоволь; бонапартисты во Франціи и повсюду поддержатъ эту клевету, будутъ издавать пасквили, и онъ, Гудсонъ Лоу, во мнѣніи милліоновъ людей прослыветъ его убійцей.

Два дня послѣ этого разговора, губернаторъ возвратилъ О'Меара свободу, продержавъ его подъ арестомъ двадцать семь дней.

Наполеонъ былъ очень доволенъ возвращенію доктора, но прежде нежели изъявить согласіе на то, чтобы онъ занялъ снова при немъ обязанности врача, желая прекратить фабрикацію бюллетеней, онъ попросилъ О'Меара представлять донесенія объ его здоровьи разъ въ недѣлю или чаще, если понадобится, и давать съ него копію губернатору, если онъ потребуетъ.

Оказывается, что во время ареста О'Меара какой-то иностранецъ, временно проживавшій на островѣ, сообщилъ графу Монтолонъ, что комиссары читали въ дневномъ бюллетенѣ отчетъ о состояніи здоровья Наполеона. Монтолонъ, зная, что докторъ не писалъ бюллетеней, потребовалъ объясненія; оказалось, что одно лицо, которое никогда не видѣло Наполеона, писало вымышленные бюллетени, которые посылались комиссарамъ, а тѣ пересылали ихъ своимъ дворамъ.

Въ началѣ 1818 года здоровье Наполеона ухудшилось; онъ сталъ безпокоенъ, тосковалъ; незадолго передъ тѣмъ онъ почувствовалъ впервые боль въ правомъ боку, въ области печени, гдѣ при изслѣдованіи ощущалось какъ бы затверденіе; головныя боли, тошнота, сердцебіеніе, которыми онъ страдалъ, усилились. Несмотря на отвращеніе Наполеона къ лѣкарствамъ, О'Меара удалось усиленными настояніями и просьбами уговорить его принимать ртутный препаратъ—превосходное средство противъ заваловъ въ печени—которое быть можетъ остановило бы развитіе его болѣзни, но единственный врачъ, которому больной довѣрялъ, остался при немъ недолго.

Послѣ описаннаго крупнаго столкновенія съ О'Меара, губернаторъ не прекратилъ своихъ нападокъ на доктора; онъ не могъ помириться съ его независимымъ образомъ дѣйствій. Несмотря на то, что здоровье Наполеона въ это время замѣтно ухудшилось (онъ сталъ тяжелѣе, не могъ ни гулять, ни переходить изъ комнаты въ комнату, и весь іюнь и іюль не выходилъ изъ своей спальни), 25 іюля 1818 г. доктору О'Меара неожиданно было заявлено, что „онъ увольняется отъ мѣста, которое онъ занималъ при генералѣ

Бонапартѣ, и что ему воспрещаютъ дальнѣйшія сношенія съ обитателями Лонгвуда; одновременно ему было приказано немедленно покинуть Лонгвудъ.

Человѣколюбіе не позволило доктору подчиниться этому варварскому приказанію; увѣренный въ томъ, что Наполеонъ не приметъ никакого врача по указанію Гудсона-Лоу, онъ счелъ долгомъ отправиться къ Императору, какія бы это ни повлекло для него послѣдствія и предписать ему извѣстный режимъ, которому больной долженъ былъ слѣдовать безъ него, а также приготовить лѣкарства, которыя онъ могъ бы употреблять въ отсутствіе врача.

Когда онъ сообщилъ Наполеону о полученномъ имъ приказаніи, Императоръ сказалъ:

„Le crime sera plus vite consommé [1]); по его (Гудсонъ-Лоу) мнѣнію, я и такъ прожилъ слишкомъ долго; ваше министерство поступаетъ очень смѣло; когда папа находился во Франціи, я скорѣе далъ бы руку на отсѣченіе, нежели подписалъ приказъ о высылкѣ его врача“.

Послѣ того какъ О'Меара далъ ему нѣкоторыя указанія относительно его здоровья, Императоръ сказалъ:

„Когда вы будете въ Европѣ, отправьтесь къ моему брату Іосифу и передайте ему мое желаніе, чтобы онъ вручилъ вамъ пакетъ съ частными, конфиденціальными письмами ко мнѣ Императоровъ Александра и Франца, короля прусскаго и другихъ европейскихъ монарховъ, которыя были переданы ему въ Рошфорѣ. Обнародуйте ихъ, чтобы покрыть этихъ монарховъ позоромъ (couvrir de honte) и показать всему міру, какой почетъ оказывали мнѣ эти вассалы въ то время, какъ они испрашивали у меня милостей или молили меня сохранить ихъ престолы. Когда въ моихъ рукахъ была сила и власть, они добивались моего покровительства и почитали за честь союзъ со мною; ils léchèrent la poussière de dessous mes pieds [2]). Теперь, когда я состарѣлся, они угнетаютъ меня, они отнимаютъ у меня жену и ребенка“.

„Прошу васъ исполнить это, а если вы услышите, что на меня будутъ клеветать касательно того, что происходило здѣсь, въ то время какъ вы были при мнѣ, и если вы будете въ состояніи сказать: „я видѣлъ все это своими собственными глазами, это ложь“,— опровергните клевету“.

Затѣмъ онъ продиктовалъ графу Бертрану письмо, коимъ просилъ свою супругу Марію-Луизу вѣрить всему, что скажетъ О'Меара,

---

[1]) Преступленіе будетъ скорѣй доведено до конца.

[2]) Они пресмыкались передо мною.

подписалъ письмо, сдѣлалъ къ нему собственноручную приписку и, обратясь къ доктору, сказалъ, что „эти нѣсколько словъ, коими онъ рекомендовалъ его, будутъ имѣть для нея больше значенія, чѣмъ нѣсколько страницъ in 4⁰ имъ исписанныхъ"; затѣмъ онъ подарилъ доктору великолѣпную табакерку и свою статую и просилъ его, по пріѣздѣ въ Европу, розыскать его родныхъ и передать имъ, что онъ не хотѣлъ бы, чтобы кто-либо изъ нихъ пріѣхалъ на островъ Св. Елены и былъ свидѣтелемъ его бѣдствій и униженій, которыя онъ претерпѣвалъ.

„Передайте имъ, что я питаю къ нимъ по-прежнему самыя теплыя чувства. Передайте моей доброй Луизѣ, моей дорогой матушкѣ и Полинѣ, какъ я ихъ люблю. Если увидите моего сына, поцѣлуйте его за меня; пусть онъ помнитъ, что онъ по рожденію французскій принцъ.

Передайте лэди Голландъ, какъ я благодаренъ ей за ея доброту и какъ глубоко я уважаю ее. Наконецъ, постарайтесь всячески доставить мнѣ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, какое воспитаніе получаетъ мой сынъ".

Затѣмъ Наполеонъ взялъ руку О'Меара, пожалъ ее и, обнявъ его, сказалъ: „прощайте, О'Меара, мы больше не увидимся съ вами, будьте счастливы!"

Письма монарховъ къ Наполеону, которымъ онъ придавалъ огромное значеніе, утрачены для насъ. Историкъ Наполеона, Фридрихъ Массонъ,—на основаніи документовъ, съ которыми онъ ознакомился въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ — говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ этихъ писемъ слѣдующее: „Обнародовать письма монарховъ было послѣднимъ средствомъ, на которое разсчитывалъ Императоръ, чтобы добиться отъ членовъ Священнаго Союза, чтобы съ нимъ обращались лучше, или же чтобы жестоко отомстить имъ, опозоривъ ихъ. Онъ не разъ высказывалъ эту угрозу. Такъ напр. когда на островъ пріѣхали комиссары союзныхъ монарховъ, онъ сказалъ адмиралу Малькольму:

— Кѣмъ они посланы сюда?... ужъ не русскимъ ли Императоромъ, которому я оказалъ столько услугъ послѣ заключенія Тильзитскаго мира?... *Я храню его письма, которыя это доказываютъ, и которыя будутъ обнародованы мною со временемъ.*

„Поручая выполнить это О'Меара, Наполеонъ какъ бы возлагалъ на него обязанность отомстить за него; эта мысль не покидала его, онъ говорилъ объ этихъ письмахъ за нѣсколько часовъ до своей кончины. Въ инструкціяхъ, оставленныхъ имъ своимъ душеприказчикамъ, онъ говоритъ: „Печатая описаніе моего италіанскаго и египетскаго походовъ и иныя рукописи, ихъ слѣдуетъ посвятить

моему сыну, равно какъ и письма монарховъ, ежели они будутъ найдены; по всей вѣроятности ихъ удастся добыть изъ архивовъ; къ этому вѣроятно не встрѣтится препятствія, ибо это будетъ лестно для національной гордости".

Бесѣдуя однажды съ Бертраномъ, Наполеонъ сказалъ: „надобно достать переписку съ монархами и напечатать ее, она должна быть у Іосифа", и Бертранъ, сообщая послѣ кончины императора сказанное имъ Іосифу Бонапарту, писалъ ему 5 октября 1821 г.: „Я полагаю, что переписка съ монархами находится у васъ, поэтому прошу васъ напечатать ее; это желаніе императора, которое онъ высказывалъ давно".

Императоръ былъ увѣренъ, что и оригиналы писемъ и подлинныя съ нихъ копіи находились у его брата, но Фр. Массонъ говоритъ: „23 іюня 1815 г., уѣзжая изъ Елисейскаго дворца въ Мальмезонъ, Наполеонъ послалъ своему брату, Іосифу Бонапарту „небольшой ящикъ съ весьма цѣнными бумагами; въ томъ числѣ были копіи писемъ, адресованныхъ ему монархами. На замѣчаніе Іосифа, что лучше было бы имѣть подлинники, Наполеонъ отвѣтилъ: „они переданы министру, это его право".

„Дѣйствительно, министръ, герцогъ де Бассано, получилъ въ исходѣ 1815 г. повелѣніе поспѣшно снять копіи съ оригиналовъ этихъ писемъ, хранившихся въ Луврскихъ архивахъ. Наканунѣ отъѣзда Іосифа, герцогъ лично отвезъ ему пакетъ, сказавъ, что оригиналы писемъ остались въ архивѣ".

Но, какъ припоминалъ императоръ Наполеонъ, „герцогъ Бассано, во время пребыванія своего въ Мальмезонѣ, привезъ ему письма монарховъ и книгу, въ которую заносились копіи съ его собственныхъ писемъ, а равно портфель, въ которомъ онъ держалъ обыкновенно бумаги, которыя никому не показывалъ".

Наполеонъ утверждалъ положительно, что всѣ эти документы были отосланы въ Рошфоръ и переданы тамъ, по его приказанію, королю Іосифу.

Въ этихъ указаніяхъ существуютъ, какъ видимъ, нѣкоторыя противорѣчія относительно того, были ли переданы Іосифу Бонапарту оригиналы или копіи писемъ; никто изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ передачѣ столь важныхъ бумагъ, не могъ указать совершенно точно, когда, гдѣ и кѣмъ онѣ были переданы Іосифу Бонапарту, да и самъ Наполеонъ, обладавшій вообще прекрасной памятью, путался въ этомъ вопросѣ.

„Пріѣхавъ въ Англію, О'Меара поспѣшилъ написать Іосифу Бонапарту, проживавшему въ Соединенныхъ Штатахъ подъ именемъ графа де-Survilliers, и сообщилъ ему о желаніи императора.

Существуетъ версія, согласно которой Іосифъ Бонапартъ, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, просилъ свою супругу и своего секретаря Presle сохранить бумаги, оставленныя имъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, уложить ихъ въ ящикъ и отдать его на храненіе лицамъ близкимъ къ семьѣ Бонапартовъ.

„Узнавъ отъ О'Меара о желаніи императора, Іосифъ тотчасъ написалъ своему бывшему секретарю и просилъ его розыскать бумаги, но Прэль, вскрывъ ящикъ, въ который онѣ были положены имъ самимъ, не нашелъ ихъ, и всѣ его старанія розыскать копіи писемъ не увѣнчались успѣхомъ".

По другой версіи, ящикъ съ копіями писемъ монарховъ и другими важными бумагами былъ присланъ въ отель „Ланжеронъ", гдѣ проживалъ Іосифъ Бонапартъ, въ улицѣ Faubourg Saint-Honoré въ Парижѣ. Ящикъ былъ оставленъ въ надежныхъ рукахъ: въ 1820 г.—замѣтимъ эту дату—онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, прежде нежели быть отосланнымъ по назначенію; но въ моментъ его отсылки изъ Парижа въ Pointe-Breeze, близъ Нью-Іорка, гдѣ проживалъ графъ Сюрвильэ, онъ былъ въ цѣлости. Важные документы, бывшіе въ ящикѣ, были разложены по чемоданамъ среди бѣлья и другихъ вещей, чтобы скрыть ихъ отъ домостра полиціи. По прибытіи въ Америку все въ чемоданѣ оказалось въ цѣлости, за исключеніемъ кабинетской переписки.

По мнѣнію Фр. Массона правдивѣе первая версія, ибо иначе Іосифъ Бонапартъ не преминулъ бы разсказать объ исчезновеніи изъ чемодановъ документовъ, которымъ, какъ ему было извѣстно, императоръ придавалъ большое значеніе.

Что касается оригиналовъ, то Іосифъ Бонапартъ рѣшительно отрицаетъ, что они были получены имъ.

„У меня неоднократно спрашивали, по порученію Вашего Величества, писалъ онъ Наполеону 9 мая 1820 г., письма, будто бы переданныя мнѣ въ Рошфорѣ. Тутъ очевидно произошла ошибка. Я ничего не получалъ ни въ Рошфорѣ, ни въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ, за исключеніемъ двухъ ящиковъ съ бумагами, присланныхъ изъ Парижа. Если Ваше Величество намѣревались передать мнѣ какія-либо письма, то постарайтесь припомнить, кому Вы дали это приказаніе и кому были отданы письма. Мнѣ, къ сожалѣнію, они переданы не были".

Посылая на другой день это письмо доктору О'Меара, для доставленія его Наполеону, Іосифъ еще разъ подтверждаетъ, что письма не были ему переданы въ Рошфорѣ.

То же подтверждаютъ и другія лица.

Герцогу Бассано было извѣстно, что оригиналы писемъ исчезли изъ архивовъ, но куда они дѣвались, осталось навсегда тайной.

Дальнѣйшая судьба писемъ такова:

„Въ исходѣ 1820 г. баронъ Жомини предложилъ Императору Александру I выкупить собственноручныя письма его къ императору Наполеону, и вслѣдъ затѣмъ, по повелѣнію Александра, началъ о томъ переговоры, отправившись съ этой цѣлью изъ Швейцаріи въ Парижъ.

„Ваше Величество убѣдитесь, писалъ онъ 22 декабря (4 января) 1822 г., что я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы добиться благополучнаго окончанія этого дѣла, и я несказанно счастливъ, что успѣхъ вознаградилъ меня за крупный расходъ, вызванный поѣздкою, ради этого дѣла, изъ Швейцаріи въ Парижъ".

Жомини былъ только посредникомъ въ этомъ дѣлѣ; главнымъ же дѣйствующимъ лицомъ былъ нѣкто Монье, съ которымъ Жомини сошелся близко во время похода Наполеона въ Россію въ 1812 г., когда Жомини былъ губернаторомъ Вильно, а Монье—начальникомъ полиціи въ Литвѣ. По возвращеніи во Францію въ 1813 г., Монье служилъ въ статсъ-секретаріатѣ и по своему служебному положенію имѣлъ доступъ въ Луврскіе архивы. Будучи спрошенъ, откуда онъ получилъ драгоцѣнные документы, Монье, поставивъ условіемъ, что написанное имъ будетъ показано *только* Императору Александру, сообщилъ слѣдующее:

„Во время отреченія Наполеона, послѣ сраженія при Ватерлоо, въ Елисейскомъ дворцѣ собирали бумаги, которыя императоръ Наполеонъ намѣревался увезти съ собой; другія уничтожали. Въ числѣ первыхъ было полное собраніе писемъ, полученныхъ имъ отъ европейскихъ монарховъ въ 1815 году. Всѣ эти письма были уложены въ шкатулку,—письма каждаго монарха въ отдѣльной связкѣ, вложенной въ два конверта, запечатанные большой и малой кабинетской печатью. Въ шкатулку была положена опись всѣхъ спрятанныхъ въ нее писемъ, съ обозначеніемъ датъ, что̀ было исполнено подъ наблюденіемъ императора. Другіе подлинные документы были уложены въ другой ящикъ, бо̀льшихъ размѣровъ, а прочія бумаги въ нѣсколько портфелей, которые были заперты на ключъ. Обѣ шкатулки и портфели были отправлены одновременно съ Наполеономъ изъ Елисейскаго дворца въ Мальмезонъ, а оттуда посланы въ Рошфоръ.

„Въ 1808 году Монье, по его словамъ, познакомился съ нѣкіемъ Лэнъ, который пользовался довѣріемъ короля Іосифа Бонапарта и ссужалъ его деньгами. Какъ узналъ впослѣдствіи Монье, Іосифъ и по отъѣздѣ изъ Испаніи поддерживалъ сношенія съ Лэномъ и до-

вѣрялъ ему; во время „ста дней“ онъ вызвалъ его въ Парижъ, а во время отъѣзда Іосифа Бонапарта въ Рошфоръ Лэнъ былъ въ Бордо, гдѣ подготовлялъ все нужное къ отъѣзду бывшаго короля въ Соединенные Штаты.

„Осенью 1819 г. Монье узналъ, что лица, у которыхъ оказались въ рукахъ собственноручныя письма монарховъ къ императору Наполеону, собирались обнародовать ихъ; желая выяснить, какимъ образомъ они очутились въ ихъ рукахъ и дѣйствительно ли это были подлинныя письма монарховъ, онъ, Монье, написалъ въ Англію по указанному ему адресу, и къ нему, нѣкоторое время спустя, явился англичанинъ съ письмомъ отъ г. Митчеля, зятя умершаго Лэна, о которомъ говорено выше; въ этомъ письмѣ Митчель писалъ, что письма, которыя онъ собирался обнародовать, принадлежали ему и Ленгорну, другому зятю Лэна, женатому на его другой сестрѣ, и что они вынуждены воспользоваться этими письмами, чтобы возмѣстить понесенныя ими огромныя денежныя потери“.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ англичаниномъ Монье убѣдился въ томъ, что было только одно средство помѣшать обнародованію этихъ писемъ, а именно, чтобы европейскіе кабинеты согласились купить ихъ. На совѣтъ Монье предложить ихъ посламъ великихъ державъ англичанинъ заявилъ, что, не имѣя для этого связей въ Англіи, онъ проситъ его, Монье, взяться за это дѣло, при условіи, что онъ обязуется не называть его имени.

Монье сообщилъ объ этомъ барону Жомини, и какъ только послѣдній изъявилъ согласіе начать переговоры о выкупѣ писемъ, Монье написалъ Митчелю, который пріѣхалъ на этотъ разъ въ Парижъ вмѣстѣ съ Ленгорномъ. Отъ нихъ Монье узналъ, что они сами не видѣли писемъ, о коихъ велись переговоры, что въ Англію былъ присланъ только списокъ, а запечатанный ящикъ съ письмами остался въ Бордо, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ уложенъ въ Елисейскомъ дворцѣ. По требованію Монье ящикъ былъ присланъ въ Парижъ. При осмотрѣ печати на пакетахъ оказались въ цѣлости.

„Я хотѣлъ отослать пакетъ съ письмами Его Величества, не вскрывая его,—писалъ Монье, — но такъ какъ г. Шредеръ [1]) пожелалъ удостовѣриться въ подлинности бумагъ, то пришлось снять печати“.

Таковъ въ общихъ чертахъ разсказъ Монье. Онъ присовокупилъ, что Митчель и Ленгорнъ даже не видѣли писемъ до тѣхъ поръ, пока они не были переданы барону Жомини, который уплатилъ за нихъ наличными 75 тысячъ франковъ и выдалъ обязательство

[1]) Секретарь русскаго посольства.

на 100 тысячъ франковъ, за каковую сумму—175 тысячъ франковъ эти господа согласились, послѣ долгихъ переговоровъ, отдать письма, запросивъ за нихъ сперва 10 тысячъ ф. ст. или 250 тысячъ франковъ. Понятно, что Шредеръ захотѣлъ не только провѣрить, подлинныя ли письма Императора Александра находились въ ящикѣ, но и всѣ ли письма, поименованныя въ спискѣ, были въ цѣлости.

Надобно думать, что Императоръ очень дорожилъ этими письмами, если онъ согласился заплатить за нихъ такую крупную сумму.

„Шредеръ провѣрялъ содержимое всѣхъ пачекъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, при чемъ тщательно свѣрялъ подлинники съ черновиками. Тутъ было два письма Императора Павла I къ первому консулу, шестнадцать писемъ Императора Александра къ нему же за 1801—1803 гг., четыре въ высшей степени важныхъ письма 1805 года и двѣнадцать писемъ, писанныхъ въ 1808—1812 г.

„По мнѣнію Шредера, особеннаго вниманія заслуживали три письма отъ 1 марта 1805 г., отъ 13 августа 1808 г. и отъ 15 февраля 1809 г.; „въ нихъ говорилось о непріязненныхъ планахъ относительно державъ, которыя въ 1820 г. уже были въ союзѣ съ Россіей; Поццо-ди-Борго придавалъ, вполнѣ справедливо, особенное значеніе письмамъ 1805 года. Одно изъ нихъ, датированное изъ Ольмюца 15 (27) ноября 1805 г., заключало всего нѣсколько любезныхъ словъ въ отвѣтъ на письмо, привезенное отъ Наполеона генераломъ Савари; затѣмъ было письмо фельдмаршала Кутузова къ маршалу Даву и писанная карандашемъ записка Марфельда и, наконецъ, собственноручная, писанная карандашемъ записка Императора Александра съ его подписью, которую должны были передать маршалу Даву. По утвержденію Поццо-ди-Борго, въ этихъ трехъ запискахъ „говорилось о положеніи, въ какомъ находилась русская главная квартира послѣ Аустерлицкой битвы“, а именно, въ нихъ объяснялось, какимъ образомъ Императору Александру, сославшись на яко бы заключенное перемиріе, которое, какъ ему было небезъизвѣстно, на самомъ дѣлѣ заключено не было, удалось избѣжать катастрофы—быть взятымъ въ плѣнъ маршаломъ Даву. Честь Императора требовала, чтобы эти письма не были извѣстны, чтобы они исчезли; слѣдовательно, коль скоро они находились въ связкѣ, которую предлагали продать Жомини, никакихъ колебаній относительно ихъ пріобрѣтенія не могло быть.

„Письма были куплены, и только позднѣе возникло опасеніе, что продавцы сохранили съ нихъ копіи, но этого, какъ видно, не случилось.

Какимъ образомъ это письмо попало въ руки Митчеля и Лен-

горна, остается невыясненнымъ, „но во всякомъ случаѣ,—говоритъ Фр. Массонъ,—удивительно, что Іосифъ Бонапартъ не могъ дать на этотъ счетъ никакихъ указаній“. „Поццо-ди-Борго высказывалъ предположеніе, что Іосифъ Бонапартъ оставилъ эти письма Лэну въ уплату за долги“. „Конечно,—прибавляетъ Массонъ,—грустно допустить, что онъ сдѣлалъ изъ такихъ важныхъ документовъ предметъ столь недостойный спекуляціи“.

„Что касается остальныхъ писемъ, которыми такъ дорожилъ Наполеонъ, и которымъ придавали большое значеніе и союзные монархи, коль скоро одинъ изъ нихъ счелъ возможнымъ затратить 175 т. фр., чтобы выкупить ихъ, то весьма вѣроятно, что и прочіе монархи тѣмъ или инымъ путемъ также вернули свои письма“.

Такова любопытная исторія писемъ, о которыхъ Наполеонъ вспоминалъ на смертномъ одрѣ и которыя О'Меара, несмотря на всѣ его старанія, не удалось разыскать; но и онъ слышалъ о томъ, что они были куплены русскимъ посланникомъ за очень крупную сумму.

Почти въ одно время съ О'Меара покинулъ свой постъ австрійскій комиссаръ баронъ Штюрмеръ, срокъ пребыванія котораго на св. Еленѣ, опредѣленный въ два года, истекъ 18 іюня 1818 г. Исправлять его должность и сноситься съ австрійскимъ министромъ было временно поручено маркизу Моншеню.

„Наполеонъ негодуетъ на то, что Австрія отозвала своего комиссара,—доносилъ Бальменъ.—Онъ велѣлъ сказать мнѣ черезъ Монтолона, что онъ радуется тому, что я остаюсь при немъ, что я на этой скалѣ произвожу косвенный контроль, совершенно необходимый для его безопасности; что онъ ожидаетъ отъ великодушія нашего августѣйшаго повелителя, что никогда онъ не оставитъ несчастнаго монарха, что онъ заклинаетъ его, памятью старинной дружбы, исторгнуть его изъ этого ужаснаго мѣста изгнанія и назначить ему иное, менѣе нездоровое; что ему, рѣшающему судьбы Европы, это будетъ легко и что самое отдаленное потомство будетъ удивляться его благородному, возвышенному поступку съ человѣкомъ, который внесъ войну въ нѣдра его имперіи“.

Нѣсколько времени передъ тѣмъ, гр. Бертранъ, говоря съ Бальменомъ о страданіяхъ и несчастіяхъ Бонапарта, вдругъ сказалъ:

„Императоръ, удрученный горемъ, подверженный на этой скалѣ безчеловѣчному обращенію, всѣми оставленный, хочетъ написать Императору Александру, единственному своему заступнику. Возьмитесь доставить его письмо, умоляю васъ объ этомъ“, и онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы вынуть письмо изъ кармана.

„Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—это мнѣ невозможно. Это значило бы нарушать мои обязанности.

„Нисколько,—возразилъ онъ,—ибо императоръ Наполеонъ разсказываетъ Императору Александру важныя тайны. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы защитить великаго человѣка, подвергающагося притѣсненіямъ, но и о томъ, чтобы сослужить службу Россіи. Тамъ это письмо прочтутъ съ удовольствіемъ, съ жадностью, имъ будутъ восхищены. Не послать его вашему Двору значило бы пренебречь его интересами, упустить ихъ изъ виду или, точнѣе, пожертвовать ими англичанамъ. Сверхъ того, замѣчу вамъ, что вы въ немъ описаны способомъ, который подвинетъ васъ впередъ".

„Обѣщаю вамъ,—отвѣчалъ Бальменъ,—въ точности передать моему Двору то, что вы сообщите мнѣ изустно, но не могу взять на себя доставленіе писемъ. Я не имѣю на то права, и если бы я это сдѣлалъ, отъ меня бы отреклись".

„Ба!—воскликнулъ онъ,—отъ васъ отрекутся на св. Еленѣ для формы, а въ Россіи васъ наградятъ. Я въ этомъ убѣжденъ, подумайте объ этомъ хорошенько".

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, со стороны Наполеона была сдѣлана еще разъ попытка обратиться, при посредствѣ Бальмена, къ Императору Александру.

На этихъ дняхъ, доносилъ русскій комиссаръ 14 августа 1818 г., гр. Монтолонъ со всевозможною настоятельностью просилъ меня о томъ, чтобы я взялся доставить письмо отъ Наполеона къ нашему Августѣйшему Повелителю.

„Ваша должность,—сказалъ онъ мнѣ,—прямо васъ къ тому обязываетъ, и вы къ тому же найдете въ этомъ вашу выгоду". Я не отвѣчалъ ни слова.

„Баронъ Штюрмеръ,—продолжалъ онъ,—велъ себя дурно относительно Лонгвуда. Будучи комиссаромъ родственной державы, онъ могъ бы играть относительно насъ прекрасную роль. У него просили только извѣстій о Маріи-Луизѣ, и онъ отказалъ въ этомъ. Онъ уѣхалъ безъ денегъ. Императоръ желалъ дать ему въ займы сто тысячъ франковъ или передать ему историческія записки, которыя онъ продалъ бы за 6 или 7 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Но онъ оказывалъ намъ мало довѣрія и тѣмъ сильно повредилъ самому себѣ".

„Легко угадать, что хотѣлъ мнѣ дать понять Монтолонъ, говоря о баронѣ Штюрмерѣ".

„Предоставляя—прибавилъ онъ,—путешественникамъ, купцамъ, капитанамъ купеческихъ кораблей выручку съ нашихъ писаній, мы передаемъ ихъ въ Европу и тамъ печатаемъ... и у насъ теперь

есть драгоцѣнная рукопись, которую желательно издать. Она вполнѣ къ вашимъ услугамъ".

„Я увѣрилъ его шутя, что, если бы у меня были въ рукахъ писанія Наполеона, я тотчасъ же послалъ бы ихъ Императору Александру".

Гудсонъ-Лоу былъ весьма недоволенъ сношеніями русскаго комиссара съ приближенными Наполеона, и желая отвлечь его отъ посѣщенія Лонгвуда, „старался доказать ему, что онъ былъ главный двигатель всего, что тамъ дѣлалось".

— Бонапартъ полагаетъ, говорилъ онъ, что его поддерживаетъ и защищаетъ русскій комиссаръ. Это дѣлаетъ его капризнымъ и несговорчивымъ.

Не успѣвъ разубѣдить его въ этомъ, Бальменъ рѣшилъ прекратить свиданія съ французами, и „въ теченіе цѣлаго мѣсяца не видалъ ни одного изъ нихъ, даже издали, и не имѣлъ никакихъ извѣстій объ узникѣ Европы"; но оказалось, что „никогда въ Лонгвудѣ не было столько раздоровъ, интригъ и шуму, какъ за это время".

„Наполеонъ, давъ обѣщаніе переселиться въ новый домъ, который для него строили, какъ только ему будутъ доставлены отъ него ключи, вдругъ объявилъ, что онъ не удобенъ, дурно расположенъ, что въ немъ жить нельзя. Онъ самымъ повелительнымъ тономъ потребовалъ, чтобы ему былъ возвращенъ прибывшій на св. Елену фамильный портретъ, перехваченный властями, протестовалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ противъ перехвата писемъ Балькомба и т. п.

„Онъ не принималъ, съ самаго отъѣзда О'Меара, лѣкарствъ и не допускалъ къ себѣ доктора Верлинга, присланнаго къ нему губернаторомъ, говоря, что „только сумасшедшій возьметъ себѣ медика изъ рукъ врага", требовалъ, чтобы для него и для французовъ былъ присланъ изъ Англіи новый врачъ, который лѣчилъ бы только ихъ однихъ, но когда, въ ночь съ 16 на 17 января 1819 г., онъ почувствовалъ себя очень худо (у него сдѣлалась сильная головная боль и головокруженіе), то велѣлъ позвать Стоко, доктора адмиральскаго корабля, который предписалъ ему кровопусканіе, теплую ванну и пріемъ Чельтенгеймской соли. Почувствовавъ облегченіе, Наполеонъ возъимѣлъ къ Стоко такое довѣріе, что непремѣнно захотѣлъ, чтобы онъ былъ къ нему приставленъ въ качествѣ его личнаго доктора, но адмиралъ на это не согласился и, чтобы прекратить всякіе споры, отправилъ Стоко въ Англію.

Прежде чѣмъ сѣсть на судно, докторъ Стоко повидался съ русскимъ комиссаромъ и на его разспросы о здоровьи Наполеона сообщилъ, что „находитъ его больнымъ тѣломъ и духомъ, что видъ

у него разстроенный, желудокъ очень слабъ, нервы чрезвычайно раздражены, онъ страдаетъ меланхоліею, и тоска убьетъ его. Онъ присовокупилъ, что въ ночь съ 16 на 17 Наполеонъ едва не умеръ отъ прилива крови къ головѣ, весьма похожаго на кровяной ударъ, и что, кромѣ того, у него весьма сильные завалы въ печени.

— Убѣждены ли вы въ этомъ? спросилъ его Бальменъ, не обманули ли васъ? Изслѣдовали ли вы его основательно?

На этотъ вопросъ докторъ Стоко отвѣчалъ: „ничто не можетъ быть несомнѣннѣе и достовѣрнѣе, но губернаторъ лишь тогда повѣритъ страданіямъ знаменитаго больного, „the illustrious patient“— такъ называлъ докторъ Наполеона — когда увидитъ его мертваго въ постели, что и можетъ случиться со дня на день“.

Англичане не вѣрили О'Меара, они не повѣрили и словамъ доктора Стоко, который былъ рекомендованъ французамъ О'Меарой и былъ съ нимъ друженъ, они увѣрили Бальмена, что 18 числа, на другой день послѣ того, какъ Наполеонъ былъ „будто бы“ при смерти, онъ прогуливался вокругъ новаго своего дома въ фланелевомъ халатѣ, съ пунцовымъ тюрбаномъ на головѣ, опираясь лѣвой рукою на билліардный кій и держа въ другой подзорную трубку, и будто ординарецъ слышалъ, какъ онъ пѣлъ въ своей комнатѣ „Fra Martino“. Изъ этого англичане заключали, что онъ былъ совершенно здоровъ и что Стоко былъ обманщикъ.

Но доктора были правы, Наполеонъ былъ тяжело и неизлѣчимо боленъ; его болѣзненные припадки учащались, а тяжелое нравственное состояніе еще усилилось съ отъѣздомъ О'Меара, въ которомъ онъ потерялъ не только врача, къ которому онъ питалъ довѣріе, но и пріятнаго собесѣдника. Въ душѣ Наполеона еще теплился въ то время лучъ надежды на то, что его положеніе можетъ улучшиться, что, быть можетъ, его переведутъ въ другое, болѣе здоровое и не столь унылое мѣсто и когда, въ началѣ 1819 года союзные монархи съѣхались на конгрессъ въ Ахенъ, Наполеонъ „съ нетерпѣніемъ ожидалъ газетъ, надѣясь, что монархи, въ особенности Императоръ Александръ, примутъ его сторону противъ губернатора св. Елены“. Но онъ былъ сильно обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, ибо „Morning Chronicle“, самый ревностный его защитникъ, почти ничего не говорилъ объ немъ, „Courrier“ осыпалъ его упреками и бранью, „Observer“ положительно говорилъ, что Александръ предоставилъ его его судьбѣ“.

Узнавъ объ Ахенскомъ протоколѣ, французы были въ отчаяніи и безпрестанно повторяли: „Императора Александра обманули лживыми донесеніями, подложными письмами и документами, чтобы

имѣть предлогъ лишить насъ всякихъ сообщеній съ остальнымъ міромъ. Англичане, пользуясь апатіей и невниманіемъ комиссаровъ, навязали союзнымъ государямъ все, что хотѣли, все, что могло оправдать ихъ варварскій преступный образъ дѣйствій".

Въ исходѣ сентября 1819 г., на св. Елену прибылъ Антомархи— новый врачъ, посланный Наполеону, и два священника. Вмѣсто знающаго, опытнаго врача, ему послали невѣжественнаго корсиканца и вмѣсто француза священника, о которомъ онъ просилъ— былъ присланъ другой корсиканецъ, 65-лѣтній старецъ Бонавита, дважды разбитый параличемъ, который временами не владѣлъ языкомъ. Въ виду немощности этого Бонавита, ему былъ данъ въ помощники другой священникъ, также корсиканецъ, Виньоль, очень молодой и никѣмъ не рекомендованный. Наполеонъ, въ то время уже совсѣмъ больной, сразу оцѣнилъ и врача и священника: они не могли ничѣмъ быть ему полезны. Онъ съ трудомъ переносилъ Антомархи, но былъ вынужденъ обращаться къ его помощи, такъ какъ его здоровье быстро разрушалось; весь 1820 годъ былъ для Наполеона томительной, тяжелой борьбой съ быстро развивавшимся недугомъ; наконецъ, въ началѣ 1821 года, больной рѣшился на шагъ, который при его огромномъ самолюбіи былъ для него очень труденъ, и это показываетъ, насколько онъ тяготился своей обстановкой. Онъ приказалъ написать губернатору, прося дать ему сотоварища, врача и священника. Изъ лицъ, съ которыми онъ желалъ раздѣлить свое одиночество, Наполеонъ назвалъ герцоговъ Виченскаго и Ровиго, графовъ Сегюра, Монтескье, Друо, Дарю, Тюрена или Арно. Никто изъ нихъ не пожелалъ отправиться на островъ, — да они и не застали бы его уже въ живыхъ; роковая развязка была близка.

За мѣсяцъ до кончины Наполеона, 6 апрѣля 1821 г., въ виду его жестокихъ страданій, маршалъ Бертранъ рѣшился пригласить доктора Арнотта, единственнаго врача, пользовавшагося на островѣ хорошей репутаціей. Осмотрѣвъ больного, онъ высказалъ мнѣніе, что „генералъ Бонапартъ не боленъ никакой серьезной болѣзнію и что его недомоганіе скорѣе моральнаго свойства". На вопросъ Бертрана онъ отвѣчалъ, что нѣтъ ни малѣйшей опасности.

За три дня до кончины Наполеона, 2 мая, комиссаръ французскаго короля, маркизъ Моншеню, замѣнявшій также уѣхавшаго Штюрмера, писалъ князю Меттерниху:

„Я имѣлъ честь сообщить вашей свѣтлости, въ моей послѣдней депешѣ, что Наполеонъ снова заговорилъ о своей болѣзни.

„Такъ какъ мы уже пять лѣтъ привыкли къ этимъ мнимымъ болѣзнямъ, которыя появляются всякій разъ, какъ онъ задумываетъ

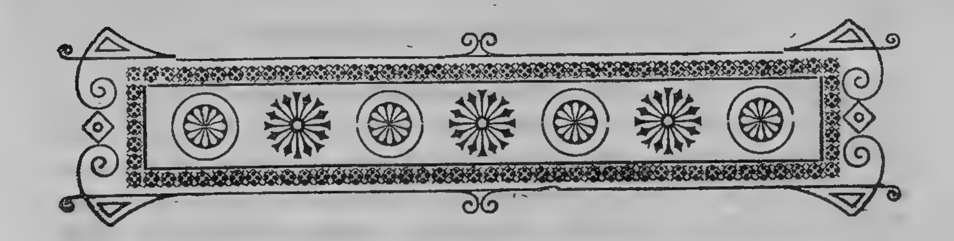
какой-нибудь новый планъ—для насъ это означаетъ: будемъ насторожѣ".

Такимъ образомъ до послѣдней минуты болѣзни Наполеона не вѣрили; чтобы доказать, что онъ дѣйствительно былъ боленъ, у него оставалось одно средство: умереть.

И онъ скончался 5 мая. Вскрытіе его трупа показало, насколько его жалобы были непритворны: у него былъ обнаруженъ ракъ, и при этой ужасной болѣзни онъ былъ послѣдніе два года почти безъ врача и безъ всякой помощи.

В. Тимощукъ.

Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтлова [1]).

Большія свѣдѣнія Введенскаго, почерпнутыя имъ изъ французскихъ энциклопедистовъ, принесли ему пользу на урокахъ учителей, особенно Никодима, перваго ректора Саратовской духовной семинаріи, очень умнаго и образованнаго монаха, который съ большою любовію занимался дѣломъ преподаванія. Хотя каждый урокъ въ семинаріи продолжался два часа, но для Никодима и такое время казалось недостаточнымъ, и онъ упросилъ учителя математики, предмета, нелюбимаго въ семинаріяхъ, уступить ему изъ своего урока часъ для занятій; такимъ образомъ урокъ Никодима продолжался три часа. Классныя занятія Никодима были необыкновенно живы и оригинальны, хотя все въ то время преподавалось на латинскомъ языкѣ [2]): послѣ прочтенія своей лекціи Никодимъ устраивалъ диспуты; одни ученики возражали, другіе опровергали; одни ученики доказывали извѣстную мысль, другіе опровергали ее; или ученики должны были говорить въ классѣ экспромптомъ на какую-либо тему. Никодимъ требовалъ отъ учениковъ, чтобы они, нисколько не стѣсняясь, дѣлали всевозможныя возраженія. Необыкновенно живой, пылкій, нервный, Введенскій всегда вскакивалъ первымъ, чтобы возразить или опровергнуть какую-нибудь мысль, и его возраженія были въ духѣ французскихъ энциклопедистовъ, такъ-что онъ слылъ между учениками за вольнодумца. Этимъ вольнодумствомъ объясняли и то, что

---

[1]) См. „Русск. Старину“ февраль 1913 г.

[2]) Преподаваніе на латинскомъ языкѣ въ семинаріяхъ вскорѣ было отмѣнено.

Введенскій не могъ долго давать частныхъ уроковъ. Разъ И. И. Введенскій пришелъ послѣ урока, даннаго въ первый разъ дѣтямъ помѣщика, которымъ онъ взялся преподавать французскій языкъ и Законъ Божій, и сталъ разсказывать товарищамъ, какъ дѣти были заинтересованы его урокомъ по закону Божію. „Послушай, Иринархъ“, сказалъ ему товарищъ его Тимоѳей Предтеченскій: „мы знаемъ, что ты умѣешь заинтересовывать, но надолго ли опять этотъ урокъ?“—А что?—„О чемъ былъ урокъ?“—О Давидѣ.—„Ну, братъ, Давидъ и сгубилъ тебя: ты непремѣнно говорилъ съ дѣтьми о его слабостяхъ?“—Разумѣется, говорилъ. Странно было бы съ моей стороны умолчать о нихъ.—„Смотри, Иринархъ, вольнодумство погубитъ тебя, а отъ урока тебѣ непремѣнно откажутъ“. Возвратившись послѣ второго урока и показывая десятирублевую бумажку, Введенскій сказалъ, что ему отказали отъ урока. Нерѣдко Введенскій, по неимѣнію свободнаго времени, писалъ свои сочиненія не на тему, прямо списавъ изъ французской книжки. Тогда учитель Иловайскій говорилъ ему: „Иринархъ написалъ, не туда попалъ“.

Какъ способнѣйшій изъ учениковъ, лингвистъ и знакомый съ литературою французскихъ энциклопедистовъ, Введенскій составлялъ гордость новаго въ то время для Саратова учебнаго заведенія [1]), которымъ интересовалась саратовская интеллигенція, такъ-что даже по окончаніи курса Введенскаго долго въ Саратовской семинаріи слышались разсказы о его начитанности во французской литературѣ, его удачныхъ отвѣтахъ, возраженіяхъ и т. п., вмѣстѣ съ его скандальными похожденіями, которыя онъ совершалъ въ пьяномъ видѣ и за которыя семинарское начальство безуспѣшно наказывало его только домашними средствами, не желая исключеніемъ изъ семинаріи погубить такую выдающуюся личность [2]); кромѣ того „множество сочиненій Введенскаго“, по словамъ біографа его Благосвѣтлова, „долгое время ходило по рукамъ учениковъ семинаріи въ видѣ толстаго фоліанта“ [3]). Подъ вліяніемъ такого рода

---

[1]) Саратовская семинарія открыта въ 1830 г.

[2]) За дурное (буйное) поведеніе Введенскій выпущенъ не въ первомъ разрядѣ, а во второмъ; почему принужденъ былъ на свой счетъ ѣхать въ академію, куда отецъ отправилъ его, по совѣту преосвященнаго Іакова, къ которому отецъ Введенскаго ходилъ запросто—честь, дѣлаемая архіереемъ только немногимъ священникамъ (3 или 4). По увѣренію сарат. старожиловъ, только два лица извѣстны своими скандалами въ Сарат. семинаріи: Александръ Благосвѣтловъ и И. И. Введенскій.

[3]) См. Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Біографія И. И. Введенскаго, страница 11.

разсказовъ о такомъ мощномъ образѣ воспитанника, каковъ былъ Введенскій, а равно разсказовъ и учителей, воспитывались и слѣдующіе ученики, стараясь подражать Введенскому, усвоивая его воззрѣнія и методы мышленія. Всѣ свои ученическіе годы въ семинаріи Г. Е. Благосвѣтловъ проводилъ въ средѣ, которая жила подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о Введенскомъ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что Г. Е. Благосвѣтловъ касается въ біографіи Введенскаго многихъ подробностей его жизни, опустивши, вѣроятно, изъ уваженія къ нему черныя стороны ученической его жизни (его пьянство, крупные скандалы). Впослѣдствіи Г. Е. Благосвѣтловъ, какъ извѣстно, сблизился съ И. И. Введенскимъ. Интересную сцену между братьями видѣлъ саратовецъ, который разсказалъ мнѣ. Серапіонъ, младшій братъ Г. Е., по его совѣту и настоянію, поступившій изъ семинаріи въ Медикохирургическую академію и умершій гдѣ-то старшимъ военнымъ врачомъ, не сходился съ Г. Е. въ убѣжденіяхъ, и они-то были причиною частыхъ ссоръ. Когда оба Благосвѣтловы были въ Петербургѣ: Г. Е. учителемъ, а Серапіонъ оканчивалъ курсъ въ Медикохирургической академіи, то Серапіонъ жаловался мнѣ на Г. Е.

„Сошелся Григорій съ И. И. Введенскимъ", говорилъ мнѣ Серапіонъ: „онъ внушаетъ ему разныя вредныя идеи, которыя онъ нахваталъ за границею. Какъ бы онъ не испортилъ его!" [1]).

Разъ Серапіонъ послѣ довольно продолжительнаго спора хотѣлъ даже донести на Г. Е. жандармскому офицеру, и Г. Е. при мнѣ сжегъ очень много бумагъ.

Имѣя предъ собою умственный обликъ Введенскаго, Благосвѣтловъ естественно самъ старался быть не хуже Введенскаго. Но какъ сравнительно была благопріятна та среда для умственнаго развитія Введенскаго, среди которой онъ росъ: онъ еще въ дѣтствѣ могъ читать книги и развиваться и учиться въ семинаріи, будучи подъ покровительствомъ преосвященнаго Іакова и саратовской аристократіи, особенно губернатора Переверзева и вице-губернаторовъ Муромцева и Одессіона,—такъ неблагопріятны были условія, среди которыхъ росъ Благосвѣтловъ: онъ началъ читать книги только въ семинаріи и не имѣлъ у себя такихъ высокихъ покровителей, какіе были у Введенскаго.

---

[1]) Объ убѣжденіяхъ И. И. Введенскаго можно прочесть въ „Русской Старинѣ", 1879 г., XXV т., стр. 739—744, „Русскій Архивъ", 9 книжка, 1888 г., „Историч. Вѣстникъ", 1888 г., 8 и 9 книжки.

Молва о Г. Е., какъ объ ученикѣ съ прекрасными способностями и большимъ умомъ, разнеслась по городу. Многіе искали случая познакомиться съ нимъ; отъ этого кругъ его знакомыхъ увеличился. Семинарскіе учителя, гордо и важно державшіе себя предъ учениками, считали униженіемъ принимать у себя своихъ питомцевъ; но Г. Е. составлялъ исключеніе: они приглашали его къ себѣ, поили его чаемъ, бесѣдовали съ нимъ и звали его на свои вечера, гдѣ онъ переводилъ барышнямъ французскіе билетики изъ конфектъ на русскій языкъ. Онъ познакомился съ священниками, купцами и дворянами и вездѣ приводилъ въ восторгъ своими разговорами. Ему стали предлагать заниматься съ дѣтьми, и онъ имѣлъ уже два урока. Въ то время въ Саратовѣ домашнихъ учителей было мало. Изъ гимназистовъ, которые были большею частію дѣти помѣщиковъ, рѣдко кто давалъ уроки, такъ какъ ихъ родители имѣли средства, большинство же семинаристовъ были или очень бѣдны, или съ очень ограниченными средствами; поэтому они поневолѣ искали себѣ уроковъ. Даровитые и знающіе могли всегда имѣть ихъ и даже существовать ими. Но жить въ семинаріи и давать уроки въ частныхъ домахъ было не совсѣмъ удобно: малѣйшее нарушеніе дисциплины (неприходъ къ обѣду, опаздываніе къ вечернимъ занятіямъ) доставляло много непріятностей его виновнику и даже каралось; кромѣ того каждый семинаристъ старался по мѣрѣ возможности освободиться отъ бдительнаго надзора инспектора Тихона, который зорко слѣдилъ за поведеніемъ учениковъ и за исполненіемъ ими семинарской дисциплины. Григорій Евлампіевичъ очень часто возмущался отношеніемъ начальства къ корпусникамъ (т. е. ученикамъ, живущимъ въ самомъ зданіи семинаріи), и вообще онъ былъ очень недоволенъ всѣмъ складомъ семинарской жизни, и самый выходъ его изъ семинаріи на квартиру на свое содержаніе, несмотря на его стѣсненныя денежныя обстоятельства, обусловливался именно этимъ.

Но прежде, чѣмъ разсказать о причинѣ его выхода изъ „корпуса“ на квартиру, мы коснемся нѣсколько жизни Г. Е. въ семинаріи, для чего приведемъ разсказъ товарища его, почтеннаго и уважаемаго священника Петра Никифоровича Павильонова.

Насъ въ комнатѣ жило шесть человѣкъ, въ томъ числѣ и Благосвѣтловъ; въ столовой мы также садились за столъ всѣ вмѣстѣ. На шесть человѣкъ подавалось по мискѣ два блюда: щи и каша. Въ февралѣ 1842 г. стали подавать намъ за обѣдомъ очень маленькія порціи; а на завтракъ перестали давать по полфунту ржаного хлѣба, котораго, бывало, всегда предлагали, и желающихъ завтракать имъ набиралось всегда много. Въ маѣ или іюнѣ мѣ-

сяцѣ новый сюрпризъ для насъ: стали кормить щами изъ тухлой солонины. Щи съ хлѣбомъ, хотя съ отвращеніемъ, но можно было ѣсть намъ, голоднымъ, но до мяса, котораго полагалось въ миску на каждаго по кусочку въ четверть фунта, никто не дотрогивался.

Такъ какъ вонючихъ щей нельзя было много ѣсть, а говядины и совсѣмъ нельзя, то оставалась надежда на кашу; но и ея подавалось на шесть человѣкъ полмиски, изъ которой каждому доставалось ложки 4—5. Мы всѣ выходили изъ-за стола голодными. У кого были деньги, тотъ покупалъ съ базара съѣстного, но очень многіе изъ насъ были такъ бѣдны, что совершенно не имѣли денегъ. И вотъ голодъ заставилъ пріискать средство поѣсть побольше. Одинъ бурсакъ [1]), у котораго въ карманѣ не было даже мѣднаго гроша для пополненія бурсацкаго обѣда, запасался кускомъ сальной свѣчи или саломъ, собраннымъ съ мѣднаго подсвѣчника, на которомъ была зелень (отложеніе мышьяка=arsenici).

Лишь только миска съ горячею кашею ставилась на столъ, бурсакъ бросалъ сало въ кашу и моментально ее размѣшивалъ. Такимъ способомъ онъ отбивалъ у другихъ желаніе ѣсть эту кашу и поѣдалъ ее одинъ.

Положимъ, нашелся только одинъ такой ученикъ, но и этого достаточно, чтобы судить о силѣ голода и о желаніи набить желудокъ чѣмъ бы то ни было. Мы всѣ очень хорошо понимали, что поставщикъ сбываетъ въ семинарію негодное для продажи мясо и что у членовъ правленія рыльца были въ пушку; но открыто протестовать было нельзя—опасно. Разъ вздумали пожаловаться на то, что кормятъ гнилымъ ржанымъ хлѣбомъ, въ которомъ былъ песокъ, и выбрали депутацію изъ трехъ человѣкъ: И. Хованскаго, А. Я. Леопольдова и П. Н. Павильонова.

Рѣшено было идти не къ ректору семинаріи, какъ главному начальнику ея, а къ инспектору. Спиридонъ, третій [2]) ректоръ Саратовской духовной семинаріи, недалекій человѣкъ, вполнѣ слѣдовалъ совѣту преосвященнаго Іакова, который, недовольный его предшественникомъ Никодимомъ, первымъ ректоромъ семинаріи, образованнымъ человѣкомъ, за его почти свѣтскій образъ жизни, указалъ Спиридону только три дороги: въ классъ, монастырь, гдѣ

[1]) По мнѣнію протоіерея Ивана Викентьевича Любомудрова—Иванъ Ѳедоровичъ Свинцовъ.

[2]) Вторымъ ректоромъ семинаріи былъ назначенъ Святѣйшимъ Синодомъ инспекторъ Саратовской семинаріи іеромонахъ Анастасій, красавецъ собою, и представительный.

онъ былъ настоятелемъ, и къ нему (т. е. архіерею), но Спиридонъ не вмѣшивался и въ дѣла семинаріи, предоставивъ фактическую власть надъ нею инспектору Тихону, формалисту и очень требовательному монаху. Первымъ заговорилъ о гниломъ хлѣбѣ Хованскій, который получилъ отъ инспектора такую тяжеловѣсную пощечину, что у него распухла щека и болѣла мѣсяцъ; кромѣ того, онъ всѣмъ пригрозилъ тѣмъ, что исключитъ изъ семинаріи, если повторится подобное. Жаловаться архіерею было тоже безполезно: читая многія его резолюціи, мы знали, какъ отнесется онъ къ такому факту.

„Надобно совершенно успокаиваться распоряженіемъ начальства. Ибо начальство отъ Бога и его распоряженія суть распоряженія Промысла Божія“ [1]), писалъ архіерей на прошеніяхъ. Но въ этотъ разъ голодъ вывелъ насъ изъ терпѣнія, и мы всѣ (насъ было болѣе ста человѣкъ) зароптали на эконома [2]), преподавателя Иловайскаго, который находился въ столовой и дѣлалъ видъ, какъ будто онъ не замѣчалъ нашего ропота, впрочемъ, очень скромнаго. На другой день явился къ началу обѣда инспекторъ Тихонъ. Всѣ поняли цѣль его прихода въ столовую. Когда были поданы щи, вонь распространилась по всей столовой. Григорій Евлампіевичъ, сидѣвшій съ нами, выкинулъ свою порцію мяса на столъ, а товарищъ его, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, швырнулъ ее на полъ, и она какъ разъ угодила подъ ноги инспектору, который тотчасъ же спросилъ насъ: „Кто бросилъ на полъ порцію?“ Виновникъ указалъ на Благосвѣтлова, который объяснилъ, что онъ только выбросилъ ее изъ миски на столъ. Пока шли разспросы, всѣ ученики побросали свои порціи мяса на полъ, гдѣ ходилъ инспекторъ, который тотчасъ же и удалился изъ столовой. На другой день призваны были Благосвѣтловъ и другой участникъ, бросившій порцію на полъ, въ правленіе семинаріи, гдѣ имъ сдѣланъ былъ строгій выговоръ. Хотѣли было исключить ихъ изъ семинаріи, но опасались только того, какъ бы о вонючей солонинѣ не узналъ архіерей. Нечего и говорить, какъ мы были озлоблены противъ своего начальства и въ какомъ возбужденномъ состояніи находились; на Благосвѣтлова же этотъ случай такъ подѣйствовалъ, что онъ чрезъ нѣсколько дней перешелъ изъ семинаріи на квартиру на свое содержаніе, не желая имѣть столкновенія съ начальствомъ.

---

[1]) Резолюція преосвященнаго Іакова 20 сентября 1837 г.

[2]) Должность эконома не была отдѣльной: она возлагалась на одного изъ учителей семинаріи.

Располагая теперь болѣе свободнымъ временемъ и освободившись отъ семинарской дисциплины, онъ могъ больше давать частныхъ уроковъ, чрезъ что увеличились его денежныя средства, такъ что и одѣваться онъ сталъ очень прилично: сшилъ себѣ суконный сюртукъ на бѣлой фуляровой подкладкѣ и такія же брюки. Это, по мнѣнію семинаристовъ, было уже большимъ франтовствомъ.

Года за два до отъѣзда изъ Саратова въ Петербургъ Г. Е. былъ приглашенъ на урокъ въ домъ одного богатаго помѣщика, семейство котораго жило открыто и богато и пользовалось большимъ уваженіемъ и извѣстностію въ Саратовѣ, и въ домѣ котораго нѣсколько времени жилъ Г. Е. Обстановка помѣщичьяго дома оказала большое вліяніе на манеры и внѣшній видъ Г. Е.; особенно онъ былъ признателенъ къ супругѣ помѣщика за ея чисто-материнское отношеніе къ нему. Изъ неуклюжаго и застѣнчиваго семинариста онъ обратился въ развязнаго и ловкаго молодого человѣка, съ которымъ охотно разговаривали и даже вступали въ споръ гости помѣщика, иногда люди интеллигентные. Живя въ домѣ помѣщика, Г. Е. одѣвался въ модное платье, въ театрѣ сидѣлъ въ креслахъ и ходилъ всегда съ палкою.

Задумавъ поступить въ Медикохирургическую академію, Г. Е. сталъ заниматься еще усидчивѣе: онъ просиживалъ цѣлыя ночи напролетъ за книгою, лишился аппетита и сильно похудѣлъ. Съ сентября 1843 г. онъ уже не посѣщалъ семинаріи. Инспекторъ Тихонъ, зная, что онъ занимается серьезно, снисходительно къ нему относился: его уже считали отпѣтымъ. Видя большую перемѣну въ немъ, товарищи стали совѣтовать ему не оставлять духовнаго званія и идти во священники, доказывая ему, какъ трудно изъ семинаріи поступать въ университетъ; но Г. Е. всегда съ азартомъ говорилъ: „Въ попы идти—никогда! Буду до сѣдыхъ волосъ учиться, а ужъ поступлю въ университетъ!“

Переписка по поводу его увольненія изъ семинаріи и духовнаго вѣдомства длилась очень долго, надѣлала ему много хлопотъ и причинила ему столько непріятностей, что онъ долго не могъ позабыть объ этомъ, и въ письмахъ къ своему товаришу онъ не совѣтовалъ быть такимъ придирчивымъ и безжалостнымъ членомъ консисторіи, какими были они въ его время. Въ ноябрѣ 1843 г. Г. Е. вмѣстѣ съ товарищемъ М. Лебедевымъ, „желая поступить въ Медико-хирургическую академію, по испрошеніи на то согласія родителей“ [1]), просили семинарское правленіе „сообщить о семъ Высшему начальству“. 26 ноября состоялось слѣдующее опредѣленіе

[1]) Согласія родителей Благосвѣтлова, разумѣется, не было.

правленія: „Предварительно сему отправить просителей въ Саратовскую врачебную управу для освидѣтельствованія ихъ здоровія и просить о послѣдующемъ увѣдомить правленіе семинаріи, съ присовокупленіемъ, способны ли они поступить въ Медицинскую академію". Врачебная управа отвѣтила, что болѣзней, препятствующихъ къ поступленію въ Медицинско-хирургическую академію, они не имѣютъ; оспа была привита". Правленіе не находило препятствій къ ихъ увольненію, о чемъ и сообщило архіерею 29 генваря 1844 г. Въ іюнѣ 1844 г. семинарское правленіе получило отъ Казанской академіи выговоръ за то, что оно несвоевременно доносило объ ученикахъ Благосвѣтловѣ и Лебедевѣ, а въ іюлѣ этого года Г. Е. былъ исключенъ въ епархіальное вѣдомство за нехожденіе въ классъ. 9 сентября этого года послѣдовало окончательное увольненіе Г. Е. изъ семинаріи въ распоряженіе епархіальнаго вѣдомства, а изъ него уволенъ, какъ видно изъ отношенія Саратовской духовной консисторіи семинарскому правленію отъ 13 ноября 1846 г., только въ іюлѣ 1845 г. Такъ въ старину тратилось много времени и бумаги на самыя пустыя дѣла!

Получивъ увольненіе изъ семинаріи, Г. Е. на прощаніи сказалъ товарищамъ рѣчь, обнялъ всѣхъ и перецѣловалъ.

„Я видѣлъ Г. Е. въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ изъ Саратова въ Спб. на бульварѣ", разсказывалъ мнѣ одинъ почтенный священникъ, товарищъ Г. Е. „Онъ говорилъ о томъ, что жалѣетъ разстаться съ Саратовомъ и товарищами и что онъ очень радъ былъ бы переписываться со мною и другими товарищами, такъ какъ между нами, уже взрослыми, установились единеніе и дружба, которыя должны быть поддерживаемы письмами.

„Вы забудете—не напишете", говорилъ Благосвѣтловъ мнѣ, но обращаясь какъ будто бы ко всѣмъ. „Давай, дадимъ что-нибудь другъ-другу на память". Но ни у него, ни у меня ничего не оказалось. „Э, да, вотъ, что! Палка эта будетъ мѣшать мнѣ дорогой: возьми ее себѣ на память обо мнѣ", сказалъ онъ и при этомъ вручилъ мнѣ свою палку съ малахитовымъ набалдашникомъ (стоящую около трехъ рублей), съ которою онъ всегда ходилъ. „Что-то ждетъ меня въ дальней сторонѣ!" закончилъ онъ, и мы разстались.

На другой день онъ уѣхалъ на перекладныхъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на свой счетъ въ Медико-хирургическую академію; я переписывался съ нимъ долго. Всѣ саратовскіе семинаристы, знакомые и незнакомые, поступавшіе въ университетъ, кромѣ радушнаго пріема, находили въ Г. Е. совѣтника и руководителя въ незнакомомъ для нихъ Петербургѣ; но нѣкоторые ставили его иногда въ неловкое и непріятное положеніе. Такъ, разъ студентъ Покров-

скій ворвался пьяный въ тотъ домъ, гдѣ жилъ Благосвѣтловъ, и тѣмъ произвелъ большой переполохъ среди танцующихъ, а Г. Е. привелъ въ крайнее смущеніе, такъ что онъ не зналъ, какъ выпроводить незваннаго и неприличнаго гостя.

„Мы всегда вспоминаемъ о Г. Е. съ благодарностію", разсказывала мнѣ одна почтенная старушка. „Онъ всегда хорошо и ласково принималъ нашего Гришу и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ, когда онъ учился въ Спб., въ университетѣ; только Г. Е. всегда назначалъ ему время, когда прійти. Сначала мы думали, что Г. Е. стыдно показать своимъ знакомымъ Гришу, и онъ не хотѣлъ знакомить его съ хорошими людьми; думали, загордился нашъ Г. Е. Только послѣ догадались, зачѣмъ онъ такъ дѣлалъ. Хоть Г. Е. и хорошій былъ человѣкъ, но онъ, вѣдь, былъ вольнодумецъ (Не тѣмъ будь помянутъ!); у него часто сходились такіе же поговорить съ нимъ: ихъ, вѣдь, много тогда было. Г. Е. не желалъ погубить нашего Гришу, оттого и принималъ его, когда никого у него не было; онъ даже предостерегалъ его совѣтами отъ этихъ вольнодумцевъ. Онъ жалѣлъ и насъ: вѣдь, онъ зналъ, что если Гриша попадется, то мы останемся безъ куска хлѣба. Благородный, хорошій человѣкъ былъ!".

Хорошая память о Г. Е. долго сохранялась въ Саратовской семинаріи.

Дополнительныя замѣтки.

Помѣщаемъ перечень статей о Г. Е. Благосвѣтловѣ.

1) „Дѣло". № 11, ноябрь, 1880 г. Г. Е. Благосвѣтловъ (некрологъ) съ перечнемъ главнѣйшихъ его статей, изъ которыхъ нѣкоторыя не вошли въ собраніе его сочиненій.

2) Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова съ портретомъ и факсимиле автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изд. Е. А. Благосвѣтловой. СПБ. Типографія Благосвѣтловой. 1882 г.

3) Письмо въ редакцію Е. А. Благосвѣтловой. „Дѣло". Май, 1882 г.

4) „Отечественныя Записки", № 2, 1882 г. (рецензія о вышедшихъ сочиненіяхъ Благосвѣтлова).

5) „Русская Мысль". Т. I, 1883 г. (рецензія).

6) „Вѣстникъ Европы".

7) „Переходные характеры", Н. Шелгунова (стр. 106—113). „Русская Мысль", 1888 г., № 3.

Гордѣй Семеновичъ Саблуковъ много поработалъ, живя въ Саратовѣ, по археологіи обширной тогда Саратовской губерніи, побуждаемый и поощряемый къ этому преосвященнымъ Іаковымъ, желавшимъ, чтобы Саратовская губернія была изслѣдована въ археологическомъ отношеніи. По увѣренію П. А. Пономарева, автора статьи: „На развалинахъ Укека близъ Саратова" („Древняя и новая Россія"[1]), 1879 г.), Г. С. Саблуковъ составилъ еще въ 1846 г. капитальную статью объ Укекѣ, но она не была еще издана и передана въ распоряженіе Казанскаго археологическаго общества. Кромѣ того, Саблуковъ производилъ изслѣдованіе найденныхъ вещей близъ г. Царева, Астраханской губерніи (тогда Саратовской), въ развалинахъ столицы Золотой орды, гдѣ, по порученію преосвященнаго Іакова, руководилъ раскопками протоіерей г. Царева, Шиловскій; при чемъ, онъ не позабылъ и себя: разбирая Ханскій дворецъ, Шиловскій употребилъ его камни, нѣкоторые въ аршинъ длиною, на постройку себѣ дома, а монеты и другія вещи препровождалъ для расслѣдованія Саблукову въ Саратовъ. Во время лѣтнихъ каникулъ Саблуковъ самъ ѣздилъ въ г. Царевъ для раскопокъ. Въ Саратовской семинаріи до сихъ поръ находится много вещей, найденныхъ на Укекѣ и близъ г. Царева и расслѣдованныхъ Саблуковымъ. Первую его работу по археологіи преосвященный Іаковъ отправилъ, кажется, въ Петербургское археологическое общество отъ своего имени, а остальныя были за подписью Саблукова. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у Саблукова[2]), живущаго въ Казани, видѣли много рукописей, относящихся до археологіи. На вопросъ одного знакомаго[3]): почему онъ до сихъ поръ не издаетъ своихъ изслѣдованій—Гордѣй Семеновичъ отвѣтилъ: „я на своемъ вѣку много порылся: пусть послѣ меня пороются хоть въ моихъ бумагахъ".

Никодимъ.

Не посчастливилось въ учебной дѣятельности этому почтенному ученому мужу, возбудившему удивленіе своею ученостью и оставившему о себѣ надолго добрую и хорошую память въ воспитан-

---

[1]) № 4.

[2]) Живъ ли теперь Саблуковъ—мнѣ не извѣстно; знаю только, что двѣ дочери его вышли замужъ за профессоровъ Казанской академіи (одна за профессора Знаменскаго).

[3]) Алфіонова, директора Пермской гимназіи, нашего саратовца, который собственноручно написалъ въ „альбомѣ" М. И. Семевскаго.

никахъ Саратовской семинаріи. Первый ученикъ Петербургской академіи, Никодимъ, былъ назначенъ со степенью баккалавра профессоромъ ея, а потомъ ректоромъ Костромской семинаріи, гдѣ велъ свѣтскій образъ жизни. Баккалавръ Аѳанасій, впослѣдствіи епископъ саратовскій и архіепископъ астраханскій, пріѣхавшій на ревизію въ Костромскую семинарію въ 10 часовъ ночи и не заставшій Никодима въ семинаріи, велѣлъ запереть всѣ двери ея, а ключи взялъ себѣ. Когда въ часъ ночи пріѣхалъ отъ знакомыхъ Никодимъ, то явился къ Аѳанасію, съ которымъ поговорилъ очень крупно. Аѳанасій резюмировалъ свой отзывъ о Костромской семинаріи такъ: „по нравственности дурна, по образованію глупа". За ревизію Никодимъ опять переведенъ былъ въ Петербургскую академію, а затѣмъ, въ 1830 г., опредѣленъ въ только-что открытую Саратовскую семинарію, какъ хорошій администраторъ и ученый монахъ. По случаю холеры, которая тогда свирѣпствовала въ Саратовѣ, Никодимъ пріѣхалъ только въ октябрѣ, а открывалъ семинарію при архіереѣ Моисеѣ, кажется, въ августѣ мѣсяцѣ инспекторъ Іоаннъ, образованный монахъ. Съ увлеченіемъ взялся Никодимъ за устройство семинаріи и съ честью выполнилъ это дѣло. Преосвященный Іаковъ, замѣнившій Моисея весною 1832 г., находилъ несовмѣстнымъ съ монашествомъ почти свѣтскій образъ жизни Никодима, который одѣвался шикарно, ѣздилъ по городу въ выписанномъ изъ Петербурга богатомъ экипажѣ, запряженномъ четверней, имѣлъ большой кругъ знакомыхъ, и Іаковъ, по жизни аскетъ, счелъ такую жизнь Никодима униженіемъ священнаго сана и порицалъ его за это, но безуспѣшно. Произведя по предписанію Святѣйшаго Синода ревизію Саратовской семинаріи (онъ пріѣзжалъ на ревизію въ 8 часовъ утра, уѣзжалъ въ 2 часа), Іаковъ далъ плохой отзывъ объ учебномъ дѣлѣ семинаріи, въ особенности же о начальникѣ ея, ректорѣ Никодимѣ, за что онъ былъ переведенъ, несмотря на оправданія (холерные года, не было нѣсколькихъ преподавателей), въ 1833 г. настоятелемъ Иркутскаго, второкласснаго монастыря, обращеннаго, благодаря его дѣятельности, въ первоклассный.

О Переверзевѣ, Ѳедорѣ Лукичѣ.

Разсказываютъ, что Переверзевъ, образованный человѣкъ, обратилъ вниманіе на Введенскаго во время публичнаго экзамена, и узнавши, что онъ хочетъ поступить въ духовную академію, сожалѣлъ объ этомъ и обѣщалъ ему свое покровительство, если Введенскій поступитъ въ университетъ.

Переверзевъ былъ переведенъ за взятки (пріѣхавши въ Саратовъ ни съ чѣмъ, онъ предъ отъѣздомъ изъ Саратова намѣревался купить въ Саратовской губерніи имѣніе за триста тысячъ рублей) въ Кіевъ, а оттуда въ Петербургъ.

Замѣтка эта о жизни Г. Е., знакомящая нѣсколько и съ духовными учебными заведеніями г. Саратова, составлена по разсказамъ товарищей и лицъ, знавшихъ Г. Е. Благосвѣтлова, и по архивнымъ документамъ, и только одинъ товарищъ Г. Е., священникъ Петръ Никифоровичъ Павильоновъ [1]), лицо—очень почтенное и уважаемое, по моей просьбѣ, написалъ для меня свои воспоминанія о Г. Е., о чемъ и сказано мною.

Рукопись эта прочтена товарищами Г. Е.: протоіереемъ Любомудровымъ и священникомъ Петромъ Никифоровичемъ Павильоновымъ, которые высказали мнѣ, что я вѣрно изобразилъ жизнь Г. Е.

Флегонтъ Духовниковъ.

25 февраля, 1889, Саратовъ.

Считаю нужнымъ сообщить выписку изъ метрическихъ книгъ Владимірской церкви, слободы Владиміровки, присланную мнѣ учителемъ Владимірскаго двухкласснаго училища г. Лѣновымъ.

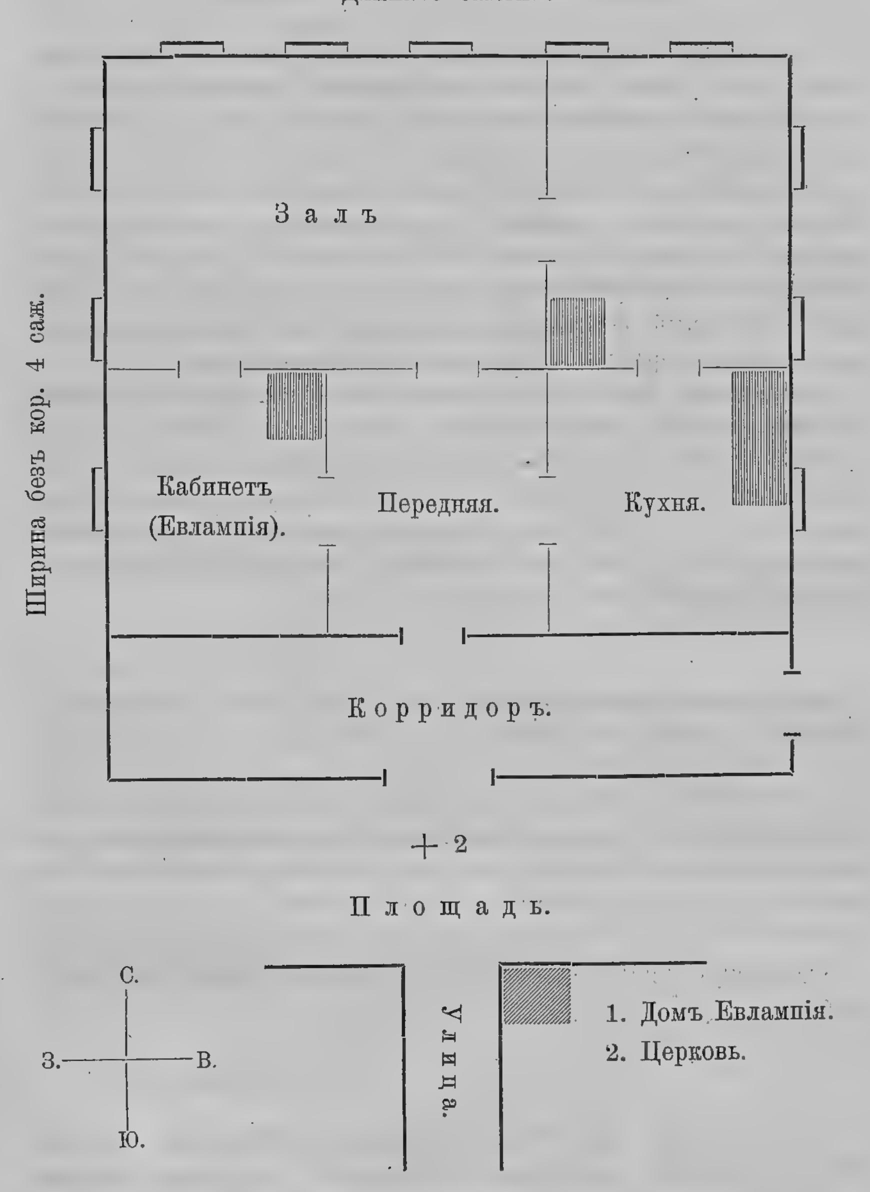
Въ исповѣдныхъ за 1827 г. записаны: священникъ Евлампій Благосвѣтловъ 32 лѣтъ; жена его Варвара Андреева 28 лѣтъ; дѣти ихъ: Александръ 7 лѣтъ, Григорій 2 лѣтъ и Серапіонъ 1 года. Теща его, вдова Меланья Аѳанасьева. Дочь Раиса рождена 20 іюля 1828 г. Въ исповѣдныхъ за 1833 г. значится еще отставной пономарь Иванъ Гавриловъ, отецъ Евлампія.

Въ метрикѣ объ умершихъ за 1835 г.: февраля 21 умерла жена священника Евлампія Благосвѣтлова, Варвара 37 лѣтъ отъ родовъ. Въ исповѣдныхъ за 1836 г. Евлампій помѣченъ вдовымъ; въ этомъ году значится, что у него живетъ сестра его дьячиха, вдова Ульяна Иванова 35 лѣтъ и двѣ ея дочери: Анна 13 лѣтъ и Евдокія двухъ мѣсяцевъ. Въ метрикахъ объ умершихъ за 1838 г. записано: ноября 29 священникъ Евлампій Благосвѣтловъ умеръ отъ водянки 44 лѣтъ. Въ метрикѣ объ умершихъ за 1839 г. записано: запасный пономарь Иванъ Гавриловъ Благосвѣтловъ скончался 21 октября, 91 года отъ роду.

---

[1]) Я съ нимъ служилъ вмѣстѣ; онъ былъ законоучителемъ, а я учителемъ.

Планъ дома Благосвѣтлова въ селѣ Владимировкѣ, Царевскаго уѣзда, Астраханской губ., составленъ учителемъ Лѣновымъ.

1. Домъ Евлампія.
2. Церковь.

Добавленіе объ отцѣ Г. Е.

(Замѣтки Духовникова для М. И. Семевскаго).

Съ мужиками онъ жилъ хорошо, дружно; пилъ съ ними водку, давалъ имъ денегъ взаймы безъ всякихъ расписокъ; игралъ съ ними въ клёкъ (городки); при чемъ, иногда ѣздилъ на мужикахъ верхомъ, а иногда и они на немъ.

Прилагая при этомъ 5 № „Саратовскаго Дневника" 1889 г., въ которомъ помѣщена замѣтка: „Дореформенный учитель", считаю нужнымъ сказать, что сообщеніе „Дневника" о томъ, что И. Н. Виноградовъ позабытъ своими дѣтьми, не вѣрно: ихъ двое: одинъ сынъ, уволенный отъ должности, живетъ при немъ, другой—податный инспекторъ въ г. Сердобскѣ, и помогаетъ ему.

Инспекторъ, Гавріилъ Архангельскій, о которомъ вы прочтете въ моей замѣткѣ, преинтересный субъектъ, достойный, по моему мнѣнію, попасть на страницы „Русской Старины" въ видѣ отдѣльной замѣтки. О немъ я много прочелъ въ дѣлахъ архива, многое разсказалъ и И. Н. Виноградовъ, и если вы желаете, чтобы я прислалъ вамъ о немъ, то я пришлю: смотритель Саратовскаго училища дозволитъ мнѣ порыться въ архивѣ.

Интересныя резолюціи архіерея Іакова по сообщеніямъ семинарскаго правленія начальству Саратовскаго духовнаго училища.

1. Ученики Саратовскаго духовнаго училища Василій и Иванъ Крыловы просили его преосвященство объ опредѣленіи отца ихъ, находящагося въ монастырѣ, дьякона В. Крылова въ черныхъ трудахъ куда-либо въ приходъ для пособія имъ къ содержанію въ училищѣ и къ предотвращенію ихъ отъ худой нравственности.

Резолюція: противъ худой нравственности есть врачество—розги.

17 октября, 1837 г.

2. Саратовская духовная консисторія сообщеніемъ 18 іюня 1837 г. проситъ Саратовское семинарское правленіе объявить ученику Саратовскаго училища нижняго отдѣленія Егору Феликсову, что резолюціею его преосвящества, послѣдовавшею на прошеніи его о увольненіи въ домъ родителей его по случаю нахожденія

отца, матери и двухъ сестеръ въ болѣзненномъ положеніи, велѣно: „Феликсовъ не лѣкарь, помочи отъ него больнымъ нельзя ожидать".

Подписано: Инспекторъ Іеромонахъ Хрисанфъ. Секретарь Синайскій. № 979. Іюля 17 дня. 1837 г.

3. Учитель Саратовскаго духовнаго училища Целебровскій проситъ архіерея опредѣлить его инспекторомъ вмѣсто уже назначеннаго инспектора Гавріила Архангельскаго.

Резолюція: „Стыдно. Духъ искательства унижаетъ ученаго человѣка. Надобно совершенно успокоиваться распоряженіемъ начальства. Ибо начальство отъ Бога и его распоряженія суть распоряженія промысла Божія. 20 сентября 1837 г.".

4. На прошеніи о томъ, что инспекторъ Саратовскаго духовнаго училища Гавріилъ Архангельскій взялъ съ 13 учениковъ взятки за переводъ ихъ въ семинарію, резолюція архіерея такова:

„Мерзкое корыстолюбіе! Наставникамъ духовныхъ училищъ дано весьма большое жалованье по ихъ посту, съ тѣмъ, чтобы не марали священнаго званія наставниковъ взятками. Объявить учащимъ, чтобы они не брали никакихъ приношеній или подарковъ отъ учениковъ. Впредь съ взяточниками буду поступать какъ съ мздоимцами на законномъ основаніи".

13 іюня 1839 г.

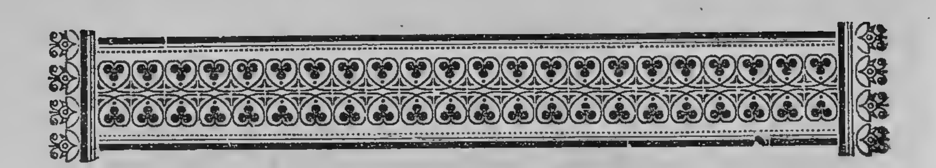
5. Донесеніе училищнаго начальства о непосѣщеніи врачемъ больницы около трехъ недѣль.

Резолюція 22 мая 1840 г.: „Предписать начальнику духовныхъ училищъ, чтобы въ классныхъ и жилыхъ комнатахъ соблюдаема была чистота и не ходили бы ученики босикомъ. Симъ очень сберегается здоровье воспитанниковъ и предотвращается больница. При отеческомъ попеченіи начальника училища о здоровьѣ учениковъ не многимъ ученикамъ будетъ нужна больница".

Ф. Духовниковъ.

А. Лебедевъ.

Пребываніе въ Вѣрномъ и встрѣча Кауфмана.

(Изъ четвертаго путешествія въ 1867 г. А. И. Макшеева).

Авторъ печатаемаго отрывка, А. И. Макшеевъ (1822—1892 гг.), заслуженный профессоръ Николаевской академіи Генеральнаго Штаба, оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ сочиненій, посвященныхъ главнымъ образомъ Туркестанскому краю [1]). Такой исключительный интересъ возникъ у А. И. естественнымъ путемъ, благодаря шестилѣтней службѣ его въ Оренбургѣ при генералахъ Обручевѣ и Перовскомъ (1848—1854 гг.).

Это было время русскаго движенія въ Средней Азіи и занятія Туркестана; читать эту живую страницу нашей исторіи посчастливилось молодому офицеру, только-что вышедшему изъ военной академіи и полному мечтаній о неизвѣданныхъ странахъ и путешествіяхъ. На него возлагались отвѣтственныя порученія въ родѣ сооруженія степныхъ укрѣпленій, изслѣдованіе новыхъ мѣстностей, какъ сухопутныхъ, такъ и Аральскаго моря, описаніе ихъ въ представляемыхъ отчетахъ. Плаваніе по Аральскому морю въ 1848 г. (вмѣстѣ съ лейтенантомъ Бутаковымъ на шкунѣ „Константинъ") было особенно интересно, какъ первое обслѣдованіе его русскими [2]), при чемъ были открыты острова, названные Царскими, на которыхъ не было признаковъ человѣка: это была вполнѣ непочатая земля.

А. И. былъ дѣятельнымъ участникомъ и военныхъ экспедицій, въ томъ числѣ взятія кокаискихъ укрѣпленій Джулека и Акъ-Мечети въ 1853 г. А въ 1854 г. капитанъ Макшеевъ былъ переведенъ въ штабъ командующаго Дунайской арміей и участвовалъ въ осадѣ Силистріи.

Результатомъ живого шестилѣтняго опыта въ Средней Азіи и явились посмертныя записки А. И. „Путешествія по Киргизскимъ степямъ и Туркестанскому краю", вышедшія въ 1896 г. Эта книга любопытна, какъ историческій памятникъ движенія русскихъ въ Туркестанѣ и какъ непосредственныя впечатлѣнія очевидца, знакомящаго съ бытомъ и нравами жителей и съ географическими условіями новаго края.

---

[1]) Его основное сочиненіе: „Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ". 1890 г.

[2]) „Описаніе Аральскаго моря" А. И. Макшеева. Зап. Геогр. Общ. книжка V. СПБ. 1851 г.

Близкое знакомство съ Средней Азіей было рѣшающимъ въ жизни А. И., мысль котораго была плѣнена этимъ своеобразнымъ краемъ, представляющимъ богатую будущность и служащимъ среди нашихъ прочихъ азіатскихъ владѣній звеномъ между Европой и Азіей. Культуртрегерство Россіи на Востокѣ, ея посредничество между Востокомъ и Западомъ было основной идеей А. И., при его широкихъ историческихъ горизонтахъ. Вѣра въ эту культурную миссію своей родины одушевляла его и въ путешествіяхъ, и въ кабинетныхъ трудахъ; послѣднимъ и была посвящена остальная часть его жизни.

Научныя стремленія А. И. нашли поддержку въ лицѣ Д. А. Милютина, бывшаго профессоромъ географіи въ военной академіи въ 1845—1856 гг. и заинтересованнаго введеніемъ въ курсъ новаго предмета—военной статистики. Онъ привлекъ А. И. къ занятію свободной тогда каѳедры статистики въ 1855 г., а въ 1857 г. состоялась командировка новаго профессора за границу. Цѣлью ея было ознакомленіе съ постановкой статистики въ европейскихъ университетахъ и съ колонизаціей въ западныхъ государствахъ. Послѣ занятій въ научныхъ центрахъ А. И. отправился въ Алжирію и Египетъ для нагляднаго изученія этихъ колоній, что могло послужить на пользу въ примѣненіи къ нашей средне-азіатской окраинѣ. Мысль о Средней Азіи продолжала занимать А. И. и въ путешествіяхъ, и по возвращеніи на родину.

Находя сочувствіе своимъ замысламъ въ высоко-просвѣщенной личности Милютина, въ 1864 г. А. И. подавалъ военному министру двѣ записки объ устройствѣ Киргизскихъ степей, „сознавая глубоко важность предстоящей реформы и для блага киргизскаго народа, и для пользы Россіи“.

Въ 1866—1867 гг. А. И. читалъ публичныя лекціи о Средней Азіи для ознакомленія съ ней нашего военнаго общества, и въ томъ же 1867 г. былъ командированъ въ Туркестанъ для собиранія новаго военно-статистическаго матерьяла. Это было послѣднее путешествіе А. И. въ Среднюю Азію, описанное въ связи съ первыми въ его посмертныхъ запискахъ. Оно интересно, какъ обзоръ края, сдѣланный почти черезъ 15 лѣтъ послѣ перваго пребыванія въ немъ автора, когда времена значительно измѣнились, русскія владѣнія расширились, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулись сложныя задачи по управленію краемъ. Нѣсколько страницъ изъ наблюденій автора, наиболѣе характерныхъ, и предлагаетъ вниманію читателей „Русская Старина“ [1]).

Н. М.

Въ Вѣрномъ (Алматы) я пробылъ болѣе недѣли въ ожиданіи Кауфмана и столько же при немъ. Время ожиданія я провелъ большею частію въ письменныхъ занятіяхъ. Всѣ служащіе, встревоженные скорымъ пріѣздомъ генералъ-губернатора, были недоступны. Только разъ начальникъ Алматовскаго округа полковникъ Фридрихсъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ. Во время чая повторилась сцена изъ гоголевскаго Ревизора. Въ комнату влетѣлъ блѣдный отъ испуга чиновникъ съ краснымъ воротникомъ и въ

---

[1]) Эта часть „Путешествій“ А. И. Макшеева еще не была напечатана.

сильномъ волненіи проговорилъ скороговоркою: „генералъ-губернаторъ сейчасъ будетъ, можетъ быть даже пріѣхалъ“. Онъ подалъ Фридрихсу только-что полученную записку отъ военнаго губернатора области Колпаковскаго, встрѣтившаго Кауфмана въ Семипалатинскѣ и ѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ; но записка оказалась адресованною въ Копалъ и препровождена оттуда вѣроятно для того, чтобы по ней и въ Вѣрномъ могли сообразить время пріѣзда генералъ-губернатора, состоявшагося только чрезъ трое сутокъ. Несмотря однако на нелюбезность мѣстныхъ властей, мнѣ удалось осмотрѣть городъ Вѣрный со станицами, Большою и Малою Алматинскими, татарскою слободкою и окрестностями, благодаря предупредительной внимательности Павлинова, нашего консула въ Кульджѣ, проживавшаго здѣсь послѣ прекращенія китайской власти въ Джунгаріи. Вмѣстѣ съ нимъ я ѣздилъ верхомъ на винокуренный заводъ Кузнецова и посѣщалъ переселенцевъ-малороссовъ, жившихъ еще въ балаганахъ, и бѣжавшихъ изъ Кульджи салоковъ и сибо, размѣщавшихся въ землянкахъ.

Утромъ 15 октября пріѣхалъ ко мнѣ въ полной парадной формѣ старшій изъ двухъ баталіонныхъ командировъ въ Вѣрномъ, съ которымъ я до того времени не имѣлъ случая видѣться и быть знакомымъ. „В. П., я къ Вамъ за совѣтомъ, какъ къ старшему лицу въ Вѣрномъ“, сказалъ онъ. „Потрудитесь прочесть только-что полученное мною предписаніе военнаго губернатора встрѣчать генералъ-губернатора съ почестями, положенными по уставу только Государю Императору, и скажите, что мнѣ дѣлать?“ Прочитавъ предписаніе, я отвѣтилъ полковнику, что если бы я былъ на мѣстѣ Кауфмана и Вы встрѣтили бы меня съ неподобающими мнѣ по чину почестями, то я отдалъ бы Васъ подъ судъ; но можетъ быть Кауфманъ смотритъ на дѣло иначе, и потому, боясь повредить Вамъ, не могу дать никакого совѣта. „Въ такомъ случаѣ“, отвѣчалъ полковникъ, „я исполню предписаніе, и если Кауфманъ сдѣлаетъ мнѣ замѣчаніе, я подамъ ему эту бумагу“. Съ этими словами онъ спряталъ предписаніе за пуговицы мундира и отправился за городъ на мѣсто встрѣчи. Я послѣдовалъ за нимъ. Войска были выстроены вдоль дороги, въ развернутомъ порядкѣ съ распущенными знаменами, а на правомъ флангѣ стояли священникъ, всѣ нестроевые служащіе и граждане съ хлѣбомъ и солью. Вскорѣ показались вдали экипажи и затѣмъ къ правому флангу подъѣхалъ генералъ-губернаторъ со свитою, которую составляли военный губернаторъ Семирѣченской области, генералъ-маіоръ Колпаковскій, правитель канцеляріи генералъ-губернатора генералъ-маіоръ Гейнсъ, помощникъ начальника штаба туркестанскаго военнаго округа, пол-

ковникъ Петрушевскій, чиновникъ особыхъ порученій, подполковникъ Озеровъ, чиновникъ по дипломатической части Струве и докторъ. Выйдя изъ экипажа, Кауфманъ принялъ хлѣбъ-соль отъ гражданъ, поздоровался со мною, сѣлъ на лошадь и подъѣхалъ къ войскамъ. Старшій баталіонный командиръ скомандовалъ на караулъ и подалъ рапортъ. Барабанщики забили походъ. Я думалъ, сейчасъ разразится гроза, но Кауфманъ былъ очень доволенъ. Проѣхавъ верхомъ вдоль войскъ и по станицамъ, въ сопровожденіи своей свиты, къ числу которой пристроился и я, онъ остановился у отведенной ему квартиры и принималъ конныхъ и пѣшихъ ординарцевъ отъ разныхъ частей. Въ числѣ ихъ были неподобающіе ему по чину офицерскіе ординарцы и всѣ, вмѣсто Превосходительства, титуловали его Высокопревосходительствомъ. И это нисколько не шокировало юнаго сердцемъ генералъ-губернатора. Напротивъ, войдя въ свою квартиру, онъ выразилъ Фридрихсу удовольствіе за сдѣланный ему пріемъ, но замѣтилъ, что „священникъ не знаетъ своихъ обязанностей. Онъ долженъ былъ встрѣтить меня не за городомъ вмѣстѣ съ гражданами, а около церкви, въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и съ колокольнымъ звономъ“. Послѣ такого нравоученія смѣтливый Колпаковскій не задумался уже приказомъ прибавить тотчасъ же къ выставленной у генералъ-губернаторскаго крыльца будкѣ еще другую.

Во все время пребыванія Кауфмана въ Вѣрномъ, наравнѣ съ служащими при немъ, я не выходилъ изъ мундира. Каждый день обѣдалъ у него и затѣмъ по утрамъ сопровождалъ его во время осмотра церкви, школы, госпиталя, казармъ и проч., и ученія войскъ съ маневрами, а по вечерамъ бесѣдовалъ съ нимъ въ присутствіи Гейнса и Петрушевскаго о дѣлахъ Туркестанскаго края, и разъ былъ на балу у Колпаковскаго, въ годовщину Узунъ-Агачской битвы.

Вечернія мои бесѣды съ Кауфманомъ касались исключительно Сыръ-Дарьинской области, именно: раздѣленія ея на уѣзды, вновь утвержденнаго Положенія объ ея управленіи и разныхъ другихъ вопросовъ, на которые я обратилъ вниманіе во время своего путешествія. Представленный мною проектъ раздѣленія Сыръ-Дарьинской области на уѣзды былъ принятъ Кауфманомъ почти безъ преній. Толковать о новомъ Положеніи, авторомъ котораго былъ Гейнсъ, произведенный за это въ генералы, было при немъ неудобно, но я позволилъ себѣ сдѣлать три замѣчанія: во 1-хъ) пріуроченіе къ уѣздамъ киргизъ, занимающихся земледѣліемъ, по мѣсту ихъ зимней, а не лѣтней кочевки, было, по моему мнѣнію, ошибочно; во 2-хъ) еще болѣе ошибочно было принятіе двухъ совершенно про-

тивоположныхъ началъ взиманія государственныхъ податей для осѣдлыхъ и кочевыхъ жителей, особенно когда не установлено между ними положительной черты; наконецъ въ 3-хъ) въ Положеніи совершенно умалчивается о многочисленныхъ въ Туркестанскомъ краѣ земляхъ, выкупившихъ государственныя подати (милькъ) и освобожденныхъ отъ нихъ (вакфъ). Замѣчанія мои встрѣтили отпоръ со стороны Гейнса. Кауфманъ колебался, но не смѣлъ явно противорѣчить своему главному сотруднику. Гораздо свободнѣе онъ былъ въ вопросахъ, которыхъ не касалось Положеніе, и особенно которые имѣли связь съ любимымъ его конькомъ обрусеніемъ. Говоря о небрежномъ содержаніи памятника, воздвигнутаго надъ могилою русскихъ воиновъ, павшихъ при осадѣ и штурмѣ Акъ-мечети, и сожалѣя, что на немъ не сохранилось даже надписи, сдѣланной на мѣдной доскѣ, которая была украдена, я выразился, что поляки поступили въ этомъ случаѣ практичнѣе, положивъ на могилу своихъ павшихъ товарищей чугунную доску съ надписью.

— И польская надпись сохранилась? спросилъ Кауфманъ. „Да", отвѣчалъ я.

— Ну, такъ я велю ее снять, продолжалъ онъ, здѣсь нѣтъ мѣста для Польши, здѣсь Россія.

„Виноватъ", возразилъ я въ смущеніи, „надпись сдѣлана по-латыни, на церковномъ языкѣ католиковъ".

— Все равно велю снять, настаивалъ онъ съ самодовольною улыбкою.

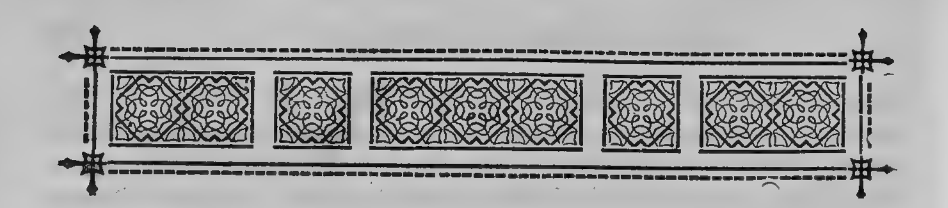
Мнѣ показалась эта улыбка неумѣстною, и я рѣшительнымъ тономъ сказалъ: „Нѣтъ, Вы этого не сдѣлаете, Константинъ Петровичъ! Первый русскій генералъ-губернаторъ въ Туркестанскомъ краѣ не коснется могилы лицъ, отдавшихъ свою жизнь Россіи". Затѣмъ сталъ докладывать о другомъ предметѣ.

Другой подобный же разговоръ былъ у насъ по поводу туркестанской мечети. Дорожа этимъ прекраснымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ искусства, я выразилъ желаніе, чтобы онъ былъ приведенъ въ порядокъ и со временемъ даже реставрированъ въ деталяхъ. На это Кауфманъ сказалъ, что онъ не приметъ никакихъ мѣръ для поддержанія мусульманской святыни и былъ бы очень радъ, если бы мечеть поскорѣе разрушилась. Я возразилъ, что поддержимъ ли мы мечеть или нѣтъ, но мусульманство останется въ Средней Азіи, мы не въ силахъ его стереть, и что мы пріобрѣтемъ несравненно большій нравственный авторитетъ надъ туземцами, оказавъ вниманіе къ ихъ святынѣ, чѣмъ оставивъ ее въ пренебреженіи. Въ подтвержденіе же этой мысли сослался на Императрицу Екатерину, которая высоко держала русское знамя,

а между тѣмъ пожертвовала значительную сумму денегъ на одно медрессе въ Бухарѣ; за то имя ея до сихъ поръ вспоминается въ Средней Азіи съ большимъ уваженіемъ. Ссылка на авторитетъ Екатерины II произвела впечатлѣніе на Кауфмана, въ томъ смыслѣ, что въ дальнѣйшихъ разговорахъ онъ былъ сдержаннѣе и избѣгалъ юношескихъ легкихъ фразъ объ обрусеніи.

Сообщ. Н. А. Макшеева.

Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій.

Высочайшіе указы и рескрипты (Императрицы Екатерины II, Императора Павла Петровича и супруги его Маріи Θеодоровны) и письма нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. (1769—1798 г.г.).

Царствованіе Императрицы Екатерины II выдвинуло много достойныхъ людей на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности, но далеко не всѣ они одинаково извѣстны. Къ числу лицъ, оставшихся какъ бы въ тѣни, принадлежитъ кн. Платонъ Степановичъ Мещерскій, имя котораго тѣсно связано съ Казанью: въ 1774 г. онъ былъ назначенъ казанскимъ губернаторомъ, и ему выпало на долю разобраться въ томъ раззореніи, которое произошло въ Казанской губерніи и въ самомъ городѣ Казани послѣ погрома Пугачева, ввести новые распорядки, обстроить заново г. Казань, пострадавшую отъ пожаровъ, и открыть въ 1781 г. Казанскую губернію въ новомъ составѣ, въ теперешнихъ ея границахъ, на основаніи „Учрежденія о губерніяхъ“ 1775 г.

Отъ Пугачевскаго погрома пострадало въ Казанской губерніи такъ много лицъ, что Императрица Екатерина II сочла необходимымъ учредить въ Казани банковую экспедицію, изъ которой выдавались ссуды раззореннымъ помѣщикамъ и домовладѣльцамъ. Ст. Θеод. Стрекаловъ, кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и Пав. Серг. Потемкимъ письменно обращались къ кн. Платону Степановичу Мещерскому (см. №№ 23, 25, 28 и 29) съ просьбами обратить вниманіе на бѣдственное положеніе своихъ хорошихъ знакомыхъ. Изъ этихъ писемъ видно, что у Ек. Ив. Алекиной (сестры гр. Петра Ив. Шувалова) у прокурора главной соляной конторы Бахметева и у кн. Тевкалевой были разорены деревни;

что самъ кн. Тевкелевъ былъ убитъ „за сохраненіе должной вѣрности“, а сынъ гр. Андрея Ив. Толстого, служившій въ Казани кригсъ-цалмейстеромъ, лишился вслѣдствіе пожара всего имущества. Дѣйствія банковой экспедиціи продолжались нѣсколько лѣтъ: въ 1782 г. Императрица Екатерина II предписывала кн. Мещерскому оказать вспоможеніе отставному подполковнику Бутлерову, если онъ не получилъ еще ничего изъ суммы, опредѣленной „на ссуду раззоренным во время бывшаго замѣшательства“ (см. № 44).

Съ 1781—1782 г.г., т. е. со времени открытія Казанскаго намѣстничества, по 1792 г. кн. Мещерскій состоялъ намѣстникомъ и генералъ-губернаторомъ сначала казанскимъ и симбирскимъ, потомъ казанскимъ и пензенскимъ, наконецъ казанскимъ и вятскимъ.

Въ моемъ распоряженіи имѣются Высочайшіе указы и частныя письма къ кн. Платону Степановичу, сообщенные мнѣ его внукомъ, кн. Платономъ Алексѣевичемъ Мещерскимъ въ 1885 г., и я рѣшила напечатать ихъ, присоединивъ къ нимъ всѣ Высочайшіе указы на имя кн. Платона Степановича, уцѣлѣвшіе отъ пожара, бывшаго въ Казани въ 1815 г., и хранящіеся въ Казанскомъ губернскомъ правленіи. 23 декабря 1899 г. я получила черезъ казанскаго губернатора П. А. Полторацкаго разрѣшеніе отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати помѣстить копіи съ этихъ указовъ въ какомъ-либо историческомъ журналѣ.

Высочайшіе указы и рескрипты Императрицы Екатерины II за №№ 19, 21, 34, 35, 39—42, 44, 46,50—52, 54—57 и всеподданнѣйшій докладъ кн. Платона Степановича Мещерскаго за № 15 извлечены мною изъ бумагъ Казанскаго губернскаго правленія; всѣ остальные указы и письма сообщены кн. Платономъ Алексѣевичемъ Мещерскимъ. Отъ него же полученъ и фотографическій снимокъ съ принадлежавшаго ему живописнаго портрета кн. П. С. Мещерскаго.

Печатный матеріалъ о кн. Мещерскомъ весьма скуденъ. У Бантыша-Каменскаго въ „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли“ М. 1836 г., ч. III, есть краткая его біографія, да въ „Сборникѣ матеріаловъ по Казанской губ.“ Казань 1908 г., с. 1—122, находятся документы, касающіеся, главнымъ образомъ, открытія при немъ Казанскаго намѣстничества.

Отрывочныя свѣдѣнія встрѣчаются въ „Русской Старинѣ“ за разные годы, и замѣтки анекдотическаго характера у кн. П. А. Вяземскаго, въ VIII т. „Полнаго Собранія его Сочиненій“. Привожу нѣкоторыя біографическія данныя о кн. П. С. Мещерскомъ на основаніи Бантыша-Каменскаго.

Кн. Платонъ Степановичъ Мещерскій, сынъ маіора, кн. Сте-

пана Ивановича Мещерскаго, родился въ 1713 г. и вступилъ въ службу на шестнадцатомъ году солдатомъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ.

По семейному преданію, сообщенному мнѣ кн. Платономъ Алексѣевичемъ Мещерскимъ, кн. Платонъ Степановичъ получалъ отъ своего отца на содержаніе только по семи алтынъ; больше онъ не былъ въ состояніи давать, такъ какъ впалъ въ бѣдность, будучи заключенъ въ тюрьму, по распоряженію мѣстнаго начальства, за то, что не могъ внести въ срокъ налогъ, введенный Бирономъ. Первый походъ кн. Платонъ Степановичъ совершилъ въ 1732 г. противъ Крымскихъ татаръ, подъ начальствомъ принца Гессенъ-Гомбургскаго; въ 1735 г. находился въ вспомогательномъ войскѣ, отправленномъ Императрицей Анной Іоанновной на Рейнъ, а въ 1742 г., будучи уже оберъ-офицеромъ, подъ предводительствомъ генерала Ласси, принималъ участіе въ Русско-Шведской войнѣ, именно въ занятіи нашими войсками Фридрихсгама. Пока русскія войска оставались въ этой крѣпости, кн. Мещерскій жилъ у пастора, который очень расположился къ нему и выучилъ его нѣмецкому языку. Знаніе нѣмецкаго языка оказало ему большую пользу: въ 1758 г., во время похода въ Пруссію, онъ былъ дежурнымъ маіоромъ при главнокомандующемъ русской арміей генералѣ Ферморѣ и вернулся въ Россію уже полковникомъ. По родству своему съ гр. П. А. Румянцевымъ [1]) (впослѣдствіи Задунайскимъ) кн. Мещерскій, вслѣдъ за назначеніемъ въ 1764 г. гр. Румянцева малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, былъ по его ходатайству, произведенъ въ бригадиры, съ повелѣніемъ присутствовать въ Малороссійской коллегіи. Съ 1769 по 1774 г. включительно, когда гр. Румянцевъ начальствовалъ русскими войсками, сражавшимися противъ турокъ, кн. Мещерскій управлялъ Малороссіей, имѣя чинъ генералъ-маіора.

Въ 1773 г. Императрица Екатерина II произвела его въ генералъ-поручики, а въ 1774 г. опредѣлила губернаторомъ въ Казань, гдѣ, какъ мы видѣли выше, онъ оставался генералъ-губернаторомъ до 1792 г.

Въ 1784 г., имѣя уже ордена св. Александра Невскаго и св. Владиміра 1-й ст., онъ получилъ чинъ генералъ-аншефа, а при увольненіи въ 1792 г. отъ службы—20 тысячъ рублей. Въ 1796 г. Импе-

---

[1]) Родной дядя гр. Петра Александровича Румянцева, Никита Ив. Румянцевъ, былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Васильевнѣ Мещерской. Дочь ихъ Анна Никитична, бывшая замужемъ за оберъ-шенкомъ Ал. Ал. Нарышкинымъ, писала въ 1796 г. кн. Платону Степановичу: „Поставляю долгомъ родства и всегдашней моей къ вамъ любви“...

раторъ Павелъ вызвалъ изъ Костромской деревни въ Петербургъ, переименовалъ въ генералы-отъ-инфантеріи, назначилъ снова губернаторомъ въ Казань, на этотъ разъ „военнымъ", вслѣдствіе измѣненія при немъ функцій губернаторской должности,—и шефомъ полка его имени. Несмотря на усиленныя просьбы кн. Мещерскаго „уволить его отъ службы, за дряхлостью", Императоръ Павелъ отправилъ его въ Казань, возложивъ на него предварительно орденъ св. Андрея Первозваннаго, а затѣмъ пожаловалъ ему, какъ кавалеру Андреевскаго ордена, командорство въ Московской губ. и уѣздѣ, состоявшее изъ селъ Озерецкаго и Драчева и изъ семи деревень.

Недолго однако пробылъ на этотъ разъ кн. Мещерскій въ Казани: онъ простудился, захворалъ и былъ уволенъ, согласно прошенію, въ отставку, съ полнымъ жалованьемъ и съ правомъ носить пундиръ. Онъ скончался въ своемъ селѣ Михеевскомъ, Костромской губ., 23 декабря 1799 г. на восемьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, служебная дѣятельность кн. Мещерскаго. Сохранившіеся разсказы анекдотическаго свойства настолько характерны и такъ живо рисуютъ независимый и даже, иногда, рѣзкій образъ дѣйствій кн. Платона Степановича, что считаю не лишнимъ привести ихъ.

Уже въ царствованіе Екатерины II, Рязанскій полкъ, находившійся подъ начальствомъ кн. Мещерскаго, былъ назначенъ для смѣны караула въ Петербургъ и вступилъ туда съ подполковникомъ, такъ какъ кн. Мещерскій остался въ томъ городѣ, въ которомъ квартировалъ, для сдачи полковыхъ вещей. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ увидѣлъ изъ рапорта, представленнаго ему подполковникомъ, что большая часть солдатъ была откомандирована въ услуженіе къ разнымъ сановникамъ. Кн. Мещерскій приказалъ солдатамъ явиться въ полкъ. Требованіе это исполнили всѣ сановники, исключая Ив. Ив. Бецкаго, ссылавшагося на старый обычай. Кн. Мещерскій поѣхалъ къ нему для личнаго объясненія и, прождавъ долгое время въ залѣ, рѣшился наконецъ войти въ кабинетъ безъ доклада.

— Какъ осмѣлились вы прервать мои занятія?—спросилъ его Бецкій съ досадой.

— Я вынужденъ былъ къ сему, — отвѣчалъ кн. Мещерскій,— не привыкши ожидать и дорожа временемъ, посвященнымъ службѣ.

— Но развѣ вы не знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло? Званіе мое, знаки отличія, довѣренность ко мнѣ Государыни не даютъ ли мнѣ полнаго права на уваженіе, котораго я отъ васъ перваго не вижу?

— Повторяю Вашему Высокопревосходительству, что я принужденъ былъ войти въ вашъ кабинетъ послѣ долговременнаго ожиданія. Если бъ не уважалъ васъ, то не явился бы къ вамъ съ объясненіемъ, а велѣлъ бы солдатамъ своимъ возвратиться въ полкъ, безъ всякаго съ моей стороны оправданія.

— Ваша дерзость доведена будетъ до свѣдѣнія Императрицы,— заявилъ Бецкій.

— Я исполнилъ долгъ свой; солдаты обязаны быть въ полку, а не заниматься частными услугами. Посредствомъ сего унижается званіе ихъ, да и самая служба отъ того терпитъ. Вотъ мое объясненіе! Извольте жаловаться кому угодно.

При этихъ словахъ кн. Мещерскій поклонился Бецкому и вышелъ изъ кабинета.

Послѣдствія жалобы оказались, однако, совершенно иными, чѣмъ предполагалъ Бецкій. Выслушавъ докладъ Бецкаго, Императрица сказала: „Вы чрезвычайно порадовали меня, Иванъ Ивановичъ, сообщивъ о поступкѣ моего полковника, достойномъ похвалы. Мещерскій доказалъ, что онъ знаетъ службу и дорожитъ званіемъ солдата. Желательно, чтобы всѣ полковники на него походили!“ [1]).

Впослѣдствіи, будучи генералъ-губернаторомъ въ Казани, кн. Платонъ Степановичъ пріѣхалъ съ разными проектами и бумагами для представленія ихъ на благоусмотрѣніе Императрицы. Бумаги были ей отданы, и кн. Мещерскій ожидалъ приказанія явиться къ Императрицѣ для доклада.

Однажды на куртагѣ Императрица извиняется передъ княземъ Платономъ Степановичемъ Мещерскимъ, что еще не призывала его.

— Помилуйте, Ваше Величество, я Вашъ, дѣла Ваши, губерніи Ваши; хоть меня и вовсе не призывайте, это совершенно отъ Васъ зависитъ,—отвѣчалъ ей князь.

Наконецъ, день назначенъ. Князь Мещерскій является къ Императрицѣ и передъ докладомъ кладетъ шляпу свою на столъ, подвигаетъ стулъ и садится. Государыня сначала была нѣсколько удивлена такой непринужденностью, но потомъ, разобравъ его бумаги и выслушавъ его словесный докладъ, осталась имъ очень довольна и оцѣнила умъ и ревностное отношеніе къ службѣ казанскаго намѣстника.

Павелъ Петровичъ, будучи еще Великимъ Княземъ, полюбилъ князя Платона Степановича. Однажды былъ назначенъ у Великаго Князя балъ въ Павловскѣ или Гатчинѣ. Гр. Николай Петровичъ

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, М. 1836 г., ч. III, с. 315—316.

Румянцевъ (приходившійся князю Мещерскому отдаленнымъ племянникомъ), встрѣтясь съ кн. Платономъ Степановичемъ, говоритъ ему, что надѣется видѣться съ нимъ въ такой-то день.

— А гдѣ же?—спрашиваетъ тотъ.

— Да у Великаго Князя; у него балъ, и вы, вѣрно, приглашены.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ кн. Мещерскій, но я все-таки пріѣду.

— Какъ же такъ?—удивился графъ Николай Петровичъ Румянцевъ.—Великій Князь приглашаетъ, можетъ быть, только своихъ приближенныхъ.

— Все равно, я такъ люблю Великаго Князя и Великую Княгиню, что не стану ожидать приглашенія, отвѣчалъ князь Платонъ Степановичъ Мещерскій.

Для предупрежденія бѣды гр. Румянцевъ счелъ необходимымъ доложить о томъ Великому Князю, его сильно позабавила смѣлость кн. Мещерскаго, и онъ велѣлъ пригласить его на балъ.

Рядомъ съ простотой обхожденія и непринужденностью встрѣчается у кн. Мещерскаго сознаніе, что его чинъ и званіе, дарованные Императрицей, должны быть всѣми почитаемы. Объ этомъ сохранился разсказъ, передаваемый на нѣсколько ладовъ. При проѣздѣ кн. Мещерскаго черезъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ, вновь образованной имъ въ 1782 г. Казанской губерніи, городничій не велѣлъ растворять ворота какого-то зданія, хотѣлъ провести его черезъ калитку. „Это что?“ говоритъ намѣстникъ: „Я-то пролѣзу, но чинъ мой не пролѣзетъ“. Слухъ объ этомъ дошелъ до Петербурга, и вѣроятно не мало было толковъ по поводу словъ кн. Мещерскаго, такъ какъ Императоръ Павелъ, собираясь ѣхать въ Казань, припомнилъ этотъ эпизодъ и сказалъ: „Смотри, Мещерскій, не проводи меня чрезъ калитку, мой чинъ еще повыше твоего“ [1]).

Казанскій старожилъ, Гавр. Ив. Горталовъ (р. 1819 г. † 1885 г.) разсказывалъ объ этомъ событіи, вѣроятно со словъ одного изъ современниковъ кн. Мещерскаго, болѣе подробно. Въ уѣздномъ городѣ Казанской губерніи, Чебоксарахъ, по разсказу Г. И. Горталова, назначено было освященіе церкви. Городской голова, онъ же и ктиторъ освящаемой церкви, пригласилъ намѣстника на это торжество. По окончаніи церковной службы кн. Мещерскій сѣлъ въ свою намѣстническую золотую карету, съ гусарами на запяткахъ, и подъѣхалъ къ дому городского головы, находившемуся очень близко отъ церкви. Городской голова самъ отворилъ дверцу кареты и помогъ выйти кн. Мещерскому. Подходятъ къ калиткѣ. „Это что?“ спрашиваетъ князь.

---

[1]) Полное Собр. Соч. кн. П. А. Вяземскаго т. VIII с. 88—89.

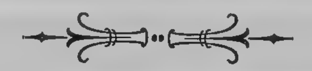
— Ваше Сіятельство, пожалуйте, у меня идетъ перестройка, и нельзя въѣхать въ ворота.

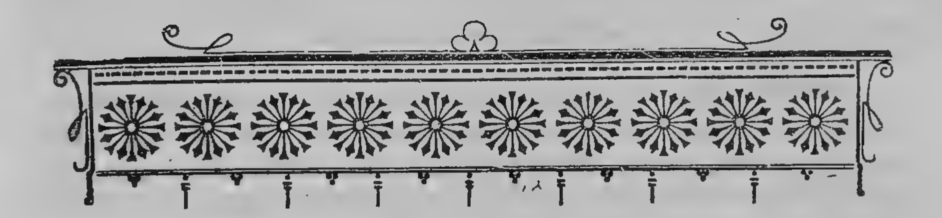
— Я-то пройду,—сказалъ князь Платонъ Степановичъ,—да чинъ мой не пройдетъ. Коли нельзя въѣхать въ ворота, вели сломать заборъ!—При этихъ словахъ князь повернулъ назадъ и, съ помощью городского головы, снова сѣлъ въ карету.

Городскому головѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ приказать разобрать нѣсколько звеньевъ забора, и намѣстникъ, чтобы не было порухи его высокому чину, въѣхалъ во дворъ въ каретѣ цугомъ, а городской голова встрѣтилъ его на крыльцѣ своего дома, окруженный всѣми гостями.

Остается сказать нѣсколько словъ о семейномъ положеніи кн. Платона Степановича. Онъ женился на Надеждѣ Александровнѣ Овцыной въ 1758 г., когда въ первый разъ пріѣхалъ въ отпускъ въ село Михеевское, Костромской провинціи. Отъ этого брака было два сына и три дочери: 1) кн. Петръ Платоновичъ, генералъ-маіоръ, р. 1764, † послѣ 1829 г. Жена Александра Николаевна Аксакова; 2) кн. Алексѣй Платоновичъ, флигель-адъютантъ Императора Павла; штабсъ-капитанъ л. гв. Измайловскаго полка, † 1840 г. Жена Анастасія Александровна Петрово-Соловово † 1811 г. 3) Княжна Прасковья Платоновна. Мужъ кн. Ѳедоръ Юрьевичъ Мещерскій. 4) Анастасія Платоновна. Мужъ кн. Дмитрій Александровичъ Тенишевъ, 5) Княжна Наталія Платоновна † до 1818 г. Мужъ Иванъ Михайловичъ Мусинъ-Пушкинъ.

В. Корсакова.

Люди и нравы за полвѣка.

VI[1]).

Я никакъ не подозрѣвалъ того обстоятельства, что главный бѣсенокъ, поселившійся во мнѣ, былъ бѣсенокъ театральный.

Онъ отлично спалъ въ своемъ безплотномъ помѣщеніи и ничуть меня не безпокоилъ. Но это было только до той поры, пока случай не свелъ меня съ міромъ артистовъ.

Началось это слѣдующимъ образомъ.

Въ томъ флигелѣ, въ которомъ жили мы, но во второмъ этажѣ, какъ разъ надъ нами, помѣщалась фотографія К.; К. былъ очень милый и любезный нѣмецъ. Онъ былъ женатъ на Блезе, одинъ братъ которой былъ извѣстный въ то время портной и имѣлъ магазинъ на Маросѣйкѣ, а два брата—музыканты и служили въ оркестрѣ Малаго театра, одинъ дирижеромъ, а другой игралъ на флейтѣ. Племянникъ ихъ, молодой еще человѣкъ, тоже игралъ на кларнетѣ въ Маломъ театрѣ. И вотъ онъ-то именно и былъ тѣмъ лицомъ, которому суждено было раздуть едва тлѣвшійся во мнѣ подъ пепломъ огонекъ любви къ театру.

Всѣ эти милые, добродушные нѣмчики удивительно располагали къ себѣ. Лѣтомъ всѣ они вмѣстѣ жили на дачѣ, кажется, въ Богородскомъ; ловили рыбу, пили пиво, курили по сотнѣ въ день папиросъ-пушекъ и отдыхали на лонѣ природы.

Спектакли въ Маломъ театрѣ шли тогда и лѣтомъ, по два раза въ недѣлю, а потому и театральные музыканты съѣзжались съ дачи

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1913 г.

и часто бывали у К., но чаще всѣхъ бывалъ, а иногда и ночевалъ холостякъ Александръ Ивановичъ (кларнетистъ). Не то, чтобы мы съ нимъ сошлись особенно близко (ему все-таки было лѣтъ подъ 30, а мнѣ 16), но симпатизировали другъ другу—несомнѣнно.

И вотъ онъ мнѣ предложилъ ходить съ нимъ въ театръ, въ оркестръ; для этого требовалось имѣть непремѣнно темную пару платья и бѣлый галстухъ. И то и другое у меня было, и, конечно, я особенно былъ благодаренъ ему за его предложеніе. Спектакли начинались тогда въ 7 часовъ. Въ назначенный день я въ седьмомъ часу отправляюсь къ дверямъ Малаго театра, читаю афишу. Шла піеса „Ребенокъ", кажется, Боборыкина. Несмотря на лѣтнее время, участвовали лучшіе артисты театра: Шумскій, Самаринъ, Васильева, Ѳедотова, Вильде. Тогда Ѳедотова еще носила фамилію Ѳедотовой-Позняковой.

Болѣе сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. И содержаніе піесы, и игра первоклассныхъ артистовъ, и обстановка—все испарилось изъ моей памяти, но „Ребенокъ" Ѳедотова, какъ живая, стоитъ передо мной. Она произвела на меня такое сильное впечатлѣніе своей игрой, что я навзрыдъ плакалъ, сидя въ оркестрѣ. Бѣдный Алекс. Ивановичъ не зналъ, что со мной дѣлать, куда дѣваться отъ этого скандала. Спасибо публики-то по лѣтнему времени было маловато, да и начальство отсутствовало. Только это и спасло, а то въ пору было выводить меня вонъ.

Но... ахъ, какія это были хорошія слезы! До сихъ поръ я человѣкъ впечатлительный, но сильное впечатлѣніе производитъ на меня только что-либо исключительное, выдающееся, безусловно правдивое...

Съ этого же вечера у меня появился божокъ, которому я поклонялся и поклоняюсь до сего времени—это Гликерія Николаевна Ѳедотова.

Нѣкоторые считали въ ней недостаткомъ вѣчно ноющій ея голосъ. Я этого не находилъ. Не находилъ потому, что въ тѣхъ роляхъ, гдѣ нужно было ныть, она и ныла; а гдѣ этого не требовалось, такъ и нытья никакого не было.

Да развѣ есть у ней какое-нибудь нытье въ „Василисѣ Мелентьевой"? Развѣ ныла Ѳедотова въ „Бѣшеныхъ деньгахъ"? Никогда.

А симпатичнѣйшій голосъ ея, проникавшій до глубины души? Нѣтъ, въ моихъ глазахъ она была величайшая артистка, и никакія театральныя рецензіи, выдвигавшія впослѣдствіи на первый планъ соперницъ Ѳедотовой, никогда не могли поколебать разъ сложившагося во мнѣ убѣжденія.

Поколебала его восемь—десять лѣтъ тому назадъ сама Ѳедотова...

Пріѣхала она съ какимъ-то провинціальнымъ актеромъ Вишневскимъ, любителемъ древностей, къ намъ на гастроли...

Въ первый спектакль шла „Преступница", и я видѣлъ ту же великую Ѳедотову. На второй спектакль поставлена была „Василиса Мелентьева". Я помнилъ Ѳедотову въ этой роли въ теченіе по крайней мѣрѣ тридцати лѣтъ.

И вотъ, въ душѣ у меня родилось невольное сомнѣніе: можетъ ли она быть тою же Василисой?..

Разстаться, вытравить, такъ сказать, впечатлѣніе шестидесятыхъ годовъ я не могъ, и потому забралъ съ собой жену и отправился на „Василису Мелентьеву".

Увы! какъ сразу грохнулась въ моихъ глазахъ бѣдная Гликерія Николаевна!

Какъ живая, стояла она предо мной въ сценѣ встрѣчи съ Грознымъ, кинутый ею на него взглядъ; въ сценѣ съ сѣнной дѣвушкой, когда Маша входитъ въ комнату Василисы и видитъ ее примѣривающей богатый головной уборъ; сцена съ Колычевымъ тоже воскресла во мнѣ: ея фраза „Голубчикъ бѣлый, отрави царицу"— звучитъ въ моихъ ушахъ...

Я вижу какъ сейчасъ, какъ Грозный-Самаринъ ведетъ послѣднюю передъ убійствомъ сцену съ уснувшей Ѳедотовой-Василисой, бредящей Колычевымъ...

И вдругъ...

„Но нѣтъ, умолкни, лира! (Лермонтовъ).

Передо мною была бабелинища размѣровъ необъятныхъ... Штукатурка фунтами сыпалась съ ея отвислыхъ щекъ... По сценѣ она бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей пламя пышетъ...

Ужасно!

Но, говорятъ: „Любви всѣ возрасты покорны!"

Говорятъ: „сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро!"

Прощай, моя мечта! Прощайте, впечатлѣнія молодости! Убилъ я васъ за собственный цѣлковый.

Московскій Малый театръ называютъ теперь то домомъ Щепкина, то домомъ Мочалова,—этихъ двухъ гигантовъ русской сцены, одного въ комедіи, другого въ трагедіи. Ни того, ни другого мнѣ видѣть не пришлось. Но духъ ихъ въ мое время дѣйствительно виталъ еще въ стѣнахъ родного имъ театра; дѣйствительно, оставленныя ими традиціи были еще сильны, и наслѣдники ихъ и ученики умѣли блестяще поддерживать прочно сложившуюся репутацію Московскаго Малаго театра!

А наслѣдники эти были: С. В. Шумскій, И. В. Самаринъ, П. М. Садовскій, В. И. Живокини, Н. М. Медвѣдева, Е. Н. Васильева,

Акимова, Степановъ, Никифоровъ, не считая молодежи: Ѳедотовой, Никулиной, Музиля и др.

Какія все большія имена!

Премьеромъ считался Шумскій. Меня удивляетъ, почему отзывы о немъ критиковъ того времени были всегда болѣе или менѣе сдержанны, тогда какъ этотъ артистъ, по моему мнѣнію, былъ рѣдчайшій самородокъ какъ по своему разностороннему таланту, такъ и необычайной трудоспособности.

Найдите мнѣ другого такого артиста, который бы могъ играть, и играть безподобно, захватывающе, такія разнообразныя роли, какъ: Іоанна Грознаго и водевиль „Средство выгонять волокитъ"; Кречинскаго и Аркашку; Телятева (въ „Бѣшеныхъ деньгахъ") и Василія Шуйскаго (въ „Самозванцѣ" Островскаго); Жадова и Бородавку („Каширская старина"); Полонія въ „Гамлетѣ" и семинариста Новоникольскаго въ „Гражданскомъ бракѣ"?

А Мольеровскія піесы: „Продѣлки Скапена", „Тартюфъ"? Укажите мнѣ драму, въ которой бы онъ не захватилъ зрителя, и комедію съ водевилемъ, гдѣ бы онъ не положилъ зрителя отъ смѣха!

Удивительный діапазонъ (если можно такъ выразиться) таланта!

И никогда вы на сценѣ не видали С. В. Шумскаго, а видѣли Грознаго, Кречинскаго, Телятева со всѣми особенностями ихъ характеровъ, гримма, походки, взгляда, манеры!

Величайшій былъ артистъ!

Для этого человѣка не существовало амплуа. Онъ игралъ все и вездѣ былъ безподобенъ. Границы его таланта кончались купеческими ролями, до которыхъ онъ не касался.

Да, Шумскій былъ не только громадный талантъ и умъ, но и работникъ, вѣчно занятый, вѣчно стремящійся къ совершенствованію.

Поищите-ка такого другого...

Прямымъ наслѣдникомъ его я считаю А. П. Ленскаго, амплуа котораго было тоже разнообразно. Они не спеціализировались на какихъ-нибудь роляхъ извѣстнаго пошиба, не утомляли зрителя однообразіемъ, да и сами-то не укладывались въ узкія рамки для вѣчнаго прозябанія. Ленскій, какъ извѣстно, игралъ и Шекспира, и Яшку „На Пескахъ".

Въ роляхъ купцовъ, мѣщанъ, чиновниковъ извѣстной окраски, царилъ знаменитый Провъ Михайловичъ Садовскій. Его сфера была уже Шумскаго, но въ своихъ роляхъ онъ былъ недосягаемъ.

Садовскій былъ, что называется, серьезнымъ комикомъ; увидать въ его игрѣ какой-нибудь фортель было нельзя; да и вообще къ фортелямъ тогда труппа Малаго театра не прибѣгала; фортели

строго преслѣдовались самими артистами. Развѣ только любимецъ москвичей В. И. Живокини составлялъ исключеніе изъ общаго правила, но онъ былъ любимецъ, и ему многое прощалось, даже критикой.

Нѣтъ, Садовскій былъ совсѣмъ другое. Силою своего громаднаго таланта онъ удивительно охранялъ границы, за которыя переходить безнаказанно было нельзя. Я говорю, конечно, о роляхъ серьезныхъ: Любима Торцова, Краснова („Грѣхъ да бѣда") и т. п.; но и въ другихъ роляхъ, чисто комическаго свойства, гдѣ перейти въ шаржъ было очень легко, онъ никогда не выходилъ изъ рамокъ правды.

Онъ морилъ со смѣху публику, ни разу даже глазами не улыбнувшись. Припоминается мнѣ исполненіе имъ ролей: Колечкина „Къ мировому", Подхалюзина „Свои люди", Расплюева „Свадьба Кречинскаго", въ „Доходномъ мѣстѣ" (Юсова).

А до чего онъ былъ хорошъ въ піесахъ Мольера! Его фраза: (кажется „Лѣкарь по неволѣ"): „И за какимъ чертомъ я пошелъ на эти проклятыя галеры!"—до сихъ поръ сидитъ у меня въ ушахъ.

Много видѣлъ я артистовъ, игравшихъ эти роли, но, увы! ни Шумскаго, ни Прова Садовскаго, барича-Самарина — я уже не встрѣчалъ.

Вѣками родятся такіе люди!

Я самъ не видалъ, но слыхалъ про невѣроятное происшествіе: Провъ Садовскій исполнялъ роль Іоанна Грознаго!

А было это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ награду за продолжительную службу какому-то маленькому актеру, или суфлеру, дирекція дала бенефисъ.

Ну, на какой же сборъ могъ разсчитывать незамѣтный театральный чернорабочій? Само-собою, что нужно было сочинить что-нибудь выдающееся, выходящее изъ ряда вонъ.

Идти съ этимъ дѣломъ къ премьеру Шумскому было трудновато: горденекъ былъ Сергѣй Васильевичъ и не легко отзывался на нужды младшаго брата, а Садовскій—простецъ по натурѣ,—со всѣми былъ хорошъ, всѣ его любили, и ко всѣмъ онъ относился душевно.

И вотъ бѣдняга идетъ къ нему и проситъ помочь.

Отзывчивая, простая, русская душа Прова не только не могла отказать, а готова была дѣйствовать даже во вредъ себѣ, только бы помочь маленькому человѣчку!

И онъ соглашается играть.

— Что же прикажете поставить, Провъ Михайловичъ?

— Да ставь... „Грознаго"!

— ?!

Бѣдняга вытаращилъ на него удивленные глаза и изобразилъ изъ себя знакъ вопросительный.

Ужъ не шутка ли это?

— Что̀, удивилъ?

— Да... какъ же-съ... помилуйте... Что же вы тамъ будете играть?

— Разумѣется, Грознаго!

— Да... вы... не шутите?

— Ничуть. Ставь. Сборъ будетъ, а объ остальномъ не заботься.

Въ какой піесѣ игралъ Садовскій Грознаго, я не помню. Но онъ игралъ. Вся Москва съѣхалась смотрѣть на это чудище: Садовскій—Грозный!

Сборъ громадный. Цѣль достигнута.

Какъ ужъ онъ съигралъ — Христосъ его знаетъ, но, помнится мнѣ, суть рецензіи этого спектакля: Шумскій игралъ Грознаго; Самаринъ игралъ Грознаго; ну, какъ же мнѣ, Садовскому, не сыграть Грознаго?

Но такая рецензія прошла мимо уха добрѣйшаго человѣка, ничуть не задѣвши его, а доброе-то дѣло сдѣлано: мелкая театральная сошка собрала деньгу.

За правду не ручаюсь. Передаю это какъ слухъ, ходившій въ то время въ средѣ театраловъ.

До чего былъ всегда хорошъ третій столпъ и утвержденіе малаго театра—И. В. Самаринъ.

Его конекъ былъ — баричи. Какъ онъ войдетъ, какъ сниметъ перчатки, сядетъ въ кресло, поставитъ на полъ около себя цилиндръ, встанетъ, поклонится, уйдетъ — во всемъ виденъ баринъ съ головы до ногъ...

Реализмъ игры всей вообще труппы дома Щепкина доходилъ до послѣдняго предѣла. Дальше идти было некуда.

Если вы примете во вниманіе, что многіе изъ этихъ артистовъ воспитались на ходульныхъ піесахъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, такъ называемаго ложно-классическаго репертуара, то какая должна была быть работа преемниковъ Щепкина, чтобы перевести игру ходульную въ плоскость реализма, чтобы театръ изображалъ жизнь, какъ она есть, чтобы наслѣдство Гоголя царило не только въ литературѣ, но и на сценѣ.

Иностранный репертуаръ — и трагедія и комедія, Шекспиръ и Мольеръ — имѣли въ Самаринѣ высокоталантливаго исполнителя. Въ Самаринѣ, какъ и въ Шумскомъ, мы видѣли артиста, не отдавшагося исключительно той или другой отрасли драматическаго искусства, не влѣзшаго въ какую-то одну скорлупу, оспеціализи-

ровавшагося въ ней; нѣтъ, въ трагедіи, какъ и въ комедіи, онъ чувствовалъ себя и былъ одинаково на своемъ мѣстѣ. Онъ играетъ царя Грознаго, играетъ короля Клавдія (Гамлетъ), но играетъ и Тартюфа, и Фамусова, видѣлъ я его и въ городничемъ.

Вотъ только... Грозный... въ „Василисѣ Мелентьевой"...

Я видѣлъ его въ этой роли нѣсколько разъ. Что онъ былъ безподобенъ—объ этомъ нечего и говорить: духовный обликъ Грознаго, характеръ, данъ имъ безукоризненный; но плоть его, крупная, грузная, совсѣмъ была неподходяща для Ивана; не могъ быть Грозный, вѣчно нервный, вѣчно готовый вспыхнуть, какъ порохъ, вѣчно мучимый угрызеніями совѣсти за совершенныя имъ убійства,—не могъ Грозный быть такимъ упитаннымъ...

И артистъ сознавалъ это: онъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобы затушевать свою полноту: напримѣръ, въ „Василисѣ Мелентьевой" онъ надѣвалъ темно-коричневый атласный кафтанъ и выходилъ въ немъ и въ садъ, и въ опочивальню Василисы. Конечно, этотъ цвѣтъ очень скрадывалъ его полноту.

Да и не могъ онъ не сознавать этого, видя почти одновременно фигуру Шумскаго, игравшаго Грознаго въ трагедіи графа А. Толстого.

И за это Самарина въ мое время называли не Грознымъ, а мясникомъ.

Ну... такой отзывъ черезчуръ рѣзокъ.

Исполнительницы женскихъ ролей тоже были велики, но уступали мужчинамъ. Припомните Васильеву, Медвѣдеву, Акимову, Ѳедотову, Никулину, и вы тогда поймете, какіе алмазы сверкали на сценѣ Императорскаго Московскаго Малаго театра.

Режиссеромъ былъ тогда Богдановъ; маленькій, сѣденькій старичекъ. Само собою разумѣется, что роль его при такой труппѣ сводилась только къ обстановкѣ, а въ художественномъ отношеніи къ нолю. И несмотря на отсутствіе руководителя, такъ сказать, камертона, артисты разыгрывали піесы удивительно.

Сейчасъ много пишутъ о Московскомъ Художественномъ театрѣ. Мнѣ не пришлось ни разу посѣтить его, и потому я не могу высказаться о немъ въ ту, или другую сторону. Но мнѣ кажется, что царящій въ немъ духъ талантливаго г. Станиславскаго убиваетъ въ актерахъ всякое стремленіе къ самостоятельной работѣ. Творитъ Станиславскій, а актеры при такихъ условіяхъ должны превратиться въ граммофоны плюсъ синематографъ. Однимъ словомъ—это трудолюбіе всѣхъ, и искусство — одного. Личность актера погребена...

Впрочемъ, повторяю, мнѣ такъ это кажется, и я свое мнѣніе легко могу взять назадъ, если мнѣ докажутъ, что я ошибаюсь.

VII.

Цѣлое лѣто я ходилъ въ театръ и заразился имъ. Театромъ я бредилъ, безъ театра скучалъ. Будучи на старшемъ курсѣ, я началъ понемногу погружаться въ театральное болото. Зимній сезонъ трудненько было попасть безплатно въ оркестръ, и приходилось тратить по 30 коп. за билетъ на галерку, гдѣ собирались главные цѣнители и судьи. Свелъ знакомство съ нѣкоторыми учениками театральнаго училища. Все это были дѣти служащихъ въ театрѣ: капельдинеровъ, маленькихъ актеровъ, музыкантовъ. Помню, у одного изъ нихъ устроили мы домашній спектакль. Что̀ играли и какъ играли, не помню. Помню, что дѣло происходило въ маленькой квартиркѣ: гостиная, отдѣленная отъ зала аркою, была у насъ сценой; занавѣсью служило не то красное ваточное одѣяло, не то сшитыя кумачевыя оконныя занавѣски. Но мы играли и чувствовали себя очень хорошо.

Театральный бѣсенокъ во мнѣ возрасталъ и укрѣплялся.

Дѣла мои на курсахъ шли весьма удовлетворительно, и предстоящихъ выпускныхъ экзаменовъ я не боялся. И дѣйствительно, они прошли у меня неожиданно хорошо, да и всѣхъ насъ инспекторъ поздравилъ съ успѣшнымъ окончаніемъ. Я окончилъ третьимъ, но не думайте, что это очень высокое мѣсто: третій изъ шестерыхъ, хотя баллы у меня были весьма порядочные.

Это былъ 1867 годъ.

Первое, что было сдѣлано мною послѣ экзаменовъ—это куплена форменная фуражка съ кокардою. На Кузнецкомъ мосту стоялъ полицейскій стражъ, который какъ-то, когда я проходилъ мимо него въ своей новой фуражкѣ, отдалъ мнѣ честь.

Погубилъ онъ меня, подлецъ, этою честью!

Вотъ я и повадился ходить мимо него. Хоть и не по дорогѣ мнѣ, а ужъ непремѣнно, если увижу издали этого простяка, пройду мимо него, а онъ козырнетъ. Это мнѣ очень нравилось. Разъ даже мать свою повелъ: смотри, молъ, какой у тебя сынъ-то!

Что значитъ семнадцатый-то годъ отъ рожденія! Все это забавляло.

Ахъ, юность, юность золотая!

Окончивши курсъ и получивши послѣднюю стипендію, мы задумали отпраздновать это событіе пирушкой. Да не кой-какой, а сравнительно, грандіозной, такъ чтобы рубля по полтора съ носа вышло!

На Лубянской площади, противъ Никольскихъ воротъ, на углу,

былъ трактиръ; чей—не помню. Вся Лубянская площадь (торговцы) посѣщали его: пили чай, водку, закусывали, тутъ же творили и свои дѣла и дѣлишки.

Вотъ въ этотъ-то трактиръ и отъявилась наша компанія. Заняли большой столъ, заказали водки, закуски и обѣдъ. Обѣдъ былъ богатѣйшій: помню раковый супъ съ великолѣпной осетриной, приготовленъ—объяденье! Дешевизна—поразительная, а порціи... да въ настоящее голодное время, когда желудки воспитываются на вѣчномъ воздержаніи, каждая порція свободно четверыхъ накормитъ, а тогда мы спрашивали порцію на двоихъ, и стоила она сорокъ копѣекъ.

Но тутъ со мной случился инцидентъ, въ которомъ я, право, не виноватъ, но разсказать я считаю не лишнимъ.

Московскіе торговцы Никольской улицы, Лубянской площади, Охотнаго ряда и т. п. бойкихъ торговыхъ пунктовъ, отличались своимъ зубоскальствомъ. Въ комедіяхъ Островскаго можно много найти монологовъ и діалоговъ, подтверждающихъ это. Дать какое-нибудь прозвище запьянцовской кокардѣ (прозвище большею частью ядовитое и остроумное), или своему приказчику, или половому въ трактирѣ—было дѣломъ обычнымъ.

Такъ было и тутъ.

Народу пропасть набралось въ трактирѣ.

Прислуживалъ намъ половой, разбитной, старательный малый, въ бѣлой рубашкѣ и штанахъ; у него было блѣдноватое лицо въ веснушкахъ, рыжеватые волосы острижены въ скобку, жидкіе усы и клочками рыжеватая бороденка.

Мы сидимъ, ведемъ свой разговоръ и на остальную публику не обращаемъ никакого вниманія. Только частенько слышимъ въ разныхъ концахъ зала восклицанія:

— Тппрр!

— Тпр!

— Тпр!

Что такое? Какая-то ерундища!

И раздается это „тпр“! когда мимо проходитъ нашъ половой. Смѣхъ стоитъ во всемъ залѣ неумолчный. Слышимъ, нашъ половой начинаетъ огрызаться направо и налѣво.

Мы опять этому не придаемъ никакого значенія.

Я всегда носилъ съ собою толстый портсигаръ папиросъ, которыми пользовались почти всѣ мои товарищи. Такъ было и тутъ.

Но чтобы постоянно не лазать за ними въ карманъ, я развернулъ портсигаръ и положилъ его на столъ. Подавая намъ водку и закуску, половой нечаянно накрылъ салфеткой и мой портсигаръ.

Одинъ изъ товарищей обращается ко мнѣ и говоритъ:

— Ну-ка, дай-ка мнѣ папиросочку!

Я въ карманъ—нѣтъ портсигара, я въ другой—и тамъ нѣтъ...

Въ это время половой собираетъ съ нашего стола глубокія тарелки, въ которыхъ мы ѣли супъ.

Разыскивая портсигаръ, я сталъ рукою хлопать по столу и нащупалъ его, прикрытаго салфеткой; приподнимаю одной рукой конецъ салфетки, а другой лѣзу за портсигаромъ...

Вдругъ слышу сзади меня... грохъ!

Испугался страшно, обертываюсь и вижу: стоитъ половой, весь дрожитъ, растопыренныя руки трясутся, а на полу валяется вся разбитая вдребезги посуда...

Вся публика заржала такъ, какъ я отъ роду не слыхивалъ, а половой стоитъ и ругается самыми скверными словами, на чемъ только свѣтъ стоитъ!

Я удивленно смотрю на него, а онъ-то ругается... онъ-то ругается; публика же помираетъ со смѣху; только я и вся наша компанія не принимаетъ въ общемъ весельи никакого участія, такъ какъ рѣшительно не понимаетъ, въ чемъ дѣло.

Сверкающіе глаза и дышающее злобой лицо полового заставило моего товарища, силача А., подойти ко мнѣ, чтобы оградить отъ возможнаго со стороны ополоумѣвшаго малаго оскорбленія.

Пришелъ на шумъ хозяинъ, половому велѣлъ уйти, а насъ просилъ успокоиться.

Послѣ объяснился этотъ инцидентъ.

Половой какъ-то покупалъ себѣ въ деревню лошадь, да вмѣсто одной, по ошибкѣ, купилъ другую. Пріѣхалъ въ Москву да и разсказалъ чистосердечно объ этой своей бѣдѣ постояннымъ посѣтителямъ трактира, а тѣ, вмѣсто помощи, на которую разсчитывалъ простота, подняли его на смѣхъ, устроили себѣ увеселеніе... Тпрр! да „тпрр“!

Такъ и пошло... Со свѣта Божьяго сжили малаго!.. До бѣлаго каленія довели!

Да, московское купечество того времени, а особенно мелкое: изъ „города“, съ Ильинки, Никольской, а тѣмъ болѣе торговцы Лубянской площади любили устроить себѣ потѣху изъ всего. Дикости въ нихъ еще и теперь довольно, только прикрыта эта дикость легкою дымкой; а въ тѣ времена она всѣхъ дивила своей откровенностью.

Пройди по Ножовкѣ какой-нибудь бѣдняга,—сейчасъ дадутъ прозвище и подымутъ хохотъ.

Другой трактиръ, въ который мы заглядывали иногда, это былъ

Егорова въ Охотномъ ряду. Грязноватъ былъ онъ, и даже очень, но кухня, русская кухня была великолѣпна! Такой осетрины, ветчины, поросятины въ рѣдкомъ трактирѣ Москвы можно было найти; развѣ только въ большомъ Московскомъ, Гурина, у Тѣстова, да на Ильинкѣ въ Биржевомъ, да и то по значительно повышеннымъ цѣнамъ, конечно, за обстановку.

А блины? Ахъ, какіе были эти блины!

Платили вы 20 коп. за десятокъ и вамъ подавали блины съ чѣмъ угодно: съ ветчиной, съ осетриной, съ яйцами. Икра-дешевка, сметана даромъ. Ѣшь эти блины и не чувствуешь—во рту таютъ; только дома они давали себя знать тяжестью ужасною...

Егоровскій трактиръ былъ трактиръ старообрядческій. На стѣнѣ, помню, висѣлъ портретъ Селиванова, ихняго знаменитаго начетчика и заправилы; пепельницъ и спичекъ—ни одной; курить не позволялось. Клюквеннаго квасу пей сколько хочешь, если не даромъ, то за страшно дешевую плату.

А вотъ, года два тому назадъ, я, по старой памяти, заглянулъ въ этотъ трактиръ. Хоть и не думалъ я застать тамъ старые распорядки, но ужъ никакъ не ожидалъ того, что встрѣтилъ: швейцаръ въ поддевкѣ; на всѣхъ столахъ пепельницы, значитъ—можете курить; стало почище, но не намного; блины подаются порціями: шесть штукъ восемь гривенъ, и ужъ далеко не тѣ знаменитые воронинскіе блины, какіе я ѣлъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Прогрессъ! ничего не подѣлаешь.

Думали ли когда старообрядцы, эти твердые духомъ люди, многое и многое претерпѣвшіе, что придетъ время, которое не пощадитъ ни ихъ насиженнаго мѣстечка, ни ихъ свычаевъ—обычаевъ?!...

Лѣтомъ этого же года (1867) у меня умеръ отецъ. Въ Ильинъ день собрались мы на Пятницкое кладбище. Мы съ отцомъ отправились туда сейчасъ же послѣ обѣда пѣшкомъ, а мать съ младшимъ братомъ должны были пріѣхать послѣ. День былъ жаркій; отецъ, человѣкъ довольно полный, пришелъ на кладбище весь мокрый; снялъ пиджакъ и улегся на прохладную могилу своей первой жены. Потомъ пріѣхала мать; стали пить чай и закусывать; немного погуляли, подышали свѣжимъ воздухомъ, и всѣ пѣшкомъ отправились домой.

Въ этотъ день вечеромъ ждали пріѣзда Государя въ Москву. Встрѣчи Царя въ Москвѣ тогда были торжественныя. Вся душа и сердце народа принадлежали Царю, и потому понятно, что въ домѣ оставался только старъ да малъ, а все здоровое и свободное населеніе Москвы шло къ Николаевскому вокзалу и запруживало

улицы отъ вокзала до Кремля. Хотѣлъ и я идти, несмотря на усталость, но вдругъ отецъ упалъ въ кресло и захрипѣлъ...

Я бросился въ клинику за врачемъ, но, увы, ни одного не было дома, всѣ ушли встрѣчать Государя. Какого-то дежурнаго фельдшера мнѣ пришлось подцѣпить и привести къ себѣ; онъ отворилъ отцу кровь, назначилъ какое-то лѣкарство, но все было напрасно: подъ утро отецъ скончался.

Похоронили. Мать страшно скучала, да и дѣло было на рукахъ. Хоть уѣзжать мнѣ на службу при такихъ условіяхъ было и не сподручно, а дѣлать нечего, надо ѣхать.

Мать стала со мной заговаривать уже о томъ, что нельзя ли остаться; какъ, де, я тутъ буду одна, безъ мужчины...

— Да и ты-то куда поѣдешь?

— Да какъ же, мама, остаться-то? Нельзя: вѣдь я стипендію получалъ; обязанъ ѣхать. Пойду къ директору, посовѣтуюсь, какъ быть.

И, дѣйствительно, пошелъ. Прихожу; принимаетъ.

Директоромъ народныхъ училищъ въ то время былъ прелестнѣйшая личность, А. Н. Соколовъ: добрый, внимательный, обходительный. Мы всѣ его очень любили и шли къ нему, какъ къ отцу родному.

— А! обманщикъ, здравствуйте! Какъ же это вы насъ всѣхъ такъ надули?

Я глаза вытаращилъ... Чего, чего, а ужъ такого пріема я никакъ не могъ ожидать.

— Въ чемъ же, Александръ Николаевичъ?

— Да что вы, батенька! у насъ на курсы принимаютъ только шестнадцати лѣтъ, а вы успѣли ужъ и кончить по семнадцатому году... Останьтесь-ка еще на годикъ... поживите въ Москвѣ... поучитесь... попользуйтесь стипендіей,—а то для учительства вы еще молоденьки...

Тутъ только я припомнилъ, какъ все это случилось. Выходило, дѣйствительно, такъ, что я ихъ поднадулъ...

Дѣло въ томъ, что я, какъ разсказывалъ выше, держалъ экзаменъ прямо на второй курсъ и выдержалъ. Когда зачислили меня слушателемъ-стипендіатомъ, инспекторъ сталъ требовать у меня документы. Я обѣщалъ принести. Спросилъ дома свою метрику и вижу, что шестнадцать лѣтъ мнѣ исполнится только въ декабрѣ. Я отдалъ метрику опять матери, и сколько ни приставалъ ко мнѣ инспекторъ съ требованіемъ документа, я все угощалъ его завтраками, и такъ дотянулъ до декабря, а тамъ принесъ и отдалъ ему. Онъ посмотрѣлъ, прочиталъ, что-то промычалъ себѣ подъ

носъ и ушелъ. Вѣроятно, онъ не обратилъ вниманія на то, что я уже на послѣднемъ курсѣ.

Само собою разумѣется, что это обстоятельство было кстати, и я ему очень обрадовался. А все-таки говорю директору:

— Позвольте мнѣ, в. п., посовѣтоваться съ матерью...

— Ну, что жъ... доброе дѣло... доброе дѣло... Ступайте и завтра принесите отвѣтъ.

Я раскланялся и вышелъ.

VIII.

Мать была страшно рада этому, такъ что все устраивалось къ общему удовольствію.

Но товарищи всѣ были удивлены: они никакъ не ожидали, что среди нихъ былъ такой малецъ.

Кокарду я свою снялъ, а дырочку на картузѣ отдалъ заштопать.

Отецъ умеръ; я остался на второй годъ; дѣлать, думалъ, будетъ нечего; самъ себѣ баринъ... Гуляй, не хочу! Однимъ словомъ, воля!..

Хорошая эта штука—воля, но далеко не для всѣхъ. Ты сначала воспитай характеръ, умѣнье располагать собой, своими поступками, да тогда ужъ и думай о волѣ.

Мнѣ думается, что воля для насъ, русскихъ, въ большинствѣ своемъ людей мягкихъ, безвольныхъ, добродушныхъ, да и (нечего грѣха таить) съ природной лѣнцой, воля не, ахти, какая полезная штука. Вѣроятно, со мною согласятся многіе, посмотрѣвши съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ.

Любовь моя къ театру все развивалась и развивалась. Не только я самъ часто посѣщалъ московскую драму, но увлекъ на этотъ путь и многихъ моихъ товарищей. Любовь эта стоила денегъ, которыми мы всѣ далеко не могли располагать такъ свободно, какъ бы желалось. Поневолѣ пришлось (голь на выдумки хитра!) прибѣгнуть къ способу, далеко не всѣми одобряемому; въ домашнемъ обиходѣ способъ этотъ называется мошенничествомъ.

Въ Большомъ Московскомъ театрѣ мѣста на галеркахъ отдѣлялись одно отъ другого невысокой перегородкой; а въ Маломъ—этихъ перегородокъ не было. Это обстоятельство внушило намъ преступную мысль, что на двухъ мѣстахъ можно сидѣть и троимъ. И вотъ, мы собираемъ по двугривенному (вмѣсто 30 коп.) съ носу, получается сумма въ 60 коп., на которую одинъ идетъ и беретъ въ кассѣ два билета. Съ этими билетами двое идутъ и садятся на

мѣста, а третій ждетъ въ буфетѣ. Немного погодя, выходитъ одинъ изъ засѣвшихъ на мѣста товарищей и выноситъ съ собой билетъ, который взялъ у оставшагося въ театрѣ товарища, и передаетъ его третьему. Съ билетами въ карманѣ мы уже смѣло идемъ на свои мѣста, только черезъ другія двери.

— Вашъ билетъ? спрашиваетъ капельдинеръ.

— Да вѣдь ужъ вы видѣли! отвѣчаемъ мы и показываемъ свои билеты.

— Пожалуйте!

Тогда этотъ пріемъ невиннаго мошенничества былъ новъ, а потому капельдинеру и не въ домекъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; теперь же онъ практикуется повсюду, и потому распорядители, очень хорошо знакомые съ такими фортелями (можетъ и сами когда-то этимъ пользовавшіеся), принимаютъ всѣ мѣры къ возможному сокращенію числа любителей безплатныхъ удовольствій.

И вотъ я помню такой случай.

Тогда главнымъ пекаремъ и поставщикомъ театральныхъ піесъ былъ Дьяченко. Всѣ его піесы не особенно высокой пробы по содержанію и по глубинѣ мысли, но онѣ сценичны, выигрышны и потому пользовались успѣхомъ (какъ, напримѣръ: „Современная барышня“, „Свѣтскія ширмы“, „Жертва за жертву“ и др.), а особенно въ отдѣлкѣ тогдашней даровитѣйшей труппы Малаго театра. Но въ тотъ вечеръ, о которомъ я хочу повѣдать, была поставлена ходовая въ то время піеса Чернявскаго „Гражданскій бракъ“. Піеса эта имѣла удивительный успѣхъ въ публикѣ и шла чуть-ли не черезъ день и всегда при полномъ театрѣ. Пылкая тема на злобу дня, прекрасный языкъ автора, да и самое исполненіе ея лучшими силами театра: Самаринымъ, Шумскимъ, Садовскимъ, Вильде, Ѳедотовой, Медвѣдевой и др.,—все это вмѣстѣ взятое властно захватило публику, и можно смѣло сказать, что дѣйствительно вся Москва пересмотрѣла ее.

Нашъ божокъ Ѳедотова въ „Гражданскомъ бракѣ“ превосходила самое себя, и мы особенно свирѣпствовали въ пріемѣ ея. Окончилось первое дѣйствіе, мы неистово оремъ „Ѳедотову!“ Окончилось второе—опять „Ѳедотову!“, до хрипоты; аплодируемъ, стучимъ ногами.

Послѣ третьяго—то же.

И вдругъ, съ одной стороны, видимъ, приближается къ намъ полицейскій чиновникъ, а съ другой—капельдинеръ.

— Пожалуйте въ контору!

Шествіе тронулось: впереди полицейскій, за нимъ мы гуськомъ, а замыкалъ шествіе господинъ въ мундирѣ придворнаго лакея.

Я былъ молодъ, а одинъ изъ моихъ товарищей, В., который шелъ сзади меня, еще моложе. Испугался онъ страшно. И слышу я его дрожащій шопотъ:

— Г.! отдай билетъ, а то скажу...

— Какой билетъ?

— Какой... театральный. Я давалъ деньги нынче, а не ты...

Я такъ и покатился со смѣху. А онъ все время, пока сходилъ съ лѣстницы, твердилъ: отдай билетъ, да отдай билетъ.

— Убирайся къ чорту! нѣтъ у меня никакого билета. Да ты скажи, что потерялъ.

Привели насъ въ контору театра, опросили, кто мы такіе, гдѣ живемъ, все это аккуратненько записали и отпустили насъ съ Богомъ на верхъ досматривать піесу.

Никакихъ послѣдствій для насъ этотъ инцидентъ не имѣлъ, хотя мы самымъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ указали наши адреса, какъ невинные агнцы, никогда не бывавшіе въ подобныхъ передѣлкахъ.

А полицейскій, очевидно, былъ увѣренъ, что мы ему наврали и, конечно, разорвалъ свою запись.

Напужалъ только моего коллегу-то!

Оканчивались наши уроки ежедневно въ шесть часовъ вечера (съ 2-хъ), и мы въ компаніи трехъ—четырехъ человѣкъ отправлялись домой по Кузнецкому мосту.

Ну и озорники же были, я вамъ скажу!

Озорство было подъ часъ довольно глупое, а иногда и нелишенное извѣстнаго остроумія.

Отличался въ этомъ силачъ-семинаристъ А.

Помню такой случай. Кузнецкій мостъ ярко блеститъ огнями, главнымъ образомъ изъ оконъ своихъ блестящихъ магазиновъ. Конечно, объ электричествѣ тогда въ Москвѣ не имѣли понятія, но все-таки было очень свѣтло.

Былъ довольно сильный морозъ. Среди изящной публики, франтовъ-кавалеровъ и франтихъ дамъ, фланировавшихъ безъ всякой опредѣленной цѣли, мелькали и намазанныя фигуры милыхъ, но падшихъ созданій.

И вотъ одна изъ этихъ несчастныхъ идетъ тихонько впереди насъ.

И вдругъ А. набралъ слюней съ примѣсью носовой жидкости, да какъ харкнетъ и прямо на шубу дѣвы прекрасной. Я его толкаю въ бокъ и тихо говорю:

— Что ты!!

А онъ и другой разъ то же самое.

Сильный морозъ тотчасъ же сдѣлалъ свое дѣло, и на шубкѣ дѣвицы сидѣли три—четыре сосульки.

А я закрылъ ротъ рукою и не могу удержаться отъ хохота.

Глупо! Теперь и самому совѣстно за такое озорство, а тогда было только весело.

На углу Петровки и Кузнецкаго моста былъ богатѣйшій магазинъ, кажется, француза Море. Останавливается А. на этомъ углу и кричитъ черезъ всю улицу:

— Эй! газетчикъ!

Газетчики съ другого троттуара летятъ со всѣхъ ногъ черезъ улицу.

— „Голосъ“ есть? спрашиваетъ А.

— Есть-съ...

— А „Время“?

— Есть-съ, пожалуйте!

— Ну, такъ спой что-нибудь! говоритъ А. и преспокойно идетъ себѣ дальше.

Ну, конечно, слышится въ догонку ругань разнощика, а А. и ухомъ не ведетъ, какъ будто это его совсѣмъ и не касается.

Или помню еще такой случай.

Вышла тогда дамская мода носить бедуины. Это обыкновенная тальма, но только съ мѣшкомъ сзади, какъ дѣлается теперь у гуттаперчевыхъ плащей.

26 августа былъ день коронаціи, и въ Александровскомъ саду всегда бывала иллюминація, музыка и большое гулянье. Публики—ну... сотня тысячъ, казалось. Садъ громадный, а мы двигаемся еле-еле, шагъ за шагомъ. И хотѣлось бы поскорѣй пройти, да невозможно.

Купилъ все тотъ же озорной А. десятокъ какихъ-то яблокъ. Идемъ мы съ нимъ и ѣдимъ себѣ яблочки, а впереди насъ какая-то небогатая купеческая или мѣщанская семья: довольно объемистая мамаша въ бедуинѣ, три дочки, да крупитчатый малый, лѣтъ одиннадцати. „Самого“ не было.

Гуляетъ мой А. да ѣстъ яблоки. Объѣстъ одно яблоко, а сердцевину кладетъ купчихѣ въ башлыкъ бедуина. Объѣстъ другое, а остатки туда же.

Я толкаю его въ бокъ да тихо говорю:

— Что ты дѣлаешь!?.

— Ничего, спокойно отвѣчаетъ А. Терпѣть не могу нечистоплотности. Что это за хамство, объѣдятъ и бросятъ здѣсь же. А тутъ видишь какое великолѣпное приспособленіе выдумали: всѣ объѣдки въ одномъ мѣстѣ. Ея хозяйское сердце должно порадоваться, какъ домой придетъ.

Вотъ ты тутъ и разговаривай съ такимъ ахалъ-текинцемъ.

IX.

Не могу припомнить, какимъ образомъ и чрезъ кого именно я попалъ въ тогдашній Артистическій кружокъ, который помѣщался на Большой Лубянкѣ, въ домѣ Лабади, кажется, рядомъ съ третьей мужской гимназіей. Попалъ я туда въ качествѣ актера-любителя и участвовалъ въ тамошнихъ спектакляхъ.

О кружкѣ стоитъ поговорить.

Распорядителемъ и главнымъ режиссеромъ былъ артистъ Малаго театра Николай Евстафьевичъ Вильде.

Играя любовниковъ на сценѣ, онъ былъ въ Москвѣ законодателемъ мужскихъ модъ. Какую-нибудь парижскую новинку, фасонъ ли, матерію ли можно было увидать прежде всего на немъ.

Это былъ очень умный человѣкъ и умный артистъ, но, увы! огня небеснаго ему не было дано: своей игрой онъ не могъ захватить зрителей, а потому не пользовался ихъ особыми симпатіями, напротивъ, часто приходилось слышать выраженіе чувствъ противоположныхъ, да еще въ довольно рѣзкой формѣ. Много было въ немъ, какъ тогда говорили, деревяннаго. Но я этого не находилъ. Мнѣ Вильде очень нравился въ общемъ, хотя, правда, до струнъ души моей своей игрой касался очень рѣдко. Въ его фигурѣ не было достаточной гибкости; двигались у него только ноги да шея; вѣроятно, это обстоятельство и давало право на заключеніе о его „деревянности“. И все-таки, играя съ такими гигантами, какъ Шумскій, Садовскій, Самаринъ, онъ не портилъ впечатлѣнія. Конечно, тутъ ему много помогалъ его большой умъ и образованіе.

А режиссеръ онъ былъ чудесный!

Любительская труппа наша состояла преимущественно изъ молодежи, но были люди и пожилые, солидные. Тамъ свою артистическую карьеру началъ Миша Садовскій, недавно умершій большой артистъ Малаго театра.

Тогда еще юноша, длинный, худой, съ густыми черными волосами, онъ пользовался особенной симпатіею всѣхъ членовъ и кружка, и труппы. Всѣ, кромѣ меня, такъ и звали его Миша, да Миша!

Тамъ же начала свою артистическую карьеру, здравствующая и нынѣ, О. О. Лазарева, жена Михаила Провыча Садовскаго, изъ которой выработалась превосходнѣйшая, высокоталантливая артистка Московскаго Малаго театра. Начала Ольга Осиповна съ молодыхъ лѣтъ играть старухъ и на амплуа старухъ поступила на императорскую сцену. Достались ей въ наслѣдство роли знаменитой С. П. Акимовой, и само собою разумѣется, что трудно было

первое время молодой артисткѣ завоевывать себѣ положеніе на сценѣ. Спорить даже съ тѣнью Акимовой, пользовавшейся общею любовью москвичей, было мудрено. Но молодая артистка не испугалась. Она, чуя въ себѣ искру Божію, смѣлою рукой взялась за наслѣдство Акимовой, но пошла своей дорогой, нисколько не стараясь подражать ей. Эта самостоятельность скоро была замѣчена и оцѣнена публикой по достоинству, и О. О. какъ-то сразу стала увѣренной ногой на твердую почву и такъ не сходила съ нея всю жизнь.

Затѣмъ помню молодого некрасиваго артиллерійскаго поручика В. А. Макшеева.

Играя на сценѣ кружка, Владиміръ Александровичъ проявлялъ недюжинныя способности. Когда задумалъ Вильде поставить „Ревизора“, то роль городничаго онъ поручилъ не кому другому, а именно молодому Макшееву, хотя въ труппѣ были и другіе весьма талантливые любители, какъ, напримѣръ: Заруцкій, Леонтьевъ и Сусоровъ, люди солиднаго возраста, которымъ по внѣшности болѣе бы подходилъ Сквозникъ-Дмухановскій.

Роль Хлестакова была поручена молодому Садовскому; слесаршу Пошлепкину—играла О. О. Лазарева, будущая Садовская; я тоже принималъ участіе въ этомъ событіи исполненіемъ двухъ ролей: Мишки и трактирнаго слуги и провелъ ихъ вполнѣ удовлетворительно. Я называю это событіемъ потому, что въ то время далеко не всякая труппа провинціальныхъ актеровъ отважилась бы на постановку „Ревизора“.

Тутъ кстати я могу разсказать, какой порядокъ существовалъ въ кружкѣ при распредѣленіи ролей въ піесѣ.

Роли не назначались режиссеромъ, а въ артистической комнатѣ, а иногда и въ библіотекѣ, клали на столѣ объявленіе о піесѣ, назначенной къ постановкѣ. Листъ объявленія дѣлился пополамъ: на одной половинѣ выписывались дѣйствующія лица, а на другой—г. г. любители вписывали свои фамиліи противъ той роли, исполненіе которой они желали бы взять на себя. Не запрещалось записываться на двѣ, на три роли. Въ числѣ другихъ записался и я на двѣ роли: трактирнаго слуги и Мишки.

Затѣмъ театральный комитетъ назначалъ сцены, которыя должны были исполнить въ его присутствіи записавшіеся конкурренты, и кто игралъ лучше, тому и предоставлялось исполненіе роли.

Хотя труппа была и большая, но на конкурсѣ я побилъ моихъ соперниковъ и завоевалъ обѣ эти роли, благо, они появляются въ разныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ же путемъ я добылъ себѣ роль Емели въ „Простушкѣ и воспитанной“.

Вотъ при какихъ условіяхъ досталось играть: Городничаго—

Макшееву, Садовскому—Хлестакова, Леонтьеву—Землянику, Сусорову—Осипа, Лазоревой-Садовской—слесаршу Пошлепкину, остальныхъ не помню.

Отношеніе театральнаго комитета было строгое и вполнѣ безпристрастное. Трое судей терпѣливо и крайне внимательно выслушивали каждую сцену, которую предъ ними разыгрывали конкурренты, отмѣчали у себя хорошія и слабыя стороны исполненія, и по окончаніи конкурса удалялись въ совѣщательную комнату, всесторонне обсуждали игру любителей и составляли окончательное и безапелляціонное распредѣленіе ролей.

Много положилъ труда Вильде на постановку этого спектакля и въ концѣ концовъ добился прекрасныхъ результатовъ: „Ревизоръ“ прошелъ блестяще.

Каждый вечеръ я проводилъ въ кружкѣ. То назначались считки, то репетиціи, а то и такъ придешь почитать газеты, посмотрѣть на большихъ людей.

Вотъ, напримѣръ, за карточнымъ столомъ сидитъ неизмѣнная компанія за преферансомъ: А. Н. Островскій и его куманекъ Провъ Садовскій; остальные партнеры часто мѣнялись; помню какъ-то разъ игралъ съ ними А. Ѳ. Писемскій; помню его грузную, фигуру, черные съ просѣдью кудрявые волосы и огромные, рачьи, на выкатъ глаза.

Часто въ то время посѣщали кружокъ и другія знаменитости.

Вотъ, напримѣръ, красивая фигура старшины кружка, извѣстнѣйшаго адвоката князя Александра Ивановича Урусова. Въ его физіономіи вы едва-ли встрѣтите хоть одну правильную черту. Казалось, что не рѣзецъ художника вытачивалъ его, а топоръ дровосѣка: ударилъ разъ—получился глазъ; ударилъ въ другой—готовъ и другой глазъ; поковырялъ кое-какъ между глазами, и готовъ носъ... Но въ общемъ лицо князя Урусова было чрезвычайно мило, а главное необыкновенно симпатично. А особенно, когда онъ начнетъ говорить: близорукіе глаза его играютъ изъ-подъ золотого пенсне, довольно мясистыя губы улыбаются пріятнѣйшею улыбкой; чрезвычайно мягкій тембръ голоса безъ вашего позволенія залѣзаетъ къ вамъ въ душу. Начнетъ говорить—музыка.

Читая его громовыя рѣчи съ каѳедры защитника, мнѣ было понятно, почему онъ не проигралъ, кажется, ни одного дѣла; мнѣ былъ понятенъ тотъ гипнозъ, посредствомъ котораго онъ имѣлъ такое неотразимое вліяніе на присяжныхъ засѣдателей...

Онъ былъ не изъ богатой семьи князей Урусовыхъ. Мнѣ пришлось какъ-то съ товарищемъ, который жилъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, идти домой по Пречистенкѣ.

— Вотъ домъ адвоката Урусова, говоритъ онъ.

Смотрю: маленькій деревянный въ три окна домикъ, окрашенъ въ темно-сѣрую краску, надъ калиткой вывѣска — княгини Урусовой.

Правда ли это, или нѣтъ, не знаю.

Люди ложь, и я тожъ.

При имени Урусова невольно приходятъ на память многія судебныя дѣла, въ которыхъ онъ принималъ участіе, какъ, напримѣръ, дѣло приходскаго учителя—соціалиста Нечаева, убившаго студента Петровской академіи Иванова, трупъ котораго онъ утопилъ въ академическомъ пруду.

Петровцы—академики были народъ безпокойный. Часто у нихъ бывали сходки, составилось тайное общество; народъ звалъ ихъ, какъ и вообще всѣхъ студентовъ, нигилистами. Словечко это только-что было тогда пущено въ ходъ И. С. Тургеневымъ въ лицѣ Базарова — героя нашумѣвшаго въ то время его романа „Отцы и дѣти".

Какія задачи были вообще у тайнаго общества петровцевъ—я въ то время не зналъ. Потомъ уже процессъ Нечаева раскрылъ мнѣ глаза. Ивановъ сталъ имъ мѣшать. Многихъ студентовъ удерживалъ Ивановъ отъ опаснаго пути. Нечаевъ все это видѣлъ; отлично понималъ, что Ивановъ главная помѣха, что его надо устранить, и... устранилъ, а самъ бѣжалъ въ Швейцарію.

Говорятъ, что этотъ трагическій эпизодъ изъ жизни студентовъ того времени послужилъ канвою для романа „Бѣсы" другого нашего геніальнаго психолога-романиста Ѳ. М. Достоевскаго.

Правительство потребовало выдачи Нечаева, какъ обыкновеннаго преступника-убійцу, Швейцарія долго отговаривалась, упирая на то, что Нечаевъ прежде всего политическій преступникъ, и совершенное имъ убійство было убійство на политической почвѣ.

Тогда кн. Урусовъ поѣхалъ въ Швейцарію и уговорилъ выдать Нечаева, при чемъ защиту его взялъ на себя. Нечаева выдали. Былъ судъ, на которомъ присутствовалъ швейцарскій консулъ; ему его правительствомъ было вмѣнено въ обязанность, чтобы на судѣ политическая сторона дѣла не затрагивалась.

Я не помню рѣчи Урусова; да вѣроятнѣе всего, что полностью она едва-ли была напечатана. Нечаевъ былъ осужденъ, но и его защитникъ потерпѣлъ: административнымъ порядкомъ Урусова выслали въ Финляндію, гдѣ вскорѣ ему было разрѣшено вступить на службу чиновникомъ особыхъ порученій при финляндскомъ генералъ-губернаторѣ.

Недолго продолжалась ссылка князя Урусова: вскорѣ онъ пере-

шелъ на службу въ министерство юстиціи и былъ назначенъ товарищемъ прокурора Варшавскаго окружнаго суда.

Изъ блестящаго адвоката вышелъ блестящій прокуроръ. Будучи прокуроромъ, онъ и эту каѳедру отмѣтилъ своимъ несравненнымъ талантомъ.

Въ газетахъ того времени, помню, мнѣ пришлось читать одно варшавское дѣло, въ которомъ въ качествѣ прокурора выступилъ А. И. Урусовъ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: молодой полякъ, наборщикъ какой-то типографіи, обвинялся въ убійствѣ своего хозяина, тоже поляка. Я не помню хорошо причинъ, которыя вынудили рабочаго убить своего хозяина (кажется, онъ плохо разсчитывался съ рабочими), но, хотя прошло почти сорокъ лѣтъ, я отлично помню эффектный конецъ рѣчи прокурора Урусова:

— „Г.г. присяжные засѣдатели! вы должны сказать преступнику нѣтъ: тебѣ мѣста среди насъ, честныхъ людей; нѣтъ тебѣ мѣста подъ яснымъ небомъ твоей родины—Польши, а иди въ Сибирь, и тамъ помирись, если сможешь, съ своею совѣстью и съ Богомъ!“

Ну, конечно, бѣднягу закатали.

Говорятъ, Урусовъ нажилъ большія деньги. Да и немудрено: онъ велъ крупнѣйшія дѣла, гремѣвшія тогда на всю Россію, какъ, напримѣръ, дѣло милліонера Овсянникова о поджогѣ мельницы, дѣло Маршанскихъ скопцовъ Плотицыныхъ, и др.

Да и не одинъ Урусовъ свѣтилъ въ то время яркою звѣздою на судебномъ небосклонѣ: вспомните Плевако, Спасовича, Соловьева, вспомните прокуроровъ Муравьева, Громницкаго и многихъ, многихъ другихъ...

И все это были шестидесятники, о которыхъ современная умственная немочь говоритъ съ перекошенною улыбкой на блѣдныхъ, тонкихъ губахъ...

Помню одно удивительное дѣло, разбиравшееся въ Рязанскомъ окружномъ судѣ. Это дѣло полковника Каструбо-Карицкаго, Дмитріевой, двухъ врачей, акушерки и др. о вытравленіи плода и кражѣ 38 тысячъ.

Подсудимые сваливали вину другъ на друга; одна Дмитріева, которую защищалъ Урусовъ, откровенно покаялась въ своемъ грѣхѣ. Геніальная защита съумѣла такъ запутать дѣло, что присяжные признали и вытравленіе, и кражу, а виновныхъ не нашли—всѣхъ оправдали!

Ну, развѣ это не гипнозъ такихъ адвокатовъ, какъ Урусовъ и Плевако?

А нынѣ?...

Одинъ прокуроръ окружнаго суда мнѣ говорилъ:

— Я очень рѣдкому кандидату на судебную должность довѣрю дѣло. Я больше вѣрю тридцатирублевому чиновнику-практику, чѣмъ нынѣшнему образованному юристу: ни знаній нѣтъ у нихъ, ни желанія работать, поучиться, ни способностей, ну—ничего!.. Гонору много, а толку чуть!

Печально, если это такъ. А скорѣй всего, что такъ...

Часто посѣщалъ кружокъ и выступалъ даже въ спектакляхъ въ качествѣ актера-любителя князь Григорій Васильевичъ Кугушевъ, авторъ небезъизвѣстнаго въ то время романа „Корнетъ Отлетаевъ", печатавшагося въ „Русскомъ Вѣстникѣ" Каткова.

Молодой, красивый, умный, находчивый, князь Кугушевъ отличался полнотой не по лѣтамъ. Не безобразной, нѣтъ; въ общемъ полнота эта нѣсколько скрадывалась его хорошимъ ростомъ, но вотъ шею у него украла уже сама природа: казалось, что голова его приставлена была прямо къ плечамъ. Такое впечатлѣніе производила его фигура.

Но это была симпатичнѣйшая личность: всегда милъ, любезенъ, внимателенъ, внимателенъ даже ко мнѣ, мальчугану и мелкой сошкѣ.

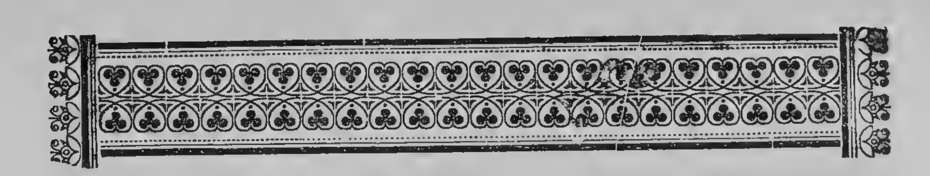
Великое дѣло кровь и воспитаніе.

Помню еще третьяго извѣстнѣйшаго князя-артиста, Юрія Николаевича Голицына. Голицынскіе концерты, которые онъ давалъ въ то время въ Зоологическомъ саду, и которые собирали десятки тысячъ слушателей, были извѣстны не только на всю Русь, но производили фуроръ и за границей, въ Европѣ и Америкѣ.

Капелла его была замѣчательная. Не даромъ онъ проживалъ на нее громадныя деньги и въ концѣ концовъ самъ прожился.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Каковы были лавки винной монополіи въ XVII вѣкѣ (1692 г.)?

7201—(т. е. 1692)-го году сентября перваго числа принели въ Шуйскомъ кружечнаго двора целовальники Иванъ Васильевъ съ товарищемъ, принели у целовальниковъ у Матвия Екимова съ товарищемъ кружечного доръ. На немъ хоромъ—изба старая; въ избѣ Божие милосердіе Пресвятые Богородицы Владимерские на краске, да стойка—тесомъ забрана, а печь ветхая, лавки и полати в ней есть; труба волоковая. Противо избы мшаникъ, а въ немъ Божіе милосердие образъ Пресвятые Богородице Казанския на краске, да печь ветхая; промежь ими сѣни, а подъ сѣньми погребъ ветхой. А двери западные; лѣсница на тетивахъ. Да поварну пивную ветхую безъ верху. На поварне чановъ: заторникъ да ходовой, два уполника да корыто спускное; да котелъ ветхой желѣзной дироватой, крюки желѣзные. Да извара печатная деревянная, другая работная. Да лейка и сито; да судовъ мѣдныхъ—полведра мѣдная орленая ветхая щилью, да ковшъ осмушьной мѣдной орленой; двѣ яндовы мѣдные—одна ветхая з-заплатами дировитая, да четверть деревянная орленая, да ковшь деревянной орленой, да пять бочекъ дубовыхъ да двѣ сосновыхъ. А роспись писалъ Вологжанинъ Івашко Івановъ по ихъ велѣнию. Наобор.: К сеі росnіске Гришка Ѳомнь і вмѣсто Івана Василеева по его велѣью руку приложилъ.

7201-го году сентября въ 1 день приняли целовальники Иванъ Ѳедоровъ сынъ Шапошниковъ да Ѳедоръ Корниловъ сынъ Ермачьковъ Обнорского кабака у целовальниковъ прошлого двоюсотого году у Григорья Семенова сына Крылова да у Ивана Ларивонова сына Красильника: Спасовъ образъ на краскѣ, погребъ лѣтьной ветхой и стѣны обвалилисъ, а на верху житье ветхое жь да кровьля ветхаяжь. да изьбу стоежьную ветхую и углы обвалились, а на той избѣ кровля дранижная ве хая. А въ той же избѣ печь глиняная

розвалилась, да на печѣ котельное днишько желѣзьное ветхое. А въ избѣ лавокъ нѣтъ. Да двери у той же избы на крюкахъ ветхое, да мшеникъ зимьной, а на немъ кровля жолобяная ветхоежь. Да во мьшеникъ печь глиняная. А у дверей полица замошьчная забойникомъ желѣзьнымъ ветхое. А промежь избою и мшеникомъ сѣны забраны въ стольбы ветхое, а на сѣняхъ и кровли нѣтъ. Да поварню пивьную ветхую—кровля обвалилась.—Да посуды мѣдные полведра печатное виная, двѣ яндовы мѣдные держаные. Да посуды деревянные—ушатъ пивной печатной да четверть пивная печатная, да ковшь печатной пивной копеешной, да котелъ пивной желѣзной ветхой изваръ въ пять или въ шесть, да у того котла крюки желѣзьные. Да на поварнѣ чанъ спускной, да корыто ветхое, да чанъ ходовой ветхой, ушатъ пивной работной, да воронка деревянная, да сито пивное, да лейка ветхое, да четыре бочьки дубовыхъ ветхіе, да бочка... виная, да пять бочекъ ветхіе и утлые, да бочька еловая... ная. Въ томъ мы и росписку дали Иванъ да Өедоръ—имъ Григорью да Ивану. А росписку писалъ по повелѣнью целовальниковъ Ивана да Өедора Алешка Аөонасьевъ сынъ Холщевъ-Никовъ.

Примѣчаніе. Шуйское село—въ 90 верстахъ къ сѣверовостоку отъ Вологды на р. Сухонѣ; Обнорскій ямъ—къ югу отъ Вологды верстъ 50.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1913 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Приложенія:

I. Портретъ Петра Дмитріевича Боборыкина (при I-й книгѣ).

II. Портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича (при II-й книгѣ).

III. Портретъ Петра Великаго, Императора Всероссійскаго (тамъ же).

IV. Портретъ Царя Михаила Ѳеодоровича (тамъ же).

V. Портретъ князя Платона Степановича Мещерскаго (при III-й книгѣ).

Критика и библіографія.

1. Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну 1904—1905 гг. А. Н. А. Изданіе князя Абамелекъ-Лазарева. П. 216—226.

2. Книги вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 1 по 20 декабря 1911 г. 227—232.

3. Гербовникъ Анис. Тит. Князева. 1785 г. Изд. С. Н. Тройницкій. Спб. 1912 г. (на оберткѣ январьской книги).

4. Е. Шмурло. Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Выпускъ I (XVIII вѣкъ). Спб. 1912 г. (тамъ же).

5. А. Ф. Риттихъ. Графъ Д. А. Милютинъ (тамъ же).

6. Н. Н. Кашкинъ. Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе. Подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго. Томъ I. Спб. 1912 г. (тамъ же).

7. М. Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в. Томъ II. Изд. Имп. Общ. Ист. и древн. Росс. при Москов. универс. М. 1912 г. (тамъ же).

8. М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ III. Спб. 1912 г. (тамъ же).

9. А. Я. Ефименко. Краткая русская исторія для народныхъ, начальныхъ и городскихъ училищъ и младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Спб. 1912 г. (тамъ же).

10. Извѣстія Таврической архивной комиссіи. № 48. Симферополь. 1912 г. (тамъ же).

11. Акты, издаваемые Виленскою комиссiею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXXVI. Акты Минскаго Гродскаго суда. 1582—1590 гг. Вильна. 1912 г. (тамъ же).

12. Три вѣка. Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сборникъ, подъ редакціей В. В. Каллаша. Томъ I—III. М. 1912 г. (на оберткѣ февральской книги).

13. Россія подъ скипетромъ Романовыхъ. Очерки изъ русской исторіи за время съ 1613 по 1913 г. Подъ редакціей проф. П. Н. Жуковича. Спб. 1912 г. (тамъ же).

14. А. П. Бѣльковскій. Избраніе на царство перваго царя изъ Дома Романовыхъ Михаила Θеодоровича. Подъ редакціей Н. Н. Ардашева. М. 1913 г. (тамъ же).

15. Трехсотлѣтіе царствующаго Дома Романовыхъ. Составила В. Краснова. Спб. 1913 г. (тамъ же).

16. Правители Россіи. Великіе Князья, Цари и Императоры. Стѣнной листъ съ 63 портретами. Спб. и М. 1913 г. (тамъ же).

17. Матеріалы для жизнеописанія академика Я. К. Грота. Хронологическій обзоръ его жизни и дѣятельности.—То же—Вступительный очеркъ. Предки, семья и дѣтство. Составилъ К. Я. Гротъ. Спб. 1912 г. (тамъ же).

18. Дмитріевы-Мамоновы. Составили и издали А. И. и В. А. Дмитріевы-Мамоновы (тамъ же).

19. Левитанъ. „Современное искусство". Серія иллюстрированныхъ монографій. Вып. 3. Очеркъ А. А. Ростиславова. — В. Я. (тамъ же).

20. У. Г. Иваскъ. Григорій Николаевичъ Геннади. (Обзоръ жизни и трудовъ). Изданіе Л. Э. Бухгеймъ. М. 1913 г. (на оберткѣ мартовской книги).

21. Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи № 49. Симферополь. 1913 г. (тамъ же).

22. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. 1610 — 1910 г.г. I томъ. Историч. изслѣдованіе проф. Д. В. Цвѣтаева. Москва-Варшава, in 8°. Стр. XXI + 609. Цѣна 6 р. (тамъ же).

23. Протоіерей Д. Н. Якшичъ. Изъ церковной исторіи православныхъ сербовъ конца XVII вѣка. Переходъ православныхъ сербовъ изъ Турціи въ Австро-Угрію въ 1690 г. Подъ руководствомъ патріарха Арсенія III Черноевича. Прага. 1912 г. (тамъ же).

24. С. Г. Сватиковъ. Обзоръ литературы по исторіи искусства. Спб. 1912 г. (тамъ же).

25. Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности. Выпускъ VI. Новгородъ. 1912 г. (тамъ же).

26. Н. Г. Козыревъ. Свадебные обряды и обычаи въ Островскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. 1912 г. (тамъ же).

27. Къ 300-лѣтію дома Романовыхъ. Историческій очеркъ распространенія русской власти на Кавказѣ (тамъ же).

28. Варвара Духовская. Туркестанскія воспоминанія. 1913 г. Спб. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Ц. 1 р. 20 к. (тамъ же).

